

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Mir Bozhii

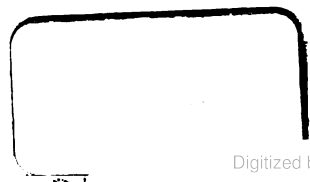
Ms 2497.

~~12.
9
15.~~

Pslov 460.5 ($\frac{1899}{3-4}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

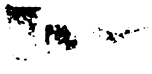

Инвентарь № 2497

Листов 4

Полк 8

Место книги на полк 2

Handwritten marks or scribbles on the right edge of the page.

Годъ VIII-й.

V

№ 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

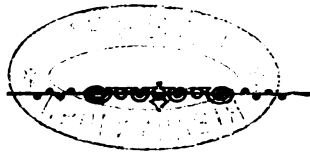
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Р Т Ъ

1899 г.

РОСІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗД. №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

9114
2074

D
Pslaw 460.5 (1899)
3-4

✓

Доволено цензурою 24 февраля 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРИИ XVIII И XIX ВВ. ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ НА ЗАПАДѢ. Проф. Р. Виппера.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Сергѣя Маковского	31
3. БЛУДНЫЙ СЫНЪ. Очеркъ. Евгенія Чирикова.	33
4. ВУЛКАНЫ НА ЗЕМЛѢ И ВУЛКАНИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ВО ВСЕЛЕННОЙ. Проф. А. П. Павлова.	54
5. ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ. (Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи). (Окончаніе). Евг. Тарле.	82
6. ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ. («Молодая Россія» шестидесятыхъ годовъ). (Окончаніе). Ив. Иванова.	111
7. СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ ГЕЙНЕ. О. Чюминой.	143
8. ПЕРЕВОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ. I. «Новорожденный». Изъ разсказовъ переселенца. А. Агароняна. Переводъ съ армянскаго Н. Кара-мурзы. II. «Черные хлѣбы». Разсказъ Анатоля Франса. Переводъ съ французскаго А. Кохановскаго. III. «Вернулся». Разсказъ Анни Ольдворсъ. Переводъ съ англійскаго Л. Давыдовой.	145
9. СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трзверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Продолженіе)	160
10. РѢСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ. (Продолженіе)	189
11. КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). Н. Гарина. (Продолженіе)	217
12. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. К. Станюковича. (Продолженіе).	248
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ КАРДУЧЧИ. М. Ватсонъ.	280

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВОСКРЕСНЫЯ СОБРАНІЯ ДЛЯ РАБОТНИЦЪ. Женщины-врача М. И. Покровской.	1
15. ВЫСТАВКА КАРТИНЪ В. М. ВАСНЕЦОВА. (Замѣтка). С. Маковского.	14
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Голодъ среди переселенцевъ. — Положеніе ремесленныхъ учениковъ въ Москвѣ. —	

На астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. — Въ сибирской тайгѣ.—Духоборы въ Канадѣ.—Воспоминанія А. В. Щепкиной.— Изъ прошлаго.—Къ замѣткѣ «Ртутное дѣло въ Бахмутѣ»	17
17. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Члена комитета кружка инженера Н. Чуманова	29
18. За границей. Интеллигентный пролетаріатъ въ Индіи и національное движеніе.—Американская женская ассоціація печати.—Народныя чтенія во Франціи.—Жизнь въ Даусонъ Сити.—Турецкій переводчикъ Шиллера и его судьба.—Австралийскій пионеръ	30
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Geographical Journal». — «Revue des Revues». — «Forum».	40
20. ЖЕНЩИНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. Профессора цюрихскаго университета д-ра Геринера. Перев. съ нѣм. А. Шарый.	44
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Новыя изслѣдованія о роли бактерій въ пищеварительномъ процессѣ. — Карлъ-Маркъ Соріа—изобрѣтатель химической спички. — Юные преступники. Н. М.	57
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Исторія литературы. — Исторія всеобщая.—Математика, физика, химія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	67.
23. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Европейская политика въ борьбѣ за справедливость и гуманность. Ив. Иванова.	92
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	114

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ВЕРОНИКА. Историческій романъ Шумахера. Переводъ съ нѣмецкаго З. А. Венгеровой. (Продолженіе).	49
26. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный Морицомъ Вильномомъ, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Могилянскаго. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе)	65

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ.

Проф. Р. Вишпера.

I. Вступленіе. «Новая наука» Вино.

Цѣль предстоящихъ очерковъ подойти къ объясненію общественныхъ ученій и историческихъ теорій XIX вѣка путемъ характеристики главныхъ системъ социальной и исторической мысли двухъ послѣднихъ столѣтій, по возможности намѣчая условія, въ которыхъ эти системы возникли.

Историческія теоріи мы будемъ разсматривать при этомъ не въ ихъ связи съ извѣстными методическими приемами и спеціальными изслѣдованіями матеріала, а общественныя ученія не какъ практическія программы въ партійной и политической жизни. Тѣ и другія будутъ занимать насъ, какъ одна опредѣленная сторона общаго міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи между тѣми и другими существуетъ самая тѣсная и несомнѣнная связь. Общественныя ученія и историческія теоріи, это — если угодно — двѣ формы одного и того же интереса, одного и того же запроса. Всякое общественное ученіе исходитъ отъ впечатлѣній, данныхъ существующимъ порядкомъ, отъ оцѣнки его; впереди оно рисуетъ извѣстный идеаль, а въ прошломъ предполагаетъ такія начала, изъ которыхъ могла или должна была сложиться организація, пригодная къ достиженію этого идеала. Поэтому, когда общественное ученіе ставитъ цѣли въ будущемъ и оправдываетъ ихъ, когда оно критикуетъ настоящіе порядки, или объясняетъ, чѣмъ они держатся, оно уже заключаетъ въ себѣ историческую теорію.

Съ другой стороны общая историческая теорія никогда не есть одно созданіе ученаго любопытства или желанія держать въ порядкѣ общественный архивъ. Въ ней всегда стоитъ живой вопросъ: правилевъ или нѣтъ, крѣпокъ или нѣтъ общественный строй переживаемой эпохи? Устанавливая законъ для прошлаго, историческая теорія силою вещей высказывается о предстоящемъ. Эти вопросы и рѣшенія — вовсе не прилапокъ къ исторической теоріи; въ нихъ — ея жизненный нервъ, ея главная побудительная сила.

Всякая общая историческая теорія есть критика и оцѣнка современнаго ей общества. Обратнo, всякое толкованіе живого общественнаго строя, т. е. всякое общественное ученіе, должно выстроить себѣ историческіе подмостки, должно истолковать и прошлое.

Но нельзя сказать, чтобы каждое поколѣніе приносило съ собой совершенно новый планъ работы. Общія представленія болѣе живучи, они образуютъ болѣе широкія полосы, чѣмъ трудъ одного поколѣнія. Элементы ихъ медленно слагаются и медленно исчезаютъ. Идеинная среда, въ которой мы живемъ и которой мы подчинены, шире, чѣмъ та, какую мы привыкли непосредственно чувствовать кругомъ себя.

Вотъ почему, въ изученіи элементовъ общественнаго и историческаго міровоззрѣнія XIX в., необходимо захватить еще вѣкъ назадъ, присоединить XVIII вѣкъ. Обратившись къ рубежу XVII и XVIII столѣтій, мы начнемъ тамъ, гдѣ возникаетъ сама наша терминологія общественной и исторической науки; мы встрѣтимся съ постановкой вопросовъ, близкой къ нашей, мы можемъ говорить до извѣстной степени какъ бы съ нашими современниками, съ людьми, сходными съ нами по своимъ запросамъ, тревогамъ и упованіямъ.

Моментъ, на которомъ придется остановиться, былъ сильный и оригинальный; недаромъ крупнѣйшій научный инициаторъ эпохи, о которомъ дальше пойдетъ рѣчь, Джанбатиста Вико, назвалъ свой методъ, свою систему фактовъ «новой наукой». Эта новая наука была наша историческая наука.

Что такое была исторія раньше для школъ, для сознанія интеллигентныхъ классовъ? Были многія исторіи, но не было одной исторіи. Была исторія священная и свѣтская, исторія греческая и римская, исторія церкви, имперіи и т. д. Это были группы, системы свѣдѣній, чисто описательныя, и онѣ играли роль дополнительную, пояснительную. Исторіи состояли въ вѣдомствѣ филологіи, и ихъ данныя заучивались, поскольку могли пригодиться для толкованія древнихъ писателей, отцовъ церкви и т. п.

Для тѣхъ, кто спрашивалъ о ходѣ цѣлаго, исторіи были задвинуты въ параллельные ряды и нанизаны въ одну цѣпь. Тому служили готовые старинныя рамки: ихъ извлекали изъ Данилова пророчества о четырехъ всемірныхъ монархіяхъ, послѣ которыхъ долженъ наступить конецъ міра. Такъ какъ конецъ міра все не наступалъ, то рубрика послѣдней монархіи, римской, непомѣрно растянулась, и внутри нея господствовалъ большой хаосъ.

Во второй половинѣ XVII в. одинъ филологъ предложилъ различать въ историческомъ прошломъ три періода, сообразно судьбамъ общечеловѣческаго научно-литературнаго языка, т. е. языка латинскаго: время чистой латыни—древность, время потемнѣнія и варварской латыни послѣ паденія римской имперіи, и время возрожденія чистаго языка древнихъ въ школахъ гуманистовъ. Къ такому раздѣле-

нію очень подошло любимое сравненіе филологовъ, сопоставлявшихъ жизнь человѣчества съ возрастами человѣка; второй періодъ получилъ названіе средняго возраста, или средняго вѣка. Вотъ начало нашего дѣленія на древность, Средніе вѣка и Новое время.

Новое филологическое дѣленіе давало вѣднѣшую привязку, но не вносило общаго освѣщенія въ судьбы прошлаго. Для общественной мысли исторія могла оставаться мертвой грудой. Существовало насмѣшливое или пренебрежительное отношеніе къ ней, какъ къ нескладному хранилищу мелочей, именъ, оторванныхъ анекдотовъ, неправдоподобныхъ эпизодовъ, противорѣчивыхъ извѣстій. Кто искалъ точнаго метода, яснаго знанія, тотъ склонялся къ изученію физико-математическихъ наукъ. Вотъ какъ выражался объ изученіи исторической жизни прошлаго вождь этого научнаго направленія, Декартъ: «Зачѣмъ отдавать столько времени на языки (древніе) и на старыя книги съ ихъ исторіями и баснями? Вѣдь бесѣда съ людьми прежнихъ временъ все равно, что путешествія. Хорошо поѣздить и посравнить, чтобы пріобрѣсти здравое мнѣніе о своихъ обычаяхъ и порядкахъ и не находить смѣшнымъ и глупымъ того, что не похоже на наше. Но если много ѣздить, подъ конецъ становишь чужимъ въ своемъ отечествѣ и, если очень увлекаться тѣмъ, что было въ прошлые вѣка, останешься большею частью невѣждой относительно современности. Кромѣ того, басни настаиваютъ на многомъ, что невозможно, да и самые надежные историческіе писатели измѣняютъ и преувеличиваютъ значеніе обстоятельствъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе интересными для чтенія».

Здѣсь сказывается не одно только отвращеніе къ «старымъ книгамъ и баснямъ»; съ нимъ соединяется сомнѣніе, чтобы не сказать, отрицаніе самой возможности исторической науки. Много значила та тяжелая форма, въ которой предлагались результаты изученія прошлаго. Вотъ какъ выражался объ учености своего времени Болингброкъ, одинъ изъ самыхъ тонкихъ умовъ начала XVIII в., набросавшій въ непринужденной свѣтской бесѣдѣ рядъ замѣчательныхъ мыслей о задачахъ исторіи: «Я бы готовъ лучше смѣшивать Дарія Кодомана съ Даріемъ Гистаспомъ и провиниться въ столькихъ хронологическихъ ошибкахъ, сколько когда-либо дѣлалъ еврейскій хронологъ, чѣмъ употребить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хламъ, наполняющій голову знатока древностей».

Большая доля этого отвращенія къ исторіи была вызвана протестомъ противъ школьнаго классицизма, въ официальномъ вѣднѣніи котораго состояла исторія. Въ концѣ XVII в. во Франціи и Германіи передовые люди отрицали пользу воспитанія на устарѣлыхъ образцахъ, извлеченныхъ изъ жизни погибшаго міра; они были проникнуты слишкомъ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ своего времени, о его крупныхъ научныхъ, художественныхъ и общественныхъ успѣхахъ, чтобы идти въ школу къ отставшей, какъ бы неоконченной цивилизаціи древнихъ.

*

Въ знаменитой «Параллели древнихъ и новыхъ» аббата Перро (1692 г.), авторъ иронизируетъ: «нападеніе на древность затрогиваетъ цѣхъ ученыхъ, которые могутъ потерять весь авторитетъ; это все равно, какъ если бы предложить пониженіе цѣнности монеты людямъ, у которыхъ все владѣніе въ капиталѣ и нѣтъ ни одной пяди земли». Перро продолжаетъ въ безцеремонномъ тонѣ: «Гимназіи много содѣйствовали обоготворенію древнихъ; тамъ только и дѣлаютъ, что хвалятъ классиковъ, а потомъ уже дѣйствуетъ привычка». «Привыкли мы, добавляетъ онъ,—и вообще слишкомъ переносить понятіе объ умственномъ и нравственномъ совершенствѣ на отдаленное прошлое, видѣть тамъ счастье и добродѣтель».

Подъ тяжесть этихъ нападокъ подпадала исторія, матеріалъ которой главнымъ образомъ сводился къ знанію древности. Въ этомъ матеріалѣ чувствовалась хаотичность и утомительная пестрота; данныя исторіи производили впечатлѣніе господства дикаго случая, безтолковаго нагроможденія, въ которомъ не разобралась и, пожалуй, не въ состояніи будетъ разобраться организаторская рука; все это вмѣстѣ съ закрадывающимся скептицизмомъ могло дать пищу пессимистическому взгляду на прошлое человѣчества. Двѣ мысли смѣшивались въ этомъ пессимизмѣ: отчаяніе найти какой-либо выходъ, нить истины среди пусторѣчивой, какъ казалось, неясной и лживой гѣтописи прошлаго, и горькое чувство къ самому прошлому.

У одного писателя начала XVIII в., трактовавшаго о «примѣненіи исторіи», есть такая рѣзкая фраза: «исторія знакомитъ насъ съ человѣческимъ тщеславіемъ и лживостью; мы узнаемъ не то, что дѣйствительно было, а лишь человѣческія мнѣнія о происшедшемъ».

Настроеніе это ярко и въ болѣзненной формѣ отражается на оригинальнѣйшей фигурѣ учено-публицистическаго міра конца XVII в., Пьерѣ Бэля. Бэль—безпокойный искатель, мучившій и раздражавшій себя и другихъ вѣчнымъ сомнѣніемъ и недоверіемъ; человѣкъ, полный живыхъ запросовъ и задыхавшійся въ массѣ мелочнаго, антикварнаго матеріала. Его знаменитый «Историческій и критическій словарь» представляетъ характерное столкновеніе педантической, неорганизованной учености, путающейся въ мелочахъ, вмѣстѣ съ жаждой исканія общаго смысла, съ постановкой общихъ научныхъ цѣлей въ исторіи. Критика Бэля не глубока: позади крупныхъ историческихъ именъ, позади обманчиваго паюса въ историческихъ изображеніяхъ онъ умѣетъ открыть лишь личные, часто низменные мотивы; онъ не схватываетъ глубокихъ пружинъ, основныхъ социальныхъ факторовъ; но при тѣхъ данныхъ, которыми располагала наука его времени, онъ не въ силахъ былъ углубить свою критику, а между тѣмъ онъ долженъ былъ по своей натурѣ, онъ не могъ не рыться, не подкапываться, не встряхивать историческихъ свидѣтельствъ; онъ не могъ не обнаруживать въ сотый, тысячный разъ ихъ несостоятельности и противорѣчивости.

По временамъ Бэль приходитъ въ отчаяніе отъ этого зрѣлища и отъ результатовъ своей работы, и у него вырываются злыя признанія. Ему нравится заглавіе всемірной исторіи одного изъ раннихъ христіанскихъ писателей (Орозія): «О ничтожествѣ человѣческомъ». «Вотъ настоящій заголовокъ для исторіи вообще», говоритъ онъ. Исторія въ духѣ оптимизма противна ему: «это—все равно, что патриотическая ложь, изображающая только собственные побѣды». Бэль видитъ, наконецъ, въ исторіи сплошное опроверженіе той идеи, что судьбами человѣческими руководить Провидѣніе: на землѣ, очевидно, нѣтъ награды добрымъ и возмездія злымъ. «Доводовъ нѣтъ противъ сомнѣнія, остается лишь надѣяться на благодать св. Духа», такъ кончаетъ онъ, близкій къ утратѣ всякой надежды.

Внести въ исторію смыслъ, законъ и разумъ сумѣли не тѣ, кому было поручено попеченіе о ней. Не детальныя изслѣдованія двинули впередъ историческое пониманіе. Живые запросы къ исторіи исходили въ XVI и XVII вв. изъ среды практиковъ, такъ сказать, самого историческаго дѣла, изъ среды юристовъ и политиковъ. Ихъ главныя имена: Макиавелли, Бодэнъ, Гроцій, Гоббсъ. Событія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились ихъ ученія, это—послѣдняя борьба независимыхъ республикъ Италіи, социальна-религіозныя войны во Франціи, освобожденіе Нидерландовъ, великая англійская революція.

Потребность оправдать свою общественно-политическую программу, выработать точныя раціональныя основы будущей политики ставила публицистовъ лицомъ къ лицу съ исторіей. Въ переживаемыхъ переломахъ, въ смѣнѣ политическихъ формъ они искали опредѣленнаго закона и послѣдовательности; подъ вліяніемъ кризисовъ они стремились уяснить условія жизни и паденія этихъ формъ. Естественно было съ ихъ стороны искать въ прошломъ аналогій, сравнивать конкретныя историческія явленія, отыскивать въ нихъ типичное, общее, приглядываться къ элементамъ правильнымъ, повторяющимся.

Въ публицистикѣ XVI и XVII вв. возвращается постоянно одна мысль: что общественно-политическія формы имѣютъ свою естественную исторію, что онѣ вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ человѣческаго существа, развиваются подъ вліяніемъ толчковъ, данныхъ вѣшной природой, географическими условіями; что онѣ должны повторяться съ неизмѣнной правильностью тамъ, гдѣ образуются вновь сходныя условія.

Гоббсъ ставитъ будущее общественной науки въ прямую зависимость отъ открытія точныхъ законовъ, равныхъ математическимъ. Онъ думаетъ больше. «Если бы взаимоотношенія человѣческихъ поступковъ могли быть опредѣлены съ тою же увѣренностью, какъ и количественныя отношенія геометрическихъ фигуръ,—честолюбіе и жадность стали бы безоружны, такъ какъ ихъ могущество опирается лишь на ложныя воззрѣнія о правѣ и неправдѣ, и родъ человѣчскій

сталъ бы пользоваться непрерывнымъ миромъ, который не нарушался бы никакой борьбой».

Въ политическихъ буряхъ XVI и XVII вв., въ борьбѣ короны и сословія выдвинулся вопросъ о предѣлахъ принудительной власти и о правахъ личности въ общественномъ союзѣ. Въ разсужденіяхъ по этому поводу обращали вниманіе на то, что организація власти, устройство общества ясно отражаютъ въ себѣ сознательную работу людей, обнаруживаютъ много искусственности. Спрашивалось, какъ согласовать эти искусственные элементы съ тѣмъ, что вложила въ людей природа, съ ихъ естественными свойствами и влеченіями? Происходитъ ли въ культурно-политической средѣ нарушеніе естественнаго закона, или его дальнѣйшее развитіе и приложеніе?

Вопросы эти, живо волновавшіе общество во второй половинѣ XVII в., такъ или иначе выдвигали историческую тему, именно проблему о раннемъ первобытномъ состояніи людей. Надо было прежде всего опредѣлить, что такое «естественный человѣкъ», отыскать его живъ, въ конкретномъ видѣ. Матеріалистъ Гоббзъ выставилъ теорію «человѣка-звѣря». Звѣремъ былъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, и это звѣрство кроется въ немъ сейчасъ, въ культурной средѣ и всегда останется, сдерживаемое лишь принужденіемъ, государственнымъ деспотизмомъ. «Когда ты отправляешься въ путешествіе, говоритъ Гоббзъ, зачѣмъ ищешь ты спутниковъ, берешь оружіе? Когда идешь спать, зачѣмъ запираешь двери? Если ты такъ поступаешь подъ охраной законовъ и ихъ слугителей, не очевидно-ли отсюда, какое мнѣніе у тебя о своихъ согражданахъ, сосѣдяхъ, домочадцахъ? Ты именно предполагаешь наличность естественнаго состоянія». Гоббзу возражали, что доля того сдерживающаго начала, которое онъ приписывалъ искусственной силѣ, принадлежитъ природѣ человѣка и было въ человѣкѣ ранней первобытной эпохи; слѣдовательно, извѣстная доля свободы необходима. Историческій вопросъ былъ здѣсь тѣсно связанъ съ соціально-политическимъ.

Въ этомъ спорѣ надо обратить вниманіе на одну черту, которую можно было бы назвать реализмомъ изслѣдованія. Мѣсто богословскихъ цитатъ, отвлеченныхъ формулъ, взятыхъ у римскихъ юристовъ, заняли ссылки на типическія явленія окружающей политической и культурной жизни; въ нихъ стремились путемъ внимательнаго изученія прочесть неясныя очертанія ранней поры и пройденнаго съ тѣхъ поръ развитія. Рядомъ съ этимъ въ фактическомъ матеріалѣ важное мѣсто заняло изслѣдованіе быта современныхъ дикарей, особенно Америки, въ качествѣ живыхъ представителей первобытнаго естественнаго состоянія.

Мы уже на порогѣ «Новой науки» Вико, но нужно отмѣтить еще одну черту эпохи. Люди, возсоздавшіе путемъ самостоятельнаго анализа картину начала человѣчества, обнаруживали большую смѣлость кри-

тической мысли. Писанное слово, покрытое именемъ классическаго риторика или философа, не оказывало на нихъ болѣе чарующаго впечатлѣнія, не казалось имъ гравированнымъ памятникомъ. Пробудилось сознание нетвердости всей этой традиціи, наивности ея, наличности въ ней вымысла и догадки, съ которой рядомъ можно поставить вѣдь и свою догадку; сознание это характеризуетъ отношеніе передовыхъ слоевъ общества ко всей старой литературѣ, которую твердили въ школахъ и изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ которой шивали бесконечно и неутѣшительно тягучую ткань. Образованный человѣкъ конца XVII в. выросъ выше сказокъ о римскихъ царяхъ и анекдотовъ о греческихъ тиранахъ и законодателяхъ, и онъ готовъ былъ выкинуть изъ науки вовсе эту дѣтскую забаву, пожертвовать фиктивнымъ знаніемъ о раннихъ вѣкахъ, начинать съ достовѣрныхъ позднихъ временъ, чтобы построить реальную картину историческаго развитія.

Много живыхъ запросовъ было поднято въ области общественно-исторической мысли въ концѣ XVII в. и къ нимъ приступали съ большою смѣлостью анализа и критицизма. На этой почвѣ выросла удивительная книга неаполитанскаго юриста-философа Джанбатиста Вико, вышедшая въ 1725 г. подъ заглавіемъ «Новая наука».

Ближайшая обстановка, въ которой пришлось дѣйствовать этой богатой, творческой головѣ, была очень невыгодной. Въ эпоху жизни Вико (род. 1668 г., ум. 1744 г.) Италия была одной изъ отсталыхъ странъ Европы. Въ ея искусствѣ и литературѣ господствуетъ тусклое подражательное направленіе, склонность къ вульгарной или педантической риторикѣ. Политическая среда Италіи, особенно Неаполя, далека отъ борьбы крупныхъ принциповъ. Въ наукѣ преобладаетъ модное картезіанство, философія, которая обѣщала простой и точный методъ, исходила отъ довѣрія къ личному сознанію, къ разсудку человѣка, какъ силѣ ясной и безусловной; она какъ бы ставила человѣка сразу на опредѣленный путь, не отвлекая его вопросомъ о томъ, какъ складывается, на чемъ держится наше сознаніе, она предлагала ему на выборъ ту или другую специальную область, гдѣ оставалось лишь прижнать опредѣленные приемы.

По мнѣнію Вико, въ этомъ печальномъ служеніи культурнаго сознанія погибъ тотъ всесторонне одаренный и развитой человѣкъ, какимъ былъ въ свое время, какъ онъ думалъ, греческій философъ, заключавшій «въ самомъ себѣ цѣлый университетъ», или многопытный въ жизни римскій юристъ-практикъ.

Самъ Вико—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя въ своей глубокой внутренней жизни способны проникаться далекой традиціей, а съ другой стороны, чутко отзываться на общіе вопросы эпохи, поднимающіе ихъ надъ ближайшей средой. Какъ юристъ, Вико сильно заинтересовался

публицистикой XVII в.; подъ ея вліяніемъ, онъ уже не могъ удовольствоваться логическимъ истолкованіемъ и нанизываніемъ принциповъ права; онъ хотѣлъ понять формы права въ связи съ общественно-политическими переворотами, которые вызываютъ эти формы къ жизни онъ искалъ въ правѣ выраженія и закрѣпленія успѣховъ общественнаго развитія.

Въ Вико есть и черты стараго гуманизма съ его непосредственнымъ чутъемъ древней жизни и литературы; въ эпоху господства риторическихъ книжекъ и плоскихъ обработокъ, онъ точно сохранилъ истинный кладъ старинной славы Италіи, еще покрытой сотней обломковъ античной культуры и словно озаренной ея солнцемъ. Наконецъ, въ немъ есть черты мистицизма, его богатое воображеніе какъ бы способно переходить въ пророческія видѣнія; эта сторона духовнаго склада Вико сближаетъ его съ католическими энтузіастами прежнихъ временъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ его къ поэтической философіи Платона.

Вико не могъ принять господствующей философіи своего времени. Область знанія, доступная точнымъ вычисленіямъ, открытая разуму отдѣльнаго человѣка, по его мнѣнію, тѣсна и ограничена. Но она окружена обширной областью вѣры, областью таинственнаго и неуловимаго, областью вѣроятнаго. Эта область стоитъ передъ нами въ своихъ символахъ, въ безконечныхъ комбинаціяхъ вещей, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ человѣческихъ отношеній. Въ свою очередь, эти символы и знаки кажутся Вико отраженіями безконечно прекраснаго вѣчнаго міра идей, по образу которыхъ складывается земная жизнь.

Смыслъ явленій въ области вѣроятнаго, эта болѣе глубокая, хотя и болѣе смутная истина не открывается прямымъ и механическимъ вычисленіемъ. Такіе приемы—«оковы для духа, привыкшаго пробѣгать безграничное поле общихъ идей». Творческія силы человѣка далеко не ограничиваются предѣлами того, что ясно сознается. «Подобно тому, какъ Богъ—геній міра, говоритъ Вико, такъ человѣческій геній—богъ въ человѣкѣ. Не случилось ли вамъ въ порывѣ сильной воли совершать дѣла, которымъ вы послѣ изумлялись и которыя вы склонны были скорѣе приписать Богу, чѣмъ самому себѣ?»

Личный разумокъ, предоставленный самому себѣ, лишь разъединяетъ людей. Истинная мудрость, а потому и движущій въ человѣческомъ мірѣ факторъ, заключается въ обществѣ, въ народной массѣ, въ коллективной жизни, въ инстинктѣ группы, который есть несознанный разумъ.

На этой мысли основаны юридическія работы Вико: онъ хочетъ открыть въ правѣ выраженіе народнаго духа. Эта мысль указываетъ задачу и его великому и послѣднему труду «Новой наукѣ». Вико хочетъ раскрыть въ общей природѣ народовъ, въ ихъ однородномъ культурномъ достояніи вѣчныя начала общежитія и вѣчныя основы права. Если мы встрѣчаемъ у народовъ, не знавшихъ другъ друга, сходныя

понятія, формы языка, миѣны, обычаи, то здѣсь заключено доказательство и выраженіе великаго общаго факта. Это значитъ, что «идеальная исторія» начертана впередъ и составляетъ великій планъ Божій, по которому все развивается въ человѣческомъ мірѣ. Иначе говоря, Провидѣніе дало «общинѣ человѣческаго рода» неизмѣнные законы. Поэтому изученіе исторической жизни Вико называетъ въ свойственной ему патетической терминологіи «гражданскимъ и разсудочнымъ богопознаніемъ».

Но высшая воля не вмѣшивается непосредственно въ ходъ вещей. Единственное чудо міра, и чудо изъ чудесъ, это—неуклонное дѣйствіе тѣхъ силъ, изъ которыхъ слагается общество, и которыя лежатъ въ глубокихъ основныхъ человѣческихъ свойствахъ. Божественная воля лишь создаетъ общія необходимыя отношенія, даетъ общій первоначальный толчокъ. Само общество есть продуктъ человѣческой работы. Всѣ общества идутъ по одному пути; гдѣ и сколько бы разъ ни начиналась исторія, она всюду и вѣчно будетъ повторять тѣ же формы пройденъ одинъ и тотъ же кругъ.

Какія же у историка средства познанія этого пути? Разъ социальный міръ есть созданіе людей, въ умѣ культурнаго человѣка, въ духовномъ наслѣдіи, которымъ онъ располагаетъ, должны были отложиться всѣ пройденныя измѣненія, должны были остаться слѣды пережитыхъ эпохъ, настроеній и мыслей. Поэтому, восходя правильнымъ методомъ, можно рассказать себѣ всю исторію прошлаго. «Въ этой исторіи не будетъ ошибокъ, если тотъ, кто участвуетъ въ историческомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ является лицомъ, рассказывающимъ исторію». «Исторія можетъ стать наукой, столь же точной, какъ и геометрія, потому что она создаетъ изъ самой себя міръ извѣстныхъ величинъ, строитъ сама себя изъ собственныхъ элементовъ».

Въ этой для насъ нѣсколько необычной формѣ заключена сильная и глубокая мысль. Вико хочетъ сказать, что новыя поколѣнія выстраиваютъ себѣ исторію сообразно своимъ понятіямъ и запросамъ, по своему разумѣнію и жизненнымъ цѣлямъ, въ которыхъ, въ свою очередь, отразился опытъ вѣковъ.

Вико убѣжденъ въ томъ, что потребности людей, ихъ свойства по существу остаются тѣ же на всемъ протяженіи исторіи; измѣняется ихъ форма по мѣрѣ постепеннаго ихъ роста. Мало развитой человѣкъ живетъ воображеніемъ, страстью, жаждой непосредственнаго удовлетворенія, культурный—разсудкомъ, рефлексіей, онъ приспособленъ и методиченъ. Но между чувствомъ, между бессознательной жизнью ранняго времени и интеллектомъ, сознательнымъ и искусственнымъ строеніемъ послѣдующей эпохи—органическая связь. Культура есть утилизация страстей, первоначально грубыхъ свойствъ. «Физика невѣжды есть первобытная философія». Философія есть замѣна религіи на извѣстной ступени развитія.

Человѣкъ всегда толкуеть окружающій міръ по себѣ, по мѣркѣ своихъ качествъ и силъ: чѣмъ ниже онъ стоитъ, тѣмъ сильнѣе воображеніе, тѣмъ болѣе окружаетъ онъ себя идеальнымъ міромъ символовъ, образныхъ объясненій. «Невѣжественный человѣкъ строитъ весь міръ по своему образу и подобію». Задача науки и состоитъ въ томъ, чтобы сквозь маску этой символической, обманчивой, субъективной традиціи вѣковъ разгадать истинныя и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныя жизненныя условія отдаленныхъ временъ и вообще всѣхъ временъ. Съ этой точки зрѣнія Вико нашелъ возможнымъ примѣнить новый методъ къ изученію древности.

Дошедшія до насъ сказанія, историческіе романы и анекдоты не даютъ, конечно, картины исторической дѣйствительности. Но они заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ сохранившимися формами языка, литературными оборотами, обрывочными слѣдами вѣрованій и обычаевъ,—символы пережитыхъ настроеній, понятій и бытовыхъ формъ. По этимъ обломкамъ старины—переживаніямъ, какъ мы привыкли говорить,—историкъ можетъ воссоздать прошлое, читая въ переданныхъ знакахъ эпохи идеи и социальныя состоянія.

Въ развитіи обществъ Вико различаетъ три великія эпохи. Первая изъ нихъ представляется ему дѣтствомъ народа, когда зачатки будущихъ культурныхъ потребностей являются лишь въ видѣ грубыхъ инстинктовъ. Проблема ранняго первобытнаго состоянія сильно занимала его, какъ и его современниковъ. Но картина этого состоянія у Вико въ сравненіи съ догадками юристовъ и политиковъ XVII в. поражаетъ удивительнымъ историческимъ реализмомъ.

Люди ранней эпохи кажутся Вико похожими на гомеровскихъ циклоповъ. Это были крупныя физически существа, великаны, скорѣе звѣри, не отличавшіеся отъ другихъ звѣрей даже выпрямленнымъ положеніемъ на двухъ ногахъ; волосатые, съ гривой, закрывавшей лицо, съ острыми ногтями, которыми они защищались, они не ходили, а скорѣе ползали и карабкались по кустарнику и терну, покрытые грязью; викагда не поднимали они дикаго мутнаго взгляда вверхъ къ небу; они испускали лишь хриплые, нечленораздѣльные крики. Царь созданія мало отличался отъ самыхъ низкихъ представителей его. Всѣ его данныя спали бездѣятельно и выражались лишь въ простой потребности существованія; онъ не имѣлъ ни Бога, ни закона.

Новая жизнь началась, когда впервые люди были поражены ударомъ грома. Вико выставляетъ при этомъ своеобразную космическую гипотезу: образованіе современной атмосферы, облегающей землю—моложе происхожденія человѣка, и гроза—явленіе позднее. Страхъ, вызванный новой стихіей, создалъ первую вѣру. Опасность исходила отъ неизвѣстнаго и недоступнаго неба; она заставила грубыхъ великановъ попятаться по пещерамъ—такъ образовалось первое жилище; съ отдѣльными дикарями укрылись похищенныя ими женщины—такъ началась семья.

Они подняли глаза кверху и впервые начали размышлять: они предположили живое страшное существо, Юпитера, который гнѣвается на нихъ. Таковъ смыслъ всюду встрѣчающагося мифа, что «Юпитеръ низвергнулъ гигантовъ». Этотъ мифъ ничто иное, какъ память о фактѣ, дѣйствительномъ земномъ фактѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ дикомъ воображеніи. Тотъ же смыслъ имѣетъ мифъ о Прометѣѣ, прикованномъ къ скалѣ, между тѣмъ какъ его сердце пожираетъ орелъ Юпитера. Это значитъ: люди были прикованы къ мѣсту ужасомъ, и гаданія по вѣщей птицѣ бога охватили душу ихъ.

Здѣсь впервые проявилось основное человѣческое свойство—возвеличивать неизвѣстное. Слѣпое преклоненіе передъ создаваемъ своимъ страхомъ было необходимо для возникновенія обществности у этихъ людей; никакая другая власть, кромѣ религіи ужаса, не могла бы сломить той бессмысленной похвальбы силою, которая разъединяла до тѣхъ поръ людей. Мысль о гнѣвѣ бога заставила пробужденныхъ дикарей различать дозволенное и постыдное, внесла первый зачатокъ понятія о добрѣ и злѣ. Они старались по внѣшнимъ признакамъ предупредить его гнѣвъ, узнать его волю. Такъ произошли гаданія, начался культъ. Изъ знаменій созданъ особый таинственный языкъ, особое мистическое искусство.

Происхожденіе каждаго бога по Вико объясняется изъ какой-нибудь новой общественной потребности или новаго рода отношеній. Во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ приемѣ и привычкѣ, во всякой сложившейся формѣ въ тотъ дѣтскій вѣкъ предполагали творца, охранителя. Когда установилась моногамическая семья, явилось божество, олицетворявшее и охранявшее бракъ, Юнона. Когда появился новый культурный обычай—хоронить умершихъ, которыхъ до тѣхъ поръ бросали, когда возникла членораздѣльная рѣчь—создали бога Аполлона.

При помощи такого толкованія Вико раскрывается глубокой исторической смыслъ мифологіи: это—безсознательная лѣтопись первыхъ шаговъ культуры; во всякой чертѣ сказаній о богахъ кроется символъ какой-либо новой мысли, появленія новой наклонности, перемѣны строя. Съ другой стороны Вико хочетъ показать, что культурный міръ есть созданіе міра социальнаго.

Чувственные образы, это та единственная форма, въ которой неразвитой человѣкъ выражаетъ свой опытъ, свои идеи. Что потомъ приметъ форму отвлеченій и разсужденій, то пока у беспомощныхъ умовъ выдѣляется конкретно и рѣзко. Вико дѣлаетъ рядъ интересныхъ психологическихъ сопоставленій. Заяка, чтобы совладать съ помѣхой, съ несовершенствомъ своей рѣчи, начинаетъ пѣть: не надо удивляться поэтому, что музыка, пѣніе явилось раньше правильной рѣчи, стихи раньше прозы. Ребенокъ называетъ все окружающее собственными именами, потому что онъ не умѣетъ обобщать. Языкъ людей въ раннюю эпоху также отвѣчаетъ отрывочности ихъ представ-

леній: онъ состоитъ изъ собственныхъ именъ отдѣльныхъ вещей или явленій. Слова односложны и не связываются въ предложенія. Жесты, знаки должны сопровождать рѣчь; на помощь ей является рисунокъ, этотъ первоначальный видъ письма: іероглифы такимъ образомъ старше правильной рѣчи. Другая помощь языку—пантомима, воспроизведеніе того дѣйствія, которое хотятъ закрѣпить, освятить. Такъ какъ все ставится подъ охрану божества, то языкъ обращается въ соединеніе именъ боговъ и названій ихъ качествъ и поступковъ, а жизнь представляетъ рядъ вѣмыхъ актовъ религіи.

Всю мудрость и опытъ люди въ это время выводятъ отъ боговъ; поэтому тѣ, кто объявляетъ волю боговъ, отцы семействъ, патріархи, — полные господа надъ женами и дѣтьми: они царьки и жрецы. Древніе называютъ этотъ вѣкъ божественнымъ, и мы присоединимся къ этому, названію, разумѣя подъ нимъ эпоху обоготворенія силъ. Таково, думаетъ Вико, должно быть истинное историческое представленіе о томъ, что ивые воображали золотымъ блаженнымъ вѣкомъ. Божественный вѣкъ создалъ страшные кровавые культы; иго патріарховъ было сурово и жестоко, но грубая натура этого времени только этими средствами можно было сдержатъ и дисциплинировать: семейный деспотизмъ приготовлялъ къ повиновенію гражданскимъ законамъ.

Далеко не всѣ люди организовались въ это первоначальное общество. Между тѣмъ какъ познавшіе боговъ властелины семей укрѣпились на высотахъ, внизу продолжалась дикая борьба за существованіе среди людей-звѣрей, жившихъ стаднымъ образомъ. Отъ самыхъ страшныхъ изъ нихъ бѣжали несчастные остальные и искали спасенія у священныхъ очаговъ и у стѣнъ, сложенныхъ отцами первыхъ семей. Тѣ привяли ихъ подъ защиту, спустились въ долины и истребили ужасныхъ разбойниковъ. Такъ они стали героями. Типическія черты возникающаго героическаго вѣка и характеръ властныхъ богатырей-благодѣтелей отразились въ новыхъ мифологическихъ фигурахъ. Таковъ Геркулесъ. Это опять идеальный типъ, это—цѣлая группа людей, поставленныхъ подъ одно собственное имя.

Защита была дана не даромъ. Бѣглецы были взяты скорѣе въ качествѣ домашнихъ животныхъ; полная покорность требовалась отъ нихъ; ихъ заставили работать на землѣ и приносить съ нея продукты. У этихъ рабовъ и кліентовъ не было религіи, т. е. они не могли сами обращаться къ богамъ и не знали божественной мудрости; у нихъ не было священнаго брака, собственности, у нихъ даже не было именъ.

Когда зависимыхъ людей становится много, они начинаютъ требовать себѣ лучшаго положенія. Эта опасность заставляетъ героевъ или отцовъ соединиться тѣснѣе; такъ возникаетъ первая община, государство, сосредоточенное въ укрѣпленномъ городѣ. Въ немъ живутъ властелины семей и господа надъ зависимыми; они составляютъ общій совѣтъ, сенатъ. Первое правительство, слѣдовательно, было аристократическое.

Аристократическій вѣкъ героевъ хорошо можно себѣ представить потому, что до насъ дошелъ несравненный памятникъ, поэмы Гомера. Вико дѣлаетъ здѣсь научный шагъ поразительной смѣлости для своего времени: онъ отрицаетъ Гомера, какъ личность, какъ индивидуальнаго творца поэмъ. Но Вико не останавливается на скептицизмѣ и старается возстановить, что крылось подъ этой идеальной фигурой и какъ она создавалась въ представленіяхъ. Между Иліадою и Одиссеей прежде всего разница эпохъ: одна—принадлежитъ времени молодыхъ героическихъ порывовъ, которые олицетворены въ горячемъ юношѣ Ахиллѣ, другая—болѣе уравновѣшенной зрѣлой эпохѣ, представитель которой—многоопытный Одиссей. Та и другая—собраніе пѣсенъ, сложныхъ народными пѣвцами; онѣ отразили знанія, чувства, обычаи, обстановку общества, которое слушало эти пѣсни, а Гомеръ лишь собирательное имя, идеальный типъ нищаго, странствующаго сказителя, поющаго на праздникахъ. Гомеръ, это—цѣлая цивилизація. Понятны споры о времени, когда онъ жилъ: вѣдь Гомеръ дѣйствительно жилъ въ теченіе пяти вѣковъ, которые прошли отъ троянской войны до эпохи достовѣрной—онъ жилъ въ устахъ и памяти людей.

Къ такимъ же заключеніямъ приходитъ Вико, всматриваясь въ традиціонныя фигуры законодателей, основателей государствъ, каковы Ликургъ, Ромулъ и др. Римская конституція въ легендѣ изображена вышедшей изъ головы Ромула. Люди освящаютъ память объ учрежденіяхъ, составляющихъ основу ихъ общежитія. Историкъ долженъ разобратъ сдвинутыя подъ собственное имя группы впечатлѣній или черты строя, которыя принадлежатъ цѣлой эпохѣ.

Въ идеальной фигурѣ историкъ долженъ распознать характеръ общественнаго класса. Миръ всегда управлялся «лучшими», сильнѣйшими и способнѣйшими. Сила патріарховъ, первыхъ «одинокихъ государей» опиралась на физическія свойства, породу, полъ, возрастъ и мужество. Когда ихъ потомки, герои, соединились противъ простолюдиновъ, они захватили себѣ власть въ городской общинѣ, объявивъ себя единственными истолкователями гаданій и знаменій. Это право они основывали на «благородномъ» происхожденіи отъ «дѣтей боговъ». Мѣсто физическаго преимущества заняла теперь случайность происхожденія.

Судебное разбирательство эпохи героевъ состоитъ изъ религіозныхъ церемоній и мистическихъ словъ, смыслъ которыхъ только имъ понятенъ; добиться чего-нибудь передъ судомъ значитъ примѣнить подходящіе обряды и формулы. Подчиненные должны благоговѣнно внимать и безпрекословно повторять ихъ; потребовать объясненія священнаго права—значитъ совершить кощунство.

Герои выработали новый языкъ. Это—языкъ метафоръ, сравненій, о которыхъ можно судить по рисункамъ и девизамъ рыцарскихъ гербовъ. Они не говорили: «я разсерженъ», а выражались: «кровь кипитъ»

въ моихъ жилахъ». Право эпохи отражаетъ ея воинственныя черты. Судебныя тяжбы рѣшаются поединками. Повятія врагъ и чужой покрываются однимъ и тѣмъ же словомъ, потому что между сосѣдними общинами вѣчная вражда. Герои гордятся прозваніемъ разбойниковъ. Рѣзкими противниками стоятъ другъ противъ друга сословія: патриціи въ Римѣ клялись вѣчною ненавистью плебеямъ.

Но народъ, плебеи, бывшіе крѣпостные, становятся все сильнѣе. Надо идти на уступки. Преграды расшатываются, тайны падаютъ. Потомкамъ богатырей, которые вели себя отъ боговъ, приходится допустить смѣшанные браки съ простолюдинами, принять новыхъ людей въ свою среду. Наступаетъ человѣческій вѣкъ. Заслуга, богатство выдвигаются рядомъ съ божественнымъ происхожденіемъ. Главными добродѣтелями становятся предусмотрительность, трудолюбіе, бережливость. Мѣняются понятія, языкъ, обычай. Люди привыкають разсуждать и анализировать; они начинаютъ обобщать и дѣлать отвлеченія. Народъ хочетъ справедливости для всѣхъ. Старая исключительность кажется ему предразсудкомъ и онъ требуетъ равенства, одинаковаго писаннаго закона. Постепенно слагается вторая политическая форма, демократія.

Во всякой формѣ есть зачатки паденія. Народъ, шумѣвшій противъ тираніи героевъ—самъ хочетъ быть неограниченнымъ властелиномъ. Но въ его средѣ новое раздвоеніе: богатые притѣсняють бѣдныхъ; на защиту послѣднихъ встають честолюбивые вожди. Споры рѣшаются все чаще и чаще силою и отсюда возникаютъ гражданскія войны.

Умственное движеніе отвѣчаетъ этому ряду социальныхъ явленій. Съ паденіемъ героевъ исчезли наслѣдственныя моральныя качества, религія не можетъ болѣе внушать возвышенныхъ поступковъ, и на смѣну ея является философія, объясняющая людямъ идею добродѣтели. Философіи отвѣчаетъ краснорѣчіе, которое въ народныхъ республикахъ горячо призываетъ къ уваженію добродѣтели. Философія и краснорѣчіе клонятся постепенно къ упадку: первая впадаетъ въ скептицизмъ и отрицаніе, а ложная риторика начинаетъ защищать безразлично взаимно противорѣчащія положенія. И въ умственномъ отношеніи, слѣдовательно, наступаетъ разрушеніе и анархія.

Анархія заставляетъ народъ прибѣгнуть къ господству одного, къ монархіи. Монархія основывается на охранѣ слабыхъ и потому должна управлять въ народномъ духѣ. Государь принижаетъ крупныхъ людей, ослабляетъ строгія наказанія, уменьшаетъ страшную отцовскую власть первыхъ вѣковъ. Мягкость закона исходитъ до раба: не только сословія, но и національности растворяются широко въ гражданствѣ.

Но новая власть, по Вико, въ свою очередь, принижаетъ и развращаетъ народъ. По мѣрѣ того, какъ люди уходятъ отъ политической жизни и улучшаютъ свое благосостояніе, они теряютъ вкусъ къ круп-

ному, возвышенному, впадаютъ въ низменные интересы, утрачиваютъ чувство взаимной связи. Общество распадается, люди начинаютъ служить своимъ грубымъ прихотямъ и капризамъ; наступаетъ какъ бы снова варварство. Но въ первомъ варварствѣ была дикость, во второмъ—низость. Пусть же погибаетъ это общество, пусть города замѣняются глѣсами!

Хорошо, если въ этотъ моментъ явится дикій свѣжій народъ: онъ подчинитъ опустившуюся массу бывшихъ культурныхъ людей, которые по уровню, впрочемъ, уже недалеки отъ него. Такими спасителями для распавшагося римскаго общества были дикіе германцы. Огрубѣвшіе люди нисходятъ на уровень первоначальныхъ потребностей; тогда они опять становятся восприимчивы къ культурѣ. Со старинной простотой возвращается благочестіе и правдивость.

Средневѣковое варварство во всѣхъ своихъ чертахъ есть возрожденіе божественнаго вѣка. Люди вернулись къ началу круга. Опять передъ нами теократія, власть истолкователей божьей воли. Католическіе государи снова надѣли одежду діаконвъ, помѣстили крестъ на оружіи, на своихъ коронахъ. Вернулись религіозныя войны древности: когда подступаютъ къ враждебному городу, то стараются отнять у него мощи или перезвать на свою сторону святого - патрона города такъ же, какъ прежде старались открыть имя чужого бога и перетянуть его къ себѣ. Возвращается божій судъ, поединокъ. Опять въ ходу героическіе разбои; часовни, жилища епископовъ и аббатовъ служатъ убѣжищемъ, какъ въ прежнія времена алтари патриарховъ. Слабые отдаются подъ защиту и въ рабское услуженіе сильныхъ. Положеніе вассаловъ въ феодальномъ строѣ вполне напоминаетъ зависимость кліентовъ отъ римскихъ патриціевъ. Опять наступаетъ нѣмой вѣкъ, потому что побѣдители и побѣжденные не понимаютъ другъ друга. На обыденномъ языкѣ нѣтъ болѣе письма: на домахъ, могилахъ, щитахъ снова явились символы и рисунки.

Общество человѣческое прошло полный кругъ и люди вступили снова на прежній путь; предстоитъ-ли новоевропейскимъ народамъ, въ свою очередь, пробѣжать уже отмѣченныя ступени до впаденія въ варварство, и будетъ ли круговоротъ безконечно одинаковымъ?—Вико колеблется. Съ одной стороны, общество человѣческое подчинено тѣмъ же законамъ, какъ личность: оно старится и умираетъ. Съ другой, Вико кажется, что Провидѣніе ведетъ человѣчество дальше впередъ, и онъ рисуетъ мечту какой-то универсальной республики, союза государствъ, въ которомъ единымъ монархомъ будетъ Богъ. Но этотъ мистическій порядокъ будущаго больше похожъ на символъ разумнаго, неизмѣннаго закона возобновляющагося круговаго развитія: кругъ вращается около себя и, вращаясь, подвигается къ вѣчности, слѣдовательно здѣсь мы уже внѣ исторіи; Вико уводитъ насъ въ свою религіозную утопію.

Только въ общихъ чертахъ можно было набросать идеи и картины «Новой науки» Вико. Но и этого достаточно, чтобы судить о поразительной силѣ и оригинальности книги, вышедшей 173 года тому назадъ, о близости ея мыслей къ научно-исторической работѣ нашего времени.

Вико ставитъ задачи уже въ духѣ нашего социологическаго метода. Онъ идетъ путемъ сравненій и открываетъ въ развитіи обществъ одинаковыя для всѣхъ, неизмѣнно повторяющіяся, нормальныя ступени. Всѣ явленія каждой эпохи, черты права, хозяйства, религіи, искусства, языка образуютъ въ глазахъ Вико одну связную органическую систему: социальная жизнь именно и составляетъ ихъ глубокое взаимодействіе. Удивительная цѣльность представленій у Вико достигается при помощи его единственной въ своемъ родѣ, бьющей черезъ край фантазіи, его способности читать исчезнувшее цѣлое по удѣлѣвшимся обрывкамъ.

Особенно поражаетъ его глубоко историческое истолкованіе религіозныхъ понятій и языка. Въ противоположность позднѣйшимъ взглядамъ просвѣтительной философіи Вико не признаетъ, чтобы религія и языкъ были искусственно сочинены для опредѣленныхъ цѣлей. Вѣра и рѣчь рождаются изъ новыхъ социальнo-психическихъ потребностей: онѣ отражаютъ въ себѣ мѣру способности человѣка схватывать смыслъ окружающихъ явленій и выражать ихъ значеніе для себя.

По остаткамъ старинной религіи и языка, въ свою очередь, историкъ можетъ возсоздать картину ранняго общества. Вико указываетъ, такимъ образомъ, впервые совершенно новый источникъ для изученія эпохи, которая не оставила намъ никакихъ собственныхъ сознательныхъ свидѣтельствъ.

Удивительно мѣткіи и сильны его догадки въ объясненіи первыхъ шаговъ общественнаго союза людей, въ характеристикѣ стариннаго священнаго и аристократическаго права или поэтическаго творчества героическаго періода.

Но ни одна идея Вико не поражаетъ насъ, можетъ быть, съ такою силой, какъ его истолкованіе смысла великихъ людей въ исторіи. Вико не ищетъ вліянія такъ называемыхъ великихъ личностей на историческое развитіе. Самый вопросъ этотъ кажется ему дѣтскимъ, принадлежащимъ наивному вѣку. Онъ объясняетъ поэтому лишь, какъ складывается представленіе о великихъ людяхъ. Вожди человѣчества, будто бы совершившіе чудеса переустройства, назывались-ли они боги, герои или великіе законодатели—ничто иное, какъ продукты дѣтской фантазіи, мифологическаго творчества: это—идеальныя коллективныя фигуры вѣковъ, это—символы обычаевъ и вѣрованій, типы общественныхъ классовъ. «Гермесы, Орфеи и Зороастры—не авторы, а продукты и результаты цивилизаціи». Невозможно поддаваться этому несовершенному приему олицетвореній теперь, когда мы стараемся схва-

тить сложныя причины явленій, когда мы рассуждаемъ и оперируемъ отвлеченіями. Невозможно вставлять эти раскрашенныя картинки, помогать себѣ тамъ, гдѣ не хватаетъ объясненія внутренней связи, разсказами о чудесахъ, о сказочныхъ великанахъ и т. п.

Во всемъ этомъ Вико—предтеча нашихъ историческихъ взглядовъ, его «Новая наука» образуетъ первые проблески, первую манифестацію нашихъ научныхъ идей. Но надо отмѣтить въ немъ еще черту, характерную для соціального сознанія начала XVIII в. Вико представляетъ исторію человѣческихъ обществъ въ видѣ круговорота, смѣны подъема и паденія; у него нѣтъ идеи непрерывнаго, неуклонно идущаго прогресса человѣчества. Въ исторіи Вико не видитъ единой великой восходящей линіи, захватывающихъ успѣховъ культуры, которыми будутъ восторгаться полстолѣтіе спустя. Человѣческій міръ распадается на круговые періоды, въ предѣлахъ которыхъ обособленныя общества самостоятельно вырастаютъ и идутъ къ упадку, подобно жизни переходящаго растительнаго или животнаго существа. Вико цѣнитъ жизненныя черты этихъ смертныхъ коллективныхъ личностей болѣе, чѣмъ воображаемый путь перерожденій, черезъ который должно было пройти фиктивное цѣлое, называемое человѣчествомъ. Вико склоненъ думать, что самая блестящая цивилизація можетъ сама собою сокрушиться, что самый совершенный строй можетъ утратить свою силу, свой смыслъ, потерять цѣну для слѣдующихъ поколѣній.

Въ своей теоріи круговорота Вико является до извѣстной степени послѣднимъ гуманистомъ Италіи. Читая Вико, вы чувствуете, что картина круговой трансформаціи навѣяна исторіей Рима, все еще какъ будто живой и не сошедшей съ земли для итальянскаго мыслителя. «Идеальная исторія», которой искалъ Вико, какъ бы дана была ему уже въ судьбахъ Рима. Задолго до него Макиавелли вывелъ законъ смѣны политическихъ формъ, возвращенія ихъ къ своему началу, изъ исторіи Рима. Гораздо шире строить теорію круговорота мистикъ и соціалистъ XVI в., Кампанелла, сильно повліявшій на Вико. У него политическимъ поворотамъ соотвѣтствуетъ движеніе съ сферъ религиозныхъ идей: за періодомъ господства авторитета, теократіей, идетъ распаденіе на ереси, атеизмъ, т.-е. умственная анархія, а въ ней коренится новое возвращеніе къ объединяющему и авторитарному началу, къ религіи.

Въ нашей наукѣ едва ли есть болѣе оригинальная, богатая творческая голова. Но въ исторіи науки вообще, этомъ великомъ мартирологѣ, съ трудомъ можно найти и болѣе трагическую судьбу. «Новую науку» Вико встрѣтили враждебно въ Италіи и едва замѣтили за границей. Къ концу вѣка онъ былъ, по выраженію Гердера, «забытый челоуѣкъ». Когда его въ XIX в. извлекли изъ подъ спуда, многія идеи, впервые имъ высказанныя, были уже воспроизведены подъ вліяніемъ другихъ толчковъ и воздѣйствій, независимо отъ его великой книги.

Вико, слѣдовательно, даже не былъ учителемъ позднѣйшихъ поколѣній. Едва ли можно найти и болѣе трагическую жизнь, чѣмъ жизнь Вико, хотя въ ней нѣтъ никакихъ крупныхъ катастрофъ. Она глубоко грустна противорѣчіемъ между поразительно сильной жизнью ума и фантазіи и приносящей, можно бы сказать, полной издѣвательства обстановкой. Бѣдность, огромная семья, жалкое жалованье профессора реторики, которое заставляло въ видѣ дополнительнаго заработка писать по заказу свадебные стишки, погребальныя рѣчи и надгробныя эпитафіи, оды на встрѣчу знатныхъ сеньеровъ и привѣтствія мѣнявшимся въ странѣ намѣстникамъ двухъ воюющихъ державъ—вотъ эта обстановка.

Что еще есть въ этой жизни? Выдвинуться рядомъ замѣчательныхъ философско-юридическихъ работъ и потомъ, наклонѣ лѣтъ въ конкурсѣ на каведру юриспруденціи, той науки, въ которой онъ гениемъ родился, быть вынужденнымъ уступить какому-то ничтожеству, которое получило предпочтеніе. Прожить долгую однообразную жизнь и не только не видѣть вліянія своихъ мыслей, но не встрѣтить имъ сочувствія. Горечь этого существованія, усиливалась еще несчастливой организаціей натуры, отсутствіемъ въ ней равновѣсія. Вико никогда не могъ разобраться въ богатствѣ своихъ знаній; онъ не могъ раздѣлать ясно возможное и правдоподобное отъ достовѣрнаго; матеріалъ его былъ спутанъ и доказательства не размѣщались ясно. Онъ не различалъ часто, что было заимствовано и до чего онъ добрался самъ, и свою мысль онъ могъ принять за цитату изъ прочитаннаго. Что-то нескладное, неповоротливое, безсистемное, досадливыя повторенія и расплывчатость, неумѣнье обставить и подчеркнуть идею, сдѣлать ее привлекательной, выдвинуть оригинальность своей мысли—вотъ что поражаетъ насъ въ его великой работѣ. Этотъ профессоръ реторики не былъ способенъ примѣнить простыя правила преподаваемаго имъ искусства; вѣроятно, онъ первый съ болью ощущалъ эту безпомощность. Надо прямо сказать, никто никогда не будетъ читать «Новой науки» Вико съ наслажденіемъ, какъ классическую вещь; никогда большой читатель не отдастъ ей справедливости, всегда ее будутъ знать лишь съ чужихъ словъ и въ переложеніи. Здѣсь—какъ будто загробное продолженіе трагедіи Вико.

Можно ли въ ней найти примиреніе? Вико нашелъ его. Черезъ годъ по выходѣ «Новой науки», онъ говорилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ великую работу мою, я возродился новымъ человѣкомъ. У меня уже нѣтъ болѣе желанія осуждать дурной вкусъ вѣка моего, потому что, отказавъ мнѣ въ томъ положеніи, какого я себѣ требовалъ, онъ далъ мнѣ возможность создать новую науку... Эта работа вдохнула въ меня героическій духъ, который поднимаетъ меня выше страха смерти и клеветы моихъ соперниковъ. Я чувствую себя словно на скалѣ изъ алмаза, когда подумаю о справедливомъ приговорѣ Божию, который воздастъ гению преклоненіемъ передъ нимъ мудреца».

II. Отраженіе общественнаго сознанія въ утопіяхъ начала XVIII в.

Въ великой исторической теоріи начала XVIII в. намъ пришлось отмѣтить отсутствіе идеи непрерывнаго прогресса; въ началѣ XVIII в. вообще историческая мысль не находилась еще подъ вліяніемъ представленія о человѣчествѣ, какъ великомъ организмѣ, развивающемся по извѣстному общему закону на протяженіи вѣковъ. Это представленіе, напротивъ, господствуетъ въ концѣ XVIII в., составляетъ какъ бы его религію. Въ чемъ кроется причина этой разницы взглядовъ? Очень важную роль здѣсь играетъ различіе социальнаго-культурныхъ впечатлѣній каждой эпохи.

Около 1700 года европейскія націи и общества далеки отъ сознанія какихъ-либо надвигающихся переворотовъ, какого-либо захватывающе-быстраго движенія. Они мало знаютъ другъ друга, мало чувствуютъ общую связь между собою, мало заняты мыслью о возможности перехода изъ страны въ страну или общаго распространенія какихъ-либо политическихъ и социальныхъ формъ или политическихъ и общественныхъ понятій.

Можно привести въ примѣръ, какъ мало знакомы другъ съ другомъ двѣ сосѣднія націи, между которыми идетъ торговля и происходитъ почти непрерывная борьба — Франція и Англія. Монтескьё поспѣивался, что во времена его молодости, т. е. въ началѣ XVIII в., французскіе министры знали Англію не лучше, чѣмъ шестимѣсячный ребенокъ. Политическія бури Англіи XVII в., «англійскія трагедіи», по словамъ Декарта, казались французамъ чѣмъ-то непонятнымъ и чуть ли не дикимъ. «Нація преступная», — говорилъ великосвѣтскій прелатъ Боскюэтъ, — «болѣе волнующаяся на своей землѣ, чѣмъ океанъ, который окружаетъ ее!» У этихъ «мятежныхъ варваровъ» — такъ называли во Франціи Кромвеля и его восторженныхъ солдатъ — у націи «болѣе дикой, чѣмъ ея большіе доги», какъ говорилъ Сомэзъ, едва предполагали способность къ искусству и поэзіи. Французскій посолъ въ Англіи долженъ былъ удовлетворить по этому пункту любопытство Людовика XIV. Онъ наивно отписалъ: «Иногда, повидимому, искусства и науки покидаютъ одну страну, чтобы придать блескъ другой. Теперь онѣ перешли во Францію, а здѣсь (въ Англіи), если и остались кое-какіе слѣды, такъ лишь воспоминанія о Бэконѣ, Морѣ, Бьюкананѣ, да еще въ послѣднемъ вѣкѣ о нѣкоемъ Мильтоніусѣ (т. е. Мильтонѣ), который болѣе опозорился своими опасными сочиненіями, чѣмъ палачи и убійцы ихъ короля».

Путешествія въ другія страны вообще были мало въ ходу, а черезъ морской каналъ и совсѣмъ не было охоты ѣздить. Нѣтъ ничего характернѣе выраженной перваго французскаго гида по Англіи, вышедшаго въ 1654 г. Стоитъ замѣтить кстати, что роль Бэдекера XVII в. исполняетъ еще духовное лицо, іезуитъ Кулонъ. Онъ откровенно пре-

*

достерегаетъ путешественника относительно непріятныхъ сторонъ описываемой страны: «Англія была въ свое время мѣстопробываніемъ ангеловъ и святыхъ, а теперь это — адъ демоновъ и отпеубійцъ (чтобы понять это выраженіе, надо вспомнить, что въ Англии это было время республики). Но природа ея не измѣнилась, она все на томъ же мѣстѣ и, какъ въ самомъ аду справедливость Всемогущаго сопровождается состраданіемъ, такъ и на этомъ гнусномъ островѣ ты замѣтишь слѣды стариннаго благочестія среди взрывовъ и волненій звѣрства бѣшенаго народа, хотя онъ тутъ и живетъ на сѣверѣ».

По взятой на себя обязанности руководителя благочестивый отецъ приглашаетъ, однако, взглянуть на страну; но, стараясь отыскать примѣръ, чтобы одушевить сомнѣвающихся, онъ ничего не находитъ лучше, какъ сослаться на смѣлое предпріятіе въ древности Юлія Цезаря; вѣдь довѣрился же онъ, переправляясь въ Британію черезъ проливъ, вѣтрамъ и фортунамъ. Руководитель заканчиваетъ: «Не совѣтую далеко углубляться въ страну, которую природа помѣстила въ дурномъ климатѣ и какъ-бы на краю свѣта, чтобы запереть намъ входъ; лучше поскорѣе вернуться во Францію».

Плохо знали при этихъ условіяхъ чужой строй, чужую исторію. За политическимъ или культурнымъ примѣромъ обращались обыкновенно въ древнюю исторію, если сравнивали, то большею частью античныя явленія и свои мѣстныя. При такой обособленности національной жизни и сознанія, своя культура и строй могли казаться чѣмъ-то неподвижнымъ, почти даннымъ отъ природы.

Да и дѣйствительно, около 1700 г. социальныя формы давали впечатлѣніе малоподвижности. Западная Европа въ цѣломъ была въ то время все еще большой группой преимущественно земледѣльческихъ областей со старой полевой техникой, съ индустріей, главнымъ образомъ, кустарнаго типа, съ довольно устойчивымъ сословнымъ раздѣленіемъ. Самая характерная и любопытная черта, подъ которой и кроется одна изъ основныхъ причинъ этой устойчивости — крайне медленный ростъ населенія въ XVI и XVII вѣкахъ въ сравненіи съ послѣдующими вѣками, т. е. съ XVIII и XIX вв., а затѣмъ общая малочисленность населенія.

Въ Англии къ концу XVII вѣка считали лишь 5½ милліоновъ населенія. Во Франціи хотя и было гораздо больше, но за полтора столѣтія ея матеріальнаго процвѣтанія отъ послѣдней трети XVI вѣка до первой трети XVIII вѣка населеніе поднялось лишь на 4 милліона, съ 14 до 18 милліоновъ. Въ Испаніи оно идетъ назадъ, въ Италиі и Швейцаріи стоитъ на мѣстѣ. Нѣтъ въ Европѣ въ это время такой внутренней или виѣшной эмиграціи, которая вызывалась бы экономическими причинами и вела къ большимъ социальнымъ перестановкамъ, къ другой организаціи труда.

Не видно замѣтнаго разрушенія старыхъ классовъ и образованія новыхъ слоевъ; между сословіями какъ бы застыли извѣстныя пере-

городки; среди нихъ какъ-бы фиксировались не только занятія, но и опредѣленные вкусы, нравы, понятія о чести и работѣ; мелочь на первый взглядъ, своеобразный костюмъ у каждаго класса указываетъ на эту отрѣзанность сословій, тѣмъ болѣе, что и законодательство поддерживаетъ различіе одежды. Въ концѣ ХУІІ вѣка саксонское рыцарство настаивало, чтобы дѣти его учились въ княжескихъ школахъ врозь съ буржуазными, во-первыхъ, потому, что имъ нужно знать совсѣмъ другія вещи, во вторыхъ, потому, что молодые дворяне лишь напрасно привыкають къ застѣнчивости, которая за ними такъ и остается потомъ. Не хорошо также, по мнѣнію дворянъ, и нарушаетъ ихъ честь чрезмѣрное общеніе людей въ церкви: крещенія и браки дворянъ должны происходить на дому. «Неприлично, — говорятъ они, — чтобы знатное дитя было окрещено тою-же водой, что дѣти низкаго званія».

Что-то въ родѣ закона природы чудилось здѣсь людямъ; во всякомъ случаѣ, историческій законъ приспособили для себя высшіе классы: они производили себя, напримѣръ, во Франціи отъ завоевателей-франковъ, а рабочіе классы считали потомками туземныхъ галловъ. Значить, сословную разницу сводили на природное различіе расъ, на основную антропологическую разницу.

Можно сказать, что въ болѣе части Европы и политическія отношенія были малоподвижны, а вслѣдствіе этого и политическое сознаніе было мало встревожено.

Монархія казалась твердо установившимся порядкомъ для болѣе части европейскихъ государствъ. Очень характерно, что Вико называетъ монархію нормальной формой цивилизованнаго общества: къ этому строю должны, по его мнѣнію, придти и современныя аристократіи, Польша и Англія, которыя, подобно тому, какъ незадолго до этого Швеція и Данія, должны обратиться въ монархіи. Люди оппозиціи, напримѣръ, во Франціи, требовали не измѣненія политическаго порядка, а смягченія принциповъ и приемовъ въ существующемъ строѣ или извѣстнаго вниманія къ старымъ традиціямъ. Сознаніе было далеко отъ мысли о переворотахъ. Они какъ бы казались принадлежностью двухъ исключительныхъ странъ въ ХУІІ вѣкѣ, Голландіи и Англіи, которыя точно производили нарушающее впечатлѣніе въ укрѣпившемся международномъ строѣ.

Послѣдняя треть ХУІІ вѣка и первое десятилѣтіе ХУІІІ вѣка, правда, — время шумныхъ событій, войнъ, охватывающихъ всю Европу, крупныхъ дипломатическихъ комбинацій: Людовикъ ХІV развертываетъ свои широкія и дорогія имперскія затѣи на супрѣ, Англія начинаетъ всесвѣтное завоеваніе моря. При всей широтѣ этихъ предпріятій и столкновеній, они не могли открыть общественному сознанію нѣ Западной Европѣ новыхъ соціальныхъ или историческихъ перспективъ, они не заключали въ себѣ крупныхъ общественныхъ перестановокъ.

Общественное сознание этого времени выступаетъ въ цѣломъ рядѣ утопій и социальныхъ идиллій, которыми потомъ вообще были богаты весь XVIII вѣкъ. Характерная черта ихъ въ томъ, что не столько онѣ отражаютъ мысль о новомъ распредѣленіи богатства, о новыхъ правовыхъ формахъ, сколько о моральномъ перевоспитаніи личности въ обществѣ или о перерожденіи нравственномъ самого общества.

Каждой эпохѣ свойственно выставять свой протестъ, между прочимъ, въ формѣ фантастическихъ картинъ будущаго. Для послѣдующихъ поколѣній, для историка онѣ имѣютъ двойное значеніе.

Каждая положительная черта фантастической картинки есть болѣе или менѣе рѣзкая критика какой-либо стороны существующаго политическаго или общественнаго порядка, окружающей культуры; слѣдовательно, такая черта рисуетъ господствующее, характерное настроеніе эпохи. Но помимо того, что сознательно вычерчиваетъ социальная романтика, въ ея картины будущаго еще незамѣтно вкрадываются черты самой современности, потому что и идеаль не можетъ отрѣшиться отъ ея красокъ. Случайныя, повидимому, конкретныя детали, мелькая среди фантазіи, много говорятъ намъ для характеристики переживавшагося момента; намъ важно не только, что упомянуто, но и о чемъ пропущено, что обойдено при разрисовкѣ будущаго.

Черты эти дороги потому, что авторы совсѣмъ не желали показывать себя и свое общество. Они играли возвышенную аллегорическую пьесу, а мы увидели кулисы, обыденную обстановку и фигуры добросовѣстно старавшихся любителей. Другими словами, социальная фантазія важна еще, какъ прямой документъ современной ей жизни.

Возьмите любое произведеніе утопической литературы этой эпохи и сравните его съ современной намъ общественной фантазіей, напримѣръ, съ извѣстнымъ романомъ Беллами, и вы увидите огромную разницу.

Въ современномъ политическомъ романѣ первостепенную роль играетъ чудотворная техника: она торжествуетъ надъ всѣми преградами внѣшней природы, она уничтожаетъ тяжелыя и грязныя работы; увеличивая богатство въ невѣроятной прогрессіи, она помогаетъ окончательно излѣчить всѣ социальные недуги. Одинъ новый романъ переноситъ насъ во внутрь земли, гдѣ нѣтъ солнца, нѣтъ растений и животныхъ, нѣтъ времени года, нѣтъ дня и ночи, нѣтъ различія націй, классовъ, говора, костюма, характера. Природа, можно сказать, исчезла, осталось одно искусство, и въ жизни царствуетъ искусственность. Люди, интервьюированные въ кристальныхъ дворцахъ, освѣщенные электрическимъ сіяніемъ и питаемые химическими фабрикатами, объясняются алгебраическимъ языкомъ; въ своемъ вѣчномъ вечернемъ салонѣ они отдаютъ эстетическому наслажденію символиккой, оставшейся отъ исчезнувшаго стараго реального міра. Безконечная игра, условность и узоры техники, заполняющей всю жизнь.

Чудеса механики или художества, тонкости культурнаго общенія не

имѣютъ мѣста въ соціальныхъ идеаліяхъ начала XVIII в. Ихъ основной мотивъ, напротивъ,—отреченіе отъ того, что они считаютъ воображаемыми благами городской, придворной жизни, жизни вообще суетной, безпокойной, полной ухищреній и роскошества; въ то же время они идеализируютъ естественную простоту, ограниченность потребностей и спокойный здравый смыслъ. Общее довольство не приводится въ зависимость отъ усиленной эксплуатаціи природныхъ силъ посредствомъ сложныхъ прѣемовъ и машинъ; совершенно достаточно, такъ думаютъ въ то время строители утопій, того, что природа открываетъ всякому человѣку непосредственно.

Въ знаменитомъ романѣ Фенелона (выш. въ 1699 г.), въ рассказъ о путешествіяхъ Телемака влетенъ цѣлый рядъ картинъ быта разныхъ народовъ, которыя должны иллюстрировать черты разумнаго существованія. Когда мудрый руководитель Телемака, Менторъ, проводитъ въ Салентѣ реформы, чтобы обезпечить общинѣ золотой вѣкъ, онъ предписываетъ сельскую жизнь и запрещаетъ роскошь. «Развивать вкусы людей выше истинныхъ потребностей, значитъ отравлять ихъ». «Роскошь губитъ весь народъ, увлекая всѣ состоянія въ одинъ водоворотъ». Поэтому, надо наложить узду и на искусства. Государю идеальный законодатель совѣтуетъ прежде всего удерживать народъ въ умѣренности; а для этого надо каждой рабочей семьѣ дать неподвижный надѣлъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ потребностей пропитанія. Торговля допустима лишь, какъ отдача на сторону того, что безусловно излишне.

Возвращаясь потомъ въ преобразованную страну, путешественники не узнаютъ ея: все въ ней цвѣтетъ изобиліемъ, но золота и серебра не видно, дома просторны и лишены украшеній, искусства чахнутъ, а главное—городъ обратился въ пустырь. «Что же лучше»,—спрашиваетъ Менторъ царственнаго ученика,—«великолѣпный городъ изъ мрамора и золота и заброшенная деревня, или счастливая деревня, воздѣланная земля и незамѣтный городъ?» Большой городъ, густо заселенный ремесленниками и рабочими, которые заняты приготовленіемъ утѣхъ, развращающихъ нравы, такой городъ среди бѣдной страны напоминаетъ чудовище съ огромной головой и истощеннымъ непропорціональнымъ тѣломъ.

Въ другой странѣ (Бэтикѣ) уже установилось полное безмятежное счастье народа; здѣсь пастухи и земледѣльцы не вѣдаютъ или сожалѣютъ о положеніи обитателей городовъ, этихъ рабовъ каторжнаго труда и мнимыхъ, искусственно-воспитанныхъ потребностей, между тѣмъ, какъ сами они познали мудрость, изучая лишь простую природу окружающаго. У нихъ общее имущество: «Плоды деревъ, овощи земные, молоко стадъ—богатства настолькоъ изобильныя, а народъ такъ трезвъ и умѣренъ, что дѣлится ихъ нѣтъ нужды. Оттого нѣтъ и споровъ, нѣтъ зависти и честолюбія. Миръ обезпеченъ устраненіемъ лишняго богатства и удовольствія».

Эта картина идетъ даьше простого изгнанія торговли и обращенія золота въ полезный металлъ, употребляемый на плуги. Она перекидывается въ изображеніе патриархальнаго быта блаженствующихъ номадовъ. Зачѣмъ строить прочыя дома когда достаточно простой защиты отъ дождя? «Каждая семья, перекочевывая въ этомъ прекрасномъ краю, переносить свои палатки съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ того, какъ съѣдаются плоды земли и уничтожаются пастбища на временномъ ея поселеніи. Такимъ образомъ, они не связаны взаимными интересами и могутъ любить другъ друга безкорыстно, какъ братья».

Правда, моральный мотивъ можетъ звучать иначе. Въ другомъ фантастическомъ романѣ, изображающемъ счастливый патриархальный народъ меззорановъ въ Средней Африкѣ, правитель страны объясняетъ путешественнику причину, почему запрещено украшать свои дома. «Домъ служитъ только противъ непогоды; если всякій будетъ вносить свой вкусъ въ его убранство и обратитъ его въ предметъ удовольствія, то начнетъ уединяться и избѣгать общенія съ другими людьми, которое именно вызывается обмѣномъ необходимаго. Мы погрѣшили бы, такимъ образомъ, противъ основного начала, на которомъ держится общечитіе». Но социальныя побужденія въ обѣихъ утопіяхъ одинаковы: чѣмъ проще жизнь, тѣмъ ближе люди къ счастью, тѣмъ меньше разлада между ними.

Въ приведенныхъ идилліяхъ не трудно увидать иллюстрацію къ распространеннымъ въ то время понятіямъ о естественномъ правѣ и естественномъ состояніи. Люди, одаренные фантазіей, по своему помогали людямъ отвлеченной мысли; основная цѣль тѣхъ и другихъ состояла въ томъ, чтобы открыть разумные устои общественной жизни и на твердой основѣ потребностей, подсказанныхъ человѣческой природой, реформировать созданіе человѣческаго искусства, государство, разъ оно взялось служить благу человечества. Общій толчекъ, создавшій утопическую литературу, понятенъ; но спрашивается, откуда взяты въ этихъ картинахъ краски, содержаніе? Чѣмъ вдохновлялись авторы? Гдѣ нашли они образцы для разрисовки первобытнаго человѣка, не тронутаго ядовитой культурой, не знающаго собственности, ея утѣхъ и связанныхъ съ нею безпокойствъ? Гдѣ оказались оригиналы для тог дашняго, позволимъ себѣ такъ выразиться, народничества?

Конецъ XVII и начало XVIII в.—эпоха чрезвычайнаго увлеченія путешествіями, эпоха крайняго напряженія географической фантазіи. Въ это время коммерсанты, миссіонеры и дѣятели науки открывали пути въ Россію, Персію, Китай; въ это же время передовые посты западно-европейской эмиграціи продвинулись далеко вглубь американскихъ материковъ. Разказы этихъ путешественниковъ какъ бы на луну читались со страстнымъ интересомъ. Общество все еще чувствовало себя твердо и дѣйствительно на землѣ лишь на европейскомъ клочкѣ; оно готово было вѣрить необычайнымъ сказкамъ и само искало всюду чудесъ.

Характеренъ слѣдующій случай, звучащій невѣроятнымъ анекдотомъ. Одинъ разорившійся французскій дворянинъ въ самомъ началѣ XVIII в. сталъ выдавать себя въ Англіи за уроженца острова Формозы, принявшаго христіанство и назвался Псалманаазааромъ (имя онъ придумалъ себѣ почему-то въ ассирійскомъ вкусѣ). Онъ издалъ на латинскомъ и англійскомъ языкахъ (1704 г.) обстоятельную исторію своей мнимой родины, подробное описаніе ея быта и нравовъ, политическаго строя и религіи, алфавитъ и грамматику измышленнаго имъ самимъ формозскаго языка. Къ книгѣ была приложена географическая карта острова, изображенія храмовъ и идоловъ и фигуры представителей различныхъ сословій. Книга была переведена на всѣ европейскіе языки. Епископъ лондонскій поручилъ Псалманаазаару перевести англійскій катехизисъ на мнимый формозскій языкъ и хранилъ это произведеніе, какъ великую драгоценность, въ своей библіотекѣ. Оговсюду притекали денежныя пожертвованія, вызванныя восторгомъ, что формозскій дикарь обратился въ христіанство, и жизнь искуснаго авантюриста устроилась недурно. Подъ конецъ онъ раскаялся въ продѣлкахъ и самъ открылъ мистификацію.

Въ чудесахъ, которыхъ ждали и которыя оказывались вслѣдствіе этого на мѣстѣ,—одинъ любопытный мотивъ. Это описаніе добраго и благороднаго дикаря. Добрый дикарь—иллюстрація къ ученію, что человекъ отъ природы доброе и разумное существо.

Въ возникновеніи безконечной литературы о добромъ дикарѣ видное мѣсто принадлежитъ англичанкѣ м-съ Афра Бенъ въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVII в. Афра, въ качествѣ первой писательницы по ремеслу въ Англіи, представляетъ вообще любопытную фигуру. Она жила въ эпоху революціи и реставраціи Стюартовъ. 18-ти лѣтъ, уже съ литературными вкусами, она заброшена судьбой въ Южную Америку; здѣсь она вступаетъ въ романтическую дружбу съ индѣйскимъ краснокожимъ принцемъ Орооноко, проданнымъ въ рабство. Нѣсколько лѣтъ спустя, Афра появляется въ качествѣ красивой блестящей дамы при легкомысленномъ дворѣ Карла II; будучи искусной и разнообразной рассказчицей, она заинтересовываетъ короля своими индѣйскими приключеніями и изображеніемъ живого натурального человека, тема, какъ мы знаемъ, захватывающая для тогдашняго общества. Позднѣе, она исполняетъ въ Голландіи дипломатическія порученія короля, вывѣдываетъ тамъ черезъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ важныя политическія тайны. Не получивъ награды отъ двора, она бросается на литературный заработокъ, и здѣсь ей приходится на помощь богатство ея впечатлѣній и романтическое воображеніе.

Самое замѣчательное ея сочиненіе романъ «Орооноко». Въ спорѣ о томъ, добръ-ли человекъ отъ природы, или ему нужна жестокая уда, Афра берется показать настоящаго реальнаго естественнаго человека и въ лицѣ Орооноко даетъ идеальныи образъ его.

«На дикаряхъ я узнала, что такое состояніе невинности, предшествующее тому, когда человѣкъ научился грѣшить; отсюда я вывела, что безхитростная природа—самый вѣрный путеводитель; если бы только соблюдали то, что она позволяетъ, ея простыя внушенія научили бы насъ гораздо лучше, чѣмъ правила, выдуманная человѣкомъ». «Введеніе религіи въ странѣ дикихъ послужило бы лишь къ тому, чтобы изгнать оттуда счастливое спокойствіе, происходящее отъ невѣдѣнія. А ввести тамъ законы—значитъ скорѣе дать имъ понятіе о злѣ, о которомъ они еще ничего не знаютъ; это понятіе не послужитъ имъ средствомъ избѣгнуть зла, если они узнаютъ о немъ».

Выше всѣхъ дикихъ—добродѣтельный принцъ Орооноко. Его благородный и открытый характеръ отражается въ поразительной красотѣ его лица. Любимая имъ индійская дѣвушка Имоинда продана въ рабство по волѣ жестокаго короля, его дѣда. Орооноко въ отчаяніи и говоритъ себѣ: «Не всегда благородная кровь создаетъ возвышенныя качества души». Испанскій офицеръ измѣннически захватываетъ его; Орооноко огвѣчаетъ лишь презрительной и горькой усмѣшкой. Жестокій и коварный англичанинъ задерживаетъ освобожденіе Орооноко. Принцъ возбуждаетъ другихъ рабовъ къ свободѣ, представляя имъ, что «честь—первое предписаніе природы, [которому долженъ повиноваться человѣкъ]». Онъ чувствителенъ и впечатлителенъ, какъ культурный европеецъ. Встрѣча съ Имоиндой вызываетъ въ немъ обморокъ: «вся душа его перешла въ сердце, и глаза, и тѣло его лишились жизни». Афра читаетъ ему римскую исторію, которая его очень увлекаетъ. Но Орооноко отказывается отъ обращенія въ христіанство въ качествѣ свободного мыслителя.

Фигура добраго дикаря пріобрѣтаетъ постепенно въ литературѣ большую популярность. Наконецъ, она появляется на театральномъ сценѣ, напримѣръ, во Франціи. Старинная комедія давала рядъ готовыхъ масокъ, фиксированныхъ сценическихъ типовъ. Среди нихъ была фигура простака, наивно добродушнаго непосредственнаго Арлекина. Подъ Арлекиномъ теперь выводятъ въ комическихъ діалогахъ дикаря съ явной тенденціей противопоставить извратившемуся обществу натуру, хоть и грубоватую, но зато незнакомую съ обманомъ и тщеславіемъ; своими вопросами Арлекинъ-дикій вскрываетъ господствующую ложь.

Въ 1704 г. вышла во Франціи книжка Гѣдвилля, получившая большое распространеніе и озаглавленная: «Бесѣды между дикимъ и барономъ Говтаномъ». Здѣсь представленъ краснокожій изъ племени гуроновъ, который посѣтилъ Европу и вынесъ самыя тяжелыя впечатлѣнія. Онъ выступаетъ суровымъ критикомъ ея порядковъ.

«Нигдѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ свободы, дружбы, покоя, мира. Ваши законы,—обращается онъ къ европейцамъ,—законы, которые вы называете опредѣленіемъ разумаго и справедливаго, не заключаютъ ничего подобнаго; богачи смѣются надъ ними, и лишь несчастные слѣдуютъ

имъ. Вы—рабы одного деспота, и подчинены тысячѣ мелкихъ тирановъ. Цивилизація ваша негѣпа; ваше искусство нездорово. Мы не завидуемъ тонкостямъ вашей культуры, потому что у насъ нѣтъ понятія о нихъ. Ваши браки безумны и плохо кончаются; свобода нашихъ дѣвушекъ лучше безнравственности вашихъ женщинъ. У насъ нѣтъ тюремъ и пытокъ, но мы живемъ мирно, слѣдуя инстинкту, вложенному въ насъ голосомъ природы. Несмотря на нашу бѣдность, мы богаче васъ, потому что среди васъ понятія о моемъ и твоемъ заставляютъ совершать тысячи преступленій. То, что вы называете деньгами, это — демонъ всѣхъ демоновъ, тиранъ французовъ, источникъ золъ, погибель душъ и могила для живыхъ. Когда ваши законы уменьшаютъ подати, давящія бѣдныхъ, между тѣмъ какъ богатые ничего не платятъ, у васъ постепенно установится равенство имуществъ, и тогда вы приблизитесь къ счастью гуруновъ».

Конечно, гурунъ здѣсь — авторская маска, но авторъ не даромъ вывелъ первобытнаго человѣка. Тогдашняя географическая литература полна моралистическихъ разсужденій въ связи съ идеализаціей дикаря, который долженъ пристыдить европейца.

Главную роль въ этомъ сентиментальномъ теченіи играютъ миссіонеры, особенно отцы-іезуиты, важнѣйшіе посредники между тогдашней Европой и другими странами свѣта. Отъ нихъ идутъ картины блаженно-патріархальнаго быта Китая, картины, которыми такъ любила потомъ пользоваться просвѣтительная литература политиковъ и экономистовъ XVIII вѣка. Въ своемъ религіозномъ рвеніи и оптимизмѣ они отыскивали уже заранѣе въ средѣ, подлежащей воспитанію, тѣ начала, которыя они проповѣдывали. Въ свои восторженные характеристики они влагали, конечно, то, что въ свое время дала имъ классическая или богословская школа, т. е. условныя формулы школьнаго изображенія ликурговой Спарты и раннихъ христіанскихъ общинъ.

Благочестивымъ отцамъ, которые со своей точки зрѣнія осуждаютъ культурную Европу, потерявшую ревность къ вѣрѣ, начинается представляться, что новая среда, куда они переносятъ свою проповѣдь, быть можетъ, не болѣе удалена отъ вратъ спасенія, чѣмъ цивилизованные люди. Они ставятъ вопросъ, не заключаетъ ли въ себѣ культурное общество болѣе опасностей, чѣмъ натуральное состояніе?

Одинъ пишетъ, что естественная простота дикарей болѣе располагаетъ ихъ къ усвоенію христіанскихъ добродѣтелей; другой—что они не знаютъ пороковъ, вызываемыхъ роскошью и изобиліемъ. Все чаще и чаще возвращается у миссіонеровъ мысль, что они нашли почву, похожую на ту среду, гдѣ работали основатели христіанства; имъ кажется, что въ общинахъ новообращенныхъ дикарей возрождаются раннія христіанскія общины. «Вотъ, достопочтенный отецъ, — пишетъ одинъ миссіонеръ своему начальнику, — избранный народъ Божій, вотъ — вація, предназначенная въ эти послѣдніе дни къ возрожденію ревности, благо-

честія, живой вѣры и совершеннаго единенія сердець, которымъ удивлялись въ свое время у первыхъ христіанъ церкви. Зрѣлище этихъ добродѣтелей должно смирить наши цивилизованные народы и заставить ихъ преклониться передъ путями Бога, распространяющаго свою благодать среди народовъ, которые едва вышли изъ мрака варварства».

Другой ученый миссіонеръ пускается въ догадки историческаго свойства, находитъ дикарей очень похожими на древнихъ грековъ, какъ ихъ изображала гуманистическая школа, и предполагаетъ какія-то переселенія изъ Европы въ Америку въ отдаленныя времена; всѣ эллинскія черты, по его мнѣнію, на лицо: и живое воображеніе, и быстрота усвоенія, и удивительная память, и здравый смыслъ. Есть слѣды старинной наслѣдственной религіи и государственнаго порядка: дикари правильно судятъ о дѣлахъ и «лучше, чѣмъ народъ у насъ (т. е. въ Европѣ)». Они хладнокровны; сердце ихъ гордо и горячо. Они счастливы насъ и т. д.

Между тѣмъ католическіе миссіонеры организуютъ въ Америкѣ цѣлыя территоріи и наконецъ основываютъ въ Парагваѣ теократическое, христіанско-соціалистическое государство. Теперь въ ихъ письмахъ и отчетахъ все шире развертывается картина мирныхъ и благодушныхъ нравовъ безхитростныхъ дѣтей природы и все больше въ нихъ вплетается соціальныхъ и экономическихъ соображеній. Въ Европѣ ихъ описанія счастья и добродѣтелей христіанскихъ индѣйцевъ вызываютъ восторгъ и захватываютъ даже такихъ ученыхъ, какъ Монтескьё и Бюффонъ. За разсказомъ объ устройствѣ парагвайскихъ колоній, находившихся подъ верховнымъ надзоромъ отцовъ-иезуитовъ, слѣдуютъ обыкновенно такія замѣчанія: «Нажива и жадность, этотъ источникъ столькихъ пороковъ, совершенно изгнаны изъ этой благословенной страны; плоды земли, собираемые каждый годъ, складываются въ общественныя магазины и оттуда уже распредѣляются по семьямъ, по числу составляющихъ ихъ членовъ. Простота и кротость этихъ добрыхъ индѣйцевъ поразительны. Праздности среди нихъ нельзя встрѣтить». Конечно, въ глазахъ духовныхъ руководителей эти черты стоятъ въ тѣсной связи съ благочестіемъ новообращенныхъ, которые причащаются каждую недѣлю, и т. п. По мнѣнію миссіонеровъ, въ соціальномъ отношеніи культурной Европѣ здѣсь есть еще чему поучиться. Одинъ миссіонеръ ссылается на то, что въ Индостанѣ есть семьи, гдѣ никогда не говорятъ о раздѣлѣ; имущество въ общемъ владѣніи и среди нихъ царствуетъ полное согласіе. «Это безкорыстіе, отрѣшеніе отъ благъ земли, какое мы встрѣчаемъ среди идолопоклонниковъ, не должно-ли смущать многихъ христіанъ Европы, которые способны ссориться изъ-за ничтожныхъ интересовъ и вести вѣчныя тяжбы?»

Вся группа представленій и мечтаній, соціальныхъ желаній и аргументовъ въ защиту лучшаго строя, которая отразилась въ утопической, географической и миссіонерской литературѣ начала XVIII вѣка,

получила художественное выраженіе въ знаменитомъ романѣ Даниэля Дефо, «Робинзонъ Крузо», въ книгѣ, замѣчательная популярность которой надолго пережила своеобразный кругъ идей, породившихъ ее.

Фабула романа слишкомъ извѣстна, хотя, благодаря передѣлкамъ, менѣе знакома его вторая часть, исторія маленькаго общества на Робинзоновомъ островѣ. Эта вторая часть ничто иное, какъ продолженіе первой, т. е. исторіи изолированной личности, предоставленной воспитанію и исправительной работѣ природы. Основная мысль обѣихъ частей состоитъ въ томъ, что для улучшенія человѣка, для пробужденія въ немъ возвышенныхъ чувствъ и глубокихъ мыслей должно заставить его передумать и пережить все съ первыхъ шаговъ культурной жизни, и притомъ безъ посторонней помощи и указанія. Это вѣдь и есть возвращеніе его къ естественному состоянію.

На необитаемомъ островѣ Робинзонъ начинаетъ всю свою жизнь съизнова, съ самаго грубаго и элементарнаго строенія. Въ тяжелой борьбѣ съ нуждой и страхомъ онъ вырабатываетъ умственную энергію, которая позволяетъ потомъ ему, бывшему авантюристу, проявить высшее искусство законодателя и администратора, военнаго вождя и духовнаго пастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ смягчается его непокорная, равнодушная къ высшей правдѣ и религіи душа, и въ просвѣщеніи дикаря, Пятницы, онъ находитъ свой возвышенный долгъ.

Во второй части, въ исторіи Робинзоновской колоніи представлено то же самое духовное перерожденіе. Передъ нами на половину преступники и одичавшіе злодѣи, остатки мятежнаго экипажа корабля, люди безъ чести и совѣсти, поминающіе Бога только въ страшныхъ проклятійхъ, безнадёжные, повидимому, разбойники, которые бессмысленно грабятъ старыхъ колонистовъ, спасающихъ ихъ отъ голодной смерти.

Словомъ, это люди-бѣшеные звѣри, вполне по Гоббзу. Управлять ими невозможно: ни великодушіе, ни наказанія ничего не помогаютъ. Ихъ остается выселить и предоставить самимъ себѣ. И вотъ, вдали отъ общества, въ тяжелой обстановкѣ примитивнаго труда, среди несчастій и лишеній, очищаются и приходятъ въ сознаніе эти потерянные люди; они становятся культурными безъ помощи культуры и внѣ ея удобствъ.

Рядомъ своеобразно поставленъ міръ дикарей. Это — людоеды; но въ нихъ таится простое человѣческое начало; бессознательно и тихо пробивается оно у цвѣтныхъ женщинъ. Нѣсколько дикарокъ въ видѣ подарка для съѣденія доставятся колонистамъ, вышедшимъ на охоту за рабами. Индіанки становятся работающими женами поселенцевъ, и ихъ тихая, почти безмолвная природа незамѣтно дѣлаетъ великую работу, смягчаетъ огрубѣлыхъ и праздныхъ злодѣевъ. Дикарь не знаетъ истины, но онъ простымъ сердцемъ стремится къ ней, и его здоровый и добрый инстинктъ наводитъ опустившагося въ варварство европейца на сознаніе правды — вотъ мораль этой исторіи.

Подъ конецъ завершителемъ возрожденія становится идеальный пастьрь-просвѣтитель; это — католическій священникъ, прїѣзжающій съ Робинзономъ, который возвратился взглянуть на колонію. Молодой священникъ — вѣротерпимый, безконечно мягкій, чувствительный моралистъ и глубокій знатокъ человѣческаго сердца. Замѣтьте широту возрѣній и гуманное безпристрастіе автора: испанцы въ романѣ — несравненно культурнѣе, строже нравами и разсудительнѣе соотечественниковъ автора, англичанъ, и протестантъ Дефо предоставляетъ именно католическому патеру просвѣтить заблудшихъ протестантовъ. Но священникъ не желаетъ навязывать вѣроисповѣданія, онъ совершаетъ обряды крещенія и брака, скрывая свою католическую оболочку; онъ выражаетъ увѣренность, что Богъ укажетъ самъ для спасенія людей тотъ путь, который ему угоднѣе.

Въ результатѣ забытая религія, а съ нею вмѣстѣ гуманность и культура пробуждены, найдены даже у самаго злого и отчаяннаго озвѣрѣвшаго человѣка: онѣ найдены жизнью труда, близостью къ природѣ, инстинктомъ дикарки, его жены, и наконецъ, когда почва готова, моральнымъ воодѣйствіемъ возвышеннаго наставника, въ которомъ философъ просвѣтляетъ священника.

Вотъ коротко мысль романа, имѣвшаго единственный въ своемъ родѣ успѣхъ. Онъ рисуется намъ живо и безхитростно, что думали въ XVIII в. о природѣ и культурѣ, о совершенствованіи личности и общества.

Параллель со знакомой намъ одновременной исторической теоріей ясно чувствуется. Здѣсь нѣтъ мѣста мысли о быстромъ благодѣтельномъ прогрессѣ, уводящемъ человѣческое общество въ успѣхахъ техники и сознательнаго творчества далеко отъ примитивныхъ началъ. Напротивъ, преобладаетъ идея, что условія счастья и моральнаго добра какъ будто лежатъ въ постоянномъ возвращеніи къ источнику, къ началу общегитія, къ первоначальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшимъ элементамъ человѣческой природы. Культура какъ будто бы благо лишь при условіи сохраненія ея близости къ натурѣ. Исцѣленіе культуры отъ свойственныхъ ей золъ возможно какъ будто лишь путемъ возврата ея къ натурѣ, къ простымъ запросамъ и формамъ ранней поры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Есть много истинъ не открытыхъ
И не измѣренныхъ глубинъ,
Страданій, чувствъ не пережитыхъ
И не достигнутыхъ вершинъ!

Есть много бурь, еще не спѣвшихъ
Своихъ таинственныхъ угрозъ,
Великихъ словъ не прогремѣвшихъ,
Не пролитыхъ великихъ слезъ;

А сколько мыслей дерзновенныхъ,
Надеждъ, желаній, чуждыхъ всѣмъ,
И пѣсень, пѣсень вдохновенныхъ,
Еще не слышанныхъ никѣмъ!

II.

В е с е л ь е.

Веселье! странныя мгновенья!
Обманчивый, неполный бредъ!..
Въ тебѣ живетъ вакой-то слѣдъ
Непостижимаго мученья.

Когда печали въ сторонѣ,
Когда въ насъ сердце бодро бьется,
Когда въ безпечномъ забытьѣ
И мысль и чувство — все смѣется, —

Глубоко тамъ, на самомъ днѣ,
Струна больная отдается...
Откуда эта грусть берется?

Откуда вы, скажите мнѣ,
Укоры тайнаго сомнѣнья?
И неужели нѣтъ забвенья?

III.

П р о с т о р ь.

Юная рожь не дрожить, не колыхнется;
 Тѣнью недвижной объята поля,
 Въ воздухѣ ясномъ ни звука не слышится;
 Спать, отдыхая отъ зноя, земля.

—

Спать безграничнымъ молчаніемъ скованный
 Въ блескѣ вечернемъ хрустальный шатеръ.
 Спать тишиною небесъ заколдованный
 Весь этотъ мирный, лѣнивый просторъ...

—

Вечеръ! Ты въ душу мнѣ тихо вливаешься,
 Ты говоришь мнѣ о тайнѣ своей,
 Думой, восторгомъ моимъ наполняешься,
 Дышишь невнятною скорбью моею!

•

IV.

М о р е.

Море! сколько мукъ будило
 Ты мятежной шириной,
 Сколько грусти наводило
 Вѣчно-ропщущей волной!

Но тѣ муки со слезами
 Схоронила твоя гладь,
 Чтобъ съ бурей и вѣтрами,
 Имъ проснуться и рыдать!

Сергѣй Маковский.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

О ЧЕРКЪ.

I.

Петръ Трофимовичъ спустилъ съ кровати ноги въ однихъ чулкахъ и сталъ ощупью искать на полу валенки... Въ сосѣдней комнатѣ, столовой, топилась галанка; красный отблескъ раскаленныхъ углей бросалъ дрожащія свѣтотыя пятна на полъ, а чрезъ приотворенную дверь проникалъ и въ комнату Петра Трофимовича, слабо вспыхивая на голомъ теменѣ старика... Должно быть, ужъ поздно: Васильевна топятъ печи два раза въ день, на разсвѣтъ и еще на ночь, потому что стоятъ морозы и въ барскомъ старомъ домѣ плохо держится тепло.

— Это ты, Васильевна?—спросилъ старикъ, заслыша возню около печи.

— Я, батюшка...

Васильевна начала бить желѣзной кочергою головешки, угли затрещали и свѣтъ яркой полосой запрыгалъ на полу и дверномъ косякѣ. Часы медленно пробили девять. Значить, теперь пришелъ уже на ближайшій къ нимъ полустановъ поѣздъ, съ которымъ долженъ прѣхать и второй сынъ старика, Григорій.

— Уѣхалъ Никаноръ на станцію?—спросилъ Петръ Трофимовичъ хриплымъ съ просонья голосомъ.

— Уѣхалъ. Поди, скоро будутъ...

— А гдѣ Сергѣй Петровичъ?

— Уѣхали братца встрѣчать.

— Надо имъ поѣсть чего -нибудь приготовить... Споровъ самоваръ... яичницу, что ли!... Озябнуть .. Слышишь?

Старикъ говорилъ хрипло и отрывисто и, казалось, что онъ сердится. Но онъ только волновался, ожидая блуднаго сына. Сердце улеглось. Богъ съ нимъ! Несчастный человекъ. Не видались около двѣнадцати лѣтъ. Теперь намыкался по свѣту и ѣдетъ къ отцу отдыхать, пишеть, что усталъ, наконецъ... Да,

неудача имъ въ дѣтахъ: старшаго, Сергѣя, выгнали изъ пятаго класса гимназіи, лѣтъ пять онъ щеголялъ въ формѣ вольноопредѣляющагося, года три томился подпрапорщикомъ и кое-какъ вылѣзъ въ подпоручики; другого, Григорія, тоже выгнали изъ университета ужъ, потомъ отправили куда-то, потомъ отпустили и скоро опять куда-то отослали; потомъ онъ самъ уже сталъ мыкаться, какъ бродяга, по свѣту; мать такъ и умерла, не выдавши Григорія съ тѣхъ поръ, какъ его выгнали изъ университета...

Петръ Трофимовичъ надѣлъ валенки, зажегъ въ столовой лампу и, плотно запахнувшись въ пальто, которое носилъ вмѣсто халата, сѣлъ въ кресло и началъ думать о своей покойной женѣ, о Григоріи, о томъ, что Сергѣй любитъ водочку и сильно поигрываетъ въ карты... Если бы Григорій кончилъ курсъ,—теперь не было бы нужды унижаться предъ всякими тамъ Виноградовыми... Сталъ бы Григорій у нихъ земскимъ начальникомъ, жилъ бы въ своемъ имѣніи... Дуракъ. Теперь, вѣрно, кается, да поздно, близокъ лавоть да не укусишь!...

Старикъ пыхтѣлъ, покашливалъ и что-то шепталъ и, казалось, ему жизнь въ тягость и въ тягость самая радость встрѣчи съ Григоріемъ. За окномъ или въ трубѣ гудѣлъ вѣтеръ, ставень стучалъ гдѣ-то желѣзнымъ болтомъ,—и дряхлый домъ вздрагивалъ подъ порывами зимней вьюги... Глухо донесся собачій лай, такой злобный, съ подвываніемъ... Кажется, звенять колокольчики? да, ѣдутъ... Старикъ дрожащими руками зажегъ свѣчу и торопливо направился къ передней—встрѣчать. Темнота разступалась передъ нимъ, и подъ свѣтомъ раздувающагося пламени свѣчи вставали угрюмыя стѣны, сѣрыя, съ пятнами на облупившейся штукатуркѣ, занесенныя снѣгомъ окна, съ ледянымъ бордюромъ по стекламъ, старомодная тяжелая и некрасивая мебель... Половицы иногда жалобно поскрипывали подъ обутыми въ валенки ногами Петра Трофимовича и весь онъ былъ похожъ на какого-то сказочнаго старика въ этомъ большомъ и молчаливомъ домѣ...

— Сейчас! сейчас!

Дверь распахнулась и въ бѣлыхъ облакахъ ворвавшася пара зашевелились три несуразныя фигуры, чѣмъ-то обвязанныя, обмотанныя, занесенныя съ ногъ до головы снѣгомъ. Который изъ нихъ Григорій—не разберешь.

— Ни пути, ни дороги!—произнесъ Ниваноръ, опуская на полъ чемоданъ пріѣзжаго. Это вотъ Сергѣй: пуговицы свѣтатся, а это, стало быть, Григорій... Борода въ снѣгу, усы въ снѣгу, на головѣ торчитъ башлыкъ пикой.

— Здравствуй, отецъ!

— Здравствуй, здравствуй! Здоровъ-ли?... Снимай башлыкъ-то! Одинъ носъ видно... Ахъ ты, этакій... Ну, теперь подойди ближе!..

Они поцѣловались нѣсколько разъ. Потомъ Григорій сталъ снимать пальто, а Петръ Трофимовичъ все смотрѣлъ ему въ лицо, особенно въ глаза, и думалъ: „совсѣмъ мать, вылитая мать!“ и сердце старика заполнялось нѣжностью къ этому „безпутному субъекту“—какъ называлъ отецъ Григорія—и ему хотѣлось смѣяться отъ радости и плакать о томъ, что вотъ Гриша, наконецъ, пріѣхалъ, а Марья Θεодоровны нѣтъ и она не знаетъ объ этомъ и не можетъ посмотреть, какая большая борода выросла у Гриши.... Старикъ похлопалъ Григорія по плечу и сказалъ:

— А меня, чай, не узналъ? Совсѣмъ я старикомъ сталъ, въ могилу гляжу... Идите въ столовую, тамъ тепло... Тамъ четырнадцать градусовъ... Ну, ну! Всѣ теперь... Только матери нѣтъ...

Петръ Трофимовичъ засуетился, сбѣгалъ въ кухню и поругалъ Васильевну за промедленіе съ яичницей. Потомъ онъ подсѣлъ къ Григорію и снова сталъ похлопывать его по плечу и заглядывать ему въ глаза.

— Всѣ теперь въ сборѣ... Да!... Только матери нѣтъ... да! ушла она, наша мать, не дождалась тебя, Григорій!... да!

— Будетъ ужъ, папаша!—недовольно замѣтилъ густымъ басомъ подпоручикъ—что толковать ужъ!

А Григорій вдругъ заморгалъ глазами... Ему, такому большому и серьезному, отвыкшему за двѣнадцать лѣтъ не только отъ родительской ласки и опеки, но даже отъ мысли о родителяхъ, давно уже ставшему чужимъ человѣкомъ для семьи и всѣхъ своихъ родственниковъ, вдругъ сдѣлалось страшно жаль мать и мучительно больно сознавать, что онъ никогда уже болѣе не увидитъ своей „мамаши“... Теперь только смерть матери сдѣлалась для него какимъ-то чудовищнымъ, невѣроятнымъ фактомъ!.. Ему захотѣлось узнать про мать: когда она умерла, отчего, гдѣ она похоронена, не спрашивала-ли она на смертномъ одрѣ про него, Григорія.

— Отчего умерла мать?

— Да будетъ ужъ! Ну, умерла, значить умерла... Не все-ли равно? Что тутъ говорить!—опять пробасилъ Сергѣй и недовольно и сердито выпустилъ „хм!“, словно приказалъ прекратить непріятные разговоры и тяжелыя воспоминаія.

Васильевна принесла сковородку съ яичницей и не уходила. Она встала въ дверяхъ и внимательно и печально разсматривала своего молочнаго сына съ бородой и усами, такого обдерганнаго и лохматаго, съ остановившимися въ глазахъ слезами...

— Ненаглядный ты мой, касатикъ, соколъ мой ясный, Григорій Петровичъ! Вѣдь, выкормила я тебя!... Не привелъ Богъ родной матери, такъ хоть я на тебя погляжу!...—жалобно начала она. Но Сергѣй вышелъ изъ терпѣнія:

*

— Замолчи! Еще ты начнешь каркать? марш! Чертъ знаетъ... Приѣхалъ отдохнуть, а вмѣсто этого всю душу измозгаютъ... Точно на кладбищѣ себя чувствуешь... Право!... Есть у васъ водка?

— Посмотри въ буфетъ... Кажется, осталось тамъ, въ графинѣ...

— Ничего не осталось!—съ сердцемъ захлопнувъ дверцу буфета, пробасилъ подпоручикъ и сѣлъ.

Тихо стало за столомъ. Старикъ сердился на Сергѣя, но сдерживалъ свое негодованіе. Онъ опустилъ глаза на полъ и только побрякивалъ и пыхтѣлъ. Григорій курилъ папиросу и искоса поглядывалъ на брата. Грубая, неинтеллигентная фізіономія; что-то фельдфебельское отпечаталось на этомъ лицѣ и было трудно примириться съ фактомъ, что это и есть Сережа, тотъ самый гимназистъ, старшій братъ, другъ и товарищъ, съ которымъ въ далекомъ дѣтствѣ они имѣли столько общихъ радостей и печалей... Совсѣмъ чужой человѣкъ, далекій, внушающій антипатію...

— А ты, Григорій, худой какой! Кашляешь....—замѣтилъ отецъ.

— Да. Ничего, это пройдетъ,—отвѣтилъ Григорій.

— Продуло,—хмуро бросилъ Сергѣй и, вставъ со стула, началъ прохаживаться взадъ и передъ по комнатѣ и посвистывать „я—цыганскій баронъ“.

— Сергѣй! Если хочешь свистать, уйди въ залу... Я тебя просилъ,—тихо, но раздраженно сказалъ отецъ.

— Вотъ еще, какія нѣжности... Скажите пожалуйста!... Моги́мъ уйти-съ...—Онъ ушелъ и продолжалъ свистать. А за окномъ тоскливо вторилъ ему вѣтеръ, и иногда трудно было разобрать: буранъ это или подпоручикъ выводитъ тоскливыя нотки.

— Ты, Гриша, усталъ, вѣдь, съ дороги?... Ты ложись здѣсь на софѣ, здѣсь тепло, четырнадцать градусо́въ... Дверь въ залу затвори, чтобы тепло не уходило... А я сплю все на старомъ мѣстѣ... И все тамъ осталось по-старому, какъ было при матери... И зеркало ея осталось на столикѣ. Пусть стоитъ! Эхе-хе! Худой ты какой! Сергѣй вонъ плотный, какъ стальной, а ты—плохой... Тебѣ надо отдохнуть, бросить всѣ эти глупости, успокоиться... Что толку? Пора и къ пристани, Гриша! Мать передъ смертью сказала: если вернется Гриша, скажи, что я ему прощаю... да! Ну спи! Завтра поговоримъ, ты усталъ...

Въ спальнѣ у Петра Трофимовича горѣла лампадка. Лежа въ постели съ закрытыми глазами старикъ былъ полонъ тихой грусти и радости, и сознаніе, что теперь Григорій вернулся и спитъ тутъ, рядомъ, какъ-то успокаивало, баюкало его, и онъ отдувался и улыбка время отъ времени скользила по старому лицу. Но Григорій кашлялъ и это портило настроеніе тихой радости и успо-

жюенія. Этотъ кашель, такой сильный и безсильный, отдавался прямо въ сердцѣ старика, тревога прокрадывалась въ его душу и не было силъ заснуть... „Вылитая мать!“—мысленно повторялъ Петръ Трофимовичъ, вспоминая выраженіе глазъ Григорія, и въ мозгу его снова всплывали воспоминанія объ умершей два года тому назадъ женѣ, о ея привычкахъ, о послѣднихъ минутахъ жизни,—и тогда старикъ ворочался въ большой и широкой постели и все ему казалось, что онъ лежитъ неудобно...

И Григорію тоже не спалось. Онъ испытывалъ такое ощущеніе, словно долго-долго все куда-то шель, и путь былъ такой утомительный, а когда онъ, изусталый и измученный, прилежъ отдохнуть, то, оглянувшись кругомъ, къ своему удивленію, увидѣлъ, что онъ лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда вышелъ въ дорогу...

Въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ теперь Григорій, когда-то была дѣтская, а на мѣстѣ софы, на которой онъ теперь спалъ,—кроватка Гриши... Все это было очень давно, но теперь прошлое какъ-то сократилось, прожитые года казались такими маленькими и мелькали въ памяти, какъ дни, и Григорію казалось, что онъ только уѣзжалъ куда-то по дѣлу и опять пріѣхалъ... Такъ мягко, тепло и удобно было лежать на софѣ; казалось, что вся усталость, скопившаяся за время всей прожитой жизни, теперь уходила куда-то назадъ и на душѣ прояснялся покой и миръ... Прислушиваясь къ тиканью часовъ и къ пѣснямъ зимней метели за окномъ, Григорій тоже улыбался, какъ выздоравливающій больной, въ которомъ пробуждается трепетъ бессознательной радости жизни... Похоже на то, что Григорій, дѣйствительно, причалилъ къ пристани, бросилъ якорь... Онъ усталъ, невыносимо усталъ жить этой нервной, полной безчисленныхъ превратностей и терзаній жизнью интеллигентнаго пролетарія, усталъ отъ бесполезныхъ, никому ненужныхъ страданій, отъ лжи и фарисейства, въ которыхъ тонетъ культурный человѣкъ, усталъ отъ надобвшихъ бесполезныхъ споровъ, большихъ самолюбій, взаимныхъ непониманій и оскорбленій... А, можетъ быть, онъ ушелъ теперь и отъ сознанія, страшнаго сознанія своей ненужности, этого итога прожитой жизни... Теперь онъ нигде не принадлежитъ, не задается никакими принципиальными планами и задачами жизни... Теперь онъ просто больной и усталый человѣкъ, который хочетъ покоя и отдыха. Здѣсь онъ возьметъ клочекъ земли и будетъ работать и жить просто, безъ всякихъ плановъ, какъ живутъ миллионы людей... Чѣмъ гордиться? Какъ считать себя предназначеннымъ къ какой-то особой высокой миссіи, если въ результатъ получила одна усталость и сознаніе своего безсилія и ненужности? Онъ будетъ теперь жить на своемъ клочкѣ земли и пусть его

оставять въ покоѣ... Онъ останется съ глазу на глазъ съ природой, съ ея ясными и непреложными законами, съ ея собственной справедливостью, красотой и правдивостью, отдыхая отъ всякихъ мукъ, сомнѣній, ссоръ и всей этой бессмысленной суетоки... У него болитъ грудь, истрепаны нервы, вѣтъ вѣры въ необходимость страданій... Онъ будетъ отдыхать... Уфъ!

Приступъ кашля, сиплаго и настойчиваго, оборвалъ тихія думы Григорія. Онъ долго не могъ остановить этотъ кашель и усталъ, когда онъ прекратился.

— Ты все кашляешь...!

Григорій раскрылъ глаза и увидѣлъ отца: онъ стоялъ въ дверяхъ, завернувшись въ пестрое одѣяло, со свѣчей въ рукахъ.

— Надо выпить воды съ вареньемъ, тогда стихнетъ.

— Не безпокойся... Теперь прошло...

Старикъ, гремя посудой, порылся въ буфетъ, принесъ изъ своей комнаты графинъ съ водой и, сдѣлавъ питье, подаль сыну.

— Вотъ... выпей! Помогаетъ... У меня былъ кашель, ужасный кашель, такъ я только этимъ и спасался...

И пова Григорій пилъ, старикъ смотрѣлъ ему въ лицо и думалъ: „вылитая мать!“ Потомъ онъ подсѣлъ на софу, въ ногахъ у Григорія, и сказалъ:

— Не спится что-то... Все думаю о томъ, о семь... Какъ это все устроится... Я думаю тебѣ здѣсь сдѣлать кабинетъ, — ты любишь почитать и пописать, — а столовую можно перенести рядомъ... Здѣсь тепло, а ты все кашляешь. Теперь ужъ отдыхай, береги здоровье, можетъ быть, еще все устроится. Дѣла у меня пошатнулись, а все-таки, если жить экономно и осмотрительно, то прожить можно, проживемъ... да! Вотъ только бы Богъ помогъ намъ развязаться съ мерзавцемъ Виноградовымъ... Я взялъ у него подъ вторую закладную... Бѣда нынче нашему брату, хозяину... да! Однихъ процентовъ я выплачиваю этому подлецу до пятисотъ рублей ежегодно... А имѣніе всего-то въ хорошій годъ даетъ полторы тысячи... Горки, мы вѣдь, давно ужъ продали этому мерзавцу за безцѣнокъ...

Потомъ старикъ сталъ подробно рассказывать, какъ они раззорились и, упоминая о Виноградовѣ, всегда прибавлялъ къ нему „подлецъ“ или „мерзавецъ“.

— Если я умру, будьте съ нимъ осторожнѣй, не довѣряйте. Боже васъ избави! Я ничего съ собой не возьму, все останется вамъ съ Сергѣемъ. Сергѣй все-таки на ногахъ, а тебѣ надо будетъ крѣпче держаться за имѣнье. Надо подняться. Можетъ быть, со временемъ, ты зарекомендуешь себя предъ начальствомъ, поправишь свою репутацію и можно будетъ поступить на службу... Все это возможно. Бывали случаи. Хорошо бы — въ земскіе начальники...

Григорій слушалъ и молчалъ, но когда старикъ началъ говорить о поправленіи репутаціи и о поступленіи въ земскіе начальники, то нетерпѣливо произнесъ:

— Ахъ оставь, отецъ! Все это—неисполнимые проэктъ!..

— Что же, ты, вѣдь, ничего не укралъ, никого не ограбилъ... Ты только потерялъ въ жизни маякъ... да! А теперь ты его нашель. Не всякое лыко въ строку. Бывали случаи. Не надо отчаиваться, Григорій... Вотъ ты кашляешь,—это нехорошо...

Григорію хотѣлось сказать, что онъ ни въ чемъ не раскаивается и что никакого маяка не нашель еще въ жизни, что онъ не желаетъ поправлять свою репутацію и ни передъ кѣмъ не хочетъ себя зарекомендовывать. Но зачѣмъ? Только обидишь старика, потому что онъ не пойметъ. Пусть думаетъ и говоритъ, что хочетъ и что думаетъ...

— Поживешь тутъ смиреннѣе, безъ всякихъ такихъ идей... Поможешь мнѣ вести хозяйство. Одному трудно. Народъ теперь—вольница; кричатъ, что онъ голодаетъ, а онъ пьянствуетъ... Звѣрье, дикое, грубое!.. Берутъ задатки и бѣгутъ и ничего не подѣлаешь... Что тамъ ни говори, а рано дали ему свободу. Покуда волею ручнымъ не станеть, его нельзя спускать съ цѣпи... А за этихъ лѣнтяевъ и пьяницъ мечтатели себя губятъ. Вотъ поживешь,—увидишь! А когда я умру и ты самостоятельно будешь вести хозяйство,—ты не разъ вспомнишь отца. Я тебѣ говорилъ это и раньше... И вотъ что изо всего этого вышло: потеряна карьера, ты кашляешь... Я тебѣ всегда говорилъ. Мы съ матерью не желали тебѣ худа... Ну, что-жъ... Теперь какъ-нибудь все это устроится... Не надо отчаиваться. Мать сказала: если вернется Гриша, скажи ему, что я прощаю... да! Ну, Богъ съ тобой. Спи! Я тебѣ все мѣшаю... Эхе-хе! Мечтатели!..

Старикъ покачалъ головой и пошелъ. Григорій смотрѣлъ ему вслѣдъ недоумѣвающими глазами и, когда старикъ исчезъ за дверью, вздохнулъ и закрылъ глаза. Онъ вдругъ страшно усталъ; что-то стало тяготить его душу и исчезло прежнее настроеніе, будто онъ, наконецъ, пришелъ.. За окномъ бѣсновалась вьюга и это беспокоило Григорія, словно ему предстояло идти куда-то дальше въ эту вьюгу, по какому-то важному дѣлу, и словно онъ прилежъ здѣсь только отдохнуть на перепутьи и говорилъ сейчасъ не съ отцомъ, а съ хозяиномъ постоялаго двора, гдѣ оставился...

II.

Было морозное веселое утро. Иней сверкалъ на солнцѣ и снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и казался такимъ бѣлымъ, что слѣпилъ глаза. Всѣ печи въ жилыхъ постройкахъ хутора топились

и дымъ поднимался надъ нимъ высокими фіолетовыми столбами. Въ горкахъ, которыя Петръ Трофимовичъ продалъ мерзавцу Виноградову, былъ храмовой праздникъ, и старикъ поднялся очень рано и сталъ собираться въ Горки къ обѣднѣ. Онъ ѣздилъ туда каждое воскресенье, а на этотъ разъ хотѣлъ взять съ собой Сергѣя и Григорія, чтобы послѣ обѣдни отслужить панихиду на могилѣ Марьи Ѳеодоровны. Сперва старикъ разбудилъ Сергѣя, а будить Григорія медлилъ, жалѣлъ: „пусть поспитъ еще немножко!..“ Сергѣй всталъ злой; ему было лѣнь подниматься съ теплой постели; поэтому онъ громко кашлялъ, плевался и дико кричалъ на Васильевну, какъ онъ привыкъ кричать на своего деньщика.

— Дурища, эка дурища!—гремѣлъ его басъ на всѣ комнаты.—Ну! Живо!

Отъ этого крика проснулся и Григорій. И ему было лѣнь вставать и онъ не поѣхалъ бы въ Горки, если бы не панихида по матери. Не поѣдешь,—обидишь старика, потому что онъ придаетъ этому особенный смыслъ и значеніе. Григорій сталъ одѣваться.

— Ты ужъ всталъ? Добре, добре!..—сказалъ отецъ, проходя мимо.—Ну умывайся, да надѣвай сюртукъ,—добавилъ онъ, окинувъ Григорія бѣглымъ взглядомъ.

— У меня сюртука нѣтъ. Я думаю,—можно и въ этомъ...

Старикъ еще разъ обозрѣлъ Григорія и вѣрно ему что-нибудь не понравилось, потому что онъ сморщилъ брови.

— Надо сюртукъ. Ѣхать такъ неудобно. Послѣ панихиды мы пройдемъ къ Виноградовымъ, тебѣ надо познакомиться, сдѣлать визитъ, потому что этотъ прохвостъ можетъ тебѣ пригодиться. Тебѣ надо какъ-нибудь подняться, поправить репутацію...

Григорій, котораго старикъ раздражалъ проектами исправленія репутаціи, закашлялся и, когда кашель утихъ, съ досадой сказалъ:

— Мерзавцы и прохвосты мнѣ не могутъ пригодиться. Можно обойтись безъ визита.

— Это все—старая закваска!—отвѣтилъ старикъ и недовольно прибавилъ:

— А, впрочемъ, твоя воля... Я тебѣ, Григорій, худа не желаю... Какъ хочешь, только послѣ не пеняй...

— Не буду пенять—повѣрь ужъ!..

Вошелъ Сергѣй. Онъ былъ въ парадной формѣ, съ эполетами на приподнятыхъ плечахъ, съ выпяченной колесомъ грудью, съ перетянутой серебрянымъ кушакомъ таліей и съ густо нафабреными и закрученными въ струнку усами, которые издали были похожи на два сложенныхъ шляпками гвоздя.

— Шашку!—закричалъ онъ громовымъ голосомъ и, когда пе-

репуганная Васильевна въ попыхахъ прибѣжала и подала ему пашку,—перекинулъ лакированный ремень ея черезъ плечо и спросилъ Григорія:

- А ты что, въ этомъ обдергайчикѣ развѣ поѣдешь?
- Въ обдергайчикѣ.
- Мило! У Виноградовыхъ тебя примутъ за нашего лакея!
- Я къ Виноградовымъ не собираюсь.
- Да и въ церковь—неудобно! Тамъ бываютъ порядочные люди...

Григорій ухмыльнулся, но промолчалъ; онъ бросилъ на брата ироническій взглядъ и подумалъ: „настоящій фельдфебель“.

У крыльца топталась малорослая вятская лошадка, такая кругленькая сытая и сильная. Время отъ времени она кому-то кланялась, позванивая привязанными къ уздѣ бубенчиками, и тогда казалось, что гдѣ-то сыпется дождь изъ мелодичныхъ колокольчиковъ. Никаноръ похаживалъ оболо кошечки и покуривалъ папирску, ожидая выхода господъ. На немъ былъ сѣрый пиджакъ на ватѣ и картузь мѣщанина на головѣ; только большія рукавицы, которыми Никаноръ похлопывалъ, чтобы согрѣть руки, да валеные сапоги съ краснымъ горошкомъ изобличали мужика. Снѣгъ хрустѣлъ подъ этими громадными валенками и гигантскіе слѣды отпечатывались около санокъ.

Сергѣй стоялъ у окна и смотрѣлъ на лошадку и Никанора. Онъ слегка барабанилъ по стеклу пальцами и пристукивалъ каблукомъ своего лакированного сапога. Ему хотѣлось еще поговорить съ братомъ на ту же тему, но не подвертывалось подходящаго повода.

— Удивительное дѣло, —сказалъ онъ, наконецъ, какъ бы размышляя и ни къ кому не обращаясь.—Удивительное дѣло: мужики стараются походить на господъ, а господа—на мужиковъ. Все шиворотъ-на-выворотъ!... Что мужикъ старается вылѣзти изъ мужиковъ—мнѣ это понятно, всякому хочется подняться, а что вотъ нѣкоторыя господа лѣзутъ въ мужики и стараются сдѣлаться мужиками,—этого, ей-Богу, никакъ въ толкъ не возьму!..

„Выстрѣлили!“—подумалъ Григорій, но не отвѣтилъ на вызовъ. Очевидно, этотъ выстрѣлъ былъ направленъ въ Григорія: вчера онъ размечтался и вскользь подѣлился своимъ намѣреніемъ взять клочекъ земли и жить, какъ живутъ миллионы людей. Не стоило говорить, потому что они не въ состояніи понять внутренней смыслъ такого рѣшенія. Отецъ появился въ фракѣ и въ большихъ громахающихъ по полу галошахъ.

- Готовы? А ты, Григорій, все-таки въ этомъ...
- Въ обдергайчикѣ,—отвѣтилъ за брата Сергѣй.
- Я не поѣду,—сказалъ Григорій.

— Твое дѣло, твое дѣло...—недовольно бросилъ на ходу старикъ и пошелъ, и было слышно, какъ онъ сердито хлопнулъ гдѣ-то дверью.

Они уѣхали. Григорій остался одинъ. Вошла Васильевна и сказала:

— А ты, Григорій Петровичъ, не поѣхалъ на могилку въ мамашѣ?

И въ ея голосѣ послышался упрекъ и обида.

— Сколько слезъ за тебя мамаша-то пролила!... Какъ она убивалась за тебя!... Не грѣхъ бы тебѣ за нее помолиться... Охо-хо! Прости намъ, окаяннымъ, Господи!—вздохнувши, закончила Васильевна и вышла, печальная и задумчивая.

Григорій долго и упорно ходилъ по комнатамъ, и въ мозгу его совершалась какая-то торопливая, но бессознательная тревожная работа.

Чего-то не доставало, словно онъ потерялъ что-то или съ нимъ случилось что-то очень скверное, но что именно потерялъ или что случилось—было непонятно. И это его беспокоило, и беспокойство все росло, росло, и весь организмъ заполнялся какой-то тоской и отчаяніемъ, и онъ не находилъ мѣста въ этомъ большомъ домѣ, гдѣ онъ родился... Присѣвъ на диванъ, въ залѣ. Григорій взялъ со стола альбомъ съ фотографическими портретами и отыскалъ мать: на карточкѣ она была снята молодой, съ двумя дѣтьми: Сергѣй стоялъ, а Григорій, такой полненькій съ голыми ножками карапузъ, сидѣлъ на рукахъ у матери, съ удивленно вытаращенными глазами... Долго Григорій смотрѣлъ на этотъ портретъ и какія-то смутныя воспоминанія начинали бродить въ его памяти, а со дна души поднималось сожалѣніе о чемъ-то потерянномъ и невозвратномъ... И чѣмъ больше Григорій смотрѣлъ, тѣмъ больше прояснялись эти воспоминанія, и одинъ моментъ показалось, что Григорій даже помнить, какъ ихъ снимали... Но, конечно, то былъ обманъ воображенія, потому что этому карапузу съ голенькими ножками, перетянутыми у ступней ниточкой, было не больше трехъ лѣтъ... Григорій смотрѣлъ на молодую мать и ему не хотѣлось вѣрить, чтобы мама, съ такими добрыми и ласковыми глазами, съ такой любящей, полной материнскаго счастья, улыбкой на лицѣ, не могла понять, что онъ, Григорій,—былъ только честнымъ человѣкомъ и что онъ не виноватъ ни въ чемъ передъ ними. Григорій думалъ, что только одна мать могла бы, можетъ быть, понять теперь, какъ и почему все такъ случилось съ нимъ и, если не понять, то повѣрить, что онъ всю жизнь отдалъ людямъ и что теперь онъ усталъ и обезсилѣлъ, что у него болитъ грудь и больше нѣтъ силъ скитаться... Вынувъ изъ кармана пиджака носовой платокъ, онъ приложилъ его къ глазамъ и порывисто вскочилъ съ мѣста...

Въ полдень пріѣхали изъ Горокъ отецъ съ Сергѣемъ. На лицѣ старика была торжественность и то особое выраженіе серьезности и умиленія, которое запечатлѣвается, обыкновенно, на лицѣ вѣрующаго человѣка при совершеніи религіозныхъ таинствъ и обрядовъ. Онъ ходилъ тихо, словно носилъ въ рукахъ что-то хрупкое, голову держалъ прямо, и какая-то тайная высокая дума, казалось, не повидала его даже тогда, когда онъ сѣлъ за обѣдь. Онъ былъ молчаливъ и смотрѣлъ куда-то далеко, словно не видѣлъ сидѣвшихъ противъ него Сергѣя и Григорія.

Сергѣй былъ румянь, бодръ и веселъ и, казалось, жизнь играла въ этомъ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. Онъ былъ очень доволенъ собой: въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ, гдѣ молились все темные и пугливые люди, появленіе Сергѣя было цѣлымъ событіемъ; блестящая форма заставляла эти темныя головы предполагать въ Сергѣѣ очень важную и крупную особу, вродѣ исправника или даже губернатора, и когда Сергѣй звонко прищелкивалъ шпорами по каменному полу церкви, то всѣ торопливо сторонились, разступались и, давая ему дорогу, шептали сосѣдямъ: „пусти! али не видишь?“ Впереди, вблизи клиросовъ, стояла чистая публика: мужчины—направо, женщины—налѣво; налѣво пестрѣло нѣсколько шляпокъ съ яркими цвѣтами, и Сергѣй не разъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что всѣ шляпки повертываются въ его сторону и что женщины въ шляпкахъ заботятся о собственномъ впечатлѣніи на Сергѣя, лишь только онъ по-орлиному повернетъ голову налѣво... Его отмѣтили даже священнослужители: для него была нарушена привилегія становаго пристава первымъ приложиться къ кресту и поздороваться съ батюшкой, а дьячекъ, съ похочей на хвостикъ восичкой позади, подавая Сергѣю просфору на блюдцѣ, подобострастно улыбнулся и сказалъ: „Съ праздничкомъ, ваше высокоблагородіе!“ и всѣ это слышали, а становому не понравилось...

Обѣдь былъ тоже торжественный. Сперва Васильевна подала кутью, чтобы помянуть покойницу Марью Ѳеодоровну. Отецъ перекрестился и осторожно, съ благоговѣніемъ, сѣлъ нѣсколько ложекъ этого символическаго кушанья. Сергѣй тоже сѣлъ нѣсколько ложекъ съ почтеніемъ, а потомъ наложилъ себѣ кутьи на тарелку и сталъ ѣсть, какъ кашу. Отецъ взглянулъ въ сторону Григорія и тому показалось, что старикъ хотѣлъ посмотреть, ѣсть-ли Григорій кутью. Григорій чувствовалъ къ кутьѣ безразличность; она осталась у него съ дѣтства и появилась послѣ того, какъ законоучитель въ гимназій объяснилъ значеніе кутьи такъ: „зернышекъ много,—и покойниковъ много, изюменки сладки,—и покойничкамъ тамъ сладко“. Чтобы не обидѣть, однако, отца, Григорій взялъ вилку и, отбрасывая въ сторону изюменки, сталъ ѣсть одни рисовыя зерна.

— Это не игрушка!—недовольно сказалъ старикъ и отодвинулъ блюдо съ кутьей отъ Григорія.

— По ихнему, папаша, все это—одна комедія и предразсудки!—насмѣшливо пробасилъ Сергѣй и, проглотивъ послѣднюю ложку своей порціи кутьи, вытеръ усы салфеткой и весело сказалъ:

— А теперь можно раздавить и чепурышечку!

И выпивъ рюмку водки, онъ съ удовольствіемъ пустилъ „брр!“

Григорій сидѣлъ за столомъ и чувствовалъ себя неловко и натянуто, словно онъ и въ самомъ дѣлѣ въ чемъ-то провинился передъ этими людьми. Еще онъ чувствовалъ, что отецъ съ Сергѣемъ говорили между собою о немъ, Григоріи, и въ чемъ-то оказались согласны, солидарны другъ съ другомъ. По временамъ они обмѣнивались взглядами, по временамъ отецъ изъ-подлобья взглядывалъ на Григорія и въ этомъ взглядѣ Григорій улавливалъ, кромѣ недружелюбія, еще озабоченность и безпокойство. Можетъ быть, отецъ опять говорилъ о немъ со становымъ...

— Тебѣ, Григорій, не хѣшало бы остричься, космы отросли, какъ у дьячка!—сказалъ старикъ, между прочимъ, кончая обѣдать.

— Это, братецъ, теперь ужъ вышло изъ моды,—замѣтилъ Сергѣй, отдуваясь отъ излишка принятой пищи,—нигилисты нынче подтянулись: стригутся „подъ польку“ и не носятъ красныхъ рубахъ!

И сказавъ это, Сергѣй бросилъ взглядъ на отца съ такимъ выраженіемъ, когда человѣкъ бываетъ убѣжденъ, что встрѣтитъ поддержку.

— Оставьте меня въ покоѣ!—крикнулъ Григорій. Въ его голосѣ зазвенѣла злоба и онъ сталъ кашлять. Этотъ кашель встряхивалъ все его тощее тѣло, и казалось, что въ груди у Григорія что-то сидитъ и держится когтями, а онъ всѣми силами легкихъ старается выбросить это „что-то“ въ окно, но никогда не выбросить...

За вечернимъ чаемъ они сидѣли за столомъ и тяготились другъ другомъ. Отцу нездоровилось: онъ крѣпился и на лицѣ его было такое выраженіе, словно ему бередили незажившую рану. Сергѣй читалъ „Новое Время“, позванивалъ чайной ложечкой о стекло стакана и время отъ времени произносилъ „хм!“

— Я всѣхъ бы ихъ перевѣшалъ и дѣлу конецъ!—вслухъ подумалъ онъ, отбросивъ газету и принимаясь за чай.

— Кого ты это?—хмуро спросилъ отецъ.

— Жидовъ. Началъ бы съ этого самого Дрейфуса и кончилъ послѣднимъ пархатымъ жидомъ!

— А что?

— Помилуйте! Изъ-за одного какого-то, съ позволенія сказать, паршиваго жида трясется все государство, оскорбляется честь арміи! Повѣсить на первую осину и дѣлу конецъ! Хм!.. А ты,

милѣйшій, чему же смѣешься?—вызывающе обратился вдругъ онъ къ Григорію, замѣтивъ на лицѣ того ироническую улыбку.

— Слишкомъ ужъ ты строгъ, хотя и несправедливъ... Если бы тебя, Сергѣй, неожиданно сдѣлали, какъ Санчо-Панса, губернаторомъ какого-нибудь острова, то навѣрное тамъ скоро не осталось бы жителей...

— А я думаю, братецъ, что и такихъ, какъ ты, Донъ-Кихотовъ ставить къ дѣлу негодится..

— И это правильно!—спокойно отвѣтилъ Григорій.—Такие Донъ-Кихоты, какъ я, не годятся даже на пушечное мясо...

Сергѣй вспыхнулъ.

— Это пушечное мясо, милѣйшій, проливаетъ кровь за отечество, не щадитъ своего живота, а не мѣшаетъ помнить, что связано: нѣтъ выше подвига, какъ положить душу за други своя... Вотъ что, братецъ!

— Ты говоришь такъ, словно ужъ не пощадилъ живота и положилъ душу,—замѣтилъ Григорій и ему стало такъ смѣшно и весело, что онъ громко расхохотался.

— И потомъ, Сергѣй, это сказано про душу, а не про животы... Придетъ время, когда не надо будетъ такъ безпощадно относиться къ своимъ и къ чужимъ животамъ, и тогда... тогда вамъ нечего будетъ власть!

Сергѣй вскочилъ со стула и, стукнувъ по столу кулакомъ, закричалъ дико:

— Прошу со мной не шутить! Я могу забыть, что ты мой братъ!..

Съ этими словами Сергѣй вышелъ въ залъ, захлопнувъ дверь за собой такъ сильно, что чайная посуда на столѣ вздрогнула. Григорій сидѣлъ, съ недоумѣвающей улыбкою на лицѣ, и смотрѣлъ какъ-то себѣ въ бороду. Отецъ покрывивалъ и насупилъ брови. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи, а потомъ старикъ началъ:

— Григорій! Я тебѣ предложилъ бы не разводить передъ нами нигилизма и атеизма,—это во-первыхъ! а во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, не оскорблять насъ съ Сергѣемъ своими неумѣстными шуточками. Я слишкомъ старъ, чтобы служить для нихъ мишенью, а Сергѣй... Сергѣй какъ-никакъ представитель русскаго дворянства, отъ котораго ты отрекцаешься, и... русскою армію... да! Я долженъ тебѣ сказать...

Григорій смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на отца и не зналъ, вѣрить ли своимъ ушамъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ нанесъ столь тяжкія оскорбленія отцу и брату!.. Оперши голову на руки, Григорій слушалъ, какъ плавно, методично, словно дождевая вода съ крыши, лилась обличительная рѣчь старика, и въ

тавь словамъ и удареніямъ поматывалъ головою, словно соглашался во всемъ...

— Ты мнѣ писалъ, что усталъ нравственно и физически, и я думалъ, что ты, наконецъ, образумился, бросилъ свои разныя этакія идеи и хочешь успокоиться и жить, какъ живутъ всѣ благоразумные, честные люди... А ты, оказывается, вовсе не думалъ уставать и намѣренъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ для своихъ соціальныхъ затѣй, хочешь что-то тамъ учредить на моей землѣ... Тебя не останавливаетъ ни благородное происхождение, ни то, что мать простила тебѣ передъ смертью всѣ твои гадости, ни болѣзнь твоя, ни мысль, что когда-нибудь надо же взяться за честное дѣло... Я тоже усталъ, дѣйствительно усталъ, и нравственно и физически... Я старъ и, кто знаетъ, дни мои, можетъ быть, сочтены... Хотъ бы передъ гробомъ-то ты... пожалѣлъ... да... меня...

Голось старика изъ методичнаго и сухого сдѣлался вдругъ неровнымъ, задрожалъ, глаза стали моргать, а ввалившіяся въ беззубый ротъ губы—вонвульсивно кривиться.

— Сколько горя мы уже пережили черезъ тебя, Григорій! Если бы собрать всѣ слезы, которыя мы... съ матерью...

Старикъ махнулъ рукой, замолчалъ и сталъ всхлипывать, какъ ребенокъ послѣ продолжительнаго плача. Когда Григорій слушалъ методическую рѣчь на его лицѣ вспыхивали красныя пятна и въ душѣ закипало негодование, по временамъ ему хотѣлось зло расхохотаться прямо въ лицо старику или оборвать его дикія слова и оскорбленія крикомъ „Замолчи!“ и стукнуть кулакомъ по столу, какъ это сдѣлалъ давеча Сергѣй,—но когда Григорій услышалъ эти всхлипыванія и когда увидалъ моргающіе глаза и искривленныя губы,—то онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно беззащитнымъ и ему самому захотѣлось плакать, но не было слезъ, а было только трудно дышать, не хватало воздуха и что-то давило на мозгъ... А старикъ все всхлипывалъ, голова его, съ голымъ теменемъ и съ ключьями сѣрыхъ волосъ, тряслась на рукахъ, а плечи вздрагивали...

Григорій соскочилъ вдругъ со стула и, приблизившись къ отцу сзади, обнялъ рукой его шею и, перекинувшись черезъ плечо, сталъ цѣловать его колючую мокрую и соленую отъ слезъ щеку.

— Перестань, отецъ! успокойся... Мы не можемъ только понять другъ друга... Я, отецъ—не злой человекъ... Нѣтъ... Я ни въ чемъ не виноватъ... Что горя я причинилъ вамъ много—это такъ, правда!.. Ну, за это прости меня, какъ—мать!.. Я не виноватъ... Нѣтъ...—говорилъ Григорій и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Богъ съ тобой, Григорій! Мы... мы съ матерью не могли тебѣ желать худа... да!.. Мы знали, что сердце у тебя доброе... Но тебя смутили... Эти... будь они прокляты!—со стономъ выкрикнулъ старикъ и какъ-то трагически погрозилъ въ пространство кому-то пальцемъ.

Вошелъ Сергѣй. Онъ услыхалъ плачь отца и весь кипѣлъ негодованіемъ.

— Развѣ у нихъ есть сердце, папаша? Хм... Они не признаютъ брака, а слѣдовательно не могутъ чувствовать и синовней любви, жалости къ отцу... У нихъ „вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли...“ А насчетъ собственности у нихъ: „что мое, то мое, а что твое,—тоже мое!“

Григорій отошелъ въ сторону. Онъ мелькомъ взглянулъ на брата, и взглядъ этотъ былъ безстрастенъ и безразличенъ, словно Григорій видѣлъ предъ собою не Сергѣя, а такъ, какой-то неодушевленный предметъ... Онъ тихо пошелъ прочь, съ опущенной головой, и въ походкѣ его, какъ и во всей фигурѣ, было что-то беззащитное и безвыходное.

III.

Григорій ходилъ по своей комнатѣ и курилъ папиросу за папиросой. Чтобы не мѣшать прихворнувшему отцу спать, онъ снялъ ботинки и ходилъ въ однихъ чулкахъ. Шаги его мягко и глухо отдавались въ тишинѣ ночи и заставляли чуткую Васильевну прислушиваться и беспокоиться: она не могла понять, гдѣ ходятъ, и, по обыкновенію, предполагала воровъ на подоловѣ, гдѣ у нихъ стоитъ сундукъ съ разнымъ хламомъ.

Ночь была лунная и тихая. Снѣгъ блисталъ синими огоньками и въ комнатѣ дрожалъ мягкій голубоватый отблескъ луннаго сіянія. Было такъ тихо въ домѣ и на дворѣ, что казалось, будто снѣгъ подъ ногами карауливаго хутора мужика хруститъ въ комнатахъ, а протяжный звонъ волокола Горской церкви, отбивавшаго „часы“, слышался такъ ясно и отчетливо, словно церковь стояла на дворѣ, а не въ Горкахъ, за четыре версты отъ хутора... Когда Григорію надоѣдало ходить взадъ и впередъ, онъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ на лунную ночь... Тамъ было такъ спокойно и тихо, словно всѣ люди на землѣ умерли и остался одинъ только онъ, Григорій, да этотъ лунный свѣтъ, такой странный и загадочный... Ночь точно о чемъ-то думала. Казалось, она что-то знаетъ, но хранить въ тайнѣ и никогда не скажетъ то, что она знаетъ... Быть можетъ, она думаетъ о людяхъ и жалѣетъ этихъ несчастныхъ пигмеевъ, устроившихъ

себѣ адъ на землѣ въ ожиданіи рая на небѣ, гдѣ теперь безстрастно и величаво остановилась луна...

Дверь въ залъ раскрыта: на полу легли тѣни отъ переплета оконныхъ рамъ; въ углу стоятъ старыя забытыя клавикорды... На этихъ клавикордахъ мать играла когда-то „Молитву дѣвы“; когда, на-дняхъ, Сергѣй началъ играть на этихъ клавикордахъ, то они словно заплакали и закашляли проволокой... И все-таки они стоятъ и стоятъ, а матери, которая играла на нихъ „Молитву дѣвы“, нѣтъ. Да, матери нѣтъ... И того Сережи, гимназиста, съ которымъ въ дѣтствѣ они жили душа въ душу, жили одной жизнью и понимали другъ друга съ полуслова, — тоже нѣтъ... Онъ исчезъ безслѣдно, и кажется, что его подмѣнилъ кто-то большимъ и грубымъ человѣкомъ, который кричитъ, стучитъ, говорить: „ну-ка, раздавимъ чепуршечку!“ и насвистываетъ: „я цыганскій баронъ...“ И отца нѣтъ, предъ которымъ онъ когда-то благоговѣлъ и каждому слову котораго вѣрилъ... И никого нѣтъ на свѣтѣ, кто бы понялъ, какъ онъ усталъ и какъ болитъ у него грудь... Отъ этого одиночества жутко и холодно, и викауда отъ чего не уйдешь, потому что оно, какъ тѣнь, идетъ по слѣдамъ...

Григорій прилежъ на софу. У него закружилась голова, можетъ быть отъ думъ, какъ вихрь, кружащихся въ мозгу, а можетъ быть, просто отъ долгаго хожденія по комнатѣ. Когда онъ закрывалъ глаза, то ему чудилось, что софа, вмѣстѣ съ его тѣломъ, двигается плавно и безшумно, какъ лодка по тихой водѣ. И опять ему казалось, что онъ все время куда-то ѣхалъ, безконечно долго ѣхалъ, потомъ остановился немного отдохнуть и опять поѣхалъ дальше... Куда? Это неясно... А когда онъ уснулъ, то ему приснился глупый сонъ, будто онъ летаетъ на этой самой софѣ по воздуху и нигдѣ не можетъ остановиться, потому что какъ только софа начнетъ опускаться на землю, появляется откуда-то Сергѣй, въ полной парадной формѣ, и кричитъ: „пашку!“ — и тогда софа, покачавшись на мѣстѣ, опять поднимается и летитъ...

Утромъ онъ всталъ вялый, развинченный и всѣ члены его болѣли, словно за ночь его избили. Въ головѣ носился туманъ, знобило и во рту ощущалась сухость. Первымъ дѣломъ онъ вытащилъ изъ-подъ софы свой чемоданъ, раскрылъ его и задумался. Въ этомъ положеніи его засталъ отецъ. Теперь старикъ ходилъ мягко, смотрѣлъ кротко и въ глазахъ его свѣтилась добрая задумчивость.

— Сегодня я видѣлъ во снѣ папу мать, — заговорилъ онъ и вздохнулъ. — Будто она пила съ нами чай и все торопилась... А когда я спросилъ ее, зачѣмъ она торопится, то она сказала, что пришла ненадолго, чтобы повидаться съ тобой, Григорій! Да! съ тобой! А потомъ кто-то — должно быть, ты — стукнулъ и я проснулся...

Григорій задвинулъ чемоданъ подъ софу и сталъ ходить рядомъ съ отцомъ и все порывался о чемъ-то заговорить съ нимъ. Старикъ былъ съ нимъ ласковъ: онъ былъ увѣренъ, что Григорій вчера обнималъ его и цѣловалъ потому, что, наконецъ, раскаялся, и съ этимъ раскаяніемъ онъ связывалъ свой сонъ, который казался старику чрезвычайно знаменательнымъ...

— Тебѣ, можетъ быть, надо что-нибудь изъ бѣлья?—заговорилъ онъ, вспомнивъ, что засталъ Григорія за раскрытымъ чемоданомъ.—У тебя, вѣрно, какая-нибудь нехватка? Ты говори, не стѣсняйся. У меня есть лишнее. Покойная мать много нашла мнѣ всякой всячины, на всю жизнь мою хватить и еще останется... Нечего перемерониться...

— Нѣтъ, не надо...

Григорій еще походилъ около отца молча и, наконецъ, тихо сказалъ:

— Бѣлья не надо.. Вотъ если бы ты далъ мнѣ рублей десять—пятнадцать на дорогу, я былъ бы тебѣ очень благодаренъ. Когда получу,—вышлю тебѣ...

Старикъ вопросительно посмотрѣлъ на Григорія и ничего не понялъ.

— Сегодня я, отецъ, думаю ѣхать,—пояснилъ Григорій, глядя въ землю.

— Куда?

— Да покуда въ Самару, а потомъ... посмотрю тамъ.

— Зачѣмъ?!

— Надо. Можетъ быть, найду тамъ какую-нибудь работу и устроюсь...

— Вотъ тебѣ и разъ! Самъ усталъ, кашляетъ, а самъ опять—работу! Ты что-то, Григорій, неладно думаешь... Можетъ быть, ты думаешь, что ты... какъ это сказать... что ты будешь мнѣ мѣшать, или что при тебѣ будетъ лишній расходъ? Ты это оставь, Григорій! Зачѣмъ передъ отцомъ гордиться?! Проживемъ какъ-нибудь...

И опять Григорій почувствовалъ какую-то безвыходность и не зналъ, какъ ему объяснить свое рѣшеніе ѣхать, чтобы не оскорбить и не огорчить старика, такъ нѣжно и внятно настроеннаго. Опять у Григорія стало тяжело на душѣ, и опять стало трудно дышать и въ вискахъ застучало громко, какъ молотками по наковальнѣ...

— Я къ тебѣ приѣду весной, а теперь... надо ѣхать. Ты, пожалуйста не сердись... Что же дѣлать? Никто не виноватъ тутъ, а просто я... не могу...

— Ну, что-жъ... если не можешь, ничего не подѣлаешь. Я неволить не стану... да! А самъ говорилъ, что усталъ... Въ род-

номъ домѣ, гдѣ ты родился и воспитывался, около отца, въ деревнѣ—лучшаго отдыха, Григорій, не найдешь, помани мое слово: не найдешь!.. Ну, что же?... Опять я одинъ останусь... Сергѣй тоже уѣдетъ скоро—отпускъ у него кончится, и ты уѣдешь... Ты, можетъ-быть, разсердился на то, что я вчера говорилъ? На отца не стоитъ сердиться... Можетъ быть, немножко лишняго я вчера сказалъ, погорячился...

— Нѣтъ, не въ томъ, отецъ, дѣло... Это пустяки... А такъ... Поѣду...

— Ну, что-жь... Денегъ я тебѣ дамъ. Мнѣ не жалко, когда есть... А когда ты поѣдешь?

— Сегодня...

— Какъ это у васъ все вдругъ, Григорій!.. Ни съ того, ни съ сего... Ужъ погостилъ бы, вмѣстѣ съ Сергѣемъ и поѣхали бы...

Когда отецъ упомянулъ о Сергѣѣ, Григорій отрицательно замоталъ головой и сказалъ:

— Намъ съ нимъ не по пути...

— Вотъ тебѣ и разъ! До станціи то поѣхали бы вмѣстѣ,— я про то и говорю...

— Нѣтъ, отецъ, ужъ все равно... Скорѣй—лучше...

— Жалко, жалко... Опять я одинъ... да!..

Весь день старикъ ходилъ какой то задумчивый, сосредоточенный и печальный, и все вываливалось у него изъ рукъ, и все онъ вряхтѣлъ и съ тоской останавливалъ свои глаза на лицѣ Григорія, словно все хотѣлъ разгадать что-то или хорошенько разсмотрѣть это лицо, въ которомъ было для него столько дорогого, близкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждаго и непонятнаго...

Сергѣй ходилъ съ холоднымъ презрѣньемъ, то же сосредоточенный, держалъ руки въ карманахъ тужурки, узкой, плотно обтянувшей его сзади, и насвистывалъ: „я—цыганскій баронъ“; когда онъ проходилъ залъ до конца, то быстро повертывался на каблукахъ и, позванивая шпорами, опять шелъ... Сергѣй приписывалъ сборы Григорія въ отъѣздъ исключительно своему воздѣйствію и тому, что онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ: „я прошу со мной не шутить“, но онъ предполагалъ, что братъ не уѣдетъ и что онъ ломаетъ только комедію, желая, чтобы его упрашивали остаться. „Пусть извинится, больше никакихъ!“—думалъ онъ и ждалъ, что вотъ-вотъ Григорій подойдетъ и начнетъ извиняться. Но Григорій медлил и Сергѣй терялъ терпѣніе.

— Куда изволите собираться?—спросилъ онъ, останавливаясь около брата и выдѣлывая какія то „па“ ногами.

— Домой!—со вздохомъ отвѣтилъ Григорій, не обернувшись.

— Такъ-съ... А позвольте узнать, гдѣ у васъ домъ?

— Далеко. Отсюда не видать,—спокойно отвѣтилъ Григорій, вѣрно стягивая ремни чемодана.

— Такъ-съ... Однако будетъ комедію ломать! Ты, вѣроятно, считаешь себя оскорбленнымъ? Я, Григорій, вынужденъ былъ такъ отвѣтить... Если ты извинишься, я готовъ взять свои слова назадъ...—началь Сергѣй снисходительнымъ тономъ.—Я, Григорій, поступилъ, какъ...

— Какъ „честный офицеръ“,—докончилъ Григорій серьезно.

— Въ такомъ случаѣ—давай руку и развязывай чемоданъ!—довольно улыбаясь, пробасилъ Сергѣй.

Григорій руку подаль, но чемоданъ развязывать не сталъ.

Послѣ обѣда, который прошелъ томительно, въ какомъ то напряженномъ молчаніи, отецъ отозвалъ Григорія въ сторону и сказалъ: „поди-ка ко мнѣ въ комнату на два слова“.

— Ты, Григорій, можетъ быть, дѣйствительно того... изъ-за ссоры съ Сергѣемъ хочешь уѣхать? Надо плюнуть. Онъ, вѣдь, грубъ и глупъ, ему извинительно.. У нихъ у всѣхъ такія замашки: стучать, кричать и свистать... Ты ему извини ужъ! Не стоитъ на него обижаться. Ты поумнѣе и плюнь!

— Я и не обижаюсь... Я—не потому... Нѣтъ! Надо все-таки ѣхать...

— То-то!.. да... Такъ, можетъ быть, ты отложишь до завтра?

— Надо ѣхать, отецъ!.. Все равно ужъ... Скорѣе. Сегодня въ ночь.

— Ну, Богъ съ тобой! какъ хочешь... да! денегъ тебѣ надо. Вотъ, возьми четвертную!

— Много. Довольно пятнадцати.

— Ну, ну! полно! Что гордиться? Все-таки я тебѣ — отецъ, не чужой... бери, бери! А то въ конецъ обидишь меня.. Умру,—все ваше будетъ.

— Я рассчитываю получить... Вышлю тебѣ.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста не дѣлай этого!.. Какіе съ отцомъ счеты?! Зачѣмъ гордиться!..

Васильевна ходила съ заплаканными глазами. Она жалѣла Григорія и думала, что его всѣ обижаютъ. Она нѣсколько разъ принималась на кухнѣ плакать и причитать, но, появляясь въ комнатахъ, не подавала виду: она помнила, какъ Сергѣй Петровичъ закричалъ „маршъ“, когда она пожалѣла Григорія Петровича. А Григорій Петровичъ — мягкій, сердце у него ласковое и всякій его можетъ обидѣть, а заступиться некому,—нѣтъ родной матери..

Въ семь часовъ у крыльца стояла уже запряженная въ кошевку маленькая лошадка и когда она, потрихивая головой, рассыпала колокольчики, то и у старика, и у Сергѣя, и у Григорія вздрагивало сердце и дѣлалось грустно, грустно. Они пили вмѣстѣ послѣдній чай.

*

— Я тебѣ налью еще стаканчикъ? — говорилъ старикъ, оттягивая минуту разлуки.

— Пожалуй, налей.. Хотя не хочется.

— Пей, пей! На желѣзной дорогѣ надо платить 10 коп. за каждый стаканъ... Какъ не стало матери, я самъ началъ разливать чай.. Привыкъ!.. А раньше не могъ, все забывалъ, что наливать некому, и ждалъ, когда мнѣ нальетъ мать... Ты пей съ хлѣбомъ! Я тебѣ положилъ курицу-то въ узелокъ... Зубовъ у меня мало и все ровно я только пососу, а ничего не сдѣлаю съ курицей... А тебѣ въ дорогѣ пригодится.. На желѣзной дорогѣ за эту штуку заплатишь гривенъ шесть...

Григорій черезъ силу пилъ чай и то и дѣло смотрѣлъ на часы. Но въ комнату заглянулъ Никаноръ и сказалъ:

— А что, господа честные, не опоздамъ мы на чугууну?

Тогда Григорій всталъ и, словно спохватившись, произнесъ: „пора! пора!“...

-- Весной буду ждать, — началъ отецъ, — весной у насъ хорошо, благодать! На пруду есть лодка... будешь рыбачить... Ты не разлюбилъ это занятіе?

— Нѣтъ.

— Будешь охотиться на утокъ...

— Прошлой весной этихъ самыхъ утокъ было... — неожиданно воодушевившись, началъ было говорить Никаноръ, но Сергѣй показалъ ему на чемоданъ, и Никаноръ не кончилъ фразы: схвативъ чемоданъ, онъ понесъ его въ санки.

— Ну, прощайте, — глухо сказалъ Григорій.

— Надо присѣсть передъ дорогой... Такой ужъ обычай... Сядь, Сергѣй!

Они посидѣли, потомъ разомъ всѣ встали, старикъ помолился передъ образомъ, подошелъ къ Григорію, перекрестилъ его и долго держалъ въ объятіяхъ и цѣловалъ, а когда выпустилъ, то сталъ тяжело отдуваться, приговаривалъ:

— Ну, Богъ съ тобой! Счастливыи путь тебѣ!.. Весной, смотри, буду ждать... Пиши, какъ тамъ будешь жить... Деньги если понадобятся, — не гордись...

— Прощай, Гришка! — сказалъ Сергѣй и тоже громко поцѣловалъ брата три раза.

-- Смотри, не сердись!.. Я, вѣдь, горячій, — добавилъ онъ.

Всѣ вышли провожать Григорія на крыльцо. Васильевна стояла тутъ же. Когда всѣ еще разъ простились съ Григоріемъ, она схватила его руку и поцѣловала.

— Прости насъ, окоянныхъ... А самъ молись за мамашу-то! — наставительно прошептала она ему на ухо, и Григорій почувствовалъ, какъ горячая слеза упала ему на руку.

— Ну, трогай!

Завизжали полозья саней, забулькали бубенчики и Григорій поѣхалъ.

— На Коземъ вражѣ осторожнѣй, Никаноръ! Подъ уздцы спусти!—крикнулъ старикъ упавшимъ голосомъ.

— Спустимъ!—отвѣтилъ Никаноръ, не оборачиваясь, ударилъ лошадку, и кошевка плавно покатила по снѣгу, мимо амбаровъ, погребовъ и каретниковъ, къ воротамъ...

Сергѣй ушелъ въ комнаты, а отецъ съ Васильевной остались. Васильевна утирала слезы рукавомъ кофты и что-то шептала. А старикъ смотрѣлъ вслѣдъ уплывавшимъ санкамъ, изъ которыхъ торчалъ башлыкъ на головѣ Григорія, и моргалъ глазами, и ему было такъ грустно, словно онъ во второй разъ похоронилъ Марью Федоровну...

Когда лошадка выѣзжала изъ воротъ, Григорій оглянулся. На крыльцѣ еще темнѣла чья-то фигура; Григорій хотѣлъ помахать рукой, но не успѣлъ: крыльцо спряталось за какую-то постройку и незачѣмъ было махать.

Когда выѣхали въ поле,—подулъ въ лицо рѣзкій вѣтеръ. Григорій накрылъ лицо наглухо башлыкомъ, оставивши только маленькую дырочку для воздуха, и закрылъ глаза... Полозья съ желѣзными подрѣзами визжали по снѣгу, бубенчики сыпались по дорогѣ непрерывнымъ дождемъ мелодичныхъ колокольчиковъ и, прислушиваясь къ этой своеобразной мелодіи, Григорій начиналъ мало-по-малу погружаться въ нирвану.

Ему казалось, что онъ ѣдетъ давно, давно, что онъ никогда не останавливался и никогда не остановится, а будетъ безъ конца все куда-то ѣхать...

Евгеній Чиринъ.

Вулканы на землѣ и вулканическія явленія во вселенной.

Проф. А. П. Павлова.

І. Вулканы на землѣ.

Въ этой статьѣ описываются тѣ замѣчательныя явленія въ жизни нашей земли, съ которыми насъ знакомятъ вулканы, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ по ея поверхности.

Правда, намъ, жителямъ русской равнины, приходится слышать о вулканическихъ явленіяхъ только на урокахъ географіи, но, тѣмъ не менѣе, они заслуживаютъ того, чтобъ остановить на нихъ наше вниманіе, такъ какъ играютъ очень важную роль и на землѣ, и на другихъ небесныхъ тѣлахъ, и ихъ изученіе проливаетъ свѣтъ на нѣкоторыя еще таинственныя для насъ явленія въ міровой или космической жизни.

Вулканы и вещества, ими выбрасываемыя и изливаемые, не слишкомъ распространены на землѣ. Далеко бѣльшая часть земной поверхности сложена изъ матеріаловъ не вулканическаго, а воднаго происхожденія. Почти всюду подъ почвой съ ея растительнымъ покровомъ мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе уплотненные осадки моря: глины, песчаники, известняки съ морскими раковинами, иногда съ остатками растений, занесенныхъ съ ближайшаго берега. Въ равнинныхъ странахъ они обыкновенно лежатъ горизонтальными слоями, въ странахъ горныхъ они приподняты, сдвинуты въ складки, смяты и разломаны. Въ сѣверной и средней части нашей русской равнины поверхъ этихъ осадковъ лежитъ еще красноватая глина или песокъ съ валунами сѣверныхъ, преимущественно финляндскихъ и олонецкихъ каменныхъ породъ (булыжный камень); это наносы, образовавшіеся при участіи льда, когда-то покрывавшаго эту страну. Словомъ, вода и холодъ—Нептунъ и Борей—были главными дѣятелями, созидавшими тѣ матеріалы, изъ которыхъ построена обитаемая нами страна. Чтобы познакомиться еще съ другими матеріалами—тѣми, которые создаются при участіи жара, сокрытаго въ глубинахъ земли—нужно отправиться въ другія мѣстности, туда, гдѣ дѣятельность этого жара проявилась и продолжаетъ проявляться въ наиболѣе осязательной формѣ. Ближайшая изъ такихъ мѣстностей—южная Италия.

Невдалекѣ отъ сѣвернаго берега Сициліи и отъ страшнаго въ древности пролива Сциллы и Харибды (вынѣшній Мессинскій проливъ) расположена группа небольшихъ островковъ, называемыхъ Липарскими или Эоловыми. Самый южный изъ нихъ въ эпоху заселенія Италіи греками представлялъ страшное и необычайное для нихъ зрѣлище (рис. 1). Изъ обширнаго чашеобразнаго углубленія на его вершинѣ, такъ называемаго кратера (κράτηρ по-гречески чаша), выбрасывались клубы паровъ и удушливыхъ газовъ, вылетали раскаленные камни и падали въ сосѣднее море.

Непривычные къ подобнымъ зрѣлищамъ, мореплаватели не осмѣливались приближаться къ этому острову, думая, что здѣсь входъ въ адъ, въ страшное царство бога огня Гефеста или Вулкана. Самый островъ и до сихъ поръ называется Вулканъ и его собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ горъ, проявляющихъ дѣятель-

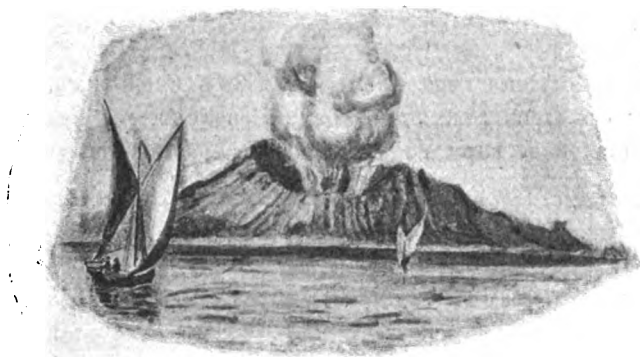

Рис. 1.

ность, сходную съ этой. Повидимому, въ тѣ древнія времена всякая попытка ближе изслѣдовать эти таинственные явленія считалась безразсудствомъ, дерзостью, грѣхомъ противъ боговъ.

Если бы въ ту же древнюю эпоху или нѣсколько позже, напр., незадолго до начала нашей эры, мы перенеслись въ другой уголокъ Италіи, на берега Неаполитанскаго и Байскаго залива, и стали гдѣ-нибудь на возвышенномъ пунктѣ у греческой колоніи Неаполисъ (Новый городъ), то, обратившись къ востоку, мы увидали бы вдали большую гору со срѣзанной вершиной (рис. 2), покрытую у подножія и по склонамъ зеленомъ виноградниковъ и садовъ, замѣтили бы много виллъ и нѣсколько довольно большихъ городовъ. Если бы мы стали разспрашивать объ этой мѣстности, то узнали бы, что на вершинѣ горы находится обширная впадина съ плоскимъ ровнымъ дномъ, что эта какъ бы валомъ окруженная площадь служитъ мѣстомъ воинскихъ упражненій для римскихъ легионовъ. что большіе города у подножія горы назы-

ваются Геркуланъ, Оплонтисъ, Стабія, Помпея, что въ нихъ есть богатые, украшенные произведеніями скульптуры и живописи, дома, храмы, амфитеатры и т. п. Словомъ, мы не услышали бы ничего страшнаго и убѣдились бы, что здѣсь ключемъ кипитъ жизнь и развивается римская культура.

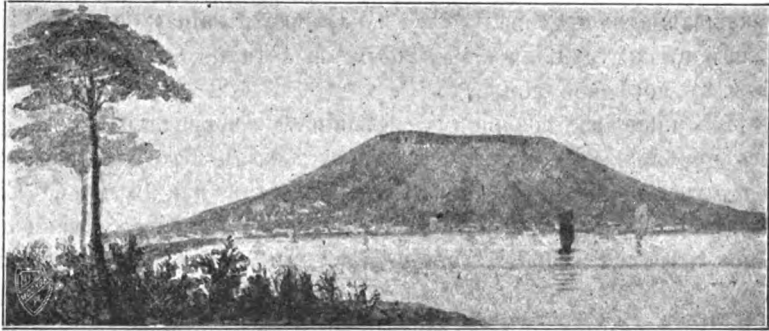

Рис. 2.

Теперь эта большая гора (рис. 3) имѣетъ иной видъ. Смотри изъ Неаполя или съ близъ лежащаго холма Позилипо, мы видимъ не одну большую правильную гору со сръзанной вершиной, а двѣ горы, изъ

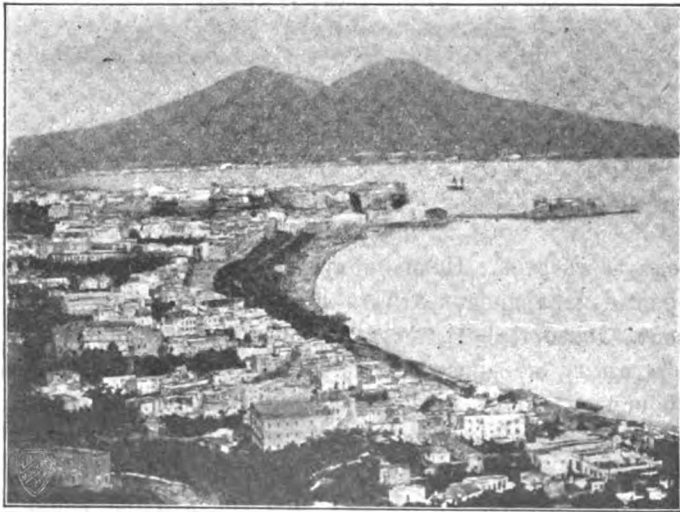

Рис. 3.

которыхъ одна полукольцомъ обхватываетъ другую, а эта другая гора имѣетъ видъ конуса, поднимающагося на высоту 1.200 метровъ (562 саж.) и постоянно дымящагося на вершинѣ. Это — Везувій, единственный на европейскомъ материкѣ дѣйствующій вулканъ. Полукольцевая гора, опоясывающая его съ сѣвера, представляетъ остатокъ

прежней большой горы и называется Монте Сомма или просто Сомма. Обѣ эти горы обозначены на картѣ (рис. 4).

Вулканическая природа Везувія впервые обнаружилась въ 79 году нашей эры (если не считать случившагося здѣсь въ 63 г. землетрясенія). Началу дѣятельности вулкана предшествовали сильныя землетрясенія въ окрестной мѣстности и затѣмъ началось самое изверженіе, описанное Плиніемъ младшимъ, находившимся въ то время на противоположномъ берегу Неаполитанскаго залива у города Байи на разстояніи 24-хъ верстъ отъ вулкана. Вотъ главные факты, отмѣченные Плиніемъ: надъ горою появилось облако, имѣвшее видъ столба, который поднялся и расширился наверху, принимая формы, напоминающія крону итальянской сосны—пинніи. При непрерывно продолжающемся гулѣ взрывовъ,

Рис. 4.

это облако, то бѣлое, то темное отъ поднимавшейся съ нимъ земли и пепла, все больше и больше расширялось и вскорѣ на землю и море сталъ падать пепелъ и черныя осколки камня. На другой день, въ 7 часовъ утра, было довольно темно, но можно было видѣть, что зданія города сильно расшатаны и угрожаютъ паденіемъ, что море удалилось отъ берега, какъ это бываетъ во время землетрясеній, а черное облако надъ горою прорѣзывается огненными зигзагами и вспыхиваетъ пламенемъ, какъ это бываетъ при сильной грозѣ съ молніями. Вскорѣ облако начало опускаться на землю и покрывать море, какъ бы наводняя всю окрестную мѣстность. Спасаясь отъ бѣгущей толпы, пишетъ Плиній, мы сошли съ дороги и, едва успѣли сѣсть въ сторонѣ, какъ насъ покрыла тьма и не такая, какъ ночью, когда нѣтъ луны и небо въ тучахъ, а такая, какая бываетъ въ совершенно закрытой комнатѣ. Слышались вопли женщинъ, возгласы мужчинъ и рѣзкіе крики дѣтей... Дождь пепла былъ такъ обилень, что приходилось вставать и стряхи-

вать его, чтобы не быть засыпаннымъ. Когда, наконецъ, показался солнечный свѣтъ, слабый и мрачный, какъ во время затменія, весь міръ, открывшійся передъ нашими испуганными взорами, оказался измѣнившимся. Все было покрыто пепломъ, бѣлымъ какъ снѣгъ...

Съ тѣхъ поръ гора сильно измѣнила свой видъ. Отъ прежней большой горы съ обпирной впадиной на вершинѣ сохранился только одинъ край, и этотъ-то уцѣлѣвшій остатокъ ея и называется Монте Сомма; тамъ, гдѣ была ровная, покрытая растительностью впадина, возвышается теперь конусообразная черная гора, надъ которой почти всегда колышется облачко пара, свидѣтельствующее о томъ, что дѣятельность вулкана еще не прекратилась окончательно. Со времени изверженія, описаннаго Плиніемъ, измѣнилась и вся окружающая гору мѣстность. Города и виллы исчезли, погребенные подъ слоями камней и пепла, частью сухаго, частью смѣшавшагося съ водою ливней, всегда сопровождающихъ сильныя изверженія и возникающихъ вслѣдствіе того, что выброшенные вулканомъ пары охлаждаются въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Мѣстность до такой степени измѣнила свой видъ, что самыя мѣста, гдѣ находились города Геркуланъ, Помпея, Стабія, были потеряны, и только случайная находка въ 1713 г., при рытьѣ одного колодца, статуи Геркулеса и Клеопатры, дала поводъ къ поискамъ и раскопкамъ, приведшимъ къ открытію Помпеи (рис. 8) съ ея храмами, цирками, мастерскими, частными жилищами, въ которыхъ превосходно сохранились произведенія искусства и промышленности того времени.

Со времени этого перваго изверженія, вулканъ не прекращалъ долго свою дѣятельность; проходитъ десятокъ или нѣсколько десятковъ лѣтъ, и вновь начинается изверженіе, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ больше былъ промежутокъ покоя. Вулканъ начинаетъ выбрасывать пары и пепелъ. Это длится иногда нѣсколько дней, иногда и мѣсяцевъ; время отъ времени, чаще всего къ концу изверженій, лава выливается или черезъ край его жерла, или черезъ боковыя трещины горы, и затѣмъ вулканъ затихаетъ и успокоивается.

Соотвѣтствіе силы изверженія съ продолжительностью покоя какъ бы оправдываетъ старинный взглядъ на вулканъ, какъ на предохранительный клапанъ земли.

Рис. 5 изображаетъ одно изъ этихъ изверженій, случившееся въ 1872 г. Потоки лавы, текущіе по склонамъ горы, выдѣляютъ съ своей поверхности клубы бѣлаго пара, что и даетъ возможность видѣть ихъ путь, находясь даже очень далеко отъ горы.

Теперь мы совершимъ маленькое мысленное путешествіе на Везувій, чтобы ближе съ нимъ познакомиться. Изъ Неаполя паровая или конная желѣзная дорога привозитъ насъ къ подошвѣ Везувія въ Резину или Портичи, откуда можно начать восхожденіе. Миновавъ грязныя и узкія улицы итальянскаго городка, мы идемъ, незамѣтно поднимаясь въ гору, по дорогѣ между виноградниками и вилами. По вре-

менамъ мы всходимъ на уступы съ шероховатой поверхностью — это древніе лавовые потоки; чѣмъ выше, тѣмъ рѣже становятся виллы и

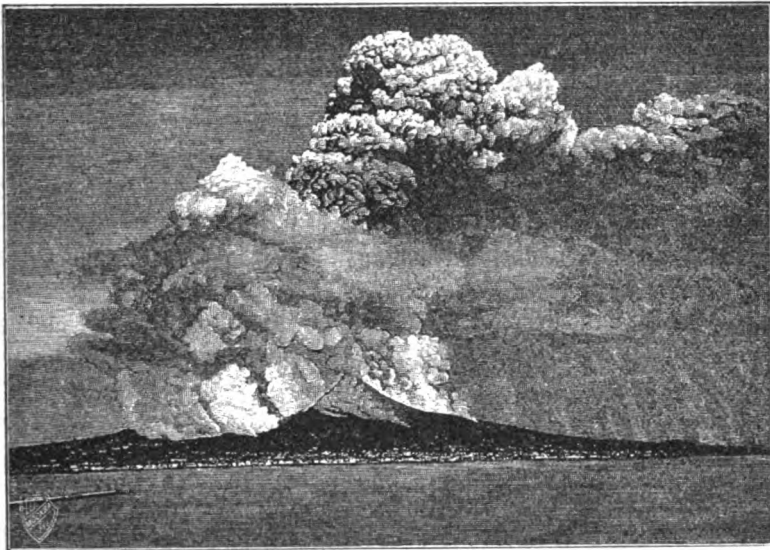

Рис. 5.

сады, и мы отчетливѣе на большемъ протяженіи видимъ лавовые потоки съ ихъ характерною неровною поверхностью (рис. 6).

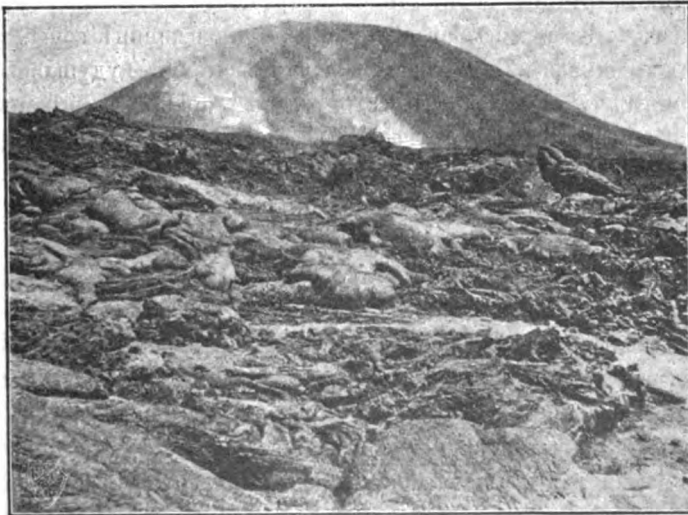

Рис. 6.

Эти неровности возникаютъ отъ того, что лава довольно скоро охлаждается съ поверхности и покрывается твердой каменной коркой, задер-

живающей движеніе потока, но онъ все же движется, каменный чехолъ взламывается и вновь застываетъ. Иногда онъ прорывается на своемъ нижнемъ концѣ и освободившаяся изъ него лава снова течетъ быструе, пока вновь не покроется каменной коркой. Иногда за первой, уже остывшей струей лавы, на нее натекаетъ вторая и д. т. Этотъ же способъ движенія лавы и дѣлаетъ поверхность застывшаго ея потока неровной и шероховатой, то съ округлыми уступами, то съ торчащими зубцами—остатками взломанной корки.

Мѣстами слой чернаго минеральнаго пепла или мелкихъ пористыхъ камешковъ—*garilli*—покрываетъ потокъ и скрываетъ его шероховатости. Эти рапилли и пепель представляютъ собою раздробленные взрывами осколки лавы.

Мы все болѣе и болѣе приближаемся къ круто поднимающемуся центральному конусу Везувія и, наконецъ, миновавъ обсерваторію, достигаемъ его подошвы.

У подошвы этого конуса иногда можно видѣть начало нѣкоторыхъ лавовыхъ потоковъ, тотъ пунктъ, ту трещину на склонѣ горы, изъ которой излился нѣкогда пылавшій жаромъ лавовый потокъ.

Мы начинаемъ подниматься на самый конусъ, и тутъ условія нашего пути сразу измѣняются. Раньше мы шли по твердой каменной поверхности, теперь мы взбираемся по рыхлому скопленію вулканическаго пепла и рапилли, изъ которыхъ состоитъ центральный конусъ. Нога вязнетъ въ сыпучій матеріалъ; поставивъ ногу на выбранную точку, мы не можемъ удержать позицію, съѣзжаемъ назадъ и лишь медленно и съ трудомъ поднимаемся вверху.

Наконецъ, трудности превзойдены, и мы на вершинѣ горы. Вокругъ насъ всюду трещины, изъ которыхъ выходятъ горячіе, удушливые пары; мѣстами нога чувствуетъ, что стоитъ на горячей почвѣ, представляющей собою пеструю поверхность изъ разныхъ минераловъ, выдѣлившихся при участіи вулканическихъ газовъ. Но на это мы мало обращаемъ вниманія: передъ нами величественная картина дѣйствующаго—хотя и въ слабой степени—вулкана (рис. 7).

Передъ нами чашеобразное углубленіе, мы стоимъ какъ бы на валу образующемъ край этой чаши, называемой кратеромъ. На днѣ кратера почти посрединѣ возвышается небольшой черный конусъ, какъ бы маленькая модель той горы, на которую мы только что взобрались, и изъ этого конуса, время отъ времени, со взрывомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, вырывается клубъ пара, смѣшаннаго съ пепломъ, съ осколками камня и съ комками полужидкой лавы, которые скругляются въ воздухѣ и, падая на дно кратера, иногда расплющиваются въ лепешку; эти скруглившіеся комки лавы называются вулканическими бомбами.

Подойдя съ подвѣтренной стороны, мы можемъ даже спуститься на дно кратера и тогда увидимъ, что оно покрыто морщинистой черной лавой, по разнымъ направленіямъ прорѣзанной трещинами, а изъ нихъ

мѣстами съ характернымъ свистящимъ шумомъ или пипѣніемъ вырываются горячіе удушливые пары; въ глубинѣ ихъ свѣтится зловѣщимъ красноватымъ свѣтомъ раскаленная каменная масса.

Если вѣтеръ силенъ и постояненъ, онъ относитъ удушающіе пары въ одну сторону и тогда бываетъ можно подойти совсѣмъ близко къ черному конусу, возвышающемуся посреди кратера, даже взобраться на него и на нѣсколько мгновеній заглянуть въ самое жерло вулкана, защищая лицо отъ палящаго жара и стараясь удержаться на ногахъ на дрожавшемъ отъ сильныхъ взрывовъ шлаковомъ конусѣ. Мы увидимъ тогда клубящіяся въ жерлѣ пары и, если порывъ вѣтра на время разсѣетъ ихъ, то можно бываетъ бросить взглядъ на волнующуюся

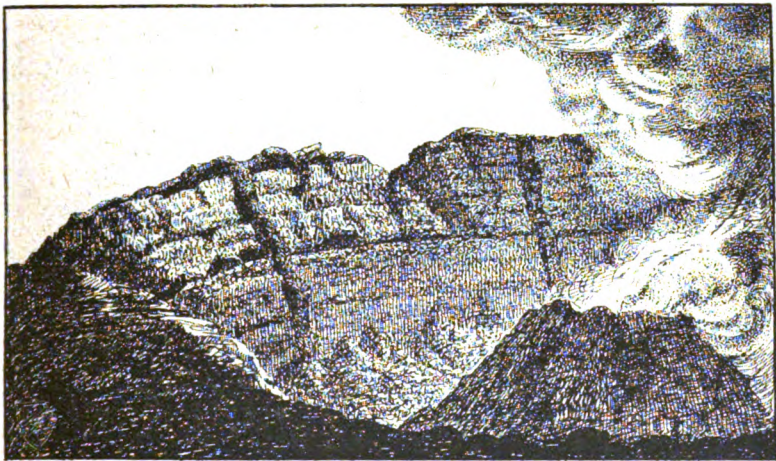

Рис. 7.

раскаленную массу лавы, поднимающуюся вверхъ передъ каждымъ взрывомъ: въ моментъ взрыва она разверзается и выбрасываетъ на сотни футовъ вверхъ большой клубъ пара съ комками полужидкой лавы, иногда очень большими, и съ осколками, уже застывшей по краямъ жерла, каменной массы. Черезъ нѣсколько мгновеній всѣ эти комки и осколки, немного отклоняемые вѣтромъ, съ шумомъ сыпятся на противоположную отъ насъ сторону конуса и скатываются съ него на дно кратера. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наблюдать такъ близко дѣятельность вулкана удается рѣдко и не всякому. Отъ вулканическихъ взрывовъ дрожать и колеблются и конусъ, и все дно кратера; эти взрывы оглушаютъ, вызываютъ дрожь въ ногахъ и трепетаніе сердца и вообще лишаютъ наблюдателя необходимаго спокойствія и самообладанія.

Разсматривая крутой, мѣстами обрывистый, внутренний край кратера (рис. 7), можно убѣдиться, что вся гора состоитъ изъ чередующихся наклонныхъ слоевъ лавы и пепла; мѣстами эти слоя пересѣ-

каются вертикальными или косо стоящими каменными жилами, выдающимися впередъ, какъ кулисы. Онѣ образовались изъ лавы, проникшей въ трещины горы и въ нихъ застывшей.

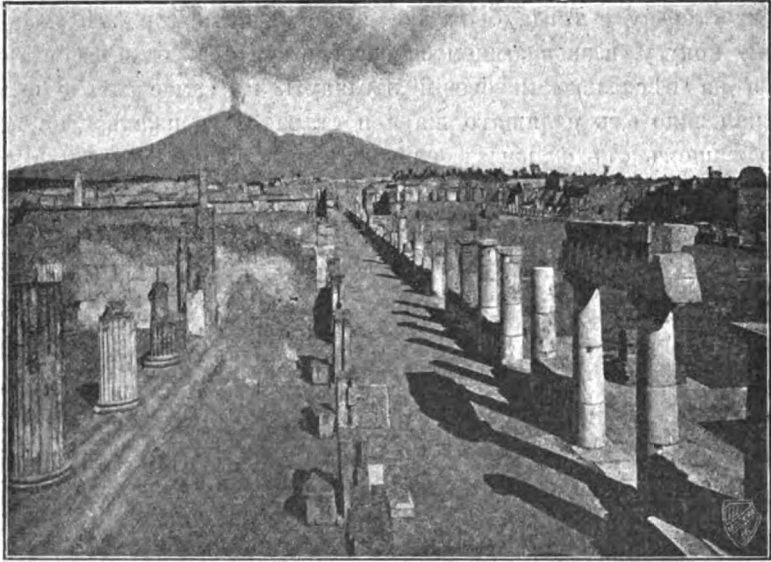

Рис. 8.

Такое же строеніе, но въ болѣе грандіозномъ масштабѣ, обнаруживаетъ и крутой ввнутренній край Соммы, тоже бывший когда-то краемъ кратера, несравненно болѣе обширнаго. Мы, впрочемъ, не будемъ спускаться къ Соммѣ, а сойдемъ съ Везувія по другой сторонѣ, по направленію къ лежащему у его подошвы знаменитому ископаемому городу Помпеѣ.

Рис. 9.

Значительная часть этого города теперь раскопана, такъ что можно гулять по улицамъ римскаго города (рис. 8), заходить въ жилища, изучать расположеніе комнатъ и любоваться стѣнною живописью, ихъ украшающею. Въ музей помпейскихъ находокъ можно видѣть и гипсовые отливки погибшихъ жителей города, отъ которыхъ сохранились пустоты въ отвердѣвшемъ вулканическомъ пеплѣ или туфѣ; наливая въ нихъ гипсъ и получаютъ такіе отливки (рис. 9).

Еще и теперь часть города лежитъ подъ пепломъ образующемъ на уровнѣ, нѣсколько

болѣе высокою, чѣмъ крыши домовъ города, довольно ровное, покрытое растительностью поле, подъ почвой котораго на глубинѣ въ-сколькихъ метровъ еще скрываются обломки древняго міра.

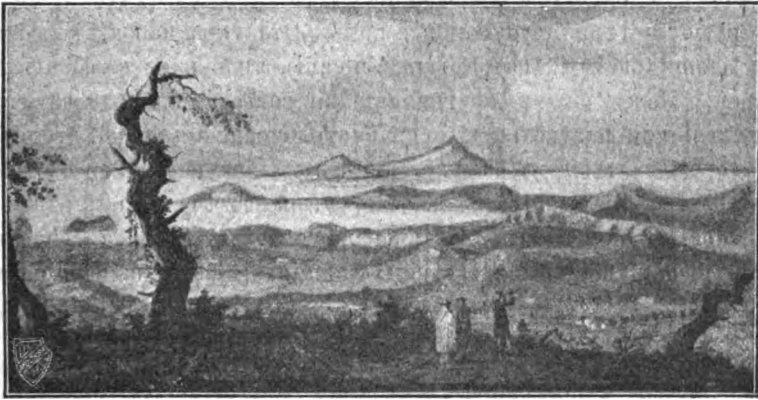

Рис. 10.

Но довольно о Везувіѣ. Обратимъ теперь вниманіе на мѣстность, лежащую къ западу отъ Неаполя и называемую Флеграйскими полями (см. карту рис. 4).

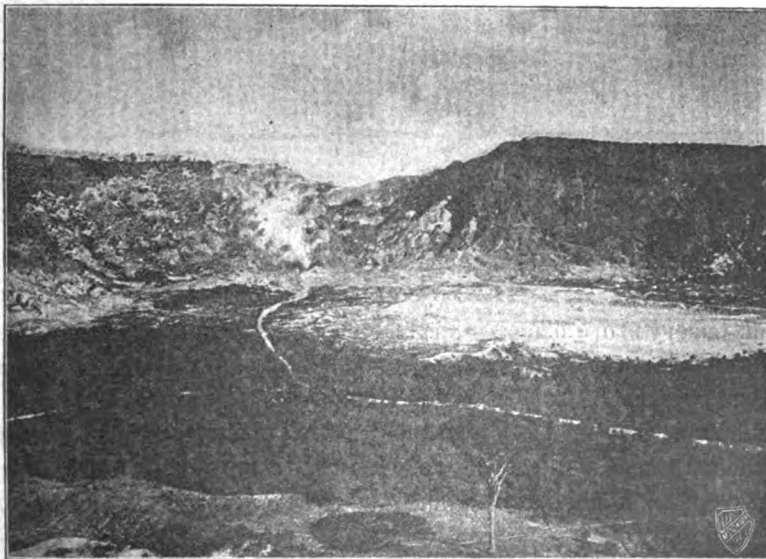

Рис. 11.

Если съ того же холма Позилипо, съ котораго мы смотрѣли на Везувіѣ, взглянуть въ противоположную сторону—на западъ, мы увидали бы другую картину (рис. 10).

Мы увидали бы Байскій заливъ и по берегамъ его на разныхъ разстояніяхъ невысокія горы оригинальной кольцеобразной или полу-

кольцеобразной формы и различной величины. Одна из самых больших поросла внутри лѣсомъ, другая представляетъ внутри ровное, плоское пространство съ бѣлой, почти лишенной растительности, почвой (рис. 11). У одного края этой площади существуетъ отдушина, выбрасывающая горячіе удушливые пары. Эта гора называлась въ древности площадью Вулкана (Forum Vulcani), теперь ее называютъ Сольфатарой. Между этими оригинальными горами можно замѣтить тоже кольцевыя или полукольцевыя сравнительно низкія горки, представляющія скорѣе валъ, чѣмъ гору, а внутри кольца или съ внутренней стороны полукольца расположилось озеро (рис. 12). Одно изъ этихъ озеръ Авернское, видимое близъ середины рисунка, имѣло въ древности унылый и печальный видъ. Отъ него поднимались вредные пары и здѣсь

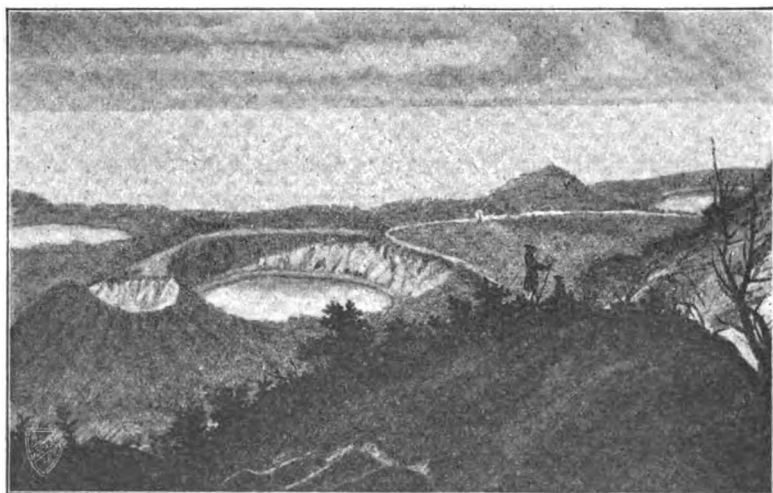

Рис. 12.

же на берегу этого озера, вѣроятно, и былъ тотъ знаменитый гротъ, въ которомъ проричала кумская Сибилла. Всѣ эти горы были когда-то настоящими вулканами или, вѣрнѣе, кратерами, можетъ быть, не менѣе страшными, чѣмъ кратеръ острова Вулкана; кратерами были и круглыя, окруженныя валомъ, озера, но дѣятельность всѣхъ этихъ кратеровъ давно затихла и лишь выходящіе кое-гдѣ газы и пары представляютъ какъ бы отдаленный ея отголосокъ.

Въ эпоху процвѣтанія здѣсь римской культуры, ни Forum Vulcani, въ которомъ подозрѣвали одну изъ дорогъ въ адъ, ни близость грота Сибиллы ничуть не дѣлали эту мѣстность мрачной и страшной. Напротивъ, берега залива, склоны горъ и промежутки между ними были застроены городами и виллами, утопавшими въ зелени садовъ. Здѣсь были города Путеолы, Кумы и Байя. Это было любимое мѣстопробываніе богатыхъ и знатныхъ римлянъ. Здѣсь проводили значительную часть

своего времени Цезарь, Помпей, Марій, Неронъ, здѣсь же на берегахъ Байскаго залива жили Цицеронъ и Виргилій. Здѣсь и Лукуллъ задавалъ свои знаменитые пиры, и римляне, въ нихъ участвовавшіе, не подозрѣвали, что они въ буквальномъ смыслѣ слова танцуютъ на вулканѣ, какъ не подозрѣвали и того, что большая гора къ западу отъ Неаполиса представляетъ настоящій большой вулканъ.

Съ тѣхъ поръ природа Флеграйскихъ полей въ общемъ мало измѣнилась. Однако произошло одно весьма интересное измѣненіе. Въ 1538 г. въ сентябрѣ, здѣсь были сильныя землетрясенія къ западу отъ дравяго г. Путоли, называвшагося въ то время Поццоло, а теперь это Подцуоли. Здѣсь въ продолженіи двухъ дней на ровномъ мѣстѣ образовался вулканъ, въ 140 м. высотой, который до сихъ поръ называется Новой Горой или Монте-Ново. Эта гора видна на рис. 12-мъ слѣва. Она имѣетъ видъ вулканическаго конуса, сложеннаго изъ пепла, камней и гарилли, и на вершинѣ ея кратеръ въ 120 м. глубины съ плоскимъ, засѣяннымъ кукурузой, дномъ.

Сохранилось письмо Франческо дель-Неро, который описываетъ одному изъ своихъ друзей это событіе. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого письма.

«Не знаю, бывали ли вы въ Подцоло; на разстояніи шести выстрѣловъ изъ лука по ту сторону города начинается равнина. Она имѣла около полумили ширины и опоясывала часть морского залива вправо отъ горы. Теперь вся эта равнина и часть горы превращена въ огненное жерло. 28-го сентября, сколо 12 ч. пополудни, море у Подцоло на разстояніе 600 локтей превратилось въ сушу, такъ что жители Подцоло могли привезти цѣлые воза рыбы, оставшейся на высохшемъ днѣ. 29-го, около 8 ч. утра, тамъ, гдѣ теперь жерло, земля опустилась на двѣ трости и выступила вода. Къ полудню того же дня земля начала на этомъ же мѣстѣ вздуться и къ вечеру образовалась небольшая гора, показался огонь и блескъ и съ страшнымъ шумомъ образовалось жерло, выбрасывавшее много земли и камней, падавшихъ вокругъ жерла и засыпавшихъ полукругъ моря съ діаметромъ въ 1½ мили... Со стороны Подцоло образовалась гора, и вокругъ земля и деревья были покрыты пепломъ. Вы не узнали бы моря—оно имѣетъ теперь видъ вспаханнаго поля, потому что на немъ кора въ полъ-ладони толщиной изъ камешковъ, называемыхъ здѣсь гарилло; она плаваеетъ на его поверхности».

Со времени образованія Монте-Ново вулканическая дѣятельность въ этой области не возобновлялась, и Флеграйскія поля могутъ служить типомъ области потухшихъ вулкановъ. На примѣрѣ Монте-Ново мы видимъ, что вулканическій конусъ—гора вулкана—не есть что-либо существенное, что она [есть слѣдствіе изверженія, а не причина, что главное, существенное въ вулканѣ—это жерло, или каналъ, посредствомъ котораго внутренняя область земли сообщается съ поверхностью.

• Прежде чѣмъ оставить вулканическій округъ Неаполя, интересно

бросить на него общій взглядъ и посмотрѣть, чѣмъ и какъ онъ ограничивается.

Съ с.-в. отъ него тянется горная цѣпь Аппенинъ, состоящая не изъ вулканическаго матеріала, а главнымъ образомъ изъ известковыхъ слоевъ—изъ древнихъ морскихъ осадковъ, впоследствии уплотненныхъ и превращенныхъ въ камень. Эти пласты морского происхожденія оказываются здѣсь, какъ и вообще въ горныхъ цѣпяхъ, изогнутыми и смятыми въ складки. Эти-то складки или ихъ болѣе или менѣе разрушенные остатки и образуютъ гребни горъ.

Мы уже упомянули въ началѣ этой статьи, что породы подобнаго характера: известняки, глины, сланцы, песчаники, по большей части морского, рѣже озерного происхожденія, то лежащія въ ихъ естественномъ горизонтальномъ положеніи, то приподнятыя и смятыя въ складки,—принадлежатъ къ числу распространеннѣйшихъ на земной поверхности

Рис. 13.

минеральныхъ массъ или породъ. Они почти всюду лежатъ подъ почвеннымъ и растительнымъ покровомъ въ равнинахъ и они же образуютъ высочайшія вершины горъ. Почти $\frac{3}{4}$ земной поверхности состоитъ изъ породъ такого типа. Породы вулканическаго происхожденія занимаютъ на земной поверхности сравнительно небольшіе участки и съ однимъ изъ такихъ участковъ—вулканическимъ округомъ Неаполя, мы сейчасъ познакомились. Онъ ограниченъ съ одной стороны цѣпью Аппенинъ, съ двухъ другихъ—ея боковыми отрогами; только съ третьей онъ ограниченъ моремъ. Исслѣдованія показали, что наибольшимъ распространеніемъ здѣсь пользуется вулканическій шуфъ, сложившійся изъ массъ пепла, но весь этотъ пепелъ нельзя приписать дѣятельности известныхъ намъ вулкановъ. Матеріалъ для его образованія выбрасывался изъ кратеровъ, которые находились тамъ, гдѣ теперь море. Вулканическій округъ Неаполя представляетъ слѣдовательно, только край болѣе обширной вулканической площади, западное продолженіе которой

затоплено моремъ. Такой выводъ подтверждается и рельефомъ морского дна, и существованіемъ по близости вулканическихъ острововъ. Одинъ, изъ этихъ острововъ, Низита, имѣетъ видъ кольцеобразнаго кратера прорваннаго въ одномъ мѣстѣ и затопленнаго внутри моремъ (рис. 13).

Перенесемъ теперь на самый югъ Италіи, на полуостровъ Калабрію, образующій тотъ изогнутый носокъ сапога, съ которымъ сравниваютъ Италію. Внутри дуги, образованной этимъ изгибомъ, расположена группа острововъ называемыхъ Эоловыми или Липарскими (рис. 14).

Къ числу ихъ принадлежитъ и знакомый уже намъ островъ Вулканъ, который, какъ и Везувій, время отъ времени возобновляетъ свою дѣятельность (последнее изверженіе было въ 1888 г.).

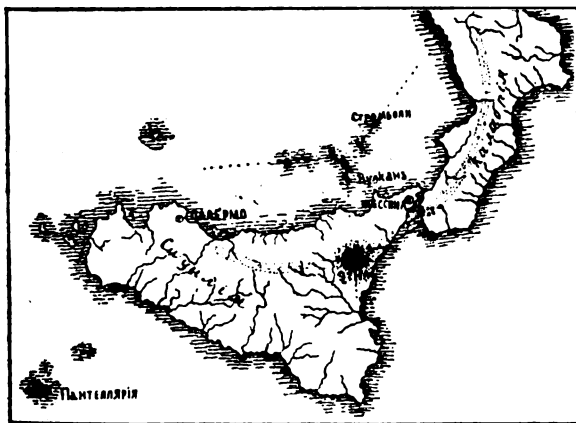

Рис. 14.

Въ настоящее время онъ спокоенъ; изъ отлушины въ его кратерѣ выдѣляются горячіе пары и газы и отлагаютъ на стѣнкахъ кратера возгоны хлористаго желѣза, сѣры и борной кислоты.

Здѣсь есть и еще одинъ интересный вулканъ — Стромболи, поднимающійся прямо изъ моря на высоту 900 метровъ и замѣчательный тѣмъ, что онъ съ незапамятныхъ временъ не прекращаетъ свою дѣятельность, но и не производитъ бурныхъ разрушительныхъ изверженій. Въ его нѣсколько сбоку лежащемъ кратерѣ постоянно поднимается и опускается столбъ расплавленной раскаленной лавы, изъ нея черезъ промежутки въ 1—20 минутъ вырываются клубы пара съ брызгами жидкой и осколками застывшей лавы. Столбъ пара, освѣщенный снизу лавой, видѣнъ ночью на разстояніи до полутора ста верстъ и представляетъ собою естественный маякъ Средиземнаго моря (рис. 15).

Изучая строеніе Калабріи, огибающей дугой Эоловы острова, геологи пришли къ заключенію, что она представляетъ собою какъ бы остатокъ когда-то болѣе обширной площади суши, которая раскололась по дугеобразнымъ трещинамъ, и участокъ ея, лежавшій по запад-

*

ную сторону этихъ трещинъ, т.-е. тамъ, гдѣ теперь Эоловы острова, опустился внизъ и затопленъ моремъ. Поднимающіеся со дна моря вулканы, образующіе эти острова, расположились тремя расходящимися по радіусамъ рядами, какъ будто опустившіяся подъ море участки суши расколося по тремъ направлѣніямъ, и по этимъ расколамъ нашли себѣ путь изъ глубины земли вулканическіе продукты и воздвигли надъ мѣстами своего выхода конусы изъ лавы и шлаковъ. Такое предположеніе объ опусканіи здѣсь части суши подъ море представляетъ не простую догадку. Данныя изъ другой области геологіи показываютъ, что въ одну изъ недавнихъ геологическихъ эпохъ Юж. Италія продолжалась далѣе на югъ и была въ сухопутномъ соединеніи съ Африкой.

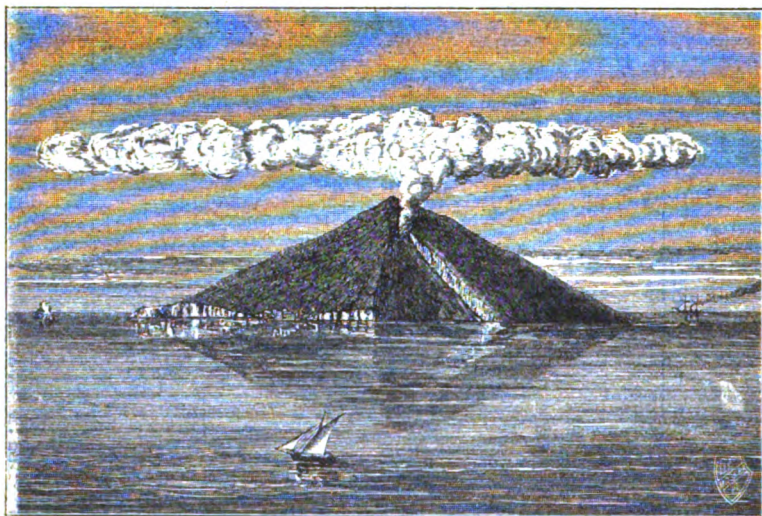

Рис. 15.

Если продолжить одинъ изъ этихъ вулканическихъ радіусовъ къ югу, то онъ пересѣчетъ восточной край Сициліи и пройдетъ черезъ Этну, величайшій изъ европейскихъ вулкановъ, поднимающійся на высоту $8\frac{1}{2}$ тыс. метровъ. Внизу, конечно, тамъ гдѣ нѣтъ недавнихъ еще не вывѣтрившихся лавъ, онъ покрытъ садами и виноградниками; выше располагается полоса каштановыхъ, а затѣмъ и хвойныхъ лѣсовъ; дальше еще на 1.500 м. приходится подниматься по залитой лавами пустычѣ, и наконецъ мы достигаемъ снѣжной области, въ которой и расположенъ обширный вершинный кратеръ Этны (рис. 16).

Но не этотъ кратеръ составляетъ главную особенность Этны. Склоны ея, главнымъ образомъ въ области хвойнаго лѣса, усажены множествомъ небольшихъ, такъ называемыхъ побочныхъ конусовъ, величиною съ Монте-Ново или нѣсколько больше. Происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что при столь значительной высотѣ горы въ $3\frac{1}{2}$ тыс. метровъ, т. е. почти втрое болѣе Везувія, поднимающійся въ

жерлъ вулкана столбъ тяжелой лавы долженъ оказывать страшное давленіе на стѣнки горы. Онѣ не выдерживаютъ этого давленія, даютъ трещины, черезъ которыя изливается лава и на протяженіи

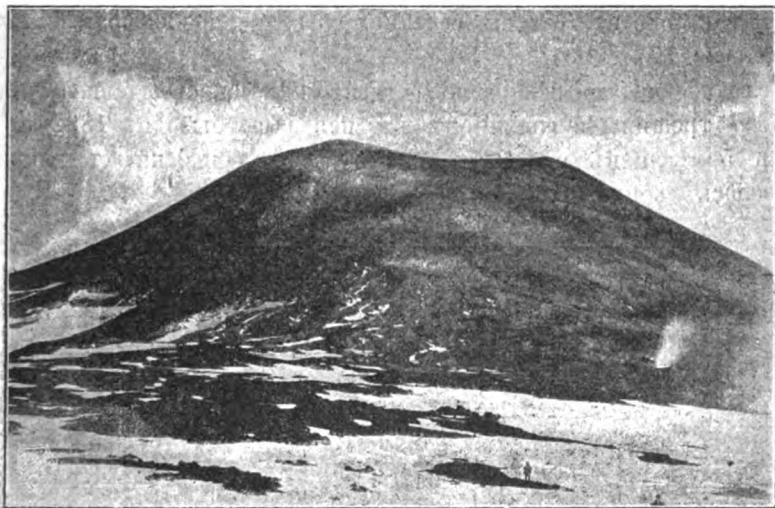

Рис. 16.

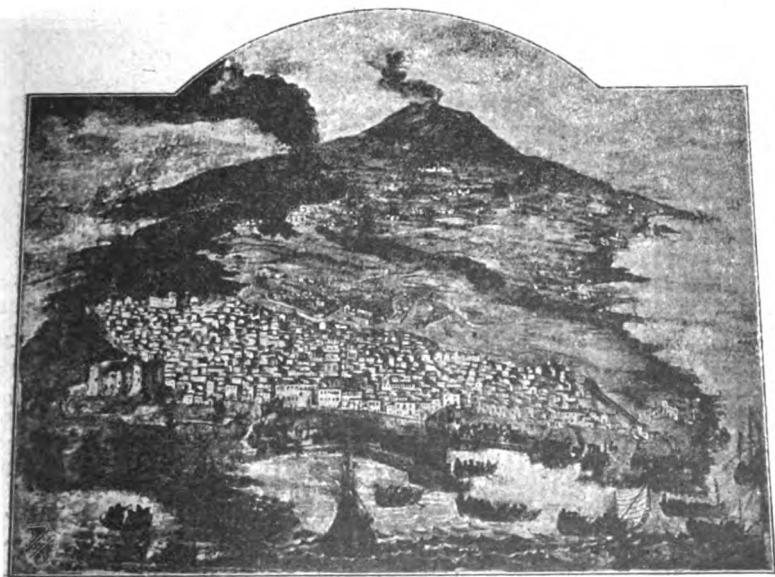

Рис. 17.

которыхъ изъ выброшеннаго пепла и бомбъ нагромождаются побочные конусы.

Сильныя изверженія Этны раздѣлены промежутками относительнаго

покою. Одно изъ сильнѣйшихъ было въ 1669 г., когда на склонѣ горы образовалась трещина, въ 18 верстъ длины; изъ нея вытекъ потокъ лавы, покрывшій 50 кв. километровъ (44 кв. версты) и достигшій моря. Этотъ потокъ разрушилъ 12 мѣстечекъ и большую часть г. Катаніи. На стѣнѣ собора въ Катаніи сохранилось старинное изображеніе этого событія (рис. 17).

Послѣднее большое изверженіе Этны, также сопровождавшееся образованиемъ трещины и изліяніемъ изъ нея лавы было въ 1892 г. Оно длилось 5 мѣсяцевъ и за это время 6 новыхъ побочныхъ конусовъ прибавилось къ прежнимъ.

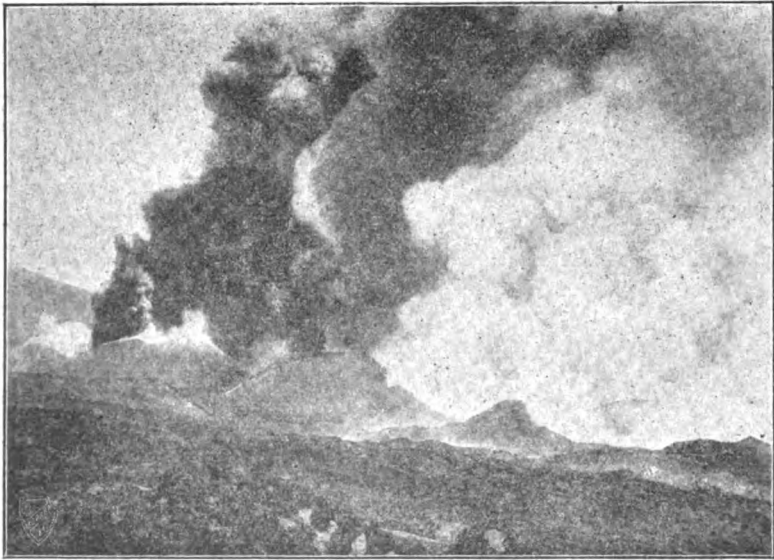

Рис. 18.

Рис. 18. Изображаетъ эти конусы въ моментъ ихъ образованія. Всѣ эти конусы расположены вдоль одной и той же трещины по склону горы и всѣ выбрасываютъ клубы пара, смѣшаннаго съ чернымъ пепломъ и шлаками, изъ которыхъ и нагромождаются самые конусы.

Рис. 19 изображаетъ край лавоваго потока, уже покрывшагося каменной коркой и медленно надвигающагося на сады и жилища.

Вулканы этого такъ называемаго везувскаго типа принадлежатъ къ числу распространеннѣйшихъ на землѣ и общее ихъ число простирается до 320; впрочемъ, эта цифра только приблизительная, такъ какъ почти невозможно строго разграничить вулканы дѣйствующіе отъ потухшихъ.

Изъ внѣвропейскихъ вулкановъ этого типа мы остановимъ вниманіе только на знаменитомъ Кракатоа въ Зондскомъ проливѣ, произшедшемъ въ 1883 г. изверженіе, не менѣе сильное, чѣмъ изверженіе Везувія въ 1879 г.

Крактоа лежитъ на той замѣчательной линіи вулкановъ, которая проходитъ черезъ Яву и Суматру. Еще не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о томъ, что одинъ изъ вулкановъ этой линіи произвелъ очень опустошительное изверженіе. О самомъ началѣ возобновленія дѣятельности Крактоа мы не имѣемъ свѣдѣній. Первое послѣ продолжительнаго покоя изверженіе онъ произвелъ въ маѣ 1883 г. Въ іюнѣ было опять сильное изверженіе, а въ началѣ августа на островѣ, имѣвшемъ размѣры 30 квадр. верстъ, было три большихъ кратера и множество мелкихъ, выбрасывавшихъ пары и пепелъ.

Катастрофа началась 26 августа и была наблюдаема съ судовъ и съ береговъ Явы и Суматры. Самъ Крактоа не населенъ; да если бы

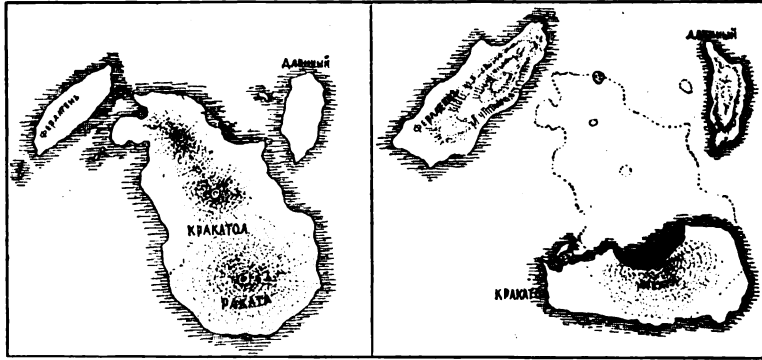

Рис. 19.

онъ и былъ населенъ, все населеніе погибло бы, такъ какъ оно погибло даже на о. Себези, почти въ 20 верстахъ отъ Крактоа. Около часу дня послышался грозный гулъ, дошедшій до Батавіи и дальше; столбъ пепла поднялся до высоты почти 30 километровъ. Гора грохотала, море бушевало, топило или выбрасывало на берегъ мелкія суда, густыя тучи пепла засыпали корабли. Около 2 ч. ночи на палубѣ «Бербисъ» пепелъ лежалъ пластомъ въ 1 метръ толщиною. Въ атмосферѣ чувствовалось сильное напряженіе электричества, и на мачтахъ точно огненные змѣи извивались огни св. Эльма. Въ 10 ч. наступилъ самый страшный моментъ. Въ морѣ поднялась буря, волны, достигавшія 30 м. высоты, обрушивались на берегъ. Города Анжеръ, Меракъ, Бентамъ, деревни, лѣса, желѣзная дорога на Явѣ—все было уничтожено потокомъ. Тьма

окутывала все, и такъ продолжалось до утра 28 августа, когда изверженіе стало затихать.

Берега Суматры и Явы стали неузнаваемы; растительность исчезла, земля была покрыта грязью, пепломъ, вырванными деревьями, трупами животныхъ и людей. Отъ Кракатоа уцѣлѣла едва одна третья

Кракатоа до изверженія.

Кракатоа послѣ изверженія.

Рис. 20.

часть (рис. 20), и она представляетъ собою вертикальный разрѣзь, прошедшій черезъ кратеръ вулкана изъ вертикальной точки, поднимавшейся на высоту 800 м. (рис. 21). Гдѣ была земля—теперь море, глубиною въ 200—300 м.

Замѣчательно, что вызванная этимъ изверженіемъ волна достигла береговъ Африки, Австраліи, прошла черезъ весь Великій океанъ до

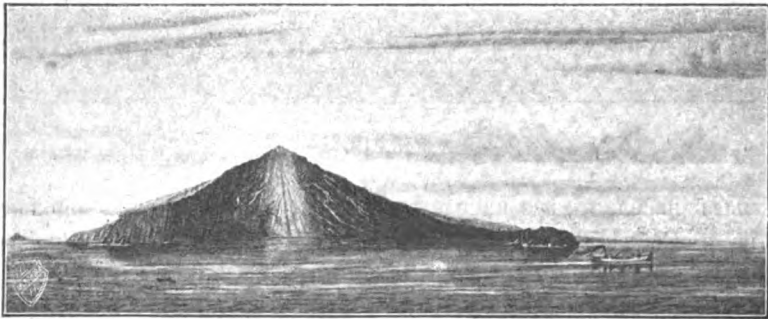
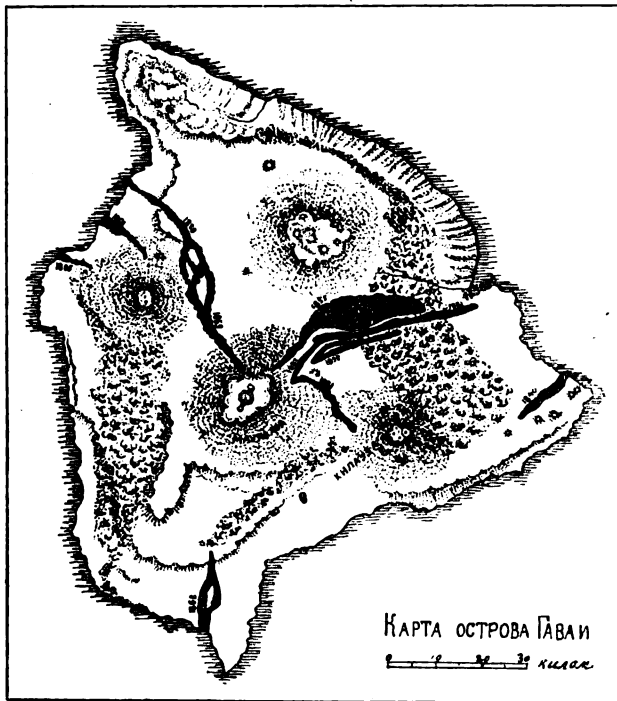

Рис. 21.

западныхъ береговъ Америки и даже перебралась въ Атлантическій океанъ. Звуки взрыва также были слышны далеко до восточнаго побережья Индостана и Западной части Австраліи. Если бы такой взрывъ произошелъ въ Москвѣ, онъ былъ бы слышенъ не только во всей Европѣ (кромя ю.-з. части Испаніи), но также въ сѣверной Африкѣ восточнѣе г. Алжира и въ Азіи до линіи, проходящей черезъ

Синай, сѣверную часть Персидскаго залива, Памиръ, г. Красноярскъ, полуостровъ Таймыръ. На с. и с. з. звукъ былъ бы слышенъ на Исландіи, Шпицбергенѣ и даже на в. берегу Гренландіи. При этомъ предполагаются, конечно, и одинаковыя условія распространенія звука. Воздушная волна нѣсколько разъ обошла весь земной шаръ и была отиѣчена на метеорологическихъ обсерваторіяхъ всѣхъ странъ. Мало того. Мельчайшія частицы пепла были увлечены въ очень высокіе слои атмосферы, долго оставались взвѣшанными въ атмосферѣ и были далеко разнесены ея движеніями, производя изумлявшее многихъ въ Европѣ явленіе багряныхъ зорь.

■ Рис. 22.

На этихъ примѣрахъ мы и покончимъ съ вулканами того типа, который можно назвать везувскимъ,—вулканами, въ дѣятельности которыхъ весьма важную роль играетъ упругость водяныхъ паровъ, производящихъ взрывы, раздробляющихъ застывшую лаву прежнихъ изверженій, разбрызгивающихъ еще не застывшую лаву и выбрасывающихъ все это въ видѣ массъ пепла, рапиди, вулканическихъ бомбъ и камней, изъ которыхъ главнымъ образомъ и нагромождаются ихъ конусы.

Но не всѣ вулканы работаютъ такимъ образомъ. Есть еще иной, хотя и рѣдкій типъ вулкановъ, при изверженіи которыхъ выдѣляется сравнительно мало паровъ, но изливается огромное количество расплав-

ленной каменной матеріи—лавы. Такой примѣръ представляютъ вулканы острова Гавай, одного изъ Сандвичевыхъ. Почти весь островъ Гавай состоитъ изъ послѣдовательныхъ потоковъ лавы, источникомъ которыхъ служили частью три потухшіе вулкана въ сѣверной части острова, а главнымъ образомъ два нынѣ дѣйствующіе Моуна-Лоа и Килауэа. Эти вулканы, всецѣло построенные изъ послѣдовательныхъ потоковъ лавы, почти слились въ одно цѣлое, такъ что представляютъ собою какъ бы одну колоссальную гору, имѣющую форму пологого *купола* или опрокинутого щита; взбираясь на эту гору, почти не замѣчаешь подъема, а между тѣмъ Моуна-Лоа достигаетъ 4.100 метровъ высоты, т.-е. выше высочайшихъ Альпійскихъ вершинъ. Если принять во вниманіе и подводное продолженіе этого лавоваго щита и считать

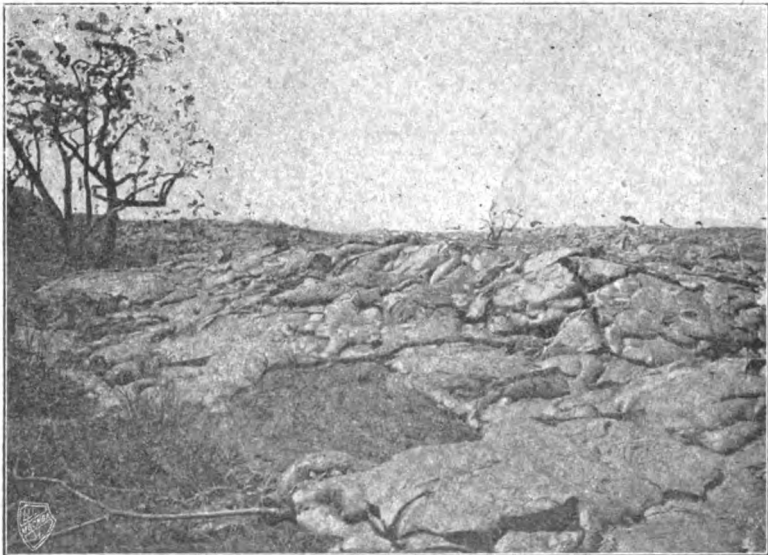

Рис. 23.

высоту отъ уровня океаническаго дна въ этой части океана, то получится высота болѣе 8.000 метровъ, т.-е., приблизительно, равная высотѣ главныхъ Гималайскихъ вершинъ. Другой вулканъ *Килауэа* представляетъ какъ бы *уступъ* или небольшое плато на склонѣ Моуна-Лоа на высотѣ всего 1.200 метровъ. На вершинѣ этого почти горизонтальнаго плато и находится оригинальный, не похожій на все намъ извѣстное, кратеръ Килауэа.

Восхожденіе къ нему начинается отъ прибрежнаго городка Хило, и путь сначала лежитъ по полямъ сахарнаго тростника, а потомъ по тропическому лѣсу, съ древесными папоротниками, деревьями изъ семейства миртовыхъ съ гирляндами изъ пандановъ и т. п.; на высотѣ около 1.000 метровъ остаются одни кустарники, ютящіеся еще на мало вы-

вѣтрившейся лавѣ; подъемъ становится все менѣе и менѣе крутъ; мы идемъ по обнаженнымъ потокамъ застывшей лавы (рис. 23) и наконецъ передъ нами открывается видъ на кратеръ (рис. 24), представляющій собою овальную впадину около $4\frac{1}{2}$ верстѣ въ поперечникѣ и около 150 метровъ глубиною, съ крутыми обрывистыми краями. Такой необычнаго вида кратеръ часто называютъ кальдерой.

Рис. 24.

Вотъ мы на краю кальдеры (рис. 25) и спускаемся на ея дно по лавовымъ обломкамъ (рис. 26). Почти плоское нѣсколько понижающееся къ краямъ дно этой кальдеры состоитъ изъ застывшихъ какъ

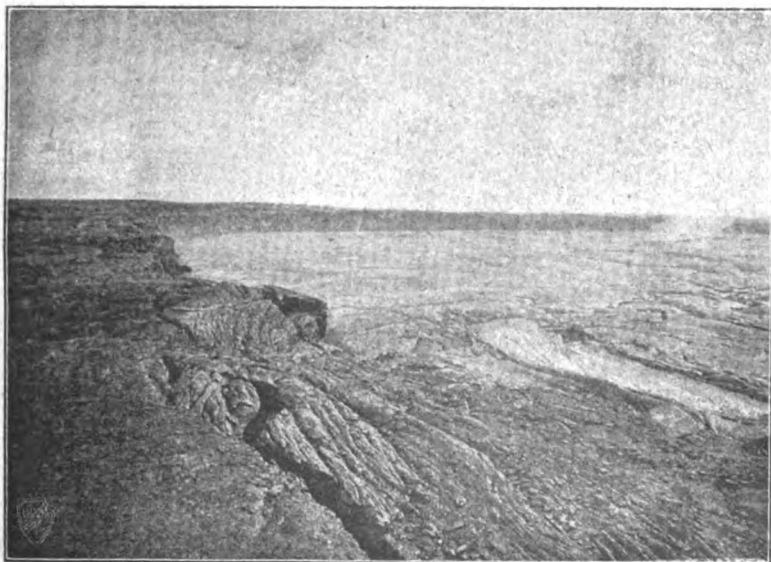

Рис. 25.

бы настланныхъ или навороченныхъ одинъ на другой слоевъ черной лавы, прорѣзанной въ разныхъ направлевіяхъ трещинами, изъ которыхъ мѣстами поднимаются бѣловатые пары, мѣстами края трещинъ покрыты снѣжнобѣлыми налетами гипса. Въ нѣсколькихъ пунктахъ возвышаются неправильные конусы, образовавшіеся изъ комковъ полузастывшей лавы, выброшенныхъ изъ трещинъ. Нѣкоторые изъ нихъ.

имѣютъ на вершинахъ отдушники, изъ которыхъ вырываются струйки пара (Рис. 27).

Нѣсколько эксцентрично, ближе къ юго-западному краю кальдеры замѣчается довольно обильное выдѣленіе паровъ. Здѣсь находится вторичная впадина, также съ отвѣсными краями, метровъ 700—800 въ поперечникѣ и весьма измѣнчивой глубины и на днѣ ея озеро расплавленной лавы, обыкновенно занимающее не все дно впадины, а оставляющее у краевъ койму твердой лавовой корки.

Рис. 26.

Передъ нами одно изъ замѣчательнѣйшихъ на землѣ явленій. Днемъ мы видимъ свинцово-сѣрую ровную поверхность, обнаруживающую мѣстами медленное горизонтальное движеніе; по виду она напоминаетъ поверхность илстой полужидкой массы, но она излучаетъ жаръ, который мы чувствуемъ на своемъ лицѣ.

Всѣ предметы, видимые сквозь горячую атмосферу надъ лавой, дрожать и колеблются. Во многихъ мѣстахъ масса какъ бы кипитъ; въ этихъ мѣстахъ она подбрасывается выходящими газами немного вверхъ и кажется тогда красною, какъ расплавленный сургучъ, при чемъ слышенъ особый характерный шумъ, родъ урчанія. По временамъ въ

разныхъ мѣстахъ озера и обыкновенно въ нѣсколькихъ сразу это кипѣніе усиливается, брызги лавы начинаютъ подбрасываться все выше и выше, чаще и чаще шумъ усиливается и наконецъ взрывается настоящій

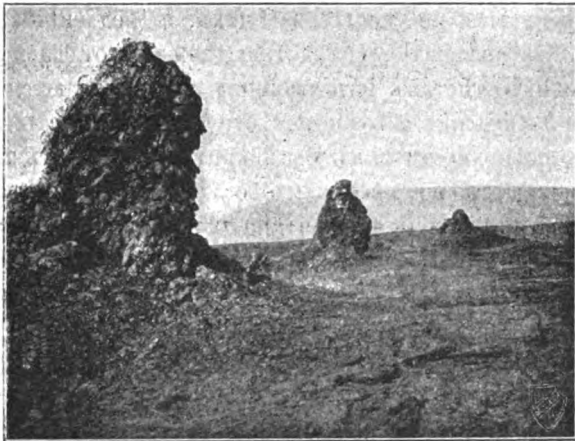

Рис. 27.

лавовый фонтанъ на высоту 4, 6 и болѣе метровъ въ видѣ красной шумящей и разсыпающейся каплями струи. Сѣрая поверхность озера представляетъ собою тонкую твердую корку застывшей лавы, а входя-

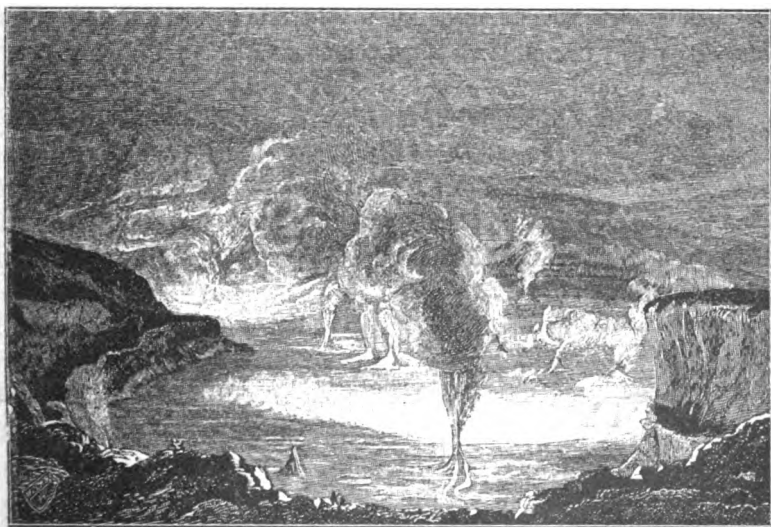

Рис. 28.

щаяся подъ нею лава оказывается раскаленною чрезвычайно подвижною жидкостью. Нѣкоторыя особенности явленія всего лучше наблюдаются ночью (рис. 28). Лавовое озеро представляетъ тогда ни

съ чѣмъ не сравнимое по своей величественности зрѣлище. На всю поверхность озера какъ бы наброшена подвижная сѣть изъ ярко свѣтящихся, рѣзко очерченныхъ зигзагообразныхъ трещинъ, раздѣляющихъ отдѣльные участки застывшей лавы—сѣть молній по выраженію Дэна, но не моментально вспыхивающихъ, а медленно измѣняющихъ свою форму и расположеніе, вслѣдствіе движенія отдѣльныхъ пластинъ коры. Во многихъ мѣстахъ изъ трещинъ выбрасываются яркія искры и изливаются небольшія свѣтящіяся струи быстро застывающей лавы, такъ что вся поверхность какъ бы искрится и на этомъ то искрящемся фонѣ выбрасываются по временамъ ослѣпительно свѣтлые лавовые фонтаны. Съ возникновеніемъ фонтана огненная сѣть ближайшихъ къ фонтану мѣстъ начинаетъ двигаться къ фонтану, и когда плита коры подойдетъ къ свѣтлому расплавленному вокругъ фонтана участку лавы, она наклоняется переднимъ краемъ внизъ и быстро исчезаетъ въ глубину. Иногда 6—10 фонтановъ дѣйствуютъ одновременно, и шумъ ихъ очень напоминаетъ шумъ морского прибоя. Послѣ усиленной дѣятельности фонтановъ, уровень лавы въ озерѣ понижается, когда фонтановъ мало—онъ повышается. Во время слабаго дождя, отъ паденія капель воды на раскаленную поверхность, озеро окутывается облаками; если дождь сильнѣе, то облака теплаго пара совершенно скрываютъ все дно и края второго кратера, такъ что нѣтъ никакой возможности ориентироваться въ мѣстности, а ночью пары просвѣчиваютъ красноватымъ цвѣтомъ и кажутся накаленными. Въ отличіе отъ устрашающихъ взрывовъ вулкановъ типа Везувія дѣятельность Килауэа поражаетъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ.

Это обычное состояніе вулкана. При усиленіи его дѣятельности, лава по временамъ поднимается выше краевъ озера, переливается черезъ края и быстро на нихъ остываетъ, образуя вокругъ озера чрезвычайно интересный валъ правильной округлой формы (рис. 29). Каждый новый переливъ лавы черезъ край увеличиваетъ высоту и толщину вала, мѣстами она вытекаетъ какъ бы языками или лоскутами, застывающими на ви́шнемъ склонѣ вала; иногда плиты лавовой коры плавающей на озерѣ надвигаются на валъ, перекидываются черезъ его край и остаются на немъ какъ приклеенные и даже надвигаются одна на другую какъ черепицы на крышѣ. *Фонтаны* очень часто *возникаютъ у края озера* и иногда въ теченіи цѣлаго дня взвиваются на одномъ мѣстѣ, набрасывая на край вала брызги и комья лавы, застывающей въ фантастическіе зубцы и башенки.

Такимъ способомъ возникаетъ лавовый бассейнъ, высотой до 4—8 и болѣе метровъ, который можетъ быть названъ кратеромъ перелива. Лава, переливаясь черезъ края бассейна, разливается у его основанія, подвигаясь впередъ отдѣльными выступами и языками, какъ какаля-то гигантская амеба. Движущіеся концы выступовъ огненнокраснаго цвѣта, поверхность ихъ быстро покрывается сѣрой каменной коркой, а

самый каскадъ ослѣпительно яркаго желтоватаго цвѣта. Иногда удается подойти сбоку къ этому ослѣпительному каскаду на разстояніе нѣсколькихъ метровъ, закрывая лицо отъ палящаго лучистаго жара.

Переливающаяся черезъ края бассейна и растекающаяся кругомъ лава повышаетъ дно вторичнаго кратера, отчего видимая высота вала уменьшается, но и валъ, въ свою очередь, повышается. Нерѣдко дѣло доходитъ до того, что весь вторичный кратеръ наполняется лавой и исчезаетъ, и лава растекается по дну первичнаго кратера и повышаетъ его уровень. Въ это время кальдера представляетъ еще болѣе интересное и величественное зрѣлище.

Процессъ оканчивается быстрымъ пониженіемъ лавы; она глубоко уходитъ во вторичный кратеръ, при чемъ не только кольцевой валъ.

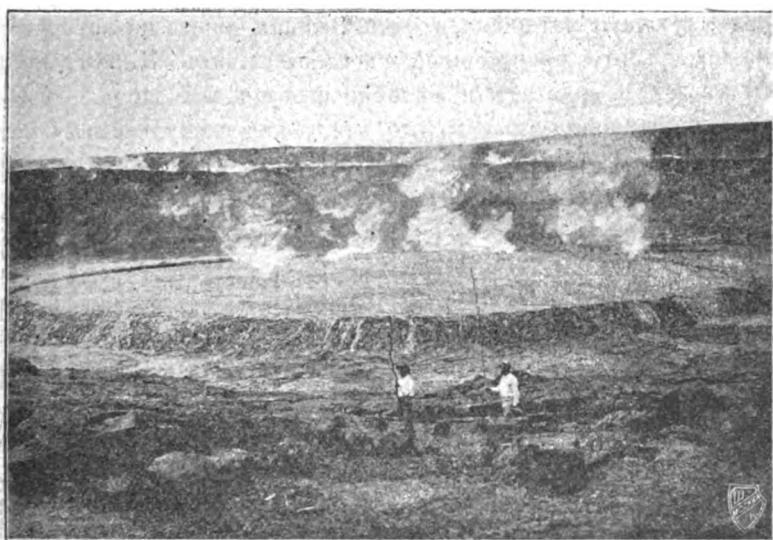

Рис. 29.

если онъ еще сохранился, обрушивается на поверхность понизившейся лавы, но и прежніе размѣры и очертанія вторичнаго кратера сильно измѣняются вслѣдствіе обваливанія его краевъ.

Въ то время, какъ главный интересъ Килауза сосредоточивается на явленіяхъ, совершающихся въ его кальдерѣ, сосѣдній вулканъ Моуна-Лоа, представляющій колоссальнѣйшее въ мірѣ лавовое сооруженіе, проявляетъ свою дѣятельность внѣ кальдеры. На склонѣ его раскрываются время отъ времени трещины, изъ которыхъ изливаются могучіе лавовые потоки. Нѣкоторые изъ потоковъ доходятъ до моря, пройдя разстояніе верстъ 50 со скоростью отъ 25 до 30 верстъ въ часъ. Потокъ 1881 года почти достигъ городка Хило и въ 1½ часа наполнилъ глубокий прудъ, находившійся отъ него на разстояніи версты 1½. Потокъ 1855 г. изливался нѣсколько дней и образовалъ на сѣверо-во-

сточной сторонѣ горы цѣлое озеро лавы шириною верстъ 8—10 и длиною болѣе 20 верстъ. Каждое большое изверженіе доставляетъ столько лавы, что изъ нея можно было бы построить весь Везувій, а изверженія повторяются лѣтъ черезъ 8, черезъ 10.

Вершинный кратеръ Моуна-Лоа въ общемъ представляетъ повтореніе того, что мы видѣли на Килауэа только въ болѣе грандіозномъ масштабѣ. Кальдера имѣетъ около 10 верстъ въ поперечникѣ и два ея также періодически заливаются лавой. За подъемомъ лавы слѣдуетъ ея быстрое опаданіе, стоящее, между прочимъ, въ связи съ истеченіемъ лавы изъ трещинъ.

Посѣщеніе вершины Моуна-Лоа сопряжено съ большими трудностями. По описанію Дѣттона, вѣтеръ дуетъ здѣсь рѣзкими, пронзительными порывами, отъ которыхъ нѣтъ защиты, на разстояніи 18 верстъ нѣтъ ни унца горячаго матеріала, и единственная пища, на которую можно рассчитывать, это принесенный съ собою запасъ. Животныя припадаютъ къ землѣ, дрожатъ и жалобно стонутъ всю ночь. Проводники и носильщики, привычные только къ тропическому климату морского побережья, едва ли способны долго выносить эти условія, но величественность этихъ пустынь и глубокое значеніе созерцаемыхъ картинъ, то прекрасныхъ, то страшныхъ, придаютъ путешествію чарующую прелесть.

Если явленія въ кратерѣ Моуна-Лоа поражаютъ своимъ величіемъ, если потоки ея лавы кажутся намъ колоссальными, то еще болѣе удивительны въ этомъ отношеніи древніе лавовые потоки и покровы высокихъ плато западныхъ территорій Сѣверной Америки.

Рѣка Колумбія и ея притокъ Змѣиная рѣка на значительномъ протяженіи своего теченія прорѣзываетъ толщи застывшей базальтовой лавы въ сотни метровъ толщиной, и эти лавы покрываютъ необозримое глазамъ пространство въ 150—300 верстъ въ поперечникѣ, причемъ не видно никакихъ слѣдовъ кратеровъ, изъ которыхъ излилась эта лава, какъ будто лава эта изливалась просто изъ трещинъ земной коры и затопляла цѣлую область, скрывая подъ собою ея первоначальный рельефъ.

Приходится признать, что въ прежнія геологическія эпохи вулканическая дѣятельность проявлялась въ болѣе значительномъ масштабѣ, чѣмъ нынѣ. Со времени появленія и остыванія этихъ лавъ, рѣки успѣли прорѣзать въ нихъ свои долины и теперь текутъ въ крутыхъ лавовыхъ берегахъ. Глубина ихъ долинъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лава излилась на дневную поверхность уже очень давно.

Еще болѣе замѣчательно древнее лавовое изліаніе въ области верховьевъ рѣки Еловстона, гдѣ находится знаменитый національный паркъ, занимающій площадь, равную третьей части Московской губерніи. Это слегка холмистое плато среди горныхъ цѣпей скалистыхъ горъ, съ средней высотой 2.400 метровъ, представляетъ колос-

сальную массу лавы, нѣкогда излившейся въ это замкнутое среди горъ пространство и образовавшей здѣсь лавовое озеро, затопившее основанія горъ до высоты 500—600 метровъ. Лава этого озера изливалась мѣстами черезъ промежутки между горами въ сосѣднія горныя области.

Замѣчательныя крайности представляетъ судьба этой мѣстности. Вскорѣ (говоря геологическимъ языкомъ) за разлитіемъ раскаленной лавы наступилъ ледниковый періодъ. Вся сѣверная половина Сѣверной Америки покрылась ледянымъ покровомъ, остатокъ котораго донынѣ сохранился въ Гренландіи. Тогда и область національнаго парка съ ея лавовымъ покровомъ превратилась въ гигантскій ледникъ, во много разъ превосходившій самые большіе ледники Альпъ. Объ этомъ

Рис. 30.

времени свидѣтельствуютъ морены, лежація на лавѣ и разбросанные по поверхности валуны, принесенные льдомъ изъ далекихъ окраинныхъ горъ. По исчезновеніи льда, рѣки прорыли себѣ глубокія русла въ лавовомъ покровѣ. Рисунокъ 30 изображаетъ одно изъ этихъ руселъ — каньонъ Еловстона, достигающій глубины 300 метровъ. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что лавы сохранили въ глубинѣ чрезвычайно высокую температуру. Въ глубинѣ каньона есть отдушины, изъ которыхъ выходятъ горячіе пары, а атмосферныя воды, проникающія съ поверхности въ толщу лавы, возвращаются назадъ въ видѣ горячихъ ключей и даже гейзеровъ, воды которыхъ упругостью образующагося въ нихъ пара выбрасываются кверху въ видѣ фонтановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ.

(Страница изъ исторіи Англiи и Ирландiи).

(Окончаніе *)

IX.

Съ самаго начала 1886 года, или вѣрнѣе, со второй половины декабря 1885 г., тотчасъ послѣ выборовъ, разнесся слухъ, что Гладстонъ желаетъ поставить на очередь вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи. Слухъ этотъ вызвалъ необыкновенное волненіе. Прежде всего ему не повѣрили; министерство Гладстона 1880—1885 годовъ, говорили скептики, закрыло земельную лигу, преслѣдовало и сажало въ тюрьму Парнеля и его товарищей, провело два усмирительныхъ билля, вело ожесточенную борьбу съ обструкціей; наконецъ, еще совсѣмъ недавно Гладстонъ, по поводу рѣчей Парнеля о гомрулѣ, сказалъ, что Парнель еще не есть Ирландія, и что поэтому много вниманія на его слова обращать не должно. Почему же вдругъ станетъ мыслимою такая переиѣна фронта? Съ своей стороны лица, вѣрившія этому слуху, утверждали, что Гладстонъ всегда склонялся къ идеѣ гомруля, что общій тонъ его отношеній къ Ирландiи былъ бы иной, если бы не феніанство и не обструкція Парнеля. Они напоминали о земельномъ биллѣ, о кильмангэмскомъ договорѣ съ Парнелемъ, такъ внезапно уничтоженномъ убійствами въ Фениксъ Паркѣ. Думать, что Гладстонъ сталъ на сторону гомрулеровъ, чтобы привлечь Парнеля и при его помощи низвергнуть консервативный кабинетъ, предполагать въ Гладстонѣ притворство и компромиссы для достиженія власти—можно было только насилуя то представленіе о личности стараго вождя либераловъ, которое сложилось у друзей и враговъ его не сегодня и не вчера. Въ теченіе своей долгой жизни, съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ торіевъ, Гладстонъ никогда не произносилъ ни одного слова, которое шло бы въ разрѣзъ съ принципами чистаго либерализма. Онъ боролся съ парнеелитами до той поры, пока могъ думать, что все-таки они меньшинство, пока ихъ было изъ 103 ирландскихъ депутатовъ—всего тридцать девять,—и его

*) См. «Міръ Вождій», № 2, февраль.

слова, что Парнель еще не Ирландія, что нужно узнать мѣтвіе всей Ирландіи, не были только словами. Но когда въ декабрѣ 1885 года Ирландія прислала въ палату 86 парнеллитовъ изъ 103 депутатовъ, которыхъ имѣла право избрать, тогда Гладстонъ могъ смотрѣть на гомруль и аграрную реформу, какъ на желанія дѣйствительно всей націи. Теперь упорствовать въ своемъ прежнемъ поведеніи значило бы вести открытую борьбу съ національными стремленіями и надеждами, т. е. идти противъ коренныхъ принциповъ строгаго либерализма. Гладстонъ зналъ, какъ высказались во время предвыборной агитаціи Гошенъ, Гартингтонъ и другіе вліятельные члены его партіи о гомрулѣ; онъ могъ ожидать раскола, ослабленія своихъ силъ, отпаденія такой массы либераловъ, которая не могла бы компенсироваться присоединеніемъ къ нему парнеллитовъ, но страхъ предъ окончательной измѣной своимъ принципамъ и перспектива новой ожесточенной борьбы съ Парнелемъ изъ-за того, что самъ Гладстонъ не считалъ правымъ дѣломъ, перетянули чашку вѣсовъ. Когда началась сессія 1886 года въ парламентѣ уже всѣ знали вполне опредѣлено, что Гладстонъ перешелъ на сторону Парнеля. Въ свою очередь Парнель, конечно, увидѣлъ, что отъ лорда Салисбюри ждать гомруля труднѣе, чѣмъ отъ Гладстона, такъ какъ консерваторы, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ и своей программѣ, не могли осуществить ирландскихъ желаній *). Онъ примкнулъ къ Салисбюри въ 1885 году, чтобы низвергнуть Гладстона; теперь, когда въ его рукахъ было удалить Салисбюри отъ власти, когда онъ ждалъ отъ либераловъ и консерваторовъ опредѣленныхъ условій, и когда торіи повидимому думали ограничиться посылкою къ Парнелю Кэрнарвона и неясными намеками, а Гладстонъ прямо обѣщалъ внести въ палату проэктъ гомруля,—Парнель колебался недолго: въ первые же дни январьской сессіи онъ сталъ на сторону Гладстона. Эта событія перевернули вверхъ дномъ всѣ партійныя комбинаціи; стало ясно, что Салисбюри не продержится и одного мѣсяца и что паденіе его кабинета есть только вопросъ времени.

Сессія открылась 12 января. Послѣ тройной рѣчи началось обсужденіе отвѣта на нее, и тутъ уже обнаружались вполне явственно главные контуры новой группировки партій. 26 января либераль Джесси Коллинсъ**), поднимая ирландскій вопросъ, потребовалъ, чтобы въ отвѣтныи адресъ были включены слова: «палата почтительнѣйше выражаетъ сожалѣніе, что Ея Величество не указала викакихъ мѣръ

*) Салисбюри, когда ему приходилось говорить объ ирландскихъ дѣлахъ въ эпоху 1880—1885 г.г., всегда высказывался неопредѣленно: порицая Гладстона, онъ избѣгалъ разговоры о причинахъ бѣдственнаго положенія Ирландіи, ср. Pulling, *The life and speeches of the marquis of Salisbury* (Lond. 1885), vol. II, стр. 112; 105, 110.

**) Теперь, въ 1898 г. Джесси Коллинсъ—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Салисбюри.

къ облегченію для землевладѣльцевъ возможности пріобрѣтать себѣ въ аренду участки и дома на льготныхъ основаніяхъ и съ увѣренностью, что они не будутъ оттуда удалены» ¹⁾). Министерство Салисбюри высказалось противъ включенія этихъ словъ; восемнадцать либераловъ, подъ предводительствомъ Гартингтона, примкнули къ кабинету; Парнелъ со всѣми своими силами сталъ на сторону оппозиціи и этимъ рѣшилъ дѣло. Произошло голосованіе. 329 голосовъ высказалось противъ министерства, 250 за министерство. Салисбюри долженъ былъ подать въ отставку и уступить мѣсто Гладстону.

Событія громоздились съ необыкновенной быстротой: 26 января произошло голосованіе поправки Джесси Коллинса, и кабинетъ остался въ меньшинствѣ, 1 февраля было сформировано либеральное министерство ²⁾); въ тотъ же день стало извѣстно что статсъ-секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ назначается Джонъ Морлей ³⁾), одно имя котораго говорило о твердой рѣшимости правительства дать Ирландіи все, чего она хочетъ ⁴⁾). На другой день уже всѣ въ парламентѣ толковали о расколѣ среди либераловъ, о томъ, что Гартингтонъ и съ нимъ весьма вліятельные виги покидаютъ окончательно Гладстона. Дѣйствительно, именно въ это время, весною 1886 года, начался и развился тотъ процессъ раздѣленія либеральной партіи, который привелъ ее къ современному состоянію упадка и безсилія. Гартингтонъ и его послѣдователи были возмущены образомъ дѣйствій Гладстона, его сближеніемъ съ Парнелемъ, ненавидѣвшимъ либераловъ и открыто признававшимся въ этомъ, и особенно обѣщаніями, которыя давались Гладстономъ. Отпавшіе члены гладстоновской партіи стояли за нерасторжимость уніи между Ирландіей и Англіей и потому стали называться уніонистами, а такъ какъ они продолжали считать себя либералами, то официальнымъ титуломъ ихъ фракціи сдѣлалась кличка «либераловъ-уніонистовъ». Зародившись въ концѣ января 1886 года, эта фракція росла безъ перерыва въ теченіе всей весны.

Черезъ два мѣсяца послѣ сформированія кабинета Гладстонъ исполнилъ свое намѣреніе: онъ заявилъ, что 8 апрѣля внесетъ въ палату общинъ билль объ ирландскомъ самоуправленіи. Интересъ, возбужденный этимъ биллемъ былъ такъ великъ, что съ разсвѣта назначеннаго дня публика стояла толпами около парламента, чтобы успѣть захватить мѣста. Палата общинъ была переполнена народомъ ⁵⁾); даже привилегированные

¹⁾ Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества, *parliam. Debates*, томъ 302, 1 т. сессіи, стр. 525 и предъид.

²⁾ *The ministry of the r. h. W. E. Gladstone, as formed on acceptance of office, Parliam. Deb.* т. 302, стр. 540.

³⁾ *Annual Register*, 1886, part I, стр. 36.

⁴⁾ Вотъ сужденіе *Times*'а о назначеніи Морлея: *It would be impossible to overestimate the political significance of the selection of Mr. Morley... The irish policy of the new cabinet is thus proclaimed to be a home-rule policy in the largest sense etc.*

⁵⁾ См. Воспомнанія Темпля—*Sir Richard Temple, Life in parliament being the experience of a member in the house of commons from 1886 to 1892 inclusively* (Lond. 1893), стр. 81.

посѣтителѣ брали съ бою каждое мѣсто. Первый министръ Великобритани, берущій на себя инициативу ирландскаго гомруля, казался явленіемъ въ высшей степени любопытнымъ. Билль Гладстона поручалъ управленіе всѣми специально ирландскими дѣлами дублинскому парламенту, который долженъ состоять изъ двухъ палатъ—верхней и нижней. Верхняя представляетъ нѣчто среднее между наслѣдственной палатой лордовъ и избираемымъ сенатомъ ¹⁾, а нижняя избирается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Англіи, и состоитъ изъ 206 членовъ. Въ фискальномъ отношеніи Ирландія обязывалась вносить ежегодно въ имперскую казну 3.244.000 фунтовъ стерлинговъ. Для веденія ирландскихъ дѣлъ дублинскій парламентъ долженъ былъ выдѣлять изъ своей среды министерство, передъ нимъ отвѣтственное. Внѣшняя политика оставалась всецѣло въ рукахъ парламента англійскаго.

Этотъ билль давалъ, такимъ образомъ, широкое самоуправленіе Ирландіи, и если не удовлетворилъ всѣхъ желаній Парнеля, если верхняя палата и ежегодный взносъ трехъ милліоновъ являлись такими нововденіями, безъ которыхъ ирландцы охотно обошлись бы, то во всякомъ случаѣ гомруль Гладстона былъ огромнымъ пріобрѣтеніемъ, первымъ и рѣзкимъ шагомъ къ раздѣленію враждебныхъ національностей. Поэтому при первомъ чтеніи парнеллиты въ полномъ составѣ поддерживали премьера. Они и либералы-гладстоновцы встрѣтили старика шумной оваціей, когда онъ вошелъ; враждебность же либераловъ-унионистовъ сразу обозначилась такъ ярко, что консерваторы могли смѣло надѣяться на свое близкое торжество. Второе чтеніе билля произошло 7 іюня. Совершенно лишнее было бы передавать въ подробностяхъ рѣчи защитниковъ и противниковъ билля; эти люди стояли на разныхъ точкахъ зрѣнія и обсуждали вопросъ и спорили, имѣя подъ собою далеко неоднородную почву. Гладстоновцы утверждали, что для имперіи даже выгодно дать Ирландіи гомруль ²⁾; парнеллиты говорили о томъ, что гомруль единственное спасеніе Ирландіи ³⁾; консерваторы клялись, что кровные интересы англичанъ требуютъ сохраненія уніи ⁴⁾; либералы-унионисты кричали, что они не позволяютъ, чтобы Парнель былъ диктаторомъ и предписывалъ свою волю великобританскому парламенту ⁵⁾. Пренія недолго и длились; примиренія между противниками и защитниками проэкта быть не могло. Когда поздно ночью вопросъ былъ поставленъ

¹⁾ Часть ея—наслѣдственные перы, назначенные королевой, а другая часть—лица, избираемыя на пять лѣтъ плательщиками налога въ 25 ф. въ годъ; баллотирующіе должны имѣть 200 фунт. дохода.

²⁾ Рѣчь Гладстона, *Parliam Deb.* томъ 306, 5 т. сессіа, засѣд. 7 іюня, стр. 1222—1223.

³⁾ Рѣчь Парнеля, *Parl. Deb.*, т. 306, стр. 1170, 1171, 1172.

⁴⁾ Рѣчь Гиксъ-Бича, *Parl Db.* т. 306, стр. 1205—1206.

⁵⁾ Рѣчь Гошена: it has been shown that the parliament of Great Britain is not inclined to consider Mr. Parnell as our dictator etc. (*Parl. Deb.* 306, стр. 1148).

на баллотировку, девяносто три либерала-униониста съ Гартингтономъ во главѣ голосовали вмѣстѣ съ 250 консерваторами противъ министерскаго билля; восемьдесятъ пять парнеллитовъ примкнуло къ гладстонцамъ, которыхъ оказалось всего 228. Въ общей сложности баллотировка дала такіе результаты:

За билля:	Противъ билля:
228 либераловъ-гладстонцевъ	250 консерваторовъ
85 парнеллитовъ	93 либерала-униониста.

всего 313 голосовъ.

всего 343 голоса.

Итакъ, законопроектъ о гомрулѣ былъ отвергнутъ большинствомъ тридцати голосовъ. Въ прессѣ было высказано мнѣніе, что премьеръ подастъ сейчасъ въ отставку, но онъ рѣшилъ апеллировать къ странѣ. Черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ провала законопроекта Гладстонъ распустилъ парламентъ.

Новые выборы (которые такимъ образомъ послѣдовали всего черезъ полгода послѣ выборовъ 1885 года) рѣзко измѣнили положеніе дѣлъ. Въ первый разъ появилась на избирательной платформѣ новая партія либераловъ-унионистовъ, и сразу стали говорить о ея побѣдѣ надъ гладстоновцами *). Общественное мнѣніе Англии раскололось самымъ рѣшительнымъ образомъ; обычныя предвыборныя колкости между либералами и торіями измѣнились взаимными обвиненіями гомрулеровъ и унионистовъ. Парнеллиты всюду, гдѣ могли, поддерживали гладстонцевъ, т. е. дѣлали какъ разъ противоположное тому, что во время выборовъ 1885 года.

Либералы-унионисты начали предвыборную кампанію еще раньше распушенія парламента. Уже 12 іюня Чемберленъ произнесъ рѣчь въ Бирмингэамѣ, излюбленномъ мѣстѣ его ораторскихъ откровеній **). Въ этой рѣчи онъ съ горечью нападалъ на Гладстона, обвинялъ его въ перемѣнѣ фронта, въ страхѣ предъ Парнелемъ, въ томъ, что онъ сталъ пѣшкой въ рукахъ «ирландскаго короля». Гладстонъ отвѣчалъ ему указаніемъ на то, что если Ирландіи дать гомруль, то между нею и Англіей образуется не бумажная унія, а настоящая, сердечная ***). Гартингтонъ рѣзко протестовалъ противъ этого мнѣнія, говоря, что Гладстонъ вообще принимаетъ въ расчетъ только ирландцевъ, а объ англичанахъ, живущихъ въ Ирландіи, не подумалъ и хочетъ отдать ихъ подъ иго дублинскаго парламента ****). Старый либераль Джонъ Брайтъ рѣшительно примкнулъ къ унионистамъ, и весьма сильное впечатлѣніе произвело его открытое письмо къ Гладстону, гдѣ также почеркивалось слишкомъ быстрое превращеніе премьера изъ врага въ друга

*) «The Liberal Wreck», стр. 8. («Fortnightly Rev.», July 1886).

***) «Annual Register». 1886, стр. 225.

****) «Pall Mall Gazette». 15 Inny 1886.

*****) «Times», 18—19 Inn. 1886.

Парнеля *). Что касается до ирландцевъ, то они относились къ Гладстону, повидимому, съ искренней сердечностью. Въ ихъ глазахъ обращеніе Гладстона было блестящей побѣдой Парнеля, и они такъ же рѣшительно измѣнили свои отношенія къ первому министру, какъ онъ измѣнилъ свое отношеніе къ ихъ вождю. Но національныя страсти были возбуждены не только въ одной Ирландіи, и выборы лишній разъ иллюстрировали ту аксіому, что при наличности одинаковаго взаимнаго раздраженія двухъ борющихся социальныхъ группъ побѣждаетъ та, которая сильнѣе количественно.

Выборы начались 1-го іюля, и съ первыхъ же подсчетовъ уже нельзя было обманываться въ истинномъ характерѣ ихъ. Парнелитовъ было избрано 84, гладстоновцевъ—191, консерваторовъ—317 и либераловъ-унионистовъ—74. Противъ 275 соединенныхъ парнелитовъ и гладстоновцевъ въ парламентъ пришла соединенная партія консерваторовъ и унионистовъ, располагавшая 391 голосомъ **). Въ концѣ іюля Гладстонъ подалъ въ отставку, и Салисбюри занялъ его мѣсто.

Х.

До сихъ поръ, т. е. до середины 1886 г., тактика Парнеля состояла сначала въ ожесточенной борьбѣ противъ консерваторовъ и либераловъ безъ различія. Всякое англійское правительство было недругомъ и всякая англійская партія—враждебной ассоціаціей. Въ тѣ рѣдкіе моменты, когда ему приходилось сблизиться съ вигами, какъ это было въ эпоху «кильмангэмскаго договора», за нѣсколько дней до убійства въ Фениксъ-Паркѣ, или съ торіями, какъ имѣло мѣсто при низверженіи Гладстона въ 1885 году, Парнель дѣлалъ это съ какими-нибудь непосредственными практическими цѣлями, и проекты союзовъ дальше такихъ временныхъ комбинаций не шли. Теперь, послѣ выборовъ 1886 года, дѣло было иное: либеральная партія Гладстона, ставя на карту свою политическую будущность, порывая въ національныя англійскія традиціи и внося опаснѣйшій для себя расколъ въ свою среду,—подняла вопросъ о гомрулѣ. Этимъ она превращалась въ партію ирландскаго самоуправленія по преимуществу, и Парнель могъ смѣло протянуть ей руку, тѣмъ болѣе, что она уже сожгла свои корабли и нуждалась въ немъ всецѣло, а это для подозрительнаго ирландскаго лидера являлось большою гарантіей вѣрности. Что касается до Салисбюри, то теперь уже Парнель его весьма удовлетворительно повялъ и пришелъ также къ твердому заключенію, что консервативная партія ни за что гомруля Ирландіи не дастъ. Единственнымъ рациональнымъ поведеніемъ съ точки зрѣнія парнелизма являлась упорная оппозиція консервативному

*) «Daily News», 1—10 July, 1886.

**) «The New Parliament», p. I стр. 255.

министерству, а единственнымъ возможнымъ и полезнымъ союзомъ — союзъ съ Гладстономъ.

Итакъ, прежніе враги стали уже не временными союзниками, но политическими друзьями; послѣ долгихъ колебаній партіи разсложился вполнѣ естественно, согласно съ общими положеніями своихъ программъ: либералы отстаивали принципъ національнаго самоуправленія, консерваторы стояли за неприкосновенность имперіалистскихъ началъ. Съ 1886 года вплоть до 1891 года парнеллиты голосовали всегда съ либералами и не было случая, когда они отказали бы Гладстону въ поддержкѣ противъ кабинета. Какъ только началась осенняя сессія 1886 г., Парнелъ внесъ на разсмотрѣніе парламента ¹⁾ билль объ улучшеніи положенія арендаторовъ въ Ирландіи; по этому биллю, между прочимъ, лица, арендовавшія не земельные участки, а только дома должны были получить всѣ права, предоставленныя земельнымъ арендаторамъ. Кромѣ того, всѣмъ вообще арендаторамъ предполагалось доставить льготный кредитъ изъ государственнаго казначейства для выкупа въ собственность арендуемыхъ участковъ. Этотъ проектъ былъ враждебно встрѣченъ министерствомъ; Гиксъ-Бичъ съ своею обычною ядовитостью сказалъ Парнелю во время преній ²⁾: «мнѣ прекрасно извѣстно, насколько важно для правительства быть въ мирѣ и согласіи съ ирландской партіей, но мы не въ правѣ покупать миръ цѣною несправедливости (по отношенію къ лендлордамъ)». Законопроектъ Парнеля былъ отвергнутъ ³⁾; консерваторы и увіонисты оказывались гораздо сильнѣе гладстонцевъ и парнеллитовъ. Намекъ сэра Гиксъ-Бича былъ далеко не единственной шпилькой, направленной противъ превращенія Гладстона «изъ англійскаго Савла въ ирландскаго Павла». Либераламъ, оставшимся вѣрными своему старому лидеру, приходилось выслушивать упреки въ пресмыкательствѣ передъ Парнелемъ, въ отступничествѣ отъ своей національности и пр. Одинъ изъ выдающихся гладстонцевъ, знаменитый авторъ «Священной римской имперіи» — Джемсъ Брайсъ отвѣчалъ на эти нападенія статьей ⁴⁾, являющейся партійнымъ объясненіемъ съ обществомъ. Онъ заявилъ прямо, что прежняя политика либераловъ, политика усмирительныхъ законовъ была ошибкой ⁵⁾, что опытъ показалъ всю тщету суроваго обращенія съ Ирландіей и, наконецъ, что выборъ 86 парнелитовъ въ первый разъ открылъ либераламъ глаза на истинныя желанія и нужды ирландцевъ, на ихъ стремленіе получить гомруль ⁶⁾.

¹⁾ «Parliam Debates», 1886, вѣс. іюля: «Irish tenants relief bill».

²⁾ «Parl. Deb.», томъ 309, стр. 1206: «I am very well aware, what the value of peace and harmony with the Irish party might be to government etc».

³⁾ «Parl Deb». т. 309, стр. 1247: Ayes 202; Noes 297.

⁴⁾ «Какъ мы стали гомрулерами?» (How we became home-rulers? «The Contempor. Review», vol. 51, стр. 736—756. (1887 г.).

⁵⁾ «Enormous Mischief». (How we became, стр. 754).

⁶⁾ «Если когда-либо народъ высказывалъ ясно свою волю, — то это ирландскій народъ на выборахъ 1885 года». (How we became, 753—754).

Послѣ такихъ декларацій Парнель могъ съ полною справедливостью считать гладстоновцевъ такими-же своими орудіями, какъ О'Келли, О'Коннора или Макъ-Карти. Интересно еще и то, что въ прессѣ Гладстона обвиняли въ желаніи отдать Ирландію подъ диктатуру Парнеля, такъ какъ дублинскій парламентъ будетъ пѣшкой въ его рукахъ. Гладстонъ самъ печатно отвѣтилъ на это *), что, дѣйствительно, Парнель будетъ играть огромную роль въ ирландской палатѣ и что онъ, Гладстонъ, это знаетъ...

Лондонской прессѣ и министерству скоро пришлось говорить объ ирландскихъ дѣлахъ не только по поводу дружбы Гладстона и Парнеля: съ зимы 1886 и въ особенности весною 1887 года аграрныя преступленія послѣ временнаго затишья опять начали тревожить страну. Когда въ февралѣ 1887 года въ парламентѣ стали обсуждаться мѣры, необходимыя для прекращенія аграрныхъ разбоевъ, Парнель призналъ длинную рѣчь, въ которой, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «если вы создадите новый законъ объ усмиреніи, то повѣрьте, что этимъ вы возбудите Ирландію гораздо сильнѣе, нежели всевозможные агитаторы изъ Америки начиная отъ Нью-Йорка и кончая Санъ-Франциско. Гомруль и земельная реформа—единственные противоядія». 28 марта членъ кабинета Бальфуръ предложилъ палатѣ проэктъ билля о преступленіяхъ. Между прочимъ онъ мотивировалъ необходимость этого закона тѣмъ, что правительство должно защищать при помощи специальныхъ агентовъ особы 770 лендлордовъ **); каждому агенту нужно платить въ годъ 70 ф., (700 рублей); въ общемъ, значить, правительство принуждено покупать безопасность лендлордовъ цѣною пятидесяти пяти тысячъ фунтовъ ***) въ годъ—а это, по мнѣнію Бальфура, дорого. Далѣе, воскресъ бойкоттъ, общественная опала противъ тѣхъ фермеровъ, которые занимаютъ мѣста прогнанныхъ арендаторовъ. Въ 1887 г. бойкоттировалось 836 человекъ, цифра, давно уже небывалая. Парнель отвѣчалъ, что лендлорды, почувствовавши опору въ министерствѣ Салисбюри, стали развязнѣе прогонять своихъ арендаторовъ и противузаконно возвышать арендные цѣны, такъ что они являются зачинщиками аграрныхъ преступленій и бойкотта, а не ирландцы. Билль прошелъ въ первомъ чтеніи, но дебаты во время второго чтенія были еще болѣе страстны ****). «Вы намѣрены», сказалъ Парнель, обращаясь къ Салисбюри: «посылать на эшафотъ и въ тюремныя камеры людей завѣдомо невинныхъ, непричастность которыхъ къ преступленіямъ известна и ихъ сосѣдямъ, и даже властямъ». Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ обвинялъ премьера и Бальфура въ желаніи внести терроръ въ Ирландію. Гладстонъ, не обращая вниманія на враждебные

*) W. L. Gladstone, «Notes and queries on the irish demand», стр. 176. (Nineteenth Century, Febr. 1887).

**) Annual Register 1887, p. I стр. 88.

***) Около 550.000 рублей.

****) Parliam. Deb. 1—25 march. 1887.

крики консерваторовъ, поддерживалъ Парнеля. Ему напоминали его собственные билли объ усмирениі, но онъ твердо стоялъ на высказанномъ раньше: признавая ошибочной всю прежнюю свою ирландскую политику, онъ протестовалъ противъ желанія Салисбюри продолжать ее.

Обсужденіе законопроекта было отложено. Ненависть противъ Парнеля вспыхнула у его враговъ съ особенною силою; говорили, что гипнозъ, который положилъ къ его ногамъ Ирландію, теперь распространился на Гладстона и либераловъ, и старый Вильямъ не видитъ, что онъ протягиваетъ руку покровителямъ убійць. Живя среди такой атмосферы озлобленія и вражды къ ирландскому лидеру, англійская публика прочла 18-го апрѣля въ газетѣ «Times» слѣдующія строки ¹⁾: «15—5—82. Дорогой сэръ, я не удивленъ тѣмъ, что Вашъ другъ сердится на меня, но и Вы, и онъ должны знать, что порицать убійство было единственнымъ выходомъ для насъ. Ясно, что сдѣлать это поскорѣе было нашей лучшей политикой. Но Вы можете передать ему и всѣмъ другимъ, [кого это касается, что хотя я сожалею о смерти лорда Кавендиша,—я долженъ признать, что Боркъ не стоилъ больше, чѣмъ его трупъ. Вы можете показать это письмо вашему другу и тѣмъ, кому Вы довѣряете. Но не говорите никому моего адреса. Пусть онъ мнѣ напишетъ въ палату общинъ. Вашъ Чарльзъ Парнель». Письмо это было помѣчено 15 мая 1882 года, т. е. написано черезъ нѣсколько дней послѣ убійства въ Фениксъ-Паркъ и публичнаго порицанія Парнелемъ этого факта. Письмо было напечатано въ видѣ факсимиле, подчеркомъ Парнеля. Редакція «Times»'а, печатая это письмо къ заключенію статьи о «парнелизмѣ и преступленіи», выражала полную увѣренность, что оно писано, дѣйствительно, рукою Парнеля ²⁾. Впечатлѣніе, произведенное письмомъ отъ 15 мая, было потрясающимъ.

Положеніе Гладстона сдѣлалось такимъ шаткимъ и невѣрнымъ, какъ ни разу не было за всю эту долгую жизнь политическаго борца. Но, главнымъ образомъ, Парнель долженъ былъ немедленно высказаться. Придя въ палату общинъ въ тотъ же день, какъ появилось письмо, онъ заявилъ, что редакція «Times»'а учинила грубый подлогъ. «Я готовъ былъ бы», — сказалъ онъ: — «собственное тѣло подставить подъ ножъ, лишь бы спасти лорда Кавендиша». Въ залѣ поднялся ропотъ. Тогда Парнель, помолчавши немного, прибавилъ: «И Борка тоже» ³⁾.

На другой день Гладстонъ выразилъ убѣжденіе ⁴⁾, что Парнель никогда не былъ въ связи съ преступниками, но Салисбюри замѣтилъ на это въ рѣчи на консервативномъ митингѣ ⁵⁾, что, если Парнель

¹⁾ См. «Times», 18 April 1887, стр. 8 (письмо въ черномъ ободкѣ): Dear Sir, I am surprised etc.

²⁾ Parnellism and crime. Mr. Parnell and the Phoenix-Park murders, «Times», 8 стр. 18 Apr. 87.

³⁾ Parliam. Deb. 1887, 18 April.

⁴⁾ «Daily News», 21 April. 1887.

⁵⁾ Primrose league meeting, speech of Mark. Salisbury, 20 Apr. 87.

хочетъ избавиться отъ обвиненій, то пусть притянетъ редакцію къ суду, а иначе дѣло не выяснится. Почеркъ подписи на факсимиле «Times»'а, дѣйствительно, имѣетъ поражающее сходство съ почеркомъ Парнеля; пишущій эти строки имѣлъ случай сравнить нѣсколько его подписей и пришелъ къ заключенію, что во всякомъ случаѣ Парнель былъ несправедливъ, назвавши подлогъ грубымъ. Какъ уже было сказано, газета не выражала и сомнѣній, что письмо принадлежитъ Парнелю и адресовано убійцамъ Борка и Кавендиша. Парнель въ печати заявилъ, что, вѣроятно, онъ какъ-нибудь росписался на пустомъ листкѣ бумаги, а редакція «Times»'а присочинила отъ себя письмо. Но затѣмъ онъ отказался и отъ подписи и высказалъ мнѣніе, что подпись также сфабрикована его врагами. Привлечь редакцію къ суду онъ медлитъ. Вскорѣ послѣ письма въ «Times»'ѣ билль Бальфура (объ усмиреніи) сталъ закономъ: правила, бывшія въ силѣ отъ 1882 до 1885 года, теперь возобновлялись. Но въ 1887 году, несмотря на эти мѣры, аграрныя преступленія стали переходить уже въ попытки открытыхъ бунтовъ; въ Митчельстоунѣ и другихъ мѣстахъ приходилось разгонять толпу военной силой. Можно себя представить, насколько эти происшествія въ связи съ упорнымъ нежеланіемъ привлечь редакцію къ суду, волновали общественное мнѣніе *). Парнель въ глазахъ менѣе культурныхъ слоевъ общества являлся уже призваннымъ главою революціонной арміи, предводителемъ феніевъ. Между тѣмъ «Times» и не думала ограничиться однимъ письмомъ; газета напечатала еще два письма, также подписанныя именемъ Парнеля и касающіяся того же предмета—порипанія убійства въ Фениксъ-Паркѣ; въ этихъ письмахъ Парнель снова объясняетъ и извиняетъ свое поведеніе въ парламентѣ въ маѣ 1882 года. Послѣ напечатанія этихъ писемъ къ Парнелю уже приступили съ самыми серьезными требованіями и члены его партіи, и либералы — гладстоновцы, чтобы онъ предпринялъ какія-нибудь рѣшительныя мѣры. Тогда Парнель заявилъ въ палатѣ общинъ требованіе, чтобы было назначено парламентское слѣдствіе по этому дѣлу. Во время обсуждения этого предложенія членъ кабинета Чемберленъ, одинъ изъ отпавшихъ отъ Гладстона либераловъ, сильно нападалъ на Парнеля. Парнель отвѣтилъ, что Чемберленъ непрочъ былъ раньше заискивать предъ ирландцами, когда они были ему нужны, а теперь, ставши министромъ, ведетъ игру на два фронта: вслухъ нападаетъ на ирландскую партію, а втихомолку ведетъ съ ней сношенія, обманывая Салисбюри. Рѣчь Парнеля была покрыта аплодисментами ирландцевъ и гладстоновцевъ и среди шума раздались крики: «Юда Чемберленъ! Юда Чемберленъ!» Кричали это ирландцы **). Этотъ поворотъ дѣла былъ со-

*) The forged letters, 329 (The parnell-commission. Third edition, Lond. 1889, изданіе Макмиллана).

**) См. Diary of Salisbury parliament 1886 — 1892. (Lond. 1892, by h. Lucy), стр. 97 и 98.

всѣмъ неожиданъ: изъ обвиняемаго Парнелъ превратился въ обвинителя, министерство не скрывало своего смущенія. Чемберленъ взволнованно оправдывался (ни на кого, впрочемъ, въ частности не глядя), палата раздражена страшно. Парнелю въ его требованіи о парламентской комиссіи было отказано; рѣшили только составить комитетъ изъ членовъ суда Королевской скамьи, и эта комиссія должна была рѣшить, кто правъ: Парнелъ или редакция «Times»'а.

Слѣдствіе началось въ концѣ 1887 года, а судъ осенью 1888 г.; онъ тянулся одинъ годъ и одинъ мѣсяцъ и занялъ 128 засѣданій (начался онъ 22 октября 1888 г., а окончился 22 ноября 1889 г.). Судьба какъ будто не хотѣла дать Парнелю хоть немного отдохнуть: обструкція въ эти годы (со времени измѣненія парламентскихъ правилъ) была сильно затруднена, другимъ способомъ бороться противъ коалиціи уніонистовъ и консерваторовъ не было возможности, и вотъ, какъ разъ, когда въ парламентѣ стоитъ сравнительное затишье, Парнелъ волнуется англійское общество своимъ процессомъ и тѣми подробностями его, которыя выяснились во время суда и слѣдствія. Нужно отдать справедливость генералъ-атторнею, руководившему слѣдствіемъ: онъ дѣлалъ все, что только было въ его силахъ, чтобы доказать связь Парнеля съ феніями и, eo ipso, подлинность писемъ. Но такого осторожнаго и скрытнаго человѣка, такого, по отзывамъ всѣхъ слѣдившихъ за нимъ агентовъ, идеальнаго конспиратора нельзя было другого отыскать въ Соединенномъ Королевствѣ; Томасъ Бичъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ хвалиться тѣмъ, что обманулъ Парнеля. Генералъ-атторней приказалъ на казенный счетъ привозить въ Лондонъ со всѣхъ концовъ Ирландіи и Англій тѣхъ политическихъ арестантовъ, которые могли бы хоть что-нибудь сказать противъ Парнеля. Многие ирландцы сидѣли въ тюрьмѣ на основаніи только что проведеннаго бальфуровскаго билля объ усмиреніи; этимъ людямъ, находившимся въ полной власти администраціи, была обѣщана свобода за одно только слово противъ Парнеля *). Но ничего не помогало; доказательства не являлись.

Когда слѣдствіе коснулось, наконецъ, исторіи съ письмами, генералъ-атторней вызвалъ редактора «Times»'а и спросилъ его, отъ кого онъ получилъ эти письма. Редакторъ отвѣтилъ, что онъ ихъ получилъ отъ нѣкоего Густона **), секретаря англійской патріотической лиги въ Дублинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ корреспондента «Times»'а. Генералъ-атторней вызвалъ Густона и спросилъ, кто же ему самому далъ эти письма. Тогда Густонъ назвалъ нѣкоего Ричарда Пиготта, бывшаго репортера дублинской мелкой прессы. Вызвали Пиготта, и тутъ дѣло начало раскрываться. Вотъ что обнаружилось. Этотъ Пиготтъ жилъ въ Кингстоунѣ,

*) См. объ этомъ Filon, Profils anglais (Paris 1893), стр. 275.

**) The Parnell-commission. The opening speech. (3 edition, London 1889), стр. 332.

вблизи отъ Дублина; у него была семья, состоявшая изъ жены и четырехъ маленькихъ дѣтей. Положеніе всей семьи было ужасно; Пиготтъ дѣлалъ все, чтобы достать какую нибудь работу, но ничего не выходило, неудачи преслѣдовали его съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Доведенный до отчаянія, онъ уже началъ просить милостыню у тѣхъ людей, отъ милосердія которыхъ могъ чего нибудь ожидать. Онъ страстно любилъ своихъ дѣтей, по отзывамъ всѣхъ, и жестоко страдалъ, видя, что они умираютъ отъ голода. Положеніе его и, въ особенности, страхъ за жизнь дѣтей стали извѣстны Густону, секретарю англійской патріотической лиги и сотруднику «Times»'а. Густонъ явился къ Пиготту и предложилъ ему слѣдующее дѣло. (Это было въ концѣ 1886 года, въ разгаръ толковъ о возвращеніи либераловъ и Гладстона въ парнелизмъ). Существуетъ, сказалъ онъ, единственная возможность для Пиготта спасти своихъ дѣтей отъ голодной смерти. Нужно *достать* письма, которыя бы показывали, что Парнель находился въ связи съ убійцами Борка и Кавендиша. Если Пиготтъ беретъ на себя *искать и найти* такія письма, то англійская патріотическая лига обязуется платить ему за каждый день во время поисковъ два фунта стерлинговъ (около 20 руб.), а когда письма будутъ найдены, тогда онъ получитъ за напечатаніе ихъ разомъ такую сумму, которая его обезпечитъ до конца дней. Пиготтъ согласился. Затѣмъ, показаніе Пиготта, до сихъ поръ подтвержденное другими свидѣтелями, становится нѣсколько сбивчивымъ. Онъ отправился искать письма почему-то въ Лозанну, но тамъ ничего не нашелъ и поѣхалъ въ Парижъ *). Здѣсь его встрѣтилъ на улицѣ какой то неизвѣстный чело­вѣкъ, который спросилъ его, не письма ли Парнеля онъ ищетъ? Получивши утвердительный отвѣтъ, незнакомецъ сказалъ, что эти письма находятся въ черномъ мѣшечкѣ въ одномъ запертомъ помѣщеніи, въ Парижѣ. Пиготтъ выразилъ желаніе купить ихъ, но незнакомецъ не продавалъ, боясь гнѣва феніевъ, сидѣвшихъ въ Америкѣ. Пиготтъ, съѣздивъ въ Америку, получилъ отъ феніевъ позволеніе купить письма, вернулся въ Парижъ и приобрѣлъ ихъ. Затѣмъ эти письма, уличавшія Парнеля въ сношеніяхъ съ заговорщиками Фениксъ-Парка, были переданы Густону, а Густонъ отослалъ ихъ въ редакцію «Times»'а. Пиготтъ видѣлся лично и съ редакторомъ, и тотъ вполне повѣрилъ подлинности документовъ **). Въ общемъ, онъ пока получилъ за нихъ отъ редакціи около 1000 фунтовъ (десять тысячъ рублей).

Защитникъ Парнеля Чарльзъ Россель весьма саркастически допрашивалъ редакцію «Times»'а, свято ли она вѣритъ словамъ Пиготта, и, очень искусно ведя перекрестный допросъ, убѣдилъ присутствовав-

*) Diary of the parnell-commission, 54 Day, February 21, стр. 151, показаніе Пиготта. (изд. Lond. 1890).

**) The opening speech for the defence (Charles Russel), 3 edition, Lond. 1889, стр. 340 и 341.

шую въ судѣ публику (да и не только поблику, если судить по тому, что члены Королевской скамьи смѣялись вмѣстѣ со всѣми), что, во-первыхъ, свидѣтель фантазируетъ, и, во-вторыхъ, что редакція при- творяется, будто вѣритъ ему. Положеніе Пиготта во время засѣданія было страшно трудно, и стенографическій отчетъ о процессѣ черезъ каждыя нѣсколько, строкъ замѣчаетъ *), что Пиготтъ «обнаружи- ваетъ всѣ признаки потрясенія». Этотъ рассказъ о доставаніи писемъ былъ выслушанъ отъ него во время засѣданія суда 21 и 22 февраля (1889 г.), а 23-го февраля, рано утромъ, Пиготтъ явился къ Лабу- шеру, редактору газеты «Truth», поддерживавшему Парнеля,—торопливо и задыхаясь потребовалъ, чтобы Лабушеръ позвалъ свидѣтелей, и, когда это было исполнено, сказалъ, что все его показаніе на судѣ — ложь, что онъ самъ поддѣлалъ всѣ письма, соблазненный обѣщаніями Густона. Его признаніе было имъ тутъ же написано и подписано. Затѣмъ онъ поспѣшно вышелъ изъ редакціи. Онъ бѣжалъ въ Парижъ, а оттуда въ Испанію, въ Мадридъ. Ожидая, что его соб- лазнители поддержать его теперь, онъ послалъ телеграмму въ «Times» съ просьбою о деньгахъ, которая газета еще осталась ему должна. Редакція «Times» а тотчасъ же сообщила указанный въ телеграммѣ адресъ полиціи. На другой день въ мадридскую гостиницу явились арестовать его; Пиготтъ, увидя вошедшихъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ раньше, чѣмъ могли его остановить.

Послѣ этой трагедіи и прочтенія на судѣ признаній Пиготта дѣло Парнеля было выиграно, и выиграно блестящимъ образомъ. Триумфъ былъ полный, безусловный, такой, какихъ немного выпало на долю даже этого человѣка, привыкшаго къ успѣхамъ. Надо замѣтить, что если Парнель неохотно началъ процессъ, какъ всегда не желая безъ особенной нужды отречься отъ феніевъ, если онъ не любилъ защи- щаться на этой почвѣ, то и во время суда онъ ограничивался лапони- ческими отвѣтами на вопросы о сношеніяхъ съ тайными обществами и принципиально ничего о нихъ не говорилъ. Во время процесса, между прочимъ, Парнель встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ, агентомъ полиціи Томасомъ Бичемъ **); этотъ дѣятель произвелъ очень сильное впе- чатлѣніе, рассказавши ***), какъ Парнель въ 1881 году говорилъ съ нимъ о необходимости дѣйствовать дружно съ феніями. Но теперь уже ре- дакція «Times» а ничто помочь не могло. Она потерпѣла такое страшное поражение, послѣ котораго даже этотъ органъ не могъ вполне опра- виться. Кромѣ моральнаго ущерба газета понесла и матеріальный; она должна была заплатить Парнелю 5.000 фунтовъ судебныхъ издержекъ (около 50.000 рублей).

*) Diary of the parnell-commission, 53 and 54 Days, passim.

***) Авторъ цитированной выше книги Twenty five years in the secret service.

1) Diary of the parnell-commission, 215—217.

Враги ирландскаго лидера были раздавлены, очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи, какое только можно себѣ представить, а онъ торжествовалъ—и все-таки его отношенія съ феніанствомъ оставались невыясненными, никакихъ признаній на судѣ онъ не сдѣлалъ и никого ни въ чемъ разувѣрить не старался. Ненависть къ нему, всегда острая, теперь усиливалась чувствомъ горечи и обиды; но до поры, до времени возможно было только дѣлать вылазки спорадическія и исподтишка. Чтобы разомъ все припомнить и за все съ нимъ расплатиться, слѣдовало подождать болѣе благопріятнаго времени и болѣе удобнаго случая.

XI.

Джюрдано Бруно говоритъ въ одномъ ихъ своихъ произведеній о людяхъ, которые въ горѣ веселы, а въ радости печальны, *in tristitia hilares—in hilaritate tristes*. Судя по всему, Парнель принадлежалъ въ числу такихъ людей. Въ самыя трудныя минуты своей жизни онъ удивлялъ близко стоявшихъ къ нему лицъ полнымъ спокойствіемъ, бодростью и увѣренностью, а въ дни триумфовъ не менѣе поражалъ какою то печальной задумчивостью, непонятной сумрачностью. Впрочемъ, его настроеніе всегда должно было казаться немотивированнымъ. Своей души онъ не открывалъ никому изъ тѣхъ, кто повидимому имѣлъ больше всего правъ на его откровенность.

Онъ казался всегда одинокомъ, члены его партіи, безпрекословно ему повиновавшіеся, весьма рѣдко видѣли его внѣ палаты общинъ и никогда ни о чемъ, кромѣ предстоящихъ парламентскихъ дѣлъ съ нимъ не говорили. На партійныя засѣданія онъ являлся рѣдко, адреса своего также никому не сообщалъ, такъ что, напримѣръ, когда Гладстону разъ понадобилось видѣться съ Парнелемъ до засѣданія, онъ никакъ не могъ узнать, гдѣ тотъ живетъ. Что онъ дѣлалъ внѣ палаты, всегда оставалось тайной, такъ же, какъ тайной была вся частная, интимная жизнь этого человѣка. Сосредоточенное вниманіе, обращенное, казалось, не столько на внѣшній, сколько на собственный, внутренній міръ, чаще всего отражалось на его лицѣ. Никто не видѣлъ, чтобы онъ сильно волновался; во время парламентскихъ бурь, въ моменты ирландскихъ встрѣчъ и овацій онъ оставался, за рѣдкими исключеніями, невозмутимо спокоенъ. И это постоянное спокойствіе опять таки никого не заставило никогда сказать, что Парнель, полубогъ народныхъ массъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей, человѣкъ, въ сорокалѣтнемъ возрастѣ снискавшій всемірную извѣстность,—счастливъ, что онъ, при своемъ желѣзномъ здоровьи и обезпеченномъ состояніи, доволенъ судьбою. Какая-то трагическая нотка звучала въ теченіе всей его жизни и давала тонъ всему его поведенію. Обстоятельства могли быть запутанными и сложными, но онъ никогда не казался поглощеннымъ ими все-

цѣло; среди самыхъ оживленныхъ бесѣдъ и споровъ онъ иногда внезапно умолкалъ и угрюмо задумывался, не то о чемъ-то вспоминая, не то къ чему-то прислушиваясь.

Чѣмъ больше время шло къ концу 80-хъ годовъ, тѣмъ поведеніе его становилось все загадочнѣе и загадочнѣе. Нерѣдко среди сессіи онъ вдругъ уѣзжалъ изъ Лондона и никто не зналъ, куда онъ отправился и сколько времени пробудетъ въ отсутствіи; часто, въ разныхъ мѣстахъ онъ называлъ себя вымышленными именами. Если всегда было мало общенія между Парнелемъ и его партіей, то въ это время (въ 1888, 1889, 1890-мъ г.г.) оно совсѣмъ прекратилось. Его манеры и обхожденіе отличались обыкновенно простотой и изяществомъ, но тутъ всѣ стали замѣчать неизвѣстную прежде рѣзкость, суровость въ обращеніи съ окружающими. Нѣкоторые приписывали эту раздражительность парламентскому затіишью, невозможности бороться съ министерскимъ большинствомъ; другіе говорили, что между Парнелемъ и Гладстономъ происходятъ какіе то раздоры... Ничто не могло быть ошибочнѣе послѣдняго предположенія: Гладстонъ, послѣ парнелевскаго процесса съ редакціей «Times»'а, не зналъ просто, чѣмъ выразить дружбу и расположеніе къ своему союзннику.

Вообще въ Шотландіи и Англіи многіе старались показать сочувствіе Парнелю послѣ его торжества. Такъ, городъ Эдинбургъ поднесъ ему почетное гражданство; либеральный клубъ въ Лондонѣ съ энтузіазмомъ встрѣтилъ его рѣзкую рѣчь о такомъ щекотливомъ предметѣ, какъ обращеніе англійской администраціи съ ирландскими политическими арестантами *). Нужно сказать, что посрамленіе Times'а послѣ суда либералы эксплуатировали гораздо больше, чѣмъ самъ Парнель; ирландцы также старались воспользоваться этой побѣдой и недоумѣвали, почему ихъ вождь не старается извлечь всѣ выгоды изъ своего, дѣйствительно, блестящаго положенія послѣ процесса. Но Парнель такъ искренно и глубоко презиралъ всю эту затѣянную противъ него интригу, что вполне равнодушно смотрѣлъ на поражение враговъ и не удостаивалъ ихъ особеннымъ вниманіемъ. Это еще болѣе импонировало значительной части англійскаго общества; и такъ какъ въ политикѣ обыкновенно чѣмъ болѣе везетъ счастье одному изъ союзниковъ, тѣмъ ласковѣе становится къ нему другой, то и либералы относились къ Парнелю послѣ его триумфа въ высшей степени сердечно. На Рождество 1889 года Гладстонъ пригласилъ его пріѣхать погостить въ Говардинъ. Парнель пріѣхалъ, и тутъ оба дѣятеля бесѣдовали о гомрулѣ, о ближайшихъ шансахъ поставить вопросъ на очередь, о подробностяхъ отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Во время этихъ переговоровъ обнаружилось, что Гладстонъ въ новомъ проэктѣ гомруля оставляетъ управленіе ирландской полиціей въ рукахъ англійскаго министер-

*) «Truth», 14 March 1889.

ства и что разрѣшеніе аграрнаго вопроса онъ также предоставляет имперскому парламенту. Парнель замѣтилъ на это, что при такихъ условіяхъ онъ боится, что ирландскій народъ не будетъ поддерживать вождя либераловъ съ той искренностью, какъ это было бы желательнo. Впрочемъ, въ виду того, что въ ближайшемъ будущемъ вносить билль о гомрулѣ было вполнѣ бесполезно, эти разговоры удерживались на теоретической высотѣ.

Погостивши у Гладстона, Парнель отправился въ Единбургъ, гдѣ на митингѣ, устроенномъ въ его честь, ему была поднесена сумма въ три тысячи фунтовъ, собранная его почитателями съ цѣлью вознаграждать за судебные убытки *). Черезъ нѣсколько времени редакция газеты «Times» должна была, согласно приговору суда, заплатить Парнелю пять тысячъ фунтовъ, такъ что въ общемъ денежные дѣла его находились въ блестящемъ положеніи. Но его еще ожидало торжество въ парламентѣ—рѣчь Гладстона, предложившаго официально выразить негодованіе по поводу клеветы «Times»'а, жертвой которой чуть не сдѣлался Парнель, и высказать ему сочувствіе.

Дебаты по этому поводу лишній разъ показали, до какой степени консерваторы и уніонисты ненавидятъ Парнеля. Они говорили, что ирландскій агитаторъ отъ феніевъ не отказался публично, хотя имѣлъ для этого прекрасный предлогъ, что, наконецъ, сыщикъ Томасъ Бичъ прямо утверждаетъ, будто Парнель находился въ связи съ преступными обществами. Вообще много разъ подчеркивалось глубочайшее довѣріе къ словамъ Томаса Бича именно тогда, когда они расходились съ утвержденіями Парнеля. Представителемъ чувствъ большинства явился одинъ изъ консерваторовъ Фультонъ, который, истощивши всѣ аргументы, объявилъ: «Нѣтъ, слишкомъ всего этого (т.-е. выигрыша процесса) мало, чтобы мы отдали свои симпатіи м-ру Парнелю» **). Тогда ирландецъ Сикстонъ замѣтилъ: «да онъ и не проситъ вашихъ симпатій». «Пожалуй», возразилъ Фультонъ: «но м-ръ Гладстонъ за него проситъ!» Салисбюри и весь кабинетъ упорно стояли на томъ, что Парнель морально вовсе не оправданъ и не хочетъ оправдываться въ преступныхъ связяхъ. Либералы съ Гладстономъ во главѣ рѣшительно и горячо настаивали на своемъ. Это была замѣчательная сцена, показавшая наглядно, до какой степени глубоко и круто Парнель измѣнилъ партійныя отношенія: либералы-уніонисты спорили съ своими бывшими товарищами гораздо ожесточеннѣе, чѣмъ консерваторы, гладстоновцы защищали Парнеля еще болѣе горячо, чѣмъ ирландцы. Большинство, конечно, составилось изъ уніонистовъ и консерваторовъ, и предложеніе Гладстона выразить Парнелю сочувствіе было отвергнуто. Пове-

*) Freeman's Journal, January 1890.

**) Parliamentary Debates, томъ 341-й, стр. 1718, (53 и 54 парл. Викторіи, 1-й томъ сессіи).

деніе Гладстона произвело весьма сильное дѣйствіе на умы и въ Англии, и за границей; результаты голосованія всѣ предвидѣли и они не уменьшили впечатлѣнія, оставшагося отъ апологіи ирландскаго сепаратиста главою великой англійской партіи.

Вліяніе Парнеля на палату, несмотря на враждебность большинства, было огромное. Стоитъ прочитатъ рассказы мемуариста салисбуріевскаго парламента *), какъ пустая зала разомъ наполнилась депутатами, когда разносился слухъ, что Парнель будетъ говорить; стоитъ взвѣснить истинное значеніе того факта, что личное обаяніе самого Гладстона нейтрализовалось въ это время престижемъ Парнеля,—чтобы опѣнить моральное могущество ирландскаго лидера. «Въ Англии теперь не парламентъ, а парнельментъ»,—повторяли шутку «Punch»'а.

20 мая (1890 г.) состоялся въ Лондонѣ митингъ ирландской національной лиги подѣ предсѣдательствомъ Парнеля; здѣсь онъ, между прочимъ, указалъ на тотъ фактъ, что въ самой Англии живетъ около 250.000 ирландцевъ, имѣющихъ право голоса на парламентскихъ выборахъ. Нужно, сказалъ онъ, позаботиться, чтобы эти голоса не пропадали даромъ, чтобы эти массы не воздерживались отъ вотированія и голосовали единодушно. На необходимость предвыборной агитаціи между этими ирландцами онъ обращалъ вниманіе собравшихся членовъ лиги. Энтузіазмъ, съ которымъ встрѣтили его появленіе и его рѣчь, лишній разъ показалъ, какъ онъ теперь силенъ. Черезъ недѣлю послѣ этого митинга парламентскіе парнелиты дали ему обѣдъ по случаю дня рожденія. Въ застольномъ спичѣ Парнель говорилъ о союзѣ съ либералами, сказалъ, что гомруль непременно будетъ представленъ въ палату, какъ только Гладстонъ станетъ у власти, утверждалъ, что этотъ гомруль удовлетворитъ ирландскую націю и поздравлялъ свою партію съ такими союзниками, какъ Гладстонъ и либералы. Присутствующіе прерывали аплодисментами его слова, повторяли, что Ирландія и ирландская партія всѣмъ этимъ обязана никому другому, какъ виновнику нынѣшняго торжества, и очень просили его вѣрить искренности ихъ чувствъ. Незавѣстно, исполнилъ ли эту просьбу Парнель; за обѣдомъ онъ былъ задумчивъ и разсѣянъ.

Осенью 1890-го года, на парламентскихъ каникулахъ онъ побывалъ въ Ирландіи; сессія должна была открыться въ концѣ ноября; парнелиты и либералы готовились повести правильную атаку противъ министерства Салисбюри. Неожиданное обстоятельство вверхъ дномъ перевернуло всѣ эти планы и парламентскія комбинаціи.

*) Lucy, A Diary of the Salisbury parliament (London 1892), стр. 301: Mr. Parnell and his influence in the house.

XII.

Если бы кто-нибудь еще въ началѣ ноября 1890 года сказалъ, что въ предстоящіе десять мѣсяцевъ Парнеля ждутъ паденіе и смерть, то весьма многимъ такое пророчество показалось бы фантастическимъ. Только что онъ избавился отъ обвиненія въ связяхъ съ убійцами Кавендиша; только что его враги были раздавлены самымъ несомнѣннымъ образомъ, а его друзья такъ высоко подняли голову, какъ никогда равьше. Но именно въ эти дни триумфа на него обрушился ударъ, отъ котораго не было спасенія и всю силу и значеніе котораго сразу нельзя было достаточно вѣрно оцѣнить.

Уже сравнительно давно, съ половины 80-хъ гг., въ ирландскихъ политическихъ кружкахъ и въ лондонскихъ клубахъ говорили объ интимныхъ отношеніяхъ, существующихъ между Парнелемъ и г-жею Кэтринъ О'Ши, женою ирландскаго депутата *). Съ теченіемъ времени слухи эти стали довольно настойчивы. Всѣ знали, что Парнель бываетъ только у м-съ О'Ши и ни у кого больше; что, когда его нѣтъ въ Лондонѣ, самый удобный способъ для сношеній съ нимъ—передать, что нужно, черезъ г-жу О'Ши; всѣ знали, наконецъ, что Гладстонъ и члены его партіи весьма часто ведутъ съ Парнелемъ переговоры черезъ Кэтринъ О'Ши, когда онъ почему либо не хочетъ или не можетъ видѣться съ ними лично **). Въ 1886 году или около того произошло охлажденіе между капитаномъ О'Ши и Парнелемъ; охлажденіе окончилось формальнымъ разрывомъ, и Парнель пересталъ бывать у него въ домѣ.

Но съ Кэтринъ О'Ши онъ видѣться не пересталъ. Эти свиданія были рѣдки и недолги, происходили урывками, но, тѣмъ не менѣе, дошли до свѣдѣнія капитана. Кэтринъ О'Ши была, по общему отзыву, единственной женщиной, которую въ своей жизни любилъ Парнель; она была также его единственнымъ другомъ и повѣреннымъ, и онъ не могъ заставить себя отказаться отъ свиданій съ ней, несмотря на безчисленные глаза и уши, слѣдившіе за каждымъ его шагомъ, ловившіе каждое его слово. Двѣ-три наивнымъ тономъ изложенныя замѣтки проскользнули въ лондонской прессѣ о томъ, что экипажъ Парнеля тогда-то и тогда-то стоялъ около дома О'Ши; два три дружескихъ намека вкрались въ разговоръ собесѣдниковъ капитана ***), анонимныя письма также не заставили себя ждать. Произошло объясненіе между мужемъ и женою; капитанъ О'Ши созвалъ семейный совѣтъ и тамъ было рѣшено, что онъ имѣетъ право требовать развода.

*) О немъ. см, Men and Women of to-day (Lond. 1893), ort O'Shea.

**)... nothing was more common than for liberal statesmen to communicate with mr. Parnell through mrs O'Shea. (показаніе чelовѣка, близкаго къ семьѣ О'Ши. The Falle of mr. Parnell. The Review, 1890, vol II стр. 598).

***) Captain O'Shea and his Wite, Review of reviews (1890), vol. II, стр. 599.

Просьба о разводѣ была подана въ судъ и 16 ноября 1890-го года началось разбирательство. На судѣ ни Кэтринъ О'Ши, ни Парнель не думали защищаться; Парнель даже не прислалъ на судъ представителя своихъ интересовъ. Присяжные признали отвѣтчицу виновной въ нарушении супружеской вѣрности и удовлетворили просьбу ея мужа о разводѣ, а предсѣдатель суда заявилъ, что Парнель—«человѣкъ, воспользовавшійся гостепрѣимствомъ капитана О'Ши для разврата». Отчетъ о процессѣ былъ напечатанъ во всѣхъ англійскихъ газетахъ, и факты, обнаруженные на судѣ, стали достояніемъ читающей публики обоихъ полушарій.

Англійская общественная мораль была возмущена, англійская публика оскорбилась въ своихъ глубочайшихъ чувствахъ. Правда, всего только въ срединѣ 80-хъ годовъ газета «Pall-Mall» обнародовала цѣлый рядъ случаевъ всевозможныхъ естественныхъ и неестественныхъ преступленій противъ нравственности, совершаемыхъ людьми, которые носили почтеннѣйшіе титулы и фамиліи; правда, эти разоблаченія никѣмъ не были опровергнуты; правда, наконецъ, десять-двѣнадцать человѣкъ, украшавшихъ собою лондонскіе аристократическіе салоны, были въ сильномъ подозрѣніи у сыскной полиціи, развѣдывавшей въ 1887, 1888 и 1889 гг., для кого совершается въ столицѣ систематическій торгъ несовершеннолѣтними. Итакъ, англійская публика могла бы, повидимому, настолько окрѣпнуть нервами къ 1890 году, чтобы не такъ ужасно потрястись зрѣлищемъ парнелевскаго «моральнаго паденія», тѣмъ болѣе, что названные выше факты изъ жизни аристократіи, обыкновенно, никого особенно не беспокоили и весьма быстро тонули въ Летѣ.

Но съ Парнелемъ вышло иначе. Его громили и уничтожали всюду, и въ консервативныхъ слояхъ, и въ либеральныхъ, и въ высшемъ кругѣ, и въ среднемъ. Съ жадностью читались передовицы, описывавшія всѣ перипетіи романа Кэтринъ О'Ши; наперерывъ рассказывались подробности о томъ, какъ Парнель подкупалъ прислугу, чтобы передать записку, какъ часами онъ стоялъ подъ окнами, чтобы увидѣть г-жу О'Ши, какъ онъ переодѣвался и измѣнялъ свою наружность. Во главѣ суровыхъ моралистовъ шла редакція газеты «Times». видѣвшая въ этой исторіи вѣрное средство повалить, наконецъ, своего врага и доказать такимъ образомъ, что добродѣтель, несмотря ни на какіе встрѣчные терніи и временныя пораженія,—все таки въ концѣ концовъ торжествуетъ. За единичными исключеніями англійская печать всей своей компактной массой вторила «Times»'у. Ненависть, лютая и непримиримая, долго принужденная прятаться и улыбаться и теперь увядѣвшая, что ея часъ пришелъ, брызгала съ печатныхъ листовъ, проникала и заражала атмосферу и самую свою беззащитностью покоряла окружающихъ. Забыли о закаспійской желѣзной дорогѣ, о русской среднеазиатской политикѣ, о Египтѣ и Хартумѣ: все это отошло на задній планъ предъ дѣломъ Парнеля.

Ирландцы-депутаты были смущены и испуганы, но первымъ ихъ движеніемъ было тѣснѣе сплотиться вокругъ своего вождя, какъ сбивается кучка солдатъ вокругъ знамени въ ожиданіи особенно сильной атаки. «Чарли не можетъ быть виновенъ въ томъ, что на него взводятъ», говорили они *). 20 ноября, т. е. черезъ три дня послѣ окончанія процесса супруговъ О'Ши, въ Дублинѣ сошлось большое собраніе, на которомъ собравшіеся ирландскіе члены парламента торжественно заявили свою вѣрность и благодарность Парнелю; тамъ же была прочтена телеграмма отъ нѣсколькихъ парламентскихъ парнедитовъ, путешествовавшихъ въ это время въ Америкѣ; они также утверждали, что будутъ всегда держаться Парнеля и его политики. «Незабвенныя услуги нашего лидера въ прошломъ и глубокое убѣжденіе въ необходимости его несравненныхъ качествъ для блага дѣла заставляютъ насъ еще разъ выразить свое желаніе, чтобы онъ взялъ на себя лидерство партіи», писали они. Парнеля единогласно выбрали лидеромъ на предстоящую сессію. Игакъ, партія пока вѣрна. Но Парнель зналъ, что огромную важность представляетъ при данныхъ обстоятельствахъ мнѣніе Гладстона; онъ бодрѣ и увѣренно относился къ поднявшейся бурѣ, съ насмѣшками и презрѣніемъ отзывался о походѣ противъ него и Катринъ О'Ши: ему нужно было только знать, что скажетъ Гладстонъ. Одно слово этого человѣка заглушило бы всѣ голоса, донеслось бы до ушей страны и могло бы создать поворотъ въ общественномъ мнѣніи.

Прошла цѣлая недѣля послѣ процесса, а Гладстонъ молчалъ. «Times» громилъ его молчаніе съ тою библейскою силой, до которой любятъ подыматься передовики этого органа въ особо сенсаціонныхъ случаяхъ; «гладстоновцы», писала газета, «могутъ не обращать вниманія на рѣшеніе суда, но они не заставятъ британскій народъ думать по своему **). Другіе органы, консервативные и уніонистскіе, не отставали: они требовали отъ Гладстона, чтобы онъ или прямо объявилъ, что либералы по-прежнему въ союзѣ съ Парнелемъ, или чтобы открыто отшатнулся отъ ирландскаго лидера ***). Если Парнель съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ, чтобы Гладстонъ высказался, то и вся Англія смотрѣла на Говардинъ и прислушивалась, не раздастся ли оттуда голосъ, которому она привыкла вѣрить. И Гладстонъ, наконецъ, сказалъ свое слово.

24 ноября, черезъ восемь дней послѣ процесса, онъ написалъ члену либеральной партіи Джону Морлею письмо ****), въ которомъ говорилъ, что, по его мнѣнію, дальнѣйшее лидерство Парнеля было бы въ высшей

*) ...Charlie is all right etc. («How Michael Devitt was deceived, стр. 600).

***) Times, 18—22. Nov. 1890.

****) Standart 19—23 Nov. 1890; Manchester Guardian (8—22 Nov: Leeds Mercury 23 Nov.).

*****) Письмо Гладстона къ Морлею, Annual Register 1890, стр. 235—236.

степени гибельно для ирландскаго дѣла *). Онъ просилъ, чтобы Морлей передалъ это Парнею. «Я высказываю свое рѣшеніе просто и прямо, какъ бы мнѣ ни хотѣлось смягчить чисто личную сторону этого положенія». Приведенная фраза одна только (да и то глухо) говорила о коренной причинѣ разрыва. Въ сущности читатели письма не могли составить себѣ яснаго мнѣнія о томъ, почему Гладстонъ не желаетъ видѣть Парнея ирландскимъ лидеромъ: потому ли, что вѣрить въ его моральную испорченность, или изъ боязни пойти противъ общественнаго мнѣнія? Не было человека, который умѣлъ бы яснѣе выражать свои мысли, чѣмъ Гладстонъ; запутаннѣйшіе финансовые доклады подъ его перомъ и въ его устахъ казались проще таблицы умноженія. А здѣсь—коротенькое письмо по несложному дѣлу кажется темнымъ, недописаннымъ, сбивчивымъ. Не подлежало сомнѣнію только одно: Гладстонъ, не оставляя ирландскую партію, не отказываясь отъ поддержки идеи гомруля, требуетъ, чтобы ирландцы выбрали себѣ другого лидера вмѣсто Парнея.

Если враждебныя выходки прессы и англійскаго общественнаго мнѣнія могли казаться Парнею не болѣе какъ «щипками и мелкими уколами», то рука Гладстона теперь наносила ударъ прямо по головѣ. Только эта рука и могла такъ сильно поразить его. Могуущественный союзникъ покидалъ его и ставилъ предъ ирландской партіей дилемму: или низложить Парнея, или отказаться отъ поддержки либераловъ.

Какъ только письмо Гладстона было опубликовано, ирландская партія пришла въ смятеніе. Несмотря на всѣ увѣренія, застольныя тосты и клятвы, весьма многіе члены партіи больше уважали Парнея, чѣмъ любили его; онъ держалъ себя со многими изъ нихъ холодно, мало съ ними общался, въ особенности въ послѣдніе годы, и слишкомъ сурово охранялъ принципы партійной дисциплины. Ирландскіе депутаты безпрекословно повиновались ему, потому что въ немъ видѣли избранника страны и отъ него ожидали всевозможныхъ чудесъ, невысказанныхъ для простыхъ смертныхъ. Однимъ изъ такихъ чудесъ въ ихъ глазахъ являлся формальный союзъ съ либералами и превращеніе Гладстона въ гомрулера. Они полагали, что теперь уже главное сдѣлано, что имъ только нужно спокойно ожидать паденія Салисбюри,— и гомруль будетъ въ ихъ рукахъ на другой день послѣ избранія либеральной палаты и сформированія кабинета Гладстона. И вдругъ, когда они уже рассчитывали отдохнуть на правахъ друзей будущаго министра, имъ предлагаютъ или пожертвовать Парнеемъ, или отказаться отъ всѣхъ своихъ надеждъ. Они очень хорошо понимали и съ готовностью высказывали, что самому же Парнею обязаны этимъ союзомъ, что когда онъ въ первый разъ явился въ палату, смѣшно

*) disastrous in the highest degree to the cause of Ireland, письмо Гладстона, стр. 235.

было и думать для тогдашней ирландской группы, для какого-нибудь Исаака Бьюта о завоеваніи одной изъ двухъ великихъ партій; они сознавали вполне отчетливо, что только Парнель своей борьбой съ англичанами не на жизнь, а на смерть,—создалъ такое блестящее положеніе дѣлу. Но съ другой стороны: несчастная страна семь столѣтій ждетъ своего освобожденія, оно теперь уже готово стать фактомъ, какъ вдругъ только оттого, что Парнель не могъ подавить своей страсти,—опять рушатся всѣ надежды, опять Агасферу вкладываютъ посохъ въ руки и приказываютъ продолжать странствіе. Развѣ Парнель не зналъ, говорили многіе ирландскіе депутаты на первыхъ же собраніяхъ послѣ письма Гладстона,—развѣ Парнель не зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, на что идетъ, вступая въ связь съ замужней женщиной въ такой странѣ, какъ Англія? Какъ же у него не хватило настолько любви къ обожающему его народу, чтобы подавить въ себѣ эту страсть? Если теперь онъ останется лидеромъ, Гладстонъ исполнитъ свое слово и повернетъ всѣ сношенія съ ирландской партіей, и Парнель самъ разрушитъ дѣло рукъ своихъ. Его долгъ—уйти отъ лидерства.

Такія рѣчи слышались все чаще и чаще на собраніяхъ партіи; Парнель могъ видѣть, что почва подъ нимъ колеблется, и онъ апеллировалъ къ Ирландіи. Вотъ что гласилъ его манифестъ къ ирландскому народу *): «разсмотрите внимательно, какъ съ вами обращаются, чего отъ васъ требуютъ, раньше чѣмъ вы согласитесь выдать меня англійскимъ волкамъ, воющимъ, требуя моей гибели» **). Всегда въ послѣдніе годы, говорилъ манифестъ, ирландская партія держалась независимо, не шла ни за кѣмъ въ хвостъ и никому не позволяла вмѣшиваться въ свои дѣла. Теперь Гладстонъ осмѣливается давать партіи указанія и повелѣнія относительно такого вопроса, какъ лидерство. Если партія уступить, этимъ она признаетъ свое ничтожество и сама же похоронитъ надежду на гомруль: англичане добры только тогда, когда видятъ противъ себя силу, а слабыхъ и уступчивыхъ они презираютъ. Далѣе въ «манифестѣ» Парнель говорилъ о своемъ пребываніи въ гостяхъ у Гладстона всего за годъ передъ тѣмъ, во время рождественскихъ праздниковъ 1889-го года, когда Гладстонъ соглашался со всѣми требованіями ирландцевъ. Если дѣйствительно вождь либераловъ убѣжденъ въ необходимости гомруля, если это правда, а не лицемеріе, то все равно его долгъ поддерживать ирландскую программу, а кто будетъ лидеромъ партіи—неважно для такого человѣка чистыхъ принциповъ, какимъ называютъ Гладстона.

Ирландская партія послѣ парнелевскаго «манифеста» совершенно явственно раскололась на два лагеря и большинство придерживалось того мнѣнія, что ссориться съ Гладстономъ нельзя, и что Парнель хотъ

*) Freeman's Journall 29—30, Nov 1891.

**) ... to the english wolves, howling for my destruction.

на время долженъ уйти. Но Парнелъ сдаться не хотѣлъ. Онъ, какъ будто помолодѣлъ, какъ будто сталъ живѣе и сильнѣе при видѣ опасностей, отовсюду встававшихъ вокругъ него. Самыя бурныя пренія велись на партійныхъ засѣданіяхъ; онъ присутствовалъ на нихъ и многократно высказывалъ свое мнѣніе по дебатировавшемуся вопросу: бракоразводный процессъ супруговъ О'Ши и его роль въ этомъ дѣлѣ несколько не касаются лидерства ирландской партіи; онъ считаетъ всю поднявшуюся бурю результатомъ англійскаго лицемерія и полагаетъ, что Гладстонъ побоялся быть однимъ противъ всѣхъ и только потому сталъ на сторону его враговъ. Далѣе, онъ думаетъ, что партія унижить себя, если согласится повиноваться Гладстону. Но все было напрасно: слишкомъ жаль было многимъ ирландскимъ депутатамъ разстаться съ мечтою о близкой побѣдѣ, слишкомъ безопаснымъ и легкимъ представлялось дальнѣйшее парламентское плаваніе подъ флагомъ Гладстона. Пять дней длились эти дебаты; 6-го декабря произошла баллотировка вопроса. Голоса раздѣлились: сорокъ пять депутатовъ признали временное удаленіе Парнеля необходимымъ, двадцать шесть остались вѣрными ему. Новымъ лидеромъ былъ избранъ Джустинъ Макъ-Карти.

Если покинулъ Гладстонъ, это не казалось непоправимой бѣдой: англійскій союзъ добытъ силою и, значить, его еще можно вернуть. Если измѣнила партія, это было тяжело, но также не могло назваться рѣшительнымъ несчастьемъ: хотя депутаты присылаются страцю, однако она не можетъ контролировать каждый ихъ шагъ и каждое мнѣніе. Несравненно важнѣе всего этого было узнать, какъ же смотреть на него теперь сама Ирландія? Какъ она отнеслась къ заявленіямъ его враговъ и къ его манифесту? Собирается ли также оставить его или вѣтъ? Отвѣтъ на эти вопросы получился не сразу.

Въ Ирландіи всѣ три извѣстія о процессѣ О'Ши, о письмѣ Гладстона и лишеніи Парнеля лидерства распространились въ одно время и произвели ошеломляющее дѣйствіе. Собственно грозящій разрывъ съ Гладстономъ не испугалъ ирландцевъ такъ, какъ испугалъ ихъ депутатовъ: они привыкли на Англію смотрѣть, какъ на вражескій станъ, не разбирая отгѣнковъ, и соглашеніе съ либералами считали дипломатической сдѣлкой, которую ихъ «король» можетъ расторгнуть, когда найдетъ нужнымъ. Но что ихъ поразило, какъ громомъ, это—факты, обнаруженные бракоразводнымъ процессомъ. Если Парнелъ называлъ лицемеріемъ движеніе, поднявшееся противъ него въ Англии, то здѣсь и онъ долженъ былъ согласиться, что имѣетъ дѣло съ психологическими факторами совсѣмъ иной категоріи. Вѣрующіе католики Ирландіи были искренно и глубоко убѣждены, что онъ дѣйствительно совершилъ преступленіе и преступленіе тяжкое. Они любили его такъ, какъ никогда не любили ни Граттана, ни О'Ковнеля, никого изъ своихъ прежнихъ католическихъ вождей и этимъ доказали, что видятъ въ немъ не протестанта, а своего національнаго героя. Но когда этотъ

протестантъ нарушилъ заповѣдь, которую признаетъ и его религія, они были поражены и испуганы.

Если когда-нибудь у цѣлаго народа чувство становилось въ противорѣчіе съ традиціонными убѣжденіями, то это было съ ирландцами въ 1890 и 1891 годахъ. Наблюдатели ирландской народной жизни говорятъ, что въ первое время о процессѣ Кэтринъ О'Ши и о поступкахъ Парнеля отзывались такъ, какъ о несчастьи, ниспосланномъ судьбою—и только. Для массы ирландскаго народа окончательно разрѣшить вопросъ о томъ, какъ теперь должны вѣрующіе люди относиться къ Парнелю, могло одно лишь духовенство. Мы уже имѣли случай коснуться роли духовенства въ ирландской исторіи; эта роль была всегда велика и существенно важна. Клеръ черпалъ тамъ свою силу не только въ религіозности паствы; въ худшія времена своей исторической жизни Ирландія, загнанная и угнетенная, находила всегда поддержку и сочувствіе у своихъ священниковъ и монаховъ. Ирландское духовенство не фразами доказало, что оно горой стоитъ за свою паству: погибая на кромвелевскихъ висѣлицахъ, томясь въ англійскихъ тюрьмахъ, терпя нищету и голодъ послѣ каждой изъ безчисленныхъ конфискацій,—оно въ продолженіе многихъ вѣковъ заставляло видѣть въ себѣ душу націи. Конечно, въ извѣстномъ слобѣ ирландскаго клира проложило себѣ дорогу и ультрамонтанство, но, находя адептовъ больше среди высшихъ сановниковъ церкви, это теченіе никогда не торжествовало надъ чисто націоналистическимъ. Мы видѣли *), что когда въ 1883 году собирались деньги для поднесенія Парнелю, высшія духовныя лица Ирландіи, подъ давленіемъ со стороны папы, высказались противъ участія въ подпискѣ, а низшія клиръ дѣйствовалъ за одно съ народомъ. Итакъ, когда теперь Ирландія обратилась къ своему духовенству за разрѣшеніемъ труднаго вопроса, поставленнаго жизнью, это было сдѣлано съ полнымъ довѣріемъ и глубокимъ почтеніемъ. Для духовенства выбора не существовало: одобрить Парнеля оно не могло, не идя въ прямой разрѣзъ со своими догматами, и архіепископъ Уэльшъ явился выразителемъ мнѣній всего клира, когда заявилъ, что Парнель послѣ своего поступка не можетъ рассчитывать уже на поддержку духовныхъ лицъ **). Другой ирландскій архіепископъ Крокъ телеграфировалъ въ Лондонъ, что онъ не считаетъ мыслимымъ оставленіе лидерства въ рукахъ Парнеля.

Послѣ этихъ двухъ демонстрацій уже всѣ знали, что между Парнелемъ и его сильными помощниками все кончено и навсегда. Началось медленное, но непрерывное отпаденіе цѣлыхъ группъ, цѣлыхъ округовъ отъ Парнеля, и весною 1891 года только слѣпой могъ не видѣть, что престижъ бывшаго лидера въ я половину не тотъ, какъ прежде. Парнель смотрѣлъ событіямъ прямо въ глаза, не обманывая себя и не

*) См. VII гл. наст. этюда.

**) «The bishops speak out», 686. («Review» 1890. vol. II).

утѣшаясь. Когда Гладстонъ написалъ свое письмо, онъ сказалъ: «мы еще поборемся»; когда его удалили отъ лидерства, онъ повторилъ: «мы еще поборемся»; когда архіепископы заявили свое мнѣніе, онъ сказалъ окружающимъ: «передайте имъ, что я буду бороться до послѣдней крайности» *).

Онъ поѣхалъ въ Ирландію и тамъ, въ Коркѣ и Дублинѣ, произнесъ двѣ запальчивыя рѣчи противъ Гладстона; въ первый разъ видѣли его въ такомъ возбужденіи. Онъ называлъ вождя либераловъ предателемъ, говорилъ, что теперь англичане бьютъ не его, а Ирландію въ его лицѣ, что они ухватились за его частное дѣло, какъ за предлогъ для торжества надъ гомрулерами. Его слушала большая толпа, ему аплодировали, но и не такой проицательный взоръ замѣтилъ бы разницу между настроеніемъ народа прежде и теперь. «Меня убиваютъ священники», сказалъ онъ близкимъ людямъ послѣ митинговъ. На собраніяхъ и всюду, гдѣ онъ высказывался, онъ говорилъ: «Я признаю Макъ-Карті лидеромъ, я не буду даже добиваться лидерства, я уйду отъ общественныхъ дѣлъ, но при одномъ условіи: пусть Гладстонъ исполнитъ свои обѣщанія, пусть онъ проведетъ гомруль. Онъ этого не сдѣлаетъ, потому что просто хочетъ насъ обмануть».

Въ этомъ 1891 году, особенно съ лѣта, здоровье Парнеля стало измѣнять ему. Онъ былъ въ постоянномъ волненіи, которое несмотря ни на какія усилія, не хотѣло прятаться и постоянно давало себя чувствовать. Это замѣтили и друзья, и враги **), и первые съ грустью, а вторые съ радостью ***)) дѣлились своими наблюденіями. Въ парламентѣ Парнель и немногіе, оставшіеся ему вѣрными, почти не бывали; Маккартисты заняли ихъ мѣсто. Оппозиція была вообще разстроена этимъ разладомъ страшно, и всемогущество Салисбюри, начавшееся расколомъ между гладстоновцами и уніонистами, упрочилось окончательно послѣдствіями процесса Кэтринъ О'Ши. Парнель всегда былъ сначала демагогомъ, а потомъ парламентскимъ дѣятелемъ, и теперь онъ всѣ усилія напрягалъ, чтобы вернуть расположеніе народа. Въ иныхъ мѣстахъ его продолжали встрѣчать радушно, въ другихъ сдержанно.

Впервые ему (и съ нимъ всей Англіи) истина предстала на выборахъ въ Килькенни. Въ Килькенни освободился депутатскій мандатъ; обѣ группы — маккартисты и парнеллиты, всѣми способами старались провести каждая своего кандидата, и на выборахъ маккартистъ прошелъ съ рѣшительнымъ большинствомъ. Въ мартѣ (1891 г.) произошли также частные выборы въ сѣверномъ Слиго, и здѣсь снова парнеллита забаллотировали. Но съ другой стороны, въ Коркѣ и Дублинѣ были устроены лѣтомъ манифестаціи въ честь Парнеля и, по общему убѣж-

*) Tell them I will fight to the last.

**)) См. «The Irish leadership», 125 стр. (by F. Harrison, «Fort. Review», 1891, v. I).

***)) Ibid.

денію, еще добрая половина Ирландіи несмотря ни на что стояла на его сторонѣ.

Борьба разгоралась; 22 мая Парнель говорилъ въ Бельфаствѣ на митингѣ; онъ обвинялъ духовенство въ измѣнѣ ирландскому дѣлу и заявилъ, что архіепископы мѣшajúтся въ политику и не хотятъ вмѣстѣ съ тѣмъ стоять на политической точкѣ зрѣнія. Онъ говорилъ также, что духовенство не рѣшалось раньше заявить себя противъ него, а сдѣлало это потомъ, когда увидѣло, что противъ Парнеля вся Англія. Архіепископъ Крокъ отвѣтилъ на такія обвинения на митингѣ въ Ньюиннѣ *), что духовенство всегда было противъ Парнеля, какъ только узнало о процессѣ Кэтринъ О'Ши, но что нужно было собрать совѣтъ всѣхъ ирландскихъ епископовъ, чтобы обсудить дѣло, а нѣкоторые изъ нихъ находились въ Римѣ. Съ своей стороны архіепископъ Уэльшъ объявилъ, что вообще Парнелю нельзя вѣрить послѣ того, что открылось на судѣ, и поэтому не мѣшало бы пересчитать денежныя суммы, переходившія черезъ его руки. Письмо Уэльша было напечатано въ «Times»'ѣ **). Парнель на это замѣтилъ, что Уэльшъ желаетъ подражать очевидно Пиготту, автору подложныхъ писемъ, и выбрать даже одинъ и тотъ же органъ для сотрудничества. Впрочемъ, самъ Уэльшъ, вѣроятно рѣшивши, что увлекся, взялъ свои слова назадъ безъ всякихъ оговорокъ.

Полемика поглощала Парнеля всецѣло. Онъ не спалъ, ѣлъ урывками, переѣзжалъ безконечное количество разъ изъ Англіи въ Ирландію, и дѣйствовалъ съ несокрушимой энергіей. Но чѣмъ больше онъ оборонялся, тѣмъ болѣе яро нападала англійская пресса и тѣмъ сильнѣе разгорячались ирландскіе оппоненты. Разъ въ это время онъ вошелъ неожиданно въ кабинетъ Макъ-Карти (съ которымъ оставался въ вполнѣ мирныхъ личныхъ отношеніяхъ), молча поздоровался и сѣлъ въ кресло; онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, и страшно худъ. Безмолвно посидѣвши короткое время, онъ попрощался и ушелъ; Макъ-Карти заплакалъ, глядя на него.

Переговоры съ Даллономъ и О'Бріеномъ, которые хотѣли соединить обѣ группы ирландской партіи, не увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, Парнель желалъ теперь только возвратить себѣ Ирландію, а парламентскія дѣла отодвинулись для него на задній планъ. Положеніе партіи было бѣдственно; маккартисты умоляли Парнеля прекратить борьбу хоть на время. Архіепископъ Уэльшъ также говорилъ, что дѣло Ирландіи погибаетъ, благодаря этому расколу. Парнель назвалъ слова Уэльша дѣтской болтовней и чистѣйшей безсмыслицей ***). Въ іюлѣ (1891 года) Парнель женился на Кэтринъ О'Ши, разведенной со своимъ мужемъ.

*) «Annual Register», 1891, стр. 242.

***) «Times», 25 May, 1891.

***) Child's talk and purest nonsense. Annual Reg., 1891, стр. 244.

Въ Англіи это нѣсколько успокоило общественное мнѣніе, но католическое духовенство Ирландіи посмотрѣло на женитьбу Парнеля, какъ на «верхъ ужасовъ» *). Впрочемъ, и въ Англіи отзывались весьма много очень неодобрительно и въ такихъ выраженіяхъ, которыя рѣзко задѣвали честь жены Парнеля. Но онъ, не отвлекаясь ничѣмъ, продолжалъ борьбу; чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, 22 іюля состоялся въ Дублинѣ огромный митингъ парнелитовъ; Парнеля встрѣтили такими горячими оваціями, которые живо напомнили недавнее и невозвратное прошлое. Онъ говорилъ о «вѣчной, необходимой войнѣ» съ англичанами изъ-за гомруля, о единодушіи, о скорой побѣдѣ. Но чрезъ короткое время послѣ этого торжества его постигъ очень чувствительный ударъ—измѣна «Журнала Фримана». Этотъ вліятельный и наиболѣе читаемый въ Ирландіи органъ сталъ на сторону его враговъ: собственникъ журнала счелъ неудобнымъ для себя защищать Парнеля, послѣ того какъ нападенія на него духовенства въ виду женитьбы удвоились. Въ Англіи торжество консерваторовъ и либераловъ уніонистовъ было полное. Лордъ Салисбюри заявилъ въ публичной рѣчи, что его очень радуютъ послѣдствія процесса О'Ши, такъ какъ они доказываютъ непоколебимую крѣпость великобританской нравственности. Уніонисты, стоя на менѣе возвышенной точкѣ зрѣнія, радовались ослабленію оппозиціи и своей побѣдѣ и приглашали гладстоновцевъ окончательно отрѣшиться отъ «гомрулерскихъ фантазій» и примкнуть къ нимъ. Въ концѣ сентября Парнель говорилъ въ Боскоммонѣ; онъ опять убѣждалъ слушателей до конца бороться за самоуправленіе Ирландіи, съ горечью отзывался о поведеніи Гладстона и общалъ въ будущемъ разомъ повести аттаку для достиженія и гомруля, и аграрныхъ законовъ. Этотъ митингъ происходилъ 27 сентября 1891 года; всѣ разсматривали его, какъ начало осенней кампаніи; враги готовились къ нападеніямъ, парнелиты агитировали въ пользу скорѣйшаго примиренія группъ, англійская пресса отряжала въ Ирландію на осень репортеровъ. Но все это оказалось излишнимъ.

Послѣ митинга въ Боскоммонѣ Парнель вдругъ почувствовалъ себя не хорошо и отправился сейчасъ же въ Брайтонъ, гдѣ жилъ на загородной дачѣ съ женою. Приѣхавши домой, онъ немедленно слегъ въ постель. Страшныя ревматическія боли мучили его. Слѣдующіе дни онъ провелъ въ постели; послали за врачомъ. Тотъ не могъ сначала разобрать, какая это болѣзнь, и только потомъ рѣшилъ, что имѣетъ дѣло съ обостреннымъ ревматизмомъ. Парнель уже черезъ три дня послѣ начала болѣзни понялъ и высказывалъ, что его положеніе опасно. Жена не отходила отъ него ни на шагъ; терпѣніе его при этихъ мукахъ изумляло врача Джоуэrsa и всѣхъ окружающихъ. Болѣзнь быстро прогрессировала; распатанный трудами и волненіями орга-

*) «Climax of horrors».

низъ оказывался замѣчательно пригодный для того почвой. Жена въ изступленіи отъ горя отказывалась вѣрить врачу, но самъ Парнель выражалъ твердое убѣжденіе, что умереть. Спокойствіе не покидало его ни на минуту. На седьмой день болѣзни у него началъ отниматься языкъ. «Передайте мою любовь друзьямъ моимъ и Ирландіи»,—сказалъ онъ: «вотъ, если бы въ ея страданіяхъ за ней такъ ухаживали, какъ за мною!» Больше онъ уже ничего не говоритъ, а только глядѣлъ на свою жену и силился улыбнуться. Вечеромъ 7 октября надъ Брайтономъ разразилась страшная буря, и при шумѣ вѣтра и морскихъ волнъ, врывавшемся въ комнату, началась и окончилась агонія. Онъ скончался въ половинѣ двѣнадцатаго ночи.

Когда слухъ о его смерти разнесся по Ирландіи, были забыты всѣ дѣленія на партіи, всѣ ссоры и несогласія послѣдняго года. Маккартисты наперерывъ старались еще разъ оправдать свое поведеніе и засвидѣтельствовать свою печаль; духовенство говорило, что покойникъ былъ великій человекъ, котораго соблазнили темныя силы на горе его родины. Массы ирландскаго народа выказывали искреннее и глубокое отчаяніе; въ Дублинѣ и другихъ городахъ магазины и театры были закрыты въ день похоронъ (11-го октября). Двухсоттысячная толпа провожала гробъ; громкія рыданія не прекращались въ теченіе всей длинной дороги до дублинскаго кладбища. Правительство боялось, что вспыхнутъ беспорядки и усилило полицейскіе отряды. Редакція измѣнившаго Парнелю «Журнала Фримана» охранялась однимъ изъ такихъ отрядовъ, такъ какъ опасались насилій со стороны толпы. На стѣнахъ дублинскихъ улицъ, черезъ которыя шелъ траурный кортежъ, были расклеены афиши съ надписями: «замученъ англичанами».

Въ виду того, что на послѣднемъ митингѣ (въ Боскоммонѣ) Парнель казался совершенно здоровымъ, а смерть постигла его всего черезъ десять дней, распространилась молва, что онъ покончилъ съ собою. Ревматизмомъ онъ началъ страдать незадолго до смерти, такъ что многіе не вѣрили разъясненіемъ врача. Жена его находилась въ такомъ состояніи, что видѣть ее и говорить съ нею нельзя было, и это также способствовало тому, что слухъ долго держался. Но даже тѣ, которые не приписывали смерть самоубійству, говорили и писали, что Парнеля загнала въ могилу общая и дружная травля послѣдняго времени. Многіе (въ томъ числѣ и Гладстонъ) полагали, что смерть Парнеля принесетъ извѣстную пользу Ирландіи въ томъ отношеніи, что прекратить рознь среди ирландской партіи, усилить этимъ оппозицію противъ Салисбюри, кабинетъ будетъ низверженъ и либералы, получивши власть, скорѣе смогутъ провести гомруль. Но такъ въ большинствѣ случаевъ говорили гомрулеры-англичане; ирландскій-же народъ ничѣмъ не утѣшалъ себя въ своемъ горѣ. «Все погибло»,—сказалъ одинъ ораторъ на народномъ митингѣ въ Дублинѣ: «коршунъ, заклевавшіе Парнеля, заклюютъ и Ирландію».

Печаль, раскаяніе и безнадежное отношеніе къ будущему царю въ народѣ, только что пережившемъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ своей исторіи. «Такого не было и не будетъ уже у насъ» — писалъ Макъ-Карти *) о своемъ покойномъ соперникѣ. Французская, нѣмецкая и американская печать посвящала памяти Парнеля обширныя статьи и характеристики. Въ Англіи эта смерть возбудила почти такое же волненіе, какъ въ Ирландіи. Пятнадцать лѣтъ Парнель тасовалъ парламентскія партіи, отодвигалъ на задній планъ важнѣйшіе вопросы внѣшней и внутренней политики, заслонялъ все и всѣхъ собою и своими требованіями. Онъ засталъ ирландскую партію ничтожною, а сдѣлалъ ее первостепенной политической силой; либераловъ заставилъ измѣнить свою программу и раздвоить этимъ свою фракцію; пятнадцать лѣтъ Англія привыкла смотрѣть на государственныхъ дѣятелей и на политическія комбинаціи съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ Парнелю,—и когда вдругъ, 8-го октября, страна узнала, что его уже нѣтъ, это поразило ее. Мѣсто, занимаемое въ англійской жизни Парнелемъ, было такъ велико и такъ важно, что страннымъ казалось видѣть его, внезапно пустымъ. Часть англійской прессы («Daily News», «Standard» etc). отдавала справедливость талантамъ мертваго врага и съ гордостью напоминала, что все таки онъ—англичанинъ, что Англія теперь, послѣ его смерти, можетъ причислить его къ *своему* Пантеону. Другіе органы, также признавая Парнеля замѣчательнымъ человекомъ, тѣмъ не менѣе сожалѣли, что его способности нашли «столь дурное примѣненіе» и были употреблены «не на пользу Англіи, а во вредъ ей». Редакція газеты «Times» даже передъ трупомъ Парнеля не могла осилить своего отвращенія къ безнравственности и испорченности покойнаго; впрочемъ, газета полагала, что эти пороки въ значительной мѣрѣ объясняются моральной несостоятельностью дѣла, которое онъ отстаивалъ. Редакція выражала увѣренность, что теперь въ Англіи и Ирландіи вся успокоится и придетъ въ обычный порядокъ. Семь лѣтъ, минушія послѣ смерти Парнеля, не разбили этихъ надеждъ.

Евг. Тарле.

Парижъ, июнь 1898 г.

*) Contemporary review, Novemb. 1891 ст. Mac.-Carthy («Parnell»).

ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ.

(«МОЛОДАЯ РОССИЯ» ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ).

(Окончаніе *).

XIV.

Зайцевъ занималъ въ *Русскомъ Словѣ*, приблизительно, то самое положеніе, въ какомъ состоялъ Антоновичъ, какъ *Посторонній сатирикъ* въ *Современникѣ*—авторъ литературныхъ мелочей, т. е. Зайцевъ велъ библиографическій листокъ и печаталъ полемическія статейки по случайнымъ предлогамъ. Изрѣдка перу Зайцева принадлежали и болѣе обширныя разсужденія даже по философіи, напримѣръ, статья о Шопенгауерѣ. Но это не было его жанромъ. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ тѣсно и неудобно въ предѣлахъ обширнаго связнаго трактата и ежеминутно порывался разбить его на «смѣлыя и блистательныя salto mortale». Такъ отзывался Писаревъ объ идеяхъ своего товарища, искренно имъ сочувствуя и считая ихъ логическимъ выводомъ изъ той же диссертаци Чернышевскаго ⁴⁶⁾. Мы могли убѣдиться, на сколько эта логика послѣдовательна, и самъ Писаревъ не могъ не признать, что на его «уважаемаго сотрудника» «съ непритворнымъ ужасомъ и съ комическимъ недоумѣніемъ» смотрять «всѣ солидные тихоходы нашей періодической литературы».

Мы знаемъ, ужасаться могли не одни солидные тихоходы, если только статьи Зайцева вообще производили солидное впечатлѣніе. Шелгуновъ много лѣтъ спустя далъ о Зайцевѣ очень сердечный отзывъ, и съ нимъ приходится считаться, такъ какъ врядъ ли найдется особенно много охотниковъ провѣрять слова столь близкаго и лично симпатичнаго судьи, по статьямъ Зайцева.

По словамъ Шелгунова, Зайцевъ имѣлъ хорошее специальное и широкое законченное общее образованіе. Поэтому, продолжаетъ Шелгуновъ, Зайцевъ—медикъ «во всѣхъ областяхъ—въ литературѣ,

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

⁴⁶⁾ *Пушкинъ и Бѣлинскій. Сочиненія.* V, 67.

русской и иностранной, въ исторіи, политикѣ, естествознаніи — чувствовалъ себя хозяиномъ и, какъ хозяинъ, распоряжался со своимъ матеріаломъ, сообщая ему ту или иную группировку» ⁴⁷⁾).

Во всей этой характеристикѣ только одинъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію: Зайцевъ дѣйствительно *распоряжался какъ хозяинъ* во всѣхъ областяхъ знанія, но это хозяйничанье весьма рѣдко свидѣтельствовало о законченности общаго образованія. Именно Зайцевъ давалъ благодарнѣйшія темы враждебной критикѣ — устраивать охоту за его невѣдѣніемъ и опрометчивостью. Въ области политики мы знаемъ исторію съ неграми: попасть въ подобный просакъ могъ только публицистъ или неудержимо горячаго темперамента, или совершенно младенческой неопытности. И это приключеніе не единственное. Его повторилъ Зайцевъ и въ области философіи. Крайне недовольный философіей Фихте, Зайцевъ изрекъ слѣдующую истину:

«Собственно слѣдовало бы ожидать, что философъ прогонять съ пьедестала метлой, посадить въ водолѣбницу или подвергнуть исправительному наказанію; но къ стыду человѣчества и XIX в. это не только сходитъ имъ съ рукъ, но даже заслуживаетъ всяческое поощреніе».

Легко представить, какую злую иронию вызвала эта хозяйская рѣчь на страницахъ *Современника!*

Съ богѣ мелкими пташками, чѣмъ Фихте, Зайцевъ еще менѣе церемонился. Относительно Юркевича достаточно объявить: онъ «напоминаетъ нѣкоторыя физическія отправления Діогена» и только: вопросъ рѣшенъ навсегда. Впрочемъ, Юркевичъ можетъ не обижаться: участь Гегеля еще горше. Его философія просто «ерунда, растянутая на нѣсколькихъ стахъ страницахъ» ⁴⁸⁾.

Эти «скачки» не могли пройти безнаказанно и Антоновичъ долженъ былъ ждать статей Зайцева, какъ манны небесной. Никому нельзя было легче и проще устроить западню, никого нельзя было эффективнѣе ошельмовать и привести въ конфузъ, и притомъ съ самыми элементарными логическими и научными средствами и къ великой гражданской чести *Современника*.

О неграхъ и философахъ нечего и толковать. Здѣсь Зайцевъ выдалъ себя прямо головой. Но не лучше и положеніе съ Фихте. Если для реального мыслителя заворно поработать пѣлюю человѣческую расу и толковать объ исправительныхъ наказаніяхъ за философскія идеи, то почти столь же неразумно ополчаться на Фихте и восторгаться Шопенгауеромъ. О Фихте германская исторія навсегда сохранитъ память, какъ о великомъ патриотѣ,

⁴⁷⁾ *Воспоминанія. Изъ прошлаго и настоящаго. Сочиненія.* Спб. 1891, II, 752

⁴⁸⁾ *Русское Слово.* 1863, апрѣль, *Перлы и алмазны нашей журналистики*, 1. 1864, декабрь. *Последній философъ-идеалистъ*, 195.

какъ о восторженномъ апостола германской національной свободы, какъ о мужественномъ борца за вѣковую политическую и культурную идею. А Шопенгауеръ былъ самымъ плохимъ гражданиномъ, какого только можно представить даже на сценѣ филистерской Германіи. Онъ всю жизнь дрожалъ за личную безопасность и спокойствіе, знать не хотѣлъ ни о какихъ политическихъ и національных интересахъ времени и всякую минуту готовъ былъ удариться въ бѣгство, лишь только воображеніе начинало рисовать ему грозные призраки для его ежедневнаго комфорта.

Повидимому, достаточно этого простѣйшаго сопоставленія, чтобы понизить гнѣвъ противъ Фихте и не гнать его метлой съ какого угодно пьедестала. Но публицистъ самаго политическаго русскаго журнала не желаетъ понимать нагляднѣйшихъ фактовъ и поднимаетъ бурю, будто въ порывѣ безотчетной ярости и столько же слѣплого пристрастія. Какъ могло случиться подобное недоразумѣніе? Не могъ же авторъ философской статьи не имѣть никакихъ біографическихъ свѣдѣній о ненавистномъ философѣ. Конечно, имѣлъ, но пренебрегъ, какъ неограниченный хозяинъ, и совершилъ *salto mortale*, способное внушить не ужасъ, а чувство гораздо менѣе лестное для смѣлаго прыгуна.

Столь же странны восторги, расточаемые въ честь Шопенгауера. Зайцевъ всѣми силами души демократъ и вдругъ сплошной дионисій философю, приходившему въ брезгливое содроганіе при одномъ имени толпа, народъ. Шопенгауеръ впадаетъ въ невѣроятное неистовство всякій разъ, когда ему приходится говорить о демократическихъ явленіяхъ современной жизни. между прочимъ, о судѣ присяжныхъ. Зайцеву это извѣстно, но онъ, по необъяснимому капризу, желаетъ обратить всю эту политику философа въ шутку: ему это потѣшно и забавно! Ему и на умъ не приходитъ вопросъ, не имѣетъ ли тѣснѣйшей органической связи эта «забавная ненависть» Шопенгауера съ его общими философскими идеями? Гоненіе на демократію, нетерпимый, деспотическій аристократизмъ не слѣдствіе ли пессимистическаго вѣроученія Шопенгауера?

Для Зайцева эти соображенія не существуютъ: онъ удовлетворяется веселымъ настроеніемъ, менѣе всего умѣстнымъ въ приговорахъ надъ историческими явленіями и личностями.

Что касается области науки,—хозяйское поведеніе окончилось для Зайцева чрезвычайно печально: онъ долженъ былъ печатно сознаться въ грубѣйшей ошибкѣ, притомъ крайне элементарной, можно сказать, ученической.

Отважный публицистъ вздумалъ подвергнуть критикѣ статью Съченова *О рефлексѣхъ головного мозга*, пожелалъ даже исправить и дополнить ее. Именно Зайцевъ открылъ непримиримое противо-

рѣчіе въ двухъ заявленіяхъ ученаго: одно—«психическій актъ не можетъ явиться *безъ внѣшняго чувственнаго возбужденія*», другое—ощущенія, сопровождающія *внутренніе процессы организма*, представляютъ одинъ изъ самыхъ могучихъ двигателей въ дѣлѣ психическаго развитія. Зайцевъ соображалъ: страхъ, напримѣръ, можетъ произойти отъ сердцебіенія, а сердцебіеніе—процессъ *внутренній*, слѣдовательно, первое утвержденіе Сѣченова невѣрно... Несчастный критикъ!

Что за лекцію прочиталъ Антоновичъ — будто мальчику! Онъ объяснилъ ему самый оскорбительный фактъ: внутренніе процессы внутренни развѣ только въ томъ смыслѣ что они происходятъ во *внутренностяхъ*, относительно психическаго акта они *внѣшнія* такъ же какъ и всѣ другія чувственныя возбужденія. По представленію Зайцева выходитъ: если, напримѣръ, *высунутый* языкъ возбуждается кускомъ сахара, будетъ внѣшнее возбужденіе, а если тотъ же языкъ возбуждается сахаромъ въ полости рта, получается внутреннее...

Безжалостный Антоновичъ въ заключеніе сообщалъ, что онъ показалъ статью Зайцева Сѣченову и вызвалъ у ученаго хохотъ и предлагалъ злополучному критику публично извиниться предъ Сѣченовымъ и своими читателями ⁴⁹⁾.

Зайцеву ничего другого не оставалось, какъ склониться предъ побѣдоноснымъ врагомъ, и онъ откровенно призналъ свою ошибку, сообщилъ, наконецъ, читателямъ *Русскаго Слова* великую истину: «относительно психическихъ актовъ наше тѣло со всѣми своими внутренностями есть внѣшній предметъ». Этого бы и достаточно, но Зайцевъ, очевидно, почувствовалъ себя очень обиженнымъ и униженнымъ и принялся взывать даже къ человѣческимъ чувствамъ Антоновича и Сѣченова. Зачѣмъ ученому понадобилось «хохотать» надъ критикомъ: «вѣдь и преступникъ имѣетъ право на человѣческое обращеніе». Зачѣмъ Антоновичъ добивается отъ своей жертвы какой-то эпитеміи? Жертва апеллируетъ къ самому побѣдителю и проситъ его сказать откровенно: «не преступилъ ли онъ въ своей статьѣ предѣловъ полемики, которая могла быть ведена противъ меня, и неужели ни въ статьѣ моей *Последній философъ-идеалистъ*, ни въ прочей моей литературной дѣятельности нѣтъ ничего, что бы могло оградить меня отъ оскорбленій съ его стороны, подобныхъ тѣмъ, которыми онъ осыпаетъ меня?...» ⁵⁰⁾.

Идеально благородно, но совершенно некстати! Нашелъ человѣкъ къ кому обращаться съ трогательной исповѣдью! Анто-

⁴⁹⁾ *Современникъ*. 1865. февраль. *Русская литература*, 272, 276, 287.

⁵⁰⁾ *Русское Слово*. 1865, февраль. *Нѣсколько словъ г. Антоновичу*.

новичу только и требовалось поймать врага въ западню и получить случай осыпать его оскорбленіями: до справедливости ли здѣсь!.. вмѣсто какихъ бы то ни было соображеній о заслугахъ противника, онъ поспѣшилъ съ обычнымъ размахомъ своей кисти воспользоваться его расканіемъ. Въ двухъ книгахъ *Современника* онъ приметя теперь трубить побѣду и кричать въ уши читателямъ «сентиментальный вопросъ» Зайцева и уже рѣшительно подпишетъ смертный приговоръ Зайцеву, какъ писателю и какъ вообще умному человѣку ⁵¹⁾.

Правда, Зайцевъ подъ ударами своего неумолимаго судьи могъ съ пользою припомнить свои собственные набѣги на тупоуміе «писателей извѣстнаго сорта», т. е. Аксакова и его сотрудниковъ, свои веселыя издѣвательства надъ учеными и поэтами, въ родѣ Грота и Державина, надъ «одеревенѣлыми нервами» читателей романовъ—этого «промывательнаго средства отъ окончателнаго засоренія мозговъ», свои неотразимыя доказательства, что поэтъ непремѣнно лгунъ и дитя ⁵²⁾. Но въ особенности должна бы вспоминаться Зайцеву его особая критическая статья *Взбаломученный романистъ*. Здѣсь разговоръ велся съ Писемскимъ совершенно въ духѣ Посторонняго сатирика, «взбаломученный образъ мыслей» и обязанность «чернить все свѣжее, молодое и выступающее на дорогу жизни и дѣятельности» приписывалось зависимости автора отъ *Русскаго Вѣстника* и, наконецъ, тотъ же авторъ отождествлялся съ презрѣннѣйшимъ, на взглядъ критика, героемъ романа... ⁵³⁾. Все это грѣхи, достойные покаянія и мучительныхъ воспоминаній.

И все-таки Зайцевъ, сравнительно съ его противникомъ,—писатель, достойный сочувствія и уваженія. Его искренность прямо трогательна, честность сказывается на каждомъ шагу, какое бы пристрастіе онъ ни обнаруживалъ къ *salto mortale*. Примѣровъ сколько угодно и они должны бы вызвать краску даже на побѣдоносномъ лицѣ критика *Современника*.

Зайцевъ, напримѣръ, воюетъ съ Достоевскимъ, какъ публицистомъ, цѣнить ни во что его журналы, но талантъ Достоевскаго-художника для него неприкосновененъ и онъ какъ нельзя болѣе кстати укоряетъ *Современникъ* въ необузданности полемики и безпринципности отрицанія—разъ дѣло идетъ о партійныхъ врагахъ. Сяѣться надъ *Мертвымъ домомъ*—преступленіе, и всѣ сотрудники *Современника*, за исключеніемъ автора *Что дѣлать?*

⁵¹⁾ *Современникъ*. 1865, мартъ, (*Литературныя мелочи*), апрѣль (*Русская литература*).

⁵²⁾ *Русское Слово*. 1864, октябрь, декабрь, іюнь, *Библиографическій Листокъ*; январь—*Вѣлискій и Добролюбовъ*.

⁵³⁾ *Русское Слово*, 1863, октябрь.

не написали ничего, достойнаго сравненія съ нѣсколькими страницами книги Достоевскаго ⁵⁴).

Это истинно по рыцарски и Антоновичу и во снѣ не могло присниться подобное безпристрастіе. Зайцевъ проявлялъ его по требованію своей природы, безъ всякихъ насилій надъ своими страстями и идеями. Не признавая поэтовъ и художниковъ, онъ могъ написать нѣсколько искренне трогательныхъ строкъ о смерти Пушкина и сдѣлать удивительное для реалиста признаніе: «холодно на душѣ» при мысли о врагахъ «перваго русскаго поэта», о страшномъ разладѣ свѣтской среды съ «высокимъ поэтическимъ призваніемъ» Пушкина. Не менѣе сочувственныя рѣчи и о Тургеневѣ, даже какъ о творцѣ Базарова, есть у Зайцева доброе слово даже о Писемскомъ—и опять довольно [неожиданное. По мнѣнію Зайцева, *художественный талантъ* Писемскаго помѣшалъ ему выполнить разсудочное намѣреніе: Баклановъ все-таки вышелъ глупцомъ, [хотя] авторъ и называетъ его человѣкомъ умнымъ и образованнымъ ⁵⁵). Это ужъ рѣзко противорѣчило излюбленной идеѣ критика о поэтахъ, какъ завѣдомыхъ, стихійныхъ извратителей дѣйствительности. И именно противорѣчіе показываетъ, насколько сама натура писателя отличалась непосредственной правдивостью и искренностью, даже наперекоръ тенденціямъ. Этой черты не могли не замѣтить, просто не почувствовать читатели *Русскаго Слова*, и мы вполне понимаемъ разсказъ Шелгунова о томъ, какъ онъ по смерти [Зайцева получилъ отъ неизвѣстнаго провинціала прочувствованное почтительное письмо о покойномъ ⁵⁶).

Было у Зайцева еще одно достоинство, ставившее его выше даже Писарева. Разрушитель эстетики, весь поглощенный войной съ этимъ врагомъ, не принималъ участія въ едва ли не самой существенной публицистической струѣ *Русскаго Слова*—въ проповѣди социально-экономическихъ идей. Редакція журнала ставила себѣ двѣ задачи: «строго реальный взглядъ на вещи» и «сближеніе экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами» ⁵⁷).

Мы знаемъ, что означалъ «строго-реальный взглядъ»: *Современникъ* могъ съ полной основательностью обзывать его лже-реальнымъ и считать отступничествомъ отъ завѣтовъ Добролюбова и Чернышевскаго. Писаревъ именно и подвизался на этомъ пути практическаго и принципіальнаго разрыва съ первоучителями—

⁵⁴) *Русское Слово*. 1863, апрѣль. *Перлы и алмазны нашей журналистики*.

⁵⁵) *Р. Слово*. 1863, апрѣль. *Библиографич. Листокъ*, 4; октябрь.

⁵⁶) *О. с.* 741.

⁵⁷) *Р. Слово*. 1864, январь. *Объ изданіи журнала на 1864 годъ*.

шестидесятниками. Слѣдовалъ за нимъ и Зайцевъ, уничтожая поэтовъ и художественную литературу. Въ результатѣ — дѣятельность получалась въ лучшемъ случаѣ бесплодная, преизобильная яростной полемикой и крайне бѣдная положительными просвѣтельными идеями.

Другое значеніе слѣдуетъ признать за социальнo-экономическимъ направлениемъ *Русскаго Слова*. Здѣсь журналъ, несомнѣнно, представлялъ передовое теченіе европейской мысли и оказывалъ неоспоримую пользу молодой русской публикѣ.

XV.

Ученыхъ статей экономическаго содержанія *Русское Слово* не печатало, да это было бы и не цѣлесообразно при настроеніи современной публики. Отвлеченная ученость слишкомъ рѣзко противорѣчила бы неограниченно царившей полемикѣ и до послѣдней степени простымъ и популярнымъ жанрамъ публицистики. Естественно, журналъ пользовался услугами экономиста, вполне соответствовавшаго общему тону. Соколовъ умѣлъ писать не хуже Писарева и Зайцева, совершать *salto mortale* совершенно въ духѣ Посторонняго сатирика и обнаруживалъ такую же неутомимость и откровенность въ случайныхъ стычкахъ и продолжительныхъ междоусобицахъ. Находчивости и собственно личныхъ мыслей у Соколова, повидимому, былъ еще болѣе бѣдный запасъ, чѣмъ у его товарищей. Его обычный приемъ — цитаты въ сопровожденіи ядовитыхъ замѣчаній и безчисленныхъ знаковъ удивленія и вопроса. Но смыслъ восклицаній вполне опредѣленный: защита пролетаріата и ожесточенная ненависть противъ политическаго и экономическаго мѣщанства.

Современникъ, по вдохновенію Чернышевскаго, считалъ Милля чрезвычайно почтеннымъ авторитетомъ и крайне ретиво защищалъ его отъ всякихъ покушеній. Антоновичъ разразился въ высшей степени яростной статьей противъ *Отечественныхъ Замисловъ*, заподозрившихъ Милля въ капиталистическихъ тенденціяхъ. Чернышевскій дѣйствительно призналъ теоретическія заслуги Милля, какъ представителя адамъ-смитовской школы, его научную добросовѣстность, но для Чернышевскаго на теоріяхъ Милля не кончалась вся экономическая наука; напротивъ, политическая экономія Милля, въ глазахъ Чернышевскаго, была только *арифметикой* науки, и *Современнику* не было необходимости славословить англійскаго философа безъ магѣйшихъ ограниченій, даже какъ «истолкователя настоящаго экономическаго положенія». Въ особенности нѣкоторому сомнѣнію надлежало подвергнуть «свѣтлый умъ и гуманное чувство справедливости» у Милля тамъ, гдѣ онъ становится ученикомъ Мальтуса.

Именно на эту сторону экономического ученія Милля и обратило вниманіе *Русское Слово*. Соколовъ напечаталъ рядъ статей чрезвычайно рѣзкаго содержанія. Многочисленныя выдержки изъ сочиненія Милля ясно доказывали, какими твердыми нравственными узами былъ привязанъ Милль къ существующимъ англійскимъ экономическимъ условіямъ и какъ мало обнаруживалось въ немъ оригинальности и смѣлости мышленія, лишь только приходилось имѣть дѣло съ установившимся порядкомъ вещей.

Экономисту *Русскаго Слова* не потребовалось никакихъ глубокихъ изысканій; онъ удовлетворился чисто публицистической критикой, во имя здраваго смысла и простого чувства гуманности. Великую услугу могло оказать ему изреченіе апостола Павла: «Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть», и эта мысль положена въ основу всѣхъ разсужденій критика. Онъ негодуетъ одинаково жестоко и противъ Милля, и противъ «пасквильнаго писаки» *Современника*, обходящаго молчаніемъ разсужденія «безстыднаго софиста о полезномъ размноженіи лихоимцевъ и о вредномъ народженіи рабочихъ».

Милль, какъ извѣстно, могущественнымъ средствомъ противъ экономическихъ бѣдствій считалъ мѣры, задерживающія размноженіе населенія. Онъ не побоялся призвать государство къ строгому наблюденію за рождаемостью дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ: государство должно наказывать людей, производящихъ потомство и не способныхъ содержать его...

Легко представить, какое неисчерпаемое вдохновеніе получалъ экономистъ *Русскаго Слова* отъ подобныхъ истинъ⁵⁶⁾! И вдохновеніе совершенно кстати. Рѣзкость тона, безусловно умѣтная въ то время, когда русскому обществу настояло также рѣшать вопросъ о богатыхъ и бѣдныхъ, о правѣ послѣднихъ на трудъ и жизнь. Соколовъ нашелъ могущественный авторитетъ противъ буржуазныхъ политикоэкономовъ въ лицѣ Прудона, и *Русское Слово* дѣятельно распространяло идеи французскаго публициста и восторженно рекомендовало его личность и дѣятельность своимъ читателямъ. Журналъ разъяснялъ русской публикѣ, какая пропасть лежитъ между французскими героями парламентской политики и французскимъ народомъ; какъ мало общаго между демократическими политиками и самой демократіей.

Эти разъясненія—прямое продолженіе политическихъ статей Чернышевскаго. Цѣль неизмѣнно одна и та же: показать, какая практическая и идейная разнида существуетъ между чисто политическимъ либерализмомъ и соціальными и экономическими интересами массы населенія. Чернышевскій разбираетъ мѣщанскую

⁵⁶⁾ *Р. Слово*. 1865, октябрь. *О капиталѣ*.

психологию; *Русское Слово* еще энергичнѣе дѣлало то же самое, показывая бесплодность даже всеобщей подачи голосовъ для всесторонняго и справедливаго прогресса страны.

Соколовъ широко пользовался критикой Прудона, направленной противъ «мѣщанской демократіи», противъ «господъ демократовъ»⁵⁹⁾. Журналъ не давалъ полной характеристики Прудона, какъ политическаго дѣятеля, не разбиралъ даже его борьбы съ политико-экономическими авторитетами; онъ удовлетворялся чрезвычайно сильными нападками Прудона на политическое шарлатанство и гражданское двоемысліе партійныхъ буржуазныхъ вожаконъ. Основной принципъ, вдохновлявшій Прудона,—безпопадное отрицаніе всякой предвзятой, бездоказательной мысли—вполнѣ совпадалъ съ реалистическимъ символомъ вѣры, и уже одна эта идея отводила Прудону почетнѣйшее мѣсто на страницахъ *Русскаго Слова*. И журналъ не переставалъ говорить о немъ во всѣхъ отдѣлахъ, съ великимъ воодушевленіемъ перечисляя его заслуги кратко, но для современной публики безусловно убѣдительно: «Прудонъ былъ грозой для тупоумныхъ послѣдователей Адама Смита, могущественнымъ обличителемъ буржуазнаго мщенничества и административныхъ фокусовъ»⁶⁰⁾.

Зайцевъ—энергичнѣйшій сотрудникъ въ этомъ направленіи. Все аристократическое, незаконно-привилегированное претило ему по природѣ, вызывало у него лихорадочную дрожь негодованія и презрѣнія. Онъ не желаетъ говорить о романѣ гр. Толстого: достаточно, если здѣсь появляются фигуры съ аристократическими кличками, весь романъ—погибшее произведеніе. Онъ превозноситъ Некрасова, какъ «мыслителя глубокаго и честнаго»: у поэта мести и печали герой—народъ, не такъ какъ у другихъ—Наполеонъ на скалѣ, Прометей съ коршуномъ, Фаустъ съ Мефистофелемъ или Демонъ съ Тамарой. Стихотворенія Некрасова, объявляетъ критикъ, «по предмету своему, по своему герою не имѣютъ равныхъ во всей русской литературѣ». И нѣтъ предѣловъ негодованію Зайцева на недруговъ Некрасова, какъ поэта. Онъ готовъ принести ему въ жертву величайшихъ европейскихъ геніевъ поэзіи и, конечно, Пушкина: у каждаго есть какой-нибудь изъянъ, Некрасовъ—недосягаемъ⁶¹⁾.

И Зайцевъ искусно пользуется всякимъ случаемъ произнести слово во славу и въ защиту народа. Даже у Шопенгауера онъ ухитряется откопать полезный для себя отрывокъ о тождествѣ рабства и нищеты, объ одинаково позорномъ положеніи пролетарія и крѣпостнаго. Надо думать, именно эти «свѣтлыя мысли»

⁵⁹⁾ *Р. Слово*. 1865, іюнь.

⁶⁰⁾ *Е. Слово*. 1864, декабрь. *Политика*, 12.

⁶¹⁾ *Р. Слово*. 1864, октябрь. *Библиогр. Листокъ*.

примирили неукротимаго критика съ «возмутительными вещами» въ произведеніяхъ нѣмецкаго философа, и Зайцевъ за удачное изображеніе участи пролетарія простилъ Шопенгауеру его ненависть къ суду присяжныхъ.

Зато у него нѣтъ пощады всякому, кто обнаружитъ магійшее равнодушіе къ жгучему вопросу, кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, не пойметъ трагическаго смысла современныхъ экономическихъ отношеній. Напримѣръ, Блунчли—авторъ *Общанаго государственнаго права*. Онъ и шпіонъ, и идіотъ, и шарлатанъ и въ доказательство—буржуазныя представленія Блунчли о пролетаріатѣ ⁶²⁾.

Все это подчасъ выходитъ слишкомъ рѣзко и смѣло, но въ основѣ лежитъ неизмѣнно-честное стремленіе къ общему благу, къ истинно-народному матеріальному и нравственному благоденствію.

Мы не можемъ согласиться, будто Зайцевъ отличался всесторонними познаніями и по праву чувствовалъ себя хозяиномъ всюду—въ политикѣ, въ наукѣ, въ литературѣ: мы видѣли, какъ прискорбно кончалось довольно часто это хозяйничанье. Но неправъ Шелгуновъ и въ другомъ своемъ отзывѣ о Зайцевѣ.

Онъ сравниваетъ его съ Писаревымъ. «Писаревъ былъ пропагандистъ, Зайцевъ—боецъ; Писаревъ прокладывалъ широкую дорогу и рубилъ крупныя деревья, Зайцевъ занимался больше подробностями этой дороги; Писаревъ билъ богѣ сильнымъ и далекимъ ударомъ, Зайцевъ—ударами близкими, мелкими и частыми»...

Во всемъ этомъ много незаслуженнаго возвеличенія Писарева и несправедливаго умаленія Зайцева. Оба они не блистали прочностью и основательностью своихъ ударовъ, наносили ихъ безпрестанно въ пространство, воображая себя побѣдителями совершенно мнимыхъ или для нихъ безусловно непобѣдимыхъ враговъ. Но нельзя не признать ударовъ Зайцева, хотя бы и мелкихъ, болѣе цѣлесообразными и болѣе поучительными, чѣмъ крупнѣйшія порубки Писарева.

Разрушитель эстетики сосредоточилъ свои усилія на уничтоженіи искусства и самой психологіи художественнаго творчества. По самому свойству задачи—сильные удары Писарева выходили безплоднымъ маханьемъ рукъ исключительно на потѣху свойственную молодецкому сердцу, да еще нѣкоторой публикѣ, охочей до крикливыхъ театральныхъ зрѣлищъ, до раздиранія природы на части. Мы знаемъ, съ какими грозными и шумными приготовлениями Писаревъ приступилъ къ перерѣшенію вопроса о Пушкинѣ

⁶²⁾ Р. Слово. 1865. октябрь. Библиогр. Листокъ.

и знаемъ также успѣшность воинственнаго похода. Пушкинъ не только не пострадалъ отъ покушеній «реалиста», но спокойной силой и правдой своей поэзій заставилъ «реальную критику» обнаружить всю свою немощь и все неразуміе своей заносчивости. И можно сказать, тѣмъ усердѣе Писаревъ рубилъ крупныя деревья, тѣмъ они становились крупнѣе и тѣнистѣе, а усердіе героя—комичнѣе и жалче.

Такихъ результатовъ не могло быть послѣ *всѣхъ* зайцевскихъ подвиговъ. Тамъ, гдѣ Зайцевъ соревновалъ Писареву и отличался въ крупкой брани на поэтовъ и поэзію, онъ остался совершенно безразличнымъ для поступательнаго движенія русской публицистики. Но гдѣ онъ пламенно ратовалъ противъ всяческой эксплуатаціи сильными слабыми въ области политики и экономическихъ отношеній, тамъ его дѣло осталось положительнымъ и прочнымъ достояніемъ русской общественной мысли, и совершенно несправедливо слава Писарева у современниковъ и у ближайшаго потомства поглотила въ своихъ лучахъ имя его сотрудника, какъ ифккую малую подчиненную планету.

Это прямой ущербъ исторической правдѣ. Не меньше вреда долженъ былъ причинить Писаревъ своему спутнику и при жизни. Зайцевъ, да и всякій другой съ болѣе или менѣе живыми темпераментомъ, не могъ устоять предъ соблазномъ урвать на свою долю известную толику лавровъ, столь обильно и легко сыпавшихся на голову Писарева. И Зайцевъ явно соревнуетъ своему блестящему и удачливому товарищу, соревнуетъ во всемъ—смѣлостью сужденій, откровенностью рѣчи, панибратскимъ обращеніемъ съ публикой. Онъ не желаетъ отставать отъ своего образца и энциклопедичностью свѣдѣній и у него также тайна поразительной разносторонности заключается не въ обширной учености, а какъ разъ наоборотъ, въ крайне смутномъ представленіи о томъ, что значить знать и имѣть право судить и приговаривать.

Нельзя думать, будто это свойство было врождено Зайцеву. Его искреннее покаяніе по поводу неудачной критики на статью Сѣченова даетъ основаніе предположить, что въ другой литературной средѣ, подъ менѣе головокружительными вліяніями, Зайцевъ могъ бы и не быть любителемъ блистательныхъ *salti mortali*. Но именно эти головоломные скачки восхищали Писарева и онъ, очевидно, съ большимъ удовольствіемъ неоднократно вступался за своего подражателя, поддерживалъ его даже въ вопросѣ о рабствѣ негровъ и въ отождествленіи художественнаго чувства съ болѣзненной похотливостью. Это значило поощрять «уважаемаго сотрудника» на всѣ тяжкія, и немалая заслуга со стороны ученика—все-таки настолько сохранить хотя бы бессознательную

независимость, чтобы трогательно говорить о гибели Пушкина, какъ поэта, о честности Писемскаго, какъ художника.

Въ заключеніе мы должны признать Писарева центральнымъ свѣтиломъ нигилистическаго міра, не по оригинальности идей, не по силѣ и самобытности мышленія, а по неотразимо увлекательному, раньше небывалому литературному жанру. Писаревъ истинный родоначальникъ всѣхъ рыпарей неограниченно откровенной и безстрашной полемики совершенно независимо отъ большей или меньшей освѣдомленности полемиста въ данномъ вопросѣ. Писаревъ—законченный типъ резонера-критика, способнаго въ какомъ угодно положеніи дѣйствовать наипростѣйшимъ средствомъ — «реальнымъ взглядомъ на вещи» и считать себя навсегда свободнымъ отъ обязанности подробно и вдумчиво «изучать» тотъ или другой научный или общественный вопросъ, авторовъ-художниковъ и критиковъ или ихъ произведенія.

Мы видѣли, на журнальной сценѣ одновременно съ писателями *Русскаго Слова* подвизался герой, еще менѣе удовлетворительный, какъ «мыслящая личность», и намъ не совсѣмъ ясно, почему, по свѣдѣніямъ Шелгунова, читатели *Современника* смотрѣли на *Русское Слово* съ отгѣнкомъ высокоумія. Мы думаемъ напротивъ: читатели Писарева могли и должны были искренне презирать читателей Посторонняго сатирика не за его вражду къ Писареву, а за его приемы и удручающую пустопорожность его произведеній. Но, снова повторяемъ, никто не думалъ, ни во время оно, ни позже, считать Антоновича вдохновляющей силой и призваннымъ выразителемъ чувствъ и идей своего поколѣнія. Самое большое—онъ сыгралъ роль случайнаго отрицательнаго момента для публицистовъ *Русскаго Слова*. Писаревъ совершенно затмевалъ его и во главѣ своей свиты превращалъ его въ столь же безнадежно слабого сколь и неукротимо озлобленнаго личнаго ненавистника. И историку приходится всѣ идейныя и культурныя явленія эпохи группировать вокругъ личности и дѣятельности перваго критика *Русскаго Слова* и его считать такой же душой втораго поколѣнія шестидесятниковъ, какою былъ Чернышевскій для перваго.

Эта историческая сила Писарева вырисовывается передъ нами во всемъ блескѣ, до послѣдней черты, когда мы сопоставимъ съ нигилистической публицистикой современную умѣренную критику. Она продолжала существовать среди бурнаго движенія новыхъ ученій, вела свои благонамѣренныя и благоразумныя бесѣды подъ громъ воинственнаго нигилистическаго краснорѣчія. По силѣ, таланту и эффекту ихъ нельзя и сравнивать съ радикальной публицистикой, но для насъ онѣ представляютъ большой историческій интересъ. Мы узнаемъ, какихъ бойцовъ выставила русская литература шестидесятыхъ годовъ противъ критиковъ-нигилистовъ и

во имя какихъ принциповъ рассчитывали эти бойцы спасти искусство и прочія священныя преданія?

XVI.

Вражда къ молодому поколѣнiю обнаружилась въ печати очень рано, съ самаго появленiя Чернышевскаго. Повторилась исторiя, напоминавшая раннiй періодъ дѣятельности Бѣлинскаго, и въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Благонамѣренныя изданiя будто заболѣли особымъ душевнымъ недугомъ, принялись приписывать новоявленному литератору чуть ли не всѣ литературныя и общественныя бѣдствiя и *Современникъ* совѣтовалъ раздраженнымъ журналамъ завести даже особый отдѣлъ *Чернышевщина* ⁶³⁾.

Такъ обстояло дѣло еще въ 1862 году. Чтò же предстояло перечувствовать «филистерамъ», когда на сцену выступили «реалисты», когда новая критика объявила слишкомъ осторожнымъ самого Чернышевскаго и слишкомъ эстетичнымъ Добролюбова? Не стало предѣловъ негодованiю и враждѣ. «Молодое поколѣнiе» превратилось въ насмѣшливое и презрительное наименованiе. Эти два слова покрывали собой всѣ умственные и нравственные недостатки, какiе только возможно человѣку обнаружить въ литературѣ. Во главѣ воюющихъ съ молодежью шла беллетристика. Она вооружилась желчной сатирой, не отступала предъ самыми мрачными преувеличенiями, совершенно утратила художественное спокойствiе и нерѣдко забывала даже литературное достоинство. Одинъ за другимъ появились романы *Марево*, *Некуда*, *Взбаломученное море*, и даже драма *Слово и дѣло* Θ. Устрялова. Всюду нигилисты подвергались безпощадной казни, представлялись героями крайняго нравственнаго извращенiя и умственной ограниченности. Самымъ досаднымъ произведенiемъ для молодой партiи было, разумѣется, *Взбаломученное море*. Одинъ изъ первостепенныхъ художественныхъ талантовъ свисходилъ до уровня памфлетиста, откровенно сознавался въ своемъ глубокомъ возмущенiи противъ «слабоумныхъ юношей» и бывшее спокойствiе творческаго духа мѣнялъ на запальчивость фельетониста и каррикатуриста.

Эти произведенiя и много другихъ печатались на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, *Библиотеки для Чтенiя*, *Эпохи*. Въ этотъ строй слѣдуетъ включить и *Отечественныя Записки*: онѣ осмѣлились привѣтствовать начало Ключниковскаго романа и именно по поводу его укорить Некрасова, Островскаго, Салтыкова въ бѣдности содержанiя ихъ произведенiй и, наконецъ, Авдѣева поставить рядомъ съ Тургеневымъ ⁶⁴⁾. Журналы брали на себя большую отвѣтственность.

⁶³⁾ *Современникъ*. 1862, апрѣль. *Внутр. обозрѣнiе*, 296—7.

⁶⁴⁾ *Отеч. Записки*. 1864, февраль. *Литерат. мѣтопись*, 322—3.

Беллетристамъ было позволительно вдохновляться какими угодно жестокими настроеніями и безъ всякихъ общеубѣдительныхъ доказательствъ громоздить всевозможные ужасы на нигилистовъ. Даже Писемскій могъ пренаивно воображать, что онъ представить картину нравовъ одновременно и правдивую, и неполную, соберетъ *всю ложь Россіи* и все-таки останется художникомъ и бытописателемъ. И, конечно, иначе не могли думать о себѣ Стебницкій и Ключниковъ. Ихъ можно было предоставить самимъ себѣ: какому же болѣе или менѣе вдумчивому и опытному читателю пришло бы въ голову по романамъ изучать современное общественное движеніе и изъ нихъ же черпать истины, способныя разсѣять нигилизмъ, какъ призракъ? Публицистикѣ и критикѣ предстояло оберечь оскорбляемыя святыни и выставить противъ отрицателей всю боевую умственную силу, какую только успѣли накопить здравомыслящіе и солидные люди.

И сила дѣйствительно была двинута. Она предъ нами во всей своей красѣ и стройности и мы легко можемъ сдѣлать сравнительную оцѣнку воюющихъ сторонъ. Она будетъ очень несложна: анти-нигилисты, большею частью, наши старые знакомые, а новыхъ бойцовъ можно оглядѣть до послѣдней черты однимъ взглядомъ.

Прежде всего критика *Отечественныхъ Записокъ*. По преданіямъ, журналъ долженъ занимать первое мѣсто среди либеральныхъ изданій: все-таки это—бывшее поприще Бѣлинскаго. Теперь онъ уже давно замѣненъ Дудышкинымъ—силой, хорошо намъ извѣстной. Рядомъ съ нимъ—Николай Соловьевъ. Онъ не портитъ общаго впечатлѣнія: человекъ грамотный, благонамѣренный, даже терпимый, но, прекрати онъ свою дѣятельность сегодня, завтра или десять лѣтъ спустя—врядъ ли кто особенно пожалѣетъ даже изъ постоянныхъ подписчиковъ журнала.

Онъ, напримѣръ, пишетъ обширную статью о диссертациі Чернышевскаго. Онъ защищаетъ просвѣтительное и нравственно-совершенствующее значеніе искусства, художественной красоты, защищаетъ разумно, дѣльно, но совершенно въ томъ же тонѣ и съ такой же увлекательностью, какъ Стародумы старыхъ комедій довазывали достоинства добродѣтели и вредъ порока. Одновременно онъ сѣтуетъ на полемическій азартъ *Русскаго Слова* и *Современника*, и опять правильно, возражаетъ противъ теоріи исключительной пользы тоже основательно, доказываетъ еще разъ связь «нравственно-эстетическаго начала съ гуманнымъ» не безъ солидности, хотя и съ меньшей убѣдительностью: все, однимъ словомъ, благополучно. Заслуженные статскіе совѣтники, благорасположенные къ «здравымъ понятіямъ», могутъ съ истиннымъ удовольствіемъ прочитатъ размышленія умѣренно-либеральнаго

эстетика и публициста. Они, несомнѣнно, будутъ привѣтствовать и ядовитыя замѣчанія журнала насчетъ подозрительной энциклопедической учености Писарева и Зайцева. Все въ порядкѣ, но нѣтъ одного, самаго существеннаго для писателя шестидесятыхъ годовъ: нѣтъ личной силы, нѣтъ способности захватить читателя *своей* идеей, приковать его вниманіе къ *своей* истинѣ и *своей* вѣрѣ, нѣтъ властнаго слова и нѣтъ, слѣдовательно, средствъ проникнуть умными разсужденіями до сердца читающаго и сдѣлать для него *своей* кровно дорогой только что доказанную мысль.

Отечественныя Записки съ особеннымъ усердіемъ слѣдятъ за излишествами нигилистическихъ органовъ, собираютъ перлы и алмазныя въ статьяхъ Антоновича, Писарева, Зайцева, и достигаютъ, конечно, цѣли: перебранка журналистовъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе и по статьямъ Антоновича дѣйствительно можно сдѣлать заключеніе: «задорный, ругательный, оскорбительный тонъ составляетъ все насущное содержаніе настоящаго русскаго скептицизма». Можно даже напечатать *Покорнѣйшую просьбу* провинціала, представителя «самаго брезгливаго народа» съ выдержками изъ произведенія Посторонняго сатирика и убѣдить публику, что подобная сатира способна «весь аппетитъ отшибить»⁶⁵⁾. Все это неопровержимо, но что же могли представить взамѣнъ сами *Отечественныя Записки*?

Въ отвѣтъ Аполлонъ Григорьевъ могъ указать истинное бревно въ глазу строгаго журнала,—бревно, какимъ не страдало *Русское Слово* и ни одинъ изъ его бранчивыхъ писателей,—бревно, вполне достойное Посторонняго сатирика. Дѣлая указаніе, Григорьевъ мимоходомъ даетъ и общую оцѣнку критики *Отечественныхъ Записокъ*, очень вѣрную и остроумную.

Журналъ Краевского напечаталъ статью о Некрасовѣ. Статью писалъ, по мнѣнію Григорьева, критикъ опытный. Она не набрасывается безразлично на хорошее и дурное: «Нѣтъ, какъ воронъ падали, ищетъ она жолчныхъ пятенъ и тыкаетъ въ нихъ пальцемъ, по большей части справедливо». Но, спрашиваетъ Григорьевъ, «справедливъ ли весь духъ ея?..»⁶⁶⁾.

Для *Отечественныхъ Записокъ* самый ядовитый вопросъ. Отрицательный отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Умѣренный журналъ только пользовался благодарнымъ матеріаломъ для борьбы съ нигилистами, самъ не давалъ ничего поучительнаго и литературно-достойнаго. Совершенно напротивъ. Тотъ же Григорьевъ по поводу отношенія журнала къ Некрасову имѣлъ всѣ основанія

⁶⁵⁾ *Отч. Зап.* 1863, мартъ. *Нашъ скептицизмъ*, 56; 1864, сентябрь, 608.

⁶⁶⁾ *Время.* 1862, іюль.

воскликнуть: «жалкій, больше позволю себѣ сказать—постыдный приемъ!..»

Праведный гнѣвъ критика вызванъ злостными намеками *Отечественныхъ Записокъ* на корыстные расчеты Некрасова, какъ обличительнаго поэта. И Григорьевъ—сотрудникъ *Времени*—вынужденъ защищать поэта отъ либеральныхъ инсинуацій! И какъ защищать! Со вѣжъ жаромъ и мужествомъ, какіе только таились въ груди искреннаго и благороднаго писателя.

Могли ли послѣ этого *Отечественныя Записки* притязать на нравственное вліяніе, съ высоты недосягаемаго достоинства бросать камнями въ нигилизмъ?

Григорьевъ, несомнѣнно, имѣлъ это право, но мы знаемъ, какую безнадежную агонію переживалъ онъ въ эпоху развитія новаго направленія. Съ одной безупречностью намѣреній никакая борьба немыслима, да еще въ такое горячее воинственное время, а Григорьева переполняло отчаяніе, онъ ежеминутно или въ конецъ падалъ духомъ, или безсильно потрясалъ старымъ своимъ художественнымъ знаменемъ. Даже въ лагерѣ друзей на него смотрѣли, какъ на поконченнаго искусственно подогрѣвающаго себя инвалида и не всегда рѣшались показывать его публикѣ. Зайцеву ничего не стоило побѣдоносно высмѣивать часто совершенно невразумительные, странные вопли отживавшаго романтика и даже бывшіе товарищи критика, въ родѣ Алмазова, не отказывали себѣ въ дешовомъ удовольствіи поиздѣваться надъ «мрачнымъ» и «дикимъ» любителемъ парадоксовъ.

На смѣну Григорьеву вступилъ его почитатель и ученикъ молодой, широко образованный философъ, критикъ и естествоиспытатель Страховъ. Національная партія, удержавшая кое-какія преданія московскаго славянофильства, но не дерзнувшая отринуть вмѣстѣ съ тѣмъ европейскую культуру и геній Петра, могла привѣтствовать въ немъ свою самую блестящую надежду. Онъ, несомнѣнно, зналъ больше ученыхъ ангилистическаго направленія, обнаруживалъ неоспоримый вкусъ къ дѣйствительно литературной полемикѣ и, что особенно замѣчательно, не страдалъ, повидимому, партійной нетерпимостью. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Страховъ едва ли не единственный журналистъ пережилъ очень идилическія чувства, наблюдая современную полемику. «Въ настоящую минуту наша литература,—писалъ онъ въ 1861 году,—почти исключительно руководствуется благороднѣйшими чувствами», и находилъ только форму полемики дурной и безплодной, а сущность считалъ хорошею⁶⁷⁾. Читатели могли не совѣмъ

⁶⁷⁾ *Время*. 1861, августъ. *Ничто о полемикѣ*.

понимать, что значить *безплодная форма* и какъ эту бесплодность примирить съ хорошей сущностью? Но примирительныя намѣренія автора несомнѣнны и онъ впоследствии, повидимому, напрасно распространялся о своемъ «большомъ негодованіи» противъ нигилизма еще съ 1855 года ⁶⁸). Если таковое негодованіе и волновало автора, то онъ предпочиталъ его подавлять и выражать въ крайне мягкой рѣчи.

Даже больше. Страховъ, очевидно, заднимъ числомъ жестоко разсердился на нигилизмъ, а раньше онъ судилъ о нигилистахъ весьма снисходительно, почти съ уваженіемъ.

Въ томъ же журналѣ Достоевскаго онъ напечаталъ статью объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, замѣчательную и по формѣ, и по сущности. Собственно оригинальныхъ идей въ статьѣ нѣтъ, но, при всеобщемъ переполохѣ по поводу романа, большой заслугой было уже трезвое и безпристрастное отношеніе къ его герою и автору. Страховъ очень искусно изобличаетъ всю бессмыслицу статьи Антоновича, бьетъ ослѣпшаго критика его же оружіемъ, доказываетъ, что удивительный философъ во всемъ своемъ разсужденіи излагаетъ именно принципы Базарова и его же стремится обвинить въ безпринципности. Это очень ловко, хотя, конечно, и не было особенной чести одолѣть подобнаго противника. Но достойно вниманія, что Страховъ первый поймалъ въ западню любителя устраивать западни для другихъ. Дальше слѣдовало лирическое изображеніе Базарова. Страховъ неопровержимо доказывалъ громадную силу героя, его величавость и даже привлекательность, больше—его способность и жгучее стремленіе любить людей. Естественно, критику открывался и глубокой смыслъ всей исторіи. Выражался этотъ смыслъ довольно неопредѣленно: надъ Базаровымъ торжествовала жизнь и она становилась выше его отвлеченныхъ формулъ. Критикъ могъ бы яснѣ выставить метафизическій и романтический характеръ Базаровскаго отрицанія. и показать торжество органическихъ силъ дѣйствительности надъ силлогизмами и чистыми словами. Но достаточно и сказаннаго критикомъ: онъ понимаетъ героя и даже готовъ удивляться ему ⁶⁹).

Около года спустя Страховъ снова говорилъ о Тургеневѣ и въ такомъ же сердечномъ тонѣ. «Тургеневъ есть одинъ изъ людей, наиболѣе болѣющихъ своимъ вѣкомъ, онъ представитель одной изъ глубочайшихъ сторонъ нашей жизни» ⁷⁰). И авторъ видитъ въ писателѣ одновременно и любовь къ своимъ героямъ и

⁶⁸) Предисловіе къ сборнику статей *Изъ исторіи литературнаго нигилизма*. Спб. 1890, IX.

⁶⁹) *Время*. 1862, апрѣль.

⁷⁰) *Время*. 1863, февраль.

неумолимый анализъ, неустанные и страстные поиски положительнаго могучаго идеала.

Такъ судилъ представитель національной идеи о Тургеневѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и судилъ не только объ отдѣльныхъ фактахъ, а пытался нарисовать цѣльную, въ высшей степени увлекательную личность, всю проникнутую стремленіемъ къ истинѣ, жаждой найти дѣйствительно сильнаго человѣка въ своемъ отечествѣ. И вотъ этотъ самый писатель, мученикъ идеала, пишетъ романъ *Димъ*, сочиняетъ Потугина и его западническую исповѣдь... Мгновенно все перевернулось и замутилось въ глазахъ нашего критика. Тургеневъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ и писатель. Онъ врагъ народническихъ и національных вѣрованій, онъ—слѣпой идолослужитель Европы, оно всю русскую жизнь считаетъ дымомъ, онъ—самъ оторвавшійся отъ почвы!

Статью Страхова печатаютъ *Отечественныя Записки*, лишній разъ доказывая полную случайность и безпринципность своего міросозерцанія ⁷¹⁾. Для Страхова это начало цѣлой войны не только съ Тургеневымъ, но и со всѣми западниками, первѣе всего, конечно, съ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ.

Критикъ указываетъ на озлобленіе русской печати противъ Тургенева: по дѣломъ ему! Онъ «старался всячески дразнить общественное мнѣніе, дерзко касаться его любимыхъ идей и вкусовъ, дотрогиваться до самыхъ больныхъ и чувствительныхъ мѣстъ».

Съ какой цѣлью говорится это? Въ защиту Тургенева? Тогда почему же самъ критикъ съ такимъ негодованіемъ возсталъ на Тургенева за *Димъ*, за поруку народности и патриотизму? Въ одобреніе критикамъ Тургенева? Тогда, что означало раннее восхваленіе Тургенева, болѣющаго своимъ вѣкомъ? Приходится, повидимому, остановиться на перемѣнѣ чувствъ критика къ Тургеневу и вообще на переворотѣ во взглядахъ критика. Это ясно изъ его отзыва о Базаровѣ: нигилистъ, недавно почти воспѣтый, теперь оказывается зараженнымъ и гордостью, и самолюбіемъ, и цинизмомъ: все это должно было всѣхъ оттолкнуть отъ Базарова—и въ романѣ и потомъ въ критикѣ ⁷²⁾.

Предъ нами будто два разныхъ человѣка съ одной и той же фамиліей—Страховъ или Косица. Такъ рѣшительна эволюція, точнѣе, революція мнѣній и впечатлѣній! И совершенно напрасно авторъ поспѣшилъ забѣжать впередъ и предупредить публику насчетъ своего самаго больного мѣста: «живость моихъ впечатлѣній не должна внушать мысли о какой-либо шаткости въ моихъ убѣжденіяхъ».

⁷¹⁾ 1867, май.

⁷²⁾ *Заря*. 1869, декабрь; 1871, февраль.

Увы! Впечатлѣнія критика на самомъ дѣлѣ не такъ живы, какъ шатки его убѣжденія. Возможна ли иначе такая безпощадность къ Тургеневу за то, что онъ открыто призналъ свое невольное сочувствіе Базарову и общность своихъ убѣждений съ его убѣжденіями. кромѣ взглядовъ на искусство? Призваніе до глубины души возмутило критика. Почему? Вѣдь онъ раньше усматривалъ въ Базаровѣ даже высшую красоту человѣческой природы, т. е. неутолимую жажду любить другихъ, а теперь—горе Тургеневу: онъ *пестрый нигилистъ!*

Очевидно, вопросъ не въ живости впечатлѣній, а въ неустойчивости идей. Но критикъ не желаетъ вложить персты въ свою рану, онъ ищетъ вину въ другомъ, и, конечно, находитъ. Тургеневъ оказывается дважды преступенъ: во-первыхъ, западникъ, во-вторыхъ, не свободный художникъ, писатель, смутившійся предъ нападками журналовъ, «утратившій олимпійское спокойствіе, приличное художнику» онъ кончилъ тѣмъ, что воспѣлъ Соломина, и критику «невозможно было смотрѣть на это безъ горькаго чувства».

Вы спросите: почему же Тургеневу не воспѣть Соломина, если онъ искренне считалъ подобный типъ сильнымъ и прогрессивнымъ? Врядъ ли и самъ критикъ могъ бы отрипать силу за этимъ героемъ, разъ онъ призналъ ее за Базаровымъ. Неужели Тургеневу непремѣнно требовалось пойти въ кабалу къ нигилистамъ, чтобы Соломина предпочесть Сипягинымъ и Коломійцевымъ? Вѣдь тотъ же Тургеневъ не пощадилъ Нежданова тоже нигилиста и даже Маркелова, чловѣка не безъ извѣстной воли и характера, а увѣнчалъ именно Соломина. И мы, признавая незаконченность и блѣдность этой фигуры, не можемъ отказать художнику въ правильности взгляда и вкуса. Выходить, критикъ не счелъ нужнымъ вдуматься въ простѣйшій вопросъ и поторопился произнести приговоръ съ такой же опрометчивостью, съ какой онъ напалъ на Тургенева за Потугина. Страховъ—патріотъ и врагъ нигилистовъ—пересталъ быть безпристрастнымъ и осмотрительнымъ судьей и осудилъ себя на безвыходную сѣть противорѣчій и самопроверженій.

Она сплеталась иногда чрезвычайно быстро, на пространствахъ нѣсколькихъ хѣсяцевъ. Напримѣръ, Страховъ рассуждаетъ о бѣдности нашей литературы и одно изъ доказательствъ этой бѣдности видитъ въ легкомысленномъ невниманіи *славянофиловъ* къ русской литературѣ, въ ихъ высококомѣрномъ отношеніи къ ней. Они безпрестанно дѣлаютъ вылазки противъ Бѣлинскаго, явно усиливаются заклеить его презрѣніемъ, а между тѣмъ его популярность растетъ съ каждымъ годомъ, его сочиненія—настоящая книга воспитателей русскаго юношества. Можно ли отдѣлываться отъ такой силы пренебрежительными изреченіями? Не прямой ли

долгъ хулителейъ взять на себя трудъ произнести надъ Бѣлинскимъ основательный и отчетливый судъ, опредѣлить его значеніе и уберечь другихъ отъ будто бы неосновательныхъ увлеченій его произведеніями?

Ничего подобнаго славянофилы не дѣлаютъ и ограничиваются крѣпкими словами въ то время, когда первый современный писатель Тургеневъ посвящаетъ *Отцовъ и дѣтей* памяти Бѣлинскаго ⁷³⁾.

Все это очень дѣльно и убѣдительно, но въ томъ же самомъ году, какимъ помѣчена книга съ такими здравыми идеями, Бѣлинскій подвергается полному уничтоженію. За нимъ признается правильность только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сужденій, а вообще «онъ не завѣщалъ намъ мысли, которую слѣдовало бы развивать». И вся бѣда, по соображеніямъ Страхова, въ «злополучной теоріи прогресса». Она именно вызвала позднѣйшій разгромъ всѣхъ русскихъ поэтическихъ талантовъ.

Вы изумлены. Въ какую же теорію вѣруетъ самъ критикъ, ратуя за принципы и идеи? Вѣдь они же не представляютъ и не могутъ представлять неподвижнаго преданія, въ родѣ какого-нибудь восточнаго вѣроученія. Критику дорогъ принципъ національности, но безъ идеи прогресса это принципъ китаизма, т. е. политическаго и культурнаго окостенѣнія націи.

Дальше еще страннѣе. Добролюбовъ, оказывается, въ качествѣ западника *перетолковывалъ на свой ладъ* Островскаго и его статью *Темное царство*, слѣдовательно, извращеніе смысла пьесъ и характеровъ. Мы знаемъ, это идея Григорьева, и насколько она основательна—извѣстно всякому, читавшему Островскаго и Добролюбова.

Но Страховъ теперь вообще желаетъ быть продолжателемъ Григорьева, «нашего единственнаго критика». Приблизительно въ такомъ же смыслѣ и Григорьевъ полагалъ о Страховѣ: это почтенно съ точки зрѣнія дружеской вѣрности и горячности. Но, къ сожалѣнію, взаимныя чувства критиковъ совершенно безразличны и безплодны для успѣховъ русской критики. Принципъ національности въ художественномъ творчествѣ Бѣлинскій защищалъ не менѣе настойчиво, чѣмъ наши друзья; онъ только не дошелъ до мысли, чтобы русскій національный идеалъ могъ быть спокоенъ воплощенъ въ типѣ смиреннаго и простаго героя, въ родѣ Пушкинскаго Бѣлкина или Толстовскаго Каратаева. Отвергать безцѣльный блескъ и трескъ громкаго и хищнаго героизма не значитъ непременно искать спасенія въ смиреніи и младенческомъ незлобіи духа. Напримѣръ, Страховъ раньше видѣлъ въ

⁷³⁾ *Бѣдность нашей литературы*. Критич. и историч. очеркъ. Спб. 1868, 5—11.

Базаровъ постояннаго русскаго человѣка; что же общаго между нимъ и юродцами гр. Толстого? Должно быть, весьма мало и, вѣроятно, по этой причинѣ Страховъ съ такимъ усердіемъ принялся развѣнчивать Базарова, постигнувъ національныя достоинства Каратаева. Не противорѣчила этому усердію и вражда къ западническому ученію о прогрессѣ: съ Каратаевымъ, конечно, нечего опасаться никакихъ, не только прогрессивныхъ идей, а вообще культурной, умственной и практической дѣятельности. И Страховъ сосредоточилъ живость своихъ впечатлѣній на толстовскомъ культѣ простоты и смиренномудрія.

При такихъ убѣжденіяхъ не могло быть и рѣчи не только о критикѣ, а даже о болѣе или менѣе толковомъ пониманіи современныхъ, литературныхъ и общественныхъ явленій, и Страховъ самъ себя вычеркнулъ изъ русской жизнедѣятельной и умственно-просвѣтительной публицистики.

XVII.

Съ другими представителями умѣреннаго образа мыслей не происходило и такихъ колебаній, какія пережилъ другъ Аполлона Григорьева. Они простодушнѣйшимъ образомъ не постигали того, что совершалось вокругъ, чѣмъ волновалась современная молодежь, къ чему стремилась и почему впадала въ заблужденія. Происходило что-то дикое, невразумительное, будто цѣлое поколѣніе впадо въ острое умопомѣшательство, совершенно внезапно, и нѣтъ даже средства не только лѣчить больныхъ, а даже разговаривать съ ними на человѣческомъ языкѣ. И новые люди обладали, повидимому, способностью вызывать сильныя отрицательныя чувства даже въ сравнительно кроткихъ и терпимыхъ сердцахъ. Время преобразовывало снисходительность въ ожесточенную злобу, желаніе взглянуть и понять, въ жажду устранить и уничтожить. Это доказывало прежде всего непрестанно выростающую силу молодой критики и безсиліе «отцовъ» бороться съ ней предъ публикой ея же средствами, т. е. идеями и талантомъ.

Любопытный примѣръ—профессоръ и либеральный журналистъ Никитенко. Онъ было встрѣтилъ молодое направленіе литературы довольно благосклонно, напечаталъ о немъ статью самаго отеческаго содержанія. Правда, онъ не одобрялъ малой образованности юныхъ критиковъ, указывалъ на туманы умозрѣній и доктринъ, но выражалъ твердую надежду на исправленіе и торжество здраваго русскаго смысла. Молодежь еще послужитъ родинѣ «со вѣбъ жаромъ своего благороднаго сердца и всею мыслію своего даровитаго ума» ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ *Сѣверная Почта*. 1864, № 20

Едва прошелъ годъ, настроенія благодушнаго отца рѣзко измѣнились. Онъ привѣтствуетъ предостереженіе *Современнику* за *косвенное* и прямое порицаніе началъ собственности. Никитенко напоминаетъ, что онъ врагъ современныхъ законовъ о печати, но не будетъ сочувствовать *Русскому Слову* и *Современнику* даже въ случаѣ ихъ гибели. Журналы эти печатаютъ вещи «непозволительныя», «если не допустить у насъ безусловной свободы печати», прибавляетъ либеральный цензоръ ⁷⁵⁾).

Слѣдовательно, при свободѣ печати молодые журналы не были бы преступны и Никитенко готовъ одобрить стѣснительный порядокъ именно ради нихъ. Это уже не борьба поколѣній, какъ двухъ культурныхъ силъ, это вражда и военное положеніе, не различающее средствъ уничтоженія врага.

Чувство слѣпой вражды или безнадежное непониманіе самой сущности явленій ярко блещутъ на страницахъ лучшихъ современныхъ журналовъ, умѣреннаго образа мыслей *Русскаго Вѣстника* и *Библиотеки для Чтенія*. Публицистика Каткова и Никиты Безрылова разъ навсегда вполне точно опредѣлила отношенія «отцовъ» либеральной журналистики къ радикальнымъ дѣтямъ. *Взбаломученное море*, при всей грубости и наивности полемическихъ приемовъ, превосходно отражало духъ этихъ отношеній, и статьи Каткова ничѣмъ не отличались по существу отъ непосредственно полемическихъ выходокъ романиста въ самомъ романѣ противъ его же героевъ и героинь. Разница только въ одномъ. Никита Безрыловъ велъ жестокую войну противъ воскресныхъ школъ, женскаго вопроса, безсознательно давая оружіе завѣдомымъ врагамъ всякой свободной мысли и новаго общественнаго движенія, Катковъ вполне разсчитанно, по всѣмъ правиламъ политики и стратегіи, шелъ къ той же цѣли. Въ соотвѣствіи съ идеями издателей должны были дѣйствовать и критики. Мы знаемъ ихъ — Анненковъ и Дружининъ.

Ни одинъ изъ нихъ не могъ обнаружить страсти и гнѣва, оба люди мирные, кроткіе, въ сильной степени безличныя. Про нихъ нигилисты очень метко выражались: они *паслись* на зеленыхъ лугахъ *Русскаго Вѣстника* или *Библиотеки для Чтенія*. Именно паслись, и по временамъ протестующе мычали и ворчали.

Анненковъ и съ наступленіемъ нигилистической эпохи не сталъ вразумительнѣе и удобочитаемѣе, Дружининъ — оригинальнѣе и глубже. Правда, Анненковъ — этотъ богоспасаемый эстетикъ и блаженный любитель чистаго художества, сталъ толковать объ общественныхъ вопросахъ по поводу *Дворинскаго шмзда*, заяв-

⁷⁵⁾ *Записки*, 12 ноября 1865, III, 59.

⁷⁶⁾ *Воспом. и критич. очерки*, III, 182. Статья о *Тысячъ душъ въ «Атенеѣ»*, 1859, № 2.

лять, что «задача романа — показать читателю, куда должны обращаться его симпатіи». Онъ дошелъ даже до энергичной критики на педагогическую мудрость гр. Толстого и высказалъ дѣльную истину: «на порядочной литературѣ лежитъ обязанность не только передавать явленія съ извѣстной теплотой и живостью, но еще отыскивать, какое мѣсто они занимаютъ въ ряду другихъ явленій и какъ относятся къ высшему представленію ихъ самихъ, къ своему нравственному и просвѣтителному типу» ⁷⁷⁾.

Но какъ далеко отъ этихъ умныхъ соображеній до всесторонняго проникновенія въ смыслъ современной литературы! Анненковъ хвалитъ Тургенсва за чуткое пониманіе «невидимыхъ струй и теченій общественной мысли», но самъ совершенно не понимаетъ самой видимой и мощной струи—Базарова. Для него нигилистъ тождественъ съ Обломовымъ: оба они обладаютъ душевнымъ спокойствіемъ, невозмутимой чистотой совѣсти, твердыми правилами и оба—*наслаждаются* жизнью. Мало этого: у обоихъ героевъ даже одинаковый скептицизмъ по отношенію къ жизни... И нигилизмъ ничто иное, какъ воскресшая обломовщина ⁷⁸⁾.

Весьма оригинально, но любопытно знать, за что же такъ ненавидѣлъ нигилистовъ редакторъ Анненковъ и почему, напримеръ, даже рыцарственный Григорьевъ питалъ сердечную нѣжность къ Обломову и бранился именами новыхъ людей? Только въ шутку или съ цѣлью сдѣлать блистательный *salto mortale* въ зайцевскомъ духѣ, можно было изобрѣтать подобныя сравненія: у Анненкова они серьезны, потому что серьезно его полное и неизмѣнное непониманіе предмета.

Еще менѣе былъ приспособленъ къ пониманію движенія шестидесятыхъ годовъ Дружининъ. Что общаго между беззаботной веселостью, двусмысленными приключеніями, шаловливыми анекдотами Чернокижнжикова и задачами молодого поколѣнія? Пожалуй, даже Павелъ Петровичъ Кирсановъ скорѣе могъ бы освоиться съ обязанностью поглубже вдуматься въ нигилизмъ Базарова, чѣмъ талантливый фельетонистъ для дамъ.

Раньше онъ защищалъ дамскіе жизнерадостные запросы къ литературѣ, дамскую любовь къ симпатичнымъ героямъ и утѣшительнымъ повѣстямъ, теперь онъ прикидываетъ ту же дамскую мѣрку къ популярнѣйшимъ явленіямъ литературы. Толкуя о поэзіи Некрасова, онъ не забываетъ внушить читателю: «для женщинъ, съ ихъ весьма разумнымъ и совершенно понятнымъ стремленіемъ къ міру симпатическихъ явленій нашего міра, эта поэзія или непонятна, или даже возмутительна».

⁷⁷⁾ III, 293. *Русская беллетристика въ 1863 году.*

⁷⁸⁾ III, 220. *Русскій Вѣстникъ.* 1859. № 16; 248—9. Ст. о Помяловскомъ, 1863 года.

Неопровержимый поводъ и для самаго критика искать всюду забавнаго и симпатичнаго! Дружининъ желаетъ «хочотать чмстѣйшимъ веселымъ смѣхомъ» надъ комедіями Островскаго и не видѣть въ нихъ «никакой печальной подкладки», приходитъ въ жестокое негодованіе отъ «зловонныхъ паровъ» обличительной литературы, воспроизводитъ восторги славянофильствовавшаго *Москвитянина* предъ добротой національнаго героя — Обломова. Естественно, Бѣлинскаго критикъ призываетъ до такого же періода, какой былъ намѣченъ Григорьевымъ, т. е. Бѣлинскаго-поэта, защитника Гёте, врага Менцеля и дидактической критики, однимъ словомъ, по толкованію этихъ поклонниковъ великаго критика, Бѣлинскаго-эстетика. Измѣну чистому искусству со стороны Бѣлинскаго Дружининъ приписываетъ какимъ-то внѣшнимъ влияніямъ и внушеніямъ «чужихъ людей». Такъ, по представленію сотрудника *Отечественныхъ Записокъ* и редактора *Библиотеки для Чтенія*, безпомощенъ былъ Бѣлинскій: кто-нибудь непременно долженъ его обучать или философіи Гегеля, или скрежету зубовому ⁷⁹⁾!

Какой судъ могъ произносить подобный мыслитель надъ литературой шестидесятыхъ годовъ? Даже Анненковъ, сравнительно съ этимъ судьей, человекъ очень рѣшительный и передовой. Онъ, напримѣръ, не видѣлъ, чтобы талантъ Тургенева падалъ и унижался отъ интереса автора, современной дѣйствительностью, не могъ допустить и мысли, чтобы сатира въ русской литературѣ было явленіе временное, второстепенное и уже болѣе ненужное, а что необходимы только эпикурейскія наслажденія яснымъ и чистымъ искусствомъ ⁸⁰⁾! По истинѣ пажескій взглядъ на *отъчное* въ литературѣ, и — когда и по какимъ поводамъ?..

Мы понимаемъ, почему *Библиотека для Чтенія* быстро захирѣла при такомъ редакторѣ, почему сотрудничество и товарищество Писемскаго не могло остановить разложенія журнала. Онъ былъ *безразличенъ*, какъ органъ печати. Въ немъ не видѣлось идейной личности, не жило никакой волнующей общественной страсти, онъ не могъ научить читателей ничему нужному и важному, не могъ или не хотѣлъ понять даже чужихъ ученій и упорно стремился занять положеніе брюзгливаго, никѣмъ не уважаемаго и лишь кое-кому досаднаго надзирателя за чужой нравственностью и чужимъ легкомысліемъ. И онъ не представлялъ ни малѣйшей опасности для вигилистовъ и разрушителей: они только могли быть благодарны ему за обильный матеріалъ для смѣха и, если молодежь желала, для гнѣва и сатиры.

⁷⁹⁾ *Сочиненія*. VII, 488, 566, 600, 514, 636—8.

⁸⁰⁾ *Тб*. 294, 477—8.

Не были опасны и другіе. Сильнѣйшій между ними—*Русскій Вѣстникъ*—до такой степени поражалъ читателей пестротой своихъ публицистическихъ упражненій или такъ беззащѣчиво поворачивалъ вправо, что даже писатели, имъ вскорѣ признанные и увѣнчанные, изобличали его въ «измѣнчивости» и въ обскурантизмѣ. Страховъ пространно доказывалъ отсутствіе ясныхъ убѣжденій у московскаго «олимпійца», Аксаковскій *День* ловилъ его на фактахъ, (а Страховъ, кромѣ того, произнесилъ уничтожающій приговоръ даже публицистическому таланту Каткова.

Неограниченно притязательный хозяинъ *Русскаго Вѣстника* умѣлъ отличаться однимъ лишь искусствомъ: принимать догматическій тонъ, уклоняться отъ обсужденія вопросовъ по существу, не понимать своихъ противниковъ и клеймить ихъ высококомѣрнымъ презрѣніемъ. Если приемъ не удавался, вопросы просто замазывались и объявлялись не существующими. И у Страхова не было недостатка въ примѣрахъ изумительной невѣжественности публицистики катковскихъ органовъ, особенно по вопросу о классическомъ и естественномъ образованіи. Именно здѣсь Катковъ подвизался съ особенной отвагой и именно здѣсь наговорилъ множество чисто-школьническихъ нелѣпостей. Даже Страховъ могъ достигать истиннаго остроумія, критикуя «презавбавныя страницы» московскихъ классиковъ объ естествознаніи. Классики обнаруживали младенческое непониманіе предмета — до такой степени радикальное, что благонамѣренный и вѣжливый критикъ рѣшилъ обозвать ихъ «отчаянными нигилистами». Они осмѣлились отвергнуть самую возможность преподаванія естественныхъ наукъ дѣтямъ, т. е. фактъ всеѣмъ извѣстный изъ германской педагогической теоріи и практики. Они вообразили, будто для описательныхъ частей естественныхъ наукъ нужны физическія и химическія свѣдѣнія, т. е. обнаружили полное невѣдѣніе методовъ естествознанія... И они же защищаютъ классическую систему, потому что она существуетъ на Западѣ! ⁸¹⁾.

Какое траги-комическое положеніе! Катковъ, такой громкій патриотъ, и не додумался до простѣйшей мысли: Западная Европа гораздо ближе Россіи къ древнему міру, латинскій языкъ, напримеръ, тамъ языкъ церкви, можно ли намъ, русскимъ, усвоивать невозбранно всю школьную систему Запада? Не очевидно ли, намъ необходима собственная точка опоры, собственная руководящая нить. А еще Катковъ такой англоманъ и не усвоилъ основной англійской культурной идеи: самобытность и свободу національнаго развитія.

⁸¹⁾ Библиотека для Читенія. 1863, июль. *Ничто о Русскомъ Вѣстникѣ*, октябрь. *Споръ объ общемъ образованіи*. Статья за подписью Н. Нелишко.

Впрочемъ, развѣ можно требовать послѣдовательности отъ столь ученаго и убѣжденнаго политика? Онъ, напримѣръ, еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ поднялъ вопль противъ умственнаго пролетаріата, т. е. противъ наплыва бѣдныхъ людей въ университеты... Даже *Отечественныя Записки* припомнили Каткову, что вѣдь онъ былъ когда-то профессоромъ университета и передовымъ человѣкомъ... Наивное напоминаніе! Будто какое бы то ни было *былъ* къ чему-либо обязываетъ, и потому, всякіе бьзываютъ способы казаться передовымъ, и ихъ очень много зналъ московскій публицистъ, одновременно политикъ англійской складки и патріотъ московскаго духа.

Такъ обстояло дѣло еще въ 1862 году; очевидно, путь лежалъ прямой и ясный. И еще очевиднѣе было, что не на этомъ пути можно уничтожить нигилизмъ въ глазахъ общества и одержать дѣйствител. и идейную побѣду надъ легкомысленной и злокозненной молодежью. Догматизмъ Каткова черпалъ свой авторитетъ въ единственномъ источникѣ: въ усиленномъ запугиваніи публики. Испуганный человѣкъ, какъ извѣстно, не способенъ вникать въ свои и чужія мысли и крайне легко поддается какому угодно призракамъ разсудка и дѣйствительности. Катковъ отлично зналъ эту психологію, и собиралъ обильную жатву.

Но эти успѣхи отнюдь не липали нигилистическую печать читателей и поклонниковъ уже потому, что гнѣвъ и страсть Каткова даже просто безпристрастнымъ людямъ не внушали довѣрія и почтенія, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Смертная бѣда на новыхъ людей пришла не извнѣ, а возникла и развилась въ ихъ собственной средѣ, даже не возникла, а существовала съ самаго начала *дѣтскаго* періода шестидесятыхъ годовъ, т. е. послѣ смерти Добролюбова и устравенія Чернышевскаго. Въ содержаніи самихъ идей этого періода заключался зародышъ разложенія и гвбели, и онѣ уже достигли рокового предѣла раньше, чѣмъ разразилась внѣшняя гроза.

XVIII.

Лѣтомъ въ 1866 году *Современникъ* и *Русское Слово* были закрыты. Общество, по свидѣтельству лица несочувствующаго, встрѣтило распоряженіе правительства съ единодушнымъ недовольствомъ. Доказательство, что либеральная и всякая другая печать нисколько не подорвала популярности нигилистическихъ журналовъ и не достигла бы цѣли, вѣроятно, еще очень долго. Но въ вѣдрахъ самихъ редакцій уже совершался процессъ, въ высшей степени знаменательный.

Предъ нами будто отраженіе исторіи Базарова. Тургеневскаго

героя настигаетъ смерть при крайнемъ напряженіи его нравственныхъ силъ, при мучительномъ душевномъ разладѣ. Онъ успѣваетъ власть въ пессимизмъ, разочарованіе, снизойти даже до резонерства и романтическихъ жестокихъ настроеній. Онъ говоритъ общими мѣстами, имъ овладѣваетъ чувство безпредметной злобы. Онъ будто перестаетъ знать, куда дѣвать себя, и не видитъ смысла въ дальнѣйшей жизненной комедіи.

Нѣчто подобное совершается въ нигилистическомъ мірѣ предъ гибелью его органовъ. Одинъ изъ первостепенныхъ его вдохновителей—Благосвѣтловъ—обнаружилъ эволюцію, явно противорѣчившую основнымъ символамъ направленія. По свидѣтельству Шелгунова, онъ постепенно превратился въ хозяина-буржуа, сталъ угнетать своимъ деспотизмомъ сотрудниковъ, рабочихъ по типографіи. *Двойственность* немедленно отразилась и на журналѣ. Благосвѣтловъ, стяжавшій богатство, началъ обижаться статьями объ эксплуатаціи, всякой защитой тружениковъ и мужиковъ. Статьи онъ печаталъ, но будто считалъ ихъ укоромъ себѣ и былъ бы очень доволенъ, если бы сотрудники не касались подобныхъ вопросовъ. Не къ лицу было ратовать за пролетарія нигилисту, жившему въ роскоши, имѣвшему дома, имѣніе, собственную карету и даже негра-лакея.

Естественно, столь неидейное превращеніе внесло разладъ въ среду сотрудниковъ журнала. Писаревъ отзывался о Благосвѣтловѣ съ явнымъ презрѣніемъ, не оставался въ долгу и Благосвѣтловъ. Наконецъ, зимой 1865 года Писаревъ и Зайцевъ рѣшили устроить *coup d'état*, смѣстить Благосвѣтлова и вмѣстѣ съ Шелгуновымъ взять въ свои руки журналъ. Шелгуновъ обращаетъ вниманіе, что въ это же время такой же разладъ происходилъ и въ *Современникѣ*: тамъ сотрудники также намѣревались устранить Некрасова... «Разладъ и разъединеніе,—заканчивается рассказчикъ,—чувствовались вездѣ и во всемъ...»

Это—неизмѣримо важнѣе всякой внѣшней вражды. Благосвѣтловъ, занимая центръ смутныхъ происшествій, писалъ: «Плохо наше молодое поколѣніе»... Какъ возликовалъ бы Катковъ, услышавъ этотъ приговоръ!

Но ликованіе вышло бы опрометчивымъ. Благосвѣтлову было позволительно негодовать на «молодое поколѣніе»: лучшіе его представители переставали его уважать и слѣдовать за нимъ. На самомъ дѣлѣ поколѣніе считало въ своей средѣ людей рѣдкой энергіи и талантности, и именно они создали благополучіе Благосвѣтлова. Безъ нихъ, т. е. безъ работы Писарева, Зайцева и другихъ, онъ не былъ бы издателемъ популярнѣйшаго журнала своего времени и не ѣздилъ бы въ каретахъ. Очевидно въ молодомъ поколѣніи была сила—именно сила *свободнаго и убож-*

деннаго слова. Она чарующе дѣйствовала на молодежь, она захватывала и подчиняла все, умѣвшее желать и стремиться, она, заключающаяся только въ *слово*, самыми своими крайностями возбуждала нравственную энергію у людей, обдѣленныхъ положеніемъ, званіемъ и всякими другими привилегированными благами. И мы, осуждая «перлы и адаманты» журнальной полемики шестидесятыхъ годовъ, не должны забывать, какое впечатлѣніе должна была производить независимая страстная рѣчь челоуѣка съ однимъ литературнымъ именемъ на среду, еще вчера крѣпостническую и чиновническую. Да, здѣсь была сила, и весьма значительная.

Но была и слабость, было плохое, по своимъ отрицательнымъ качествамъ, не уступавшее достоинствамъ силы.

Не представляло непоправимаго несчастія превращеніе Благосвѣтлаго въ буржуа и капиталиста: блескъ *Русскаго Слова* не имъ создавался. Онъ весьма многое внушилъ своимъ сотрудникамъ, но всѣ внушенія уже были усвоены, Писаревъ и Зайцевъ закончили кругъ своего развитія и могли дѣйствовать безъ руководителя и наставника,—*Русское Слово* и безъ Благосвѣтлова осталось бы на прежнемъ уровнѣ талантливости и занимательности для своей публики.

Такъ слѣдовало бы предполагать, и такъ думали сами Писаревъ и Зайцевъ. На самомъ дѣлѣ эти думы свидѣтельствовали только о печальнѣйшемъ заблужденіи и самообольщеніи друзей.

Мы только-что сказали: «закончили кругъ своего развитія»; это жестокая, въ полномъ смыслѣ трагическая правда о молодыхъ талантахъ. Писаревъ и Зайцевъ успѣли истощить всѣ свои идеи, еще до разлада съ Благосвѣтловымъ. Недаромъ Зайцевъ утверждаетъ, что уже въ тридцать лѣтъ челоуѣкъ «перестаетъ развиваться». Чисто-нигилистическая психологія! Она могла утѣшать двадцати-пяти-лѣтнихъ героевъ и снабжать ихъ даже «научнымъ» презрѣніемъ къ менѣе молодымъ ученымъ, но она въ то же время доказывала, какъ наивно, дѣтски-самонадѣянно представлялась юнымъ героямъ самая идея развитія и какъ просто, въ порывѣ горячаго воображенія, давался имъ какой угодно прогрессъ и какая угодно истина.

И истины имъ дѣйствительно давались легко,—легче, чѣмъ какому бы то ни было другому русскому поколѣнію. Въ философіи материализмъ освободилъ ихъ отъ труднѣйшихъ задачъ психологіи, нравственности и даже естествознанія, въ искусствѣ—отрицаніе художественнаго творчества, и чувства—избавило ихъ отъ необходимости «изучать» художниковъ, ихъ психологію, ихъ личности и ихъ произведенія. Такое развитіе, несомнѣнно, чрез-

вычайно просто и постигнуть его можно даже и до пятнадцатилѣтняго возраста.

Но, къ сожалѣнію, отрицать не всегда значить уничтожать: психологія и искусство не только продолжали существовать послѣ *Антропологическаго принципа* и *Разрушенія эстетики*, но создали лучшія страницы въ произведеніяхъ самихъ отрицателей. Не помогли никакія заклинанія: Тургеневъ художникъ становился драгоцѣннѣйшимъ учителемъ гонителей искусства и даже вызывалъ среди нихъ непримиримыя междоусобицы.

Очевидно, путь былъ взятъ ложный и на столько кривой, что по немъ даже оказалось невозможнымъ идти при самомъ искреннемъ желаніи.

Это понимали шестидесятники-отцы. Они умѣли быть благодарными художественному творчеству и въ высшей степени искусно пользоваться имъ для своихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Они и оставили незабвенные завѣты русской критикѣ. Они закончили ея теорію вполнѣ послѣдовательно и навсегда непоколебимо.

Къ этой теоріи стремилась русская литература съ своихъ первыхъ шаговъ, она всегда и при всякихъ условіяхъ желала быть нужной и важной, правдивой и поучительной. На сколько она вдохновлялась національнымъ духомъ, оставалась свободной отъ чуждыхъ ей теорій и руководствъ,—она достигала этой цѣли. Она искренне и честно воспроизводила жизнь и была незамѣнно полезна жизни. Она сливала въ себѣ двѣ основныхъ стихіи вѣчнаго художественнаго творчества: реализмъ и идеализмъ. Она не извращала дѣйствительности въ угоду искусственно-развитому вкусу, и не забывала высшихъ нравственныхъ задачъ писательскаго слова. Она—въ лицѣ своихъ великихъ дѣлателей—была одновременно и наукой, и моралью, независимо отъ тенденцій и эстетическихъ школъ. Жгучая, до болѣзненности напряженная мечта Гоголя—*послужить своей родинѣ на поприщѣ писателя*—основная, истинно-национальная задача всякаго русскаго художественнаго дарованія. И она должна была сообщить опредѣленный характеръ и русской критикѣ, вызвать къ жизни особый национальный типъ русскаго эстетика.

Онъ съ самаго начала явился политикомъ, моралистомъ, философомъ и менѣе всего эстетикомъ въ западно-европейскомъ смыслѣ слова. Таковымъ онъ выступалъ на сцену только въ ненациональные періоды русской литературы. Тогда и творческимъ, и умственнымъ силамъ приходилось бороться съ теоретическимъ насилиемъ, съ большими усиліями сбрасывать цѣпи и путы эстетической системы. Исходъ борьбы не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, если только въ нравственный міръ русскаго народа дѣйствительно входилъ свободный творческій гений. Кратковре

менная, но по истинѣ блестящая исторія литературы разрѣшила вопросъ положительно и заставила даже западные народы признать силу и оригинальность рѣшенія.

Наравнѣ съ гениальными художниками русская литература выработала также типъ національнаго критика. Работа въ этомъ направленіи шла гораздо медленнѣе—согласно психологическому закону: самопознаніе—высшій актъ духовной дѣятельности. Отдѣльныя черты типа стали обнаруживаться очень рано: публицистика съ самаго начала завладѣла критикой, но одного публицистическаго дарованія не достаточно для писателя, призваннаго судить и истолковывать произведенія искусства.

Русская литература въ области творчества высшій идеаль явила въ лицѣ художника мыслителя, поэта-гражданина; этимъ самымъ она опредѣлила и совершенный типъ критика-мыслителя, одареннаго глубокимъ художественнымъ чувствомъ, музыкальной отзывчивостью на непосредственную, жизненную красоту искусства.

И первымъ такимъ критикомъ былъ Бѣлинскій, и онъ навсегда останется образцомъ національнаго русскаго критика. Это не значитъ, будто въ дѣятельности Бѣлинскаго нѣтъ ни единаго пробѣла и недостатка и будто онъ, какъ писатель, высшій идеаль для своихъ наслѣдниковъ. Это было бы невѣроятно и исторически немыслимо. Дѣйствительность дореформенной Россіи не могла не оказать печальныхъ вліяній на судьбу какого угодно генія, и Бѣлинскій, можетъ быть, единственный по даровитости среди всѣхъ европейскихъ критиковъ, стоитъ позади многихъ по образованности, т. е. по количеству свѣдѣній. Исключительными усилиями доставались русскому писателю тѣ самыя сокровища науки и цивилизаціи, какія находились въ полномъ распоряженіи у всякаго культурнаго европейца. Отсюда продолжительныя мучительныя исканія истинъ, при другихъ общественныхъ условіяхъ доступныхъ безъ всякаго труда, въ силу общаго высокаго уровня образованности и просвѣщенія. Отсюда истинно подвижническій путь, требовавшій часто сверхчеловѣческой нравственной выносливости и преждевременно оборвавшій страстную вдохновенную дѣятельность. И дѣло Бѣлинскаго осталось незаконченнымъ, его великое дарованіе не имѣло должнаго простора и не получило сполна необходимаго оружія отъ современной науки, но какъ личность и какъ писатель онъ останется въ исторіи русской культуры идеальнымъ типомъ критика, мыслителя-художника, идеалиста-практика, и каждая новая прогрессивная эпоха русской національной общественной мысли будетъ вспоминать о немъ, какъ о своемъ предшественникѣ и учителѣ.

Это осуществилось въ первую же такую эпоху—въ шестиде

слтые годы. Она начала съ усвоенія завѣтовъ Бѣлинскаго, съ распространенія и развитія его идей, она, подобно ему, также стремилась учить и просвѣщать общество путемъ истолкованія произведеній искусства. И тамъ, гдѣ она шла путемъ Бѣлинскаго, тамъ ея дѣятельность положительное достоянiе русскаго самосознанія, прочныя основы его дальнѣйшему движенію. Чернышевскій, какъ положительный мыслитель безъ матеріалистическихъ увлеченій, и Добролюбовъ, какъ реальный эстетикъ, какъ истолкователь общественнаго и нравственнаго содержанія и смысла художественнаго творчества, прямыя историческіе наслѣдники Бѣлинскаго.

Но тоже стремленіе учить и самымъ прямымъ путемъ достигнуть возможнаго развитія и яснаго пониманія вещей увлекло младшихъ дѣятелей эпохи за предѣлы науки и разума. Мы говорили о логической правоспособности радикализма, мы не можемъ отрицать и исторической основы явленія. Всѣ крайнія, совершенно нереальныя и практически безцѣльныя теории Писарева и его единомышленниковъ исторически связаны съ исконнымъ основнымъ принципомъ русской писательской природы учить и развивать. Историческія судьбы русскаго народа этотъ принципъ возвели на степень идеальнаго гражданскаго призванія и неотъемлемаго нравственнаго долга. И новые люди загорѣлись страстью немедленно нѣсколькими идеями и статьями возместить для русскаго общества десятилѣтія умственной косности и гражданскаго рабства. Все должно служить задачамъ обученія и развитія: недаромъ первоучитель такъ восторженно воспѣвалъ въ своемъ романѣ именно развитіе и показывалъ новыхъ людей, ставшихъ новыми въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ умныхъ бесѣдъ и дѣльныхъ книгъ. Самъ Рахметовъ чрезвычайно просто изъ обыкновеннаго хорошаго гимназиста превратился въ «особеннаго человѣка». Сначала познакомился съ умной головой, съ Кирсановымъ, послушалъ его въ теченіе вечера, плакалъ, восклицалъ, по его совѣту накупилъ книгъ, читалъ безъ перерыва 82 часа, потомъ проспалъ на полу часовъ 15. «Черезъ недѣлю онъ пришелъ къ Кирсанову, потребовалъ указаній на новыя книги, объясненій, подружился съ нимъ, потомъ черезъ недѣлю подружился съ Лопуховымъ, черезъ полгода, хоть ему было только 17 лѣтъ, а имъ ужъ по 21 году, они уже не считали его молодымъ человѣкомъ сравнительно съ собою, и ужъ онъ былъ особеннымъ человѣкомъ».

Соблазнительнѣйшая и, главное, какая простая исторія! И ее, то именно задались цѣлью осуществить молодые читатели *Что дѣлать?* на своихъ читателяхъ. Было ли здѣсь время изучать и разбирать художественныя, да и всякія другія произведенія?

Успѣть бы только нажать фактовъ, «явленій жизни»! И, естественно, искусство во всей своей сложности и глубинѣ отошло совсѣмъ на задній планъ и уступило мѣсто конспектамъ, программамъ, обзорѣніямъ и неугомонной войнѣ за всѣ эти конспекты и программы. Во имя фактовъ былъ устраненъ величайшій фактъ, во имя развитія нанесенъ ударъ могучему орудію цивилизаціи и просвѣщенія, во имя реализма разрушена цѣльность естественной человѣческой психологіи.

И пути новыхъ людей для русскаго прогресса оказались блудными, слѣпыми путями. Путниковъ толкнули на нихъ благородныя цѣли, но въ борьбѣ за свѣтъ и свободу людямъ мало одного благородства; столь же необходимо еще строго обдуманная оцѣнка жизнеспособности и плодотворности благородной задачи, наравнѣ съ чистотой сердца необходимо вдумчивое самосознаніе. Рыцарь идеи долженъ быть мудрецомъ жизни и въ одинаковой степени обладать силой логическаго мышленія и историческаго смысла.

Новые люди, неуязвимые и неотразимые идеологи, не могли въ полгода стать историками и не въ состояніи имъ были помочь даже двадцатилѣтнія, «особенно умныя головы». И ихъ стремительность, пережитый ими взаимный разладъ и личное идейное оскудѣніе съ новой силой подтвердили вѣчный законъ закономѣрнаго культурнаго прогресса и еще рѣзче опредѣлили исторически выработанные принципы русской критики.

Эти принципы, окончательно установленные дѣятельностью Добролюбова, подверглись суровому испытанію при его преемникахъ, безгранично рѣшительныхъ и увлекательно даровитыхъ. Зданіе доказало свою прочность и въ будущемъ ему врядъ ли грозитъ такой бурный, такой самоувѣренный натискъ. Шестидесятые годы закончили кругъ принципиальнаго развитія русской критики, представили блестящіе наглядные примѣры, какъ должны осуществляться принципы: будущее открыто и ясно. Нѣтъ ничего сильнѣе теоріи и жизненнѣе ученія, оправданныхъ историческимъ опытомъ, нѣтъ ничего реальнѣе идеи, выработанной тяжелымъ но свободнымъ историческимъ процессомъ: именно таковы основы русской критики, таковы ея преданія и надежды.

Ив. Ивановъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Пѣвецъ Германіи! Народу
Воспой германскую свободу,
Душою нашей овладѣй!
Какъ звукомъ марша боевого,
Сзывай для подвига благого—
Могучей пѣснею своей.

Не хнычь, какъ Вертеръ—цѣлью жизни
Шарлотту сдѣлавшій! Въ отчизнѣ
Все тѣ, что колоколъ вѣщаль—
Провозгласи передъ толпою,
И рѣчь твоя пускай собою
Разить, свергая, какъ винжалъ!

Конецъ идилліи прекрасной!
Не будь цѣвницей сладкогласной,
Трубою будь въ родномъ краю.
Греми, какъ громъ, своею рѣчью;
Будь грозной пушкой, будь картечью,
Труби, рази, круши въ бою!

Круши, рази, какъ грозный мститель,
Пока послѣдній притѣснитель
Еще упорствуетъ въ борьбѣ.
Служи лишь въ этомъ направленъ, —
И откликъ вѣрный пѣснопѣнья
Во всѣхъ сердцахъ найдутъ себѣ.

2.

Подъ траурнымъ парусомъ челнъ мой
Уносится въ бурное море;

Ты знаешь, какъ я опечаленъ,
И все жъ причиняешь мнѣ горе.

Ты сердцемъ измѣнчивѣй вѣтра,
Шумящаго тамъ, на просторѣ.
Подъ траурнымъ парусомъ челнъ мой
Уносится въ бурное море.

3:

Надъ побережьемъ сумракъ ночи
Опустился въ тишинѣ;
Выплылъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Говорить волна волнѣ:

— Этотъ путникъ—онъ безумецъ,
Или, можетъ быть, влюбленъ?
Онъ и весель, и печаленъ,
И грустить, и счастливъ онъ.—

Съ высоты смѣется мѣсяцъ,
Звонко молвить онъ въ отвѣтъ:
— Онъ—безумецъ и влюбленный.
Да и сверхъ того—поэтъ!

О. Чюминой.

ПЕРЕВОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

НОВОРОЖДЕННЫЙ.

Изъ рассказовъ переселенца *). А. Агаряна.

Переводъ съ армянскаго.

Была темная, мрачная ночь. Небо заволокло тучами. Мелкія капли дождя падали и падали, точно скорбныя слезы по умершемъ. Да и небо глядѣло грустно; быть можетъ, это были и въ самомъ дѣлѣ слезы, которыя проливалъ сострадательное небо.

Вся наша деревня выселялась, или, вѣрнѣе сказать, жители ея бѣжали, спасая свои головы. Грудныя дѣти засыпали, прижавшись къ груди своихъ матерей, болѣе взрослые пристроились на плечахъ и спинахъ своихъ отцовъ, а тѣ, которыя могли идти сами, уцѣпились за руки родителей, и мы тронулись въ путь.

У всѣхъ лица были траурныя, точно это было похоронное шествіе. Когда же мы проходили мимо кладбища нашей деревни, всѣ плакали навзрыдъ. Легко ли сказать? Вѣдь тутъ лежали рядкомъ, одинъ возлѣ другого, наши дѣды, отцы и много дорогихъ существъ, и мы оставляли ихъ, быть можетъ, навсегда. Намъ казалось, что они всѣ живы и мы покидаемъ ихъ одинокихъ, незащитныхъ, оставляя въ рукахъ негодяевъ!.. Однако, мы завидовали имъ; они были счастливѣе насъ—имъ не довелось пережить съ нами эти черные дни, очевидно, они были безгрѣшны—умерли и успокоились.

Всю ночь мы шли подъ дождемъ, измокшіе, усталые и голодные.

— Мапочка, холодно, я зябну!—слышались со всѣхъ сторонъ голоса дрожавшихъ отъ холода дѣтей.

*) Сюжетъ рассказа ввять изъ жизни турецкихъ армянъ, бѣжавшихъ въ Россию во время послѣднихъ избіеній. *Прим. переж.*

— Негодный, замолчи, неровень часть, «они» придутъ и унесутъ тебя,—отвѣчали имъ старшіе.

Слово «они» имѣло магическое дѣйствіе. Несчастныя дѣти испуганными глазами всматривались въ ночную мглу и, прижавшись ближе къ родителямъ, молча двигались впередъ. Многія изъ нихъ, однако, не могли идти дальше отъ усталости и холода и падали; тогда старшимъ приходилось брать ихъ на руки и снова продолжать путь.

Всѣ смолкли. Мы шли мимо деревни врага; это было гнѣздо звѣрей—логовище кровожадныхъ гіенъ! Надо было остерегаться, не дай Богъ, если они проснутся отъ нашего шума—тогда всѣ мы погибли.

Мы идемъ чуть слышно, еле дыша, и съ ужасомъ смотримъ на небо, стараясь отгадать, какой часть ночи? Успѣемъ ли мы благополучно пройти эти страшныя мѣста?

Небо мрачно; не видно ни одной звѣздочки; темныя тучи висятъ надъ нами и дождь продолжаетъ идти по прежнему. Господи, какъ сильно намъ хотѣлось, чтобы ночь эта продлилась дольше! Никто, кажется, не любилъ никогда такъ сильно мракъ, какъ любили его мы въ эту минуту, ему была поручена вся наша будущность, все счастье и судьба дѣтей нашихъ. Мы боялись свѣта. Но путь еще длиненъ, мы поднимаемся на горы, спускаемся въ лощины, пересѣкая рѣчки и горныя ручьи и все время хранимъ гробовое молчаніе; опасность еще не миновала, мы только что прошли деревню злодѣевъ.

Вдругъ, въ общей тишинѣ раздается крикъ грудного ребенка; всѣхъ насъ охватываетъ ужасъ. Ребенокъ кричитъ, надо зажать ему ротъ, не то злодѣи проснутся и всѣхъ насъ перерѣжутъ.

— Зажми ему ротъ, зажми!—слышатся со всѣхъ сторонъ сдержанные голоса.—Ради Бога, пусть замолчитъ!

Но испуганная мать онѣмѣла, она прилагаетъ всѣ усилія, чтобы успокоить ребенка, но онъ все-таки кричитъ. Какъ ей зажать ему ротъ! Развѣ мать способна задушить свое родное дитя, свое сокровище? Она скорѣе согласится броситься съ вершины горы, разбиться, умереть, чѣмъ убивать свое родное дитя.

Ребенокъ кричитъ громче, усиливая общій страхъ.

Наконецъ, чувство самосохраненія, властвовавшее въ эту минуту надъ всѣми, заглушило все, кромѣ жажды спасенія. Мгновенно нѣсколько рукъ потянулось къ ребенку, еще минута и онъ замолкъ бы на вѣки.

Мать поняла это движеніе: какъ свирѣпая тигрица, стала защищать она свое дитя; но, видя свое безсиліе, она начала молить о пощадѣ; наконецъ, изъ груди несчастной вырвался вопль отчаянья и она, прижавши дитя къ своей груди, ринулась на землю, прикрывъ собою свое дорогое сокровище. Это спасло ребенка—онъ замолкъ и мы двинулись дальше.

Однако, крикъ ребенка и шумъ засуетившихся бѣглецовъ даромъ не прошли: изъ деревни врага поднялся злобщій лай собакъ.

Передъ нами высилась гора-великанъ съ бѣлоснѣжной вершиной.

— Ребята, ради всего святого, прибавьте шагу; только бы перейти намъ эту гору и мы спасены! Тамъ-то ужъ насъ не зарѣжутъ,—приговаривали шопотомъ старики.

Мы уже у горы; идемъ быстрѣе; подъемъ труденъ. Подымаясь мы безпрестанно оглядываемся назадъ, туда, гдѣ оставили звѣрей, спящихъ въ своихъ логовищахъ. Но тамъ началось движеніе, крикъ ребенка на-творилъ бѣды, очевидно, деревня проснулась. Среди ночной тишины до насъ стали доноситься ругань и угрозы, точно вся деревня поднялась на ноги. Охваченные ужасомъ, мы смотримъ назадъ и въ ночной тем-нотѣ зоркій глазъ различаетъ какія-то движущіяся тѣни; голоса приближаются, слышится бряцанье оружія...

— Бѣда, спасайтесь!—кричатъ всѣ въ одинъ голосъ.

Но гора высока, нѣтъ конца подъему. Страхъ и усталость дѣлаютъ свое дѣло—усталыя дѣти и женщины падаютъ, потерявъ послѣднія силы.

Среди женщинъ обращаетъ на себя особое вниманіе, своей слабостью, одна изъ нихъ—бѣдняжка вскрѣ́ должна сдѣлаться матерью. Она старается не отставать отъ другихъ, но ей трудно идти, при-томъ же у нея на рукахъ ребенокъ двухъ или трехъ лѣтъ.

На нее обратила вниманіе одна изъ старухъ.

— Братцы!—произнесла она,—помогите Зекруть *), вѣдь несчаст-ная еле двигается!

Одинъ изъ молодцовъ поспѣшилъ къ ней на помощь и, взявъ у нея ребенка, продолжаетъ подыматься выше.

-- Господи, чего имъ еще нужно отъ насъ?—воскликаетъ одинъ изъ стариковъ.—Неужели они завидуютъ и жизни нашей? Вѣдь у насъ ничего больше не осталось...

Неприятель подъ горой; мы бѣжимъ, сколько есть силъ. Гулко раздаются въ горахъ плачь дѣтей, вопль и стонъ женщинъ. Паника усиливается.

Но вотъ больная присѣла, испустивъ страшный крикъ; голосъ ея повторился эхомъ далеко въ горахъ.

Несчастная не въ силахъ была идти дальше, наступилъ часъ стра-даній... Теперь несчастіе наше было полное: кто бы могъ подумать, что сама природа способна смѣяться надъ людьми, и безъ того гоня-мыми судьбою!..

Быть можетъ, страданія бѣдняжки начались давно и она мучилась отъ болѣй всю ночь, но со свойственной женщинѣ выносливостью пре-возмогла все, употребивъ для этого нечеловѣческія усилія. Она молча переносила жестокія страданія, но наконецъ не выдержала; да и какъ могла она противиться самой природѣ?..

*) Армянское женское имя.

Больная лежитъ безъ силъ, изнуренная... Однако, все же надо бѣжать—другого выхода нѣтъ, за нами погоня, негодяи могутъ настичуть насъ. Мужъ больной, взявъ ее подъ руки, тащитъ вверхъ, на гору. До вершины недалеко. Тамъ спасенье, тамъ, на свободной землѣ безсилевъ непріятель; онъ не осмѣлится переслупить границу, тамъ не убиваютъ, не рѣжутъ.

Всесильна надежда, но и ужасъ творитъ чудеса. Позади насъ опасность, тутъ же вблизи спасенье, мы забыли обо всемъ и спѣшимъ туда наверхъ.

Среди этой паники снеса послышался ужасный крикъ и обезсиленная женщина, вырвавшись изъ рукъ мужа, упала на землю.

Минута была страшная, но и торжественная, свершалась одна изъ высокихъ священныхъ тайнъ человѣческой жизни. Случай вышелъ настолько неожиданный и въ тоже время трогательный, что многіе изъ насъ, не смотря на ужасъ охватившій всѣхъ, остановились, точно окаменѣлые, въ ожиданіи конца родовъ.

Было ли это чувство состраданія къ страждущей женщинѣ, или благоговѣніе къ великому дѣлу природы, не знаю, но мы не двигались съ мѣста.

Казалось, если въ этотъ величественный часъ мы оставимъ несчастную одну, съ новорожденнымъ среди необитаемыхъ горъ, то великаньскага разверзнется и поглотитъ насъ, или разразятся надъ нами громъ и молнія, вислопавныя всемогущимъ небомъ, чтобы убить, уничтожить насъ.

Дивное зрѣлище представляла гора въ эту минуту: тамъ бѣглецы спѣшатъ на вершину, внизу, у подножія горы, суетится кровожадный непріятель, готовый растерзать насъ, а на склонѣ ея группа женщинъ окружила родильницу, поодаль стоятъ угрюмо и молча мужчины, а надъ всѣмъ этимъ царитъ мракъ.

Мы надѣемся, что скоро все кончится и мы тронемся въ путь. Насъ раздѣляетъ отъ непріятели большое разстояніе, не добравшись имъ скоро до насъ. По временамъ, эхо разноситъ крики и стонъ больной; это насъ сильно тревожитъ.

• Положеніе наше невыносимо - выжидательное, отчаянное положеніе! Мы ждемъ не болѣе 2 — 3 минутъ, но намъ кажется, что если придется ждать еще минуту, то истомятся, разорвутся наши сердца...

— Уа, уа! — послышался вдругъ первый крикъ новорожденного и исчезъ въ невидимой дали горъ и скалъ. Появилось на свѣтъ Божій новое существо, чтобы жить и пользоваться жизнью.

Дождь давно пересталъ идти. На небѣ загорѣлись тысячи звѣздъ. Холодъ разсвѣта даетъ о себѣ знать. Рѣзкій вѣтеръ пронизываетъ голое тѣльце младенца, онъ дрожитъ и ежится. Надо спеленать его, надо пригрѣть чѣмъ-нибудь его озябшее тѣльце, но чѣмъ? Гдѣ взять?

Мы сами всё почти голы, всё покрыты какими-то лохмотьями и коченѣемъ отъ стужи.

Едва одна изъ женщинъ успѣла завернуть младенца въ какое-то отрепье, какъ вблизи послышались голоса непріятели, еще нѣсколько минутъ и они насъ настигнуть. Мы были въ ужасѣ, каждый заботился о своемъ спасеніи и намъ едва удалось унести на рукахъ больную.

Мы почти у вершины. «Уа, уа!» раздалось внизу, и тогда только мы замѣтили, что никто не взялъ ребенка. Среди общей паники онъ былъ забытъ. Каждый изъ насъ, вѣроятно, думалъ, что ребенка возьметъ другой, но никто не поднялъ несчастнаго.

Одинъ, беззащитный, покинутый всѣми остался онъ въ травѣ, на груди великана-горы, испуская жалобные крики. Казалось, блѣлая овечка, оставленная во власти волковъ; но этотъ призывъ о помощи никого изъ насъ не тронулъ.

Кто рѣшился бы снова спуститься внизъ?..

Мы продолжали свой путь, а ребенокъ не переставалъ жалобно кричать. Кто защититъ его, согрѣетъ...

Вотъ, наконецъ, мы на самой вершинѣ. Мы спасены. Пора отдохнуть. Родильницу положили на землю, она понемного стала приходить въ себя.

«Уа, уа!» донесся снова снизу уже замирающій крикъ ребенка, и какъ ни была слаба мать, все же этотъ крикъ былъ ею услышанъ. Бѣдняжка осмотрѣлась кругомъ и поняла свое несчастье. Она сдѣлала, было, попытку подняться, но тутъ же бессильно упала.

— Вотъ какова судьба твоя, дитя мое,—прошептала мать, и двѣ крупныя слезинки покатались по ея исхудалымъ, блѣднымъ щекамъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Востокъ загорѣлся багровымъ свѣтомъ. Первые лучи солнца, упавъ на дальнія горы, освѣтили ихъ туманныя вершины.

Деревня изверговъ, вся утопавшая въ дыму, видѣлась издали. На горѣ и внизу не видно было никого, надо полагать, они вернулись къ себѣ, считая погоню безцѣльной. Давно уже замолкли и крики новорожденнаго. Проклятые! должно быть, унесли его.

Однако, двое изъ насъ спустились внизъ, къ мѣсту, гдѣ былъ оставленъ ребенокъ. Остальные съ нетерпѣніемъ ждали ихъ прихода. Вскорѣ, упредшіе вернулись, неся съ собою окоченѣлый трупъ младенца. Холодный, ночной вѣтеръ умчалъ съ собою къ небесамъ послѣднее дыханіе несчастнаго...

Молча глядѣли мы на трупъ ребенка, положенный на зеленую травку. Какъ ни велико было наше общее несчастье, какъ ни привычна была для насъ смерть дорогихъ намъ людей, все же изъ нашихъ высохшихъ глазъ упало нѣсколько капель слезъ и на этотъ маленькій трупъ.

Своими палками мы выкопали могилку для невиннаго существа, которое родилось на склонѣ горы для того лишь, чтобы быть погребеннымъ на вершинѣ ея.

Засыпавъ могилку и начертавъ на ней крестъ концомъ палки, мы прошептали: «Ты много счастливѣ насъ»...

Н. Кара-мурза.

II.

ЧЕРНЫЕ ХЛѢБЫ.

Рассказъ Анатоля Франса.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Жилъ въ славной Флоренці банкиръ Николай Нерли. Когда звонили къ утрени, онъ уже сидѣлъ за своимъ бюро; когда звонили къ вечернѣ, онъ сидѣлъ тамъ же, и цѣлый день онъ вносилъ суммы въ свои счетныя книги. Николай Нерли ссужалъ деньгами императора и папу. И если не давалъ взаймы чорту, то изъ страха, какъ бы не потерять своихъ денегъ, заводя дѣла съ тѣмъ, кого не даромъ зовутъ злымъ духомъ, кто такъ богатъ на всякія хитрости. Нерли былъ человѣкъ рѣшительный и недовѣрчивый. Онъ собралъ много богатствъ и обобралъ многихъ людей. Вотъ почему онъ былъ такъ уважаемъ во Флоренці.

Жилъ онъ во дворцѣ; свѣтъ Божій туда проникалъ лишь черезъ узкія окна, и это было благоразумно; жилище богача должно быть какъ крѣпость; тѣ, кто обладаетъ большимъ состояніемъ, поступаютъ мудро, защищая силой то, что собрали хитростью. Поэтому, дворецъ Нерли былъ снабженъ рѣшетками и цѣпами. Стѣны во дворцѣ были разрисованы искусными мастерами; тутъ были представлены добродѣтели подъ видомъ женщинъ, патріархи, пророки и цари израильскіе. Ковры въ комнатахъ изображали анекдоты объ Александрѣ и Тристанѣ, какъ они рассказаны въ романахъ.

Благочестивыми сооруженіями Нерли далеко распространилъ славу о своихъ богатствахъ. За чертой города онъ поставилъ больницу; на ея стѣнахъ, въ краскахъ и барельефѣ, были представлены самыя славныя дѣла изъ его жизни. На окончаніе собора святой Маріи Новой онъ пожертвовалъ значительную сумму денегъ, въ благодарность за это его портретъ виситъ на хорахъ храма. Онъ былъ изображенъ

со сложенными на груди руками, колѣнопреклоненный у ногъ Пресвятой Дѣвы. Безъ труда узнавали на портретѣ его красную шерстяную шапочку, тунику, подбитую мѣхомъ, его желтое, заплывшее жиромъ лицо и маленькіе живые глазки. По другую сторону Дѣвы стояла въ молитвенно-покорной позѣ его добродушная жена Мона; ея честное, печальное лицо говорило, что отъ нея никто не уходилъ неутѣшеннымъ.

Николай Нерли былъ одинъ изъ первыхъ гражданъ въ городѣ. Онъ никогда не говорилъ противъ законовъ республики; онъ не заботился ни о бѣдныхъ, ни о тѣхъ, кого временная власть приговаривала къ ссылкѣ или штрафу; а потому въ глазахъ магистрата ничто не умаляло общаго уваженія, которое онъ снискалъ своимъ большимъ богатствомъ.

Однажды, въ зимній вечеръ, Николай Нерли возвращался въ свой дворецъ позже обыкновеннаго. На порогѣ у дверей его окружила толпа нищихъ; полуодѣтые, они протягивали къ нему руки. Съ грубой бранью прогналъ онъ ихъ отъ себя. Но отъ голода несчастные сдѣлались дерзкими, освирѣпли, какъ волки. Они образовали около него кругъ и жалобнымъ, охрипшимъ голосомъ просили хлѣба. Нерли уже нагнулся, чтобы поднять камень и бросить въ нихъ, какъ замѣтилъ своего слугу съ корзиной хлѣба на головѣ; хлѣбъ предназначался для служащихъ на кухнѣ, конюшнѣ и въ саду. Нерли сдѣлалъ знакъ хлѣбодару подойти и, набравъ изъ корзины полныя руки хлѣбовъ, онъ бросилъ ихъ несчастнымъ. Потомъ, войдя къ себѣ въ домъ, онъ легъ въ постель и заснулъ. Во время сна его поразилъ апоплексическій ударъ; онъ умеръ такъ внезапно, что еще считалъ себя въ постели, когда увидалъ передъ собою, въ мѣстѣ, лишенномъ свѣта, святаго Архангела Михаила, освѣщеннаго сіяніемъ, исходящимъ отъ его тѣла.

Архангелъ съ вѣсами въ рукахъ нагружалъ чашки вѣсовъ. Николай Нерли на болѣе тяжелой чашкѣ узналъ драгоцѣнности вдовъ, которыя хранились у него въ видѣ залога; множество монетныхъ свертковъ, собранныхъ имъ незаконно; между ними прекрасныя хорошо ему извѣстныя золотыя монеты, бывшія только у него одного; онъ ихъ приобрулъ ростовщичествомъ или обманомъ. Нерли догадался, что это Архангелъ Михаилъ взвѣшивалъ его жизнь, которая теперь уже закончилась.

Онъ принялъ внимательный и озабоченный видъ.

— Мессеръ святой Михаилъ,—сказалъ онъ.—Если вы кладете на эту чашку всю прибыль, какую я собралъ за свою жизнь, то поставьте тогда на другую, прошу васъ, тѣ прекрасныя сооруженія, которыми я проявлялъ свое благочестіе. Не забудьте ни церкви святой Маріи Новой, гдѣ мой вкладъ составляетъ добрую треть, ни мою загородную больницу; ее я цѣликомъ выстроилъ на собственные динаріи.

— Не бойся, Николай Нерли,—отвѣтилъ Архангелъ,—я ничего не забуду,—и своими славными руками онъ положилъ на легчайшую чашку вѣсовъ соборъ святой Маріи и больницу съ ея дѣшными украшениями

и фресками. Но чашка не опустилась. Банкиръ почувствовалъ сильное безпокойство.

— Мессеръ святой Михаилъ,—обратился онъ снова къ Архангелу,— поищите еще хорошенько. На этой чашкѣ вѣсовъ нѣтъ моей великолѣпной кропильницы, что виситъ въ храмѣ святого Іоанна, нѣтъ каеэды изъ церкви св. Андрея, а на ней во весь ростъ изображено крещеніе нашего Господа Іисуса Христа; эта работа мнѣ обошлась очень дорого.

Архангелъ положилъ на вѣсы поверхъ больницы каеэду и кропильницу, но чашка не опускалась. Николай Нерли почувствовалъ, что его лобъ покрывается холоднымъ потомъ.

— Мессеръ Архангелъ,—спросилъ онъ,—увѣрены ли вы, что ваши вѣсы правильны?

Святой Михаилъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что вѣсы совершенно точны, такъ какъ они устроены не по образцу вѣсовъ, какіе употребляются въ парижскихъ ломбардахъ и у венеціанскихъ мѣняль.

— Какъ!—вздохнулъ Николай Нерли, весь блѣдный отъ страха,— значить, этотъ соборъ, эта каеэда, чаша, больница со всѣми кроватями, все это вѣсится не больше одной соломинки, одной пушинки?!

— Какъ видите, Николай! — сказалъ Архангелъ,—ваши несправедливыя дѣла несравненно тяжелѣе вашихъ незначительныхъ добрыхъ дѣлъ.

— Слѣдовательно, я пойду въ адъ,—сказалъ флорентіецъ. И его зубы зацепкали отъ ужаса.

— Терпѣніе, Николай Нерли!—возразилъ небесный опѣящикъ,— терпѣніе! Мы не кончили. У насъ еще остается вотъ это.

И блаженный Михаилъ взялъ черные хлѣбы, которые наканунѣ богачъ бросилъ бѣднымъ. Онъ ихъ положилъ на чашу съ добрыми дѣлами, и та внезапно упала, между тѣмъ какъ другая поднялась и обѣ остановились на одномъ уровнѣ. Коромысло не наклонялось больше ни вправо, ни влево, и стрѣлка показывала полное равновѣсіе обѣихъ чашекъ.

Банкиръ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Славный Архангелъ сказалъ ему:

— Какъ видишь, Николай Нерли, ты не годишься ни въ адъ, ни въ рай. Ступай! Вернись во Флоренцію. Умножь у себя въ городѣ эти хлѣбы, которые ты далъ своей рукой, ночью, такъ что тебя никто не видѣлъ, и ты будешь спасенъ. Знай, для неба мало открыть двери кающемуся разбойнику и плачущей блудницѣ. Милосердіе Божіе безконечно: оно спасетъ даже богатаго. Спасайся! Умножай хлѣбы, вѣсь которыхъ на моихъ вѣсахъ тебѣ извѣстенъ. Иди!

Николай Нерли проснулся на своей постели. Онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту Архангела и умножать хлѣбъ бѣдныхъ, чтобы войти въ царствіе небесное.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, которыя онъ провелъ на землѣ послѣ своей первой смерти, онъ былъ сострадательнъ къ несчастнымъ и завѣдывалъ раздачей милостыни.

А. Кохановскій.

III.

В Е Р Н У Л С Я .

Разсказъ Анни Ольдворсъ.

Переводъ съ англійскаго.

— Андрей Коршль сбѣжалъ съ Беллой,—заявилъ Давидъ Кирсти. Кирсти была занята печеніемъ булочекъ для пастора. Услышавъ это потрясающее извѣстіе, она всплеснула руками, и мука посыпалась на ея голову, какъ снѣгъ.

— Сбѣжалъ съ Беллой?—воскликнула она.

— Ну да,—спокойно подтвердилъ Давидъ.

— Какъ, ты говоришь, что Андрей оставилъ свою законную жену, Лизбетъ, и сбѣжалъ съ этой дѣвчонкой, Беллой?

— Этого я не говорилъ,—отвѣчалъ Давидъ такъ же спокойно, какъ и раньше.—Но, во всякомъ случаѣ, онъ уѣхалъ куда-то съ Беллой.

Кирсти мгновенно опустила на стулъ, закрыла лицо передникомъ и начала причитать:

— И онъ еще былъ членомъ прихода, Боже мой, Боже мой! Лизбетъ, навѣрное, будетъ теперь платить только за одно мѣсто въ церкви. Какой это будетъ ударъ для пастора! О Боже мой! Боже мой!..

Она не плакала, но, можетъ быть, ей хотѣлось, чтобы Давидъ подумалъ; что она плачетъ. Извѣстно, видъ женскихъ слезъ можетъ заставить мужчину надѣлать всякихъ глупостей, конечно, если плачущая женщина не жена ему. Но Давидъ не даромъ былъ женатъ 10 лѣтъ (не успѣлъ онъ похоронить свою бѣдную жену, какъ уже началъ ухаживать за Кирсти!) и въ совершенствѣ изучилъ всѣ женскія махинаціи. Поэтому онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея слезъ, и хранилъ молчаніе. Наконецъ онъ проговорилъ:

— А вѣдь булочки-то у тебя подгораютъ.

Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ фартукъ мгновенно слетѣлъ съ головы Кирсти, и она очутилась на колѣняхъ передъ печкой, вытаскивая булки и переставляя ихъ подальше отъ огня.

— Вотъ, ты всегда такая разиня,—съ негодованіемъ замѣтила она ему.—Сидишь, ничего не дѣлаешь, даже ничего не рассказываешь, и не можешь присмотрѣть за тѣмъ, чтобы булки не пригорѣли.

Давидъ обошелъ этотъ вопросъ молчаніемъ, и чтобъ направить ея мысли въ другую сторону, сказалъ:

— Пасторъ, должно быть, самъ скажетъ объ этомъ Лизбетъ.

— Да развѣ Лизбетъ еще ничего не знаетъ?—воскликнула Кирсти въ величайшемъ волненіи.

— Кажется, не знаетъ, а, можетъ быть, и знаетъ,—невозмутимо отвѣтилъ Давидъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ всѣ булки для пастора и его дочери были испечены, кухня прибрана и Кирсти, одѣтая въ воскресное платье, съ воскреснымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ (она знала, что ей придется употреблять его), отправилась въ путь въ сосѣднюю рыбацкую деревню Истгавенъ, гдѣ жила Лизбетъ. Кирсти была преисполнена сознаниемъ важности своей миссиі.

Въ деревнѣ царствовало нѣсколько необычное оживленіе: женщины на улицахъ собирались кучками и въ разговорахъ ихъ постоянно слышались имена Андрея и Беллы. Кое-гдѣ на улицѣ попадались и рыбаки, молча проходившіе мимо, заложивъ руки въ карманы, но Кирсти казалось, что даже дымъ изъ ихъ трубокъ клеймитъ позоромъ Андрея и Беллу.

Она прислушивалась ко всему, что говорилось кругомъ нея, но неуклонно продолжала свой путь между двумя рядами домиковъ, какъ будто бы она ничего не видѣла. Она замѣтила, что чѣмъ ближе подходила къ дому Лизбетъ, тѣмъ меньше слышится кругомъ говору и въ концѣ концовъ нельзя даже было замѣтить, что въ деревушкѣ случилось какое-нибудь выходящее изъ ряду событіе. Когда же, наконецъ, показался домъ Андрея Коршля—онъ стоялъ послѣднимъ на склонѣ холма,—Кирсти вдрогнула отъ радости, увидѣвъ Лизбетъ, сидящую у порога и занятую надѣваніемъ червяковъ на уочки Андрея; это обстоятельство доказывало, что Лизбетъ еще не знала о невѣрности своего мужа.

— Лизбетъ, Лизбетъ, бѣдная вы моя!.. я приношу вамъ печальныя вѣсти,—начала Кирсти, приложивъ платокъ къ одному глазу, а другимъ посматривая на свою собесѣдницу.

Лизбетъ подняла голову и по лицу ея Кирсти увидѣла, что она все знаетъ. Было очень досадно, что не ей первой пришлось сообщить печальную новость, но Кирсти уже не думала объ этомъ, пораженная страшною переменною въ лицѣ Лизбетъ.

— Лизбетъ, Лизбетъ!—только и могла она выговорить дрожащимъ голосомъ, въ которомъ звучало искреннее состраданіе. Платокъ выпалъ у нея изъ рукъ.

— Здравствуйте, Кирсти!—проговорила Лизбетъ вѣжливо.

— Я пришла узнать, какъ вы себя чувствуете,—сказала Кирсти, нѣсколько озадаченная ея тономъ.

— Благодарю васъ, я чувствую себя очень хорошо,—отвѣчала Лизбетъ также вѣжливо.

— Сегодня страшная жара,—сказала Кирсти, чувствуя, что на лбу у нея выступаетъ потъ.

— Да, очень жарко,—отвѣчала Лизбетъ,—въ этомъ мѣсяцѣ всегда бываетъ жарко.

Кирсти начинала сердиться. Она не ожидала такого обращенія и находила его въ высшей степени неприличнымъ. Но отступить ей еще не хотѣлось.

— А какъ Андрей поживаетъ? Онъ не былъ въ церкви прошлую субботу,—сказала она.

— Андрей здоровъ, благодарю васъ. А что дѣлается у васъ въ деревнѣ, какъ поживаетъ пасторъ, и миссъ Изабелла и ея маленькая собачка?

Кирсти поняла, что всякіе дальнѣйшіе распросы были бы излишни. Она подняла свой платокъ и протерла глаза, сказавъ, что ей нужно еще навѣстить знакомыхъ и поэтому она не можетъ тратить времени на разговоры. Возвращаясь обратно въ Скирне, она все время думала о томъ, какъ она отплатитъ Давиду за то, что онъ заставилъ ее разыграть такую дуру.

Послѣ этого инцидента Кирсти часто и много говорила о томъ, что Лизбетъ не по христіански несетъ тяжелый крестъ, возложенный на нее премудрымъ Провидѣніемъ.

Когда Лизбетъ насадила червяковъ на всѣ удочки, она свесла ихъ внизъ съ холма и положила въ лодку Андрея, какъ дѣлала это каждый день въ теченіе 10 лѣтъ.

Петеръ Коршль, братъ Андрея, сидѣлъ въ лодкѣ и выкачивалъ изъ нея воду. Нѣкоторое время онъ молча смотрѣлъ на Лизбетъ, потомъ сказалъ (онъ былъ извѣстенъ своей глупостью):

— Развѣ ты не знаешь, Лизбетъ?

— Знаю,—сказала она коротко:—худыя новости скоро узнаются.

— Я думаю, она просто какъ-нибудь околдовала его.

— Я тоже такъ думаю. Но, можетъ быть, ты поудишь на его удочки, пока онъ не вернется.

— Ну, ладно. Только онъ, навѣрное, не вернется.

— Онъ вернется,—сказала Лизбетъ.

Она повернулась и стала взбираться на холмъ такой же твердою поступью, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Ноги ея не дрожали, хотя она видѣла, что мальчишки на берегу смотрятъ на нее, и слышала, какъ они говорятъ про Андрея. Замѣчала она также, что и жены рыбаковъ на холмѣ смотрятъ на нее и говорятъ о румяныхъ щекахъ ея соперницы Беллы.

Ея лицо было совсѣмъ блѣдно, но она высоко держала свою голову, проходя мимо нихъ по дорогѣ къ своему дому. Когда она открыла дверь въ свою хижину, у нея захватило дыханіе при видѣ одежды Андрея; но она выпрямилась, повѣсила его одежду къ огню и поставила трубку около его стула.

Сдѣлавъ всѣ эти приготовления, она сѣла на полъ и посмотрѣла на пустой стулъ. Она не плакала, но въ глазахъ ея была смертельная таска и безнадежность.

Богѣе года не было никакихъ извѣстій объ Андрѣй и Беллѣ. Лизбетъ совсѣмъ извелась за это время. Она была гордой, молчаливой женщиной и никто изъ рыбаковъ не осмѣливался произнести имя Андрея Коршля въ ея присутствіи. Даже пасторъ, навѣстившій ее, долженъ былъ отступить передъ ея сдержаннымъ, безмолвнымъ горемъ. Кирсти рассказывала, что когда онъ началъ утѣшать Лизбетъ и ссылаться на «волю Божию», она посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала: «думается мнѣ, что грѣшная плоть и діаволъ богѣе прикладывали руки къ этому дѣлу, чѣмъ Господь».

— Вы правы, м-съ Коршль, вы совершенно правы,—поспѣшилъ отвѣтить пасторъ.

Не легко далась Лизбетъ вся эта исторія: отъ прежней благообразной женщины осталась кожа да кости. Она держалась въ сторонѣ отъ деревни и, кончивъ свою дневную работу, выходила изъ дому и подолгу смотрѣла на море, какъ будто ждала, что Андрей вернется къ ней.

Въ деревнѣ много говорили о томъ, что стулъ Андрея по прежнему стоитъ у огня и что Лизбетъ каждое утро надѣваетъ червяковъ на его удочки и чинить его сѣти, какъ будто бы Андрей не бросилъ ее и не уѣхалъ съ другой женщиной.

Весною прошелъ слухъ, что Андрей съ Беллой вернулись и поселились въ уединенно-стоящемъ домикѣ на Кэджерсъ-Родѣ.

Слухъ этотъ дошелъ и до Лизбетъ. Однажды утромъ, когда рыбаки и ихъ жены были на берегу, она одѣлась въ свое воскресное платье, вышла изъ деревни, никѣмъ не замѣченная, и отправилась въ Кэджерсъ-Родѣ.

Былъ ясный весенній день и Лизбетъ бодро шла своей дорогой, мысленно повторяя тѣ слова, которыя она скажетъ Андрею и которыя, по ея мнѣнію, должны вернуть его къ ней. Но когда вдали показался домикъ, къ которому она шла, сердце ея такъ забилося, что она принуждена была остановиться и прислониться къ стволу одной изъ сосенъ. Она не могла сдвинуться съ мѣста и оторвать глаза отъ дома, гдѣ жилъ Давидъ. Потомъ она услышала пѣсенку и увидала въ дверяхъ Беллу съ ребенкомъ. Ребенокъ смѣялся и прыгалъ на рукахъ у матери.

Лизбетъ смотрѣла на нихъ и вспоминала горечь своего долгаго,

безплоднаго ожиданія, вспоминала мучительные часы, когда она молила Бога о ребенкѣ, въ которомъ судьба ей отказывала. Она чувствовала, что не въ силахъ будетъ сдѣлать то, ради чего пришла, и продолжала неподвижно стоять, прислонившись къ стволу сосны.

А въ это время и Андрей подошелъ къ дому. Увидя отца, ребенокъ протянулъ къ нему свои ручки, и Белла перестала пѣть и смѣялась вмѣстѣ съ ними. Лизбетъ не знала, сколько времени она простояла такъ, не сколько времени она просидѣла потомъ одна въ лѣсу, въ борьбѣ со своей любовью.

Но уже наступили сумерки, когда она возвратилась въ деревню, принося обратно слова, которыя не были ею сказаны Андрею. Свѣтъ угасъ въ ея лицѣ и она выглядѣла теперь совсѣмъ старухой. Всю дорогу ее неотступно преслѣдовала одна мысль: «Боже мой, если бы у меня былъ ребенокъ! Если бы у меня былъ ребенокъ!»

Всю ночь буря бушевала на морѣ и шумъ волнъ, разбивающихся о скалы, не давалъ заснуть многимъ изъ женъ рыбаковъ.

Лизбетъ встала съ постели, зажгла лампу и поставила ее на окно.

— Андрей увидитъ свѣтъ и причалитъ сюда на своей лодкѣ,—думала она.

Она легла, но завыванія бури не давали ей заснуть, встала опять и принялась разводить огонь въ очагѣ.

— Сегодня ночью онъ не сможетъ вернуться на Кэджерсъ-Родъ,—говорила она себѣ.— Можетъ быть, онъ замѣтитъ свѣтъ въ моемъ окнѣ и придетъ сюда.

Одежда его, по обыкновенію, была разложена тутъ же и ждала его. Она взяла его куртку и стала грѣть ее передъ огнемъ.

— А можетъ быть, онъ и не выѣхалъ сегодня въ море,—думала она.— Можетъ быть, онъ спокойно спитъ себѣ въ постели.

Когда наступило утро, тихое, сѣрое и безмолвное, Лизбетъ все еще сидѣла у потухающаго огня. У нея не было силы подняться съ мѣста. Она слышала, что народъ бѣжитъ внизъ съ холма къ морю, слышала, какъ рыбаки перекликаются и зовутъ другъ друга къ кому-то на помощь, наконецъ услышала людей, приближающихся къ ея дому.

Тогда она встала съ своего мѣста.

— Это Андрей возвращается ко мнѣ,—проговорила она и широко раскрыла двери своей хижины. На порогѣ стоялъ Петеръ.

— Это Андрей,—сказалъ онъ.—Принести его сюда, или отнести къ Беллѣ?

Лизбетъ словно не замѣчала Петера и черезъ плечо смотрѣла на утопленника, котораго несли на холмъ.

— Принесите его сюда,—сказала она.

— Лодка, должно быть, перевернулась,—сказалъ Петеръ.—Его принесло сюда съ приливомъ; вѣроятно, скоро найдется и лодка.

Лизбетъ ничего не отвѣтила. Рыбаки внесли въ домъ Андрея и положили его на постель. Набралось много народу, женщины били себя въ грудь, плакали и причитали. Одна Лизбетъ оставалась спокойной. Она попросила всѣхъ уйти, заперла дверь на засовъ и осталась одна съ мертвецомъ.

Сухая одежда, которая столько времени ожидала Андрея, теперь понадобилась ему. Она одѣла его, гордясь тѣмъ, что онъ все-таки вернулся къ ней и что она обряжаетъ его въ могилу. Сидя около него, она думала только о томъ, что Андрей все-таки вернулся и что онъ теперь дома. И не сразу пришло къ ней сознание, что теперь она уже больше никогда не увидитъ его. Приближалась ночь, огонь въ очагѣ потухъ, присутствіе смерти леденило комнату. Дождь билъ въ окна, какъ будто кто-то стучался въ нихъ, и въ завываньяхъ вѣтра ей вдругъ послышался дѣтскій плачь. Она подошла къ двери, отворила засовъ и увидѣла передъ собою Беллу съ ребенкомъ.

— Впусти меня,—рыдая, проговорила Белла.

Лизбетъ впустила ее и зажгла свѣчу.

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ?—спросила она, съ ненавистью смотря на молодую женщину.

— Петеръ сказалъ мнѣ... и я хотѣла быть съ Андреемъ... О Лизбетъ, неужели это онъ лежитъ... Я не могу смотрѣть на него...

— Ты должна смотрѣть на дѣло рукъ своихъ,—сказала Лизбетъ.

— Нѣтъ!—рыдала Белла.—Это не Андрей. Я не могу смотрѣть на него.

— Это Андрей, который смертью искупилъ грѣхъ свой,—продолжала Лизбетъ неумолимо.—Дай мнѣ ребенка. Не нужно ему смотрѣть на покойника.

Она взяла ребенка съ рукъ Беллы и хотѣла подвести ее къ постели, но Белла не шла и продолжала плакать:

— Нѣтъ, я не могу смотрѣть на него. Это не Андрей. А правда, какъ мальчишка похожъ на него, Лизбетъ?

Лизбетъ хотѣлось прогнать изъ своего дома эту «безстыдную дѣвчонку», но ребенокъ удерживалъ ее. Его ручки обвились вокругъ ея шеи и прикосновеніе ихъ пробудило въ ней мать. Она отвернулась отъ Беллы, развела огонь и погрѣла немного молока для ребенка.

Пока она кормила его, Белла усѣлась на стулъ Андрея и протянула руки къ огню. Лизбетъ хотѣлось вскрикнуть, но она сдержалась, видя, что ребенокъ начинаетъ засыпать. Ей хотѣлось сказать Беллѣ, что она не смѣетъ сидѣть на этомъ стулѣ, на которомъ столько времени никто не сидѣлъ, но она молчала и чувствовала, что ея гордость и злоба таютъ, какъ снѣгъ, отъ прикосновенія маленькихъ теплыхъ рученокъ ребенка. Она не рѣшалась выпнать отъ себя ребенка въ такую холодную, дождливую ночь.

Белла подложила себѣ подъ голову платокъ и дремала, какъ уста-

лый ребенокъ. Смотри на ея заплаканное молодое лицо, Лизбетъ мало-по-мало начала смягчаться. Она переводила глаза съ матери на ребенка и ей вспомнились слова Беллы: «Мальчишка похожъ на своего отца». Пристально разглядѣвъ мальчишку, она убѣдилась, что это была правда. Тогда она поднесла ребенка къ покойнику и сравнивала его личико съ лицомъ Андрея. Грустно было смотрѣть на смерть рядомъ со сномъ, и на личико спящаго ребенка, такъ похожее на мертвое лицо отца.

Лизбетъ долго, долго смотрѣла на лицо Андрея, до тѣхъ поръ, пока ей не стало казаться, что лицо это сдѣлалось такимъ же, какимъ оно было десять лѣтъ тому назадъ; она видѣла передъ собою молодое загорѣлое лицо съ голубыми глазами и улыбающимся ртомъ, которое такъ любила.

Утромъ Белла проснулась и стала прощаться съ нею.

— Дай мнѣ ребенка,—сказала она.—Я уйду, пока еще не собрался народъ.

Но Лизбетъ крѣпко прижимала къ себѣ ребенка и не отрывала глазъ отъ его смѣющагося лица. Это было то самое лицо, которое вставало передъ ней сегодня ночью — молодое лицо Андрея, съ голубыми глазами и улыбающимся ртомъ.

— Дай мнѣ ребенка и я уйду,—повторила Белла.

Лизбетъ нагнулась надъ ребенкомъ и слезы брызнули у нея изъ глазъ.

— Нѣтъ, я не отпущу его,—сказала она.—Это Андрей вернулся ко мнѣ.

До сихъ поръ Кирсти и другія деревенскія кумушки не могутъ наговориться о новомъ скандалѣ и о неуваженіи къ памяти Андрея, которое обнаружила Лизбетъ, приютивъ у себя послѣ его смерти Беллу съ ребенкомъ.

Л. Давыдова.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(Продолженіе *).

XIV.

Р е а к ц і я.

Къ концу первыхъ двухъ недѣль пребыванія своего въ Борроунессъ Мона чувствовала себя совершенно истомленной и разбитой; это была чисто физическая реакція.

— Такъ и должно было быть послѣ слишкомъ бурнаго времяпрепровожденія въ Норвегіи,—говорила она себѣ, не желая сознаться, что постоянныя усилія приспособиться къ новымъ условіямъ жизни напрягали ея нервы больше, чѣмъ даже экзамены и занятія медициной.

Она мужественно боролась съ собою, но даже мало наблюдательная Рэчель не могла не замѣтить контраста между ея обыкновенно веселымъ обхожденіемъ и унылымъ, почти убитымъ выраженіемъ ея лица въ минуты покоя. Даже давно жданный приходъ разносчика съ полнымъ коробомъ разныхъ товаровъ и резиновой тесьмы, *inter alia*, не разогналъ ея апатіи. Еслибъ она могла проводить больше времени въ замкѣ Маклинъ, {какъ она окрестила одинокую скалу на берегу, ей жилось бы легче;} но погода стояла хорошая и Рэчель предприняла цѣлый рядъ скучныхъ послѣобѣденныхъ визитовъ.

День за днемъ онѣ одѣвались «во все лучшее» и выходили изъ дому, чтобы просидѣть часа два въ чьей-нибудь душевой, пропитанной запахомъ розовыхъ лепестковъ гостиниой, ухитряясь все время разговаривать буквально ни о чемъ. Въ другое время Мона и тутъ нашла бы себѣ забаву, но для угнетеннаго, подавленнаго состоянія духа такіе визиты плохое лѣкарство.

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

— По всей вѣроятности, будь у меня глаза, чтобы видѣть, всѣ эти люди оказались бы чрезвычайно интересными,—говорила себѣ Мона;— но теперь, прости Господи, они кажутся мнѣ скучными и безцвѣтными, какъ вода въ канавѣ.

Впечатлѣніе получилось, по всей вѣроятности, одинаковое съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ обычная живость Моны на время совсѣмъ покинула ее. Она могла только заставить себя отвѣчать на вопросы и быть любезной, насколько этого требовало приличіе—не больше. Нѣкоторые изъ новыхъ знакомыхъ, смутно помня, что отецъ ея былъ важнымъ человѣкомъ, относились къ ней съ преувеличенной почтительностью, но для большинства она была просто кузиной Рэчели Симпсонъ, содержательницы моднаго магазина, не игравшей никакой выдающейся роли въ борроуесскомъ обществѣ.

— Теперь осталось только съѣздить къ тетѣ Белль,—объявила наконецъ Рэчель,—но для этого надо подождать, пока м-ръ Хоггсъ выберетъ время прокатить насъ на своей машинѣ. Онъ всегда радъ услужить мнѣ.

— Кто такая тетя Белль?

— Она приходится мнѣ такъ же, какъ я вамъ, да и вамъ она дальняя родственница. Она совсѣмъ простая, вѣчно возится со своими коровами и курами; впрочемъ, баба толковая—одна управляетъ цѣлою фермой.

— Нѣчто вродѣ м-съ Пойзеръ?

— Не знаю, кто она такая.

— Не знаете м-съ Пойзеръ? О вы должны позволить мнѣ прогнать васъ о ней. Нынче вечеромъ мы кончимъ начатый разговоръ изъ «Воскресныхъ досуговъ», а завтра начнемъ м-съ Пойзеръ. Это замѣчательная вещь; мнѣ очень интересно будетъ узнать ваше мнѣніе.

Рэчель не слишкомъ-то вѣрила въ увлекательность книгъ, рекомендованныхъ Монай; но, разъ дѣло идетъ о фермершѣ, это должно быть по крайней мѣрѣ понятно, и по всей вѣроятности болѣе или менѣе интересно.

На слѣдующее утро Мона была одна въ магазинѣ. Ея искусные пальчики произвели волшебную перемѣну во всемъ окружающемъ, но въ эти минуты унынія ей казалось, что лучше было оставить все въ прежнемъ видѣ. «Еслибъ можно было произвести коренную реформу!—думала она съ горечью;—а то власть заллаты,—къ чему, къ чему?»

Зазвенѣлъ колокольчикъ, и вошелъ докторъ Дудлей. Мона обрадовалась ему. Такъ пріятно было увидеть человѣка, не похожаго на тѣхъ, съ кѣмъ ее въ послѣднее время сводила судьба.

— Добраго утра! Какъ поживаете?

— Добраго утра.

Мона не обратила вниманія на протянутую ей руку, но сама удивилась, что не прибавила къ своему отвѣту обычнаго «сэръ».

— Какъ я поживаю? Скучаю и хандрю до невѣроятія.

Онъ сочувственно сдвинулъ брови.

— Вотъ что? Чѣмъ же вы лѣчитесь отъ хандры?

— Онъ, кажется, намѣренъ прописать мнѣ лавровишневья капли,— подумала Мона.

— Ахъ, въ томъ-то и бѣда, что лѣкарства нѣтъ, — сказала она вслухъ. — Я недостаточно молода, чтобъ написать трагедію; остается издѣваться надъ собой и терпѣть.

— Вамъ бы прогуляться хорошенько, до усталости,—ласково посоветовалъ онъ;—это отлично разгоняетъ хандру.

— Сегодня не могу, но завтра отправляюсь пѣшкомъ по берегу за двадцать миль, — собирать растенія, — хотѣла было пояснить она, но удержалась.

— Смотрите не переутомите себя. Для непривычнаго человѣка двадцать миль слишкомъ много.

Глаза его съ восхищеніемъ остановились на ея фигурѣ, какъ двѣ недѣли тому назадъ глаза сагиба. Онъ думалъ о томъ, что, еслибъ лошадь его тетки была не такъ жирна, экипажъ не такъ тяжелъ и міръ вообще устроенъ иначе, онъ съ величайшимъ удовольствіемъ самъ усадилъ бы эту милую дѣвушку въ экипажъ и прокатилъ бы ее по окрестностямъ.

— Благодарю васъ, у меня была хорошая подготовка. Могу я вамъ предложить что-нибудь?

Мона хотѣла дать ему понять, что молодые люди не должны позволять себѣ заходить къ ней въ магазинъ только для того, чтобы поболтать.

Онъ вздохнулъ и чуть было не сказалъ, что ничего у нихъ нѣтъ такого, что могло бы ему пригодиться на будущее, но вмѣсто того, купилъ дюжину перьевъ—которыя были ему ужъ совсѣмъ не нужны— и не выказывалъ ни малѣйшаго желанія уходить.

— Душенька, подите-ка сюда, скорѣе!—встревоженнымъ голосомъ позвала ее Рэчель.—Сали порѣзала себѣ палець до кости.

— Позвольте,—сказалъ докторъ Дудлей, вынимая изъ кармана хорошенькій ящичекъ съ хирургическими инструментами.—Это, я думаю, больше по моей части, чѣмъ по вашей.

И онъ быстро прошелъ во внутренніе покои.

— Такъ ли?—вызывающе бросила ему вслѣдъ Мона, вынимая такой же ящичекъ изъ своего собственнаго кармана.—Такъ ли, докторъ? А ну-ка, пошѣряемся!

Она уже хотѣла пойти за нимъ, чтобы «подержать щипцы», но въ эту минуту зазвенѣлъ колокольчикъ и въ магазинъ вошли двѣ рыжеволосыхъ дѣвицы, одѣтыхъ пестро и безвкусно.

— Голубую ленту покажите,—томно протянула одна изъ нихъ, усильваясь копировать аристократку.

Мона поставила на прилавокъ ящикъ съ лентами; барышни быстро пересмотрѣли все, что въ немъ было.

— Нѣтъ, изъ этихъ ни одна не годится.

Мона поклонилась и поставила ящикъ обратно на полку.

— Неужели же это все, что у насъ есть? Ленты даже несвѣжія. Нѣкоторыя выпцѣли.

— Совершенно вѣрно,—спокойно выговорила Мона. — Въ другомъ мѣстѣ вы, вѣроятно, получите, что вамъ требуется.

— Я говорила тебѣ, Матильда, что не стоитъ и спрашивать. Развѣ здѣсь можетъ быть что-нибудь порядочное,—вмѣшалась старшая изъ барышень, обводя лавку презрительнымъ взглядомъ. — На-дняхъ па сvezetъ насъ въ Сентъ-Рульсъ. Тамъ есть порядочные магазины.

— На-дняхъ! Да вѣдь лента-то мнѣ нужна сегодня къ вечеру. Покажите еще разъ.

Барышня выбрала наименѣе плохую изъ лентъ и принялась разсматривать ее критически.

— Неужели ты возьмешь это, Матильда? Этотъ цвѣтъ носить всѣ лавочницы.

Матильда подтолкнула сестру локтемъ и обѣ должны были употребить надъ собою усиліе, чтобы сохранить свое достоинство и не хихикнуть. Онѣ украдкой покосились на Мону: къ счастью, та какъ будто не слыхала ихъ маленькаго *a parte*. Младшая барышня оправилась первая.

— Я возьму два аршина вотъ этой,—сказала она, стараясь наверстать потерянное усиленной официальнойностью тона, и, не справляясь о цѣнѣ, бросила на прилавокъ полсоверена.

Мона только что отдала ей ленту и сдачу, какъ вошла Рэчель и засыпала барышень любезностями и разспросами обѣ ихъ «па» и «ма». Мона отошла на другой конецъ магазина и принялась подбирать шерсти къ узору.

— У васъ новая помощница, миссъ Симпсонъ?—покровительственно освѣдомилась Матильда.

— Да! я ужъ такъ рада; кстати, она мнѣ и родственница,—миссъ Маклинъ.

Для Рэчели это было равносильно формальному представленію, но Мона такъ углубилась въ свое занятіе, что даже не подняла глазъ.

— Ну-съ, могу вамъ доложить, что рана самая пустая,—сказалъ надъ ея ухомъ бархатный голосъ доктора Дудлея, который, вернувшись въ магазинъ, направился прямо къ Монѣ. — Надѣюсь, вы довольны? До свиданія.

Онъ снова сердечно протянулъ ей руку, и хотя это показалось Монѣ немножко забавнымъ послѣ давешняго щелчка, на этотъ разъ она не могла не дать ему своей: она оцѣнила побужденіе, руководившее имъ.

И рука была такая, которую пріятно взять,—теплая, «живая», съ братски-ласковымъ и не нахальнымъ пожатіемъ.

Но на прощальный привѣтъ его Мона отвѣтила громкимъ и внятнымъ:
— До свиданія, сэръ.

— Чортъ побери! — выругался онъ про себя — эта дѣвушка горда, какъ Люциферъ. Она могла бы оставить «сэръ» разъ навсегда.

Изъ этого читатель можетъ видѣть, что докторъ Дудлей слышалъ часть предшествовавшаго разговора, угадалъ остальное и рѣшилъ, изъ дружескаго расположенія къ Монѣ, разыграть роль *deus ex machina*.

Онъ вышелъ выйтѣ съ рыжеволосыми барышнями.

— Вы знаете, что эта молодая особа родственница миссъ Симпсонъ? — спросила одна изъ нихъ.

— Знаю.

— А важничаетъ, будто герцогиня какая, — встала другая сестра.

Докторъ Дудлей промолчалъ. Ему очень хотѣлось сказать, что Мона и въ роли герцогини была бы на своемъ мѣстѣ, но это было бы преувеличеніемъ; при томъ же не слѣдуетъ сразу раскрывать свои карты.

— А все-таки тебѣ не надо было говорить при ней о лавочницахъ.

— Вотъ еще! Велика бѣда! Ее не мѣшаетъ немножко осадить.

Дудлей воспользовался случаемъ.

— Ахъ, миссъ Куксонъ, опасная это штука — осаживать людей. Самъ я никогда на это не отваживаюсь. Такія вещи нужно дѣлать очень деликатно, умѣючи, а то какъ разъ попадешь въ просакъ и, вмѣсто того, чтобы осадить другого, самъ сядешь въ лужу. Честь имѣю кланяться.

Онъ приподнял шляпу и быстро зашагалъ въ противоположную сторону.

— Гдѣ у васъ были глаза? — возмущалась Рэчель послѣ ухода покупательницъ. — Миссъ Куксонъ хотѣла проститься съ вами за руку, а вы и не подошли. Это у насъ здѣсь первыя богачихи.

— Очень вамъ благодарна, душа моя, — спокойно возразила Мона, — но вѣдь всему есть границы. Если у вашихъ клиентокъ манеры хуже, чѣмъ у свиньи м-рсь Сандерсонъ, я приложу всѣ старанія, чтобы угодить имъ, но должна отклонить отъ себя честь личнаго съ ними знакомства.

Это былъ камешекъ въ огородъ Рэчели. Изъ всего, что ей приходилось выносить въ Борроунессѣ, ничто такъ не раздражало Мону, какъ работливая угодливость и заискиваніе кухни передъ людьми, которыхъ она считала выше себя; при этомъ Мона почти неизбѣжно должна была впадать въ другую крайность, изъ мучительнаго страха, какъ бы ее не заподозрили въ подобной же низости.

— И чего она лебезитъ передъ ними? — съ горечью думала про себя Мона. — Вѣдь я увѣрена, что эти барышни даже не поклонились бы ей при встрѣчѣ въ Сентъ-Рульсѣ. Почему она не можетъ смотрѣть на нихъ только какъ на клиентокъ?

XV.

Ботаники.

На другое утро, сейчас же послѣ завтрака, Мона, запасшись ножикомъ, сумкой и старой истрепанной ботаникой Гукера, вышла изъ дому и скорымъ шагомъ направилась къ дюнамъ. Вопреки ожиданіямъ, погода все еще стояла хорошая; щеки Моны зарумянились отъ ходьбы; мрачныя тучи, давившія ея душу, растаяли, какъ горные туманы на солнцѣ

Собирать растенія оказалось не такъ-то легко: всѣ они уже обстѣмелились; у многихъ не оставалось никакого слѣда цвѣторасположенія, ни малѣйшаго блѣднаго прицвѣтника, по которому можно было бы опредѣлить ихъ генеалогію. Но Мона была не новичекъ въ этомъ дѣлѣ, и сумка ея постепенно наполнялась. Къ тому же, она была въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа и готова мириться со всѣмъ. Дойдя до восточной границы графства, она постояла минуту на берегу, у самой воды, испытывая то же чувство восторга и гордости собственницы, какое она испытывала на горной тропинкѣ въ Нэродалѣ.

Вдругъ ей бросились въ глаза какіе-то ярко пурпуровыя цвѣты. *Eldorado yo he trobado!*—воскликнула она.—Ей-Богу, это кажется морская резеда!—Мона поспѣшила сорвать растеніе, присѣла отдохнуть на утесъ и развернула пакетъ съ бутербродами, все время напѣвая, какъ она всегда дѣлала, когда была одна и въ хорошемъ расположеніи духа. О выборѣ словъ и о томъ, чтобы они соответствовали мѣсту и настроенію, она не всегда заботилась и теперь, увлекшись, совсѣмъ громко повторила прицѣвъ модной пѣсенки:

«Скоро поидеть онъ вѣнчаться съ Юмъ-Юмъ»,

какъ вдругъ какое-то неловкое ощущеніе заставило ее обернуться. О ужась! Невдалекѣ стояли двое мужчинъ и съ любопытствомъ глядѣли на нее, улыбаясь.

Одинъ изъ нихъ былъ пожилой, съ рыжими баками, самой обыкновенной наружности; другой—молодой, блѣдный, грустный и интересный. У обоихъ сумки были еще болѣе потертыя, чѣмъ у Моны, и замѣтно пострадавшія отъ непогоды.

Мона покраснѣла до корней волосъ, но въ то же время засмѣялась, чтобы скрыть свое смущеніе, и наклонилась надъ бутербродами.

Пожилой господинъ приподнял шляпу и дружески поклонился ей, говоря:

— Еслибъ не современный характеръ вашей пѣсенки, я принялъ бы васъ за нимфу здѣшнихъ береговъ.

— Въ такомъ просвѣщенномъ графствѣ даже нимфы береговъ должны идти наравнѣ съ вѣнкомъ,—съ важностью возразила Мона.

— Совершенно вѣрно. Я забылъ, гдѣ я. Что же, нимфа здѣшнихъ береговъ нашла здѣсь что-нибудь интересное?

— Особенно рѣдкаго ничего, но много новаго для меня. Ахъ, кстати, я нашла рѣдкій видъ кресса на какомъ-то пустырьѣ близъ Кильвинни. Что, онъ здѣсь часто встрѣчается?

— *Thlaspi arvense*?—недовѣрчиво освѣдомился пожилой господинъ, поглядѣвъ на своего блѣднаго спутника.

Тотъ покачалъ головой.

— Я нигдѣ не встрѣчалъ его по сосѣдству.

— А я убѣждена, что это онъ и есть,—съ живостью возразила Мона, роясь въ своей сумкѣ и доставая оттуда широкіе, плоскіе зеленые листики «копѣчнаго» кресса.

— Совершенно вѣрно!—съ торжествомъ воскликнулъ пожилой господинъ.—Вы видите?

— Д-да. Странно, что мнѣ онъ ни разу не попался,—и такъ близко отъ Кильвинни!

Всѣ трое принялись съ интересомъ и любопытствомъ сравнивать свои находки.

— Мы хотѣли пройти еще дальше,—сказалъ наконецъ пожилой господинъ.—Вы тоже собираете растенія; не пойдете ли и вы вмѣстѣ съ нами?

Мона охотно согласилась, и они прошли берегомъ еще нѣсколько миль, затѣмъ свернули къ Кильвинни.

— Вы, вѣроятно, не занимались микроскопическими изслѣдованіями растеній?—неожиданно спросилъ пожилой господинъ.

Съ точки зрѣнія Рэчели это значило вступить на опасную почву, но кривить душой Монѣ не хотѣлось; новые знакомцы не смотрѣли жѣсткими обывателями; можетъ быть, она никогда больше и не встрѣтится съ ними.

— Нѣтъ, я училась немножко,—сказала она.—Я прошла курсъ ботаники.

— Вотъ какъ! Смѣю спросить: гдѣ?

— Въ Лондонѣ.—И такъ какъ онъ продолжалъ глядѣть на нее вопросительно, она пояснила:—Въ университетской коллегіи.

Когда они дошли до Кильвинни, старшій изъ двухъ мужчинъ остановился и протянулъ руку Монѣ.

— Мнѣ очень жаль, что я не могу проводить васъ домой, но меня ждутъ съ обѣдомъ въ гостинницѣ, а вечеромъ я уѣзжаю въ Лондонъ. Если вамъ случится опять пріѣхать туда, мы съ женой будемъ искренно рады видѣть васъ у себя.

И онъ подалъ ей свою карточку. О ея имени онъ не справлялся, по той простой причинѣ, что еще раньше прочелъ его на заглавномъ листкѣ ея *Флоры*.

Карточка сказала Монѣ, что она провела нѣсколько часовъ въ обществѣ знаменитаго ученаго, пользующагося европейской извѣстностью.

— Это рыжий, — подумала она; — но кто же черный и почему онъ не далъ мнѣ своей карточки?

Она шла скорымъ шагомъ и только когда вдали блеснули киркстоунскіе огни, замѣтила, что уже совсѣмъ стемнѣло. Проходя мимо почтовой конторы, она мелькомъ увидѣла группу мужчинъ у прилавка; — въ Киркстоунѣ почтовая контора помѣщалась въ бакалейномъ магазинѣ и въ то же время замѣняла клубъ. Кстати, за конторкой сидѣла злая сморщенная старушонка, дѣвственнаго слуха которой не могла оскорбить безперемонная болтовня мужчинъ.

Мона не успѣла отойти на нѣсколько шаговъ, какъ ее нагналъ докторъ Дудлей.

— Какъ вы поздно?

— Да, но я такъ чудно провела время.

— Вы устали?

— Да, но это здоровая усталость.

— Хандра прошла?

— О да! Въ сущности она ужъ начала проходить вчера, когда я встрѣтилась съ вами, а то я не заговорила бы о ней.

— Бѣдняжка! — подумалъ онъ про себя, дивясь, какъ это она ухитрялась не тосковать въ такой ужасной обстановкѣ.

— Вы вѣдь не обидѣлись вчера на этихъ вульгарныхъ дѣвицъ? — спросилъ онъ, помолчавъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что сдѣлалъ неловкость.

Она не сразу поняла, о чемъ онъ говоритъ, а когда поняла, широко раскрыла глаза отъ удивленія.

— О нѣтъ! За что же мнѣ обижаться? У меня нѣтъ съ этими дѣвушками ничего общаго. Ни мнѣніе ихъ обо мнѣ, ни ихъ невоспитанность не могутъ оскорбить меня.

— Вы очень разумно смотрите на это.

— Не знаю даже, правилень ли такой взглядъ. Очень возможно, что ихъ вульгарность чисто поверхностная. Я думаю, тысячи такихъ дѣвушекъ ждутъ только женщины съ душой, которая взялась бы руководить ими и разбудила бы душу въ нихъ самихъ. Что же имъ дѣлать, если жизнь ихъ совершенно лишена идеаловъ?

Онъ мысленно перебралъ всѣхъ женщинъ въ окрестности и не нашелъ ни одной, способной выполнить подобную функцію.

— Какая жалость, что онѣ не могутъ видѣть *васъ*, какая вы есть, — молвилъ онъ, взглядываясь въ смутный очеркъ ея лица, выступавшій изъ темноты. — Женщинъ съ душой не такъ-то много на свѣтѣ.

— Можетъ быть, лучше было бы, еслибъ я могла видѣть себя такой, какой онѣ меня видятъ, — выговорила задумчиво Мона. — Въ сущности, мы изучаемъ свою жизнь, какъ скандируемъ свои собственные стихи: подчеркиваемъ хорошіе, а плохіе читаемъ скороговоркой. Вы вынуждаете меня сознаться, что, послѣ ухода этихъ барышень, я

отзывалась о нихъ очень дурно и не имѣю даже такого оправданія, какъ онѣ. Онѣ еще куколки—я уже нѣтъ, и, можетъ быть, изъ нихъ выйдутъ лучшія бабочки, чѣмъ изъ меня. Даже женщина не можетъ сказать, что выйдетъ изъ дѣвухи.

Онъ засмѣялся.

— У нихъ это въ крови... Мать ихъ для меня идеаль вѣднрности и претенціозности.

— Бѣдныя дѣти!

— И лучше всего то, что она начала свою карьеру скромной моди...

Онъ запнулся на полусловѣ, и кровь бросилась ему въ лицо.

— Какъ вы сказали?—спокойно переспросила Мона.

— *Модисткой*, — докончилъ онъ, съ силой отшвырнувъ отъ себя камень, попавшійся ему подъ ногу. Онъ готовъ былъ приколотить себя за свою глупость.

— Неужели вы боялись оскорбить меня этимъ словомъ? Неужели такъ трудно допустить на вѣру, что у человѣка и душа человѣческая?..

На этотъ разъ онъ проводилъ ее до самыхъ дверей. Правда, было темно, но мы склонны думать, что онъ сдѣлалъ бы то же и среди бѣлаго дня; вернувшись домой, онъ ужъ больше не разспрашивалъ тетку о «племянницѣ миссъ Симпсонъ».

XVI.

Машина Джона Хоггса.

— Онъ удивительно *simpatico*, — говорила себѣ на другое утро Мона.—Я, кажется, не встрѣчала еще человѣка, который бы такъ легко понималъ съ полуслова, которому не надо ни разъяснять мои туманныя изреченія, ни разводить молокомъ мои блестящія метафоры. Съ такимъ человѣкомъ пріятно «витать въ вѣчныхъ сферахъ», но я все-таки люблю, чтобы въ мужчинѣ было больше «здороваго животнаго».

И въ памяти ея, словно солнечный лучъ, мелькнулъ образъ милого, братски преданнаго ей сагиба.

— Кто такой можетъ быть мой другой спутникъ?—спрашивала она себя, взбивая подушки. — Ассистентъ профессора или, пожалуй, тоже профессоръ, но во всякомъ случаѣ ученый; это насквозь человѣкъ науки, отъ кончика молчаливаго языка до кончиковъ пальцевъ.

Не мало удивилась бы Мона, еслибъ увидала предметъ своихъ размышленій часа два спустя. Онъ сидѣлъ за конторкой лучшей мануфактурной лавки въ Кильвинни, склонивъ голову на руку, въ позѣ, выражавшей глубокое уныніе. Мона была права, говоря, что это «насквозь человѣкъ науки»; по натурѣ онъ былъ человѣкомъ науки, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ самъ знаменитый профессоръ, но рокъ судилъ ему жить въ маленькомъ, узкомъ міркѣ, гдѣ на его научныя занятія смотрѣли

какъ на забаву, ставили ихъ на одну доску съ запусканіемъ змѣя и стрѣльбой въ дѣль; гдѣ ему приходилось платить за ученіе въ Сентъ-Рульской коллегіи изъ собственныхъ карманныхъ денегъ, и производить опыты въ полуразвалившейся тепличкѣ на глухомъ концѣ сада; гдѣ, наконецъ, онъ, двадцати лѣтъ отъ роду, остался сиротой, съ четырьмя взрослыми сестрами на шеѣ, которыхъ онъ обязанъ былъ содержать.

Живи они лѣтъ тридцать спустя, или въ менѣе глухой сторонѣ, сестры, вѣроятно, какъ-нибудь устроились бы сами, предоставивъ брату полную свободу завоевать себѣ славное имя, или умереть съ голоду на чердакѣ надъ своими травами, смотря по тому, какъ рѣшится судьба; но въ данномъ случаѣ, никому изъ пятерыхъ даже и въ голову не приходила подобная мысль, хотя всѣ сестры достаточно учились музыкѣ, рисованію и французскому языку, чтобы быть разборчивыми невѣстами.

Юноша былъ рожденъ для терпѣливаго, упornaго и систематическаго научнаго труда; онъ и самъ сознавалъ это, но когда у человѣка четыре сестры на рукахъ, а денегъ въ банкѣ ровно столько, чтобы хватило на доктора и на похороны, научныя изысканія представляются прискорбно-смутнымъ и неопредѣленнымъ источникомъ дохода. Иное дѣло уже налаженная торговля краснымъ товаромъ: тутъ, по крайней мѣрѣ, есть отъ чего «пожизниться».

Онъ спряталъ въ карманъ свои планы и взялся за аршинъ, безъ громкихъ фразъ, не жагуясь на свою участь даже самому себѣ.

Онъ настолько умѣлъ поставить себя съ сестрами, что его микроскопъ, *hortus siccus* и коллекціи занимали почетное мѣсто въ домѣ, а не валялись по угламъ; за пятнадцать лѣтъ онъ приобрѣлъ громкую извѣстность среди посвященныхъ, какъ величайшій авторитетъ относительно фауны и флоры данной части графства: но въ послѣднее время онъ сталъ заниматься своимъ любимымъ дѣломъ рѣже и скорѣе по дилеттантски, чѣмъ какъ настоящій ученый. Порою, когда проѣзжіи натуралисты обращались къ нему съ разспросами относительно того или другого вида, или просили съпутствовать ему въ ботанической экскурсіи, почитая это за великую для себя честь и счастье;—во время самыхъ прогулокъ, когда разговоръ заходилъ о новыхъ теоріяхъ, волновавшихъ ученый міръ, онъ чувствовалъ подъемъ духа и снова загорался страстной преданностью наукѣ, но не надолго. Въ общемъ, къ великой радости его сестеръ, онъ постепенно превращался въ добраго, солиднаго бюргера, заѣдающаго въ городской думѣ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, имѣющаго всѣ шансы получить въ будущемъ мѣсто городского головы и не находящаго времени на такія вздорныя занятія, какъ ловля бабочекъ и собираніе растений.

На вопросы знакомыхъ онъ отвѣчалъ обыкновенно, что, въ сущности, онъ избралъ благоую часть. О такихъ минутахъ, какъ эта, когда

самая мысль о почестяхъ и карьерѣ тяготила его, когда онъ рисовалъ себѣ яркими красками иную жизнь, которая могла бы быть его удѣломъ, онъ не рассказывалъ никому.

Въ данный моментъ онъ думалъ о старомъ профессорѣ, прїѣзду котораго онъ страшно обрадовался, и еще больше думалъ о Монѣ Маклинѣ. Въ жизни все относительно. Десятки мужчинъ, встрѣтившись съ Моной одинъ разъ, въ другой разъ, пожалуй, и не взглянули бы на нее. Въ Лондонѣ, въ большомъ свѣтѣ, она, можетъ быть, прошла бы совсѣмъ незамѣченной; но въ скучной одинокой жизни м-ра Броуна она промелькнула блестящимъ метеоромъ. Онъ не могъ бы даже сказать, чѣмъ она такъ привлекла его, какими чарами. Тутъ было всего повсѣмному: ея миловидность — хотя онъ боялся хорошенькихъ женщинъ, ея веселая пѣсенка — хотя онъ презиралъ легкомысленныхъ женщинъ; ея знаніе ботаники — хотя онъ насмѣхался надъ учеными женщинами; наконецъ, ея разговорчивость и свободное обращеніе, — хотя онъ ненавидѣлъ въ женщинѣ излишнюю смѣлость. Мона ни капельки не походила на туманный образъ подруги жизни, который порою рисовался ему въ мечтахъ, а между тѣмъ — между тѣмъ, куда онъ ни посмотритъ, всюду чудится ему она, сидящая на камнѣ, съ отблескомъ морской зыби въ очахъ — настоящая нимфа берега, какъ сказалъ профессоръ. Онъ даже пытался было напѣвать фальшивымъ баскомъ:

«Скоро пойдетъ онъ вѣнчаться съ Юмъ-Юмъ».

Но это было уже *reductio ad absurdum*; поймавъ себя на этомъ невинномъ занятіи, онъ нахмурился и послѣшилъ углубиться въ провѣрку счетовъ.

Ему и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что она недоступна для него. Вѣдь она — настоящая леди, — не то, что его сестры; это видно съ перваго взгляда. Что извѣстный профессоръ далъ ей свою карточку — это вполне понятно и умѣстно, но кто такой онъ, — сукощикъ изъ Кильвинни, чтобы рассчитывать на вторую встрѣчу?

А между тѣмъ вторая встрѣча была гораздо ближе, чѣмъ предполагали онъ или Мона.

— Ну-съ, сегодня послѣ обѣда мы поѣдемъ къ теткѣ Белль, — объявила на другой день Рэчель. — М-ръ Хоггсъ ѣдетъ въ Кильвинни по дѣламъ и обѣщавъ довести насъ до Бальбѣрви, если мы согласимся подождать его полчаса въ городѣ. А мнѣ какъ разъ нужно бы купить пару половиковъ у м-ра Броуна; у него этотъ товаръ, навѣрное, лучшаго качества, чѣмъ здѣсь, или въ Кильвинни; вотъ мы и пождемъ въ лавкѣ, пока м-ръ Хоггсъ управится со своими дѣлами.

— Но найдется ли у него свободное время, чтобы свезти насъ? — озабоченно спросила Мона.

Она знала, что Рэчель отлично могла бы себѣ позволить нанять экипажъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить на даровщинку.

— Опъ всегда радъ случаю поболтать съ тетей Белль и полакомиться бисквитами съ битыми сливками. Она мастерица печь бисквиты.

Это было очень великодушно со стороны Рэчели, такъ какъ у нея самой бисквиты выходили всегда жесткіе и съ закаломъ, и, хотя этого она, понятно, не знала, были своего рода испытаніемъ для Моны.

— Но, дорогая, между нами говоря, мы страшно забросили лавку.

— О, это ничего; Салли отлично справится и безъ насъ. Надо дать ей только время вымыть посуду. Она будетъ даже очень довольна, что найдется, съ кѣмъ посудачить. Да и не всегда же мы будемъ ходить по гостямъ. Теперь намъ начнутъ отдавать визиты, а потомъ будутъ приглашать насъ на чай.

Мона заставила себя ласково улюбнуться, хотя эта перспектива вовсе не прельщала ее.

Въ половинѣ третьяго м-ръ Хоггсъ заѣхалъ за ними на своей «машинѣ». Машина, какъ извѣстно, слово растяжимое и допускающее различныя толкованія, но въ данномъ случаѣ оно обозначало самую заурядную телѣжку, въ какихъ торговцы развозятъ товаръ. Безспорно, она была небольшая, чистенькая и крашенная, но все же, при взглядѣ на нее, никто не усумнился бы, что это именно тотъ родъ экипажа, который Люси назвала бы «обыкновенной или садовой» телѣгой. Рэчель и Мона не безъ труда вѣзли въ нее и покатали по Киркстоунской дорогѣ. У выѣзда они повстрѣчали доктора Дудлея. Тотъ, по своей близорукости, и не узналъ бы ихъ, но Рэчель наклонилась впередъ и закивала ему головой; онъ приподнял шляпу и прошелъ мимо.

Они съ грохотомъ промчались по улицамъ Киркстоуна, мимо почты, кожевеннаго завода, церкви и другихъ общественныхъ зданій, и благополучно доѣхали до Кильвинни, гдѣ м-ръ Хоггсъ любезно высадилъ ихъ передъ лавкой м-ра Броуна.

И здѣсь Мона увидала своего «профессора» съ аршиномъ въ рукѣ, отмѣривающимъ двѣнадцать аршинъ лилового ситцу на платье для покупательницы-служанки; а суконщикъ узрѣлъ свою очаровательную принцессу, свою нимфу берега граціозно выѣзжающей изъ телѣжки Джона Хоггса.

М-ръ Броунъ зналъ Рэчель Симпсонъ. Она не въ первый разъ заѣзжала къ нему за покупками, по дорогѣ къ теткѣ Белль; сестры его часто подсмѣивались надъ ея вычурными костюмами, а разнощикъ потѣшалъ его комическими разсказами о томъ, какъ она торгуетъ въ лавкѣ.

Надо помнить, что лавка м-ра Броуна представляла собой нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ «магазинъ» Рэчели Симпсонъ. Она была въ изобиліи снабжена хорошимъ товаромъ и состояла подъ покровительствомъ всѣхъ истинно уважающихъ себя людей въ цѣлой округѣ. Здѣсь не торговались, не продавали «дешевки». Здѣсь держались коммерческихъ традицій добраго стараго времени, когда люди искали добротныхъ и

носкихъ тканей, не боящихся ни стирки, ни чистки. Здѣсь не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы «запереть дверь,—и пусть всѣ видятъ, что мнѣ нѣтъ надобности держать магазинъ». Прощѣтаніе такой лавки человѣкъ могъ смѣло поставить главной задачей и цѣлью своего существованія.

Высаживаніе Рэчели заняло довольно много времени, но въ концѣ концовъ она благополучно выгѣзла изъ телѣжки, и м-ръ Хоггсъ отправился дальше, пообѣщавъ заѣхать за ними черезъ полчаса.

Бѣдная Рэчель была не мало польщена любезнымъ пріемомъ, который ей оказалъ самъ хозяинъ. Наскоро передавъ аршинъ и ситецъ «молодому человѣку», онъ пошелъ къ ней навстрѣчу, правда, путаясь и сбиваясь въ словахъ, но съ протянутой рукой и весь сіяя улыбкой. А вѣдь на будущій годъ его, чего добраго, выберутъ городскимъ головой!

— Это моя кухня, миссъ Маклинъ.

М-ръ Броунъ буквально остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Мы, кажется, встрѣчались раньше,—сказала Мона, тоже не мало удивленная, пожимая протянутую ей руку.—Кухина, это одинъ изъ джентльменовъ, которые помогали мнѣ собирать растенія.

Рэчель даже сконфузилась.

Нужно было все ея уваженіе къ «хорошему тону», чтобы удержаться и не высказать Монѣ напрямикъ своего мнѣнія обо всемъ этомъ мусорѣ, который она натащила домой послѣ цѣлаго дня скитаній, ужъ не говоря о томъ, что *мужчина*, способный заниматься подобнымъ вздоромъ, въ глазахъ Рэчели, былъ прямо жалокъ. Однако, это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ купцомъ, а на будущій годъ его, пожалуй, выберутъ городскимъ головой!

Притомъ же онъ такъ сердечно, такъ дружески относится къ ней,—уже это одно можетъ искупить множество грѣховъ. Какъ только Рэчель выбрала половики, онъ сбѣгалъ наверхъ и вернулся съ совершенно неожиданнымъ приглашеніемъ отъ сестеръ. Не угодно ли миссъ Симпсонъ и ея кузинѣ подняться наверхъ и подождать въ гостиной? Впоследствии, когда Мона ближе узнала семейство Броунъ, она не мало дивилась, какимъ образомъ ему удалось добиться этого приглашенія.

Онѣ пошли наверхъ и встрѣтили очень радушный пріемъ. М-ръ Броунъ былъ дико счастливъ и совершенно неспособенъ выказаться въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Онъ безцѣльно бродилъ по комнатѣ показывая Монѣ то то, то другое, и напрасно стараясь выговорить хоть одну связную фразу.

— Нельзя ли чайку?—обратился онъ громкимъ шепотомъ къ одной изъ сестеръ.

— Благодарствуйте!—вмѣшалась Рэчель, причемъ все лицо ея наполнилось въ широкую улыбку;—это очень мило съ вашей стороны. очень любезно, но мы собираемся къ м-съ Иссонъ и не хотимъ портить себѣ аппетита.

— Вы долго здѣсь пробудете?—спрашивалъ суковщикъ у Моны.

— По всей вѣроятности, вѣскозько мѣсяцевъ.

— И вы намѣрены продолжать свои ботаническія экскурсіи?

— О да,

— На берегу есть кое-что интересное, только подальше того мѣста, откуда мы повернули. Не хотите-ли какъ нибудъ пойти вмѣстѣ съ моей сестрой и со мной?

— Отчего же! Съ большимъ удовольствіемъ!—искренно обрадовалась Мона.—Несравненно удобнѣе искать растеній съ человѣкомъ, который знаетъ мѣстность.

— Такъ мы это устроимъ какъ-нибудь; надо будетъ назначить день;—онъ вздохнулъ;—только въ долгій ящикъ откладывать не слѣдуетъ: теперь осень.

Въ это время къ крыльцу подкатила телѣжка м-ра Хоггса. Суковщикъ вышелъ на улицу вслѣдъ за своими гостями и помогъ имъ уѣхать.

— Да онъ сдѣлался настоящимъ кавалеромъ,—засмѣялась Рэчель, когда онѣ отѣхали настолько далеко, что м-ръ Броунъ не могъ ихъ слышать.—Интересно знать, что скажутъ его сестры, если онъ вдругъ возьметъ, да и женится!

XVII

Тетя Белль.

Колые лучи заходящаго солнца обливали мягкимъ свѣтомъ старую ферму съ просторнымъ гумномъ и аккуратно сложенными возлѣ него скирдами; тѣни смягчились и приняли темно коричневую окраску, когда, наконецъ, лошадка м-ра Хоггса остановилась у садовой калитки. Не успѣли онѣ сойти, какъ тетя Белль выбѣжала имъ навстрѣчу. Это была маленькая сторбленная старушка нѣскольکو страннаго вида; живые выразительные глазки ея зорко оглядывали посѣтительницъ сквозь золотые очки. Сила характера сказывалась въ каждой чертѣ ея лица и фигуры, даже въ некрасивомъ чепцѣ, сѣромъ камлотовомъ платьѣ и бѣлоснѣжномъ передникѣ.

— Э, да это Рэчель Симпсонъ! Милости просимъ. Дикъ подержить лошадку.

— Это моя кузина, миссъ Маклинъ.

— Мона Маклинъ,—поправила обладательница этого имени.

Тетя Белль взяла ее за руку и принялась разглядывать совершенно безцеремонно, точно лошадь или корову, причеиъ складка между бровями на лицѣ самой старухи обозначилось глубже.

— Эге, да она похожа на отца. Смотрите-ка,—носъ, подбородокъ...

— Д-да,—коротко отозвалась Рэчель Она не любила говорить объ отцѣ Моны.

— Почему ты до сихъ поръ не замужемъ?—строга пролжала тетя Белль все не выпуская руки Моны.

— «Передовыя женщины въ наше время не выходятъ замужъ, сэръ, сказала она»,—мелькнули знакомыя слова въ головѣ Моны, но она перефразировала ихъ:—Теперь не выходятъ замужъ. Это вышло изъ моды.

Лицо тети Белль утратило суровое выраженіе.

— Смотри! Явится какой-нибудь добрый молодецъ и...

— И тогда вы будете танцовать на моей свадьбѣ?

— А ужъ буду!—И тетя Белль тутъ же на порогѣ исполнила какое-то необычайное *pas seil*, затѣмъ круто повернулась и снова сурово сдвинула брови.

— Надѣюсь, ты умна?

— Благодарствуйте... По нынѣшнимъ временамъ, пожалуй, не изъ послѣднихъ.

— То-то! отецъ то у тебя былъ разумный человекъ.

— Я не подумала о немъ,—съ внезапной серьезностью отвѣтила Мона.—До него мнѣ далеко.

— Гдѣ же тебѣ! Онъ вѣдь былъ умница на рѣдкость. И красавецъ писаны! Я такого другого и не видывала!

— Развѣ вы видѣли его? Я не знала, что онъ бывалъ въ этихъ краяхъ?

— Какъ же не бывалъ! Онъ прѣзжалъ сюда, гдѣтъ, можетъ, двадцать пять тому назадъ, а то и больше,—тебя тогда, вѣрно, и на свѣтѣ не было. Захотѣлось ему взглянуть на домъ, гдѣ родился его отецъ,—ну и прѣхалъ. Потолковали мы съ нимъ о старинѣ... Рэчель Симпсонъ тогда жила въ Дунди, а я—ты повѣришь, что я была первая красавица въ Тоуэрсѣ? Ей-Богу! Однако, пойдете-ка въ домъ, я васъ угощу чаемъ.

— У насъ вездѣ ужаснѣйшій беспорядокъ,—говорила она Рэчели, входя въ безукоризненно опрятную гостиную.—Некогда присмотрѣть; съ тѣхъ поръ, какъ началась жатва, я спины не разгибала,—объясняя она, поминутно бѣгая въ кухню и обратно и накрывая на столъ.

— Вы бы заставляли прислугу больше работать, а то вы все сами.

— Дѣвчонокъ-то? Боже избави! Я терпѣть не могу, когда онѣ у меня вертятся передъ носомъ. Мнѣ гораздо лучше, когда я ихъ не вижу.

— Вы очень давно не заглядывали ко мнѣ.

— Я-то! Да я вѣдь никуда не ѣзжу и никого не вижу. Я въ церкви не была Богъ знаетъ сколько времени. Да и гдѣ ужъ мнѣ! Народъ только пстѣшать. Смѣются вѣдь надъ старухой — горбатая, вишь, стала. Какъ-то приходилъ ко мнѣ священникъ. Погода въ тотъ день была убійственная: дождь какъ изъ ведра, зонтикъ у него вѣтромъ

вывернуло; лицо все синее отъ холода — вы вѣдь знаете, какой онъ тощій да хилый. Идите, говорю, скорѣй, несчастный, погрѣйтесь у огонька. А онъ этакъ гордо выпрямился и говоритъ: «Почему это я несчастный?» — ность это кверху: «Почему, говорить, я несчастный?» Уморилъ со-всѣмъ! — Тетя Белль хлопнула себя ладонью по колѣну и расхохоталась.

Въ эту минуту мимо окна прошли м-ръ Хоггсъ и супругъ тети Белль, человѣкъ довольно невзрачной наружности.

— Пожалуйте, м-ръ Хоггсъ, чай васъ давно дожидается. Послушай, Дэвидъ, ты бы пошелъ переодѣлся. Развѣ въ такомъ видѣ можно разговари-вать съ дамами?

Дэвидъ покорно удалился.

— Мы заходили къ Броунамъ, — сообщила Рэчель, — они просили насъ остаться пить чай.

— Вотъ какъ! Я ихъ ужъ давненько не видала.

— А какъ идутъ его дѣла, вы не знаете? — спросилъ м-ръ Хоггсъ.

Тетя Белль выразительно пристукнула рукой по столу.

— У него въ лавкѣ товаръ отличный; все первый сортъ. Да вотъ бѣда: въ городѣ все можно купить дешевле, чѣмъ у мистера Броуна, а въ наше время люди только объ этомъ и думаютъ. Я сама всегда у него все беру. Нельзя сказагъ, чтобъ у него было большое призваніе къ торговому дѣлу; ну да ничего, въ послѣднее время онъ поумнѣлъ, меньше возится съ своими бабочками.

Гости еще не отпили чай, какъ тетя Белль ужъ принялась уклады-вать имъ на дорогу жирную утку и десятокъ свѣже-снесенныхъ яицъ, несмотря на кроткія возраженія со стороны Рэчели. Всѣ визиты Рэ-чели неизмѣнно заканчивались чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, но она каждый разъ считала долгомъ протестовать; «хорошій тонъ» не позво-лялъ взять подарка иначе, какъ послѣ долгихъ упрасиваній.

М-ръ Хоггсъ начиналъ уже волноваться и торопилъ «дамъ».

— Пойдемъ, я тебя усажу, — сказала тетя Белль Монѣ. — Рэчель сейчасъ придетъ, она только надѣнетъ шляпку.

Какъ только они вышли въ садъ, старуха ласково положила руку на плечо Моны и шепнула:

— Тебѣ ничего, не худо живется у Рэчели?

— О нѣтъ, совсѣмъ не худо!

Тетя Белль покачала головой.

— Не мѣсто у нея такимъ, какъ ты...

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ миссъ Симпсонъ.

— Соберитесь къ намъ поскорѣе, — приглашала она.

— Ну, вы, пожалуй, скорѣе моего опять сюда соберетесь.

— Я, по крайней мѣрѣ, навѣрное! — встала Мона. — Я какъ ни-будь приду къ вамъ пѣшкомъ, тетя Белль.

— Господь съ тобой, дѣвочка! Вѣдь отсюда до Борроунесса очень далеко. Гдѣ же тебѣ дойти, ты пріѣзжай лучше на поѣздѣ...

— Вы думаете, не дойти? — засмѣялась Мона. — А вотъ посмотримъ!

И телѣжка покатиалась.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ,—думала Мона по дорогѣ въ Кильвинни,—судьба не направила меня къ тетѣ Белль, вмѣсто Рэчели Симпсонъ!

XVIII.

Силуэтъ.

Нѣсколько дней подрядъ свирѣпствовала страшная буря, которая повалила поперекъ дороги огромное дерево въ саду м-ра Гамильтона, и вмѣстѣ съ нимъ часть ограды, но небо, наконецъ, прояснилось, и солнышко вновь засіяло надъ картиной разрушенія.

— Я намѣрена прокатиться въ Кильвинни, — сказала за завтракомъ м-съ Гамильтонъ.—Я просто погибаю отъ недостатка свѣжаго воздуха. Надѣюсь, ты поѣдешь со мною, Ральфъ?

— Къ сожалѣнію, не могу,—былъ короткій отвѣтъ.

Надо сознаться, что у доктора Дудлея все зависѣло отъ настроенія.

— Глупости, Ральфъ! Ты и такъ корпншь цѣлые дни надъ этими ужасными книгами. И прошлый разъ ты отказался, когда я тебя просила поѣхать со мной; а это было сто лѣтъ назадъ, еще до грозы. Это же невозможно: только и слышишь—«нѣтъ» да «нѣтъ!»

— Очень жаль, что я раньше не умѣлъ говорить: «нѣтъ»,—выговаривалъ онъ мрачно, но тотчасъ же, вспомнивъ, что у старушки только и радости, что онъ, всталъ и ласково положилъ ей руку на плечо.

«Я былъ лѣнливцемъ, а теперь скакать во весь опоръ
Я долженъ...»

продекламировалъ онъ, стараясь говорить веселымъ тономъ.

— Право, Ральфъ, слушая тебя, можно подумать, что ты истасканный старый *roué*. Да что жъ бы со мной было, еслибъ ты эти два года занимался практикой! Ты самъ отлично знаешь, что во всей Шотландіи не сыщешь человѣка, образованнѣе тебя—я имѣю въ виду общее образованіе. Профессоръ Андерсонъ еще недавно мнѣ говорилъ, что тебя ни на чемъ не поймаетъ: зайдетъ ли рѣчь о какомъ-нибудь никому невѣдомомъ озерѣ въ Средней Африкѣ, или о философіи Гегеля, о гимнахъ коптовъ или о постройкахъ Переходнаго періода,—вездѣ ты дома, обо всемъ этомъ ты можешь разсуждать такъ же свободно, какъ о погодѣ. Я ему сказала, чтобъ онъ включилъ въ свой перечень и послѣднюю моду въ области дамскихъ шляпъ.

Ральфъ не могъ не разсмѣяться.

— Нѣтъ, тетя, это слишкомъ зло. Вы знаете, что это не по моей части. Тутъ я могу только удивляться, но ничего не понимаю.

— Но все-таки ты поѣдешь со мной?

— Ахъ вы, хитрая, льстивая старушка! Да пожалуй, придется поѣхать. Такъ и быть—ночью посижу лишній часокъ. Воображаю, какъ вы въ молодости вертѣли нашимъ братомъ, если вы и теперь знаете всѣ слабыя струнки мужчинъ и такъ хорошо умѣете льстить имъ!

— Въ молодости было совсѣмъ не то,—спокойно возразила старушка.—Чтобъ изучить людей, нужно много времени, цѣлая жизнь.

Онъ опять засмѣялся, поцѣловалъ ее въ лобъ и попросилъ кусочекъ торта. Сильно ошибались тѣ, кто жалѣлъ молодого доктора, находя, что онъ долженъ скучать въ обществѣ старой тетки.

Толстый старый кучеръ подавъ къ крыльцу жирную старую лошадь, и они покатили мелкой рысцей.

— Надо заѣхать въ Киркстоунъ, сказать Хетчисону, чтобы онъ поправилъ ограду. Экая жалость, что такос огромное дерево свалило грозой—точно теряешь стараго друга! Зато дровъ у насъ зимой будетъ вдоволь. Вотъ увидишь, какой костеръ мы разведемъ въ честь твоего возвращенія.

— Отличное дѣло! — особенно послѣ лондонской экономической топки; къ тому же, мы должны хорошенько отпраздновать Рождество. Если вы будете чувствовать себя молодцомъ, я не приѣду до лѣта, пока не сдамъ всѣхъ экзаменовъ. Въ мои годы проваливаться не полагается. Ай-ай, взгляните ка на эту пшеницу!

Урожай обѣщалъ быть хорошимъ—до бури, но теперь всѣ скирды намокли отъ дождя, а еще не сжатые колосья прибило къ землѣ.

— Теперь придется не косить, а жать серпами,—вздыхнула старушка.—Задала намъ работы эта буря!

Они проѣхали мимо Кильвинни, толкуя о близкомъ отъѣздѣ доктора Дудея и высчитывая, когда онъ можетъ вернуться.

— Что за страшный видъ у этого парохода!—сказала вдругъ м-рса Гамильтонъ. Поврежденъ онъ, что ли? Ты не видишь?

— Вы знаете, что я дальше, чѣмъ на два шага впередъ, ужъ ничего не вижу. А глаза свои я оставилъ дома.

Тетка подала ему полевой бинокль, и онъ началъ пристально всматриваться.

— Ну, знаете, я не могу отличить вашего парохода отъ арки моста. Впрочемъ, это и не удивительно.

Прежде чѣмъ возвратитъ бинокль, онъ разсѣянно обвелъ глазами берегъ и увидалъ вдали двѣ туманныхъ фигуры, мужскую и женскую, пригнувшіяся къ землѣ.

Онъ, пожалуй, и не обратилъ бы на это вниманія, но мужчина былъ безъ шляпы, и эти двѣ одинокія фигуры на песчаныхъ дюнахъ напомнили доктору Дудею фигуры молящихся въ *Angelus's*, Милле. Онъ засмѣялся, навелъ бинокль, какъ ему было удобнѣе, и сталъ разсматривать ихъ.

Какъ разъ въ это время женщина выпрямилась, и силуэтъ ея ясно вырисовался между землею и небомъ. Онъ тотчасъ узналъ эту стройную, молодую фигуру, но вотъ вопросъ, кто мужчина? Дудлей тшательно разглядывалъ ничего не подозрѣвавшаго незнакомца—но напрасно. Онъ никогда раньше не видалъ «этого субъекта».

М-рсъ Гамильтонъ, сама того не зная, пришла къ нему на помощь. Она взяла у него бинокль и снова навела его на пароходъ.

— Нѣтъ, не могу узнать. Должно быть, этотъ пароходъ зашелъ сюда для ремонта. А это вѣрно м-ръ Броунъ, суконщикъ изъ Кильвинни. Ты знаешь, онъ вѣдь замѣчательный ботаникъ—очень знающій человекъ, только талантъ свой держитъ подъ спудомъ. Должно быть, это съ нимъ одна изъ его сестеръ. Говорятъ, онъ никогда не показывается съ другими женщинами.

— Вѣдь это такое нахальство!—невольнo вырвалось у Дудлея.

— Что съ тобой, Ральфъ? Что ты хочешь сказать? Ты вѣчно копишь меня дворянскими предрасудками, но даже я не имѣю ничего противъ того, чтобы ремесленникъ или торговецъ занимался въ свободное время наукой, если это не мѣшаетъ ему хорошо вести себя и знать свое дѣло. Очень жаль, что другіе молодые люди изъ этого сословія не слѣдуютъ его примѣру. Это удержало бы ихъ отъ многого дурного.

— Да, да,—разсѣянно подтвердилъ д-ръ Дудлей.

Это была странная непослѣдовательность, но въ объясненія онъ не вдавался, а тетка его слишкомъ привыкла къ такимъ неожиданнымъ паузамъ въ разговорѣ съ племянникомъ, чтобы обратить на это особенное вниманіе.

Д-ръ Дудлей не былъ влюбленъ въ Мону. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что вообще не способенъ любить. Его привлекали всѣ женщины, сколько-нибудь и въ какомъ бы то ни было отношеніи приближавшіяся къ его идеалу: любящая жена и мать, артистка, хорошенькая танцовщица, строгая студентка—поборница женскихъ правъ, хорошая хозяйка и краснорѣчивая ораторша—въ каждой изъ нихъ онъ видѣлъ воплощеніе одной изъ чертъ, присущихъ вѣчному идеалу женщины, но желать, чтобы всѣ эти черты были соединены въ одной, ему даже не приходило въ голову. Онъ восхищался каждой въ отдѣльности, довольствовался тѣмъ, что находилъ, и не требовалъ большаго. Онъ очень любилъ бывать въ женскомъ обществѣ, но, покидая его, анализировалъ своихъ собесѣдницъ такъ же спокойно, какъ если бы онѣ были мужчинами. Впрочемъ, «анализъ» здѣсь едва ли подходящее слово, ибо д-ръ Дудлей не столько изучалъ характеръ, сколько угадывалъ ихъ по наитію, хотя человекъ, мало его знающій, не предположилъ бы въ немъ этой любопытной способности.

Мона очень удивилась бы, если бы знала, насколько его оцѣнка ея личности правильнѣе оцѣнки сагиба. Онъ почти съ перваго взгляда понялъ, что передъ нимъ существо сложнѣе и вмѣстѣ простое, сдержан-

ное и въ то же время чуждое всякихъ условностей; онъ почти съ первой встрѣчи сообразилъ, что за будущее, конечно, ручаться нельзя, но въ настоящемъ идея пола для нея просто-на-просто не существуетъ. Не даромъ она назвала его *simpatico*. Чуткость его доходила почти до гениальности.

Правда, ни одна женщина и не нравилась ему такъ, какъ Мона. Онъ постоянно думалъ о ней и порой ловилъ себя на желаніи, чтобы она не была «племянницей миссъ Симпсонъ». А между тѣмъ, эта убогая обстановка придавала ей что-то пикантное и трогательное, какую-то особую прелесть, будившую въ душѣ Дудлея чувство почти отцовской нѣжности къ ней,—чувство, на которое онъ вовсе не считалъ себя способнымъ, такъ какъ докторъ Дудлей былъ прежде всего завзятымъ холостякомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—думалъ онъ, закуривая послѣобѣденную сигару въ уютной «курилкѣ»,—она не интересуется этимъ субъектомъ. Этого не можетъ быть. Она не такъ глупа. Живи она гдѣ-то пятьдесятъ назадъ, это было бы все *en règle*. Она не задумалась бы выйти за него замужъ и считала бы, что сдѣлала прекрасную партію. Она сдѣлалась бы прекрасной хозяйкой, варила бы пиво и рожала дѣтей, а ея внучки учились бы теперь въ начальной школѣ въ Ньюгэмѣ, или Джиртонѣ.

— Но вѣдь и для нея еще не поздно начать. Елибѣ только моя милая старушка не была такой завязаной консерваторшей, я упробилъ бы ее платить за образованіе миссъ Маклинъ. Клянусь Юпитеромъ! для нея это было бы дѣйствительно образованіе, а не просто ученье, какъ это бываетъ съ большинствомъ женщинъ;—но будь у тетюшки лишнія деньги, она навѣрно предпочла бы надѣлать миссъ Маклинъ приданымъ и выдать ее замужъ за суконщика.

Ему и въ голову не приходило сомнѣваться, что Мона постоянная жительница Борроунесса. Тетка говорила о ней именно въ этомъ смыслѣ, въ тотъ единственный разъ, когда имя Моны было произнесено между ними. Старушка думала, что рѣчь идетъ о настоящей, родной племянницѣ миссъ Симпсонъ, не подозрѣвая, что та уѣхала въ Америку; Ральфъ же не зналъ никого другого, кто могъ бы дать ему желаемыя свѣдѣнія о помощницѣ миссъ Симпсонъ. Она, очевидно, училась гдѣ-нибудь—это замѣтно по произношенію; что же касается прочаго, онъ всегда утверждалъ, что дѣвушки въ низшихъ слояхъ буржуазіи нерѣдко получаютъ очень сносное воспитаніе, и если одна изъ тысячи съумѣла воспользоваться имъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

XIX.

На другой день, пока м-ръ Гамильтонъ дремала въ креслѣ послѣ обѣда, д-ръ Дудлей, какъ всегда, засѣлъ за свои книги, но у него такъ болѣла голова, что вскорѣ онъ долженъ былъ оставить занятія.

*

— За каждый часъ работы сегодня мнѣ придется отдыхать два часа завтра,—сказалъ онъ себѣ и, взявъ съ полки томикъ стихотвореній, отправился на берегъ.

И другіе люди, кромѣ Моны, знали о существованіи «Замка Маклинъ», можетъ быть, даже подмѣтили ея пристрастіе къ этому мѣсту. Дудлей вдвое скорѣе ея дошелъ до ея излюбленной скалы и быстро вскарабкался по высокимъ неровнымъ ступенькамъ. Тамъ, комфортабельно расположившись на самой вершинѣ, сидѣла та, кѣмъ были заняты его мысли; на колѣняхъ ея лежалъ раскрытый альбомъ, а рядомъ старый, выдавшій виды ящикъ съ красками. Дудлей былъ слишкомъ артистъ въ душѣ для того, чтобы самому портить краски и пачкать бумагу, но онъ понималъ разницу между однимъ ящикомъ съ красками и другимъ и сразу проникся должнымъ уваженіемъ къ художницѣ.

— Прошу извиненія. Такъ и вамъ извѣстно это мѣстечко?

— Это моя личная собственность, Замокъ Маклинъ,—выговорила она не торопиво, съ яснымъ достоинствомъ, ни мало не напомиавшимъ ея манеры держать себя съ покупателями; это была совсѣмъ не та живая, веселая, подвижная Мона, какую онъ привыкъ видѣть въ лавкѣ.

Онъ низко поклонился.

— Я не помѣшаю вамъ, если останусь?

— Ничуть.—Она наклонила голову на бокъ, критически разсматривая написанное ею небо.—Конечно, въ томъ случаѣ, если ваша шляпа не будетъ закрывать отъ меня пейзажа.

— Какъ перемѣнилась погода, не правда ли?

— Какая чудная буря!—вскричала она съ восторгомъ, откладывая въ сторону кисть.—Вотъ когда этотъ берегъ и скалы были въ своей стихіи! Какъ хороши эти огромные валы, разсыпавшіеся огромными фовтанами гѣны! Дивное зрѣлище!—для одного этого стоитъ жить.

— Неужели вы приходили сюда во время бури!

— Каждую свободную минуту. Почему же нѣтъ? Въ такомъ первобытномъ мѣстѣ промокнуть не страшно.

Она посмотрѣла на книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ, и снова привялась за рисованіе. Вѣдь оба пришли сюда не для разговоровъ, зачѣмъ же стѣсняться?

— Эта книга не для дамъ,—началъ онъ, хотя съ учащейся дѣвушкой онъ не счелъ бы этой оговорки необходимой,—но, я думаю, здѣсь найдутся двѣ-три вещицы, которыя понравятся вамъ.

Она улыбнулась, очень довольная. Она не забыла, какъ онъ читалъ ей въ первый разъ...

Мона скоро бросила рисовать и слушала, склонивъ голову на руку. Вдругъ онъ захлопнулъ книгу, говоря:

— А теперь я жду награды. Можно посмотрѣть ваши рисунки?

Она смутилась и покраснѣла. Какъ исполнить его просьбу? Эскизы набросанные въ Норвегіи, Италіи, Саксонской Швейцаріи еще можно бы какъ-нибудь объяснить; но что сказать о портретахъ «почтенныхъ синьоровъ», экзаменовавшихъ ее въ Бѣрлингтопъ-гоузѣ?—о каррикатурѣ, надъ которой хохотала вся школа—изображавшей *Mademoiselle* Люси за перевязкой раны?—наконецъ о ея шедеврѣ, этюдѣ анатомическаго зала?

— Я обѣщала Рэчели свято сохранить ужасную тайну и намѣрена сдержать слово,—иронически говорила она самой себѣ. Однако ей стоило нѣкотораго усилія отказать. Нѣкоторые изъ рисунковъ были, безспорно недурны въ своемъ родѣ, и она съ удовольствіемъ показала бы ему ихъ; кромѣ того, ей были очень непріятно навлечь на себя подозрѣніе въ ложной скромности.

— Мяѣ жаль вамъ отказать, но я предпочла бы не показывать вамъ альбома.

Онъ удивился, но на такой рѣшительный отвѣтъ возражать было нечего.

— Если хотите,—застѣнчиво молвила она,—я попытаюсь отплатить вамъ тою же монетой, хотя и худшаго достоинства. Я вамъ почитаю, а вы закройте глаза и прислушивайтесь къ плеску волнъ. Это одинъ изъ моихъ идеаловъ счастья.

Мона взяла книгу и стала читать, но Дудлей не закрывалъ глазъ. Голосъ ея не былъ такъ красивъ и глубокъ, какъ у него, но все же былъ симпатиченъ и читала она выразительно. Его интересовалъ выборъ стихотворенія, онъ съ удовольствіемъ слушалъ ее, но еще съ большимъ удовольствіемъ наблюдалъ за этимъ измѣнчивымъ, подвижнымъ лицомъ. Она какъ будто не читала, а говорила стихи наизусть; глаза ея были устремлены вдаль, лицо, озаренное какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, въ эту минуту было безусловно прекрасно. Въ первый разъ въ умѣ Дудлея мелькнула опредѣленная мысль, что онъ хотѣлъ бы, чтобъ у матери его дѣтей было такое лицо.

— Она способна облагородить человѣка помимо его воли,—подумалъ онъ, но вслухъ спросилъ только:

— Вы знаете это стихотвореніе?

— Да.

— А тѣ, которыя я читалъ.

— Не всѣ. Нѣкоторыя знаю.

Наступило минутное молчаніе.

— Имѣете вы хоть какое-нибудь понятіе о томъ, какъ напрасно вы тратите силы и жизнь?—спросилъ онъ вдругъ.

Мона покраснѣла и хотѣла что-то отвѣтить. Въ это мгновеніе налетѣвшій вѣтеръ вырвалъ листокъ изъ ея альбома и сбросилъ его внизъ.

Она засмѣялась, обрадовавшись предложію переимѣнить разговоръ.

— Судьба очевидно рѣшила, что вы увидите *этотъ* эскизъ. — И она протянула ему листокъ.

Рисунокъ изображалъ полненькую, загорѣлую, краснощекою дѣвушку, примѣряющую передъ зеркаломъ простенькую шляпку. Вокругъ въ туманѣ виднѣлись перья, цѣфты, блестящія украшенія для шляпъ, а въ круглыхъ глазахъ дѣвушки выражался положительный ужасъ передъ скромной шляпкой, украшавшей ее собственную голову.

Внизу было подписано рукою Моны:

«Стоитъ ли послѣ этого жить?»

Дудлей засмѣялся.

— Съ этимъ рисункомъ, вѣроятно, связана какая-нибудь исторія?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

И она нѣсколько ироническимъ тономъ передала ему свой разговоръ съ молоденькой служанкой, ея первой заказчицей.

— Беру назадъ свои слова, — молвилъ онъ серьезно; — вы не напрасно тратите силы. Дай Богъ каждому достигнуть такихъ результатовъ!

— Не заставляйте меня чувствовать свою глупость еще сильнѣе, чѣмъ я ее чувствую.

— Глупость! Я желалъ бы, чтобъ въ этомъ мѣстечкѣ напелись еще группы, чтобы оцѣнить васъ, — на примѣръ, Рескинъ!

— Я и то пробовала утѣшать себя мыслью о Рескинѣ, — засмѣялась она, но въ смѣхѣ ея слышались слезы. — Впрочемъ, это вѣдь только присказка, а сказка впереди. Съ тѣхъ поръ я получила нѣсколько заказовъ на такія же шляпы; къ сожалѣнію, надо сознаться, что онѣ больше нравились матерямъ моихъ заказчицъ, чѣмъ самимъ дѣвушкамъ. Съ одной изъ нихъ я и написала этотъ эскизъ. Вы видали когда-нибудь старую экономку полковника Лауренса? Она, говорятъ, большая чудачка.

— О да. «Полковникова Джени» личность извѣстная.

— Дочь ея нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ поступила на мѣсто и какъ-то на дняхъ пришла въ гости къ матери, «притащивъ все свое жалованье на спинѣ», какъ выразилась старая Джени. Та страшно разозлилась и послала ее ко мнѣ, чтобъ я сдѣлала ей шляпку, «какъ у Поли изъ Тоуэра». Надо было видѣть, съ какимъ ужасомъ она надѣла на себя эту шляпку! Вотъ она здѣсь какъ разъ такая, какой была тогда — этакое жалкое маленькое созданье, розовое, пухленькое и страшно пестро одѣтое. Мнѣ самой хотѣлось попросить ее снять эту шляпку. Уговаривать ее — это было все равно, что читать наставленія бабочкѣ.

— Да, какъ-то не считаешь себя вправѣ мѣшать бабочкамъ человѣческой породы оставаться бабочками, пока не увидишь, что онѣ кружатся возлѣ огня.

— Еслибъ хоть знать навѣрное, стоитъ ли пытаться спасти ихъ,— а то дѣйствуешь по вдохновенію. Впрочемъ, эта маленькая Магги еще не изъ худшихъ экземпляровъ. Она въ сущности славная дѣвочка. Я даже не удивлюсь, если у нея окажется гдѣ-нибудь что-нибудь вродѣ души.

— Ее тоже зовутъ Магги?—усмѣхнулся д-ръ Дудлей, вглядываясь въ полудѣтское личико, изображенное на эскизѣ.—Онѣ здѣсь всѣ Магги. Просто надоѣдаетъ слышать на каждомъ шагу это имя.

— Развѣ? А мнѣ такъ нѣтъ. Королева Маргарита моя любимая героиня и кромѣ того моя патронша.

— Васъ зовутъ Маргаритой? Къ вамъ идетъ это имя. Оно безспорно прекрасно; можетъ быть потому-то меня такъ и злитъ это бессмысленное «Магги».

Мона хотѣла сказать, что это ея второе имя и что такъ ее никто не называетъ, но его лицо сдѣлалось вдругъ такъ серьезно, что она не рѣшалась заговорить, чтобы не испортить его настроенія. Какъ часто какой-нибудь пустякъ, не во время сказанное или неслезанное слово бросаетъ тѣнь, или свѣтъ на все наше будущее!

Нѣсколько минутъ оба молчали. Д-ръ Дудлей видимо хотѣлъ что-то сказать и не рѣшался, затѣмъ вдругъ, безъ всякихъ предисловіи, подаваясь какому-то непреодолимому побужденію, началъ рассказывать ей исторію своей жизни. Быть можетъ, ему хотѣлось знать, какъ отнесется, что скажетъ о ней доровитая женщина. Онъ несомнѣнно считалъ Мону совершенно исключительнымъ существомъ, съ которымъ можно было говорить, не стѣсняя себя никакими общепринятыми правилами.

— Я вышелъ изъ гимназіи шестнадцати лѣтъ, нагруженный книгами, медалями и т. п. На образованіе мое была ассигнована довольно крупная сумма, и я могъ расходовать ее по желанію; это была не вина моя, а несчастье. Я иногда готовъ завидовать людямъ, родители которыхъ распоряжаются ими, не спрашивая ихъ мнѣнія.

«Я пробылъ три года въ Единбургскомъ университетѣ и вышелъ оттуда магистромъ философіи. Есть ученые степени хуже этой. Правда, она не даетъ ни настоящаго образованія, ни университетскаго закала, ни житейскаго опыта, но зато даетъ солидный фондъ общихъ, полезныхъ знаній, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать и который не настолько тяжеловѣсенъ, чтобы заглушить въ человѣкѣ дремлющую искру гениальности, буде таковая имѣется. Разумѣется, *a priori* нельзя сказать, какъ повліяетъ на человѣка образованіе.

«Уѣзжая изъ Единбурга, я заявилъ профессорамъ о своемъ желаніи поступить въ Кэмбриджъ. Профессоръ классической литературы совѣтовалъ мнѣ продолжать заниматься древними языками; профессоръ математики заклиналъ меня посвятить себя «вѣчной истинѣ»;—онъ находилъ, что математическія науки единственная форма проявленія этой истины, доступная вѣчно заблуждающемуся человѣчеству. Я же рѣшилъ

заняться естествознаніемъ. Въ то время обо этомъ такъ много говорили, придавали такъ много значенія даже минимальному уровню знаній въ этой области, что я вообразилъ себѣ, будто трехъ лѣтъ добросовѣстнаго труда достаточно, чтобы отдернуть завѣсу, скрывающую истину. Вначалѣ, пока надежда была во мнѣ сильна, я работалъ съ энтузіазмомъ, потому немного поостылъ, убѣдившись, что въ моей власти самое большее приподнять уголокъ завѣсы, а за нею останется еще цѣлая бездна неизвѣданнаго, и что человѣчеству развѣ, можетъ быть, черезъ триста лѣтъ удастся достигнуть того, чего я надѣялся достигнуть въ три года. Разумѣется, я могъ бы внести въ общую сокровищницу трудовъ и изысканій ничтожную долю своего личнаго труда, но для этого не могу сказать, чтобъ я особенно годился. Вообще самое главное затрудненіе для меня было опредѣлить, на что я собственно годенъ. Какъ бы такъ ни было, я сдалъ экзаменъ и получилъ ученую степень.

— Перваго разряда?—полюбопытствовала Мона.

— Третьяго,—презрительно отвѣтилъ онъ,—но вѣдь я учился не для диплома. И умственно я сильно выросъ за эти три года,—можетъ быть, благодаря самымъ условіямъ жизни въ Кембриджѣ. А, можетъ быть, я достигъ бы гораздо большаго на равнинахъ Тибета.

Онъ глубоко перевелъ духъ. Онъ почти забылъ, съ кѣмъ говоритъ; ему хотѣлось только излить свою душу. Да и не бѣда, если она не пойметъ того или другого въ отдѣльности; общій смыслъ разсказа она все-таки должна уловить.

— Ну-съ, затѣмъ я около двухъ лѣтъ путешествовалъ, слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, Геттингенѣ, Іенѣ. По вечерамъ слушалъ хорошую музыку, въ свободное время осматривалъ соборы и картинныя галереи. Затѣмъ вернулся домой, рѣшивъ избрать профессію. Выбралъ я медицину, главнымъ образомъ, по той же причинѣ, какую уже приводилъ вамъ, поселился въ Лондонѣ и началъ готовиться къ экзамену въ колледжѣ. Вы спросите: почему я не поступилъ въ университетъ? Да, оно было бы лучше! Но видите ли, я уже вышелъ изъ того возраста, когда мальчики «учатся» легко и блистательно держать экзамены. Къ тому же, за два года путешествій, занятій искусствомъ, музыкой и философіей, мои познанія по математикѣ, классикамъ и естественнымъ наукамъ порядкомъ-таки повывѣтрились изъ моей головы, хотя почему-то принято думать, что должно быть обратное.

«Черезъ полгода я уже ненавидѣлъ медицину. Употребляя излюбленное здѣсь выраженіе, я находилъ, что она—«ни рыба, ни мясо, ни птица, ни копченая селедка», не искусство, не наука, не литература, не философія, но отвратительное попури изъ всѣхъ четырехъ, съ громадной, преобладающей примѣсью самаго безсовѣстнаго вранья. До тѣхъ поръ я работалъ добросовѣстно, но нравственной заслуги въ томъ не было, ибо я работалъ *con amore*. Когда же *amor* изсякъ, я почти пересталъ работать. Я выбралъ эту профессію потому, что она

требовала не виднаго и безмолвнаго труда, но именно въ эти годы и говорилъ больше, чѣмъ когда-либо; должно быть, это природа мстила за произведенное надъ нею насиліе. Я читалъ все, что угодно, только не медицинскія книжки, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, но только не въ обществѣ врачей,—но тѣмъ не менѣе подвигался впередъ. На первомъ экзаменѣ я прошелъ фуксомъ, на второмъ тоже. Недостаткомъ диплома я не страдалъ; у меня всегда была наготовѣ блестящая теорія на подмогу къ мало убѣдительнымъ фактамъ, а на нѣкоторыхъ экзаменаторовъ это очень дѣйствуетъ. Когда пришлось готовиться къ выпускному экзамену, я возненавидѣлъ хирургию, потому что плохо зналъ анатомію. Медицину, вѣроятно, постигла бы та же участь, но я много занимался физиологіей въ Кембриджѣ, въ лабораторіи Гаскелля,—въ сущности, даже больше, чѣмъ это было необходимо, такъ какъ предполагаемая связь между физиологіей и медициной чисто фиктивная. Можетъ быть, это покажется невѣроятнымъ, но я прошелъ и на выпускномъ экзаменѣ, благодаря тому, что пробивался, такъ сказать, и костями, и зубами. Если мнѣ укажутъ человѣка, который выдержалъ всѣ три экзамена съ меньшимъ запасомъ знаній, чѣмъ вашъ покорный слуга, я сочту долгомъ пожать ему руку: его есть съ чѣмъ поздравить.

«Затѣмъ слѣдовало начать пріискивать практику, или *locum tenency*, но, прежде чѣмъ приняться за это, я поѣхалъ въ Кембридж повидаться съ друзьями. Тамъ я часто встрѣчался съ Діармидомъ, профессоромъ анатоміи. Не знаю, слышали ли вы о немъ, но этотъ человѣкъ способенъ вдохнуть жизнь въ мертвыя кости. Это настоящій ученый, отъ головы до пятъ, съ огромнѣйшей эрудиціей, но ничуть не педантъ, съ умомъ, открытымъ для каждаго проблеска новаго свѣта».

Густая краска залила лицо Моны, но, къ счастью, д-ръ Дудлей не смотрѣлъ въ ея сторону. Она была сильно склонна думать, что сказанный профессоръ фигурировалъ въ числѣ другихъ «почтенныхъ синьоровъ» на страницахъ ея альбома.

— Странное дѣло! — продолжалъ Дудлей.—Всю мою жизнь, въ то время, какъ другіе люди блуждали во мракѣ, мнѣ казалось, что я вижу свѣтъ истины, а занявшись медициной, я вдругъ потерялъ его изъ виду... А, да не стоитъ распространяться объ этомъ. Однимъ словомъ, я написалъ свои «Страданія Вертера»;—будемъ надѣяться, что это послѣднія,—а затѣмъ поступилъ въ лондонскій университетъ и началъ всю работу съизнова.

Онъ остановился и вдругъ почувствовалъ себя неловко: точно ни съ того, ни съ сего взялъ, да и расхвастался.

— Не понимаю только, съ какой стати я вамъ рассказываю все это, — прибавилъ онъ нѣсколько суше.

— Я нахожу, что это прямо подвигъ—начать сначала, — выговорила Мона.—Всѣ эти годы не потеряны; изъ васъ выйдетъ чудеснѣй-

шій докторъ, а когда-нибудь, можетъ быть, вы и сами будете знаменитымъ профессоромъ. Вы теперь на какомъ курсѣ?

— Вступительный экзаменъ я выдержалъ тогда же, а черезъ полгода сдалъ предварительный научный по всѣмъ предметамъ. Въ іюлѣ я буду держать переходный на старшій курсъ, а черезъ два года выпускной. Только бы мнѣ сдать переходный,—тогда у меня камень свалится съ души. Все-таки надо имѣть немножко гражданского мужества, чтобы идти бокъ ѓ бокъ съ мальчишками—вѣдь студенты всѣ почти гораздо моложе меня.

— Зато это очень полезно для нихъ.

Мона была бы рада душой заплатить откровенностью за откровенность, рассказавъ ему свою собственную исторію. И къ чему она дала Рэчели это негѣлое обѣщаніе?.. Но что подумаетъ Рэчель, если она попроситъ ее разрѣшить сдѣлать исключеніе въ пользу д-ра Дудлея? Нѣтъ, это слишкомъ смѣшно! Она не узнавала себя: та ли это Мона Маклинъ, которая изучала медицину въ Лондонѣ?

— Однако, уже больше пяти,—сказалъ д-ръ Дудлей, взглянувъ на часы.

Мона вскочила на ноги и вдругъ съ облегченіемъ вспомнила, что Рэчель пошла въ гости и, слѣдовательно, ей не зачѣмъ торопиться.

— Все-таки мнѣ слѣдовало вернуться въ-время, чтобы помѣшать ей надѣть красную шляпку,—подумала она, чувствуя маленькое угрызеніе совѣсти.

— А завтра вы придете сюда рисовать? — спрашивалъ докторъ Дудлей, идя рядомъ съ ней по дорогѣ.

— Завтра? Нѣтъ, кухня хочетъ свезти меня въ Сентъ-Рульсъ.

— Я думалъ, что миссъ Симпсонъ ваша тетка.

— Нѣтъ; она двоюродная сестра моего отца; у меня мало родныхъ.

Самъ не зная почему, Дудлей вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Мнѣ слѣдовало бы сообразить, что моей старушкѣ неоткуда знать всю подготовленную о здѣшнихъ обывателяхъ.

— Вы никогда не бывали въ Сентъ-Рульсѣ?—спросилъ онъ громко.—Вамъ предстоитъ большое наслажденіе. Тамъ чуть не каждый камень имѣетъ свою исторію. Однако мнѣ пора, я обѣщалъ встрѣтиться съ теткой въ Киркстоунѣ. Ненавижу слово «прощайте», а вы?

— Я тоже.

Онъ какъ-то стремительно повернулся къ ней и протянулъ руку.

— И такъ, пока...

— *Sans adieu!*

Войдя въ мрачную маленькую гостиную, Мона вздохнула. Какъ старательно не провѣтривала она домъ въ отсутствіе Рэчели, стоило закрыть окна, и черезъ пять минутъ воздухъ во всѣхъ комнатахъ становился опять сырой и затхлый.

Осенніе вечера были холодны, но бѣлыхъ занавѣсей еще не сняли,—законы мидянъ и персовъ требовали строгаго соблюденія срока,—и, какъ ни любила Мона погрѣться у комелька, нужно было, чтобы термометръ упалъ очень низко для того, чтобы она рѣшилась искать убѣжища въ кухнѣ Салли, за исключеніемъ субботы, когда во всемъ домѣ производилась по утрамъ генеральная чистка.

Чай былъ поданъ и ждалъ ее съ пяти часовъ.

Мона опять вздохнула, отодвинула отъ себя холодныя тартинки, налила въ чашку перестоявашагося чаю и вся съежилась отъ холода, взглянувъ на нетопленный каминъ. Но черезъ минуту всѣ ея горести были забыты. На каминѣ, прислонившись къ стеклянному колпаку, покрывающему часы, и дружески улыбаясь ей черезъ комнату, стоялъ большой, толстый, красивый конвертъ, надписанный рукою леди Мунро.

— *Gaudeamus igitur!*

Какъ хорошо, что письмо пришло въ отсутствіе Рэчели. Теперь она можетъ извлечь изъ него *maximum* наслажденія. Она тихонько, на ципочкахъ подкралась къ письму, боясь, какъ бы оно не «растаяло въ воздухѣ» у нея на глазахъ, осторожно взяла его, рассмотрѣла штемпель, вдохнула въ себя тонкій ароматъ, живѣе всего прочаго напоминавшій ей прелестную граціозную женщину въ изящной гостини на Глочестеръ-плэсъ, и, наконецъ, перочиннымъ ножикомъ вскрыла конвертъ.

Тамъ было цѣлыхъ три письма, три сокровища, одно отъ сэра Дугласа, начинавшееся: «Дорогая моя дѣвочка...», другое отъ леди Мунро—«Моя милочка Мона...» и третье отъ Эвелины—«Мой дорогой, любимый другъ...»

Письма эти не блистали умомъ и остроуміемъ, но были всѣ три очень ласковыя и характерныя; Мона смѣялась и плакала надъ ними свернувшись клубочкомъ въ углу стариннаго дивана съ прямою жесткою спинкой. Сэръ Дугласъ писалъ грубовато, по отечески и, какъ всегда, напрямикъ; леди Мунро подчеркивала каждое слово, которое она подчеркнула бы въ разговорѣ. «Дугласъ такъ скучалъ и былъ такъ такъ грубъ послѣ твоего отъѣзда! Онъ и теперь постоянно говоритъ о тебѣ, *постоянно*». Эвелина подробно описывала все, что они дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ разстались съ Моной, прерывая свой рассказъ увѣреніями въ дружбѣ. «Мы съ мамой почти сейчасъ же уѣхали въ Каннъ,—писала она.—Отца само собой невозможно было увести изъ Шотландіи до тѣхъ поръ, пока на болотахъ оставалась хоть одна птица. Пиши мнѣ побольше и почаще. Твои письма всегда такія прелестныя». Всѣ трое неоднократно напоминали Монѣ о ея обѣщаніи провести вмѣстѣ съ ними будущее лѣто.

— Какъ они добры!—повторила Мона.—Какъ они добры!

Въ ранней юности Мона, какъ всѣ школьницы, страстно привязывалась къ подругамъ и жестоко убивалась, когда «вѣчная дружба»

измѣняла ей. «Съ этихъ поръ,—говорила она себѣ,—я не стану вѣрить ни въ дружбу, ни въ постоянство. Я буду помнить, что здѣсь у меня не можетъ быть пребывающаго града, даже въ сердцахъ тѣхъ, кого я люблю, и не буду цѣпляться ни за жизнь, ни за любовь».

И даже теперь, когда время исцѣлило ея сердце и сдѣлало ее человѣчнѣе, истинная дружба и постоянство неизмѣнно вызывали въ ней чувство радостнаго удивленія. На каждомъ шагу оказывалось, что люди относятся къ ней гораздо лучше. чѣмъ она осмѣливалась надѣяться.

Она все еще перечитывала письма, когда вернулась кузина.

— Ну, нечего сказать, хорошія вещи я узнала!..—еще на порогѣ воскликнула Рэчель.—Помните, какъ я мучилась на той недѣлѣ съ м-рсъ Робертсонъ, уча ее вышиванью? Ну-съ, оказывается, что вчера у нея были гости къ чаю, и она даже не сочла нужнымъ пригласить меня. Какъ вамъ это нравится? Она думаетъ, что меня можно приглашать только, когда ей что-нибудь отъ меня нужно!

— Должно быть, наука оказалась ей не по силамъ, и она боится въ этомъ сознаться,—утѣшила Мона.

— И то сказать, я еще не встрѣчала такой копуны,—обидчиво замѣтила Рэчель, укладывая въ картонку знаменитую красную пяпу.— Ну, пусть же она себѣ ищетъ теперь другую помощницу, а съ меня довольно. Однако, если завтра ѣхать въ Сентъ-Рульсъ, такъ надо поскорѣе уживать и ложиться спать.

Придя въ свою комнату, Мона еще разъ перечитала письма, но, къ удивленію своему, замѣтила, что думаетъ уже о другомъ.

— Мнѣ ужасно жаль, что я не могла показать ему альбома и выложить все на чистоту,—говорила она своему вѣрному другу—своему отраженію въ зеркалѣ.—Однако,—поза ея измѣнилась,—почему именно ему? Зачѣмъ непременно выдѣлять его?

Лицо въ зеркалѣ смотрѣло на нее вызывающимъ взглядомъ и, по-видимому, не знало, что отвѣтить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Продолженіе *).

ГЛАВА II.

Образы.

Рёскинъ не только умѣетъ разсуждать, онъ умѣетъ также и изображать; когда читатель, усталый и невнимательный, перестаетъ слѣдить за его разсужденіями, онъ овладѣваетъ его воображеніемъ. Раскрывъ мысль въ томъ, что на первый взглядъ говоритъ только чувству, онъ дѣлаетъ далѣе доступнымъ чувству то, что, повидимому, можетъ дать пищу только уму. Показавъ намъ идеи въ образахъ художниковъ, онъ облакаетъ въ образы идеи мыслителей. Разсуждая, онъ показываетъ, доказывая—рисуетъ. Если онъ ратуетъ во имя простоты историческихъ картинъ, онъ скажетъ вамъ: «нагроможденіе противорѣчивыхъ фактовъ уничтожаетъ впечатлѣніе и мѣшаетъ стройности», или: «художникъ, стремящійся соединить простоту и великолѣпіе и веселость противопоставить грусти, кончитъ непременно безсмыслицей», и это потому, «что каждое впечатлѣніе имѣетъ свой собственный характеръ, и, вводя новое чувство, мы разбиваемъ тѣмъ силу перваго впечатлѣнія, смѣшеніе разныхъ ощущеній вызываетъ апатію, также какъ смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ даетъ несомнѣнно бѣлый цвѣтъ»,—это была бы любопытная точка зрѣнія, но нѣсколько отвлеченная по отношенію къ вопросу, и онъ не ограничится этимъ. Онъ попытается подтвердить свое эстетическое положеніе живымъ примѣромъ, въ ряду его доказательствъ встанетъ вдругъ прекрасное, мимолетное видѣніе, которое узнаетъ всякій, кому случалось передъ закатомъ идти по Via Appia **).

«Ничто въ мірѣ, быть можетъ, не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Римская Кампанья на закатѣ солнца. Вообра-

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

**) Аппіева дорога.

зите на минуту, что вы очутились въ полномъ одиночествѣ среди этой безплодной и пустынной равнины, вдали отъ людского шума и движенія. Земля крошится и разсыпается подъ вашими ногами, какъ бы легко вы ни ступали; она вся бѣлая, источенная и изъѣденная, точно остатки человѣческихъ костей. Длинная, узловатая трава слабо волнуется и колышется при дуновеніи вечерняго вѣтра, и ея колеблющіяся тѣни лихорадочно вздрагиваютъ на горахъ разваливъ, освѣщенныхъ солнцемъ. Вокругъ васъ разсыпающаяся прахомъ земля вздымается пригорками, точно лежащія подъ ней мертвецы шевелятся во снѣ. Разбросанныя тутъ и тамъ черныя глыбы—угловатые обломки величественныхъ зданій, отъ которыхъ не осталось камня на камнѣ, давятъ на этихъ мертвецовъ, мѣшая имъ встать. Лиловатый туманъ, насыщенный мiasмами, стелется надъ этой равниной, заволакивая призрачныя груды разваливъ, между тѣмъ какъ на ихъ изломахъ отражаются красныя лучи заката, какъ умирающее пламя на поруганныхъ алтаряхъ. Голубая цѣпь Албанскихъ горъ встаетъ въ торжественной тишинѣ спокойнаго, яснаго зеленого неба. Надъ отрогами Апеннинъ неподвижно стоятъ темныя тучи, какъ сторожевыя башни. Изъ долины къ горамъ тянутся разрушенные акведуки, арка за аркой исчезая въ тѣни, какъ печальные ряды похоронныхъ плакальщицъ, покидающихъ гробницу націи».

«Теперь произведемъ въ этомъ пейзажѣ нѣкоторыя «идеалистическія» измѣненія въ духѣ Клода...», говоритъ Рёскинъ, и лекція прдолжается. Но передъ тѣмъ мысль автора и вниманіе читателя отдохнули на картинѣ, которая помогла имъ сосредоточиться. Разсматривая падающія складки греческой туники или тонкую ручную работу готическаго окна, мы не теряли изъ вида таинственныхъ законовъ природы и нравственныхъ основъ жизни, и теперь, изучая чистую эстетику, исторію или соціологію, мы хранимъ въ памяти живописный пейзажъ. Вступая въ область идей, мы не покинемъ области формъ и красокъ. Изучая человѣка, мы не будемъ забывать объ искусствѣ, — Рёскинъ раскрываетъ передъ нами не только жизнь картины, но и картину жизни.

Вотъ, на примѣръ, картина венеціанской жизни конца XV вѣка или, лучше сказать, видъ Венеціи, какою ее представляли себѣ Тернеръ или Ціемъ. Она неожиданно встаетъ передъ нами при сопоставленіи двухъ колористовъ Джорджане и Тернера. Рёскинъ хочетъ показать, какое вліяніе на глаза и душу художника имѣютъ первыя впечатлѣнія дѣтства, тотъ міръ красокъ, гдѣ онъ жилъ, и, чтобы доказать это, онъ воскрешаетъ этотъ міръ для тѣхъ, кто позабылъ его:

«Городъ мрамора, сказалъ я?, нѣтъ, скорѣе городъ золота, украшеннаго изумрудами. Такъ какъ по истинѣ всякая башня, всякая колокольня горѣла и сверкала золотомъ и блистала яшмой. Внизу мѣрно дышало безгрѣшное море, вздымая зеленыя волны. Глубокіе, величавые, ужасные, какъ море, мужи Венеціи двигались въ этомъ царствѣ

силы и меча; чистыя, какъ колопны изъ алебастра, красовались ихъ жены и дочери; благородны, съ головы до ногъ исполнены благородства были ихъ рыцари. Темная бронза ихъ оружія, заржавленнаго моремъ, грозно блистала подъ складками ихъ плащей цвѣта крови. Безстрастный, справедливый, твердый и неумолимый, засѣдалъ его сенать, каждое его слово — приговоръ судьбы. Убаюканные говоромъ волнъ, взбѣгавшихъ на священный песокъ ихъ острововъ, съ честью покоились ихъ мертвецы, и надъ каждымъ высился крестъ и начертано было имя. Это былъ замѣчательный уголокъ міра. Или, лучше сказать, это былъ цѣлый міръ. Онъ сливался съ поверхностью моря, и по вечерамъ капитанамъ кораблей, замѣчавшимъ его съ высоты мачтъ, онъ казался узкой полоской вечерней зари, [никогда не гаснущей. Еслибъ они не ощущали могущества этого города, они могли бы вообразить, что несутся по небесному океану и видятъ передъ собой восточный край большой планеты, плывущей среди ээира. Міръ, изъ котораго изгнаны были всѣ низкія мысли и мелочныя заботы, вмѣстѣ со всей неприглядной стороной жизни. Ни грязи, ни суеты на плещущихъ улицахъ, вздымавшихся и ниспадавшихъ при свѣтѣ луны, музыка мѣрнаго и величаваго заката волнъ,—или глубокое безмолвіе. На этихъ улицахъ не могла пріютиться жалкая хижина, крытый соломой сарай, плохо сколоченная стѣна, — вездѣ прочный гранитъ, украшенный изящными узорами драгоценныхъ камней, а дальше, насколько глазъ хваталъ, тихо колебалась гладь незапятнанныхъ водъ, гордыхъ своей чистотой; на этой сверкающей равнинѣ не расцвѣталъ ни одинъ цвѣтокъ, но не могъ вырости и репейникъ. Недостигаемая громады Альпъ постепенно таяли и грядой невысокихъ холмовъ исчезали за торчелійскимъ берегомъ. Голубые острова Падуанскихъ вершинъ отбѣчали имъ на золотистомъ западѣ. И надо всѣмъ этимъ носились по своей прихоти буйные вѣтры и огненные облака, напоенныя благоуханіями юга и холоднымъ блескомъ сѣвера, — и сверкали вечернія и утреннія звѣзды въ безграничномъ просторѣ небесъ и моря. Вотъ гдѣ воспитался Джорджоне, вотъ гдѣ протекала жизнь Тиціана.

Онъ все видитъ въ художественной перспективѣ, въ рельефныхъ образахъ, озаренныхъ переливами свѣта и тѣней. Самыя отвлеченныя проблемы соціальной экономики облекаются у него въ пластическія и живописныя формы. Всякая экономическая схема разворачивается въ его глазахъ въ сложную картину, всякое положеніе международной политики превращается въ живую сцену, разыгранную созданными имъ актерами въ театрѣ его фантазіи. Если онъ нападаетъ на бесполезную и дорого стоющую систему вооруженнаго мира, господствующую среди великихъ европейскихъ державъ, онъ дѣлаетъ это въ слѣдующей живой и яркой формѣ:

«Друзья мои, я не знаю, какая сторона преобладаетъ въ этомъ вопросѣ — комичная или грустная. Безспорно, тутъ есть и та, и другая.

Предположите на мивуту, что не вы пригласили меня (дать вамъ нѣсколько указаній для постройки вашей биржи), а частный человѣкъ, живущій въ этой мѣстности; предположите далѣе, что садъ его отдѣленъ только живою изгородью отъ воротъ его сосѣда, и что онъ желаетъ посоветоваться со мной относительно обстановки своей залы. Я осматриваюсь и нахожу, что стѣны немного голы; я нахожу, что не мѣшало бы оклеить ихъ тѣми или другими обоями, украсить потолочекъ двумя, тремя фресками, повѣсить на скна шелковыя драпировки. «Да, конечно! — говоритъ хозяинъ, — шелковыя драпировки... Все это прекрасно, но, знаете ли, въ данную минуту я не могу позволить себѣ подобныхъ расходовъ!» — А между тѣмъ говорятъ, у васъ колоссальное богатство! — «Да, да, — говоритъ мой пріятель, — но знаете ли, мнѣ приходится тратить почти все на стальные западни!» — На стальные западни?! Да для чего же? — «Какъ, для чего? Изъ-за этого сосѣда, по ту сторону изгороди; мы съ нимъ пріятель, знаете ли, въ прекраснѣйшихъ отношеніяхъ, но мы принуждены ставить капканы по обѣимъ сторонамъ стѣны; безъ этихъ капкановъ и западней мы не могли бы сохранить наши дружескія отношенія. Хуже всего то, что мы оба люди довольно изобрѣтательные, и не проходитъ дня, чтобы мы не издумали какой-нибудь новой ловушки или ружейнаго приспособленія. На всѣ эти орудія обороны мы тратимъ ежегодно около 15 милліоновъ каждый, и я положительно не вижу возможности тратить меньше». Не правда ли, эти два человѣка обставили свою жизнь въ высшей степени комично? Но когда дѣло идетъ не о двухъ частныхъ лицахъ, а о двухъ націяхъ, это уже представляется мнѣ не только комичнымъ Бедламъ, быть можетъ, тоже возбуждалъ бы смѣхъ, если бы въ немъ содержался только одинъ сумасшедшій, и ваши рождественскія пантомимы смѣшны, когда ихъ разыгрываетъ одинъ клоунъ; но когда весь міръ превращается въ клоуна и разрисовываетъ себя собственной кровью вмѣсто кивовари, тогда, мнѣ кажется, это перестаетъ быть смѣшнымъ».

Эти послѣднія слова сказаны, конечно, не литераторомъ, развивающимъ свою идею; можно бы подумать, что ихъ говоритъ сумасшедшій, если бы онъ былъ не художникъ. Постоянно поглощенный зрительными впечатленіями, Рёскинъ отъ красной кивовари переходитъ непосредственно къ красной крови, такъ какъ цвѣта непосредственно сливаются. Образы чередуются, влекутъ за собой и измѣняютъ доказательства. «Мы, — можетъ онъ перефразировать извѣстные слова, — мы посмотримъ, вмѣсто того, чтобы думать!»

Что такое внутренняя жизнь? Въ какомъ видѣ представляется намъ размышленіе о томъ, какъ мало человѣкъ пользуется опытомъ древнихъ руководителей народовъ, мыслями великихъ философовъ? Для каждаго изъ насъ это отвлеченная идея; для Рёскина это образъ, пейзажъ, оживленный человѣческими фигурами:

«Есть картина, изображающая кладбище Киркби Лонсдаль, ручей, протекающій тамъ, долину, холмы и надъ всѣмъ этимъ утреннее облачное небо. Но вотъ появляется толпа школьничковъ; они не обращаютъ вниманія ни на этотъ пейзажъ, ни на мертвецовъ, покинувшихъ его для другихъ долинъ и другихъ небесъ, они строятъ на могилахъ башни изъ своихъ книгъ и разрушаютъ ихъ камешками. Такъ и мы играемъ словами умершихъ, которые могли бы многому научить насъ; мы бросаемъ ихъ по прихоти своей безпечной и жестокой фантазіи, забывая, что эти слова, которыя треплетъ теперь вѣтеръ, стояли не только на могильныхъ плитахъ, но на затворахъ волшебнаго склепа... Что я говорю? на воротахъ города спящихъ королей. Они бы проснулись для насъ, еслибъ мы сумѣли только назвать ихъ по именамъ...»

И что представляетъ собой внѣшняя жизнь, честолюбіе, тщеславіе, шумъ похвалъ и жалкихъ почестей, которыя мы покупаемъ цѣной нашего покоя? Снова образъ, на этотъ разъ картина, набросанная рукою мастера, въ ней оживаютъ мрачныя тѣни Риберы, чувствуется иронія Гольбейна, вѣетъ ужасомъ Швнгауера:

«Припоминаете ли вы, друзья мои, старинный обычай скивовъ, когда умиралъ глава семьи? На него надѣвали лучшія одежды, сажали въ повозку и возили по домамъ друзей. Каждый изъ нихъ сажалъ его на почетное мѣсто за столомъ и всѣ пировали въ его присутствіи. Представьте себѣ, что вамъ въ изысканныхъ выраженіяхъ, какъ принято въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, предлагаютъ оказать постепенно всѣ эти почести, тогда какъ вы считаете себя еще живымъ. Предположите, что вамъ скажутъ: «Вы будете медленно умирать; ваша кровь будетъ съ каждымъ днемъ стынуть; сердце будетъ биться, какъ ржавый желѣзный клапанъ; жизнь будетъ уходить отъ васъ и погружаться внутрь земли, въ тѣ льды, гдѣ мучится Каинъ; но взамѣнъ того тѣло ваше будетъ съ каждымъ днемъ облекаться въ богѣе роскошныя одежды, ѣздить все въ богѣе и богѣе высокихъ колесницахъ и на груди его появится все больше знаковъ отличія; даже, если угодно, на головѣ окажется корона. Люди будутъ любоваться имъ, привѣтствовать его, кланяться, цѣлыя толпы будутъ слѣдовать за нимъ по улицамъ. Ему воздвигнутъ дворцы, будутъ задавать пиры, на которыхъ оно займетъ почетное мѣсто; и душа ваша будетъ ровно настолько присутствовать въ тѣлѣ, чтобы чувствовать все, что происходитъ, ощущать тяжесть золотой одежды на плечахъ и давленіе короны на черепъ, но не больше». Приняли ли бы вы такое предложеніе, сдѣланное ангеломъ смерти? Самый ничтожный изъ васъ принялъ ли бы его, скажите? А между тѣмъ въ дѣйствительности его принимаетъ всякій челоуѣкъ, который слѣдуетъ жизненнымъ путемъ, не зная, что такое жизнь, и понимая только одно, что ему надо получить какъ можно больше лошадей, лакеевъ, богатства, почестей, но никакъ не сохранить душу живую. Только тотъ идетъ впередъ въ жизни, чье сердце дѣлается все нѣж-

нѣе, кровь горячѣе, мозгъ дѣятельнѣе, чей духъ пріобщается къ вѣчному покою».

Перевернемъ нѣсколько страницъ: мрачное видѣніе исчезаетъ. Отъ психологіи честолюбца мы переходимъ къ психологіи женщины, какая была бы по сердцу Рескину; это женщина умная и скромная, ей не чужда наука, но она «не превратила ее въ энциклопедическій словарь», она служитъ ей не «для того, чтобы знать, а чтобы чувствовать и понимать»,—и вотъ этотъ глубокій анализъ женскаго воспитанія заканчивается картиной, исполненной свѣта и тѣней, въ духѣ Діаца.

«Всюду, куда входитъ истинная супруга, она создаетъ домашній очагъ. Пусть надъ головой ея горять только звѣзды, а подъ ногами въ холодной ночной травѣ блестять осколки стекла. Гдѣ она—тамъ домашній очагъ, и если это благородная женщина, его тепло распространяется далеко вокругъ; онъ грѣетъ больше, чѣмъ если бы надъ нимъ былъ потолокъ изъ кедра, раскрашенный яркими красками; его тихій свѣтъ освѣщаетъ тѣхъ, кто иначе остался бы одинокимъ. Не правда ли, вотъ гдѣ истинное мѣсто, вотъ въ чемъ истинное назначеніе женщины. Но, знаете ли, чтобы исполнить его, она должна быть, насколько это можно сказать про человѣческое существо, неспособна къ заблужденіямъ. Тамъ, гдѣ царитъ женщина, все должно идти прямо, или ничто не двинется съ мѣста. Она должна быть доброй, неизмѣнно и неподкупно мудрой, инстинктивно и непогрѣшимо, мудрой не въ развитіи своей личности, а въ самоотверженіи, мудрой не съ тѣмъ, чтобы первенствовать надъ мужемъ, но чтобы не оступаться, идя съ нимъ рядомъ; мудрой безъ гордости, узкой, надменной и лишенной любви, но съ нѣжной заботливостью, съ скромной готовностью служить другимъ въ различныхъ, безконечно разнообразныхъ и всегда примѣнимыхъ формахъ,—въ этомъ и заключается истинная измѣнчивость женщины. Въ этомъ великомъ смыслѣ можно сказать *la donna è mobile* *),—не какъ «перышко, носимое вѣтромъ», не какъ «тѣнь стройной, трепещущей осины»,—она измѣнчива, какъ свѣтъ, прекрасный и чистый въ безконечномъ разнообразіи—свѣтъ, принимающій цвѣтъ всякаго предмета, на который онъ падаетъ, но съ тѣмъ, чтобы заставить его ярче блистать».

Взглядомъ художника онъ разсматриваетъ картин, изучаетъ догматы. Исторія для него—это площадь, нарисованная Каналето, по которой проходятъ фигуры, то въ роскошныхъ одеждахъ, то въ нищенскихъ лохмотьяхъ; они несутъ знамена, которыя онъ радостно описываетъ, составляютъ гербы, которые онъ тщательно анализируетъ, чеканятъ монеты, которыя онъ подбрасываетъ передъ вашими глазами быстрымъ и ловкимъ движеніемъ, какъ Пьетро Медичи въ Уффичи. Трилистникъ, изображенный у ногъ св. Іоанна на флорентійскомъ фло-

*) Женщина измѣнчива.

ринѣ, сдѣланномъ въ долинѣ Серціо, служить для него изображеніемъ побѣды флорентійцевъ надъ пизанцами и онъ слѣдитъ за успѣхами народнои партіи во Флоренціи по измѣненію одного цвѣта въ городскомъ гербѣ, какъ мы слѣдимъ за теченіемъ времени по какой-нибудь тѣни, ползущей по стѣнѣ.

Если онъ говоритъ о лавѣ и кремнеземахъ, о пористыхъ и известковыхъ земляхъ, о слоистой почвѣ Кумберланда, о передвиженіи ледниковъ въ Швейцаріи, мы опять видимъ передъ собой художника, онъ смотритъ на науку, какъ на пейзажъ, линіи котораго мѣняются вѣстѣ съ измѣненіемъ элементовъ—истороженій и вѣчныхъ возрожденій, законы котораго воплощаются въ формахъ облаковъ, въ формахъ цвѣтовъ. Религіи онъ разсматриваетъ, какъ фрески старинныхъ мастеровъ, богословскія добродѣтели измѣряются красивыми жемами и догматы оцѣниваются по чистотѣ красокъ. Весь циклъ идей и предметовъ онъ обзрѣваетъ съ кистью художника въ рукахъ. Писатель думаетъ образами, что не всегда можно сказать о величайшихъ художникахъ его страны; за это именно, больше чѣмъ за его рисунки и акварели, его можно назвать живописцемъ, наиболѣе живописнымъ во всемъ Соединенномъ королевствѣ. Слова, въ которыя онъ облекаетъ свои образы, всегда кажутся ему недостаточно яркими. Его не удовлетворяютъ смутныя, неопредѣленныя представленія, вылинявшія отъ долгаго употребленія, какое они вызываютъ въ умѣ. Какъ живописецъ выжимаетъ свои трубочки, чтобы извлечь изъ нихъ побольше кобальта или киновари, такъ и онъ перетряхиваетъ слова, чтобы добыть изъ нихъ первоначальный образъ, породившій ихъ, чтобы дать взору больше пищи.

«Страна, которую орошаютъ По и Эчь (*Pease che Adice e Po riga*, по выраженію Данте) есть Ломбардія, и ее достаточно опредѣляетъ главная рѣка, но у Данте были свои причины упоминать и Эчь. По долинѣ Эча проникала всегда въ Италію власть германскихъ цезарей, и укрѣпленный мостъ, о которомъ, конечно, вспомнить многіе изъ васъ, былъ переброшенъ черезъ Эчь въ Веронѣ, для того, чтобы германскіе рыцари могли во всякое время имѣть доступъ въ этотъ городъ. Городъ этотъ былъ ихъ первой крѣпостью въ Италіи, тамъ имъ помогалъ знаменитый родъ Монтеки, Монтакуты, Монтегю или Монтагъ, заимствовавшій свое имя отъ вершинъ горъ (*montagnes*), и вѣчно боровшіеся съ Капулетти, носившими красную шляпу. Такое происхожденіе ихъ именъ на ряду съ знакомой вамъ вѣчной борьбой между острыми горными вершинами и плоскими шапками тучъ до нѣкоторой степени иллюстрируетъ борьбу императора Фридриха II съ Иннокентіемъ IV; а ихъ борьба со всѣмъ, что въ ней было и дурного, и хорошаго, служить проявленіемъ происходившихъ во всѣ времена столкновеній прочной, рационалистической свѣтской власти короля съ болѣе или менѣе призрачной, воображаемой, завернутой въ сутану и окутанной тучами властью папъ и церкви».

*

Напрасно пыгается онъ оправдаться въ этой этимологической ма-ни, постоянно увлекающей его въ сторону, утверждая, что «филологія все равно, что философія»; его влечетъ не философская точность, а оригинальность и яркость языка.

Но до сихъ поръ это все были образы, дѣйствующіе на духовный взоръ человѣка, а Рѣскинъ хочетъ поражать и физическое зрѣніе читателя. Для этого онъ помѣщаетъ въ своихъ книгахъ множество графическихкихъ изображеній. Гдѣ только возможно, онъ замѣняетъ литературные примѣры—пластическими. Никакое литературное разсужденіе не можетъ такъ ярко показать разницу въ отношеніи къ одному и тому же пейзажу Гирландайо и Клода Лорена, какъ сопоставленіе двухъ гравюръ съ ихъ картинъ, которыя даетъ Рѣскинъ въ IV томѣ своихъ *Современныхъ живописцевъ*; никакое поэтическое описаніе, какъ бы оно ни было ярко, не объяснить, какая пропасть лежитъ между холоднымъ и условнымъ изображеніемъ быка индійскаго художника и полнымъ-жизни быкомъ на греческой медали, а сопоставленіе двухъ гравюръ на 226 страницѣ *Пентеликосскаго плуга* сразу даетъ намъ это почувствовать. Наконецъ,—хотя это скорѣе шутка, чѣмъ серьезный аргументъ, Рѣскинъ на одной и той же страницѣ даетъ намъ прекрасное изображеніе человѣкоподобнаго бога древности—Аполлона Сиракузскаго и рядомъ портретъ цивилизованнаго человѣка, дѣловаго лондонца, съ печной трубой на головѣ, съ очками на носу, съ подстриженными бакенбардами; отъ одного взгляда на нихъ у насъ получается болѣе яркое впечатлѣніе, чѣмъ если бы мы выслушали длинный докладъ какого-нибудь антрополога въ академіи.

Даже въ самомъ способѣ печатаніи книгъ его не покидаетъ стремленіе къ живописности и образности, постоянно чувствуется намѣреніе автора поражать и восхищать взоръ. Параграфы расположены со вкусомъ, разстоянія между строкъ тщательно изучены; курсивы и заглавныя буквы разсыпаны щедрой рукой, греческія и старо-французскія слова пріятно нарушаютъ однообразіе англійскаго текста. Мало того, если онъ хочетъ показать, какъ плохо исполняетъ XIX вѣкъ свой социальный долгъ, онъ перепечатываетъ цѣликомъ отрывокъ изъ *Daily Telegraph*, описывающій ужасную драму, разыгравшуюся въ Спитальфильдѣ на почвѣ крайней нищеты; самыя слова рисуютъ ее съ достаточной яркостью, но художникъ, живущій въ Рѣскинѣ, не удовлетворяется этимъ,—для него все еще мало красокъ, и вотъ онъ печатаетъ весь отрывокъ красными буквами, подъ тѣмъ предлогомъ, что «именно этимъ цвѣтомъ будутъ написаны подобные факты въ той книгѣ, которую раньше или позже придется прочесть каждому изъ насъ, и грамотному, и неграмотному»,—а въ ожиданіи этой страшной книги, вы находите въ *Сезамѣ* три ослѣпительныя, кровавыя страницы, которыя невозможно забыть, разъ прочитаешь, особенно если пришлось читать ихъ вечеромъ, при свѣтѣ лампы.

Здѣсь наиболѣе ярко проявляется вниманіе Рѣскина къ самымъ незначительнымъ мелочамъ. Рядомъ съ широкими общими построениями эти мелочи производятъ пріятное впечатлѣніе. Этимологія служить отдыхомъ отъ мощнаго краснорѣчія и окраска слова радуетъ глазъ послѣ крупныхъ штриховъ и яркихъ тоновъ историческихъ фресокъ. Величина образовъ тоже постоянно мѣняется. Отъ широкой картины Римской Кампаньи мы переходимъ къ внимательному изученію какой-нибудь подробности, одного человѣка, одного момента, былинки травы, какого-нибудь слога. Но вотъ глаза ваши устали разбирать разную тарабарщину, изучать буквы какого-нибудь требника, тогда передъ ними вновь открываются залитыя солнцемъ широкія равнины,—*Просторъ* (L'Espace) Чинтрейля послѣ *Кустарника* Рюисдаля. Наконецъ, взоръ усталъ блуждать по безграничному простору, гдѣ не на чемъ остановиться, не къ чему внимательно приглядѣться, тогда онъ возвращаетъ его назадъ, къ жуку, ползающему у вашихъ ногъ. Слингандтъ послѣ Тернера. Отъ микроскопа мы переходимъ къ панорамѣ, отъ панорамы къ микроскопу. Точно вамъ приходится путешествовать, то въ обществѣ энтомолога, то астронома. Но,—энтомологъ, астрономъ или поэтъ,—вашъ спутникъ всегда остается художникомъ. И какъ художникъ, онъ никогда не выдумываетъ картинъ и не составляетъ ихъ, подбирая по своему произволу различные отдѣльные элементы.

Если онъ описываетъ пейзажъ, то это не пейзажъ вообще, какой онъ можетъ быть, но именно тотъ, который онъ видѣлъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время года, въ такомъ-то году, при такомъ-то освѣщеніи, какъ Клодъ Монэ въ своихъ *Стогахъ сна*, какъ Ашаръ въ своихъ пейзажахъ, онъ не прибавитъ ни одной былинки, которой онъ не видалъ своими глазами, не восхищался въ дѣйствительности. Онъ всегда точенъ. Это было «часъ спустя послѣ захода солнца среди безпорядочныхъ зарослей еловаго лѣса, окаймляющаго теченіе Эны, въ Юрѣ, надъ деревней».

«Это было весной, и цвѣты росли тѣсными группами, точно ихъ влекла любовь; мѣста было довольно для всѣхъ, но они жались другъ къ другу, мяли свои листочки, придавая имъ самыя причудливыя формы, для того только, чтобы быть ближе другъ къ другу. Тамъ сіяли звѣзды лѣсныхъ анемоновъ, постоянно сливавшихся въ туманныя пятна, группами росли кислицы, точно процессіи дѣвушекъ въ мѣсяцъ Дѣвы Маріи *). Темныя расщелины известковыхъ скалъ были сплошь заполнены этими цвѣтами, точно густымъ слоємъ снѣга, окаймленнаго по краямъ плющомъ, легкимъ и нѣжнымъ, какъ виноградъ; то тутъ, то тамъ голубыя искры фіалокъ, на солнечныхъ полянкахъ колокольчики буквицъ, а на самыхъ открытыхъ мѣстахъ вика, нѣжные побѣги

*) Мѣсяцъ май.

и голубыя жилки *poligala alpina* (альпійскаго истода) и дикая земляника—одинъ, два цвѣтка, не больше, и все это тонуло въ золотистомъ бархатѣ густого, теплаго мха цвѣта янтаря. Я подошелъ къ краю лощины, снизу доносился торжественный рокотъ водъ виѣстѣ съ пѣніемъ дроздовъ въ вѣтвяхъ елей; а на противоположномъ берегу долины, окруженной стѣнной сѣрыхъ известковыхъ скалъ, медленно улеталъ соколъ, почти задѣвая крыльями края скалъ, и на перьяхъ его скользили тѣни елей, роспихъ на вершинахъ; а подъ нимъ была глубина сажень во сто и быстрыя волны зеленой рѣчки прихотливо плескались и блистали внизу, и гребни пѣны стремились въ ту же сторону, куда летѣла птица»...

Вы видите все это передъ собой, и вы не чувствуете кропотливыхъ усилій автора облечь это въ форму картины, для васъ ясно, что онъ воспринялъ это непосредственно въ образахъ. Вы не скажете, что это рисуетъ писатель—это пишетъ художникъ. Онъ напомнитъ вамъ не переписчика, мѣстами украшающаго свой часословъ картинками: это скорѣе иллюстраторъ; онъ долго водилъ своей кистью по пергаменту, но, наконецъ, схватываетъ перо, пытаясь описать свои впечатлѣнія еще словами, на кончикахъ его пальцевъ остались еще слѣды золота и лазури, которыми онъ такъ долго рисовалъ. И они ему нужныеще, задача его не легка, онъ пытается нарисовать *воздухъ*. Онъ призываетъ на помощь всѣ мысли, какія ему удалось извлечь изъ картинъ природы и картинъ художниковъ; идеи и образы порождаютъ и смѣняютъ другъ друга и сливаются такъ тѣсно, что мы наконецъ не знаемъ, какъ назвать это—акварель, страница изъ естественной исторіи или лирическое стихотвореніе.

«Воздушный океанъ, окружающій землю, входитъ въ живую связь съ землей на ея поверхности и съ ея водами, являясь причиной возникновенія на нихъ живыхъ существъ. Воздухъ согрѣваетъ и защищаетъ ихъ, сохраняя въ себѣ теплоту солнечныхъ лучей и ослабляя ихъ дѣйствіе своими облаками. Онъ грѣетъ и освѣжаетъ, прогоняетъ морозы зефиромъ, и бѣлыя гирлянды на поляхъ швейцарскаго крестьянина таютъ отъ дѣйствія лучей, отраженныхъ отъ Ливійскихъ скалъ.

«Онъ сообщаетъ морю свою силу; онъ создаетъ и наполняетъ всякую ячейку его пѣны, рисуетъ очертанія его волнъ, придаетъ имъ блескъ, когда онѣ вздымаются ночью, и зажигаетъ бѣловатымъ пламенемъ его равнину при восходѣ солнца, онъ приноситъ скаламъ голосъ моря, носитъ надъ нимъ брызги пѣны, точно стаю птицъ, оставляющихъ слѣды своихъ лапокъ на пескѣ этой равнины, на которую не вступала ничья нога.

«Онъ захватываетъ горсть этой влаги, окрашиваетъ ея холмы въ темно-голубой, а ледники въ блѣдно розовый цвѣтъ; онъ украшаетъ сафирами храмъ облаковъ, образуетъ небесныя стада, дѣлится и считаетъ ихъ, ласкаетъ, носитъ ихъ на груди своей, отправляетъ ихъ въ

путь, убаюкиваетъ, питаетъ ими неизсякающіе источники и перемѣжающія росы.

«Онъ плететъ ихъ ткань и покрываетъ ее фантастическими узорами, рветъ ее на части и снова сплетаетъ, дышитъ, вспыхиваетъ въ ней и шуршитъ золотыми нитями и пробѣгаетъ по нимъ тайнымъ огнемъ, отъ котораго вся ткань содрагается, точно онъ вдохнулъ въ нее жизнь.

«Онъ проникаетъ въ поверхность земли, покоряетъ ее, превращаетъ въ плодоносный прахъ, изъ котораго, быть можетъ, создано тѣло; онъ сверкаетъ алмазомъ въ ростъ и зеленымъ листкомъ вырастаетъ изъ сухой земли. Онъ входитъ во всѣ живыя существа, населяющія оплодотворенную имъ землю, повелѣваетъ приливами и отливами ихъ жизни, исполняетъ ихъ члены своей легкостью, своей властью сообщаетъ и отнимаетъ у нихъ жизнь, слетаетъ съ губъ ихъ словами, которыми одна душа сообщается съ другой, приноситъ звукъ ихъ слуху и создаетъ отвѣтное біеніе сердца и, покидая ихъ, оставляетъ въ вѣчномъ покоѣ, который не нарушитъ болѣе ни звукъ, ни движеніе...»

Но этимъ богатствомъ идей и образовъ не исчерпывается еще весь Рѣскинъ; намъ не хватало бы еще чего-то, если бы, насытивъ нашъ умъ и утомивъ воображеніе, онъ покинулъ насъ или устраивалъ снова и снова этотъ праздникъ ума и пиръ воображенія. Другіе критики умѣли также переходить отъ образовъ къ отвлеченнымъ соображеніямъ и обратно. Другіе тоже украшали мысли картинami и осмыслили образы идеями; они питали поэзію тайнымъ смысломъ природы и украшали науку видимой прелестью ея красоты. Но наступаетъ моментъ, когда этотъ искусный дилеттантизмъ, позабавивъ насъ своимъ разнообразіемъ, начинаетъ утомлять своею сухостью. Мелькаютъ цвѣта, смѣняются идеи, точки зрѣнія, съ разныхъ вершинъ открывается все тотъ же видъ, сплетаются факты, проходятъ различныя націи, но все это зрѣлище не вызываетъ отвѣтнаго трепета въ нашей душѣ. Удовольствія ума, удовольствія воображенія не удовлетворяютъ того, въ комъ бьется жизнь. Инстинктивно мы ищемъ чего-нибудь, что бы связывало, скрѣпляло, одушевляло всѣ эти идеи и образы, что дѣйствовало бы не только на наши философскія и артистическія наклонности, чего-нибудь, что шло бы дальше, завоевывало широкій кругъ людей, не артистовъ и не философовъ, что глубже затрогивало бы человѣческую душу и тѣснѣе привязывало ее къ религіи красоты.

Глава III.

Страсть.

Тогда является любовь.

Всѣ художественные критики описывали, многіе философствовали, немногіе любили. Часто они обсуждаютъ подлинность какой-нибудь кар-

тины, точно параграфъ ипотечнаго права, и сохраняють предъ лицомъ красоты хладнокровіе присяжнаго оцѣнщика. Читатель утомляется смотрѣть, не понимая, и понимать, не видя, но онъ утомляется также видѣть и понимать—не любя. Рѣскинъ учитъ и видѣть, и понимать, и любить, т. е. относится страстно къ эпохѣ, къ націи, къ таланту артиста и отзываться сердцемъ, замѣчая живыя, кровныя нити, связующія картины съ нашею жизнью, съ ея радостями и страданіями, съ нравственнымъ добромъ или зломъ. Дилеттантизмъ, равнодушная любознательность эстетиковъ чужды ему, и онъ ихъ презираетъ. Эта страстность и создаетъ его оригинальность. Вы найдете у Лессинга такія же, но лучше связанные разсужденія, у Мишле такіе же образы, но болѣе послѣдовательные, у Стендаля—психологію, у Топфера—юморъ, у Фроментена—прекрасную технику, у Винкельмана—краснорѣчіе, у Теофиля Готье—яркость красокъ, у Рейнольда—педагогику, у Тэна—обобщенія, у Чарльза Бланка—классификацію; но только у Рѣскина—любовь. Книги его отъ начала до конца проникнуты дыханьемъ энтузіазма или гнѣва; онъ полонъ разсужденій, но разсужденія эти нужны ему для пропаганды; онъ богатъ образами, но образы для него—только средства убѣжденія. Если и тѣ, и другіе хаотичны, то это потому, что рука проповѣдника дрожитъ отъ волненія, когда онъ представляетъ ихъ на судъ читателей. Взятые отдѣльно, эти отрывки не многимъ отличаются отъ описаній другихъ авторовъ, но когда ихъ связываетъ и приводитъ въ движеніе страсть борца-энтузіаста, они увлекаютъ все за собой. Любовь—это кинематографъ, который возвращаетъ имъ жизнь.

Касаясь съ вѣжностью Виргилія самыхъ мелкихъ подробностей, онъ прогоняетъ морщины со лба ученаго и исправляетъ движенія артиста. Для чего написаны эти тридцать страницъ объ облакахъ, о ихъ равновѣсіи, объ отбрасываемыхъ ими тѣняхъ, о ихъ геометрическихъ формахъ, о ихъ хлопьяхъ? Для того, чтобы показать, что Тернеръ, надъ которымъ смѣются и иронизируютъ, «именно въ этомъ, болѣе чѣмъ во всемъ остальномъ, стоитъ исключительно на почвѣ точнаго воспроизведенія природы». Къ чему эти шестнадцать страницъ, посвященныхъ вѣтвямъ деревьевъ? Онъ написаны противъ Клода Лорена, въ защиту несравненной красоты вѣтвей, которую изображенія классическаго живописца передаютъ не больше, чѣмъ вѣшалка передаетъ красоту человѣческихъ плечъ, и «если кто-нибудь станетъ утверждать, что подобное произведеніе можетъ, тѣмъ не менѣе, дать представленіе о деревѣ, мы отвѣтимъ, что оно никогда не дастъ представленія о деревѣ *тому, кто любитъ деревья!*» Понимаемое такимъ образомъ описаніе не имѣетъ въ себѣ ничего искусственнаго. Это уже не игра ума, это скорѣе крикъ сердца. Прочтите лучше предисловіе къ *Королевъ воздуха*, написанное въ Веве передъ дымящими фабриками и пароходами:

«Въ этотъ первый день мая 1869 года я снова пишу тамъ, гдѣ тридцать пять лѣтъ тому назадъ я началъ дѣло своей жизни передъ

лицомъ высокихъ Альпъ. Въ теченіе этой половины жизни, отпущенной человѣку, на моихъ глазахъ различныя бѣдствія обрушились на тѣ мѣста, которыя я такъ любилъ и училъ другихъ любить. Свѣтъ, согрѣвавшій нѣкогда эти бѣдныя вершины розовымъ сіяніемъ на зарѣ и пурпуромъ на закатѣ, теперь затуманился и поблекъ; воздухъ, наполнившій нѣкогда лазурью расщелины золотистыхъ скалъ, загрязненъ тяжелыми кольцами дыма, который изрыгаетъ огонь болѣе опасный, чѣмъ огонь вулкановъ; даже ледники ихъ уменьшаются и снѣга начинаютъ таять, точно на нихъ дохнулъ самъ адъ; и хрустальные воды, мирно дремавшія у ихъ подножія, осквернены и запятяны, по всей поверхности отъ одного берега до другого. Я говорю это не наобумъ, все это жестокая, ужасная истина! Я знаю, что представляли собой прежде швейцарскія озера, ни одинъ альпійскій ключъ у своего источника не могъ поспорить съ ними въ прозрачной чистотѣ. Сегодня утромъ на Женевскомъ озерѣ за полмили отъ берега я едва могъ рассмотреть свое весло на трехаршинной глубинѣ.

«Свѣтъ, воздухъ, воды—все осквернено! А что случилось съ самой землей? Возьмите для примѣра отношеніе современнаго швейцарца къ своей родной землѣ. Раньше въ концѣ аллеи у Невшателя была небольшая скала—последняя мраморная ступень Юры, спускающаяся къ голубому озеру и (въ это время года) покрытая великолѣпными кустами розовыхъ мылянокъ. Для три тому назадъ я пошелъ на это мѣсто сорвать цвѣтокъ. Красивая естественная скала и цвѣты были покрыты пылью и городскими отбросами; но зато посреди аллеи возвышалась искусственная скала новѣйшей постройки съ фонтаномъ, бьющимъ тонкой струйкой, и съ надписью на одномъ изъ камней:

Ботаникамъ
Юрскій клубъ.

«О, жрецы современной науки, верните мнѣ мою Аѳину, выпустите ее изъ вашихъ ретортъ и спрячьте туда опять, если возможно, Асмодея! Вы разъединили элементы и снова соединили ихъ; на землѣ вы превратили ихъ въ своихъ слугъ, вы изучили ихъ на звѣздахъ. Научите насъ теперь одному, что долженъ знать человѣкъ, что воздухъ данъ ему для жизни, дождь для питья и для крещенья, огонь для тепла, солнце для свѣта, а земля для пищи и для послѣдняго успокоенія».

Пусть васъ не удивляетъ этотъ крикъ отчаянія по поводу ползущаго дыма и эти слезы надъ погибшимъ розовымъ кустомъ. Въ этой страстности вся сила Рѣскина. Онъ описываетъ только потому, что любитъ. Его нѣжность обнимаетъ всѣ предметы, радующіе его взоръ: и кристаллы, у которыхъ онъ находилъ и добродѣтели, и капризы, и ссоры, и огорченія, и сны; горы, которыя онъ называетъ сухожиліями и мускулами земли, напряженными страшнымъ судорожнымъ усиленіемъ; долины и отлогіе холмы, представляющіе спокойное состояніе или

движеніе безъ усилія этого тѣла, въ то время, когда мускулы отдыхаютъ или дремлютъ; снѣга и ледники, передвиженія которыхъ онъ воспѣвалъ, и драгоцѣнные камни, тайны жизни которыхъ онъ открывалъ, «лиліи земли», «живыя волны», «bruma artifex» и «ересь горъ». Она распространяется на всѣ растенія, и на тѣ, которыя селятся на землѣ, какъ лиліи, или на скалахъ и на стволахъ другихъ растеній, какъ мхи и лишай, и живутъ годъ, нѣсколько лѣтъ или мириады лѣтъ, но, умирая, исчезаютъ безслѣдно, какъ исчезаетъ арабъ со своей палаткой,—«бѣдные кочевники растительнаго міра, не оставляющіе о себѣ никакихъ воспоминаній», а также тѣ растенія которыя возводятъ постройки на землѣ и далеко въ глубь погружаютъ свои корни, растенія-строители. Въ этихъ растеніяхъ нѣжность его простирается и на бутоны, и на стебель, на которомъ они растутъ и который съ каждымъ бутонемъ становится все тоньше, напоминая Дижонскій шпигъ, Ульмскій фонтанъ или Веронскія колонны; и на листья, о которыхъ онъ говоритъ: «если вы можете нарисовать листъ, вы можете нарисовать міръ!», и на стволы, которые онъ называетъ «посланіемъ къ корнямъ», и на корни, «у которыхъ въ сердцѣ одинаковое съ стеблемъ стремленіе расти,—только у однихъ какъ можно выше, прямо къ свѣтлому небу, у другихъ—какъ можно глубже, въ темныя нѣдра земли»; онъ оплакиваетъ тѣ бутоны, которые не могли расцвѣсть и, подчинившись непреложнымъ законамъ, пожертвовали собой красотѣ цѣлаго. И эта нѣжность, звучащая въ голосѣ Виргилія, обвѣявъ своимъ дыханьемъ колеблемые вѣтромъ лѣса, возвращается къ неподвижной зелени маленькихъ отшельниковъ, прикасается къ нимъ мягкой кистью Коро, и, касаясь, вливаетъ въ нихъ жизнь, которую всякій любящій сообщаетъ тому, кого онъ любитъ.

«Мы находимъ красоту въ деревѣ, приносящемъ плодъ, и въ травѣ, приносящей сѣмя. Что же сказать о травѣ, лишенной сѣмянъ, объ этихъ лишаяхъ, растущихъ на скалахъ, лишенныхъ плодовъ, лишенныхъ цвѣтовъ? Что сказать о лишаяхъ и о мхахъ? Хотя они иногда также роскошны и густы, какъ трава, но они остаются самыми скромными изъ всѣхъ зеленыхъ существъ, живущихъ на землѣ. Скромныя созданья! первый даръ милосердія земли, прикрывающей ихъ безмолвнымъ мягкимъ покровомъ наготу своихъ однообразныхъ скалъ! Созданья, полныя жалости, смягчающія своимъ таинственнымъ и нѣжнымъ прикосновеніемъ угловатыя формы развалинъ, кладущія печать успокоенія на старые трясущіеся камни. Я не знаю, какими словами описать эти мхи. Я не нахожу достаточно нѣжныхъ, достаточно совершенныхъ, достаточно богатыхъ. Какъ описать эти зеленыя пушистыя округлости, сверкающія рубинами звѣзды такого тонкаго узора, точно Горный Духъ прядетъ ихъ изъ порфира такъ же искусно, какъ мы прядемъ стекла, серебряныя сѣтки, переплетающіяся тонкими кружевами, блестящія, похожія на дерево; просвѣчивающія темныя волокна, точно вышивки разноцвѣтными

шелками, причудливыя и прекрасныя, и въ то же время тихія и скромныя, созданныя для самыхъ простыхъ и кроткихъ дѣлъ милосердія. Изъ нихъ не плетутъ гирляндъ и любовь не приноситъ ихъ въ даръ, какъ цвѣты, но вольныя птицы вьютъ изъ нихъ себѣ гнѣзда, а усталый ребенокъ кладетъ на нихъ свою голову.

«Первый даръ милосердія земли—они остаются также и ея послѣднимъ даромъ. Когда услуги всѣхъ остальныхъ деревьевъ и растеній становятся для насъ бесполезными, вѣжные мхи и сѣрый лишай охраняютъ нашъ надгробный камень. Лѣса, цвѣты, травы, приносящіе дары, исполнили свое временное назначеніе, а ихъ назначеніе—вѣчно. Деревья для построекъ строителей, цвѣты для комнаты новобрачной, зерна для амбаровъ и житницъ,—мохъ для могилъ».

Эта человѣческая черта, пробуждая среди радостей природы, цвѣтущей и забывающей,—воспоминаніе о человѣкѣ, страдающемъ и вспоминающемъ, покоряетъ тѣхъ изъ читателей, которыхъ нельзя привлечь сочувствіемъ къ красотѣ растеній. У Рёскина состраданіе къ живымъ существамъ всегда во время приходитъ на смѣну восхищенію неодушевленными предметами. Цвѣты въ его глазахъ не заслоняютъ человѣка, какъ розы Геліогабала. Произведенія, даже произведенія искусства не заслоняютъ творца ихъ—человѣка. Въ музеяхъ, передъ лицомъ прекрасныхъ и величественныхъ произведеній, сохранившихся для нашего удовольствія отъ прошлыхъ вѣковъ, онъ не забываетъ о нашемъ вѣкѣ, и когда торжествуетъ неправда и поднимается уровень нищеты, онъ отворачивается отъ картинъ и обращается къ дѣйствительности съ гнѣвнымъ крикомъ, который потрясаетъ тѣхъ, кого не трогаютъ восклицанія экстаза.

Однажды въ Оксфордѣ онъ развернулъ передъ своими учениками двѣ величайшія страницы исторіи искусства всего міра: *Страшный судъ* Микель Анджело въ глубинѣ Сикстинской капеллы съ грѣшниками, стремглавъ летящими внизъ, и *Рай* Тинторето, покрывшій фигурами блаженныхъ весь задній планъ большой залы во дворцѣ Дожей, и потолокъ, и карнизы, и двери; въ тотъ моментъ, когда онъ кончилъ кропотливое сравненіе этихъ двухъ великихъ произведеній и выражалъ сожалѣніе, что *Рай* осужденъ на гибель вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ залѣ, онъ вдругъ останавливается, вспоминая о другого рода бѣдствіяхъ... Парижъ осажденъ, Парижъ отданъ на жертву голоду и пожарамъ, и онъ задается вопросомъ, можно ли требовать справедливости для произведеній искусства, если вѣтъ болѣе жалости къ людямъ... И спокойная лекція, состоявшая изъ разсужденій и хронологическихъ данныхъ, заканчивается при громѣ аплодисментовъ горячимъ протестомъ, потрясающимъ всю аудиторію, такъ какъ въ каждомъ сердцѣ онъ находитъ откликъ.

«Наступаетъ, кажется, время, когда намъ не надо будетъ изучать мечты художниковъ, чтобы получить представленіе о страшномъ судѣ

и раѣ. Я думаю, что скоро мы перестанемъ шутить для развлечения гнѣвомъ небесъ, и самонадѣянно презирать небесную любовь. Вѣрьте мнѣ, все искусство, всѣ сокровища людей живы только до тѣхъ поръ, пока они избираютъ въ своемъ сердцѣ не Божій гнѣвъ, а его благо-словеніе. Теперь наша земля покрыта развалинами, наше небо омрачено смертью. Не лучше ли намъ начать судить самихъ себя, чѣмъ забавляться, изображая грядущій судъ?»

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя пушечная пальба въ Сатори снова прерываетъ его мечты и находитъ отголосокъ въ его писаніяхъ. Эти слова ему, конечно, внушаетъ сердце; и сердце же заставляетъ этого эстетика, при видѣ банальной картины въ иллюстрированномъ журналѣ, разразиться слѣдующими восклицаніями беспорядочными, хаотичными, странными, но такими человѣчными и такими необычными въ устахъ художественнаго критика или коллекционера.

«Друзья мои, не попадался ли кому-нибудь изъ васъ въ руки 83-й номеръ *Grafic'a* съ картинкой, изображающей концертъ у королевы? Всѣ эти прекрасныя дамы сидятъ такъ кокетливо, и такъ пріятно видѣть, какъ хорошо выполняютъ онѣ главное назначеніе женщины—граціозно носить изящныя туалеты; прелестная гнѣвица съ бѣлымъ горлышкомъ щебечетъ такъ мелодично и такъ нравственно: «Мой домъ, мой родной домъ!». Вотъ что должно быть идеаломъ добродѣтельной жизни, по мнѣнію *Grafic'a*! О, конечно, наша совѣсть можетъ быть спокойна—всѣ наши добродѣтели въ шелковыхъ туфляхъ и подъ кружевными вуалями на лицо, и наше царство небесное уже настало, наградивъ насъ коронами изъ сверкающихъ алмазовъ. Херувимы и серафимы въ парижскихъ туалетахъ (цвѣта небесно-голубого, оливковаго или цвѣта подстрѣленнаго голубя), танцуютъ подъ звуки оркестра Кука и Тунея, а для контраста тутъ же, въ видѣ поученія, фигурируетъ и адъ бѣдныяковъ—зло слѣдуетъ своимъ путемъ къ своему презрѣнному концу. Рабочій и петролейщица, посаженные, наконецъ, въ тюрьму, идутъ на смерть, бросая кругомъ растерянные взгляды...

«Увы! которая изъ этихъ двухъ различныхъ человѣческихъ расъ, изъ которыхъ одна должна была руководить и поучать другую, болѣе преступна? Тѣ, которые не хотѣли руководить, или тѣ, которые не были руководимы? Кто болѣе виновенъ? Тѣ, которые теперь умираютъ, или тѣ, которые забываютъ о нихъ?»

«Рабочій и петролейщица... они прошли своей дорогой къ смерти. Но надъ ихъ могилой Дѣва Франція простретъ свою орифламу и покроетъ бѣлыми лиліями ихъ поруганный прахъ. Да, и для нихъ великій Карлъ разбудитъ своего Роланда и заставитъ его приложить къ губамъ свой легендарный рогъ и играть на немъ побѣдную гнѣсню, и Орлеанская дѣва отзовется ему изъ лѣсовъ Домреми, да, и для нихъ Людовикъ, котораго они осмѣивали, сдѣлаетъ, какъ его Господь: онъ подыметъ свои святыя руки и будетъ звать о Божьемъ мирѣ!»

Законченный подобнымъ образомъ, разборъ произведенія искусства не иссушитъ сердца; изученіе своихъ впечатлѣній, вниманіе къ своему собственному «я» дѣлаетъ его только болѣе отзывчивымъ къ человѣческимъ жалобамъ, также какъ уходъ за деревомъ заставляетъ его приносить больше плодовъ. Какъ изученіе природы и изученіе искусства, такъ и изученіе человѣческой души, согрѣвается у Рѣскина лучше нѣжности. Эта нѣжность говоритъ въ немъ, когда онъ изучаетъ душу молодого солдата въ лекціи въ Вульвичѣ, какъ раньше она говорила въ немъ, когда онъ описывалъ лѣсные мхи или *Рай* Тинторето.

«Быть героинями въ минуту опасности,—воскликаетъ онъ, обращаясь къ женамъ англійскихъ офицеровъ,—этого мало: вѣдь вы англичанки! Быть героинями при поворотахъ и измѣнахъ счастья—этого мало: вѣдь вы любимы! Быть терпѣливыми, когда потеря возлюбленныхъ погружаетъ васъ въ пустоту и безмолвіе—этого мало: вѣдь вы можете любить и въ небѣ. Но быть героинями въ счастье; стоять прямо и твердо подъ ослабительными лучами утренняго солнца; не забывать Бога и отдаваться ему, когда онъ осыпаетъ васъ своими дарами; не измѣнять тѣмъ, кто отдается вамъ, думая, что въ это время меньше всего въ васъ нуждается,—вотъ поистинѣ трудный подвигъ. Не во время печальной разлуки, не во время опасностей битвы, не во время страданій болѣзни должны быть всего жарче ваши молитвы и всего нѣжнѣе ваша заботливость. Молитесь, жены и матери, за вашихъ молодыхъ солдатъ, когда слава ихъ въ разцвѣтѣ; молитесь за нихъ когда имъ угрожаетъ единственная опасность отъ ихъ собственной злой воли; бодрствуйте и молитесь, когда имъ угрожаетъ не смерть, а искушеніе».

Любовь скрашиваетъ собой слишкомъ кропотливый анализъ учителя и смягчаетъ слишкомъ беспощадную иронию. Такъ какъ часто не любовь внушаетъ ему его мысли, а иронія. Порой онъ больше смущаетъ своей насмѣшкой, чѣмъ вдохновляетъ порывами своего лиризма. Онъ разрушаетъ и созидаетъ, оскорбляетъ и очаровываетъ. Онъ не дастъ заснуть, какъ поэты, убаюкивающіе ритмическими напѣвами, нѣжными и благородными; въ самый лирический моментъ онъ вдругъ разбудитъ васъ какимъ-нибудь рѣзкимъ парадоксомъ, сказаннымъ простымъ, хотя все еще нѣсколько приподнятымъ тономъ, который онъ самъ называетъ «полнымъ противорѣчій».

«Одна сторона въ службѣ солдата представляется мнѣ безусловно и безпримѣрно героической, а именно та, что ему за его службу платятъ мало и правильно, между тѣмъ какъ вы, промышленники и биржевики, вы любите получать за ваши дѣла много и случайно. Я никакъ не могу понять, почему странствующій рыцарь не ожидаетъ вознагражденія за свои труды, а странствующій торговецъ всегда ожидаетъ; почему люди готовы даромъ получать удары, и не согласны продать дешево кусокъ ленты; почему они охотно отправляются въ крестовый походъ завоевывать гробъ погребеннаго Бога, и не хотятъ идти испол-

нять приказанія живого Бога; они идутъ босыми ногами проповѣдывать свою вѣру, но требуютъ хорошаго содержанія, чтобы исполнять ея требованія и готовы даромъ давать Евангеліе, но не хотятъ дать хлѣба и рыбы».

Довольно!—воскличете вы. Но авторъ утомился еще раньше васъ. Его иронія не находитъ удовлетворенія въ самой себѣ, въ холодной и безплодной игрѣ ума. Ее порождаетъ не равнодушіе или презрѣніе къ людямъ, а негодованіе противъ зла и лицемерія, т.-е. любовь. Ее порождаетъ не сердце, переставшее биться, а сердце, бьющееся слишкомъ сильно.

Даже парадоксы вытекаютъ у него только изъ желанія разнообразить проявленія любви, являются лишь новой формой страсти. Они всегда приводятъ насъ къ любви. Девизомъ благородной жизни, утверждаетъ Рѣскинъ, должны быть слова: «Будемъ ѣсть и пить, такъ какъ завтра мы умремъ!» Парадоксъ, скажете вы. Нѣтъ! Послушайте дальше: «...но будемъ ѣсть и пить *всѣ*, не избранные только, рекомендуя остальнымъ воздержаніе». «Вы должны шить себѣ платья, много платьевъ,—говоритъ онъ женщинамъ,—вы шьете мало, вы мало сдѣдуете модѣ... для бѣдныхъ. Пусть они будутъ красивы, и тогда вы тоже покажетесь прекрасными, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ вы и не предполагаете, прекраснѣе, чѣмъ когда-либо!» И онъ развиваетъ свою мысль съ такой напряженной ироніей, что ее трудно было бы вынести, если бы его сарказмы не разрѣшались въ гимнъ любви, какъ тѣ легендарные мечи, которые покрывались цвѣтами:

«Оставьте арки и колонны храмовъ, дѣвушки, Богъ любитъ, чтобы вы украшали себя, а не ихъ. Сохраните розы для вашихъ волосъ и вышивки для вашихъ платьевъ. Вы сами представляете собою храмъ, дѣти мои; думайте о томъ, чтобы украсить себя, какъ подобаетъ женщинамъ, исповѣдующимъ милосердіе, драгоценными камнями добрыхъ дѣлъ—одѣвая вашихъ бѣдныхъ сестеръ, какъ самихъ себя. Украсьте розами и ихъ волосы, и драгоценными камнями ихъ грудь, пусть онѣ будутъ украшены вашимъ пурпуромъ и вашимъ багрянцемъ и другими драгоценностями, пусть онѣ научатся разбирать золотую небесную геральдику и на землѣ узнаютъ не одинъ только трудъ, но и радость. Пусть и имъ наслѣдственные драгоценности говорятъ о гордости отца и о красотѣ матери».

Достигнувъ такихъ вершинъ милосердія, любовь не можетъ подняться еще выше, не встрѣтивъ Христа. Какой путь приведетъ его къ нему? Богословскій трактатъ, религиозное жизнеописаніе? Нѣтъ, самая нерелигиозная вещь въ мірѣ: старинная пѣсенка, которой онъ закончитъ разсужденіе о воспитаніи женщинъ, озаглавленное: *Сады королевы въ Сезамъ и лимякъ*. Евангеліе, откуда поэты и рассказчики охотно заимствуютъ поэтическую прелесть своихъ произведеній, хотя и не желаютъ изучать его, внушило Рѣскину его эстетическую страсть.

И въ тотъ моментъ, когда она, кажется, уже изсякла, когда онъ, по-видимому, заставилъ фигуры на фрескахъ и листья деревьевъ высказать все, что они могутъ сказать человѣческаго, вдругъ неожиданнымъ и полнымъ граціи оборотомъ, припоминая граціозный романсъ, онъ заставляетъ ихъ разыграть небесную симфонію. И восторженныя, мистическія души, которыхъ величіе любви заставило уже признавать эстетическую красоту нарядовъ, теперь открываютъ также красоту растеній и цвѣтовъ, воскресшихъ весной въ одно время съ Христомъ и убранныхъ въ роскошные цвѣта, благодаря его тонкой провицательности художника и божественной заботливости садовника:

«Выйди въ садъ, Модъ,
Ночь—эта летучая мышь, улетѣла
И жасминъ благоухаетъ,
И ароматомъ розъ напоенъ воздухъ.»

«Не сойдете ли и вы къ нимъ? къ этимъ прелестнымъ, полнымъ жизни созданьямъ, которыя съ юношеской отвагой выбиваются изъ земли и, облакаясь яркими красками неба, наливаютъ радостный колосъ. Бутонъ за бутономъ раскрывается ихъ красота, омытая отъ пыли, и расцвѣтаетъ цвѣткомъ надежды, и поворачивая къ вамъ свою головку, фіалка нашептываетъ вамъ: я слышу, слышу, и лилія шепчетъ: я жду.»

«Замѣтили ли вы, что я пропустилъ двѣ строчки, читая вамъ первую строфу? думаете ли вы, что я ихъ забылъ?»

«Выйди въ садъ, Модъ,
Ночь—эта летучая мышь, улетѣла,
Выйди въ садъ, Модъ,
Я стою у воротъ одинъ.»

«Какъ вы думаете, кто стоитъ одинъ у воротъ сада, еще болѣе прекраснаго, и ждетъ васъ? Слышали ли вы когда-нибудь не о Модъ, а о Магдалинѣ, вышедшей въ садъ на зарѣ и встрѣтившей тамъ кого-то, кого она приняла за садовника? Неправда ли, вы часто искали Его, искали напрасно цѣлую ночь, искали напрасно у воротъ того древняго сада, гдѣ пылаетъ огненный мечъ? Тамъ Его никогда нѣтъ, но у воротъ *этого* сада Онъ ждетъ всегда, Онъ ждетъ, чтобы протянуть вамъ руку и вести васъ въ долину любоваться плодами, смотрѣть расцвѣтъ ли виноградъ, пустили ли ростки гранаты. Тамъ вы увидите маленькіе усики винограда, которые Онъ расположилъ; вы увидите, какъ вырастаютъ гранаты тамъ, куда Онъ бросилъ зернышко красное, какъ кровь, потомъ вы увидите отряды ангеловъ-хранителей, отгоняющихъ своими крыльями голодныхъ птицъ отъ полей, которыя Онъ засѣялъ. И вы услышите, какъ они кричатъ другъ другу съ разныхъ концовъ виноградника: «Будемъ ловить лисицъ, маленькихъ лисицъ, грабящихъ виноградники, такъ какъ нѣженъ виноградъ нашихъ виноградниковъ!»

«О, королевы, королевы! Среди холмовъ и тихихъ лѣсовъ этой

страны—вашей страны—будутъ ли лисицы копать себѣ норы и птицы вить гнѣзда? И не будутъ ли камни свидѣтельствовать противъ васъ, говоря, что въ вашихъ городахъ Сынъ Человѣческій не нашелъ, гдѣ преклонить Свою голову, и положилъ ее на камень?»

Этотъ приподнятый тонъ скоро утомилъ бы насъ. Но онъ тотчасъ же переходитъ въ разговорный языкъ; пророкъ, только что гремѣвшій на вершинѣ горы, уже сидитъ, скрестивъ ноги, въ креслѣ и просматриваетъ газету... Также какъ энтузіазмъ и иронія постоянно борются за обладаніе его умомъ, такъ плавность и отрывочность постоянно смѣняютъ другъ друга въ его рѣчи; одна увлекаетъ читателя своей стройной послѣдовательностью, другая возбуждаетъ его своей капризной измѣнчивостью. Въ первую половину его дѣятельности отъ 1843 до 1860 года благодаря вліянію Гукера, Джоржа Герберга, Джоксона и Гиббона, преобладаетъ плавность. Длиныя фразы, гибкіе обороты, звучные періоды, содержащіе иногда до 619 словъ и до 80 знаковъ препинанія, медленно плывутъ, точно огромныя волны, которыхъ не боятся пловцы; вздымаясь и опускаясь, онѣ нагоняютъ другъ друга, пока послѣдняя не разольется, наконецъ, по берегу, оставляя на немъ отъ всей этой брызжущей пѣны и грохота маленькую горсточку горьковатой соли... А въ основѣ этого грохота лежатъ законы ритма и мелодіи, «не имѣющей,—если вѣрить Фредерику Гаррисону,—соперницъ въ авглійской литературѣ». Послѣ 1860 года все измѣняется. Мы не чувствуемъ болѣе теоретической страсти юноши, передъ которымъ лежить цѣлая жизнь и который во время битвы старается принимать красивыя позы. Мы чувствуемъ напряженную энергію борца, желающаго во что бы то ни стало нанести ударъ. Нѣтъ болѣе крупныхъ валовъ, волны коротки, но сильны. Градъ мелкихъ, хорошо направленныхъ фразъ падаетъ на читателя. Несмотря на то, что онѣ такъ малы, въ нихъ отражается все лучшее на землѣ и на небѣ. Это борьба лучей. Мы идемъ теперь не въ мрачномъ освѣщеніи *Семи лампъ архитектуры*, а въ ясномъ свѣтѣ солнца *Королевы воздуха*. Онъ также не смолитъ свои паруса. Онъ избѣгаетъ даже всѣхъ переходныхъ цвѣтовъ. Какъ художники его страны, не смѣшиваютъ противоположныхъ цвѣтовъ, такъ онъ не соединяетъ различныхъ стилей. Онъ не мѣситъ литературнаго тѣста. Цементъ отсутствуетъ. Есть только идеи. И, чтобы умѣстить какъ можно больше идей на маленькомъ пространствѣ, какъ тѣ цвѣты, которые мяли лепестки, чтобы тѣснѣе прижаться другъ къ другу,—онъ укорачиваетъ не только фразы, но даже слова. Конечъ введенія къ *Королевы воздуха* состоитъ почти исключительно изъ односложныхъ словъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подымается все выше въ чистыя сферы философіи, всѣ литературныя украшенія начинаютъ стѣснять его. И какъ воздухоплаватель, жертвующій ненужной одеждой, чтобы подняться еще выше, онъ выбрасываетъ за бортъ «длиныя шлейфы», «крахмальныя брызжи», всѣ эти причуды Елизаветин-

скаго времени, «вводныя слова, длинныя пояснительныя примѣчанія», всѣ риторическія фигуры, весь этотъ баластъ *Семи лампъ* и *Современныхъ живописцевъ*, и съ тѣхъ поръ его языкъ, быстрый и точный, идетъ прямо къ цѣли.

Съ этихъ поръ передъ нами настоящій Рѣскинъ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ самыми зрѣлыми, если не съ самыми блестящими плодами его мыслей. Образы, развивающіеся въ идеи, идеи, облекающіяся въ образы, мечты, переходящія въ полемику, анализъ, приводящій къ дѣламъ милосердія, кое-гдѣ, для поясненія — контрасты, въ качествѣ баласта — немного науки; много поэзіи, подымающей надъ землею; много званій, дающихъ твердую опору; немного юмору, наконецъ, чтобы не поддаться всецѣло сердцу, и много любви, чтобъ не увлечься однимъ умомъ.

Въ такомъ родѣ написано, — если у васъ хватитъ терпѣнія прочесть, — его *Письмо къ молоденькимъ дѣвушкамъ* о томъ, какъ онѣ должны дѣлать добрыя дѣла.

«Если вы имѣете возможность шить себѣ хорошія платья, заказывайте хорошей портнихѣ самыя лучшія и красивыя платья, только пусть эта портниха будетъ бѣдная женщина, а не богатая особа, живущая въ одномъ изъ роскошныхъ лондонскихъ домовъ.

«Посвящайте каждый день часть вашего времени работѣ иглой и шейте красивыя платья бѣднымъ дѣвушкамъ, у которыхъ не хватаетъ ни времени, ни вкуса, чтобы шить самимъ.

«Не ищите никогда развлеченій, но извлекайте изъ всего удовольствія. Самый ничтожный предметъ можетъ доставить радость, и всякое слово содержитъ пищу для ума, когда руки ваши заняты и сердце свободно. Но, если вы ставите цѣлью жизни развлеченіе, придетъ день, когда всѣ шутки рождественской пантомимы не вызовутъ у васъ искренняго смѣха.

«Носите тѣ платья, какія находятъ для васъ подходящими ваши родители, и носите ихъ съ радостью и гордостью изъ любви къ нимъ, но работайте, сколько можете, чтобы одѣть кого-нибудь, кто бѣднѣе васъ. А если вы не можете никого одѣть, старайтесь во всякомъ случаѣ быть полезными хоть въ чемъ-нибудь. Вы можете сами стлать постель, мыть посуду, чистить свои вещи, — если вы не можете дѣлать ничего другого.

«Не печальтесь и не терзайтесь религіозными вопросами и, главное, не мучьте другихъ. Не носите бѣлыхъ крестовъ и черныхъ одеждъ. Никто не имѣетъ права наряжаться въ небесный мундиръ, какъ будто служить Богу его исключительное право или привиллегія.

«Помогайте вашимъ подругамъ, но не говорите съ ними о религіи, служите бѣднымъ, но, Бога ради, маленькія обезьяны, не читайте имъ проповѣдей! Они, вѣроятно, даже навѣрно, въ пятьдесятъ разъ лучше христіане, чѣмъ вы, и, если надо, чтобы кто-нибудь читалъ проповѣди, пусть лучше читаютъ они. Вступайте въ дружбу съ ними, если

они подходятъ къ вамъ, какъ вы вступаете въ дружбу съ богатыми, когда они къ вамъ подходятъ. Дѣлите съ ними радость и горе, работайте съ ними, но какъ только замѣтите, что они не находятъ удовольствія въ вашемъ обществѣ, уйдите съ ихъ дороги. Что касается матеріальной помощи, предоставьте это людямъ постарше и поумнѣе, и будьте довольны,—какъ аэнианки во время процессіи въ честь ихъ богини-покровительницы,—если вамъ выпадетъ честь нести корзины...»

ГЛАВА ІV.

Современность.

Всѣ его слова цѣликомъ принадлежатъ нашему вѣку. У него они заимствовали свою страсть къ анализу, свои космополитическіе образы, свою гуманную нѣжность. Другая эпоха не могла бы ни внушить, ни понять ихъ. Если мы присмотримся внимательнѣе къ характеристическимъ особенностямъ нашей жизни, мы найдемъ, что она обладаетъ большимъ стремленіемъ къ знанію, т. е. болѣе задумывается о причинахъ своихъ впечатлѣній, болѣе космополитична, т. е. болѣе окрашена воспоминаніями другихъ странъ, и болѣе социальна, т. е. болѣе озабочена взаимными отношеніями различныхъ классовъ и болѣе отзывчива къ ихъ страданіямъ и разногласіямъ. Если, съ другой стороны, мы резюмируемъ свои впечатлѣнія отъ критики Рёскина по сравненію съ обычной художественной критикой, мы замѣтимъ, что она погружается глубже въ детальный разборъ произведеній искусства, что она заимствуетъ свои примѣры изъ болѣе разнообразныхъ странъ и пейзажей и что она болѣе проникнута пониманіемъ социального значенія искусства и его таинственного родства съ жизнью народныхъ массъ. И съ точки зрѣнія этихъ трехъ главныхъ особенностей его работъ, Брантвудскій отшельникъ представляется намъ не человѣкомъ прошлаго, а человѣкомъ настоящаго и даже, пожалуй, будущаго. Каждый день, какъ каждый падающій листъ, шире открываетъ передъ нами его небо. Жизнь наша становится все болѣе и болѣе аналитичной, бродячей и тревожной, мы требуемъ все больше знаній, больше образовъ и больше состраданія, и мы все больше сочувствуемъ его наукѣ, его страсти къ путешествіямъ и его социальнымъ мечтамъ. Нѣкоторые, ошибочно понимая его сентиментализмъ и стремленіе къ законности, называютъ его «отжившимъ», старомоднымъ, но они, очевидно, не вникли ни въ нашу жизнь, ни въ его произведенія.

Конечно, во всѣ времена были люди, занимавшіеся анализомъ природы и искусства, но у нихъ не было въ распоряженіи данныхъ науки и современной исторической критики. Во всѣ времена были художники, но не всегда они могли искать себѣ модели во всѣхъ музеяхъ Европы, изучать отлѣпки всѣхъ ледниковъ, погружать свои кисти въ воды

всѣхъ озеръ. Во всѣ времена были апостолы и души, отзывающіяся на страданія обдѣленныхъ судьбой, но не всегда высшіе классы общества чувствовали въ такой степени необходимость всеобщаго братства, и всякій день, прожитый человѣчествомъ, не былъ до такой степени полонъ лихорадочнаго ожиданія «великаго вечера». Рескинъ борется со своимъ вѣкомъ такъ же, какъ младенецъ,—о которомъ говоритъ Лябрюеръ,—бьетъ свою кормилицу, чувствуя приливы силы, вошедшей съ ея молокомъ, всѣ его слова носятъ на себѣ печать того, что онъ про-клинаетъ.

Мы слышали его слова, какъ аналитика, и вспоминали опредѣленіе Мадзини: «Рескинъ въ настоящую минуту величайшій аналитическій умъ въ Европѣ». Онъ вноситъ научный анализъ въ самое сердце поэзіи; онъ разлагаетъ слова, чтобъ изучить ихъ составъ и понять причину ихъ образовъ и ихъ музыкальности; онъ приводитъ къ геометрическимъ фигурамъ прихотливыя очертанія тучъ, чтобы получить ясное представленіе о ихъ перспективѣ и о падающихъ отъ нихъ тѣняхъ, онъ изучаетъ геологію по горамъ Тернера, ботанику—по деревьямъ Клода Лореня, психологію ангеловъ Дея Робиа, патологію скульптурной головы Санта-Марія Формоза, динамику по барельефамъ Іоанна Пизанскаго. Онъ перерываетъ всѣ науки, чтобы найти въ нихъ опору для своихъ эстетическихъ настроеній, и въ зависимости отъ того, что находитъ, дѣлается восторженнымъ поклонникомъ или страстнымъ врагомъ положеній Сосюра, Дарвина, Тиндаля, Джемса Форбса, Альфонса Фабра, Гейма; свои теоріи онъ возводитъ такъ, какъ двигаются змѣи, или какъ нарастаютъ ледники; глядя на греческія или флорентійскія статуи, онъ вспоминаетъ объ измѣнчивости видовъ; онъ вѣчно озабоченъ тѣмъ, чтобы придать своей системѣ характеръ экспериментальной основательности. Мы видѣли, что книги его наполнены примѣрами, построенными, какъ уравненія, доказательствами, опроверженіями, а иногда и діаграммами. Съ 1845 года онъ съ помощью дагерротипа изучаетъ въ Венеціи подробности архитектуры, до тѣхъ поръ ускользавшія отъ вниманія, а 1849 году онъ, первый, конечно, фотографируетъ Шервинъ. Перелистывая его книги, мы точно перевертываемъ страницы манускриптовъ Леонардо да Винчи, страницы спутанныя, богатая, пересѣченные молніями; замѣчанія по баллистикѣ слѣдуютъ за данными по міологіи: эскизы смѣняются математическими выкладками и механика впутывается въ пейзажи. Какъ и Леонардо, Рескинъ вездѣ чувствовалъ красоту науки и всегда стремился создать науку красоты. Слушая его, не знаешь, гдѣ онъ провелъ большую часть жизни: въ музеяхъ или въ лабораторіяхъ; его легко представить себѣ въ томъ же видѣ, какъ Эдельфельдтъ изобразилъ Пастера: со взглядомъ и мыслью, прикованными къ пробиркѣ, которую онъ разсматриваетъ на свѣтѣ въ своей клиникѣ. Сэра Джона Леббока спрашивали, можно ли сравнивать Рескина съ Гете; онъ отвѣтилъ,—и это не должно насъ

*

удивлять, — что для науки онъ сдѣлалъ несравненно больше, и что, не претендуя на глубокія знанія, онъ проявилъ необычайный даръ наблюдательности: его книги заключаютъ въ себѣ всѣ новѣйшія открытія науки, они переполняютъ ихъ, бьютъ черезъ край.

Интересъ къ социальнымъ вопросамъ тоже никогда не покидаетъ его — достаточно самаго бѣлаго обзора его произведеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. Кромѣ тѣхъ его произведеній, которыя непосредственно посвящены политической экономіи, какъ *Unto this Last, Munera Pervers, Time and Tide, Оливковый стмокъ, Fors Clavigera, Вѣчная радость*; многія изъ остальныхъ затрагиваютъ косвенно тѣ же вопросы. Очень рѣдко великому эстетіку удавалось написать цѣлое разсужденіе объ искусствѣ, не вспомнивъ о человѣческихъ существахъ, «имѣющихъ серьезныя причины не слушать лекціи о заслугахъ Микель Анджео, когда имъ самимъ холодно и голодно». Во всѣхъ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ того же человѣка, который писалъ слѣдующія строки въ *Fors Clavigera* изъ отеля Даніэли въ Венеціи:

«Вотъ маленькая сѣрая раковина-трубянка, которую я нашелъ въ пыли острова св. Елены, и вотъ другая пятнистая раковина улитки изъ сыпучаго песка Лидо, и мнѣ бы хотѣлось спокойно срисовать и описать ихъ. Да и всѣ мои друзья говорятъ, что такъ мнѣ и слѣдуетъ поступать. Почему я не могу думать объ этомъ и чувствовать себя счастливымъ? Но, увы! мои благоразумные друзья! немного такихъ вещей, о которыхъ я могу думать спокойно, такъ какъ зеленныя волны, плещущія у моего порога, несутъ на себѣ трупы и я долженъ оставить свой обѣдъ и идти хоронить ихъ, ибо я не могъ ихъ спасти, долженъ положить раковины на поля своей шляпы, взять свой посохъ и отправиться на поиски какого-нибудь другого берега, куда еще не прибываетъ труповъ!»

Эти слова написаны двадцать одинъ годъ тому назадъ. Туристамъ, путешествовавшимъ въ ту зиму по Итали, они, вѣроятно, показались бы совершенно непонятными. Теперь мы ихъ понимаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чувствуемъ ихъ глубокій и печальный смыслъ. Мы не удивляемся теперь, что путешественникъ обращаетъ вниманіе не только на камни и памятники тѣхъ странъ, которыя онъ посѣщаетъ, но и на живыхъ и страдающихъ обитателей ихъ. «Глупѣйшее лицезрѣіе, — говоритъ онъ, — стараться украшать тѣни, если самые предметы, отбрасывающіе ихъ, безобразны и жалки, а мы не обращаемъ на это никакого вниманія». Во время лекціи объ искусствѣ онъ пользуется всякимъ поводомъ, чтобы говорить о стачкахъ, о заработной платѣ, о союзахъ, и мы чувствуемъ, что эти слова еще болѣе соотвѣтствуютъ нашей современной жизни.

Наконецъ, слова его говорятъ нашимъ бродяжническимъ инстинктамъ; онъ сопутствуетъ своимъ ученикамъ во время ихъ путешествій въ Амьенъ, во Флоренцію, въ Венецію, чтобы предохра-

нить ихъ отъ еретическихъ внушеній Мюреевъ, Бедкеревъ, Вочлеевъ. Онѣ сопутствуютъ имъ въ видѣ маленькихъ книжечекъ въ двадцать страницъ, изящныхъ и удобныхъ; при выходѣ изъ отеля ихъ легко сунуть въ карманъ, онѣ не связываютъ рукъ, не мѣшаютъ купить охапку цвѣтовъ миндаля на Лунгарно, возвращаясь изъ Уффичи; или покормить голубей св. Марка, отправляясь въ палаццо Дожей. Книжечки эти: *Утро во Флоренціи*, *Реликвию св. Марка*, «*Отцы наши говорили намъ...*», *Амьенская Библия*. Придя въ часовню или въ музей, вы вынимаете изъ кармана книжечку, и эта маленькая волшебница въ красномъ платьѣ начинаетъ нашептывать вамъ разные интересные и неожиданныя тайны, она продѣлываетъ отверстія въ старыхъ стѣнахъ и въ старыхъ полотнахъ и сквозь эти отверстія открываются передъ вами горизонты мысли, долины грезъ и эпохи исторіи. Когда вы открываете одно изъ окошечекъ въ безконечномъ корридорѣ Ponte Vecchio *), соединяющемъ Уффичи съ дворцомъ Пити, и отрываетесь отъ безчисленныхъ запыленныхъ портретовъ великихъ герцоговъ, вы видите Арно, Флоренцію, и мраморныя горы, и сады, и сибѣжныя вершины, и виллы Декамерона, и картезіанскіе монастыри, и логи, и портики—всю природу живую, яркую, радостную, которая вдругъ блеснетъ среди всѣхъ этихъ мертвыхъ вещей и скажетъ путешественнику: «Не печалься! Все, что ты видишь передъ собой, еще живетъ. На этихъ полотнахъ деревья пожелтѣли и цвѣты стали черными, но тамъ, на волѣ, лѣса зеленѣютъ и цвѣты благоухаютъ, рѣки бурлятъ, женщины улыбаются, рыцари идутъ въ сраженія, народы рукоплещутъ и осыпаютъ проклятіями, и дуновение вѣтра, сгибающаго вершины кипарисовъ въ Санъ-Миніато и наклоняющаго головки лилій въ Фіезоле, все также полно ласки и силы, какъ въ тѣ времена, когда оно вѣяло ароматомъ бѣлыхъ лилій Анжелло и разбрасывало золотыя лиліи на голубомъ полѣ знамени Карла VIII!»

Воскрешая жизнь въ покинутыхъ городахъ и въ поблекшихъ произведеніяхъ искусства, примѣшивая къ своей критикѣ очарованіе не умирающей природы и грусть, вѣчную спутницу мысли, Рѣскинъ даетъ новый смыслъ нашимъ путешествіямъ. Если бы не онъ, въ нашемъ распоряженіи было бы все: скорые поѣзда, дающіе возможность переноситься отъ одного памятника къ другому, непосредственно сравнивать Амьенскій порталъ съ бронзовыми дверями Гиберти; спальные вагоны, помогающіе намъ являться къ этимъ памятникамъ съ ясной головой и освѣженнымъ умомъ, готовыми вникать въ самый тонкій смыслъ ихъ. Въ нашемъ распоряженіи были бы гостинницы со всѣми волшебными приспособленіями современнаго комфорта, гдѣ прикосновеніе пальца къ одной пуговкѣ уничтожаетъ разстояніе, къ другой—производитъ свѣтъ, къ третьей—даетъ тепло, гдѣ слуги, вни-

*) Старый мостъ.

мательные, говоряшіе на всѣхъ языкахъ избавляютъ насъ даже отъ труда отдавать приказанія, гдѣ все сговаривается давать полный отдыхъ уму въ промежуткахъ между посѣщеніями музеевъ и сохранять всю силу души въ промежуткахъ между чтеніемъ историковъ. Итакъ, у насъ была бы полная возможность объѣздить весь свѣтъ, намъ не хватало бы только одного условія, чтобы путешествовать и наслаждаться. И Рёскивъ далъ намъ его. Мы шли, онъ открылъ передъ нами горизонты. Мы смотрѣли, онъ научилъ насъ видѣть. Онъ открылъ намъ истинную причину нашихъ тревогъ и далъ благородный предлогъ для отдыха. Онъ объяснилъ намъ, куда мы направлялись и зачѣмъ. Главнымъ образомъ, онъ объяснилъ это своимъ соотечественникамъ; они повѣрили ему и стали въ сто разъ внимательнѣе къ красотѣ, когда они встрѣчаютъ ее; при видѣ ея на лицахъ у нихъ появляется восторженное выраженіе, которое мы напрасно стали бы искать у тѣхъ, кто не состоитъ членомъ *братства Рёскина*, какъ говорятъ въ Италиі.

Глубже ли они понимаютъ красоту? Я не поручился бы за это, но они знаютъ, что одинъ англичанинъ полюбилъ ее. Доставляетъ ли она имъ больше наслажденія? Они знаютъ по крайней мѣрѣ, что есть человѣкъ одной съ ними расы и религіи, наслаждавшійся ею и находившій для этого наслажденія научныя и нравственныя основанія, соглашались съ которыми почетно для каждаго. Благодаря ему, благодаря его историческому вкусу и способности воскрешать прошлое, мы чувствуемъ, что передъ этими великими произведеніями проходили поколѣнія, радовались, любили, восхищались. И мы радуемся, любимъ и восхищаемся. И благодаря этой непрерывности восхищенія, мы какъ будто сливаемся въ единую мировую душу, которая трепетала и всегда будетъ трепетать передъ тѣми же горизонтами. Когда вы стоите на балконѣ дворца Дожей или когда съ самой вершины Миланскаго собора вы пытаетесь разсмотрѣть далекую голубую линію Альпъ, опустите глаза на тотъ камень, на который ступаетъ ваша нога, вы увидите, что онъ сплошь испещренъ надписями: именами и числами—именами обитателей всѣхъ европейскихъ деревушекъ и числами всѣхъ лѣтъ конца вѣка—хорошихъ и плохихъ. Всѣ эти скромные люди, вѣмцы и англичане, по большей части, тратятъ большую часть времени здѣсь, надписывая свои неизвѣстныя имена на этихъ знаменитыхъ камняхъ, пытаясь закрѣпить что нибудь изъ своей быстротечной жизни на этихъ вѣчныхъ памятникахъ; въ этотъ моментъ они испытываютъ безсознательное желаніе слиться въ общемъ чувствѣ восторга съ остальнымъ человѣчествомъ. Имъ кажется, что они вырастаютъ, прикасаясь къ этимъ камнямъ, — цѣли столькихъ паломничествъ, — облагораживаютъ себя, оскверняя ихъ своей безсовѣстной пачкотней. Это путешествіе является проблескомъ поэзіи въ ихъ существованіи. Потомъ они много разъ будутъ рассказывать о немъ въ семейномъ кругу послѣ тяжелой работы, въ пивной, среди дыма сигаръ. Безвѣстные

путешественники, быстрыя волны рѣки, на мгновение отражающія въ себѣ дворцы и храмы, и далекія горы, и лѣса и всѣ переливы цвѣтовъ на ея берегахъ, и тамъ, дальше сливающіяся въ океанъ — въ толпѣ, въ будничной сутолокѣ сѣрой и однообразной жизни, не отражающей уже больше ничего... Но если въ тотъ моментъ, когда ихъ окрашиваетъ яркое отраженіе, спросить ихъ: «О чемъ вы думаете? Что вы чувствуете?» они не сумѣютъ отвѣтить. Тѣ, кто читалъ Рѣскина, отвѣтятъ: то, чего они не увидѣли въ небѣ, они нашли въ его діаграммахъ, чего не почувствовали въ камняхъ, поняли въ его разсужденіяхъ, и что не сумѣли полюбить въ дѣйствительной жизни, полюбили въ образахъ великаго поэта, нарисованныхъ для нихъ любовью.

Не языкомъ ученаго, не языкомъ социолога, а языкомъ путевода-теля говоритъ по большей части Рѣскинъ. Роль путевода-теля выпро-стаетъ у него въ апостольское служеніе, и гостинница, гдѣ совер-шается оно, превращается въ храмъ, не менѣе священный отъ того, что въ немъ есть подъемныя машины и электричество.. Въ какомъ-нибудь замкѣ насъ волнуетъ воспоминаніе о проѣздѣ короля, въ монастырѣ—мысль о посѣщеніи святого. Нѣкогда этотъ замокъ служилъ симво-ломъ могущества, а монастырь—символомъ вѣры и самоотреченія. И тотъ, и другой возвышаются на вершинахъ горъ и среди равнинъ, какъ вѣхи для тѣхъ, кто хочетъ изучить міръ въ его величіи и въ его благодати. Теперь, когда короли останавливаются въ отеляхъ и святые не носятъ особыхъ одеждъ въ путешествіи и не живутъ въ особыхъ священныхъ зданіяхъ, гостинница унаслѣдовала поэзію ста-ринныхъ замковъ и монастырей. Часто даже она передѣлана изъ дворца, какъ въ Венеціи, или въ ней до сихъ поръ сохранилась ча-совня, какъ на берегу Средиземнаго моря. Апостолъ можетъ свободно проповѣдывать тамъ и его полныя величія движенія не представляются намъ неумѣстными. Рѣскинъ—это апостолъ современныхъ караван-сераевъ. Онъ является намъ въ образѣ архангела Cook's Tours'a или пророка Terminus'a *). Передъ нимъ, благодаря локомотиву, день и ночь двигается огненный столбъ. Прежде, во времена осѣдлой жизни и выросшихъ корнями существованій, люди не поняли бы роли этого эстетика — путевода-теля народа. Но теперь кочующее человѣче-ство разбило свои пенаты, погасило огонь своихъ очаговъ и разбре-лось по всѣмъ берегамъ, по горамъ, по мертвымъ городамъ, превра-щеннымъ въ музеи, чтобы лучше узнать землю, которую оно находитъ слишкомъ маленькой, и прошлое, которое оно находитъ слишкомъ ко-роткимъ. Неувѣренные въ будущей жизни, мы стремимся раздвинуть рамки нашего существованія, пережить уже прожитые вѣка, слиться съ жизнью, изображенной въ музеяхъ, или почувствовать что-нибудь

*) Названіе знаменитой гостинницы.

изъ разнохарактерной жизни странъ и народовъ, съ которыми мы знакомимся,—теперь этотъ эстетикъ-путеводитель становится пророкомъ, провидцемъ... Онъ приобщаетъ насъ къ жизни прожитыхъ вѣковъ и невѣдомыхъ народовъ. Его слова вливаютъ въ насъ жизнь: ту жизнь, какую мы живемъ и какую хотѣли бы жить. Въ нихъ есть анализъ; какъ въ нашей научной жизни, въ нихъ есть внушеніе, какъ въ нашей космополитической жизни, въ нихъ есть тревожность нашей соціальной жизни. Они многосторонни, какъ сама жизнь, они затрогиваютъ всѣ вопросы и толкаютъ насъ ко всѣмъ берегамъ. Они, какъ и жизнь, полны противорѣчій, такъ какъ отражаютъ въ себѣ всѣ впечатлѣнія и всѣ системы. Они обладаютъ гибкостью жизни, смѣшивая энтузіазмъ съ ироніей и юморъ съ любовью. И если иногда въ нихъ сохраняется отбѣнокъ таинственности, то вѣдь и жизнь съ ея сложностью и безконечнымъ разнообразіемъ, быть можетъ, не менѣе таинственна, чѣмъ смерть.

Т. Богдановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(Продолженіе *).

9-го августа. Село Покровское.

Мѣсяцъ, какъ выѣхали мы изъ Петербурга, а до Владивостока еще дней пятнадцать. Вотъ и короткій путь. Думали сдѣлать его меньше мѣсяца, но онъ вышелъ длиннѣе всякаго другого. А что онъ стоитъ, этотъ путь... При всѣхъ лишеніяхъ, съ отсутствіемъ горячей пищи включительно, обойдется до тысячи рублей на человѣка. Тогда какъ на пароходѣ 500 рублей со всѣми удобствами культурнаго пути. Сколько вещей уже разворовано, попорчено, во что превратились наши новенькіе чемоданы! Все подмочено, отсырѣло. А ощущеніе своего полного безсилія въ борьбѣ со всѣми случайностями и непредвидѣнностями этого пути, гдѣ въ лицѣ каждаго писаря, содержателя почтовой станціи, ямщика, пароходчика является какой-то неотразимый фатумъ, съ которымъ нельзя бороться, спорить... Изломанные, измученные, разбитые ужасной дорогой, нещепными препятствіями, вы, наконецъ, погружаетесь въ какое-то кошмарное состояніе, съ одной надеждой, что кончится же когда-нибудь это.

Проснулся въ семь часовъ. Туманъ густой, сѣрый, сплошной виситъ кусками какими-то. Пронизывающая сырость. Всѣ спятъ еще. Не хочется спать: горечь безсилія грызетъ,—лучше вставать. Всталъ, одѣлся и вышелъ. Наши вещи уже вынесены на берегъ. Идетъ нагрузка муки на пароходъ. Рабочіе все китайцы. Работаютъ сегодня по 4 копѣйки съ пуда.

— А казаки?

— Спятъ казаки.

Носятъ крупчатку. Вся крупчатка здѣсь до Читы изъ Америки. Въ Николаевскѣ она 2 р. 75 к. (за 55 фунтовъ), въ Стрѣтенскѣ— 4 р. 50 к. Крупчатка соотвѣтствуетъ нашему второму сорту.

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

Пью чай на палубѣ. Туманъ расходится. Усть-Стрѣлка верстахъ въ четырехъ выглядываетъ уютно на своей косѣ. Казаки просыпаются. Цѣлый рядъ на берегу маленькихъ лодокъ-душегубокъ. На нихъ ѣздятъ по рѣкѣ, на ту сторону. Ребятишки гурьбой соберутся и плаваютъ въ этой валкой и ненадежной лодочкѣ: вотъ-вотъ опрокинется она—звонкій ихъ смѣхъ несется по рѣкѣ.

Душегубка побольше пришла съ той стороны: въ ней трое. Казакъ постарше въ шапкѣ съ желтымъ околышкомъ, сѣрой курткѣ съ свѣтлыми пуговицами, съ желтыми нашивками, казакъ помоложе и третій какой-то рабочій: у нихъ въ лодкѣ таинственный боченокъ—водка китайская.

Привезли съ той стороны барана намъ. Баранъ худой и въ Россіи красная цѣна ему 4 р., здѣсь—9 р. и шкура хозяину. Пудъ мяса выйдетъ. Сейчасъ же на берегу зарѣзали его. Снимаютъ шкуру, вынимаютъ внутренности.

Ноги, голову и часть барана подарили командѣ, половину передка—капитану, внутренности забрали китайцы. Они бросили работу и, присѣвъ на корточки, моютъ эти внутренности въ рѣкѣ.

Докторъ выглянулъ. Промель на берегъ, осмотрѣлъ барана:

— Дорого...

— Въ покупкѣ участвуете?

Докторъ экономенъ.

— Нѣтъ.

— Порціями будемъ отпускать. Сколько дадите за порцію?

— Тридцать копѣекъ.

Бекиръ, уже догнавшій насъ, смѣется. Бекиръ очень радъ барану, называетъ его не иначе, какъ барашекъ, и хвалить.

Но кухарка нашего парохода, старенькая, какъ запеченное яблоко, говоритъ:

— Дрянъ баранъ: тощій, смотрѣть не на что.

Бекиръ не унываетъ:

— Ничего, хорошъ будетъ.

Н. Е. проснулся. Ему хочется сегодня поохотничать.

Надо распаковать оружіе: кстати увидимъ, что съ нимъ сдѣлалось въ дорогѣ. Н. Е. и докторъ занялись этимъ на берегу. Остальные пьютъ чай на палубѣ.

— Ну, все пропало,—кричитъ Н. Е.,—промокло, заржавѣло, все разсыпалось.

— Глупости, — кричитъ докторъ, — развѣ могутъ патроны промокнуть? Положите ихъ на три дня въ Амуръ и то не промокнутъ.

Мы идемъ всѣ смотрѣть. Промокнуть не промокло, но видъ некрасивый: плѣсень, ржавчина.

— Надо скорѣе чистить,—говоритъ докторъ.

Онъ чиститъ, разбираетъ. Кругомъ казаки. Въ ружьяхъ они пони-

маютъ и любятъ ихъ. Хвалятъ магазинку съ разрывными пулями на медвѣдей и тигровъ. Хвалятъ охотничьи ружья, но въ восторгъ приходятъ отъ карабинки-револьвера Маузера.

— Эхъ, и ружья же нынче дѣлать стали.

Прицѣливаютъ, разсматриваютъ.

— Не продаете?

— Нѣтъ.

— А то продайте: пользу дадимъ.

Китайская фелюга прошла. Широкая, черная лодка, сажени въ четыре, съ парусиновымъ навѣсомъ посреди... Четыре китайца на веслахъ, два на рулѣ, одинъ выглядываетъ изъ-подъ навѣса. Посреди мачта и къ ней прикрѣпленъ римскій парусъ.

— Что они везутъ?

— Водку свою казакамъ, а то опиумъ.

Подальше у берега стоитъ болѣе нарядная раскрашенная фелюга, тоже китайская. Посреди устроена деревянная будочка, раскрашенная, узорно сдѣланная.

По берегу гуляетъ китаецъ молодой, одѣтый болѣе нарядно. Въ костюмѣ смѣсь бѣлыхъ и черныхъ цвѣтовъ. Туфли подбиты толстымъ войлокомъ въ два ряда. Онъ ходитъ, кокетливо поматывая головой, выдвигая манерно ноги.

— Кто это?

— Такъ, писарь какой-нибудь... говоритъ нашъ капитанъ.—А называетъ себя полковникомъ... Казаки спрашиваютъ: «а сабля твоя гдѣ?» Мотааетъ головой. Такъ думаетъ, что если скажетъ полковникъ—важнѣе будетъ. На пароходъ ихняго брата много придетъ. «Я полковникъ, мнѣ надо отдѣльную каюту...» Въ общую съ людьми его, конечно, не посадишь...

— Почему?

Нашъ старый капитанъ смотритъ нѣкоторое время недоумѣвающе на меня.

— Такъ, все-таки же онъ нечистый... Кому пріятно съ нимъ?

— Злые китайцы?

— Когда много ихъ и сила на ихъ сторонѣ: люты... А такъ, конечно, ниже травы, тише воды... умѣютъ терпѣть, гдѣ надо.

Въ часть дня паруходикъ нашъ «Бурлакъ» ушелъ назадъ въ Стрѣтенскъ, а мы переселились въ слободу.

Нашъ домикъ въ слободѣ изъ хорошаго сосноваго лѣса, сажень шесть въ длину, съ балкончикомъ на улицу. Обширная комната вся въ цвѣтахъ (герань, розмаринъ), прохладная, вся увѣшанная лубочными картинками.

Послѣ жары улицы здѣсь свѣжо и прохладно, но на душѣ пусто и тоскливо и съ горя мы всѣ ложимся спать. А проснувшись, пьемъ чай. Послѣ чая докторъ съ Бекиромъ принялись за разборку своихъ

вещей, а мы, остальные, сидимъ на балконѣ и наблюдаемъ мѣстную жизнь.

Дѣло къ вечеру, на улицѣ скотъ, телята, собаки, дѣти, взрослые, ѣдутъ верхомъ, ѣдутъ телѣги.

Въ перспективѣ улицы, въ позолотѣ догорающаго дня получается яркая бытовая картинка. А на противоположной сторонѣ улицы огороды—въ нихъ подсолнухи, разноцвѣтный махровый макъ, громадный хмель, напоминающій виноградныя лозы.

Проходятъ казаки, казачки. Народъ сильный, крѣпко сложенный, но оставляющій очень многого желать въ отношеніи красоты. Главный недостатокъ скуластаго, продолговатаго лица—маленькіе, куда то слишкомъ вверхъ загнанные глаза. Отъ этого лобъ кажется еще меньше, нижняя часть лица непропорціонально удлиненной. Это дѣлаетъ лицо жесткимъ, деревяннымъ, невыразительнымъ. Напоминаетъ спѣвня,—что-то равнодушное, апатичное.

— Просто заспанные лица,—язвить Андрей Платоновичъ.

На балконѣ появляются докторъ и Н. Е. Молодое лицо Н. Е. все такое же блѣдное, слегка опущенное русой бородкой, добродушные большіе сѣрые глаза. Сегодня онъ проходилъ верстѣ десять на охотѣ.

— Надо пристрѣляться къ ружью.

Улица стихла. Вечерѣетъ. Потянуло прохладой и ароматомъ лѣсовъ. Бекиръ готовится все для шашлыка изъ баранины.

— Ну вотъ выискалась долина, вы живете здѣсь, а тамъ за этими горами что?—спрашиваю я хозяина, стараго казака. Я показываю на сѣверъ, гдѣ въ полуверстѣ уже встаютъ горы.

— Тамъ горы, да камни.

— И далеко?

— По край свѣта.

— Не съете тамъ?

— И не съемъ, и не косимъ. Медвѣдь тамъ только, да коза. Здѣсь на счетъ посъва...

Казакъ машетъ рукой.

— Ну, вотъ вы говорите, что на каждаго рожденнаго мальчика надѣляется сейчасъ же 40 десятинъ,—вѣроятно, уже немного свободной земли?

— Гдѣ много. Еслибъ не умирали...

— Давно живете здѣсь?

— Сорокъ лѣтъ, какъ основались здѣсь.

— У васъ старинныхъ женскихъ одеждъ нѣтъ или всегда ходили такъ?

— Какъ такъ?

— Да вотъ въ талію?

— Прежде рубахи да сарафаны больше носили, а нынче вотъ мѣщанская мода пошла.

Мода очень некрасивая: громадное четверугольное тѣло слегка стиснуто уродливо шитой талійкой, а между юбкой и таліей торчитъ что то очень подозрительное по чистотѣ. Нѣтъ граціи, нѣтъ вкуса, что-то очень грубое и аляповатое. Нѣтъ и пѣсенъ. Прекрасный предпраздничный вечеръ, тепло—гдѣ-набуду въ Малороссіи воздухъ звенѣлъ бы отъ пѣсенъ, но здѣсь тихо и не слышно ни пѣсни, ни гармоніи.

Молчить и китайскій берегъ. Мгла уже закрываетъ его, потухло небо и рѣка совсѣмъ темнѣетъ и безмолвно пуста улица,—спитъ все. Иногда разносится только лай громадныхъ здѣшнихъ собакъ. Пора и намъ спать. И спится же здѣсь: сонъ безъ конца. Прозаичный, скучный сонъ безъ грезъ и сновидѣній. А зимой-то что здѣсь дѣлается?..

10-е августа.

Хотѣли вчера пораньше лечь спать, но увлеклись приготовленіемъ шашлыка и засидѣлись долго.

Учителемъ былъ Бекиръ, конечно. Жарили во дворѣ у костра. Шашлыкъ вышелъ на славу. Было ли дѣйствительно вкусно или правилась своя работа, но онъ намъ казался и сочнымъ, и вкуснымъ, такимъ, словомъ, какого мы никогда не ѣли.

— Заливайте краснымъ виномъ, обязательно, краснымъ, — дирижировалъ докторъ, послѣднимъ отставшій отъ шашлыка.

Мы уже давно пили въ комнатѣ чай, когда со двора раздался его отчаянный вопль:

— Тащите меня отъ шашлыка, а то лопну.

Онъ и сегодня съ сожалѣніемъ вспоминаетъ:.

— Много хорошихъ кусковъ пропало: жиръ все.

— Жиръ развѣ полезенъ для желудка?

— Для моего и гвозди полезны.

Конкурентъ доктору въ ѣдѣ Н. Е. Мы имъ обоимъ предсказываемъ параличъ.

Ночью спалось плохо: много ужъ спимъ. Ночь мягкая, теплая съ грозой и дождемъ, Пахнетъ укропомъ и напоминаетъ Малороссію съ ея баштанами, свѣжепросоленными огурцами, арбузами и дынями.

Пробужденіе утромъ неприятное: сразу сознаніе безцѣльнаго торчанья въ какомъ-то казацкомъ селѣ.

Но такъ какъ ждать придется, можетъ быть, и нѣсколько дней, то рѣшилъ забрать себя въ руки.

Всталъ, умылся, напился чаю и отправился въ сосѣдній домъ заниматься: сперва англійскимъ языкомъ, затѣмъ чтеніемъ о Корей и Китаѣ.

Сіжу и занимаюсь подъ аккомпаниментъ визгливой ругани моихъ хозяевъ-казаковъ.

Какъ они ругаются! И мужскіе, и женскіе голоса...

Старухи голосъ:

— Я тебѣ не молодуха и не имѣешь надо мной больше закона.

Или:

— Ахъ ты, пьянчужка, вредный старикъ, поперечный...

Мужскую ругань, къ сожалѣнію, по совершенной нецензурности привести нельзя: грубая, плоская, съ громадной экспрессіей.

Ясно мнѣ во всякомъ случаѣ, куда дѣвають избытокъ своей энергіи казаки и съ кѣмъ они воюють въ мирное время.

А между тѣмъ разгаръ жнитва и съ вечера собирались уѣхать. Но такъ какъ-то не поѣхалось. Послали молодуху съ китайцами жать, а сами вотъ, и отецъ, и сынъ, и мать, и сестра, здѣсь не наругаются.

Заглянуль и ко мнѣ старый всклооченный вчесанный казакъ,— очевидно, до новаго праздника чесаться не будетъ. Ходить страшилищемъ. Бекирь предложилъ было ему подъ машинку остричься у него, но казакъ только зрачками сверкнуль на Бекира.

Отворилась дверь и вошелъ Н. А., а за нимъ тонкій, молодой, потертый походомъ морской офицеръ.

— Позвольте познакомиться васъ, господа: лейтенантъ Р.

Лейтенантъ простой, симпатичный, въ бѣлой тужуркѣ, усѣлся и мы заговорили сразу обо всемъ; и о Пиртъ-Артурѣ, откуда онъ ѣдетъ, и о Корей, о японцахъ и манджурской дорогѣ, о русско-китайскомъ банкѣ, о Гинцбургѣ, неофициальномъ поставщикѣ флота и арміи тамъ на востокъ.

— Замѣчательный человекъ этотъ Гинцбургъ,— рассказываетъ намъ морякъ, то подбирая со стола крошки, то вертя что-нибудь въ рукахъ (признакъ дѣятельной натуры),— началъ свою карьеру простымъ разносчикомъ въ концѣ 60-хъ годовъ, бѣгая съ корабля на корабль. Теперь у него громадный кредитъ въ Китаѣ, Японіи, Америкѣ, у англичанъ. Бывшій дезертиръ нашъ,—теперь уже его простили,— Станислава имѣеть, разрѣшенъ въѣздъ въ Россію. Весной, было, какъ прижали насъ съ углемъ! Нѣтъ угля—англичане весь скупили: 70 шиллинговъ за тонну. А Гинцбургъ по тридцати далъ и пароходы оказались зафрахтованными, все во время доставилъ. Въ убытокъ себѣ доставилъ.

— Что же его побуждаетъ?

— Надѣется, вѣроятно, контрактъ когда-нибудь на поставки заключить... Англичане давали ему 60 шиллинговъ, началась американо-испанская война, американцы предложило 70, а онъ намъ—по 30.

— Большое количество?

— Тогда мы взяли 120 тысячъ пудовъ.

— Только скажете названіе корабля,—«Александръ Ивановичъ командиръ». И онъ уже знаетъ, какъ этого Александра Ивановича уважить, какой провіантъ онъ требуетъ, что особенно любить. Безъ него плохо пришлось бы. Онъ и русско-китайскій банкъ—два всемогущихъ человека на востокъ.

— Банкъ силенъ?

— Все въ его рукакъ.

— Какъ постройка манджурской дороги?

— Не знаю... Кажется, хорошо.

Входитъ докторъ. Рубаха красная, лицо разстроено, съ энергичнымъ движеніемъ бросаетъ фуражку.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! На почтовомъ пароходѣ, который завтра придетъ изъ Стрѣтенска, ни одного свободнаго мѣста.

Зачѣмъ же мы, отказавшись отъ удобствъ пассажирскаго парохода, безъ ѣды, прорвались сюда? Чтобы изъ первыхъ стать послѣдними? Вотъ гдѣ понимаешь русскую пословицу: «тише ѣдешь, дальше будешь».

Но такъ нельзя. Держимъ военный совѣтъ и въ результатѣ Н. А., морякъ и я идемъ на почтовый пароходъ, съ которымъ пріѣхалъ г. Р. и который ждетъ пассажировъ изъ Стрѣтенска, чтобы пересадить ихъ къ себѣ и ѣхать въ Благовѣщенскъ.

Очень любезный капитанъ разводитъ руками и показываетъ телеграмму агента о точномъ количествѣ пассажировъ. Послѣ энергичныхъ переговоровъ получаемъ наконецъ согласіе его на пять мѣстъ.

Только что сошли съ парохода подходитъ капитанъ другого, стоящаго здѣсь буксирнаго парохода и говорить:

— Получилъ телеграмму ѣхать назадъ въ Благовѣщенскъ. Черезъ два часа ѣду. Если хотите, могу васъ взять съ собой.

Хотимъ ли мы?!

Пусть опять буксирный и безъ буфета только бы ѣхать.

Слѣшимъ домой. Новая бѣда: Н. Е. неизвѣстно куда ушелъ на охоту.

Бѣда съ молодыми охотниками. Въ часъ дня какая охота?

Ищи его теперь. Назначили пять рублей тому, кто его найдетъ, а сами принялись укладываться и обѣдать.

Три часа, мы уже на пароходѣ «Михаилъ Корсаковъ» и ѣдемъ до Благовѣщенска безъ Н. Е.

Любезный лейтенантъ Р. взялся доставить ему записку и устроить его на пассажирскомъ пароходѣ.

Пароходъ нашъ въ 400 силъ, сидитъ 3 ф., на ходу 3½ ф., а при полной скорости, когда заливаетъ отъ хода палубу, опускается до 4 футовъ. Мы идемъ со скоростью 27 верстъ въ часъ, но скоро начнутся перебаты и тогда пойдѣмъ тихо.

Собственно, пароходъ несравненно больше «Бурлака», но помѣщеніе наше хуже. Намъ уступили столовую—небольшую каюту. Она внизу, съ двумя небольшими круглыми окопками. Бросили жребій кому гдѣ спать. Мнѣ съ Н. А. пришлось на скамьѣ, доктору на столѣ, А. П. подъ столомъ. Впрочемъ, оба они устроились на полу. Кормить насъ взялись чѣмъ Богъ пошлетъ и съ условіемъ не быть въ претензіи. Послѣ двадцатидневнаго сухояденья о какихъ претензіяхъ можетъ быть рѣчь?

Большая часть команды—китайцы. Намъ прислуживаетъ подростокъ китайчонокъ Байга. Онъ юркій, живой, полный жизни и веселости. Говоритъ, какъ птица.

У китайцевъ множество горловыхъ и носовыхъ звуковъ, чрезъ разныя наші «р» они прыгаютъ и поэтому въ ихъ произношеніи нашъ русскій языкъ немногимъ отличается отъ ихъ китайскаго.

Передъ самымъ отходомъ появился на берегу чиновникъ-рабочій. Сегодня онъ трезвъ и задумчивъ. Лицо интеллигентное и испитое.

Я спросилъ его:

— Какъ ваши дѣла?

— Сегодня была работа.

— Много заработали?

— За полъ-дня 3 рубля.

— Хорошій заработокъ.

— А много ли его? И пароходы не каждый день приходятъ, а черезъ два мѣсяца и конецъ всему, а зимой и копѣйки негдѣ добыть здѣсь. Здѣсь казаки своимъ хлѣбомъ и не живутъ, да и на Аргунѣ въ этомъ году хлѣба нѣтъ.

— На Аргунѣ большіе посѣвы?

— Аргунь весь Амуръ кормитъ.

— А здѣшніе казаки чѣмъ кормятся?

— Да вотъ дрова для пароходовъ, а зимой извозъ—это два главные ихъ промысла.

— Охота?

— Нѣтъ, это ужъ на любителя.

Тонъ чиновника-работника мягкій, ласковый, смущенный. Мы постояли еще немного и разстались. Не легка жизнь здѣсь такого.

Мы плывемъ и опять зеленныя горы по обѣимъ сторонамъ. Старый гѣсъ весь срубленъ и сплавленъ, молодой зеленѣетъ.

Мы, русскіе, рубимъ и на своемъ, и на китайскомъ берегу, но и за свой и за китайскій гѣсъ наша казна беретъ ту-же таксу—80 копѣекъ съ сажени.

— Такъ вѣдь это китайскій гѣсъ?

— Китайскій.

— А китайцы берутъ что-нибудь за свой гѣсъ?

— Ничего не берутъ.

Оригинально во всякомъ случаѣ.

Мы уже версты 70 отъѣхали отъ Покровскаго, было около шести часовъ вечера, самое пріятное время, время, когда отъ горъ уже спускается на рѣку тѣнь, когда прохладно, но солнце еще на небѣ и золотитъ еще своими яркими лучами и небо прозрачное, нѣжно голубое и даль воды и зелень горъ.

Я и докторъ сидѣли на палубѣ и работали, когда торопливо спустился съ своей рубки капитанъ и слегка взволнованно обратился къ намъ:

— О Желтугѣ вы слышали?

— Ну, конечно.

— Вотъ она.

— Гдѣ, гдѣ?

Мы жадно поднялись съ своихъ мѣстъ, всматриваясь въ китайскій берегъ. Между двухъ горъ, въ незамѣтномъ сразу ущельи показались какіе-то домики, обнесенные заборомъ. Это и есть устье Албазики, въ которую впадала Желтуга. На берегу китайскій городокъ. Верстахъ въ двадцати выше по этой рѣкѣ и былъ центръ знаменитой Желтугинской республики. Тамъ и добывали хищническимъ образомъ китайское золото жители всѣхъ странъ, но по преимуществу китайцы и русскіе.

Населеніе республиканской Желтуги достигало до 12 тысячъ жителей. Основатель—ея нашъ интеллигентъ изъ судебного міра. Каждые 20 человѣкъ имѣли своего выборнаго и этотъ выборный имѣлъ свое ближайшее начальство

Во главѣ стоялъ выбираемый общимъ собраніемъ старшина. Старшина этотъ получалъ 12 тысячъ. Жалованья у всѣхъ были крупныя: было изъ чего платить,—вырабатывали на человѣка до 20 золотниковъ, то, есть до 150 рублей въ день.

Нашъ капитанъ самъ былъ и работалъ въ Желтугѣ. За шесть мѣсяцевъ онъ вывезъ чистыхъ 8 тысячъ рублей. При этомъ за фунтъ сухарей приходилось платить золотникъ золота: другихъ денегъ тамъ не было.

— Вы сами работали?

— Но тамъ всѣ сами работали.

Составъ былъ самый разнообразный: бѣглый каторжникъ, студентъ университета, чиновникъ, онъ—нашъ капитанъ—жили и работали вмѣстѣ. Нарытое золото оставляли въ незапертой лачужкѣ и не было случая воровства. Порядокъ былъ образцовый. Содержалась громадная полиція изъ конныхъ манджуръ. Законы Линча—короткіе и суровые. За смерть—смерть. За воровство—наказаніе плетью и вѣчное изгнаніе изъ республики.

— Вотъ, вотъ на этомъ мѣстѣ на льду и происходили всѣ экзекуціи. Капитанъ показываетъ рукой.

Мы вполоть проходимъ около китайскаго городка. Онъ постройками не отличается отъ нашихъ селъ: оконъ только больше и окна больше, изъ мелкихъ рамъ съ массой маленькихъ стеколъ. Много рѣшетчатыхъ и рѣзныхъ украшеній, но рѣдкій домъ открытъ. Большинство же съ улицы скрыто за заборомъ изъ частогокола. Стоять китайцы: рослые, крупныя, увѣренныя. Ни одной китаянки ни въ окнѣ, ни на улицѣ.

Русскихъ не видно, а въ нашихъ селахъ китайцевъ больше иногда чѣмъ русскихъ.

— Вся Желтуга въ золотѣ, отъ самаго устья.

Теперь китайцы тамъ машины поставили. Во главѣ предпріятія Ли-Хунъ-Чанъ.

Сколько такихъ врисковъ, гдѣ русскіе разъищутъ золото, а китайцы потомъ работаютъ. Весь китайскій берегъ золотой, а на нашемъ ничего нѣтъ. Вотъ долина перешла и на нашу сторону—прямое продолженіе, а золота нѣтъ.

Я говорю капитану:

— А теперь есть какая нибудь новая Желтуга?

— Нѣтъ, слѣдятъ. Вотъ проведемъ дорогу, будетъ Манджурія наша, бросаю опять капитанство и иду.

— Въ новую республику?

— Обязательно.

— Понравилось?

— Забыть нельзя.

— Намъ дайте телеграмму,—говорить докторъ,—тоже приѣдемъ.

Капитанъ, красивый, лѣтъ 35, средняго роста человекъ: очевидно, житель Сибири, по американски готовый всегда взяться за то дѣло, которое выгодно или больше по душѣ.

— А отчего вы ушли оттуда, капитанъ?

— Начинались преслѣдованія. Сперва мы дали, было, отпоръ китайскимъ войскамъ, а затѣмъ, когда и китайскія, и русскія войска пришли, рѣшено было сдаться. Я-то раньше ушелъ: кто досидѣлъ до конца, тотъ долженъ былъ оставить и имущество, и золото китайцамъ. Уходили только въ чемъ были. Золото китайцы взяли, а дома сожгли. Русскія войска паспортовъ не требовали и всѣхъ отпустили, а китайцы своимъ порубили головы (до 300 жертвъ). Нѣкоторые китайцы, чтобы спастись, отрѣзали косы себѣ, но, конечно, это не помогало. Гдѣ-то есть фотографіи расправы китайскихъ войскъ со своими подданными: цѣлыми рядами привязывали ихъ къ срубленнымъ деревьямъ и потомъ рубили головы. По одну сторону дерева головы, по другую—тѣла. Тамъ на счетъ этого просто.

— По повѣрью китайцевъ, онъ безъ косы и въ свой рай не попадетъ,—тащить его не за что будетъ?

— Хотя косы, собственно, не религиозный знакъ, а признакъ подданства послѣдней манджурской династии. А это повѣріе относительно рая у китайскихъ массъ дѣйствительно существуетъ.

Мы плывемъ и плывемъ. Горы все меньше и меньше. Это уже не горы, а холмы. Все больше и больше низинъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ. Вѣроятно, почва годится для культуры, но та же пустыня и у китайцевъ, и у насъ.

Насталъ вечеръ и мы остановились у сравнительно высокаго и скалистаго берега. Въ нѣжномъ просвѣтѣ послѣднихъ сумерекъ на фонѣ блѣдно-зеленоватаго неба видны въ окно на выступѣ берега отдѣльныя деревья, двѣ-три избы, сложенные дрова.

Мы беремъ дрова, и трескъ и грохотъ падающихъ на желѣзную палубу дровъ гонитъ насъ изъ каюты.

На берегу горять костры, освѣщающіе путь носильщикамъ дровъ. Русскіе и китайцы носятъ. Русскіе: везутъ много (до полусажени двое), китайцы положиву везутъ. Изъ мрака вырисуется вдругъ, при свѣтѣ костра, такое лицо китайца желто-блѣдное, съ широко раскрытыми отъ напряженія глазами и вся фигура его, притиснутая непосильной тяжестью. Но, въ концѣ концовъ, китайцы кончили свой урокъ раньше русскихъ: они быстрѣе носили...

Докторъ, Н. А. и А. П. взобрались на верхъ утеса, развеи тамъ огонь и сидятъ. Свѣтъ костра падаетъ на ихъ лица и лица эти рельефно и мертвенно вырисовываются во мракѣ ночи... Всталъ докторъ и загѣлъ «Проклятый міръ» и «...и будешь ты царицей міра» эффектно, сильно и красиво, но врядъ ли доступно уху аборигеновъ. Китайцы, впрочемъ, любятъ пѣніе, и глазенки нашего Байги каждый разъ разгораются, когда докторъ беретъ за свою гитару. Ужинать позвали. Съ выѣзда изъ Россіи первый разъ ѣмъ, порядочно. Было два блюда всего,—супъ и котлеты,—но и то, и другое, по крайней мѣрѣ, можно было ѣсть: просто и вкусно. Готовила какая-то простая кухарка, среднихъ лѣтъ, съ красивыми, но уже поблекшими глазами. Въ этихъ глазахъ какая-то скорбь, что-то недорванное и недосказанное. Когда докторъ поетъ, она замираетъ гдѣ-нибудь за угломъ и вся превращается въ, слухъ.

Байга счастливъ и носится. Угостилъ Н. А., вмѣсто воды, водкой и на его обычный отчаянный вопль, точно его рѣжутъ (вѣроятно, ребѣнкомъ онъ такъ закатывалъ на каждый доводъ своей няни), Байга только корчитъ ему свои уморительныя рожи.

Капитанъ сообщилъ неприятную новость: на ближайшемъ перекатѣ насъ пересадятъ на другой буксирный пароходъ «Адмиралъ Козакевичъ»—родной братъ, впрочемъ, по конструкціи съ нашимъ.

Неприятность въ томъ, что придется простоять по этому поводу до утра.

Такъ и случилось: пришли на перекатъ, гдѣ ждуть намъ пароходъ, часовъ въ пять вечера и бросили посреди рѣки якорь.

Съ гора занялись стрѣльбой въ цѣль: бросали въ воду бутылки и стрѣляли въ нихъ. Карабинъ Маузера оказался внѣ конкуренціи. Получили, какъ и у казаковъ, такъ и здѣсь нѣсколько предложеній продать его. Оказывается, что во Владивостокѣ пѣна у 70 р., тогда какъ я заплатилъ въ Петербургѣ 36 р. Если и во всемъ такая же разница, то, несмотря на порто-франко, вплоть до Иркутска отъ Владивостока расходъ на перевозку купленного, пожалуй, оправдывается.

Странное это порто-франко на протяженіи 4 тысячъ верстъ вглубь страны: тугъ ли не быть дѣловой жизни, а между тѣмъ нѣтъ въ мірѣ болѣе дорогого уголка.

— Дорого, какъ въ игорномъ домѣ, въ этой Сибири,—отозвался какъ-то о здѣшней забайкальской Сибири одинъ чиновникъ,—сторублевка—не деньги.

Чей-то товаръ выгружается, какого-то злополучнаго отсутствующаго хозяина. Не ждуть же его.

— Эй, кто желаетъ за счетъ хозяина выгружать?

— Давай,—неторопливо встаетъ съ бревна казакъ, представитель артели, дожидавшейся давно настоящаго случая.

— Сколько слушите?—завистливо освѣдомляется у него команда.

— Небось, не ошибемся.

— Копѣекъ десять?

— Да, а кто меньше ему сдѣлаетъ?

Прогрессируетъ ли жизнь при такихъ условіяхъ?

Выдерживаетъ, конечно, только скупщикъ и сбытчикъ краденаго или хищническаго золота. Да китайцы.

Мы разговариваемъ съ капитаномъ о перекатахъ и меляхъ, препятствующихъ судоходству по Амуру.

Дѣятельность въ этомъ отношеніи министерства путей сообщенія только начинается. Въ прошломъ году пришли двѣ землечерпательныя машины (что значать эти двѣ машины на тысячи верстъ?), но все гдѣто простояли гдѣ-то на мели. Въ этомъ году онѣ готовятъ себѣ зимній затонъ.

Разставили было створы, намѣтили форватеръ, но прошлогоднее совершенно исключительное наводненіе весь фарватеръ измѣнило и теперь никто ужъ не руководствуется установленными сигналами.

— Теперь всѣ старые лодмана на смарку,—вся наука ихъ теперь айца выгдѣннаго не стоитъ.

Цѣлый классъ людей на смарку! Хорошо, кто вновь успѣетъ пройти эту науку, а для многихъ это уже отставка и безъ пенсіи.

Въ этомъ году особое мелководье и пароходчики послѣ хорошихъ гдѣтъ льютъ теперь горькія слезы.

Мелководье и полноводье чередуются здѣсь, по наблюденіямъ мѣстныхъ жителей, пятигдѣтиемъ: пять гдѣтъ полноводныхъ, за ними пять мелководныхъ.

Если хорошенько во все это вдуматься, то, пожалуй, что во всѣхъ отношеніяхъ, и политическомъ, и экономическомъ, и военномъ, желѣзная дорога необходима для этого края, протяженіемъ двѣ съ половиной тысячи верстъ отъ Стрѣтенска съ Владивостокомъ въ концѣ, гдѣ теперь сосредоточивается столько интересовъ нашихъ.

И какъ бы ни противились сторонники центра, но, въ интересахъ того же центра, желѣзная дорога въ наши дни нужна такъ же окраинамъ, какъ и центру, какъ нужны солнце, воздухъ всѣмъ...

Вопросъ здѣсь только въ томъ, какъ на тѣ же деньги выстроить какъ можно больше дорогъ. И болѣе чѣмъ когда бы то ни было убѣжденный, я говорю, что вглубь Сибири надо строить узкоколейную дорогу—мы ничего не потеряемъ въ провозоспособности и силѣ тяги, а истратимъ денегъ много меньше. И, конечно, все это было бы болѣе

чѣмъ ясно, если бы у насъ существовалъ общій желѣзнодорожный планъ, а не сводилось бы всегда дѣло къ какой-то мелочной торговлѣ,—къ покупке фунта сахара только на сегодня.

Ошибка простибельная людямъ 40-хъ годовъ, когда была принята у насъ не болѣе узкая колея, подходящая болѣе къ карману, а болѣе широкая, подходящая болѣе къ крѣпостнической ширинѣ тѣхъ временъ, повторяется и въ наши дни, когда при желаніи рѣшить правильно вопросъ есть всѣ данныя изъ теоріи и фактовъ для рациональнаго его рѣшенія...

Довольно.

Синее небо—мягкое и темное—все въ звѣздахъ смотритъ сверху. Утесъ «саликъ» обрывомъ надвинулся въ рѣку, ушелъ вершиной вверхъ, тамъ вверху, сквозь вѣтви сосенъ, еще нѣжнѣе, еще мягче синева далекаго неба.

Все на палубѣ приникло и слушаетъ нашего пѣвца. На этотъ разъ репертуаръ подошелъ ближе и захватилъ слушателей.

Новыя и новыя пѣсни. Вотъ тоска ямщика, негдѣ размыкать горе, и несется подавленный, сжатый тоской отчаянья припѣвъ: «эй, вы ну ли, что заснули? шевелись живѣй,—воронье, золотые...»

Все слушаетъ больше молодой, сильный народъ, со всякимъ бывало, и пѣсня, какъ клещами, захватила и прижала ихъ: опустили головы и крѣпко, крѣпко слушаютъ.

Докторъ кончилъ, и изъ мрака вышелъ какой-то рабочій. Протягиваетъ какія-то ноты и говоритъ:

— Можетъ быть, пригодится: Шуберта...

— Благодарю васъ,—говоритъ докторъ и жметъ ему руку.

Отвѣтное пожатіе рабочаго и онъ ужъ скрылся въ толпѣ.

Кто онъ? Да въ Сибири внѣшній видъ мало что скажетъ, и привыкшій къ русской градаціи въ опредѣленіи по виду людей сильно ошибется здѣсь и какъ разъ миллионера-золотопромышленника приметъ за продавца тухлой рыбы, а подъ скромной личиной чернорабочаго пропуститъ европейски образованнаго человѣка.

12-го августа.

Все боялись, что рано потревожатъ для пересадки, но проснулись въ восемь часовъ и все тихо. Напились чаю, вышли на палубу.

— Когда пересадка?

— Да, вотъ...

Занимались, пообѣдали, кто уснулъ и выспался, когда наконецъ предложили переходить на другой пароходъ. Перешли и въ пять часовъ поѣхали дальше.

Прежній капитанъ, прощаясь съ нами, говорилъ:

— Послѣ завтра къ вечеру будете въ Благовѣщенскѣ.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Проѣхали 20 верстъ и сѣли на мель: на полномъ ходу съ размаху мы врѣзались въ эту мель. По гравелистому дну рѣпки скользнуло желѣзное дно нашего парохода,—загрохотало, рывкнуло и пароходъ сразу сталъ.

Плохо, что при этомъ насъ какъ-то нехорошо—поперекъ теченія—повернуло: оплеухой, какъ говорится здѣсь.

Мы перегнулись и печально смотримъ въ воду. Козесо и часть се-редины на мели и дно мели едва покрыто водой. Но подъ кормой глубоко, какъ глубоко и съ другой стороны, и мы можемъ изломаться, опрокинуться, котель не выдержать и взорветъ...

День къ концу, новый мѣсяцъ въ небѣ, солнце мирно садится и, прощаясь, красными печальными лучами смотреть оно на насъ, бѣд-ныхъ странниковъ Сибири.

13-го августа.

Утро. Туманъ. Мы стоимъ на мели. Вокругъ насъ блестящее обще-ство: также какъ мы сидящій уже на мели пароходъ «Князь Хилковъ», ожидающій очереди «Графъ Игнатьевъ», еще какой-то генералъ, не забудьте, мы сами «Адмиралъ Козакевичъ», ждемъ наконецъ «Адми-рала Посьета», словомъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣятелей здѣшняго края достаточно. Теперь они изъ своихъ портретовъ грустно смотрятъ на насъ.

Капитаны пароходовъ ѣздятъ другъ къ другу съ визитами. Къ намъ не ѣздятъ. потому что у насъ нѣтъ буфета, да и провизіи нѣтъ. За день до нашего крушенія нашъ пароходъ уже просидѣлъ восемь дней на мели,—тамъ и сѣли всю провизію и насъ кормятъ теперь тухлой соловиной и прогорклымъ и испорченнымъ масломъ. Мы по прежнему все бьемся,—освободимъ носъ, корма увязнетъ, освободимъ корму, носъ увязнетъ. Совершенно безъ всякаго толку, какъ-то попе-рекъ рѣпки ползетъ какой-то новый пароходъ. Царапается онъ чуть не по суху: завезетъ якорь и тянется. Заднее колесо отчаянно вертится, разбрасывая желтую пѣну и камни.

— И куда онъ только лѣзетъ, дуракъ махровый?—ругаются наши матросики,—вотъ попадетъ на эту струю и снесетъ на насъ: тогда на недѣлю засядемъ.

Въ это время какой-то пароходъ, не обращая вниманія на все здѣшнее общество, проходилъ нашъ перекалъ у другого берега пол-нымъ ходомъ и совершенно благополучно.

Афронтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе: фарватеръ, какъ оказывается, есть и къ тому-же согласуется и съ теоріей всѣхъ фарватеровъ.

Послѣ этого всѣ капитаны снимаются съ якорей и собираются раз-ойтись въ разныя стороны, кому куда лежитъ путь.

А новый пароходъ между тѣмъ, перековылявъ черезъ мель, дѣй-ствительно ввалился въ ту струю, о которой говорили матросики, и

прежде, чѣмъ мы успѣли оглянуться, его снесло на нашъ стальной канатъ, соединявшій нашъ пароходъ съ берегомъ и служившій намъ подспорьемъ для снятiя самихъ себя съ мели. Для себя навалившiйся пароходъ счастливо отдѣлался, но наши носовыя крѣпы, за которыя канатъ былъ укрѣпленъ, не выдержали, и стальной канатъ, свободный теперь въ носовой части отъ крѣпы, сталъ рвать и ломать наши буксирныя арки, перила и наконецъ лѣвую колонну, поддерживающую верхнюю рубку. Въ этой рубкѣ помѣщались каюты служащихъ, кухня.

Все это сопровождалось трескомъ и пальбой, какъ изъ пушекъ, криками метнувшейся въ разныя стороны команды и дикимъ воплемъ жѣнской прислуги и длилось одно и очень короткое мгновенiе. А затѣмъ повѣрка и осмотръ нашихъ разрушенiй и веселое сознание, что всѣ цѣлы, живы и здоровы.

Всѣ въ духѣ, возбуждены и то, что новый пароходъ окончательно и безнадежно втиснулъ насъ въ самую сердцевину мели, то, что вокругъ, до середины парохода обнажилась сухая отмель гравiя—никого больше не тревожитъ.

Такъ какъ это уже аварiя, то мы и даемъ теперь отчаянные свистки о помощи. Не успѣвшiй уйти «Графъ Игнатьевъ» уныло отвѣчаетъ и остается насъ вытаскивать.

Къ вечеру навалившiйся на насъ пароходъ наконецъ благополучно скрывается на горизонтѣ. Въмѣсто него появляется пассажирскiй «Адмиралъ Посыетъ».

Онъ осторожно, въ верстѣ бросаетъ якорь и на лодкѣ ѣдетъ къ намъ въ гости (не къ намъ, собственно, а къ «Графу Игнатьеву»).

Нашъ капитанъ, неутомимый работникъ, пробѣгаетъ мимо и весело кричитъ:

— Если канатъ выдержать, сейчасъ снимемся.

Роковое если... Канатъ съ пушечнымъ выстрѣломъ рвется и вся работа дня опять на смарку, потому что насъ мгновенно опять относитъ на прежнее мѣсто, а можетъ быть и на худшее.

— Не везетъ,—разводитъ руками капитанъ.

— Слава Богу, что всѣ цѣлы.

Оказывается, впрочемъ, не совсѣмъ всѣ: у двухъ ноги перебило или помяло, у третьяго, китайца, ребра.

Нашъ докторъ возится уже съ ними.

Ко всему дождь, какъ изъ ведра, весь день, и мы всѣ промокли и сыро такъ, какъ будто бы мы уже сидимъ на днѣ рѣки. Вечеръ и раннiй туманъ. Гдѣ-то далеко выдвинулась изъ мрака гора и, освѣщенная отблескомъ зари, она кажется, гдѣ-то въ небѣ, свѣтлое облако на этой горѣ—источникъ свѣта.

Мы въ каютѣ. Лѣнивый разговоръ о прошедшемъ днѣ: положки больше, чѣмъ думали сначала,—не только на корхѣ, но и на носу сорвало все. Цѣпь на рулѣ лопнула, ослабѣли блоки рулевые, что то въ

машинѣ, и поломаны колеса, дрова на исходѣ и нѣтъ провизіа. Ъздили за ней на другой пароходъ, но нигдѣ ничего намъ не дали.

— На завтра хлѣба больше нѣтъ,—говоритъ кухарка,—завтра сухари.

— Докторъ,—говоритъ Н. А.—если вы мнѣ не дадите кали бромата, я кончу тѣмъ, что двумъ сразу въ морду дамъ...

— Не совѣтую,—методично отвѣчаетъ докторъ.

И, помолчавъ, говоритъ:

— Побьютъ.

Но Н. А. отчаянно машетъ рукой и говоритъ:

— Пусть бьютъ, а все-таки дамъ.

Разговоръ обрывается вдругъ появленіемъ Н. Е. Б. Общій радостный крикъ.

Онъ пріѣхалъ на пароходѣ «Посыеть».

— Ну, какъ же вы?

Н. Е. сѣлъ, пригнулся, по обыкновенію, и смотритъ, точно соображаетъ, какъ же дѣйствительно онъ?

— Да, ничего.

— Много дичи настрѣляли?

— Да я вѣдь не дичь стрѣлялъ, а рыбу ловилъ. Я вѣдь двѣнадцать сомиковъ поймалъ. Прихожу: уѣхали, говоритъ хозяйка. Я такъ и сѣлъ. Вотъ тебѣ и разъ, думаю. Далъ съ горя себѣ слово никогда не удить рыбу.

— Ну?

— Ну, тутъ пришелъ Р.: объяснилъ. Я съ горя и курить началъ.

Н. Е. въ доказательство смущенно вынулъ и показалъ коробку папиросъ.

— Ну какъ же вы доѣхали?

— Доѣхалъ положимъ, хорошо. Р.—хорошій онъ человекъ—сейчасъ же повелъ меня на пароходъ, представилъ всѣмъ.

— Дамы были?

Н. Е. отвѣчаетъ не сразу, улыбается и нерѣшительно говоритъ:

— Были.

— Смотрите, смотрите,—говоритъ докторъ,—онъ весь сіяетъ.

Совсѣмъ юное еще лицо Н. Е. дѣйствительно сіяло. Голова его слегка ушла въ плечи, онъ сидитъ и словно боится пошевелиться, чтобы не разогнать пріятныхъ воспоминаній. Только глаза, красивые, лучистые смотрятъ, не мигая передъ собой.

— Ну, рассказывайте же, молодой тюлень,—кричитъ докторъ.

— Да что рассказывать,—медленно, не торопясь начинаетъ Н. Е.,—видите въ чемъ дѣло. Ъхала на томъ пароходѣ одна дама.

— Гм... дама,—басомъ перебиваетъ докторъ и крутитъ усы.

— Да не дама... дочь у нея,—смущенно дополняетъ Н. Е.

— Дочь?.. Чортъ побери.

— Четырнадцать лѣтъ.

— Что? Ха-ха-ха. Вотъ такъ фунтъ...

— Такая симпатичная, просто прелесть. Мы съ ней рыбу удил.

— Послѣ зарокато?

Н. Е. совсѣмъ смущенъ. Мы всѣ хохочемъ.

— Да вотъ, — разводите онъ смущенно руками, — такъ ужъ вышло... Рыбы много... Только успѣваете закидывать удочки.. И такъ еще: сомокъ сорвется, а какая-то рыбушка бокомъ на крючкѣ. Три раза такъ вытаскивали. Я нигдѣ никогда столько рыбы не видалъ...

— У насъ нынче Н. А. изъ револьвера застрѣлил рыбу.

— А вотъ скоро кита пойдетъ, — здѣшняя рыба, — съ моря; она прямо стѣной плыветъ, однимъ неводомъ ихъ до двухъ тысячъ пудовъ вытаскиваютъ въ разъ.

— Въ пятнашки съ ней играли, — говорить тихо Н. Е.

— Съ кѣмъ? Съ китой? Да онъ совсѣмъ влюбленъ, — оретъ докторъ, — нѣтъ, ему пѣсни надо пѣть.

Докторъ снимаетъ гитару и говорить:

— Ну, слушайте.

Онъ поетъ, а Н. Е. такъ и замеръ.

— Хорошо?

— Хорошо, — чистосердечно признается Н. и улыбается.

Бѣлые зубы его сверкаютъ, глаза видятъ другой свѣтъ.

— Да ну васъ къ чорту, уходите, — смотрѣтъ завидно...

— И то: ѣхать пора.

— Да какъ же вы поѣдете?

— Да вотъ: свезутъ на берегъ, а тамъ версты двѣ берегомъ... трава высокая по поясъ, да мокрая...

— А какъ вы спите безъ подушки, одѣяла?

— Такъ и сплю, — теперь ящикъ какой то-подъ головою.

Какъ мы его ни удерживали, какъ ни пугали барсами и тиграми, Н. Е. ушелъ.

Дождь будетъ мочить его, будетъ одинъ онъ пробираться темной ночью въ мокрыхъ камышахъ. Что ему дождь, камыши, тигры? Весь охваченный пѣниемъ и памятью встрѣчи, онъ будетъ идти и кто знаетъ, эта прогулка не будетъ ли лучшей въ его жизни?..

— Экая прелесть, — говорить докторъ послѣ ухода, — сколько ему лѣтъ?

— Двадцать два.

— Завидно, ей-Богу...

— Да вамъ-то много ли?

— Двадцать пять, — грустно вздыхаетъ докторъ.

Опять заглянулъ Б.:

— А, можетъ быть, хотите на нашъ пароходъ ѣхать? Я скажу капитану. Только мѣсть нѣтъ.

Пока выхода не было, казалось, хоть на лодкѣ, лишь бы ѣхать дальше. А теперь жаль: жаль суроваго здѣсь житья нашего, жаль въ бою побывавшаго нашего изломаннаго парохода, команды, молодого капитана энергичнаго, трудолюбиваго, на котораго шишки невзгодъ такъ и валятся отовсюду: въ это гдѣто девятый разъ сидитъ на мели.

Но благоразуміе беретъ верхъ и мы рѣшаемъ на утро перебраться къ «Посъету». Мѣстъ, правда, нѣтъ,—будемъ на полу гдѣ-нибудь въ столовой спать.

— Такъ, значитъ, до скорого свиданія?

— Спокойной ночи.

14-го августа.

Нашъ молодой капитанъ неутомимъ. Всю ночь возился и теперь носится по палубѣ, своими длинными ногами дѣлая громадные шаги. Совсѣмъ было выправилъ насъ «Игнатъевъ», но опять оборвался канатъ и мы, какъ-то перевернувшись на 180°, врѣзались опять въ ту же мель. Ну и канатъ...

Плохо, «Посъетъ» прошелъ мимо, на всѣхъ паракъ... А долженъ насъ взять: во-первыхъ, у насъ аварія, во-вторыхъ, оба парохода того же общества. Не взялъ... Что жъ? Съ горя работать. Спустились въ каюту и засѣли кто за что.

И вдругъ, когда, казалось, всякая надежда исчезла, что-то произошло и неожиданно всунулась въ каюту нашу голова капитана.

— Снялись...

Это было такъ хорошо, что вопросъ, [какъ снялись, былъ второстепеннымъ.

Мы бросились наверхъ. Прекрасный день, свѣтитъ солнце, покачиваясь уже на глубинѣ, стоитъ нашъ пароходъ, а подальше «Игнатъевъ».

— Поздравляемъ васъ, капитанъ.

— Это не меня—это капитана «Игнатъева» надо поздравить: такихъ товарищей, какъ онъ, рѣдко встрѣтишь.

«Игнатъевъ» скоро ушелъ. А часа черезъ три, починившись кое какъ пустились и мы въ путь.

Правый берегъ — манджурскій. Хотя побѣдителями всегда были манджуры и всегда китайцевъ били, но китайцы шли и шли и теперь культуру манджуръ безповоротно смѣнила китайская стойкая, все выносящая культура. Послѣднія вольности манджуровъ отбираются одна за другой и нѣкогда всесильная родина послѣдней династіи, теперь она только ничтожная провинція въ сравненіи съ остальнымъ громаднымъ Китаемъ.

Манджуры напоминаютъ нашихъ казаковъ сѣчи. Такіе же бритые, съ длинными усами, мужественные и мрачные. Но ихъ теперь уже такъ же мало, какъ и зубровъ Бѣловѣжской пуши. Все проходитъ.

Кучка матросовъ разговариваетъ.

Все это уже знакомые люди: вотъ стоитъ кузнецъ въ свѣтло-голубой грязной курткѣ, такихъ же изорванныхъ штанахъ, жокейской шапочкѣ, громадный, съ крупными чертами лица, съ умными большими глазами. Другой матросъ, тоже громадный, въ плисовыхъ штанахъ, рубахѣ на выпускъ, высокихъ сапогахъ, съ большой окладистой рыжеватой бородой. На матроса не похожъ: скорѣе на русскаго кучера, когда, отпрягнуши лошадей, свободный отъ занятій, онъ выходитъ погуторить на улицу.

Третій маленькій, тоже русый, въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ, съ лицомъ, испещреннымъ оспой и мелкими, какъ бисеръ, чертами.

— Это что за горы—гнилье, этотъ камень никуда не годится,—говоритъ кузнецъ,—такъ и разсыпается... Горы за Байкаломъ... Идешь по берегу и нельзя не нагнуться, чтобы поднять камешекъ, набьешь полные карманы, а впереди еще лучше. Высыпешъ эти, новые начнешъ набирать...

Это мирное занятіе не подходитъ какъ-то ко всей колоссальной и мрачной фигурѣ кузнеца.

Разговоръ обрывается.

Переселенцевъ вовсе мало нынче: только и плывутъ на плотяхъ. То и дѣло мимо насъ плывутъ такіе плоты большіе и маленькіе. Стоять на нихъ телѣги, живописныя группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, лошади, коровы. Огонекъ уютно горитъ посреди плота.

Напгъ пароходъ разводитъ громадныя волны для такихъ плотовъ и ихъ качаетъ и усиленно гребутъ на нихъ.

Эти плоты дойдутъ до Благовѣщенска, гдѣ и продадутъ ихъ переселенцы, выручая иногда за нихъ двойныя деньги.

— Что, второй пароходъ всего съ переселенцами. А назадъ ѣдущихъ довольно...

— Земель мало?—спрашиваю я.

— По Зеѣ есть... не устроено... кто попадетъ на счастье, а кто мимо пройдетъ, никто ничего не знаетъ...

Это бросаетъ, какъ бьетъ молотомъ, кузнецъ.

— У васъ ввели мировыхъ?—спрашиваю я.

— Ввели.

— Довольны?

— Если не испортятся, ничего.

— Какъ испортятся?

— Какъ? Взятки станутъ брать... Русскому человѣку, бѣдному,дохнуть нельзя, а китайцамъ—житье. Закона нѣтъ жить имъ къ Благовѣщенскѣ, а половина города китайская... Грязь, какъ въ отхожемъ мѣстѣ, у нихъ: ничего...

— Нечистоплотны?

— Падалъ ѣдать, конину, собакъ—грязь... тьфу... Водкой своей торгуютъ.

— Тайкомъ?

— А такъ... дешевая и вдвое пьянѣ нашей... Сейчасъ напейся, — сегодня пьянъ, а завтра выше натошакъ полстакана простой воды и опять пьянъ на весь день... ну и тянется народъ за ней... Китаецъ всякому удобенъ... Положимъ, не торопи его только—онъ все дѣло сдѣлаетъ. А противъ русскаго втрое дешевле... Опять русскому долженъ—надо отдать... Если по шеѣ ему, и онъ сдачи умѣетъ дать; а китайцу далъ по шеѣ, да пригрозилъ полиціей,—уйдетъ безъ всякаго расчета и не зайкнется...

Молчаніе.

— И вотъ какое дѣло,—говоритъ кузнецъ,—совсѣмъ нѣтъ китайскихъ бабъ. Китайцевъ, ребятишекъ—все мальчишки, а бабъ нѣтъ: штукъ десять на весь Благовѣщенскъ... Не можетъ же десять ихъ такую уйму народить? И вотъ я въ ихней сторонѣ пробирался и чуть подъ пулю не попалъ,—у нихъ это просто, и въ фанзахъ ихнихъ мало бабъ...

— Прячутъ отъ насъ, боятся обиды,—глубокомысленно вставляетъ съ мелкими чертами лица матросъ.

— Положимъ,—говоритъ кузнецъ,—нельзя и нашего брата хвалить. Не то, что ужъ на своей сторонѣ, а на ихней безъ всякаго права заберется къ нимъ, то за косу дернетъ, то толкнетъ, то къ бабамъ полѣзетъ... А вѣдь китаецъ, когда силу свою чувствуетъ—его тоже не тронь...

Кузнецъ мотаетъ головой.

— Въ какую-нибудь ночь да выйдетъ же отъ китайцевъ рѣзня въ Благовѣщенскъ: всѣ счеты свои сведутъ... И откуда они только берутся: батальонъ, два въ другой разъ вышлютъ на облаву, всѣхъ къ рѣкѣ ихъ, прочь на свою сторону, а на другой день еще больше ихъ...

— Ну, такъ какъ же? Чѣмъ бы полиція кормилась? Для этого и гонять, чтобъ потомъ опять пустить.

Все тѣ же ши изъ тухлой солонины на обѣдъ и та же жареная на горькомъ маслѣ солонина.

— Яицъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Молока?

— Ничего, кромѣ солонины и сухарей.

Вечеромъ пристали къ деревушкѣ. Нашли двѣ курицы, пять бутылокъ молока. Больше во всей деревнѣ ничего.

— Какъ же вы живете?

— Въ прошломъ годѣ наводненіемъ все смыло, нынче посохло, да вотъ падежъ... Годъ безъ падежа рѣдко же пройдетъ... Гдѣ бы и посѣяли и увеличили бы пашню, что жъ подѣлаешь безъ скотины! То и дѣло на ново до чиста обзаводись...

15-го августа.

Сегодня пошли съ четырехъ съ половиной часовъ утра; тумана почти не было. Идемъ хорошо и хотимъ, кажется, на этотъ разъ безъ приключеній добраться до Благовѣщенска.

Докторъ лежитъ и философствуетъ.

Я смотрю на него и думаю: типъ ли это девяностыхъ годовъ, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Онъ кончилъ въ прошломъ году. Практиченъ и реаленъ. Ни одной копѣйки не истратитъ даромъ. Ведетъ свой дневникъ, педантично записывая дѣйствительность. Ъстъ за двоихъ, спитъ за троихъ. Рѣшителенъ въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. Знакомъ съ теоріей, симпатіи его на сторонѣ социаль-демократовъ, но самъ мало думаетъ о чемъ бы то ни было. Вообще все это его мало трогаетъ. То, что называется «квѣтистъ».

— Да-съ, господинъ хорошій,— разсуждаетъ онъ на своей койкѣ,— какъ у швейцарцевъ? Восемь часовъ работы, восемь сна, восемь отдыха.. Ну-съ, такъ вотъ и мы нашу жизнь устроимъ: семь, ну, чортъ съ нимъ, девять мѣсяцевъ работы, а три мои... Пожалуйте, отецъ діаконъ, денежки на конъ,— въ Италию... Хорошія мѣста... въ Венеціи: часовенька на Пиацетѣ... Этакъ лежишь, а публика проходитъ... Пансіонерочка какая-нибудь пуститъ бумажку въ тебя и бѣжитъ... Изъ 40—30 красавицы. Пѣсни, воздухъ: хорошо...

— Ура... Благовѣщенскъ!— кричитъ сверху Н. А.

Мы бросаемся на палубу.

Оба берега Амура плоскіе и горы ушли далеко въ прозрачную даль.

Благовѣщенскъ, какъ на ладони,— ровный, еъ громадными, широкими улицами, съ ароматомъ какой-то свѣжей энергіи: онъ весь строится. Впечатлѣніе такое, точно городъ незадолго до этого сгорѣлъ. И какъ строятся! Воздвигаются цѣлые дворцы. Люди, очевидно, вѣрятъ въ будущность своего города.

Положимъ, въ 40 лѣтъ городъ дошелъ до 40 тысячъ населенія, являясь центромъ всей золотой промышленности.

На слияніи Амура и Зеи, противъ того мѣста Манджуріи, гдѣ наиболѣе густо населеніе ея.

Пока дѣла Манджуріи минуютъ Благовѣщенскъ, но говорятъ, что съ окончаніемъ постройки манджурской дороги вся торговля перейдетъ въ руки русскихъ купцовъ.

Всѣ во всей Сибири рассчитываютъ на эту Манджурію отъ купца до послѣдняго рабочаго, и кузнецъ нашего парохода говоритъ:

— Вотъ Богъ дастъ... Эхъ, золотое дно...

21-го августа.

Мы выѣхали изъ Благовѣщенска 19-го.

Пароходъ наполненъ пассажирами, которыхъ раньше мы всѣхъ обогнали на лошадахъ. Теперь они удовлетворенно посматриваютъ на насъ: «что, дескать, обогнали?»

Мы въ роли побѣжденныхъ покорно носимъ и привѣтливо смотримъ на всѣхъ и вся.

Впрочемъ, рѣдко видимъ ихъ, занятый каждый своимъ дѣломъ.

Рѣдко видимъ, но знаемъ другъ о другѣ все уже. Кто объ этомъ говоритъ намъ? Воздухъ, вѣроятно, пустота Сибири, гдѣ далеко все и всѣхъ видно. Это общее свойство здѣшней Сибири: народу мало, интересовъ еще меньше и всѣ все знаютъ другъ о другѣ.

Какъ бы то ни было, но я знаю, что рядомъ, напримѣръ, со мной въ такой же, какъ и моя, двухмѣстной каютѣ ѣдутъ двѣ барышни. Одна въ первый разъ выѣхавшая изъ Благовѣщенска въ Хабаровскъ. Она робко жметъ къ своей подругѣ и краснѣетъ, если даже стулъ нечаянно задѣнетъ. Извѣстно, что при такомъ условіи всѣ стулья всегда оказываются какъ разъ на дорогѣ, и поэтому здоровая краска не сходитъ съ ея щекъ.

Это, впрочемъ, дѣлаетъ ее еще болѣе симпатичной.

Вторая бестужевка. Она ѣдетъ изъ Петербурга въ Хабаровскъ учительницей въ гимназію. Большіе сѣрые глаза смотрятъ твердо и увѣренно. Стройная сильная фигура. Спокойствіе и увѣренность въ себѣ и своей силѣ. Она одна проѣхала всю Сибирь: для женщины, а тѣмъ болѣе дѣвушки—это подвигъ.

— Гдѣ счастье?—спрашиваетъ ее кто-то на палубѣ.

— Счастье въ насъ,—отвѣчаетъ она.

Я слышу ея отвѣтъ и смотрю на нее. Она спокойно встрѣчаетъ мой взглядъ и опять смотритъ на рѣку, берегъ.

Широкая раньше и плоская долина Амура опять суживается. Снова надвигаются зеленые холмы съ обѣихъ сторонъ. Это отроги Хинчана. Здѣсь уже водятся тигры и взглядъ проникаетъ въ таинственную глубь боковыхъ лощинъ. Но стараго лѣса нѣтъ и здѣсь: не защитили и тигры и всюду и вездѣ только веселые побѣги молодого лѣса.

Садится солнце и изумительными переливками краситъ небо и воду. Вотъ вода совершенно оранжевая, сильный пароходъ волнуетъ ее и прозрачныя яркія оранжевыя волны разбѣгаются къ берегамъ. Еще нѣсколько мгновений и волшебная перемена: все небо уже въ яркомъ пурпурѣ и обѣгутъ такія же прозрачныя, но уже ярко-красныя блестящія волны рѣки. А на противоположной сторонѣ неба нѣжный отблескъ и пурпура, и оранжевыхъ красокъ, и всѣхъ цвѣтовъ радуги. И тихо кругомъ, неподвижно застыли берега, деревья—словно спятъ въ очарованіи, въ панорамѣ безмятежнаго заката.

За общимъ ужиномъ молодой помощникъ капитана рассказываетъ досужимъ слушателямъ о красотѣ и величинѣ мѣстныхъ тигровъ, барсовъ, медвѣдей.

Медвѣди здѣшнихъ мѣстъ, очевидно, большіе оригиналы: передъ носомъ парохода они переплываютъ рѣку; однажды во время стоянки одинъ изъ нихъ забрался даже въ колесо парохода.

— И что же?—съ ужасомъ спрашиваетъ одна изъ дамъ.

Докторъ грустно полуспрашиваетъ, полуотвѣчаетъ:

— Убили?

Смѣхъ, еще вѣсколько словъ и знакомство всѣхъ со всѣми завязано.

Потерянное время торопятся наверстать. Послѣ ужина докторъ поетъ, Н. А. играетъ, онъ же по рукамъ опредѣляетъ характеръ и судьбу каждаго. Онъ вѣрится въ свою науку и относится къ дѣлу серьезно. Одну за другой онъ держитъ въ своихъ рукахъ хорошенькія ручки и внимательно разсматриваетъ ладони. Чѣмъ сосредоточеннѣе онъ, чѣмъ больше углубляется въ себя, тѣмъ сильнѣе краснѣютъ его уши. Они дѣлаются окончательно багровыми и прозрачными, когда одна изъ дамъ, у которой оказался голосъ и которой онъ взялся аккомпанировать, совсѣмъ наклонилась къ нему, чтобъ удобнѣе слѣдить за его аккомпаниментомъ.

Послѣ пѣнія онъ всталъ, какъ обваренный, поводитъ плечами и тихо говоритъ кому-то:

— Жарко...

Разъ уже зашла рѣчь объ обществѣ, долгъ автора представить его читателю.

Оно состоитъ изъ четырехъ дамъ, двухъ господъ и насъ.

О двухъ дамахъ я уже говорилъ. Прибавить остается, что учительница оказалась тоже свѣдущей въ трудной наукѣ хиромантіи и читаетъ по рукамъ судьбу человѣка. Но Н. А., очевидно, опытнѣе ея и съ своимъ обычнымъ дѣловымъ видомъ сообщаетъ барышнѣ разныя тонкія детали этой науки. Такой-то значекъ указываетъ на то, что человѣкъ утонетъ, а такой-то—ударъ въ голову. Барышня слушаетъ его внимательно, вѣжливо, съ какой-то едва уловимой улыбкой.

Двѣ другихъ дамы...

Я боюсь погрѣшнить. Изъ своей каюты я слышалъ разговоръ какихъ-то дамъ: эти ли, другія—я не знаю.

Рѣчь шла о выкройкахъ, кружевахъ, вязаньи. Долго говорили... энергично, бойко, съ завидной энергіей жизни... Въ другой разъ я слышалъ ихъ: лѣниво одна изъ нихъ... какъ бы это выразиться по-деликатнѣе... ну, разбирала, что ли, членовъ своего общества.

Мелко, все это мелко, какъ зернышки проса, которая сытая курочка поклевываетъ. И опять повторяю, я слышалъ, но не видѣлъ и не знаю, кто были эти дамы. Можетъ быть, заходившія къ намъ иногда пассажирки 2 класса.

Тѣ же двѣ дамы нашего общества, съ которыми я познакомился, были несомнѣнно очень милыя дамы, именно «нашего общества».

Одна постарше и посановитѣе по мужу, уже десять лѣтъ проживающая въ Сибири, другая, совсѣмъ молоденькая, пріѣхавшая прямо съ юга—Крыма или Кавказа—попала сюда два, три мѣсяца всего назадъ, никогда не видала зимы и ждетъ ее. Ждетъ такъ же пассивно, какъ смотритъ на весь Божій міръ.

Двадцать два года, хорошенькая, но уже распознѣла и, вѣроятно, будетъ и дальше полизѣть.

Обѣ дамы очень дружны и ихъ звонкій смѣхъ то и дѣло несется то съ палубы, то изъ столовой... Каждый день эти дамы въ новыхъ костюмахъ, при чемъ отъ простыхъ искусно переходятъ къ болѣе и болѣе сложнымъ. Съ костюмами мѣняются и духи.

Здѣсь, въ Сибири, масштабъ большой и тяжелый запахъ духовъ пропиталъ столовую и гостиную парохода.

Младшей дамѣ кажется, что она еще никогда никого не любила, а между тѣмъ по рукѣ выходитъ, что ей трижды, съ большими тревоженіями предстоитъ познать эту любовь. И лицо ея въ это мгновеніе, когда Н. А. усердно ей гадаетъ—типичное лицо Карменъ, когда по картамъ той выходитъ смерть и она мрачно смотритъ и разсѣянно повторяетъ: «смерть, смерть».

Старшая дама тоже интересуется своей судьбой. Она вѣритъ всякимъ гаданьямъ. Однажды тетя возила ее къ гадалкамъ. Въ первый разъ онѣ не застали гадалку дома, во второй застали и она все, все рассказала и все такъ вѣрно... У гадалки совѣтъ не страшно: иконы, свѣча и никакой, рѣшительно никакой, какъ говорится, чертовщины.

Она протягиваетъ свою, все еще красивую ручку Н. А.

Н. А. сосредоточивается:

— Ваша жизнь раздвоена...

— То-есть, какъ?

— Въ смыслѣ чувства.

— Что? что? Ха-ха... Вотъ сообщу мужу...

Дама все-таки, кажется, обидѣлась и рано ушла спать. Сегодня она, впрочемъ, уже опять гуляетъ мимо оконъ моей каюты, улыбается и возбужденно что-то рассказываетъ учительницѣ.

Та вѣжливо слушаетъ эту даму.

Вчера, вечеромъ, мы съ учительницей немного поговорили. Она—она вѣритъ въ жизнь, въ свою энергію, вѣритъ въ возможность производительной работы, будетъ работать для другихъ, для себя, черезъ три года поѣдетъ за границу.

Свободная вакансія оказалась только по нѣмецкому языку, который она и взялась преподавать. Будетъ преподавать языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ литературу, исторію литературы и новѣйшую.

Все тѣ же зеленые безжизненные берега. Они то сходятся въ складки и отдѣльными зелеными холмами, какъ наросты, жмутся къ рѣкѣ, то вдругъ раздвинутся и ужъ гдѣ-то далеко въ сизой дали иззубриваютъ горизонты. Тогда сюда ближе, къ рѣкѣ подходитъ плоская равнина, низменная, мокрая, поросшая разной негодной зарослью.

Впала Усури. Амуръ сталъ шире Волги у Самары и грозно плещется.

Китайцевъ все больше и больше. Здѣсь они старинные хозяева. Они уже однажды владѣли этимъ краемъ и бросили его. Возвратились вторично теперь, потому что въ немъ поселились тѣ, у которыхъ есть деньги. Эти «тѣ»—мы, русскіе. Откуда наши деньги? Изъ Россіи: за cadaго здѣшняго жителя центръ приплачиваетъ до 40 рублей. Китайцы гребутъ эти деньги, безъ семействъ приходя сюда и въ томъ же году отнеся эти деньги туда, въ Чифу, на свою родину, опять возвращаются въ Россію съ пустыми уже карманами, но съ непреоборимымъ рѣшениемъ снова набить эти карманы и снова унести деньги домой.

Все идетъ, какъ идетъ.

Вчера за обѣдомъ мѣстный интеллигентъ говоритъ.

— Китаецъ, Китай... Это глубина такая же, какъ и глубина его Тихаго океана.... Китаецъ пережилъ все то, что еще предстоитъ переживать Европѣ... Политическая жизнь? Китаецъ пережилъ и умеръ навсегда для этой жизни. Это игрушка для него и пусть играетъ ею, кто хочетъ,—она ниже достоинства тысячеклѣтней кожи архіозавра китаецъ: его почва—экономическая и личная выгода... Съ этой стороны нѣтъ въ мѣрѣ культуры выше китайской... То, что человечеству предстоитъ рѣшать еще,—какъ прожить густому населенію,—китаецъ рѣшилъ уже, и то, что даетъ клочекъ его земли, не дадутъ пѣлыя поля въ Россіи... Что Россія? Китай послѣднее слово сельской культуры, трудолюбія и терпѣнія... Мы не понимаемъ другъ друга. Мы моемся холодной водой и смѣемся надъ китаецемъ, который моется горячей. А китаецъ говоритъ: «горячая вода отмываетъ грязь,—у насъ нѣтъ сыпи, нѣтъ кожныхъ болѣзней, а холодная вода разводитъ только грязь по лицу». Платье европейца его жметъ и китаецъ гордится своимъ широкимъ покроемъ. Китаецъ говоритъ: «европеецъ при встрѣчѣ протягиваетъ руку и заражаетъ другъ друга всякими болѣзнями,—мы предпочитаемъ показывать кулаки».

Извѣстно, что китайцы здороваются, прижимая кулаки къ своей груди.

Интеллигентъ продолжалъ:

— Китаецъ культурнѣе и воспитаннѣе, конечно, всякаго европейца, воспитанность котораго, вродѣ англичанина, сводится къ тому, что, если вы ему не представлены и если вы тонете, а ему стоитъ пошевелить пальцемъ, чтобъ спасти васъ—онъ не пошевелитъ, потому что онъ не представленъ. И повѣрьте, у китаецъ свободы больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ. Несноснаго администратора вы не имѣете средствъ удалить, а у китайцевъ чуть лишнее взялъ или какъ-нибудь иначе зарвался, быстро прикончатъ: выведутъ за ворота города, «иди въ Пекинъ»... И назадъ такихъ никогда не присылаютъ.

— А что вы скажете на счетъ рубки головъ тамъ? Кажется, довольно свободно продѣлывается это у нихъ?—спросилъ я.

— Только кажется: попробуй судья отрубить несправедливо голову...

— Правда, что, когда случаются возмущенія и европейцы требуют казней, то китайскія власти за 10—15 долларовъ нанимаютъ охотниковъ пожертвовать своими головами?

— Что жъ изъ этого: китаецъ не дорожитъ своею жизнью,—чума, холера, голодъ и даромъ съѣдятъ...

— Возможенъ фактъ, сообщаемый однимъ туристомъ, что на вопросъ: кого и за что казнятъ, ему отвѣчали, что казнятъ воиновъ, отбывшихъ свой срокъ и не желающихъ возвращаться въ свои семейства?

— Вполнѣ возможенъ: очевидно, мошенникъ-командиръ не уплатитъ имъ жалованье... Все это тѣмъ не менѣе въ общемъ ходѣ жизни только пустяки...

22-го августа.

Виденъ Хабаровскъ. Гдѣ-то далеко, далеко въ зелени нѣсколько большихъ розовыхъ зданій,—красиво и ново.

— Розовый городъ,—сказалъ кто-то.

— Деревня,—поправилъ другой,—только и есть тамъ, что казенныя зданія.

Подъѣзжаемъ ближе, значительная часть иллюзіи отлетаетъ: это дѣйствительно, большія кирпичныя зданія—казенныя зданія, а затѣмъ остальной сѣренькій Хабаровскъ тянется по овражкамъ рядами деревянныхъ, безъ всякой архитектуры, построекъ.

На пристани множество парныхъ телѣгъ, парныхъ крытыхъ дрожекъ въ пристяжку. Китайцевъ еще больше: здѣсь они всюду,—на пристани, у своихъ лавочекъ, которыя двойными рядами, сколоченныя изъ досокъ, тянутся вверхъ по крутому подъему. Въ этихъ лавочкахъ, на прилавкахъ грязно и невкусно лежатъ: капуста, морковь, арбузы, дыни, груши и яблоки, синіе баклажаны и помидоры. Названія тѣ же, что и на нашемъ югѣ, но блеска юга нѣтъ, нѣтъ и существа его—это отбросы скорѣе юга—всѣ эти блѣдые, чахлые, жалкіе и невкусные фрукты.

Въ городѣ музей и такъ какъ до отхода поѣзда оставалось нѣсколько часовъ, то мы успѣли побывать тамъ. Музей хорошъ, виденъ трудъ составителей, энергія. Прекрасный экземпляръ скелета морской коровы. Скелетъ больше нашей обыкновенной коровы, съ обрубленными точно ногами и задней частью, переходящей въ громадный хвостъ. Какъ извѣстно, это добродушное животное теперь уже совершенно исчезло съ земного шара. Еще въ прошломъ вѣкѣ ихъ здѣсь у береговъ океана было много и онѣ стадами выходили на берегъ и паслись тамъ. А люди ихъ били. Но коровы не боялись, не убѣгали, а напротивъ, шли къ людямъ и поплатились за свое довѣріе. Даже и теперь въ этомъ громадномъ, закругленномъ тяжеломъ скелетѣ чувствуется это добродушіе, не приспособленное къ обитателямъ земли.

Чучела тигровъ, медвѣдей, барсовъ и рысей, чучела рыбъ, земноводныхъ, допотопныхъ. Дальше костюмы и чучела всевозможныхъ народностей.

Смѣтришь на эти фигуры, на эти широкія скулы, втиснутые щелками глаза, дышишь этимъ тяжелымъ воздухомъ, пропитаннымъ нафталиномъ, и переживаешь ощущенія, схожія съ ощущеніями при взглядѣ на скелетъ морской коровы: многіе изъ нихъ собственно такое же уже достояніе только исторіи. Онъ и живой съ застывшимъ намекомъ на мысль въ глазахъ кажется только статуей изъ музея. Я вспоминаю самоѣда Архангельской губерніи, когда впервые въ дебряхъ сѣверной тундры я увидѣлъ его, выпедшаго вдругъ на опушку своей тундры. Неподвижный, какъ статуя, въ своемъ бѣломъ балахонѣ, такомъ же бѣломъ, какъ его лайка, его бѣлый медвѣдь, его бѣлое море и бѣлыя ночи, безжизненные, молчаливые, какъ вѣчное молчаніе могилы. Не жизнь и не смерть, не сонъ и не бодрствованіе, не конецъ и не начало—какая-то мертвая полоса и въ ней вымирающій самоѣдъ. Ихъ тысяча или двѣ и не родятся больше мальчики...

— Надо, надо мальчиковъ,—говорить тоскливо самоѣдъ.

Но мальчиковъ нѣтъ, а рождающіеся изрѣдка рѣдко выживаютъ: и мальчики, и дѣвочки всѣ умираютъ отъ той же черной оспы и напрасно въ опорожненную мѣховую торбу мать суетъ новое свое произведеніе—оно заражается.

Но кто выживаетъ, тотъ выносливъ и водку пьетъ съ годового возраста. Тяжело и уморительно видѣть, какъ, почувявъ запахъ этой водки, маленькій уродецъ высовываетъ голову изъ своего мѣшка. И, если ему вольютъ глотокъ въ ротъ, онъ мгновенно исчезаетъ и уже спитъ.

Въ передвиженіяхъ этотъ мѣшокъ съ его обитателемъ самоѣдъ привязываетъ къ своимъ саямъ и прыгаетъ мѣшокъ по снѣгу, догоняя сани.

Я вспоминаю другого вымирающаго инородца, остяка, и его Обь, страну за Томскомъ къ сѣверу, необъятную и плоскую глухую страну, обитатель свое жалкое право на существованіе оспариваетъ у грозной водной стихіи, у хозяина глухой тайги—медвѣдя, гдѣ-нибудь за сотни верстъ отъ жилья встрѣчаясь, они рѣшаютъ вопросъ, кого изъ нихъ двухъ сегодня будутъ ожидать дома.

— Если медвѣдь всталъ на дыбы,—говорить остякъ,—медвѣдь мой,—и бросается медвѣдю подъ ноги.

И пока этотъ медвѣдь начинаетъ своего врага драть съ ногъ, остякъ поретъ ему брюхо и торопится добраться до сердца. Ничего, что ключьями на ногахъ виситъ его мясо, медвѣдь уже мертвый лежитъ на землѣ.

Но пропалъ остякъ, если умный медвѣдь не встаетъ на дыбы, а бѣгаетъ проворно на всѣхъ своихъ четырехъ лапахъ, онъ спишетъ тогда своего врага и задеретъ его. Не воротится остякъ домой и напрасно будутъ ждать его голые съ толстыми животами дѣти, истощенная жена, всѣ голодные, изможденные, всѣ въ сифилисѣ, всѣ развращенные негодной по качеству водкой.

*

Это люди культуры, взаимѣнъ шкуръ и рыбы, принесли обитателю свои дары...

Хабаровцы, впрочемъ, пожалуй, могутъ и обидѣться, что по поводу ихъ города, лежащаго на 48 параллели, я вспомнилъ вдругъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ и о всей неприглядной обстановкѣ тѣхъ странъ.

Что еще сказать о Хабаровскѣ? Онъ основанъ всего въ 1858 году, а названъ городомъ всего въ 1880 г. Жителей 15 тысячъ. Но, очевидно, это не предѣлъ и городъ, какъ и Благосвѣщенскъ, продолжаетъ энергично строиться. Торговое значеніе Хабаровска передаточное,—это пунктъ, отъ котораго съ одной стороны идетъ водный путь, а съ другой—къ Владивостоку—железнодорожный. Самостоятельное же значеніе Хабаровска только—какъ центра торговли пушниной, получаемой отъ разныхъ ивородцевъ. Самый цѣнный товаръ—соболь, лучший въ мірѣ.

Въ смыслѣ жизни, въ Хабаровскѣ все такъ же дорого, какъ и въ остальной Забайкальской Сибири...

Жизнь общественная, насколько удалось почувствовать ее, приурочивается къ чиновничьямъ, военнымъ центрамъ. Памятникъ графу Муравьеву стоитъ на самомъ командующемъ мѣстѣ города, виденъ отовсюду и останавливаетъ на себѣ вниманіе своей сильно и энергично поставленной фигурой. Фигура эта съ протянутой рукой всматривается въ сизую даль той стороны, гдѣ граница Китая. И, не смотря на эту твердую рѣшимость, хорошо переданную художникомъ, чувствуется... чувствуется то, что должно чувствоваться въ такихъ случаяхъ, когда смотришь впередъ и хочешь увидѣть все до конца: чисто физическій предѣлъ, дальше котораго конструкція глаза не позволяетъ ничего больше видѣть.

Это не намекъ на что бы то ни было,—это ощущение художника. Какъ ни рѣшительна фигура, но необъятная даль захватываетъ сильнѣе и фигура пасуетъ передъ ней.

А если мы начнемъ говорить о понятной аллегоріи, оставимъ физику и перенесемъ въ міръ духовный, міръ будущихъ перспективъ и послѣдствій содѣяннаго, то тамъ даль еще необъятнѣе.

Одинъ даль это, другой то—всѣ вмѣстѣ снова растворили ржавыя ворота Чингисъ-Хана и теперь уже нѣтъ преграды этому желтому типу. И что несетъ онъ съ собой? Низшіе ли это исполнители высшей воли той культуры, которая недоступна имъ, выродившимся для нея, желтымъ, вѣчнымъ рабамъ новой цивилизаціи—исполнители на вящую славу прогресса этой культуры, или и сами они способны воспріять эту культуру, или же наконецъ неспособные къ ней, но устойчивые въ своей, они растворятъ въ себѣ всѣхъ безъ остатка, какъ растворили манжуровъ, монголовъ, корейцевъ и др.?.

Въ лицѣ китайца, каковымъ мы видимъ его теперь, всѣми силами своей души, всѣми помыслами обращеннаго назадъ къ своему Конфуцію, мы, очевидно, не имѣемъ дѣла съ прогрессистомъ. Но способенъ ли китаецъ отрѣшиться отъ старины, повернуться и пойти

впередъ? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ, въ виду имѣющагося въ лицѣ Японіи факта, доказывающаго эту способность? И способность выдающуюся, ошеломляющую, поправки къ которой только и можно вводить въ родѣ того, что у нихъ денегъ не хватаетъ, или что японцы только способны обезьяны, но безъ всякаго творчества... Поправки, требующія серьезныхъ доказательствъ во всякомъ случаѣ.

Въ вагонѣ большое общество: военные, разнаго рода служащіе, искатели счастья, изрѣдка, очень изрѣдка какой-нибудь мѣстный негодянтъ; огдѣльный вагонъ-буфетъ, въ немъ все общество и оживленные разговоры о китайцахъ и японцахъ, о судьбѣ Востока. Горячіе споры и каждый говоритъ свое совершенно особое мнѣніе, только его и считаетъ вѣрнымъ, съ презрѣніемъ выслушивая всякое другое.

Выводъ одинъ: вопросъ, очевидно, большой и жгучій, имѣющій множество сторонъ, и каждый, видящій свою, говоритъ объ единой открытой истинѣ. И ясно, что изученіе всѣхъ сторонъ и связанный съ ними общій выводъ еще дѣло большой работы будущаго. И если теперь все это — темная бездна, освѣщенная салными огарками, десяткомъ, другимъ поверхностныхъ изслѣдователей, то во времена тѣхъ, кому строить здѣсь памятники, бездна эта и этихъ освѣщеній не имѣла.

Но если нѣтъ знаній—много апломба, легкомыслія, цинизма съ одной стороны, полнаго подобострастія и приниженности—съ другой.

— Китаецъ—трупъ, который и расклюютъ, кто поспѣетъ...

— Китаецъ? Одинъ русскій на тысячу китайцевъ и Китай нашъ: вотъ чтѣ вашъ китаецъ...

— Я шесть мѣсяцевъ прожилъ въ Китаѣ... Китаецъ? Чго ему нужно? Третировать его en canaille!.. При англичанинѣ китаецъ не смѣетъ сидѣть, не смѣетъ входить въ тотъ вагонъ, гдѣ сидитъ англичанинъ,—тогда Китай, дѣйствительно, будетъ нашъ... А то, помилуйте, безобразіе: во Владивостокѣ извозчикъ—русскій человекъ—сидитъ на козлахъ, а воюющая манза со своей косою развалился на его флетонѣ... Позоръ

Рядомъ съ такими взглядами говорятъ:

— Надо проникнуть и понять, что такое китаецъ... Его коса, халатъ, бамбуковая трость и другія комичныя внѣшности закрываютъ предъ вами сущность... Китаецъ глубокій философъ: онъ смотритъ со своей пятитысячелѣтной точки зрѣнія... И въ шестилѣтнемъ ребенкѣ вы уже чувствуете эту пятитысячелѣтную мысль... Культурную мысль..

— Въ чемъ культура?!

— Какъ въ чемъ? Рѣшенъ величайшій вопросъ прокормленія человека на такой пяди земли, на какой у насъ собака не прокормится...

— Что такое японецъ?—несется съ другого конца, — японецъ годенъ къ культурѣ только въ своихъ условіяхъ,—голый на берегу моря, гдѣ онъ наловитъ каждый день на обѣдъ себѣ рыбы, гдѣ на 60 кв. саж. родится самъ-600 рисъ... А русскій человекъ треть своей силы тратить на борьбу только съ холодами...

— Вы хотите знать, кто такой японецъ? Это французъ, англичанинъ и тотъ, выработанный этикетомъ Востока, воспитанный человекъ, который даже горло вамъ перерѣжетъ, улыбаясь, сюсюкая и потирая себѣ колѣни...

— Но вашего японца, обезьяну, презираетъ китаецъ и основательно говоритъ, что японецъ новому міру такъ же мало дастъ, какъ и мало онъ далъ китайской классикѣ... Что японецъ? Китаецъ—глубочайшій философъ, классикъ... «Пиши отъ классика»... Наши писаки у нихъ...

И такъ далѣе. Всего не передашь.

А въ контрастѣ съ этимъ разнообразіемъ мнѣній нашей интеллигенціи здѣсь — простой народъ на протяженіи отъ Иркутска до Владивостока, точно сговорился, въ однообразномъ своемъ мнѣніи.

— Отъ китаецъ не стало житья: работаетъ, а что ѣсть? Деньги наши всѣ перетаскаетъ на свою сторону...

Разнорѣчіе въ отзывахъ понятно. Простой человекъ исходитъ изъ факта, интеллигентъ же, какъ выразился одинъ возвращающійся переселенецъ по поводу переселенческаго дѣла,—отъ своего большого ума.

23-го августа.

Изъ окна вагона я вижу все ту же долину Уссури, поросшую болотистой травой, вижу далекіе горы, покрытые лѣсомъ.

— Хорошій лѣсъ?

— Лѣсу здѣсь нѣтъ хорошаго и пахоты нѣтъ, растительный слой ничтоженъ, подпочва, видите... да и болотиста...

Резервы, изъ которыхъ взята земля для желѣзнодорожнаго полотна, знакомятъ хорошо съ строеніемъ почвы—вершка два черноземъ, дальше бѣлая глина.

— Годъ, два—колоссальный урожай дѣвственной почвы, а затѣмъ удобреніе...

Кругомъ все такъ же пустынно и дико,—нѣтъ жилья, нѣтъ слѣдовъ хозяйства.

— Да здѣсь нѣтъ ничего... Верстъ за триста, не доѣзжая Владивостока, начнутся поселенія, да и тамъ пока плохо...

Относительно сельскаго хозяйства здѣсь два діаметрально противоположныхъ мнѣнія.

Одни говорятъ:

— Здѣсь особенная природа: одинъ годъ въ сажень, полторы вырастетъ пшеница и одно зерно въ колосъ, а на другой годъ баснословный урожай, весь сгнившій отъ дождей, или соберутъ, начнутъ ѣсть—судороги и всѣ признаки отравленія... Такъ и называются наши пшеницы — пьяныя... Вы видите, что здѣсь природа и сама не работала еще себѣ масштабъ: о какомъ серьезномъ переселеніи можетъ быть рѣчь... Да надо сперва привезти сюда 500 тысячъ и всѣ ихъ оставить на этихъ сельскихъ опытахъ... Донскихъ казаковъ, несчастныхъ, переселили... Два года поблизь: пришли во Владивостокъ, по-

селились таборомъ — везите назадъ... Второй годъ живутъ: женщины проституціей занимаются... А тамъ, гдѣ какъ-нибудь устроились, еще хуже: захватили все къ рѣчкамъ, а подугоры и горы, отрѣзанныя отъ воды, обречены такимъ образомъ на вѣчную негодность: участки надо было надѣлять не вдоль рѣки, а отъ рѣки въ горы,—тогда другое и было бы...

— Да тамъ болота...

— Осушите.

— Развѣ это посильно переселенцу?

— Это работа не переселенца... И безъ этой работы ни о какомъ серьезномъ заселеніи края рѣчи быть не можетъ...

Рядомъ съ этимъ:

— Ерунда! Чудныя мѣста! Богатѣйшія мѣста!. Свекла, сахарные заводы, винокуренные, пивные заводы, табаководство... Земли сколько угодно...

— На сколько человекъ?

— По крайней мѣрѣ на 60 тысячъ.

— Что вы? 600 тысячъ.

— Тысячъ сто двадцать,—рѣшаетъ авторитетно третій.

Во всякомъ случаѣ, для прироста 100-милліонной Россіи всѣ эти три цифры, если даже сложить ихъ вмѣстѣ, не составятъ особенной находки.

Что касается до того, дѣйствительно ли чудныя мѣста, лучшія для свеклы, табаку, то, судя по вѣшнему впечатлѣнію, сопоставляя рядомъ съ этимъ заявленіе о невыработавномъ-де еще и самой природой масштабъ, казалось бы слѣдовало усумниться. Но увѣряютъ здѣсь такъ энергично...

Положимъ, здѣшніе обитатели всегда, что бы ни заявляли, заявляютъ энергично и категорично... Нѣкоторые злые языки говорятъ, что обитатель здѣшній попросту любить приврать. Безъ всякаго дурного умысла.

Одинъ въ порывѣ откровенности такъ аттестовалъ себя и другихъ:

— Время; такого вранья, какъ здѣсь, не встрѣтите нигдѣ... Это специальное, особенное вранье: родъ спорта... Мы охотно отдаемъ залежавшійся хламъ приѣзжему или вымѣниваемъ на интересное для насъ... А, если такъ, настоящій разговоръ, такъ вѣдь ничего мы въ сущности не знаемъ, потому что ѣдимъ, пьемъ — хорошо и ѣдимъ и пьемъ, — разговариваемъ, но ничего, кромѣ полученій въ разныхъ видахъ денегъ отъ казны, не дѣлаемъ. Прежде хотъ на манъ (китайцевъ) охотились, когда они съ нашихъ присковъ хищнически возвращались къ себѣ на родину: теперь и это запрещено... Теперь оправдываемъ хунхузовъ и ждемъ, когда благодарный китаецъ самъ придетъ и скажетъ: «за то, что ты оправдалъ меня на судѣ, я покажу тебѣ уголь»... А другому покажетъ золото, а третьяго надуетъ: деньги выманить и ничего не покажетъ.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

*Продолженіе *)*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Послѣ „вторника“ у Козельскихъ, Никодимцевъ находился въ какомъ-то странномъ, непривычномъ для него и въ то же время пріятномъ настроеніи серьезнаго, человѣка, неожиданно выбитаго изъ колеи, которая до сихъ поръ была для него единственнымъ и главнымъ смысломъ жизни и изъ которой, казалось ему, онъ никогда не выйдетъ.

Колея эта—служебная карьера способнаго, умнаго и даровитаго чиновника, знающаго себѣ цѣну, достигшаго сравнительно блестящаго положенія безъ связей, безъ протекціи, по сколько возможно, избѣгавшаго компромиссовъ и сумѣвшаго сохранить независимость въ средѣ, гдѣ она не только не цѣнится, а, напротивъ, считается недостаткомъ.

И въ департаментѣ, гдѣ Никодимцевъ проводилъ большую часть дня, и дома, въ своей маленькой холостой квартирѣ, гдѣ онъ просиживалъ долгіе вечера за работой или за чтеніемъ, онъ часто думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ. Эти думы, тревожныя и мечтательныя, какъ-то незамѣтно подергивались въ его голову нераздѣльно съ лицомъ и стройной, красивой фигурой молодой женщины, и мѣшали Никодимцеву заниматься съ усидчивостью и съ упорствомъ неумоимаго работника, на котораго наваливали, разумѣется, много работы, зная, что Никодимцевъ съ ней справится и сдѣлаетъ ее превосходно.

И, что было еще удивительнѣе, и самая работа теряла въ его глазахъ важность, которую онъ ей придавалъ, и все то,

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, изъ-за чего волновался и мучился, казалось ему теперь такимъ сѣрымъ, блѣднымъ и незначительнымъ безъ личнаго счастья, жажду котораго въ немъ пробудила эта очаровательная женщина. Она ему казалась именно той, о которой онъ мечталъ въ молодости и вдругъ встрѣтилъ. И мечтая объ Иннѣ Николаевнѣ, Никодимцевъ впервые почувствовалъ свою сиротливость и тоску одиночества.

Онъ не разъ отрывался отъ работы и думалъ о прошлой жизни. Теперь она ему казалась неполной и скучной. Въ постоянной работѣ онъ точно проглядѣлъ молодость, не зная жизни сердца, не испытавъ ни разу любви къ женщинѣ. Когда-то, давно было что-то похожее на это, но онъ заглушилъ въ себѣ чувство практическими соображеніями о невозможности жениться и съ тѣхъ поръ довольствовался суррогатомъ любви, покупая ее.

„А теперь поздно... поздно!“ — мысленно повторялъ Никодимцевъ, сознавая нелѣпость своихъ мечтаній о женщинѣ, которую онъ разъ видѣлъ, и все-таки мечталъ о ней, испытывая неодолимую потребность видѣть ее.

„Зачѣмъ?“ спрашивалъ онъ себя, не смѣя и думать, что Инна Николаевна можетъ обратить вниманіе на такого некрасиваго и немолодого человѣка, какъ онъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ не ѣхать къ ней съ визитомъ и въ первое же воскресенье, тщательно занявшись своимъ туалетомъ и побывавъ у парикмахера, поѣхалъ на Моховую.

Никодимцевъ еще изъ передней услышалъ шумные голоса и смѣхъ, и въ гостиной увидалъ нѣсколько молодыхъ людей и кающую молодую даму, криливо одѣтую, довольно вульгарнаго вида.

Инна Николаевна весело смѣялась чему-то, красивая и очаровательная въ своемъ темнозеленомъ, отлично сидѣвшемъ на ней платьѣ.

Никодимцевъ подошелъ къ ней, нѣсколько смущенный отъ сознанія, что появленіе его едва ли пріятно, и отъ неожиданности нѣсколько пестраго общества молодыхъ людей.

Чуть-чуть смутилась и Инна Николаевна при появленіи Никодимцева.

— Вотъ это мило, что не забыли обѣщанія, Григорій Александровичъ. Очень рада васъ видѣть!

И молодая женщина указала на кресло около себя, у котораго стоялъ одинъ изъ молодыхъ людей, и торопливо и нѣсколько сконфуженно назвала фамиліи своихъ гостей и фамилію Никодимцева.

Тотчасъ же смолкли шумные разговоры и смѣхъ. Всѣ съ особенной почтительностью пожимали руку извѣстнаго въ Петер-

бургѣ чиновника. Молодая дама вульгарнаго вида не безъ завистливаго чувства взглянула на хозяйку.

Никодимцевъ присѣлъ и, вообще застѣнчивый, въ первую минуту не находилъ словъ.

— Были на итальянской выставкѣ, Григорій Александровичъ?—спросила Инна Николаевна.

— Нѣтъ еще... Говорять, интересная...

— Собираетесь?

— Надо сходить. А вы были?

— Нѣтъ еще... Пойду завтра... Около часа вѣрно попаду...

— Позволю вамъ дать совѣтъ: идти пораньше, пока еще свѣтъ есть въ Петербургѣ.

— Вы что называете пораньше?

— Часовъ въ одиннадцать, въ двѣнадцать!

— Увы!.. Я въ эти часы только что встаю...

— Такъ поздно?..

— Жизнь такъ нелѣпо складывается.

— А развѣ она не зависитъ немножко отъ насъ самихъ, Инна Николаевна?

— Не всегда... Если бы все зависѣло отъ насъ, то...

Инна Николаевна остановилась.

— То что?

— То каждый устраивалъ бы себѣ жизнь по своему желанію. И всѣ были бы счастливы!

— Мнѣ кажется, есть люди, которые сами виноваты въ своемъ несчастіи...

— Вы не изъ такихъ, конечно? Вы, какъ я слышала, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые выше разныхъ слабостей человѣческихъ... Вы весь въ работѣ и живете одной работой. Это правда, Григорій Александровичъ?

Никодимцевъ покраснѣлъ.

— Я много работаю это правда...

— И ничего другого вамъ не надо? Счастливецъ!

— Развѣ потому только, что о другомъ поздно думать...

— Не поздно, а просто часъ вашъ не пришелъ...

— А развѣ придетъ?—серьезно спросилъ Никодимцевъ.

— Придетъ!—смѣясь, проговорила молодая женщина.

„Пришелъ!“—подумалъ Никодимцевъ.

Въ эту минуту двое молодыхъ людей стали прощаться. Никодимцеву показалось, что Инна Николаевна была довольна, что они уходятъ.

Оба поцѣловали ея руку. Одинъ изъ нихъ, съ грубоватымъ, пошлымъ лицомъ, одѣтый съ врикливымъ щегольствомъ дурнаго

тона, съ крупнымъ брилліантомъ на мизинцѣ, довольно фамиллярно проговорилъ:

— Такъ, значитъ, ѣдемъ сегодня на тройкѣ, Инна Николаевна?

Этотъ тонъ рѣзанулъ Никодимцева. Покраснѣла внезапно и молодая женщина.

— Нѣтъ, не ѣдемъ!—отвѣтила она.

— Но вѣдь только что было рѣшено. Вы хотѣли?

— А теперь не хочу!

— Инна Николаевна! Сжальтесь! Вы разстраиваете компанію.

— Не просите. Не поѣду!

— Инночка, поѣдте! Безъ васъ и я не поѣду!—воскликнула молодая гостья.

— И никто не поѣдетъ!—сказалъ это-то.

— Никто, никто!—повторили другіе.

— Мнѣ очень жаль, что я лишаю всѣхъ удовольствія показаться, но я все-таки не поѣду.

— Что это: капризъ?—насмѣшливо сказала молоденькая дама.

— Капризъ, если хотите!—отвѣтила Инна Николаевна.

Молодые люди ушли, видимо недовольные и изумленные.

Скоро поднялся и Никодимцевъ.

— Уже? Такъ скоро?—кинула любезно хозяйка.

— Пора... Мнѣ нужно еще сдѣлать одинъ визитъ!—солгалъ Никодимцевъ, краснѣя отъ этой лжи.

Никуда ему не нужно было. Ему просто тяжело было видѣть Инну Николаевну въ такой атмосферѣ и среди такихъ незначительныхъ и, казалось ему, пошлыхъ лицъ.

— И такой же короткій?

— Вѣроятно.

— И отложить его нельзя?

— Неудобно.

Инна Николаевна пытливо взглянула на Никодимцева и, протягивая ему руку, промолвила:

— И больше васъ уже не скоро дожدهмся. Не правда ли, Григорій Александровичъ?

Въ тонѣ ея шутиваго голоса Никодимцевъ уловилъ тоскливую нотку.

— Я очень занятъ, Инна Николаевна... Но...

— Безъ но,—перебила молодая женщина.—Если счастливый вѣтеръ занесетъ васъ ко мнѣ, я, право, очень буду рада.

И, поднявшись съ дивана, Инна Николаевна любезно проводила гостя до дверей гостиной.

— Мнѣ очень жаль, что сегодня не удалось поговорить съ вами, какъ во вторникъ... Вѣдь такая рѣдкость встрѣтить умныхъ людей... Я ими не избалована. Такъ увидимся... не прав-

да ли?.. И вамъ сегодня никакого визита не нужно дѣлать... Вы просто поторопились осудить меня!—неожиданно прибавила она.

Никодимцевъ смущенно глядѣлъ на молодую женщину.

— Развѣ не правда?— продолжала она.

— Я не осудилъ, а...

— Что же...

— Удивился!— тихо сказалъ Никодимцевъ и вышелъ.

Онъ шелъ по улицѣ влюбленный въ Инну Николаевну и въ то же время полный недоумѣнія и жалости. И ему хотѣлось быть ея другомъ, безкорыстнымъ и вѣрнымъ, передъ которымъ она открыла бы свою душу. Для него не было сомѣнія, что она несчастна. И этотъ ничтожный мужъ, и эти ничтожные молодые люди, которыхъ онъ только что видѣлъ, и эта фамиллярность, съ которою обращались съ ней, подтверждали его заключеніе. Онъ испытывалъ чувство ревниваго негодованія и передъ нимъ, совсѣмъ не знавшимъ женщину, Инна Николаевна являлась въ образѣ какой-то богини, попавшей въ среду пошлости и не знающей, какъ изъ нея выбраться. О, съ какимъ восторгомъ сдѣлался бы онъ ея рыцаремъ!

Такъ мечталъ Никодимцевъ, и когда у Донова встрѣтился съ однимъ своимъ коллегой, который конфиденціально повелъ рѣчь о томъ, что Григорія Александровича не днѣхъ назначать товарищемъ министра, Никодимцевъ такъ-равнодушно отнесся въ этому сообщенію, что коллега удивленно на него взглянулъ и рѣшилъ, что Никодимцевъ необыкновенно лукавый и скрытный человекъ.

А будущій товарищъ министра, вернувшись домой, вмѣсто того, чтобы приняться за дѣла, ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ и о завтрашней встрѣчѣ съ ней и припоминалъ ея слова, взгляды, лицо, голосъ и ни о чемъ другомъ не могъ и не хотѣлъ думать.

Только поздно вечеромъ онъ сѣлъ за свой большой письменный столъ, заваленный книгами, брошюрами и дѣлами въ папкахъ, досталъ изъ туго набитаго портфеля кипу бумагъ и принялся за работу, прихлебывая по временамъ чай.

Въ числѣ бумагъ, которыя разсматривалъ сегодня Никодимцевъ, была и объемистая объяснительная записка объ учрежденіи акціонернаго общества для эксплуатаціи на особыхъ монопольныхъ условіяхъ казенныхъ лѣсовъ. Въ этомъ дѣлѣ негласное участіе принималъ Козельскій. Онъ написалъ записку и возлагалъ на это дѣло большія надежды, тѣмъ болѣе, что въ числѣ участниковъ были два лица, хотя и не денежные, но очень вліятельныя, заручившіяся уже обѣщаніями и, казалось, весьма цѣнными, о томъ, что дѣло это пройдетъ.

Никодимцевъ прочелъ на запискѣ надпись, сдѣланную каран-

дашомъ: „прошу скорѣе разсмотрѣть и дать заключеніе“ и сталъ читать записку, дѣлая на поляхъ ея отмѣтки краснымъ карандашомъ; чѣмъ дальше онъ ее читалъ, тѣмъ красный карандашъ энергичнѣе и чаще гулялъ по полямъ; лицо Никодимцева дѣлалось серьезнѣе и строже и въ темныхъ острыхъ глазахъ появлялось по временамъ негодующее выраженіе. И когда наконецъ онъ окончилъ чтеніе и увидѣлъ между подписями нѣсколькихъ извѣстныхъ коммерческихъ тузовъ двѣ титулованныя фамиліи, его губы сложились въ насмѣшливо-презрительную улыбку.

— Хороши эти Рюриковичи! — произнесъ онъ.

И вслѣдъ затѣмъ написалъ на запискѣ своимъ твердымъ и четкимъ почеркомъ длинное заключеніе, въ которомъ на основаніи данныхъ и цифръ вполне доказывалъ, что устройство акціонернаго общества на особыхъ условіяхъ вредно для казны, грозитъ полнымъ истребленіемъ лѣсовъ и имѣетъ цѣлью не государственные интересы, „какъ часто упоминается въ запискѣ“, а исключительно личные интересы господъ учредителей, „беззащитность которыхъ въ этомъ дѣлѣ воистину изумительна“.

И съ удовлетвореннымъ чувствомъ порядочнаго человѣка, сознающаго, что помѣшалъ дурному дѣлу, Никодимцевъ подписалъ свою фамилію, положилъ записку въ портфель и принялся за другія бумаги.

Старый слуга Егоръ Ивановичъ, жившій со своей женой, кухаркой, у Никодимцева десять лѣтъ, поставилъ на столъ ужъ четвертый стаканъ чая и спросилъ:

— Будете еще пить, Григорій Александровичъ?

— Не буду, Егоръ Иванычъ.

— Такъ я спать пошелъ.

— Идите.

— А вы не очень-то занимайтесь. Нездорово! — по обыкновенію сказалъ Егоръ Ивановичъ. — Дѣлъ-то всѣхъ не передѣлаешь! — прибавилъ онъ и остановился у дверей.

— Я лягу сегодня пораньше.

— Вы только общаете, а смотришь, до утра сидите, а въ десять часовъ ужъ на службу. Такъ и не досыпаете. Это какая же жизнь?

— Жизнь не веселая, Егоръ Иванычъ.

— Сами такую себѣ устроили. И все одни да одни.

— Да... Одинъ! — уныло протянулъ Никодимцевъ и передъ нимъ мелькнулъ образъ Инны Николаевны.

— А вы бы женились. Вотъ и не одни были бы.

Никодимцевъ усмѣхнулся.

— Поздно, Егоръ Иванычъ.

— И вовсе не поздно... Вы очень скромно о себѣ понимаете...

Да за васъ лучшая невѣста пойдетъ. Слава Богу, мѣсто какое... и генералы.

— Такъ значить не за меня, а за генерала пойдетъ...

— Вотъ вы всегда что-нибудь такое скажете подозрительное...

Покойной ночи, Григорій Александровичъ!

— Покойной ночи.

— Въ которомъ завтра будить?

— Въ девять.

— Слушаю-сь.

Слуга вышелъ, но тотчасъ вернулся.

— Виновать. Забылъ карточки подать, что оставили сегодня гости!—сказалъ Егоръ Ивановичъ. И, положивъ на столъ нѣсколько карточекъ, прибавилъ:

— А графъ Изнарскій все дознавались, когда васъ можно застать дома по дѣлу.

Никодимцевъ не зналъ графа Изнарскаго и понялъ, что это былъ одинъ изъ учредителей, подписавшій только что разсмотрѣнную записку.

— Что жъ вы ему сказали?—спросилъ онъ.

— Обыкновенно что. Генералъ, молъ, по дѣламъ дома у себя не принимаетъ. Пожалуйте въ департаментъ. Однако, графъ настаивали и десять рублей предлагали. Ну я вѣжливо отклонилъ и сказалъ, что мы этимъ не занимаемся.

— А онъ?

— Завтра хотѣли пріѣхать. Какъ прикажете?

— Конечно, не принимать!

Егоръ Иванычъ ушелъ.

Никодимцевъ просмотрѣлъ съ десятокъ карточекъ, въ числѣ которыхъ была и карточка Козельскаго, и погрузился въ бумаги.

II.

На другой день, въ часъ безъ четверти Никодимцевъ обходилъ залы выставки, но на картины не смотрѣлъ, а искалъ среди посѣтителей Инну Николаевну. Онъ поднялся на верхъ—нѣтъ ее и тамъ. Тогда Никодимцевъ спустился въ первую залу и присѣлъ на скамейкѣ около входныхъ дверей, взглядывая на входящихъ посѣтителей.

Онъ взглянулъ на часы. Было четверть второго, а Инна Николаевна не появлялась.

„Вѣрно, не пріѣдетъ!“—подумалъ онъ.

И при этой мысли сердце его сжалось тоской и его, оживленное ожиданіемъ, лицо омрачилось. И свѣтлая зала показалась

ему вдругъ мрачною. И публика — тоселивою. И картины точно подернулись флеромъ.

А онъ-то, дуракъ, спѣшилъ! Даже изъ департамента уѣхалъ въ первомъ часу, не дослушавъ, въ изумленію вице-директора, его доклада и поручивъ ему предсѣдательствовать за себя въ одной изъ комиссій, засѣданіе которой назначено въ два часа. И, замѣтивъ почтительно-изумленный взглядъ вице-директора, не безъ досады подумалъ:

„Изумляется... Точно я и не могу уѣхать... Точно у меня не можетъ быть своихъ дѣлъ! И какъ бы онъ опалѣлъ, еслибъ узналъ, какія это дѣла!“

И, принимая серьезный видъ, торопливо проговорилъ:

— Быть можетъ, я попозже приѣду... Тогда вы окончите докладъ. Надѣюсь, ничего экстреннаго?

— Ничего, ваше превосходительство.

— А если министръ потребуетъ меня — скажите, что въ пять часовъ буду. И если спросить о запискѣ, въ которой хотятъ истребить казенный лѣсъ, — подайте ее министру. Тамъ написано мое заключеніе... До свиданія.

И директоръ департамента, словно шкельникъ, вырвавшійся на свободу, торопливо вышелъ изъ своего внушительнаго кабинета, почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы, встрѣтилъ таковой же изумленный взглядъ и въ глазахъ швейцара и, выйдя на подъѣздъ, кликнувъ извозчика и велѣлъ какъ можно скорѣе ѣхать домой. Тамъ онъ тоже поразилъ Егора Иваныча и своимъ появленіемъ, и приказомъ скорѣе подать черный сюртукъ, и торопливостью, съ которой онъ одѣвался, и заботливостью, съ которой онъ расчесывалъ свою черную бороду и приглаживалъ усы..

— Ужъ не предложеніе ли дѣлать собрались, Григорій Александрычъ? — замѣтилъ, улыбаясь, Егоръ Ивановичъ.

Никодимцевъ весело разсмѣялся и, приказавъ подать шубу, почти бѣгомъ пустился съ лѣстницы и всю дорогу до выставки торопилъ извозчика и по приѣздѣ далъ ему цѣлый рубль.

„Не приѣдетъ! Не приѣдетъ!“ — грустно повторилъ про себя Никодимцевъ и направился въ выходу на площадку, гдѣ разставлены были скульптурныя произведенія.

Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на лѣстницу. Инны Николаевны не было.

Никодимцевъ потерялъ всякую надежду и, грустный, сталъ разсматривать скульптурныя произведенія. „Спящій ребенокъ“ заинтересовалъ его, и онъ засмотрѣлся на изящную, художественную работу.

И какъ разъ въ ту минуту, когда Никодимцевъ не думалъ

объ Иннѣ Николаевнѣ, около него раздались тихіе шаги по мраморному полу и потянуло ароматомъ духовъ.

Никодимцевъ повернулъ голову и увидалъ ту, которую ждалъ.

Онъ вспыхнулъ отъ радостнаго волненія и низко поклонился. Она протянула ему руку, веселая, улыбающаяся и очаровательная въ своей изящной шляпкѣ.

— И вы соблазнилисъ выставкой. Давно здѣсь?

— Около получаса.

— И все еще скульптуру смотрите? До картинъ еще не дошли?—съ едва уловимой насмѣшливой ноткой въ голосѣ спрашивала Инна Николаевна.

— Не дошелъ.

— Такъ, быть можетъ, посмотримъ картины вмѣстѣ? Вы, конечно, знатокъ въ живописи, а я мало въ ней понимаю.

Никодимцевъ снова покраснѣлъ, когда выразилъ свое согласіе. Но онъ скромно прибавилъ, что далеко не знатокъ, хотя и любитъ живопись, и предложилъ Иннѣ Николаевнѣ начать осмотръ съ мрамора.

— А вамъ развѣ не надоѣсть еще разъ смотрѣть?

— Нисколько!

Его просвѣтлѣвшее радостное лицо и безъ словъ говорило Иннѣ Николаевнѣ о томъ, какъ радъ онъ быть вмѣстѣ съ нею. И эта новая побѣда доставляла ей не одно только тщеславное удовольствіе женщины, избалованной поклонниками. Она чувствовала, что Никодимцевъ серьезно ею увлеченъ, и это сознаніе было ей пріятно.

И Инна Николаевна сказала ему:

— А вѣдь я очень рада, что встрѣтила васъ здѣсь... такъ неожиданно!—съ лукавымъ кокетствомъ прибавила она.

— А какъ я радъ, еслибъ вы знали! — горячо воскликнулъ Никодимцевъ. — Вѣдь я пришелъ на выставку, чтобъ васъ увидать!—неожиданно прибавилъ онъ и смутился, самъ удивленный тому, что сказалъ.

— И васъ не остановилъ вчерашній визитъ?..

— Напротивъ...

— Ну, вотъ мы и обмѣнялись признаніями въ симпатіи другъ къ другу... Теперь показывайте мнѣ выставку, Григорій Александровичъ!

Они начали осмотръ. Никодимцевъ, счастливый и радостный, забывшій про свой департаментъ, обращалъ вниманіе своей спутницы на то, что казалось ему хорошимъ, и объяснялъ, почему это хорошо. У нѣкоторыхъ картинъ они стояли подолгу, и Никодимцевъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что у Инны Николаевны есть художественный вкусъ и пониманіе красоты.

Одна небольшая, хорошо написанная картина, представлявшая собой молодую, красивую женщину и молодого мужчину, сидящих на террасѣ, видимо чужихъ другъ другу и скучающихъ, обратила особенное вниманіе Инны Николаевны. Она спросила своего спутника, какъ называется эта картина.

— „Супруги!“ — отвѣчалъ Никодимцевъ, заглянувъ въ каталогъ.

— Я такъ и думала!.. Взгляните, какъ обоимъ имъ скучно, а они все-таки сидятъ вдвоемъ... Зачѣмъ?

И Никодимцевъ замѣтилъ, какъ омрачилось лицо молодой женщины и какое грустное выраженіе было въ ея глазахъ.

— Зачѣмъ?—повторила она.—Какъ вы думаете, Григорій Александровичъ? А, впрочемъ, что жъ я васъ спрашиваю? Вы, вѣроятно, не могли бы быть въ положеніи этого мужа... У васъ вѣдь взглядъ на бракъ другой... Я помню, что вы говорили...

— Но одинаково можно спросить: зачѣмъ и она сидитъ?— взволнованно сказалъ Никодимцевъ.

— Уйти? Какъ это легко говорится и пишется въ романахъ... А можетъ быть, ей нельзя уйти.

— Почему?

— А потому, что некуда уйти... Быть можетъ, отецъ и мать этой итальянки обвинили бы дочь, что она ушла изъ такой виллы... И они правы, съ своей буржуазной точки зрѣнія.

— Но развѣ...

— Знаю, что вы хотите сказать!—перебила Инна Николаевна. Вы хотите сказать, что лучше идти въ продавщицы, чѣмъ жить съ нелюбимымъ человѣкомъ... Не правда ли?

— Правда.

— А, можетъ быть, она ужъ такъ испорчена жизнью...

— Не можетъ этого быть!—въ свою очередь порывисто перебила Никодимцевъ.—Вы клеветаете на эту женщину... Посмотрите: какіе у нея глаза...

Инна Николаевна горько усмѣхнулась. Между бровями появилась морщинка.

— А посмотрите, какой у нея безхарактерный ротъ... какая лѣнивая поза!.. Она навѣрное безвольная женщина, готовая отъ скуки не быть особенно разборчивой въ погонѣ за впечатлѣніями... А эта терраса съ вьющимся виноградомъ и моремъ подъ ногами такъ хороша! Быть можетъ, эта женщина ни на что не способна, извѣрилась въ себя и такъ привыкла къ удобствамъ и блеску жизни, что никуда не уйдетъ и все болѣе и болѣе будетъ вязнуть въ болотѣ... И, пожалуй, уйти ей—значитъ совсѣмъ погибнуть... Кто знаетъ? А, можетъ быть, у нея есть дѣти, которыя мѣшаютъ уйти, если мужъ не отдастъ дѣтей... И все это вмѣстѣ..

И мало ли что может быть! Это канва, по которой можно вышивать какіе угодно узоры...

Никодимцевъ слушалъ, затаивъ дыханіе.

— И знаете ли какой я вопросъ себѣ задаю, глядя на эту картину?—продолжала она возбужденнымъ прерывистымъ шепотомъ.

— Какой?

— Зачѣмъ эта женщина вышла замужъ за человѣка, съ которымъ, вѣроятно, стала скучать тотчасъ же послѣ замужества... Да вѣрно и невѣстой скучала...

— Вы думаете?—почему-то радостно спросилъ Никодимцевъ.

— Увѣрена... По крайней мѣрѣ, такъ должно быть, судя по лицамъ этихъ супруговъ.. У нея все-таки неглупое и не пошлое лицо... Есть что-то въ немъ такое, напоминающее объ образѣ Божиємъ... Она, быть можетъ, и смутно, но задумывается иногда не объ однѣхъ только шляпкахъ... А онъ? Что за красивое и въ то же время пошло-самодовольное и грубое лицо... Я не выношу такихъ лицъ!

„И, однако, вчера только такія и были!“—невольно вспомнилось Никодимцеву.

— Такъ почему же, по вашему мнѣнію, она вышла за такого человѣка замужъ?

— А какъ выходятъ часто замужъ! Немножко иллюзіи, немножко жалости къ влюбленному человѣку, немножко желанія быть дамой и много... много легкомыслія. И вдобавокъ полное непониманіе изнанки брака... Однако... мы зафилософствовались... Если у каждой картины мы такъ долго будемъ болтать, то не скоро осмотримъ выставку...

Они пошли дальше...

— Вы не устала ли?—заботливо спросилъ Никодимцевъ послѣ того, какъ были осмотрѣны всѣ нижнія залы.

— Ужасно!

— Такъ что жъ вы не сказали? Присядемте скорѣе...

— Но я боюсь васъ задержать... И то я васъ задержала, а вамъ вѣрно нужно на службу... Вы, говорятъ, образцовый служака...

— Да, говорятъ... Но... Вотъ диванъ свободный... Садитесь, Инна Николаевна.

Они сѣли.

— Такъ какое „но“?—спросила Инна Николаевна.

— Мнѣ хоть и надо на службу, а я сегодня не поѣду.

— И не будете раскаяваться потомъ?

— Я раскаявался бы, еслибъ не былъ сегодня на выставкѣ...

— И вы мастеръ говорить любезности, Григорій Александровичъ?.. Это не хорошо. Я въ самомъ дѣлѣ возгоржусь и подумаю, что вамъ со мною не скучно болтать.

— Я очень рѣдко лгу, Инна Николаевна!—серьезно промолвилъ Никодимцевъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Инна Николаевна съ любопытствомъ взглядывала на Никодимцева и не разъ перехватывала его восторженные взгляды.

— Я отдохнула. Идемте! — наконецъ, сказала она.

Они осматривали залы верхняго этажа и, останавливаясь у картинъ, обмѣнивались впечатлѣніями. Инна Николаевна не разъ удивляла Никодимцева своими тонкими замѣчаніями и онъ снова подумалъ: „какъ такая умная женщина могла принимать такихъ молодыхъ людей, какихъ онъ видѣлъ у нея“.

И онъ спросилъ:

— А вы вчера, такъ и не поѣхали на тройкѣ?

— Нѣтъ!—слегка краснѣя, отвѣчала молодая женщина.—Надоѣли эти компаніи... И публика, которую вы вчера видѣли, не особенно интересна... Это все товарищи мужа.

— Но, знаете ли, нельзя быть очень разборчивой въ знакомствахъ... Иначе останешься совсѣмъ безъ людей!—словно бы оправдывалась молодая женщина.—А вы, говорятъ, совсѣмъ отшельникомъ живете?

— Почти.

— И не скучаете?

— Не скучалъ.

— А теперь?

— Иногда чувствую свое одиночество...

— Такъ, значить, я ошибаюсь, считая васъ счастливымъ человекомъ?

— Счастливыхъ людей вообще мало, Инна Николаевна!

— Быть можетъ, вы очень требовательны... Все или ничего?

— Пожалуй, что такъ. А вѣрнѣе, что я проглядѣлъ жизнь...

— Лучше проглядѣть, чѣмъ испортить и себѣ, и другимъ!—раздумчиво проговорила Инна Николаевна.

Было около пяти, когда они уходили съ выставки.

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ!—горячо проговорила Инна Николаевна.

— За что?—смущенно спросилъ Никодимцевъ.

— А за то, что я видѣла выставку... Прежде я бывала на выставкахъ и не видала ихъ. Вы научили меня смотрѣть картины.

Сіяющій отъ радости, Никодимцевъ проговорилъ, подавая Иннѣ Николаевнѣ ретонду:

— Благодарить долженъ я, а не вы, Инна Николаевна... Я обрѣлъ понимающаго товарища.

Они вышли на подъѣздъ. Никодимцевъ кивнулъ извозчику.

— Надѣюсь до свиданія и до скорого?—сказала молодая женщина, протягивая ему руку.

*

— Если позволите...

— Охотно позволю!—просто и безъ всякаго кокетства говорила Инна Николаевна... И когда соскучитесь въ своемъ одиночествѣ и захотите поболтать—пріѣзжайте. Около восьми вечера вы застанете меня всегда дома... Быть можетъ, и завтра увидимся... На „вторникъ“ у папы?

Никодимцевъ сказалъ, что непременно будетъ. Онъ усадил Инну Николаевну въ сани и еще разъ низко поклонился.

Въхаль онъ въ департаментъ, чувствуя себя счастливымъ при мысли, что Инна Николаевна отнеслась къ нему дружелюбно и что онъ завтра ее увидитъ.

И солидный департаментскій курьеръ, и солидный вице-директоръ были нѣсколько удивлены, когда увидали обыкновенно сдержаннаго и серьезнаго директора оживленнымъ, веселымъ и словно бы помолодѣвшимъ, и рѣшили, что его превосходительство получилъ новое блестящее назначеніе.

— А министръ требовалъ дѣсную записку, Григорій Александровичъ!—доложилъ вице-директоръ.

— Требовалъ? И что же. Согласился съ моимъ заключеніемъ?

— Просилъ васъ завтра быть у него и записку оставилъ у себя.

— Вѣрно дополнительныя свѣдѣнія нужны!—съ едва замѣтной улыбкой замѣтилъ Никодимцевъ и сталъ слушать неоконченный докладъ вице-директора нѣсколько разсѣянно.

III.

На слѣдующій вечеръ Никодимцевъ былъ на „фиксѣ“ у Козельскихъ и снова Инна Николаевна играла въ винтъ и за ужиномъ Никодимцевъ сидѣлъ около нея и оживленно бесѣдовалъ. А черезъ нѣсколько дней поѣхалъ къ ней вечеромъ, просидѣлъ съ ней вдвоемъ до перваго часа и вернулся совсѣмъ очарованный ею и еще болѣе убѣжденный, что она глубоко несчастный человекъ. Хотя она ни единымъ словомъ не обмолвилась объ этомъ, но это чувствовалось, и аллегорическій разговоръ на выставкѣ многое уяснялъ.

Съ этого вечера Никодимцевъ влюблялся все больше и больше. Это была его первая любовь, и онъ отдался весь ея власти, хорошо сознавая, что любовь его безнадежна и даже въ мечтахъ не осмѣливался надѣяться на взаимность. Онъ любилъ, любилъ со всей силой поздней страсти и, разумѣется, идеализировалъ любимое существо, представляя себѣ его далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности.

И Никодимцевъ, доселѣ жившій схимвикомъ, сталъ выѣзжать, ища встрѣчи съ Инной Николаевной. Разъ въ недѣлю онъ бы-

валъ у нея и посѣщаль театры и концерты, если только надѣялся ее встрѣтить.

Онъ держалъ себя съ рыцарскою корректностью, тщательно скрывая подъ видомъ исключительно дружескаго расположенія свою любовь, но для Инны Николаевны она разумѣется не была секретомъ. Она чувствовала эту любовь, почтительно-сдержанную, благоговѣйную, и ее грѣло это чувство, грѣло и словно бы возвышало ее въ собственныхъ глазахъ, которые привыкли видѣть раньше совсѣмъ иную любовь. Въ то же время молодая женщина сознавала себя словно бы виноватой, понимая, что онъ любитъ ее не такую, какая она есть и которую онъ не знаетъ, а другую, выдуманную и взлелѣянную его чувствомъ. Она перехватывала порой жгучіе взгляды Никодимцева, видѣла, какъ онъ блѣднѣлъ отъ ревности и удивлялась упорству его молчаливой, застѣнчивой привязанности.

Мужа Никодимцевъ почти никогда не видалъ. Тотъ обыкновенно исчезалъ куда-то при появленіи Никодимцева, ревнуя его и въ то же время имѣя расчеты воспользоваться имъ при случаѣ. „А жена все-таки будетъ имѣть друзей—такъ ужъ лучше Никодимцевъ, чѣмъ кто-нибудь другой“.

И мужъ самъ вездѣ рассказывалъ, что Никодимцевъ часто у нихъ бываетъ, очень друженъ съ нимъ и ухаживаетъ за женой.

Не прошло и мѣсяца послѣ знакомства Никодимцева, какъ ужъ многіе считали его любовникомъ Инны Николаевны. Мужъ не разъ объ этомъ намекалъ женѣ и выходилъ изъ себя на то, что она не понимала этихъ намековъ и относилась къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Не сомнѣвался въ близости Никодимцева съ дочерью и отецъ и тоже надѣялся „учесть“ эти отношенія на какомъ-нибудь новомъ дѣлѣ послѣ того, какъ „лѣсное“ провалилось, и кредиторы стали осаждать Козельскаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Ордынцева вернулась домой послѣ интимнаго свиданія съ Козельскимъ около пяти часовъ.

Анна Павловна была не по дамски аккуратна и дѣловита и никогда не опаздывала. Ровно въ три часа нарядно одѣтая, подѣхала она къ небольшому дому на Выборгской сторонѣ и подъ густой вуалью поднялась въ третій этажъ и открыла своимъ ключемъ двери роскошно отдѣланной маленькой квартирки, состоящей изъ спальни, уборной и кухни. Въ послѣпней жила старая нѣмка,

на имя которой была нанята квартира. На ее обязанности была уборка комнатъ и исчезновеніе въ тѣ дни, когда ее извѣщали о прїѣздѣ.

Связь Анны Павловны съ Козельскимъ прѣдложилась уже два года и сохранялась въ тайнѣ. Видѣлись они аккуратно два раза въ недѣлю и не надоѣдали другъ другу ни сценами ревности, ни разговорами о чувствахъ. Они не обманывали себя и за эти два года привыкли одинъ къ другому. Ордынцева видѣла въ своемъ любовникѣ главнымъ образомъ подспорье, благодаря которому можно было хорошо одѣваться и бывать въ театрахъ и, чужая мужу, охотно отдавались ласкамъ все еще красиваго и бодрого Николая Ивановича, всегда внимательнаго, милаго, любезнаго и изящнаго, владѣющаго какимъ-то особеннымъ даромъ нравиться женщинамъ.

И Ордынцева была ему вѣрна, какъ прежде была вѣрна и мужу, слишкомъ благоразумная, чтобъ рисковать подспорьемъ, и слишкомъ дорожившая семьей, чтобъ увлечься по настоящему или чтобъ роскошью афишировать свои авантюры. Поэтому она не искала богатыхъ любовниковъ, боясь скандала и огласки. А этого она боялась больше всего, такъ какъ очень дорожила своей репутаціей безупречной жены, отличной матери и въ нѣкоторомъ родѣ страдалицы, съ достоинствомъ несущей крестъ свой.

И до связи съ Козельскимъ, начавшейся послѣ далеко не долгихъ ухаживаній, у Анны Павловны была еще такая же „дѣловитая“ авантюра, вызванная скорѣе вліяніемъ темперамента и практическими соображеніями, чѣмъ потребностями сердца и духовнаго общенія. И тогда Ордынцева стумѣла сохранить свою дружбу съ однимъ изъ сослуживцевъ мужа втайнѣ и объяснить изящество своихъ туалетовъ умѣнемъ дешево одѣваться у какой-то особенной портнихи и вообще жить экономно.

Въ свою очередь, и такой женолюбъ, какъ Козельскій, очень дорожилъ дружбою съ Анной Павловной.

Она была красива, роскошно сложена довольно свѣжа для своихъ сорока лѣтъ. И—главное—она не играла въ любовь, хорошо понимая сущность ихъ отношеній, не дѣлала трагическихъ сценъ ревности, не требовала клятвъ и увѣреній, а прїѣзжала два раза въ недѣлю на Выборгскую сторону, пила своего пріятелиа чаемъ, рассказывала сплетни и черезъ два часа торопилась домой къ обѣду. Вдобавокъ она стояла Козельскому относительно не дорого и съ деликатною рѣдкостью предупреждала о томъ, что ей нужно „поговорить“, то-есть попросить экстренно денегъ. Всегда ровная, всегда умѣлая очаровательница, никогда не показывавшая на людяхъ своей дружбы съ Козельскимъ и даже умѣвшая быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ его женой,—Анна Павловна была не въ духѣ и даже начи-

нала придираться къ своему другу только въ тѣхъ случаяхъ, когда Николай Ивановичъ забывалъ двадцатаго числа привозить и пакетъ съ двумястами пятьюдесятью рублями. И, зная эту привычку Анны Павловны къ аккуратности, Козельскій, не смотря на все свое легкомысліе, очень рѣдко запаздывалъ.

Ордынцова вернулась домой послѣ свиданія нѣсколько тревожна, не смотря на то, что Козельскій не только любезно предложилъ ей сто рублей, о которыхъ она хотѣла поговорить, но, кромѣ того, еще далъ двадцать пять рублей на уроки пѣнія, обѣщая давать эти деньги ежемѣсячно, чтобы культивировать талантъ Ольги. Встревожило Анну Павловну сообщеніе Козельскаго о томъ, что Ольга догадывается объ ихъ отношеніяхъ.

Ордынцова тотчасъ же переодѣлась и, нѣсколько утомленная, прилегла на отоманѣ въ спальнѣй.

Но Ольга словно нарочно влетѣла къ матери и, пытливо всматриваясь въ ея блестящіе глаза, повела рѣчь объ урокахъ пѣнія и о томъ, что ей нужно новое платье, нужны новыя ботинки и необходимо починить шубку.

— Ты попроси папу, чтобъ онъ далъ денегъ! — настойчиво говорила Ольга. — Попросишь?

— Попрошу!

— И платье мнѣ сдѣлаешь?

— Сдѣлаю.

— И ботинки купишь?

— Куплю...

Анна Павловна чувствовала, что краснѣетъ.

— Ну вотъ за это спасибо, мамочка!

Ольга поцѣловала мать и воскликнула:

— И какъ же ты надушена, мама,.. И лицо, и шея... И какіе чудные духи! Ты, вѣрно, съ визитами была?

— Да, съ визитами, — отвѣтила Ордынцова.

И заискивающимъ тономъ прибавила:

— И въ оперу на-дняхъ поѣдемъ, Оля.

— Кто дастъ ложу?.. Николай Ивановичъ?

— Съ какой стати ему давать!.. Съ чего это тебѣ пришло въ голову? — съ раздраженіемъ воскликнула Анна Павловна...

— Да ты что сердишься, мамочка?.. Николай Ивановичъ такъ расположенъ къ нашей семьѣ... Отчего ему и не дать ложи! — съ невиннымъ видомъ проговорила Ольга.

И, помолчавъ, сказала:

Перчатки надо мнѣ, мамочка... Ты купи...

— Хорошо...

— А ложа въ какомъ ярусѣ будетъ?

— Мы въ кресла поѣдемъ...

Ольга выпорхнула изъ спальной веселая и довольная, что будетъ учиться пѣтъ, что у нея будетъ новое платье и увѣренная въ томъ, что мать только-что видѣлась съ Козельскимъ.

Анна Павловна, въ свою очередь, не сомнѣвалась больше, что Ольга обо всемъ догадывается, и думала, что хорошо было бы ей скорѣе выдти замужъ. Чего, она, въ самомъ дѣлѣ, не женить на себѣ Уздечкина. Не на Гобзина же ей рассчитывать!

Прошло пять часовъ. Горничная вошла и спросила: „можно ли подавать обѣдать?“

— Подождите барина!

Черезъ пять минутъ раздался звонокъ, но вмѣсто барина явился посыльный и передалъ карточку Ордынцева, на которой было написано: „обѣдать не буду“.

Анна Павловна велѣла подавать и, выйдя въ столовую, гдѣ уже собрались всѣ дѣти, объявила о запискѣ отца и сѣла на свое мѣсто, принимая серьезный и нѣсколько обиженный видъ...

Всѣ отнеслись равнодушно къ тому, что отца нѣтъ. Только Шурочка грустно и словно бы недоумѣвая посмотрѣла на мать.

Ордынцевъ и не ночевалъ дома.

„Вѣрно, гдѣ-нибудь пьянствовалъ съ литераторами!“ — рѣшила Анна Павловна, презрительно сканчивая губы, когда на другой день утромъ горничная, на вопросъ барыни: „ушелъ ли баринъ?“ — отвѣтила, что баринъ не возвращался.

Ордынцева сидѣла въ столовой свѣжая, холеная, благоухающая и красивая въ своемъ синемъ фланелевомъ капотѣ и аппетитно отхлебывала изъ хорошенькой чашки кофе, заѣдая его поджареннымъ въ маслѣ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Въ столовой никого не было. Старшій сынъ ушелъ въ университетъ. Младшія дѣти — въ гимназію. Ольга, по обыкновенію, еще спала.

Ордынцева не безъ злораднаго удовольствія подумала о томъ „виноватомъ“ видѣ, какой будетъ у мужа за обѣдомъ, когда она при дѣтяхъ выразитъ удивленіе, что онъ не ночевалъ дома.

„Нечего сказать, хорошій примѣръ дѣтямъ!“ Она не забыла вчерашней сцены, и сердце ея было полно злобнаго чувства къ мужу, который смѣлъ такъ оскорблять ее, вмѣсто того, чтобы чувствовать свою вину передъ ней и загладить ее хоть приличнымъ обращеніемъ. „Онъ ужъ давно не скрываетъ своего равнодушія и пренебрежительно относится въ ней!“ — думала со злостью Ордынцева и уже заранѣе прискивала язвительныя слова, которыя она скажетъ ему за обѣдомъ, довольная, что есть такой благодарной предлогъ...

И съ такимъ эгоистомъ прошла ея молодость. И такому неблагодарному человѣку она отдала свою красоту!

И она злобно жалѣла, что не жила такъ, какъ могла бы жить,

еслибъ раньше оставила мужа и вышла бы замужъ за болѣе порядочнаго человѣка, который умѣлъ бы добывать средства для такой красавицы, какъ она. Если и теперь, когда красота увядаетъ, она еще очень нравится мужчинамъ, то что было бы раньше?

И Анна Павловна не безъ горделиваго чувства вспомнила, какъ восхищались ею мужчины и какъ еще и теперь Козельскій приходитъ отъ нея въ восторгъ.

Эти воспоминанія о своихъ чарахъ нѣсколько отвлекли Ордынцеву отъ злобныхъ мыслей о мужѣ, и она выпила вторую чашку кофе въ болѣе пріятномъ настроеніи и затѣмъ, сдѣлавъ хозяйственныя распоряженія, въ двѣнадцатомъ часу пошла будить Ольгу, чтобы обрадовать ея предложеніемъ — ѣхать въ гостинный дворъ.

И мать при этомъ съ осторожной предусмотрительностью объясняла дочери, что деньги на покупку платья, ботинокъ и перчатокъ она возьметъ изъ „хозяйственныхъ“, а когда отецъ дастъ, она пополнить.

— Мнѣ хочется поскорѣе сдѣлать тебѣ платье! — прибавила она, желая задобрить дочь, и, придумавъ эту комбинацію о деньгахъ для того, чтобы Ольга не могла и подумать, что мать даритъ свою любовь не совсѣмъ безкорыстно.

Но Ольга, которой было рѣшительно все равно, какими деньгами будетъ удовлетворено ея желаніе, благодаря этимъ объясненіямъ, именно и подумала о томъ, чего такъ боялась мать, и не нашла въ этомъ ничего предосудительнаго.

„Отчего не взять отъ того, кто любить!“ — пробѣжало въ ея легкомысленной головкѣ.

Послѣ завтрака онѣ уѣхали, и когда въ пятомъ часу вернулись, въ передней ихъ встрѣтила Шурочка въ слезахъ и гимназистъ Сережа, растерянный и недоумѣвающий.

— Что еще случилось? — спросила Анна Павловна у горничной.

— Баринъ...

— Что баринъ?..

— Папа... папа! — хотѣла, было, рассказать дѣвочка и... зарыдала...

— Вотъ... глупая... Да что же, наконецъ, случилось... Говорите!..

Голосъ ея звучалъ тревогой.

— Баринъ были во второмъ часу и увезли всѣ свои вещи изъ кабинета! — доложила горничная.

— Что-о-о?

— Вотъ такъ новость! Папа бросилъ тебя и насъ, мама! — воскликнула Ольга. — Какъ же мы будемъ жить!?

Анна Павловна, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ.

Наконецъ, она бросилась въ кабинетъ.

Тамъ было пусто.

Ольга почувствовала себя несчастной и заплакала. Шурочка убѣжала, рыдая. Гимназистъ глядѣлъ на мать злыми и любопытными глазами.

Поблѣднѣвшая, съ выраженіемъ тупого испуга въ глазахъ, глядѣла она на пустыя стѣны и въ головѣ ея пробѣгала мысль, что мужъ узналъ объ ея связи съ Козельскимъ и воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы бросить ее.

„Скандалъ!“ — мысленно повторяла она страшное ей слово и вздрагивала точно ей было холодно.

— Баринъ записку оставили! — доложила горничная. — Въ спальней.

Гимназистъ полетѣлъ стремглавъ за запиской.

Ордынцева нетерпѣливо вырвала изъ рукъ сына письмо и прошла въ спальню.

— Оставьте меня одну! — трагическимъ тономъ произнесла она. — Оля, Сережа уйдите!

Сережа вышелъ, а Ольга, сгоравшая любопытствомъ, проговорила, сквозь слезы:

— Но, мамочка... Я не чужая... Я хочу знать, отчего папа васъ бросилъ...

И она подозрительно взглянула на мать.

— Уйди вонъ! — внезапно разразилась мать. — Уйди, злая дѣвчонка!

Анна Павловна заперла двери на ключъ.

Записка Ордынцева была слѣдующаго содержанія:

„И вамъ, и мнѣ удобнѣе жить врозь, чтобы не могли повторяться постыдныя сцены, подобныя вчерашней. Мы слишкомъ ожесточены другъ противъ друга и, разумѣется, я виноватъ, что раньше не сдѣлалъ того, что дѣлаю теперь. Виноватъ и въ томъ, что бывалъ не сдержанъ и рѣзокъ. Но къ чему объясняться, почему мы оба были не особенно счастливы! Поздно! Нечего и говорить, что я охотно соглашусь на разводъ и, разумѣется, вину приму на себя. На содержаніе ваше и семьи вы будете получать то же, что и получали, то-есть, 300 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, я буду давать Алексѣю и Ольгѣ по 25 рублей въ мѣсяцъ на ихъ личные расходы. Деньги будете получать двадцатаго числа. На дачу я буду давать 250 рублей. Въ случаѣ прибавки жалованья увеличится и сумма на содержаніе семьи. Надѣюсь, что вы не будете препятствовать Шурѣ и другимъ моимъ дѣтямъ навѣщать меня, если они захотятъ. Безсрочный видъ на жителство доставлю на-дняхъ. Объ адресѣ своемъ сообщу, какъ найму комнату, а пока я живу у Верховцева“.

У Анны Павловны отлегло отъ сердца. Страхъ исчезъ съ ея лица. Оно теперь дышало ненавистью.

Такъ поступить съ ней, такъ отплатить ей, которая всё для него пожертвовала, бросить ее и семью, устроить скандалъ... Какъ осмѣлился онъ это сдѣлать!?

— О подлець!—воскликнула она.

И полная чувства униженія, оскорбленнаго самолюбія и злобы, заплакала.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла въ столовую съ видомъ невинно оскорбленной страдалицы.

Алексѣй, только-что вернувшійся домой, и Ольга вопросительно взглянули на мать.

— Бѣдныя! Васъ бросилъ отецъ! — трагически произнесла Анна Павловна.

И, передавая первенцу письмо, проговорила;

— Прочти!

Алексѣй внимательно прочелъ записку. Потомъ прочла и Ольга, и лицо ея просвѣтлѣло.

Анна Павловна ждала, что сважетъ ея любимецъ. Но онъ молчалъ, повидимому, вполне равнодушный. Это ея обидѣло и она проговорила:

— Ты что же, Леша... одобряешь поступокъ отца? Вѣдь это ужасно... не правда ли?

Молодой студентъ снисходительно улыбнулся и медленно проговорилъ:

— Что же, собственно говоря, тутъ ужаснаго, мама?... Теперь, по крайней мѣрѣ, за обѣдомъ не будетъ спенъ... Ты согласишься подавать обѣдать? Ужасно ѣсть хочется...

Анна Павловна заплакала.

— И больше ты ничего не скажешь?.. Ничего не посоветуешь? Отецъ бросилъ семью, предлагаетъ разводъ... По твоему мнѣнію, согласиться и на это.

— Объ этомъ мы, мама, поговоримъ послѣ обѣда... И ты напрасно волнуешься!

— И папа поступилъ благородно,—замѣтила Ольга.—Онъ тебѣ будетъ давать столько же, сколько и давалъ... И, конечно, ты исполнишь свое обѣщаніе на счетъ уроковъ пѣнія... Изъ этихъ денегъ можно отдѣлить рублей двадцать пять... Правда, мама?..

Пришли Сережа и Шура, и разговоръ прекратился.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи.

Послѣ обѣда Алексѣй и Ольга пошли вслѣдъ за матерью въ спальню на семейное совѣщаніе. И когда всё усѣлись, Алексѣй сказалъ:

— Папа поступилъ вполне корректно.

— Корректно... бросить семью?—негодующимъ тономъ спросила Ордынцева.

— Позволь мнѣ договорить, мама, и не волнуйся... Я не хочу обвинять ни тебя, ни отца, но вѣдь не можешь же ты не согласиться, что жизнь твоя съ отцомъ далеко не походила на семейное счастье. . Вы при встрѣчахъ только упрекали другъ друга, полные взаимнаго раздраженія. Не особенно теплыя отношенія къ отцу были и съ нашей стороны. Онъ не видѣлъ въ насъ того, что хотѣлъ видѣть,—повторенія себя, забывалъ, что каждому времени соотвѣтствуютъ свои задачи и свои люди и что я не могу ни думать, какъ онъ, ни вѣрить въ то, во что вѣритъ онъ. Ты вѣдь знаешь, мы съ отцомъ не сходились во взглядахъ. И я знаю, что онъ за это не хорошо относится ко мнѣ и вмѣсто того, чтобы убѣждать меня, только бранился. Согласись, что такія отношенія не могли способствовать взаимной пріязни. Ольга тоже не была ласкова съ отцомъ отчасти благодаря твоему влиянію и твоимъ вѣчнымъ спорамъ съ нимъ и, разумѣется, и она не оправдала его ожиданій. Ольга ищетъ въ жизни наслажденій и ничего другого ни по съладу своего ума, ни по темпераменту искать не можетъ и не будетъ. Отецъ въ качествѣ идеалиста считаетъ это безнравственнымъ, не принимая въ расчетъ условій, при которыхъ образуется тотъ или другой типъ и забывая, что невозможно требовать, чтобы люди добровольно отрѣшались отъ тѣхъ благъ жизни, которыя доставляютъ имъ наибольшую сумму удовольствій... Сережа совсѣмъ не знаетъ отца... Одна только Шура любитъ его... Такъ отчего же, послѣ этого, папѣ не оставить насъ и жить, по крайней мѣрѣ, спокойно, не имѣя передъ глазами лицъ, которыя ему кажутся несимпатичными?.. И всѣмъ намъ, исключая Шуры, будетъ удобнѣе жить безъ отца... И ничего тутъ нѣтъ обиднаго ни для кого и я не могу не уважать его... Онъ поступилъ и разумно, и корректно!—заклучилъ Алексѣй, взглядывая на своихъ слушательницъ съ нѣкоторымъ высокоумѣреннымъ сомнѣніемъ въ способности ихъ хорошо понять то, что онъ имъ объяснялъ и притомъ такъ красиво.

Дѣйствительно, Анна Павловна обидѣлась. Ей хотѣлось, чтобы сынъ вмѣстѣ съ нею призналъ, что отецъ поступалъ подло, а любимецъ ея говоритъ о разумности и корректности.

— И ты, Леша противъ матери?.. И ты обвиняешь меня?—упрекнула она.

— И не думалъ, мама... Я никого никогда не обвиняю. Замѣть это разъ навсегда.

— Но ты находишь, что такъ подло поступить, какъ поступилъ отецъ... бросить семью... разумно и корректно?.. Не ожидала я этого отъ тебя...

И Анна Павловна вмѣсто дальнѣйшихъ доводовъ поступила такъ, какъ обыкновенно поступаютъ женщины, то-есть, заплакала.

Сынъ снисходительно пожалъ плечами, словно бы говоря: „такъ и и зналъ!“ /

Обидѣлась и Ольга и объявила, что она не безнравственная и не ищетъ только наслажденій. Она поступитъ на сцену и будетъ пѣвицей... Она не боится работать.

— Вотъ ты такъ безнравственный... Влюбилъ въ себя Женю Борскую. Проповѣдывалъ ей разныя свои теоріи, представлялся влюбленнымъ, и когда она влюбилась въ тебя... отвернулся... Вотъ это безнравственно.

— Ты, Ольга, настолько песообразительна, что не понимаешь то, о чемъ берешься судить.

— Ты воображавшъ, что очень уменъ... Развѣ я неправду говорю о Женѣ? Какъ ты съ ней поступилъ!

— Я не прикидывался влюбленнымъ и вообще не умѣю влюбляться... Пусть влюбляются разные идиоты и идиотки, которымъ нечего дѣлать... И твоя дура Женя должна была бы понять, что если я имѣлъ глупость говорить съ ней о серьезныхъ предметахъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что я, какъ ты говоришь, влюблялъ ее въ себя... И что за выраженіе: „влюбилъ въ себя“?

Молодой человѣкъ презрительно перекосилъ губы и, не удостоивая больше Ольгу своимъ разговоромъ, обратился къ матери и произнесъ:

— Теперь, мама, поговоримъ о практическихъ послѣдствіяхъ свершившагося факта... Ты, конечно, развода не дашь? Замужъ выйти еще разъ не собираешься?

— Ты глупости спрашиваешь, Леша! — отвѣтила, краснѣя, Анна Павловна.

— Отчего глупости?... Ты хорошо сохранилась и еще правнисься.— продолжалъ Алексѣй дѣловитымъ тономъ. Такъ если не собираешься, то нѣтъ никакого резона разводиться, чтобы и отецъ не сдѣлалъ глупости ради какихъ-нибудь альтруистическихъ побужденій и, такимъ образомъ, не имѣлъ бы возможности исполнить свои обязательства относительно тебя и семьи.

Анна Павловна уже не плакала и съ жаднымъ вниманіемъ слушала сына.

— Конечно, конечно... Никогда я не дамъ ему развода... А то въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь смазливая женщина женить его на себѣ...

— Но папа и такъ, безъ брака можетъ сойтись съ кѣмъ-нибудь и тогда выйдетъ то самое, о чемъ говоритъ Леша! — замѣтила Ольга.

Братъ не безъ удивленія взглянулъ на сестру и на этотъ разъ съ видимымъ одобреніемъ къ ея сообразительности.

— Вотъ на счетъ этого я и хотѣлъ дать тебѣ, мама, совѣтъ, если ты хочешь его выслушать?—съ обычной своей корректностью спросилъ сынъ.

— Говори... говори, голубчикъ... Съ кѣмъ жд мнѣ и посоветоваться, какъ не съ тобой.

Ольга едва замѣтно усмѣхнулась и вспомнила о Козельскомъ.

И Алексѣй продолжалъ:

— Конечно, это одни только предположенія и, по правдѣ сказать, мало обоснованныя. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отецъ исполнитъ все, о чемъ сообщаетъ въ своей запискѣ. (Ты, во всякомъ случаѣ, какъ-нибудь не потеряй ее, мама!—вставилъ Алексѣй). Онъ слишкомъ порядочный человекъ, чтобъ не сдержатъ своего слова... Но случается, что и самый порядочный человекъ дѣлается невольнымъ рабомъ обстоятельствъ, если нѣтъ предохраняющихъ элементовъ...

Анна Павловна насторожила уши... „Предохраняющіе элементы“ встревожила ее.

— Вотъ почему ты хорошо сдѣлала бы, мама, еслибъ попросила у отца болѣе оформленный документъ, чѣмъ это письмо... Онъ, разумѣется, не откажется выдать его, и ты будешь гораздо покойнѣе за себя и за семью... И отцу будетъ лучше. Онъ не станетъ рисковать мѣстомъ и, слѣдовательно, ему не придется испытывать мукъ отъ несдержаннаго слова... И ни съ кѣмъ не сойдется, зная, что у тебя есть обязательство.

Выходило какъ будто очень даже хорошо для самого же отца, оберечь котораго „предохраняющимъ элементомъ“ предложилъ сынъ. И ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на красивомъ лицѣ Алексѣя, когда онъ совѣтовалъ матери эту комбинацію.

— Какой же документъ надо взять Алеша?

— На счетъ этого я посоветуюсь съ адвокатомъ... Онъ пусть и переговоритъ съ отцомъ...

— Лучше я сама напишу.

— Нѣтъ, мама, не дѣлай этого... Ты напишешь что-нибудь рѣзкое и только раздражишь отца, и онъ можетъ не согласиться... И ты не волнуйся, мама... Съ тѣмъ, что будетъ давать отецъ, можно жить...

— А скандалъ?.. А развѣ мнѣ не больно, не обидно?.. Такъ отблагодарить!..

И Анна Павловна достала носовой платокъ.

Алексѣй поцѣловалъ руку матери и ушелъ къ себѣ заниматься. Ольга убѣждала къ Козельскимъ рассказать новость Тинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, намѣрена ли она влюбить въ себя Гобзина.

Къ вечеру Ордынцева нѣсколько успокоилась и уже составила

себѣ въ умѣ конспектъ будущихъ рѣчей о семейномъ скандалѣ. Разумѣется, мужъ будетъ изображенъ въ надлежащемъ видѣ и, разумѣется, она просила его оставить его въ виду неприличія его поведения и чуть ли не открытой связи Богъ знаетъ съ кѣмъ. Анна Павловна не сомнѣвалась, что знакомые повѣрятъ всему, что она ни наговори объ этомъ „подломъ“ человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя далеко отъ знаемыхъ ея и дочери и иногда даже не выходилъ къ нимъ и сидѣлъ въ кабинетѣ или исчезалъ изъ дома.

Послѣ чая, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Шура осторожно вошла въ спальную, чтобъ проститься съ матерью.

Дѣвочка поцѣловала бѣлую, душистую руку матери безъ обычной ласковости и еле прикоснулась губами къ ея губамъ. Анна Павловна, напротивъ, сегодня съ особенной порывистой нѣжностью нѣсколько разъ поцѣловала Шуру и съ торжественно грустнымъ видомъ перекрестила ее.

Шура подняла свои большіе, красные отъ слезъ глаза на мать и спросила:

— Папа больше не будетъ жить съ нами?

— Нѣтъ, Шура.

— И приходитъ къ намъ не будетъ?

— Не будетъ.

Шура мгновеніе помолчала и, удерживаясь отъ слезъ, задала вопросъ:

— А я буду ходить къ нему?

— Если захочешь...

— Конечно, захочу! — взволнованно проговорила дѣвочка, перебивая мать.

— По праздникамъ можешь навѣщать.

— А въ будни?

— Въ будни нельзя. Утромъ—гимназія, а потомъ тебѣ надо готовить уроки.

Шура примолгла, но не уходила.

— А если бы... если бы...

Она не рѣшилась докончить.

— Что ты хочешь сказать? Говори, Шурочка.

— Если бы жить съ папой...

Анну Павловну словно кольнуло въ сердце отъ этихъ словъ.

И Алексѣй, ея любимецъ, отнесся къ ней не особенно сочувственно, про Ольгу и говорить нечего—эта дѣвченка положительно стала дерзка въ послѣднее время—и вотъ эта маленькая дѣвочка хочетъ жить съ отцомъ.

А она ли не отдала всю жизнь дѣтямъ!?

— Такъ ты хочешь оставить свою маму, Шура? Тебѣ не жалко меня?—вырвался грустный крикъ изъ ея груди

Шура заплакала.

— Миѣ васъ обоихъ жаль!—наконецъ, сказала она... Но папа одинъ...

— Онъ самъ захотѣлъ быть одинъ, Шура... Онъ и съ тобой не хочетъ жить.

— Не хочетъ? Онъ писалъ объ этомъ въ письмѣ?—недовѣрчиво спросила Шура, не спуская глазъ съ матери.

— Онъ ничего не писалъ...

— Такъ почему же ты говоришь, что папа не хочетъ.

— Еслибъ хотѣлъ, то написалъ... Ну, иди, дѣточка, спать, иди...

И, снова поцѣловавъ Шуру, Ордынцева прибавила:

— Папа всѣхъ насъ бросилъ, Шура... Папа никого изъ насъ не любитъ...

— О вѣтъ, вѣтъ... Это неправда... Онъ меня любитъ и я его ужасно люблю!—почти крикнула Шура.

И, рыдая, выбѣжала изъ комнаты.

Долго еще не могла успокоиться нервная и болѣзненная дѣвочка и тихо-тихо плакала, чувствуя себя обиженной и несчастной.

Она такъ любитъ папу, а онъ не написалъ, что хочетъ съ ней жить.

Не хорошо спалось въ эту ночь и Ордынцевой. Она почувствовала, что дѣти безучастны къ ней, и не могла понять: „отчего?“

Глава восьмая.

На слѣдующій день, когда Шура, послѣ классовъ грустная спускалась въ шумной компаніи гимназистокъ въ швейцарскую, она съ лѣстницы увидала отца.

— Папочка! Милый!

Счастливая, она горячо цѣловала его.

— Одѣвайся, Шурочка... На улицѣ поговоримъ! — радостно говорилъ Ордынцевъ.

И когда она вышла изъ подъѣзда, онъ сказалъ:

— И какъ же я соскучился по тебѣ, Шурочка! И вчера не простился... И сегодня утромъ не видалъ... Ну и уѣхалъ со службы, чтобы взглянуть на свою дѣвочку.

Шура крѣпко сжимала отцовскую руку и повторила:

— Милый... голубчикъ... родной мой... А я думала...

— Что ты думала?

— Что ты... не хочешь взять меня къ себѣ... Мама вчера говорила, что ты объ этомъ не писалъ ей... А вѣдь ты возьмешь меня... Не правда ли?

— Я не писалъ потому, что прежде хотѣлъ спросить тебя.. хочешь ли ты жить со мной. Не будетъ ли тебѣ скучно?

— Хочу, хочу, хочу... И мнѣ не будетъ скучно. И какъ хорошо мы съ тобой будемъ жить, папочка! Я за тобой ходить буду... столъ твой убирать... чай разливать!—радостно говорила Шура.

Эти слова наполнили Ордынцева счастьемъ. Онъ будетъ не одинъ, а съ любимой дѣвочкой, которая одна изъ всей семьи была съ нимъ ласкова. И онъ избавить ее отъ дурного вліянія матери, и вообще, отъ всей этой скверной атмосферы. Ордынецъ объ этомъ думалъ, когда рѣшилъ оставить семью, но рассчитывалъ взять дочь попозже, когда получить обѣщанную старикомъ Гобзинымъ прибавку жалованья къ новому году, такъ какъ безъ этой прибавки у него оставалось всего пятьдесятъ рублей. Остальное содержаніе онъ обѣщаль отдавать семьѣ.

Но теперь онъ дожидаться не будетъ. Онъ займетъ денегъ, чтобъ нанять маленькую квартиру, купить мебель и завести хозяйство.

— Я сегодня же напишу, чтобъ тебя отдали мнѣ, моя радость. Безъ тебя мнѣ было бы тоскливо жить, мое солнышко.

— И мнѣ безъ тебя, папочка, было бы скучно.

— И какъ только я найму квартиру, ты приѣдешь ко мнѣ. Вѣдь ты хочешь ко мнѣ, дѣвочка?— снова радостно спрашивалъ Ордынецъ, желая услышать еще разъ, что она хочетъ.

— О, папа! И какъ тебѣ не стыдно спрашивать!.. Только знаешь ли что?..

— Что, милая?

— Согласится ли мама меня отпустить?

— Согласится!—отвѣчалъ отецъ.

Но тонъ его былъ неувѣренный.

— А если нѣтъ?..

— Я заставлю согласиться... Ты, во всякомъ случаѣ будешь, у меня!—воскликнулъ отецъ.

— Но вѣдь и мамѣ будетъ тяжело!—раздумчиво проговорила Шура.

И тотчасъ же прибавила:

— Но мама не одна, а ты—одинъ. Тебѣ тяжело. Ты можешь заболѣть, и кто будетъ за тобой ходить.

— О моя ласковая умница!—умиленно проговорилъ Ордынецъ.

— А я буду маму навѣщать. Правда, папочка.

— Конечно... Когда захочешь, тогда и пойдешь...

— И Сережа будетъ заходить ко мнѣ?

— И Сережа...

Они уже были у дома, изъ котораго бѣжалъ Ордынецъ. Обои имъ не хотѣлось расставаться. День выдался славный, солнечный, при небольшомъ морозѣ.

- Погуляемъ еще, Шура, Хочешь?
 — Конечно, хочю. Еще когда я тебя увижу.
 — Скоро...
 — А какъ скоро?
 — Я опять приѣду въ гимназію.. послѣ завтра.
 — А гадкій Гобзинъ не разсердится на тебя?
 — Нѣтъ, голубка... И я его не боюсь!—весело говорилъ Ордынцевъ. —А ты не голодна ли?
 — Нѣтъ, папочка.
 — А еclair съѣла бы?—смѣясь, спросилъ Ордынцевъ, знавшій, какъ любить Шура это пирожное, и часто имъ угощавшій свою любимицу.
 — Съѣла бы.

Они были недалеко отъ кондитерской Иванова и зашли туда. Шура съѣла два еclair'a, и отецъ съ дочерью пошли на Офицерскую.

- До свиданія, Шура!..
 — До свиданія, папочка!
 — Скоро вмѣстѣ будемъ... Вмѣстѣ! — радостно проговорилъ Ордынцевъ, цѣлуя дочь.

Она вошла въ подъѣздъ и смотрѣла черезъ стекло двери, какъ отецъ сѣлъ на извозчика и послалъ ей поцѣлуй.

Дома она никому не сказала, что видѣла отца. Всѣ были дома, но никто не обращалъ на нее вниманія, занятые совѣщаніемъ о томъ, кому отдать кабинетъ. Мать великодушно отказалась отъ будуара и отдала кабинетъ Ольгѣ, пообѣщавъ купить маленькій диванъ и два кресла.

Шурѣ показалось, что мать совсѣмъ успокоилась, и это больно кольнуло дѣвочку.

Вечеромъ явился посыльный съ новымъ письмомъ отъ Ордынцева.

— Чего еще ему надо!—внезапно раздражаясь, проговорила Анна Павловна, вскрывая конвертъ.

Письмо, въ которомъ Ордынцевъ просилъ отдать ему Шуру, вызвало въ Аннѣ Павловнѣ негодованіе и злость.

Ни за что она не отдастъ ему дочь. Ни за что! Онъ бросилъ всѣхъ, такъ пусть и остается одинъ. Въ мотивахъ этого рѣшенія было не мало желанія отплатить мужу за свое униженіе и вообще причинить ему зло. Она знала, какъ любить отецъ Шуру, и въ значительной степени именно потому и думать не хотѣла о томъ, чтобы исполнить просьбу мужа.

И Ордынцева собиралась отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ. Но прежде она позвала въ себѣ сына.

— Прочти, что еще онъ выдумалъ!—взволнованно сказала она.

Алексѣй прочелъ и, возвращая матери письмо, спросилъ:

— Ты что намѣрена отвѣтить?

— И ты еще спрашиваешь?—воскликнула Ордынцева.—Конечно, я напишу, что не отдамъ ему Шуры!

— Напрасно.

— Что!? Ты хочешь, чтобъ я лишилась дочери, чтобъ я отдала Шуру человѣку, который такъ поступилъ съ семьей... Ты хочешь, чтобъ она жила по мебелированнымъ комнатамъ, безъ надзора, безъ уюта?..

На красивомъ лицѣ Алексѣя появилось скучающее выраженіе человѣка, принужденнаго выслушивать глупыя рѣчи и доказывать ихъ глупость.

„А вѣдь, кажется, мать не глупая женщина!“—подумалъ онъ.

— Я, мама, хочу избавить тебя и всѣхъ насъ отъ непріятностей... вотъ чего я хочу... Отказомъ ты раздражишь отца, и онъ не только не выдастъ тебѣ обязательства, но можетъ уменьшить обѣщанное содержаніе..

— Какъ онъ смѣетъ? Я могу жаловаться въ судъ.

— Судъ не заставитъ его отдавать семьѣ все содержаніе. А вѣдь отецъ отдаетъ намъ почти все... оставляя себѣ только пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. И, наконецъ, онъ можетъ и судомъ получить Шуру или подавъ жалобу въ комиссію прошеній...

— Но вѣдь это жестоко... Отнять у матери дочь... И ты хочешь, чтобъ я добровольно отказалась отъ нея?..

— Я представляю тебѣ доводы, мама. Твое дѣло принять, или не принять ихъ...

Этотъ спокойный, увѣренный, слегка докторальный тонъ сына невольно импонировалъ на Ордынцеву, и мысль, что мужъ можетъ выдавать на содержаніе семьи меньше того, что обѣщалъ, значительно поколебали ея рѣшимость. Алексѣй отлично это видѣлъ, и продолжалъ:

— Я, конечно, понимаю, что тебѣ тяжело разстаться съ Шурой, но она будетъ навѣщать тебя. Отецъ объ этомъ пишетъ. И присутствіе Шуры при отцѣ болѣе гарантируетъ его отъ возможности альтруистическаго увлеченія, котораго ты боишься... И если ты согласишься отдать Шуру, то и выдача формальнаго обязательства обезнечена. Ты можешь поставить исполненіе желанія отца въ зависимость отъ этого обязательства.

— Но каковъ отецъ... Пользоваться нашей безпомощностью, чтобы отнять дочь! Это... это!..

И Ордынцева заплакала.

Но Алексѣй отлично зналъ фізіологическое происхожденіе слезъ и зналъ, что мать немножко рисуется своей печалью разстаться съ Шурой. Вотъ почему онъ не обратилъ на слезы матери большого вниманія и только изъ любезности проговорилъ:

— Ты не волнуйся, мама.. И посыльный ждетъ отвѣта.

— Что жь отвѣчать? — поворно спросила Анна Павловна, вздохнувъ съ видомъ несчастной страдалицы, обреченной нести тяжкій крестъ.

— Напиши, что обо всемъ переговорить адвокатъ, который будетъ у отца на-дняхъ. И больше ни одного слова, мама!..

Алексѣй подождалъ, пока мать писала письмо, прочелъ его, одобрилъ и, когда письмо было вложено въ конвертъ, проговорилъ, цѣлуя у матери руку:

— Ты очень умно поступила, мама. Очень умно! — повторилъ онъ и вышелъ отдать письмо посыльному.

У посыльнаго Алексѣй справился: „уплачены ли ему за отвѣтъ деньги?“

Анна Павловна рѣшила посовѣтоваться еще съ Козельскимъ. Бить можетъ, онъ придумаетъ такую комбинацію, при которой можно было бы получить отъ мужа обязательство и оставить у себя Шуру. Въстѣ съ тѣмъ у Ордынцевой была и задняя мысль воспользоваться, если представится возможность, новымъ своимъ положеніемъ брошенной жены.

И она тотчасъ же написала Козельскому письмо, въ которомъ звала „Нику“ по весьма важному семейному дѣлу на свиданіе въ „Анютино“ (какъ они звали пріютъ на Выборгской) на завтра, въ два часа. По обыкновенію она адресовала письмо не на квартиру Козельскаго, который предусмотрительно просилъ своего друга никогда этого не дѣлать, наученный прежнимъ опытомъ, какіе непріятные инциденты могутъ отъ этого произойти — и, по обыкновенію, вышла сама на улицу, чтобы опустить письмо въ почтовый ящикъ, объявивъ Ольгѣ, что хочетъ пройтись и кстати взять къ чаю кексъ.

— Ты вѣдь любишь кексы, Ольга.

Ольга, тронутая обѣщаніемъ новой мебели и радостно мечтавшая о гнѣздышкѣ, которое она устроитъ изъ кабинета, горячо обняла мать и съ искреннимъ чувствомъ проговорила:

— А ты не сердись на меня, мамочка, за то, что я была рѣзка съ тобой. Прости. Не сердись? Скажи?

— Развѣ я на васъ могу сердиться?.. Только люби меня больше, Оля... Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ любви дѣтей. И будемъ дружны. Вѣдь мы... брошенные! — прибавила Анна Павловна и ласково потрепала Ольгу по ея хорошенькой щекѣ.

II.

Не до свиданія было Козельскому.

Наканунѣ онъ цѣлый день рыскалъ по городу, чтобы найти денегъ. На-дняхъ былъ срокъ банковскому векселю въ 3.000 рублей

и надо было, во что бы ни стало заплатить, чтобы, благодаря протесту, не лишиться кредита. Вчера онъ не досталъ, и приходилось искать денегъ сегодня. Долговъ у него было по горло и доставать деньги все было труднѣе и труднѣе. Онъ уже узналъ отъ одного чиновника въ министерствѣ, сообщавшаго ему свѣдѣнія, что лѣсное дѣло провалилось, благодаря Ниводимцеву, и, не смотря на свое ликованіе, серьезно призадумался, когда подвелъ цифру долговъ. Сумма была внушительная.

И вдобавокъ изъ-за этой записки Анны Павловны чуть было не вышло неприятели дома. Дуракъ курьеръ поторопился ее доставить и, какъ нарочно, горничная подала на подносѣ письмо въ то время, когда Николай Ивановичъ пилъ кофе въ столовой вблизи отъ Антонины Сергѣевны. Она съ обычной подозрительностью взглянула на маленькій конвертикъ, конечно, увидала женскій почеркъ и тотчасъ же измѣнилась въ лицѣ.

Его превосходительство съ большимъ мастерствомъ разыгралъ роль удивленнаго человѣка и даже пожалъ плечами, взглянувъ на конвертъ. Онъ не спѣша вскрылъ конвертъ, предусмотрительно отложилъ его подальше отъ глазъ жены и, отлично зная, что ея взглядъ изучаетъ малѣйшія движенія его лица съ упорнымъ вниманіемъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ,—еще равнодушнѣе прочитывалъ о томъ, что „Ниву“ зовутъ въ два часа на свиданіе по важному семейному дѣлу.

И его превосходительство былъ до нѣкоторой степени искрененъ, когда, прочитавъ записку и написавъ на ней нѣсколько словъ карандашомъ, не безъ досады воскликнулъ, обращаясь къ женѣ:

— Вѣдь этакая дура! Третій разъ просить...

— Кто?.. О чемъ?

— Да эта... княгиня Туманская... Сынъ у нея у меня служить... Балбесъ балбесомъ! Такъ не угодно ли мнѣ дать ему повышение. Его бы выгнать надо, а не то, что повышение...

И съ этими словами Козельскій сунулъ и конвертъ, и записку въ боковой карманъ, мысленно похваливъ себя за то, что такъ блистательно обманулъ святую женщину и такъ вдохновенно оклеветалъ неизвѣстныхъ ему княгиню Туманскую и ее сына.

Жена и вѣрила, и не вѣрила.

Ея обожаемый Коля такъ часто безсовѣстно лгалъ, что подвѣргалъ ея вѣру большимъ испытаніямъ.

Но почеркъ на конвертѣ, и форматъ, и бумага показались ей похожими на почеркъ и конверты Ордынцевой, отъ которой прежде Антонина Сергѣевна нерѣдко получала дружескія записочки.

И Антонина Сергѣевна, добросовѣстно желая сдѣлать по-

слѣдную попытку къ раскрытію истины, совершенно неожиданно проговорила:

— А мнѣ показался почеркъ знакомымъ, Коля...

— А что жь... возможно... Почерки часто бываютъ очень похожіе...

И, желая показать, что нисколько не интересуется этимъ, его превосходительство разсказалъ забавный анекдотъ по поводу сходства почерковъ.

— На почеркъ Ордынцевой похожъ... И конвертъ такой же! — проговорила Антонина Сергѣевна, внимательно выслушавъ анекдотъ и взглянувъ въ глаза мужа.

Но онъ ихъ не опустилъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется, похожъ... Но, слава Богу, Ордынцева не имѣетъ дѣлъ въ министерствѣ, а сынъ ея далеко не балбесъ, а напротивъ... очень основательный человѣкъ... Ну, до свиданія, Тоня... Пора и въ хомутъ!

И онъ поцѣловалъ руку жены и ушелъ въ кабинетъ и струсилъ уже тамъ, оставшись одинъ.

— Этакій идиотъ этотъ швейцаръ въ министерствѣ! — проговорилъ онъ.

Его превосходительство до часу просидѣлъ въ своемъ министерствѣ. Оттуда въ вицъ-мундирѣ и со звѣздой поѣхалъ къ Кюба, наскоро позавтракалъ и въ половинѣ второго ѣхалъ на Выборгскую, разсчитывая, что свиданіе не продлится болѣе получаса, и онъ къ тремъ часамъ поспѣетъ на засѣданіе комиссіи, въ которую онъ былъ назначенъ отъ своего министерства какъ человѣкъ, основательно знакомый съ финансовыми вопросами.

Ровно въ два часа онъ отворилъ своимъ ключомъ двери „пріюта“. Анна Павловна была уже тамъ, торжественно-печальная, хотя и одѣтая съ тѣмъ особеннымъ щегольствомъ и съ тою, разсчитанною на любительскій вкусъ Козельскаго, привлекательностью, которая она считала, при посѣщеніи „Анютина“, такой же необходимой принадлежностью свиданій, какою офицеръ считаетъ полную парадную форму при представленіи по начальству. Въ этомъ отношеніи Анна Павловна съ щепетильной добросовѣстностью исполняла свой „долгъ“ очаровательницы „Никса“, и хотя знала, что сегодня не ихъ опредѣленные два дня въ недѣлю свиданій, — все-таки, на всякій случай, явилась во всемъ своемъ великолѣпіи: благоухающая, съ подведенными бровями, и въ кольцахъ.

— Прости Ника, что потревожила тебя...

И Анна Павловна подставила свои губы и такъ прильнула къ губамъ его превосходительства, что тотъ сперва осовѣлъ и затѣмъ взглянулъ на часы.

— Что такое случилось, Нита?.. Разсказывай... У меня только

полчаса въ распоряженіи, и я объ этомъ очень жалѣю!—подчеркнулъ Козельскій, значительно взглядывая на свою пріятельницу.— Ты видишь... я въ парадѣ. Въ три часа я долженъ быть въ комиссіи.

— Этотъ подлець бросилъ насъ!

И Анна Павловна, усѣвшись на тахту, передала въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ о „подлости“ мужа, при чемъ уменьшила цифру содержанія, обѣщаннаго въ письмѣ мужа, на пятьдесятъ рублей.

— Но главное... Онъ требуетъ дочь... Грозитъ скандаломъ... Я не хочу отдавать дочь... Посоветуй, что мнѣ дѣлать, какъ удержать Шуру.. Какъ заставить его выдать какую-нибудь бумагу...

Эта новость, признаться, не очень понравилась его превосходству, особенно въ виду его далеко не блестящихъ финансовъ. И, разумѣется, онъ тѣмъ искреннѣе далъ совѣтъ не раздражать мужа и постараться войти съ нимъ въ соглашеніе относительно прибавки содержанія.

— Твой мужъ все-таки настолько порядочный человѣкъ, что не заставитъ семью нуждаться.

— А дочь?...

— Лучше отдай ему... Не заводи исторіи, Нита...

— И Леша тоже говоритъ... И никто за меня не заступится...

Анна Павловна заплакала, и его превосходительство въ качествѣ человѣка стараго воспитанія, конечно, счелъ своимъ долгомъ подѣсть въ ней и постараться успокоить ее горячими поцѣлуями, прерывая однако ихъ, чтобы взглянуть на часы.

Едва ли къ счастью для Козельскаго времени оказалось еще достаточно, чтобы слезы Анны Павловны успѣли тронуть мягкое сердце его превосходительства и заставили его хоть нѣсколько успокоить ее легкомысленнымъ обѣщаніемъ добавлять пятьдесятъ рублей, если мужъ откажется ихъ давать.

Спохватился Козельскій, что сдѣлалъ глупость, обязуясь давать своей любовницѣ, хотя она объ этомъ его и не просила, кромѣ прежнихъ 275 рублей, еще пятьдесятъ, только тогда, когда ѣхалъ въ свою комиссію.

Но тамъ зато онъ произнесъ такую блестящую рѣчь о значеніи и благотворности для страны возможно дешеваго кредита, что самъ предсѣдатель, считавшійся финансовымъ свѣтиломъ, послѣ засѣданія наговорилъ Козельскому комплиментовъ и просилъ побывать на-дняхъ.

Черезъ недѣлю молодой присяжный повѣренный привезъ Аннѣ Павловнѣ форменное обязательство.

— Вашъ супругъ безъ всякихъ разговоровъ подписалъ. Про-

силъ только, чтобы къ завтрашнему дню малолѣтняя дочь была доставлена къ нему!—объявилъ онъ.

Изъ деликатности адвокатъ не сказалъ, что Ордынцевъ, прочитавъ документъ, съ брезгливой усмѣшкой спросилъ:

— Это, вѣрно, идея сына... это предусмотрительное обязательство?

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ КАРДУЧЧИ.

Лишь блѣдный, вѣсъ черный мнѣ сердце гнетуть,
И думы о смерти встаютъ предо мной,
Но скорбныя думы меня не влекутъ
На кладбище, слѣдомъ за людной толпой.

* * *

Мнѣ кладбище—миръ весь: смѣется-ль весна,
Сіяетъ ли солнце съ лазурныхъ высотъ,
Дробится-ль о скалы морская волна
И звѣздами блещетъ ночной небосводъ.

* * *

Мнѣ кладбище—миръ весь: при шепотѣ розъ
Родится ли утро, знойнымъ ли днемъ
Смѣются мнѣ гроздя янтарныя лозъ,
И счастье и радость разлиты кругомъ...

* * *

Мнѣ кладбище—миръ весь. Вездѣ предо мной
Подъ флѣромъ серебристымъ, въ гробу и въ цвѣтахъ,
Встаетъ блѣдный обликъ, недвижный, нѣмой...
И меркнетъ блескъ дня въ моихъ скорбныхъ очахъ!

М. Ватсонъ.

Петербургскія воскресныя собранія для работницъ.

Было около часу пополудни. На Слоновой улицѣ, около одного дома казенной наружности замѣчается довольно большой наплывъ лицъ женскаго пола, преимущественно молодежи. Здѣсь встрѣчались дѣвушки, довольно прилично одѣтыя, но не мало было такихъ, платье которыхъ изобличало бѣдность и принадлежность къ низшему слою населенія.

Дѣвушки открывали парадную дверь и входили въ домъ. Затѣмъ шли по корридору, повертывали влѣво и входили въ узкую длинную комнату со множествомъ вѣшалокъ, гдѣ ихъ встрѣчали служителя привѣтствіемъ:

— Пожалуйте ваше платье сюда, барышня.

Вошедшія раздѣвались и оставляли здѣсь верхнее платье, уплативъ за храненіе двѣ копейки, затѣмъ весело шли наверхъ, болтая о чемъ пришло.

— Ты была здѣсь прошлое воскресенье, Катя? — спрашивала высокая и довольно красивая брюнетка, лѣтъ семнадцати, свою подругу.

Послѣдняя была приблизительно тавихъ же лѣтъ, но, въ противоположность первой, довольно невысокаго роста. Ея большіе сѣрые глаза смотрѣли умно и смѣло, свѣтлые волосы, подвитые спереди, были причесаны по модному. Одежда обѣихъ подругъ состояла изъ темныхъ шерстяныхъ юбокъ и свѣтлыхъ ситцевыхъ кофточекъ моднаго фасона и хорошо сшитыхъ.

— Нѣтъ, Лиза, прошлое воскресенье я сюда не приходила, — отвѣчала Катя. — Въ нашей мастерской была спѣшная работа. Шили цѣлый день до девяти часовъ вечера. Нельзя было идти.

— Ты сегодня опять будешь грамотѣ учиться? — любопытствовала первая.

— Да. Вѣдь ты знаешь, читать я кое-какъ умѣю, а писать совсѣмъ не знаю. Потому сюда и хожу. Хотѣла бы и ариметикѣ научиться.

— А я опять буду шить. Тебѣ хорошо. Сама портника, всегда можешь сшить себѣ какое-угодно платье. А я совсѣмъ не умѣла кроить. Теперь здѣсь немножко научилась. Прошлый разъ нашей Манькѣ платьице кончила. Учительница похвалила.

— Ты мнѣ завидуешь, что я шить умѣю, а я тебѣ завидую, что ты грамотѣ знаешь, — говорила Катя. — Я ввѣкъ не научилась бы писать, если бы сюда не ходила. Когда? Въ будни цѣлый день въ мастерской. Шьешь съ утра до ночи — замучаешься. Домой придешь совсѣмъ одурѣлая. А тутъ отецъ пьяный, мать больная, не до ученья! Только здѣсь и можно учиться. Я воскресенье жду точно Богъ знаетъ какого праздника. Мать позволяетъ мнѣ оставаться здѣсь, сколько хочу. Я всегда бываю здѣсь почти до самаго конца.

Вслѣдъ за этими дѣвушками шли два подростка, лѣтъ тринадцати-четырнадцати. Одна была одѣта въ новенькое свѣтло-голубое шерстяное платье, другая — въ старое темное и плохо сшитое.

— А знаешь ли, Степа, — говорила одна другой, — прошлый разъ ты рано ушла, а у насъ хоровое пѣніе было. И я пѣла. Учительница сказала, что у меня голосъ хорошій. Я и сегодня буду пѣть. Ты останься послушать.

Переговариваясь такимъ образомъ, дѣвушки проворно поднимались по лѣстницѣ. Во второмъ этажѣ на площадкѣ стоялъ небольшой столикъ. Около него сидѣла дежурная дама. Дѣвушки подходили къ ней и, подавая небольшую карточку изъ папки, говорили:

— Вотъ мой билетъ.

Дама искала соответственный номеръ въ книгѣ и отмѣчала его тамъ, оставляя билетъ у себя. вмѣстѣ съ другими къ ней подошла молоденькая блондинка въ шерстяномъ, хорошо спитомъ платьѣ, цвѣта бордо, и съ гладко причесанными свѣтлыми волосами. Ея свѣжее и круглое лицо дышало деревенскимъ здоровьемъ.

— Позвольте мнѣ билетъ,—сказала она.

— Вы сюда въ первый разъ пришли?—спросила дежурная.

— Въ первый.

— Какъ васъ зовутъ?

— Александра Петрова.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я горничной у присяжнаго повѣреннаго.

Дежурная выставила новый номеръ на картонкѣ.

— Вашъ номеръ будетъ 263,—сказала она.—Онъ останется пока у меня. Когда будете уходить, тогда вамъ его отдадутъ. Его надо приносить каждый разъ, какъ сюда приходите. Вы отъ кого узнали, что здѣсь по воскресеньямъ дѣвушки собираются?

— Я недавно въ Петербургѣ и никого здѣсь не знаю. Барыня изъ газетъ вычитала про васъ и говоритъ мнѣ: «Ходи туда, Саша. Я тебя буду пускать черезъ воскресенье. Чему-нибудь тамъ научись. Лучше туда ходи, чѣмъ по улицамъ шататься»,—объясняла Саша.

— Идите теперь въ залъ, познакомьтесь съ другими,—сказала дежурная, къ которой непрерывно подходили новыя посѣтительницы.

Саша приблизилась къ дверямъ комнаты, на которую ей указала дежурная, и остановилась въ нерѣшимости.

Среди большой свѣтлой комнаты стояли длинные столы, сколоченные изъ протыхъ некрашенныхъ досокъ. На нихъ былъ разложенъ самый разнообразный матеріалъ для шитья. Множество дѣвушекъ столпилось около черной класеной доски, поставленной въ одномъ углу залы, и внимательно слушали учительницу кройки, которая, рисуя, объясняла имъ.

— Поняли?—спросила она, кончивъ объясненіе.

— Поняли,—отвѣтили нѣкоторые и направились къ столамъ.

Но часть осталась.

— Я не совсѣмъ поняла, какъ надо спинку кроить,—нерѣшительно замѣтила одна дѣвушка, худенькая и блѣдная.

— Подите сюда. Я вамъ сейчасъ объясню,—сказала учительница и начала опять показывать, какъ надо кроить спинку.

Затѣмъ къ ней обратились за разъясненіями еще нѣсколько человекъ.

Покончивъ съ ними, учительница начала обходить столы, наблюдая за работою своихъ ученицъ.

— Ахъ, Данилова! Что же вы это дѣлаете? Вы такъ все платье испортите. Вотъ какъ надо,—говорила она одной дѣвушкѣ, кровившей дѣтское ситцевое платьице, показывая, что надо дѣлать.

— У васъ такъ оба рукава выйдутъ на одну сторону,—замѣтила она другой, кровившей красную шерстяную матерію.

Переходя такимъ образомъ отъ одного стола къ другому, учительница исправляла ошибки ученицъ. Съ обѣихъ сторонъ замѣтно было большое усердіе.

Учительница охотно дѣлала необходимыя указанія, хотя ея трудъ не оплачивался. Ученицы старались изо-всѣхъ силъ ее понять и чему-нибудь научиться. Въдѣ эти часы они урвали у своего праздничнаго отдыха, желая умѣть скроить и шить себѣ платье, чтобы такимъ образомъ сберечь нѣсколько рублей на болѣе насущныя потребности. Кройкѣ и шитью учились главнымъ образомъ фабричныя дѣвушки, которыя рѣдко знаютъ это искусство. А между тѣмъ въ жизни порядочно шитое платье оказывалось необходимымъ.

Саша довольно долго стояла въ дверяхъ, наблюдая эту новую для нея обстановку и не рѣшаясь вмѣшаться въ эту чуждую для нея толпу. Одна изъ дежурныхъ дамъ замѣтила ея одиночество.

— Вы здѣсь вѣрно въ первый разъ?—спросила она.

— Да,—отвѣтила Саша.

— Развѣ у васъ никого здѣсь нѣтъ знакомыхъ?

— Нѣтъ.

— Вы, можетъ быть, тоже хотите учиться кройкѣ?

— Нѣтъ, барышня, я прежде хочу посмотрѣть.

— А! Ну, пойдите со мной въ другую комнату. Тамъ вы посмотрите, какъ у насъ учатся грамотѣ.

Дежурная повела Сашу въ другую комнату, меньшихъ размѣровъ, нежели залъ. Она вся была заставлена ученическими скамейками, предназначенными для дѣтей десяти-двѣнадцатилѣтнаго возраста. Но теперь на нихъ сидѣли взрослые дѣвушки и подростки. Здѣсь былъ урокъ грамоты. Тѣ изъ посѣтительницъ, которыя изъявляли желаніе, учились здѣсь читать, писать и ариметикѣ. На одной дѣтской скамеечкѣ сидитъ Катя и усердно выводитъ перомъ буквы. Она пишетъ еще крупно и по двумъ линейкамъ, но довольно чисто и красиво. Это, видимо, ее радуетъ. Она вся вспыхиваетъ отъ удовольствія, когда учительница, взглянувъ на ея тетрадку, мимоходомъ замѣчаетъ:

— А вы, Степанова, начинаете хорошо писать.

Завѣтная мечта Кати научиться писать безъ линеекъ мелкими буквами и знать четыре правила ариметики.

По сосѣдству съ ней сидитъ довольно полная дѣвушка, лѣтъ двадцати, предметъ постоянной зависти для Кати. Она пишетъ безъ линеекъ и мелкими буквами. Сегодня она переписываетъ въ свою тетрадку дермонтовскаго «Ангела». Двѣ-три ошибки, которыя она сдѣлала и на которыя ей указала учительница, замѣтно огорчили ее. Она съ опечаленнымъ лицомъ смотритъ на поправки, которыми испорчена ея чистенькая тетрадка. Недалеко отъ нея помѣщается ея знакомая, Поля, которая пришла сюда сегодня въ первый разъ. Поля изъявила желаніе учиться грамотѣ и теперь старательно выводитъ на бумагѣ палочки, которыя ей показала учительница. Она надѣлала кляксъ и перепачкала чернилами всѣ пальцы, что ее не мало конфузитъ.

Въ той же комнатѣ нѣкоторыя дѣвушки учатся изящнымъ рукодѣліямъ: вязанью кружевъ, вышиванію и проч. Многія читаютъ про себя, взявъ у дежурной дамы книжку. Здѣсь же, на одномъ концѣ комнаты стоитъ маленькій простенькій шкафъ. Это бібліотека Рождественскаго Воскреснаго Собранія. Въ ней находятся книги, разрѣшенныя для народныхъ читаленъ. Ими пользуются посѣтительницы.

— Пожалуйста, дайте мнѣ «Утопленницу» Гоголя,—говорила одна довольно шустрая худенькая дѣвушка, подходя къ дежурной дамѣ, занимавшейся выдачей книгъ.

— Въдѣ вы ее, кажется, уже читали,—замѣтила послѣдняя.

— Читала разъ. Еще хочу. Очень нравится,—отвѣчала дѣвочка.

Дежурная нашла книгу и, давая ей, спросила:

— Вашъ номеръ?

— Сто двадцать восьмой,—сказала дѣвочка и отошла.

Дежурная отиѣтила въ книгѣ выдачу.

— Пожалуйста, дайте мнѣ «Ниву», картинки посмотрѣть,— подошла къ ней другая.

Дежурная удовлетворила ея желаніе.

— А мнѣ «Фабіолу»,—просила третья.

«Фабіолы» не оказалось. Ее уже взяли. Дежурная предложила просившей выбрать другую книгу.

— Я не знаю, какую взять. Дайте сами что-нибудь,—говорила дѣвушка, замѣтно огорченная, что нѣтъ желанной книжки.

Дежурная дала ей «Записки охотника» Тургенева.

— Пожалуйста, дайте мнѣ стихи почитать,—просила взрослая дѣвушка съ серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Дежурная удовлетворила ея желаніе, давъ Лермонтова.

— А мнѣ какой-нибудь длинный романъ,—говорила другая взрослая дѣвушка съ живыми черными глазами.—Я очень люблю читать длинные романы.

Но на этотъ разъ длиннаго романа въ библиотекѣ не оказалась и просившая должна была довольствоваться повѣстью Григоровича.

Саша, просмотрѣвши къ новой обстановкѣ, подъѣла къ одной взрослой дѣвушкѣ, разсматривавшей картинки иллюстрированнаго журнала. Ея собесѣдка оказалась довольно сообщительной и знакомство завязалось.

На площадкѣ, гдѣ выдавались и отбирались билеты у посѣтительницъ воскресныхъ собраній, возлѣ стола дежурной сидѣла дама съ очень интеллигентнымъ лицомъ, одѣтая въ простое черное платье. Она заинтересовалась дѣятельностью «Общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ» и пришла посмотреть на воскресныя собранія, устраиваемыя его членами для работницъ.

— Какую цѣль преслѣдуетъ ваше общество?—спрашивала гостя у дежурной.

— Вотъ посмотрите, что написано въ нашемъ уставѣ,—отвѣчала послѣдняя, взявъ крошечную брошюрку въ простой сѣрой обложкѣ, лежавшую возлѣ нея на столѣ.—Его первый параграфъ говоритъ: «Общество имѣетъ цѣлью: 1) предохранять молодыхъ дѣвушекъ, преимущественно рабочаго класса, какъ-то: ремесленницъ, фабричныхъ и служанокъ, отъ дѣйствія окружающихъ ихъ вредныхъ, въ нравственномъ отношеніи, условій жизни, и 2) содѣйствовать ихъ нравственному развитію». Наши воскресныя собранія преслѣдуютъ эту цѣль.

— Вы думаете, они дѣйствительно повышаютъ нравственный уровень работницъ?

— Несомнѣнно. Здѣсь онѣ пріучаются цѣнить главнымъ образомъ духовныя блага. Идя сюда, работница знаетъ, что здѣсь она никакихъ матеріальныхъ выгодъ не получитъ. Здѣсь она встрѣтитъ полную готовность дать ей книгу, которая ей нравится, если она есть въ нашей библиотекѣ. Здѣсь научатъ ее грамотѣ, кройкѣ или какому-нибудь рукодѣлю. Здѣсь устраиваются чтенія со свѣтовыми картинами, которыя доставляютъ посѣтительницамъ большое удовольствіе. Читаются вещи научнаго содержанія и беллетристика. Врачъ сообщаетъ имъ свѣдѣнія по гигиенѣ. Вообще, мы стараемся научить ихъ чему-нибудь, но не даемъ никакихъ денежныхъ подачекъ.

— Значитъ, на вашихъ воскресныхъ собраніяхъ занимаются преимущественно серьезными предметами?

— О, нѣтъ!—съ живостью возразила дежурная.—Мы стараемся доставить имъ также различныя невинныя развлечения. Нѣкоторые члены нашего общества и постороннія лица являюся сюда съ цѣлью доставить удовольствіе нашимъ посѣтительницамъ своимъ пѣніемъ. Одна консерваторка составила изъ здѣшней молодежи прекрасный хоръ, который можетъ доставить удовольствіе не однимъ

только простымъ работницамъ, но и болѣе избалованнымъ людямъ. Здѣсь устраиваются также различныя игры и бываютъ танцы.

— Безъ кавалеровъ?

— Конечно. Вѣдь нашъ уставъ не разрѣшаетъ допускать мужчинъ въ воскресныя собранія. Но это нисколько не мѣшаетъ дѣвушкамъ отдаваться танцамъ всей душой. Нѣкоторыя до страсти ихъ любятъ и готовы танцевать до упада. Очевидно, для нихъ привлекательны сами танцы, а не кавалеры. Многія изъ нихъ танцуютъ очень мило.

— Танцы также содѣйствуютъ ихъ нравственному развитію?—нѣсколько иронически спросила гостыя.

— Если не содѣйствуютъ, то во всякомъ случаѣ и не понижаютъ ихъ нравственнаго уровня,—серьезно отвѣчала дежурная.—Танцы здѣсь служатъ въ качествѣ развлеченія, а отчасти и физическимъ упражненіемъ. Здѣсь дѣвушки проводятъ время съ часу дня до девяти часовъ вечера. Согласитесь сами, невозможно требовать, чтобы все это время онѣ занимались одними серьезными предметами. На это и мы съ вами окажемся неспособными, не то что онѣ. Кромѣ того, взрослыя дѣвушки вообще стѣсняются заниматься какими-либо играми, въ которыхъ приходится бѣгать и быстро двигаться, а танцуютъ охотно. Слѣдовательно, онѣ здѣсь не остаются все время безъ движенія, которое для нихъ необходимо, такъ какъ почти всѣ онѣ проводятъ цѣлыя дни въ неподвижномъ положеніи гдѣ-нибудь на фабрикѣ или въ мастерской. Мѣшая серьезные предметы съ развлеченіями, мы стремимся привлечь ихъ по возможности въ болѣе большомъ количествѣ и удерживать здѣсь какъ можно дольше. Во всякомъ случаѣ у насъ онѣ ничему дурному не научатся.

— Какія работницы здѣсь бываютъ и какъ онѣ себя ведутъ?

— Ведутъ онѣ себя вполне прилично. Ссоръ и шума не заводятъ. Можетъ быть, это отчасти зависитъ отъ того, что огромное большинство нашихъ посѣтительницъ окончило начальную городскую школу. Тамъ дѣвочки пріучаются держать себя вообще прилично. Что касается того, какого сорта работницы насъ посѣщаютъ, то надо замѣтить, что здѣсь бываетъ очень разнообразный элементъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ фабричныя работницы. Приходятъ сюда съ папирсныхъ фабрикъ, съ бумагопрядильныхъ. Бываетъ также и много портнихъ. Попадается личная прислуга, горничныя, кухарки. Но, къ сожалѣнію, послѣднихъ очень мало. Я говорю къ сожалѣнію, потому что, какъ извѣстно, большинство надшихъ дѣвушекъ вербуются изъ нашей личной прислуги. И это совершенно понятно. Пріѣдетъ молодая деревенская дѣвушка въ Петербургъ. Что она знаетъ? Ну и попадетъ въ просакъ. А тамъ смотришь, ребенокъ и нужда погнали ее на развратъ. Если бы хозяйки побольше выкали въ положеніе своей молодой деревенской прислуги, это случилось бы гораздо рѣже. Было бы очень желательно, чтобы наши воскресныя собранія сдѣлались болѣе извѣстными и хозяйки приняла за правило присылать къ намъ по воскресеньямъ своихъ юныхъ горничныхъ и кухарокъ. Это могло бы предохранить ихъ отъ многихъ соблазновъ и предупредить массу нежелательныхъ случайностей. Вообще, наши воскресныя собранія заслуживаютъ полнаго сочувствія со стороны интеллигентной части общества, которая желаетъ повышенія умственнаго уровня массъ. У насъ здѣсь, въ рождественскомъ отдѣлѣ, бываетъ каждое воскресенье болѣе ста человекъ, да на Васильевскомъ Островѣ столько же. Такимъ образомъ, болѣе двухсотъ, а не рѣдко и до трехсотъ молоденькихъ работницъ проводятъ время полезно и не скучно. Многія изъ нихъ здѣсь только и отдыхаютъ отъ своей домашней обстановки, подъ часъ очень неприглядной. Вотъ одна молодая папиросница каждое воскресенье сюда ходитъ. Она аккуратно является къ часу и уходитъ только тогда, когда все бываетъ окончено. Мнѣ какъ-то пришлось съ ней разговориться. Отца у нея нѣтъ. Живетъ она съ матерью, которая была прачкой, но нажила же-

стовій ревматизмъ и потеряла способность къ труду. Теперь имъ приходится существовать исключительно на заработокъ этой молоденькой дѣвушки. Она получаетъ на папирсной фабрикѣ 60 к. въ день. Въ мѣсяцъ она заработаетъ рублей пятнадцать. Живутъ онѣ, какъ она сама выразилась, «и не то, что въ подвалѣ, а низенько», занимаютъ уголь, за который платятъ три съ половиной. Ихъ квартира и сыровата, и темновата. Надо знать, что такое жизнь въ петербургскихъ углахъ, чтобы вполнѣ понять, какое огромное значеніе имѣютъ наши воскресныя собранія для этой работницы. Вѣдь въ угловыхъ квартирахъ часто ютятся всякій сбродъ. Тамъ мы встрѣтимъ и холостого, и женатаго, но живущаго одиноко, встрѣтимъ мужа съ женой вдвоемъ, встрѣтимъ ихъ и съ дѣтьми, встрѣтимъ и незаконное сожителство. При той тѣснотѣ, которая господствуетъ въ петербургскихъ углахъ, неизбѣжная грязь. Сожителство большого числа лицъ, грубыхъ и не развитыхъ, неминуемо влечетъ разныя ссоры и дразги. Вы здѣсь встрѣтите и пьянство, и развратъ, и буйство. Дѣвушка рассказывала мнѣ, что одинъ разъ въ ихъ квартирѣ подростокъ-сынъ, напившись пьянымъ, принялся колотить свою мать. Насилу его остановили. Послѣ такой житейской обстановки, какимъ раемъ должны казаться порядочной молодой дѣвушкѣ наши воскресныя собранія, гдѣ она не встрѣтитъ ничего подобнаго. Хотя бы и съ танцами и съ играми, но пребываніе здѣсь впродолженіи нѣсколькихъ часовъ каждое воскресенье несомнѣнно должно благотворно отражаться на ея нравственномъ здоровьѣ и поддерживать ея силы для тяжелой жизненной борьбы.

— Ваше общество занимается только устройствомъ воскресныхъ собраній для работницъ? — спросила гостя, на которую слова говорившей произвели довольно глубокое впечатлѣніе.

— Нѣтъ, — отвѣчала дежурная, — оно содержитъ также квартиру, гдѣ устроено общежитіе для работницъ. Бѣ сожалѣнію, квартирка очень маленькая. Въ ней живетъ всего девятнадцать одинокихъ дѣвушекъ. Тамъ только пять небольшихъ комнатъ, въ каждой помѣщается отъ двухъ до шести кроватей. Плата за нихъ назначена отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ. Тѣснато тамъ, но и въ такомъ случаѣ помѣщеніе само себя не оплачиваетъ, приходится нести убытокъ. Лѣтомъ нѣсколько кроватей пустовало, но теперь постоянно всѣ заняты. Много находится желающихъ попасть въ наше общежитіе, но, къ сожалѣнію, оно слишкомъ мало и не можетъ удовлетворить большой потребности въ такого рода помѣщеніяхъ. Но квартиры такъ дороги, а средства нашего общества такъ малы, что пока нечего и мечтать о широкомъ развитіи нашей дѣятельности въ этомъ отношеніи. Какимъ ничтожнымъ кажется наше общежитіе въ сравненіи съ тѣмъ, что мы находимъ за границей! Въ Лондонѣ, напр., подобнаго рода учрежденія существуютъ во многихъ частяхъ города и въ нихъ находятъ пріютъ не одна сотня молодыхъ работницъ. А намъ приходится довольствоваться девятнадцатью, хотя петербургскія квартирныя условія бѣднаго люда гораздо хуже лондонскихъ. Ахъ! если бы у насъ былъ свой собственный домъ! Сколько молодежи можно было бы спасти отъ гибельнаго вліянія петербургскихъ угловъ!

— У васъ въ общежитіи также живутъ фабричныя?

— Нѣтъ. Тамъ главный контингентъ жильцовъ состоитъ изъ портныхъ. Есть и личная прислуга безъ мѣста. Повидимому, для фабричныхъ наше общежитіе оказывается неподходящимъ. Почему? Трудно сказать. Можетъ быть, для нихъ высока плата въ 3—5 рублей, такъ какъ ихъ заработокъ часто не превышаетъ 12—15 рублей въ мѣсяцъ. Хотя нѣкоторые члены нашего общества утверждаютъ, что фабричныя работницы слишкомъ избалованы и распушены, чтобы жить подъ нѣкоторымъ контролемъ и подчиняться извѣстнымъ требованіямъ. У насъ, напримѣръ, запрещено принимать мужчинъ и возвращаться домой поздно ночью. По всей вѣроятности, все это играетъ извѣстную роль.

Устройство общежитія для фабричныхъ работницъ остается пока вопросомъ будущаго. Можетъ быть, со временемъ намъ удастся это сдѣлать.

— Какъ у васъ ведется это дѣло? Кто завѣдуетъ общежитіемъ и наблюдаетъ за поведеніемъ тамъ живущихъ дѣвушекъ? Вѣроятно, вы не оставляете его на произволъ вашихъ квартирантокъ.

— Тамъ живетъ простая женщина въ качествѣ прислуги. Она поддерживаетъ чистоту въ помѣщеніи, мететъ и моетъ полы, стираетъ пыль и наблюдаетъ за порядкомъ. Она же обязана ставить утромъ и вечеромъ самоваръ для жилищъ. Кто хочетъ, тотъ можетъ готовить себѣ обѣдъ въ то время, когда топится плита. Нѣкоторыя жилища этимъ пользуются. Главное завѣдываніе общежитіемъ находится въ рукахъ одного члена нашего общества, который согласился взять на себя этотъ трудъ. Завѣдующая бываетъ тамъ каждый день и наблюдаетъ, какъ идетъ дѣло. Отъ нея зависитъ выборъ жилищъ. Она получаетъ съ нихъ плату за кровать, ведетъ всѣ расходы и отчетность—вообще, она тамъ главная хозяйка и распорядительница.

— Мы теперь хлопочемъ о разрѣшеніи открыть библіотеку съ выдачей книгъ на домъ,—продолжала дежурная, видя, что гостя слушаетъ ее съ большимъ интересомъ.—До сихъ поръ нашей библіотекой имѣли право пользоваться только тѣ дѣвушки, которыя посѣщаютъ наши воскресныя собранія. Наши книги могутъ читаться только здѣсь. Мы не имѣемъ права давать ихъ на домъ. А между тѣмъ наши посѣтительницы постоянно насъ просятъ объ этомъ. Многія изъ нихъ очень интересуются чтеніемъ. Конечно, пока еще въ самомъ большомъ ходу беллетристика. Но вѣдь всего вдругъ нельзя передѣлать. Постепенно у нихъ разовьется вкусъ. Тогда онѣ будутъ читать и серьезныя книги. Нѣкоторыя приходятъ сюда исключительно для книгъ и проводятъ здѣсь все время, поглощая одну книгу за другой. Въ виду ограниченности нашихъ матеріальныхъ средствъ и каталога, намъ становится трудно удовлетворить подобнаго рода дѣвушекъ. Почти про всякую книгу, предлагаемую нами, онѣ говорятъ: «Я это уже читала. Дайте другую». За послѣднее время нашъ комитетъ нашелъ возможнымъ ассигновать сто рублей на покупку новыхъ книгъ. Но что значатъ эти деньги въ сравненіи съ потребностью въ чтеніи? Если-бы комитетъ могъ удѣлить въ десять разъ больше, то и этихъ денегъ было бы мало. Теперь, пока чтеніе совершается только въ нашихъ воскресныхъ собраніяхъ, мы съ грѣхомъ пополамъ кое-какъ удовлетворяемъ своихъ посѣтительницъ. Да и то часто приходится отказывать за неимѣніемъ втораго экземпляра. А что будетъ, когда мы откроемъ библіотеку съ выдачей книгъ на домъ?! Тогда мы окажемся рѣшительно не въ состояніи удовлетворить всѣхъ, если наши средства не увеличатся. Между тѣмъ, народное образованіе составляетъ такую насущную потребность Россіи. И, безъ всякаго сомнѣнія, распространеніе образованія среди женщинъ—его существенная часть. Грамотная мать никогда не оставитъ своего ребенка безграмотнымъ, тогда какъ грамотный отецъ дѣлаетъ это сплошь и рядомъ. Въ этомъ отношеніи наше общество можетъ сослужить хорошую службу народному образованію.

— Ваше общество основано исключительно на филантропіи?—спросила гостя, внимательно слушавшая дежурную.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчала послѣдняя.—Конечно, безъ филантропіи здѣсь не обойдешься. Каждое воскресное собраніе чего-нибудь да стоитъ. Положимъ, помѣщеніе у насъ даровое. Его даетъ намъ инспекторъ народныхъ училищъ. Мы за него ничего не платимъ. Но кромѣ помѣщенія есть еще другіе расходы. Нужно освѣщеніе, прислуга. Все это обходится, приблизительно, рублей пять каждый разъ. Посѣтительницы получаютъ здѣсь чай и кусокъ булки. Но за это онѣ должны платить. Кружка чаю съ сахаромъ стоитъ одну копейку. За кусокъ ситнаго берется столько же. При помощи такой маленькой платы

расходы по чаю, приблизительно, окупаются, не считая труда. Завѣдуетъ этимъ одинъ изъ нашихъ членовъ и ведетъ дѣло очень хорошо. Книги здѣсь нужны. Ихъ, конечно, приходится покупать или прибѣгать къ другимъ средствамъ для ихъ пріобрѣтенія. Выдачей ихъ занимаются безплатно. Наше общежитіе требуетъ также ежемѣсячныхъ приплатъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе дороговизны квартиры. Если-бы мы вздумали туда пустить столько жильцовъ, чтобы всѣ расходы окупались, то у насъ было бы чрезчуръ тѣсно, въ родѣ того, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ петербургскихъ угловыхъ квартирахъ. Тамъ вѣдь жильцы помѣщаются въ передней, въ кухнѣ, въ корридорѣ. Квартирохозяева стараются заполнить всѣ углы, чтобы не оставался въ убыткѣ. У насъ же передняя и корридоръ совершенно свободны отъ жильцовъ, а въ кухнѣ помѣщается только прислуга. Значитъ, все-таки есть нѣкоторый просторъ, хотя и не мѣшало бы имѣть его побольше. По настоящему, слѣдовало бы повысить цѣну на кровати и уменьшить ихъ число. Но нѣкоторые члены нашего общества противъ этого. Онѣ утверждаютъ, что платятъ пять рублей многія дѣвушки, особенно фабричныя, рѣшительно не въ состояніи. «Если бы у насъ были только пятирублевая кровати,—говорятъ она,—то наше общежитіе было бы недоступно для молодежи, получающей 12—15 рублей въ мѣсяцъ». Но, съ другой стороны, расширеніе нашего общежитія затрудняется тѣмъ, что мы благотворимъ, до извѣстной степени, конечно, а не руководствуемся коммерческими соображеніями. Если бы наше общежитіе, я не говорю уже, доставляло нѣкоторый доходъ, но окупало бы само себя, тогда мы могли бы смѣлѣе расширять нашу дѣятельность и, нанявъ нѣсколько квартиръ, устроить въ нихъ также общежитія. Но разъ приходится приплачивать, то дѣло очень тормозится. Кто знаетъ, можетъ быть, если бы мы повысили плату за кровать до такой величины, чтобы общежитіе окупало бы само себя, и увеличили число нашихъ помѣщеній, то это принесло бы гораздо больше пользы, нежели какую приносятъ теперь наше крошечное учрежденіе съ болѣе низкой платой. Тогда мы дали бы пріютъ гораздо большому числу молодыхъ дѣвушекъ. Конечно, это были бы работницы, получающія порядочное вознагражденіе, но вѣдь и онѣ въ большинствѣ случаевъ живутъ въ очень дурныхъ квартирныхъ условіяхъ. Мнѣ кажется, намъ слѣдуетъ сдѣлать попытку такого рода. Оставивъ общежитіе въ томъ видѣ, какъ теперь, съ сравнительно низкой платой за кровать, намъ надо было бы попробовать завести другое и поставить его болѣе выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Количество кроватей тамъ должно вполне соответствовать требованіямъ гигиены по отношенію къ кубическому содержанію воздуха, а плата за кровать—покрывать всѣ расходы. Тогда было бы видно, имѣло бы успѣхъ такого рода предпріятіе и какой контингентъ работницъ въ немъ находилъ бы пріютъ. Если бы такого рода попытка имѣла успѣхъ, то наше дѣло могло бы получить болѣе широкое развитіе, нежели теперь, съ приплатой за общежитіе. Конечно, и въ томъ случаѣ существуетъ нѣкоторый рискъ. Можетъ случиться, что мы не найдемъ достаточнаго числа жилищъ, которыя пожелали бы платить намъ довольно дорого за кровать, положимъ, рублей по пяти, и наше помѣщеніе будетъ наполовину пустовать. Тогда намъ опять пришлось бы приплачивать. Но зато, въ случаѣ успѣха, мы смѣло могли бы развивать наше дѣло и принести гораздо большую пользу. Впрочемъ, и при настоящихъ, сравнительно неблагоприятныхъ, обстоятельствахъ, мы хотимъ нѣсколько расширять нашу дѣятельность и устроить еще маленькое общежитіе на Васильевскомъ Островѣ. Тамъ теперь подыскивается квартира.

— Кромѣ устройства общежитій, воскресныхъ собраній и библіотеки, въ чемъ еще выражается ваша дѣятельность?—спросила гостя.

— Пока еще ни въ чемъ,—отвѣчала дежурная.—Но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, намъ необходимо ее расширить, если мы желаемъ оказать дѣй-

ствительную помощь работницамъ. Очень часто онѣ впадаютъ въ крайнюю нужду вслѣдствіе потери своего заработка. Вотъ въ нашемъ общежитіи иногда попадаютъ дѣвушки безъ опредѣленныхъ занятій или безъ всякаго заработка. Конечно, въ концѣ концовъ онѣ находятъ себѣ работу и лица, близко стояща къ нашему общежитію, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются имъ помочь въ этомъ, но это совершается въ очень скромныхъ размѣрахъ. Бываютъ случаи, что работница должна оставаться безъ опредѣленныхъ занятій или совсѣмъ безъ всякаго заработка въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ нашемъ общежитіи былъ такой случай. Довольно искусная портниха вслѣдствіе несчастной случайности потеряла постоянное мѣсто и осталась совершенно безъ всякихъ занятій. Всѣ ея усилія найти постоянный заработокъ оставались тщетными. Ей пришлось проживать свои прежнія маленькія сбереженія, закладывать платье. Иногда члены нашего общества доставляли ей случайный заработокъ. Но это мало облегчало ея тяжелое положеніе. Такъ она перебивалась въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ. Всѣ ея средства истощились и она находилась почти въ безвыходномъ положеніи, когда, наконецъ, получила постоянное мѣсто. Вотъ въ подобныхъ случаяхъ наше общество могло бы оказать большую пользу, если бы устроило контору для присканія занятій. Въ такомъ справочномъ бюро могли бы постоянно встрѣчаться спросъ и предложеніе. Теперь же они часто расходятся другъ съ другомъ. Существуетъ не мало случаевъ, что одинъ ищетъ себѣ прислугу или портниху, а другая—такого же рода занятіе, и они никакъ не могутъ встрѣтиться. Наша контора могла бы устранить подобного рода явленія и, кромѣ того, помогла бы намъ познакомиться поближе съ дѣйствительной нуждой и изыскать иные способы, какъ для ея устраненія, такъ и для поднятія нравственнаго уровня простыхъ работницъ. Затѣмъ случаи, подобные вышеупомянутымъ, невольно наталкиваютъ на мысль, что устройство кассы взаимной помощи для работницъ представляется въ высшей степени полезнымъ. Возьмемъ хотя бы эту портниху, о которой я только что говорила. Если бы она участвовала въ предполагаемой кассѣ взаимной помощи, то ей легче было бы пережить безработицу. Тогда у нея были бы нѣкоторые ресурсы, которыми она могла бы пользоваться въ тяжелый періодъ безработицы. Затѣмъ болѣзнь. Въ настоящее время трудъ простыхъ работницъ обставленъ такимъ образомъ, что если она захвораетъ, то лишается заработка и средствъ къ существованію въ самое тяжелое время. Конечно, подобныхъ беспомощныхъ больныхъ обыкновенно помѣщаютъ въ больницу. Но вѣдь по выходѣ оттуда работница далеко не всегда можетъ получить свое прежнее мѣсто или скоро найти себѣ какое-либо занятіе. Кромѣ того, обыкновенно она выходитъ изъ больницы съ далеко не окрѣпшими силами, такъ какъ тамъ мѣста всегда нужны для новыхъ пациентовъ. Вотъ въ подобныхъ случаяхъ касса взаимной помощи могла бы сослужить огромную службу одинокимъ работницамъ. Она спасла бы ихъ отъ очень тяжелаго положенія. Если бы нашему обществу удалось устроить справочную контору для присканія занятій и кассу взаимной помощи для работницъ, то тогда мы могли бы оказывать болѣе рациональную помощь одинокимъ молодымъ работницамъ. При помощи такихъ учреждений можно сдѣлать для нихъ гораздо больше, нежели при посредствѣ разныхъ благотворительныхъ подачекъ. Такимъ образомъ мы ихъ приучали бы стоять на своихъ ногахъ и рассчитывать исключительно на самихъ себя и свой собственный трудъ. И это самая разумная помощь. Если контора доставитъ мѣсто работницѣ, то послѣдняя избѣгнетъ того угнетающаго и часто унижающаго положенія, въ которое становится человѣкъ нуждающійся и зависящій отъ милости другихъ. Мѣсто даетъ возможность работницѣ жить своимъ трудомъ, что всегда повышаетъ въ человѣкѣ самоуваженіе къ самому себѣ и создаетъ изъ него полезнаго члена общества. Если работница принимаетъ участіе въ кассѣ взаимной помощи, то она привыкаетъ къ бережливости

и учиться заботиться о себѣ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Это качество имѣетъ огромное значенія для прогресса каждаго народа. Несомнѣнно, безвыходная нужда, заставляющая человѣка падать очень низко въ нравственномъ отношеніи, нерѣдко зависитъ просто отъ непривычки заботиться о себѣ въ будущемъ. Молодая дѣвушка, имѣя порядочный заработокъ, вовсе не думаетъ о томъ, чтобы сберечь часть его про черный день, и беззаботно проживаетъ его весь. Но вотъ пришла безработица. Вслѣдствіе несчастной случайности она потеряла свое мѣсто и очутилась въ очень критическомъ положеніи. Ей приходится такъ тяжело, что она падаетъ духомъ и бросается въ объятія порока. Касса взаимной помощи, гдѣ у нея нашлись бы кое-какія сбереженія, спасла бы ее отъ паденія. Слѣдовательно, подобное учрежденіе служить однимъ изъ способовъ предохранять молодыхъ дѣвушекъ отъ вредныхъ условій жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ повышаетъ ихъ нравственный уровень. Вообще, если бы нашему обществу удалось осуществить все то, о чемъ я только что говорила, то его роль въ повышеніи нравственнаго уровня массъ могла бы быть громаднa и оно многимъ отличалось бы отъ обыкновеннаго типа благотворительныхъ обществъ, которыя стремятся, по возможности, облегчить стоящую передъ глазами нужду, не заботясь о томъ, чтобы предупредить ее. Конечно, облегчить вопіющую нужду, которая рѣжетъ наши глаза въ настоящую минуту, также необходимо, но лицо, оказывающее подобнаго рода помощь; часто становится въ невозможное положеніе. Бываютъ случаи, что благотворитель не въ состояніи разобрать, обращается къ нему дѣйствительная нужда или обманъ, и оказываетъ помощь второму. Болѣе разумная помощь, идея о которой развивалась выше, исключаетъ подобнаго рода случаи.

Дежурная замолчала. Въ большой комнатѣ, гдѣ занимались кройкой, послышалось передвиженіе столовъ и шумъ.

— Три часа, — замѣтила дежурная, взглянувъ на часы, висѣвшіе передъ ней на стѣнѣ, — урокъ рукодѣлья кончился. Хотите пойти туда посмотреть?

Гостья изъявила согласіе. Дежурная, попросивъ сидѣвшую возлѣ нея молодую дѣвушку замѣнить ее на нѣсколько минутъ, подошла съ гостьей къ дверямъ зала. Тамъ служителя поспѣшно убрали большіе столы, на которыхъ совершалась кройка, отодвигали скамейки ближе къ стѣнамъ и подметали соръ. Затѣмъ они поставили каедру въ уголь, гдѣ висѣли иконы.

— У насъ здѣсь каждое воскресенье бываетъ священникъ и говоритъ имъ маленькое поученіе. Онъ обыкновенно бываетъ въ это время. Вотъ онъ уже и пришелъ, — сказала дежурная дама, идя на встрѣчу священнику.

Послѣдній поздоровался съ ней и взошелъ на каедру. Возлѣ него столпились посѣлительницы съ явнымъ намѣреніемъ слушать его съ надлежащимъ почтеніемъ и вниманіемъ.

— Пойдемте, я вамъ покажу, гдѣ помѣщается наша бібліотека, — шепнула дежурная гостѣ черезъ нѣсколько минутъ.

Онѣ пришли въ соседнюю комнату. Тамъ на скамейкахъ сидѣло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и читали книги.

— Развѣ не всѣ ходятъ слушать священника? — спросила гостья, нѣсколько удивленная

— У насъ нѣтъ обязательныхъ занятій, — отвѣчала дежурная. — Кто хочетъ — слушаетъ, кто не хочетъ, того мы не принуждаемъ. Вотъ Лидія Васильевна познакомитъ васъ съ нашей бібліотекой, а мнѣ надо идти на свое мѣсто.

Дежурная ушла, а гостья вступила въ разговоръ съ молодой дѣвушкой, которая занималась выдачей книгъ изъ бібліотеки. Когда она опять вышла на площадку, тамъ была цѣлая толпа женской молодежи. Священникъ ушелъ и начиналось чаепіе.

На площадкѣ помѣщался длинный столъ, на которомъ стоялъ сахаръ и

куска ситнаго въ корзинѣ. Одна изъ дежурныхъ дамъ и прислуга раздавали чай желающимъ. Въ сосѣдней крошечной комнатѣ стоялъ на столѣ огромный кипящій самоваръ. Здѣсь чай наливался въ простыя кружки и затѣмъ на подносѣ выносился на площадку. Тамъ его разбирали посѣтительницы.

— Пожалуйста, мнѣ дайте ситнаго. Вотъ копѣйка,—говорила небольшого роста довольно худенькая дѣвочка въ скромномъ ситцевомъ свѣтломъ платѣ.

Она уже получила кружку чая и теперь старалась добраться до хлѣба, на который находилось не мало охотницъ. Множество рукъ протягивалось къ дамъ, занимавшейся раздачей чая.

— Мнѣ булки. Вотъ три копѣйки—надо сдачи,—говорила одна.

— Мнѣ сахару,—просила другая.

— Пожалуйста, не всё вмѣстѣ. Я не могу дать всёму сразу,—замѣтила дама, которая терпѣливо удовлетворяла всё требованія и давала сдачу.

Большинство рукъ опустилось и дѣвушки начали подходить въ большемъ порядкѣ.

Получивъ кусокъ ситнаго и кружку чая, онѣ отходили отъ стола. Кто шелъ въ большой залъ, кто въ классную комнату. Разсѣвшись тамъ на скамейкахъ по сосѣдству съ своими знакомыми или друзьями, дѣвушки занялись чаепитіемъ, болтая о чемъ пришлось.

— Ты знаешь, почему Лена Николаева перестала сюда ходить? — спрашивала востроносая брюнетка съ живыми, точно угольки, глазами свою подругу.

— Нѣтъ,—отвѣчала та.

— Ей показалось, что здѣсь бываютъ только дѣвочки, которыя любятъ играть. Ей стало стыдно, что она точно маленькая занимается играми. Она и перестала сюда ходить. Такъ она мнѣ сказала. Только я думаю, не по этому. Говорятъ, ее женихъ сватаетъ. Вѣроятно, боится, — не понравится ему, если узнаетъ, что она сюда ходитъ. Мужчины тоже разные бываютъ. Одинъ любитъ, чтобы дѣвушки веселились, а другой на это хмурится. Говорятъ, онъ на металлическомъ заводѣ работаетъ и получаетъ два рубля въ день. Для нея это хорошо.

— Полно тебѣ читать, Соня,—говорила румяная бѣлокурая дѣвушка своей подругѣ, которая, забывъ про свою кружку съ чаемъ, стоявшую возлѣ нея, съ жадностью поглощала страницу за страницей гоголевскихъ «Мертвыхъ душъ». — Ты все еще не начиталась за все это время.

— Мнѣ хочется кончить эту книгу сегодня, — отвѣчала Соня, неохотно отрываясь отъ чтенія.

Перекинувшись нѣсколькими словами съ своей подругой, она опять принялась за книгу.

Напившись чаю, многіе подростки собрались въ большую комнату и начали игру въ кошку и мышку. Кошку изображала маленькая юркая дѣвочка, которая ловко скользила между рукъ, защищавшихъ мышку, и скоро поймала послѣднюю. Ее замѣнила не такая ловкая, которой пришлось довольно долго гоняться за мышкой. Поднялся крикъ, шумъ, раздавался громкій смѣхъ и поощрительные или насмѣшливые возгласы. Многимъ, наконецъ, надоѣла игра и онѣ начали выходить изъ круга. Игра прекратилась. Нѣсколько дѣвушекъ побѣждало внизъ.

Въ первомъ этажѣ, въ классной комнатѣ всё окна были закрыты плотными, не пропускающими свѣта занавѣсами. На учительскомъ пюпитрѣ стояла одна свѣча, тускло освѣщавшая комнату средней величины. Двѣ дамы при помощи служителя устававливали волшебный фонарь. Послѣдній былъ приобрѣтенъ только недавно, на деньги, полученные съ одного вечера. До сихъ поръ приходилось пользоваться чужимъ. Одна дама разсматривала свѣтотыя картины.

— Вы ихъ гдѣ достали?—спросила она у дамы, занимавшейся установкой фонаря.

— Въ Солянномъ Городѣ,—отвѣчала послѣдняя.—Много бываетъ возни съ

добываніемъ картинъ. Слѣдовало бы завести свои. Въ Соляной Городокъ обязательно надо идти въ опредѣленные часы, да и не всегда тамъ найдешь картины для чтенія, которое назначено. Приходится добывать ихъ въ другомъ мѣстѣ или назначать иное чтеніе. Безъ своихъ плохо.

Было около пяти часовъ и въ классъ начала собираться публика. Дѣвушки разсаживались на ученическихъ скамейкахъ. Многимъ пришлось стоять. Болтовня молодежи не прекращалась. Нѣкоторые пришли съ кружкой чая, намѣреваясь выпить его во время чтенія.

— Зачѣмъ вы пришли сюда съ чаемъ? — говорила одна изъ дамъ. — Здѣсь нельзя его пить. Прольете, себя обварите и другихъ.

Дѣвушки дѣлали недовольную мину, но послушно уносили свой чай наверхъ, чтобы тамъ его выпить, а потомъ уже возвратиться назадъ.

Служать чтеніе съ свѣтовыми картинами собирались почти всѣ посѣтительницы. Нѣкоторые, не интересуясь имъ, ушли домой. Вообще чтенія съ свѣтовыми картинами пользовались большой популярностью среди молодежи, и охотно ею посѣщались. Этотъ разъ читалось «Голландія и голландцы». Запруды видимо заинтересовали слушательницъ и онѣ съ недоумѣніемъ спрашивали чтенію:

— Въ самомъ дѣлѣ вода тамъ выше, нежели поля и огороды?

Описаніе подвига маленькаго мальчика, предупредившаго наводненіе, вызвало большую сенсацію. Слушательницы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ. Когда онъ упалъ безъ чувствъ и все-таки не вынулъ своего пальчика изъ отверстія, черезъ которое сочилась вода, раздались сочувственныя восклицанія. На лицѣ одной совѣтъ малоденькой дѣвушки, сидѣвшей довольно близко отъ лекторши, былъ написанъ неподдѣльный восторгъ. Ея большіе сѣрые глаза сверкали. Казалось, въ эту минуту она сама хотѣла бы быть на мѣстѣ этого мальчика.

По окончаніи чтенія многія слушательницы окружили лекторшу, забрасывая ее вопросами по поводу прочитаннаго. Она терпѣливо объясняла имъ и отвѣчала, обращаясь то къ одной, то къ другой или ко всѣмъ вмѣстѣ, если затрогивался вопросъ, могущій возбудить общій интересъ.

Значительная часть дѣвушекъ и подростковъ побѣжала опять наверхъ. Это были главнымъ образомъ страстныя любительницы танцевъ. Онѣ знали, что послѣ чтенія обыкновенно бываютъ танцы и убѣждали наверхъ, боясь пропустить хотя одну минуту. Но онѣ напрасно поторопились. Въ залѣ еще никого не было и пьянино, стоявшее около одной стѣны, оказалось запертымъ. Нѣкоторые не могли утерпѣть и начали кружиться безъ музыки. Двѣ дѣвушки, лѣтъ девятнадцати—двадцати, въ скромныхъ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ, сшитыхъ по модѣ, и съ модными прическами, довольно граціозно танцевали венгерку. Два подростка, одна прилично одѣтая, а другая очень плохо, учили другъ друга танцевать польку. Большинство сидѣло на скамейкахъ или стояло около стѣнъ, ожидая, когда начнется музыка. Наконецъ, пьянино было открыто и раздались звуки польки. Тогда одна пара за другой запертылись по залу. Большинство посѣтительницъ принимало участіе въ танцахъ, часть осталась стоять около стѣнъ и въ дверяхъ, часть сидѣла на скамейкахъ. Это были дѣвушки, не умѣющія танцевать или не находящія себѣ пары. Полька смѣнилась кадрилию, кадрилию—вальсомъ, вальсъ—венгеркой и т. д. Все это шло безъ перерыва одно за другимъ и молодежь все время неутомимо прыгала. Танцевали умѣлыя, танцевали и неумѣлыя. Двѣ дѣвочки, лѣтъ четырнадцати, отплясывали польку подъ звуки вальса и нисколько не смущались, когда имъ замѣчали: «Не такъ танцуете». Въ залѣ становилось душно. Шиль стояла въ воздухѣ. Лица танцующихъ раскраснѣлись, глаза блестя удовольствіемъ. Здѣсь царствовало неподдѣльное веселье, не смотря на отсутствіе кавалеровъ. Дѣвушки попеременно исполняли роль кавалеровъ и дамъ и это нисколько не

омрачало ихъ веселаго настроенія. Онѣ танцовали отъ души, до упаду, до тѣхъ поръ пока музыка не замолкла, и готовы были танцовать еще.

Танцы кончились. Раскрасѣвшіяся и разгоряченныя дѣвушки разстѣлились отдыхать, гдѣ пришлось. Нѣкоторыя побѣжали на площадку напиться воды. Къ пьянню подошла молодая дѣвушка въ простомъ черномъ платьѣ. Это была консерваторка, общавшая слѣтъ что-нибудь для работницъ. Когда раздаась ея симпатичный голосъ, въ залѣ водворилась полная тишина. Многія дѣвушки начали подходить поближе къ пьянню. Консерваторка пѣла: «Ночевала тучка золотая». Ея голосъ хорошо звучалъ въ большой комнатѣ и среди господствовавшей тишины. Она кончила, а работницы все еще слушали. Рѣдко имъ приходилось слышать такое хорошее пѣніе. Только когда раздались аплодисменты дежурной, онѣ встрепенулись и присоединились къ нимъ, не жалѣя своихъ рукъ. Раздались голоса: «Бисъ! бисъ!» Консерваторка запѣла снова. Она пропѣла нѣсколько номеровъ, все время пользуясь большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Когда она кончила, на нее посыпалась благодарность со всѣхъ сторонъ. Она на время унесла всѣхъ этихъ бѣдныхъ, а нерѣдко и несчастныхъ работницъ, прочь отъ обычной сѣренькой обстановки и какъ будто показала имъ другой, болѣе счастливый и свѣтлый міръ. У многихъ во время ея пѣнія шевельнулись хорошія чувства и неясное желаніе чего-то лучшаго и болѣе совершеннаго. Вотъ около стѣны стоитъ молодая дѣвушка въ скромномъ платьѣ, съ интеллигентнымъ лицомъ. Она слушала пѣніе, притаивъ дыханіе. Она страстно любитъ музыку и пѣніе. Но до сихъ поръ ей приходилось слышать только грубыя фабричныя пѣсни и гармонику или уличную шарманку. Только начавъ посѣщать воскресныя собранія для работницъ, она поняла, что такое хорошая музыка и пѣніе. Она начала регулярно бывать здѣсь главнымъ образомъ изъ желанія наслаждаться звуками, которые вызывали въ ней самыя разнородныя чувства. Въ танцахъ она совсѣмъ не принимаетъ участія. Читаніемъ интересуется. Охотно беретъ книги изъ бібліотеки и посѣщаетъ чтенія съ свѣтовыми картинами. Но все-таки главная ея страсть—музыка и пѣніе. Хотя они нерѣдко напоминаютъ ей ея неприглядную жизнь: работу на фабрикѣ съ утра до вечера, въ душномъ помѣщеніи, среди грубыхъ товарищей; ея темный и сырой уголокъ, гдѣ нерѣдко раздается пьяная брань и происходитъ драка; напоминаютъ про цѣлые годы нужды и труда. Но что за бѣда? Зато во временахъ звуки увлекаютъ ее въ міръ забвенія, гдѣ ей становится свѣтло и радостно. Вотъ эти-то минуты и тянутъ ее сюда. Онѣ оживляютъ ее и здѣсь она черпаетъ новый запасъ энергіи для жизненной борьбы. Жизнь ея такъ не красна, что безъ поддержки трудно устоять противъ всякихъ соблазновъ.

Когда пѣніе кончилось, было уже около семи часовъ вечера. Теперь предстояло чтеніе по ролямъ. Нѣкоторые члены общества взяли на себя трудъ разучить нѣсколько комедій и потомъ прочитать ихъ работницамъ. Такъ какъ за это дѣло взялись умѣлыя лица, то чтеніе всегда отличалось большою живостью и интересовало работницъ. Послѣ пѣнія и танцевъ часть дѣвушекъ разошлась, но очень многія остались, чтобы слышать комедію. Въ это воскресенье была назначена «Женитьба» Гоголя. Многія посѣтительницы успѣли уже познакомиться съ этой комедіей изъ книгъ, но все-таки остались. Обстановка зала нѣсколько измѣнилась. На одномъ концѣ его поставили длинный столъ и стулья для чтицъ, а противъ нихъ—скамейки для слушательницъ. Но такъ какъ мѣстъ не хватало, то многимъ дѣвушкамъ пришлось помѣститься на подоконникахъ или стоять около стѣнъ. Читаніе шло оживленно. Роли были разучены хорошо и появленіе жениховъ, представляемыхъ ламами, вызвало громкій смѣхъ нетребовательной публики. Комедія слушалась до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. Веселость дѣвушекъ достигла апогея, когда женихъ

выпрыгнулъ изъ окна, спасаясь отъ невѣсты. Чтицы были награждены громкими и дружными аплодисментами.

Этимъ закончилось воскресное собраніе для работницъ. Было около девяти часовъ вечера. Всѣ посѣтительницы начали расходиться. Подойдя къ дежурной дамѣ, сидѣвшей на площадкѣ, онѣ говорили ей свой номеръ и получали билетъ, который онѣ были обязаны приносить сюда каждый разъ, когда приходили. Тихо и угрюмо стало въ пустомъ залѣ, который цѣлыхъ полдня оживлялся присутствіемъ веселой молодежи. Сторожа тушили лампы. Утомленныя дежурныя собирали и запирали различныя вещи. Онѣ ушли и въ помѣщеніи водворилась полная тишина и мракъ.

Женщина-врачъ М. И. Покровская.

Выставка картинъ В. М. Васнецова.

(Замѣтка).

В. М. Васнецовъ—художникъ настолько могучій и своеобразный, что каждое новое его произведеніе является происшествіемъ для той части русскаго общества, которая интересуется искусствомъ. Недавно всѣ говорили объ образахъ В. М. Васнецова въ кievскомъ соборѣ св. Владиміра *); въ настоящее время общее вниманіе сосредоточено на послѣдней большой его картинѣ «Богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ». Онъ трудился надъ нею съ перерывами около пятнадцати лѣтъ. Эта картина была приобрѣтена еще прошлою осенью въ галерею Третьякова, но петербургская публика могла увидѣть ее только теперь, на выставкѣ, открывшейся въ зданіи высшаго художественнаго училища въ первыхъ числахъ февраля. Къ «Богатырямъ» Васнецовъ присоединилъ рядъ сказочныхъ композицій (напоминающихъ по замыслу прежнія его картины въ древне-русскомъ вкусѣ—«Юверъ Самолеть», «Иванъ Царевичъ» и т. д.), пять портретовъ, пейзажъ «Затишье», иллюстраціи карандашемъ къ лермонтовской «Піснѣ о купцѣ Балашиниковѣ», а также акварельные рисунки для декораций и костюмовъ весенней сказки Островскаго «Снѣгурочка» и т. д.

Такимъ образомъ, эта выставка напоминаетъ мастерскую, гдѣ на ряду съ оконченными полотнами находятся бѣглые наброски, давнишніе эскизы, а на ряду съ хорошими вещами—плохія... Во всякомъ случаѣ, мы можемъ только поблагодарить художника за откровенность и не относиться черезчуръ строго къ неудачнымъ образчикамъ его кисти, тѣмъ болѣе, что талантъ иногда легче *разгадывается* именно въ произведеніяхъ менѣе совершенныхъ. Въ нихъ личныя особенности художника, составныя части его творчества становятся доступнѣе для насъ, подобно тому, какъ отдѣльные звуки слышны рѣзче въ диссонансѣ, чѣмъ въ стройномъ аккордѣ. Я имѣю главнымъ образомъ въ виду *портреты* Васнецова. Хотя и въ нихъ есть что то не заурядно-странное, что-то невольно приковывающее вниманіе, но всѣ они, почти безъ исключенія, очень плохи и по письму, и по краскамъ, и, главное, по рисунку. Они написаны однообразно, сухо, по ученически, и въ то же время съ расчетомъ на картинность, что ясно доказываетъ портретъ (Е. А. П.), изображающій дѣвushку въ короткомъ бѣломъ платьѣ около рояля и какого-то высокаго семисвѣчника, на фонѣ мавританскаго узорнаго ковра... Нѣтъ, Васнецовъ не портретистъ! Тамъ, гдѣ нужно покорно присматриваться къ природѣ, улавливая вѣдшее сходство, тамъ, гдѣ волей-неволей приходится подчинять, ограничивать свое воображеніе,

*) См. «Миръ Божій», 1898 г. Мартъ.

художникъ чувствуетъ себя не по себѣ; его рисунокъ дѣлается неувѣреннымъ, почти боязливымъ, и краски теряютъ свою силу. Зато, когда онъ не стѣсненъ рамками дѣйствительности, и передъ нимъ, какъ таинственное сновидѣніе, открывается волшебный міръ, міръ былинной старины или народной вѣры, сколько находчивости и смѣлой красоты въ его образахъ, какую вѣщую правдой вѣсть отъ нихъ!

Лучшая, по моему, картина на выставкѣ — «Витязь на распутѣ» (написанная въ 1867 году, а потому многимъ уже извѣстная). Илья Муромецъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, задумчиво остановился посреди поля и глядитъ, опустивъ поводья, на «горючъ камень», на которомъ видна загадочная надпись:

«Какъ приму ѣхати—живу не бывати,
Нѣту пути ни проѣхему, ни прохожему, ни пролетному»...

Онъ закованъ въ желѣзные доспѣхи; за спиною — кожанъ, длинное копье въ правой рукѣ и тяжелая палица. А у ногъ его на землѣ лежатъ человѣческой и лошадиной черепа — только вороны кружатъ надъ ними. Знать недавно здѣсь бился на смерть богатырь! Кругомъ степной просторъ, волнистая даль, покрытая густымъ лиловымъ туманомъ, да небо, залитое блѣдно-желтымъ сіяніемъ заката... Тутъ все (не говоря уже объ одинокой фигурѣ Ильи Муромца, который точно сроеся со своимъ конемъ въ ожиданіи) — эти сѣрые камни, разбросанные въ высокой травѣ, эти мертвыя кости, эти узкія, ползучія облака надъ горизонтомъ съ вырѣзами по краямъ и прощальные отсвѣты солнца, скользящіе по поверхности далекихъ озерковъ — все проникнуто одною думой, однимъ настроеніемъ, тихимъ, вѣщимъ... Картина даетъ полное впечатлѣніе дѣйствительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаляетъ ее въ какое-то чудесное прошлое...

Нельзя сказать того-же о «Трехъ Богатыряхъ». Меньше дѣльности въ нихъ и простоты, меньше сказочности и правды, однимъ словомъ — меньше поэзіи. Мы поражаемся разнѣрами холста, смѣлостью замысла, психологической разработкой типовъ; каждая фигура въ отдѣльности очень интересна и выразительна, а степной пейзажъ съ облачнымъ, вѣтреннымъ небомъ и холмами засѣянными ковылемъ — безукоризненъ... но *общее* картины не содержитъ того художественнаго обаянія, которое покоряетъ зрителя и безотчетно волнуетъ его душу. Глядя на картину, невольно думаешь: какой могучій, дѣйствительно былинный конь у Ильи Муромца! до чего властна и самоувѣренно покойна его посадка! Въ широкой груди его и немного сутулыхъ плечахъ такъ и чувствуется черноземная, несокрушимая сила. А у Алеши Поповича, какой хитрый блескъ въ глазахъ и какъ удачно подобрана къ нему эта буланая лошадка съ осторожно опущенной головою — и т. д. Можно занять нѣсколько страницъ замѣчаніями, касающимися наблюдательной вдумчивости художника и тонкой отдѣлки деталей; можно долго говорить о мастерствѣ его письма, о поразительномъ разнообразіи тоновъ, о выдержкѣ и расчетливости въ выборѣ красокъ, но нельзя отрицать того, что, несмотря на свои безспорныя достоинства, картина не вызываетъ въ насъ дѣльнаго настроенія. Въ сущности мы не знаемъ, или, вѣрнѣе, не сознаемъ, съ какою дѣлью съѣхались на поле эти три молодца, выстроенные въ рядъ; мы не чувствуемъ связи между ними; нашъ взглядъ переходитъ съ одного богатыря на другого, и не улавливаетъ общаго аккорда картины. Если Васнецовъ хотѣлъ представить «богатырскій выѣздъ на бой», то это ему не вполне удалось. Въ «Богатыряхъ» слабо выражено ожиданіе боя; каждый изъ нихъ точно выѣхалъ на показъ и занятъ своими мыслями. Такъ, напр., глядя на Добрыню Никитича, трудно рѣшить, обнажаетъ-ли онъ свой мечъ, собираясь встрѣтить врага, или, наоборотъ, спокойно вкладываетъ его въ ножны, и хотя у снѣжно-бллаго коня его развѣвается хвостъ и раздуты ноздри, какъ это обыкновенно бываетъ при ржаніи, все-таки зритель не предчувствуетъ грозящей опасности, близкой тревоги... Относительно Добрыни Никитича въ частности лишь ка-

жется, что, не будь его вовсе или находишь онъ на второмъ планѣ картины, послѣдняя значительно-бы выиграла. Сама по себѣ его фигура, бесспорно, такъ же хороша, какъ остальные, но я убѣжденъ, что художникъ отчасти сознавалъ его ненужность и долго соображалъ и примѣривалъ, какимъ образомъ лучше его помѣстить.

Чѣмъ же объясняются эти недочеты? Быть можетъ, тѣмъ, что Васнецовъ не столько желалъ изобразить *эпизодъ* изъ сказочнаго древне-русскаго быта, сколько—создать три *эпическихъ портрета*, причемъ, направляя все вниманіе на нравственный обликъ своихъ героевъ, онъ выдержалъ до малѣйшихъ подробностей ихъ типы и придалъ имъ торжественную неподвижность эпоса. Быть можетъ, онъ правъ... Но, съ другой стороны, элементъ сказочный выраженъ въ «Богатыряхъ» съ гораздо меньшимъ вдохновеніемъ, чѣмъ въ упомянутомъ «Витязѣ на распутьи» или въ двухъ другихъ картинахъ выставки «Сиринъ и Алконостъ—птицы пѣсни радости и печали» и «Гамаюнъ—птица вѣщая». Особенно хороша птица печали по мощи производимаго впечатлѣнія, по символичности образа. У нея женская темнокудрая голова, покрытая кошикомъ, на птичьемъ туловищѣ; вмѣсто рукъ—черныя косматыя крылья съ зеленоватымъ отливомъ, и лапы съ когтями. Бя мертвенно-блѣдное, заплаканное лицо и мавить насъ, и отталкиваетъ свою болѣзненную красоту, и какимъ чудеснымъ дополненіемъ къ нему кажутся эти мрачныя крылья и когтистыя лапы! Да, передъ нами «пѣсня печали», неутѣшная, страстная, жестокая пѣсня! Мнѣстическій образъ «Птицы радости» менѣе удаченъ. Выраженіе ся лица—не естественное и въ сущности далеко не веселое. Въ ея улыбкѣ тоже что-то напряженное, больное. Не сдѣлалъ ли такъ художникъ намѣренно? Вѣдь и въ самыхъ веселыхъ звукахъ нашей народной пѣсни всегда таится грусть.

Остановимся еще на томъ, съ какою заботливостью выбираетъ Васнецовъ *краски* для передачи различныхъ настроеній. У него краски сами по себѣ становятся иногда символичными, такъ же, какъ у нѣкоторыхъ поэтовъ—отдѣльные звуки словъ, что весьма характерно для современнаго искусства. Теперь художники, тяготя къ мистицизму, начинаютъ все одухотворять, даже цвѣтъ. Я укажу хотя бы на сѣбло-пунцовый фонъ позади «Алконоста», грустный, какъ небо въ часъ заката, и переходящій за птицей-Сириномъ въ радостный, золотистый блескъ утренняго солнца. (Подобный же символизмъ красокъ содержали и фрески Васникова во владимірскомъ соборѣ). Что касается «Гамаюна», или птицы вѣщей, то она составляетъ очень неожиданное и странное впечатлѣніе. Это уже образъ чисто индивидуальный съ ногъ до головы, образъ, не поддающійся анализу, загадка...

Упомянемъ еще вкратцѣ о другихъ произведеніяхъ выставки. Пейзажъ «Затишье»—прекрасенъ. Густая, лѣтняя зелень, сонныя деревья надъ прудомъ, лебеди, отраженные въ водѣ, низкій берегъ съ одинокой женскою фигурой, голубая дымка воздуха—все это дышитъ лѣтнимъ покоемъ русской усадьбы и напоминаетъ намъ описанія Тургенева... Акварели Васнецова для «Свѣгучрочки» представляютъ громадный археологическій и бытовой интересъ. До него никто и не воображалъ себѣ такихъ костюмовъ и архитектурныхъ вымысловъ (напр. «Палата царя Берендея», «Мизгирь—торговый гость», «Скоморохи и Бобылха»). Отдѣльные типы дѣйствующихъ лицъ задуманы въ высшей степени живописно и притомъ съ большимъ юморомъ.

Вообще, можно сказать, что русская сказка, нашедшая давнымъ-давно своихъ поэтовъ, нашла наконецъ въ лицѣ Васнецова своего художника.

С. Мановскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодъ среди переселенцевъ. «Сибирская жизнь» описываетъ тяжелое положеніе западной степной части Баянского округа, гдѣ наиболѣе пострадали отъ голода 25 переселенческихъ поселковъ.

Мѣстность эта представляетъ «степную, лишенную проточныхъ водъ, равнину, значительная часть которой занята солонцами. До проведенія желѣзной дороги, лѣтъ 7—8 назадъ, чинамъ переселенческаго отряда не приходила въ голову мысль о возможности образованія въ этой мѣстности переселенческихъ участковъ, но желѣзная дорога и увеличившееся движеніе переселенцевъ создали потребность въ заселеніи этой еще такъ недавно пустынной мѣстности. Общее экономическое положеніе образовавшихся въ этой мѣстности 15 поселковъ, населеніе которыхъ составляетъ 2.529 семей изъ 15.765 чел. об. п., еще весьма не прочно, тѣмъ болѣе, что 409 семействъ изъ нихъ, т. е. около $\frac{1}{6}$ части, водворились лишь въ минувшемъ 1898 году. Такъ, изъ числа всѣхъ 2.529 сем. 60 не имѣютъ никакого скота, 161 семья не имѣетъ лошадей, 98 сем. не сѣяли никакого хлѣба, 1.686 семей не сѣяли ржи, 83 семьи не сѣяли пшеницы и 773 семьи не сѣяли овса. Непрочность хозяйственного устройства дала возможность приготовить для посѣва и засѣять лишь незначительное пространство полей. Недостатокъ живаго и мертваго инвентаря (лошадей, земледѣльческихъ орудій и проч.) и хорошихъ сѣмянъ у переселенцевъ несомнѣнно былъ причиной худшаго урожая хлѣбовъ въ указанныхъ 25 поселкахъ, чѣмъ въ окружающихъ старожильческихъ селеніяхъ, помимо засухи. Изъ такого урожая жители этихъ поселковъ не могли и думать заготовить сѣмянъ для посѣва будущей весной, такъ какъ собраннаго количества хлѣба врядъ ли достанетъ для продовольствія, а при плохомъ качествѣ зерна оно и не могло быть пригоднымъ для посѣва. Къ счастью, на это обращено было вниманіе, на приобрѣтеніе сѣмянъ отпущена необходимая сумма и закупка уже производится. На удовлетвореніе продовольственныхъ нуждъ частью уже выдано, а частью обѣщано выдать денежное пособіе. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что жители означенныхъ 25 поселковъ острой нужды не испытываютъ, а весной будутъ имѣть возможность засѣять свои поля».

Положеніе ремесленныхъ учениковъ въ Мосювѣ. Одно изъ московскихъ городскихъ попечительствъ, Пречистенское, предприняло въ прошломъ году изслѣдованіе ремесленныхъ мастерскихъ въ своемъ участкѣ, съ цѣлью выяснить условія быта и труда, такъ называемыхъ «учениковъ» этихъ заведеній.

Въ районѣ Пречистенскаго попечительства находится всего 241 ремесленныхъ заведеній, но, по справедливому замѣчанію московской газеты «Курьеръ», откуда мы и заимствуемъ наши свѣдѣнія, «полученныя ими данныя могутъ считаться типическими для всѣхъ районовъ Москвы». Изслѣдованіе произведено

по особо выработаннымъ, совмѣстно съ статистическимъ отдѣленіемъ городской управы, переписнымъ бланкамъ двойной формы: особые бланки для описанія заведеній и личныя карты для каждаго ученика въ отдѣльности.

Результаты изслѣдованія оказались очень любопытными, и мы, въ краткихъ чертахъ, познакоимъ съ ними нашихъ читателей. Прежде всего бросается въ глаза значительный процентъ дѣтей и подростковъ, занятыхъ въ ремесленныхъ мастерскихъ: «изъ числа 1.662 человекъ, занятыхъ въ приведенномъ числѣ мастерскихъ—на долю мастеровъ и подмастерій приходится 970 чел., а на долю учениковъ—697 чел. Огромный процентъ послѣднихъ (91,6%) оказывается живущими у хозяевъ и только 8,4%—приходящими. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ, если принять во вниманіе тѣсноту занимаемыхъ мастерскими помѣщеній (340 комнатъ на 241 мастерскую и 91,4 куб. метра объема въ среднемъ на каждую). Согласно требованіямъ гигиены, каждому человеку необходимо располагать 25 куб. метрами воздуха при идеальной вентиляціи, т.-е. при обмѣнѣ воздуха 3 раза въ часъ. Качество воздуха мастерскихъ станетъ яснѣе, если мы скажемъ, что въ этихъ заведеніяхъ приходится на каждаго рабочаго въ среднемъ только 20,2 куб. метра, падающихъ до 10,7 у сапожниковъ и до 10,3 у переплетчиковъ. При такомъ-то количествѣ воздуха на каждую мастерскую приходится въ среднемъ менѣе одной форточкы, а въ частности 37 заведеній вовсе не имѣютъ таковыхъ, и притомъ такія мастерскія, какъ сапожныя (16 изъ 44). Лишены мастерскія и свѣта, особенно въ подвальныхъ этажахъ (24,6% мастерскихъ помѣщаются въ подвальныхъ и полуподвальныхъ квартирахъ—особенно часто сапожныя (16), малярныя (6 изъ 9) и паяльныя, слесарныя и водопроводныя), гдѣ попадаютъ даже случаи искусственнаго освѣщенія днемъ. Отопленіе въ 47,2% мастерскихъ производится голландскими, въ 41,2%—русскими печами, въ 7,4%—железными, но встрѣчаются примѣры согрѣванія помѣщенія каминномъ, плитой для варки клея и даже маленькимъ горномъ (4 слесарни)».

«Бурьеръ» приводитъ описаніе нѣкоторыхъ мастерскихъ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ цифръ. Вотъ для образца описаніе слесарнаго заведенія, характеризующее санитарное состояніе мастерской: «Мастерская помѣщается въ полуподвальномъ этажѣ, не отапливается, существуетъ только небольшой горнъ, отъ котораго постоянно распространяется угарь; поэтому приходится отворять окна, вслѣдствіе чего температура въ мастерской, и безъ того не высокая, сильно понижается, такъ что въ зимнее время разница между температурой на улицѣ и въ мастерской не велика; черезъ имѣющіяся два небольшія окна свѣгу входитъ недостаточно, поэтому необходимо искусственное освѣщеніе; полъ земляной, посыпанъ пескомъ, сырость неизбежна». И въ такихъ-то помѣщеніяхъ (замѣчаютъ отчетъ) приходится не только работать, но и ѣсть и даже спать. Ыдять ученики въ 46% описанныхъ мастерскихъ, а спать въ 56,2% всѣхъ мастерскихъ; особенно часто встрѣчается это у мужскихъ портныхъ, у сапожниковъ и у столяровъ. Спать ученики на тѣхъ же верстакахъ и столахъ, на которыхъ днемъ работаютъ. Въ другихъ случаяхъ спать въ комнатахъ хозяина, въ кухнѣ, корридорѣ, полѣ лѣстяницей и т. п. Не лучше положеніе тѣхъ учениковъ, которые спятъ въ отдѣльныхъ спальняхъ; таковыя имѣются только въ 72 заведеніяхъ. Здѣсь среднее количество воздуха составляетъ 13,3 куб. метра, опускающееся по отдѣльнымъ родамъ заведеній до 7 куб. метровъ, у полоторовъ до 3,4 к. м., а у прачекъ даже до 2,6 куб. метра на человека, причемъ 21 спальня вовсе не имѣетъ форточекъ, 18% спаленъ не имѣетъ даже оконъ. «Спальни» описываются такимъ образомъ: «Спальня учениковъ отдѣлена отъ мастерской перегородкой только до половины, ученики спятъ на нарахъ и на скамейкахъ, постель страшно грязная и на первый взглядъ представляетъ кучки лохмотьевъ; воздухъ пропитанъ промозглой сыростью» (въ мастерской вмѣсто

печи горнъ). «Спальня, гдѣ ночуютъ 2 мальчика, представляетъ небольшую темную, страшно сырую каморку. Со стѣны струится вода. Спать на нарахъ, отстоящихъ на 1 аршинъ отъ земли. Подстилки незамѣтно. Валяется тамъ какое-то отрепье». «Помѣщеніе—сырое, напоминающее погребъ, съ удушливой, несмотря на часто отворяемую дверь, атмосферой, отъ производящихся тутъ работъ (заведенію лудильное). На полу лужи. Ученики спятъ тутъ же на нарахъ, съ соломенными грязными матрацами, прикрываясь собственнымъ своимъ верхнимъ платьемъ, очевидно, не раздѣваясь».

Относительно продолжительности рабочаго дня сообщается, что въ среднемъ «число рабочихъ часовъ въ сутки для мастерскихъ всѣхъ специальностей равняется $13\frac{1}{2}$, а за вычетомъ всѣхъ перерывовъ—11,7 часовъ чистой работы. Въ частности, у полотеровъ эта средняя понижается до 8,6 чистой работы, а въ заведеніяхъ бондарныхъ, рамочныхъ и токарныхъ повышается до 12,9 ч. чистой работы. По отдѣльнымъ заведеніямъ (напр., въ одной булочной) ученики работаютъ, не считая перерывовъ, по семнадцати часовъ въ сутки, причемъ въ булочныхъ вообще допускается для малолѣтнихъ ночная работа; у прачекъ и сапожниковъ весьма нрѣдко встрѣтить чистую работу въ $14\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки».

Что касается до степени образованія, то «грамотность учениковъ значительно выше грамотности хозяевъ: грамотныхъ учениковъ—80,7%, а хозяевъ только 25,8%. Однако, описанныя условія жизни учениковъ не могутъ содѣйствовать поддержанію грамотности: въ 11 случаяхъ среди нихъ обнаружены рѣдидивъ безграмотности».

Принимая во вниманіе всѣ эти данныя, рисующія поистинѣ ужасное положеніе малолѣтнихъ ремесленныхъ учениковъ, нельзя удивляться тому, что они постоянно пополняютъ собою ряды «малолѣтнихъ преступниковъ» и всѣ исправительные приюты переполнены ими.

На астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. Московскій журналъ «Знамя», обращаетъ вниманіе читающей публики на положеніе рабочихъ на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. «Давно уже указывалось на необходимость законодательнаго улоядоченія положенія дѣлъ на астраханскихъ промыслахъ», говоритъ астраханскій корреспондентъ этого журнала. «Принципъ государственнаго вмешательства, такъ или иначе осуществленный въ сферѣ обрабатывающей промышленности, совсѣмъ еще не проникъ въ темное царство астраханской рыбопромышленности, а между тѣмъ нигдѣ такъ не сказывается необходимость государственнаго воздѣйствія. Разсчитывать на свободную инициативу, во всякомъ случаѣ, не приходится. Съ одной стороны мы видимъ группу хозяевъ и хозяйчиковъ, которые, чтѣ естественно и понятно, заняты преслѣдованіемъ только своихъ интересовъ; съ другой стороны, передъ вами темная и безсознательная масса, постигающая значеніе принимаемыхъ ею на себя обязательствъ (иногда прямо чудовищныхъ) только въ камерѣ судьи. Этотъ сумбуръ отношеній, ясное дѣло, невозможенъ».

«Трудящаяся масса должна быть поставлена въ болѣе правильное отношеніе къ производству. Этого требуютъ какъ интересы лицъ, трудящихся на рыбныхъ промыслахъ, такъ и интересы самого промысла, такъ какъ очевидно, что пока будутъ возможны такіе фантастическіе рабочіе контракты, какъ нижеприводимый, не можетъ быть и рѣчи объ улоядоченіи производства и устраненіи хищничества, составляющаго бичъ нашей рыбопромышленности».

Вотъ что сообщаетъ астраханскій корреспондентъ «Знамени»:

«3 сентября 1897 г., временный купецъ уѣзднаго городка Б., Астраханской губ., г. Ш., подавъ в—ому исправнику жалобу на своихъ работницъ, которыя внезапно прекратили работы, удалились съ промысла и временно оста-

новились въ К., намѣреваясь вскорѣ отправиться на родину, въ сосѣдній уѣздъ. При этомъ г. Ш. просилъ напомнить рабочимъ тѣ пункты ихъ договора согласно которымъ они обязаны возратить взятые ими въ задатокъ деньги и лишаются, въ видѣ штрафа, всего заработаннаго ими. Спрошенныя работницы заявили, что никакого договора онѣ не заключали, и содержатся ли въ немъ условія, на которыя имъ указываютъ, онѣ не знаютъ. Такъ какъ возникло обвиненіе въ подлогѣ контракта, пришлось потребовать его. Вотъ точная копія:

«1897 г. іюля 10 дня. Мы нижеподписавшіяся крестьянки Астраханской губ., Е—скаго у., Н—ой волости и села и к—ій временный купецъ А. Н. Ш. заключили настоящее условіе въ томъ, что мы, крестьянки, числомъ 35 чел., нижепоименованныя въ списокѣ, нанялись къ нему, Ш., на его собственный рыболовный промыселъ, подъ названіемъ «К—ъ» для производства промысловыхъ работъ въ теченіе всей осенней путины сего 1897 года на слѣдующихъ условіяхъ:

«1. Срокъ нашей работы на вышесказанномъ промыслѣ долженъ быть съ 1 августа и по 1 января с. г.; цѣною мы договорились получать отъ него, Ш., на каждую женщину по 7 руб. 50 к., т. е. по 22 р. 50 к. за весь вышесказанный срокъ.

«2. Всѣ мы должны повиноваться и производить работу по приказанію его, Ш., или его служащихъ беспрекословно; въ случаѣ, если кто-либо изъ насъ пожелаетъ уйти съ промысла раньше 1 ноября, безъ дозволенія, то это лицо лишается всего заслуженнаго имъ жалованья, но если же Ш. найдетъ нужнымъ расчитать кого-либо изъ насъ и уволить съ промысла, то онъ, Ш., имѣетъ на это полное право.

«3. Рѣзать обязана каждая изъ насъ ежедневно 1.200 рыбъ; если же сверхъ этого будетъ нарѣзано рыбы, то онъ, Ш., платитъ намъ за каждую, сверхъ вырѣзанную тысячу рыбъ по 40 коп.

«4. Работать мы обязаны съ *раннью утра до двѣнадцати часовъ ночи*; если кто-либо изъ насъ во время работы не послушается приказа хозяина или его служащихъ, то въ первый разъ подвергается штрафу въ размѣрѣ 50 коп., а во 2-й разъ—до одного рубля; за каждый прохворный день—въ размѣрѣ слѣдуемой платы.

«5. Въ случаѣ, не дай Богъ, могущаго произойти несчастія съ кѣмъ-либо изъ насъ на промыслѣ, *то онъ, Ш., отвѣчать за это не долженъ.*

«6. Положеніе полагается каждой изъ насъ слѣдующее: по 2 ф. черного хлѣба, по 1 ф. калача каждый день, по $\frac{1}{2}$ ф. чаю русскаго и по 2 ф. сахару въ мѣсяцъ, рыбы для варки на свое продовольствіе мы должны брать мелкой и съ дозволенія на то плотоваго приказчика.

«7. Въ задатокъ при заключеніи сего условія каждая изъ насъ получаетъ по 3 руб., въ случаѣ, если кто-либо изъ насъ, получивъ задатокъ, не явится въ назначенное время на работу, то, кромѣ немедленнаго возврата задатка, платитъ еще штрафъ, въ размѣрѣ 5 рублей. Печать волостного правленія, подписи старшины и писаря».

Вслѣдствіе обвиненія Ш. въ подлогѣ договора, допрошены были рабочія. Подтвердивъ прежнее заявленіе, онѣ такъ объяснили причину своего бѣгства съ промысла: «хлѣба давали мало, всего по 2 фунта. Ушли всѣ онѣ съ работы потому, что Ш. съ ранняго утра до 12 час. ночи заставляетъ работать, не давая отдыха. Возвращаться на работы къ Ш. не желаютъ».

Затѣмъ оказалось, что договоръ отъ имени г. Ш. заключенъ его приказчикомъ, который показалъ, между прочимъ, что при чтеніи условія въ волостномъ правленіи, условія, заключеннаго якобы 36 женщинами, налицо находилось послѣднихъ лишь 12 человекъ. Допрошены были всѣ женщины, отъ имени которыхъ былъ подписанъ контрактъ; при этомъ многія изъ нихъ заявили, что

онѣ дали свое согласіе на заключеніе договора въ то время, когда получали у себя на квартирѣ задатокъ отъ подрядчицы; инныя заявили, что онѣ слышали чтеніе договора и согласились на его условія вполне сознательно. Одна мать говорила, что она «отпустила дочь свою на работу, не зная условія, полагаясь на подрядчицу, что обыкновенно и практикуется при наймахъ на ватаги».

Нѣкая Федосья Р. показала, «что задатка она не получала и въ волостномъ правленіи при заключеніи условія не была», такъ какъ находилась въ то время на покосѣ. «Задатокъ за нее и сестру ея Олимпиаду получила ихъ мать. Прочитали ли въ волости матери условіе, этого она не знаетъ и расписываться за себя въ этомъ условіи никого не просила». Мать этихъ злополучныхъ дѣвушекъ Татьяна Р. признавалась, что она получила задатокъ за себя и дочерей, слышала чтеніе договора и просила расписаться за себя и дочерей.

«Такъ какъ возникла мысль о преступленіи по должности со стороны волостныхъ старшины и писаря, то дѣло погупило на разсмотрѣніе подлежащаго земскаго начальника, который, констатировавъ, какъ несомнѣнный, тотъ фактъ, что 13 изъ женщинъ, за которыхъ былъ заключенъ договоръ, не участвовали въ его составленіи и не заявляли согласія на тѣ условія, которыя оказались обозначенными въ контрактѣ, не напелтъ, однако, возможнымъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, признавъ достаточнымъ оправданіемъ ихъ дѣйствій спѣшность, съ какою заключался договоръ».

Въ сибирской тайгѣ. Въ pendant къ только что приведенному «контракту», заключенному астраханскимъ рыбопромышленникомъ со своими работниками, приведемъ образцы контрактовъ, заключаемыхъ въ южной сибирской тайгѣ на золотыхъ приискахъ, пользуясь письмомъ инженера Н. Г. въ «Сибирской жизни», перепечатанномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Контрактъ, о которомъ идетъ рѣчь, не писанный, а печатный, что указываетъ на то, что это — общая форма контрактовъ, по крайней мѣрѣ для всѣхъ присковъ южной тайги.

Статья третья контракта гласитъ: «Работы по назначенію управленія или служащихъ, мы, наняшіеся, обязуемся производить ежедневно, не смотря ни на какую погоду и время года, съ 4-хъ утра и до 8 час. вечера, полагая на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ столько времени, чтобы дѣйствительное число рабочихъ часовъ въ день при односѣнной работѣ было не менѣе 11½ часовъ, причемъ время на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ назначается управленіемъ». Законъ 2-го Іюня 1897 года устанавливаетъ максимумъ продолжительности рабочаго дня въ 11½ часовъ, въ приведенной же статьѣ разсматриваемаго контракта этотъ максимумъ какими-то неисповѣдимыми путями сдѣланъ минимумомъ. «Не менѣе 11½ часовъ» должна продолжаться работа, гласитъ этотъ любопытный документъ. «Да не опечатка-ли это», невольно приходитъ на умъ. Но нѣтъ, при болѣе внимательномъ анализѣ этого пункта, эта обмолвка становится болѣе понятной. Рабочіе «обязуются производить работы ежедневно, не смотря ни на какую погоду и время года, съ 4-хъ часовъ утра и до 8 час. вечера». Всякій, мало-мальски знакомый съ работами на приискахъ, знаетъ, что на «завтракъ, обѣдъ и на ужинъ» полагается около 2 часовъ; такимъ образомъ, продолжительность работъ, за вычетомъ 2 часовъ на обѣдъ и проч., по контракту—14 часовъ! Это по контракту, а если не стѣсняются печатать такія цифры, то можно себя представить, что дѣлается на самихъ приискахъ, лишенныхъ всякаго безпристрастнаго надзора. И, дѣйствительно, сплошь и рядомъ рабочихъ будятъ въ три часа утра и заставляютъ работать часовъ до 9—10 вечера: это достигается непомѣрно большими «уроками», несмотря на то, что практикующаяся вездѣ поурочная система работъ явно

противорѣчить основному смыслу закона 2 іюня 1897 года, требующаго безъ всякихъ оговорокъ 11^{1/2} часовъ работы въ день.

Воскресеній у рабочихъ-пріискателей нѣтъ; въ четвертомъ пунктѣ читаемъ, между прочимъ: «съ 1 апрѣля и по 1 октября каждый изъ насъ имѣетъ право пользоваться отдыхомъ два дня каждый мѣсяцъ по очереди и въ назначенные управленіемъ дни, кромѣ находящихся при постоянныхъ должностяхъ, какъ-то: при уходѣ за лошадьми и скотомъ, караульные и т. д.». Такимъ образомъ рабочіе «имѣютъ право» пользоваться отдыхомъ два дня каждый мѣсяцъ. но даже и это маленькое «право» сильно редуцируется однимъ, чрезвычайно характернымъ для золотопромышленниковъ, примѣчаніемъ въ восьмомъ пунктѣ контракта. Этотъ пунктъ устанавливаетъ заработную плату рабочихъ и кончается заявленіемъ рабочихъ, что «мы», молъ, получаемъ столько-то рублей въ мѣсяцъ, «считая полное число дней каждого мѣсяца. За всѣ льготные дни мы платы не получаемъ». Имѣтъ, слѣдовательно, послѣ 2-хъ-недѣльной упорной работы день 'отдыха считается «льготой», и рабочій, рѣшившійся воспользоваться своимъ проблематическимъ «правомъ», теряетъ плату за два дня въ мѣсяцъ. Неужели это гдѣ-либо видано, чтобы у рабочаго вычитывали изъ жалованья за дни отдыха, на которые онъ имѣетъ безусловно право по закону? Законъ 2 іюня обезпечилъ празднованіе воскресеній, къ сожалѣнію, только рабочимъ фабрикъ и механическихъ заводовъ, а между тѣмъ, рабочіе золотыхъ промысловъ тоже чрезвычайно нуждаются въ уменьшеніи интерваловъ постоянной работы: вѣдь работа пріискателя одна изъ самыхъ изнурительныхъ и тяжелыхъ!

Двѣнадцатый пунктъ такой: «во все время нахождения на промыслахъ мы, наняшіеся, должны вести себя честно, и не пьянствовать, въ карты и другія азартныя игры не играть, ссоръ и дракъ не затѣвать, отъ работъ назначенныхъ не уклонятся, задаваемые уроки выработывать, съ промысловъ NN даже и въ свободное отъ работъ время самовольно не отлучаться и постороннихъ къ себѣ безъ разрѣшенія управленія не принимать, быть въ полномъ повиновеніи управленію и служащимъ его не грубить, въ противномъ же случаѣ управленіе имѣетъ право штрафовать насъ по тому же табелю съ запискою въ расчетныя наши книжки для отработки, какъ и за каждый самовольный прогульный день. Отнюдь не заниматься никакою торговлею, а тѣмъ болѣе спиртными напитками подъ страхомъ законной отвѣтственности». Рабочіе, слѣдовательно, обязываются «выработывать задаваемые уроки даже и въ свободное отъ работъ время», т. е., и послѣ 8 час. вечера, очевидно.

Нечего и говорить, что компанія выговариваетъ себѣ право увольнять рабочихъ, «которые терпимы быть не могутъ на промыслахъ, по разнымъ причинамъ», ранѣе срока, указаннаго въ контрактѣ; рабочіе же ранѣе этого срока «требовать увольненія отъ работъ или оставить таковыя» не могутъ.

Чтобы обезпечить себѣ торговую монополію на промыслахъ, компанія устанавливаетъ такой пунктъ: «требовать выдачи намъ денегъ въ срединѣ операціи отъ управленія мы не имѣемъ права и всю слѣдующую намъ додachu получаемъ одновременно на другой день срока сему контракту въ день общаго расчета» (пунктъ 18).

Не лишень интереса и пятый пунктъ контракта: «если бы управленію промыслами для пользы дѣйствій промысловъ, встрѣтилась надобность вести работы днемъ и ночью—мы, наняшіеся, отказываться не имѣемъ права, придерживаясь узаконеннаго продолженія времени ночныхъ рабочихъ часовъ въ сутки. Въ случаѣ надобности управленію NN, оно можетъ переводить насъ во всякое время съ одного пріиска на другой, разрабатываемый въ томъ же горномъ округѣ». Здѣсь многозначительно умалчивается о томъ, что законъ 2 іюня установилъ продолжительность ночныхъ работъ въ 10 часовъ; переводъ

же рабочихъ «во всякое время съ одного пріиска на другой» явно противорѣчить правиламъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, утвержденнымъ 20 февраля 1895 г.

Цѣны на рабочія руки контрактомъ назначаются слѣдующія: со дня поступления по 1 мая: забойщикамъ по восемнадцати рублей, а возчикамъ и другимъ рабочимъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ и съ 1 мая по 1 ноября: забойщикамъ по двадцати восьми рублей, возчикамъ и другимъ рабочимъ по двадцати два рубля въ мѣсяцъ, конечно, рабочіе должны сами содержать себя, т.-е., покупать провизію въ пріисковыхъ лавкахъ, держать своего кашевара, хлѣбопечку и проч. Есть и оговорка: «Если же мы, нанявшіеся, будемъ находиться на готовомъ содержаніи отъ управленія пріисками, то получаемъ плату по 1 мая: забойщикамъ по десяти рублей, возчикамъ и при другихъ работахъ по восьми рублей въ мѣсяцъ, а съ 1 мая по 1 ноября: забойщикамъ по двадцати рублей, возчикамъ и при другихъ работахъ по восемнадцати рублей; галечникамъ, ефельщикамъ и отвальнымъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, считая полное число дней каждаго мѣсяца. За всѣ льготные дни мы платы не получаемъ».

Земляныя работы «для обоюднаго удобства», оказывается, «должны производиться урочно». Объ этомъ повѣствуется въ 14 пунктѣ слѣдующее: «для обоюднаго удобства въ земляныхъ работахъ, онѣ должны производиться урочно, уроки задаваемой работы должны мы выработывать ежедневно и не вправѣ самовольно прекратить и уйти съ нихъ, пока таковыя не будутъ приняты смотрителемъ работъ. За невыработку уроковъ управленіе имѣетъ право дѣлать вычетъ изъ нашего заработка, какъ указано въ правилахъ, согласно 52 ст. о наймѣ рабочихъ».

Въ заключеніе г. Н. Г. высказываетъ тоже пожеланіе, какое было высказано корреспондентомъ «Знамени» относительно рыбныхъ промысловъ, а именно, чтобы «исполнительныя и законодательныя власти обратили должное вниманіе на всѣ эти нарушенія законовъ золотопромышленниками, вошедшія у нихъ уже въ обыкновеніе, благодаря отсутствію на промыслахъ фабричныхъ инспекторовъ».

Духоборы въ Канадѣ. Въ виду особаго интереса, представляемаго переселеніемъ 10.000 русскихъ сектантовъ въ Канаду, перепечатаемъ корреспонденцію «Сына Отечества» о прибытіи ихъ въ Америку.

«На дняхъ, — говоритъ корреспондентъ «Сына Отеч.», — мнѣ пришлось встрѣтиться въ Лондонѣ съ однимъ изъ членовъ квакерскаго комитета, организованнаго для помощи духоборамъ, переселяющимся въ Канаду. Онъ сообщилъ мнѣ о прибытіи въ Канаду первой партіи духоборовъ и снабдилъ меня нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями и вырѣзками изъ канадскихъ газетъ, описывающихъ прибытіе духоборовъ въ Канаду. Такъ какъ переселеніе почти 10.000 человѣкъ въ Америку представляетъ, кажется, первый случай въ исторіи Россіи, я думаю, читателямъ будетъ не безынтересно узнать о томъ впечатлѣніи, какое произвели наши крестьяне-сектанты на заатлантическихъ нашихъ друзей.

«Вотъ что писать по этому поводу корреспондентъ канадскаго «Herald»:

«Лица, получившія разрѣшеніе отправиться на шлюпкѣ въ карантинъ для встрѣчи парохода «Lake Nigon», привезшаго духоборцевъ, были свидѣтелями сцены, которую трудно позабыть. Духоборы, столпившіеся на верхней палубѣ парохода, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли на приближавшуюся шлюпку. Едва ли кому-либо изъ нихъ приходилось раньше встрѣчаться съ иностранцами, и потому понятно, что они должны были съ извѣстнымъ любопытствомъ присматриваться къ новому для нихъ народу, съ которымъ они рѣшили соединить свою судьбу. Когда шлюпка приблизилась къ пароходу, надъ волнами Атлантики пронеслись мощные звуки пѣсни: духоборы пѣли благодарственный псаломъ,

производившій впечатлѣніе могущественнаго хора, поющаго «Тебѣ Бога хвалимъ», но разобрать слова псалма могли, конечно, лишь лица, знакомыя съ русскимъ языкомъ. Одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что псаломъ начинается словами: «Богъ съ нами и Онъ сохранитъ насъ»; нельзя не признать, что слова псалма вполне соответствовали счастливому окончанію долгаго путешествія, въ особенности если принять во вниманіе, что пароходамъ гораздо лучшей конструкціи, чѣмъ «Lake Niagon», пришлось не мало вытерпѣть отъ бурь, бушевавшихъ въ это время на Атлантикѣ.

«Зрѣлище, дѣйствительно, было очень живописное. Вода, блиставшая подъ яркими лучами солнца, была гладка, какъ зеркало, и двѣ тысячи духоборовъ, столпившихся на палубѣ, производили впечатлѣніе компаніи людей, выѣхавшихъ на прогулку. Переселенцы были хорошо и тепло одѣты. Мужчины и мальчики были одѣты въ полушубки и шапки изъ козьяго мѣха, а женщины—въ юбки ярко-краснаго или голубого цвѣта, тяжелые жакеты и цвѣтные головные платки. Когда буксирная шлюпка съ правительственными, желѣзнодорожными и пароходными чиновниками, представителями прессы и пр. приблизилась къ пароходной лѣсенкѣ, духоборы съ любопытствомъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ. Пѣвнѣе все время не смолкало.

«Не доходя до парохода, м-ръ Вольфъ (мѣстный пароходный агентъ) окликнулъ капитана «Lake Niagon»: «Все ли благополучно?»

«— Все въ порядкѣ!—донесли до насъ отвѣтъ съ капитанскаго мостика, и вскорѣ затѣмъ санитарный чиновникъ далъ разрѣшеніе войти на пароходъ. Всѣ наперерывъ бросились къ сходнямъ. Санитарный чиновникъ заявилъ, что могутъ войти лишь м-ръ Смартъ (помощникъ канадскаго министра внутреннихъ дѣлъ) съ его штабомъ и русскій переводчикъ, но вскорѣ на пароходъ разными путями проникли сначала представители прессы, а вслѣдъ за ними и другіе посѣтители.

«Духоборы служили предметомъ общаго любопытства и возбудили общее восхищеніе. Они выглядятъ очень хорошо; особенно бросаются въ глаза ихъ честныя лица и могучее тѣлосложеніе. Даже дѣти, которыхъ масса, самыя разнообразныхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ младенцевъ, представляютъ настоящее олицетвореніе здоровья. Вообще, молодежь преобладаетъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Онъ былъ дѣятеленъ, какъ юноша, и счастливъ, какъ женихъ, несмотря на свои 85 лѣтъ. Другимъ лицомъ, привлекавшимъ вниманіе, была молодая женщина, сильно разнившаяся по типу и наружному виду отъ другихъ женщинъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что она была женщина-врачъ, добровольно сопровождавшая духоборовъ, изъ желанія быть имъ полезной во время ихъ тяжелаго путешествія.

«Представитель американскихъ квакеровъ, м-ръ Элькертонъ, вскорѣ былъ окруженъ духоборами. Онъ предложилъ имъ вознести благодарственную молитву и призвалъ благословеніе Божіе на грядущую судьбу переселенцевъ.

«Вслѣдъ затѣмъ къ духоборамъ обратился съ привѣтственной рѣчью м-ръ Бульмеръ, представитель канадскихъ рабочихъ обществъ, сказавшій, между прочимъ: «Я проведу на пароходѣ лишь нѣсколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наше правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверныхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна; между этими расами русскіе отличаются своими способностями къ промышленной самоорганизациіи и артельной жизни, и могутъ, въ этомъ отношеніи, дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада». Въ заключеніе своей рѣчи, переведенной духоборамъ однимъ изъ русскихъ переводчиковъ, м-ръ Бульмеръ пожелалъ переселенцамъ, отъ имени канадскихъ рабочихъ, счастья и процвѣтанія въ ихъ новомъ Отецествѣ.

«Капитанъ Ивэнсъ сошелъ со своего мостика и охотно отвѣчалъ на массу посылавшихся на него вопросовъ, относительно условій путешествія. Онъ разсказалъ, что погода благоприятствовала путешествію, начиная отъ Батума вплоть до Гибралтара, но что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ пришлось выдержать бурные дни. Въ эти дни тяжелыя волны нерѣдко перекатывались черезъ борта парохода и однажды даже вышибли дверь одного изъ нижнихъ пароходныхъ помѣщеній. Этимъ, впрочемъ, и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя пароходу бурями.

«Завѣдывающій пароходнымъ хозяйствомъ, м-ръ Джонстонъ, отозвался съ большою похвалою о духоборахъ, какъ объ очень хорошо ведущихъ себя пассажирахъ, что представляетъ почти небывалое явленіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Во время пути было десять смертныхъ случаевъ: умерло трое стариковъ и семеро дѣтей; причиной смерти, во всѣхъ случаяхъ, было истощеніе. Погребеніе умершихъ, нашедшихъ послѣднее упокоеніе въ безграничныхъ глубинахъ Атлантическаго океана, было, по словамъ м-ра Джонстона, печальнымъ и потрясающимъ зрѣлищемъ.

«Но переселенцамъ пришлось быть на пароходѣ свидѣтелями не только такихъ печальныхъ событій. Въ одинъ изъ особенно мрачныхъ дней, когда на морѣ свирѣпствовала буря, вздымавшая вокругъ парохода цѣлыя водяныя горы и безпрестанно качивавшая его волнами, когда вѣтеръ пѣлъ похоронную пѣсню надъ одной изъ безвременно скончавшихся малютокъ, въ это самое время на свѣтъ появилась первая духоборка, родившаяся подъ сѣнью британскаго флага. Счастливые родители родившейся дѣвочки дали ей имя *Канады*. Во время пути, кромѣ того, было заключено шесть браковъ.

«За все время путешествія не было замѣчено заразительныхъ болѣзней, за исключеніемъ одного легкаго случая кори, которой заболѣлъ ребенокъ. Онъ немедленно, вмѣстѣ со своими родителями, былъ отдѣленъ отъ прочихъ, и имъ придется отбыть карантинъ въ Галифаксъ.

«Пароходъ «Lake Nipon» пробывъ въ пути 28 дней: 13 дней отъ Батума до Гибралтара и 16—отъ Гибралтара до Галифакса».

Воспоминанія А. В. Щепкиной. Въ «Руск. Вѣдом.» помѣщены воспоминанія г-жи Щепкиной объ Огаревѣ и Тургеневѣ. Объ Огаревѣ она пишетъ слѣдующее:

«Наружность Огарева была пріятна; онъ былъ средняго роста, съ крупною красивой головой, съ которой спускались каштановыя волосы. На овальномъ лицѣ его особенно выдавался большой лобъ, нависшій надъ сѣрыми глазами. Взглядъ его былъ тогда спокойный и разсѣянный, на лицѣ виденъ былъ отпечатокъ усталости и апатіи. Въ то время жизнь, казалось, вновь расцвѣтала для него, но онъ многое пережилъ въ прошломъ. Глядя на него, невольно вспоминалось его стихотвореніе «Ночной сторожъ» и эти строфы:

Грустно, радость измѣнила,
Грустно одному,
Пѣснь его звучить уныло
Сквозь метель и тьму...

«Огаревъ никогда не былъ хорошимъ хозяиномъ въ своихъ большихъ имѣніяхъ, но и никогда не тѣснилъ своихъ крестьянъ. Въ имѣніяхъ его крестьяне жили очень зажиточно. Посѣтивъ однажды избу одного богатаго крестьянина, который занимался торговыми дѣлами, Огаревъ нашелъ въ домѣ его книги и фортепіано. Друзья Огарева разсказывали намъ, что Огаревъ освободилъ отъ крѣпостной зависимости одно большое имѣніе безъ выгоды для себя. Уѣхавъ за границу, Огаревъ раздѣлялъ занятія Герцена по его изданіямъ. Организмъ его былъ надломленъ, и онъ страдалъ припадками эпилепсіи, которая окончательно

надорвала его силы, какъ говорили всѣ видѣвшіе его въ послѣдніе годы его жизни.

«По отъѣздѣ изъ Россіи Огарева и Герцена, о нихъ въ кружкѣ друзей часто получали вѣсти черезъ посѣщавшихъ или встрѣчавшихъ ихъ заграницею путешественниковъ».

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ былъ счастливо поставленъ судьбою въ томъ отношеніи, что встрѣтилъ цѣнителей своего таланта. Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго талантъ его быстро достигъ своего развитія. Въ юности Тургеневъ провѣлъ, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ заграницею, слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, много читалъ. Его знанія рѣдко проглядывали въ его разговорахъ, какъ будто онъ берегъ себя, берегъ свои лучшія мысли и чувства для своихъ произведеній, берегъ и свою плавную рѣчь. Въ близкихъ кружкахъ онъ не былъ многорѣчивъ; говорилъ очень просто; впадая въ шутливый тонъ, онъ самъ смѣялся своимъ шуткамъ.

Тургеневъ владѣлъ большимъ имѣніемъ въ Орловской губерніи, но въ сороковыхъ годахъ это имѣніе принадлежало еще его матери, а И. С. жилъ въ Петербургѣ и часто оставался безъ денегъ, особенно когда съ матерью вышла у нихъ размолвка. Тургеневъ былъ высокаго роста, довольно полонъ; при его сильной фигурѣ удивлялъ его голосъ, негромкій и очень мягкій; такой голосъ не соответствовалъ его громадности. При первой встрѣчѣ Тургеневъ казался сдержанъ, мягокъ въ движеніяхъ, ходилъ медленно и казался серьезенъ или задумчивъ.

Въ Москвѣ онъ бывалъ часто, проѣзжая въ деревню изъ Петербурга. Онъ былъ близокъ съ Кетчеромъ, который легко со всѣми входилъ въ интимныя отношенія. Еще въ Германіи Тургеневъ знакомъ былъ съ Грановскимъ, бывалъ у него и въ Москвѣ, хотя особой короткости между ними не замѣчалось. Всегда бывалъ Тургеневъ у М. С. Щепкина, котораго любилъ и уважалъ, бывалъ онъ и у насъ, т. е., у Н. М. Щепкина. Онъ появлялся иногда неожиданно поутру или вечеромъ или когда слышалъ отъ кого-нибудь, что у насъ назначалось чтеніе новой пьесы Островскаго или Писемскаго и читали ихъ сами авторы, по приглашенію М. С. Щепкина. Случалось, что Тургеневъ заѣзжалъ къ намъ съ общими знакомыми кружка на обѣдъ. Такъ, онъ обѣдалъ у насъ по поводу пріѣзда въ Москву Тютчевыхъ, очень любимыхъ въ средѣ москвичей. Тютчевъ, Николай Николаевичъ, служилъ въ Петербургѣ, и Тургеневъ былъ давно и долго знакомъ съ нимъ и его семействомъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ Тургеневъ производилъ иногда непріятное впечатлѣніе на тѣхъ, кто не зналъ его близко, и проявлялъ нѣкоторыя странности въ обществѣ. Кетчеръ объяснялъ это ранней избалованностью Тургенева въ домѣ его матушки и вообще въ провинціи. Такъ, если Тургеневъ не расположенъ былъ говорить, онъ способенъ былъ провести у кого-нибудь нѣсколько часовъ молча, что очень затрудняло хозяйку дома, онъ смотрѣлъ тогда апатично, не поддерживалъ разговора и отвѣчалъ односложными словами. Анненковъ объяснялъ это тѣмъ, что и въ обществѣ Тургеневъ обдумывалъ свои повѣсти и располагалъ въ нихъ сцены. На объясненіе Анненкова, повидимому, можно положиться. Но странности появлялись у Тургенева и при веселомъ настроеніи и тогда уже находили на шалость. Такъ, однажды вечеромъ у насъ въ домѣ онъ долго сидѣлъ молча. Низко нагнувшись, свѣсивъ голову, онъ долго разбиралъ руками свои густые волосы и вдругъ, приподнявъ голову, спросилъ: «Случалось вамъ лѣтомъ видѣть въ кадкѣ съ водою на солнцѣ какихъ-то паучковъ? Странныхъ такихъ?..» Онъ долго описывалъ форму этихъ паучковъ и потомъ замолкъ. Отвѣта онъ не ждалъ, его и не послѣдовало. Всѣ потомъ часто вспоминали эту забавную выходку. Я припоминаю всѣ эти мелочи, чтобы выяснить, почему многіе находили Тургенева страннымъ. Въ своемъ имѣніи, въ

селѣ Спасскомѣ, гдѣ онъ проводилъ лѣто, прїѣзжая туда изъ Парижа, Тургеневъ являлся очень радушнымъ хозяиномъ. Онъ былъ всегда способенъ и на доброе дѣло. Ал. Мих. Щепкинъ рассказывалъ въ примѣръ того, какое впечатлѣніе Тургеневъ производилъ и въ поздніе его годы, что одна сосѣдка его, красавица, хотя и лѣтъ тридцати, сама предложила Тургеневу свою руку. Но Тургеневъ отнесся къ ея предложенію очень сдержанно и отклонилъ его. Хотя раньше Иванъ Сергѣевичъ и мечталъ о побѣдахъ надъ женщинами и пробовалъ завязывать легкія романтическія отношенія, но онъ былъ способенъ и къ продолжительной привязанности, оставаясь вѣрнымъ ей всю жизнь, казалось даже, что это было его point d'honneur».

Изъ прошлаго. Въ ярославской газетѣ «Сѣверной край» помѣщены интересные воспоминанія Е. И. Якушкина о декабристѣ Батеньковѣ. Г. С. Батеньковъ родился въ Тобольскѣ, въ 1793 году. По окончаніи образованія во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ прапорщикомъ въ одну изъ батарей дѣйствующей арміи и участвовалъ въ походахъ 1812—1815 годовъ. По возвращеніи арміи въ Россію, Батеньковъ выдержалъ экзаменъ на званіе инженера и уѣхалъ на службу въ Томскъ. Здѣсь въ 1819 г. Сперанскій, ревизовавшій сибирскія учрежденія, его замѣтилъ и оцѣнилъ его способности. Онъ пригласилъ его къ себѣ на службу въ Иркутскъ, гдѣ Батеньковъ и состоялъ при генераль-губернаторѣ Сперанскомъ до самаго отъѣзда послѣдняго въ Петербургъ, въ 1821 г. Во время своей службы въ Иркутскѣ онъ выполнялъ самыя разнообразныя порученія. Онъ укрѣплялъ берега Ангары, изслѣдовалъ путь вокругъ Байкала, собиралъ статистическія свѣдѣнія о Сибири, составилъ и напечаталъ въ Иркутскѣ учебникъ геометріи для ланкастерскихъ школъ, написалъ проектъ устава о ссыльныхъ и принималъ самое близкое участіе въ работахъ Сперанскаго по преобразованію сибирскихъ учреждений. Блестящія способности Батенькова, неутомимость его въ работѣ, основательность его трудовъ и, можетъ быть, всего болѣе одинаковость нравственныхъ понятій сблизили съ нимъ Сперанскаго. Между молодымъ инженеромъ и сибирскимъ генераль-губернаторомъ установилась такая тѣсная связь, что Батеньковъ, по возвращеніи его въ Петербургъ въ 1821 г., поселился у Сперанскаго и при помощи послѣдняго былъ назначенъ производителемъ дѣлъ въ сибирскомъ комитетѣ и членомъ совѣта военныхъ поселеній. Вниманіе, оказываемое Батенькову всецѣльнымъ въ то время гр. Аракчеевымъ, обѣщало ему блестящую служебную карьеру.

Въ концѣ 1825 года онъ принужденъ былъ однако оставить службу въ совѣтѣ военныхъ поселеній, а въ послѣднихъ числахъ декабря этого года былъ арестованъ, обвиненъ въ заговорѣ противъ правительства и приговоренъ къ 20-тилѣтней каторжной работѣ. Изъ «Донесенія слѣдственной комиссіи» видно, что хотя онъ и не былъ членомъ тайнаго общества, но сблизился со многими изъ заговорщиковъ, высказывалъ полное сочувствіе ихъ планамъ и ободрялъ ихъ къ дѣйствию. Батеньковъ не былъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу. Онъ былъ отвезенъ въ фортъ Свартгольмъ, находившійся на Аландскихъ островахъ, затѣмъ обратно привезенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и пробылъ 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Пребываніе Батенькова въ крѣпости г. Якушкинъ описываетъ въ такихъ чертахъ.

«Камера Алексѣевского рavelина, въ которой содержался Батеньковъ, была 10 аршинъ въ длину и 6 аршинъ въ ширину, при 4-хъ-аршинной высотѣ. Стражѣ было запрещено говорить съ заключеннымъ. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, въ опредѣленные часы, въ камеру входилъ офицеръ навѣдаться о здоровьѣ арестанта и спросить, не надо ли ему чего; но офицеръ этотъ не вступалъ ни въ какіе разговоры и не отвѣчалъ ни на какіе вопросы. Первое время Батеньковъ находился безвыходно въ залертой камерѣ. Въ этой же ка-

мерѣ его лѣчили, когда онъ былъ боленъ; въ нее же Великимъ постомъ приходилъ священникъ исповѣдывать и приобщать Св. Тайнъ заключеннаго. Такой порядокъ содержанія въ крѣпости, какъ узаконенный, соблюдался строго, но во всемъ остальномъ къ заключенному относились крайне внимательно. Батеньковъ мнѣ рассказывалъ, что когда онъ убѣдился, что его не скоро освободятъ, то, желая сохранить здоровье, страдавшее уже отъ недостатка движенія, онъ отказался отъ мясной пищи. Ему стали тогда подавать очень хорошій обѣдъ безъ мясныхъ блюдъ, верѣдко приносили ему любимые имъ фрукты, а иногда и конфекты; по его просьбѣ, давали ему также легкое французское вино или рейнвейнъ. Во время болѣзни уходъ за нимъ былъ очень внимательный. Лѣтомъ въ хорошую погоду заключеннаго выводили подъ карауломъ на нѣкоторое время въ садикъ Алексѣевского рavelина. Здѣсь Батеньковъ посадилъ однажды зерно изъ сѣянаго имъ яблока и къ концу заключенія могъ уже отдыхать подъ тѣнью яблони, выросшей изъ этого зерна. По прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ заключенія въ крѣпости Батенькову было дозволено прохаживаться по корридолу, прилегающему къ дверямъ его камеры и постоянно охраняемому часовыми. Ему давали и книги, но исключительно набожнаго содержанія. По его просьбѣ, ему принесли Библию на нѣсколькихъ языкахъ; изученіе ея не только историческое, но и филологическое было его постояннымъ занятіемъ въ крѣпости. Языковъ еврейскаго, греческаго и латинскаго онъ ранѣе совершенно не зналъ, но черезъ сличеніе текстовъ полиглоттной библии онъ наконецъ дошелъ до того, что свободно читалъ ее на этихъ языкахъ. Есть указаніе, что онъ занимался въ крѣпости математикой, но занятіе это могло состоять только въ умственномъ рѣшеніи математическихъ задачъ, такъ какъ у него не было ни бумаги, ни чернилъ. Въ продолженіе долгаго заключенія были минуты, когда умственные занятія не въ состояніи уже были успокоить распатавшіеся нервы. По словамъ Батенькова, иногда черезъ два, иногда черезъ три года онъ требовалъ бумаги и чернилъ, чтобы написать письмо Государю. Онъ мнѣ подробно рассказывалъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Они состояли изъ общихъ разсужденій о правительствѣ. Вслѣдъ за отдачей каждаго письма содержаніе Батенькова въ крѣпости дѣлалось болѣе строгимъ и затѣмъ мало-по-малу опять смягчалось. Въ февралѣ 1846 года Батеньковъ былъ по Высочайшему повелѣнію отправленъ изъ крѣпости на поселеніе въ г. Томскъ. Въ первый день по прибытіи въ этотъ городъ Батеньковъ былъ очень озабоченъ присканіемъ квартиры, такъ какъ домовладѣльцы опасались имѣть у себя такого ссыльнаго постояльца, но на другой же день Н. И. Лучшевъ самъ предложилъ ему переѣхать къ нему въ домъ. Въ семьѣ Лучшевыхъ Батеньковъ прожилъ въ полномъ спокойствіи 10 лѣтъ, до самаго выѣзда его изъ Сибири; семья эта сдѣлалась какъ бы его родной семьей».

Столь продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ не могло, конечно, пройти безслѣдно для Батенькова. Спустя 7 лѣтъ послѣ освобожденія, онъ, по разсказамъ автора воспоминаній, не могъ хладнокровно видѣть затворенныхъ въ комнатѣ дверей и, когда по возвращеніи изъ ссылки останавливался въ Москвѣ, то никогда не затворялъ на ночь дверей своей спальни.

Далѣе г. Якушкинъ рассказываетъ:

«Вслѣдствіе долговременной отвычки отъ разговора, употребляемыя Батеньковымъ выраженія иногда были недостаточно ясны, хотя общій смыслъ ихъ былъ всегда понятенъ. Онъ часто задумывался, и его лицо сохраняло почти суровое выраженіе, хотя въ сущности онъ былъ человѣкъ очень добрый. На умственные способности Батенькова крѣпость не имѣла никакого вліянія: онъ былъ человѣкъ замѣчательно умный, и въ его интересныхъ разсказахъ характеры знакомыхъ ему лицъ обрисовывались имъ необыкновенно тонко. Въ обществѣ онъ избѣгалъ обсужденія политическихъ вопросовъ, но когда мы оставались вдвоемъ, онъ свободно высказывалъ мнѣ свои убѣжденія, ничѣмъ не стѣс-

няясь. Разговоръ мой съ нимъ нерѣдко касался его отношеній къ Сперанскому. Онъ всегда говорилъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ любви».

Умеръ Батеньковъ въ Калугѣ въ 1863 году.

Къ замѣткѣ «Ртутное дѣло въ Бахмутѣ». (См. январь 1899 г., «На родинѣ»). По поводу перепечатанной нами изъ «Нов. Времени» замѣтки о санитарномъ состоянн ртутнаго дѣла въ Бахмутѣ, мы получили заявленіе отъ г. директора правленія общества «Ртутное дѣло А. Ауэрбахъ и К^о», въ которомъ, указывая на помѣщенное въ №№ 8.186 и 8.188 «Нов. Времени» опроверженіе свое на корреспонденцію г. Карпова, г. директоръ отмѣчаетъ, съ одной стороны, односторонность и подборъ фактовъ, послужившихъ основой для обвиненія дирекціи въ антисанитарномъ состоянн завода и работъ въ шахтахъ, и, съ другой, отнюдь не *официальный*, а *частный* характеръ корреспонденціи г. Карпова, что въ значительной степени, по мнѣнію г. директора, должно вліять на довѣріе къ содержанію этой корреспонденціи. Въ то же время, не отрицая извѣстныхъ печальныхъ сторонъ въ работѣ съ такимъ опаснымъ для здоровья матеріаломъ, какъ ртуть, г. директоръ указываетъ на общее заключеніе правительственной комиссіи, дѣлавшей изслѣдованіе ртутнаго дѣла въ Бахмутѣ, которая результаты произведеннаго ею осмотра рабочихъ нашла «весьма утѣшительными», какъ она выражается на стр. 8 своего протокола.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Въ декабрьской книжкѣ за прошлый 1898 годъ редактируемаго вами журнала, въ статьѣ: «1891 годъ» г. Красноперова, между прочимъ сказано: «Никакихъ другихъ официальныхъ или частныхъ комитетовъ, (кромя епархіальнаго), для помощи крестьянамъ (въ Самарѣ въ 1891 году) не существовало» (стр. 50-я). Это утверженіе не совсѣмъ вѣрно. Въ голодный 1891 годъ въ Самарѣ былъ организованъ комитетъ частнаго кружка для прокормленія малолѣтнихъ дѣтей голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи,—хотя, правда, печаталъ онъ тогда свои отчеты, по независимости отъ него причинаемъ, отъ одного лица—врача П. П. Крылова. Изъ напечатаннаго тогда, при семъ прилагаемаго, отчета этого кружка, между прочимъ, видно, что ему удалось, благодаря довѣрію и сочувствію обширнаго круга частныхъ лицъ, а также учрежденныхъ тогда Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича и Комитета Великой Княгини Елизаветы Теодоровны, организовать помощь дѣтямъ въ 24 селеніяхъ и прокормить болѣе 3-хъ тысячъ дѣтей, выдать свыше 400 тысячъ дѣтскихъ обѣдовъ, не считая пособія матерямъ, кормящимъ грудью. Возобновивъ свою дѣятельность и нынѣ, Комитетъ кружка въ воззваніяхъ къ обществу о пожертвованіяхъ, между прочимъ, упоминалъ и о своей дѣятельности 1891 года. Такимъ образомъ, вышеприведенное утверженіе г. Красноперова объ отсутствіи въ г. Самарѣ въ томъ году какого-либо частнаго комитета, можетъ вызвать по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе, для устраненія котораго я и рѣшился покорнѣе просить васъ помѣстить въ редактируемомъ вами уважаемомъ журналѣ настоящее письмо.

Къ этому считаю долгомъ добавить, что въ настоящее время для оказанія помощи крестьянскимъ дѣтямъ, принужденнымъ раздѣлять горькую участь своихъ родителей—питаться однимъ хлѣбомъ и притомъ часто хлѣбомъ изъ лебеды или желудей съ ничтожною примѣсью ржаной муки, комитетъ Самарскаго частнаго кружка, благодаря довѣрію и горячему сочувствію общества

имѣть въ своемъ расвораженіи уже болѣе 60 тысячъ рублей и открылъ на эти средства дѣтскія столовыя въ 40 селеніяхъ Бугульминскаго, Ставропольскаго и Самарскаго уѣздовъ на 8 тысячъ дѣтей, обезпечивъ ихъ продовольствіемъ до новаго урожая.

Но, къ сожалѣнію, эта помощь едва ли удовлетворяетъ и одну пятую часть дѣтей крестьянъ въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ Самарской губерніи. А съ теченіемъ зимы у крестьянъ и послѣдніе запасы даже разныхъ суррогатовъ хлѣба истощаются и тяжелыя страданія обездоленныхъ дѣтей растутъ... Страшно не только наблюдать самому жизнь крестьянъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ полнаго неурожая хлѣбовъ и травъ, въ особенности жизнь татаръ и башкиръ, но даже слышать рассказы очевидцевъ о ихъ положеніи. Проѣзжая голодные селенія въ особенности въ безконечно длинныя зимніе вечера, испытываешь какое-то тяжелое, щемящее чувство: въ жалкихъ сырыхъ и холодныхъ лачугахъ и землянкахъ, гдѣ жмутся другъ къ другу въ темныхъ углахъ голодные, нигдѣ не видно свѣта, такъ какъ, при отсутствіи даже хлѣба, о керосинѣ нечего и думать, вездѣ паритъ мертвая гнетущая тишина, не нарушаемая даже лаемъ собакъ, которыя уже давно отъ голода всѣ околѣли... вездѣ мракъ, холодъ и страшный призракъ голодной смерти...

Помощь добрыхъ людей, широкая помощь крайне необходима!

Пожертвованія для прокормленія дѣтей голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи можно направлять въ Самару казначею кружка, управляющему отдѣленіемъ торгово-промышленнаго банка Александру Семеновичу *Медведеву*.

Членъ комитетъ кружка инженеръ *Н. Чумаковъ*.

Самара, 25 января 1899 г.

За границей.

Интеллигентный пролетаріатъ въ Индіи и національное движеніе. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, посѣтившій недавно Индію, рассказываетъ, что на пароходѣ изъ Суэца въ Бомбей онъ присутствовалъ при горячемъ спорѣ: молодой человѣкъ изъ племени сикковъ, изъ Лагора, обращенный въ христіанство и сдѣлавшійся пресвитеріанскимъ миссіонеромъ, доказывалъ нѣсколькимъ англійскимъ чиновникамъ, что британскій режимъ несправедливъ по отношенію къ туземцамъ. Сикка поддерживалъ мадрасскій уроженецъ, сдѣлавшійся баптистскимъ миссіонеромъ, и браминъ, возвращавшійся изъ Европы, гдѣ онъ получилъ ученую степень доктора правъ. Чиновники оспаривали слова индусовъ, но не опровергали приводимыхъ ими доказательствъ, а только смягчали ихъ значеніе. Такимъ образомъ, и тутъ, на палубѣ парохода, столкнулись два міра, антагонизмъ которыхъ рѣзко выражается во всѣхъ центрахъ Индіи: вверху англійскій чиновный гражданскій и военный міръ, обладающій всеми привилегіями и вполнѣ обезпеченный хорошимъ содержаніемъ и пенсіей, внизу—туземная интеллигенція, часто обремененная многочисленной семьей, нуждающаяся, требующая равныхъ правъ съ европейцами на основаніи равнаго образованія и равнаго труда; этотъ вѣчный антагонизмъ, существующій между двумя образованными классами Индіи, туземнымъ и пришлымъ, представляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ современной жизни Индостана.

Туземцы Индіи, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали и каково бы ни было ихъ социальное положеніе, съ одинаковымъ рвеніемъ стремятся къ высшему образованію. Чтобы достигнуть его, они часто готовы терпѣть всевозможныя лишения и работать до полнаго изнеможенія силъ. Въ Бомбей можно видѣть молодыхъ индусовъ, читающихъ при свѣтѣ фонарей на набережной, потому что

дома у них нѣтъ лампы. За недѣлю до Рождества, когда происходят экзамены на степень бакалавра и лиценціата, у дверей экзаменаціонной залы всегда можно наблюдать толпу индусовъ, бѣдныхъ и богатыхъ, мусульманъ съ бритвою головой, парсовъ и др. дожидających своей очереди. Во всѣхъ коллегіяхъ, находящихся при пяти индійскихъ университетахъ, въ Бомбей, Пенджабѣ, Аллахабадѣ, Бальхуттѣ и Мадрасѣ студенты туземцы составляютъ огромное большинство. Эти университеты устроены по образцу англійскихъ, преподаваніе въ нихъ ведется на англійскомъ языкѣ и по программѣ европейскихъ университетовъ и они не имѣютъ ничего общаго съ санскритскими коллегіями, въ которыхъ готовятъ молодыхъ браминовъ, и съ юридическими школами, устроенными при нѣкоторыхъ большихъ мечетахъ. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ университетахъ, носящихъ вполне европейскій характеръ, ничего не говорится объ исторіи, религіи, искусствахъ и цивилизаціи Индіи до англійскаго завоеванія. Приобщившись къ европейской наукѣ и вступивъ въ ряды индусской интеллигенціи, туземцы, конечно, питаютъ въ большинствѣ случаевъ иллюзію, что теперь они могутъ считать себя равными европейцамъ и вотъ тутъ-то и начинаются ихъ разочарованія. Англійская аристократія въ Индіи представляетъ очень замкнутую касту, господствующую надъ всѣми кастами туземнаго общества, но хуже всего то, что она относится съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и нетерпимостью къ туземцамъ, что оскорбляетъ самолюбіе интеллигентныхъ индусовъ. Какъ бы они ни старались выйти изъ своего низменнаго положенія, вездѣ и всюду они наталкиваются на неодолимые препятствія въ лицѣ высокоумнаго презрѣнія англичанъ, не допускающихъ и мысли, чтобы туземцы могли занять мѣсто рядомъ съ ними. Даже туземные университеты, несмотря на одинаковый курсъ и европейскія программы, имѣютъ низшія права сравнительно съ англійскими и не могутъ надѣлать такими же учеными степенями, какъ эти послѣдніе. Напримѣръ, по окончаніи курса въ бомбейской медицинскій коллегіи нельзя получить степень доктора медицины, и только кончившіе этотъ самый курсъ въ Англійи получаютъ право ставить возлѣ своего имени двѣ буквы M. D. (Medicinal doctor). То же самое и относительно другихъ ученыхъ степеней.

Но индусы больше всего негодуютъ на то, что для нихъ закрыты доступы къ высшимъ административнымъ должностямъ. Только низшіе ряды администраціи пополняются туземцами и, не смотря на ученую степень, интеллигентный индусъ не смѣетъ мечтать о высшей служебной карьерѣ. Между тѣмъ честолюбіе огромнаго большинства образованныхъ туземцевъ направлено именно въ эту сторону. Въ принципѣ туземцы имѣютъ право занимать всѣ высшія должности въ Индіи, такъ какъ британское правительство въ 1858 году торжественно обѣщало, что доступъ ко всѣмъ административнымъ должностямъ въ Индіи будетъ открытъ всѣмъ подданнымъ Англійи, безъ различія происхожденія. Но чтобы сдѣлать административную карьеру, туземцы должны выдержать очень строгій конкурентный экзамень въ Индіи, а это сопряжено съ непреодолимыми затрудненіями для многихъ индусовъ, тѣмъ болѣе, что, даже преодолевъ эти затрудненія, туземецъ не можетъ надѣяться на достиженіе высшихъ должностей и на быстрое повышеніе по службѣ, всегда онъ будетъ находиться подъ начальствомъ англичанина и, даже занимая одинаковую должность съ англичаниномъ, будетъ получать въ семь разъ меньше, нежели онъ. Путешествіе же въ Англійю и жизнь тамъ обходятся очень дорого и далеко не всякій интеллигентный туземецъ можетъ рѣшиться на это, даже если его и не связываютъ кастовые предразсудки, такъ какъ по правиламъ индусъ лишается своей касты, если онъ покинетъ твердую землю. Поэтому-то, когда снаряжавъ отправляли въ Египетъ, палуба судовъ была посыпана землей ради спокойствія совѣсти индусовъ. Неудовольствіе образованной части туземнаго населенія Индіи породило такъ-называемое національное движеніе. Созданное и

управляемое людьми, хорошо знакомыми съ англійскою политическою жизнью, оно носитъ чисто парламентскій характеръ и организовано по образцу британскихъ партій. Основую его служатъ клубы или мѣстные ассоціаціи; во главѣ же находится конгрессъ делегатовъ, созываемый обыкновенно передъ Рождествомъ въ которомъ-нибудь изъ главныхъ городовъ Индіи. Въ прошломъ году въ Мадрасѣ состоялся четырнадцатый конгрессъ, на которомъ были снова формулированы всѣ жалобы и требованія индусовъ. Одинъ изъ делегатовъ конгресса, очень богатый и уважаемый парсъ изъ Бомбея, окончившій образованіе въ Европѣ и состоящій членомъ бомбейскаго муниципалитета, изложилъ взгляды своей партіи. «Мы вовсе не противъ англійскаго господства въ Индіи,—сказалъ онъ.—Даже больше—мы считаемъ уничтоженіе этого господства большимъ несчастіемъ для Индіи. Англичане заставили насъ позабыть наши этническіе, религіозные и другіе предразсудки и вызвали между нами единеніе. На конгрессѣ мы говоримъ по-англійски; наши протоколы и резолюціи тоже печатаются на англійскомъ языкѣ. И мы теперь добиваемся только того, чтобы ерваться еще больше съ англичанами, чтобы имѣть право говорить: «Civis britannicus sum!» Мы хотимъ имѣть такую же свободу печати *), какъ въ Англии. Мы не можемъ довольствоваться тѣмъ, что въ совѣтъ вице-короля допускаются лишь нѣсколько членовъ изъ туземцевъ и что часть городскихъ муниципалитетовъ состоитъ изъ туземцевъ. Мы хотимъ имѣть такія же учрежденія, состоящія изъ нашихъ представителей, какія существуютъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, и надѣемся, что нашъ конгрессъ составитъ первый шагъ къ учрежденію настоящаго индійскаго парламента».

Требованія и притязанія индусскихъ націоналистовъ встрѣчаютъ сочувствіе въ либеральной англійской партіи. Но консервативная партія рѣшительно противится національному движенію въ Индіи, опасаясь, что если индусы получатъ одинаковыя права, то молодые брамины оттѣснятъ британскихъ кандидатовъ своею численностью и, пожалуй, качествами, и печать и общественное мнѣніе окажутся въ рукахъ туземцевъ.

Американская женская ассоціація печати. Собранія женской ассоціаціи печати, происходящія въ Нью-Йоркѣ, всегда привлекаютъ многочисленную публику и, по отзывамъ всѣхъ, посѣщающихъ эти собранія, отличаются большимъ интересомъ и оживленіемъ. На послѣднемъ собраніи этого сезона вдова одного итальянскаго издателя, г-жа Даріо Папа, членъ ломбардскаго клуба печати, прочла интересный докладъ о положеніи печати въ Италіи и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя сопряжены съ изданіемъ газетъ. По ея словамъ, правительство сильно тѣснитъ печать и прекращаетъ изданіе по малѣйшему поводу. Если въ газетѣ появится какая-нибудь статья, которая не понравится властямъ, то немедленно конфискуется все изданіе. Мужъ ея былъ стариннымъ другомъ и сотрудникомъ Маццини и газета его много разъ подвергалась преслѣдованію. Въ первый разъ она была конфискована за то, что онъ напечаталъ извлеченіе изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, въ другой разъ—за напечатаніе такого же извлеченія изъ итальянской конституціи и въ третій разъ—за извлеченіе изъ «Хижины дяди Тома». Каждый офицеръ, усмотрѣвшій оскорбленіе для арміи въ какой-нибудь статьѣ, можетъ привлечь къ отвѣтственности издателя или послать ему вызовъ, и издатель не имѣетъ права отказываться отъ

*) Туземная печать въ Индіи была въ началѣ совершенно свободна, но въ послѣднее время, въ виду враждебнаго направленія нѣкоторыхъ туземныхъ газетъ, правительство подчинило туземную періодическую печать цензурѣ. Газеты, выходящія на англійскомъ языкѣ, и всѣ книги, даже печатающіяся на туземныхъ языкахъ, цензурѣ не подлежатъ.

вызова, такъ что большинство честныхъ издателей обыкновенно кончаетъ свою жизнь на дуэли. Каваллотти, недавно погибшій подобнымъ образомъ, считался самымъ искуснымъ дуэлистомъ въ Италіи и благополучно дрался 39 разъ на дуэли, ни разу не ранивъ серьезно своего соперника. Онъ погибъ лишь потому, что не хотѣлъ нанести опасный ударъ своему сопернику, и, стараясь избѣжать этого, получилъ самъ смертельный ударъ.

Во время послѣднихъ «хлѣбныхъ» беспорядковъ въ Миланѣ всѣ женскіе клубы были закрыты и одна изъ главныхъ руководительницъ женскаго движенія посажена въ тюрьму, точно обыкновенная преступница. Та же участь постигла и многихъ изъ итальянскихъ журналистовъ, которые навлекли на себя преслѣдованіе за напечатаніе статей, непріятныхъ властямъ. Многие изъ нихъ были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ и до 15 лѣтъ! Сотни совершенно невинныхъ людей такимъ образомъ пострадали, и все это только потому, что они возмущались противъ чрезмѣрныхъ налоговъ, подъ бременемъ которыхъ которыхъ народъ изнемогаетъ и которые нужны правительству, чтобы содержать армію и флотъ, удовлетворяющіе современнымъ требованіямъ милитаризма, и имѣть честь считать своимъ союзникомъ Германію. Во всѣхъ странахъ голодъ имѣетъ всегда случайный характеръ и является послѣдствіемъ неурожаевъ или разныхъ другихъ неблагоприятныхъ условий, и только въ Италіи голодъ составляетъ постоянное, какъ бы хроническое явленіе. Тамъ даже существуетъ особая психическая болѣзнь, «помѣшательство отъ голода» («hunger madness») и ежегодно тысячи людей въ Италіи подвергаются этой болѣзни. Такое положеніе дѣлъ становится невыносимымъ и поэтому лучшія литературныя силы Италіи, а также общественные дѣятели стремятся къ тому, чтобы убѣдить правительство въ необходимости реформъ и сокращенія военнаго бюджета.

Г-жа Даріо Папа подкрѣпила свой интересный докладъ массою цифровыхъ и статистическихъ данныхъ, сравнительными цѣнами на жизненные припасы въ Италіи и другихъ странахъ, указаніями на отношенія, существующія между налогами и дороговизною хлѣба, и постепенный ростъ военнаго бюджета одновременно съ пониженіемъ производительности страны. Въ заключеніе своего доклада г-жа Даріо Папа сообщила, что въ Англіи и Америкѣ уже образовались комитеты со спеціальною цѣлью оказывать нравственную поддержку итальянцамъ, добивающимся преобразованій въ своей странѣ.

Другой докладъ, также представившій большой интересъ, касался женскаго движенія въ Японіи. Мисгриссъ Алиса Ивсъ Бридъ, въ бытность свою въ Японіи весной прошлаго года, посѣтила въ Токио женскій клубъ, называемый «Обществомъ спрашивающихъ» (Interrogation Society), и присутствовала на засѣданіи 21 члена этого общества. На этомъ засѣданіи разсуждали о домашнихъ обязанностяхъ и трудностяхъ веденія домашнего хозяйства. Одинъ изъ членовъ обыкновенно ставилъ вопросъ, а затѣмъ каждый старался отвѣтить на него, и возникали пренія. Одна изъ японскихъ дамъ, принадлежащая къ радикальной партіи, возбудила вопросъ о правильномъ отношеніи къ «свекрови» и обращеніе съ нею. Дѣло въ томъ, что японская женщина—настоящая раба въ семьѣ, до тѣхъ поръ, пока она сама не сдѣлается свекровью. Тогда она, въ свою очередь, становится автократомъ въ семьѣ и обращаетъ въ рабу свою невѣстку, жену своего сына. Вопросъ объ обращеніи со свекровью вызвалъ очень горячія пренія и всѣ присутствующія молодыя японки высказывали одна за другою свои мнѣнія о томъ, какъ положить предѣлъ деспотизму свекрови въ японской семьѣ, но въ концѣ-концовъ все-таки пришли къ рѣшенію, что онѣ должны обращаться почтительно со свекровью, какъ это предписываетъ обычай, такъ какъ ихъ свекрови слишкомъ стары и уже не способны проникнуться современнымъ духомъ и понять современные требованія. Но зато онѣ тутъ же даютъ торжественное обѣщаніе, что когда сами сдѣлаются

сверквями, то будуть совершенно иначе обращаться со своими невѣстками и проинведуть реформы въ домашней жизни японцевъ.

Мистриссъ Бридъ рассказываетъ, между прочимъ, что ѣзда на велосипедѣ считается въ Японіи очень предосудительной для женщинъ, и если какая-нибудь японка проѣдется на велосипедѣ, то къ ней тотчасъ же начинаютъ относиться съ предубѣжденіемъ. Мистриссъ Бридъ приводитъ слѣдующій примѣръ: одна молодая японка, окончившая свое образованіе въ американской коллегіи и получившая ученую степень, вернулась на родину. Она очень понравилась одному японскому джентльмену, занимавшему довольно видное социальное положеніе, и онъ подумывалъ о томъ, чтобы просить ея руки, но предварительно, согласно японскому обычаю, навелъ на ней справки, о ея состояніи, характерѣ и здоровьи, такъ какъ въ Японіи нѣкоторые наследственные болѣзни, какъ, наприимѣръ, чахотка, служатъ законнымъ поводомъ къ разводу. Онъ получилъ самыя утѣшительныя свѣдѣнія на счетъ всѣхъ трехъ пунктовъ, но ему передали слухъ, что молодая дѣвушка ѣздитъ на велосипедѣ, и этого было достаточно, чтобы онъ отказался отъ мысли вступить съ нею въ бракъ.

Мистриссъ Бридъ отзывается съ большою похвалою о японскихъ женщинахъ, о ихъ стремленіи къ самообразованію и высказываетъ убѣжденія, что эмансипація женщинъ совершится въ Японіи быстрее, чѣмъ она совершилась въ европейскихъ странахъ.

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ находятся двѣ образованныя японки, посланныя туда на счетъ правительства для изученія воспитательныхъ и филантропическихъ учреждений въ великой заатлантической республикѣ.

Народныя чтенія во Франціи. Университетское движеніе, распространившіеся изъ Англіи въ другія европейскія страны, вызвало тамъ организацію всевозможныхъ народныхъ чтеній и курсовъ, имѣющихъ цѣлью сдѣлать высшее образованіе доступнымъ и для народныхъ классовъ. Впрочемъ, такой характеръ университетское движеніе имѣетъ только въ Англіи, гдѣ уже выработана извѣстная система и программа общедоступныхъ университетскихъ курсовъ. Въ другихъ странахъ, кромѣ Бельгіи, гдѣ уже существуетъ настоящій народный университетъ, университетское движеніе ограничивается пока организаціей народныхъ чтеній по разнымъ отраслямъ науки, но безъ всякой опредѣленной системы и безъ всякихъ курсовъ. Во Франціи чтенія эти часто носятъ случайный характеръ, но теперь уже поднятъ вопросъ о томъ, чтобы совершать ихъ по извѣстной программѣ и установить болѣе тѣсную связь между ними и французскими университетами. Объ успѣхахъ этихъ чтеній можно судить по даннымъ прошлаго года. Въ истекшемъ году было устроено во Франціи 117.752 народныхъ чтеній и на нихъ присутствовало около трехъ милліоновъ четырехсотъ тысячъ слушателей. Согласно официальной статистикѣ съ 1894 по 1898 годъ число народныхъ чтеній удвоилось, но главнымъ доказательствомъ успѣха служить образованіе небольшихъ школьныхъ ассоціацій, специально занимающихся пробужденіемъ въ народныхъ массахъ интереса къ знанію, такъ сказать, интеллектуальною пропагандой. Къ концу прошлаго года такихъ ассоціацій насчитывалось уже 2.779 и больше 600 существовали въ проектѣ. Прошлымъ лѣтомъ въ Сентъ-Этьеннѣ состоялся конгрессъ этихъ ассоціацій, который былъ названъ «Congrès des petites A», обнародовавшій весьма утѣшительные результаты дѣятельности этихъ ассоціацій, которыя уже подготовили почву для университетскаго движенія и сгруппировали около себя людей, осознающихъ необходимость просвѣщенія народной массы.

Рядомъ съ этими ассоціаціями, которыя группируются вокругъ школъ, возникли въ разныхъ мѣстахъ Франціи рабочія ассоціаціи, имѣющія цѣлью

распространеніе знаній среди французскихъ рабочихъ. Четыре года тому назадъ, союзъ рабочихъ синдикатовъ «Union des syndicats ouvriers» вошелъ въ непосредственныя сношенія съ группою профессоровъ словеснаго факультета, которые охотно согласились участвовать въ организаціи публичныхъ лекцій для рабочихъ въ Клермонѣ. Лекціи были устроены въ залѣ синдикатовъ и всегда посѣщались очень многочленною публикой, но весьма однородной, исключительно состоящей изъ рабочихъ, принадлежащихъ къ синдикату, ихъ семействъ и постороннихъ лицъ, приглашенныхъ рабочими. Иногда на лекціяхъ присутствовало болѣе 200 человекъ, но вообще большинство посѣщало лекціи очень аккуратно. «Revue internationale de l'enseignement» печатаетъ слѣдующій списокъ лекцій, читанныхъ въ прошломъ году въ залѣ синдиката: «Монетная система и народные банки»; «Вывозная торговля Франціи»; «Жизнь въ Берлинѣ»; «Испанія»; «Поэты-рабочіе»; «Борьба за существованіе»; «Гигіена»; «Алкоголизмъ». Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій сопровождались туманными картинами.

Конечно, въ этой программѣ трудно доискаться какой-нибудь заранѣе опредѣленной системы, но несомнѣнно, что даже въ такомъ случайномъ видѣ лекціи эти имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ пробуждаютъ умственную дѣятельность аудиторіи и заинтересовываютъ ее различными вопросами, которые раньше не останавливали на себѣ вниманія слушателей. Во всякомъ случаѣ толчокъ данъ, и несомнѣнно, что разъ начавшееся движеніе будетъ разрастаться. Очень любопытна также въ этомъ отношеніи дѣятельность «Union démocratique pour l'éducation sociale», въ началѣ вызвавшая почему-то многочисленныя насмѣшки и нападки. Этотъ союзъ задумалъ развлекать больныхъ и выздоравливающихъ въ различныхъ парижскихъ госпиталяхъ и клиникахъ и третій годъ устраиваетъ тамъ чтенія съ туманными картинами. Эти «conférences dans les hôpitaux» приобрѣтаютъ все большую и большую популярность и устраиваются по самой разнообразной программѣ. Лекторы прежде всего заботятся о томъ, чтобы не утомлять своихъ слушателей, а заинтересовать и развлечь ихъ. Большею частью на этихъ лекціяхъ излагается содержаніе какой-нибудь интересной книги, новой или старой, изъ которой прочитываются избранныя мѣста или же рассказывается содержаніе выдающагося драматическаго произведенія и читаются отдѣльныя сцены. На последнемъ чтеніи, которое происходило въ Бисетрѣ, присутствовало болѣе 300 больныхъ. Лекторъ изложилъ исторію этой больницы и тюрьмы, тѣсно связанную съ исторіей Франціи. До 1837 года при этой больницѣ была тюрьма для приговоренныхъ къ смертной казни и осужденныхъ къ галерамъ преступниковъ. Теперь же Бисетрѣ представляетъ исключительно домъ призрѣнія для бѣдныхъ, больныхъ и престарѣлыхъ. Кромѣ того, въ этой больницѣ огромное отдѣленіе отведено для помѣшанныхъ.

Жизнь въ Даусонъ Сити. Съ тѣхъ поръ, какъ богатѣйшія въ мірѣ золотыя россыпи были открыты вблизи полярнаго круга, въ Аляскѣ, которая продана Россіей Соединеннымъ Штатамъ за 36 милліоновъ франковъ въ 1867 году, слава Калифорніи, Трансваала и Австраліи совершенно померкла и всѣ жаждущіе золота и приключеній устремились въ Аляску, гдѣ уже въ настоящее время на берегу рѣки Юкова, одной изъ величайшихъ рѣкъ въ свѣтѣ, имѣющей въ длину 3.500 километровъ, выстроенъ городъ Даусонъ Сити, столица этой страны, и въ данный моментъ въ немъ насчитывается 18.000 болѣе или менѣе постоянныхъ жителей. Этотъ городъ принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ «городовъ гробовъ», которые существуютъ только въ Америкѣ, гдѣ они необыкновенно быстро возникаютъ въ дотолѣ пустынной мѣстности и также быстро развиваются. Въ каждомъ такомъ городѣ прежде всего выстраивается ратуша и школа и тотчасъ же возникаетъ газета, мѣстный органъ, хотя бы

*

читателей у нея насчитывалось не болѣе десятка въ началѣ. Даусонъ Сити также не могъ обойтись безъ газеты и въ настоящее время тамъ издаются двѣ еженедѣльные газеты: «Klondyke nugget» и «Yukon Midnight Sun», только не въ примѣръ прочимъ американскимъ газетамъ, основывающимся въ новыхъ городахъ и продающимся по дешевой цѣнѣ, номера клондайкскихъ газетъ продаются, ни болѣе, ни менѣе, какъ по рублю на наши деньги и годовой абонементъ стоитъ около 50 рублей. Конечно, въ этихъ газетахъ главное мѣсто отводится мѣстнымъ интересамъ и въ виду невозможности получать свѣжія новости съ разныхъ концовъ свѣта политической отдѣлъ очень хромаетъ, но зато хроника занимаетъ огромное мѣсто. Все, что случается въ Даусонъ Сити или окрестностяхъ, всякое мелкое событіе немедленно попадаетъ на столбцы этихъ газетъ. Разумѣется, реклама, играющая такую видную роль въ американской жизни, тутъ также занимаетъ выдающееся мѣсто. Большая часть газеты уходитъ подъ объявленія всякаго рода, адреса разныхъ дѣльцовъ, адвокатовъ, врачей, банковъ и коммерческихъ обществъ и программы увеселительныхъ заведеній. Но даже не смотря на такой скудный матеріалъ для чтенія, газеты въ Клондайкѣ пользуются большимъ успѣхомъ и золотоскатели въ складчину покупаютъ одинъ номеръ, прочитывая его потомъ сообща отъ доски до доски въ какомъ-нибудь кабачкѣ, который служитъ имъ пристанищемъ послѣ работы. Мѣстные слухи и извѣстія о какомъ-нибудь происшествіи вызываютъ, конечно, толки и разговоры и порою возникаетъ горячій споръ по поводу какой-нибудь газетной статьи. Надо удивляться только изобрѣтательности клондайкскихъ журналистовъ, всегда ухитряющихся найти матеріалъ для статьи и хроники.

Даусонъ Сити выстроенъ по совершенно определенному плану; въ городѣ семь параллельныхъ проспектовъ или авеню, перерѣзываемыхъ пятью улицами отъ запада на востокъ. Жизнь кипитъ въ этомъ городкѣ, гдѣ зимою температура порою спускается до -55° Ц. и въ декабрѣ и январѣ солнце совершенно исчезаетъ. Но бѣлая пелена снѣга, покрывающая землю, до такой степени сильно отражаетъ свѣтъ звѣздъ, что жители Даусонъ Сити свободно обходятся безъ фонарей при своихъ передвиженіяхъ. Но за то въ іюнѣ солнце почти не исчезаетъ и точно старается вознаградить обитателей за долгую полярную ночь. Температура лѣтомъ бываетъ иногда такая же, какъ въ Лондонѣ или Парижѣ. Въ городѣ уже выстроены три церкви, одна католическая и двѣ протестантскихъ, и госпиталь при католической церкви, гдѣ болные за 25 франковъ въ сутки получаютъ полное содержаніе и уходъ, но должны платить отдѣльно по 25 франковъ за каждый визитъ доктора; отели въ Даусонъ Сити уже обладаютъ достаточнымъ комфортомъ, но платить надо 50 франковъ въ день за полный пансіонъ, затѣмъ существуетъ нѣсколько кафе-ресторановъ и въ каждомъ изъ нихъ непремѣнно есть свой небольшой оркестръ музыки и устраиваются концерты. Кромѣ этихъ кафе-ресторановъ, есть и настоящіе театры, гдѣ даются драматическія представленія, и большая зала для устройства празднествъ и танцевальныхъ вечеровъ. Вообще искатели золота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счастья находятъ теперь въ Даусонъ Сити болѣе или менѣе такія же удобства, какъ и въ другихъ небольшихъ городкахъ Соединенныхъ Штатовъ, но жизнь въ Даусонъ Сити необыкновенно дорога. Напримѣръ, порція самаго обыкновеннаго бѣфштекса съ жаренымъ картофелемъ стоитъ 25 франковъ, бутылка пива въ такой же цѣнѣ. Пара курицъ стоитъ 125 франковъ, апельсины по 5 франковъ за штуку. Картофель стоитъ съумасшедшія деньги и за пару картофелинъ уплачивается столько же, сколько за одинъ апельсинъ. Дешево только соленое сало, бобы и сушеные фрукты, и это единственное, чѣмъ питаются всѣ бѣдняки, бросившіеся въ Клондайкъ искать счастья. При такихъ цѣнахъ торговли и разные другіе предприниматели, конечно, гораздо скорѣе могутъ составить свое состояніе въ Клондайкѣ, нежели золотоскатели.

Турецкій переводчикъ Шиллера и его судьба. Турецкая переводная литература вообще не отличается богатствомъ и до сихъ поръ только нѣкоторыя изъ французскихъ романовъ были переведены на турецкій языкъ. Турецкая читающая публика зачитывалась романомъ «Монте-Кристо» Дюма-отца и романами Евгенія Сю. Затѣмъ наступила очередь «Misérables» Виктора Гюго и еще нѣкоторыхъ другихъ, болѣе современныхъ писателей, Мопассана, Марселя Прево и т. д. Все это появлялось въ болѣе или менѣе скверномъ переводѣ и этимъ ограничивалось все знакомство турецкой публики съ европейскою беллетристическою литературой. Но эти романы послужили образцами для цѣлаго ряда турецкихъ беллетристовъ, которые затѣмъ стали писать свои собственные произведенія по этому шаблону. Представителемъ этого рода беллетристовъ можетъ служить необыкновенно плодовитый турецкій писатель Ахметъ Мидхадъ эфенди, бывшій вице-предѣвателемъ въ международной санитарной комиссиі въ Константинополѣ.

Пристрастіе турецкихъ переводчиковъ къ французской беллетристикѣ отчасти объясняется недостаточнымъ знаніемъ другихъ европейскихъ языковъ. Французскій языкъ довольно распространенъ среди турецкаго образованнаго общества, о другихъ же языкахъ этого сказать нельзя. Лишь весьма немногіе хорошо владѣютъ англійскимъ языкомъ, а нѣмецкій языкъ только въ послѣднее время, когда усилилась вліяніе нѣмцевъ при дворѣ султана, начинаетъ распространяться въ турецкомъ обществѣ. Среди турецкихъ писателей знаніе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ составляетъ, впрочемъ, далеко не частое явленіе, и только недавно одному изъ молодыхъ турецкихъ писателей, военному врачу Абдулла Джеведдеу, европейски образованному человѣку, пришла въ голову смѣлая идея познакомить турецкихъ читателей съ Шиллеромъ. Это смѣлое предпріятіе, съ точки зрѣнія господствующихъ условій въ Турціи, имѣло для молодого военного врача весьма непріятныя послѣдствія. Прекрасно владѣя языкомъ, Абдулла Джеведдеу хорошо справился со своею задачей и, конечно, обогатилъ бы турецкую переводную литературу весьма цѣннымъ вкладомъ, еслибъ не условія турецкой цензуры. Абдулла Джеведдеу и самъ отлично сознавалъ, что издать въ Турціи «Вильгельма Телля», «Разбойниковъ» и нѣкоторыя другія шиллеровскія произведенія совершенно невозможно, поэтому онъ перенесся въ Египетъ, гдѣ цензурныя условія не столь тяжелы, и тамъ началъ на свой счетъ печатаніе своего перевода. Къ несчастью, турецкія власти проныхали какимъ-то образомъ о его намѣреніи и изъ турецкаго военного министерства въ Константинополѣ былъ отданъ приказъ арестовать военного врача Абдулла Джеведдеа за предосудительное поведеніе и препроводить его въ слѣдственную тюрьму, гдѣ бѣдный Абдулла просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ отправленъ былъ въ ссылку въ Триполи.

Но этимъ злоключенія его не кончились. Турецкія власти опасались, что Абдулла Джеведдеу найдетъ возможность и въ Триполи привести въ исполненіе свое преступное намѣреніе издать турецкій переводъ Шиллера, идея котораго турецкая цензура признавала опасными, и поэтому Абдулла былъ снова арестованъ въ Триполи и начато новое слѣдствіе, но, къ счастью для дерзкаго писателя, въ военномъ судѣ, который долженъ былъ разсматривать его дѣло, нашлись люди, проникнутые чувствомъ справедливости, и они заступились за молодого врача. Однако, процедура разсмотрѣнія дѣла, которая на этотъ разъ происходила въ Триполи, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и все это время бѣдный Абдулла провелъ въ заключеніи. Наконецъ, послѣ долгихъ преній, судъ постановилъ, за отсутствіемъ прямыхъ уликъ и доказательствъ вины молодого врача отпустить его на свободу и объ этомъ дано было знать въ Константинополь.

Наконецъ, Абдулла вдохнулъ свободно. слѣдствіе противъ него было прекращено и его выпустили изъ подъ ареста. Но Абдулла зналъ по опыту, что

довѣрять турецкимъ властямъ не слѣдуетъ и что онѣ не замедлятъ придратъся къ чему-нибудь, чтобы имѣть право возобновить свои преслѣдованія. Поэтому онъ счелъ за лучшее бѣжать изъ турецкихъ владѣній и въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ Триполи. Вскорѣ его друзья въ Триполи получили отъ него извѣстіе, что онъ благополучно добрался до Туниса, гдѣ французскія власти оказали ему гостепрѣимство и взяли его подъ свое покровительство, такъ что онъ можетъ считать себя теперь внѣ всякихъ турецкихъ преслѣдованій. Спустя нѣкоторое время Абдулла Джебдедъ отправился въ Парижъ, а оттуда въ Женеву. Онъ примкнулъ къ партіи «молодой Турціи» и въ настоящее время состоитъ редакторомъ «Османли», органа этой передовой турецкой партіи, издающагося за границей.

Австралійскій піонеръ. Недавно въ Сидней схоронили одного изъ британскихъ піонеровъ, который началъ свою карьеру простымъ работникомъ на фермѣ и умеръ въ преклонномъ возрастѣ миллионеромъ. Джемсъ Тизонъ—такъ звали этого миллионера, оставилъ по себѣ очень хорошую память въ колоніи, для которой онъ много поработалъ. Это былъ типъ британскаго піонера старыхъ временъ, которые создали колоніальное могущество Англіи. Не гнушавшійся никакимъ трудомъ, свободолюбивый и независимый. Джемсъ Тизонъ отличался необыкновенною застѣнчивостью и какою-то робостью въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ онъ всегда старался избѣгать. Поэтому-то онъ самъ лично не принималъ участія ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ, но когда разбогатѣлъ, то охотно поощрялъ всякія общественныя предпріятія, строилъ больницы, школы, церкви, но самъ ни разу въ своей жизни не переступалъ порога ни одной церкви, ни разу не былъ ни въ одномъ трактирѣ и никогда не надѣвалъ бѣлой крахмальной рубашки. Кромѣ того, никогда въ жизни онъ не употреблялъ мыла и вмѣсто него употреблялъ песокъ, говоря, что онъ чистятъ кожу лучше всякаго мыла.

Въ Сидней, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, жители привыкли видѣть въ извѣстные часы дня его высокую, слегка сторбленную фигуру, когда онъ отправлялся на свою обыденную прогулку, опираясь на тяжелую палку съ большимъ набалдашникомъ. Народъ снималъ шапку при его проходѣ, потому что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и большою популярностью во всей колоніи. Всякій зналъ, что можетъ прійти къ нему за помощью и не уйдетъ съ пустыми руками, если только дѣйствительно нуждается. Тизонъ избѣгалъ общества, рѣдко вступалъ въ разговоръ съ кѣмъ-либо, но дверь его была открыта для всѣхъ. Можно было прямо прійти къ нему, изложить въ чемъ дѣло и если, по его мнѣнію, дѣло было правое, то онъ немедленно удовлетворялъ просителя. Удивительная опытность и проницательность помогали ему съ перваго взгляда распознавать истинно нуждающихся и не было случая, чтобы онъ ошибся въ своемъ мысленномъ приговорѣ. Если ему казалось, что проситель явился исключительно съ цѣлью эксплуатировать его, то онъ нахмуривалъ брови и говорилъ: «Я подумаю», и просителю болѣе ничего не оставалось, какъ уйти, такъ какъ Тизонъ болѣе не размыкалъ уста и онъ могъ говорить ему что угодно, но не получалъ никакого отвѣта.

Въ колоніи чрезвычайно дорожили его мнѣніемъ и никогда не предпринимали ничего, не посоветовавшись съ нимъ предварительно. Въ особенности онъ поощрялъ всякое предпріятіе, имѣвшее въ виду общественную пользу, проведение дорогъ въ пустынь, водоснабженія и орошенія. Цѣль всей его жизни была—превратить австралійскую пустыню въ плодородную мѣстность и для этого онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ.

«Деньги—что!—говорилъ онъ.—Все равно, вѣдь я ихъ долженъ оставить здѣсь, когда покину здѣшній міръ, и развѣ тогда мнѣ не будетъ, безразлично,

на что уйдутъ мои деньги. Лучше ужъ при жизни я истрочу ихъ на то, что по моему полезно. Я всю свою жизнь боролся съ пустыней и побѣдилъ ее во многихъ мѣстахъ. Я провелъ воду тамъ, гдѣ ея не было и люди погибали отъ жажды; я проложилъ дороги тамъ, гдѣ не было никакихъ дорогъ, и такимъ образомъ подвозъ мяса и съѣстныхъ припасовъ сдѣлался возможнымъ тамъ, гдѣ объ этомъ и думать было нечего прежде. Теперь люди могутъ жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде была мертвая пустыня, и того, что я сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, никто уже не въ состояніи уничтожить и миллионы людей будутъ пользоваться этимъ послѣ того, какъ я буду уже давно позабытъ!

Въ этихъ словахъ выражается все мировоззрѣніе Тизона. Въ жизни у него было только одно правило: «Поступай всегда справедливо и никого и ничего не бойся!» Тизонъ дѣйствительно ничего и никого не боялся. Миссіонеры разныхъ вѣроуачій пробовали было обращать его и являлись къ нему съ проповѣдью; но онъ выслушивалъ ихъ и только отвѣчалъ: «Религія—это дѣло совѣсти». Такъ какъ онъ никогда не исполнялъ никакихъ церковныхъ обрядовъ и не посѣщалъ никакой церкви, то никто и не зналъ, къ какой религіи его причислить. Однако, въ концѣ концовъ, миссіонеры оставили его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что они убѣдились, что онъ всегда готовъ придти на помощь всякой миссіи и выстроить церковь, но ему рѣшительно было все равно, къ какой религіи будетъ принадлежать эта церковь. Оригинальные взгляды Тизона выразились однажды довольно курьезнымъ образомъ. Онъ далъ миссіонерамъ очень крупную сумму на постройку церкви. Церковь была выстроена, но затѣмъ миссіонеры снова обратились къ нему, такъ какъ они израсходовали всю сумму и у нихъ не хватило денегъ на громоотводъ. Къ ихъ величайшему изумленію, Тизонъ отказался дать имъ ничтожную сумму, которую они у него просили, и сказалъ, что Господь Богъ, если захочетъ, то самъ защититъ свою церковь и людьми объ этомъ нечего заботиться. Миссіонеры такъ и ушли ни съ чѣмъ и изъ собственныхъ средствъ поставили громоотводъ.

Тизонъ жилъ и умеръ одинокимъ. Нелюдимость его характера и застѣнчивость мѣшали ему сходитья съ людьми. Но онъ не чувствовалъ своего одиночества и не страдалъ отъ него, такъ какъ находилъ полное нравственное удовлетвореніе въ своей дѣятельности. Только, однажды, въ молодыхъ годахъ, когда онъ велъ тяжелую борьбу за существованіе, онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая побѣдила его сердце. Эта дѣвушка напоила и накормила его, когда онъ погибалъ отъ голода. Онъ долгіе дни странствовалъ въ пустынѣ и, наконецъ, набрелъ на уединенную ферму, но не рѣшился войти туда и попросить хлѣба и воды. Его замѣтила дочь хозяина, молодая черноокая дѣвушка, которая подошла къ нему и чуть не насильно втащила его на веранду и поставила передъ нимъ завтракъ. Тизонъ пробылъ не болѣе 15 минутъ въ ея домѣ и больше никогда не встрѣчался съ нею, но двадцать лѣтъ подъ рядъ онъ ежегодно совершалъ паломничество къ уединенной фермѣ и бродилъ около нея въ надеждѣ увидѣть молодую дѣвушку. Увидѣвъ ее издали и удостоверившись, что она жива и здорова, онъ уходилъ успокоенный. Когда она вышла замужъ, то онъ прислалъ ей подарокъ отъ неизвѣстнаго. До самой смерти онъ вспоминалъ съ глубокимъ чувствомъ объ этой дѣвушкѣ и говорилъ, что это единственная женщина, на которой онъ готовъ былъ бы жениться. Но онъ думалъ, что женитьба свяжетъ его; заведя свою семью, онъ больше будетъ заботиться о ней и ему нельзя будетъ такъ свободно располагать собой, своимъ имуществомъ и постоянно перемѣнять мѣстожителство. Эти соображенія заставляли Тизона подавлять въ себѣ всякія стремленія завести свой домъ, свою семью, и онъ всю жизнь готовился быть странникомъ. Онъ постоянно мечталъ о побѣдѣ въ Европу, объ отдаленномъ путешествіи, но такъ до самой смерти и не собрался и не покидалъ во всю свою жизнь австраійскаго континента.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Geographical Journal». — «Revue des Revues». — «Forum».

Колонизація тропическихъ странъ составляетъ одну изъ очень важныхъ проблемъ, съ которыми приходится имѣть дѣло современнымъ европейскимъ государствамъ, такъ какъ для многихъ изъ нихъ существованіе колоній представляетъ абсолютную необходимость и колоніи служатъ мѣстомъ, куда отправляется избытокъ населенія. Но въ виду того, что въ умѣренномъ поясѣ не остается уже больше свободныхъ территорій для колонизаціи, а Сѣверная Америка и Австралія ставятъ преграды свободной иммиграціи, европейскія государства волей-неволей должны направить свой эмиграціонный потокъ въ тропическія страны, и естественно, что вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ этихъ странахъ все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ. Въ лондонскомъ географическомъ обществѣ былъ прочитанъ докладъ объ этомъ вопросѣ, напечатанный потомъ въ «Geographical Journal». Авторъ этого въ высшей степени интереснаго доклада говоритъ, что пессимистическій взглядъ на европейскую колонизацію возникъ тогда, когда наука была еще въ младенчествѣ и теорія о зародышевомъ происхожденіи болѣзней не существовало. Дѣйствительно, процентъ смертности европейцевъ въ тропическомъ климатѣ былъ такъ великъ, что, казалось, было внѣ всякихъ сомнѣній, что въ тропикахъ европеецъ всегда будетъ побѣжденъ въ борьбѣ за существованіе. За послѣдніе десятилетия лѣтъ во взглядѣ этомъ произошла радикальная перемѣна подъ влияніемъ развитія санитарной науки, и перемѣна эта во многихъ отношеніяхъ была такъ разительна, что нѣкоторые мѣстности въ тропикахъ, считавшіяся прежде самыми нездоровыми и убійственными для европейцевъ, теперь даже рекомендуются имъ, какъ курорты.

Подъ влияніемъ новыхъ фактовъ и научныхъ открытій прежнія теоріи о смертоносномъ дѣйствіи тропическаго климата на людей бѣлой расы должны бы, казалось, рассыпаться въ прахъ, но, къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ преобладаютъ во мнѣніи публики. Авторъ объясняетъ себѣ это обстоятельство тѣмъ, что весьма сложный вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ тропическихъ странахъ обсуждался преимущественно государственными людьми, географами, метеорологами и журналистами и съ медицинской точки зрѣнія этотъ вопросъ почти не рассматривался, тогда какъ именно эта точка зрѣнія должна имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ.

Общее мнѣніе, говоритъ авторъ, таково, что климатъ тропическихъ странъ вреденъ для европейца вслѣдствіе невыносимой жары и эта жара вызываетъ появленіе различныхъ болѣзней, главнымъ образомъ служа непосредственной причиной солнечнаго удара, анеміи и воспаления печени. Анемія, въ особенности, всегда считалась болѣзью, вызываемою дѣйствіемъ высокой температуры. Прежніе авторы считали ее даже вполне нормальной въ тропическомъ климатѣ и приписывали ей предохранительное дѣйствіе, такъ что совѣтовали дѣлать кровопусканіе, чтобы произвести искусственную анемию у европейцевъ, поселяющихся въ тропикахъ. Докторъ Фелкинъ называлъ это «физиологической анеміей». Но теперь взгляды на этотъ счетъ измѣнились, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія ученыхъ установили внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что высокая температура не вызываетъ никакой перемѣны въ количествѣ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ или гемоглобина въ крови, и анемія, какъ въ тропикахъ, такъ и въ умѣренномъ климатѣ, также имѣетъ паразитное происхожденіе. То же самое надо считать доказаннымъ и относительно воспаления печени, которое приписывалось исключительно дѣйствію солнечной жары. Что же касается солнечнаго удара, то авторъ также твердо увѣренъ въ его инфекціонномъ происхожденіи и высказалъ уже это мнѣніе въ своей статьѣ въ «British Medical Journal» въ прошломъ году.

Авторъ полагаетъ, что эта болѣзнь такъ долго остается «въ область астролеги» только потому, что съ нею смѣшиваютъ самыя разнообразныя страданія, вызываемыя различными причинами, какъ-то: воспаленіе оболочекъ головного и спинного мозга; злокачественную лихорадку, кровоизліаніе въ мозгу, алкоголическое коматозное состояніе и обморокъ, и, кромѣ того, самое названіе болѣзни «солнечный ударъ» заранѣе предопредѣляетъ причину ея появленія и мѣшаетъ правильному взгляду на ея происхожденіе. Авторъ, наблюдавшій эту болѣзнь въ Индіи, твердо увѣренъ въ томъ, что это такая же инфекціонная болѣзнь, какъ и всѣ прочія, которыя приписываются исключительно дѣйствию жаркаго климата, и также принимаетъ иногда эпидемическій характеръ. Перемежающаяся лихорадка—малярія и буторчатка составляютъ также главныя причины гибели европейцевъ въ тропическомъ климатѣ. Но буторчатка не составляетъ тропической болѣзни и занесена въ колоніи европейцами. Въ Вестъ-Индіи она уже настолько распространилась, что цифра смертности отъ этой болѣзни преобладаетъ надъ смертностью отъ другихъ болѣзней. Малярія также не составляетъ исключительно тропической болѣзни, какъ и масса другихъ.

По мнѣнію автора, которое онъ доказываетъ и въ «British Medical Journal», вовсе не тропическіе жары служатъ главнымъ препятствіемъ европейской колонизаціи тропиковъ, а та постоянная и жестокая подчасъ борьба за существованіе, которую приходится вести европейцамъ со всѣми живыми существами въ тропикахъ, начиная отъ человѣка, дикихъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй и вплоть до микроскопическихъ организмовъ, являющихся самымъ страшнымъ врагомъ человѣка въ этихъ странахъ. Въ Индіи ежегодно 23.000 человѣкъ и 60.000 скота погибаютъ отъ дикихъ звѣрей и змѣй, и климатъ тутъ не причѣмъ. Зачѣмъ ставить на счетъ климату смертность отъ болѣзней, когда уже доказано въ огромномъ большинствѣ случаевъ ихъ паразитное происхожденіе?

Авторъ вовсе не отрицаетъ, что жара и сырость могутъ имѣть вредное вліяніе на здоровье человѣка и предрасположить его организмъ къ различнымъ заболѣваніямъ, но съ этимъ вліяніемъ не такъ трудно бороться; акклиматизація совершается, сравнительно, легко и, кромѣ того, успѣхи цивилизаціи даютъ человѣку полную возможность бороться съ силами природы,—боротся и побѣдить!

Однимъ изъ главныхъ условій успѣха колонизаціи тропическихъ странъ должно быть знаніе распредѣленія тропическихъ болѣзней, такъ какъ эти болѣзни далеко неодинаково распространены въ различныхъ мѣстностяхъ и часто имѣютъ только эндемическій характеръ. Это изученіе распредѣленія болѣзней должно составить отдѣльную отрасль науки — «географическую патологию». Знаніе болѣзней, свойственныхъ именно данной мѣстности, поможетъ отыскать какъ непосредственную причину этой болѣзни, такъ и средства для борьбы съ ней. Авторъ возстаетъ также противъ общераспространеннаго предрассудка, что дѣти европейцевъ съ трудомъ выживаютъ въ тропическомъ климатѣ. Смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ авторъ исключительно приписываетъ дурному ухому и господствующему предрассудку, вслѣдствіе котораго дѣтей, изъ опасенія солнечнаго удара, постоянно держатъ въ темныхъ помѣщеніяхъ, часто очень тѣсныхъ и плохо провѣтриваемыхъ. «Тотъ, кто говоритъ о плохомъ состояніи европейскихъ дѣтей въ Индіи, —восклицаетъ авторъ, —вѣроятно никогда не посѣщалъ бѣднѣйшіе кварталы Лондона и Глазгова и не видалъ несчастныхъ болѣзненныхъ уродцевъ съ кривыми ногами, которые наполняютъ улицы этихъ кварталовъ!».

Въ заключеніе авторъ указываетъ, что смертность среди европейцевъ въ тропическихъ колоніяхъ очень упала въ послѣднее время и это уменьшеніе смертности, конечно, служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что многія изъ такъ называемыхъ тропическихъ болѣзней подлежатъ контролю санитарной науки и отъ успѣховъ ея зависятъ въ значительной степени успѣхъ

европейской колонизаціи. Къ сожалѣнію, еще много существуетъ болѣзней въ тропикахъ, о которыхъ мы знаемъ только одно — что онѣ убиваютъ. Для успѣшной борьбы съ тропическими болѣзнями надо основательное знаніе ихъ распредѣленія и условій данной мѣстности, надо изучить характеръ этихъ болѣзней и ихъ происхожденіе и только тогда вопросъ о колонизаціи тропическихъ странъ станетъ на твердую почву; противъ же невозможности такой колонизаціи говорить уже то, что болѣе десяти миліоновъ бѣлыхъ людей давно уже переселились въ тропики и положили тамъ основаніе новымъ, быть можетъ, еще болѣе великимъ цивилизаціямъ.

Успѣхи женскаго движенія, появленіе такъ называемой «новой женщины» (New Woman) въ Англіи, эмансипація германскихъ женщинъ отказавшихся отъ прежняго идеала «Hausfrau», и снявшихъ кухонный передникъ — все это выдвинуло на сцену вопросъ: чѣмъ будетъ женщина въ XX вѣкѣ? Во Франціи въ особенности заинтересованы этимъ вопросомъ и встревожены эволюціей женщины. Что станетъ съ женственностью, женскимъ изяществомъ и красотой? Французскіе поэты, писатели, художники и цѣлый сонмъ французовъ, никогда бы не согласившихся поставить женщину рядомъ съ собой и относиться къ ней, какъ къ равной, но кричащихъ о своемъ преклоненіи передъ женщиной, т. е. ея физической красотой, обезпечены мыслью, что красота эта исчезнетъ, когда женщина перестанетъ довольствоваться «преклоненіемъ», а потребуетъ «уравненія», и это безпокойство, эта тревога выражаются во множествѣ статей, появляющихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и принадлежащихъ перу различныхъ, болѣе или менѣе знаменитыхъ писателей, которые на всѣ лады выражаютъ свою боязнь и предостерегаютъ женщину отъ увлеченія современными теоріями. Извѣстный французскій поэтъ Сюлли Прюдомъ точно также преисполненъ грустныхъ предчувствій и высказываетъ ихъ въ «Revue des Revues». Его пугаетъ призракъ женщины XX столѣтія. Промышленный прогрессъ, по мнѣнію поэта, долженъ вызвать паденіе эстетическаго чувства, уменьшеніе чувства красоты, такъ какъ человѣкъ все больше и больше будетъ стремиться къ удовлетворенію своихъ потребностей комфорта и жизненныхъ удобствъ. Современный человѣкъ восхищается успѣхами промышленности и мало-по-малу это восхищеніе вытѣсняетъ чувство преклоненія и восхищенія прекраснымъ. Въмѣсто красоты, на первый планъ выдвигаются практическія проблемы и стремленіе къ ихъ разрѣшенію. Красота осуждена на гибель, потому что она не занимаетъ болѣе того мѣста, которое занимала раньше и все болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ. Соотвѣтственно съ этимъ измѣняется и отношеніе къ женской красотѣ, и социальная роль женщины. Благодаря промышленному прогрессу обостряется борьба за существованіе, конкуренція становится болѣе жестокой и современный человѣкъ до такой степени поглощенъ этой борьбой, — вѣчнымъ страхомъ конкуренціи и заботой о деньгахъ, что ему некогда предаваться ни созерцанію красоты, ни культу. Въ любви современный человѣкъ уже не имѣетъ ни времени, ни потребности восхищаться красотой и брошенный имъ взоръ знаменуетъ атаку, но не преклоненіе. Очень естественно, что умаленіе эстетическаго чувства должно отразиться роковымъ образомъ на женской красотѣ, женщина все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ мужскому типу и соотвѣтственно съ измѣненіемъ ея вѣщности измѣнятся и ея душевныя качества. Вслѣдствіе этого она перестанетъ культивировать тѣ спеціально женскія качества, которыя прежде составляли ея украшеніе и посятять себя оцѣнками точныхъ, экспериментальныхъ, социальныхъ и политическихъ наукъ, будетъ конкурировать со студентами на скамьяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, будетъ добиваться ученыхъ ступеней и будетъ занимать такія же общественныя должности, какія занимаетъ теперь мужчина. Многія

и теперь уже доказали, говорит Сюлли Прюдомъ, что интеллектуальныя способности женщины вполнѣ пригодны къ воспріятію высшей культуры и научныхъ знаній; чѣмъ дальше, тѣмъ больше женщины будутъ стремиться къ уничтоженію тѣхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ различій, которыя существовали между мужчинами и женщинами, и, конечно, отъ этого пострадаетъ эстетическая природа женщины. Женщина не будетъ придавать значеніе красотѣ, потому что она не будетъ нуждаться въ ней, чтобъ побѣдить мужчину. Станетъ ли жизнь лучше и легче отъ этого? Сюлли Прюдомъ думаетъ, что нѣтъ. Пониженіе эстетическаго чувства уничтожаетъ въ человѣкѣ «сластное стремленіе къ мечтѣ, которая остается недостижимой». Его замѣнить стремленіе къ промышленнымъ успѣхамъ, благодаря которымъ жизненные удобства и благосостояніе возрастутъ, но сумма человѣческаго счастья нисколько не увеличится и человѣчество потеряетъ способность наслаждаться приобретеннымъ комфортомъ, отсутствіе котораго заставило бы его страдать, такъ какъ чувствительность къ нему постепенно притупится.

Такъ вотъ чѣмъ угрожаетъ намъ XX вѣкъ съ его промышленнымъ прогрессомъ и уравниемъ правъ женщины, — печально заключаетъ французскій любитель женщины! Но мы можемъ спокойно взирать на будущее. Женщина-человѣкъ уже доказала, что красота ея только увеличивается по мѣрѣ роста ея духовной стороны, какъ показали наши русскія женщины и въ особенномъ англо-саксонки.

Профессоръ Ломброзо печатаетъ въ журналѣ «Forum» статью о соціологическихъ и этническихъ источникахъ величія венеціанской республики, въ которой, послѣ длинныхъ, чисто академическихъ разсужденій, представляющихъ интересъ лишь съ точки зрѣнія исторіи и не имѣющихъ никакого отношенія къ современнымъ злобамъ дня; авторъ внезапно обращается въ сторону Соединенныхъ Штатовъ и проводитъ аналогію между Америкой и Венеціей. Этотъ внезапный переходъ приводитъ сначала читателя въ недоумѣніе, но затѣмъ становится ясно, что Ломброзо воспользовался исторіей Венеціи лишь для того, чтобы высказать предостереженіе Соединеннымъ Штатамъ не слишкомъ увлекаться политикою имперіализма. Паденіе Венеціи, въ которой Ломброзо видитъ прототипъ Соединенныхъ Штатовъ, должно, по его мнѣнію, служить для нихъ урокомъ. Ломброзо сравниваетъ Венецію съ Нью-Йоркомъ, который такъ же, какъ нѣкогда Венеція, является центромъ, сосредоточивающимъ въ себѣ торговлю, богатство и научный прогрессъ Соединенныхъ Штатовъ. Величіе венеціанскаго государства должно быть приписано прежде всего, говоритъ Ломброзо, свободѣ, которая въ немъ существовала, а упадокъ этой свободы вызванъ былъ главнымъ образомъ побѣдами въ дальнихъ странахъ. Заявленіе новыхъ и отдаленныхъ земель порождали громадныя издержки, которыя, въ свою очередь, вызвали увеличеніе налоговъ, усиленіе вооруженій и передачу верховной власти въ руки нѣсколькихъ человѣкъ, которые въ концѣ концовъ тиранизировали республику и отняли всѣ ея вольности. Потеря свободы совершилась почти незамѣтно для народныхъ массъ, такъ какъ чувствительность ихъ была притуплена жаждою военной славы и побѣдъ. Вообще мечты о побѣдѣ дѣйствуютъ на народы опьяняющимъ образомъ и блескъ военной славы обыкновенно ослѣпляетъ ихъ. Побѣды обыкновенно имѣютъ своимъ результатомъ временное накопленіе богатствъ, но эти богатства въ концѣ концовъ приводятъ къ нищетѣ, которая бываетъ въ данномъ случаѣ послѣдствіемъ привычки къ празности и лѣни. Громъ побѣды веселитъ, словно возбуждающій напитокъ, но онъ же и отравляетъ народную душу, порождаетъ въ ней тщеславіе, чрезмѣрную обидчивость и такой народъ каждую минуту готовъ бываетъ схватиться за оружіе и

въ концѣ концовъ совершаетъ роковой шагъ и начинаетъ войну, которая приводитъ его къ погибели.

Граждане Соединенныхъ Штатовъ пьютъ теперь изъ «кубка побѣды» возбуждающую и сладкую отраву, говорятъ Домброзо, но пусть они помнятъ, что величіе ихъ страны зависитъ главнымъ образомъ отъ ея полной независимости отъ остальной части міра. Вступая на новый путь, Соединенные Штаты вынуждены будутъ заключать союзы и это породитъ имъ массу противниковъ, и свяжетъ ихъ свободу. Америка до сихъ поръ была ограждена отъ страшной разѣдающей язвы современнаго милитаризма и теперь главная опасность для нея заключается именно въ томъ, что ей грозитъ насажденіе и развитіе этого милитаризма, источника всякихъ золъ и разоренія, которое грозитъ всѣмъ европейскимъ латинскимъ расамъ.

Женщина и политическая экономія.

Профессора цюрихскаго университета д-ра Гермнера.

Перев. съ нѣм. А. Шарфъ.

I.

Всякій, кто сколько-нибудь интересуется развитіемъ экономической литературы, долженъ былъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что женщины за послѣднее время усердно и иногда съ необычайнымъ успѣхомъ занимаются изученіемъ политической экономіи. Ихъ работы можно встрѣтить не только въ повседневной прессѣ,—но даже и редакціи самыхъ выдающихся спеціальныхъ изданій, напримѣръ, «Jahrbücher» Шмоллера и Бонрада, «Archives» Брауна въ Германіи, считаютъ женщинъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ.

Такъ какъ сейчасъ даже отъ людей, относящихся съ большою симпатіей къ научнымъ занятіямъ женщины, часто приходится слышать, что государственныя и общественныя науки дѣло не подходящее для женщины, то, пожалуй, не будетъ неумѣстнымъ въ университетѣ, который пролагалъ дорогу женскому образованію, взять темой для вступительной лекціи вопросъ объ отношеніи между научной политической экономіей и женщиной.

Понятно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь исчерпывающемъ разсмотрѣніи этой темы: только на три вопроса мнѣ хотѣлось бы отвѣтить, но и эти три вопроса будутъ разсмотрѣны лишь съ тѣхъ сторонъ, которыя, по моему мнѣнію, до настоящаго времени не были достаточно изслѣдованы.

Эти вопросы слѣдующіе: 1) Что дали до сихъ поръ женщины въ области политической экономіи? 2) Что можетъ дать женщинѣ изученіе политической экономіи? 3) Какое вліяніе можетъ имѣть все растущее занятіе женщинъ политико-экономическими вопросами на общественное развитіе?

II.

Новѣйшая политическая экономія родилась въ Англіи; неудивительно поэтому, что намъ прежде всего придется говорить о работахъ англійскихъ женщинъ.

Многіе припомнятъ имя Harriet Martineau (Гарриетъ Мартино). По выраженію лорда Бругэма (Brougham), эта глухая дѣвушка изъ Норвича сдѣлала, быть можетъ, больше добра, чѣмъ кто-либо въ Англіи *). Для научной поли-

*) Наиболѣе извѣстны: «Illustrations of political economy» въ 9 томикахъ. Онѣ были переведены на французскій, датскій и испанскій языки.

тической экономии ее работы не имеют никакого значения. Она ограничивалась популяризацией в беллетристической форме учений Смита, Рикардо и Мальтуса. Тем не менее, позднее она, кажется, пришла к заключению, что эта классическая политическая экономия не может считаться последним словом науки. Она замечает в своей автобиографии, что политическая экономия должна будет подвергнуться столь основательной переработке, что еще является вопросом, обязаны ли ей будут грядущие поколения чем-нибудь, кроме великого открытия законности общественной жизни.

В этой переработке, которая была не по силам Harriet Martineau, приняла очень большое участие другая английская женщина,—жена Джона Ст. Милля.

Во всяком случае, сам Милль приписывает наиболее ценные и оригинальные свои работы влиянию своей жены. Ее влиянию нужно приписать социальный дух его трудов, глубокое участие к положению рабочего класса, неутомимое искание путей и средств для улучшения его общественного положения, старательное изучение социалистических мыслителей, не затем, чтобы как Рейбо, опровергнуть или высмеять их, а чтобы извлечь что-нибудь, чем бы можно было воспользоваться для блага науки *)

Известная глава «Политической экономии»: «Вероятное будущее рабочего класса» с мастерской критикой произведенных властью рукою социальных реформ—ее духовное дитя и, по уверению Милля, часто выражает ее мысли ее собственными словами.

Особенного интереса заслуживает еще, кажется мне, то обстоятельство, что Милль, хотя и был обращен своей женой в социального реформатора, ею же был удержан от коммунизма. Точно также ее гений внушил ему индивидуалистически настроенный опыт: «о свободе».

Роль, которую Милль приписывает участию своей жены в его духовном творчестве, оспаривается многими. На самом деле нет ничего невероятного в том, что любящий и скромный Милль мог зайти гораздо дальше в оценке своей жены, чем это казалось возможным для беспристрастных наблюдателей. Тем не менее, я все же думаю, что когда Милль с такой точностью указывает, что той или иной мыслью он обязан своей жене, в той или другой главе говорит многое ее же собственными словами, я думаю, нельзя не считаться с свидетельством такого добросовестного мыслителя, каким был Милль.

И, наконец, почему должно казаться таким странным, что женщина сделала что-нибудь заметное для успехов политической экономии? Я не хочу напоминать о значительном прогрессе, который сделали великие государства под скипетром женщины; не хочу ни останавливаться на законѣ о бѣдных королевы Елисаветы или на крестьянском законодательствѣ Марин-Терезы, ни заниматься изслѣдованіемъ того, какое участіе принимала, быть можетъ, королева Викторія въ улучшеніи положенія рабочаго класса въ Англіи, и сколько сделала американская женщина для уничтоженія рабства, гораздо раньше автора «Хижины дяди Тома».

Одно хотѣлъ бы я особенно подчеркнуть, тотъ именно фактъ, что въ высшей

*) «Все, что в них отвлеченного и чисто научного, принадлежит мне, а человеческий элемент приданъ ею; во всемъ, что касалось примѣненія науки къ требованіямъ человѣческаго общества и прогресса, я былъ ее ученикомъ какъ въ смѣлости умовѣрній, такъ и въ осторожности практическихъ выводовъ... Тѣ части моихъ сочиненій и особенно «Политической экономіи», въ которыхъ выражена возможность въ будущемъ такихъ социальныхъ переменъ, которыя встрѣчали самый горячій протестъ экономистовъ, никогда не были бы написаны безъ ее содѣйствія или были бы изложены въ болѣе скромной и умѣренной формѣ.» («Автобиографія», пер. подъ ред. Благосвѣтлова).

степени содержательными и блестящими произведениями новѣйшей социальнo-политической литературы Англіи мы обязаны опять-таки женщинамъ.

Я имѣю въ виду, понятно, Беатрису Веббъ, жену Сиднея Вебба. Ея выдающіеся научные труды даютъ мнѣ право посвятить нѣсколько словъ ея личности и ея развитію.

Беатриса Веббъ (род. 1858 г.)—младшая дочь Ричарда Поттера, одного изъ англійскихъ желѣзнодорожныхъ королей. Гербертъ Спенсеръ далъ ея развитію индивидуалистическое направленіе. Исполняя въ нѣкоторомъ родѣ обязанности секретаря своего отца, она рано приобрѣла глубокое пониманіе современной хозяйственной жизни. Толчкомъ же къ научнымъ занятіямъ экономическими и социальными вопросами послужило ея знакомство съ одними далекими родственниками. Бѣдными фабричными рабочими. Ея бабушка со стороны матери была сама работницей на фабрикѣ. Впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ этого знакомства, дали первый толчекъ сомнѣнію въ правильности ея до тѣхъ поръ прочнаго индивидуалистическаго міросозерцанія. Въ союзѣ со своимъ кузеномъ Чарльсомъ Бусомъ (Booth) она задумала основательно изучить фактическое положеніе рабочаго населенія,—для начала въ лондонскомъ Остандѣ. Оба они были еще того мѣня, что чѣмъ основательнѣе будетъ сдѣлано такое изслѣдованіе, тѣмъ вѣрнѣе покажетъ оно, что все рассказы о нуждѣ рабочихъ сильно преувеличены. Г-жа Веббъ, тогда еще миссъ Поттеръ, взяла на себя изслѣдованіе положенія женщинъ въ конфекціонной промышленности—этомъ царствѣ такъ называемой sweating-system (потогонная система).

Съ этою цѣлью она прошла у одного портного курсъ шитья и кройки и потомъ, въ оборванномъ платьѣ и съ растрепанными волосами, отправилась въ бѣдные рабочіе кварталы искать работы. Такъ какъ, не смотря на пройденный курсъ, она значительно отставала отъ профессиональныхъ работницъ въ скорости работы, то ее обыкновенно очень скоро рассчитывали, что и дало ей возможность собственными глазами видѣть условія жизни значительной части мастерскихъ *).

Это изученіе принесло богатые плоды. Miss Поттеръ дала для замѣчательнаго сочиненія Буса (Booth): «Life and Labor of the People», работу объ иммиграціи польскихъ и русскихъ евреевъ, съ которой стоитъ въ самой тѣсной связи положеніе труда въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ царитъ sweating-system. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1888 году, она была допрошена въ качествѣ эксперта парламентской комиссіей, занимавшейся вопросомъ о распространеніи рабочаго законодательства и на вышеупомянутыя отрасли труда. Ея показанія одинаково блестяще доказывали обширность ея свѣдѣній и безпристрастіе ея сужденій. Ея предложеніе влонялось къ тому, чтобы сдѣлать ответственными за происходящія тутъ безобразія и хозяевъ, и посредниковъ,—мысль, которая въ дѣйствительности нашла себѣ выраженіе, но къ сожалѣнію, въ очень ограниченной формѣ, въ законодательствѣ 1891 и 1895 годовъ.

Къ тому же, это изученіе дѣйствительности, рядомъ съ которымъ шло и усиленное изученіе экономической науки, произвело основательный переворотъ въ политическихъ и социальныхъ взглядахъ миссъ Поттеръ. Консервативная аристократка-индивидуалистка становится теперь въ первыхъ рядахъ тѣхъ, кто борется за серьезныя, широкія реформы на демократическихъ началахъ и не для того, чтобы изъ филантропическихъ мотивовъ облегчить нужду пролетаріата, а чтобы положить начало перерожденію общества въ цѣломъ.

Съ безпримѣрнымъ рвеніемъ и услѣхомъ занималась съ тѣхъ поръ миссъ Поттеръ вопросами, касающимися разныхъ товариществъ, профессиональныхъ

*) См. «Diary of an investigator», первоначально появившееся въ «Nineteenth Century», Sept. 1888; вторично отпечатанное въ Mr. and Mrs. Webb. «Problems of modern industry».

союзовъ, рабочаго законодательства *). Всѣ эти работы были очень скоро переведены на иностранные языки и вызвали удивленіе специалистовъ Густавъ Шмоллеръ, мнѣнія котораго часто расходятся съ мнѣніями г-жи Веббъ, считаетъ ея труды въ числѣ лучшихъ и самыхъ поучительныхъ, какіе ему приходилось видѣть. И безъ сомнѣнія, онѣ выдаются красотой и блескомъ изложенія, мѣткостью наблюденія, удачною подборомъ и анализа фактовъ, широтой взгляда и глубиной мысли. Это столько же произведенія искусства, сколько и науки.

Въ 1892 году миссъ Поттеръ вышла замужъ за извѣстнаго политико-экономиста и основателя Фабіанскаго общества—Сиднея Вебба.

Съ точки зрѣнія той специальной задачи, которую я преслѣдую,—показать, чѣмъ наша наука обязана женщинѣ, я долженъ откровенно пожалѣть объ этомъ, въ остальномъ, впрочемъ, очень счастливымъ, союзѣ. Г-жа Веббъ съ этихъ поръ пишетъ большинство своихъ работъ совмѣстно со своимъ мужемъ. Капитальный трудъ о трѣд-юніонахъ вышелъ въ свѣтъ уже какъ сочиненіе Мгга и Mrs Webb. Что же тутъ принадлежитъ его перу, что ей?

Къ счастью, уже до своей женитьбы Веббъ выпустилъ нѣсколько работъ въ общественно-политической области. Я думаю, что работы холостого Вебба сильно тусквѣютъ отъ сравненія съ работами супруговъ Веббъ, тогда какъ «Кооперативное движеніе» миссъ Поттеръ смѣло стоитъ рядомъ съ написанной супругами Веббъ книгой о трѣд-юніонахъ.

Г-жа Веббъ слѣдующимъ образомъ говоритъ объ ихъ совмѣстной работѣ: «Онъ дѣлаетъ работу, а я его вдохновляю. Это я считаю прямо правиломъ: во всемъ женщина даетъ толчекъ, мужчина—исполненіе. У женщины больше духовныхъ средствъ, инициативы и смѣлости, чѣмъ у мужчины, но у мужчины больше способности къ упорному труду. При нашей совмѣстной работѣ я даю моему мужу матеріалъ, онъ обрабатываетъ его. Когда онъ пишетъ, я сижу рядомъ съ моими замѣтками. Онъ критикуетъ мой планъ, я критикую его исполненіе; и когда мы ужъ не оставимъ другъ на другѣ живого мѣста, мы идемъ дальше».

Въ настоящую минуту супруги Веббъ работаютъ надъ книгой объ англійскихъ общинныхъ порядкахъ.

О вопросахъ чисто политическихъ, стоящихъ на почвѣ классовой борьбы, г-жа Веббъ ничего знать не хочетъ**). Что касается политической роли женщины, она является представительницей оригинальной идеи: замѣнить верхнюю палату представительствомъ женщинъ... Въ остальномъ — г-жа Веббъ никакъ не производитъ впечатлѣніе снлаго чулка, наоборотъ, — въ высшей степени привлекательнаго существа, «спокойной, милой, женственной женщины», какъ выразилась одна изъ ея англійскихъ біографовъ.

Проще говоря, работы г-жи Веббъ превосходятъ, быть можетъ, все, что до сихъ поръ вообще создано женщиной въ области науки. Я недостаточно математикъ, чтобы судить о работахъ Софіи Ковалевской, съ которой скорѣе всего ее можно сравнивать. Однако, если вѣрно то, что работы стокгольмской профессорши не выходятъ изъ рамокъ идей ея учителя Вейерштрасса, г-жѣ Веббъ достанется пальма первенства въ смыслѣ большей самостоятельности въ ея специальности. Какъ писательницы, одинаково высоко стоятъ онѣ обѣ; какъ

*) B. Potter, «The Cooperative movement in Great Britain». London 1891; Mrs B. Webb. «The failure of the Labour Commission». «Nineteenth Century», July, 1894; S. & B. Webb. «The History of Trade-Unionism», 1894; S. & B. Webb. «Industrial Democracy», 1897; S. & B. Webb, «Problems of modern industry» 1898. Кроме того г-жа Веббъ написала: «Women & the factory acts», S. 82; «The relationship between Cooperation and Trade Unionism».

** (Ея уравновѣшенной натурѣ противно все, что носитъ характеръ догматическаго, насильственнаго, декламаторскаго или агитаторства.

человѣкъ, г-жа Веббъ, мнѣ кажется, безусловно болѣе устойчивой и зрѣлой личностью.

Послѣ г-жи Веббъ изъ англійскихъ женщинъ, которымъ мы обязаны политико-экономическими изслѣдованіями, я могъ бы назвать прежде всего миссъ Клару Коллетъ (Clara Collet). Начавъ свою научную дѣятельность въ качествѣ сотрудницы въ упомянутомъ уже трудѣ Чарльса Буса, она продолжала работать, какъ Lady Assistant Commissioner въ гигантскомъ изслѣдованіи условій труда, предпринятомъ въ 1891 году англійскимъ правительствомъ. Здѣсь она заявила себя такимъ трудолюбивымъ и дѣльнымъ статистикомъ, что по окончаніи анкеты ей было предложено мѣсто въ отдѣлѣ статистики труда при министерствѣ торговли. Ей обязаны мы весьма почтеннымъ статистическимъ изслѣдованіемъ о трудѣ женщинъ и дѣвушекъ въ Ангаіи.

Рядомъ съ миссъ Коллетъ съ успѣхомъ работало въ комиссіи 1891 года значительное число академически образованныхъ женщинъ, о которыхъ съ большою похвалою отзывается въ своемъ отчетѣ секретарь комиссіи. Имъ поручено было освѣтить профессиональную сторону жизни работницъ, и ихъ доклады вмѣстѣ съ докладомъ о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ принадлежать къ самымъ удачнымъ въ анкетѣ.

Дѣльной работницей въ политической экономіи является дальше г-жа Маршаллъ (Marschall), жена экономиста Альфреда Маршалла въ Кембриджѣ. Она не только читаетъ лекціи по политической экономіи въ женскомъ университетѣ Newnham College въ Кембриджѣ, но извѣстна какъ усердная и дѣвная сотрудница своего мужа въ его, по общему признанію очень почтенныхъ, трудахъ.

Женщины, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, и къ которымъ надо причислить еще г-жу Бернаръ Бозанкетъ (Bernard Bosanquet) и миссъ Твиннингъ (Twining), заявили себя самостоятельными научными трудами. Но кромѣ нихъ, есть еще много женщинъ, которыя, обладая значительными познаніями въ области политико-экономической, главнымъ образомъ работаютъ на почвѣ практической политики, какъ, напр., лэди Дилкъ (Dilke), Элеонора Маркъсъ и др., или же въ области журналистики. Ихъ дѣятельность, мнѣ кажется, заслуживаетъ не меньше благодарности, чѣмъ работа изслѣдователя въ собственномъ смыслѣ слова. Какую пользу, въ самомъ дѣлѣ, особенно въ нашей спеціальности, приносятъ всѣ эти сокровища, если изъ нихъ ничего не достанется широкой публикѣ, народу?

Какъ серьезно и усердно отдаются англійскія женщины вообще изученію общественныхъ отношеній, показываютъ, наконецъ, такъ называемыя «женскія поселенія» (Women Settlements) и Women Industrial Councils въ Лондонѣ и Глазго. Первые являются чѣмъ-то въ родѣ наблюдательныхъ постовъ въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ; это колоніи женщинъ образованныхъ классовъ, которыя своими собственными глазами хотятъ изучить жизнь рабочаго класса. Съ 1877 по 1895 годъ такихъ «поселеній» основано въ Лондонѣ девять.

Women's Industrial Councils заняты изслѣдованіемъ условій труда женщинъ и дѣтей, организаціей женщинъ въ профессиональные союзы, ихъ развитіемъ путемъ лекцій и курсовъ, выработкой на основаніи собственного опыта проектовъ законовъ и пр. Лондонская организація опубликовала нѣсколько времени тому назадъ замѣчательное изслѣдованіе о паденіи заработной платы женщинъ въ домашней промышленности.

Раньше, чѣмъ перейти къ женщинамъ-политико-экономамъ другихъ странъ, я долженъ напомнить еще объ одной женщинѣ, которая, къ сожалѣнію, не стоитъ въ прямомъ отношеніи къ нашей спеціальности, а занимается исторической наукой. Я говорю о Mrs. Гринъ, вдовѣ извѣстнаго автора «Исторіи англійскаго народа». По смерти своего мужа она посвятила себя широкому

изученію, по источникамъ, исторіи развитія средневѣковыхъ городовъ и послѣ десятилѣтней работы дала въ своей «Городской жизни въ Англіи пятнадцатого вѣка» произведеніе, которое должно быть причислено къ самымъ зрѣлымъ плодамъ англійской исторіи народнаго хозяйства, не менѣе важнымъ для политико-эконома, чѣмъ для историка и политика.

Послѣ Англіи слѣдуетъ поставить родственную ей и ближе всего стоящую по развитію женскаго движенія Сѣверную Америку. Хотя тамъ политической экономіи отведено больше мѣста въ образованіи женщины, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, американки не догнали еще своихъ англійскихъ сестеръ въ научной работѣ. Наибольше извѣстны статьи Флоренсъ Келли (Florence Kelley) по вопросамъ рабочаго законодательства. Она училась въ Цюрихѣ, съ 1893 по 1897 годъ была фабричнымъ инспекторомъ въ Илинойсѣ, но была уволена отъ должности за то, что рѣшилась настаивать на исполненіи законодательныхъ постановленій о дѣтскомъ трудѣ на одной фабрикѣ, пользовавшейся особеннымъ покровительствомъ тогдашняго правительства.

Въ Германіи тоже ни одной женщинѣ не удалось еще подняться на ту высоту, на которой стоитъ Б. Веббъ. Но то усердіе, съ которымъ многія богато-одаренныя женщины принялись за изученіе общественныхъ наукъ, даетъ право ожидать многого. Близа Гнауку-Кюне (Elisabeth Gnauck-Kühne) изслѣдовала положеніе женщинъ на берлинскихъ бумажныхъ фабрикахъ; Гертруда Диренфуртъ (Gertrud Dyhrenfurth) посвятила свое вниманіе женскимъ профессиональнымъ союзамъ въ Англіи и положенію работницъ берлинской Konfektionsindustrie, работающихъ на дому; родственную тему разрабатывали д-ръ Минна Ветштейн-Аделтъ и Ода Ольбергъ (D-г Minna Wettstein-Adelt и Oda Olberg); Елена Симонъ (Helene Simon) писала въ то же время объ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ и дѣятельности англійскихъ фабричныхъ и санитарныхъ инспекторовъ-женщинъ. Лили Браунъ (Lily Braun) (по первому мужу—Gizycki) и Клара Цеткинъ (Klara Zetkin) разрабатываютъ женскій вопросъ и вопросъ о положеніи работницъ, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія экономической; Аделъ Гергардъ (Adele Gerhard) написала брошюру объ отношеніи социаль-демократіи къ потребительнымъ товариществамъ. Wettstein-Adelt и Гнауку-Кюне (Gnauck-Kühne), подобно Б. Веббъ переодѣвшись работницами, работали въ описанныхъ ими отрасляхъ труда.

Понятно, и въ Германіи журнальная дѣятельность экономически-образованныхъ женщинъ еще шире, чѣмъ въ чисто научной области изслѣдованія.

Изъ польскихъ женщинъ выдаются Софія Дашинска (Zofia Daszinska) и Роза Люксембургъ (Rosa Luxemburg), русской, г-жѣ Горбуновой, мы обязаны интересной статьей о русскомъ кружевномъ промыслѣ. Зато во Франціи знаю я только Клемансъ Ройе (Clémence Royer), какъ автора «Теоріи налоговъ», и въ Италіи—графиню Пассолини (Passolini) и Джину Ломброзо (Gina Lombroso).

Если бы мнѣ пришлось теперь, на основаніи названныхъ трудовъ, подвести итогъ дѣятельности женщинъ въ нашей наукѣ, я сказалъ бы: мы обязаны уже женщинамъ цѣлымъ рядомъ работъ, которыхъ нельзя было бы выкинуть, не пожертвовавъ важными звеньями въ цѣпи политико-экономическихъ изслѣдованій, не нанеся чувствительнаго удара нашей наукѣ. Подобно тому, какъ фабричная инспекція не будетъ полна безъ женскаго персонала, если благодѣянія фабричнаго законодательства будутъ распространены и на домашнюю промышленность, такъ точно и общественно-научныя изслѣдованія должны быть возложены на ученыхъ женщинъ, если только рѣчь идетъ объ основательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи растущей съ каждымъ днемъ области женскаго промышленнаго труда; здѣсь женщины могутъ открыть намъ такіе факты, которые, безъ сомнѣнія, остались бы сокрытыми для изслѣдователя—мужчины.

Впрочемъ, не только въ этихъ спеціальныхъ случаяхъ мы должны при-
вѣтствовать работы женщинъ. Супруги Веббы заявляютъ, что, по ихъ личному
опыту, женщины вообще гораздо легче вызываютъ довѣріе и находятъ доступъ
туда, гдѣ и въ томъ и другомъ отказываютъ мужчинѣ, какъ возможному кон-
куренту въ промышленности или противнику въ политикѣ.

Затѣмъ дальше: почему общественные порядки, съ которыми имѣютъ дѣло
одинаково и мужчина, и женщина, должны разсматриваться всегда съ точки
зрѣнія того, какъ они отражаются въ душѣ мужчины? Увѣрены ли мы въ
томъ, что онъ можетъ передать вещи въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть въ дѣй-
ствительности? Даже если это и такъ, дѣло не только въ одномъ наблюденіи
фактовъ, но и въ ихъ переработкѣ, въ судѣ надъ ними. И въ этомъ смыслѣ я
считаю въ высшей степени желательнымъ, чтобы женскій взглядъ на вещи, ко-
торый, какъ правило, старательно подчеркиваетъ индивидуальный, личный
моментъ, получилъ положительное вліяніе.

Политико-экономъ мужчина, особенно принадлежащій къ дедуктивно-абстракт-
ному направленію, легко поддается искушенію видѣть только отдѣльныя соціальныя
группы и категоріи и считаться съ индивидами только какъ съ членами высшихъ
единицъ. Такимъ образомъ возникаютъ голыя схоластическія понятія: «капита-
листа», «рабочаго», «землевладѣльца» и т. п. Надъ этими схемами оперируютъ,
какъ надъ алгебраическими величинами; и все еще есть люди, которые думаютъ,
что можно втиснуть хозяйственныя и общественныя проблемы въ математическія
формулы. Такимъ образомъ общество является не организмомъ, которымъ дви-
жущъ всѣ человѣческія страсти, а сухимъ скелетомъ, на политическую же эко-
номію ложится печать чего-то школьнаго или канцелярскаго, шаблоннаго, холод-
наго и невѣрнаго. Поэтому часто какъ разъ люди съ развитымъ чувствомъ живой
дѣйствительности, съ горячимъ сердцемъ или живой фантазійей, получаютъ отвра-
щеніе къ политической экономіи. Вспомните Висмарка, Карлейля, Рёскина, Толстого.

Противъ этихъ заблужденій въ высшей степени полезнымъ противоядіемъ
должна быть противоположная тенденція женщины — выставлять на первый
планъ частное, индивидуальное, схватывать вещи скорѣе чувствомъ, чѣмъ умомъ.
Я совершенно согласенъ съ Л. фонъ-Штейномъ, когда онъ говоритъ, что то, что
мы называемъ чувствомъ, есть въ концѣ концовъ безсознательное схватываніе
всѣхъ великихъ истинъ, и что когда мужчина ищетъ основаній, доказательствъ,
то это для того, чтобъ вѣрно понять хоть и необоснованную «истину» женщины.

Эмерсонъ выразилъ разъ замѣчательнымъ образомъ: «мы никогда не поймемъ
политической экономіи, если ее не расскажемъ намъ въ своихъ пѣсняхъ Бернсъ
или Беранже или какой-нибудь другой поэтъ. Я хочу этимъ сказать, что чисто
ученыхъ изслѣдованій недостаточно для пониманія политико-экономическихъ
вопросовъ въ широкихъ кругахъ, что только въ художественной переработкѣ они
могутъ служить для блага націи» *).

Я думаю, начало такого художественнаго, скорѣе интуитивнаго, чѣмъ анали-
тического и рефлектирующаго пониманія вещей можно замѣтить, въ дѣйстви-
тельности, въ трудахъ этихъ Б. Веббъ, Gnauck-Kühne, Gertrud Dyhrenfurth и
нѣкоторыхъ другихъ женщинъ.

III.

Если все до сихъ поръ сказанное не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что
женщины могутъ содѣйствовать успѣху политической экономіи и уже дѣйстви-

*) Я сомнѣваюсь, дали-ли для пониманія ужаснаго положенія силеской до-
машней промышленности всѣ вмѣстѣ ввѣтныя научныя изображенія столько,
сколько дала одна единственная драма Гауптмана; «Тваичи».

тельно ему содѣйствовали, мы можемъ подойти къ нашему предмету съ другой стороны. Я хотѣлъ-бы попытаться взглянуть на политическую экономію съ точки зрѣнія интересовъ женщины и отвѣтить на вопросъ, чего можетъ ждать, въ свою очередь, женщина отъ политической экономіи.

Отвѣтъ долженъ получиться различный въ зависимости отъ того, будемъ ли мы говорить о специальныхъ научныхъ занятіяхъ политической экономіей, или о введеніи политико-экономическихъ знаній въ кругъ общаго женскаго образованія.

Въ первомъ случаѣ изученіе политической экономіи, какъ и можно ожидать, отрываятъ женщинѣ доступъ къ цѣлому ряду профессій.

Нужны ли будутъ женщины для фабричной инспекціи или для попеченія о бѣдныхъ, нужно-ли будетъ произвести статистическое изслѣдованіе объ условіяхъ жизни работницъ, всегда обратятся скорѣе всего къ такимъ женщинамъ, которыя уже доказали свои научныя способности и пониманіе общественныхъ вопросовъ своими успѣшными трудами. Кромѣ того, съ каждымъ днемъ растутъ число женскихъ организацій съ экономическими или общественными задачами. И онѣ предпочтутъ видѣть во главѣ себя экономически-образованныхъ женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, это не одна только чистая случайность, что мы находимъ самыя зрѣлыя и свѣтлыя взгляды на женскій вопросъ у женщинъ, сильныхъ въ своей специальности—политической экономіи. Здѣсь послѣ Б. Веббъ прежде всего надо напомнить вамъ о мастерскомъ, покрытомъ рукописканіями, докладѣ Гнаука-Кюне (Gnauck Kühne), который она сдѣлала на евангелическо-соціальномъ конгрессѣ въ Эрфуртѣ въ 1895 году.

Многія женщины обладаютъ блестящимъ талантомъ журналиста. Въ настоящее время совсѣмъ не рѣдкость, что женщины избираютъ карьеру журналиста, выступаютъ въ качествѣ писательницъ или издательницъ. Въ Англіи считалось въ 1891 году болѣе 800 женщинъ-журналистокъ. Если раньше ихъ дѣятельность ограничивалась больше областью изящной литературы и фельетона, то въ послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ женщины усердно занялись изученіемъ политико-экономическихъ вопросовъ, имъ ввѣрено веденіе отчетовъ о политической и экономической жизни. Миссъ Show поручено было въ «Times» веденіе политическихъ корреспонденцій изъ колоній. Въ Парижѣ выходитъ уже въ теченіе года ежедневная газета «La Fronde», составляемая исключительно женщинами и быстро завоевавшая себѣ почетное мѣсто въ парижской прессѣ.

Политико-экономическое образованіе, безъ сомнѣнія, подниметъ шансы женщинъ на этомъ поприщѣ.

Затѣмъ женщины-политико-экономы должны найти себѣ мѣсто въ качествѣ преподавательницъ этого предмета, если, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ Америкѣ, политическая экономія будетъ введена въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для дѣвушекъ.

Эта сторона занятій политической экономіей для женщинъ, которыя принуждены сами зарабатывать свой кусокъ хлѣба, представляетъ для нихъ значительный интересъ. Но все-таки безконечно большее значеніе имѣетъ то, что даетъ политическая экономія, какъ одинъ изъ элементовъ женскаго образованія.

Точно также и для рабочихъ, предпринимателей, купцовъ и т. д. важно, съ точки зрѣнія интересовъ промышленности или классовыхъ интересовъ, вооружиться познаніями въ политической экономіи. И такъ какъ въ настоящее время безчисленное количество женщинъ, подобно мужчинамъ, выброшены на поле битвы, работаютъ и стремятся впередъ, конкурируютъ и рискуютъ, то и для нихъ становится просто вопросомъ самосохраненія въ борьбѣ за существованіе опереться на тѣ же средства, какъ и мужчина. Эта сторона вопроса имѣетъ слишкомъ элементарной, чтобъ останавливаться на ней дольше.

Скорѣе можетъ показаться кому-нибудь сомнительной та польза, которую

могла бы принести политическая экономія скромной хозяйкѣ, работающей исключительно въ своемъ домашнемъ кругу.

Представимъ себѣ, что хозяйка дома вѣдаетъ расходы по хозяйству, что она сталкивается съ рабочимъ вопросомъ въ лицѣ своей прислуги; что съ развитіемъ современныхъ способовъ производства каждое отдѣльное домашнее хозяйство все сильнѣе захватывается общимъ развитіемъ національнаго и мірового хозяйства; тогда подготовка женщины къ пониманію этой экономической связи явленій, съ которыми каждый день приходится считаться во всякомъ порядочномъ хозяйствѣ, не можетъ такъ легко быть призвана излишней. Я не намеренъ утверждать, чтобы всякая знакома съ политической экономіей женщина стала вести свое домашнее хозяйство безусловно лучше другихъ, но вотъ что мнѣ кажется несомнѣннымъ: женщина въ настоящую минуту, благодаря недостаточности политико-экономическихъ знаній, недостаточно ясно представляетъ себѣ то громадное влияние, которое она оказываетъ на все производство и распредѣленіе, удовлетворяя потребности своего домашнего хозяйства. Она—потребитель, а потребитель, если онъ организованъ—верховная власть. Отъ него прежде всего зависитъ, что будетъ производиться, каковы будутъ условія труда въ производствѣ, какимъ путемъ будутъ доставлены продукты отъ производителя къ потребителю.

Анархія и страшная растрата народнаго богатства, которую представляетъ современная дробность мелочной торговли *); неотвратимые кризисы, которые влекутъ за собой капризы моды; жалкое положеніе сезонныхъ рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ платья,—всѣмъ этимъ печальнымъ явленіямъ уже и теперь могла бы положить конецъ женщина, если бы она рѣшила покупать нужное въ потребительныхъ товариществахъ; покупать, если есть только возможность, оптомъ; не повиноваться слѣпо глупымъ требованіямъ моды и роскоши и прежде всего—не откладывать на послѣднюю минуту. Такая политика внесетъ улучшеніе въ организацію нашего хозяйства, которое дастъ и каждому частному хозяйству большія сбереженія.

Такимъ образомъ знанія въ области политической экономіи, какъ всякое знаніе, есть сила для женщины,—сила, обладаніе которой будетъ ей полезно не только для улучшенія ея правового положенія, но и для разумнаго пользованія уже прибрѣтенными правами.

Затѣмъ всякое знаніе является само по себѣ уже богатымъ источникомъ удовлетворенія. Политическая экономія позволитъ женщинѣ глубоко заглянуть въ запутанную, все болѣе и болѣе усложняющуюся и все менѣе проницаемую для систематически неразвитаго глаза область современной хозяйственной и общественной жизни. Она дастъ ей прежде всего возможность самостоятельно разобратся въ громадной, все наше столѣтіе перевернувшей борьбѣ, исходомъ которой въ очень сильной степени опредѣлится и будущее положеніе женщины. Занять позицію въ этой напряженной борьбѣ съ полнымъ сознаніемъ, по собственному убѣжденію, свободно отъ случайныхъ влияній среды, прессы и классовыхъ предразсудковъ.—должно быть, по моему мнѣнію, цѣннымъ и соблазнительнымъ прибрѣтеніемъ для всякаго живого человѣка, будь онъ мужчиною или женщиною. Я имѣю въ виду здѣсь специально женщинъ изъ высшаго класса общества, отъ которыхъ домашнее хозяйство или семья еще или совсѣмъ не требуютъ и не требовали ни времени, ни труда, или, въ крайнемъ случаѣ,—требовали очень немного. Съ тѣхъ поръ, какъ современное хозяйственное развитіе стремится перенести всю продуктивную дѣятельность изъ круга домашняго хозяйства въ спеціальныя производства, такія женщины должны чув-

*) По вычисленію Жюда, мелочная торговля обходится Франціи въ 7½ милліардовъ при потребленіи, приблизительно, въ 25 милліардовъ.

ствовать известную пустоту, недостатокъ серьезнаго, удовлетворяющаго нравственныя потребности и возвышающаго содержанія жизни. И именно самыя высокія и благородныя натуры чувствуютъ наиболѣе болѣзненно этотъ недостатокъ. Въ наше время, если не говорить о свѣтскихъ развлеченияхъ и спортѣ, открываются главнымъ образомъ два пути для того, чтобъ заполнить это пустое мѣсто: искусство или благотворительность.

Занятіе искусствомъ, будь то литература, музыка или живопись, предполагаетъ,—если только оно не вырождается въ пустое времяпрепровожденіе, что уже исключаетъ внутреннее удовлетвореніе въ высокомъ смыслѣ этого слова,—известныя способности или таланты. Ну, а что, если эти способности отсутствуютъ совершенно или имѣются въ слабой степени? Тогда пассивные характеры, при отсутствіи внутренней потребности, подчиняются давленію господствующихъ въ «обществѣ» взглядовъ и ведутъ себя, по меньшей мѣрѣ, такъ, будто игра на фортепiano и пѣніе, рисованіе и живопись, посѣщеніе музеевъ, театра и оперы, чтеніе романовъ имѣютъ для нихъ особенную прелесть. При господствующихъ нынѣ воззрѣніяхъ нужна уже значительная энергія, чтобъ женщины высшихъ классовъ рѣшиться открыто выкинуть за бортъ всю эту показную сторону жизни и отвести себѣ кругъ дѣятельности въ области общепозлезнаго. Во всякомъ случаѣ, внѣшнія затрудненія не будутъ особенно велики до тѣхъ поръ, пока она будетъ довольствоваться тѣмъ, на что указываетъ ей традиція: присмотрѣть за дѣтьми, матери которыхъ работаютъ на фабрикѣ, ухаживать за больными, призрѣніемъ бѣдныхъ. Но стоитъ ей задать себѣ вопросъ объ истинныхъ причинахъ общественныхъ язвъ,—а умная женщина никогда не успокоится на банальной фразѣ: «нужда испоконъ вѣку существуетъ»—и она очутится передъ закрытой желѣзной дверью.

Развѣ нельзя сохранять мать ея семьѣ? Почему заработокъ мужа не позволяетъ этого? Почему отелъ семейства разбитъ болѣзнями уже въ молодые годы? Почему разоряется семья? Почему такъ много работницъ въ данной профессіи идутъ по пути порока? Почему въ другой столько рабочихъ предаются пьянству? Почему, говоря словами поэта, такъ дорогъ хлѣбъ и такъ дешева кровь и потъ, особенно—женщинъ? Почему законодательство, ограничивающее то или другое зло, такъ медленно двигается впередъ?

Въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя дала дѣвушка существующая школа, ей не на чемъ будетъ остановиться, чтобъ дать себѣ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы *). Столь же мало можетъ она, съ такимъ образованіемъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, какого типа общество поддерживать она своей дѣятельностью. А именно этотъ вопросъ, по совершенно основательному мнѣнію Спенсера, долженъ выяснитъ себѣ всякій, кто принимаетъ какое бы то ни было участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Поэтому, совершенно основательно можно

*) Я уже упоминалъ раньше, что даже такая образованная женщина, какъ миссъ Поттеръ, не имѣла никакого понятія о социальныхъ вопросахъ. Точно то же рассказываетъ Gnauck-Kühne: «Во всю свою жизнь я слышала о рабочемъ классѣ или очень мало, или только скверное; да, я должна сознаться, что эта часть народа была мнѣ совершенно неизвѣстна. Мои представленія о работѣ пролетаріата равнялись нулю; мнѣ ясно было только, что есть разница въ образѣ жизни владѣющихъ классовъ и пролетаріата, но я думала, что и всегда такъ было, что люди не знали ничего другого, что они свыклись со своей тяжелой судьбой, что людямъ не хватаетъ только того, о чемъ они уже знаютъ. Все, слава Богу, идетъ хорошо! И этой блаженной пустоты въ головахъ не уничтожили ни школа, ни домашнее воспитаніе. Учительская семинарія не приблизила меня къ мысли о народѣ. Воспитаніе... придавало большое значеніе благотворительности, но о борьбѣ рабочаго пролетаріата я никогда не слышала ни слова... «Въ дѣйствительности,—говоритъ она дальше,—у меня было болѣе ясное представленіе объ эскимосскихъ тяжнахъ изъ свѣта или о вигвамахъ индѣйцевъ, чѣмъ о помѣщеніяхъ, гдѣ жили и работали мои собственные соотечественники—пролетаріи»

сомнѣваться, съ точки зрѣнія общественнаго прогресса, въ полезности столь многихъ видовъ дѣятельности женщины на помощь ближнему, которыя принимаются съ самыми лучшими намѣреніями, но въ то же время и съ самыми наивнымъ дилеттантизмомъ.

Если теперь выдающіяся женщины изъ всѣхъ силъ стремятся къ углубленію и расширенію женскаго образованія, если онѣ заявляютъ рѣшительный протестъ противъ того мнѣнія, будто общественные, экономическіе и социальныя вопросы совсѣмъ дѣло не подходящее для женщины, — совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь модной болѣзнью или модной глупостью. Здѣсь добиваются большихъ правъ для того, чтобъ взять на себя большія обязанности. Это — движеніе, которое съ такою же необходимостью развивается изъ современнаго хозяйственнаго и техническаго переворота, какъ и рабочее движеніе. Наконецъ, движеніе среди женщинъ-работницъ, участіе многихъ изъ нихъ въ общественной жизни, котораго требуютъ отъ нея ея коренныя классовыя интересы, не позволяютъ уже женщинамъ изъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ проходить равнодушно мимо этихъ вопросовъ. Ей грозитъ иначе опасность не только не поднять свое положеніе въ обществѣ, но пойти назадъ по сравненію съ прошлымъ и, именно въ пониманіи этой потрясающей міръ классовой борьбы, оказаться ниже любой простой женщины изъ пролетаріата.

Итакъ, получивъ общественно-экономическое образованіе, женщина, по моему мнѣнію, лучше защитить свои профессиональныя и чисто женскія интересы, лучше выполнить — въ общественномъ смыслѣ — свои функции хозяйки дома, жены и воспитательницы своихъ дѣтей. Это же образованіе дастъ всегда жизни женщины, экономически независимой, время которой очень мало или совсѣмъ не заполняется семейными заботами, богатое содержаніе и удовлетвореніе нравственныхъ потребностей, открывъ ей область полезной общественной дѣятельности.

Показавъ, что сдѣлала уже женщина въ области науки политической экономіи и чего можетъ она ждать для себя отъ ея изученія, позвольте сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое оказываетъ и окажетъ на развитіе общества въ цѣломъ изученіе женщиной политико-экономическихъ вопросовъ.

Изъ сказаннаго уже самъ собой слѣдуетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если введеніе въ кругъ женскаго образованія результатовъ общественно-научныхъ работъ обѣщаетъ ей подъемъ ея положенія въ обществѣ, обѣщаетъ спасеніе отъ грозящей опасности вырожденія въ рабочихъ пчелъ и трутней, — обязательнымъ результатомъ долженъ явиться подъемъ семьи, такъ какъ отъ женщины прежде всего зависитъ характеръ семейной жизни, и дальше — подъемъ всего общества. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ до сихъ поръ не приобрѣла женщина такого большаго вліянія на общественную жизнь, какъ въ Англіи, Сѣверной Америкѣ и Австраліи, и нигдѣ общественная жизнь не складывается такъ благопріятно, нигдѣ не кажется она такой здоровой, какъ въ этихъ англосаксонскихъ обществахъ. По мѣрѣ того, какъ женщина будетъ приобретать представленіе о задачахъ общественной жизни, освободится громадное количество до сихъ поръ скрытой энергіи на пользу общественнаго прогресса, всѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ получатъ новый, богатый источникъ силъ.

Если уже изъ мужчины научное изслѣдованіе общественной жизни дѣлаетъ обыкновенно социаль-политика, то, при безусловномъ господствѣ чувства въ жизни женщины, можно съ математическою точностью предсказать, что всякая нормальная женщина, которая смѣло подойдетъ къ социальному вопросу, сдѣлается убѣжденной сторонницей общественныхъ реформъ. Какъ раньше было показано, почти всѣ научныя работы нашихъ женщинъ-политико-экономовъ разрабатываютъ общественно политическіе вопросы. Да, наконецъ, всѣ выдающіяся писательницы работали въ духѣ социальнаго прогресса, начиная съ

Жорж-Зандъ и Джордж Эллиотъ до нашей Ebneg-Eschenbach и Ады Негри въ Италіи. Чѣмъ глубже проникаетъ общественная наука, тѣмъ чутче и нѣжнѣе станетъ общественная совѣсть женщины. Геніальное предчувствіе Конта: союзъ между наукой, рабочимъ классомъ и женщиной, какъ жрицей человечества, начинаеть осуществляться.

Воспримчивость женщины къ дѣлу общественнаго прогресса едва ли можетъ быть ослариваема. Въ этой воспримчивости многіе находятъ основаніе держать женщину возможно дальше отъ общественной жизни. Одиъ нѣмецкій историкъ (Каро) выразился даже слѣдующимъ образомъ: «пустить женщину въ эту область значитъ сдѣлать революцію хронической».

Въ такому заключенію можно придти, по моему мнѣнію, только въ томъ случаѣ, если относиться къ вещамъ очень поверхностно и смѣшивать средства съ задачами и цѣлями. Средства могутъ быть радикальны, но цѣли женщины, въ дѣйствительности, консервативны въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Радикализмъ истинной женщины кончается тамъ, гдѣ начинается семейная жизнь и сфера заботъ, необходимыхъ для ея процвѣтанія. Сознательно или безсознательно материнское чувство женщины имѣть всегда въ виду семью и, на дѣлѣ, до сихъ поръ вся общественная дѣятельность женщины больше всего была полезна семьѣ. Этого положенія вещей не могутъ замаскировать неприличные выходки нѣсколькихъ выродившихся существъ, которыя разсматриваютъ вещи съ точки зрѣнія личнаго наслажденія. Враждебность женщины къ существующему положенію вещей растетъ какъ разъ въ прямой пропорціи съ ихъ опасностью для семейной жизни. Алкоголизмъ, проституція и въ связи съ ними всѣ общественныя отношенія, дающія богатую почву для развитія этой заразы: квартирный вопросъ, эксплуатація дѣтей и униженіе женщины до степени выюжнаго животнаго — вотъ прежде всего тѣ враги, за которыхъ взялись съ такими жаромъ такія женщины, какъ *Фрэнсисъ Виллярдъ, Октавія Гилле, м-съ Бутсз, В. Веббъ, леди Дилкз, леди Соммерсетъ* и ихъ сторонницы.

Поэтому, чѣмъ больше проникнуть кто-нибудь той истиной, что здоровое общество можетъ держаться на здоровой семьѣ; чѣмъ больше склоненъ кто-нибудь видѣть въ семьѣ естественную и лучшую колыбель тѣхъ нравственныхъ началъ, на которыхъ покоятся будущее націи, тѣмъ съ большимъ интересомъ будетъ онъ присматриваться къ растущему интересу женщинъ къ нашимъ общественнымъ вопросамъ.

Я знаю, что противъ этого взгляда поднимется много недобрительныхъ возраженій. Не подъемъ, а печальное разложеніе семьи видится многимъ впереди, когда живое участіе женщины въ общественной жизни внесетъ и въ святая святыхъ семьи вражду партій.

На такія опасенія я снова долженъ отвѣтить вопросомъ: возможно ли вообще въ наше время не позволить выйти наружу и въ семьѣ противоположнымъ взглядамъ на общественные вопросы? Можно, но только отдѣливъ женщину стѣнами гарема отъ общественной жизни націи, только урѣзавъ или умертвивъ ея душевныя способности и силы, гнусно заперевъ ее въ хорошо извѣстный Риррейфемъ («Кукольный домикъ») съ его жалкой мишурой. Столь распространенное нынѣ направленіе ея умственныхъ интересовъ въ русло эстетики будетъ довольно скоро оставлено, при томъ натискѣ, съ которымъ сейчасъ ломится въ дверь литературы и искусства социальный вопросъ.

Но никто не станетъ осларивать того, что женщина, которая бросится въ водоворотъ социальной борьбы безъ руля основательнаго образованія, подъ однимъ лишь влияніемъ необыкновенной чуткости своей психики, безконечно опаснѣе можетъ быть для мира семьи, государства и общества, чѣмъ та, которая, благодаря усиленной научной работѣ, поднялась до высоты *tout comprendre* («все понять») и потому *tout pardonner* («все простить»). Чѣмъ глубже пониманіе,

тѣмъ легче становится примиреніе противоположныхъ точекъ зрѣнія, тѣмъ скорѣе противное мнѣніе будетъ принято не какъ выраженіе глупости или низости, а законныхъ интересовъ, классовыхъ инстинктовъ, цѣлаго міросозерцанія.

Если мужчине придется считаться съ самостоятельнымъ положеніемъ жены въ борьбѣ партій, онъ не оставитъ безъ вниманія, быть можетъ, ея соціальнаго міровоззрѣнія, когда будетъ выбирать себѣ жену. Точно также и дѣвушка захочетъ узнать точку зрѣнія мужчины, раньше чѣмъ отдать ему руку. Если къ гармоніи сердець прибавится еще гармонія въ общественныхъ стремленіяхъ, общность жизни и товарищескія отношенія, которыя и должны составлять условія брака, получатъ счастливое развитіе.

Пусть даже раздоръ войдетъ въ семью, — все же можно себѣ представить, что споры на общественныя темы, которые будутъ происходить въ семейномъ кругу, повліяють смягчающимъ, успокаивающимъ и облагораживающимъ образомъ на борьбу партій.

Не безъ хорошаго умысла отведено женщинамъ то высокое мѣсто въ шумной борьбѣ враждующихъ классовъ, которое занимаетъ у Гете Ифигенія между Тоасомъ и Орестомъ, между тауріями и греками.

Кто знаетъ, что направленіе, съ которымъ онъ борется, пользуется симпатіями самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ ему членовъ семьи или друзей, уже по одному этому не можетъ вести борьбу въ грубой, оскорбительной формѣ, отравленнымъ оружіемъ. Такое смягченіе борьбы, — это единственно то, чего мы можемъ достигнуть въ настоящее время. Вѣчный миръ столько же, какъ и вѣчная истина — не нашъ удѣлъ.

Потому я и смотрю, вмѣстѣ со многими моими товарищами по профессіи, безъ мрачныхъ опасеній и тревожныхъ мыслей на то, какъ женщина поднимается къ свѣтлому храму общественной науки. Я смѣло привѣтствую это стремленіе и жду отъ него того роста всѣхъ великихъ идей истинной нравственности и широкой гуманности, которыя составляютъ справедливую гордость и историческую славу Швейцаріи.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новыя изслѣдованія о роли бактерій въ пищеварительномъ процессѣ.—Карль-Маркъ Сориа—изобрѣтатель химической спички.—Юные преступники.

Новыя изслѣдованія о роли бактерій въ пищеварительномъ процессѣ. Съ самаго момента открытія бактерій и до нашего времени все больше и больше выясняется та огромная роль, какую играютъ эти микроскопическіе организмы въ общей экономіи природы и въ частности въ жизни высшихъ животныхъ и особенно человѣка. Дѣйствительно, факты, подтверждавшіе исключительную важность участія бактерій во многихъ процессахъ, имѣющихъ первостепенное значеніе въ общей біологіи, умножались въ послѣднее время, можно сказать, съ каждымъ днемъ, а потому неудивительно, что многіе ученые пытались опытнымъ путемъ придти къ рѣшенію интереснаго вопроса: возможна ли *асептическая* жизнь вообще? Другими словами, могутъ ли животныя жить безъ участія микробовъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые заключаются въ кишечномъ каналѣ ихъ?

Нѣкоторые изслѣдователи, однако, поддерживали тотъ взглядъ, что пищевареніе можетъ и дѣйствительно происходить безъ участія микробовъ и въ подтвержденіе такого воззрѣнія приводили опыты, которые доказывали, что возможно поддерживать существованіе и разводить молодыхъ животныхъ въ такихъ условіяхъ, чтобы въ ихъ кишечный каналъ въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ ихъ рожденія не проникали никакіе микробы; и однако, это не мѣшало животнымъ питаться и увеличиваться въ вѣсѣ. Это свидѣтельствовало, повидному, что присутствіе микробовъ въ пищеварительномъ каналѣ не необходимо.

И, тѣмъ не менѣе, эти опыты вовсе не доказали, что присутствіе бактерій въ кишечномъ каналѣ бесполезно, что послѣднія въ этомъ случаѣ не играютъ никакой роли, и сами авторы этихъ опытовъ нигдѣ не высказали такого мнѣнія. Наоборотъ, нѣкоторые факты позволяли скорѣе придти къ обратному заключенію, такъ какъ животныя, въ кишечный каналъ которыхъ не допускали микробовъ, развивались медленнѣе, чѣмъ въ нормальныхъ условіяхъ. На шестой и десятый день своего существованія они увеличились только на 11 и 16 процентовъ своего первоначальнаго вѣса въ моментъ рожденія, тогда какъ соответствующія цифры у животныхъ, развивавшихся въ нормальныхъ условіяхъ, были: 20 и 61 проц!

Эти факты побудили Макса Шоттелиуса, профессора гігіены фрибургскаго университета, вновь заняться опытнымъ изслѣдованіемъ этого интереснаго вопроса, которому и посвящена его статья, напечатанная въ «Archiv. f. Hygiene» XXXIV, 1899.

Опыты Шоттелиуса были поставлены по новому способу и очень любопытно. Въмѣсто того, чтобы, подобно своимъ предшественникамъ, оперировать надъ молодыми млекопитающими, извлеченными посредствомъ чревосѣченія, онъ обратился къ методу, рекомендованному еще Пастѣромъ. Онъ пользовался молодыми цыплятами, выведенными искусственно въ обеззараженной средѣ и изъ обеззараженныхъ яицъ, причемъ цыплята были выращиваемы въ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ полное отсутствіе зародышей микробовъ въ содержимомъ ихъ кишечнаго канала.

Такая, повидимому, простая въ теоріи программа оказалась, однако, сопряженной съ большими затрудненіями при практическомъ своемъ осуществленіи. Чтобы получить цыпленка дѣйствительно и вполне свободнаго отъ мельчайшихъ зародышей, Шоттеліусъ долженъ былъ прибѣгнуть къ множеству предосторожностей, на которыхъ мы не можемъ останавливаться съ большою подробностью. Желающіе найдутъ ихъ въ оригиналѣ. Вотъ вкратцѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

За два дня до вылупливанія цыплятъ яйца вымывались въ 5% растворѣ сулемы, нагрѣтомъ до 40°, затѣмъ въ физиологическомъ растворѣ морской соли. Ихъ вытираютъ далѣе обеззараженной ватой и помѣщаютъ на два часа въ обеззараженную среду. Затѣмъ, по прошествіи двухъ часовъ операція мытья повторяется еще одинъ разъ и яйца заворачиваются въ теплую вату, и только тогда они готовы для опытовъ.

Опыты производятся въ большой застекленной комнатѣ въ восемь кубическихкихъ метровъ емкостью. Въ ней имѣется столъ для манипуляцій и аппаратъ для высаживанія, гдѣ помѣщаются стерилизованныя яйца, и поздѣе также вылупившіеся цыплята. Клѣтка согрѣвается снаружи циркуляціей нагрѣтой жидкости и заключаетъ въ себѣ подстилку изъ асбеста, на которой помѣщаются яйца, и чашечку съ водой, въ которой она поддерживается все время на опредѣленномъ уровнѣ. Все содержимое клѣтки заранее обеззараживается и полъ въ ней усыпается мелкими камешками, тоже тщательно вымытыми и стерилизованными; въ ней помѣщается также стерилизованная пища, въ количествѣ, достаточномъ для всего времени производства опыта. Чѣмъ меньше будетъ вмѣшательство человѣка во все время производства опыта, тѣмъ лучше.

Вылупившіеся цыпленокъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ нерѣшимости, направляется къ водѣ и пищѣ. Теперь вся задача заключается въ томъ, чтобы защитить его отъ бактерій. Воздухъ, который проникаетъ въ клѣтку, фильтруется черезъ вату, такъ что цыпленокъ всегда находится въ антисептической атмосферѣ. Воздухъ, попадающій въ клѣтку, приходитъ изъ большой комнаты, которая вся предварительно вымывается антисептическими растворами и воздухъ въ ней стерилизуется парами формола. Если необходимо войти въ комнату, то это происходитъ не иначе, какъ въ особомъ обеззараженномъ костюмѣ, причѣмъ въ комнату можно войти лишь черезъ особую переднюю, полъ которой представляетъ ванночку съ растворомъ сулемы, такъ что даже на обуви нельзя занести зародышей бактерій. Воздухъ комнаты также фильтруется посредствомъ ваты и сообщается съ лабораторіей, которая бываетъ пуста во все время производства опытовъ. Воздухъ комнаты поддерживается, по возможности, сухимъ.

И однако, несмотря на всѣ эти предосторожности — не всѣ опыты оказались удавшимися. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ были организованы Шоттеліусомъ такъ удачно, что не только экскременты, но даже весь молодой цыпленокъ цѣликомъ могъ быть введенъ въ питательный желатинъ и бактеріи не развивались въ немъ. Сопоставляя опыты, въ которыхъ отсутствіе бактерій въ кишечномъ каналѣ цыплятъ можетъ считаться абсолютнымъ и, располагая отдѣльные случаи по возрасту, который цыпленокъ имѣлъ въ тотъ моментъ, когда его убивали для изслѣдованія, можно составить таблицу роста цыплятъ, выведенныхъ въ такихъ условіяхъ.

Вотъ результаты произведенныхъ опытовъ. Оказывается, что въ десяти случаяхъ молодой цыпленокъ едва прибавлялся въ вѣсѣ. Максимумъ увеличенія, около 25% первоначальнаго вѣса, наступалъ обыкновенно въ концѣ двѣнадцати сутокъ, послѣ чего наступало скорѣе уменьшеніе. Въ то же время, развивавшіеся въ обыкновенныхъ условіяхъ и нормально цыплята дали на двѣнадцатые сутки увеличеніе въ вѣсѣ на 140% и на семнадцатые — 250% первоначальнаго вѣса.

Отсюда можно заключить, что по меньшей мѣрѣ для даннаго случая, т. е. при опытахъ съ цыплятами, бактеріи очень полезны для пищеварительнаго про-

цесса. Повидимому, изъ опытовъ слѣдуетъ далѣе, что выдѣленіе пищеварительныхъ соковъ очень медленно въ первые дни жизни, и въ это время пищеварительные соки могутъ быть съ выгодой замѣнены выдѣленіями бактерій, которыя всегда находятся налицо и даютъ обильныя выдѣленія. Въ подтвержденіе такого воззрѣнія можно привести то наблюденіе, что у нормально-развивающихся цыплятъ, служащихъ для контроля во время опытовъ, бактерій не находятъ раньше, чѣмъ черезъ 36, 48 часовъ. Какъ разъ въ теченіе этого періода не замѣчается и увеличенія ихъ вѣса: процессъ нормальнаго питанія еще, повидимому, не начался. Далѣе, какъ только появляются бациллы, кокки и бактеріи, попадающіеся въ пищеварительномъ каналѣ старыхъ куръ, правильное пищевареніе вступаетъ въ свои права.

Такимъ образомъ, если цыпленокъ въ первые дни его жизни лишитъ содѣйствія бактерій при пищевареніи, это можетъ не только вредно, но даже губительно отозваться на его здоровьѣ, очень непрочно въ этотъ моментъ. Присутствіе микробовъ въ его пищеварительномъ каналѣ не только полезно, но и необходимо.

Если обобщить эти заключенія, они чрезвычайно важны и богаты послѣдствіями. Въ самую дѣлѣ, всякая наша жизнь является теперь ничѣмъ инымъ, какъ симбіозомъ съ низшими существами, микробами, находящимися постоянно въ нашемъ пищеварительномъ каналѣ. Задачею гигиены, далѣе, является не уничтоженіе ихъ вліянія въ дѣлѣ пищеваренія, но лишь регулированіе этой роли, сообразно съ разными случаями, для того, чтобы заставить ихъ содѣйствовать нормальному, здоровому отправленію функций организма. (R. scientifique.).

Карль-Маркъ Сорія — изобрѣтатель химической спички. Недавно въ ма-

ленькой коммунѣ Saint-Lothaire, въ Юрѣ, происходило торжество открытія скромнаго памятника. Человѣкъ, память котораго чествовали, жилъ и умеръ въ бѣдности и почти полной неизвѣстности, какъ и многіе другіе истинные друзья и благодѣтели человѣчества

Карль-Маркъ Сорія *), открытіе котораго даетъ французскому правительству доходъ въ 300 милліоновъ франковъ въ годъ, былъ простой, сельскій врачъ, скромно жившій трудомъ своей тяжелой профессіи, который онъ выполнялъ, какъ преданный жрецъ, не требуя другой награды, кромѣ сознанія исполненнаго долга. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ характеризуютъ жизнь К.-М. Сорія тѣ, которые ближе знали его. «Чувствительный и добрый, трудолюбивый и заботящійся объ общественномъ благѣ, онъ не искалъ ни богатства, ни великихъ почестей, которыя не были недоступны ему, благодаря крупнымъ связямъ; его удовлетворяло немного: быть полезнымъ и быть любимымъ».

Карль Сорія, первый изобрѣтатель химической спички, т. е. спички, зажигающейся отъ тренія, которая приобрѣла столь широкое распространеніе въ наше время, родился въ Poligny, во французской Юрѣ, 25 апрѣля 1812 года. Онъ былъ сынъ генерала Сорія, одного изъ тѣхъ дѣятелей великаго революціоннаго движенія, которые предпочли сломать свою шпагу, чѣмъ подчиниться игу наполеоновскаго режима. Генералъ Сорія предназначалъ и своего сына къ военной карьерѣ, но несчастный случай, отъ котораго 11-лѣтній мальчикъ лишился свободнаго движенія ногъ, направилъ его жизненную дѣятельность въ другую сторону. Его привлекали естественныя науки. Уже на скамьѣ коллежа въ Poligny онъ съ особеннымъ удовольствіемъ занимался приготовленіемъ фейерверковъ и взрывчатыхъ веществъ. Рассказываютъ, что во время его путешествія въ Лионъ въ 1827 году на него произвело очень сильное впечатлѣніе выставленное въ витринѣ у одного оптика водородное огниво, только что изобрѣтенное Гей-Люссакомъ. Но аппаратъ этотъ былъ дорогъ, а потому и не

*) «Charles-Marc Sauria. Le véritable inventeur de l'allumette chimique. «Revue scientifique» 4 Série. T. XI. № 1.

могъ получить широкаго распространенія въ жизненной практикѣ. Съ этого момента въ головѣ пятнадцатилѣтняго Сорія прочно засѣла идея найти болѣе удобный и каждому доступный способъ добычи огня. Поступивъ въ коллежъ городка Dôle, Сорія всецѣло предался занятіямъ химіей. Открытіе, прославившее имя Сорія, было еще въ зародышѣ въ его головѣ; какъ часто бываетъ, случайное обстоятельство помогло дѣлу.

Это было въ 1830 году. Учитель химіи воспроизводилъ передъ учениками опытъ, который всегда привлекалъ ихъ вниманіе. На двѣ ступки помѣщался тонкій слой бертолетовой соли и сѣры; учитель ударялъ по смѣси пестикомъ и происходилъ взрывъ. Повтореніе опыта давало каждый разъ взрывъ, не сопровождавшійся свѣтовыми явленіями. Сорія былъ очень взволнованъ видѣннымъ опытомъ. Забравшись въ свою комнату (у него за особую плату была отдѣльная комната въ коллежѣ), онъ долго думалъ надъ тѣмъ, что, если бы удалось ввести во взрывчатую смѣсь какое-нибудь воспламеняющееся вещество, напр., фосфоръ, можно было бы добыть огонь. Но какъ получить необходима для такихъ опытовъ вещества? Въ его распоряженіи находились бывшіе тогда въ употребленіи спички изъ сосноваго дерева съ кусочками сѣры на концѣ; дагѣ, немножко сѣры и бертолетовой соли, добытыхъ украдкою изъ лабораторіи учителя. Главная трудность заключалась въ томъ, чтобы добыть фосфоръ. Весь провинутый своей идеей, Сорія употребилъ дни, когда разрѣшался отпускъ изъ коллежа, чтобы войти въ дружескія сношенія съ мѣстнымъ аптекаремъ, въ помощи котораго онъ такъ нуждался. Нужно думать, что въ то время строгость въ отпускѣ опасныхъ продуктовъ не была такъ велика, какъ теперь, потому что аптекаръ безъ особенныхъ препятствій и безъ всякаго рецепта, предоставилъ въ распоряженіе юноши нѣсколько кусочковъ фосфора.

Доселѣ тихая комнатка гимназиста съ этого момента превратилась въ шумную лабораторію. Разбивались трубки, взрывы слѣдовали за взрывами, потрясая стѣны комнатки, гдѣ подготавливалось крупное открытіе, самъ авторъ котораго не подозрѣвалъ всей его важности. Опыты были далеко не безопасны. Неоднократно молодой, неопытный химикъ, получалъ болѣзненные ожоги, не разъ причинялъ себѣ серьезныя пораненія. Но увѣренный въ конечномъ успѣхѣ, онъ становился упрямымъ по мѣрѣ того, какъ росла затрудневанія.

Наконецъ насталъ день, когда усилія Сорія увѣчались успѣхомъ. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ L. Charoy, посвятившій цѣлый обстоятельный трудъ исторіи изобрѣтенія спичекъ *).

«Въ углу комнаты на ограниченномъ пространствѣ штукатурка стѣны обнаруживала явные слѣды многочисленныхъ и постоянно повторявшихся треній. Эти слѣды, пропитанные обыкновеннымъ фосфоромъ, сдѣлались со временемъ свѣтящимися въ темнотѣ. Это и есть то мѣсто, гдѣ бесплодныя попытки зажечь спичку много разъ приводили въ смущеніе и отчаяніе душу молодого химика. Въ одинъ прекрасный день, когда, быть можетъ, онъ считалъ себя дальше, чѣмъ обыкновенно, отъ желаемаго результата, ему пришла идея погрузить кончикъ сѣрной спички въ слегка подогрѣтую бертолетовую соль. Нѣсколько частичекъ соли пристало къ сѣрѣ. Едва спичка была готова, Сорія тернулъ ея по обычному мѣсту стѣны, пропитанному фосфоромъ... Но на этотъ разъ спичка вспыхнула и пламя освѣтило озарившееся чело изобрѣтателя, который нѣкоторое время молчаливый отъ изумленія и радости созерцалъ дѣло рукъ своихъ. Едва оправившись отъ своего изумленія, онъ принялся готовить новыя, точно такія же спички. Съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ, онъ поклянулъ своей рабочей столъ, окончивъ новыя спички, чтобы вновь начать свои опыты, когда неожиданно въ его комнату вошелъ одинъ изъ товарищей.

*) Léon Charoy. «L'invention des allumettes chimiques et son origine française». 1893.

«Смотри», сказалъ онъ безъ гордости, но съ чувствомъ внутренняго удовольствія, «эта спичка загорится, если ее потереть объ стѣну». И передъ первымъ свидѣтелемъ Сорія добываетъ огонь тревіемъ спички объ стѣну. Пораженный посѣтитель, вмѣсто отвѣта, выбѣгаетъ на корридоръ и кричитъ всѣмъ встрѣчнымъ: «идите сюда, смотрите... Сорія сдѣлалъ спички, которыя воспламеняются самъ собою!».

Услышавъ восторженные отзывы объ открытіи Сорія, учитель химіи позвалъ своего ученика и началъ обстоятельно разспрашивать его объ обстоятельствахъ новаго открытія. Гордый этимъ выраженіемъ уваженія, Сорія все и во всѣхъ подробностяхъ объяснилъ своему учителю. Періодъ сомнѣній уже въ это время прошелъ: Сорія искалъ способовъ усовершенствовать свое открытіе. Такъ, онъ разсказалъ своему учителю, что онъ пользуется гумми-арабикомъ, чтобы прикрѣпить къ деревянной спичкѣ смѣсь изъ сѣры, бертолетовой соли и фосфора. Онъ и не думалъ скрывать секрета приготовленія спичекъ. Многіе жители Dole начали готовить спички по рецепту Сорія для личнаго употребленія. Сорія и не подумалъ взять патентъ на свое изобрѣтеніе, да на это у него и не хватило бы необходимыхъ средствъ (около 1.500 фр.).

Вскорѣ послѣ того учитель химіи Сорія, Nicolet предпринялъ научное путешествіе по Германіи. Онъ посѣщалъ фабрики этой страны, изучая усовершенствованныя орудія и способы производства. Естественно, что онъ при случаѣ говорилъ о новомъ открытіи своего ученика. И вотъ уже въ 1833 году самъ изобрѣтатель химической спички Сорія покупалъ спички своего изобрѣтенія подъ названіемъ: «нѣмецкихъ спичекъ». Нѣмцы приписываютъ изобрѣтеніе химической спички химику Фредерику Каммереру и относятъ его къ 1832 году. Нужно замѣтить, что первенство этого открытія оспариваютъ, кромѣ нѣмцевъ, еще австрійцы, русскіе и англичане. Французы относятъ это открытіе къ январю 1831 года.

По выходѣ изъ коллежа Сорія занялся изученіемъ медицины; одно время онъ прервалъ было свои медицинскія занятія, думая сдѣлаться профессоромъ земледѣлія, которое онъ изучалъ въ различныхъ школахъ Франціи и Швейцаріи. Революція 1848 года помѣшала выполненію его намѣреній и онъ обратно вернулся къ медицинѣ, получивъ степень доктора въ Безансонѣ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 60 лѣтъ онъ занимался медицинской практикой, поселившись въ наслѣдственномъ домикѣ въ маленькой деревушкѣ, расположенной на холмѣ между Полиньи и Уатеромъ. Тамъ и протекала его мирная, трудовая жизнь. Свободное отъ медицинской практики время онъ посвящалъ научно-философскимъ и литературнымъ трудамъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ мѣстнаго журнала сельско-хозяйственнаго общества и предсѣдателемъ послѣдняго до самаго конца своей жизни. Вотъ все, чѣмъ жилъ этотъ скромный благодѣтель челоувѣчества, умершій 22 августа 1895 года.

Юные преступники. «Naturwissenschaftliche Wochenschrift» даетъ въ № 2 и № 7 двѣ очень интересныя статьи, принадлежащія англійскому криминалисту В. Д. Моррисону, автору трудовъ: «Преступленіе и его причины», «Юные преступники» и пр. Темою для упомянутыхъ статей служить, съ одной стороны, вопросъ о различныхъ физическихъ вліяніяхъ, играющихъ роль въ преступленіяхъ, совершаемыхъ несовершеннолѣтними, а также о вліяніи родителей на юныхъ преступниковъ. Прежде всего авторъ очень подробно останавливается на вопросахъ о вліяніи пола, возраста и физическаго развитія организма. Занимствуемъ изъ вышеупомянутыхъ статей наиболѣе интересныя статистическія данныя, факты и объясненія, которыя для послѣднихъ даетъ Моррисонъ.

Если для отвѣта на вопросъ, какъ распредѣляются преступленія несовершеннолѣтнихъ между двумя полами, мы обратимся къ полицейскимъ отчетамъ,

то мы найдемъ слѣдующее: изъ несовершеннолѣтнихъ привычныхъ преступниковъ ниже шестнадцатилѣтняго возраста, въ Англіи 85% въ круглыхъ цифрахъ приходится на долю мальчиковъ и лишь едва 15% на долю дѣвочекъ. Если эти цифры даже приблизительно вѣрны, а даѣе мы увидимъ, что онѣ подтверждаются другими, болѣе надежными свѣдѣніями, то мы должны признать, что дѣйствительно влияние пола на преступныя дѣянія очень значительно: вѣроятность, что на путь преступленія вступитъ мальчикъ въ 5 или 6 разъ болѣе, чѣмъ для дѣвочки. Уже это обстоятельство доказываетъ, что человѣческія дѣяствія, по крайней мѣрѣ, отчасти находятся подъ влияніемъ причинъ, которыя *не находятся* во власти индивидуума. Такимъ условіемъ безспорно является полъ. Если мы обратимся къ официальнымъ свѣдѣніямъ объ осужденныхъ преступникахъ моложе 21 года въ Англіи, то мы найдемъ отношеніе между мужчинами и женщинами: 87 къ 13 въ группѣ «reformatory schools» и даже 88 къ 12 въ исправительныхъ заведеніяхъ. Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ существуетъ лишь одинъ видъ исправительныхъ заведеній (reformatory schools), по опубликованнымъ въ 1890 году свѣдѣніямъ, отношеніе заключенныхъ мальчиковъ къ дѣвочкамъ было 78 : 22. Относительная высота цифры 22 объясняется тѣмъ, что судьи штатовъ не склонны посылать въ тюрьму женщинъ раньше 21 года, такъ что болѣе % послѣднихъ попадаетъ въ исправительныя заведенія; если мы сравнимъ въ этомъ отношеніи Англію и Соединенные Штаты, то въ Англіи среди отбывающихъ наказаніе въ тюрьмѣ мы найдемъ 16% женщинъ моложе 21 года, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ всего лишь 7%. Слѣдовательно, многія женщины, которыя въ Англіи попали бы въ тюрьму, въ Сѣверной Америкѣ попадаютъ въ исправительное заведеніе. Тоже самое мы найдемъ не только въ двухъ вышеприведенныхъ государствахъ, но и во всѣхъ культурныхъ странахъ: вездѣ полъ оказываетъ громадное влияние на склонность къ преступному дѣянію, вездѣ женщины находятся въ меньшинствѣ. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не со случайными, временно дѣйствующими факторами, а съ общимъ закономъ.

Каковы же причины этой громадной разницы въ количествѣ преступленій, совершаемыхъ мужчинами и женщинами? Часто можно встрѣтить утвержденіе, что эта разница лишь видимая, а не дѣйствительная, такъ какъ къ женщинамъ-преступницамъ относятся снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ. Англійскіе суды оправдываютъ лишь одного изъ 6 обвиняемыхъ мальчиковъ и одну изъ 4 обвиняемыхъ дѣвочекъ. Если допустить, что сила доказательствъ, что преступленіе дѣйствительно было совершено въ обоихъ случаяхъ одинакова (а для этого имѣются всѣ основанія), то изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что суды болѣе мягко относятся къ женскому полу. Если допустить даѣе, что это же справедливо и относительно полиціи и другихъ властей, то криминальная статистика не можетъ, слѣдовательно, дать полной картины преступности женщинъ. Но если бы все это было вполнѣ вѣрно, если бы даже увеличить сообразно съ этими цифрами число женщинъ-преступницъ даже на цѣлую треть, все-таки налицо остается фактъ, что женщина менѣе склонна къ нарушенію закона, чѣмъ мужчина. Снисходительность къ женщинамъ-преступницамъ, если и объясняетъ низкія относительныя цифры этой категоріи преступниковъ, то лишь отчасти, но никакъ не вполнѣ.

Другое объясненіе этихъ цифръ состоитъ въ томъ, что разницу приписываютъ дѣйствию социальныхъ влияній. Соціальныя отношенія женскаго круга, говорятъ, ставятъ женщину въ болѣе благоприятныя условія, давая менѣе повода къ нарушенію законовъ и оберегая отъ многихъ тяжестей борьбы за существованіе. Говорятъ, что женская дѣятельность обыкновенно сосредоточивается на домашнемъ хозяйствѣ и что здѣсь рѣже представляется случай къ преступленію, чѣмъ въ широкомъ социальномъ и индустриальномъ жизненномъ кругу мужчины. Дѣйствительно, жизненная практика показываетъ, что тамъ, гдѣ большая часть женщинъ вступаетъ въ этотъ послѣдній кругъ, процентное отношеніе преступ-

лений, совершаемых женщинами, всегда растут. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ одна четверть, въ Манчестерѣ даже одна треть наказуемыхъ дѣйствій совершается женщинами, тогда какъ въ деревенскихъ округахъ Манчестера то же отношеніе выразится въ одной седьмой, въ округахъ Лондона даже одной десятой. Поэтому необходимо признать, что кругъ жизненныхъ отношеній женскаго пола оказываетъ существенное вліяніе на преступность женщинъ; но и этого недостаточно для полнаго объясненія огромной разницы, о которой мы говорили выше.

Достаточнаго объясненія вліянія пола на преступность мы должны искать въ *біологическихъ* причинахъ. Меньшая степень преступности женщинъ заключается въ духовной и физической природѣ женщины и въ отличіи ея отъ мужской природы. Дѣйствія этой природной разницы особенно ясно выступаютъ тамъ, гдѣ общественныя и экономическія отношенія обоихъ половъ приблизительно одинаковы. Мальчики и дѣвочки попадающіе въ группу исправительныхъ заведеній «*industrial schools*», вырастаютъ до четырнадцатилѣтняго возраста въ одинаковыхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ: они воспитываются въ одинаковыхъ воспитательныхъ домахъ, посѣщаютъ одинаковую для всѣхъ школу, пользуются одинаковой свободой, словомъ, живутъ до поступленія въ исправительное заведеніе въ одинаковой средѣ. И при всемъ томъ въ вышеупомянутыя исправительныя заведенія попадаетъ въ среднемъ на пять мальчиковъ лишь одна дѣвочка. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что большая разница въ преступности мужчинъ и женщинъ недостаточно объяснима соціальными и экономическими отношеніями, а что основная причина ея лежитъ глубже, чѣмъ въ окружающей средѣ—именно въ *организмѣ*. Конституція женскаго организма дѣлаетъ женщину менѣ склонною вообще къ большому физическому и духовному напряженію. Духовная природа женщины вообще имѣетъ менѣ активное и агрессивное направленіе и не приходитъ такъ легко въ противорѣчіе съ господствующимъ строемъ, а потому и труднѣе приходитъ къ нарушенію закона. Такъ какъ разница въ природѣ физической и духовной мужчины и женщины будетъ существовать всегда, пока существуетъ человечество, тогда какъ воспитаніе, соціальныя и общественныя отношенія съ ходомъ цивилизаціи могутъ испытать не только измѣненія, но и полные перевороты, то естественно, что вліяніе перваго фактора будетъ, можно сказать, вѣчно.

Вліяніе пола на характеръ преступленія сказывается очень рѣзко. Всѣ нарушенія закона, связанныя съ большою смѣлостью и требующія физической силы, приходится на долю мужчинъ, тогда какъ въ совершеніи преступленій, не требующихъ спеціально мужскихъ качествъ, въ значительной степени принимаютъ участіе женщины. Изъ всѣхъ дѣвочекъ, попавшихъ въ Англіи въ исправительныя заведенія въ 1894 году, лишь 3 совершили преступленія, связанныя съ насиліемъ, тогда какъ у мальчиковъ % такого рода преступленій былъ гораздо болѣе высокъ. То, что мы находимъ въ Англіи, справедливо также относительно Сѣверной Америки и другихъ европейскихъ государствъ.

Было бы ошибочно допустить, что характеръ дѣвочекъ попадающихъ въ исправительныя заведенія, лучше, чѣмъ характеръ мальчиковъ; то обстоятельство, что преступленія, совершаемыя дѣвочками, болѣе легкаго характера, часто вызываетъ впечатлѣніе, что наклонность къ преступленію у женщинъ слабѣе выражена. Однако такое впечатлѣніе не вѣрно. Какъ разъ то обстоятельство, что преступленія дѣвочекъ легче преступленій мальчиковъ, приводитъ зачастую къ безнаказанности первыхъ. Если такое отношеніе не ведетъ къ исправленію, то слѣдствіемъ его является то, что дѣвочки становятся болѣе закоренѣлыми въ совершеніи преступныхъ дѣйствій, чѣмъ мальчики. Оставааясь относительно долѣе безнаказанными, дѣвочки имѣютъ больше времени для усвоенія привычки къ преступленію и, слѣдовательно, являются болѣе закоренѣлыми въ исправительныя заведенія.

Что привычка къ преступленію у осужденныхъ дѣвочекъ коренится глубже

чѣмъ у мальчиковъ и что характеръ дѣвочекъ, не смотря на болѣ легкій родъ самого преступленія, въ этомъ смыслѣ хуже характера мальчиковъ, видно изъ статистики рецидивистовъ по выпускѣ изъ исправительныхъ заведеній. Въ теченіе трехъ лѣтъ, 1888—1890, выпущено изъ «reformatory schools» 4.285 несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Исправившимися оказалось 79% мальчиковъ и только 76% дѣвочекъ. Въ то же самое время изъ «industrial schools» выпущено 11.396 молодыхъ особъ. Хорошимъ поведеніемъ отличались затѣмъ 86% мальчиковъ и лишь 83% дѣвочекъ. Такъ какъ нельзя допустить, чтобы дѣвочки, независимо отъ всѣхъ прочихъ условий, были труднѣе исправимы, чѣмъ мальчики, и такъ какъ социальная среда, въ которую попадаютъ дѣвочки по выходѣ изъ исправительныхъ заведеній, быть можетъ, болѣе благоприятна, чѣмъ среда мальчиковъ, единственное заключеніе, къ которому мы вправѣ придти—это то, что дѣвочки являются въ большинствѣ случаевъ болѣе привычными къ совершенію преступленій и что, сообразно съ этимъ, онѣ труднѣе исправимы. Неблагоприятное вліяніе слишкомъ продолжительной безнаказанности сказывается не только въ большемъ % рецидивовъ у женщинъ, но также въ относительно высокомъ % неисправимыхъ уже во время пребыванія въ исправительномъ заведеніи дѣвочекъ. Последнія составляютъ отъ 8 до 10% заключенныхъ дѣвочекъ, тогда какъ % неисправимыхъ мальчиковъ нигдѣ не достигаетъ такой высокой цифры.

Итакъ, резюмируя сказанное, мы находимъ: дѣвочки не такъ легко поддаются карѣ закона, какъ мальчики. Это справедливо относительно всѣхъ культурныхъ странъ. Причина этой разницы заключается, главнымъ образомъ, въ биологическомъ различіи духовной и физической организаціи обоехъ половъ. То же биологическое различіе опредѣляетъ отчасти родъ преступленій, совершаемыхъ по преимуществу тѣмъ или другимъ поломъ. Однако полъ, склонный къ совершенію болѣе легкихъ проступковъ, обнаруживаетъ не меньшую тенденцію къ преступному дѣянію, чѣмъ полъ, совершающій болѣе тяжелыя преступленія; напротивъ, дѣвочки легче мальчиковъ становятся привычными преступниками, и причина такого явленія лежитъ въ болѣе продолжительной безнаказанности, такъ что обыкновенныя мѣры къ исправленію дѣвочекъ примѣняются позже.

Криминальная статистика всѣхъ культурныхъ странъ свидѣтельствуетъ о чрезвычайно большомъ вліяніи возраста на количество и характеръ преступленій. Каждый возрастъ имѣетъ свои духовныя и физическія особенности, и послѣднія сказываются какъ въ социальныхъ такъ, и въ антисоциальныхъ формахъ. Въ ранней молодости недостатокъ средствъ приспособленія сказывается въ склонности къ бродяжничеству. Чѣмъ больше предъявляемыя къ ребенку требованія въ этомъ смыслѣ, въ наше время, напр., выражающіяся въ обязательномъ посѣщеніи школы, тѣмъ отчетливѣе выступаетъ эта склонность. Очень часто первымъ шагомъ развивающихся противообщественныхъ инстинктовъ является привычка бродяжничать и такимъ образомъ избѣгнуть родительскаго или школьнаго надзора. Эта склонность развивается часто въ самомъ вѣжномъ возрастѣ, и если скорѣе не слѣдуетъ крутого ограниченія развивающагося стремленія къ праздному шатанію, то, по мѣрѣ развитія и роста дитяти, къ этой склонности присоединяется легко еще другая, именно склонность къ присвоенію чужого имущества. Праздношатающійся ребенокъ легко становится юнымъ воромъ. Критическій возрастъ между мальчикомъ и юношей даетъ большое количество преступниковъ противъ личности. Въ этомъ возрастѣ склонность къ преступленію находится не только въ зависимости отъ биологическихъ, индивидуальныхъ измѣненій, но увеличивается вслѣдствіе новыхъ социальныхъ отношеній, такъ какъ кругъ сношеній съ вѣшнимъ міромъ растетъ очень сильно. Юноша вступаетъ въ новый міръ тяжелой борьбы, и ему становится все труднѣе и труднѣе приспособиться къ вѣшнимъ обстоятельствамъ. Мы находимъ такимъ образомъ,

что развитіе преступныхъ наклонностей слѣдуетъ, главнымъ образомъ, за развитіемъ организма: за склонностью къ бродяжничеству слѣдуетъ склонность къ воровству и наконецъ къ насилію.

Время роста и развитія, наконецъ, проходитъ и индивидуумъ вступаетъ въ періодъ зрѣлости: физическія и духовныя силы его достигли высшаго пункта. Наклонности превратились въ привычки, личныя и социальныя отношенія охватываютъ болѣе могущественное вліяніе, жизнь становится сложнѣе, индивидуумъ имѣетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ обществомъ.

Слѣдствіемъ далеко идущаго соединенія личныхъ и социальныхъ факторовъ является склонность къ совершенію преступленій именно ко времени наступленія первой зрѣлости. Такъ какъ возрастъ, когда достигается зрѣлость, у различныхъ расъ значительно разнится, то интернаціональная криминальная статистика не даетъ намъ того результата, что каждому возрасту вездѣ соответствуетъ одинаковое количество преступленій. Въ странахъ, гдѣ населеніе достигаетъ зрѣлости сравнительно рано, количество преступленій совершается въ молодомъ возрастѣ, большее чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ зрѣлость наступаетъ позже. Не столько количество прожитыхъ годовъ, сколько время наступленія зрѣлости опредѣляетъ количество и природу преступленій.

Если мы возьмемъ всѣ роды преступленій вмѣстѣ, то мы найдемъ, что возрастъ между 20 и 30 годами даетъ наибольшее количество преступленій. Это справедливо относительно Европы, Сѣверной Америки и Австраліи. Если судить по содержащимся въ тюрьмахъ заключеннымъ, то въ Соединенныхъ Штатахъ возрастъ между 20 и 24 годами является въ наиболѣе неблагоприятныхъ условіяхъ. Если мы возьмемъ данныя переписи 1890 года, то между заключенными были: моложе 14 лѣтъ—711 человекъ, между 15—19 годами—8.984 человекъ, между 20—24 года—19.705 человекъ, между 24—29 годами—16.348, далѣе идетъ уменьшеніе.

Не только количество, но и природа преступленій, совершаемыхъ несовершеннолѣтними, въ высокой степени зависитъ отъ возраста. Въ Англіи контингентъ исправительныхъ заведеній «industrial schools» (рабочія школы) составляютъ дѣти до 14-лѣтняго возраста. Ни одинъ ребенокъ, перешедшій этотъ возрастъ, не можетъ попасть въ эту школу и не можетъ оставаться въ ней послѣ 16-ти-лѣтняго возраста. Если мы обратимъ вниманіе на характеръ преступленій, за которыя дѣти туда попадаютъ, то увидимъ, что въ большей половинѣ случаевъ дѣло касается удовлетворенія стремленія къ бродяжничеству: упорное непосѣщеніе школы, выпрашивание милостыни, сношенія съ ворами и пр. Напротивъ, въ другую группу исправительныхъ заведеній «reformatory schools» попадаютъ юноши отъ 16-ти-лѣтняго возраста и остаются въ нихъ до 19-ти-лѣтняго возраста. Въ общемъ и цѣломъ, своей преступностью они, сообразно съ болѣе зрѣлымъ возрастомъ, превосходятъ заключенныхъ въ рабочія школы. Приблизительно половина изъ нихъ совершила настоящія преступленія, главнымъ образомъ противъ собственности, и лишь одна десятая—легкія преступленія, соответствующія бродяжничеству въ первомъ случаѣ.

Обратимся къ свѣдѣніямъ о тяжести совершенныхъ преступленій. Въ 1894 г. въ Англіи было осуждено за уголовныя преступленія: изъ 100.000 дѣтей моложе 12 лѣтъ—26 чел.; изъ 100.000 дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ—261 чел.; изъ 100.000 юношей отъ 16 до 21 г.—330 чел. Итакъ, мы видимъ, что, по мѣрѣ приближенія къ зрѣлому возрасту, количество преступленій, совершенныхъ несовершеннолѣтними, растетъ. Но увеличивается также и тяжесть преступленія. Насиліе надъ личностью совершается дѣтми моложе 16 лѣтъ на половину меньше, чѣмъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года. Преступленія противъ нравственности втрое или вчетверо чаще въ послѣднемъ возрастѣ, чѣмъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ.

При изслѣдованіи отношенія между возрастомъ и преступностью не малый интересъ долженъ возбуждать вопросъ, въ какой мѣрѣ преступленіе въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ становится дѣломъ привычки. Единичное, остающееся безъ повторенія преступленіе юноши съ точки зрѣнія общественной безопасности далеко не такъ серьезно, какъ такое же преступленіе, но представляющее изъ себя членъ цѣлаго ряда преступленій, совершенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Единичное преступленіе бываетъ зачастую лишь послѣдствіемъ сдѣланія особыхъ и необычныхъ обстоятельствъ личнаго и соціальнаго характера. Это сдѣланіе обстоятельствъ легко можетъ и не повториться въ жизни индивидуума. Преступленіе могло быть слѣдствіемъ момента, когда индивидуумъ, подъ вліяніемъ суммы неблагоприятныхъ условій, былъ выведенъ изъ состоянія нравственнаго равновѣсія, а не послѣдствіемъ существенныхъ свойствъ индивидуума. Если же кто-нибудь совершаетъ цѣлый рядъ нарушеній закона, то это указываетъ уже скорѣе на ненормальность его характера, быть можетъ, его жизненныхъ отношеній, а легко можетъ случиться обоихъ факторовъ вмѣстѣ взятыхъ. Личности, которыя, вслѣдствіе ненормальныхъ условій своего существованія, сдѣлались привычными преступниками и при каждомъ удобномъ случаѣ даютъ просторъ своимъ склонностямъ къ совершенію противозаконнаго дѣянія, становятся серьезно опасностью для общества.

Въ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакого средства для опредѣленія количества привычныхъ преступниковъ среди несовершеннолѣтнихъ. Въ Англіи единственнымъ источникомъ для изученія этого интереснаго вопроса служатъ указанія о совершенныхъ раньше преступленіяхъ тѣми дѣтьми, которыя поступаютъ въ «reformatory schools». Изъ свѣдѣній за 1894 годъ слѣдуетъ, что не менѣе 64 изъ ста этихъ дѣтей, т. е. почти двѣ трети, осуждены болѣе чѣмъ одинъ разъ и даже: 462—два раза, 222—три раза, 96—четыре раза и 46—отъ пяти до десяти разъ. И при всемъ томъ, свѣдѣнія эти далеко не отличаются полнотой.

Итакъ, резюмируя сказанное о вліяніи возраста на преступность, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: форма преступленія несовершеннолѣтнихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ степени зрѣлости преступника. Слишкомъ юные преступники, вслѣдствіе несовершенства ихъ физическаго развитія, могутъ сдѣлаться обыкновенно только бродягами и мелкими ворами. По мѣрѣ роста, сюда прибавляются болѣе тяжелыя преступленія противъ собственности и личности. Чѣмъ болѣе юные преступники приближаются къ зрѣлому возрасту, тѣмъ болѣе преступленія ихъ носятъ характеръ тѣхъ, которыя свойственны взрослымъ преступникамъ. Несовершеннолѣтній преступникъ быстро и легко превращается въ привычнаго преступника—крайне вреднаго для общества, такъ какъ опытный преступникъ по ремеслу совершаетъ въ одинъ годъ болѣе преступленій, чѣмъ 20 случайныхъ преступниковъ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ ускользаетъ отъ наказанія. Почти каждый преступникъ по ремеслу начинаетъ свою дѣятельность въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Вотъ въ крайне общихъ чертахъ и далеко неисчерпанные выводы, цифры и положенія, къ которымъ приходитъ Моррисонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о юныхъ преступникахъ, соціальной средѣ ихъ производящей и общихъ условій ихъ исправленія. Общіе выводы автора таковы: «Въ интересахъ общества, какъ и самихъ дѣтей, —говоритъ онъ,—является настоятельною необходимостью организовать своевременную помощь въ видѣ самыхъ тщательныхъ опытовъ къ исправленію. Главное, чтобы она явилась своевременно, т. е. прежде, чѣмъ склонность къ преступленію перешла или переродилась въ привычку къ нему. Цѣлесообразно поставленная помощь рѣдко останется безъ успѣха».

Н. М.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Мартъ.

1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Математика, физика, химія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*.—Изъ западной культуры. «Европейская политика въ борьбѣ за справедливость и гуманность». Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Л. Мельшицъ «Въ мірѣ отверженныхъ».—*Ев. Чириковъ*. «Очерки и рассказы.—Собраніе сочиненій Мольера».

Л. Мельшицъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшего каторжника. Т. второй. Изд. редакціи журнала «Русское Богатство». 1899 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к. Второй томъ очерковъ г. Мельшица «Въ мірѣ отверженныхъ» не менѣе интересенъ и содержателенъ, чѣмъ первый, о которомъ мы уже говорили два года тому назадъ. Если первый томъ привлекалъ и поражалъ необычайностью жизни этого своеобразнаго міра, откуда такъ мало и рѣдко доносятся извѣстія, то второй усиливаетъ этотъ интересъ введеніемъ новаго элемента въ «мірѣ отверженныхъ», именно образованныхъ и благородныхъ въ высокомъ значеніи этого слова людей, которые вносятъ въ это царство глубокаго мрака и темнаго отчаянія новыя начала—гуманность, самоотверженіе, кротость и надежду. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, возникаетъ борьба, тѣмъ болѣе мрачная и ужасная, что она ведется людьми, которымъ, казалось бы, единственное утѣшеніе въ ихъ жестокой участи могла бы доставить взаимная любовь и дружба. Но и въ этомъ мірѣ оказывается своя аристократія и свой плебсъ; первая властвуетъ и выжимаетъ изъ второго, что можетъ. Великолѣпный типъ такого представителя отверженной аристократіи обрисованъ въ лицѣ артельнаго старосты, каторжника Юхорева, являющагося центромъ борьбы, возникающей на почвѣ грубо-матеріальныхъ интересовъ, связанныхъ съ привилегированнымъ положеніемъ, которое занимаетъ Юхоревъ и группирующаяся около него клика «глотовъ». На другой сторонѣ толпится жалкая, беспорядочная «шпанка», безпомощная и незащитная, неспособная къ отстаиванію своихъ интересовъ, больше чувствующая свое подчиненное и забытое существованіе, чѣмъ сознающая его. Юхоревъ—личность несомнѣнно выдающаяся, одинъ изъ тѣхъ людей, которые импонируютъ въ любомъ положеніи, въ какое ихъ поставитъ судьба.

«Человѣкъ этотъ,—говоритъ авторъ,—дѣйствительно могъ производить впечатлѣніе. Онъ весь, казалось, состоялъ изъ однихъ мускуловъ, могучихъ и крѣпкихъ, какъ сталь; большіе, сѣрые глаза глядѣли отважно и рѣшительно, и трудно было вынести ихъ прямой, пронзительный взглядъ; длинныя усы окаймляли энергично очерченныя губы.. Лобъ былъ замѣчательно низкій, и въ середину его правильнымъ треугольникомъ вдавались жесткіе черные волосы. Это придавало смуглому длинному лицу суровый, почти свирѣпый видъ, хотя ни мало не уменьшало впечатлѣнія большого, неоспоримаго ума, видѣвшагося въ каждой чертѣ и въ каждомъ жестѣ этого сильнаго человѣка. Будучи совершенно неграмотнымъ, Юхоревъ говорилъ всегда такъ умно, плавно и даже кра-

сиво, пересыпалъ свою рѣчь такой массой оригинальныхъ эпитетовъ и поговорокъ, что если послѣднія не были черезчуръ откровенны, то вы могли бесѣдовать съ нимъ битый часъ и даже не догадаться, что имѣете дѣло съ простымъ, необразованнымъ мужикомъ, а не съ какимъ-нибудь баринкомъ средней руки, землемъ, помѣщикомъ. Непреклонная воля чуялась во всей этой желѣзной, богатырски скроенной фигурѣ, въ ея порывистыхъ и вмѣстѣ сдержанныхъ движеніяхъ, въ быстрой, всегда-торопливой, но граціозной походкѣ... Арестанты поголовно уважали и боялись Юхорева, но вовсе, казалось, не потому только, что онъ былъ старостой, и я не видалъ случая, чтобы ктонибудь серьезно сѣпился съ нимъ, вступилъ по какому-либо поводу въ грубую перебранку. Впрочемъ, Юхоревъ и не терпѣлъ противорѣчій себѣ. Съ мелкой шпаной, которой случалось чѣмъ-нибудь прогнѣвить его, онъ расправлялся по своему... Съ «серьезными» арестантами Юхоревъ держался зато въ высшей степени тактично и степенно».

Этотъ-то всѣми признанный авторитетъ, властно и увѣренно распоряжавшійся толпой, сталкивается съ новой силой,—силой убѣжденной любви и готовности жертвовать личными интересами ради общаго блага. Вначалѣ онъ идетъ ей на встрѣчу, приводитъ просто въ восторгъ младшаго, наиболѣе неопытнаго и увлекающагося товарища г. Мельшвина, очаровываетъ его своимъ характеромъ, полнымъ достоинства поведеніемъ и умѣньемъ обращаться съ массой. Этотъ товарищъ автора—типичный народникъ прежняго времени, восторженный идеалистъ, готовый преклониться предъ каждымъ типомъ изъ народной среды только потому, что это *народная* среда. Юная народническая душа усмотрѣла въ Юхоревѣ, этомъ героѣ этаповъ, одного изъ возможныхъ «вождей» народнаго движенія. «При другихъ условіяхъ, въ другой странѣ, развѣ онъ не могъ бы быть вожакомъ какой-нибудь гарибальдской банды, борющейся за возвышенный принципъ. У него и въѣшность-то скорѣе общественнаго протестанта, чѣмъ уголовного преступника!» Дипломатъ и мошенникъ Юхоревъ прекрасно понималъ идеалистическія наклонности новыхъ товарищей и думалъ сыграть на этой стрункѣ, постепенно пытаясь подчинить тебѣ новыхъ товарищей и тѣмъ еще увеличить свой авторитетъ въ глазахъ солны, простоудшно признавшей значеніе новой силы, но нимало ея не понявшей. Но какъ всякій деспотъ, Юхоревъ сдѣлалъ грубую ошибку, не принявъ въ расчетъ именно идейности, убѣжденій своихъ товарищей, и терпитъ пораженіе именно на этой почвѣ. Деспотизмъ всегда и вездѣ дѣлалъ эту ошибку, понимая лишь грубый материализмъ, личную выгоду, какъ единую двигающую силу. И когда подкупъ не удается, деспотъ пускаетъ другую, единственно доступную его пониманію силу—кулакъ. Потерпѣвъ крушеніе въ своихъ наивно-практическихъ попыткахъ, Юхоревъ возбуждаетъ сначала тайную, а потомъ явную вражду противъ новыхъ товарищей по судьбѣ. Дѣло доходить до того, что возникаетъ подозрѣніе въ попыткѣ отравить главнаго противника, подозрѣніе, которое оправдывается вполне при разслѣдованіи. «Вожакъ гарибальдской банды» вполне развертывается и выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ—заправскаго разбойника и великаго плута.

Всѣ перипетіи этой борьбы, съ массой вводныхъ эпизодовъ и лицъ изъ этого мірка погибшихъ думъ, нарисованныхъ съ обычнымъ мастерствомъ г. Мельшвина,—занимаютъ центральное мѣсто въ книгѣ, составляя ея главный интересъ. Въ заключительныхъ главахъ описывается конецъ образцовой каторжной тюрьмы и приведены характерные подлинныя рассказы нѣсколькихъ болѣе выдающихся героевъ «міра отверженныхъ». Книга заканчивается тремя отдѣльными очерками—«Кобылка въ пуги», «Среди сопокъ» и «Эпилогъ», объединенными общей темой съ очерками «Въ мірѣ отверженныхъ», хотя и не имѣющими съ послѣдними непосредственной связи. Особенно хорошъ по жестокому трагизму рассказъ «Среди сопокъ», въ которомъ просто изложенъ одинъ изъ безчисленныхъ ужасовъ, совершающихся въ этомъ мірѣ, забытомъ людьми.

Вторая часть произведенія г. Мельшина, уступая первой въ художественномъ отношеніи, имѣеть не меньшее общественное значеніе. Она рядомъ убѣдительныхъ и сильно написанныхъ картинъ, дышащихъ глубокой правдивостью, разбиваеъ ту идеализацію русскаго преступника, которая создавалась на почвѣ народническихъ воззрѣній на народную душу вообще. Этой своеобразной стороной народническаго романтизма нанесенъ окончательный ударъ, исчезла еще одна народническая иллюзія, которую замѣнила суровая и далеко неприглядная жизненная правда, тѣмъ не менѣе, болѣе для насъ привлекательная. Думаемъ, что время героевъ во вкусѣ Жава Вальжана миновало и для русской литературы, какъ миновало оно для западной. И если еще встрѣчаются любители подобной романтики, какъ, наприм., критикъ «Русской Мысли», вакинувшійся именно на эту сторону очерковъ г. Мельшина и попрекнувшій его даже въ измѣнѣ кому-то или чему-то, то троглодиты подобного типа представляють лишь любопытный пережитокъ добраго стараго времени, когда люди еще нуждались въ иллюзіяхъ, чтобы бороться съ реальнымъ зломъ. Мы же смѣемъ думать, что есть великая правда въ словахъ знаменитаго нѣмецкаго экономиста: «отказъ отъ иллюзіи есть первый шагъ къ выходу изъ положенія, нуждающагося вообще въ иллюзіяхъ». Несомнѣнно, гениальное произведеніе Достоевскаго «Записки изъ Мертваго дома» останется вѣчнымъ памятникомъ въ русской литературѣ, какъ «Отверженные» Гюго—во французской, потому что въ каждомъ великомъ произведеніи есть нетлѣнное зерно истины, дающее вѣчно живые побѣги живыхъ и благотворныхъ чувствъ любви и ненависти въ сердцахъ людей. И ужь, конечно, не эти произведенія мѣшаютъ правдѣ проникнуть въ сознание общества. Но грубая идеализація преступника, который въ народнической схемѣ рисовался какимъ-то прирожденнымъ протестантомъ, только неправильно понимавшимъ пѣли и средства протеста.—являлась не малымъ камнемъ на пути истины, затемняла правильный взглядъ на народную среду и вела ко многимъ самообманамъ. «Въ мірѣ отверженныхъ» разсѣяли эту иллюзію, и въ этомъ мы видимъ большое общественное значеніе произведенія г. Мельшина.

Евгеній Чириковъ. Очерки и разсказы. Изд. С. Дороватоваго и А. Чарушника. Спб. 1899. Ц. 80 к. Недавно знаменитый критикъ одного почтеннаго журнала сдѣлалъ справедливый упрекъ молодымъ начинающимъ беллетристамъ, что они, давъ двѣ-три небольшія вещицы, сейчасъ же тискають ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, какъ бы слѣша засвидѣтельствовать міру свою зрѣлость. Упрекъ этотъ не можетъ относиться къ г. Чирикову, разсказы и очерки котораго появляются въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ уже около пятнадцати лѣтъ, и только теперь авторъ нашелъ возможнымъ издать небольшую часть ихъ, сдѣлавъ довольно строгій выборъ. Такъ, сюда не вошли многіе изъ его очерковъ, помѣщенные въ провинціальныхъ изданіяхъ. Что же касается вошедшихъ, то всѣ они печатались въ журналахъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Два лучшихъ изъ нихъ были помѣщены въ «Рус. Богатствѣ» — «На стоянкѣ» и «Въ лѣсу», три — «Калигула», «Прогрессъ» и «Ранніе всходы» появились въ нашемъ журналѣ, остальные въ «Рус. Мысли», «Сѣв. Вѣстникѣ» и, если не ошибаемся, въ «Нов. Словѣ». Мы дѣлаемъ этотъ перечень съ тою цѣлю, чтобы показать, что авторъ, пройдя уже извѣстную редакціонную критику, имѣлъ несомнѣнное право сдѣлать отдѣльное изданіе своихъ произведеній, разбросанныхъ на такомъ большомъ пространствѣ времени и осужденныхъ въ противномъ случаѣ, на полное забвеніе. Кромѣ того, мы вполне понимаемъ законное желаніе cadaго автора—дать читателямъ болѣе полное представленіе о своей авторской фвізіономіи, чѣмъ то, которое можетъ составиться подъ бѣглымъ впечатлѣніемъ случайнаго разсказа, затерявагося въ общемъ содержаніи объемистой книги ежемѣсячника.

А г. Чириковъ обладаетъ болѣе многихъ авторовъ этимъ правомъ, такъ

какъ его талантъ, при сравнительно не обширномъ размѣрѣ, отличается несомнѣнной оригинальностью и яркостью. Главная черта его—легкій юморъ, проникающій всё его житейскія картинки и сцены и оживляющій его персонажи. Вообще, юморъ этотъ не глубоокъ и нѣсколько грубоватъ, онъ скользитъ по поверхности жизни, какъ весенній лучъ свѣта, вырѣзываясь яркими бликами на общемъ темномъ фонѣ печальной дѣйствительности, составляющей почти исключительное содержаніе очерковъ и рассказовъ г. Чирикова. Умѣніе автора подмѣтить скрытый комизмъ даже въ самыхъ грустныхъ явленіяхъ жизни и въ то же время сдержанное къ нему отношеніе, никогда не переходящее въ шаржъ, придаетъ очеркамъ жизненность и яркость. Въ лучшихъ его вещахъ, какъ «Калигула» или «Въ лѣсу», сюжетъ рассказа безысходно мраченъ и надрываетъ сердце читателя, но присущая автору юмористическая жилка вноситъ бодрящее чувство въ общую печальную картину, и, не смотря на то, что, благодаря контрасту, темныя стороны этой картины становятся еще угрюмѣе,—настроеніе рассказа теряетъ характеръ унынія, пессимизма и бесполезнаго нытья.

«Калигула»—это забытый жизнью маленькій-маленькій чиновникъ, какихъ тысячи ютятся по самымъ затхлымъ угламъ безконечныхъ канцелярій русской жизни. Такое благозвучное прозвище онъ получилъ за неудачный экзаменъ на первый чинъ, долженствовавшій улучшить его бѣдственное положеніе. Столько мечтаний было связано съ этимъ чиномъ, и все это разбивается о какого-то римскаго императора Калигулу! «Что такое, напримѣръ, Калигула и прочее? На кой мнѣ чортъ? А между тѣмъ вся карьера разбита окончательно!»—философствуетъ злополучный чиновникъ, и глубокая жалость къ его ничтожной судьбѣ, зависящей отъ какого-нибудь Калигулы, сжимаетъ сердце читателя. Но въ этомъ чувствѣ нѣтъ ни малѣйшаго пессимизма, нѣтъ ничего унылаго; напротивъ, получается живое ощущеніе дѣйственной любви, не мирящейся съ вздорностью жизни и жаждущей борьбы.

«Въ лѣсу» изображенъ одинъ изъ мрачныхъ эпизодовъ голоднаго года. Рассказчикъ понадеетъ случайно на лѣсной дворъ, гдѣ вьюга собрала кучу крестьянъ изъ голодающихъ мѣстностей. Бѣдственность переживаемаго момента, преступно-равнодушное отношеніе къ нему русской канцелярщины, сводящей на ничто даже хорошія предначертанія высшей власти, безстыдная алчность мѣстнаго кулачества—изображены въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, отгнѣнныхъ спокойнымъ юморомъ рассказа, когда, напр., случайные спутники автора, подбитые ямщикомъ, предлагаютъ купить на пробу свой «голодный» хлѣбъ и каждый пресерьезно увѣряетъ мнимаго покупателя, что «энтотъ еще пакостнѣе». Чувство безудержнаго гнѣва, охватывающее читателя, смягчается подъ вліяніемъ юмора автора и переходитъ въ холодное размышленіе, несравненно болѣе плодотворное и болѣе обильное для жизни послѣдствіями. Конецъ рассказа прекрасно подчеркиваетъ это настроеніе гнетущей и скорбной мысли, разбуженной вопіющей несправедливостью совершающагося зла и несправедливости.

Не менѣе характерной чертой таланта г. Чирикова является яркость изображенія. Его очерки и рассказы не велики по захвату. По большей части это отдѣльныя, выхваченныя изъ жизни сценки, эпизоды или типичныя фигуры. Но въ данныхъ предѣлахъ каждая вещь выписана колоритно, правда безъ особыхъ отгнѣнковъ, но живо и сильно. Лучше другихъ въ этомъ отношеніи небольшая волжская картинка «На стоянкѣ», по художественной законченности лучшее произведеніе въ этой книгѣ. Волжскій пейзажъ и на фонѣ его несложная жизнь баржи, стоящей на якорѣ у берега, написаны съ мастерствомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ несомнѣнную поэтическую чуткость къ природѣ. Вотъ, для образчика, картина Волги лунной ночью.

«Волга, облитая голубоватымъ блескомъ луннаго свѣта, словно здремаза, околдованная чарами неясныхъ весеннихъ грезъ, и тихо, ласково и любовно

гладиа своими струями и крутой берегъ, и высюіе борта стоявшей на якорѣ баржи. Луна блистала ярко въ вышинѣ надъ лѣсомъ Жигулевскихъ горъ, серебрила листву молодой зелени на вершинахъ, но словно боялась заглянуть внизъ по кручу громоздившихся горъ, туда, гдѣ висѣли густыя сумерки, гдѣ длинныя, несуразныя тѣни легли на воду и спрятали прижавшуюся къ берегамъ баржу... Тамъ, дальше, серебрилась переброшенная луною чрезъ рѣку искристая дорожка, а здѣсь было темно-темно, и лишь яркія звѣзды, меланхолически смотрѣвшія съ голубыхъ небесъ на землю, еще ярче отражались въ затѣненной горами рѣчной поверхности и дрожали вокругъ баржи синими огнями, гасли и вспыхивали, какъ электрическія искры, ослѣпительно яркія, большія, сивія... Изрѣдка, когда, Богъ вѣсть откуда, прилеталъ на своихъ крыльяхъ безпечный весенній вѣтерокъ,—лѣсъ вздрагивалъ серебрившейся на лунѣ листвою, и легкіе невнятные вздохи весны перебѣгали съ утеса на утесъ, скатывались въ темную бездну и здѣсь не то прятались въ прибрежныхъ кустахъ орѣшника, не то тонули въ слегка зарыбившейся водѣ рѣчной заводи, не то убѣгали дальше на противоположный берегъ, вмѣстѣ съ серебристою дорожкой луннаго свѣта... Съ напоенной ароматомъ цвѣта черемухи и пахучей березы прохладомъ вѣтерокъ приносилъ откуда-то отрывки несмѣлой соловьиной пѣсни, журчаніе сбѣгавшаго съ горъ по овражку ручья и еще какіе-то странныя, таинственные шумы и шорохи»...

Также хороши описанія зимняго лѣса въ разсказѣ «Въ лѣсу» или болота и сумерекъ въ очеркѣ «Съ ночевой».

Хуже другихъ удаются г. Чирикову разсказы, въ которыхъ онъ задается болѣе широкой темой, требующей глубокаго анализа сложныхъ душевныхъ настроеній и умѣнья совмѣстить на одной картинѣ великое разнообразіе жизни. Два такихъ разсказа «Gaudeamus igitur» и «Студенты пріѣхали», хорошо задуманные въ общемъ, плохо выполнены сравнительно съ предыдущими. Оба слишкомъ однотонны, въ нихъ нѣтъ живыхъ людей, а скорѣе, схемы, въ которыхъ читателю предлагается самому вкладывать живое содержаніе. Живыми нитками пришитая тенденція торчитъ здѣсь какъ шестъ, оголенная отъ плоти и крови, лишенная правдивости и вѣрнаго пониманія жизни. Вообще, какъ тенденціозный писатель, г. Чириковъ слабѣе всего, что должно ясно указать ему истинный путь — быть художникомъ-наблюдателемъ, какимъ онъ является въ своихъ лучшихъ вещахъ.

Собраніе сочиненій Мольера. 19 пьесъ съ иллюстраціями. Подъ редакцію С. С. Трубочева. Спб. 1899. Иллюстрированное бесплатное приложеніе къ «Вѣстнику иностранной литературы». Распространяющійся съ нѣкоторыхъ поръ обычай издавать въ видѣ приложеній къ популярнымъ журналамъ сочиненія классическихъ авторовъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Этимъ способомъ въ значительной степени усиливается циркуляція правильныхъ представленій о крупнѣйшихъ художественныхъ явленіяхъ, о которыхъ широкіе круги нашихъ читателей въ большинствѣ случаевъ имѣютъ лишь самыя смутныя понятія.

Въ частности Мольеръ знакомъ у насъ слишкомъ мало, сравнительно съ тѣмъ высокимъ значеніемъ, которое онъ имѣетъ во всемірной литературѣ, и съ тѣмъ рѣшительнымъ и плодотворнымъ вліяніемъ, которое онъ такъ долго оказывалъ на русскую комедію: Петръ I пытался его перевести, Екатерина II и сатирики-драматурги ея вѣка, не переставая, черпали у него какъ идеи, такъ и форму, Грибоедовъ и Гоголь многимъ ему обязаны. Между тѣмъ наша сцена непростительно равнодушна къ Мольеру. Кромѣ традиціонныхъ отрывковъ его комедій на ученическихъ и экзаменаціонныхъ спектакляхъ различныхъ драматическихъ курсовъ и училищъ, посѣтители нашихъ театровъ, «образцовыхъ» и не образцовыхъ, почти лишены возможности видѣть произведенія

этого великаго предка. По мнѣнію антрепренеровъ и артистовъ, Сарду, Пальеронъ и Лабиншъ несравненно интереснѣе. Нѣсколько лучше представляетъ Мольеръ въ печати. Кромѣ переводовъ отдѣльныхъ пьесъ, нѣкоторыхъ въ дешевомъ изданіи А. Суворина, мы имѣемъ и трехтомное собраніе сочиненій Мольера въ изданіи О. И. Бакста, заключающее 20 (изъ 32-хъ) наиболѣе извѣстныхъ или исторически важныхъ пьесъ, съ солиднымъ и интереснымъ біографическимъ введеніемъ пр. А. Н. Веселовскаго и бібліографическимъ указателемъ литературы о Мольерѣ.

Новое изданіе (однотомное) почти во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ предыдущимъ. Начать съ того, что изданіе «Вѣстника иностранной литературы» не только не пополняетъ выбора предъидущаго, но выбираетъ такія характерныя вещи, какъ *Критику на «Школу женъ»* и *Версальскій экспромтъ*, прибавивъ только одну менѣе зрѣлую комедію *Сманарель, или мнимый роконосецъ*. Правда, всѣ непереведенныя пьесы приводятся въ краткомъ пересказѣ, но пересказъ этотъ не даетъ читателю ничего и только бесполезно увеличиваетъ объемъ изданія. Далѣе, приложенный къ изданію біографическій очеркъ на нѣсколькихъ страничкахъ, также какъ и вступительныя замѣчанія къ каждой пьесѣ составлены весьма поверхностно и нелицитературно. Біографическіе факты и анекдоты мало объясняютъ творчество писателя, если лишитъ ихъ исторической перспективы, если не дать понятія о той средѣ, въ которой писатель развился и дѣйствовалъ, если не намѣтитъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшаго ему хода литературы, что онъ внесъ въ него новаго и личнаго, и, наконецъ, что изъ его творчества было воспринято позднѣйшими поколѣніями. Все это имѣетъ еще большее значеніе для изданія, которое желаетъ быть популярнымъ, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя рассчитывать, чтобы въ нашей читающей публикѣ было распространено ясное пониманіе такого отдаленнаго времени, какъ вѣкъ Людовика XIV. Къ сожалѣнію, редакція настоящаго изданія совершенно игнорируетъ указанныя, довольно скромныя требованія и ограничивается тѣмъ, что сдѣлываетъ жидкую біографію банальнѣйшими общими фразами и сомнительнаго достоинства моральными сентенціями. Что, напр., можно заключить о процессѣ творчества Мольера изъ такой фразы: «онъ бралъ чужую мѣду, чтобы магически, въ горнилѣ своего вдохновенія, превратить ее въ золото»? Говоря о томъ, что Мольеръ изъ любви къ женѣ старался и въ недостаткахъ ея находить достоинства, біографъ излагаетъ свои соображенія по этому поводу: «Къ сожалѣнію, это часто случается, и въ біографіяхъ многихъ великихъ людей (про маленькихъ людей біографъ забываетъ) приходится встрѣчаться съ подобными фактами. Вспомнимъ хотя женитьбу и семейную жизнь Пушкина, завершившуюся трагическою катастрофою». Неожиданное и вполнѣ неумѣстное примѣненіе сравнительнаго метода! Исторія салона Рамбулье, въ предисловіи къ переводу *Жеманницъ*, излагается такимъ образомъ кратко и неясно: «Къ сожалѣнію (опять запоздалое сожалѣніе), такъ называемые beaux esprits приобрѣли въ этомъ салонѣ слишкомъ преобладающее значеніе и установили диктатуру педантизма. Женщины, всегда скоро поддающіяся модѣ, соперничали съ мужчинами и, не замѣчая, насколько онъ смѣшны, вздумали реформировать угонченнымъ образомъ всѣ человѣческія чувства и языкъ». Въ предисловіи къ *Ученымъ женщинамъ* обсуждается дальнѣйшая «эволюція женскаго вопроса» (?). «Въ то время многія женщины начали съ жеманничанія, а потомъ усаживались за книжки и приобрѣтали массу свѣдѣній, съ которыми дѣйствительно недоумѣвали, что дѣлать; но это время препровожденіе отбивало ихъ отъ семьи и хозяйства, которыя, будучи брошены ими на произволъ судьбы, шли вкривь и вкось. Такимъ образомъ, если жеманницы первой стадіи развитія были только смѣшны и противны, то «энциклопедистки» второй стадіи стали уже

прямо опасны (!)». Нечего и говорить, что подобное смѣшеніе историческихъ явленій съ мѣщанскими сентенціями, изложенными при этомъ такимъ нелитературнымъ языкомъ, нисколько не способствуетъ пониманію взглядовъ самого Мольера. Если послѣдній заставляетъ говорить Кризаль своей ученой сестрѣ: «Вѣдь въ книгахъ проку нѣтъ,—ты лучше ихъ сожги», или: «жизнь нашихъ бабушекъ безъ книгъ спокойно шла, ихъ воспитаніемъ одно хозяйство было, а библиотекой—наперстокъ да игла» и т. д., то авторъ здѣсь вовсе не совпадаетъ съ дѣйствующимъ лицомъ, которое является такимъ же типомъ ограниченного мѣщанина, какъ Беллиза и Филиамента типами смѣшныхъ ученыхъ женщинъ. Поднимая на смѣхъ ихъ претенціозность при отсутствіи серьезнаго образованія и ставя съ ними совершенно на одну доску такихъ же педантовъ-недоучекъ мужчинъ, Мольеръ устами своихъ резонеровъ постоянно и настойчиво оговаривается, что онъ уважаетъ «истинное» образованіе въ женщинахъ. Въ *Школѣ женщины* резонеръ Кризальдъ утверждаетъ, что «дура не можетъ даже понять, что значить быть честной, не говоря уже о томъ, какъ скучно мужу цѣлую жизнь имѣть возлѣ себя глупую жену», а въ тѣхъ же *Ученыхъ женщинахъ* резонирующей любовникъ Клитандръ очень ясно устанавливаетъ разницу между тщеславнымъ умничаніемъ и дѣйствительнымъ знаніемъ:

Не спору,—хорошо, чтобъ женщина все знала,
Но возмутительно, когда онѣ спѣшать
Поверхностными знаньями кичиться.
По моему, милѣй та женщина въ сто-кратъ,
Которая по скромности боится
Ученость выставить предъ всѣми на показъ.
Я уважаю въ женщинахъ познанья
Безъ хвастовства, безъ заученныхъ фразъ
И безъ цитать изъ моднаго изданья.

И въ другихъ случаяхъ авторъ комментаріевъ проявляетъ такую же ограниченность точки зрѣнія и отсутствіе историческаго пониманія вездѣ, гдѣ онъ не малагаетъ пр. Веселовскаго, Ташеро и двухъ-трехъ другихъ мольеристовъ. Защищая, напр., *Мизантропа* отъ извѣстныхъ нападокъ Руссо, доказывавшаго на этомъ примѣрѣ гибельное вліяніе театра на нравы, нашъ комментаторъ въ полемическомъ задорѣ старается унижить Руссо, забывая, что тотъ уже давно хорошо защищенъ отъ его уловокъ. «По правдѣ сказать,—читаемъ мы,—*Новая Элоиза* Руссо едва ли не больше, если ужъ стая на точку зрѣнія самого же Руссо, способствовала порчѣ нравовъ, чѣмъ весь театръ Мольера въ совокупности». Самая мысль, впрочемъ взята у Женена, что и указано на стр. 495.

Обратимся къ переводамъ самихъ комедій Мольера. Многіе изъ этихъ переводовъ, и между ними всѣ стихотворные, уже извѣстны въ печати ранѣе. Въ общемъ надо признать, что всѣ переводы въ прозѣ исполнены добросовѣстно, языкъ ихъ легкій, литературный и по скольку возможно точно передаетъ подлинникъ. Изъ стихотворныхъ переводовъ лучшіе принадлежатъ Д. Д. Минаеву, хотя и они не лишены крупныхъ недостатковъ: вездѣ, гдѣ Мольеръ прибѣгаетъ къ народному лексикону, переводчикъ черезчуръ руссифицируетъ стиль, вставляя, иногда совершенно не къ мѣсту, протонародныя выраженія. Такъ, напр., въ *ученыхъ женщинахъ* служанка Мартина говорить:

По моему, кто говорить понятно,
Тотъ значить, и *вольготно* говорить.

Мало того, что здѣсь совсѣмъ не передана мысль подлинника (*Mon Dieu, je n'avons pas étudié comme vous, et je parlons tout droit comme on parle chez nous*), но и въ русской фразѣ слово «вольготно» не можетъ быть употреблено въ данномъ случаѣ. Далѣе Кризаль говоритъ:

Тебѣ, конечно, нечего скучать
И поднимать *буллу*...

Мы сомніваемся, существуетъ ли послѣднее слово даже въ какомъ-нибудь народномъ говорѣ. Нѣкоторые изъ пьесъ, написанныя въ подлинникѣ стихами, переведены прозой. Это еще небольшая потеря для такой виртозной комедіи, какъ *L'étourdi* (*Взбалмошный*), но совершенно непростительно по отношенію къ *Misanthropu* (въ изданіи Бакста переводъ В. Курочкина). Эта самая серьезная по мысли пьеса Мольера вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ къ самымъ удачнымъ по своему языку. Многія мысли въ ней вылились въ такую удачную форму, что лишить ихъ этой формы, сообщаящей имъ особенную акцентуацію, значитъ ослабить ихъ дѣйствіе: то, что въ стихахъ невольно западаетъ въ память слушателю, въ прозѣ можетъ не вызвать вовсе его вниманія. Другая капитальнѣйшая комедія *Tartuffe* также значительно пострадала въ стихотворномъ переводѣ г. Лихачова (въ изданіи Бакста переводъ Минаева). Правда, стихъ его легкой, языкъ свободный и простой, и переводъ менѣе значительной комедіи *Школа женъ* удался ему очень недурно, но *Tartuffe*, гдѣ, можно сказать, каждое лыко должно идти въ строку, требуетъ отъ переводчика особенной осмотрительности. Въ языкѣ Мольера нѣтъ такъ называемыхъ *chevilles*, выражений, вставленныхъ для рѣзвы или для заполнения стиха, которыя свободно можно выбросить при переводѣ, и дѣлать изъ пяти стиховъ три или даже два можно не иначе, какъ въ ущербъ смыслу. Между тѣмъ г. Лихачовъ такъ именно и поступаетъ, какъ будто онъ «обрабатываетъ для сцены» какую-нибудь посредственность вроде Леметра, Сарду или Ростана. Особенно безпощадныя купюры учиняются тамъ, гдѣ, по мнѣнію переводчика, можетъ пострадать нравственное чувство читателя. Въ языкѣ Мольера на этотъ счетъ были гораздо менѣе щепетильны, и только лицемѣріе Тартюфа считало необходимымъ набрасывать платочекъ на декольтированныя мѣста; представительница же здраваго смысла, Дорина, очень резонно утверждаетъ, что «она могла бы видѣть его голымъ сверху до низу, и это не привело бы ее въ соблазнъ» (мѣсто, совершенно выброшенное въ русскомъ текстѣ). Переводчику Мольера лучше было бы усвоить себѣ взглядъ Дорины, нежели Тартюфа, тѣмъ болѣе, что Мольеръ никогда не ставившійся на почву слабости ради замгрыванія съ зрителемъ, а только не считающій нужнымъ отказываться отъ чертъ, характеризующихъ дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить одинъ общій недостатокъ всѣхъ стихотворныхъ переводовъ Мольера: это ихъ чересчуръ вольный стихъ. Чередованіе въ перемежку самыхъ разнообразныхъ ямбовъ, количествомъ отъ одной до шести стопъ, съ произвольнымъ сплетеніемъ рѣзвы, какъ въ *Горь отъ ума*, совершенно не передаетъ характера традиціоннаго александрійскаго стиха. Однообразіе и сухость послѣдняго почти исчезаетъ въ живомъ діалогѣ Мольера, а иногда самая неподвижность его двустипій сообщаетъ отдѣльнымъ мыслямъ законченность поворотовъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ давно вошли во французскую рѣчь. Къ достоинствамъ разбираемаго изданія Мольера надо отнести довольно отчетливое воспроизведеніе хорошихъ французскихъ гравюръ, изъ которыхъ особенно мастерски нарисованы офорты Лелуа.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Г. Смирнова. «Маха-Бхарата. Индійская Илиада».—Е. Каро. «Жоржъ-Зандъ».—М. Ватсонъ. «Ада Негри».—Н. С. Тихомировъ. «Сочиненія. Томъ III, ч. II».

А. Г. Смирнова. Маха-Бхарата. Индійская Илиада. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. Небольшая брошюра г-жи Смирновой является очень цѣннымъ вкладомъ въ популярно-научную литературу, такъ какъ съ увѣренностью можно сказать, что

свѣдѣнія о богатѣйшемъ индѣйскомъ эпосѣ крайне мало распространены среди обширной публики, стремящейся путемъ самообразованія расширить свои знанія. Главной причиной такого малаго знакомства была недоступность этого эпоса, чрезвычайно оригинальнаго по формѣ и содержанию. Какъ видно изъ подробнаго обзора существующихъ въ русской литературѣ свѣдѣній о «Маха-Бхаратѣ», дѣлаемаго почтеннымъ авторомъ во введеніи,—не только нѣтъ полнаго перевода этой обширнѣйшей поэмы, заключающей болѣе 220.000 *) стиховъ, но и болѣе подробнаго и полнаго изложенія ея. Лишь нѣкоторые эпизоды ея, какъ, напр., «Наль и Дамаянти», извѣстны читающей публикѣ. Между тѣмъ, хотя бы по этому одному эпизоду можно судить, какія сокровища истинной поэзіи, проникнутой глубокой мыслью и расцвѣченной всеми красками восточной фантазіи, скрываетъ въ себѣ «Маха-Бхарата». Но и кромѣ того, уже одно то, что «Маха-Бхарата» есть священная книга для болѣе чѣмъ двухсотъ милліоновъ индусовъ, древнѣйшаго народа, съ оригинальнѣйшимъ міросозерцаніемъ, должно привлекать къ ней вниманіе и любознательность каждаго просвѣщеннаго человѣка. «Тотъ мудрецъ,—говоритъ пѣвецъ Маха-Бхараты,—который кому бы то ни было разскажетъ ея содержаніе, и тотъ, кто будетъ ее слушать,—оба удостоятся войти въ обитель Брами, гдѣ будутъ уподобляться богамъ. Эта поэма одинаково священна, какъ и гимны Ригъ-Веды. Она возвышенна и избавляетъ отъ грѣховъ. Въ ней разумъ достигъ высшихъ предѣловъ совершенства. Эта святая книга поучаетъ милосердію и любви. Если даже преступникъ будетъ слушать «Маха-Бхарату», то его преступленія простятся ему». Есть, стало быть, въ этой поэмѣ нѣчто такое, что заставило многомилліонный народъ, при всѣхъ безчисленныхъ превратностяхъ судьбы, спасти ее и пронести сквозь тьму тысячелѣтій, сохраняя въ памяти, какъ драгоценнѣйшій завѣтъ предковъ и обѣтованіе для новыхъ поколѣній. Арнольдъ, знаменитый авторъ поэмы «Свѣтъ Азіи», говоритъ, что, по увѣренію набожныхъ индѣйцевъ—«Маха-Бхарата» даруетъ счастье на землѣ и на небѣ: немущій обрѣтаетъ богатство, больной здоровье, невѣжда знаніе. «Маха-Бхарата», говоритъ онъ, есть цѣлая бытовая повѣсть, подробное изложеніе духовной, политической и общественной жизни древнихъ индѣйцевъ. Это неисчерпаемый источникъ самыхъ разнообразныхъ разсказовъ, положившихъ начало ихъ философіи и литературѣ».

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ г-жа Смирнова дѣлаетъ тщательный обзоръ литературы о «Маха-Бхаратѣ», слѣдуетъ сжатое, превосходно составленное изложеніе поэмы. Съ рѣдкимъ искусствомъ, обличающимъ въ авторѣ глубокое и полное знаніе предмета, г-жа Смирнова сумѣла на пространствѣ четырехъ печатныхъ листовъ такъ изложить эту громадную поэму, что для читателя выясняется не только общій остовъ этого грандіознѣйшаго произведенія, но, главное,—и духъ его.

Самое названіе «Маха-Бхарата» означаетъ «великую борьбу Баратовъ». Главный сюжетъ поэмы—борьба двухъ княжескихъ родовъ, Пандавовъ и Каурововъ, изъ-за власти. Этотъ сюжетъ развивается на фонѣ роскошной индѣйской природы, величественной и грозной, переплетаясь со всѣми сторонами бытовой и общественной жизни древней Индіи. Тонъ поэмы все время торжественный, какъ причастствуетъ самому предмету. Разсказъ ведется отъ лица мудреца Віазы, который знакомитъ юнаго раджу Яймея съ судьбами его предковъ Баратовъ и его прапрадѣда Арьяны, одного изъ главныхъ героевъ поэмы. Спокойно-торжественное настроеніе разсказчика постепенно повышается, переходя въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ—«Священное шествіе героевъ въ рай» и «Вступленіе въ рай»—въ трогательно-молитвенное умилненіе предъ величіемъ и до-

*) Для сравненія замѣтимъ, что Иліада и Одиссея вмѣстѣ имѣютъ около 22—24.000.

блестью вѣрнаго и справедливаго царя Юдхиштиры. Принятый богами въ рай, блаженный Юдхиштира отказывается оставаться въ раю, куда не допущены его любимые и дорогіе спутники жизни вмѣстѣ съ его вѣрной собакой, «беспомощной и беззащитной», которая жалобно воетъ у воротъ рая. На приглашеніе боговъ возсѣсть вмѣстѣ съ ними въ сонмъ небожителей, «справедливый и милосердный» Юдхиштира отвѣчаетъ: «О Сакра *)! Есть четыре смертныхъ грѣха: первый—бездельное отчаяніе, второй—убійство матери грудного младенца, третій—умышленное разрушеніе твореній Брами, четвертый—оскорбленіе стараго друга. Но всѣ эти грѣхи мнѣ кажутся ничтожными въ сравненіи съ пятимъ грѣхомъ, что когда кто либо, испытавъ всѣ скорби жизни, вдругъ обрѣтаетъ счастье и въ счастьѣ своемъ покидаетъ своего несчастнаго товарища». И Юдхиштира добровольно возвращается въ адъ, гдѣ остались его братья, его жена и вѣрная собака. Тронутые такимъ постоянствомъ и вѣрностью, боги выводятъ изъ ада всѣхъ его милыхъ сердцу спутниковъ жизни, и Юдхиштира, погрузившись въ священныя волны Ганга, возносится въ обитель блаженнаго рая, «гдѣ его ожидали его братья, князья рода Пандавовъ, и прелестная жена ихъ Драупади съ чудными очами, блестящими, какъ цвѣтъ лотуса». Такъ вступилъ царь Юдхиштира «въ область небесную, гдѣ обрѣлъ, наконецъ, то, чего не могъ найти на землѣ—миръ и счастье». Заключительныя слова поэмы подчеркиваютъ проникающее ее настроеніе возвышеннаго пессимизма. Нѣтъ счастья на землѣ, гдѣ все скоротечно, есть лишь *долгъ*, и тотъ истинный герой, кто, сознавая тщету земныхъ стремленій и страстей, пребудетъ вѣренъ до конца, будетъ справедливъ и снисходителенъ къ другимъ, строгъ къ себѣ, спокоенъ въ счастьѣ и горѣ и чистъ душою и тѣломъ. И пусть не ждетъ онъ никакой награды, кромѣ одной, которая заключается въ сознаніи выполненнаго долга.

Е. Каро. Жоржъ-Зандъ. Переводъ О. Н. Масловой. Москва. 1899. Современное намъ поколѣніе съ трудомъ можетъ постигнуть ту страстную энергію порицанія и сочувствія, которую вызывали романы Жоржъ-Зандъ въ теченіе почти 30 лѣтъ. Художественное достоинство ея произведеній, — замѣчательное преимущественно въ мелкихъ, безыскусственныхъ рассказахъ, — въ сужденіяхъ о ней отступало далеко на задній планъ предъ общественнымъ значеніемъ ея идей и настроеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время лишь историческій интересъ можетъ заставить перечестъ безъ значительныхъ пропусковъ большинство тѣхъ романовъ, на которыхъ зиждется ея слава. Необыкновенные люди, гигантскія страсти, многорѣчивыя разсужденія, слишкомъ ровный и гладкій стиль знаменитой писательницы уже не удовлетворяютъ нашему вкусу и вызываютъ скуку, какъ чтеніе цѣнныхъ, но слишкомъ однообразныхъ и длинныхъ документовъ, а идейная сторона ея произведеній потеряла для насъ остроту новизны. Нечего и говорить о томъ, насколько архаичнымъ являются теперь наивныя социалистическія утопіи, которыми снабжали Жоржъ-Зандъ ея друзья — мечтатели 40-хъ годовъ. Но и взгляды ея на семью, на отношенія мужчины и женщины, на свободу чувства, именно на тѣ вопросы, которые были ей ближе всего и въ которыхъ она являлась смѣлой учительницей современниковъ, — мы вправѣ назвать *ein überwundener Standpunkt*. Кто нынче не признаетъ, хотя бы въ теоріи, «свободы любви», которую называли столь революціонной и безнравственной въ романахъ Жоржъ-Зандъ или въ статьяхъ Бѣлинскаго? Женскій вопросъ, который пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ почти исчерпывался требованіемъ — имѣть право слѣдовать влеченію своего сердца, въ настоящее время принялъ такіе грандіозные размѣры, что его уже нельзя выдѣлать изъ общаго социальнаго вопроса. Все это значительно ослабляетъ для насъ непосредственный интересъ къ произведеніямъ Жоржъ-Зандъ.

*) Одно изъ названій бога Индры («священный»).

Но зато необыкновенная личность писательницы, поскольку она выразилась въ ея литературной дѣятельности, никогда не потеряетъ своего значенія. Съ дѣтства мечтательная и экзальтированная, угнетаемая разладомъ между аристократическою бабушкой и модистскою матерью, лишенная сколько-нибудь правильного образованія, выстрадавшая тяжелую мѣщанскую драму въ своихъ отношеніяхъ съ мужемъ, человѣкомъ самаго низменнаго пошиба, молодая баронесса Дюдеванъ, будущая знаменитая Жоржъ-Зандъ, имѣла всѣ данныя, чтобы погрузиться въ свои несчастья и считать свою жизнь разбитой въ конецъ. Между тѣмъ она сохранила не только способность работать, учиться, любить, отдавать общественнымъ интересамъ, но и замѣчательную цѣльность натуры, жизнерадостность и душевное равновѣсіе. Условія ея жизни, какъ извѣстно, и послѣ разрыва съ мужемъ далеко не были безмятежно спокойными. Такъ ярко выразившіеся въ ея романахъ взгляды на безграничную свободу чувства не были теоріей, и безчисленные эпизоды ея личныхъ романовъ ставили ее въ боевое положеніе, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и по отношенію ко всему обществу. Но никакіе личные кризисы, никакіе конфликты съ общепризнанною моралью не могли разрушить въ ней вѣры въ свою правоту и отбить у нея охоту пользоваться своею свободой, которую она считала священной. Благотворѣнное служеніе богу любви нисколько не обуславливало въ ней эгоизма и черствости,—напротивъ: она была прекрасной и разумной матерью, а въ старости чудной бабушкой, она славилась своею добротою и готовностью придти на помощь всякому, кто въ ней нуждался, стремленіе ея отдаться общественному дѣлу было безгранично, хотя и не основывалось на твердой, продуманной программѣ. Изученіе этой удивительной и могучей души никогда не потеряетъ своего интереса, и съ этой точки зрѣнія многія страницы романовъ Жоржъ-Зандъ такъ же поучительны, какъ ея письма и автобіографическія сочиненія.

Книга о Ж.-Зандъ, предлагаемая нынѣ русскому читателю въ переводѣ г-жи Масловой, принадлежитъ извѣстному французскому академику Каро, который съ 1861 г. былъ лично знакомъ съ знаменитой писательницей († 1876). Работа престарѣлаго автора не отличается планомѣрностью и не освѣщена какой-нибудь опредѣленной идеей. Съ обычной у французовъ манерой скользить по поверхности разсматриваемыхъ явленій, авторъ останавливается на отдѣльныхъ біографическихъ фактахъ, а о другихъ не менѣе важныхъ не упоминаетъ вовсе, мѣстами критикуетъ произведенія, мѣстами старается характеризовать личность Жоржъ-Зандъ, но и то, и другое не сведено къ чему-нибудь цѣлому. Относясь довольно строго ко многимъ ея произведеніямъ, особенно къ тѣмъ, въ которыя она вплетала свои соціальныя теоріи, Каро съ большимъ сочувствіемъ останавливается на литературныхъ взглядахъ Ж.-Зандъ, противопологая ихъ съ укоризной натуралистической доктринѣ (книга Каро появилась еще въ то время, когда эта доктрина была въ полной силѣ во Франціи). Въ настоящее время мы уже вправѣ считать, что теорія Золя въ чистомъ своемъ видѣ отжила свой вѣкъ и стала фактомъ исторіи, но едва ли большее право на долговѣчность имѣетъ идеалистическая поэтика позднихъ романтиковъ, къ которымъ принадлежитъ Ж.-Зандъ. «Согласно выработанной теоріи,—такъ говоритъ она сама,—надо идеализировать эту любовь (которая даетъ содержаніе роману), а слѣдовательно, и этотъ типъ (героя романа), и тутъ нечего опасаться, надвѣяя его всѣми духовными силами, которыми только обладаетъ душа самого автора, или всѣми терзаніями муки, которыя ему когда-либо приходилось наблюдать въ другихъ или испытывать на себѣ самомъ. Но при этомъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унижать этотъ типъ подъ вліяніемъ случайностей судьбы—пускай онъ или погибнетъ, или же восторжествуетъ; можно безъ опасенія приписывать ему исключительное значеніе, выдающіяся силы, чарующія свой-

ства или такія страданія, которыя превышаютъ мѣру обычныхъ людскихъ страданій, можно даже переступить мѣру правдоподобія, допускаемаго большинствомъ людей», и т. д. Каро сожалѣетъ, что Ж.-Зандъ сама не всегда оставалась вѣрна этой теоріи, которую онъ называетъ «простой и возвышенной» (стр. 29—30). Въ другомъ мѣстѣ онъ уже отъ своего имени излагаетъ задачи романа, который долженъ «возвышать» человѣка надъ горестями и нуждами, дрязгами и неприятностями повседневной жизни, чтобы хоть на нѣсколько часовъ отвлечь его вниманіе къ болѣе возвышенной, хотя бы и вымышленной сторонѣ иного міра» (стр. 137). Если, такимъ образомъ, читатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ полагаться на сужденія автора, то все же въ виду характера самаго сюжета нѣкоторые этюды, подробнѣе изложенные, читаются съ интересомъ, какъ, напр., сношенія Ж.-Зандъ съ Флоберомъ, котораго она очень правильно цѣнила и критиковала, ея жизнь подъ старость лѣтъ въ кругу семьи, и нѣкоторые другіе. Напомнимъ, что Ж.-Зандъ въ свое время принадлежала къ числу любимѣйшихъ у насъ иностранныхъ писателей, и романы ея много переводились вплоть до 1870-хъ годовъ. Существуетъ и довольно значительная критическая литература о Ж.-Зандъ на русскомъ языкѣ; въ числѣ другихъ о ней писали гг. Скабичевскій, Цебрикова («Сѣверный Вѣстникъ», 1883 г. 11, 12). Каренинъ («Русское Богатство», 1895 г. 1, 2).

М. Ватсонъ. Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ А. Негри. Спб. 1899. Имя даровитой итальянской поэтессы уже не разъ упоминалось и въ русской печати. Нѣсколько краткихъ сочувственныхъ отзыовъ, два-три болѣе или менѣе удачныхъ перевода были помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, но сколько-нибудь цѣльнаго представленія о столь выдающемся литературномъ явленіи русская публика еще не могла себѣ составить. Брошюра г-жи М. Ватсонъ имѣетъ цѣлью заполнить этотъ пробѣлъ. Безъ всякихъ претензій на какой-либо опредѣленный критическій методъ, авторъ сообщаетъ болѣе или менѣе все, что извѣстно о несложной, но полной борьбы и страданій біографіи молодой писательницы, и затѣмъ отмѣчаетъ главнѣйшіе мотивы ея творчества, приводя въ видѣ иллюстраціи довольно много переводовъ ея стихотвореній, отчасти въ стихахъ, отчасти въ прозѣ. Стихотворные переводы уступаютъ прозаическимъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что стихъ Ады Негри представляетъ невѣроятныя трудности для перевода, но стихотворенія ея, помимо своей художественной формы, такъ полны поэтического содержанія, что даже въ прозаической передачѣ не совсѣмъ теряютъ свою прелесть. Недурны нѣкоторые переводы, сдѣланные разнѣренною прозою, какъ, напр., слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія *I grandi*: «Люблю тѣхъ мятежныхъ душой я, которые, вѣчно терзаясь возвышенной мукой, тревогой, прикованы дивною цѣпью любви ко всемъ тѣмъ, кто трепещетъ и плачетъ, и къ проклятымъ тѣмъ, что Христосъ искупилъ, а ихъ предали братья» и т. д. Въ выборѣ образовъ поэзіи Ады Негри г-жа Ватсонъ совершенно правильно старалась не быть односторонней. Какъ ни мало у насъ до сихъ поръ говорилось про Аду Негри, но уже успѣло сложиться хотячее мнѣніе, будто ея поэзія представляетъ исключительно lamentаціи о несчастной долѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, и нѣкоторые даже нашли въ этомъ поводъ упрекать ее за узость мотивовъ ея вдохновенія. Но тѣ, кто дѣйствительно знакомы съ ея произведеніями, знаютъ, насколько фальшивы подобныя обвиненія. Совершенно справедливо, что состраданіе ко всемъ незаслуженно гонимымъ, возмущеніе окружающею ее ужасною соціальною несправедливостію и готовность бороться за свои альтруистическіе идеалы даютъ ей много матеріала для творчества, но при этомъ живая, сильная, страстная индивидуальность самой писательницы ярко выступаетъ наружу. Это-то и придаетъ ея общественной лирикѣ харак-

теръ не принципиальной преднамѣренности, а живого отраженія живой человѣческой души. Она сама дочь рабочаго и работницы, ей самой съ дѣтства знакомы голодъ и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, она сама знаетъ, что значить хлѣбъ, добытый въ потѣ лица, поэтому-то ея сочувствіе всѣмъ этимъ уличнымъ дѣтямъ, несчастнымъ матерямъ, изнуреннымъ рабочимъ—не отвлеченная филантропія, а органическая потребность. Но, страдая за другихъ, она не подавляетъ и своихъ личныхъ порывовъ. Ее постоянно обуреваютъ *la fegosse nostalgia del sole*, она всѣми силами души старается завоевать себѣ самой радость, любовь, право на уваженіе людей, однимъ словомъ, все то, что составляетъ личное счастье. И ея лирика отражаетъ всѣ моменты этой страстной борьбы: надежду, разочарованіе, усталость, и снова подъемъ духа, и снова отчаяніе. Въ книжкѣ г-жи Ватсонъ и эта сторона творчества Ады Негри освѣщена нѣсколькими примѣрами, такъ что читателю представляется во всякомъ случаѣ довольно цѣльный портретъ молодой поэтессы. Поэзія европейскихъ народовъ давно уже не являла такого соединенія художественнаго дарованія съ благородствомъ настроенія и силою индивидуальныхъ чертъ, какъ у Ады Негри, поэтому намѣреніе ознакомить съ нею русскихъ читателей заслуживаетъ полнаго признанія. Отмѣтимъ еще, что эта книга является началомъ цѣлой серіи этюдовъ по итальянской литературѣ, того же автора.

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ третій, часть вторая. Русская литература XVIII и XIX вв.—Приложенія. М. 1898 г. стр. 423. Во второй части III-го тома сочиненій Н. С. Тихонравова собраны его мелкія статьи, библиографическія замѣтки, критическіе отзывы, студенческія работы и т. п., все по вопросамъ новой русской литературы. Статьи эти часто содержатъ необходимыя дополненія къ изслѣдованіямъ болѣе крупнымъ по объему и задачѣ. Онѣ рѣдко являлись у Тихонравова мелочно-спеціальными, какими кажутся на первый взглядъ. Всякая деталь подъ рукою такого мастера получала существенный смыслъ и свою опредѣленную цѣнность. Въ мелкихъ замѣткахъ Тихонравова читатель то и дѣло встрѣчаетъ характерные отзывы общаго значенія, плодотворныя комбинаціи наблюденій, постановку новыхъ вопросовъ. Таковы замѣтки о Бавтемирѣ, о Смирдинскихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова и Фонвизина, о книгѣ Сушкова: «Московскій университетскій благородный пансіонъ», о Новиковѣ, и другія. болѣе мелкія. Впервые появляются въ печати статьи о Гнѣдичѣ (обстоятельный очеркъ его литературной дѣятельности), о Жуковскомъ (характеристика очень цѣнная—учебныхъ лѣтъ поэта и отрывокъ о жизни и настроеніяхъ его въ 1812—1814 г.г.), объ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя. Последняя статья развиваетъ мысль, что строго историческое изученіе тѣхъ шести лѣтъ (1830—1836), когда Гоголь находился въ тѣсномъ общеніи съ Пушкинымъ, разъяснитъ вполне влияніе Пушкина на Гоголя, котораго онъ самъ считалъ продолжателемъ своего дѣла, и прольетъ новый свѣтъ на внутренній переворотъ въ Гоголѣ, выразившійся въ «Перепискѣ съ друзьями». Пушкинъ былъ своего рода менторомъ Гоголя, заставилъ его серьезно взглянуть на свое дѣло, повѣрялъ ему свои литературные и политическіе идеалы, разбудилъ его мысль и толкнулъ его на тотъ путь, который привелъ Гоголя къ глубокому внутреннему кризису. Для пониманія и Гоголя, и Пушкина (последнихъ лѣтъ) статья Тихонравова указываетъ новыя данныя, еще не изученныя съ должною полнотою...

Изъ другихъ статей отмѣтимъ некрологи Шевырева и слависта Григоровича, двѣ статьи о Н. И. Пироговѣ и студенческія работы Тихонравова о Катуллѣ, о переводахъ Гомера на русскій языкъ и кандидатское сочиненіе—«О заимствованіяхъ русскихъ писателей». Студенческія работы знаменитаго ученаго уже намѣчали тѣ изслѣдованія объ усвоеніи на Руси литературныхъ со-

зданій чужой культуры, которыя потомъ играли такую роль въ его дѣятельности, какъ ученаго и профессора.

Заканчивается томъ рѣчью о Шекспирѣ, которую Тихонравовъ читалъ на университетскомъ актѣ 1864 г., и замѣтками о Данте. Въ рѣчи Тихонравовъ даетъ цѣлый психологическій образъ Шекспира, сопоставляя его съ Бэкономъ во взглядахъ на искусство и мастерски, хоть и по необходимости бѣгло намѣчая связь его съ эпохой. Три-четыре странички отрывковъ о Данте заставляютъ пожалѣть, что авторъ не оставилъ намъ больше слѣдовъ своихъ занятій корифеями западной поэзіи. Отрывки содержатъ общую характеристику Данте и его «Божественной комедіи».

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

И. Г. Виноградовъ. «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ». — *Лависъ и Рамбо.* «Всеобщая исторія. Т. V.» — *Е. Церетели.* «Елена Иоанновна». — *А. М. Петрушевичъ.* «Маргарита Ангулемская».

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей, подъ редакцію профессора П. Г. Виноградова. Выпускъ третій. М. 1899 г. стр. 587. Ц. 2 р. Третій выпускъ «Книги для чтенія» (о первыхъ двухъ см. «Міръ Божій» 1898 г., июнь) содержитъ статьи по исторіи образованія государствъ Западной Европы. Съ происхожденіемъ своеобразнаго социальнаго-политическаго строя Англии знакомятъ читателя три статьи: В. Маклакова—«Завоеваніе Англии норманнами», Н. Романова—«Происхожденіе парламента въ Англии» и Д. Петрушевскаго—«Возстаніе Уота Тейлора». Первая—кромя разсказа о борьбѣ Вильгельма съ Гаральдомъ даетъ содержательное изображеніе порядковъ, установившихся послѣ завоеванія. Какъ на этой почвѣ разыгралась внутренняя борьба, приведшая къ великой хартіи вольностей, новой борьбѣ и утвержденію силы парламента при Эдуардахъ—разъясняетъ г. Романовъ. Его статья очень хорошо составлена и сохраняетъ значеніе популярно-научнаго пособія рядомъ съ превосходнымъ очеркомъ Стебса (Фриманъ и Стебсъ: «Опыты по исторіи англійской конституціи». М. 1880 г.). Статья Д. Петрушевскаго, составленная отчасти по неизданнымъ документамъ (это краткое гезимѣ диссертациі автора о Уотѣ Тейлорѣ) рисуетъ картину острыхъ волненій, вызванныхъ подавленностью народной массы въ Англии XIV вѣка.

Для исторіи образованія французскаго королевства читателю придется связать статью второго выпуска «Книги для чтенія» со статьями III-го выпуска о Филиппѣ II Августѣ, о генеральныхъ штатахъ XIV вѣка, о Жаннѣ д'Аркъ и Людовикѣ XI. По поводу Жанны д'Аркъ невольно вспомнишь этуь о ней М. Н. Петрова въ «Очеркахъ изъ всемірной исторіи»: безпритязательный пересказъ г. Анциферова хорошо бы оживить психологическимъ (къ сожалѣнію, быть можетъ, слишкомъ сдающимся къ психіатріи) анализомъ Петрова.

Возникновеніе новыхъ государственныхъ отношеній сопровождалось и новыми теченіями въ духовной культурѣ. Новая общественная сила, ихъ создавшая, поднялась въ городскомъ классѣ. Статьи М. Покровскаго о господствѣ Медичи во Флоренціи, Н. Аммона о городѣ Кельнѣ въ средніе вѣка и В. Михайловскаго о Ганзѣ—знакомятъ съ разными формами проявленія этой новой силы. Остальныя статьи (кромя статьи Аммона объ испанскихъ арабахъ)—посвящены славянамъ. Издатели наши нужнымъ пояснить, что обратили значительное вниманіе на исторію славянскихъ народностей, «согласно условію, поставленному соискателямъ преміи Петра Великаго», которая присуждена «Книгѣ для чтенія». Дѣйствительно, благодаря этому условію, составъ книги вышелъ

нѣсколько пестрымъ. Не лучше-ли было бы удѣлить славянамъ особый выпускъ и тѣснѣе связать въ расположеніи статей картину новыхъ соціально-политическихъ отношеній съ характеристикой паденія средневѣкового міросозерцанія и зарожденія новыхъ теченій (чему, вѣроятно, посвященъ будетъ IV-й выпускъ)? Статьи о славянахъ даютъ все существенное въ исторіи западнаго и южнаго славянства. Германизація славянъ изображается въ статьяхъ г. Розанова. Чешскіе ученые К. Гибль и В. Новотный дали этюды о своихъ лучшихъ короляхъ: Пржемыслъ-Отокаръ II и Карлъ IV. Братскія свѣдѣнія о судьбахъ австрійскихъ славянъ сообщаетъ статья Н. Янчука. Наибольшій интересъ представляютъ статьи М. Любавскаго по исторіи Польши. Онъ далъ очеркъ происхожденія польскаго шляхетнаго строя на основаніи новѣйшихъ трудовъ Пѣкосинскаго, Бобжинскаго и Смольки. Догматически валагая вопросъ, вызвавшій горячую полемику среди польскихъ ученыхъ, г. Любавскій сѣмьлѣ въ популярной статьѣ, написанной съ педагогической цѣлью, дать интересное освѣщеніе вопросу о внутреннихъ отношеніяхъ въ старой Польшѣ. Другія статьи—не менѣе интересны—того же автора касаются исторіи и значенія нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ и такого яркаго момента, какъ царствованіе Казимира Великаго. Сербайтъ посвящены этюды М. И. Соколова о Стефанѣ Душанѣ и Лаврова о Ёсовской битвѣ. Заканчиваетъ эту серію статей очеркъ исторіи турокъ въ Европѣ и паденія Византіи, М. Покровскаго.

Разнообразное и цѣнное—не для однихъ учащихся—содержаніе III-го выпуска «Книги для чтенія» заставляетъ встрѣтить его такимъ же пожеланіемъ успѣха, какимъ «Мірѣ Вожді» привѣтствовалъ первые два.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. V. Религіозныя войны. 1559—1648 г. Переводъ В. Невѣдомскаго. М. 1899 г. Стр. XX+880. Ц. 3 р. Новый томъ обширной «Всеобщей исторіи» Лависсы и Рамбо отърывается главой о Тридентскомъ соборѣ и католической «контръ-реформаціи». Подробный разсказъ о великомъ соборѣ и анализъ Tridentinum'a—этого основнаго закона ультрамонтанской реакціи—весьма интересны, но необходимо отмѣтить, что авторъ (Chénon) самъ стоитъ на ультрамонтанской точкѣ зрѣнія. Его краткій обзоръ «церковнаго возрожденія» (такъ онъ называетъ католическую реакцію), дѣятельности инквизиціи, цензуры и монашескихъ орденовъ—полонъ сочувствія къ успѣхамъ Рима. Гораздо осторожнѣе сужденіе Марьежолъ въ очеркѣ царствованія Филиппа II: авторъ колеблется между признаніемъ Филиппа «великимъ государемъ» и утвержденіемъ, что «онъ не былъ великъ въ томъ отношеніи, что не понималъ ни своего времени, ни своего народа». Шаткость мысли оставляетъ за очеркомъ достоинство фактической полноты, но кому нуженъ образъ Филиппа, тотъ, конечно, обратится не къ Марьежолю, а къ незамѣнному этюду М. Н. Петрова въ его «Очеркахъ изъ всемірной исторіи».

Другая сила, боровшаяся противъ Рима и Габсбурговъ—протестантскій міръ—не получилъ въ трудѣ французскихъ историковъ подобающаго ему мѣста. Главы объ Англіи и Германіи, фактически обстоятельныя, не содержатъ достаточныхъ данныхъ о внутреннемъ складѣ: небольшая глава о «перемѣнѣ въ идеяхъ и нравахъ» Англіи въ вѣкъ Елизаветы несущественна. Подробный разсказъ о религіозной борьбѣ во Франціи, Нидерландахъ, Англіи, Германіи прерывается хорошимъ обзоромъ внутренней дѣятельности Генриха IV и, особенно, его экономической политики (Левассеръ). Глава о Людовикѣ XIII и Ришелье не нуждается въ рекомендаціи: она принадлежитъ перу d'Авенеля.

Впервые дается русскому читателю, кромѣ труда Вебера, удобное пособіе для ознакомленія съ исторіей Испаніи послѣ Филиппа II, Италіи въ смутное время конца XVI, начала XVII вѣвовъ, Балканскаго полуострова въ эпоху обра-

зованія румынскаго королевства, Венгрии etc. Рамбо подробно разбираетъ причины упадка, постигшаго оттоманскую имперію въ эту эпоху. Крайній Востокъ и Америка (XVI—XVII вв.) заключаютъ томъ. Особенно заслуживаетъ вниманія очеркъ испанской, португальской, англійской, французской и голландской колонизаціи Америки въ началѣ эпохи колониальной политики европейскихъ государствъ.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Біографическій очеркъ. Стр 2+356. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Этудь Е. Ф. Церетели относится къ эпохѣ, когда Русь сѣверо-восточная слалась въ Московское государство, а Русь западная, тѣсно связанная съ Литвой, все вѣрнѣе втягивалась въ еще не вполне сформировавшуюся организацию государства польско-литовскаго. Эпоха сложная и, какъ всѣ переходныя эпохи, богатая психологическимъ интересомъ. Заглянуть поглубже въ тогдашній складъ мысли, настроеній и отношеній—задача и привлекательная, и трудная. Е. Ф. Церетели избрала своей героиней дочь Ивана III, Елену, выданную замужъ за Александра Казимировича, великаго князя литовскаго, а потомъ короля польскаго. Семейное положеніе ставило Елену Ивановну въ центрѣ сложныхъ политическихъ, національныхъ и религіозныхъ отношеній трехъ народностей. Понятенъ историческій интересъ темы. И выполненіе должно быть признано удачнымъ, несмотря на большую субъективность автора въ оцѣнкѣ лицъ и событій. Е. Ф. Церетели даетъ не столько историческое изслѣдованіе, сколько *разсказъ*, основанный на опредѣленной группѣ источниковъ и пособій. Разсказъ живой, согрѣтый интересомъ автора къ перипетіямъ отношеній, за которыми слѣдитъ читатель книги; изложеніе, далеко не лишнее литературныхъ достоинствъ. Касаясь той иной или личности, авторъ старается уловить переживаемыя ею впечатлѣнія, стремленія; тутъ широкое поле для личной чуткости, и г-жа Церетели даетъ ей большой просторъ. Иной разъ осторожно высказанное предположеніе обращается черезъ пару строкъ въ выводъ, на которомъ авторъ строитъ дальнѣйшее рассужденіе; личное впечатлѣніе превращается въ элементъ построенія. При такой манерѣ—правильность или ошибочность общаго вывода зависитъ не столько отъ твердости метода и достаточной освѣдомленности, сколько отъ такта и глазомѣра. И тѣмъ любопытнѣе, что авторъ, съ своей, сильно окрашенной *московскимъ патриотизмомъ* точки зрѣнія, пришелъ къ тому же взгляду на Елену Ивановну, какой высказывали не русскіе, а польскіе историки. Характеристика Елены Ивановны и ея роли, какъ опоры русской партіи въ тяжелую годину, какъ предшественницы Острожскихъ и Курбскихъ—самая интересная и главная сторона книги; авторъ выставляетъ ее организаторомъ русской партіи. Быть можетъ, тутъ есть доля преувеличенія; быть можетъ, Елена Ивановна была только, по своему положенію, удобной опорой для бойцовъ за русское дѣло. Но ея тактъ и твердость въ борьбѣ позволили ей сыграть существенную роль, которая заслуживаетъ болѣе безпристрастнаго и серьезнаго изученія. Книга г-жи Церетели представляетъ, въ лучшемъ случаѣ—лишь пособіе для первоначальнаго ознакомленія съ набранной авторомъ эпохой.

А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи возрожденія во Франціи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ русской исторической литературѣ, посвященной эпохѣ возрожденія, есть одинъ крупный пробѣлъ. Вообще, эта литература сравнительно богата и оригинальными, и переводными произведеніями, такими, напр., какъ труды проф. Корелина и Вишпера или Газера. Но эпоха возрожденія во Франціи затронута въ нихъ лишь попутно или же совсѣмъ остается въ сторонѣ. Въ учебной литературѣ жизнь Франціи этого времени почти не упоминается, если не считать бѣглыхъ замѣчаній о Рабле. Можно сказать, что въ глазахъ историковъ ги-

чантскія фигуры Лютера и Кальвина съ одной стороны, а съ другой—блескъ итальянскаго возрожденія заслоняють и затемняютъ освободительное движеніе во Франціи, какъ будто послѣдней и не коснулось общее стремленіе къ свѣту и свободѣ духа, овладѣвшее всѣмъ цивилизованнымъ міромъ и затронувшее даже дальній Востокъ, отдавшійся въ Россіи въ видѣ сектантскихъ попытокъ борьбы съ надвигавшимся мракомъ византизма. Еще хуже обстоитъ дѣло въ общедоступной литературѣ, гдѣ нѣтъ почти никакихъ работъ по исторіи возрожденія въ Франціи. Мы можемъ указать лишь на превосходную статью проф. Стороженка «Вольнодумецъ эпохи возрожденія». *) въ которой читателя найдутъ блестящую характеристику французскаго гуманиста Этьена Доде.

Книга г-жи Петрункевичъ является, поэтому, очень кстати, заполняя до завѣстной степени этотъ пробѣлъ. Въ живомъ и талантливомъ изложеніи авторъ знакомитъ насъ съ одной изъ интереснѣйшихъ личностей эпохи французскаго возрожденія, касаясь попутно и исторіи самого движенія, въ которомъ Маргарита Ангулемская играла виднѣйшую роль, какъ гуманистка по духу, писательница, обладавшая недюжиннымъ талантомъ, и могущественная покровительница новаго направленія. Бабка знаменитаго Генриха IV, сестра блестящаго Франциска I, жена короля наварскаго, Маргарита служила естественнымъ центромъ, къ которому стремились французскіе гуманисты, сохранившіе о ней въ своихъ произведеніяхъ восторженные воспоминанія для потомства. Свѣтлая личность Маргариты, никогда не устававшей живо и благоговорно откликаться на лучшіе запросы времени, вполне оправдываетъ это обожаніе. Она является самой чистой гуманисткой, до конца жизни не измѣнившей свободѣ духа, какъ это случилось, напр., съ Кальвиномъ, не запятнавшей себя ни однимъ изъ тѣхъ «благочестивыхъ» преступленій, которыя несмыслаемымъ позоромъ лежатъ на памяти всѣхъ «вѣрующихъ» того времени, которые, по словамъ одного изъ друзей Маргариты, Десперье, «опирались въ концѣ концовъ одной рукой на алтарь, а другой—на палуху». Воздавая алтарю должное, какъ женщина вѣрующая, хотя и не по катехизису, Маргарита всѣми силами своего вліанія боролась съ палачами св. церкви, какою бы личину послѣдняя ни носила. Дворъ ея въ Неракѣ служилъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ свобода находила вѣрное приубѣжище и защиту противъ ужасовъ, творившихся за предѣлами маленькой Наварры. Насколько эта помощь была необходима, показываетъ, напр., слѣдующій «маленькій» эпизодъ изъ дѣятельности св. католической церкви. На югѣ Франціи сохранилась небольшая община вальденцевъ, какииъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома въ началѣ XIV в. По настоянію всесвятѣйшей церкви и по распоряженію всехристіаннѣйшаго короля Франциска, въ 1540 г. «президентъ авскаго парламента, баронъ Оппеда, началъ настоящую десятидневную войну противъ беззащитныхъ жителей. Три города и двадцать двѣ деревни были разрушены до тла, три тысячи человѣкъ убиты, 255 казнены, 700 сосланы на галеры и масса дѣтей продана въ рабство». Время было тогда «серьезное», и тѣмъ чище и величавѣе выступаютъ личности, въ родѣ Маргариты, которая съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ мужественной вѣрой въ будущее отстаивала свободу вѣры и духа противъ поповъ и Кальвина одновременно. Память о такихъ борцахъ не должна исчезнуть въ потомствѣ. Мы слишкомъ хорошо запоминаемъ притѣснителей и слишкомъ склонны забывать тѣхъ, кто съ ними боролся и обезпечивалъ человечеству драгоцннѣйшее достояніе—свободу.

Характеристика Маргариты вполне удалась г-жѣ Петрункевичъ, также какъ Франциска и главнѣйшихъ дѣятелей французскаго возрожденія. Литературные труды Маргариты изложены болѣе или менѣе подробно, хотя о главномъ ея

*) См. «М. В.», 1897 г., августъ. библиогр. отд., стр. 68.

произведеніи, обезсмертившемъ ея имя,—«Гептамеронъ» слѣдовало бы дать болѣе полное представленіе. «Гептамеронъ» является оригинальнымъ трудомъ, хотя и написаннымъ въ подражаніе «Декамерону» Боккачіо. Написанъ онъ чрезвычайно просто, безыскусственно, но художественно и ярко, какъ можно судить по новеллѣ, приведенной для образца. Въ сравненіи съ нимъ стихотворныя произведенія ниже. Возвышенная, полная любви къ людямъ душа Маргариты ярче и полнѣе проявляется въ «Гептамеронѣ», чѣмъ въ ея дидактическихъ поэмкахъ. «Никогда человекъ не будетъ любить совершенно Бога, если на землѣ онъ не *любитъ* какое-нибудь созданіе Бога», высказываетъ она въ XIX новеллѣ «Гептамерона» еретическую мысль, которая и до сихъ поръ въ ортодоксальныхъ душахъ вызываетъ ужасъ и гнѣвъ. По своимъ взглядамъ на Бога и людей Маргарита на много опередила свое время и стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ Лютеровъ и Кальвиновъ. Ея нѣжный и изящный образъ, трогательный своей женственной прелестью, съ особой яркостью выдѣляется на фонѣ Возрожденія рядомъ съ суровыми фигурами этихъ мощныхъ борцовъ, въ своей вѣрѣ сочетавшихъ алтарь и плаху. Маргарита устоємъ вѣры полагаала только сердце—и будущее подтвердило правильность ея взгляда.

МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА И ХИМИЯ.

«Сборникъ для самообразованія», ч. II и III.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. II. Москва, 1898. Въ настоящемъ выпускѣ наиболее удачной является статья г. Постникова: «О природѣ электромагнитныхъ явленій». Съ конца прошлаго столѣтія, времени господства въ наукѣ разнаго рода магнитныхъ и тепловыхъ невѣсомыхъ жидкостей, ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ пережило радикальныя измѣненія; первымъ реформаторомъ былъ гениальный англичанинъ Микель Фарадей, обратившій свое вниманіе не столько на самыя намагничиваемыя или намагниченыя тѣла, сколько на окружающую ихъ непроводящую среду. Современники не въ состояніи были оцѣнить всей важности идей великаго ученаго, и лишь въ наше время онѣ были наглядно подтверждены опытами Герца, вызванными трактатомъ англичанина Максвелла. Этотъ классическій трудъ, имѣвшій цѣлью математическое обоснованіе и развитіе идей Фарадея, по своей серьезности не можетъ стать достояніемъ всей читающей публики, и такимъ образомъ, красота и полетъ максвелловской мысли остаются сокрытыми. Всякая хорошая популяризація этой книги является цѣннымъ приобритеніемъ, поэтому статья г. Постникова заслуживаетъ особаго вниманія. При большой элементарности и ясности изложенія она даетъ понятіе о циклѣ электромагнитныхъ явленій, по Максвеллу. Читатель узнаетъ о замкнутыхъ эфирныхъ вихряхъ, образующихъ магнитное поле, о томъ, какъ подобнаго рода вихри, вращаясь около проволоки, «несущихъ токи», вызываютъ притяженіе и отталкиваніе ихъ (проволокъ), и о томъ, что такъ называемые проводники въ сущности поглощаютъ энергію тока, а не проводятъ и т. д. Статья заключается краткимъ описаніемъ опытовъ Герца, достаточнымъ однако для того, чтобы уразумѣть идею чуда нашихъ дней—телеграфированіе безъ проволоки.

Въ «Физической теоріи свѣта», г. Лебединскій излагаетъ механизмъ движенія поперечныхъ волнъ (въ частности свѣтовыхъ), интерференцію, имѣющую своимъ содержаніемъ сложеніе свѣтовыхъ волнъ, въ силу котораго свѣтъ можетъ иногда уничтожить свѣтъ и дать темноту—заявленіе на первый взглядъ

парадоксальное; дифракцію, или явленіе перегиба свѣтовыхъ лучей, которые, какъ принято думать, всегда распространяются по прямымъ линіямъ, и поляризацію, съ одной стороны, приводящую къ явленіямъ рѣдкой красоты, съ другой стороны, опредѣляющую характеръ колебаній эфира. Конечно, все изложеніе проведено на основаніи простыхъ геометрическихъ соображеній и, уступая извѣстнымъ популярнымъ лекціямъ Тиндала, по конкретности образовъ, даетъ тѣмъ не менѣе отчетливое представленіе о явленіяхъ свѣта.

Обыкновенные курсы физики, приуроченные къ требованіямъ средней школы, намѣчаютъ устройство оптическихъ инструментовъ въ самыхъ общихъ чертахъ, и учащіеся относятся къ этому отдѣлу съ естественнымъ равнодушіемъ. Жаль, если читатель не удѣлитъ должнаго вниманія статьѣ г. Гершуна только изъ-за ея названія: «Объ оптическихъ инструментахъ»! Статья интересна уже потому, что въ ней подробно разбирается роль увеличенія въ трехъ основныхъ типахъ оптическихъ инструментовъ при помощи простого геометрическаго построения, предложеннаго пр. Любимовымъ и извѣстнаго подъ именемъ «оптическаго окошка»; разобранъ также вопросъ о погѣ зрѣнія. Достаточно мѣста удѣлено сравненію яркости изображеній въ невооруженномъ глазу и глазу, наблюдающемъ черезъ посредство инструментовъ. Нѣсколько словъ сказано о разрѣшающей силѣ зрительныхъ трубъ, то-есть, способности раздвигать изображенія отдаленныхъ, стоящихъ близко другъ отъ друга предметовъ. Благодаря практическимъ приложеніямъ спектральнаго анализа и могуществу идеи, положенной въ его основаніе, это открытіе стало извѣстнымъ большому кругу людей. Законъ тяготѣнія, спектральный анализъ—вотъ то, съ чѣмъ неразрывно связывается у каждаго представленіе о физикѣ. Въ наше время къ человѣку, претендующему хотя бы на поверхностное знакомство съ естественными науками, можно предъявить большія требованія и спросить его, какъ соиздался этотъ принципъ высокой важности и интереса, какое отношеніе имѣетъ спектральный анализъ къ изученію *движенія* небесныхъ тѣлъ, а не только ихъ внутренняго строенія, какое вѣроятное будущее ожидаетъ его? Мы не будемъ распространяться о приложеніи спектральнаго анализа къ металлургіи, или о принципѣ Дотглера-Физо, предоставляя читателю ознакомиться съ этимъ изъ статьи г. Степанова, приведемъ только ея заключеніе:

«Проникая своимъ умственнымъ взоромъ въ глубь вопросовъ о сущности и строеніи матеріи, о взаимодействіи между частицами вещества и эфира и т. п., мы наталкиваемся на задачи необычнаго интереса и особенной трудности. Такъ, всякое тѣло, по нашимъ представленіямъ, состоитъ изъ молекулъ, молекулы изъ атомовъ, атомы—недѣлимые и суть малѣйшія (частицы) доли вещества. Движеніе ихъ, ихъ взаимодействіе порождаетъ все то разнообразіе явленій, которое подлежитъ нашему изученію. Но гдѣ способъ проникнуть въ тайны строенія и движенія этихъ частицъ вещества? Думается, что особенности спектральныхъ линій каждаго отдѣльнаго вещества со временемъ дадутъ средства проникнуть въ тайны строенія матеріи и свойствъ частицъ различныхъ тѣлъ».

Отмѣтимъ еще одно интересное мѣсто въ этой статьѣ. Мы говоримъ отъѣхъ немногихъ словъ (страницы двѣ), которыя посвящены теоріи дисперсіи свѣта (свѣторазсѣянія). Дѣло въ томъ, что, ознакомившись съ преломленіемъ свѣта и его законами съ чисто внѣшней стороны, мы въ большинствѣ случаевъ этимъ и удовлетворяемся, не задавая себѣ вопроса: почему собственно свѣтъ *долженъ* преломиться? Это-то мѣсто, кажется, и наведетъ читателя на подобнаго рода размышленія.

Изучивъ различныя свойства и вѣроятныя причины самосвѣченія (фосфоресценція и флюоресценція), г. Грибоѣдовъ переходитъ къ животрепещущему теперь вопросу объ электролюминисценціи—лучахъ катодныхъ, Лепаровскихъ и

Х-лучахъ Рентгена. Чтобы закончить обзоръ статей, имѣющихъ своимъ предметомъ явленіе свѣта, скажемъ нѣсколько словъ о содержательной статьѣ г. Созонова: «Глазъ и зрѣніе». Устройство глаза и его функціи разобраны съ подробностью постольку, постольку это интересно для неспеціалиста-физиолога. Указывая на недостатки нашего зрительнаго аппарата, г. Созоновъ приводитъ примѣры заблужденій въ оцѣнкѣ глазами разстояній и величинъ предметовъ, какъ-то: обычное представленіе о шарообразности небеснаго свода, его еднородности и т. п. Составители сборника, отводя около 80 страницъ практическимъ приложеніямъ свѣта и электричества, считаютъ нужнымъ оговориться въ слѣдующихъ словахъ:

«Наше изложеніе физики было бы не полно, если бы не было приведено хотя бы нѣсколькихъ примѣровъ приложенія ея къ практикѣ. Неполнота эта оказалась бы не потому, что физика носитъ особенный практическій характеръ, но по сложности, присущей понятію науки вообще...» Происходятъ нерѣдко споры между представителями рациональной, конкретной, или практической наукъ, «считающими результаты ученыхъ лагера ничтожными. Намъ нѣтъ надобности становиться на какую-нибудь исключительную точку зрѣнія, и потому мы должны, кромѣ изложенія чистыхъ наукъ—рациональной и опытной, удѣлить мѣсто и прикладной наукѣ». Не надо прибавлять, что такое рѣшеніе говорить само за себя!

Изъ статей, отвѣчающихъ этой цѣли, мы назовемъ статью г. Серебрякова; ея содержаніе: исторія фотографіи, объясненіе разныхъ фазъ въ усовершенствованіяхъ послѣдней; теперь, по словамъ автора, фотографія выплачиваетъ свой долгъ наукѣ, которой она оказываетъ громадную услугу.

Статьи гг. Миткевича, Лебединскаго, Вульфа, Голова, Ляндера и Леопова трактуютъ объ источникахъ электрической энергіи, электрическомъ освѣщеніи, его удобствахъ и недостаткахъ, объ электродвигателяхъ, передачѣ энергіи при работѣ въ тунеляхъ и рудникахъ, объ электрическихъ экипажахъ и лодкахъ. Удѣлено мѣсто примѣненію электричества къ морскому и военному дѣлу: воспламененію зарядовъ и сигнализациі. Телефонъ и телеграфъ разобраны не только въ ихъ начальной формѣ,—даны описанія нынѣ дѣйствующихъ приборовъ, одновременнаго встрѣчнаго телеграфированія и т. д. Обо всемъ сказано кратко, но ясно. Очень отчетливо рисуетъ г. Ляндеръ состояніе электрохиміи въ наше время. Электрохимія въ послѣдніе годы, благодаря открытію дешевыхъ источниковъ электричества, шагнула быстро впередъ, но всѣ методы ея извѣстны очень немногимъ. Кромѣ гальванопластики и гальваностегіи (гальваническаго золоченія и серебренія), мы находимъ тутъ описаніе металлургіи мѣди, никкеля, алюминія и другихъ металловъ, выдѣленіе золота и серебра изъ сплавовъ, примѣненіе электролиза къ золотопромышленности, рафинированіи сахарнаго сока и т. д.

«Основанія электрическихъ измѣреній» г. Вульфа хороши, несмотря на сжатость, отъ которой до извѣстной степени пострадалъ очеркъ ученія о звукѣ г. Степанова. Особнякомъ стоитъ очеркъ метеорологіи г. Савинова. Объ этой молодой наукѣ въ обществѣ извѣстно или мало, или, что того хуже, извѣстно то, что не имѣетъ къ метеорологіи почти никакого отношенія. Даже ученые обнаруживаютъ недостаточную освѣдомленность относительно содержанія и цѣлей этой науки. Стоитъ вспомнить нападки на нее, посыпавшіяся по поводу путешествія Андрѣ. Статья прочтется съ пользой и интересомъ, хотя въ ней затронута лишь сравнительно небольшая часть метеорологіи—физика атмосферы, то-есть, климатъ, влажность, вихревая движенія и т. д.

Бросивъ взглядъ на всю совокупность статей, мы замѣтимъ, что всюду, гдѣ только говорится объ эфирѣ, говорится о немъ, какъ о чемъ то совершенно реальномъ. Чтобы не загромождать рецензію выдержками, возьмемъ хотя бы слѣдующее

мѣсто изъ статьи г. Лебединскаго (стр. 275): «Смысль физической теоріи свѣта тотъ, что группируемыя ею факты убѣждаютъ въ истинной природѣ свѣта и заставляютъ не только признать существованіе (курсивъ автора) особаго тѣла—эфиръ, но и приписать ему нѣкоторыя опредѣленные свойства». Подобнаго рода заявленія можно найти въ статьѣ г. Постникова и во многихъ другихъ мѣстахъ сборника. Хорошо это или дурно? Поставимъ себя на минуту въ положеніе юноши, окончившаго гимназію съ аттестатомъ зрѣлости, не тупицы, но и не очень развитого, т. е. того человѣка, для кого эта книга по преимуществу писана. Теперь пусть намъ скажутъ, что эфиръ есть только форма познанія нашей ума и, безъ знакомства съ теоріей познанія, безъ нѣкоторой минимальной философской подготовки, мы вынесемъ впечатлѣніе брешности всего, опирающагося на теорію объ эфирѣ,—отъ этого ошибочнаго и скорого вывода насъ не спасутъ даже увѣренія въ плодотворности научныхъ гипотезъ, помѣщеннаго на первыхъ страницахъ учебника Малинина! Съ педагогической точки зрѣнія тенденція гг. составителей — основательна. Второй выпускъ украшенъ пятью портретами: Августина Фремея, основателя волновой теоріи свѣта, Бирггофа, Гельмгольца, Фарадея и Якоби, къ которымъ приложены интересныя біографическія данныя. 118 чертежей увеличиваютъ доступность и понятность изложенія.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ III. Москва. 1898. Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ одиннадцать статей по химіи и наукамъ, опирающимся на данныя химіи; по объему онъ не уступаетъ любому начальному курсу, но содержаніемъ и группировкой матеріала радикально отличается отъ послѣднихъ. Въ вступительныхъ статьяхъ г. Коновалова: «Химія, ея предметъ, задачи и значеніе» и г. Реформатскаго «Прошлое химіи» мы находимъ: во-первыхъ, сводъ начальныхъ понятій о характерѣ химическихъ взаимодѣйствій и о роли въ нихъ химической энергіи и выясненіе важности химіи, какъ науки высокихъ рациональныхъ построеній и практическихъ приложеній, во-вторыхъ, чрезвычайно живо и интересно написанный историческій очеркъ развитія химіи отъ зачатковъ ея у египтянъ и греческихъ философовъ до конца прошлаго столѣтія, когда гениальный Лавуазье далъ основной методъ изслѣдованія—взвѣшиваніе, благодаря чему всѣ факты, накопленные вѣковой работой алхимиковъ, получили правильное строгое освѣщеніе. Коротенькій очеркъ алхимическаго періода иллюстрированъ фототипическимъ снимкомъ съ картины Теньера, изображающей алхимика въ его лабораторіи, и работамъ Лавуазье и его поучительной жизни, полной труда, удѣлено почетное мѣсто.

Отдѣльныхъ элементовъ описано, какъ и слѣдовало ожидать, немного: кислородъ и водородъ въ «Водѣ» г. Ижевскаго, азотъ и его кислородныя соединенія въ статьѣ г. Созонова: «Воздухъ», углеродъ въ статьѣ того же имени г. Биркенгейма и алюминій въ «Химіи земной коры»—г. Сперанскаго; но характеръ этихъ описаній заслуживаетъ особаго вниманія со стороны читателей. Говоря о водѣ, авторъ не ограничивается описаніемъ ея анализа и свойствъ съ точки зрѣнія чисто-химической; онъ останавливается подолгу на раствореніи водой твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, и на томъ глубокомъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ это свойство для строенія земной коры и существованія живыхъ организмовъ, когда вода является въ роли растворителя веществъ природныхъ... Если мы обратимъ свое вниманіе на описаніе азота, то и тутъ, помимо фактическаго матеріала, почерпнемъ много интересныхъ свѣдѣній по вопросу о круговоротѣ азота, особенно же въ той части, гдѣ говорится о работахъ Пастѣра и Виноградскаго о вліяніи микроорганизмовъ на усвоеніе азота растениями. Статья объ углеродѣ и примѣры, которыми поясняется пре-

красная статья г. Коновалова объ анализѣ и синтезѣ, вводятъ въ область органической химіи съ ея прежними трудностями, и новыми грандіозными завоеваніями въ дѣлѣ искусственнаго лабораторнаго приготовленія организованныхъ веществъ. Нынѣ разгаданный процессъ кругообращенія углерода въ природѣ заставляетъ автора говорить о цѣли и смыслѣ этого процесса. По сколькоу яснымъ является по прочтеніи статьи объ углеродѣ смыслъ этого процесса съ точки зрѣнія поддержанія жизни организованныхъ существъ на землѣ, по столько остается безъ отвѣта автора вопросъ о цѣли процесса, по той причинѣ, кажется, что въ наше время врядъ ли кто-нибудь въ состояніи на него отвѣтить.

Перейдемъ къ статьямъ, гдѣ трактуются «общіе принципы современной химіи» и «систематика элементовъ». Обѣ статьи написаны г. Реформатскимъ съ большимъ вкусомъ и обдуманностью. Трудно сказать тутъ по существу что-нибудь новое, но простое и ясное изложеніе этихъ кардинальныхъ нитей химическихъ воззрѣній имѣеть для учащагося всегда цѣну (отмѣтимъ, напримѣръ, законъ Авогадро-Жерара). Вторая статья о периодическомъ законѣ Менделѣева даетъ даже больше, чѣмъ того требуютъ университетскія экзаменаціонныя программы. Полна глубокаго интереса статья г. Байкова: «Химическое сродство». Подъ этимъ простымъ заголовкомъ для нескушеннаго въ химіи чловека и столь многозначительнымъ для того, кто вдумывался въ химическіе процессы, изложенъ рядъ принциповъ, которыми управляются реакции: законъ дѣйствующихъ массъ, химическая механика, принципъ молекулярныхъ работъ, термохимія, принципъ начальнаго и конечнаго состоянія, принципъ наибольшей работы и его неудовлетворительности. Диссоціація, подвижное равновѣсіе, начала реакціи и т. д. Статья по химической технологіи г. Гинзберга о горючихъ, кромѣ разбора горючихъ матеріаловъ, даетъ понятіе о новыхъ способахъ освѣщенія (ацетиленъ). Эта полезная статья и другая по геологіи г. Сперанскаго чрезвычайно умѣстны въ сборникѣ, подобномъ разбираемому; оба очерка очень занимательны.

Изъ промаховъ отмѣтимъ слѣдующіе:

На страницѣ 93 приведенъ законъ Генри-Дальтона о раствореніи газовъ въ водѣ въ такой формѣ: «каждый газъ имѣеть свой «коэффициентъ растворимости» въ водѣ, но *все они* (курсивъ нашъ) подчиняются закону Генри-Дальтона: «коэффициентъ растворимости» газа въ водѣ измѣняется прямо пропорціонально давленію, подъ которымъ газъ находится». Посмотримъ, что изъ этого выходитъ: десятью строками ниже мы читаемъ: «Есть однако газы, которые совершенно не слѣдуютъ *вышеприведенному* закону. Какъ бы мало ни было давленіе такого газа надъ водой, онъ весь поглотится ею». Правда, ниже мы находимъ, что адѣсь не простое раствореніе, а химическое соединеніе, но да не поспѣтуетъ на насъ авторъ, если мы здѣсь увидимъ очень нежелательную нестройность изложенія. Къ вышеприведенной формулировкѣ надо прибавить еще нѣсколько словъ и все станетъ ясно, а именно: всѣ газы, *не дѣйствующіе химически на воду*, подчиняются закону Генри-Дальтона.

Далѣе на страницѣ 27 излагается теорія алхимика Гебра, который принимаетъ за основу своихъ воззрѣній, «что всѣ металлы составлены изъ двухъ первоначалъ: ртути и сѣры». Ртуть, поясняетъ авторъ, объясняетъ различныя свойства, общія всѣмъ металламъ, напримѣръ: металлическій блескъ, цвѣтъ, ковкость и др.; ртуть же по идеальной ковкости (единственный жидкій металлъ) взять за типъ металла.

Дѣло въ томъ, что подъ ковкостью разумѣютъ въ наукѣ свойство выковыпываться въ тонкіе листы, чѣмъ ртуть, по крайней мѣрѣ, въ ея обыкновенномъ состояніи, совершенно не обладаетъ, именно въ силу того что она—металлъ жидкій. Можетъ быть, рѣчь тутъ шла о текучести ртути, но это свойство обобщено на прочіе лишь недавно, а не во времена Гебра, да и то подмѣчено при обыкновенныхъ условіяхъ давленія лишь въ ничтожной степени.

Укажемъ еще на опечатку на стр. 138. Тамъ сказано: «Мы уже видѣли, что два метала соединяются между собой и даютъ частицу *метана*»; надо читать: *этана*.

Въ этомъ выпускѣ еще больше и ярче, чѣмъ въ двухъ предъидущихъ, выражено симпатичное стремленіе гг. составителей уничтожать по возможности искусственныя перегородки между различными областями науки.

Какъ мы уже выше отмѣтили, почти каждая статья не только затрогиваетъ вопросы, подлежащіе компетенціи собственно химика, но и дышитъ желаніемъ пролить при помощи приведенныхъ данныхъ науки свѣтъ на тѣ, окружающіе насъ и совершающіеся внутри насъ процессы біологическіе, на тѣ измѣненія въ строеніи планеты, на которой мы живемъ, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто исключаются изъ круга интересовъ, какъ нѣчто спеціальное, какъ лишнюю роскошь.

Къ тексту приложено 57 пояснительныхъ чертежей и портреты: Лавуазье, Дальтона, Жерара, Бутлерова, Менделѣева и Гей Люссака.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУДИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го января по 15-е февраля 1899 года.

- Н. Карелинъ. Жанъ-Жакъ Руссо. Изд. П. Струве. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Георгъ Брандесъ. Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Ф. Паульсенъ. Имануиль Кантъ, его жизнь и ученіе. Библиот. философвъ. Изданіе ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Владиміръ Шуфъ. Крымскія стихотворенія. Изд. П. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Свенъ Гединъ. Въ сердцѣ Азіи. Путешествіе въ 1893—1897 гг. Пер. со шведск. Изд. Девриена. Спб. 1899 г. Вып. I. Подписная цѣна 6-ти вып. 5 р. 50 к.
- Н. Гарновскій. Левъ Сиренинъ. Повѣсть. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.
- П. Н. Полевой. Непокупное. Повѣсть съ 55 орг. рис. Изд. Маркса. Спб. 1899 г.
- Обзоръ Уфимской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Годъ первый. Изд. губернскаго земской управы. Самара. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. IV. Белебеевскій уѣздъ. Изд. уфимск. губ. земск. управы. Ц. 3 р. 25 к.
- И. Даниловъ. Въ тихой пристани. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Г. Конъ. Два міра. Типы и картинки съ натуры. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Н. Гарановскій. Повѣсти и рассказы. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.
- Продовольственный вопросъ въ 1897—1898 гг. Изд. Имп. Вольно-Экономич. Общ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Д-ръ Л. Р—съ. Талмудъ и его критики. Астрахань. 1898 г. Ц. 1 р.
- Д. Ахшарумовъ. Пѣснь о рожденіи, жизни и смерти человѣка. Полтава. 1898 г.
- Г. Майръ. Закономѣрность въ общественной жизни. Изд. «Библиотеки для самообразования». Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. Изданіе «Библиотеки для самообразования». Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Т. I. Изд. «Библиотеки для самообразования». Москва. 1899 г. Ц. 3 р.
- Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Вып. I. Изданіе «Библиотеки для самообразования». Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Бейсенгеръ. Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 30 к.
- Общедоступный учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Сост. проф. Придорогинъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Новѣйшія пріобрѣтенія въ области животноводства. Перев. съ нѣмецк. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.
- Дж. Клеркъ Максвелль. Матерія и движеніе. Изд. Пантелѣева. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- К. Д. Кавелинъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.
- М. Леклеркъ. Воспитаніе и об-во въ Англии. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- М. Садовскій. Рассказы. Т. I и II. Москва. 1899 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.
- Н. П. Дружининъ. Русское государственное право въ популярномъ изложеніи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Бѣлогрудовъ. Исповѣдь кавалериста. Съ прил. отд. оттиска. «Караджиларское дѣло» 7-го января 1878 г. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Н. М. Соколовъ. Лирика А. П. Полонскаго. Критич. этюды. Изд. П. П. Сойкина. 1899 г. Спб. Ц. 60 к.
- Д-ръ jur. N. Reichesberg. Die sociologie, die sociale Frage und der Sogen. Rechtssozialismus. Bern. 1899.
- В. Х. Меллонъ. Соціальное равенство. Москва. 1899 г. Перев. съ англ. А. А. Веллицына. Ц. 1 р.
- Ричардъ Кобденъ. Перев. Е. Н. Каменецкой. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

- Д-ръ Вильгельмъ Вагнеръ. Элизада. Перев. П. Евстафьева. Изд. М. О. Вольфа. 1899 г. Спб. Вып. I. Цѣна за 10 вып. съ перес. 5 р. 50 к., безъ дост. 4 р. 50 к.
- Э. Омешко. О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства. Перев. Сабанской. Москва. 1899 г. Ц. 15 к.
- Л. Мельшинъ. Кобылка въ пути. Рассказъ изъ жизни ссыльныхъ. Москва. 1898 г. Ц. 15 к.
- Джонъ Рёскинъ. Воспитаніе. Книга. Женщина. Перев. Л. П. Никифорова. Ц. 20 к.
- Всеволодъ Чешихинъ. Пять стихотвореній на случай. Рига. 1899 г. Ц. 20 к.
- Всеволодъ Чешихинъ. Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к.
- П. Барышниковъ. Какъ вести объяснительное чтеніе въ народной школѣ. Изд. К. И. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.
- С. А. Момржецій. Вредныя животныя и растенія въ Таврич. губ. съ указаніемъ мѣръ борьбы. Симфероп. 1898 г. Ц. 25 к.
- Ө. Тищенко. Хлѣбъ насущный. Ржаной хлѣбушка калачу дѣдушка. Москва. 1898 г. Ц. 20 к.
- В. Аггеевико. О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельскохозяйственное значеніе. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Сборникъ статей по Семипалатинской области. 1899 г. Ц. 50 к.
- Д-ръ Е. М. Брусиловскій. Одесскіе лиманы и ихъ лѣчебныя средства. Одесса. 1898 г. Ц. 75 к.
- Практическая зоотомія. Вып. II. Рѣчной ракъ. 25 рис. въ текстѣ. Сост. П. Веркось и И. Ингеницій. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- А. Степовичъ. О древне-русской беллетристикѣ. Кіевъ. 1898 г.
- Сборникъ ариметическихъ задачъ и приѣмовъ съ распределеніемъ задачъ по типамъ для начальн. народн. училищъ. Сост. кружкомъ учит. московскихъ геродскихъ школъ. Ц. 20 к.
- Орестъ Головинъ. Васни, переводныя, по-дражательныя и оригинальныя. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской коме-
діи. Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедій Квятки «Пріѣзжіи изъ столицы».
- Я. В. Стефановичъ. Къ вопросу о донномъ лѣдѣ. Съ чертежами. Иркутскъ. 1898 г.
- В. А. Колесниковъ. Працины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Ярославль. 1898 г. Ц. 50 к.
- П. Е. Нулановъ. Ольхонъ, ховяйство и бытъ бурятъ еланцинскаго и кутульскаго вѣдомствъ, Верхоленскаго округа. Издан. «Записокъ Географич. Общества».
- И. С. Штейнгаузъ. Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школь съ инородческимъ элементомъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Уставъ Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. Полтава. 1898 г.
- Н. Д. Болгарская пропаганда въ Македонии и македонскій вопросъ. Москва. 1899 г. Ц. 25 к.
- Краткая историческая записка по поводу десятилѣтія коллективныхъ уроковъ общества воспитательницъ и учительницъ. Москва. 1898 г.
- Отчетъ о дѣятельности общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищъ. г. Москвы 1897—1898 гг.
- Отчетъ Общества взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ Тульск. губ. 1898 г. Вып. III.
- Г. Рибо. Аффективная память. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, извлеченный изъ книгъ общей регистраціи переселенцевъ въ 1895 году. Сост. подъ руководствомъ Г. А. Пріймака. Части I и II.
- Плято Ф. Рейсснера. Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука «Самоучитель». Варшава. 1898 г. Ц. 20 к.
- Отчетъ Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербур. высшихъ женскихъ курсахъ за 1898 г. Спб. 1899 г.
- П. А. Минаковъ. Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. Ненормальная волосатость. Москва. 1898 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Европейская политика въ борьбѣ за справедливость и гуманность.

По поводу книги *La question d'Orient depuis le traité de Berlin*. Par Max Choublier, prof. à l'école française de droit du Caïre. Paris. 1899.

I.

Предъ нами книга, представляющая истинный подвигъ философскаго спокойствія и ученаго безпристрастія. Казалось бы, что можно представить безпокойнѣе, *раздражительнѣе* во всей современной европейской политикѣ, чѣмъ такъ называемый восточный вопросъ? Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ онъ не перестаетъ терзать душу культурнаго человѣчества, нанося кровныя оскорбленія рѣшительно всѣмъ благороднымъ инстинктамъ нашей природы—правиламъ справедливости, чувству гуманности, идеѣ умственнаго и нравственнаго прогресса.

И вотъ при такихъ то условіяхъ французскій профессоръ съумѣлъ изобразить исторію вопроса,—и именно въ самый тревожный его періодъ,—безъ всякихъ сильныхъ волненій, будто дѣло шло о какомъ-нибудь средневѣковомъ спорѣ или древней, давно позабытой распрѣ народовъ. Даже самый непосредственный источникъ сграсти—патріотизмъ не возымѣлъ никакого вліянія на трудъ ученаго. Книга сохранила лѣтописный тонъ въ самыя критическія минуты, когда всякій другой современный французъ непременно призвалъ бы громъ и молнію во имя чести своей родины и ея многовѣковой культурной миссіи.

Все это большая профессиональная заслуга ученаго и публика всѣхъ національностей будетъ ему благодарна за тщательную и всестороннюю разработку задачи, едва доступной въ настоящее время чисто-историческому изслѣдованію. Развѣ только нѣкоторые русскіе читатели могутъ представить кое-какія возраженія, но и то, вѣроятно, довольно робкія и запутанныя.

Авторъ, безъ всякихъ колебаній, славянофильскую внѣшнюю политику принимаетъ за настоящія національныя стремленія всего русскаго народа и русскаго правительства. Онъ ссылается на публицистовъ крайняго московскаго направленія и извлекаетъ изъ ихъ произведеній символъ вѣковой русской политики. Легко представить окончательный выводъ изъ этихъ извлеченій! Онъ способенъ перепугать самаго безпечнаго обывателя Западной Европы и самаго крикливаго франко-русса.

Весь восточный вопросъ для Россіи сводится къ власти надъ Константинополемъ, подъ *Царьградомъ*. Крестъ на св. Софій— истинная мечта русскаго народа и непоколебимая задача петербургскаго правительства. Все остальное только хитроумныя лицемѣрныя уловки, на примѣръ, защита балканскихъ христіанъ, освобожденіе славянскихъ національностей. Правда, русская либеральная партія вѣруеть въ право всякой народности на самостоятельное политическое и культурное существованіе, но для русской политики эта либеральная вѣра только лишній козырь въ старой игрѣ. Она неуклонно ставитъ себѣ одну и ту же цѣль, все равно, опирается ли на чисто-народное сочувствіе страдающимъ христіанамъ, или на идеи просвѣщеннаго общества о національной свободѣ: цѣль эта—создать всеславянскую имперію съ Москвою—столицей. И это не только русскій политическій идеалъ, весь міръ заинтересованъ въ этомъ переворотѣ. Славянская цивилизація должна обновить и въ то же время замѣнить европейскую.

Такъ французскій профессоръ понимаетъ русскій отвѣтъ на восточный вопросъ. Дальнѣйшія, еще болѣе грозныя перспективы открываются сами собой, и все на почвѣ московскаго политическаго евангелія. Черезъ Константинополь прямой путь въ Индію, и Англія совершенно права въ своей неумолимой и неослабной враждѣ противъ Россіи. Все ея благоденствіе зависитъ отъ успѣховъ или неудачъ русской національной политики, и даже французскіе публицисты давно ставятъ вопросъ: будетъ ли Индія русская или англійская?

Это уже настоящій кошмаръ для владычицы морей, и онъ именно побуждаетъ ее становиться на всѣхъ путяхъ русской политики, разстраивать ея планы, отравлять сладость ея успѣховъ, ея побѣды лишать заслуженныхъ плодовъ... Нашъ авторъ все это объясняетъ и оправдываетъ ссылками на статьи катковскихъ *Московскихъ Вѣдомостей*, произведенія Данилевскаго, г-жи Ольги Новиковой.

Это единственный моментъ въ книгѣ нашего ученаго, не свидѣтельствующій въ пользу ясности его духа и проницательности его политической мысли. Но онъ въ то же время заслуживаетъ самаго широкаго снисхожденія.

Во-первыхъ, онъ раздѣляетъ участь большинства европейцевъ, писавшихъ и пишущихъ о Россіи, и, повидимому, весьма почтенныхъ, близко изучившихъ предметъ. Какъ разъ именно эти знатоки дѣла въ сильнѣйшей степени способствовали англійскимъ ужасамъ предъ кознями русской политики. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Оксфордѣ читались публичныя лекціи о русской литературѣ. Читалъ ихъ лекторъ петербургскаго университета, десятки лѣтъ прожившій въ Россіи, обучавшій русскую молодежь англійскому языку и литературѣ: на что болѣе освѣдомленнаго судьи!

И вотъ онъ-то усиленно доказывалъ англійской аудиторіи, что единственные истинно-русскіе люди—славянофилы, западники нѣчто въ родѣ отщепенцевъ своего отечества. Даже больше Такъ называемая интеллигенція—явленіе отрицательное въ развитіи русской общественности. Она совершенно чужда истинно-національныхъ идеаловъ, она—болѣзненный наростъ на русской куль-

турной почвѣ. Настоящаго русскаго духа слѣдуетъ искать въ старцѣ Ферапонтѣ Достоевскаго, въ ученіи гр. Толстого о непротивленіи злу. Вотъ это подлинная русская мудрость и, естественно, по соображеніямъ лектора, «наука и университеты не являются естественными продуктами русской жизни».

Старецъ Ферапонтъ. дѣйствительно, съ наслажденіемъ присоединилъ бы это открытіе къ своей бесѣдѣ о чертахъ, владѣющихъ, будто бы, всѣми ненавистными ему людьми. И такія-то объясненія русской литературы авторъ давалъ иностранной публикѣ съ цѣлью «вызвать болѣе дружественное и справедливое сужденіе о характерѣ и стремленіяхъ русскаго народа!» Даже сами правобѣрные почитатели «московскаго фанатизма» отмахнулись бы въ ужасѣ предъ такой компаніей.

Но сущность вопроса представляется тѣмъ ярче и внушительнѣе. Время отъ времени ее воспроизводитъ иностранная печать, безповоротно убѣжденная въ панславистскомъ азартѣ нашего отечества. Убѣжденіе съ большимъ авторитетомъ поддерживается знатными русскими сотрудниками заграничныхъ журналовъ. Нашъ авторъ ссылается на г-жу Ольгу Новикову; странно, какъ онъ не воспользовался несравненно болѣе авторитетнымъ свидѣтельствомъ, очень недавнимъ и, на иностранный взглядъ, безусловно убѣдительнымъ.

Мы говоримъ о статьѣ русскаго автора, не подписавшаго своего имени, но по всѣмъ признакамъ не зауряднаго журнальнаго публициста. Статья рассказываетъ о послѣдней русско-турецкой войнѣ по первоисточникамъ, открываетъ не мало дипломатическихъ и военныхъ тайнъ и во всеоружіи авторской освѣдомленности приходитъ къ рѣшительному выводу. Россія, въ теченіе всего своего политическаго существованія, неудержимо стремится къ власти надъ Византіей. Это ея провиденціальное назначеніе, это стихійная воля русскаго народа, его историческое призваніе. И пока оно не осуществлено, надъ страной виситъ гроза страшныхъ драмъ. Будто злой рокъ мститъ ей за невыполненіе священной *тысячелѣтней* задачи *).

Развѣ не правъ послѣ этого французскій профессоръ въ своемъ недоувѣрїи къ гуманнымъ, безкорыстнымъ стремленіямъ Россіи въ восточномъ вопросѣ? И онъ прямо пишетъ: «цѣль Россіи не столько защищать угнетенныхъ, сколько удовлетворить своему честолюбію, своимъ личнымъ интересамъ». Даже больше. Авторъ старается подыскать своей мысли общее философское объясненіе. Онъ, очевидно, не вѣритъ воодушевленію, съ какимъ русскій народъ принялъ сторону славянъ въ борьбѣ съ Турціей. Онъ даже ни словомъ не упоминаетъ о христіанскомъ сочувствіи массы и безусловно идеальномъ увлеченіи общества. Все это, по мнѣнію автора, несовмѣстимо съ историческими основами русскаго государства.

Естественно, онъ становится противъ Россіи всюду, гдѣ только представляется ему малѣйшій намекъ на сопротивленіе ея панславистскому самовластію. Онъ восхваляетъ борьбу возрожденной Болгаріи за независимость отъ русской политики и забываетъ

*) Les Russes devant Constantinople (1817—1878). *Révue de Paris*, 15 juillet 1887.

упоминуть, кѣмъ и какъ велась эта борьба. При всемъ уваженіи къ болгарской національной свободѣ, Стамбулова врядъ ли можно, безъ всякихъ оговорокъ, считать спасителемъ отечества и творцомъ нравственнаго и политическаго прогресса. Авторъ даже не упоминаетъ о «конституціонной» дѣятельности болгарскаго Бисмарка и объ ея конечныхъ результатахъ для него и для вѣдшей политики страны. Даже франко-русскій союзъ не смягчаетъ его сердца,—фактъ, не лишенный поучительности для русскихъ читателей. Они могутъ видѣть, какъ антирусскія убѣжденія ученаго внесли рѣзкую фальшивую ноту въ общій спокойный и безпристрастный тонъ его книги. Даже въ Египтѣ, въ странѣ самой обостренной борьбы французской и англійской національностей, французъ распространяетъ исконно англійскій взглядъ на неутомимую жадность Россіи къ завоеваніямъ и захватамъ.

Но это — единственная тѣнь на трудѣ нашего автора. Всѣ другія раздражающія свойства восточнаго вопроса остались за предѣлами его исторіи. Онъ не позволилъ себѣ ни чувствительныхъ изліаній, ни патристическаго негодованія, ни одного изъ настроеній, столь обычныхъ у всѣхъ и особенно у французскихъ современныхъ политиковъ. Они безпрестанно негодуютъ на поведеніе своего правительства въ греческомъ и армянскомъ вопросѣ. Они находятъ унижительнымъ сдержанное поведеніе своей когда-то столь рыцарственной страны предъ вызывающими преступленіями Турціи. Они даже бросаютъ камнями въ Ганото, одного изъ удачливѣйшихъ дѣльцовъ третьей республики, за его нѣжныя чувства къ султану и совершенное равнодушіе къ судьбѣ его христіанскихъ подданныхъ. И, несомнѣнно, патристы правы. Франція на Востокѣ играетъ самую блѣдную роль, усиленно выслушиваетъ другихъ и присоединяется къ нимъ, повидимому, окончательно забывъ свои когда-то страстные эллинскія увлеченія и свое вѣковое историческое положеніе покровительницы и защитницы восточныхъ христіанъ *).

И печать тщетно напоминаетъ своему правительству его долгъ. Въ отвѣтъ оно смѣется надъ «чувствительной политикой искателей приключеній», надъ несвоевременностью крестовыхъ походовъ, надъ забавной идеей быть въ концѣ XIX-го вѣка фиделиномъ. Подальше отъ рискованныхъ, хотя и идеальныхъ мечтаній! Достаточно ихъ было: пора успокоиться и предоставить дѣлаться исторіи, какъ она хочетъ.

Нашъ авторъ, повидимому, знаетъ эту философію третьей республики. Послѣ франко-прусской войны духовная температура Франціи сильно упала. Страной овладѣлъ неизъяснимый ужасъ предъ всякой опасностью впасть въ новыя затраты людьми или деньгами. Особенно крѣпко запомнила она мексиканское приключеніе своего императора. Наполеонъ III потратилъ массу денегъ и солдатъ, стремясь Мексику изъ республики превратить въ имперію. Это была одна изъ многочисленныхъ авантуръ бонапартизма и не могла имѣть ничего общаго съ настойчивымъ вѣдшательствомъ въ турецкій способъ управлять христіанами.

Но у страха нѣтъ логики, и миръ, по крайней мѣрѣ, надолго

*) Напримѣръ, Ernest Lavisse. *Notre politique orientale. Revue de Paris*, 1897, 15 mai, 15 juin.

потерялъ одно изъ давнишнихъ прибѣжищъ гуманности и справедливости. Франція, первая провозгласившая когда-то борьбу съ невѣрными, стоявшая во главѣ крестовыхъ походовъ, и потомъ неоднократно поднимавшая духъ угнетенныхъ народовъ, теперь презрительнымъ смѣхомъ прикрываетъ свое политическое безсиліе и душевное оскудѣніе.

Авторъ старается оправдать поведеніе своего отечества, какъ истинный дипломатъ. Онъ вычитываетъ изъ французскихъ дипломатическихъ нотъ тонкіе намеки на сочувствіе Франціи, напримеръ, свободѣ критянъ. Правда, намеки до такой степени тонки, что безъ микроскопическаго изслѣдованія автора могли бы остаться неуловимыми. Но по нынѣшнимъ временамъ, очевидно, и этого достаточно, и профессоръ стыдливо умалчиваетъ о нѣкоторыхъ несуразныхъ обстоятельствахъ, уже совсѣмъ не дипломатическихъ, а очевидныхъ для всякаго смертнаго.

Во время, напримеръ, армянскихъ избѣній погибѣ католическій священникъ. Франція считается покровительницей армянскихъ католиковъ. Ея заботами возникла эта церковь и признана турецкимъ правительствомъ. Франція не переставала до послѣднихъ дней давать средства на расширеніе и устройство этой церкви, поощрять національное армянское движеніе и, согласно берлинскому трактату, охранять католическія миссіи. Столько поводовъ заинтересоваться положеніемъ армянъ и убійствомъ католическаго священника!

Убийца всѣмъ былъ извѣстенъ и спокойно пользовался полной свободой. Французскій посолъ тщетно настаиваетъ на арестѣ и судѣ. Ему обѣщаютъ все, что угодно, и ничего не исполняютъ; напротивъ, готовятся казнить еще армянскаго епископа. Парижъ или молчитъ, или сочиняетъ ноты по всѣмъ правиламъ дипломатическаго художества, вызывающія у Высокой Порты благосклонно-насмѣшливыя улыбки. Тогда совершается нѣчто, совершенно невозможное въ политикѣ могущественной просвѣщенной державы. Посолъ отчаявается въ своемъ правительствѣ и на свой страхъ заявляетъ турецкимъ министрамъ, что онъ покинетъ Константинополь въ случаѣ неисполненія его требованій.

Посолъ превысилъ свои полномочія и въ сущности нанесъ жестокое оскорбленіе своему министру. Послѣднему, во имя личнаго достоинства и національной чести, не осталось ничего другого, какъ заднимъ числомъ подтвердить рѣшительность посла.

Объ этомъ эпизодѣ нашъ авторъ даже не упоминаетъ. Такъ онъ уравновѣшенъ и такъ далекъ отъ всякаго рода лирическихъ ощущеній! Краснорѣчивая порука за трезвость взглядовъ и осмтрительность сообщеній.

И каирскій профессоръ въ высшей степени трезвъ, до такой степени, что даже уклоняется прямо выражать свои сужденія. Онъ не отгѣняетъ и не подчеркиваетъ фактовъ. Онъ только приводитъ ихъ въ стройную картину, отнюдь не подъ внушеніемъ какой-либо идеи, а просто по хронологическому порядку. Его рѣчь едва лишь рѣшается украсить какимъ-либо яркимъ выраженіемъ, опять не ради сильнаго чувства, а въ интересахъ красоты французскаго стила.

Драгоценный историкъ, въ особенности современныхъ, *перезживаемыхъ* событій! И это именно качество сообщаетъ книгѣ

нашего ученаго значеніе, на какое онъ, вѣроятно, и не рассчитывалъ. Онъ писалъ, не задаваясь никакой политической цѣлью и почувствовалъ бы горькую обиду, если бы его обвинили въ публицистическихъ умыслахъ. Разсужденія о корысти и честолюбіи Россіи въ счетъ не идутъ: они давно стали аксіомой въ заграничной печати и французскій профессоръ, ни на минуту не утрачивая достоинства ученаго, могъ сколько угодно декламировать о русскомъ панславизмѣ. Зато онъ обнаружилъ полную невинность въ «любви къ отечеству и народной гордости», и его сочиненіе можетъ рассчитывать на благосклонный приемъ у всѣхъ партій и націй, съ единственнымъ исключеніемъ.

Могутъ явиться недовольные читатели среди людей, не принадлежащихъ ни къ какому политическому направленію, въ высшей степени благодушныхъ и миролюбивыхъ, всю жизнь только почитывающихъ и никогда не читающихъ. Ученая и совершенно безпартійная книга можетъ огорчить ихъ до глубины души и взволновать не хуже жестокаго романа и разрушительной газетной статьи. Авторъ въ формѣ историческаго обзора восточнаго вопроса написалъ, безъ собственнаго вѣдома, злѣйшую сатиру на самые почтенныя предметы нашей современности, и ударъ тѣмъ чувствительнѣе, что онъ нанесенъ совершенно неумышленно, простодупнѣйшимъ перечисленіемъ фактовъ.

Въ этомъ *непредусмотрѣнномъ* результатѣ заключается истиннѣ исключительный интересъ книги и она заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Секретъ начинаетъ обнаруживаться съ первыхъ же страницъ, и дальше чтеніе увлекаетъ и захватываетъ не меньше блестящаго художественнаго произведенія.

II.

Европейская наука и философія почти уже два вѣка рѣшаетъ вопросъ, существуетъ ли прогрессъ? Для упрощенія задачи вопросъ давно разбитъ на вѣскольکو частей, признана необходимость дать, по крайней мѣрѣ, два отвѣта: можно ли признавать нравственный и научный прогрессъ?

До послѣдняго времени отвѣты давались различныя. Въ прогрессѣ науки, повидимому, нельзя было сомнѣваться, особенно въ XIX вѣкѣ. Стоило только вспомнить о поразительныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, о величественныхъ побѣдахъ челоуѣческаго ума надъ природой. Другое дѣло—нравственный прогрессъ, т. е. становятся ли съ теченіемъ времени люди счастливѣе и лучше?

Даже въ безгранично самонадѣянный вѣкъ просвѣщенія и самые сильные просвѣтители не осмѣливались отвѣчать утвердительно. Счастья на землѣ вообще нѣтъ и быть не можетъ, и въ особенности для людей, одаренныхъ талантами и умомъ. Земля и есть тотъ адъ для избранныхъ, который рисуется въ столь потрясающихъ краскахъ религіозному воображенію. Такъ вѣрилъ Вольтеръ и не могъ указать высшаго идеала благополучія, чѣмъ мирное уединенное воздѣлываніе сада.

Пожалуй, сомнительно и нравственное совершенствованіе челоуѣческой расы. Она неистощима на орудія борьбы противъ мысли и нравственнаго благодетства, и прогрессъ выражается, кажется, въ

одномъ только от ношеніи: орудія становятся многочисленнѣе и утонченнѣе. На ко стрѣ философа больше не сожгутъ, но публика и толпа могутъ всю жизнь его превратить въ пытку, въ одинокую унизительную борьбу за истину.

Такъ нерѣдко приходилось разсуждать людямъ прошлаго вѣка, но это бывало въ тяжелыя минуты испытаній, наступали инья времена, и философы восторженно пѣли гимны непрестанному развитію человѣческаго разума и чувства, и, случалось, умирали насильственной смертью, но съ вѣрой въ необъятныя перспективы мысли и добра.

Съ теченіемъ времени мы отрезвѣли, и самая идея прогресса является намъ архаической, своего рода вдохновенной метафизикой наивнаго стараго времени. Но не всѣмъ легко и просто покончить хотя бы и съ метафизикой, особенно когда она затрогиваетъ самыя источники нашей нравственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, докажете, что прогресса нѣтъ и человѣчество въ своемъ призрочномъ движеніи впередъ уподобляется только бѣлкѣ въ колесѣ, вы этимъ самымъ уничтожите всякій разумный и наглядный смыслъ какой бы то ни было идейной дѣятельности, приурочите жизнь къ одному рабскому инстинкту и оставите человѣка, дорожащаго жизнью, ниже животнаго. И мы всѣми силами хватаемся за мучительно-загадочную идею, готовы на какія угодно оговорки и уступки, лишь бы не позорили насъ ролью неосмысленныхъ существователей.

Такъ думаемъ мы, но совершенно иначе поняли дѣло мудрецы, наблюдающіе насъ съ высоты другой, не европейской мудрости. Мы привыкли считать себя единственно призванными вершителями міровыхъ вопросовъ, привилегированными созидателями возможнаго на землѣ порядка и благополучія. Кромѣ того, мы, повидимому, имѣемъ всѣ основанія подозрѣвать у себя неотразимыя критическія способности,—мы, разрушившіе столько темныхъ вѣрваній и предрассудковъ! Наконецъ, вообще наша цивилизація для насъ вѣдь сомнѣнія: мы давно дожили до идеи о равноправности и свободѣ всѣхъ людей и вѣроисповѣданій, мы отвергаемъ политическія привилегіи и презираемъ религіозный фанатизмъ, мы даровали гражданскія права неграмъ и стараемся облагодѣтельствовать культурой азіатскихъ язычниковъ... Гдѣ предѣлы нашей терпимости и человѣколюбію?

Съ такимъ вопросомъ Европа представилась Азіи, точнѣе, европейскія великія державы турецкой имперіи. Казалось бы, въ самомъ вопросѣ, предрѣшавшемъ отвѣтъ, заключалось побѣдоносное рѣшеніе всѣхъ восточныхъ затрудненій.

Магометанское царство вѣдь это религіей освященное мертвенное состояніе всѣхъ нравственныхъ силъ человѣческой природы, власть страшной, всеубивающей идеи фатализма, а Европа—вѣчное движеніе и развитіе, свѣтлая вѣра въ человѣческую волю и силу. Дальше. Турція—гнѣздо мрачнаго, дикаго фанатизма, бессмысленныхъ религіозныхъ суевѣрій и неотвратимая угроза всякой чужой религіи и умственной независимости. Наконецъ, Востокъ дряхлѣетъ въ чисто животномъ прозябаніи, понимаетъ жизнь исключительно какъ смѣну грубыхъ наслажденій и поэтому пѣнитъ только матеріальныя блага и совсѣмъ не живетъ душою и сердцемъ. А Европа,—кому же неизвѣстно? Только она понимаетъ жизнь въ духѣ и истинѣ, знаетъ, что такое идеалы и назначеніе человѣка на землѣ.

Можно ли Востоку бороться съ такой силой? Еще менѣе оскорблять и явно презирать ее, какъ нѣчто низшее и неразумное.

Не только можно, но и должно, отвѣчаетъ Востокъ, т. е. турки.

Коранъ, говорятъ они европейцамъ, не знаетъ ничего похожаго на вашу идею прогресса. Онъ прямо говоритъ намъ: вы—лучшій среди народовъ вселенной и вы не должны слушать невѣрныхъ: иначе они заставятъ васъ вернуться къ вашимъ заблужденіямъ и васъ постигнетъ гибель. Очевидно, намъ нельзя усовершенствоваться: мы уже совершенны, и васъ убѣждаетъ въ этой истинѣ не только наша священная книга, но и ваша, о европейцы, жизнь и исторія.

И просвѣщенные турки, тѣ самые, кого Европа научила думать и разсуждать, ея же науку обращаютъ противъ нея. Мы, говорятъ они, рѣшительно не видимъ, въ чемъ заключается вашъ прогрессъ, вообще ваша цивилизація. Они, несомнѣнно, имѣли бы очень большую цѣну, если бы одновременно съ ея развитіемъ и вы сами становились лучше, нравственнѣе и благодороднѣе. Этого именно и нѣтъ!—воскликаетъ Мидхатъ-паша.

И къ его разсужденіямъ слѣдуетъ прислушаться. Онъ—глава такъ называемой *молодой Турціи*, пламенный патріотъ, но на новыхъ просвѣтительныхъ основахъ. Онъ огиично изучилъ западно-европейскіе порядки, пришелъ къ мысли о необходимости ограничить власть султана, ввести въ Турціи конституцію. На все онъ возлагалъ блестящія надежды и по этому поводу представилъ сравнительную картину магометанской и европейской культуры.

Всѣ преимущества на сторонѣ первой прежде всего уже потому, что основной принципъ ислама—демократическій. Паша, несомнѣнно, увлекся и наговорилъ не мало несообразностей: турецкая правда блистательно сказала на судьбѣ его конституціи и его собственной. Но все это не помѣшало Европѣ услышать множество крайне неприятныхъ и справедливыхъ упрековъ.

Мидхатъ прекрасно изучилъ ея прошлое и настоящее и изъ историческихъ фактовъ составилъ краснорѣчивый памфлетъ. Турцію укоряютъ въ болгарскихъ жестокостяхъ, но вѣдь это обычная исторія всякаго вооруженнаго возстанія. И турецкій авторъ призвалъ въ свидѣтели французскую революцію, парижскую коммуну, политику Испаніи на Кубѣ и особенно хозяйство Англіи въ Индіи. Гладстонъ громить Турцію за славянъ, а развѣ ему не извѣстно, какъ поступаетъ его просвѣщенное отечество съ индусами? Да и съ одними ли индусами!

Вообще восхвалять европейскую цивилизацію—задача крайне рискованная. Младотурки не отступили предъ самымъ рѣшительнымъ расчетомъ съ похвалой Европы. Пусть она представитъ, что европейцы въ VII вѣкѣ не одержали бы побѣды надъ сарацинами, т. е. не устранили бы мусульманской цивилизаціи ради собственной. Что произошло бы? Для магометанъ отвѣтъ вполне ясный.

Міръ не зналъ бы среднихъ вѣковъ со всѣми ихъ ужасами, со всей ихъ умственной тьмой, и жестокостью. Возрожденіе наступило бы шестью вѣками раньше. Магометане не стали бы избивать ни альбигойцевъ, ни гугенотовъ, они не залили бы кровью Америки, не вызвали бы тридцатилѣтней войны со всѣми ея бѣдствіями.

И европейскому историку трудно возражать съ полнымъ уснѣхомъ. Арабская культура дѣйствительно поражаетъ блескомъ и просвѣщенностью, и столь несомнѣнны свирѣпства средневѣковыхъ католиковъ и еще ужаснѣе боины, устроенныя испанцами въ Новомъ Свѣтѣ. Можно, конечно, припомнить исторію магометанскихъ военныхъ доблестей, но вѣдь христіане отнюдь не оставались въ долгу и какой-нибудь крестовосецъ, въ родѣ Ричарда Львиное Сердце, по части варварства могъ затмить какого угодно мусульманина.

Люди вездѣ и всегда были людьми, и инквизиція возникла и процвѣла подъ покровомъ не полумѣсяца, а креста.

Не убѣдительно и настоящее Европы. Она хвалится своей наукой; но развѣ она сдѣлала христіанъ счастливѣе? Они знаютъ множество вещей, неизвѣстныхъ магометанину, но развѣ ихъ ученые глаза способны открыть рай? Если нѣтъ, зачѣмъ тогда это вѣчное безпокойство, эти лишения изъ за предмета, не дѣлающаго людей ни счастливѣе, ни лучше.

А вѣдь только эти цѣли и имѣютъ смыслъ. Само по себѣ накопленіе всевозможныхъ свѣдѣній лишено всякаго значенія. Можетъ быть, даже они увеличиваютъ недовольство и, слѣдовательно, бѣдствія людей. И мусульманинъ съ высоты своего фаталистическаго корана, цѣлые вѣка твердящій одни и тѣ же молитвы и правила жизни, мудрый готовый мудростью, съ презрѣніемъ или состраданіемъ взираетъ на неустанно мятущагося, вѣчно неудовлетвореннаго европейца и уже неразъ приходившаго къ чисто восточному убѣжденію: побѣда надъ *волей жить*—величайшее могущество и послѣднее слово человѣческаго разума.

Да, въ этой глубоко-принципіальной распрѣ коренится культурный смыслъ восточнаго вопроса. Все остальное только частности и послѣдствія. Востокъ угнетаетъ христіанъ, отказывается слить ихъ съ магометанскимъ населеніемъ, потому что презираетъ ихъ, считаетъ внашею человѣческой породой. И въ этомъ презрѣніи не одинъ религиозный фанатическій предрассудокъ. Онъ остается у людей, совлекшихъ съ себя ветхаго восточнаго человѣка, искренне убѣжденныхъ въ неизбежной гибели Турціи, если она не порветъ съ вѣковыми нравственными и политическими недугами. Эти люди, переставая быть слѣпыми поклонниками отечественныхъ преданій, не становятся почитателями и европейской цивилизаціи. И они подробно объясняютъ намъ, почему.

Пусть эта цивилизація докажетъ имъ свои положительныя нравственныя преимущества, пусть культурная христіанская Европа ослѣпитъ темный магометанскій востокъ блескомъ добродѣтелей, и расчетъ окажется совершенно другимъ. Впрочемъ, чтó говорить о блескѣ добродѣтелей! Было бы достаточно убѣдить Востокъ въ безкорыстїи и дѣйствительно цивилизаторскихъ стремленіяхъ Европы, и восточный вопросъ въ сильнѣйшей степени упростился бы. На вѣсахъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ прибавился бы общечеловѣческій нравственный авторитетъ, и государственнымъ людямъ Турціи пришлось бы считаться съ гораздо болѣе внушительной силой, чѣмъ краснорѣчіе министерскихъ канцелярій.

Такъ предполагать не значитъ увлекаться мечтательными

призраками: совершенно напротивъ; только дѣлать прямое логическое заключеніе изъ многочисленныхъ фактовъ.

Европейская дипломатія безпрестанно толкуетъ предъ турецкимъ правительствомъ о высокихъ принципахъ гуманности и справедливости. Рѣчь ея часто превращается въ настоящую проповѣдь и стремится тронуть умъ и сердце халифа. Эти именно пути лордъ Сольсбери призналъ единственными въ рѣшеніи восточнаго вопроса, пока существуетъ оттоманская имперія.

И мы, дѣйствительно, по европейскимъ дипломатическимъ нотамъ можемъ составить цѣлую хрестоматію самыхъ хорошихъ словъ, какія только имѣются во французскомъ словарѣ. Въ одинъ изъ самыхъ напряженныхъ моментовъ, въ разгаръ армянской рѣзни, представители шести великихъ державъ вручили Портѣ документъ очень рѣшительнаго содержанія. Краснорѣчивѣйшимъ мѣстомъ было слѣдующее заявленіе:

«Европейская совѣсть неизбежно возмущилась бы (ne saurait pas de s'indigner), если бы стало очевиднымъ, что бездѣйствіе власти поощряетъ прискорбныя страсти».

Очень тонко и изящно! Но главное *La conscience européenne!* Это должно было убить султана. Ему приходилось жестоко покраснѣть за турецкую безсовѣстность и поскорѣе заслужить одобреніе европейской совѣсти.

Результаты не оправдали ожиданій. Событія продолжали идти своимъ чередомъ, въ полной зависимости исключительно отъ восточной совѣстливости. Было ясно, — Абдуль-Гамидъ встрѣтилъ, въ лучшемъ случаѣ, добродушной улыбкой цидероновское воззваніе европейской дипломатіи.

И онъ былъ правъ если не съ общечеловѣческой точки зрѣнія, то съ дипломатической непременно. Богѣе ста лѣтъ онъ слышитъ разговоръ о принципахъ европейской цивилизаціи, о правилахъ терпимости, объ идеалахъ національной свободы. Толковали ему все это и нѣсколько державъ заразъ, и каждая отдѣльно, доказывали и перомъ, и оружіемъ, и тѣмъ и другимъ способомъ очень усердно. Но султанъ никакъ не можетъ усвоить европейскихъ поученій, и не потому, чтобы его мозгъ былъ безнадежно невоспримчивъ къ французскому душеспасительному диалекту, а потому что онъ—султанъ—имѣетъ всѣ основанія европейскія проповѣди считать чисто художественнымъ упражненіемъ въ краснорѣчьи.

Именно такое убѣжденіе одушевляетъ всѣ дѣйствія турецкаго правительства, часто совершенно непостижимыя по своей дерзости и вызывающему характеру. Это давно признано европейской печатью. Еще въ 1880 году *Daily News*, опѣвивая турецкое обращеніе съ европейскимъ концертомъ, заявляли: такъ могъ бы вести себя развѣ только Наполеонъ на вершинѣ своего могущества съ какимъ-либо побѣжденнымъ непріателемъ!

Султанъ и Наполеонъ! И такое сопоставленіе оказывается совершенно естественнымъ. Властитель едва существующаго, безнадежно большого государства, повелитель варварскаго и культурѣ недоступнаго народа, безчисленное число разъ побѣжденный и униженный, онъ все-таки можетъ держать наполеоновскую рѣчь къ своимъ просвѣщеннымъ и неизмѣримо сильнѣйшимъ его побѣдителямъ! И во имя чего держать! Защищая своимъ

нарушенія европейскихъ рѣшеній или просто отказываясь исполнять ихъ!

Развѣ это не противоестественное явленіе? И какъ же послѣ этого султану не улыбаться въ отвѣтъ на голосъ «европейской совѣсти»? Улыбка не сойдетъ съ его лица даже и послѣ того, какъ англійскій первый министръ заявитъ: «Ужасъ армянскихъ убійствъ заставилъ Европу поблѣднѣть»...

Пусть ужасается и блѣднѣетъ,—могъ сказать султанъ, отдавая новыя распоряженія на счетъ гяуровъ. Я къ этому давно привыкъ: для меня гораздо важнѣе, чтобы мои солдаты и вѣрныя мнѣ дикари курды, албанцы и черкесы жили и наслаждались жизнью безъ всякихъ отягощеній моей казнѣ. А что касается Европы, я знакомъ съ ней не первый день, и знаю, чего стѣбитъ ея совѣсть и что означаетъ блѣдность ея лица. Объ этомъ можетъ, къ моему полному удовольствію, рассказать любой европейскій историкъ.

Чтобы особенно не углубляться въ прошедшее, посмотрите, какъ дѣйствовала цивилизованная Европа за послѣднія двадцать лѣтъ.

III.

13-го іюня 1878 года въ Берлинѣ происходило одно изъ самыхъ знаменательныхъ торжествъ всей новой исторіи Европы: открылся конгрессъ подъ предсѣдательствомъ общепризнаннаго государственнаго генія, князя Бисмарка. Со временъ вѣнскаго конгресса Европа не видала столь величественнаго зрѣлища и задачи, лежавшія на собраніи, были, пожалуй, еще значительнѣе, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Конгрессу предстояло создать бытіе новыхъ національностей, дать отвѣтъ на четырехвѣковой вопросъ, а главное—упрочить торжество европейской цивилизаціи надъ азіатскимъ варварствомъ.

Султану представлялся исключительный случай убѣдиться разъ навсегда въ мудрости европейской политики и въ недостижимомъ превосходствѣ культуры надъ дикостью. За мудрость рѣшеній ручалась такая первостепенная дипломатическая сила, какую считался во всемъ мірѣ объединитель Германіи, просвѣщенность и гуманность не подлежали сомнѣнію, разъ дѣло попало въ руки представителямъ передовыхъ народовъ.

Правда, султанъ могъ припомнить кое-что изъ подобнаго же внушительнаго прошлаго и воспоминанія могли его отчасти успокоить. Вѣнскій конгрессъ отличался еще болѣе ослѣпительнымъ блескомъ, на немъ присутствовали даже государи и руководитель его въ свое время считался провиденціальнымъ спасителемъ Европы. А результаты получились, по меньшей мѣрѣ, странныя.

Блистательное собраніе такъ ловко перекроило карту Европы, такъ мудро соединило и раздѣлило народы и области, что передѣлка его постановленій началась немедленно и неуклонно продолжалась десятилѣтія, пока революціи, войны и новые союзы окончателно не перечеркнули почти всѣхъ протоколовъ конгресса. Онъ, напрімѣръ, совокупилъ воедино голландцевъ и бельгійцевъ, не взирая на непримиримыя религіозныя и національныя различія двухъ народовъ, онъ отдалъ Австріи Ломбардію и Венецію,

и совершилъ все остальное въ этомъ же духѣ. Естественно, оружие должно было распознаться по вѣснмъ швамъ и поразить сильнѣйшимъ конфузомъ вѣщаго руководителя конгресса.

Теперь, повидимому, нельзя повторить столь поучительныхъ уроковъ прошлаго. Накопилось вполнѣ достаточно опытовъ, чтобы не рѣшать судебъ національностей при помощи линейки и двухъ ариметическихъ дѣйствій. Въ началѣ столѣтїя само понятие *національности*, какъ нравственной и политической единицы, было новостью и еще не успѣло попасть въ мозгъ дипломатовъ, но послѣ объединения Германїи и Италїи, возникновенїя новой Греціи — фактъ не подлежалъ сомнѣнїю и именно въ Берлинѣ имѣли всѣ основанїя считаться съ нимъ. Это было бы и мудро, и гуманно. На самомъ дѣлѣ, вѣра дипломатовъ во всемогущество своихъ перьевъ и бумагъ, очевидно, не истребима. Только бы представился случай, а тамъ не будетъ конца и мѣры самымъ героическимъ упражненїямъ. Послѣ пусть вароды и государства разсчитываются какъ хотять съ полетами канцелярскаго фантазерства.

Предъ берлинскимъ собранїемъ лежала готовая программа переустройства оттоманской имперїи—санъ-стефанскїй договоръ. Онъ заключенъ былъ на мѣстѣ и въ немъ участвовали люди дѣйствїя, отдававшїе ясныя практическїя отчеты въ своихъ представленїяхъ. Географїя и этнографїя—двѣ науки, неизмѣримо болѣе положительныя и, слѣдовательно, сильныя, чѣмъ политика и дипломатїя, лежали въ основѣ санъ-стефанскаго договора, и вотъ онѣ-то въ Берлинѣ не встрѣтили ни малѣйшаго вниманїя. Это говоритъ даже нашъ скромный авторъ и горько сѣтуетъ на заблужденїе конгресса.

А заблужденїе состояло въ томъ, что конгрессъ рѣшилъ раздѣлить самой природой сплоченное и соединить безусловно несоединимое. Даже если бы конгрессъ задался спеціальнѣе цѣлю дѣйствовать разсудку вопреки и наперекоръ стихїямъ, ничего болѣе эффектнаго онъ не могъ бы совершить. Факты немедленно это доказали и собранїе, разсчитывавшее все умиротворить и упрочить, на самомъ дѣлѣ постыло обильныя сѣмена раздоровъ, возстанїй и кровопролитїй. И все это продолжается до послѣднихъ дней, благодаря исключительно мудрости конгресса.

Напримѣръ, мы безпрестанно слышимъ о побоищахъ между черногорцами и албанцами. Уже въ нынѣшнемъ году одна изъ такихъ вѣстей успѣла облетѣть мїръ. Это значитъ, албанцы и черногорцы два племени, совершенно другъ съ другомъ не примиримыя: такими они были искони вѣковъ и такими останутся навсегда, потому что албанцы—прирожденные разбойники и безнадѣжные дикари. Но въ Берлинѣ разсудили иначе; рѣшили присоединить часть албанцевъ къ Черногорїи, а взамѣнъ отнять ея естественныя славянскїя границы. Легко представить, какъ встрѣтили это рѣшенїе албанцы и турки, и на этотъ разъ мудрость принадлежала безусловно азіатамъ.

Турецкїй уполномоченный указывалъ, что албанцы—магометане и не славянской расы: пытаться слить ихъ съ черногорцами, значитъ вызвать междоусобицу. Лучше отдать Черногорїи область, населенную славянами и православными. Конгрессъ полагалъ иначе, раздувъ старый очагъ международной ненависти и вопросъ о присоединенїи албанцевъ къ Черногорїи превратилъ въ траге-

дію. Только два года спустя и съ величайшими усиліями Черногорія официально получила присужденный ей край, и до сихъ поръ не можетъ справиться съ навязанными ей подданными.

Еще мудрѣ поступилъ конгрессъ съ Болгаріей. Санъ-стефанскій договоръ создавалъ цѣльный политическій болгарскій міръ, конгрессъ разбивалъ его на три части: княжество Болгарію, Румелию и Македонію. Чтò изъ этого вышло—достаточно извѣстно. Румелия потребовалось возстаніе, чтобы возстановить естественный порядокъ вещей, Македонія пока состоитъ подъ властью султана, но не перестаетъ быть поприщемъ политическаго броженія. Берлинское постановленіе, видимо, и здѣсь переживаетъ агонію, только болѣе медленную и болѣе мучительную, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ областяхъ европейской Турціи,

Дальше шелъ греческій вопросъ, и опять на ясной, вполне опредѣленной почвѣ національности. Предстояло рѣшить судьбу Крита. Послѣ Черногоріи это самая героическая страна Европы. Можно сказать, Критъ никогда никому вполне не принадлежалъ. Даже римляне едва могли одолѣть островитянъ, но нисколько не ослабили ихъ древняго мужества и не сгладили яркихъ національныхъ свойствъ. Такую же беспощадную борьбу вели потомъ критяне съ греческими императорами, съ Венеціей и, наконецъ, съ турками. Мусульмане въ теченіе вѣковъ не могли фактически овладѣть всѣми провинціями Крита. Возстанія слѣдовали одно за другимъ и островъ не разъ свергалъ совершенно власть Турціи. И цѣлью возстаній всегда было сліянiе съ Греціей, лишь только возникло независимое эллинское королевство.

Въ этомъ смыслѣ критяне еще въ шестидесятыхъ годахъ обращались къ Европѣ. Они говорили: «вѣруя въ справедливость нашего дѣла, мы объявляемъ смѣло предъ Богомъ и предъ людьми наше пламенное желаніе соединиться съ Греціей, нашей общей матерью?»

Греція восторженно встрѣчала это желаніе и принимала дѣятельное участіе въ борьбѣ критянъ. Не правительство греческое, а народъ: участіе являлось чисто инстинктивнымъ стремленіемъ и никакая политическая сила не могла бы подавить его.

Нѣкоторые дипломаты это понимали. Князь Горчаковъ убѣждалъ державы присоединить Критъ къ Греціи, указывалъ въ будущемъ неизбѣжность кровопролитія, власть султана на островѣ считалъ возможнымъ утвердить развѣ только надъ развалинами и трупами. Въ шестидесятыхъ годахъ и Франція готова была поддержать такое рѣшеніе вопроса. Но непреодолимое препятствіе встрѣтилось со стороны Англіи. Ни для кого не была тайной причина англійскаго протеста. Англія выжидала удобнаго случая собственноручно завладѣть Критомъ. Въ результатѣ Критъ остался за Турціей и Европа совѣтовала султану быть свисходительнымъ...

Картина, достойная великаго живописца, когда султанъ выслушивалъ этотъ совѣтъ! Турки, разумѣется, не перестали быть турками вслѣдствіе жалкихъ словъ дипломатовъ, а критяне—бороться и ждать. Берлинскому конгрессу вновь представился старый вопросъ и Критъ, ссылаясь на вѣроломство Турціи, снова умолялъ Европу развязать его узы. Конгрессъ выслушалъ мольбу, призналъ неисправимость турецкаго правительства на островѣ и рѣшилъ: Криту впредь оставаться подъ властью султана, а Европа

посоветуетъ Абдуль-Гамиду выполнить обѣщанія на счетъ реформъ. Именно *посоветуетъ*, на чистѣйшемъ дипломатическомъ языкѣ съ изложеніемъ всѣхъ титуловъ Высокой Порты и его оттоманскаго величества.

Конгрессъ, очевидно, чувствовалъ себя въ ироническомъ настроеніи и съ нетерпѣніемъ ждалъ, какое зрѣлище получится послѣ изреченія его воли. Зрѣлище не замедлило послѣдовать къ полному торжеству дипломатическаго джентльменства и къ новому увиженію разума и нравственнаго чувства Европы.

Англія, эта свободнѣйшая и національнѣйшая страна въ мірѣ, могла остаться довольной. Критъ снова сталъ вопросомъ дня, еще болѣе жгучимъ, чѣмъ раньше. Турція пользовалась всякимъ своимъ успѣхомъ на островѣ, чтобы тѣснѣе сжать кольцо рабства. Она безъ малѣйшихъ колебаній извѣщала мудрую и гуманную Европу, что намѣрена подвергнуть критянъ осадному положенію и послать новаго губернатора съ военными полномочіями. Европа не наплась, что отвѣтить, и предоставила Турціи дѣйствовать на полной свободѣ. И дѣйствія открылись. Потоки крови задушили возстаніе, и началось управленіе, презошедшее даже турецкіе политическіе обычаи. Вспыхнуло послѣднее возстаніе, турки произвели рѣзню, но весь островъ рѣшилъ скорѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ быть раздавленнымъ въ рабствѣ. Дальнѣйшее извѣстно. Мудрость конгресса сторицей вознаграждена. Греко-турецкая война дополнила картину и только послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ трагедій Критъ, наконецъ, вступилъ на новый путь національнаго бытія.

Зачѣмъ разыгрались эти трагедіи? Какая разумная сила мѣшала Европѣ исполнить законныя желанія критянъ и хотя бы въ шестидесятихъ годахъ послушаться добраго совѣта не какихъ-нибудь мечтателей, а дипломатовъ, и предотвратить позорное истребленіе челоуѣческой расы? Но если ужъ Криту суждено было принадлежать Турціи, что могло побудить Европу предоставить на добрую волю султана такъ или иначе поступить съ безпокойными подданными?

Съ такую же проникательностью и гуманностью рѣшены и остальные вопросы. Конгрессъ будто задался цѣлью всѣми силами шадить деликатныя чувства султана. Не зная, какъ и доказать ему довѣріе къ чистотѣ его намѣреній и посвященности его государственныхъ людей. Этотъ идеализмъ по отношенію къ Турціи соотвѣтствовалъ паразитической трезвости взглядовъ касательно ея христіанскихъ подданныхъ. Конгрессъ покончилъ со всѣми мечтательными чувствами прошлаго, и прежде всего съ идеальнымъ филэллинствомъ. Раньше страна Сократа и Демосоена вызывала даже въ сердцахъ политиковъ лирическія движенія и европейское общественное мнѣніе восторженно привѣтствовало возрожденіе обѣтованной земли цивилизаціи.

Конгрессъ дѣйствуетъ исключительно на положительной почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Онъ видимо проникнуть завистью къ молодой Элладѣ, онъ опасается, какъ бы ей не достался лишній кусокъ ископно-греческой земли. Онъ готовъ скорѣе предоставить рѣшеніе набогѣвшаго вопроса посвященной мудрости султана, ждать какого угодно будущаго, лишь бы не облагодѣтельствовать черезчуръ народа, мечтающаго не только о свободномъ королевствѣ, но даже о независимой націи.

Въ результатѣ, конгрессъ и здѣсь даетъ добрый совѣтъ султану—полюбовно рѣшить споръ и только въ случаѣ несогласія Европа общаетъ свое любезное посредничество. Нечего и говорить, что *практически* означалъ этотъ образъ дѣйствій. Трудно повѣрить, до какой степени простой здравый смыслъ иногда расходится съ дипломатическимъ хитроуміемъ. Послѣ трехъ вѣковъ сношеній съ турецкой имперіей Европа ожидала, будто султанъ рѣшится ограбить самого себя въ пользу христіанскаго государства! Если дѣйствительно такой расчетъ владѣлъ умами дипломатовъ конгресса,—легко представить, съ какимъ настроеніемъ повелитель правовѣрныхъ выслушалъ этотъ актъ безпримѣрной политической поэзіи новаго времени! И даже нашъ скромный профессоръ не можетъ удержаться по этому поводу отъ горькихъ мыслей. Онъ говоритъ: «дипломатія, долгъ которой избѣгать и предупреждать столкновенія, совершила непростительную ошибку: она открыла рядъ затрудненій, неразрѣшенныхъ до сихъ поръ».

Это очень скромно! Дипломатія сдѣлала гораздо больше: она *поощрила* султана на дальнѣйшую, менѣе всего примирительную дѣятельность. Она стремилась прежде всего понизить нравственное и политическое значеніе русскихъ побѣдъ, а въ результатѣ подорвала кредитъ вообще европейскаго и христіанскаго авторитета. Если побѣжденный султанъ могъ получить такое количество совершенно негнѣмыхъ, не заслуженныхъ авансовъ, на что же онъ могъ рассчитывать въ случаѣ побѣды? И могъ ли онъ серьезно относиться вообще къ рѣшенію государственныхъ мужей, приносившихъ въ жертву корыстнымъ вождѣлвнїямъ отдѣльныхъ державъ судьбу христіанскаго міра на Востокъ?

Султанъ превосходно понималъ, какія жертвы были принесены Критомъ, Черногоріей и Греціей для спасенія національной свободы. Онъ зналъ, что Европѣ извѣстенъ обычный турецкій способъ умиротворять покойныхъ подданныхъ и «преобразовывать» христіанскія провинціи. Онъ, наконецъ, помнилъ, сколько разъ онъ обманулъ довѣріе Европы своими обѣщаніями ввести реформы, какъ онъ насмѣялся надъ наивностью гяуровъ, напуская курдовъ, албанцевъ и черкесовъ на преобразуемыя области. Это его излюбленные реформаторы и онъ держалъ ихъ наготовѣ въ ту самую минуту, когда берлинскій конгрессъ торжественно изрекалъ свои рѣшенія, достойныя стила Раблэ.

Наконецъ, еще одинъ подвигъ, едва ли не самый блистательный, во всякомъ случаѣ самый краснорѣчивый въ исторіи европейской справедливости на Востокѣ. Конгрессу, помимо судьбы балканскихъ подданныхъ султана, настояло опредѣлить родъ жизни азіатскихъ христіанъ, т. е. армянъ. Здѣсь, повидимому, затрудненіе рѣшалось чрезвычайно благоприятно. Независимо отъ общеевропейскаго интереса къ армянскому народу, одна великая держава взяла на себя специальную заботу о мирѣ и благоденствіи Арменіи. Англія заключила съ Турціей особый договоръ: Англія обязывалась охранять неприкосновенность азіатскихъ владѣній Турціи и за это получила островъ Кипръ и «формальное увѣреніе» султана—вести въ Арменіи необходимыя реформы. Англія надѣялась дѣятельно помогать предстоящей преобразовательной дѣятельности султана, и именно съ этою цѣлью она занимала Кипръ, сосѣдній съ Малой Азіей.

Армяне могли утѣшиться. За нихъ стояло теперь чувство національной чести самой гордой и просвѣщенной націи во всемія мірѣ. Реформы становились на очередь текущаго дня и Армения, повидимому, лежала теперь, по крайней мѣрѣ, столь же близко англійскому сердцу, какъ Ирландія и Индія.

Но армянская радость явилась не только преждевременной, но совершенно неосновательной. Англійская сдѣлка съ Турціей грозила даже ухудшить именно положеніе армянъ. Турція, напуганная Россіей, поддадала коварнымъ внушеніямъ Биконсфильда и заплатила Кипромъ за свое спасеніе отъ воображаемой опасности. Истина не замедлила обнаружиться. Россія вовсе не стремилась завоевывать Малой Азія, англичанамъ не отъ кого было оберегать султана,—вышло,—островъ отданъ даромъ, Блистательная Порта оказалась просто одураченной. Легко представить, какой вкусъ теперь возымѣли для нея обѣщанныя армянскія реформы?

Но Англии нечего было волноваться. Еще задолго до берлинскаго трактата будущій лордъ Биконсфильдъ, пока только Диаразли, заявлялъ: «Англичанамъ нуженъ Кипръ, и они его возьмутъ... Имъ нуженъ новый рынокъ для хлопчатобумажныхъ издѣлій. Англія не успокоится до тѣхъ поръ пока, жители Іерусалима носятъ турбаны изъ миткаля».

Хлопчатые издѣлія, очевидно, преобладали въ идеяхъ англійскихъ министровъ даже, когда они заключали свой договоръ съ Турціей. Въ договорѣ о реформахъ говорилось *вообще*, англичане не признали необходимымъ ясно и подробно опредѣлить, какія именно преобразованія обязана произвести Порта въ Малой Азіи? Говорилось просто—объ усовершенствованіи администраціи. Султанъ, конечно, могъ по свѣдѣму понимать совершенную администрацію, и это пониманіе какъ нельзя сильнѣе поощрилось раздраженіемъ на коварство англійской дипломатіи.

Таковы главныя черты величайшаго дипломатическаго акта нашего столѣтія. Участники конгресса въ полномъ смыслѣ дѣлали исторію, и, къ сожалѣнію, скверную исторію и на самое отдаленное будущее. Дѣятельность, тѣмъ болѣе неожиданная, что она оказалась въ непримиримомъ противорѣчьи съ торжественнымъ заявленіемъ геніальнаго предсѣдателя собранія: «Конгрессъ,—говорилъ князь Бисмаркъ,—собрался не за тѣмъ, чтобы охранять интересы Турціи, а за тѣмъ чтобы обезпечить миръ Европы въ настоящемъ и будущемъ».

Обезпеченіе вышло самое поразительное. Европѣ едва ли не на слѣдующій же день послѣ разъѣзда берлинскихъ устроителей вселенной пришлось впасть въ изумленіе и на десятки лѣтъ остаться въ этомъ глубокомысленномъ настроеніи. Какъ берлинскій трактатъ приводился въ исполненіе, это цѣлая эпопея грандіозно-сатирическаго содержанія, къ сожалѣнію, только сбильно приправленнаго драмой. Рѣшительно ни одно болѣе или менѣе существенное постановленіе конгресса не было выполнено ни одной заинтересованной стороной, начиная съ великихъ державъ.

Австрія, по рѣшенію конгресса, заняла Боснію и Герцоговину для административнаго устроенія. Провинціи оставались за султаномъ, но конгрессъ не опредѣлялъ ни срока ни подробностей

австрійской оккупаці и черезъ восемь лѣтъ Австрія фактически отбѣнила власть султана, подвергнувъ босняковъ и герцоговинцевъ военному набору «для защиты монархіи», разумѣется, австро-венгерской.

За Россіей конгрессъ оставилъ Батумъ съ условіемъ сдѣлать его порто-франко: черезъ семь лѣтъ Батумъ превратился въ крѣпость.

Еще пренебрежительнѣе поступили съ трактатомъ балканскія государства. Болгарія ни единого раза не заплатила Турціи установленной дани, Турція, въ свою очередь, не подумала даже теоретически отнестись серьезно къ берлинскимъ обязательствамъ. Что она нигдѣ не ввела никакихъ реформъ разумѣется само собой, но она наотрѣзъ отказалась уступить мѣстности, присужденныя Черногоріи, и исправить границы съ Греціей. Нѣтъ ничего поучительнѣе споровъ Европы съ султаномъ по поводу Черногоріи. Какое ужасающее количество дипломатическихъ бумагъ, какія величественныя заявленія въ родѣ: «торжественная манифестація воли Европы», «европейскій вердиктъ»! И въ отвѣтъ, явное издѣвательство Турціи, открытое возбужденіе бунта въ округахъ, присоединяемыхъ къ Черногоріи, и жалоба той же Европѣ на эти же самые бунты.

Европа выходитъ изъ себя и рѣшается произвести «нравственное давленіе» на Турцію, посылаетъ свои корабли къ берегамъ Албаніи, но съ распоряженіемъ не дѣйствовать этимъ кораблямъ, а только стоять и пугать султана. Едва вѣроятно, а между тѣмъ именно такое рѣшеніе вынесла Европа. Нашъ ученый и здѣсь утрачиваетъ свое образцовое терпѣніе и заявляетъ: «Это значило впадать въ странное заблужденіе—предполагать подобную наивность у совѣтниковъ султана».

И султанъ не только не испугался, а поспѣшилъ объявить Европѣ: всѣ событія и ноты со времени берлинскаго трактата онъ считаетъ за ничто и требуетъ предоставить его доброй волѣ выполнить свои обязательства, а Европѣ убрать свой флотъ, оскорбляющій его, султанское, достоинство. Европа склонила свою главу предъ энергіей падишаха и только случайность—невѣрные свѣдѣнія султана на счетъ единоличныхъ дѣйствій Англіи—помѣшали исторіи закончиться постыднѣйшимъ конфузомъ для такъ-называемаго европейскаго концерта.

Султанъ жестоко жалѣлъ, появивъ преждевременность своего страха и своей уступки. Но и эта ошибка должна была только окрылить его на дальнѣйшую, надменно вызывающую борьбу съ Европой.

И событія не замедлили обнаружить всю глубину султанскаго презрѣнія къ рѣшеніямъ христіанскаго міра. Онъ—этотъ міръ—въ лицѣ лорда Сольсбери провозглашалъ: «Я совершенно убѣжденъ, всякое зданіе, сооруженное въ прямое противорѣчіе съ желаніями народностей, для которыхъ оно сооружается, не можетъ быть прочнымъ». Основательнѣйшая идея, и одновременно съ ней Критъ подчинялся Турціи, малоазіатскіе христіане отдавались въ распоряженіе курдамъ. Румелія отрывалась отъ Болгаріи. Естественно, не Турціи же было укрѣплять подобное зданіе, и въ теченіе двадцати лѣтъ не прекращаются кровавыя зрѣлища по всему пространству оттоманской имперіи, возстанія смѣняются войнами,

даже такими безумными, какъ сербо-болгарская, и такими безрезультатами, но неизбѣжными, какъ греко-турецкая. А Европа собираетъ конференціи, пипетъ ноты, взываетъ къ разсудку и сердцу султана, засыпаетъ совѣтами Блистательную Порту, и достигаетъ одного самаго свѣжаго и богатаго будущимъ результатомъ: султанъ теперь *побѣдитель*. Греческая война подняла духъ мусульманъ на высоту, какой онъ не зналъ въ теченіе всего XIX-го вѣка. Теперь Турція—членъ европейскаго концерта. Она дѣятельно упрочиваетъ свое новое положеніе широкими военными преобразованіями, и Европа еще менѣе, чѣмъ когда-либо, въ состояніи заговорить съ султаномъ рѣчью настойчивой и исполненной достоинства. Европа ждетъ, пока новый пожаръ не развяжетъ ей языкъ и не вдохнетъ въ ея мысли смѣлость и логику.

IV.

Смѣлость и логика!.. Казалось бы, они такъ естественны именно въ поведеніи Европы съ Турціей. Еще Монтескьё видѣлъ безнадежное разложеніе оттоманской имперіи. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія Гизо доказывалъ, что никакихъ реформъ немислимо ждать отъ мусульманскаго міра. И исторія неуклонно доказывала справедливость этихъ взглядовъ. Турція не подлежитъ никакому культурному воздѣйствію. Всякое отраженіе европейскихъ вліяній на исконныхъ мусульманскихъ порядкахъ въ глазахъ правовѣрныхъ является вѣроотступничествомъ. И даже современный султанъ у признанныхъ хранителей магометанскаго права вѣрнѣе слыветъ гяуромъ и рабомъ Европы.

Прежде всего самая идея равноправія христіанъ съ точки зрѣнія Корана—безуміе. Всякій человѣкъ, не признающій Магомета пророкомъ, *по природѣ* низшее существо и предназначенъ къ вѣчному рабству у правовѣрныхъ. Коранъ не признаетъ за побѣжденнымъ гяуромъ никакихъ правъ, даже права на существованіе. «Предъ Богомъ—говоритъ онъ,—нѣтъ болѣе низкихъ существъ, чѣмъ невѣрующіе». И даже если бы султанъ проникся гуманными воззрѣніями, онъ ничего не могъ бы сдѣлать практически. Подданные отказались бы ему повиноваться: такъ открыто заявляютъ европейцамъ доктора мусульманскаго права. Въ 1856 году султанъ издалъ указъ о равноправіи свидѣтельскихъ судебныхъ показаній христіанъ и магометанъ. Мусульманскіе судьи не исполняли указа, лишь только приходилось разбирать дѣло между магометаниномъ и христіаниномъ. Очевидно, цивилизовать мусульманскій востокъ значитъ уничтожить мусульманскую религію, и арабская культура является, по существу, неестественнымъ явленіемъ въ мусульманствѣ, исключительно *национальнымъ* въ исторіи самихъ арабовъ, а не магометанскимъ.

Съ другой стороны Турція утратила всѣ основы нравственнаго и политическаго бытія. Она давно уже не государство, а дворцовая вотчина. Официальное правительство не имѣетъ никакого значенія—всѣмъ управляетъ Ильдизъ Кіоскъ, т. е. личные слуги султана. Въ интересахъ дворца существуетъ администрація, войско, собираются налоги, вообще совершается вся жизнь оттоманской имперіи. Жалованье получаютъ только чиновники и войска, непосредственно связанныя съ дворцомъ. Султанъ лично

владѣеть шестюю частью всей территоріи своей имперіи, кромѣ того доходами съ почтъ, таможней, состоитъ пайщикомъ въ разныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, владѣеть монополіями табачной, желѣзнодорожной. И всѣ его заботы сосредоточены на своемъ штатѣ и стражѣ. Преемникъ двухъ султановъ, свергнутыхъ съ престола, онъ вѣчно дрожитъ за свою особу и на этомъ ужасѣ собственно и сосредоточены всѣ его политическія способности. Онъ «человѣкъ Ильдиза», такъ его именуютъ его же подданные, и государство предоставлено на полную волю чиновниковъ. Они вынуждены торговать закономъ и судомъ: эта торговля—единственный источникъ ихъ существованія. Другой—христіанскіе подданные, стоящіе внѣ мусульманскаго права. И они, кромѣ обычныхъ насилій и поборовъ, обязаны еще время отъ времени удовлетворять своей кровью и имуществомъ варварскія племена, поставляющія султану самыхъ преданныхъ тѣлохранителей. Курды истребили до трехсотъ тысячъ армянъ, но они—личная гвардія повелителя, ихъ полки носятъ его имя, и, естественно, о наказаніи не можетъ быть и рѣчи. Иначе Ильдизъ лишился бы своей вѣрной опоры и лучшихъ подданныхъ.

Все это факты, отлично извѣстные Европѣ. Ни для кого не тайна, что Турція вовсе не имперія и даже не правительство, а таборъ дикарей, сидящій на одномъ мѣстѣ исключительно благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ. Но это—историческая и наглядная истина, отъ нея до дипломатическихъ выводовъ цѣлая пропасть.

Спросите нѣкоторыхъ и очень важныхъ дипломатовъ на счетъ того самаго человѣка, кого Гладстонъ называлъ «великимъ убійцей» и кто послѣдовательно издѣвается надъ терпѣніемъ Европы вотъ уже почти четверть вѣка. Вы получите самые неожиданные отзывы.

Абдуль-Гамидъ!—да это любезнѣйшій изъ монарховъ. Онъ кротокъ, вѣжливъ, всегда обходителенъ и въ высшей степени сдержанъ. *Всѣ дипломаты*, говорятъ намъ, побывавшіе въ Константинополѣ, были очарованы султаномъ и *многие* изъ нихъ сохранили это очарованіе навсегда. Абдуль-Гамидъ прямо неотразимъ. Онъ всегда внимательно выслушиваетъ совѣты и представленія, задаетъ вопросы о подробностяхъ, свидѣтельствующія его серьезное отношеніе къ дѣлу и готовность слѣдовать добрымъ внушеніямъ. Послѣ его аудіенціи всякій европейскій дипломатъ выходитъ непременно *удовлетвореннымъ* и *тронутымъ*. Наконецъ, султанъ набоженъ, крайне умѣренъ въ удовольствіяхъ, можно сказать, безупреченъ въ нравахъ *).

Таковъ единодушный отзывъ. И онъ подтверждается даже младотурками, завѣдомыми врагами Абдуль-Гамида. Вождь ихъ—Мурадъ-бей также поддался чарамъ султана: до такой степени задушевно и искренне говорилъ Абдуль-Гамидъ даже о конституціи, такъ настоятельно просилъ Мурада представить ему планъ ея. Мурадъ, выходя отъ султана, преисполнился радости и вѣры, что все спасено...

Съ такими точно настроеніями отклонявались Абдуль-Гамиду и представители европейскихъ державъ.

*) Victor Berard. *La politique du sultan. Revue de Paris*. 1897, 1 janvier, p. 57—58.

Но разочарованіе неизмѣнно слѣдовало по пятамъ осчастливленныхъ смертныхъ. Младотурки отправлялись на дно Босфора или въ Аравію на вѣрную смерть, студенты теологии слѣдовали за ними по повелѣнію горячаго поклонника пророка, европейскіе дипломаты терпѣли соотвѣтственную участь: ихъ аудіенціи и ноты тонули въ рѣкѣ забвенія и безпрестанно подвергались самому оскорбительному нарушенію и извращенію.

Какое же впечатлѣніе производили эти приключенія на очарованныхъ? Нерѣдко, разумѣется, вполне логическое, но бывали и до сихъ поръ происходятъ случаи, способные внушить султану непоколебимое убѣжденіе въ своей поистинѣ волшебной симпатической власти надъ гаурами.

Напримѣръ, самый усердный и краснорѣчивый защитникъ современной турецкой политики Ганото. Умѣреннѣйшіе французы приходили въ изумленіе предъ чисто вѣроподданнической сдержанностью своего министра въ отзывахъ о султанѣ, завѣдомомъ первовинникѣ армянскихъ убійствъ. Ни одного слова порицанія! И гдѣ же—во французской палатѣ, во времена республики. Да пусть какая угодно политика тяготѣетъ надъ мозгомъ представителя французской націи, не могъ же не заговорить, хоть на одно мгновеніе, голосъ культурнаго европейца и просто человѣка.

И все таки не заговорилъ. Французская печать объяснила удивительный фактъ столь же удивительными сообщеніями. Правда, Ганото и по дипломатическимъ причинамъ не возставалъ противъ Турціи, но главная была сердечная. Онъ личный сочувственникъ султана. Онъ прошелъ дипломатическую школу въ Константинополѣ. Онъ былъ еще очень молодъ, когда правительство поставило его во главѣ посольства. Онъ понравился султану и въ теченіе десяти лѣтъ Ганото очень успѣшно велъ дѣла. Онъ научился любить и уважать его оттоманское величество. Онъ изумлялся поразительной канцелярской усидчивости падишаха, его тонкому уму и чарующей обходительности.

Всѣ эти чувства Ганото привезъ во Францію и заключилъ ихъ въ свой портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь главная разгадка его неизмѣнно почтительнаго, бережнаго отношенія ко всѣмъ дѣйствіямъ Ильдизъ-кіоска.

Министерство, устранившее Ганото, не могло рѣзко измѣнить политики: Франція уже была связана дѣятельностью прежняго министра и султанъ не могъ ждать грозы со стороны республики.

И на этотъ разъ республика сошлась съ своимъ опаснѣйшимъ врагомъ, съ германскимъ императоромъ. Турція нашла въ Германіи вѣрнѣйшаго друга, какого только она когда-либо имѣла среди христіанскихъ государей. Вильгельмъ II, столь подчасъ рыцарственный и вдохновенный, чуть не средневѣковой герой въ своихъ восторгахъ предъ завѣтами Гогенцоллерновъ и даже боговъ германской міеологіи, отбросилъ въ сторону всѣ средневѣковые предрасудки на счетъ сараиновъ и невѣрныхъ. Онъ—первый и единственный—привѣтствовалъ турецкія побѣды надъ греками. Онъ не побоялся предъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовать горячую дружбу къ султану въ то самое время, когда Гладстонъ клеймилъ этого друга именемъ «убійцы», а Европа, по увѣренію друга англійскаго политическаго главы, «блѣднѣла» отъ ужасовъ оттоманской имперіи.

Откуда же у германскаго императора такія стремительныя чувства! Конечно, не изъ того источника, откуда у Ганото. Вильгельмъ II руководится неизмѣримо болѣе убѣдительными побужденіями, чѣмъ личныя достоинства Абдуль-Гамида. Общій характеръ этихъ побужденій и подобныхъ имъ, весьма распространенныхъ, остроумно выражаетъ однимъ французскимъ публицистомъ. «Европа, — писалъ онъ, — во всякое время предпочла бы самага реакціоннаго фанатика, оплачивающаго свои купоны и благопріятствующаго торговлѣ, самому передовому преобразователю, вызывающему банкротство или революцію».

Этотъ именно принципъ лежитъ въ основѣ трезвой германской дружбы съ Турціей. Вильгельму II нужна Турція именно въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, слѣдовательно, и Абдуль-Гамидъ со всѣми его оригинальными приемами управленія. Германскій императоръ привѣтствовалъ побѣду турецкихъ полковъ надъ греческими по самому естественному побужденію, какое только существуетъ для человѣческихъ дѣйствій. Турокъ приготовили для побѣды германскіе офицеры и они же руководили турецкимъ штабомъ. Очевидцы рассказываютъ, какъ турецкіе солдаты на полѣ сраженія цѣловали руки у своихъ нѣмецкихъ учителей. То же самое они должны были бы сдѣлать съ нѣмецкими ружейными и пушечными мастерами: султанъ самый крупный иностранный потребитель нѣмецкаго оружія.

Но этотъ товаръ только часть громаднаго нѣмецкаго ввоза въ оттоманскую имперію. Нѣмецкая промышленность, послѣ объединенія, быстро стала развиваться, и преуспѣла до такой степени, что вступила въ конкуренцію съ французской и особенно англійской. Потребовались новые рынки; отсюда горячка колониальной политики и неутожимые поиски сбыта. Балканскій полуостровъ скоро сталъ кишѣть агентами нѣмецкихъ фирмъ и превратился въ сплошной базаръ нѣмецкихъ товаровъ.

Рядомъ шла и германская культура. Константинополь обогащался нѣмецкими школами, армія нѣмецкими инструкторами. Правительство, разумеется, не могло оставить безъ поощренія этого явленія, и императоръ сталъ во главѣ національнаго торговаго прогресса. Турція, въ ея современномъ варварскомъ состояніи — благодарная почва для нѣмецкихъ дѣлателей. Ея раздѣлъ между культурными націями неизбежно повлекъ бы подрывъ германскому движенію, и естественно, неприкосновенность оттоманской имперіи своего рода догматъ современной германской политики.

Нѣкоторые европейскіе политическіе дѣятели видятъ и другую причину стремленій Вильгельма II на Востокъ. Они будто бы, служа нѣмецкому купону, въ то же время даютъ выходъ и романтическому воображенію императора. Авторъ гимна Эгиру въ пламенные минуты своей мечтательности грезитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о священной имперіи былыхъ вѣковъ отъ Триеста до Гамбурга. Австрія вѣдь явно разлагается, ереди ея партій существуетъ теченіе, глубоко проникнутое пангерманскими идеалами и еще другое болѣе могущественное, преисполненное ненависти къ славянамъ... Что же невѣроятнаго въ будущемъ сліяній всей великой германской расы подъ одной короной?.. *).

*) Kramarsch. *L'Avenir de l'Autriche*.

Открываются ли дѣйствительно предъ Вильгельмомъ II подобныя перспективы, или это клевета злыхъ политиковъ, во всякомъ случаѣ, Турція можетъ считать его прочной опорой своего *европейскаго* положенія. Это истинное повышение въ важный чинъ: Европа, считаясь съ султаномъ, должна помнить о германскомъ императорѣ. Какой успѣхъ послѣ невѣроятныхъ нарушеній всѣхъ трактатовъ и обязательствъ и особенно послѣ незабвеннаго въ исторіи памятника XIX-го вѣка изъ трехсотъ тысячъ человѣческихъ головъ!

Результатъ очевиденъ. Восточный вопросъ только по недоразумѣнію именуется восточнымъ, на самомъ дѣлѣ онъ *западный*, во всѣхъ смыслахъ—въ политическомъ и культурномъ. Оттоманская имперія сама по себѣ можетъ сколько угодно разрушаться, она непоколебима, на сколько прочна такъ-называемая «европейская совѣсть». А это—вопросъ весьма темный.

Правда, Гладстонъ вѣдь тоже европеецъ, и онъ съумѣлъ выказать поразительно энергичный образъ дѣйствій противъ Турціи и ему случалось увлекать за собой даже толпу парламентскую и уличную. Но это не было увлеченіемъ англійской націи, и нашъ ученый авторъ находитъ горячность Гладстона излишней и опрометчивой. Онъ, повидимому, готовъ великаго государственнаго чловека изобразить красками легкомысленнаго и опрометчиваго агитатора.

И этотъ взглядъ внушаетъ ему уже не «европейская совѣсть», какъ она понимается на дипломатическомъ языкѣ, а логика и исторія. Трудно при такихъ обстоятельствахъ ожидать чего-нибудь похожаго на крестовый походъ, хотя бы даже на словахъ, не только на дѣлѣ. Вильгельмъ II, напримѣръ, торжественно празднуетъ седанское событіе, годовщину одной изъ горестнѣйшихъ распрей среди цивилизованныхъ народовъ, и тотъ же Вильгельмъ привѣтствуетъ турецкое оружіе въ борьбѣ также съ цивилизованной націей. Нельзя сказать, чтобы подобные факты знаменовали успѣхи европейской совѣсти, и Турція будетъ жить именно потому, что жизнь ея основана на темныхъ сторонахъ нашей цивилизаціи. Все, что только сохранилось варварскаго, своекорыстнаго, кроваваго воинственнаго въ современной европейской культурѣ,—все это истинные киты оттоманскаго царства. И султанъ понимаетъ это лучше, чѣмъ кто-либо, понимаютъ и его образованнѣйшіе подданные. Какъ же имъ послѣ этого не смѣяться надъ европейскими конгрессами и нотами, смѣло не противопоставлять мусульманскую культуру христіанской и не презирать европейцевъ уже не какъ гяуровъ, а какъ торгашей и варваровъ?

Мы видимъ, какъ глубоко коренится сущность и живучесть восточнаго вопроса. Можно безъ преувеличеній сказать: самая скромная и безпристрастная исторія этого вопроса представляетъ гораздо болѣе поучительную и содержательную критику современной европейской просвѣщенности и правдивности, чѣмъ краснорѣчивѣйшія философскія и политическія упражненія пессимистовъ и декадентовъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Kritische Grundlegung der Ethik als positive Wissenschaft, von Dr Stern, Berlin. (Ferdinand Dümmler). (Критическія основы этики, какъ положительной науки)*. Въ последнее время, въ германскомъ обществѣ замѣчается особенный интересъ ко всякимъ этическимъ вопросамъ, вслѣдствіе чего число книгъ, посвященныхъ этой области, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Авторъ этого, недавно вышедшаго сочиненія по вопросамъ этики, докторъ медицины Штернъ, задался цѣлью очистить этику отъ всѣхъ примѣсей, религіозныхъ и метафизическихъ воззрѣній доказать ея необходимость посредствомъ естественно-историческихъ фактовъ. Авторъ предварительно подвергаетъ строгой критикѣ всѣ существующія этическія системы и ихъ религіозныя и философскія основы и затѣмъ указываетъ почву, на которой онъ строить свою позитивную этику. По мнѣнію автора, всѣ этическія понятія и поступки надо разсматривать съ генетической точки зрѣнія. Понятіе о нравственности возникло лишь постепенно и авторъ стремится доказать, что понятія эти составляють продуктъ наслѣдственности и эволюціи въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Каждый, кто занимается вопросами этики, долженъ прочесть эту книгу съ большимъ интересомъ. (Frankfurter Zeitung).

«*Die Ethischen Grundfragen von Theodor Lipps. Hamburg und Leipzig. Leopold Voss. (Основные вопросы этики)*. Въ книгѣ заключается десять лекцій, прочитанныхъ авторомъ по предложенію ферейна высшихъ народныхъ школъ. Авторъ излагаетъ тѣ великіе принципы, благодаря которымъ человечество должно сдѣлаться болѣе гуманнымъ, добрымъ и великодушнымъ, и призываетъ къ покровительству всему великому, доброму и свободному.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Frauen in der Geschichte des deutschen Geisteslebens des 18 und 19 Jahrhunderts. Erstes Buch. Dr. Adalbert v. Haunstein. Leipzig (Freund und Wittig) 1899. (Женщины въ исторіи немецкой умственной жизни XVIII и XIX вѣка)*. Чрезвычайно интерес-

ное и основательное изслѣдованіе той роли которую играла женщина въ исторіи развитія культуры въ Германіи. Авторъ обнаруживаетъ очень большую эрудицію и знаніе источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и доказываетъ, что ученые женщины въ Германіи не составляютъ нововведенія, относящагося ко второй половинѣ XIX вѣка и стремленіе къ высшему образованію существовало у женщинъ еще въ XVIII вѣкѣ. Но стремленія эти не получали законнаго удовлетворенія и женщины должны были собственными силами просивать себѣ дорогу. Авторъ начинаетъ свой трудъ съ изложенія взглядовъ Фенелона на воспитаніе дочерей; потомъ онъ рисуетъ картину рижскихъ женщинъ и нѣмецкихъ ученыхъ женщинъ временъ реформациі. Очень интересны главы, въ которыхъ разсказывается борьба въ пользу женскаго образованія и описываются различные дѣятели, прославившіеся въ этой борьбѣ. Это серьезное изслѣдованіе, относящееся къ исторіи женскаго вопроса въ Германіи, составляетъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ литературу женскаго движенія.

(Frankfurter Zeitung).

«*Légendes et archives de la Bastille par Fr. Funck Brentano Avec une préface de M. Victorien Sardou. Paris (Librairie Hachette et Co). (Легенды и архивы Бастилии)*. Авторъ даетъ исторически вѣрное изображеніе государственной тюрьмы, съ имеемъ которой связано столько мрачныхъ легендъ и воспоминаній, изображающихъ ее какъ мѣсто безконечныхъ страданій и отчаянія, настоящій «садъ живыхъ» (l'enfer des vivants). Однако, авторъ, на основаніи своихъ тщательныхъ историческихъ изслѣдованій, приходитъ къ заключенію, что Бастилія была все-таки лучше своей репутаціи и въ XVIII вѣкѣ, содержащихся въ ней писатели, не могли пожаловаться на обращеніе съ ними. По мнѣнію автора, нашъ просвѣщенный вѣкъ отсталъ отъ XIX вѣка въ этомъ отношеніи и въ настоящее время писателямъ, попадающимъ въ современныя тюрьмы за слишкомъ смѣлыми рѣчи, приходится испытывать

гораздо больше лишений. Авторъ рассказываетъ о разныхъ знаменитыхъ заключенныхъ Бастильи и, между прочимъ, о знаменитой «Желѣзной маскѣ»; впрочемъ маска, которую носилъ этотъ заключенный, была не желѣзная, а изъ чернаго бархата. Авторъ разрушаетъ многія легенды и относитъ ореолъ у нѣкоторыхъ «мучениковъ Бастильи», но зато даетъ читателямъ громадный исторический материалъ, благодаря которому они получаютъ болѣе правильное понятіе о томъ, что такое была Бастилья въ XVIII в. (Journal des Débats).

«Kreta in Vergangenheit und Gegenwart» *geschildert von H. Botiner. Mit 30 Illustrationen. Leipzig. (Woert's Reisebüches Verlag).* (Критъ въ прошломъ и настоящемъ). Островъ Критъ настолько интересуетъ теперь европейскую публику, что появленіе книги, дающей въ краткомъ изложеніи исторію острова и знакомящей читателей съ его прошлымъ и настоящимъ, надо признать вполне своевременнымъ. Симпатія автора, повидимому, находится не на сторонѣ критянъ, но онъ старается быть безпристрастнымъ и поэтому книга его производитъ хорошее впечатлѣніе. Превосходнымъ дополненіемъ къ тексту служатъ иллюстраціи, слѣданныя съ фотографій, снятыхъ на мѣстѣ.

(Litterarische Echo).

«La psychologie du Socialisme» *par Dr. Gustav Le Bon (Felix Alcan).* (Психологія социализма). Авторъ проводитъ въ этомъ своемъ произведеніи ту же мысль, что и въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ и доказываетъ «неравенство» человѣческихъ расъ. Люди созданы вовсе не изъ одной и той же глины и поэтому неравенство социальныхъ условій составляетъ естественную необходимость. Отсюда слѣдуетъ, что социалисты, добивающіеся нивелировки, уравненія и всеобщей справедливости, стремятся къ невозможному уже вслѣдствіе самой природы вещей. Такова основная мысль автора. Кромѣ того, онъ доказываетъ, что борьба классовъ не только необходима, но должна становиться все болѣе и болѣе жестокой. Спасеніе онъ видитъ въ сильномъ правительствѣ и профессиональной арміи.

(Revue des Revues).

«Flash Lights on Nature» *by Grant Allen; with 150 illustrations (George Newnes).* (Блѣкль взглядъ на природу). Какъ и всѣ книги Грентъ Аллена, эти очерки природы написаны очень живо и интересно и снабжены превосходными иллюстраціями. Каждая глава представляетъ совершенно отлѣбный очеркъ и заключаетъ въ себѣ или жизнеописаніе какого-нибудь насѣкомаго, растенія или описаніе какого-нибудь явленія природы. Названія главъ также занимательны, какъ и содержаніе и книга Грентъ Аллена увлекаетъ читателя, не только такого, который любитъ природу и способенъ увлекаться ея красотами, но пробуждаетъ интересъ къ природѣ и въ такихъ читате-

ляхъ, которые до этого времени проходили равнодушно мимо многихъ ея явленій.

(Literary World).

«Recent Advances in Astronomy» *by Doctor Alfred H. Fison (Blackie and Sons).* (Новѣйшіе успѣхи астрономіи). Интересная маленькая книжка, въ шести главахъ которой авторъ сообщаетъ всѣ послѣднія новости изъ міра звѣздъ. Въ главѣ «Жизнь звѣзды» авторъ очень увлекательно рассказываетъ происхожденіе и вѣроятную судьбу такъ-называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ. Глава «Млечный путь и распредѣленіе звѣздъ» знакомитъ читателей со всѣми новѣйшими открытіями въ этой области и съ разными гипотезами, посредствомъ которыхъ старались объяснить эти чудныя явленія на ночномъ небѣ. Но самую интересною главой, безспорно, слѣдуетъ считать ту, въ которой авторъ знакомитъ читателей со всѣми открытіями и гипотезами, касающимися Марса. Въ высшей степени интересны также взгляды самого автора на эту планету. Авторъ увѣренъ, что Марсъ имѣетъ арктический климатъ и что еслибъ мы переселились туда, то нашли бы бесплодную пустыню и напрасно старались бы смягчить рѣзкій холодъ, господствующій въ этой негостеприимной области. (Literary World).

«Outlines of the Earth's History» *by Nathaniel Southgate Shaler, prof. of Geology at Harvard. London. (Heinemann).* (Очерки исторіи земли). Въ высшей степени популярно написанная книга, очень занимательная и приспособленная для такого круга читателей, которые имѣютъ лишь весьма поверхностныя элементарныя познанія по физіографіи, но желали бы расширить ихъ. Особенно интересны главы, въ которыхъ авторъ рассказываетъ о ледникахъ и знакомитъ читателей съ ихъ теоріей, а также съ дѣятельностью подземныхъ водъ.

(Literary World).

«The Philippine Islands and the People» *A Record of personal observation and Experiences with a Short Summary of the more important Facts in the History of the Archipelago by Dean C. Worcester. (Macmillan Company). New-York. (Филиппинскіе острова и населеніе ихъ).* Профессоръ Уорчестеръ изъ мичиганскаго университета, провелъ одиннадцать мѣсяцевъ на Филиппинскихъ островахъ и сообщаетъ въ своей книгѣ результаты своего пребыванія въ этомъ архипелагѣ и своего знакомства съ его населеніемъ и климатомъ. Авторъ насчитываетъ около пяти миллионъ цивилизованныхъ туземцевъ на Филиппинахъ, принадлежащихъ къ тремъ главнымъ племенамъ архипелага. Но, кромѣ нихъ, въ лѣсахъ и горахъ водятся совершенно дикія племена, стояція на очень низкой ступени развитія. Авторъ описываетъ нравы и обычай разныхъ племенъ, съ которыми ему пришлось познакомиться болѣе или мене близко во время своего пребыванія на островахъ. (Bookseller).

L'idéalisme social, par E. Fournière. (Félix Alcan). (Соціальный идеализмъ). Книга, проникнутая горячимъ чувствомъ любви къ человечеству и сочувствіемъ къ тѣмъ, кто страдает. Авторъ хорошо понимаетъ всю сложность социальнаго вопроса и социальныхъ страданій и не предлагаетъ никакой идеальной социальной схемы, ограничиваясь лишь указаніями на то, къ чему должно стремиться человечество. «Идеялизмъ дѣлаетъ необходимой эволюцію», говоритъ онъ, и, развивая свою идею, доказываетъ необходимость утопій въ социальной эволюціи. Далѣе авторъ говоритъ о социологической недостаточности политической экономіи, о коллективизмѣ и въ заключеніе рисуетъ идеальную семью въ «идеальное государство», высказывая твердое убѣжденіе, что придетъ время, когда эти мечты станутъ дѣйствительностью.

(Revue internationale).

«La famille dans les différentes sociétés» par C. N. Starcke (V. Giard et E. Brière). (Семья въ различныхъ обществахъ). Авторъ рассматриваетъ семью и ея будущее съ точки зрѣнія исключительно нравственной и философской и въ особенности посвящаетъ свое вниманіе тѣмъ различіямъ, которыя обнаруживаются въ этомъ отношеніи въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Онъ различаетъ двѣ большія группы народовъ; къ одной принадлежатъ тѣ народы, у которыхъ преобладаетъ индивидуализмъ, къ другой — тѣ, у которыхъ идея единства семьи преобладаетъ надъ инди-

видуальнымъ правомъ каждого изъ ея членовъ. Въ латинскихъ семьяхъ, напримѣръ, права жены и дѣтей исчезаютъ передъ авторитетомъ и индивидуальностью отца и мужа. Не смотря на нѣкоторые предвзятые взгляды автора, въ книгѣ его заключается чрезвычайно много интересныхъ данныхъ, касающихся положенія семьи въ современномъ обществѣ и взаимныхъ отношеній ея членовъ.

(Revue internationale).

«A History of European Thought in the Nineteenth Century» by J. Th. Merz. London. (Blackwood). (Исторія европейской мысли въ XIX вѣкѣ). Девятнадцатый вѣкъ приходитъ къ концу и хотя дѣленіе на вѣка совершенно произвольно, но тѣмъ не менѣе принято думать, что каждый періодъ въ сто лѣтъ имѣетъ свои характерныя черты и свои особенности. Авторъ пробуетъ охарактеризовать кончающійся вѣкъ, но избираетъ для этого не строго научную, а философскую точку зрѣнія и, становясь на эту точку зрѣнія, рассматриваетъ, главнымъ образомъ, идеи, преобладающія въ XIX вѣкѣ. Въ первой части книги онъ рассматриваетъ научныя успѣхи, затѣмъ переходитъ къ общей эволюціи идей, останавливаясь преимущественно не на развитіи національной идеи, а на научныхъ идеяхъ, выработанныхъ учеными всѣхъ странъ. Авторъ старается дать въ своей книгѣ возможно болѣе полный очеркъ исторіи цивилизаціи XIX вѣка и достигаетъ своей цѣли.

(Revue scientifique).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ VIII-й.

№ 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А П Р Ъ Л Ъ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1899.

Доволѣно цензурою 26-го марта 1899. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. СУЩНОСТЬ СОЦІАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ СТРАНАХЪ. Проф. Н. Райхесберга.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОДА КЪ МОЛОДОСТИ. (Изъ А. Мицкевича). А. Колтановскаго.	16
3. БЕЗЪ РОДУ-ПЛЕМЕНИ. Изъ повѣсти о современныхъ людяхъ. Ив. Бунина.	19
4. АРНОЛЬДЪ БЕКЛИНЪ. (Критическій очеркъ). Сергѣя Маковскаго.	34
5. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. Р. Виппера. (Продолженіе).	53
6. ВУЛКАНЫ НА ЗЕМЛѢ И ВУЛКАНИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ВО ВСЕЛЕННОЙ. Проф. А. П. Павлова. (Окончаніе)	82
7. ТЕХНИЧЕСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ КОНЦА XIX В. Б. Воль—на.	104
8. СТИХОТВОРЕНІЯ. Сергѣя Маковскаго.	120
9. СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трэверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Продолженіе)	123
10. РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА. Переводъ съ англійскаго. Л. Давыдовой.	161
11. КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). Н. Гарина. (Продолженіе)	173
12. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). К. Станюковича.	206
13. СТИХОТВОРЕНІЯ. Allegro	234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова, «Сумерки просвѣщенія», В. В. Розанова.—Характеристика этихъ проповѣдниковъ любви и просвѣщенія.—Отсутствіе любви въ проповѣди г. Меньшикова.—Изувѣрство г. Розанова и проповѣдуемая имъ полная тьма вмѣсто сумерекъ.—Изъ текущей беллетристики: «Кирилка», «Тома Гордѣевъ», г. Горькаго; «Смиранные», В. Короленко. А. Б.	1
15. ОТРАЖЕНІЕ СЕМЕЙНАГО БЫТА И ПРАВОВЪ ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВЕЛИКОРУССОВЪ. (Замѣтка). Н. Демидова	19

	стр.
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодающихъ губерній.—Санитарное состояніе фабрикъ въ Московской губерніи.—Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи.—Земскій органъ.—Духоборы за границей	27
17. За границей. Дѣтскій рабочій вопросъ въ Англіи.—Коллегія Рескина для рабочихъ.—Политическіе клубы въ Англіи.—Промышленная дѣятельность женщинъ въ Англіи.—Профессоръ Адольфъ Вагнеръ о женскомъ вопросѣ и отношеніе германскихъ студентовъ къ этому вопросу.—Общество народныхъ университетовъ въ Парижѣ.—Бостонъ и его значеніе, какъ умственного центра въ Америкѣ.—Будущій конгрессъ исторіи религій.—«Великій авантюристъ» и его идея транс-африканской желѣзной дороги.—Самая маленькая республика на свѣтѣ.	39
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues».—«Revue des Paris».—«Review of Reviews».	51
19. ДОМАШНІЙ БЫТЪ АМЕРИКАНСКАГО РАБОЧАГО. Л. Манухиной	55
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Біологія. 1) Парабіозъ у муравьевъ. 2) Запахъ земли.—Зоологія. 1) Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ. 2) Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.—Ботаника. Новое приженіе кактуса.—Агрономія. Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлю кротомъ.—Медицина и гигиена. 1) Шестидневная велосипедная гонка. 2) Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишней искусственной вентиляціи. 3) Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ. Н. М.	62
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Антропология.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	68
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Schicksalsmensch. По поводу «Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck». Stuttgart 1898. Ив. Иванова.	90
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	112

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ Шумахера. Переводъ съ нѣмецкаго З. А. Венгеровой. (Продолженіе).	81
25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный Морицомъ Вильномомъ, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Могилянскаго и Д. Н. Нелюбова. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе).	97

Сущность социальнаго вопроса въ западно-европейскихъ странахъ.

Если различные историческіе періоды можно характеризовать по фактамъ и явленіямъ, наиболѣе замѣчательнымъ въ ихъ духовной и матеріальной жизни, то, современная историческая эпоха, и въ особенности текущее столѣтіе вполне заслуживаетъ названія эпохи социальныхъ движеній. Не то, чтобы въ прошлыя столѣтія,—столѣтія, когда религиозные или политическіе интересы приводили въ движеніе всѣ классы народа, когда давались кровавыя битвы *ad majorem Dei gloriam*, или когда народныя массы поднимались съ тѣмъ, чтобы свергнуть иго деспотизма,—соціальныя моменты вполне отсутствовали. Въ нихъ не было недостатка ни въ пору религиозныхъ, ни въ пору политическихъ движеній; напротивъ, въ настоящее время мы положительно знаемъ, что во всѣхъ этихъ движеніяхъ духовнаго или матеріальнаго характера немалую роль играли и социальныя причины, которыя по временамъ имѣли даже рѣшающее вліяніе на ихъ направленіе и исходъ. Но характернымъ признакомъ, отличающимъ наше столѣтіе отъ прошлыхъ и налагающимъ на него особый отпечатокъ, служитъ то явленіе, что въ наше время *соціальныя* интересы фактически взяли верхъ надъ всѣми остальными и что, далѣе, пониманіе фундаментальной важности этихъ интересовъ для человѣческой жизни достигло всеобщаго сознанія.

Если въ прошедшія времена социальныя бѣдствія и угнетенія иногда и вызывали сильныя движенія и потрясающіе взрывы, то явленія эти, единичныя и разрозненныя, во-первыхъ, не были въ состояніи измѣнить общій характеръ даннаго времени; во-вторыхъ, они съ самаго начала принимали такую форму, что должны были современникамъ казаться исключительно выраженіемъ религиознаго или политическаго духа. Не смотря на ужасныя условія жизни въ некоторыхъ слоевъ населенія въ былыя времена, въ народномъ сознаніи рѣдко зарождалось сомнѣніе въ справедливости и полезности существующаго порядка вещей. Цѣлые вѣка проходили въ спорахъ по поводу религиозныхъ и политическихъ вопросовъ, социальныя же проблемы возникали въ народномъ сознаніи только въ исключительныхъ случаяхъ, да и тогда онѣ весьма рѣдко приводили къ болѣе или менѣе значительному результату.

Зато нашему вѣку пришлось быть свидѣтелемъ зарожденія социальнаго движенія, которое вскорѣ мощно и неудержимо распространилось

по всему цивилизованному міру. Движеніе это не случайное; носители его не блуждаютъ въ потьмахъ, а твердо и настойчиво преслѣдуютъ свою цѣль, намѣченную ходомъ исторіи.

Это могучее, какъ бы стихійное движеніе, которое, отодвинувъ все остальное на задній планъ, всецѣло завладѣло въ наше время общественнымъ вниманіемъ, является мыслителю, умѣющему судить о явленіяхъ по ихъ внутреннему достоинству и содержанию, — ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ человѣческаго духа найти удовлетворительное рѣшеніе вопроса, поставленнаго на очередь развитіемъ современной культуры, — вопроса, окончательное рѣшеніе котораго было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ всего движенія. Это — такъ называемый *соціальный вопросъ*, который, какъ извѣстно, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, занявъ среди всѣхъ другихъ вопросовъ, волнующихъ общество, самое выдающееся мѣсто, удерживаетъ его за собою и до сихъ поръ. Чтобы правильно понять соціальные движенія настоящаго столѣтія и имѣть возможность вѣрно судить объ ихъ значеніи для современной культуры, необходимо уяснить себѣ происхожденіе соціального вопроса настоящаго времени и его сущность.

Еще недавно, правда, нѣкоторыми учеными существованіе соціального вопроса вообще отрицалось. Извѣстно, что представители большой политико-экономической школы, такъ называемой манчестерской, которая еще до конца семидесятыхъ годовъ чуть ли не господствовала на университетскихъ кафедрахъ и парламентскихъ трибунахъ, въ чисто научной литературѣ, какъ и въ періодической печати, высказывали и защищали мысль, что безпокоющій нѣкоторыхъ соціальный вопросъ является ничѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ болѣзненной фантазіи которая въ лучшемъ случаѣ основана на совершенно неправильномъ пониманіи общественныхъ и экономическихъ условій. Однако, наукѣ пришлось, главнымъ образомъ въ виду появленія нѣкоторыхъ тревожныхъ явленій общественной жизни, мало-по-малу отказаться отъ своего отрицательнаго отношенія къ соціальному вопросу; ученые нашли себя вынужденными заняться ближе этимъ вопросомъ, который, не смотря на продолжительное отрицаніе его существованія, сталъ подъ конецъ принимать подозрительный и угрожающій характеръ.

И вотъ, въ настоящее время произошла полнѣйшая перемѣна въ отношеніи научно-образовательныхъ круговъ къ соціальному вопросу, до того, что можно прямо сказать, образованные слои общества приняли въ данномъ случаѣ діаметрально противоположную точку зрѣнія. Въ то время, какъ раньше не считалось даже стоящимъ труда присматриваться ближе къ требованіямъ и жалобамъ представителей обездоленныхъ классовъ, въ то время, какъ раньше проекты реформъ, предложенные послѣдними, въ лучшемъ случаѣ считались «химерами», при чемъ, конечно, имъ не придавалось никакого серьезнаго значенія, — въ настоящее время вся политическая литература самымъ вниматель-

нымъ образомъ занимается этими, раньше столь пренебрегаемыми воззрѣніями и идеями, и не мало примѣровъ, гдѣ даже личности, которыхъ трудно заподозрить въ неприязненности къ существующему общественному строю, указываютъ на соціальный вопросъ какъ на главную и самую важную задачу текущей эпохи. Если мы станемъ доискиваться причины происшедшей въ отношеніи къ интересующему насъ вопросу перемѣны, то окажется, что ее во всякомъ случаѣ нельзя видѣть, какъ многіе полагаютъ, въ увеличеніи нужды простого населенія, каковое обстоятельство, будто бы, привлекло на себя вниманіе имущихъ классовъ общества. На быстрый ростъ нищеты населенія многіе друзья народа не разъ указывали еще въ началѣ этого столѣтія, не достигнувъ однако этимъ никакихъ серьезныхъ результатовъ въ смыслѣ измѣненія или улучшенія судьбы страждущихъ слоевъ общества. Самостоятельный и сознательный протестъ рабочаго населенія, предъявившаго государству и обществу ясно сформулированныя требованія,—требованія, которыя другими классами общества хотя и считаются, по меньшей мѣрѣ, не вполне справедливыми, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, въ виду рѣшительности и настойчивости, съ которой они были поставлены рабочимъ классомъ, нельзя и не должно было игнорировать далѣе—вотъ что явилось единственнымъ толчкомъ къ тому, чтобы сдѣлать соціальный вопросъ вопросомъ первой важности; это же обстоятельство не позволяетъ снять интересующій насъ вопросъ съ очереди раньше, чѣмъ онъ не будетъ окончательно рѣшенъ въ удовлетворительномъ для рабочаго класса смыслѣ.

Что же такое соціальный вопросъ? Какъ можно формулировать проблему, составляющую его содержаніе? Различныя отвѣты давались на эти вопросы; но, присматриваясь къ нимъ ближе, находимъ, что формулировка ихъ почти всегда въ значительной степени обуславливалась принадлежностью отвѣчающаго къ той или иной политической партіи. И не только сами отвѣты получали такимъ образомъ большею частью тенденціозную окраску; довольно часто даже и характеристика причины появленія соціальнаго вопроса, точно также какъ и условій его дальнѣйшаго существованія, оказывались подъ влияніемъ партійной точки зрѣнія, не совсѣмъ-таки объективной.

Мы слишкомъ далеко вышли бы изъ предѣловъ этой статьи, если бы вздумали перечислить всѣ существующія относительно соціальнаго вопроса воззрѣнія. Точно также мы не считаемъ умѣстнымъ подвергнуть здѣсь критикѣ хотя бы и главнѣйшія изъ этихъ воззрѣній. Наша задача заключается въ томъ, чтобы изложить и разобрать тотъ взглядъ на соціальный вопросъ, который намъ съ чисто-научной точки зрѣнія кажется единственно правильнымъ; при чемъ можно будетъ убѣдиться, что этотъ взглядъ на соціальный вопросъ стоитъ рѣшительно *выше* всякихъ временныхъ партійныхъ точекъ зрѣнія, и намъ кажется, что онъ болѣе всего другого способенъ служить надежной руководящей

нитью всѣмъ заботящимся о народномъ благѣ, лучшей исходной точкой для здороваго соціального законодательства и лучшей народной политики.

При всемъ разнообразіи мнѣній, господствующихъ относительно соціального вопроса, можно, однако, констатировать одно: когда говорятъ о соціальномъ вопросѣ всегда имѣютъ въ виду тѣ болѣзненные, нездоровыя состоянія общественнаго организма, которыя развились съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ условій и выступили на свѣтъ съ большей или меньшей рѣзкостью,—состоянія, удаленіе которыхъ считается вещь весьма необходимой. Относительно самаго характера этихъ состояній мнѣнія естественно, большею частью, рѣшительно расходятся. Одни полагаютъ, что въ распредѣленіи народнаго богатства не совсѣмъ все обстоитъ въ порядкѣ, въ виду того, что богатые становятся все богаче, бѣдные же—все бѣднѣе, при чемъ послѣдніе не имѣютъ ни малѣйшаго вида на улучшеніе своего положенія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Другіе не находятъ ничего неестественнаго въ указанномъ сейчасъ несоотвѣтствіи, ссылаясь на исторію, которая насъ, будто бы, учитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ «созданъ міръ», существовали богатые и бѣдные, изъ чего, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ, что это законъ природы, измѣненіе котораго лежитъ внѣ человѣческой власти. Но зато, по ихъ мнѣнію, надо видѣть неоспоримое соціальное зло въ томъ, что принадлежащихъ къ болѣе бѣднымъ классамъ не удалось, не смотря на ихъ бѣдность, никакими проповѣдями о нравственности заставить отказаться отъ вступленія въ бракъ и произведенія на свѣтъ дѣтей, которыхъ они, конечно, не въ состояніи пропитать. Представители подобнаго возрѣвія склонны видѣть болѣзненное состояніе, устраненіе котораго имъ является желательнымъ, въ мнимомъ перенаселеніи, въ слишкомъ большомъ числѣ членовъ низшихъ классовъ города. Далѣе, другіе считаютъ экономическіе кризисы, повторяющіеся въ послѣднія десятилѣтія съ поразительной правильностью, единственно значительной болѣзнью, и все ихъ стараніе направлено на то, чтобы отыскать средства и пути если и не для совершеннаго искорененія этого зла, то, по крайней мѣрѣ, для ослабленія его опустошительнаго дѣйствія. Нѣкоторые, наконецъ, полагаютъ, что основную причину явленій, вызывающихъ недовольство существующимъ и опасеніе за дальнѣйшее мирное развитіе слѣдуетъ видѣть въ потрясеніи прочнаго и солиднаго положенія такъ называемаго средняго класса. И такъ далѣе. Словомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ о явленіяхъ и предметахъ, касающихся большей или меньшей степени жизни общества, о состояніяхъ, устраненіе которыхъ, повидимому, зависитъ не просто отъ примѣненія одной какой-либо законодательной или административной мѣры, а напротивъ, требуетъ болѣе или менѣе основательнаго измѣненія условій существованія тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ

виду, что здѣсь главнымъ образомъ рѣчь идетъ не о чисто политическихъ или чисто экономическихъ условіяхъ въ отдѣльности. Съ социальнымъ вопросомъ связано представленіе о самыхъ основахъ общественнаго строя, и это представленіе существуетъ при всевозможныхъ родахъ пониманія даннаго вопроса, если оно часто, можетъ быть, и не приходитъ въ ясное сознаніе представителей тѣхъ или другихъ возрѣвій. Потому можно съ полнымъ правомъ утверждать, что всякій, разсуждающій о социальномъ вопросѣ и признающій за нимъ право на существованіе, этимъ самымъ признаетъ, что существующій общественный строй не удовлетворителенъ, не совершененъ и нуждается въ преобразованіи.

Не трудно, однако, замѣтить, что въ этомъ общемъ опредѣленіи социальнаго вопроса еще не видно того, что именно дѣлаетъ его, употребляя выраженіе нѣкоторыхъ писателей, главнѣйшей проблемой нашего столѣтія. Вѣдь, насколько насъ учитъ исторія, никогда не бывало недостатка въ мыслителяхъ и дѣятеляхъ, относившихся отрицательно ко многому въ современной имъ общественной жизни, и раньше социальныя неурядицы и бѣдствія, которыхъ и въ прошедшія времена было не мало, иногда складывались въ сознаніи современниковъ въ социальныя проблемы. Слѣдовательно, и тѣ эпохи, и историческіе періоды точно также имѣли свои социальныя вопросы въ выше охарактеризованномъ общемъ смыслѣ, а именно достольку, поскольку упомянутые недостатки общественной жизни достигали до сознанія современниковъ и вызывали въ послѣднихъ желаніе по возможности ихъ устранить. Для пониманія особаго характера социальнаго движенія настоящаго времени это общее опредѣленіе поэтому является недостаточнымъ. Опредѣливъ формулу социальнаго вопроса вообще, остается еще установить *особое* содержаніе, *особую* сущность социальнаго вопроса настоящаго времени, и затѣмъ указать, какія условія способствовали развитію социальнаго вопроса въ этой особой формѣ и что поддерживаетъ его существованіе.

Знать это для каждаго образованнаго человѣка не только интересно, но прямо необходимо! Ибо миноваю то время, когда можно было стоять въ сторонѣ отъ общественной жизни и жить исключительно своими личными интересами. Въ наше время отдѣльная личность находится въ слишкомъ большой зависимости какъ своей духовной, такъ и матеріальной жизнью, да и вообще всеѣмъ своимъ состояніемъ отъ общаго состоянія общества, чтобы быть въ состояніи по собственному усмотрѣнію, безъ дальнѣйшаго отказываться отъ занимаемыхъ ею въ обществѣ социальныхъ и другихъ положеній. А если, не смотря на эту зависимость, тому или другому и удастся, благодаря мнимо счастливому стеченію обстоятельствъ, получить возможность смотрѣть на себя, какъ на человѣка, котораго свирѣпствующая нынѣ классовая борьба лично не обходитъ, то этотъ баловень судьбы все же ни въ какомъ случаѣ

не имѣтъ права надменно отвернуться отъ борющихся, если не хочеть стать моральнымъ соучастникомъ въ приношеніи безчисленныхъ жертвъ челоуѣческаго счастья и гибели множества челоуѣческихъ жизней. Въ виду взаимнаго ожесточенія, вызваннаго обнаружившейся повсюду въ общественной жизни борьбою интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, является прямою нравственною обязанностью каждаго образованнаго и честнаго челоуѣка оставаться на своемъ посту, съ тѣмъ, чтобы насколько возможно способствовать мирному рѣшенію трудной соціальной проблемы съ цѣлью приблизить торжество добра и справедливости. Но для этого прежде всего необходимо, какъ было сказано выше, ясное и свободное отъ предрасудковъ повиманіе обшихъ условий, для этого необходимо умѣніе возможно свободно ориентироваться въ тѣхъ вещахъ, которыя составляютъ сущность и содержаніе соціального вопроса настоящаго времени.

Я выше указалъ, что соціальный вопросъ или, если угодно, соціальныя вопросы всегда появляются тогда и тамъ, когда и гдѣ оказались недостатки въ общественной жизни, которые, какъ таковыя, достигли до сознанія общества и вызвали въ послѣднемъ желаніе устранить созданное зло. Очевидно, что какое-нибудь явленіе или состояніе можетъ казаться зломъ только въ томъ случаѣ, если оно въ сравненіи съ существующимъ или вновь появившимся соотвѣтственнымъ представленіемъ или идеаломъ окажется неудовлетворительнымъ, если, другими словами, получается противорѣчіе между существующею дѣйствительностью и тѣмъ, что признается хорошимъ, желательнымъ, достойнымъ. Если порождается новая соціальная проблема, новый соціальный вопросъ, то заранѣе можно быть увѣреннымъ, что между дѣйствительнымъ состояніемъ общества съ одной стороны и идеальнымъ и нравственнымъ представленіемъ народа съ другой образовалась болѣе или менѣе широкая пропасть, при чемъ, все равно, явилась ли она вслѣдствіе абсолютнаго ухудшенія соціальныхъ условий, или вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ народа. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ создается дисгармонія въ общественной жизни, болѣе или менѣе рѣзкая, смотря по тому, насколько велика или мала вышеупомянутая пропасть.

Сообразно съ этимъ и соціальный вопросъ настоящаго времени основанъ на противорѣчій, которое мало-по-малу сложилось подъ влияніемъ естественнаго хода событій, противорѣчій, выступившихъ въ настоящее время на поверхность съ особенной яркостью. Чтобы выяснить себѣ характеръ этого противорѣчія, необходимо изслѣдовать состояніе современнаго общества въ томъ отношеніи, поскольку оно не соотвѣтствуетъ общераспространеннымъ и общепризнаннымъ воззрѣніямъ и идеаламъ. Такимъ путемъ становишься на совершенно объективную почву, на которой изслѣдованіе не можетъ быть отклонено влияніемъ односторонней партійной точки зрѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону.

На этой почвѣ слово принадлежитъ исключительно свободной отъ предразсудковъ наукѣ, которая не имѣетъ обыкновенія считаться съ тѣмъ, пріятны или непріятны кому-либо выводы, къ которымъ она пришла.

Колебелю современного общественнаго строя являются всемірно-историческія событія послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Съ одной стороны, идеи великой французской революціи господствуютъ еще до нашихъ дней надъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ развитіемъ цивилизованнаго человѣчества, весьма сильно вліяя на его политическую и правовую жизнь. Съ другой стороны, повсемѣстное введеніе машины совершенно измѣнило родъ производства, и такимъ образомъ вызвало къ жизни соціальныя движенія и комбинаціи, никогда раньше не существовавшія.

Разсмотримъ ближе эти, такъ сильно измѣнившія ходъ развитія цивилизованнаго общества, событія. Обратимся сперва къ характеристикѣ тѣхъ принциповъ и воззрѣній, которые проявились во французской революціи и которые играли въ ней выдающуюся роль.

Главной характерной чертой дореволюціоннаго общества неоспоримо является дѣленіе населенія на сословія, которое и отражалось во всѣхъ проявленіяхъ и формахъ политической и экономической жизни. Дворянство и духовенство съ одной стороны, всѣ остальные граждане въ видѣ третьяго сословія—съ другой, стояли враждебно другъ противъ друга, причѣмъ первымъ удалось путемъ различнаго рода привилегій захватить всю государственную власть, а съ нею и всѣ доставляемыя ею права и преимущества въ свои руки, и такимъ образомъ подчинить себѣ все третье сословіе, весь народъ. Не личному достоинству, не личнымъ способностямъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ этомъ обществѣ; происхожденіе, простой фактъ принадлежности къ извѣстному сословію съ самаго начала и разъ навсегда рѣшающе вліялъ на дальнѣйшую судьбу cadaго отдѣльнаго человѣка. Дворяне и духовенство не только предъявляли претензіи на наилучшія блага и выгоды, доставляемыя государствомъ, но и не преминули свалить всѣ требуемыя этимъ же государствомъ повинности и службы на непривилегированныя сословія. По возможности освобождая себя отъ всякихъ податей и обязанностей, отъ всякихъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ къ своимъ гражданамъ, они не переставали эксплуатировать государственную власть во всѣхъ мыслимыхъ отношеніяхъ въ свою пользу. Тяжела была судьба простого гражданина, но еще тяжелѣе становилась она отъ того, что и хозяйственная дѣятельность его была вполне предоставлена произволу власти имущихъ. И въ этой послѣдней области простой гражданинъ не смѣлъ дѣйствовать свободно. Связанный безчисленными предписаніями и регламентами, духъ предприимчивости едва могъ проявляться; всѣ принуждены были оставаться при устарѣлыхъ, отжившихъ формахъ производства, измѣнять которыхъ никто не смѣлъ подъ угрозой строжайшихъ наказаній. Такъ страдалъ народъ подъ

гнетомъ, который наложили на него королевская власть и привилегированныя сословія, страдалъ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ, когда такое положеніе вещей должно показаться невыносимымъ. Тогда явилось стремленіе узнать, не существуетъ ли выхода изъ этого печальнаго состоянія, а если существуетъ, то не будетъ ли онъ больше соответствовать требованіямъ права и справедливости. И дѣйствительно, вскорѣ нашлись личности, которыя съумѣли дать подходящее выраженіе этому народному стремленію и направить его въ опредѣленную сторону.

Уже давно указывалось проникательными людьми на одно психологическое явленіе чрезвычайно замѣчательнаго свойства: человѣкъ только тогда начинаетъ возставать противъ притѣсненія, только тогда старается свергнуть гнетъ, когда приходитъ къ убѣжденію, что все это несправедливо, что, другими словами, причиняемое ему зло не соответствуетъ праву и справедливости. Пока онъ къ этому убѣжденію не пришелъ, онъ, какъ бы его ни угнетали, какъ бы скверно съ нимъ ни обращались, какъ бы ни эксплуатировали, ничего лучшаго не находитъ, какъ только развѣ проклинать свою судьбу и отчаиваться въ себѣ самомъ и въ своихъ силахъ. Эта черта человѣческаго характера свойственна и народному характеру. И народъ обыкновенно подчиняется обычнымъ условіямъ, какъ бы невыносимы они ни были, до тѣхъ поръ, пока у него не является сомнѣнія въ ихъ справедливости. Но разъ такое сомнѣніе пробудилось, существующее неминуемо обречено на гибель, и удаленіе или измѣненіе его является только вопросомъ времени.

Охарактеризованныя выше соціальныя условія дореволюціоннаго общества постепенно сложились подъ вліяніемъ предшествовавшихъ историческихъ событій и продолжали свое дальнѣйшее существованіе на основаніи историческаго права. Вслѣдствіе этого основы, на которыя опиралось это общество, должны были пошатнуться, когда противъ дѣйствующаго права выступило другое, болѣе высокое право, достаточно сильное для того, чтобы выбить изъ позиціи представителей и защитниковъ перваго. Это высшее право народное сознаніе увидѣло въ такъ называемомъ *естественномъ правѣ*, которое оно и противопоставило во всѣхъ областяхъ жизни господствующему *историческому праву*. Естественное право стало народнымъ девизомъ и съ нимъ друзья народа выступили въ борьбу противъ узкихъ, отжившихъ государственныхъ и общественныхъ формъ, въ которыя была втиснута народная жизнь; и дѣйствительно, этому естественному праву обязаны не въ малой степени достигнутымъ впоследствии народными борцами успѣхомъ.

Основнымъ принципомъ естественнаго права, какъ оно тогда понималось, является признаніе за человѣческой личностью особыхъ неотъемлемыхъ правъ и уваженіе ея достоинства. Люди надѣлены, по мнѣнію представителей естественнаго права, самой природой равными правами, и ни одинъ человѣкъ отъ природы ни въ чемъ не превосходитъ

другого. Уже Гоббесъ высказываетъ мнѣніе, что всѣ люди равны, такъ какъ по природѣ своей никто не можетъ имѣть больше правъ, нежели другіе, никто больше обязанностей, никто больше преимуществъ. По мнѣнію натурфилософовъ, подобное состояніе, при которомъ фактически господствовало равенство всѣхъ, вѣкогда дѣйствительно существовало; только по выходѣ изъ этого состоянія, утверждаютъ они, положеніе вещей начало мѣняться. На вопросъ, какія обстоятельства послужили причиной къ тому, чтобы человѣчество выпало изъ своего естественнаго состоянія и впало въ состояніе господствующаго въ настоящее время повсюду неравенства, натурфилософы имѣли опредѣленный отвѣтъ, хотя, надо сказать, что въ этомъ отношеніи между ними далеко не было согласія.

Здѣсь, конечно, не мѣсто разбирать спорныя мнѣнія по поводу этого вопроса. Приведемъ только вкратцѣ воззрѣнія одного философа, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на ходъ развитія революціоннаго движенія прошлаго столѣтія.

Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «Эмиль» Ж. Ж. Руссо старается доказать, что всѣ люди могли бы всегда остаться равными и свободными, если бы они получили абсолютно равное и естественное воспитаніе. По его мнѣнію, причина господствующаго неравенства коренится не въ людяхъ, какъ таковыхъ, а единственно въ *неодинаковыхъ условіяхъ ихъ развитія*. Неравенство, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя считать неотъемлемой чертой человѣческой природы, происходитъ подъ вліяніемъ вѣншей силы; сила же эта по своему существу—вѣчто весьма измѣняемое и преходящее, вслѣдствіе чего ея вліяніе и можетъ быть устранено. Но вслѣдствіе фактически существующаго неравенства получаютъ зависимыя отношенія между отъ природы равными, а слѣдовательно, и свободными людьми, и такимъ образомъ существующій на основаніи дѣйствующаго права общественный строй противорѣчитъ общественному праву, такъ какъ при немъ многіе совершенно лишены своихъ первоначальныхъ правъ. Такое положеніе вещей не можетъ быть, по мнѣнію Руссо, слѣдствіемъ законныхъ дѣйствій заинтересованныхъ индивидуумовъ, какъ господствующихъ, такъ и подчиненныхъ. Насиліе, говоритъ онъ буквально въ своемъ «общественномъ договорѣ», создало первыхъ рабовъ, низость и трусость послѣднихъ навсегда удержали ихъ въ этомъ положеніи. Но насиліе, какъ таковое, не можетъ явиться основаніемъ права, и угнетенный находится въ своемъ правѣ, если онъ пытается свергнуть съ себя иго зависимости. Отдѣльная личность обязана подчиняться только законной власти, законна же власть бываетъ только въ томъ случаѣ, если она явилась результатомъ свободнаго договора между заинтересованными лицами. *La volonté générale*, абсолютное господство воли равныхъ отъ природы членовъ народа служить, по убѣжденію Руссо, основой естественнаго строя общественной жизни.

Мы, можетъ быть, слишкомъ долго останавливались на этихъ теоріяхъ, но, какъ намъ кажется, не безъ достаточнаго основанія. Теоріи эти являются ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ мыслей, общераспространенныхъ среди народа непосредственно до и во время французской революціи. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того могучаго отклика, который они нашли въ сердцахъ страждущихъ. Угнетенный народъ изнывалъ подъ тяжестью дѣйствующаго права, и вдругъ онъ узнаетъ, что это право не можетъ считаться справедливымъ; онъ узнаетъ, что существующій общественный строй, напротивъ, нарушаетъ истинное право, которое не признаетъ никакой зависимости. Опираясь на это право, французскій народъ и началъ потрясать основы, существующаго строя, въ надеждѣ водворить, наконецъ, на мѣсто господства силы, царство естественной справедливости, царство свободы и равенства.

Это стремленіе осуществить требованія свободы и равенства воодушевляло дѣятелей французской революціи и съ самаго начала опредѣлила ходъ слѣдующаго за ней историческаго періода. Съ тѣхъ поръ человѣчество имѣетъ предъ собой задачу придать этому идеалу плоть и кровь во всѣхъ областяхъ общественной жизни, сдѣлать его осязаемой дѣйствительностью. Рѣшить эту задачу является самымъ пламеннымъ сердечнымъ желаніемъ цивилизованныхъ народовъ настоящаго времени, желаніемъ столь благороднымъ и возвышеннымъ, достойнѣе котораго трудно себѣ представить!

Посмотримъ теперь, на сколько въ самомъ дѣлѣ этотъ идеалъ осуществился въ теченіе послѣдующаго времени, посмотримъ, другими словами, не существуетъ ли противорѣчія между даннымъ идеаломъ и дѣйствительною жизнью.

Если обратимъ вниманіе на политическую жизнь, то оказывается, что здѣсь развѣ только въ однихъ демократическихъ государствахъ созданы были условія, которыя болѣе или менѣе близки къ поставленному идеалу. Что же касается государствъ съ иной формой правленія, то приходится сознаться, что здѣсь сдѣлано въ этомъ отношеніи еще чрезвычайно мало. Въ нихъ все еще существуютъ многія привилегіи, связанныя съ происхожденіемъ и принадлежностью къ тому или иному сословію, хотя они, можетъ быть, кое-гдѣ и уничтожены на бумагѣ. Законодательная и почти вся административная власть фактически все еще находится въ рукахъ привилегированнаго меньшинства. Свобода религіи и свобода совѣсти, правда, большею частью обезпечиваются гражданамъ конституціей, въ дѣйствительности же нетерпимость празднуетъ свои безобразныя оргіи не въ меньшей степени, какъ въ самыя мрачныя времена далекаго проплага. Тяжкія имущественныя жертвы, требуемыя государствомъ, всей своею тяжестью давятъ шею слабымъ и неимущимъ, въ то время, какъ сильнымъ и власть имущимъ удается такъ или иначе избавлять себя отъ всего подобнаго.

Подобное положеніе вещей мы находимъ и въ области права. Несмотря на провозглашеніе равенства предъ закономъ, позитивное право все еще содержитъ множество постановленій различнаго рода, говорящихъ скорѣе обо всемъ другомъ, чѣмъ объ осуществленіи указаннаго принципа. Стоитъ только кинуть взглядъ на недавно введенный кодексъ гражданскихъ правъ германскаго государства, чтобы найти полное подтвержденіе справедливости сказаннаго.

Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что въ упомянутыхъ сферахъ общественной жизни, въ особенности, если принять во вниманіе все болѣе распространяющійся духъ демократіи, человечество близко къ осуществленію въ не совсѣмъ отдаленномъ будущемъ требованій свободы и равенства.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло свободы и равенства въ области экономической жизни современныхъ западно-европейскихъ народовъ?

Положеніе вещей здѣсь несравненно хуже, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ областяхъ общественной жизни. Какъ ни мрачны все еще условія тамъ,—въ сравненіи съ картиной, которая представляется намъ здѣсь, ихъ можно назвать болѣе или менѣе удовлетворительными. Становится жутко, когда представляешь себѣ, что творится въ этой области еще въ настоящее время. Свобода и равенство требовались въ свое время также и для этой области общественной жизни и, можно сказать, даже съ болѣею настойчивостью, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ; хозяйственной дѣятельности народа вѣдь болѣе всего приходилось страдать подъ гнетомъ отжившихъ формъ феодальнаго и деспотическаго образа правленія. Французская революція точно такъ же, какъ и находившаяся подъ ея болѣе или менѣе значительнымъ влияніемъ государственная политика послѣдующаго времени стремилась, по возможности, устранить всѣ ограниченія, стоявшія на пути свободнаго развитія экономическихъ силъ, съ тѣмъ, чтобы совершенно освободить гражданъ отъ вмѣшательства государства въ ихъ хозяйственную дѣятельность или отъ всякой регламентаціи въ этомъ отношеніи. Привилегіи, предоставленныя въ свое время государствомъ отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ классамъ въ экономической области, были болѣе или менѣе уничтожены. Впредь каждый могъ посвящать себя тому ремеслу, которое ему было по душѣ или отъ котораго онъ ожидалъ для себя больше выгодъ; каждый былъ также свободенъ, по крайней мѣрѣ, по буквѣ закона, селиться вездѣ, съ цѣлью посвоему усмотрѣнію примѣнять такъ или иначе находившіеся въ его владѣніи хозяйственные факторы, и никто въ этомъ отношеніи не имѣлъ права оказывать на него давленіе ни съ политической, ни съ правовой стороны. Такимъ образомъ, и экономическая жизнь, подобно политической и правовой, мало-по-малу, въ одномъ государствѣ: скорѣе, въ другомъ медленнѣе,

измѣнялась подѣ влияніемъ этихъ условій и, въ концѣ концовъ, приняла совершенно иной видъ.

Осуществленіе равенства и свободы въ экономической области въ указанномъ видѣ привело, однако, къ весьма замѣчательнымъ результатамъ. Присмотрѣвшись ближе, находишь, что всѣ старанія въ данномъ направленіи привели *какъ разъ противоположно тому, что было цѣлью первоначальнаго стремленія*. Въмѣсто гармоніи и мира въ экономической жизни западно-европейскихъ народовъ господствуетъ борьба всѣхъ противъ всѣхъ,—борьба, изъ которой только сравнительно небольшая часть борющихся выходитъ побѣдителями. Здѣсь нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни равенству, здѣсь все еще господствуетъ, какъ въ до-революціонномъ обществѣ, право сильнаго, по отношенію къ которому болѣе слабый является подчиненнымъ и данникомъ. Равныя потребности людей ни въ какомъ случаѣ не находятъ равнаго удовлетворенія. Участіе членовъ общества въ потребленіи произведенныхъ богатствъ далеко не равное. Одинаковый трудъ рѣдко находитъ одинаковое вознагражденіе, да послѣднее находится часто даже въ прямо обратномъ отношеніи къ потраченному труду. Тѣ, которые вообще никогда не трудились, получаютъ большую часть запаса, созданнаго трудомъ, въ то время, какъ, говоря словами *Джона Стюарта Милля*, вознагражденіе уменьшается въ той же степени, въ какой возрастаетъ тяжесть и непріятность труда, пока, наконецъ, самый утомительный и физически истощающій трудъ не можетъ даже съ увѣренностью рассчитывать на необходимый для поддержанія существованія заработокъ.

Такимъ образомъ получилось рѣзкое различіе въ развитіи формъ въ области политической и правовой съ одной стороны, и въ экономической—съ другой. И это различіе тѣмъ замѣчательнѣе, что развитіе это во всѣхъ областяхъ общественной жизни, казалось, руководилось однимъ и тѣмъ же девизомъ свободы и равенства. Однако, въ то время, какъ въ первыхъ каждый успѣхъ свободы и равенства дѣйствовалъ въ самомъ дѣлѣ благотѣльно, въ области экономической жизни всѣ направленныя въ эту сторону усилія сопровождались постоянно явленіями, тотчасъ же дѣлавшими значеніе достигнутаго успѣха весьма сомнительнымъ.

Въ чемъ же основная причина этого на первый взглядъ столь страннаго явленія? Къ счастью, отыскать ее не представляется никакой трудности. Если принять во вниманіе, что осуществленіе принципа равенства и свободы не во всѣхъ областяхъ общественной жизни совершилось при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то не трудно понять, что и результаты не могли быть всюду одни и тѣ же. Въ правовомъ и политическомъ отношеніяхъ не ограничивались только простымъ уничтоженіемъ устарѣлыхъ учреждений и организацій, но въ то же время и старались проложить новые пути, создать новый фундаментъ для зданія, которое должно было быть мало-по-малу воздвигнуто. Въ отно-

шеніи же экономической жизни дѣйствовали иначе. Здѣсь не создавали ничего новаго, но ограничивались только главнымъ образомъ разрушеніемъ всего стараго. Въ то время, какъ вся дореволюціонная правовая система, всѣ правительственныя и государственныя формы были уничтожены, а взаи́мъ ихъ вызванъ къ жизни новый государственный и правовой порядокъ, исторически устарѣлая, обветшавшая основа экономической жизни осталась совершенно нетронутой; имущественныя отношенія и организація собственности были оставлены въ томъ же видѣ, какъ будто все еще надъ цивилизованнымъ человѣческимъ продолжалось господство духа прошедшихъ столѣтій. По прежнему пользуется безусловнымъ признаніемъ принципъ исключительнаго права собственника неограниченно распоряжаться своимъ имуществомъ по своему личному усмотрѣнію; по прежнему, собственность не находится ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ труду; по прежнему, многіе получаютъ доходъ, не заработавъ его своимъ трудомъ, а слѣдовательно, обладаютъ и собственностью, не основанной на ихъ трудѣ, которая тѣмъ не менѣе пользуется защитой и покровительствомъ государства. Большія сконцентрированныя имущества, говоритъ *Альбертъ Ламе*, перешли изъ средневѣковой эпохи въ наше столѣтіе, имущества, которыя явились частью прямымъ, частью косвеннымъ путемъ результатомъ барщины или привилегій феодальной системы; и такимъ-то путемъ приобрѣтенная собственность была затѣмъ не только признана, но и оберегаема современнымъ правовымъ государствомъ. Этимъ однако уже съ самаго начала была подготовлена почва для все больше и больше растущаго увеличенія имущественнаго неравенства. Съ самаго начала въ новый строй общественной жизни были такимъ образомъ перенесены неравенства чрезвычайно важнаго свойства, — неравенства, котсрыя именно въ виду правового равенства и свободы всѣхъ членовъ государства современемъ должны были стать все болѣе вопіющими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе опасными для современнаго общественнаго строя.

Въ томъ же направленіи, обостряя неравенство и уничтожая свободу, дѣйствовало еще другое обстоятельство и притомъ съ еще большей энергіей, именно развитіе фабричнаго производства. Примѣненіе машины необыкновенно подняло производительную силу человѣка. Каждый день производятся неизмѣримыя груды товаровъ, которыя помощью желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ доставляются въ самые отдаленные уголки земного шара. Богатства скопляются въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ прежнія времена не могли имѣть и понятія. Но въ той же степени, въ какой машина творила указанныя чудеса, она своей желѣзной рукой все больше понижала благосостояніе значительно болѣе части населенія. Она лишила рабочій людъ собственнаго крова, разрушила семью рабочаго и искалѣчила физически и нравственно его самого. Она сдѣлала его существованіе ненадежнымъ, создала массо-

вую нищету и сдѣлала въ цивилизованныхъ странахъ голодную смерть обыкновеннымъ явленіемъ. Машина, которая, при разумной организаціи общества, была бы общимъ благословеніемъ, стала ангеломъ смерти для народныхъ массъ.

Но эти ужасающіе факты опять - таки являются ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ устарѣлой имущественной организаціи. Примѣненіе машины требовало капитала, много капитала. Вслѣдствіе этого обладатели капитала съ самаго начала заняли въ экономической борьбѣ настоящаго времени болѣе выгодное положеніе въ сравненіи съ неимущими. И въ самомъ классѣ капиталистовъ положеніе владѣльца большаго капитала оказалось несравненно болѣе выгоднымъ положеніемъ владѣльца меньшаго капитала, такъ какъ первый имѣлъ возможность производить сравнительно дешево. Соотвѣтственно этому, всякій прогрессъ въ машинной техникѣ служилъ главнымъ образомъ интересамъ большаго капитала, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ во вредъ рабочему. Капиталъ концентрировался все болѣе и болѣе, что при существующихъ условіяхъ не могло означать ничто иное, какъ концентрацію его все въ меньшемъ числѣ рукъ или, выражаясь иначе, какъ все усиливающееся обѣдненіе массъ ради выгоды едва замѣтнаго меньшинства.

Указанныя явленія въ своей совокупности и составляютъ сущность социальнаго вопроса настоящаго времени.

Въ политическомъ и правовомъ отношеніяхъ всѣ члены государства, вслѣдствіе осуществленія до известной степени принциповъ великой французской революціи, сдѣлались на самомъ дѣлѣ сравнительно свободными и равными; огромная же масса народа, какъ ни кажется парадоксальнымъ это утвержденіе, все же по прежнему порабощена. Лишенная всякой собственности, она зависитъ всей своей личностью и своей жизнью отъ воли небольшой кучки собственниковъ, и эта зависимость и подчиненность только вѣшнымъ образомъ отличаются отъ зависимости и подчиненности прежнихъ временъ. Отдѣльный рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ право продавать свою рабочую силу по собственному усмотрѣнію, однако это право уничтожается невозможностью примѣнять рабочую силу, не имѣя орудій и средствъ производства; послѣднія же находятся въ рукахъ капиталиста. Можетъ ли быть рѣчь о свободѣ тамъ, гдѣ лишенный собственности рабочій, единственнымъ достояніемъ котораго является его рабочая сила, всегда принужденъ, если онъ не предпочитаетъ умереть съ голоду, соглашаться на условія, диктуемыя предпринимателемъ. Свобода и равенство являются при подобныхъ условіяхъ пустымъ звукомъ. Современное общество содержитъ такимъ образомъ въ своихъ вѣдрахъ могучее противорѣчіе. Съ одной стороны, оно стремится осуществить во всѣхъ сферахъ жизни идеаль свободы и равенства, а съ другой—оно своей организаціей владѣнія и собственности уничтожаетъ на каждомъ шагѣ результаты этихъ

стремлений. Частная же собственность будетъ, по мнѣнію профессора *Платтера*, всегда и вездѣ, гдѣ она существуетъ, прибывать въ рукахъ одного и убывать въ рукахъ другого, и не только вслѣдствіе различной ловкости въ обращеніи съ нею, но не въ меньшей степени и вслѣдствіе различныхъ случайностей, счастья, извѣстныхъ выгодныхъ условій, права наслѣдства и т. д.; она немедленно снова создала бы самое большое неравенство даже и въ томъ случаѣ, если бы удалось какъ-нибудь ввести въ обществѣ состояніе полнѣйшаго равенства. Кто хочетъ сохранить частную собственность и при этомъ осуществить дѣйствительное равенство предъ закономъ, тотъ задается задачей согласить несогласимое.

Припомнивъ все вышесказанное, мы получаемъ возможно полную характеристику интересующей насъ проблемы; остается только влить ее въ болѣе или менѣе краткую формулу, чтобъ получить опредѣленіе соціального вопроса настоящаго времени на Западѣ.

Какъ слѣдуетъ изъ предъидущаго изложенія, подъ соціальнымъ вопросомъ надо понимать вопросъ о томъ, какимъ путемъ и какими средствами возможно и желательно устранить обнаружившееся противорѣчіе между рисующимся воображенію современнаго культурнаго человѣчества идеаломъ свободы и равенства всѣхъ членовъ народа, съ одной стороны, и фактически господствующими условіями общественной и экономической жизни—съ другой, каковыя условія въ своемъ настоящемъ видѣ представляютъ собою прямое воплощеніе неравенства и полнаго отсутствія свободы.

Рабочіе западно-европейскихъ странъ, т. е. классъ, которому наиболѣе приходится страдать при современномъ общественномъ строѣ, въ наше время собственными силами пошелъ по избранному имъ самимъ пути, ведущему къ рѣшенію соціального вопроса текущаго историческаго періода. Кому желательно узнать этотъ путь, тотъ видитъ себя принужденнымъ заняться изученіемъ соціального движенія, проявившагося на Западѣ въ теченіе этого столѣтія, такъ какъ, говоря словами консервативнаго писателя *Мерме*, нужда въ одинъ прекрасный день, безъ сомнѣнія, заставитъ даже государственныхъ людей обратиться за новыми идеями къ представителямъ пролетаріата.

Проф. Н. Райхесбергъ.

Бернъ.

ОДА КЪ МОЛОДОСТИ.

(Изъ А. Мицкевича).

Безъ душъ и безъ сердець—то сонмища скелетовъ...
Ахъ, крылья, молодость, мнѣ дай!
Изъ міра мертваго, гдѣ нѣтъ святыхъ завѣтовъ,
На нихъ умчусь я въ новый край,—
Въ отчизну райскую живыхъ очарованій,
Гдѣ вдохновенье чудеса творить,
Роняетъ дождь цвѣтовъ, изъ смутныхъ упованій
Видѣнья свѣтлыя родить...

Пусть тотъ, въ комъ жизнь сковала разумъ тьмою,
Челомъ морщинистымъ поникъ
И видитъ узкій кругъ, что обнимать собою
Угасшій взглядъ его привыкъ.
Ты жъ, молодость, пари надъ жизненной равниной,
Летай какъ вихрь изъ края въ край,
Все человѣчество, съ весельемъ и кручиной,
Какъ солнце окомъ пронивай!..
Смотри: внизу, гдѣ вѣчной мглою
Пространства бездну наседа,
Презрѣнной гнусности волною
Клубится омутъ,—то земля!..
Смотри: на ней, надъ смрадною водою
Чернѣетъ нѣкій гадъ.. Съ своею скорлупою
Онъ самъ себѣ—пловецъ, кормило и ладья..
Гонясь за тварями ничтожнѣ себя,
То на поверхность онъ всплываетъ,
То быстро тонетъ въ глубинѣ.

Волна его не приласкаетъ,
Онъ не ласкается къ волнѣ...

И вдругъ, ударившись своей скорлупкой тѣсной,
Разбился о гранитъ,—безвѣстно прожилъ вѣкъ
И жизнь окончилъ онъ безвѣстно...
То—себялюбецъ-человѣкъ! .

Тебѣ жъ, о молодость, и нектаръ бытія
Не сладокъ, если онъ не раздѣленъ съ другими,
И намъ не напоить сердце его струя,
Пока ихъ нитями не свяжемъ золотыми.

Сплотимся жъ, юные друзья,
Чтобъ къ общему стремиться счастьемъ!
Сильны единствомъ, мыслью, страстью,
Сплотимся, юные друзья!
И счастливы тотъ, кто въ битвѣ смѣлой
Падетъ среди друзей своихъ,
Чье станетъ мертвенное тѣло
Ступенью къ славѣ для другихъ...

Дружнѣй! Опасный путь и трудъ насъ ожидаетъ,
Помѣха слабости, насилія запретъ;
Но пусть насилье—сила побѣждаетъ,
А съ немощью—борися съ юныхъ лѣтъ!..

Кто въ колыбели гидру обезглавить,
Тотъ, юношей, Кентавра побѣдитъ;
Чтобъ жертвъ отнять—и въ адъ онъ путь направитъ,
За лаврами—и въ небо полетитъ.
Стремись же за предѣлъ, доступный слабымъ взорамъ!
Круши и то, предъ чѣмъ безсиленъ разумъ твой!
О, молодость, орломъ летишь ты надъ просторомъ,
Разишь, какъ молнія, могучею рукой!..

Друзья! рука съ рукой, сомкнемся цѣпью длинной
И опояшемъ шаръ земной,
Сольемъ всѣ мысли въ лучъ единый
И станемъ всѣ одной душой!
Мы расколываемъ грудь земную;

Велимъ,—и новыми путями жизнь пойдетъ;
 Земля омоетъ плѣсень вѣковую
 И, обновившись, зацвѣтетъ...

Изъ хаоса стихій и тьмы первоначальной
 Однимъ могучимъ словомъ „будь!“
 На предначертанный имъ путь
 Былъ брошенъ созданный имъ міръ матеріальный;
 И вѣтеръ зашумѣлъ, и рѣки потекли,
 И звѣзды синій мракъ ночныхъ небесъ зажгли...

Надъ человѣчествомъ нависла ночь глухая,
 Борьбу стихій добра и зла скрывая...
 Но вотъ—огнемъ дохнетъ любовь,
 Изъ хаоса взойдетъ духовный міръ, сіяя,
 И молодость его одѣнетъ въ плоть и кровь,
 И дружба вѣчная соединитъ народы...

Безстрастья ледъ ломаютъ воды;
 Рѣдетъ предрасудковъ рой...
 Привѣтъ тебѣ, заря свободы:
 Спасенья солнце за тобой!..

А. Колтоновскій.

БЕЗЪ РОДУ-ПЛЕМЕНИ.

Изъ повѣсти о современныхъ людяхъ.

Vae divilibus!

I.

Съ вечера я спалъ крѣпко, потому что слишкомъ измучился за день, но потомъ мнѣ стало сниться, что я иду по какимъ-то станціоннымъ дворамъ и запаснымъ путямъ, среди паровозовъ и вагоновъ, ищу мужа Зины и хочу непременно убѣдить его, что я вовсе не врагъ ему. Я любилъ Зину, но теперь не думаю о себѣ, желаю только ея счастья и питаю къ ней самую искреннюю дружбу. Казалось даже, что я говорилъ ему это, но онъ все уходилъ отъ меня и я плохо его видѣлъ, а расположеніе мое къ Зинѣ возростало, все кругомъ темнѣло, странно вытягиваясь корридоромъ, и вотъ этотъ корридоръ — слабоосвѣщенный, насквозь видный рядъ вагоновъ — уже бѣжитъ, дрожа подо мною, и какая-то стройная и красивая дѣвушка, перебивая мои слова веселымъ шепотомъ, зоветъ и уводитъ меня за руку все дальше по узкому корридору поѣзда.

— Зина! — умоляюще и робко говорю я, замирая отъ жуткой радости... Она на ходу оборачивается съ странной и веселой улыбкой, отъ которой у меня сжимается сердце, таинственно говоритъ мнѣ: „Погоди!“ и идетъ дальше. Но я уже едва поспѣваю за нею, въ поѣздѣ темнѣетъ, вагоны разрастаются и бѣгутъ, увлекая меня за собою, — падаютъ все ниже и ниже, точно сама земля падаетъ подъ ними по наклону, и радость, страсть и отчаяніе достигаютъ во мнѣ такого напряженія, что я дѣлаю последнее усиліе крикнуть — и просыпаюсь!

Такъ начался этотъ день. Очнувшись, я шумно вздохнулъ и долго глядѣлъ неподвижнымъ взоромъ, точно изумленный спокойнымъ видомъ комнаты. Давно день, ставни открыты и на часахъ — половина десятаго... Волненіе сна таетъ и уступаетъ мѣсто трез-

вому сознанию дѣйствительности. Какой вздоръ снился мнѣ! И что это напоминаетъ онъ неприятое и какъ будто неестественное? Ахъ, да! Зина повѣнчалась вчера съ Богаутомъ... Значить, несомнѣнно, что я пережилъ эту долгую и тяжелую болѣзнь, и что моему роману—форменный конецъ!

Вотъ теперъ я ужъ твердо вѣрю въ это. Правда, я давно все зналъ, но тѣмъ не менѣе аккуратно продолжалъ ходить въ Соймоновымъ. Сегодня четвергъ,—значить, это было въ воскресенье... Смѣшно, какъ все это вышло неожиданно! Я думалъ мирно провести вечеръ въ семьѣ, въ которой уже привыкъ. И вдругъ—темнота и тишина во всемъ домѣ, Александръ Данилычъ одинъ сидитъ въ темномъ кабинетѣ, усиленно курить, задыхаясь болѣе обыкновеннаго, и говоритъ мнѣ, какъ только я появляюсь на порогъ, неестественно равнодушно:

— А Катерина Семеновна съ Зиной по лавкамъ поѣхали.

И, попытѣвъ, продолжаетъ иронически:

— Великое переселеніе народовъ, что называется... Къ семейному торжеству готовимся... Нынче, знаете, весьма скоропалительно выходятъ эти исторіи. И все поскорѣй, на дѣловой ладъ—и до свиданія!

Онъ хочетъ смягчить свои слова ироніей, но я понимаю его и стараюсь только объ одномъ—лучше попадать ему въ тонъ, чтобы поскорѣе и поприличнѣе уйти.

И я ушелъ, пришибленный, точно выгнанный изъ дому. Чтобы заглушить чувство боли, я усиленно развивалъ въ себѣ злобу и презрѣніе къ этимъ свадебнымъ приготовленіямъ. Я бродилъ по городу, и когда однажды встрѣтилъ жениха, проѣхавшаго съ какими-то картонками въ коляскѣ, остановился и расхохотался. Катается, дуракъ, на чужихъ лошадяхъ и доволенъ! какъ домой, является въ чужую семью и не стыдится этихъ портнихъ и бѣлошвеекъ, завалившихъ всѣ комнаты матеріями и выкройками! Не стыдится и она,—даже весела и счастлива... Какое ей дѣло до моихъ каверзныхъ улыбокъ и моего страданія?.. А потомъ—сумѣрки, освѣщенная церковь, суета около паперти. Подкатываютъ кареты, и щеголь-приставъ горячится, чтобы сохранить порядокъ въ этой церемоніи... И церемонія совершится въ образцовомъ порядкѣ!

Но даже попытки злиться не удавались мнѣ. Я, какъ во снѣ, ходилъ на службу, и одинъ и тѣ же мысли о Зинѣ, о свадьбѣ дурманили мнѣ голову. А тутъ еще Елена! Чѣмъ я виноватъ, что она неравнодушна ко мнѣ? Я знаю, что она одинока, измучена бѣганьемъ по урокамъ, что она бросила семью и живетъ впроголодь, но зато у нея есть цѣли и надежды, мечты о курсахъ, о наукѣ и какой-то хорошей жизни. У меня нѣтъ пока никакихъ

пѣлей, и вольно же ей было мечтать увлечь и меня за собою! Всегда такая бодрая и веселая, она странно измѣнилась за послѣднее время. То грустно-ласкова со мной, то хмурится, точно ей больно. А когда я рѣзко заявилъ ей третьяго дня о своемъ отъѣздѣ, она вспыхнула, взглянула на меня изумленными глазами, потомъ неловко и вротко улыбнулась и, едва выговоривъ: до свиданья,—ушла... Я разсѣянно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Но вотъ эти сумерки наступили, и я очнулся. Я минута за минутой пережилъ въ воображеніи все, чтѣ должно происходить въ церкви, и жгучая злоба, ревность и даже почему-то страсть къ Зинѣ разрывали мнѣ сердце. Я плакалъ и кого-то умолялъ сжалиться надо мною. Если бы вошла она въ эту минуту! Я обезумѣлъ бы отъ счастья, цѣловалъ бы ея ноги!.. Иногда я порывался бѣжать къ ней и у нея исвать спасенія отъ моей сворби. Но она-то и мучила меня! Выхода не было, и я метался по своей комнатѣ... Потомъ острая боль стала замирать. Совсѣмъ стемнѣло; затихающій гулъ соборнаго колокола медленно и ровно раскачивался надъ городомъ. Я зналъ, что все уже кончилось тамъ, въ церкви. Острую боль замѣнила тупая, скучная, и я крѣпко заснулъ.

Вотъ опять день, но мнѣ теперь легче. И какъ хорошо, что я проснулся! То, чтѣ снилось, такъ странно слилось со всѣмъ пережитымъ за послѣднее время. Но это — послѣдній отголосокъ его. Надо вставать, собираться и куда-нибудь уѣхать...

Только неужели я больше не увижу ее? И что мнѣ дѣлать съ Еленой?

II.

— Панычу!—раздался голосъ Одарки за дверью, — уже можно нести самоваръ?

— Черезъ пять минутъ!—крикнулъ я лѣниво. Собственно говоря, хорошо не то, что я проснулся, а что кончились эти сновидѣнія. Заснуть спокойно и глубоко было бы такъ отрадно! Но сонъ не приходитъ. Надо, значить, подыматься.

Я долго мылся холодной водой, потомъ, не спѣша, сталъ одѣваться, что-то обдумывая, въ чемъ и самому себѣ не могъ бы дать отчета. За стѣнной малороссійской скороговоркой ругалась на кухарку хозяйка. Мимо окна мягко прокатилъ по немощеной мостовой извозчикъ, и, стуча сапогами по деревянному тротуару, прошли два семинариста. Мнѣ бы тоже давно пора идти — на службу, но я уже второй день бросилъ думать о службѣ и, конечно, не пойду и сегодня.

— Вы жъ, панычу, справди уѣдете сѣгодня?—спросила Одарка, входя въ комнату съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ.

— Что?—машинально проговорилъ я и, помню, долго глядѣлъ на нее безъ отвѣта... Да,—думалъ я,—Зина непремѣнно уѣдетъ сегодня съ мужемъ въ Крымъ. Значить, мнѣ тоже надо уѣхать отсюда. Что мнѣ дѣлать теперь въ этомъ скучномъ и постыломъ городишкѣ? Пора, наконецъ, начать болѣе спокойную жизнь!

— Я вечеромъ уѣду,—отвѣтилъ я твердо и почти сердито.— Непремѣнно!

И какъ только Одарка скрылась, рѣшительно заварилъ чаю, привелъ въ настоящей порядоѣ свой туалетъ и нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ, оглядывая, съ чего начать сборы въ дорогу. Но вдругъ дверь снова запахнулась.

— Письмо-съ,—проговорилъ внезапно появившійся на порогѣ почтальонъ, бойко приложилъ къ козырьку руку и скрылся.

Я быстро схватилъ письмо—и мгновенно разочаровался. „Пожалуйста, не уходи никуда завтра. Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой. Е. Добронравова“. „Какое бабье письмо!“ подумалъ я почти со злобой. Не уходи, серьезно поговорить! Совершенно не понимаю, что я могу сказать ей! Мнѣ жаль ея, но чѣмъ я виноватъ въ этомъ глупомъ стеченіи обстоятельствъ?

«Красавицу юноша любить,
А ей полюбился другой,
Другой этотъ любить другую...»

Но это старая исторія!

Взволнованный, я кинулъ письмо на столъ и опять опустился въ кресло.

День облачный, вѣтреный—стоитъ уже конецъ сентября—и вѣтеръ проноситъ по улицѣ пыль и листья. Въ открытую форточку долетаетъ твезожный шумъ тополей. Улица, гдѣ я такъ однообразно провелъ почти два года,—безлюдная, тихая и вся въ деревьяхъ. Деревья на бульварѣ и около тротуаровъ—старыя и развѣсистыя. Теперь они шумятъ сухой листвою; вѣтеръ гонитъ облака пыли и качаетъ ихъ изъ стороны въ сторону... А пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ теплые апрѣльскіе дня, они кудрявились нѣжной, мелкой зеленью, голубое небо сіяло между ихъ вершинами, и я бродилъ подъ ними по мягкой, влажной землѣ, чему-то радуясь и улыбаясь!

Пять мѣсяцевъ... И мнѣ хочется твердо и опредѣленно сказать себѣ, что я очень глупо провелъ эти пять мѣсяцевъ. Убѣдить себя въ этомъ мнѣ тѣмъ легче, что я не только не люблю Зины теперь, но даже со стыдомъ вспоминаю свое униженное положеніе передъ нею и все, что такъ откровенно говорилъ ей.

Я очень ясно вижу теперь, что мой романъ оказался довольно-таки ничтожною исторіей.

Знакомство состоялось въ мартѣ. Незадолго передъ тѣмъ у насъ образовался „музыкально-драматическій кружокъ“, и я самъ написалъ объ этомъ событіи корреспонденцію въ „Лѣтопись Юга“. Корреспонденціи увеличиваютъ мое жалованье въ земской управѣ рублей на восемь, на десять въ мѣсяць, и я аккуратно сообщаю въ „Лѣтопись“ обо всѣхъ выдающихся городскихскихъ событіяхъ. Съ кривой улыбкой, я пишу газетнымъ жаргономъ о положеніи народной столовой и чайной, о полковыхъ праздникахъ, о дамскомъ благотворительномъ кружкѣ, о домѣ трудолюбія, гдѣ бѣдные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены подъ конецъ этой жизни выполнять идиотскую работу—трепать, наприимѣръ, мочало... Пишу о томъ, что сельскохозяйственное общество „заслушало“ и „передало въ комиссію“ чрезвычайно любопытный докладъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ урегулированіи свиноводства“, и тутъ же добавляю, что „нельзя не отмѣтить и другого отраднaго факта: въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго общества, по инициативѣ ея превосходительства, супруги начальника губерніи, возникла благая мысль организовать въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ кружокъ съ цѣлью проведенія въ жизнь и доставленія публикѣ здоровыхъ и разумныхъ развлеченій...“ Съ той же улыбкой я отправился и въ дворянскій клубъ, на одинъ изъ вечеровъ „кружка“, въ качествѣ скрипача, участвующаго въ концертѣ. Я предчувствовалъ, что ничего не выйдетъ путнаго изъ моихъ посѣщеній клуба.

Люди, въ которыхъ я принадлежу и которые называются у насъ интеллигенціей (безъ ироніи, въ отличіе отъ „обывателей“), совсѣмъ не умѣютъ „держатъ себя“. Не умѣю и я. Заставъ меня разговаривать съ коммерсантомъ, съ военнымъ, съ протопопомъ, съ чиновникомъ—я окажусь въ непріятномъ положеніи. Я не сумѣю поддѣлаться подъ его тонъ, не сумѣю провести съ нимъ какъ слѣдуетъ даже часа. Такъ было и со мною на вечерахъ „кружка“.

Утомленный однообразной зимней жизнью—службой, обѣдами въ кухмистерской и скучными вечерами въ своей студенческой комнатѣ, гдѣ всегда пахнетъ дешевымъ глицериновымъ мыломъ и гдѣ вся мебель состоитъ изъ стола, кровати, двухъ-трехъ стульевъ и плетеной корзины,—я былъ возбужденъ „господской“ атмосферой клуба. Я былъ доволенъ, что меня знакомятъ съ семьями вице-губернатора и предсѣдателя суда, съ чиновниками особыхъ порученій и съ богатымъ молодымъ помѣщикомъ Вечесловымъ, который такъ хорошо играетъ въ любительскихъ спектакляхъ... Всѣ они такіе свѣжіе, бодрые и всѣ хотятъ незамѣтно обласкать тебя, обращаясь „совсѣмъ какъ съ своимъ“. Въ клубѣ—

свѣтло, просторно, зеркала, бархатная мебель, пахнет дорогимъ табакомъ и оживленно идетъ говоръ. А главное, я не чувствую себя лишнимъ на этотъ разъ: я сыгралъ, какъ настоящей скрипачъ, одну вещь грустную, нѣжную, похожую на колыбельную пѣсенку, а другую—бойкую, въ темпѣ мазурки, съ рѣзкими ударами смычка и pizzicato, т. е. исполнилъ все, что по шаблону полагается сыграть скрипачу на концертѣ, и былъ одобренъ.

Словомъ, первые вечера въ клубѣ прошли недурно. Но на слѣдующихъ я уже безпріютно ходилъ изъ комнаты въ комнату, чѣмъ-то возбужденный и не находя исхода своему волненію. Вотъ тутъ-то и состоялось мое знакомство съ Соймоновыми.

Всѣ они мнѣ понравились: и самъ докторъ, пожилой человѣкъ, похожій на помѣщика, съ одышкой и съ такимъ видомъ, словно онъ объѣлся, и его жена, болтливая, молодящаяся grande dame, и ея падчерица, Зина, высокая, красивая дѣвушка съ чудными темносиними глазами и длинными рѣсницами.

— Зиночка, матушка! Что это ты сидишь такая сонная?—сказалъ Александръ Данилычъ, подводя меня въ дочери.—Я вотъ тебѣ еще жениха привелъ. Посмотри—можетъ, понравится.

— Ну, садитесь и рассказывайте,—проговорила Зина. Она улыбнулась и красиво подняла рѣсницы, но только на мгновение перевела глаза на меня, а потомъ снова стала глядѣть въ сторону, сидя прямо и машинально играя вѣеромъ.

Я не обратилъ на это вниманія и спросилъ весело:

— Съ чего же начать прикажете?

— Въ качествѣ жениха—съ того, кто вы такой, откуда, почему?..

— Зовусь Магометомъ я,—сказалъ я, съ шутливой грустью опуская глаза.—Я потомокъ бѣдныхъ Азровъ...

— Полюбивъ, мы умираемъ?—добавила Зина. Потомъ пристально и задумчиво посмотрѣла на меня.

— Вы не декадентъ?—спросила она и опять отвела глаза въ сторону.—Не пишете о фіолетовыхъ страданіяхъ?

— Развѣ Азры были декадентами?

— Но вѣдь вы ихъ потомокъ.

— Все-таки не понимаю, почему я долженъ быть декадентомъ.

— Я шучу,—сказала Зина серьезно,—у васъ такое лицо... Да вы и не обижайтесь. Я сама иногда думаю, что я декадентка. „Чего хочу, сама не знаю“...

— Вѣроятно, это можно же узнать въ концѣ концовъ?

— Вѣроятно... Жизни, должно быть...

— Это еще не декадентство.

— Все равно, теперь вещи въ родѣ этого всѣ носятъ такую кличку...

— Ну, а лицо-то у меня какое же?

— Лицо? Мнѣ кажется, вы могли бы умереть, полюбивъ, но бѣда въ томъ, что вы, вѣроятно, никого не полюбите.

Я былъ задѣтъ за живое, но сдержалъ себя и сталъ говорить полушутливымъ тономъ:

— Можетъ быть... Вы, пожалуй, связали горькую правду. Кого намъ любить?

— Кому это вамъ?—перебила Зина.

— Людямъ въ родѣ меня,—отвѣтилъ я уклончиво.—Обществу праздныхъ и обеспеченныхъ людей, гдѣ могъ бы процвѣтать культъ любви. мы чужды... да едва ли въ состояннн удовлетвориться такимъ обществомъ. Правда, мы тоже захвачены этой пробудившейся всюду жаждой жизни, красоты, поэзін, даже комфорта, но пользоваться этимъ мы еще конфузимся, да ничего этого у насъ и нѣтъ. А къ этому надо прибавить еще то, что въ сферѣ любви что-то совершается, что-то назрѣваетъ новое. Вы замѣтите: теперь совсѣмъ не пишутъ о любви; пишутъ о любви или такъ, для проформы, сѣро и безцвѣтно, или же совсѣмъ въ низкомъ тонѣ—только о чувственности...

— Виновата,—вдругъ сказала Зина небрежно.—Мнѣ нужно подойти къ тетускѣ.

И она съ привѣтливой и радостной улыбкой пошла навстрѣчу старухѣ, сопровождаемой бѣловурымъ и женственнымъ молодымъ человѣкомъ,—старухѣ съ лошадинымъ лицомъ и совиными глазами, которые посмотрѣли на меня очень удивленно. Я опять почувствовалъ себя лишнимъ и надулся. А когда Зина вернулась ко мнѣ, началъ притворно-лѣниво и очень некстати глумиться надъ жандармскимъ полковникомъ (человѣкомъ съ сизымъ и злымъ лицомъ обыкновеннаго военнаго типа), надъ любительницей-пѣвицей, пожилой, некрасивой и сильно декольтированной дѣвушкой, надъ віолончелистомъ...

— Посмотрите,—говорилъ я,—какой онъ маленькій, молоденькій и головастый. Типичный музыкантикъ. Лицо—конфетное, но зато волосы совсѣмъ какъ у Рубинштейна. И вѣдь я знаю, что онъ вовсе не юноша. А такъ—„маленькая собачка до-вѣку щенокъ“...

— А это кто, не знаете?—продолжалъ я, все болѣе раздражаясь и въ тоже время все болѣе ощущая женственное обаяніе Зины.—Вотъ тотъ пожилой господинъ съ артистической наружностью и лицомъ алкоголика? Посмотрите, какъ у него запухли глаза и какъ онъ смотреть всегда—точно сонный, съ холоднымъ презрѣніемъ. Это настоящій клубный посѣтитель, и про него непремѣнно говорятъ, что онъ—умница, золотая голова, только спился, опустился и долженъ всѣмъ...

— Это Алексѣй Алексѣевичъ Бахтинъ, мой дядя,—отвѣтила Зина съ неловкой улыбкой...

III.

Зачѣмъ вспоминать все это подробно? Послѣ нашего перваго разговора съ Зиной почти ничего не измѣнилось за всѣ пять мѣсяцевъ. Я началъ часто бывать у Соймоновыхъ и Зина сперва радовалась мнѣ. Мы даже говорили другъ другу, что мы—большіе друзья, но что-то мѣшало нашей дружбѣ. Это я чувствовалъ больше всего, когда у Соймоновыхъ собирались гости. Да и вообще наши разговоры—даже наединѣ, въ отсутствіи этихъ бѣлокурыхъ молодыхъ людей изъ суда—не удовлетворяли меня. Наступили свѣтлые апрѣльскіе дни, и я все чаще сталъ упрашивать Зину отправиться куда-нибудь за городъ, въ степь... Мнѣ казалось, что я все скажу ей тамъ... Но она неизмѣнно отвѣчала:

— Я вовсе не хочу, чтобы мы сдѣлались басней города. Вотъ соберемся какъ-нибудь компаніей. Вы вѣдь, все равно, знаете, что я только для васъ поѣду.

И я ограничивался тѣмъ, что провожалъ ее въ лавки или въ народную чайную, гдѣ она, въ числѣ другихъ дамъ-покровительницъ, дежурила по пятницамъ. А вечеромъ я одинъ уходилъ за городъ, къ вокзалу за рѣку, или въ городской садъ, гдѣ еще не началась лѣтняя ресторанныя жизнь.

По вечерамъ въ саду совсѣмъ никого не было. Чистый весенній воздухъ холодѣлъ на закатѣ, и въ пустынномъ, еще черномъ саду казалось, что стоитъ ясный октябрьскій вечеръ. Только первыя алмазныя звѣздочки по весеннему, ласково теплились надъ вершинами деревьевъ и соловьи въ чащахъ уже пробовали свои голоса. Рѣзко пахло пробивавшейся изъ земли травкой и самой землею—холодной и влажной. И я до полной усталости ходилъ въ пустынныхъ аллеяхъ и по дорожкамъ, засыпаннымъ прошлогодней слежавшейся листвою... Дома же я до поздней ночи игралъ у раскрытаго окна на скрипкѣ элегіи, и скрипка звонко и жалобно пѣла въ чистомъ ночномъ воздухѣ, въ ладъ съ моимъ сердцемъ.

Потомъ было одно время, когда Зина рѣзко измѣнилась ко мнѣ. Въ срединѣ мая управа назначила экстренное земское собраніе, и подготовительныя управскія работы къ собранію около двухъ недѣль не позволяли мнѣ ходить къ Соймоновымъ. И вотъ какъ-то въ воскресенье я сидѣлъ въ своей комнатѣ и спѣшилъ окончить кое-какія статистическія выкладки, чтобы передъ вечеромъ можно было отправиться къ Зинѣ. Съ самаго утра перепалъ теплый,

веселый дождикъ, и обмытая имъ майская зелень и самый воздухъ, казалось, молодѣли отъ него. Громъ рокоталъ то въ той, то въ другой сторонѣ, но поминутно, между клубами дымчатыхъ и бѣлыхъ облаковъ, вздымавшихся по небу, сіяла яркая, чистая лазурь и выглядывало жаркое солнце... Я засмотрѣлся въ окно, на голубыя лужи подъ деревьями, какъ вдругъ мимо окна быстро прошла Зина. Съ минуту я сидѣлъ неподвижно, изумленный ея появленіемъ, потомъ схватилъ шляпу и кинулся на улицу... Ахъ, какой это былъ славный и веселый день!

— Мнѣ было грустно безъ васъ,—говорила Зина смущенно, но улыбаясь,—я сама, наконецъ, рѣшилась идти къ вамъ.

И я въ упоеніи цѣловалъ ея руки и не зналъ, что сказать ей отъ счастья...

А потомъ я не зналъ, что сказать, отъ сомнѣній. Я по цѣлымъ ночамъ обдумывалъ на тысячи ладовъ, что можетъ выйти изъ моего брака съ Зиной, и приходилъ къ неутѣшительнымъ заключеніямъ. „Мы разные люди,—думалъ я,—она даже мало интеллигентна. Наконецъ, у нея ничего нѣтъ, и куда я возьму ее? Въ эту комнату?“

И потянулись томительные вечера, которые я неизмѣнно проводилъ у Соймоновыхъ. Что-то мѣшало мнѣ высказаться передъ Зиной. Я потерялъ, выражаясь вульгарно, удобный моментъ. Да и было ли что высказывать? Любилъ ли я ее?

Помню, въ одинъ холодный и дождливый вечеръ мнѣ было особенно скучно. Зина что-то вязала, я перелистывалъ журналъ. Стихотвореніе Леконта де-Лиля, которое я нашелъ въ немъ, чрезвычайно совпало съ моимъ настроеніемъ, и я сталъ читать, едва сдерживая слезы:

Укорь ли намъ неся, прощальный ли привѣтъ,
Какъ дальнихъ волнъ прибой, осенній вѣтеръ стонеть
И вдоль пустыхъ аллей деревья грустно клонить,
О, солнце,—а на нихъ твой свѣтъ, кровавый свѣтъ...

Изъ славныхъ ранъ твоихъ, родникъ и свѣточъ дня,
Какъ изъ груди бойца потокъ любви высокой,
Струится золото лучистое широко...
Ты умираешь... Ахъ, лишь ночь—вотъ смерть твоя!

Но сердцу, что въ конецъ разбито, сердцу кто же
Вернетъ и жизнь, и свѣтъ, вернетъ надежду, Боже?

— Не правда ли, какъ хорошо?—спросилъ я.

— Да, красиво,—отвѣтила Зина машинально.

— А по моему,—сказалъ Александръ Данилычъ,—все это „собачья старость“ и больше ничего.

Зина звонко и весело расхохоталась...

А тутъ у Соймоновыхъ почти каждый день началъ бывать помощникъ присяжнаго повѣреннаго Богаутъ, молодой человекъ, здоровый и жизнерадостный, какъ нѣмецъ, всегда со всѣми любезный и ласковый. Я же сталъ проводить вечера въ обществѣ Елены, милой и простой дѣвушки, типичной курсистки изъ духовнаго званія. Мы ѣли съ ней колбасу, пили чай и слушали у окна музыку военнаго оркестра, доносившуюся изъ городского сада. Съ Еленой мнѣ было легко и хорошо, я по цѣлымъ часамъ могъ жаловаться ей на свою участь и цѣловалъ у ней руки. Но что, кромѣ этого, я могъ сказать ей? И какъ быстро разочаровалась бы она во мнѣ!

Мнѣ мучительно жаль ея теперь, но я долженъ во что бы то ни стало избѣгнуть этого послѣдняго свиданія!..

IV.

Въ надеждѣ, что она придетъ какъ разъ въ мое отсутствіе, я отправляюсь въ кухмистерскую обѣдать.

Въ самомъ дѣлѣ, какой скучный день! Прохожихъ мало, извозчики у перекрестковъ дремлютъ. Вѣлые каменные дома въ пыли. Вѣтеръ несетъ по мостовой эту бѣлесую пыль и шуршитъ на бульварахъ тощими и почернѣвшими акаціями... Вотъ присутственныя мѣста на площади, вотъ главная улица. Тутъ больше прохожихъ и проѣзжихъ, около магазиновъ тѣснятся экипажи... Мнѣ же все кажется, что въ городѣ—праздникъ, потому что Зина вчера повѣнчалась и сегодня дѣлаетъ съ мужемъ визиты... Шибко прокатилъ на парѣ сѣрыхъ, бойкихъ и злыхъ лошадей полиціймейстеръ. Присяжная круто отвернула отъ коренника голову, кучеръ—въ струну, а самъ полиціймейстеръ весело оглядывается, по офицерски заложивъ руки въ карманы. Это онъ къ Соймоновымъ, должно быть... И я бессознательно прибавляю шагъ; сердце забилось сильнѣе, и тянетъ хоть еще разъ взглянуть на нее...

Но зачѣмъ?

И преодолевъ себя, я сворачиваю на тихую Старо-Замковую улицу, гдѣ уже второй годъ обѣдаю въ польской „кондитерской“.

Я быстро подошелъ къ дверямъ—и внезапно струсиль А если тутъ Елена? Вѣдь часто случалось, что мы обѣдали вмѣстѣ. Можетъ случиться и сегодня...

Въ нерѣшимости я прошелъ мимо оконъ, заглянулъ въ столовую. Въ столовой пусто,—значить, можно идти смѣло...

Съ облегченнымъ сердцемъ я взялся за ручку двери.

Но невеселыя мысли и тутъ преслѣдовали меня. Знаете вы этихъ

забитыхъ трудомъ и бѣдностью старушекъ, которыя встрѣчаются иногда на улицахъ, въ кухмистерскихъ и присутственныхъ мѣстахъ въ дни выдачи пенсій? Почему-то всѣ онѣ маленькаго роста, ходятъ въ старенькихъ бурнусахъ и убогихъ шляпкахъ, смотрятъ на все робкими, недоумѣвающими глазами и возбуждаютъ мучительную жалость своимъ покорнымъ видомъ... Какъ нарочно, и сегодня одна изъ нихъ тутъ.

Я старался глядѣть только въ тарелку, но не могъ забыть о своей сосѣдкѣ. Вѣрно, думалось мнѣ, она даетъ уроки языковъ или музыки, живетъ одна въ маленькой, чистой комнаткѣ, гдѣ горитъ лампадка въ часы ея недолгаго отдыха, когда темнѣетъ субботній вечеръ и тихо рѣветъ надъ городомъ звонъ ко всенощной... Но чувствуетъ ли она, какъ горько на старости лѣтъ, безъ семьи, безъ близкихъ, отдыхать только въ субботній вечеръ? Знаетъ ли она, какъ тяжело глядѣть на нее, когда плетется она въ своемъ старенькомъ бурнусѣ съ урока въ кухмистерскую или вечеромъ въ лавочку за осьмушкой чаю? А главное, не приходитъ ли ей въ голову, что между нами есть что-то общее?

Эта мысль злитъ меня, я знаю, что глупо разжалобивать себя, и все-таки невеселыя думы и воспоминанія вереницей проходятъ въ моей головѣ. Я спѣшу домой и усердно принимаюсь за уборку вещей въ дорогу. Но какія же у меня вещи?

Я открылъ корзину, въ которой въ беспорядкѣ навалено бѣлье, выдвинулъ изъ подъ кровати чемоданъ съ письмами, бумагами и нотами—и опустилъ руки.

Тутъ всѣ мои воспоминанія. Этотъ чемоданъ—мой старый товарищъ. Въ первый разъ онъ отправился со мной въ путешествіе еще тогда, когда я только что „вступалъ въ жизнь“, т. е. ѣхалъ на югъ, въ университетскій городъ.

Удивительно живо я помню эти дни въ пути! Помню даже, какъ смотрѣлся въ зеркало на вокзалѣ въ Курскѣ и думалъ, что я похожъ на Шопена; помню, какъ по вагону ходили полосы свѣта и тѣни—отъ яркаго мартовскаго солнца и клубовъ дыма, плывущихъ мимо оконъ. Снѣжныя поля блестѣли золотой слюдой, сіяющая даль манила къ югу, къ чему-то молодому и веселому... А потомъ—большой, шумный городъ, весна, во всемъ что-то нѣжное, легкое, южное... Сѣверный уѣздный городокъ, гдѣ осталась моя семья, разорившаяся помѣщичья семья, былъ отъ меня далеко, и я не понималъ тогда, что потерялъ послѣднюю связь съ родиной,—именно послѣднюю. Развѣ есть у меня теперь родина? Если нѣтъ работы для родины, нѣтъ и связи съ нею.

Общество переживало тогда глухое время. Старшіе братья сыгнали свою роль и разбрелись по бѣлу-свѣту. Младшіе—одни не хотѣли, другіе не чувствовали себя въ силахъ продолжать ихъ

оборвавшуюся дѣятельность. Общественная жизнь замерла... И для меня потянулись одинокіе дни, безъ дѣла, безъ цѣли въ будущемъ и почти въ нищетѣ. Вѣдь у меня нѣтъ даже и этой связи съ родиной—своего угла, своего пристанища. И я быстро постарѣлъ, вывѣтрился нравственно и физически, сталъ бродягой въ поискахъ работы для куска хлѣба; а свободное время посвятилъ меланхолическимъ размышленіямъ о жизни и смерти... Такъ сложился мой характеръ и такъ просто прошла моя молодость.

Собственно говоря, и вспоминать-то нечего. А все-таки при взглядѣ на этотъ истрепанный чемоданъ я опускаю руки, подавленный воспоминаніями. Каждый разъ, какъ мнѣ приходится уладывать въ него мой скорбь, я говорю себѣ: вотъ еще невозвратно прошло столько-то лѣтъ; еще часть моей жизни оторвана... И мнѣ больно говорить это себѣ. Вспоминаются одинъ за другимъ дни, проведенные въ этой комнатѣ, — дни, полные моихъ неопредѣленныхъ надеждъ и мечтаній, и кажется, что было въ нихъ что-то молодое и хорошее. Вспоминаются и далекіе дни, тѣ, что рисуются мнѣ словно въ туманѣ. О нихъ говорятъ связки писемъ. Вотъ письма родныхъ, которые гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ, все еще ждутъ меня въ праздникамъ и грустятъ обо мнѣ съ нѣжною любовью, какъ о мальчикѣ... Вотъ письма первой любви, первыхъ товарищей... И при взглядѣ на каждое изъ нихъ у меня сжимается сердце...

Рѣзкій звонокъ заставилъ меня быстро вскочить съ кресла и кинуться къ шляпѣ. Елена! И я заметался по комнатѣ, готовый даже пригнуть въ окошко. А между тѣмъ уже слышенъ ея голосъ:

— Дома Сергѣй Николаевичъ?

— Дома, дома, заходить, пожалуйста!

Я распахнулъ дверь, пробѣжалъ черезъ кухню, оттуда — по двору къ калиткѣ и, пока Елена была въ домѣ, успѣлъ повернуть за уголъ... У меня какой-то нелѣпый страхъ къ этимъ „серьезнымъ разговорамъ“.

V.

До поздняго вечера я бродилъ за городомъ.

Кругомъ было поле, безжизненное, унылое. Наплывали угрюмыя тучи, вѣтеръ усиливался и сухой бурьянъ летѣлъ по пашнямъ въ непривѣтную, темную даль. И на душѣ у меня становилось тоже все темнѣе и темнѣе.

Въ смутномъ, волнующемся сумрачѣ городского сада я сидѣлъ подь старыми деревьями на забытой скамейкѣ. Вотъ гдѣ, думалось мнѣ, уныніе-то теперь—на владбищѣ! Развѣ въ смерти есть что-

нибудь ужасное, сильное? Смерть—ничто, пустота. И только однимъ этимъ и пугаетъ насъ смерть. И на кладбищѣ также: сумерки, ни души кругомъ; могилы и могилы, заросшія травкою; трава теперь высохла, пожелтѣла и тихо шелеститъ отъ вѣтра.

— А гдѣ Елена?—приходило мнѣ иногда въ голову внезапно.—Вѣдь она совсѣмъ одна и въ безнадежной тоскѣ ждетъ ночи... Можетъ быть, она тутъ гдѣ-нибудь,—въ саду?

Я вдругъ вспоминаю слова пріора Гейстербаха о вѣтренныхъ днахъ и душахъ повѣсившихся людей и въ испугѣ поднимаюсь со скамьи. Зачѣмъ я такъ подло и трусливо спрятался отъ нея? Зачѣмъ не поговорилъ съ ней? Хотя, съ другой стороны, что же я могъ сказать ей? Это все равно, что мнѣ отправиться сейчасъ къ Зинѣ... Да и нельзя отправиться... Пять часовъ, она уѣхала...

Я опять сажусь и пристально гляжу въ одну точку, стараюсь охватить то, чтó творится въ моей душѣ.

Звѣзды въ мутномъ небѣ свѣтятъ блѣдно и сумрачно. Вѣтеръ поднимаетъ пыль на дорожкахъ почти темнаго сада, и съ деревьевъ сыплются листья. Точно напряженный шепотъ, не смолкаетъ надо мною порывисто усиливающейся шумъ и шелестъ деревьевъ. А когда вѣтеръ, какъ духъ, какъ живой, убѣгаетъ, кружась, въ дальнія аллеи, старые тополи гудятъ тамъ такъ угрюмо, что становится жутко. Гулъ ихъ вершинъ грустно сливается съ моимъ настроеніемъ, и старыя грустныя сравненія приходятъ въ голову... Какъ вѣтеръ листьями, играетъ жизнь моею судьбою, и я не виноватъ, что не могу открытой грудью встрѣтить бурю жизни!

Когда я, наконецъ, рѣшилъ вернуться домой, была уже ночь. Подавленный тоской, подгоняемый вѣтромъ, я бессильно брелъ по улицамъ. Вотъ и нашъ домишко ярко свѣтитъ окнами въ черномъ мракѣ подъ деревьями. Кругомъ шумъ вѣтра и листьевъ, а тамъ затишье, и сухія вѣтки плюща, какъ во снѣ, качаются надъ окномъ моей комнаты. Въ ней, за стеклами, спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ горитъ лампа... Куда же я ѣду? Кто гонитъ меня въ эту неизвѣданную даль, гдѣ полутемный поѣздъ, одинокая ночь и долгій, замирающій, точно прощальный, стонъ паровоза?

Въ страхѣ я остановился.

— Елена!—хотѣлось крикнуть мнѣ.

И точно по волшебству угадавъ мое желаніе, она неслышно вышла изъ темноты подъ деревьями.

— Можно въ тебѣ?—спросила она деревяннымъ голосомъ.

Я растерялся и смущенно пробормоталъ:

— Конечно... Конечно, можно... Сдѣлай одолженіе...

Въ темнотѣ я долго не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину, наконецъ, отворилъ дверь и неестественно-шутливо проговорилъ:

— „Прошу, сказалъ Собакевичъ“.

— Я только на минутку, — отвѣтила она сухо, входя въ комнату и не глядя на меня.

Я подвинулъ ей кресло, сѣлъ противъ нея и взялъ ее за руку.

— Снимай, — сказалъ я ласково, указывая глазами на перчатку, — посиди у меня.

Она взглянула на меня, улыбнулась, но вдругъ губы ея дрогнули и на глазахъ показались слезы.

— Елена! — сказалъ я тихо. — Еленочка!

Она не отвѣтила. Я повторилъ свои слова, но уже безъ нѣжности и пожалъ плечами. Что же мнѣ еще сказать ей?

— Елена! — снова началъ я съ раздраженіемъ. — Надо же взять себя въ руки, — прибавилъ я, чувствуя, что говорю глупости.

Она упорно молчала. Зубы ея были стиснуты, въ голубыхъ глазахъ, пристально устремленныхъ на огонь, стояли слезы.

Я съ шумомъ отодвинулъ кресло, быстро застегнулъ на всѣ пуговицы пиджакъ и, заложивъ руки въ его карманы, заходилъ по комнатѣ. Но повернувъ раза два или три, снова бросился въ кресло и, прикрывъ глаза, спросилъ съ холодной насмѣшливостью:

— Что же тебѣ угодно отъ меня?

Она быстро и удивленно взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, но вдругъ закрыла лицо руками и разразилась громкими, судорожными рыданіями. И рыдая, комкая въ глазамъ платокъ, заговорила отрывистымъ, крикливымъ голосомъ:

— Ты не смѣешь такъ говорить!.. Какъ ты... смѣ-ешь... когда я... та-акъ... относилась къ тебѣ!.. Ты обманывалъ... Ты только... фамильярничать способенъ!..

— Зачѣмъ ты врешь? — перебилъ я ее, — ты знаешь, что я искренно относился къ тебѣ, по дружески. Но чѣмъ я былъ обязанъ на большее? Какъ это пошло; воображать, что разъ человекъ сталъ говорить женщинѣ „ты“, это ужъ что-то особенное! Я не хочу вашей любви, я хочу новыхъ, простыхъ отношеній. Если бы ты даже сошла со мной, то почему мы должны быть связаны на всю жизнь? Я путаюсь, но ты понимаешь меня...

— А я не хочу твоей декадентской дружбы, — крикнула Елена и отняла платокъ отъ глазъ. — Что значать эти новыя отношенія? Чего ты ломался, — заговорила она, твердо сдерживая рыданія и глядя на меня въ упоръ съ ненавистью. — Почему ты вообразилъ, что со мной только и можно было, что болтать ерунду? Чѣмъ я хуже тебя? Ты не смѣешь думать, что я навязываюсь тебѣ!.. Но я такъ спрашиваю: почему ты мысли даже не допускалъ, чтобы я осталась съ тобой? Я одна, меня ждетъ ужасная жизнь гдѣ-нибудь въ сельскомъ училищѣ, и я пойду туда, но я тоже чело-

вѣка... А ты... ты даже вообразить не можешь, какъ я ненавижу васъ всѣхъ,—неврастениковъ! Хоть бы каплю совѣсти, хоть бы на югу что-нибудь для другихъ! Все для себя! Все ждете, что вапа трусливая жизнь обратится въ нѣчто необыкновенное!

— Да,—сказала я со злобою, поднимаясь.—Мнѣ дана только одна жизнь и та на какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ пятнадцать ушло на дѣтство и четверть уйдетъ на сонъ. Смѣшно, не правда ли?

Но Елена опять прижала платокъ къ глазамъ и зарыдала съ новой силой.

— И поэтому ты...—заговорила она гадливо.—И потому ты сегодня такъ низко и спрятался отъ меня? Ты опять лжешь, чтобы закрыться пышными фразами...

Я съ неимоверной быстротой схватилъ прессъ-папье и со всего размаху ударилъ имъ по столу.

— Уйди!—крикнулъ я бѣшено.

И мгновенно похолодѣлъ отъ ужаса за сдѣланное. Я увидалъ, какъ Елена вскочила, сразу оборвавъ рыданія, и лицо ея рѣзко измѣнилось отъ дѣтскаго страха.

— Сережа!—вырвалось у нея съ невыразимой нѣжностью.

— Уйди!—закричалъ я опять, но уже другимъ—жалбымъ голосомъ, до глубины души пораженный жалостью.

Она распахнула дверь, и вѣтеръ, какъ шалый, со стукомъ рванулъ къ себѣ раму, съ шелестомъ и шумомъ деревьевъ ворвался въ комнату и мгновенно уничтожилъ свѣтъ лампы. Я упалъ на постель, уткнулся лицомъ въ подушку и заскрежеталъ зубами, упиваясь своею скорбью и своимъ отчаяньемъ. Тополи гудѣли и бушевали во мракѣ... Но я точно былъ радъ всему этому. Все равно, все равно!—повторялъ я съ мучительнымъ наслажденіемъ,—пусть бушуетъ вѣтеръ, пусть шумъ деревьевъ, стукъ ставень, чьи-то крики вдали сливаются въ одинъ дикій хаосъ! Жизнь, какъ вѣтеръ, подхватила меня, отняла волю, сбילה съ толку и несетъ куда-то въ даль, гдѣ смерть, мракъ, отчаянье!..

А теперь, когда я пишу эти строки, я часто думаю: „Боже мой! Если бы можно было начать жизнь снова, какъ бы я ухватился даже за самую трудную, рабскую жизнь, но радостную въ какомъ-нибудь неустанномъ, неуспяномъ трудѣ! Горе слабымъ, одинокимъ—и празднымъ!“

Ив. Бунинъ.

АРНОЛЬДЪ БЁКЛИНЪ.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

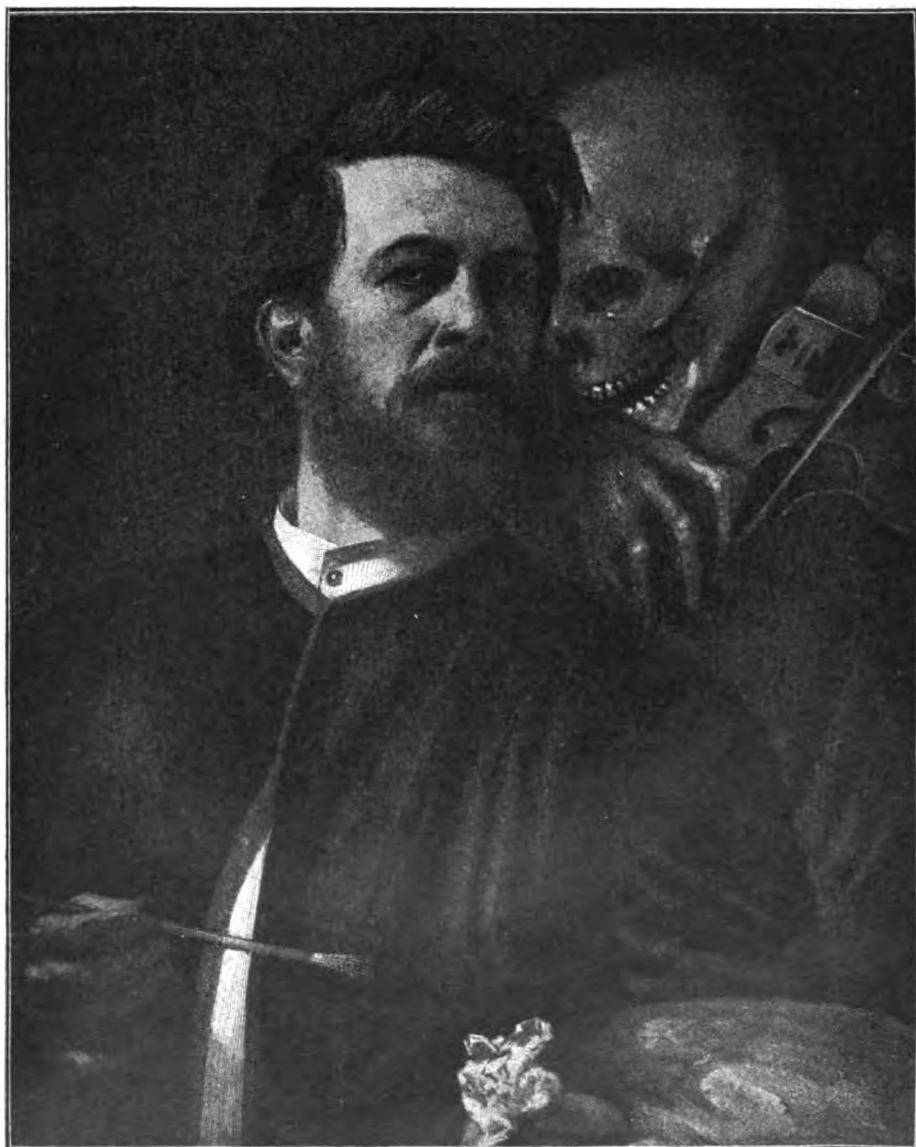
I.

У Арнольда Бёклина есть аллегорическая картина «Поэзія и живопись» *). На мраморномъ подножіи, около фонтана, въ тѣни лавровыхъ деревьевъ, обвитыхъ плющемъ, стоятъ двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ, бѣлокурая дѣвушка, держитъ въ рукѣ палитру и наклоняется надъ прозрачною водою, чтобы въ ней увидѣть свое отраженіе. Другая, Поэзія, съ вѣнкомъ на черныхъ волосахъ, глядитъ строго, задумчиво на серебрищіяся лучи фонтана, точно прислушиваясь къ ритму падающихъ брызгъ, къ неясному шуму весенней природы... Это изображеніе двухъ сестеръ искусства у одного источника красоты является символическимъ и относительно таланта самого художника.

Несомѣнно, что Бёклинъ не только большой живописецъ, но также глубокий поэтъ. Во многихъ его картинахъ можетъ быть больше поэзіи, чѣмъ живописи. Бёклинъ не признаетъ формы для формы, цвѣта для цвѣта; не ищетъ пластическаго совершенства. Искусство его не столько *рисуетъ*, сколько *разоблачаетъ*, дѣйствуя намекомъ и настроеніями, открывая сказки тамъ, гдѣ прежде видѣли одну художественность. Оно будитъ наше сочувствіе къ неодушевленному и стихійному, вызываетъ въ насъ цѣлый міръ неразгаданныхъ ощущеній и полусознательныхъ думъ.

Бёклинъ менѣе всего похожъ на импрессионистовъ, для которыхъ природа лишь рядъ красочныхъ эффе́ктовъ, живописныхъ уголковъ, солнечныхъ пятенъ. Остановливаясь на поверхности, импрессионисты желаютъ «поймать природу» въ одномъ изъ ея мгновенныхъ превращеній, и поэтому могутъ дѣйствовать (въ лучшемъ случаѣ) только на зрѣніе. Бёклинъ—исповѣдникъ природы. Задача его заключается въ томъ, чтобы досказать на полотнѣ ея неопредѣленную мысль, чтобы выразить тайну, скрытую подъ покровомъ ея измѣнчивыхъ формъ, кра-

*) Dichtung und Malerei.

АРНОЛЬДЪ БѢКЛИНЪ.
Портретъ работы самого художника.

сокъ и звуковъ. Другими словами, художникъ не только чувствуетъ природу, но передаетъ ей свое чувство. Онъ мало заботится о той объективной *правдивости*, которая въ сущности не болѣе, какъ поверхностная *видимость* вещей, онъ не пишетъ «съ натуры», но воображаетъ и одушевляетъ ее. Раньше всего онъ—пантеистъ и лирикъ. Его природа живетъ своею собственною правдой, интимной, многозначительной. Она настолько же внутри художника, насколько внѣ его. Она въ то же время призрачна и осязательна, романтична и реальна, но, главнымъ образомъ, задумевна...

Эта задумевность тихо волнуется насъ и навѣваетъ воспоминанія. Когда мы стоимъ передъ картинами Беклина, то намъ кажется, что прежде никто, кромѣ насъ, ихъ не видѣлъ, но что мы когда-то давно уже видѣли ихъ, точно онѣ воплощеніе нашихъ неясныхъ предчувствій.

Вотъ, наприжѣръ, его картина «Возвращеніе на родину». Скромный нѣмецкій пейзажъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ. Мельница, березовая роща, нѣсколько деревенскихъ домиковъ. Противъ мельницы, на каменной стѣнѣ бассейна сидитъ человекъ въ средневѣковомъ платьѣ—старый солдатъ, вернувшійся, послѣ долгихъ скитаній, въ родное гнѣздо. Онъ снялъ шляпу и замечтался. На него нахлынули воспоминанія дѣтства... Со времени его отъѣзда здѣсь почти ничего не измѣнилось: тѣ же березы стоятъ надъ плотиной; позади та же холмистая даль. Только онъ сгорбился и постарѣлъ. Какъ знакома ему эта осень! Сколько разъ, бывало, сиживалъ онъ тутъ, слушая однообразный гулъ мельничнаго колеса и глядя на темнѣющее небо... Какъ все это близко, какъ безконечно далеко... И осенній вечеръ понимаетъ его мысли. Виѣстѣ съ нимъ онъ какъ будто жалѣетъ о минувшемъ, сознаетъ невозвратное, проникнуть тишиной одиночества.

Вдумываясь въ эту картину, мы перестаемъ на нее смотрѣть нашими глазами; она становится видѣніемъ старика-солдата. И невольно мы смѣшиваемъ себя съ его грустью... точно художникъ угадалъ нашу тайну, раскрылъ какую-то полузабытую страницу нашей души.

II.

По своей субъективности и утонченности Бёклинь—глубоко современенъ. Ему знакомъ соблазнъ мыслей, какъ будто недодуманныхъ, похожихъ на ощущеніе,—сумрачныхъ, иногда зловѣщихъ образовъ, безпричинныхъ и недосказанныхъ печалей. Тотъ «интимный пантеизмъ», которымъ просвѣчиваетъ его искусство, является несомнѣннымъ знаменіемъ времени. Но въ Бёклинѣ есть черта, отличающая его отъ большинства современныхъ художниковъ и въ особенности отъ новаторовъ съ символическимъ и мистическимъ отгѣнкомъ. Это—искренность, доходящая порою до наивности, до ребячества,—искренность, напоминающая любов-

ное простодушіе старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ. У Беклина грусть или веселіе, какая-нибудь заветная идея или случайно попавшееся подъ руку стихотвореніе непосредственно выливаются въ образы и краски. Когда онъ шутитъ или плачетъ, то всегда отъ чистаго сердца. Его юморъ такъже безыскусствененъ и заразителенъ, какъ его скорбь. Ему точно вѣтъ дѣла до публики, до впечатлѣнія на зрителя. Онъ пишетъ для себя, повинаясь лишь капризамъ своего воображенія, рискуя быть непонятымъ и осмѣяннымъ. Съ смѣлостью, свойственной большимъ талантамъ, онъ не боится воплощать все, что ему вздумается и какъ ему вздумается; онъ не боится несообразностей и несоразмѣрностей чудовищнаго и замысловатаго; онъ одинаково пользуется языческимъ и христіанскимъ міромъ, сверхъестественными легендами и самой обыденной правдой. Притомъ онъ обладаетъ въ высшей степени способностью отдалять отъ насъ современную дѣйствительность, и съ другой стороны—приближать къ намъ старину. Фигуры его произведеній почти всегда одѣты въ историческіе костюмы, но, строго говоря, ихъ нельзя считать историческими. Въ нихъ такъ много субъективнаго и близкаго намъ лиризма, что мысль о какой-нибудь отдѣльной эпохѣ, связанной съ ними, и въ голову не приходитъ; онъ положительно—внѣ опредѣленнаго времени и мѣста, являясь для художника только случайными звеньями въ безконечной цѣпи историческаго бытія. Это сліяніе въ одво опущеніе вѣковой жизни человѣчества, жизни, возникающей изъ той же вольной, необъятной природы; эта свобода представленій—и придаютъ картинамъ Беклина ихъ обаяніе, ихъ своеобразную роскошь. Воображеніе художника дѣйствительно не имѣетъ границъ, что не мѣшаетъ ему всегда оставаться большимъ мастеромъ, внимательнымъ, обладающимъ громадной выдержкой и почти женскимъ чутьемъ. Его фантазія не переходитъ черезъ край, не теряетъ почвы; необычайное не становится неправдоподобнымъ. Наоборотъ, въ сказочныхъ образахъ, созданныхъ имъ, столько убѣдительности, что мы невольно начинаемъ вѣрить въ нихъ; намъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ они существуютъ, только мы ихъ не замѣчали, пока художникъ не открылъ намъ глаза...

III.

Трудно найти другого художника, котораго можно было бы сравнить съ Беклиномъ по разнообразію дарованія. Онъ писалъ пейзажи, аллегоріи, историческія картины, портреты, образы, декоративныя фрески... «Нѣтъ той области въ живописи, которой бы онъ не освѣтилъ по своему и не отмѣтилъ своею рѣзкой индивидуальностью. При этомъ онъ всегда находитъ что нибудь новое. Въ самой избитой темѣ онъ умѣетъ открыть такія особенности, такія многозначительныя мелочи, которыя придаютъ всей картинѣ неожиданную прелесть. Беклинъ

постоянно искалъ и поэтому постоянно мѣнялся. Большинство хорошихъ мастеровъ, особенно наклонѣ лѣтъ, прибрѣтаютъ извѣстную манеру, по которой ихъ легко можно узнать. Это особенно замѣтно въ вещахъ менѣе удачныхъ. Такъ, напримѣръ, Маккартъ—неподражаемый колористъ и сильный темпераментъ, но достаточно знать нѣсколько его картинъ для того, чтобы имѣть о немъ полное представленіе. У него есть любимыя лица, группы, любимыя краски. Наоборотъ, почти каждая вещь Бѣклина своеобразна и по техникѣ, и по духу. Онъ не повторяется даже тогда, когда повторяетъ свои темы.

Въ національной галереѣ Берлина находится его извѣстная картина «Край блаженныхъ» *). Она выдержана въ глубокихъ тонахъ. Густая, почти черная зелень рѣзко вырѣзается на лазури; деревья словно вылиты изъ тяжелаго металла; у одной изъ нимфъ на головѣ, вмѣсто волосъ, — настоящее золото, а лебеди на темномъ основаніи воды, какъ будто сдѣланы изъ ослѣпительно бѣлаго фарфора. Это—краски жгучія по всей яркости. Вся картина пронизана лучами солнца, Жизнь разлита въ ней знойными, ликующими струями. Никто не достигалъ еще такой пышности, такой отчетливый полноты цвѣта.

Полную противоположность этому колориту мы встрѣчаемъ тутъ же въ небольшой вещицѣ «Отшельникъ» **) Старичекъ-монахъ играетъ на скрипкѣ передъ образомъ Мадонны, который онъ любовно украсилъ цвѣтами; въ окно и въ щелку двери на него съ любопытствомъ глядятъ кудрявые херувимы съ крылышками изъ павлиньихъ перьевъ... Здѣсь все едва намѣчено воздушною кистью; тѣни сливаются нѣжными переходами; лучъ солнца скользитъ и разсѣвается незамѣтно... Какъ у истиннаго поэта нѣтъ готовыхъ римовъ и эпитетовъ для своего вдохновенія, такъ и у Бѣклина нѣтъ постоянныхъ приемовъ. Онъ любитъ зеленовато-синіе эмалевые блики, блестящіе контрасты, борьбу золотистыхъ волнъ и глубокаго мрака; умѣетъ зажечь нѣсколькими пятнами цѣлую картину, но въ то же время онъ пользуется чередованіемъ полутѣней и полукрасокъ, и знаетъ тайну сѣрыхъ, поблекшихъ тоновъ. Его задача заставить *говорить* краску, найти гармонію мысли и цвѣта.

IV.

Подобно многимъ крупнымъ художникамъ, Бѣклинъ былъ въ юности копистомъ. Сначала въ Дюссельдорфѣ подъ руководствомъ Вильгельма Ширмера, а потомъ въ Антверпенѣ, Брюсселѣ и Парижѣ онъ много писалъ съ древнихъ мастеровъ. Трудно сказать, кто изъ нихъ оказалъ наибольшее вліяніе на развитіе его таланта, венеціанскіе ли кватрочентисты, отъ которыхъ онъ унаслѣдовалъ свои горячіе тона, или

*) Die Gefilde der Seligen.

**) Der Eremit.

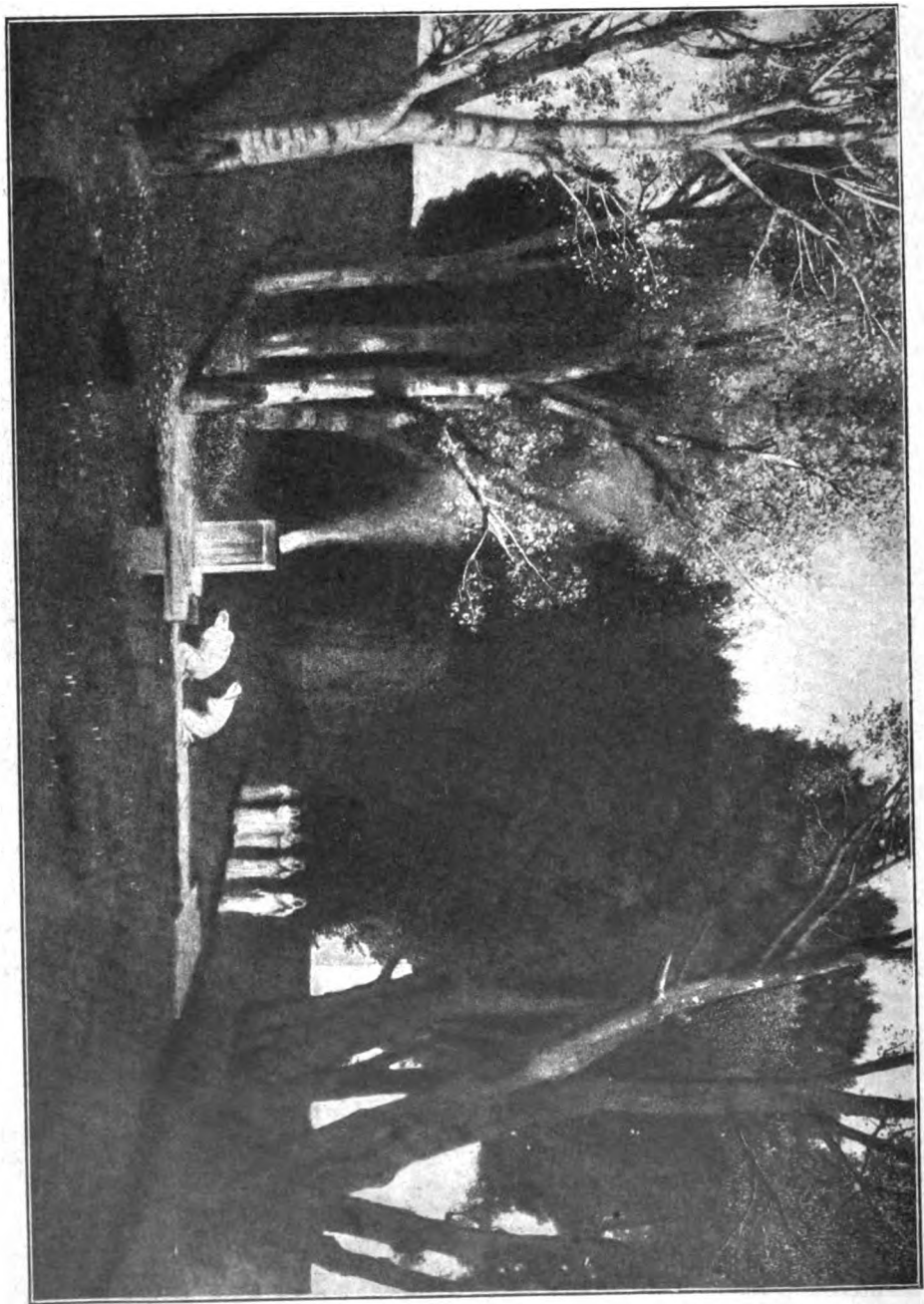
Рубенсъ, возбудившій въ немъ любовь къ обнаженному тѣлу, къ юмористическимъ уродствамъ, или старая нѣмецкая школа съ Дюреромъ и Гольбейномъ во главѣ. Кажется, нѣтъ художника, съ какимъ бы ни сравнивали Беклина. Вѣришь всего то, что онъ понемногу учился у всѣхъ, но никому не подражалъ, и еще несомнѣнно, что духовный складъ его таланта чисто германскій, какъ бы ни оспаривали этого его соотечественники-швейцарцы.

Беклинъ родился въ Базелѣ (1827 г.), но большую часть жизни, т. е. около тридцати лѣтъ онъ провелъ въ Италиі. Влюбленность въ Италию сама по себѣ уже типична для нѣмца. «Ja! Italien wird uns immer beherrschen»,—говоритъ Гейне... Начиная съ остготовъ и Гогенштауфеновъ и кончая Гете, Грегоровіусомъ, Корнеліусомъ и др., нѣмцы стремились въ солнечный край, такъ нѣжно воспѣтый Миньной:

...гдѣ въ зелени тѣнистой
Цвѣтеть лимонъ и апельсинъ золотистый,
Гдѣ съ неба вѣетъ тихій вѣтерокъ,
Недвижимъ миртъ и темный лавръ высокъ...

Существуетъ легенда, какъ молодой нѣмецкій рыцарь былъ обвороженъ мраморной Діаной, стоявшей въ саду флорентинскаго гуманиста-патриція. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея чарующихъ формъ, да такъ и не вернулся къ себѣ на родину. Беклинъ напоминаетъ этого рыцаря... Въ первый разъ онъ увидѣлъ Италию 23-хъ лѣтъ. Тогда-то и опредѣлились въ немъ настроенія, возвращавшіяся къ нему въ продолженіи всей жизни. Гдѣ бы ни находился художникъ потомъ, въ сѣромъ ли Мюнхенѣ у своего друга и покровителя графа Шака, или въ Веймарѣ среди своихъ учениковъ, его тянуло обратно, на югъ, къ голубымъ холмамъ Фіезоле или въ Санъ-Миньято, гдѣ на закатѣ дня верхи кипарисовъ отливаютъ золотистымъ пурпуромъ, а темная листва ихъ становится непроницаемой, какъ бархатный покровъ... Но Беклинъ иначе вдохновился Италией, чѣмъ другіе нѣмцы, вродѣ Ахенбаха, котораго поразила только показная ея сторона: богатство южныхъ красокъ, волшебныя зори и лунные вечера, однимъ словомъ, декорація природы, а не природа въ ея глубокомъ, таинственномъ значеніи. Какъ многіе итальянствующіе художники, въ томъ числѣ и нашъ Семирадскій, Ахенбахъ—парадный живописецъ. Беклинъ въ силу своего историческаго лиризма полюбилъ душу Италиі, ея развалины, одѣтыя трауромъ старины, сумракъ священныхъ роццъ, море, вѣчно нашептывающее легенды о минувшихъ вѣкахъ; онъ полюбилъ поэзію невозвратнаго. Въ этомъ отношеніи его скорѣе напоминаетъ меланхолическій Клодъ Лоррэнъ. Но недаромъ говорится, что меланхолія—только пріятная грусть. Пейзажи Клода почти всегда ясны, безвѣтренны. Ни одинъ звукъ не нарушитъ тишины; ни одинъ листъ не шелохнется. Темная, кружевная зелень деревьевъ постепенно блѣднѣетъ, удаляясь отъ насъ гармоническими планами, и, наконецъ, на горизонтѣ сливается съ небомъ и таетъ, какъ

СВЯЩЕННАЯ РОЩА.

блѣдно-лиловый туманъ. Въ этой замирающей колыбельной пѣснѣ развалины существуютъ какъ будто для изящества картины, подобно искусственнымъ «руинамъ» въ садахъ XVIII вѣка; онѣ не говорятъ о прошедшемъ. Мечтательность французскаго мастера такъ невозмутима, что часто переходитъ въ равнодушіе.

Въ творествѣ Бѣклина всегда чувствуется непримиренность, тревога; на каждомъ шагу диссонансы. Уже въ 1841 году онъ рисуетъ «Ландшафтъ съ Бургруиной» *)—остовъ замка на высокомъ холмѣ, похожій на скелетъ; въ самой несимметричности его обнаженныхъ стѣнъ страдальческое выраженіе. Дѣло въ томъ, что природа Бѣклина неразлучна съ психическимъ элементомъ. Когда онъ рисуетъ какое-нибудь живописное мѣсто: тѣнистую роцу или развалину на морскомъ берегу, то въ его воображеніи всегда представляется тамъ душа человѣческая: дѣвушка тихо стоитъ въ одиночествѣ, смутно мелькаетъ вереница жрецовъ въ бѣлыхъ хитонахъ, богиня грезитъ у ручья... Нѣсколькими штрихами, неясными пятнами художникъ умѣетъ передать психологическій моментъ (задумчивость, испугъ или борьбу, движеніе далекой толпы), и распространяетъ его на всю картину. Деревья, небо, море, очертанія скалъ проникаются однимъ настроеніемъ, какъ бы становятся сознательными. Даже, если Бѣкинъ не воплощаетъ въ образы своего лиризма, то незначительной на первый взглядъ подробностью, полураскрытою ли дверью, или забытыми на алтарѣ цвѣтами, онъ заставляетъ насъ догадываться о невидимомъ присутствіи человѣка. Природа, переставая быть зрѣлищемъ, точно глядитъ на насъ, прислушивается къ нашимъ мыслямъ и нашептываетъ сновидѣнія. Неодушевленное начинаетъ жить...

«Поэзія,—говоритъ Викторъ Гюго,—это то, что есть во всемъ самомъ интимнаго». Дѣйствительно, въ каждой вещи, даже очень обыкновенной, кромѣ внѣшней, матеріальной стороны, кромѣ поверхности, по которой скользятъ наше вниманіе, есть еще нѣчто неуловимое, какая-то внутренняя тѣнь существованія. Нужно вдуматься въ эту смутную глубину вещей, въ эти *lascima regum*, знакомыя уже римскимъ поэтамъ, чтобы понять, сколько новаго и близкаго намъ въ творествѣ Бѣклина. Передъ его полотнами вспоминаются другія слова Гюго: «Une fleur souffre-t-elle? un rocher pense-t-il? Vivants distinguons nous une chose d'un être?»..

V.

Романтизмъ Бѣклина еще въ первое его посѣщеніе Италіи принялъ мнѳологическій и историческій характеръ. Перваго фавна онъ написалъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Затѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ непонятыхъ въ свое время картинъ, гдѣ художникъ натурализуетъ образы

*) Landshaft mit Burgruine. Felschlucht mit schäumendem Wasserfall.

классической поэзии, освѣщая ихъ своимъ чуткимъ гениемъ и національной самобытностью *)... Тутъ и древній мифъ о похищеніи человекамъ небеснаго огня съ колоссальной фигурой скованнаго Прометея **), и плѣненіе Одиссея нимфой Калипсо, и бѣгство хитрыхъ Данаевъ отъ яростнаго Полифѣма; тутъ и герои и боги: мать земли Церера, обнимающая рогъ изобилія, Діонисъ, богъ «грозныхъ веселій» съ хрустальною чашей въ рукахъ, Афродита въ вѣнцѣ: золотисто-крылыхъ эротовъ: тутъ и берега мрачнаго Стикса, охраняемые неутомимымъ Харономъ, и страшная голова Медузы... Передъ нашими глазами открывается новый сказочный міръ, въ которомъ слышатся отголоски древней Элады, но живетъ современная намъ душа, утомленная отъ сѣрой жизни нашего вѣка.

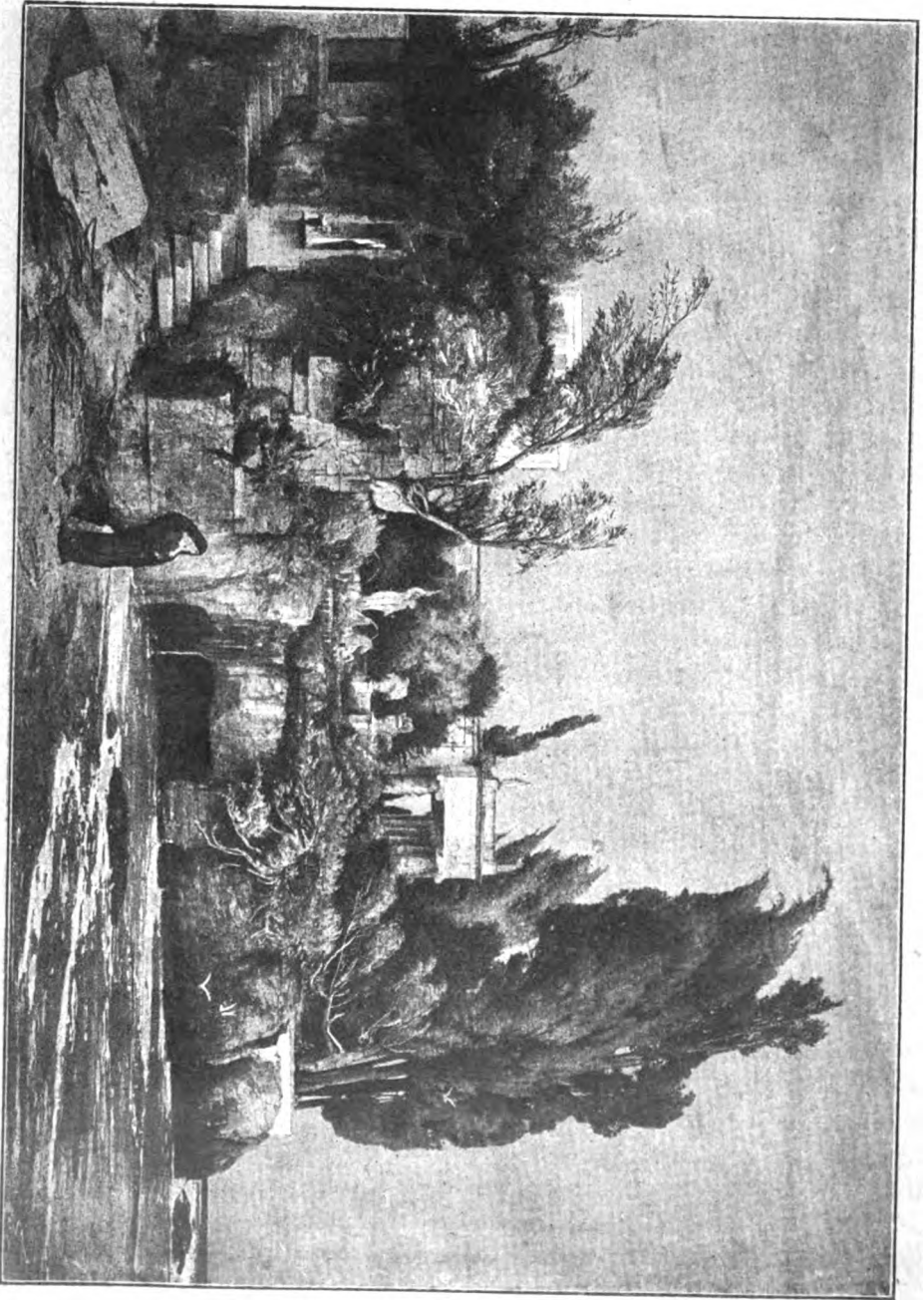
Въ этомъ мірѣ много неожиданностей и очарованій... Тамъ, въ невѣдомыхъ моряхъ волны просвѣчиваютъ темнымъ сапфиромъ; въ нихъ живутъ чудовища, опутанныя водяными растеніями, и плещутся свѣтловзорья наяды. Во время бури свинцовыя тучи охватываютъ небо; молніи бросаютъ на землю тысячу фосфорическихъ отсвѣтовъ; въ углубленіи скалъ пробуждаются призраки и поютъ дикія пѣсни непогодъ. Тамъ въ лѣсахъ и долинахъ, на берегу рѣкъ, поросшихъ тростникомъ, прячутся мохнатыя сатиры, а на лужайкахъ, озаренныхъ солнцемъ, среди нарцисовъ и анемоновъ нимфы внимаютъ свирѣли веселаго Пана...

Вы помните стихотвореніе въ прозѣ Тургенева—«Нимфы». Нашъ великій писатель рассказываетъ о томъ, какъ однажды стоя «передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ», онъ закричалъ, обращаясь къ ликующей природѣ: «Воскресъ! воскресъ великій Панъ!». «И тотчасъ, о чудо!» говоритъ онъ дальше,—«въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. «Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!» шумѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно зашумѣлось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травой. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чашу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину... Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головкамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними... Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны... Діана, это—ты?».

Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что Тургеневъ вдохновился для этихъ чарующихъ строкъ картинами базельскаго художника, напри- мѣръ его «Діаной на охотѣ».

*) «Pan im Schilfe». «Faune eine Nympe belauschend» и т. д.

**) «Die Beziehungen der Menschen zum Feuer».

ВИДЪЛ НА МОРЪТ.

Беклинъ не остановился на греческихъ мифахъ. Ему не только жаль «исчезнувшихъ богинь». Какъ эстетикъ, онъ сожалѣетъ и о средникъ вѣкахъ, проникнутыхъ тревогой разбойничьихъ набѣговъ и суевѣрными легендами. Въ его композиціяхъ мы часто встрѣчаемъ рыцарей въ желѣзныхъ кольчугахъ; замки, громозвѣщающіе надъ обрывомъ; гнѣстные потоки съ узкими мостами, перекинутыми высоко надъ цими: горныя ущелья, одѣтыя туманомъ, гдѣ живутъ громадные драконы, злорадно подстерегая людей; дальнія зарева пожаровъ, которыми отмѣчали свой путь варвары старины.

Беклинъ также много трудился надъ религиозными сюжетами. Въ мистическомъ движеніи, являющемся все болѣе и болѣе осязательнымъ въ наше время и положительно охватившемъ искусство Германіи, онъ опять-таки занимаетъ совершенно особенное мѣсто. Но объ этомъ рѣчь впереди. Беклинъ извѣстиѣ какъ пейзажистъ. Поэтому сначала я останавлиюсь на тѣхъ картинахъ, которыя всего ярче его характеризуютъ.

VI.

«Осеннія думы» *)... Вдоль узкой рѣчки, надъ которой склоняются ивы, бродитъ женская фигура въ длинной бѣлой одеждѣ и смотритъ задумчиво на воду. Къ ея ногамъ жмется помертвѣлая трава. Воздухъ туманенъ. Кругомъ тишина, неподвижность... Только больные листья одинъ за другимъ срываются съ вѣтвей, неслышно падаютъ въ рѣку и уносятся вдаль, какъ осеннія думы... Это уже грусть, но грусть мечтательная; то—природа, убавоканная поэзіей своего увяданія. Настроеніе становится болѣе сложнымъ и острымъ въ цѣломъ рядѣ другихъ полотенъ. Художникъ вводитъ насъ въ безмолвное царство одиночества и сожалѣній. Такъ, въ Мюнхенской галлерей Шака, въ числѣ многихъ произведеній Бёклина, есть небольшая картина, названная имъ «Анахоретъ» **). Гористая мѣстность, дикая, глухая, затерянная гдѣ-то высоко надъ людьми и миромъ. Сѣрыми уступами громоздятся скалы, поросшія низкими деревьями и кустарникомъ. Сквозь пожелтѣвшую листву кое-гдѣ проглядываетъ небо съ тяжелыми бѣлыми облаками. Направо изъ расщелины скалы поднимается крестъ, даже не крестъ, а просто ветхій пенъ съ перекладиной, полусгнившій отъ частыхъ дождей. И передъ нимъ на колѣняхъ молится старикъ-отшельникъ. Въ припадкѣ религиознаго бреда онъ упалъ на землю и бичуетъ себя веревкой. Лица его не видать. Замѣтна только часть его взерошенной бороды и обнаженная спина, на которой легли кровавыя слѣды ударовъ... Выше, надъ крестомъ вьется стая вороновъ. Черныя птицы слетѣлись сюда, чтобы раздѣлить съ человѣкомъ свое одиночество.

*) Herbstgedanken.

***) Anachoret.

Отъ этой картины вѣетъ какимъ-то неяснымъ ужасомъ. Передъ чѣмъ? Передъ наступленіемъ зимы, которая сорветъ поблекшіе листья и на вѣки схоронитъ ихъ въ пропасти? Или этотъ ужасъ выраженъ въ маленькой сгорбленной фигурѣ отшельника, измученнаго покаяніемъ? Въ его сознаниі, быть можетъ, также пропасть и холодъ наступающей смерти... Владѣлецъ картины, графъ Шахъ, назвалъ ее «Св. Іеронимъ въ пустынѣ». Очень вѣроятно, что Бёклинь дѣйствительно вдохновился тиціановскимъ Іеронимомъ. Но Тиціанъ просто изобразилъ историческое лицо въ подходящемъ пейзажѣ; Бёклинь связалъ мистицизмъ чловѣка съ природой мучительной глубиною молитвы.

Въ той же галлерей Шака находятся двѣ знаменитыя «Римскія виллы на морскомъ берегу» *), одна при дневномъ, другая при вечернемъ освѣщеніи... Тихо плещется невозмутимо-прозрачное море; но небо все въ тучахъ; порывистый вѣтеръ сгибаетъ столѣтніе кипарисы. За ними, въ цвѣтущемъ саду, разукрашенномъ статуями, бѣлѣетъ старинное зданіе изъ мрамора. Узкая лѣстница спускается внизъ. У подножія ея, прислонясь къ высокому камню, стоитъ женщина въ траурѣ—загадочный образъ, не то безмолвный укоръ, не то тревожное напоминаніе. Кто она? Когда она вышла изъ опустѣлаго дворца? Намъ кажется, что стоитъ она здѣсь очень давно, что, несмотря на ея молодые черты, ея страданію много, много лѣтъ. Въ ней цѣлая вѣчность разбитыхъ надеждъ... Бёклинь самъ навѣрное не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ вдохнулъ свою душу въ осеннюю грусть заброшенной римской виллы. Природа изъ глубины его творчества вышла преображенною: она заговорила, и, какъ эхо ея невнятной рѣчи, явилась эта женщина, темное привидѣніе дальнихъ временъ, поэзія невозвратнаго.

Образы Бёклина часто реальны только на половину и не живутъ настоящимъ. Они какъ будто слились съ таинственной жизнью развалинъ. Они такъ долго грезили о минувшемъ, что стали внѣ законовъ времени. Но что такое время? Вѣдь все должно умереть; все постоянно умираетъ. Прошедшее и будущее, колыбель и могила—все лишь короткій сонъ. «Vita somnium breve»—гласитъ названіе одной изъ картинъ Бёклина. Для художника жизнь и смерть не отдѣлены другъ отъ друга непроницаемой стѣной; земля наполнена призраками былого; міръ живыхъ въ то же время міръ загробный. Ему чудится, что гдѣ-то въ океанѣ есть островъ съ исполинскими скалами, съ густой кипарисовой рощей, гдѣ отдыхаютъ мертвыя тѣни **)... И онъ пишетъ этотъ островъ такъ, какъ будто его видѣлъ. Передъ нами настоящая вода, подернутая изумрудомъ, настоящіе, обросшіе мохомъ камни! Передъ нами грозное небо, которое мы видѣли тысячу разъ! Движеніе волнъ схвачено такъ живо, что мы чувствуемъ ихъ извивы и слышимъ легкое

*) Willa am Meer.

**) «Die Insel der Todten». Музей въ Лейпцигѣ.

шипѣніе прибой. Но въ общемъ этотъ скалистый замокъ моря—только сказка; въ немъ могутъ дышать лишь мертвые. Эти вѣщія, каменные глыбы, расположенныя треугольникомъ, кажутся входомъ въ бесконечно глубокую пещеру, гдѣ царитъ мракъ и сырость подземелій. И вотъ, мы стоимъ въ недоумѣніи. Художникъ разстроилъ наше обычное представление о томъ, что есть и чего нѣтъ; онъ испугалъ насъ приближеніемъ дѣйствительности съ мечтою.

Мотивъ смерти часто возвращается въ картинахъ Бёклина. Онъ даже написалъ евой собственный портретъ со скелетомъ. Какъ извѣстно, Гольбейнъ младшій воспользовался тою же темой въ портретѣ канцлера Генриха VIII *). Та же тема, но какъ разнo ее поняли два художника, находящіеся на разстояніи трехъ вѣковъ другъ отъ друга! У Гольбейна скелетъ стоитъ въ почтительномъ отдаленіи отъ добродушно улыбающагося сэра Бранна Тука, держа въ одной рукѣ традиционную косу, а другою указывая на пергаментъ съ надписью: *Nunquid non raucitas dierum finietur brevi?* Скелетъ у Бёклина играетъ на скрипкѣ, хищно оскаливъ зубы, и совсѣмъ близко наклоняется къ художнику, который откинулъ голову назадъ, точно внимательно прислушивается къ загробной мелодіи... Мы уже видѣли, что этотъ символическій призывъ смерти особенно громко звучитъ въ мысляхъ Бёклина съ наступленіемъ зимы. Тогда природа говоритъ ему о неизбѣжномъ концѣ всего земного, человѣческихъ радостей, печалей, труда и надеждъ. Осень—неумолимое «Шествіе смерти» **). Вотъ какъ это представилъ себѣ художникъ. На краю дороги стоятъ заброшенныя постройки. Тревожно и тяжело несутся надъ ними вихри лиловыхъ тучъ. Кривыя деревья поломаны бурей и покрыты ржавчиной старости. Всюду желтыя краски съ кровавымъ оттѣнкомъ, темные порывы осенняго вѣтра, и, какъ владыка окружающаго запусѣнія и холода, одинокій всадникъ-скелетъ на черной лошади и въ черномъ плащѣ...

VII.

Но, судя по этимъ описаніямъ, не слѣдуетъ заключать о безысходномъ пессимизмѣ Бёклина. Разочарованіе художника проходитъ такъ же быстро, какъ ежегодное шествіе осени. Улыбка солнечныхъ дней возвращаетъ ему весеннія грезы. Съ тою же искренностью, съ какою онъ тревожилъ насъ призраками печали, онъ будитъ наши иллюзіи молодости и счастья. Бёклинь до глубокой старости сохранилъ въ себѣ даръ обновляться, какъ бы постоянно начинать жить сначала. Будучи шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ онъ пишетъ послѣ острова смерти «Островъ жизни» ***)—сказочный край, гдѣ вмѣстѣ цвѣтутъ березы и пальмы

*) Мюнхенъ. Старая пинакотека.

***) Der Ritt des Todes.

***) Lebensinsel.

гдѣ вѣчно царить восходъ солнца, раздаются пѣсни, пляшутъ хороры нимфъ и тихо скользятъ надъ водою лебеди, гдѣ каждое биеіе природы поетъ любовь...

Много разъ во всѣ періоды свего художественнаго развитія брался Беклинъ за ту же тему.—весна. Онъ не нуждается въ сложной композиціи, чтобы вызвать въ насъ ея звонкое эхо. Полна въ пѣвѣтахъ, березовая роща, нѣсколько солнечныхъ пятенъ, и среди этой незатѣйливой обстановки—двѣ, три фигуры: то темноглазая дѣвушка въ итальянскихъ костюмахъ, съ мавдолинами въ рукахъ, то купальщица у зеркальнаго ручья, то влюбленная пара, слѣдящая въ тѣни тополей за пѣнистыми облаками на синемъ небѣ *). Весна. Только что распустились молодыя почки на березахъ. Около нихъ стоитъ полуодѣтая женщина, перебирая струны высокой арфы. Четыре голыхъ мальчугана пріютились къ ней. Двое—безмятежно спятъ, обнимая другъ друга: убаюканные дуновеніемъ тепла. На ихъ кудрявыхъ головахъ вѣйки изъ маргаритокъ. Третій мальчикъ сидитъ, поджавъ ноги и раскрывъ глаза съ довѣрчивымъ удивленіемъ, точно онъ въ первый разъ видитъ Божій міръ, а четвертый ползаетъ по лужайкѣ и внимательно что-то разглядываетъ на молодой березовой корѣ. Небо свѣтлое, влажное. Съади тянутся луга; видны домики съ плоскими крышами. Едва замѣтной полоской обозначены очертанія далекихъ холмовъ... Въ этой картинѣ можно замѣтить много несовершенствъ: плохой рисунокъ, незаключенность, пренебреженіе деталями. Искатель «красоты» не найдетъ ея въ беклиновской женщинѣ. Но странно, техническіе недостатки не портятъ общаго впечатлѣнія. Мы подчиняемся *внушенію* автора и начинаемъ видѣть сердцемъ больше, чѣмъ глазами. Это не аллегорія пробужденія природы въ міеологическомъ вкусѣ и не только пейзажъ. Это—пѣснь въ краскахъ, немного грустная, какъ весеннее счастье. Художникъ пробудилъ въ насъ волненіе весны: мы вспомнили первое шепетаніе птицъ, запахъ сырости и нѣжной травы, пробивающейся сквозь мерзлую почву, гнѣивый трепетъ обновленной жизни, когда въ воздухѣ точно натянуты незримыя струны, которыя тихо колеблются отъ всякаго дуновенія, когда весь необозримый просторъ земли таетъ въ лучахъ юнаго солнца...

VII.

Какое же мѣсто занимаютъ въ этихъ сложныхъ, волнующихъ настроеніяхъ живыя существа? Ихъ нельзя отдѣлять отъ окружающей обстановки. Въ другой средѣ они невозможны; они только часть внутренняго *видѣнія* художника, завершительные аккорды поэтической мысли. Беклинъ смотритъ на людей, какъ на растенія, и гармонируетъ

*) Liebes frühling; Sieh, es lacht die Au!—Frühlingshymne и. т. д.

ихъ съ пейзажемъ. Они не случайные гости природы; они родились вмѣстѣ съ листьями на деревьяхъ, съ облаками, скользящими по небу, и должны исчезнуть вмѣстѣ съ ними...

Но всего ярче, быть можетъ, высказывается творчество Бёклина въ созданныхъ имъ волшебныхъ существахъ. Его тритоны, наяды, кентавры, сатиры, духи горъ, морей и лѣсовъ выше всякаго описанія! Какъ демонологъ, какъ воплоитель темнаго міа, ἐκ νοητὸς γερῶν, Бёклинъ выводитъ свои образы изъ самой глубины эллинскаго хаоса, но онъ оживляетъ ихъ реализмомъ и юморомъ чисто германскаго характера. Передъ нами не античныя чудовища, какія мы привыкли видѣть на греческихъ горельефахъ,—искусственныя сочетанія человѣческаго тѣла съ тѣломъ животнаго, но дѣйствительно полулюди, полузвѣри и физически, и духовно. Въ нихъ оба начала такъ крѣпко срослись, что они правдивы до иллюзіи, естественны, какъ сама жизнь. Въ нихъ выражена близость человѣческаго сознанія съ темной душою животнаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ глубоко задуманы, что, будучи вполне конкретными существами съ плотью и кровью, они кажутся намъ олицетвореніями стихій природы.

Въ этихъ странныхъ существахъ съ рыбьей чешуей, отливающей перламутромъ, и опутанныхъ красными нитями водорослей, таится что-то могучее, свободное, вѣчное и сладострастное, какъ море, которое ихъ окружаетъ и стонетъ, и смѣется, и грозитъ во время бури. Ихъ движенія, ихъ чешуйчатые извивы скользятъ и нѣжатся, какъ морскія волны... Въ каждомъ изъ нихъ—дикая поэзія безграничнаго простора. Вы видите всю тревогу ихъ борьбы за существованіе; ихъ бѣшеные скачки въ погонѣ за добычей; безстрашныя игры около скалъ: семейныя сцены и роковыя битвы, ихъ нечеловѣческую жестокость и любовь нечеловѣческую...

«Морская идилія»... На прибрежной скалѣ, обрызганной соленой влагой, полулежитъ красавица-наяда. Она вплела жемчужныя раковины въ свои тяжелыя, черныя кудри и жадно глядитъ на мужа, который поймалъ большого моржа и побѣдоносно притащилъ его къ семьѣ. Тутъ же ползаютъ двое ребятишекъ. Младшій беззаботно улыбается; но старшій сынъ уже понимаетъ, что значитъ борьба и охота; въ его глазахъ лихорадочно горитъ любопытство и восхищеніе... Еще выразительнѣе, пожалуй—«Тритонъ, любующійся nereидой». Сколько нѣги и страдальческой ласки въ изгибахъ ея отдыхающаго тѣла; въ немъ—какая неукротимая, голодная страсть! А вотъ еще картина: «Семья Тритоновъ». Разыгралась буря. Со всѣхъ сторонъ пушистая пѣна обливаетъ брыггами темный гранитъ. Неба не видать изъ-за поднятыхъ волнъ. Самка лежитъ на спинѣ, раскинувъ свои лапчатые ноги, и съ улыбкой внимаетъ угрозамъ вѣтра. Самецъ въ порывѣ дикой нѣжности взявъ на руки своего сына и высоко подбрасываетъ его надъ водой; а тотъ весело кричитъ и смѣется, глядя на отца...

И почти рядомъ съ этимъ могучимъ и волшебнымъ натурализмомъ—комическій элементъ. Когда около берега купаются молодые русалки, играя съ дѣтьми, къ нимъ осторожно подкрадываются толстые, вислоухіе уроды съ вытаращенными глазами—уморительные, обиженные судьбою ухаживатели («Беклиновскаго моря»*)... А то старый Панъ-рыболовъ, вмѣсто рыбы, выуживаетъ изъ морской глубины хорошенькую наяду и не знаетъ, что ему дѣлать со странной добычей...

Художникъ не только разнообразить до безконечности внѣшній видъ своихъ кентавровъ, козловогихъ сатировъ и т. д., но выражаетъ и ихъ психологію со всевозможными переходами отъ страшнаго къ забавному, отъ жестокости къ добродушію, создавая такимъ образомъ особый *мифическій жанръ*... Съ высотъ Олимпа зашла на гористую мѣстность богиня—Діана. Она устала и прилегла отдохнуть на мшистыхъ камняхъ около прохладнаго потока. Ея бѣлое тѣло, прикрытое воздушною туникой, свѣтится на солнцѣ. И вдругъ ее замѣтили два проходящихъ мимо фавна... Какъ безъискусственно смѣшны лица этихъ «добрыхъ малыхъ»—лѣсовиковъ, испуганныхъ неожиданной встрѣчей! То же комическое положеніе еще болѣе подчеркнуто въ другой, на этотъ разъ вполне натуралистической картинѣ «Сусанна и старцы»... Трудно себѣ представить, что авторъ таинственнаго «Молчанія въ лѣсу» и «Острова мертвыхъ» способенъ на такой добродушный и откровенный юморъ. Но внимательный зритель увидитъ въ этомъ доказательство не только необычайной разносторонности Беклина, но также—его духовной близости къ другимъ нѣмецкимъ художникамъ.

VIII.

Тяготѣніе къ волшебному и своеобразный юморъ—характерныя черты живописи и, быть можетъ, всего искусства Германіи. Обращаясь къ старой нѣмецкой школѣ, мы замѣчаемъ, что даже у Альбрехта Дюрера, обыкновенно правдиваго до строгости и проникнутаго величавою религіозностью настроенія, есть склонность къ загробно-причудливымъ композиціямъ и къ забавнымъ мелочамъ. Достаточно его знаменитаго офорта: рыцарь въ лѣсу, окруженный зловѣщими привидѣніями, для того, чтобы подтвердить наше замѣчаніе. Иногда же Дюреръ является настоящимъ галлюциномъ, какъ, напр., въ рисункахъ на мѣди, служащихъ иллюстраціей къ Апокалипсису. О Гольбейнѣ, стоитъ лишь упомянуть. Всякому памятна его «Пляска смерти»... Альтдорферъ (любимый ученикъ Дюрера) умѣетъ рассказать на шестивершковой досечкѣ цѣлую фантастическую поэму. Въ старой пинакотецѣ Мюнхена есть его картина, гдѣ передъ цѣпью живописныхъ холмовъ, въ пышномъ букетѣ вѣтвистыхъ деревьевъ изображена встрѣча рыцаря въ латахъ, должно быть, св. Георгія, со страннымъ чудовищемъ,

*) «Spiel der Wellen», «Spiel der Najaden».

пернатымъ, губастымъ, напоминающимъ жабу. До такого звѣря не додумался самъ Бѣклинъ... И несмотря на это, фантастичность Альтдорфера хорошаго вкуса, изящная, даже тонкая рядомъ съ какимъ-нибудь Брэгелемъ или Жеромомъ Бошемъ.

Въ Мюнхенѣ есть другая любопытная картина съ исторической точки зрѣнія. Въ ней разработана легенда о видѣніи св. Уберта— тема, часто возвращающаяся у современныхъ романтиковъ Германіи. Авторъ ея близокъ Іоахиму Патиниру. По этой картинѣ видно, что иногда маленькому художнику удается выразить крупную національную особенность... Вечеръ. Небо, впрочемъ, блѣдное, холодное. О позднемъ часѣ говорятъ только таинственно-мглистыя рощи. Надъ ними призрачно и тяжело большими глыбами камня громоздится замокъ съ формами почти живыми. На первомъ планѣ раскинулась охота. Въ темномъ кустарникѣ гладко освѣщается голова большого оленя, несущаго между рогами распятіе. Охотники въ смятеніи преклоняются передъ нимъ. Вдали—второстепенные эпизоды: пасутся кони; ловчіе отдыхаютъ на травѣ; по дорогѣ къ замку свѣтлѣютъ длинные изгибы гончихъ собакъ... И здѣсь, въ этой старой народной легендѣ, полной священнаго ужаса, также присутствуетъ комическій элементъ...

Кстати, можно сдѣлать еще интересное наблюденіе. Старые нѣмецкіе мастера съ первыхъ же шаговъ ввели пейзажъ въ свои композиціи, подобно родственнымъ имъ голландцамъ. Конечно, пейзажъ не занимаетъ еще большого мѣста; но ужъ онъ значительно менѣе отдаленъ отъ человѣка, чѣмъ въ итальянскомъ искусствѣ, гдѣ все вниманіе обращалось на пластику голаго или задрапированнаго тѣла. У итальянцевъ пейзажъ является лишь условною рамкой, фономъ картины. Наоборотъ, художники сѣверныхъ школъ, Вольгемутъ, авторъ «Жизни Маріи», или названный уже Альтдорферъ, также, какъ нидерландцы—Лука Лейденскій, Шпрингель и др., всѣ болѣе или менѣе обладаютъ интимнымъ чувствомъ природы (тѣмъ, что нѣмцы называютъ *Naturgefühl*). Но пока это чувство проявляется робко. Впослѣдствіи, освободившись отъ традицій религіозной живописи, вдохновеніе сѣвера сдѣлало успѣхи въ любви къ пейзажу; оно прониклось таинственной близостью природы къ помысламъ человѣка...

Въ лицѣ Людвика Рихтера и Морица фонъ-Швинда возродился романтизмъ. Ожили народныя сказанія, легенды старины; воскресли великаны и хитрые, длиннобородые гномы, золотистокудрья царевны и рыцари въ желѣзныхъ доспѣхахъ, однимъ словомъ, весь древне-германскій міръ, воспѣтый Гейне *). Подъ эпическіе звуки вагнеровскихъ оперъ Швиндъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими художниками расписываетъ стѣны сказочныхъ замковъ Людовика Баварскаго. Живопись становится начертательной поэзіей; чувство природы занимаетъ пре-

*) См. его книгу «Erdgeister».

обладающее мѣсто. Если пейзажи Швинда антропоморфны, то съ другой стороны, и его человѣческія фигуры являются лишь составною частью пейзажа. Въ этомъ заключается сходство и въ то же время различіе между нимъ и Бёклиномъ, хотя и тотъ, и другой художникъ въ высшей степени національны. Лиризмъ Бёклина духовный, скрытый. Онъ околдовываетъ насъ незамѣтно, какъ бы ненамѣренно. Только изрѣдка можно уловить связь его мысли съ матеріальнымъ образомъ. Онъ всегда остается внимательнымъ реалистомъ. Морицъ фонъ-Швиндъ грубѣе, тѣлеснѣе. Это не поэтъ, а скорѣе сказочникъ-иллюстраторъ, изобразившій съ помощью необыкновенно богатаго рисунка, но въ довольно тусклыхъ краскахъ, преданія своей родины. Всѣ аксесуары его композиціи, облака, цвѣты, змѣистые корни дубовъ или дикія пещеры—приобрѣтають особенную выразительность не въ силу внутреннего настроенія, но благодаря своимъ причудливымъ формамъ.

IX.

Въ настоящее время Германія переживаетъ новую эпоху романтизма. Молодые художники отрѣшились безповоротно отъ академическихъ традицій, которыя болѣе живы у нѣмцевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они также извѣрились въ безличномъ реализмѣ своихъ предшественниковъ. Различіе взглядовъ на искусство (а этихъ взглядовъ не оберешься) не мѣшаетъ всѣмъ имъ подвигаться по одному пути къ освобожденію отъ устарѣлыхъ авторитетовъ, къ развитію новыхъ вкусовъ въ обществѣ. Стремленіе къ неизвѣданнымъ и заманчивымъ химерамъ воображенія стало общераспространеннымъ недугомъ. Уйти подальше отъ жизни, оставаясь живымъ—вотъ задача современнаго эстетизма... Здѣсь не мѣсто давать оцѣнку ни этой формулѣ, ни тѣмъ многочисленнымъ художническимъ начинаніямъ, которыя такъ или иначе сводятся къ ней..

Арнольдъ Бёклингъ, имѣя очень мало общаго съ молодымъ поколѣніемъ, оказалъ тѣмъ не менѣе громадное вліяніе на отмѣченный нами поворотъ въ искусствѣ. Почти во всѣхъ центрахъ Германіи вы найдете теперь декоративные памятники, украшенія фонтановъ и мостовъ, завѣянные его смѣлымъ творчествомъ. Въ городскихъ садахъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ число мраморныхъ кентавровъ, фавновъ и наядъ, какъ будто прямо взятыхъ съ его полотентъ. То же самое на выставкахъ. Францъ Штукъ, завоевавшій себѣ за послѣднее время громкую извѣстность, пользуется безъ всякаго стѣсненія мотивами или даже готовыми образами бёклиновскихъ картинъ, впрочемъ, приправляя ихъ своей вычурной фантазіей: Гансъ Тома (художникъ не лишенный оригинальности) пишетъ тритоновъ и т. д. Мнѣ лично пришлось въ Мюнхенѣ познакомиться съ нѣсколькими скульпторами изъ

NY-
OD
ME
ES
st-
E-
3-
b-
3-
k.

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫХЪ.

ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ.

молодыхъ. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить талантливаго Гастейгера, работающаго теперь надъ колоссальною группой сражающихся кентавровъ... Всѣ грезятъ Беклиномъ. Мастерскія заставлены начатыми работами миеологическаго характера. Замысламъ и фантазіямъ нѣтъ конца. Поражаешься тѣмъ, до какой степени даже мелкія издѣлія, цвѣточныя вазы, стѣнные барельефы, рамы заражены духомъ Беклина. Въ скоромъ будущемъ въ Германіи можетъ создаться особый стиль на этой почвѣ.

Я не стану перечислять ничтожныхъ подражателей. Ихъ произведеніями полны выставочныя окна большихъ магазиновъ. Всякое крупное явленіе въ области искусства неизбѣжно вызываетъ наплывъ мелкихъ дарованій, неудачниковъ, которые стремятся во что бы то ни стало прикрыть свое безсиліе фальшивыми эффектами и надѣются прослыть оригинальными только потому, что они портятъ взятое ими у другихъ. Мода руководитъ ими, а не любовь. Къ сожалѣнію, и въ молодой Германіи конца XIX-го вѣка такихъ представителей не мало. Ихъ-то и имѣетъ въ виду нѣмецкій критикъ Нейманъ въ своей замѣчательной книгѣ—«Борьба за новое искусство»: «Художникъ чистой воды (ein Künstler aus Kernholz), нашъ смѣлый Беклинъ и эти нервные, бархатные, женственные живописцы! Новое поколѣніе, испуганное серьезнымъ значеніемъ натурализма, собственно ввело въ моду Беклина, его, величайшаго сына нашей романтики и ея чувства природы. Волна художественнаго теченія, нахлынувшая съ чужого берега, вызвала современную склонность къ фантастическому. Но талантъ Беклина коренится въ самой глубинѣ нашей почвы, гдѣ скрыты неисповѣдимыя тайники нашихъ расовыхъ особенностей... Нѣсколько лѣтъ назадъ была выставлена Беклинымъ дивно написанная имъ и долгое время остававшаяся въ неизвѣстности картина съ многочисленными фигурами «Снятіе со креста, или Плачъ о Христѣ». Судя по отзывамъ, она не имѣла большого успѣха. Были недостатки въ рисункѣ замѣтные даже неопытному глазу. Я часто ходилъ смотрѣть на эту картину; мало-по-малу я пересталъ видѣть ея ошибки; зато съ каждымъ разомъ на меня дѣйствовали все сильнѣе сочность глубокихъ красокъ, великолѣпіе одеждъ, выразительность фигуръ и неудержимая мощь душевнаго движенія. Въ этой яркости выраженія, доходящей до преувеличенія, въ тонахъ и поворотахъ дѣйствующихъ лицъ замѣчалось тѣсное родство этой картины съ нашими древними мастерами. Если бы мы увидѣли ее рядомъ съ ними, то, пожалуй, приняли бы за старинное произведеніе. Отъ нея повѣяло бы тѣмъ же властнымъ очарованіемъ, которымъ проникнуты наши старые лѣса и старыя лѣсни. Вотъ, гдѣ тайна творчества великихъ художниковъ: можно подумать, что цѣлый народъ творить вмѣстѣ съ ними».

X.

Картина, о которой говорит Нейманъ, одно изъ лучшихъ произведеній Бёклина на религиозную тему. Мыѣ не удалось ее видѣть, но даже фототипія съ нея производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Въ самой композиціи столько неожиданнаго обаянія, тонкаго психологическаго чутья и, главное, столько новизны въ деталяхъ, что не знаешь, чему больше удивляться, смѣлости ли автора или его провинительности... Тѣло Учителя только что сняли съ креста. Іосифъ Аримафейскій, сѣдой, важный старикъ съ курчавыми волосами, поддерживаетъ голову Христа, а Никодимъ прикрываетъ Его длиннымъ саваномъ и глядитъ на Него съ выжидающимъ напряженіемъ, точно спрашиваетъ: «Правда, что Ты умеръ?» Тутъ же стоитъ на колѣняхъ старушка въ національномъ еврейскомъ нарядѣ. Съ перваго взгляда въ ней трудно узнать Богородицу. Она не плачетъ и даже не страдаетъ. Она дошла до того состоянія, когда горе дѣлаетъ равнодушнымъ. Лѣвѣе Марія Магдалина, отвернувшись въ сторону, неутѣшно рыдаетъ. Подлѣ нея кроткій, подавленный грустью Іоаннъ. Въ правомъ углу картины видны распятые разбойники. Одинъ изъ нихъ уже пересталъ жить; но въ глазахъ другого еще тлѣетъ озлобленная мысль. Позади тянется невысокая каменная стѣна, а дальше—верхи кипарисовъ и плоскія крыши Іерусалима.

Замѣтимъ еще одну подробность. Бёклинъ, подчиняясь своей непосредственной оригинальности, усѣялъ всю Голгоу пестрыми маргаритками. Эта идея кажется нѣсколько странной. Какъ могли вырасти цвѣты на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно толпился народъ, римскіе воины, палачи? гдѣ было пролито столько крови и слезъ? Не спрашивайте объ этомъ художника. Онъ не написалъ «Снятіе съ креста» для того, чтобы передать ужасы казни. Кто знаетъ, можетъ быть, вся немного наивная поэзія картины таится въ дѣвственныхъ лепесткахъ раслутившихся около Спасителя маргаритокъ...

Образъ умершаго Христа часто тревожилъ воображеніе Бёклина. Въ 1868 году впервые написана имъ «Печаль Магдалины». Затѣмъ, съ нѣкоторыми варіаціями, картина повторялась въ 1870 и 1873 г. *). Наконецъ, въ національной галереѣ Берлина есть еще большое полотно «Pietà», исполненное въ 1877 году. Впечатлѣніе отъ картины двоятся. Внизу тѣло Христа, лежащее на мраморной доскѣ, залито блѣднымъ зеленовато-фосфорическимъ свѣтомъ, который переходитъ, сгущаясь, въ мѣдно-синій фонъ. Почти такого же цвѣта покрывало, окутывающее съ головы до ногъ Марію, припавшую на грудь Спасителя... Но когда мы обращаемся отъ этой скорбной группы къ верхней части картины, то

*) «Magdalenas Trauer an der Leiche Christi». Базель. «Die büssende Maria Magdalena».

насъ поражаетъ рѣзкій переходъ и въ краскахъ, и въ настроеніи. Тамъ ярко золотится разверстое небо и толпа ликующихъ ангеловъ въ праздничныхъ одеждахъ славословить Бога. Художникъ мгновенно переноситъ насъ изъ лунныхъ сумерекъ въ солнечныя небеса, отъ безжизненно-страдальческаго лица Спасителя къ беззаботной улыбкѣ херувимовъ...

Въ своихъ религіозныхъ произведеніяхъ Бѣклинъ болѣе поэтъ, чѣмъ мистикъ. Для него Новый Завѣтъ—художественная сказка и онъ принимается за нее съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ пишетъ древне-греческія или средневѣковыя легенды. Есть двѣ большія работы Бѣклина, одна (въ Базелѣ), изображающая «Сказаніе о Дѣвѣ Маріи» (*Mariensage*), другая (въ музеѣ Бреславля) подъ названіемъ «*Fertur lux in tenebris*». Собственно говоря, это—складни. «*Mariensage*» представлена слѣдующимъ образомъ. Въ центрѣ—сидящая на престолѣ Богородица съ младенцемъ; налѣво—рожденіе Иисуса; направо—ученики, уходящіе отъ гроба Господня. Кромѣ того, наверху помѣщаются еще маленькія, едва намѣченные изображенія: «Волхвы со звѣздой» и «Погрѣбеніе Христа». Тутъ начало и конецъ христіанской легенды; первая чудесная ночь рождества, непроницаемо-темная, съ одною лишь яркой путеводной звѣздой, и тревожная ночь смерти, послѣдняя ночь, озаряемая вспышками далекихъ зарницъ...

Другой триптихъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ символической декорации. Онъ дополняетъ «Сказаніе о Маріи», открывая духовный смыслъ Евангелія—«Свѣтъ во откровеніе язычниковъ». Но пусть самъ авторъ пояснитъ свою идею. Слѣдующій отрывокъ взятъ изъ письма Бѣклина къ директору Силезскаго музея Бергу: «Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы сковать всѣ три картины объединяющею ихъ мыслью, которая была бы притомъ живописна. Однако, всѣ три фрески должны быть совершенно различны и производить своеобразное впечатлѣніе, чтобы не быть скучными, какъ trio флейтъ. Картина налѣво представляетъ ужасъ: темный гѣсъ, алтарь въ крови, смятенный народъ; все, что останется выразить при окончательной разработкѣ, должно вызывать жуткое чувство. На противоположной сторонѣ (триптиха) радость. Въ обѣ картины надо вложить возможную силу и глубину красокъ. Теперь вопросъ заключается въ средней фрескѣ. Она должна и по внѣшнему виду, и по интимному дѣйствию на зрителя превосходить остальные, которыя такимъ образомъ будутъ какъ бы ея дополненіемъ. Останется только, послѣ изображенныхъ душевныхъ волненій (ужаса и радости) написать ее такъ, чтобы она возбуждала страхъ въ самомъ зрителѣ... Если выполнить такой замыселъ со всѣмъ богатствомъ свѣта, доступнаго фрескамъ, то я думаю, что при переѣздомъ взглядѣ съ одной картины на другую интересъ къ нимъ возрастетъ. Тогда не будетъ недостаточнымъ увидѣть ихъ однажды; подобно тому, какъ хорошая музыка или поэзія никогда не надоедаютъ,

такъ и къ нимъ будетъ постоянно тянуть, потому что сильныя контрасты трогаютъ душу и долго звучать въ ней потомъ».

Вотъ бѣглый очеркъ исполинскаго труда, совершеннаго Бѣклиномъ... Въ настоящее время художнику минулъ семьдесятъ первый годъ; но, несмотря на возрастъ, вдохновеніе не измѣнило ему. Онъ продолжаетъ по прежнему работать, удалившись въ свою виллу Санъ-Доменико, близъ Флоренціи.

Мы вѣримъ въ творческую силу южнаго неба. Мы вѣримъ, что еще долго въ тѣни лавровыхъ деревьевъ, обвитыхъ плющемъ, будетъ бить источникъ красоты, и что около него не перестанутъ грезить два женскихіхъ образа—бѣлокурая дѣвушка съ палитрой въ рукѣ и ея задумчиво-строгая сестра—Поэзія съ вѣнкомъ на черныхъ волосахъ, внимающая многозвучному пѣнію весенней природы...

Сергій Маковскій.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Вишпера.

(Продолженіе *).

III. «Духъ законовъ».

Если въ XVII в. умственная жизнь отдѣльныхъ европейскихъ обществъ была еще весьма изолирована, то около 1700 г. намѣтилось сближеніе между англійской и французской средой. Знакомство двухъ національныхъ обществъ положило начало тому, что стало называться въ XVIII в. литературной республикой, что мы могли бы назвать литературнымъ космополитизмомъ Европы.

Первые шаги въ этомъ сближеніи были сдѣланы людьми, которыхъ оффиціальная Франція безжалостно выбросила за предѣлы родины, эмигрантами-гугенотами. Поселившись у порога Франціи, въ Голландіи, въ Лондонѣ, самые живые, талантливые и просвѣщенные въ ихъ средѣ, отчасти силою вещей, брошены были на литературный заработокъ и горячо принялись за самые живые вопросы дня. Политики вигской партіи въ Англіи пользовались ихъ услугами. Эмигранты, нервно возбужденные, благодаря сознанію испытанной несправедливости, діалектики и резонеры, подъ вліяніемъ кальвинистской школы, составляли среду, постоянно кипѣвшую разнообразными интересами. Въ началѣ XVIII в. мѣсто ихъ сходокъ въ Лондонѣ, кофейня «Радуги», наполнено шумомъ споровъ и разсужденій по всѣмъ вопросамъ религіи, науки, политики. Здѣсь, до извѣстной степени, получаютъ крещеніе свѣтскіе пилигримы, отправляющіеся позднѣе въ Англію, въ родѣ Вольтера.

Уже политическое положеніе эмигрантовъ ставило ихъ въ оппозицію національному предрасудку: съ другой стороны, раздраженіе, которое нерѣдко заставляло ихъ биться въ рядахъ враговъ Франціи, естественно, должно было направить ихъ симпатіи къ либеральнымъ доктринамъ и учрежденіямъ. Эмигранты любили и ненавидѣли Францію, они жадно подбирали всякаго рода проекты реформы, относившіеся къ ней, а въ

*) См. «Міръ Вошій», № 3, мартъ.

Англіи они крѣпко стояли за виговъ и парламентъ въ политикѣ, за терпимость въ религіи. Побѣжденные силой, они какъ бы поставили себѣ задачей завоевать Францію идеями. Все, что привлекало ихъ въ странѣ, давшей имъ пріютъ, что такъ подходило къ ихъ настроенію, они стали неутомимо пропагандировать для отвергнувшей ихъ родины. Безпокойная, компиляторская, популяризирующая литература ихъ и послужила первымъ мостомъ между Англійей и Франціей. Гугеноты первые познакомили французовъ съ англійскими учрежденіями. Въ массѣ переводовъ распространили они англійскія литературныя произведенія, начиная отъ Утопіи Мора и кончая Робинзономъ Дефо; въ общедоступной формѣ открывали они французской публикѣ философію Бэкона и Локка.

Въ этой литературѣ было мало оригинальнаго. Въ ней чувствовалась тяжеловѣсность, педантизмъ кальвинистовъ, взявшихъ на себя педагогическую роль. Но жизнь сама вырабатывала въ нихъ жилку журнализма, бойкость, расторопность, освѣдомленность обо всемъ, что могло волновать европейскій міръ.

Благодаря ихъ неутомимой работѣ, Англія перестаетъ казаться французамъ чуждой, непонятной страной. За вынужденными переселенцами рѣшаются двинуться туда люди любопытные, жаждущіе поученія и откровенія. Съ 20 гг. входятъ въ моду путешествія въ Англію. Аббатъ Прево, будущій романистъ, сбросивъ рясу бенедиктивца, бѣжитъ въ Англію, которая заранѣе представляется ему страной умственной и общественной свободы. Въ своемъ журналѣ «*Pour et contre*» который онъ сталъ издавать по возвращеніи во Францію (1733—1740), онъ ставитъ специальной цѣлью передавать свѣдѣнія, крупныя и мелкія, о томъ, что дѣлается въ Англіи, объ «интересныхъ частностяхъ, касающихся генія англичанъ, о курьезахъ Лондона, о прогрессѣ наукъ и сообщать самыя лучшія сцены англійскихъ переводныхъ пьесъ».

Нѣтъ ничего характернѣе искренняго и наивнаго, нѣсколько неопредѣленнаго восторга увлекающагося аббата передъ англійскими порядками и нравами. Все у нихъ хорошо, начиная съ умѣреннаго климата и естественныхъ богатствъ: прекрасны прочныя учрежденія, которыя охраняютъ англичанъ отъ тиранніи, ихъ законы, являющіе въ виду лишь общественное благо, ихъ правовое созваніе, ихъ религіозная терпимость; наконецъ, ихъ нравы, ихъ глубокая естественность, которая заставляетъ презирать аффектацію, церемоніи и гримасы. Вотъ счастливый безгранично народъ!

«Какъ поучительно видѣть въ кафе одного или двухъ милордовъ, рыцаря-баронета, башмачника, виноторговца и нѣсколько человѣкъ еще такого же рода—за однимъ столомъ, съ трубкой во рту, въ непринужденной бесѣдѣ объ общественныхъ вопросахъ». Подъ грубоватой оболочкой англичанъ скрывается духовное здоровье. Англійскія добродѣтели—обыкновенно добродѣтели прочныя, потому что онѣ основаны на принципахъ; а принципы эти—созданіе счастливой натуры и наиболѣе чистаго разума.

Въ видѣ иллюстраціи этому положенію Прево пишетъ огромный 6-томный романъ о приключеніяхъ «побочнаго сына Кромвеля Клевеленда». Въ обстановкѣ романизированной исторіи Англiи эпохи революціи и реставраціи изображенъ человѣкъ, который именно въ своихъ чисто-англійскихъ чертахъ представляетъ типъ истиннаго философа, странствующаго и спокойно наблюдающаго среди житейскихъ бурь мыслителя. Клевелендъ объѣзжаетъ материкъ и океаны и ни на минуту не колеблется его философія. Среди величайшихъ несчастій, въ американской дикой глуши, среди страшныхъ людоѣдовъ, убивающихъ его лучшихъ друзей и сѣдающихъ, какъ онъ увѣренъ, его дочь, онъ, не теряя равновѣсія, размышляетъ, отмѣчаетъ впечатлѣнія и предписываетъ законы, потому что онъ принадлежитъ къ націи прирожденныхъ правителей земли.

Другой писатель, швейцарецъ Муральтъ, стараясь растолковать французамъ причину научныхъ и литературныхъ успѣховъ англичанъ, говоритъ: «Мнѣ нисколько не удивительно это: они чувствуютъ себя свободными; имъ легко и удобно; они любятъ прилагать ко всему мѣрку разума, они пренебрегаютъ тою деликатностью въ разговорѣ, тѣмъ вниманіемъ къ манерамъ, которыя только развлекаютъ и примельчаютъ умъ. Среди нихъ есть люди, которые мыслятъ болѣе сильно и у которыхъ болѣе оригинальныхъ идей, чѣмъ у развитыхъ людей другихъ націй».

Какъ обыкновенно бываетъ, при такомъ увлеченіи, въ обѣтованной землѣ, у своего великаго образца находили то, чего искали, видѣли то, что хотѣли видѣть. Создается своего рода фантазія о разумно-счастливомъ народѣ, къ которому должно ѣхать учиться. Поѣздка въ Англiю, стали теперь думать во Франціи, формируетъ человѣка, доканчиваетъ его развитіе, открываетъ ему широкій міръ. «Изъ всѣхъ странъ всего полезнѣе посѣтить Англiю», говоритъ Монтескьѣ. Путешествіе тридцати-двухлѣтняго Вольтера въ Англiю составляетъ поворотный пунктъ его жизни. Одинъ современникъ замѣчаетъ объ этомъ: «Онъ имѣлъ великое счастье побывать въ Англiи... Всѣ знали давно поэтическій талантъ этого автора. Его и не думали, однако, (до тѣхъ поръ) заносить въ разрядъ людей, которые размышляютъ и разсуждаютъ». По возвращеніи Вольтеръ не только пропагандируетъ усвоенныя на мѣстѣ новыя научныя теоріи; англійскія впечатлѣнія слагаются у него въ злую сатиру противъ домашнихъ порядковъ.

Англiя представляется страной, рѣшившей естественнымъ путемъ, въ силу своей счастливой организаціи и здоровыхъ свойствъ расы, тѣ политическіе и религіозные вопросы, о которыхъ французамъ позволительно было лишь мечтать. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ нею открывало новый культурно-общественный матеріалъ, навязывало само собой рядъ поучительныхъ параллелей.

Въ этой умственной обстановкѣ и создалась крупнѣйшая соціоло-

гическая работа первой половины XVIII в.—«Духъ законовъ» Монтескьё.

Чтобы выдѣлать характерныя черты соціального сознанія, лежація въ основѣ этой книги, необходимо взглянуть въ общественную среду, которая воспринимала новыя впечатлѣнія. Монтескьё самъ своею жизнью даетъ въ этомъ отношеніи наилучшій матеріалъ; Монтескьё—одинъ изъ лучшихъ, самыхъ гуманныхъ представителей руководящаго интеллигентнаго общества въ его старинномъ составѣ и съ его старинными традиціями. Монтескьё выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ ту мѣру реформъ, на которыя это общество было способно безъ ломки своихъ основъ. Въ его совѣтахъ и признаніяхъ соединяются слабости и возвышенныя стремленія этого общества, они отражаютъ въ себѣ пониманіе соціальныхъ порядковъ, ихъ принципиальное и историческое оправданіе, свойственное соціальной средѣ, которая чувствовала себя весьма далекой отъ катастрофъ и революцій. Мы имѣемъ передъ собою оціальную философію, если такъ можно выразиться, устойчиваго общественнаго момента или, вѣрнѣе сказать, общества съ сознаніемъ своей устойчивости.

Монтескьё по происхожденію и воспитанію принадлежалъ къ высшему слою общества, къ наиболѣе активной и просвѣщенной группѣ его. Его семья примыкала къ стариннымъ родамъ военной аристократіи, и его предки въ свое время прошли всѣ увлеченія и приключенія, характерныя для французскаго дворянства, включая сюда и отпаденіе въ кальвинизмъ, эту героическую вѣру XVI в. Отъ эпохи бурь, подвиговъ и оппозиціи осталась черта нѣкоторой аристократической суровости и спартавства. Старики Монтескьё—Ла Брэды жили въ сельскомъ замкѣ около Бордо, который стоялъ живымъ памятникомъ XIII в., въ большой неуклюжей почернѣвшей башнѣ безъ всякихъ украшеній, съ подъемнымъ мостомъ черезъ окружавшій широкій ровъ, наполненный водой. Монтескьё самъ живо ощущалъ свое феодальное положеніе и любилъ говорить: «моя земля, мои вассалы». Съ полнымъ убѣжденіемъ производилъ онъ себя отъ германскихъ завоевателей, которые принесли въ поработенную римлянами Галлію понятія свободы. Онъ различалъ двѣ націи, націю благородную и мѣщанскую, плебейскую и называлъ первую «наши предки, германцы, свободные воины». Въ феодальной средѣ, гдѣ родился Монтескьё, чувствовалась и патріархальная близость къ народу. На молитвенникѣ одной мѣстной крестьянки оказалась подъ днемъ крещенія мальчика помѣтка: «Сегодня окрестили сына нашего сеньера; воспріемникомъ его былъ бѣдный нищій прихода, Шарль, для того, чтобы оставить ему на всю жизнь память, что бѣдные—братья его. Да сохранить намъ всеблагій Господь этого ребенка!»

Совершенно въ духѣ землевладѣльца, гордаго вѣковой осѣдлостью, презиралъ Монтескьё торговое занятіе, и эта черта проникла

въ спокойную среду его характеристикъ въ «Духѣ законовъ». Торговля— дѣло мелкихъ государствъ и мелкихъ людей. Римляне, героическій народъ, презиралъ ее; у великой французской монархіи есть богѣ крупныя и возвышенныя задачи. Честь и торговля не могутъ идти вровень.

Но у Монтескѣ земельнаго аристократизма гордость сплетается съ аристократизмомъ другого рода. Отъ родственниковъ своихъ наследуетъ онъ мѣсто въ бордоскомъ парламентѣ, пріобрѣтаетъ независимое положеніе въ средѣ высшей судебной магистратуры. Такимъ образомъ онъ вступаетъ въ корпорацію съ своеобразнымъ складомъ и традиціями. Опираясь на свою привилегію покупки и передачи должностей, парламенты защищали вообще унаследованныя вольности; въ періодъ политическаго молчанія общества они провозглашали идеи и обнаруживали тенденціи сословнаго представительства; они заявляли вражду къ бюрократизму, къ нивелировкѣ, къ механичности абсолютнаго управленія. Въ качествѣ хранителей закона, парламенты привыкли противопоставлять себя неустойчивой, склонявшейся по произволу администраціи, всей массѣ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ.

Въ свое время Сорбонна, совокупность свѣтилъ богословской науки, считала себя въ правѣ направлять на путь истины, возвращать къ вѣрной традиціи самого святѣйшаго отца; такъ и парламентъ, созная себя олицетвореніемъ неизмѣннаго государственнаго принципа и закрѣпленныхъ привилегій, думалъ, что выполняетъ свой долгъ, когда возражалъ самому государю и не допускалъ его до нарушенія старины и традиціи. Въ исторіи этихъ почти всегда трагическихъ попытокъ возраженія во имя закона заключался какъ бы мартирологъ, полный почета для парламентской корпораціи. Понятно, что въ этой средѣ слагалось особое міровоззрѣніе, что здѣсь прививалась фаталистическая, учившая гордому самоотреченію вѣра, вѣра ясененизма. Юридическая школа, которую проходили парламентскіе дѣятели, наталкивала ихъ на историческія сближенія, взятые изъ римской исторіи; они чувствовали сходство свое съ римскимъ сенатомъ эпохи имперіи и настраивали себя на тонъ тѣхъ героевъ оппозиціи деспотизму императоровъ, которые изображены у Тацита. Эти параллели добавляли новый оттѣнокъ къ настроенію ихъ, особый консервативно-республиканскій стоицизмъ, нѣкоторый риторическій пафосъ, идеализацію античной добродѣтели.

Черты эти очень замѣтны у Монтескѣ. Они составляютъ основное настроеніе его «Разсужденія о причинахъ величія и паденія древняго Рима». Изображая появленіе стоическаго ученія среди упадка силъ и нравовъ имперіи, Монтескѣ говоритъ: «Казалось, человѣческая природа сдѣлала усиліе, чтобы произвести самобытно эту изумительную секту людей, напоминающую тѣ растенія, которыя порождаетъ земля въ мѣстахъ, никогда не видѣвшихъ неба». Герои Монтескѣ—замкнутые, непоколебимые, проникнутые однимъ принципомъ республиканцы,

прирожденные господа земли; добродѣтель, по Монтескьё,—исполненіе гражданскаго долга, который не нуждается въ поощреніяхъ и не страшитъ преслѣдованій. Говоря объ убійствѣ Цезаря Брутомъ, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «можно ли было наказать иначе, какъ убійствомъ преступленіе Цезаря, который вѣдь выросъ и жилъ среди свободнаго устройства?» Въ дѣлѣ Брута «выразилась любовь къ родинѣ, настолько сильная и подавляющая, что, выходя за обычные предѣлы преступленій и добродѣтелей, она внимала лишь себѣ самой, не видя ни гражданина, ни друга, ни благодѣтеля, ни отца». Общество такимъ образомъ какъ бы имѣетъ призванныхъ, прирожденныхъ руководителей, а для этихъ вождей существуетъ особая мораль, и они составляютъ настоящую его интеллектуальную силу.

Аристократъ съ республиканскими и стоическими симпатіями, Монтескьё формировалъ свои вкусы въ салонной средѣ; свои умственные интересы онъ развивалъ на научной методѣ, созданной преимущественно изученіемъ явленій физической природы. Монтескьё былъ вполне человѣкъ общества; мастеръ остроумнаго разсказа, мѣткихъ опредѣленій, неожиданныхъ оборотовъ въ разговорѣ, онъ былъ любителемъ тонкой бесѣды, въ которой споръ не грозилъ затянуться, но захватывались легко и ярко существенные факты и идеи. Онъ привыкъ наблюдать, брать свой матеріалъ на лету, заносить случайныя и оторванные черты и анекдоты о нравахъ и привычкахъ людей въ разныхъ странахъ и въ разные времена, не пренебрегать мелочами. Въ разговорѣ, на прогулкѣ эти клочки и блестяшки собираются въ картинки и сближенія; такъ постепенно, не спѣша и на досугѣ, слагаются общія характеристики, сравнительныя оцѣнки и т. д. Съ тою же свѣтской манерой наблюдаетъ Монтескьё во время своихъ путешествій; это—не систематическое изученіе, не исчерпывающая полнота. Можно сказать, Монтескьё любитъ конкретное, но, выжавъ изъ него драгоценную каплю, бросаетъ его и знаетъ лишь добытую эссенцію. Но онъ всюду вноситъ неослабѣвающую чуткость, свѣжесть интереса и мысли: «Я всю жизнь наблюдаю; все меня интересуетъ, все приводитъ въ удивленіе; я—какъ ребенокъ, органы котораго, еще нѣжные, живо затрогиваются малѣйшими предметами».

Монтескьё прошелъ и характерное для того времени увлеченіе естественными науками. Онъ производилъ опыты, штудировалъ анатомію, ботанику. Это какъ бы считалось общеобязательной школой саморазвитія, приблизительно, какъ у насъ въ 60-хъ годахъ. Монтескьё, можетъ быть, немного вынесъ отсюда спеціальныхъ знаній; но подобная работа имѣла значеніе: матеріалъ общественно-научныхъ и историческихъ свѣдѣній былъ слишкомъ безпорядоченъ, и натуралистическая школа скорѣе воспитывала въ умѣ понятіе закономерности явленій.

Монтескьё любитъ вылетать примѣры изъ жизни внѣшней природы, пояснять общественные законы аналогіями, заимствованными изъ сферы

естественно - историческихъ явленій. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ въ «Духѣ законовъ» по поводу революцій: въ малыхъ государствахъ, гдѣ масса гражданъ принимаетъ участіе въ политическихъ волненіяхъ, необходимо, чтобы небольшое число разумныхъ и спокойныхъ людей входило въ составъ мятежниковъ: «такъ, броженіе одной жидкости можетъ быть остановлено каплей всего другой жидкости». Въ разсужденіи о вліяніи тепла и холода на нервныя центры и развитіе психическихъ наклонностей у цѣлыхъ народныхъ группъ, Монтескье разсказываетъ обстоятельно о своихъ изслѣдованіяхъ подъ микроскопомъ и опытахъ надъ поверхностью языка барана и пр.

Кругозоръ идей Монтескье былъ расширенъ путешествіями. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ побывалъ въ Австріи, Венгріи, Италіи, Германіи, Голландіи, Англіи. Эти страны съ ихъ строемъ и нравами составили тотъ общественный міръ, въ которомъ постоянно жила мысль Монтескье, который постоянно подсказывалъ ему сопоставленія, поученія и историческія аналогіи. На краю этого міра помѣщались народы и области, извѣстные по наслышкѣ, изъ книгъ, страны полуварварскія и не достигшія культуры или извратившія культурные принципы, Польша, Москва, Турція и Персія; послѣднія двѣ составляли тотъ «Востокъ» въ собственномъ смыслѣ, который постоянно напрашивался на антитезу съ Европой.

Осязательно-знакомый міръ у Монтескье не великъ. Но онъ представлялъ для наблюдателя вѣчто цѣльное, связанное внутри, поддающееся классификаціи. Стремясь понять его основы, Монтескье постоянно возвращается къ сравненію его съ другимъ, исчезнувшимъ міромъ, съ міромъ античнымъ, который сосредоточивается для него въ Римѣ. Гражданскія войны въ Римѣ напоминаютъ ему тотчасъ Кромвеля и англійскую революцію; демократическій царь Рима, Сервій Туллій, привнжающій сенатъ, вызываетъ параллель съ Генрихомъ Тюдоромъ, который увеличилъ силу общинъ, чтобы ослабить сеньоровъ. Въ чемъ была сущность этого разрушившагося міра, какія причины его паденія? Чѣмъ отличается отъ него вновь сложившаяся среда? Эти историческіе вопросы тѣсно связаны были съ социальнымъ пониманіемъ современности.

Для Вико, какъ мы видѣли, вопросы эти рѣшались теоріей круговорота, признаніемъ аналогичныхъ повтореній въ фатальныхъ кругахъ развитія. Монтескье болѣе чувствуетъ различіе древняго и новаго міра. Въ своемъ «Разсужденіи о причинахъ величія и паденія древняго Рима» онъ старается опредѣлить, почему въ современности невозможны такія крупныя и великія предпріятія, какъ въ древнемъ мірѣ. Уже постановка вопроса клонится къ невыгодѣ новой культуры.

Монтескье указываетъ прежде всего на огромную разницу военной способности древнихъ и новыхъ народовъ. Современный государь, имѣющій милліонъ населенія въ странѣ, не можетъ держать, не разоряясь,

болѣе 10,000 солдатъ. Въ настоящее время отношеніе солдатъ къ остальному населенію 1:100, въ древности — 1:8. Но главная причина въ развитіи сношеній и публичности въ новое время. Книгопечатаніе, гравюра и карты, политическіе журналы, почта быстро знакомятъ всѣхъ съ положеніемъ дѣлъ, распространяютъ свѣдѣнія и раскрываютъ секреты государственныя; со времени изобрѣтенія векселей денежные средства въ рукахъ купцовъ и огромныя суммы направляютъ движеніе событій. Монтескьё не склоненъ восхищаться этими успѣхами новой культуры, какъ это будутъ дѣлать позднѣе теоретики и проповѣдники безконечнаго прогресса человѣчества. Онъ не можетъ удержаться отъ ироническаго замѣчанія: «сношенія между націями нынче такъ велики, что каждый государь имѣетъ представителей своихъ при всѣхъ дворахъ и можетъ располагать измѣнниками во всѣхъ министерскихъ кабинетахъ».

Сравните съ этимъ опредѣленіемъ то, что говорится о древнемъ мірѣ. Его основная черта—господство характеровъ, господство политической свободы; это—великія данныя, которыя не идутъ въ сравненіе съ современными благами мягкой, удобной, рефлектирующей жизни; обладаніе ими, напротивъ, тревожно и страшно, жизнь эта—грандіозна и бурна. «Свободное управленіе, т. е. вѣчно безпокойное», говоритъ Монтескьё. (Въ древности) «совершали дѣла, которыхъ мы не видимъ болѣе и которыя поражаютъ слабыя души наши». «Мнѣ непріятно, что Титъ Ливій окружаетъ цвѣтами этихъ огромныхъ колоссовъ древности (такъ замѣчаетъ Монтескьё по поводу Аннибала), лучше бы онъ поступалъ, какъ Гомеръ, который не старается ихъ разрядить, но зато такъ хорошо умѣетъ показать ихъ въ движеніи».

Въ этой идеализаціи древняго міра—своего рода утопія. Но человѣкъ нуждается въ подобномъ утѣшеніи, будь это картина небеснаго или земнаго рая, счастливаго уголка добродѣтельныхъ дикарей на островѣ Великаго Океана или погибшаго среди развалинъ міра великихъ сердець и неукротимыхъ характеровъ. Даже въ знаменитой сатирѣ Свифта, въ «Путешествіи Гулливера», гдѣ все человѣческое опрокинуто въ злой насмѣшкѣ, есть одинъ свѣтлый пунктъ, одно святое мѣсто, которое поднимается выше критики и злословія, и это также моментъ великой моральной силы въ античной республикѣ. Въ ученомъ царствѣ Гулливеръ проситъ вызвать тѣни Гомера и Аристотеля, Брута и Цезаря и почтительно бесѣдуетъ съ ними. Цезарь восхваляетъ Брута, съ которымъ онъ теперь неразрывенъ, и называетъ величайшимъ подвигомъ убійство его, Цезаря. Рядомъ съ современнымъ законодательнымъ собраніемъ, жалкимъ и позорнымъ, поднимается сенатъ, точно совѣтъ героевъ и полубоговъ.

Только по временамъ вспыхиваетъ и въ новой Европѣ героическій духъ, такъ кажется Монтескьё, болѣе всего въ Англии и особенно въ эпоху ея революціи. Никогда Англія не вызывала такого преклоненія,

какъ въ эпоху Кромвеля. Таково же было время лиги во Франціи, смуть въ малолѣтство Людовика XIV. Во внутреннихъ междусобіяхъ формируются крупныя люди и зрѣютъ великіе завоевательные замыслы, которые грозятъ сосѣдямъ. Но вообще Европа можетъ жить спокойно. Варвары спятъ на ея краяхъ, пока ихъ не трогаютъ. Но если ихъ загнать опять на сѣверъ, какъ сдѣлали римляне и Карлъ Великій, они во второй и въ третій разъ наводнятъ Европу и покоряютъ ее.

Стоитъ запомнить этотъ кругъ понятій и эту спокойную разсудительную фигуру представителя стариннаго общества наканунѣ своего рода завоевательной бури политическихъ и социальныхъ требованій, наканунѣ возникновенія какъ бы новой религіи, религіи прогресса и демократіи, сопровождавшейся, какъ всякая религія, безпокойной пропагандой, апологіей чувства, нетерпимымъ сознаніемъ исключительной истины и исключительной пѣли впереди.

До извѣстной степени завѣщаніемъ сходящаго со сцены общества и его настроенія останется «Духъ законовъ» Монтескье. Самому Монтескье казалось, что онъ всю жизнь работалъ надъ этой книгой. «Когда я вышелъ изъ школы, мнѣ дали въ руки юридическія сочиненія; я искалъ въ нихъ духа». Что Монтескье разумѣетъ подъ этимъ?

Монтескье любитъ настаивать на томъ, что не случай, не слѣпая судьба управляетъ міромъ. «Посмотрите на римлянъ: они имѣли непрерывный рядъ успѣховъ, когда управлялись по одному извѣстному плану, рядъ безконечныхъ неудачъ, когда избрали другой. Есть причины общія, нравственныя или физическія, которыя дѣйствуютъ во всякомъ государствѣ, поднимаютъ, сохраняютъ его или губятъ; всѣ отдѣльные случаи подчинены этимъ причинамъ; если мы видимъ, что случайный исходъ битвы, т. е. частная причина, разрушаетъ государство, то навѣрно существовала общая причина, въ силу которой государство это должно было погибнуть отъ одной битвы».

Отысканіемъ этихъ общихъ причинъ и занятъ Монтескье въ «Духѣ законовъ». Свои твердо укрѣпившіяся убѣжденія, результатъ всей работы социально-историческихъ наблюденій онъ отчетливо формулируетъ въ предисловіи:

«Я сначала изучилъ людей и я пришелъ къ убѣжденію, что въ безконечномъ разнообразіи законовъ и нравовъ они не руководятся единственно своими капризами.

«Я установилъ принципы, и я увидѣлъ, что частныя случаи какъ бы сами собою имъ подчинялись, что исторія каждой націи являлась какъ бы слѣдствіемъ этихъ принциповъ, что каждый частный законъ былъ связанъ съ другимъ или зависѣлъ отъ болѣе общаго.

(Въ началѣ) «я не имѣлъ плана, не зналъ ни правилъ, ни исключеній; но когда я нашелъ принципы, все, чего я искалъ, само собою далось мнѣ».

Но отчего же рѣчь идетъ о духѣ законовъ, а не о духѣ устройствъ,

духъ культуръ народныхъ? Законъ у Монтескьё—широкое понятіе или, лучше сказать, подъ этимъ словомъ онъ смѣшиваетъ разныя понятія, и въ этомъ смѣшеніи заключается характерная черта его воззрѣній.

Монтескьё опредѣляетъ прежде всего законъ, какъ научное понятіе: это—постоянныя отношенія въ природѣ и человѣческомъ общежитіи. Нечувствительно онъ переходитъ къ другому опредѣленію: внутри каждой формы общежитія, въ жизни каждаго государства, народа—есть свой основной законъ, т. е., онъ уже хочетъ сказать, неизмѣнный факторъ, главный жизненный элементъ, который мы узнаемъ изъ постоянныхъ отношеній, постоянныхъ повтореній въ предѣлахъ такой общей формы. Наконецъ Монтескьё разумѣетъ законъ въ узкомъ смыслѣ, изданный, государственный законъ; этотъ законъ только тогда дѣйствителенъ, если онъ формулируетъ требованія или условія, вытекающія изъ фундаментальнаго закона, т. е. изъ принципа жизни данной общественной группы или общественнаго тѣла. Монтескьё хочетъ сказать, что въ дѣйствительности живутъ, жизненны только типичныя формы; то, что не типично, что случайность, что составляетъ временное и мѣстное отклоненіе, то не идетъ въ счетъ, не имѣетъ ни научной, ни практической цѣны. Если изданный государствомъ законъ не идетъ къ данной общественной организаціи, онъ останется безплоднымъ; и соціологъ или историкъ при научномъ изученіи посмотрятъ на него, какъ на курьёзъ.

Велика можетъ быть игра случая, каприза, ошибки; но въ нормальной жизни всѣ отклоненія должны взаимно парализоваться, одна опредѣленная нить въ концѣ концовъ пробѣжитъ черезъ весь общественный организмъ, начиная отъ первыхъ шаговъ его существованія, и къ этой нити должны примкнуть всѣ тѣ человѣческіе акты, которые отражаютъ въ себѣ существенныя потребности и свойства даннаго общества.

Монтескьё почти не видитъ, почти не рѣшается сказать, гдѣ кончается вліяніе натурального жизненнаго принципа, проникающаго собою общественное тѣло, и гдѣ начинается воздѣйствіе издавнаго властью закона, если этотъ законъ вѣренъ основному принципу. Они взаимно укрѣпляютъ другъ друга, ихъ силы переплетаются. Вѣрные принципу даннаго общества, законы напрягаютъ всѣ пружины управленія, а принципъ, жизненная органическая основа, въ свою очередь, получаетъ новую мощь.

Опираясь на это убѣжденіе, Монтескьё хочетъ соединить научную и практическую задачу. Путемъ изученія естественныхъ, необходимыхъ условій, на которыхъ держится существованіе тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ, онъ хочетъ опредѣлить, какъ надо ихъ направлять; онъ хочетъ положить основы для здравой раціональной политики, онъ пишетъ руководство общественно-политической гигиены.

Какимъ же образомъ сложились, держатся и развиваются эти формы?

Монтескьё предлагаетъ читателю рядъ главъ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи климата и почвы страны на общественный и политическій строй, на характеръ и нравы народовъ. Онъ думаетъ въ природныхъ условіяхъ открыть прочную отправную точку, факторъ непрерывно-одинаковой силы.

Главныя противоположности въ его характеристикахъ—это Европа и Востокъ, сѣверяне и южане. Между ними распредѣляются такія свойства, какъ холодность, малоподвижность или страстность, сангвинизмъ, дѣятельный духъ или лѣнность. Монтескьё вооружается физиологическими представленіями своего времени и хочетъ открыть причину разницы нравственныхъ свойствъ въ степени расширенія и сжиманія сосудовъ на конечностяхъ тѣла, въ степени развитости и чувствительности нервныхъ нитей у людей разныхъ странъ. Холодъ и тепло опредѣляютъ эту разницу: оттого у народовъ холодныхъ и теплыхъ странъ очень разная степень нравственной чувствительности, очень разная способность раздражаться; сюда же Монтескьё сводитъ большую или меньшую охоту къ удовольствіямъ, силу храбрости и т. п.

Сѣверяне, напримѣръ, очень выносливы къ боли и мало чутки. Сюда относится замѣчаніе по нашему адресу: «надо содрать кожу съ москoviта, чтобы заставить его почувствовать».

Народы Востока отличаются слабостью органовъ и крайней чувствительностью. Вслѣдствіе этого они усваиваютъ необычайно сильно первыя впечатлѣнія: затѣмъ, въ силу того же свойства, парализующаго активность, они не могутъ избавиться отъ этихъ впечатлѣній; отсюда происходитъ неподвижность ихъ порядковъ, привычекъ, даже такихъ вещей, какъ костюмъ.

Монтескьё увлекается дальше въ своихъ сближеніяхъ. Сами политическія формы народа какъ бы predeterminedъ климатомъ и почвенными условіями его страны. Въ области, гдѣ жили древніе спартаицы, плодородная почва способствовала развитію рабства и аристократическаго правленія, потому что легко достававшееся изобиліе скоро было захвачено немногими, а остальные имъ подчинились; напротивъ, скудная земля Аттики заставила всѣхъ одинаково упорно работать и, слѣдовательно, создала въ Аѳинахъ демократію.

Одинъ примѣръ особенно необычно для насъ звучитъ. Монтескьё указываетъ на то, что англичане склонны къ самоубійству; это—болѣзнь климата, который затрудняетъ фильтрацію нервныхъ соковъ и вызываетъ по временамъ истощеніе, усталость человѣческой машины. Но дальше отсюда онъ уже выводитъ общую нетерпѣливость англичанъ, которая особенно сказывается на почвѣ политики. Если людямъ всѣ вещи могутъ надоедать вплоть до развитія въ нихъ отвращенія къ жизни, то для нихъ подойдетъ только такая форма правленія, которая не утомляетъ однообразіемъ, а главное дѣло—такая, въ которой нельзя на одного свалить отвѣтственность за причины своего раздраженія;

вотъ почему здѣсь скорѣе законы правятъ, чѣмъ люди; для того, чтобы измѣнить порядки, надо опрокинуть законы, а это трудноѣ.

Итакъ, передъ глазами Монтескьё стоятъ какъ бы отлитыя изваянія народовъ и государствъ; характеры готовы разъ навсегда; всѣ ихъ дѣйствія—въ духѣ намѣченныхъ ролей. Увѣренной рукой высѣкаетъ Монтескьё всѣ контуры каждаго коллективнаго лица. Онъ разбиваетъ народы и государства на группы и чертитъ ясно и отчетливо нравственную фізіономію каждой группы. Деспотіи, монархіи, аристократіи, демократіи—каждый порядокъ имѣетъ свою природу, и каждому отвѣчаетъ извѣстный принципъ, т. е. опредѣленная тенденція человѣческихъ страстей, основной нравственный мотивъ. Монтескьё различаетъ подъ обозначеніемъ «природа» и «принципъ» двѣ разныя группы условій, два разныя начала: одно опредѣляетъ строеніе, другое—движеніе общества; одно—сохраняющая и распредѣляющая, другое—направляющая сила.

Въ деспотіи движущій мотивъ, около котораго все вращается—страхъ, въ монархіи—чувство чести, въ республикѣ—добродѣтель. Къ такому основному свойству тяготѣютъ всѣ жизненныя черты, религія, воспитаніе, примѣры прошлаго, нравы, привычки, правительственныя приемы.

Изъ нихъ образуется общій духъ даннаго общественнаго организма, его *esprit général*, связанный съ нимъ, какъ душа, на всемъ протяженіи земнаго его существованія. Измѣна ему невозможна: она равна болѣзни и смертной опасности. Если же начала, создавшія организмъ и составлявшія его жизненное содержаніе, разрушатся, наступитъ естественная смерть.

Въ какомъ-то кругѣ безъ начала и безъ конца пробѣгаютъ жизненныя влеченія каждой общественной среды: такъ, напримѣръ, любовь къ демократіи есть любовь къ суровой умѣренности потребностей. Разъ всякій долженъ обладать одинаковымъ счастьемъ и одинаковыми выгодами, всякому въ этой средѣ должны выпасть также одни и тѣ же удовольствія, наличность однихъ и тѣхъ же надеждъ; а это возможно лишь при общей простотѣ и умѣренности потребностей, составляющихъ сущность демократіи.

Въ этихъ разсужденіяхъ Монтескьё бываетъ очень остроуменъ, хотя иногда нѣтъ не только вывода, но и выхода изъ нихъ. Напримѣръ, отчего монахи такъ любятъ свой орденъ? Какъ разъ по тѣмъ основаніямъ, почему онъ имъ невыносимъ. Ихъ уставъ лишаетъ ихъ всего, на что опираются обыкновенныя страсти; остается, значить, одна страсть—къ уставу, который ихъ угнетаетъ. Чѣмъ онъ суровѣе, т. е. чѣмъ больше онъ заколачиваетъ ихъ склонности, тѣмъ больше онъ даетъ силы тѣмъ немногимъ влеченіямъ, которыя онъ имъ оставилъ.

На изученіи этихъ основныхъ моральныхъ свойствъ построена практическая забота объ общественномъ здоровьѣ и цѣлости общества; ей

исходный пунктъ у Монтескьё всегда простъ, но выполненіе въ деталяхъ сложно и требуетъ всесторонняго вниманія. Только опредѣленные моральныя и социальныя черты можно вызвать въ опредѣленной средѣ. Напримѣръ, демократіи годятся лишь для малыхъ государствъ, монархіи для большихъ. Демократія держится лишь на имущественномъ равенствѣ, небольшихъ земельныхъ надѣлахъ, суровомъ воспитаніи, отсутствіи денегъ. Свобода кажется невыносимой для народовъ, которые не привыкли ею пользоваться. Монтескьё не забываетъ при этомъ взять сравненіе изъ области физическихъ явленій. «Такъ, чистый воздухъ иногда вреденъ тѣмъ, кто жилъ въ болотистой странѣ».

Красивое зрѣлище, говоритъ Монтескьё, представляли въ прошломъ вѣкъ безсильныя попытки англичанъ установить у себя демократію. Но вмѣсто добродѣтели у вождей было безграничное честолюбіе, и одна политическая интрига смѣняла другую. Затѣмъ, Монтескьё впадаетъ въ любимую антитезу античнаго величія и современной мелкоты. «Греческіе политики, жившіе среди народнаго правленія, не признавали иной силы, которая могла бы его держать, кромя добродѣтели. Нынѣшніе политики толкуютъ намъ о мануфактурахъ, коммерціи, финансахъ, богатствахъ, даже о роскоши».

У Монтескьё часто изумляешься точности дисциплинарно-гигіеническихъ предписаній и обстоятельности его рецептовъ и инструкцій. Въ главѣ объ аристократіи и ея режимѣ ничего не забыто. Можно сказать, каждый день, каждый актъ правительства предусмотрѣнъ. Господствующій классъ въ аристократическихъ государствахъ не долженъ участвовать въ организаціи сбора податей; имущество его представителей не должно быть ни велико, ни мало. Съ увѣренностью декретируетъ Монтескьё, когда и гдѣ сенаторамъ должно быть пожизненными, и когда и гдѣ они должны быть смѣняющіеся. На то у него есть общее правило: первый случай, когда ихъ задача—надзоръ за нравами, второй, когда ихъ обязанность—подготовка политическихъ актовъ.

Разъ діагнозъ опредѣлилъ характеръ общественнаго организма, даже опытъ не можетъ поколебать увѣренности политическаго философа въ томъ, что онъ знаетъ необходимыя и правильныя способы режима или гвченія для общественнаго тѣла. Монтескьё, напримѣръ, не вѣритъ въ реформы, совершившіяся со времени Петра въ Россіи: стоитъ замѣтить, что его скептическія замѣчанія объ этомъ написаны гдѣ 20 спустя послѣ смерти Петра. «Смотрите,—говоритъ онъ,—съ какою заботою московское правительство старалось выйти изъ тяжелаго строя, который давилъ его еще больше, чѣмъ самый народъ. Были уничтожены большіе военные отряды (Монтескьё разумѣетъ стрѣльцовъ), уменьшены наказанія, установлены суды, начали понимать законность, обучили народъ». Монтескьё склоненъ думать, что эти мѣры не привяются, потому что онѣ не отвѣчаютъ характеру государства, т. е. ранѣе опредѣлившимся его чертамъ.

Въ приемахъ Монтескье намѣчается будущая соціологія, наша наука объ обществѣ, законахъ его строенія и развитія. Его собирательный терминъ въ примѣненіи къ совокупности соціальныхъ явленій, «общій духъ» звучитъ странно для насъ, но въ качествѣ его слагаемыхъ разумѣются всѣ основные моменты общественно-исторической жизни. Одна черта однако останавливаетъ наше вниманіе, какъ существенный пробѣлъ въ ея научномъ истолкованіи. Монтескье видитъ лишь одну арену, на которой проявляются соціальныя свойства, именно государство. Онъ не замѣчаетъ, что подъ этой оргавизаціей, закрѣпленной законами, есть другая, самостоятельная, менѣе замѣтная по вѣщнымъ проявленіямъ, но болѣе глубокая, медленнѣе измѣняющаяся и опредѣляющая въ сущности политическую жизнь, организація общественная, въ видѣ группировки классовъ, распредѣленія интересовъ между ними въ видѣ господства извѣстныхъ направленій мысли, связанныхъ съ этими интересами.

Любопытна судьба идей Монтескье въ ближайшую къ нему эпоху. Книга его, вышедшая въ 1748 г., была прочитана съ захватывающимъ интересомъ: въ теченіе двухъ лѣтъ она выдержала 22 изданія. Какъ всѣ крупныя произведенія французской литературы XVIII вѣка, она должна была изъ за цензуры выйти заграницей. Она удостоилась еще и той чести, что правовѣрные католическіе богословы Сорбонны нашли въ ней опасныя ученія: открылись разнообразныя подозрительныя пункты, какъ-то: ссылка на роль климата въ образованіи религіозныхъ понятій, сочувственныя замѣчанія о разводѣ и критическія о безбрачій духовенства, восхваленіе достоинствъ Юліана Отступника, какъ государя. «Духъ законовъ» попалъ даже въ индексъ, въ списокъ запрещенныхъ церковью книгъ. Были и другія нападки. Черезъ нѣсколько лѣтъ появилась книжка, въ которой симпатія Монтескье къ англійскому строю истолковывалась, какъ измѣна отечеству.

Словомъ, весь неизбежный циклъ былъ пройденъ. Но эти нападки со стороны стражей официальныхъ традицій и отживающихъ воззрѣній менѣе останавливаютъ вниманіе, чѣмъ возраженія, которыя очень скоро подняли представители передовой просвѣтительной литературы.

Во второй половинѣ вѣка имя Монтескье по традиціи было окружено почетомъ, но слѣдующія поколѣнія чувствовали себя чуждыми ему, удивлялись его слабостямъ и недоговоренности, жалѣли о его уступкахъ предрасудку. Одинъ изъ вождей философскаго движенія, Гельвецій, по поводу «Духа законовъ» находилъ, что писателю слѣдовало бы ради пользы общества остановиться на опредѣленіи правильныхъ принциповъ въ будущемъ строѣ, вмѣсто того, чтобы освящать и оправдывать тѣ, которые укрѣпляютъ предрасудки. Гельвецій находилъ, что Монтескье вноситъ слишкомъ много усложненій въ политику, что его гигиена слишкомъ медлительна, что она требуетъ слишкомъ много терпѣнія со стороны врача, т. е. законодателя и политика, слишкомъ много добродѣтели со стороны больного, т. е. народа.

Экономистъ Дюпонъ сожалѣлъ, что Монтескьё «вообще столь достойный, чтобы просвѣтить во всѣхъ направленіяхъ умъ человѣческій», могъ говорить шаблонно, какъ «всякій другой», что, «не объяснивъ намъ, какова первоначальная основа, какова общая задача всякой формы управленія, эта возвышенная личность направила всю силу и превосходство своего тонкаго и глубокаго ума на придумываніе специальныхъ оправданій къ даннымъ случаямъ».

Критики радикально расходились съ Монтескьё: они не хотѣли видѣть въ строѣ разныхъ обществъ на землѣ законныхъ и неустрашимыхъ различій. «Необходимый порядокъ, на которомъ основываются общества, есть въ то же время общій и естественный порядокъ». Они требовали одинаковаго и настойчиваго воспитанія и руководства для всѣхъ обществъ.

Эта позднѣйшая критика еще рѣзче выдѣляетъ характерныя черты соціальной философіи Монтескьё. Въ его время старыя политическія и общественныя формы въ Европѣ стояли еще кругомъ твердыми, традиционными группами. Въ эти сложившіяся рамки гуманная личность—а Монтескьё мы съ особымъ правомъ могли бы такъ назвать—хотѣла бы внести больше мягкости, справедливости, больше общенія между людьми. Монтескьё—врагъ пытокъ; онъ наглядно показываетъ безсиліе строгихъ наказаній. Вѣротерпимость какъ бы сама собою разумѣется для него. Онъ требуетъ отміны рабства черныхъ. Горячо радуется онъ и за неприкосновенность личности: въ этомъ въ сущности для него и состоитъ главная цѣна политической свободы.

Но ни въ одномъ изъ этихъ его желаній нѣтъ рѣжущаго, разрушительнаго порыва, нѣтъ угрозы старинымъ общественнымъ устоямъ. Онъ точно хочетъ сказать: какъ въ обществѣ могутъ и должны ужиться различные характеры, сложившіеся въ зависимости отъ наслѣдственныхъ свойствъ и воспитанія, такъ на земной поверхности неизбѣжна коренная разница большихъ коллективныхъ организмовъ, крупныхъ національныхъ и соціальныхъ характеровъ. Какъ бы ни было благотворно ихъ взаимное общеніе, какъ бы ни просвѣтляла людей въ отдѣльности наука и мораль, эти массовые характеры, въ которыхъ тонутъ личности, останутся неизмѣнны и будутъ жить до своего естественнаго конца.

IV. Просвѣтительная публицистика и ея историческія понятія.

Со времени эмигрантской литературы гугенотовъ началось литературное и культурное сближеніе Франціи съ Англійей, и представители французской интеллигенціи открыли въ сосѣдней странѣ точно новый для себя общественный міръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе публика искала непрерывнаго, быстраго и доступнаго поученія; тѣмъ больше и литературные вожди ставили себѣ цѣлью неустанную и разностороннюю

*

пропаганду и ознакомленіе общества съ сосѣдней культурой. Въ связи съ этимъ возникла и обширная публицистическая, такъ называемая просвѣтительная литература XVIII в. Она отвѣчаетъ прежде всего народненію новаго читателя, его стремленію къ тому, что мы теперь называемъ самообразованіемъ.

Интересный фактъ рассказываютъ очевидцы выхода въ свѣтъ словаря Бэля: когда экземпляръ его появился въ Парижѣ въ библиотекѣ Мазарини, единственной публичной въ то время, каждый день, рано утромъ, задолго до открытія дверей у зданія собиралась толпа; давка была такая среди желавшихъ добратся до новой книги, точно при разборѣ билетовъ на пьесу, которая имѣетъ большой успѣхъ.

Мы можемъ наблюдать, какъ читатель упреждаетъ своими запросами, наводитъ своего руководителя. Журналистъ Прево, о которомъ шла рѣчь выше, былъ заваленъ письмами, вопросами, требованіями своихъ подписчиковъ и постороннихъ, жаждавшихъ разнообразныхъ точныхъ и конкретныхъ свѣдѣній. У него «тысячу разъ», какъ онъ говоритъ, требовали во Франціи точнаго перевода протокола засѣданія англійскаго парламента. Онъ рѣшается, наконецъ, печатаетъ подробно цѣлое засѣданіе и имѣетъ полнѣйшій успѣхъ. Прево имѣетъ въ виду и другой жгучій пунктъ интереса, желаніе знать о результатахъ естественнонаучныхъ изслѣдованій; онъ собирается передавать «завѣренные факты, которые, повидимому, превосходятъ силы природы». Его на это не хватаетъ. Съ его знаніемъ и подготовкой въ этой области обстоятъ плохо, во что же дѣлать: «Я рѣшаюсь,—говоритъ онъ въ журналѣ,—сообщить вамъ сегодня нѣсколько соображеній о дѣлимости матеріи, о ея сущности, о природѣ души животныхъ, людей и существъ, одаренныхъ высшимъ разумомъ, хотя я вовсе не освоенъ въ сочиненіяхъ метафизиковъ такъ же, какъ въ геометріи и алгебрѣ, въ которыхъ, сознаюсь, я почти ничего не понимаю». Однако въ качествѣ обозрѣвателя ему приходится на все дерзать, и онъ сообщаетъ объ опытахъ съ фосфоромъ, о физическихъ теоріяхъ Ньютона и даже о проблемахъ страшной ему алгебры.

Само собою, настойчивость запроса формировала и болѣе искусныхъ, и болѣе освоенныхъ руководителей. Вольтеръ, поэтъ, сатирикъ и драматургъ, принимая на себя обязанность научнаго пропагандиста, которая кажется ему болѣе высокой, продѣлываетъ всю черную работу натуралиста, чтобы являться во всеоружіи передъ читателемъ; во время путешествія въ Англію въ качествѣ обстоятельнѣйшаго репортера, онъ выясняетъ себѣ обстановку, въ которой сложилась крупнѣйшая научная новинка эпохи, ньютоновская теорія, бесѣдуетъ съ докторомъ только что умершаго ученаго, знакомится съ ближайшими къ нему лицами, посѣщаетъ засѣданія королевскаго обществк.

На его примѣрѣ видно также, какъ видоизмѣняются вкусы. Вопросы искусства отступаютъ на второй планъ. Само искусство раз-

считается главнымъ образомъ съ утилитарной точки зрѣнія, какъ средство популяризаціи научныхъ, моральныхъ, политическихъ идей—Резонерство, полемика становятся господствующимъ тономъ въ литературѣ.

Читающая публика хочетъ не просто точнаго и быстрого освѣдомленія, она ищетъ общаго метода, связи, цѣльности въ свѣдѣніяхъ, хочетъ того, что мы перевели себѣ теперь съ нѣмецкаго тяжелымъ словомъ — «міросозерцаніе». Въ XVIII в. это называлось иначе—философіей. Смотрѣть философски на вещи, быть философомъ значило пріобрѣсть раціональный, научный взглядъ, устранить изъ изученія природы и исторіи понятіе произвольнаго и сверхъестественнаго, связывать факты въ тѣсные ряды причинъ и слѣдствій, умѣть ввести новое единичное явленіе въ знакомыя цѣпи и группы. Въ этомъ смыслѣ общественные руководители и называли себя по преимуществу философами; названіе можетъ вызвать заблужденіе, если мы станемъ у нихъ прежде всего искать системы, оригинальности, господствующаго принципа, дѣлить ихъ на школы и т. д. Ихъ «философія» это то, что мы называемъ научностью, общимъ научнымъ духомъ, научнымъ запросомъ.

Вольтеръ представляетъ собою типъ такого публициста-популяризатора. Съ удивительной легкостью владѣя чуть не всѣми видами литературы, онъ бросаетъ кругомъ научныя и культурныя идеи, проповѣдуетъ новыя знанія, громитъ и высмѣиваетъ отсталыя воззрѣнія—всѣмъ, чѣмъ можетъ, стихами, памфлетомъ, драмой, романомъ, философскою статью, полудантасгической новеллой, словаремъ, энциклопедіей, историческимъ разсужденіемъ. Разнообразіе формы поддерживается тѣмъ, что литературные жанры еще не фиксировались. Это видно на знаменитыхъ еженедѣльныхъ англійскихъ журналахъ начала XVIII в. Ихъ задача—моралистическая оцѣнка жизненныхъ явленій, разборъ театральныхъ пьесъ, художественная критика, наблюденія ежедневной жизни, выработка политическихъ сужденій. Но весь этотъ матеріалъ передается въ рамкѣ новеллы или драматизированныхъ бесѣдъ и приключеній опредѣленныхъ романическихъ персонажей, въ уста которыхъ влагаются сужденія и наблюденія. Подобную же смѣсь беллетристическаго, сатирическаго и резонирующаго элемента, художественной характеристики, научнаго анализа и проповѣди представляютъ сказки и повѣсти, фельетонныя письма и статьи Вольтера. Приемы декламаціи, морализующаго наставленія, тонъ передовыхъ статей нашихъ журналовъ ярко выдѣляется и въ многотомной великой энциклопедіи середины вѣка, посвященной популяризаціи научныхъ и техническихъ свѣдѣній и укрѣпленію научнаго міровоззрѣнія въ обществѣ.

Литературу эту трудно подводить подъ разряды философскихъ направлений. Цѣль Вольтера безпоковтъ то, что спитъ, и подрывать то, что вредитъ своею косностью. Если есть новая раціональная простая

научная теорія взаѣмъ разрушеннаго взгляда, онъ ее разовѣтъ и иллюстрируетъ. Если таковой нѣтъ, онъ удовольствуется тѣмъ, что вызвалъ мысль или сомнѣніе. Одинъ изъ разсказовъ Вольтера «Исторія добраго брамина» заключается въ томъ, что индійскій ученый, который много размышлялъ и учился — несчастливъ, потому что ко всѣмъ загадкамъ жизни и міра онъ можетъ лишь ставить вопросы, но не имѣеть отвѣтовъ; добрая старушка, его сосѣдка, счастлива, потому что ей никогда и въ голову не приходило углубляться въ подобные вопросы. И все же никто не предпочтетъ ея состоянія состоянію брамина. Мы цѣнимъ счастье, но еще болѣе цѣнимъ разумъ. Какъ же примирить это противорѣчіе? спрашиваетъ Вольтеръ. «Такъ же, какъ всякое другое противорѣчіе: тутъ есть о чемъ поговорить».

Отсутствіе системы, философскаго догмата, какъ будто бы даже составляетъ достоинство въ его глазахъ. Баль, по мнѣнію Вольтера, выше другихъ потому, что, сохраняя равновѣсіе самъ, онъ доказываетъ людямъ разумность сомнѣнія; онъ достаточно мудръ и великъ, чтобы обойтись безъ системы. То же самое общее научно-критическое настроеніе лежитъ въ основѣ энциклопедіи Дидро и д'Аламбера.

Новизна пріемовъ публицистики, ея огромный успѣхъ привлекли къ ней вниманіе официальныхъ, правительственныхъ круговъ. Раньше въ эпоху англійской революціи XVII в. партіи и правительства прибѣгали къ помощи пера, къ оправданію своихъ дѣйствій, развитію своихъ программъ въ летучихъ произведеніяхъ, но эта связь устанавливалась на моментъ кризиса и не приобрѣтала постояннаго характера. Впервые сложилось правильное пользованіе прессой, какъ непрерывнымъ, ежедневнымъ средствомъ воадѣйствія въ Англии въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.; это было время, когда вмѣстѣ съ династическимъ вопросомъ рѣшалось существованіе конституціи и религіозной свободы, время, когда перевороты разрушили старые порядки и традиціи и заставили сверху до низу пересмотрѣть вопросы о смыслѣ и предѣлахъ власти, о правахъ личности и общества и т. д. Самыя крупныя литературныя силы бросились въ борьбу—Дефо, Стиль, Аддисонъ со стороны либеральныхъ виговъ, а съ противной—Свифтъ и Болингброкъ; смѣнявшіяся у правленія партіи субсидировали ихъ, общали имъ темы и секреты, инспирировали направленіе ихъ статей или, напротивъ, черпали сами въ нихъ вдохновеніе и силу.

Вслѣдствіе своей политической практики французское правительство XVIII в. не умѣло стать въ нормальныя отношенія къ публицистикѣ. Въ немъ слишкомъ вкоренилось притязаніе обладать монополіей государственнаго разума. Общество, которое этого убѣжденія не раздѣляло, должно было въ весьма своеобразной формѣ удовлетворять своимъ вкусамъ и запросамъ. Производимая въ качествѣ національнаго фабриката, французская публицистическая литература скрывалась съ мѣстнаго рынка и подъ иностраннымъ штемпелемъ возвращалась кон-

трабандой домой; станки Лондона, Гаги, Амстердама, Женевы, а иногда и мноиескихъ городовъ работали усиленно на французское общество.

Еще дальше на востокъ и на югъ Европы общества, какъ дѣятельнаго цѣлаго, слагающагося изъ борьбы и сплетенія партій, и вовсе не было. Правительства, малыя и большія, ставили себѣ воспитательскія, опекунскія задачи.

Одно изъ небольшихъ, но дѣятельныхъ правительствъ въ Германіи выражалось: «Наша государственная дворцовая палата — естественный опекунъ нашихъ подданныхъ. Ея долгъ — выводить изъ заблужденій и направлять ихъ на вѣрный путь, наставлять ихъ, хотя бы противъ ихъ воли, какъ устраивать свое домохозяйство, какъ работать на землѣ, какъ посредствомъ болѣе производительной организаціи своего хозяйства облегчить себѣ (!) уплату податей». Въ другомъ правительственномъ центрѣ полагали, «что для поднятія мануфактуры необходимы разсудительность, вдумчивость, траты и награды». Это, говорилось дальше въ канцелярскомъ документѣ, «государственныя занятія; купецъ же остается при своей выучкѣ и привычкахъ. Онъ не заботится объ общихъ интересахъ отечества». Здѣсь, очевидно, правительство думало, что сложное понятіе объ отечествѣ доступно лишь ему. Этотъ пессимистическій взглядъ выразился въ одной официальной бумагѣ даже въ такой каррикатурной формѣ: «народъ (въ документѣ презрительно сказано «плебсъ») до тѣхъ поръ не отойдетъ отъ старыхъ скучныхъ привычекъ, пока его за руки и за носъ не вытащишь къ новой выгодѣ». Знаменитый прусскій король хотѣлъ непремѣнно расшевелить мыслительныя способности своихъ подданныхъ, научить ихъ «резонировать».

Отсюда правительства на востокъ Европы пришли къ сознанию, что они должны сами на себя взять цѣликомъ публицистическую роль; время такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма и есть именно эпоха, когда правительства писали передовыя статьи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое манифесты и рескрипты ихъ, что такое наказъ Екатерины II, какъ не поучающія или популяризирующія статьи? Посмотрите въ ученическую тетрадку будущаго Фридриха II, обратите вниманіе на направленіе честолюбія у принца: онъ пробуетъ свои публицистическія силы и пишетъ подъ громкимъ названіемъ «Антимаккиавель» возраженіе на теорію знаменитаго итальянскаго политика; онъ чувствуетъ непреодолимую потребность повѣдать всѣмъ печатно о своихъ возвышенныхъ принципахъ. Конечно, уже въ обращеніи государя къ печатному станку заключалось съ его стороны важное признаніе по отношенію къ этимъ «всѣмъ», къ этой неясной массѣ того, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ.

А изъ этого признанія вытекалъ интересъ правительствъ къ другимъ, такъ сказать, вольнымъ направителямъ общественнаго мнѣнія, къ призваннымъ публицистическимъ дѣятелямъ, къ «философамъ». Въ

созданной ими литературной республикѣ коронованныя лица искали почетнаго мѣста себѣ и диплома отъ его старѣйшихъ членовъ. Невольно поражаютъ тѣ комплименты, тотъ тонъ униженнаго ухаживанья, который господствуетъ въ письмахъ государей къ нимъ. Биографъ Вольтера, Кондорсе, увлеченный блестящей стороной этихъ отношеній, пишетъ: «во всѣхъ странахъ правители, министры, вліятельные люди, всѣ, кто искалъ славы, соперничали изъ-за слова одобренія со стороны фернейскаго философа и повѣряли ему свои надежды на успѣхъ разума, свои планы распространенія свѣта и истребленія фанатизма... Онъ установилъ по всей Европѣ союзъ, котораго душою былъ самъ. Если гдѣ совершалась несправедливость, поднималось кровавое гоненіе, оскорблялось человѣческое достоинство, одна статья Вольтера ставила виновныхъ къ позорному столбу передъ всей Европой. Какъ часто рука притѣснителя должна была отшатнуться въ страхѣ передъ этимъ мщеніемъ».

Не надо однако забывать и оборотной стороны. Ее очень хорошо иллюстрируетъ исторія приключеній Вольтера при дворѣ «короля-философа». Случайность литературнаго заработка, неопредѣленность круга читателей заставляла публициста искать связей съ дворомъ; съ другой стороны, выписывая изъ-за границы литературное свѣтило, дворъ смотрѣлъ на него, какъ на новый видъ дорогого украшенія; такъ же, какъ надо имѣть свою оперу, свою картинную галлерю, такъ надо имѣть свою академію, своего мудреца; при этомъ грубыя представленія временъ, когда придворнымъ мудрецомъ былъ шутъ, еще не совсѣмъ исчезли. Вольтеръ отправлялся въ первый разъ въ Берлинъ, имѣя отъ французскаго правительства такія секретныя порученія, которыя представляютъ низшій и даже подозрительный видъ дипломатіи. Фридрихъ II, только что посылавшій камергера своего засвидѣтельствовать вниманіе «сирейскимъ божествамъ», т. е. Вольтеру и его ученой пріятельницѣ, пишетъ интимно послѣ личнаго свиданія своему агенту: «твой скряга Вольтеръ пусть пьетъ до дна своей ненасытной жадности и получаетъ еще 1,300 талеровъ; изъ 6 дней, которые онъ тутъ пробылъ, каждый день стоилъ мнѣ 550 талеровъ. Это, по моему, значить дорого дать за шута (foi). Едва ли когда-нибудь скоморохъ при дворѣ большого сеньера получалъ такое вознагражденіе». Со своей стороны Вольтеръ запомнилъ уроки !придворной жизни и объяснялъ, покупая себѣ на покой помѣстье въ республиканской и протестантской Швейцаріи: «боюсь монарховъ и епископовъ».

Союзъ тѣмъ не менѣе установился. Просвѣтители въ обладаніи престола и просвѣтители въ одномъ обладаніи пера сходились во взглядахъ на задачи и приемы просвѣщенія. Для осуществленія той мѣры «свободы», какая нужна интеллигентному человѣку, т. е. свободы умственной, по мнѣнію философвъ, именно нуженъ былъ авторитетъ просвѣщеннаго государя. Несравненно болѣе рѣзкій, чѣмъ Вольтеръ,

въ религіозныхъ вопросахъ, матеріалистъ Гольбахъ въ своей «Системѣ природы» прославляетъ государя, какъ основную двигающую силу въ обществѣ. Правительство должно принимать во вниманіе общественное мнѣніе, но оно само ведетъ народъ. Конечно, должно распространять въ народѣ обученіе; но это лишь средство сдѣлать гражданъ «дѣятельными, приверженными къ власти, разсудительными». Дидро внушаетъ одно только государю—быть мягкимъ, благосклоннымъ. «Трудно вообразить себѣ, какую силу, дѣятельность, какой энтузіазмъ и мужество можетъ создавать мягкость. Сколько разъ оправдывалось это во Франціи: мягкость правителя—единственное лѣкарство противъ неизбѣжныхъ золъ въ такихъ государствахъ, которыя по своему строю наименѣе оставляютъ свободы гражданамъ и наименѣе равенства между ними».

Въ этой массѣ внизу, въ черной народной тѣмѣ просвѣтителі не видѣли еще ни объекта своего воздѣйствія и симпатіи, ни возможнаго будущаго союзника. У Вольтера есть теплыя выраженія о народѣ, въ родѣ того, что «мужиковъ обыкновенно вспоминаютъ, лишь когда ихъ стада мрутъ отъ чумы, а то если только большая опера въ порядкѣ, да есть красивыя балерины, все на свѣтѣ превосходно!» Онъ рѣзкокъ къ аристократическому произволу въ Польшѣ, Швеціи. Но народъ страшать его и вызываетъ отвращеніе. «Онъ всегда грубъ и тупъ; это волю, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ». «Эта порода никогда не будетъ имѣть ни времени, ни способности учиться; мнѣ кажется, даже необходимо, чтобы оставались невѣжественные молодцы. Если бы вы, какъ я,—говоритъ онъ корреспонденту,—обрабатывали землю, вы были бы навѣрно моего мнѣнія; когда чернь принимается разсуждать, все погибло». Вольтеръ высказывается противъ чрезмѣрнаго улучшенія участи простаго народа. «На нашемъ несчастномъ земномъ шарѣ невозможно, чтобы люди, живущіе въ обществѣ, не были раздѣлены на два класса: классъ богатыхъ, которые повелѣваютъ, классъ бѣдныхъ, которые служатъ».

Въ принципѣ не лучше относятся къ массѣ другіе публицисты просвѣтительной школы. У Дидро, съ его любящей натурой, съ его горячимъ сочувствіемъ каждому бѣдняку, можно найти такія общія формулы: человекъ изъ народа (*l'homme-peuple*) самый глухой и злой изъ всѣхъ людей; отрѣшиться отъ народныхъ началъ (*se dépopulariser*), или стать лучше—это одно и то же.

Здѣсь, въ этой массѣ, думаютъ просвѣтителі, главное препятствіе для торжества свѣта. Противъ спящаго мрака, который однако можетъ быть подвять изъ косности лицемѣрной злобой, надо именно искать помощи властной руки. Просвѣтителі чувствуютъ себя со своими читателями и приверженцами небольшою кучкой на земномъ шарѣ: «масса рода человѣческаго была и очень еще долго будетъ безумной и бессмысленной». Въ своей «Философіи исторіи» Вольтеръ помѣщаетъ рубрику

«о дикихъ». Дѣло идетъ однако не объ истинныхъ дикаряхъ, краснокожихъ Америки, въ природный умъ и добродѣтель которыхъ Вольтеръ вѣритъ: «Я думаю,—обращается онъ къ читателю,—вы готовы подъ дикими разумѣть грубыя существа, живущія въ лачугахъ съ самками своими и нѣкоторыми животными, вполнѣ предоставленныя случайностямъ непогоды, знакомя только съ землей, гдѣ они копошатся, и рынкомъ, гдѣ они продаютъ овощи, чтобы купить сермяги; говорящія на языкѣ, котораго въ городѣ не понимаютъ; существа, у которыхъ мало мысли и мало словъ, неизвѣстно, почему-то подчиненныя человѣку съ перомъ за ухомъ, которому они несутъ каждый годъ половину того, что добываютъ въ потѣ лица; въ извѣстные дни собирающіяся въ подобіи сарая, чтобы праздновать обряды, которыхъ они не понимаютъ, слушать человѣка, который одѣтъ иначе, чѣмъ они, и котораго они тоже не понимаютъ; по временамъ, когда забьетъ барабанъ, бросающія свою курную избу, чтобы наняться и идти убивать въ чужой странѣ и себя отдавать на смерть, и все за $\frac{1}{4}$ того, что могутъ заработать дома. Этихъ дикихъ много по всей Европѣ».

Рѣзкою противоположностью позднѣйшей идеализаціи народа отзываются горячія восклицанія, которыми полна вся статья о «толпѣ» (multitude) въ Энциклопедіи Дидро: «Берегитесь сужденія массы; въ вопросахъ умственныхъ ея голосъ звучитъ злобой, глупостью, безчеловѣчностью, превратностью и предрасудкомъ. Масса невѣжественна и идиотична. Берегитесь ея въ нравственныхъ вопросахъ: она не способна на сильныя и благородныя дѣла; героизмъ въ ея глазахъ почти безуміе. Въ чемъ и когда же толпа права? Во всемъ; но лишь по прошествіи очень долгаго времени, потому что тогда это—это, повторяющее сужденіе небольшого числа разумныхъ людей, опредѣляющихъ ранѣе мысль потомства. Если за васъ свидѣтельствуетъ ваша совѣсть, а противъ васъ—толпа, утѣшьте и будьте увѣрены, что время совершить судъ».

Это сознаніе характерно для просвѣтительнаго вѣка. Приблизительно такъ могли чувствовать себя культурные греки и римляне въ эпоху имперіи, окруженные массой безъ счета варваровъ за границей, да и дома неувѣренные въ какихъ-нибудь едва тронутыхъ культурой африканцахъ и далматинцахъ; такъ могла себя чувствовать античная интеллигенція среди разношерстной толпы, шумѣвшей на улицахъ Рима, среди своей челяди, своего сельскаго, цвѣтнаго, понураго землѣ, рабскаго и крѣпостнаго населенія. Если, казалось, въ XVIII в. просвѣщенныхъ людей, свободныхъ отъ предрасудковъ, можно собрать со всей Европы въ одномъ залѣ, то естественно въ этихъ условіяхъ трудно было увлечься вѣрой въ скорый и прочный прогрессъ. Въ этомъ смыслѣ знаменательны слѣдующія слова Вольтера, написанныя за годъ до смерти: «Я вижу теперь, что мы должны еще ждать три или четыре столѣтія; несомнѣнно наступитъ день, когда честные люди одержатъ

побѣду; но какъ много подлыхъ дѣлъ должны мы претерпѣть, пока наконецъ настанетъ этотъ славный день, какъ много жестокихъ преслѣдованій выпадетъ на нашу долю, сколько Ла-Барровъ сгоритъ на кострѣ!»

Теперь намъ будетъ понятно и это странное на первый взглядъ, свойственное Вольтеру и большей части просвѣтителей XVIII в., возвеличеніе Китая. Какимъ образомъ могла быть идеализирована страна застоя, неоконченной и уродливо окаменѣвшей культуры, страна обрядности и безконечнаго формализма, государственной тайны и политическаго фокуса надъ огромной массой людей, живущихъ по животному?

Конечно, здѣсь играетъ роль уже знакомая намъ сентиментальная разрисовка, которую давали миссіонеры. Несомнѣнно также, что въ идеализированной картинѣ Китая значительное мѣсто надо отвести духу намѣренной оппозиціи, замаскированной полемикѣ. Часто замѣтку «вотъ это разумно у китайцевъ», надо понимать такъ: «вотъ чего нѣтъ у ветхозавѣтнаго Израиля» или «вотъ что искажено въ католическомъ мірѣ». Таковы восхваленія умѣренности, мягкости, справедливости законовъ китайскихъ, указаніе на то, что священники не вмѣшиваются тамъ въ свѣтскія дѣла и т. п., ссылка на необыкновенную древность китайской науки, которая добралась до великихъ астрономическихъ открытій, когда еврейскіе патріархи еще кочевали со стадами и т. д.

Но основной мотивъ симпатіи къ Китаю лежитъ глубже. Говоря о нелѣпныхъ и шаманскихъ сектахъ въ Китаѣ, далеко отстоящихъ отъ мудраго ученія Конфуція, Вольтеръ прибавляетъ: «Секты эти терпимы въ Китаѣ ради простонародья, какъ грубая ѣда нужна для его пропитанія, между тѣмъ какъ сановники и книжные люди, во всемъ отдѣленные отъ народа, питаются болѣе чистымъ веществомъ: дѣйствительно, кажется, что чернь не заслуживаетъ разумной религіи». Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ объяснено, что религія книжныхъ людей въ Китаѣ чисто философская, раціоналистическая и свободная, Вольтеръ напоминаетъ, что государь тамъ—глава и охранитель этой религіи. «Онъ долженъ быть первымъ философомъ, первымъ проповѣдникомъ имперіи: его эдикты—почти всегда наставленія и лекціи морали». Дидро, присоединяясь къ такому опредѣленію роли китайскаго императора, прибавляетъ: «обычай учить и увѣщевать въ указахъ былъ свойственъ и нашимъ королямъ, и они очень потеряли, покинувъ его».

Вотъ почему просвѣтители охотно прощаютъ Китаю отсутствіе движенія, даже восхищаются неизмѣнностью его строя; вотъ почему они мирятся здѣсь съ господствомъ традиціи, къ которой они такъ строги въ Европѣ. Традиціонныя, умныя, застывшія формы Китая вѣрнѣе и болѣе обезпечиваютъ спокойное пользованіе культурой для избраннаго слоя человѣчества, чѣмъ наши скороспѣлые успѣхи, окруженные бурями и злою косностью—такова какъ будто скрытая мысль. Оставьте грубое суевѣріе толпъ и не стѣсняйте вольномыслія высшаго круга людей.

Въ Энциклопедіи подъ заглавіемъ «Законодатель» Дидро останавливается на неутѣшительномъ фактѣ, что человѣческая природа всегда была и будетъ склонна къ суевѣрію. Хотя знанія и успѣхи разума—лучшія средства противъ этой болѣзни нашей породы, но такъ какъ она неизлѣчима въ извѣстной мѣрѣ, то она требуетъ большаго снисхожденія. «Образъ дѣйствій китайцевъ кажется мнѣ въ этомъ отношеніи превосходнымъ. Совѣтники государя—философы, и провинціи покрыты пагодами и богами: къ тѣмъ, кто имъ поклоняется, никогда не примѣняютъ суровыхъ мѣръ; но когда кто-либо изъ боговъ не исполнитъ желаній народа, и недовольство дойдетъ до того, что вачнутъ сомнѣваться въ его божественности, мандарины пользуются моментомъ, чтобы уничтожить одно изъ суевѣрій, они разбиваютъ изображеніе бога и разрушаютъ его храмъ». Вотъ роль, которую бы желали играть просвѣтители въ государствахъ: ученые въ качествѣ министровъ, снисходя къ предрасудкамъ, въ то же время регулируютъ ихъ; въ опасный моментъ они становятся вождями толпы, рационально утилизируя ея порывъ, отнимая у него анархическую силу авторитетной санкціей, и въ концѣ концовъ хитро и незамѣтно проводятъ свою философскую цѣль—упрощеніе религіи.

Современность кажется просвѣтителямъ моментомъ сравнительно спокойнымъ, удаленнымъ отъ политическихъ порывовъ, особенно же отъ бушеванія религіозныхъ страстей. Вольтеръ замѣчаетъ въ «Англійскихъ письмахъ» по поводу слабости деизма, какъ еѣры: «Теперь нѣтъ шансовъ на торжество новой вѣры. Не смѣшно ли, что Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли и всѣ эти писатели, которыхъ теперь невозможно читать, образовали секты, раздѣлившія между собою Европу, что невѣжественный Магометъ далъ религію Азіи и Африкѣ; а гг. Ньютонъ, Локкъ и другіе величайшіе философы и лучшіе литераторы нашего времени едва могли сложить небольшую общину, которая уменьшается каждый день. Вотъ что значитъ кстати явиться на свѣтъ. Если бы Кромвель воскресъ, Кромвель, который велѣлъ срубить голову королю и сдѣлался государемъ, онъ остался бы простымъ купцомъ въ Лондонѣ».

Но спокойствіе еще не признакъ силы просвѣщенной группы людей. Это пассивное явленіе. «Раздѣлите,—говоритъ Вольтеръ,—родъ человѣчскій на двадцать частей: изъ нихъ 19, это—тѣ, которые живутъ трудомъ рукъ своихъ и никогда не узнаютъ, что на свѣтѣ былъ Локкъ. Въ остающейся двадцатой части сколько людей читающихъ? А между тѣми, кто читаетъ, на двадцать читающихъ романы лишь одинъ занимается философіей. Число мыслящихъ людей поразительно мало и они не собираются волновать міръ». Страшныя религіозныя и политическія бури, войны изъ-за символовъ и предрасудковъ миновали.

Когда же наступило это спокойствіе, давно ли стали пробиваться здравые культурные принципы, какъ развились они? Просвѣтительная публицистика въ ряду задачъ своихъ должна была выдвинуть историческій вопросъ о судьбѣ своего ближайшаго дѣла въ прошломъ. Она

встрѣчалась съ недовѣріемъ къ пользѣ историческихъ знаній въ виду преобладанія въ нихъ матеріала чисто внѣшняго. Умная и ученая пріятельница Вольтера, маркиза Дюшатлэ, сильная въ естественныхъ и математическихъ наукахъ, поклонница Ньютона, выражала это недовѣріе такъ: «какое дѣло мнѣ, французенкѣ, до того, что въ Швеци Эгиль наследовалъ Гакону, а у турокъ Оттоманъ былъ сыномъ Эртогула? Можно читать исторію Греціи и Рима ради описанія увлекательныхъ и величественныхъ картинъ, но я ни разу не могла прочесть до конца исторію современныхъ народовъ; здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ безпорядочности и путаницы; цѣлый рядъ мелочныхъ событій безъ связи и послѣдовательности и тысяча сраженій, ни къ чему не приводящихъ. Я отвергаю знаніе, которое, отягощая умъ, нисколько не способствуетъ его развитію».

Вольтеръ отвѣчаетъ на это въ своемъ «Опытѣ о нравахъ и о духѣ народовъ», или «Философіи исторіи»: цѣль моего труда вовсе не въ томъ, чтобы сообщить, что такой-то не стоящій вниманія государь слѣдовалъ за такимъ-то правителемъ-варваромъ у грубаго народа. Забывать въ голову хронологическую послѣдовательность династій—значитъ заучивать лишь слова. «Зачѣмъ вамъ детали столькихъ мелкихъ интересовъ, нынѣ совершенно исчезнувшихъ, судьбы этой массы семей, которыя спорили изъ-за областей, поглощенныхъ потомъ большими государствами?». Что же стоитъ изученія? «Духъ, нравы, обычай главныхъ народовъ». Въ другой разъ онъ выражается такъ: «тысячи сраженій не принесли человѣчеству никакой пользы, тогда какъ произведенія великихъ людей, Мольера, Декарта и друг. будутъ служить вѣчнымъ источникомъ наслажденія для послѣдующихъ поколѣній. Шлюзъ какого-нибудь канала, картина Пуссэна, художественная трагедія, твердо установленная истина имѣютъ въ тысячу разъ большую цѣну, чѣмъ вся масса лѣтописей двора и всѣ рассказы о военныхъ кампаніяхъ».

Такимъ образомъ Вольтеръ съ настойчивостью и рѣзкостью увлеченія высказываетъ программу того, что мы называемъ теперь исторіей культуры. Онъ намѣчалъ и тѣ рубрики, тѣ вопросы, изъ которыхъ должна составиться эта новая исторія, исторія состояній, а не событій, не похожая на военную и политическую. «Теперь хотятъ знать, какъ складывалась извѣстная нація, изъ какихъ племенныхъ частей; хотятъ знать разницу числа войскъ въ настоящемъ и прошломъ, развитіе и характеръ торговыхъ сношеній; искусства, самобытно выросшія и заимствованныя, а потомъ усовершенствованныя; среднія цифры государственныхъ доходовъ прежняго времени и настоящаго; возникновеніе и развитіе морскихъ силъ; отношеніе численное между классами привилегированными и простыми, обеспеченными и трудящимися».

Вольтеру казалось также важнымъ приложить этотъ методъ къ исторіи новоевропейскихъ народовъ для того, чтобы объяснить происхожденіе современной культуры, вмѣсто того, чтобы останавливаться на слишкомъ изученныхъ явленіяхъ древняго міра.

Но его «Опыту о нравахъ» недостаетъ многого, чтобы стать исторіей человѣческой культуры. Прежде всего полемическія цѣли слишкомъ врываются въ изложеніе. Вольтеръ не упускаетъ случая указать противорѣчія, странности въ исторіи евреевъ: злорадно здѣсь выдвигутъ всякій сомнительный эпизодъ; мудрость индусовъ, финикянъ, китайцевъ фигурируетъ лишь для того, чтобы выставить фанатизмъ и невѣжество евреевъ. Благодаря этому, разрушается историческая перспектива, потому что Востокъ оказывается болѣе важнымъ культурнымъ факторомъ и центромъ, чѣмъ Греція и Римъ.

Затѣмъ историкъ нравовъ, идей и вѣрованій оказывается совершенно неспособнымъ понять народное творчество, поэзію мѣа, первые проблески мысли, настроеніе мистицизма, выраженіе правового сознанія въ обычаяхъ. Для наивнаго, для своеобразнаго, для непосредственной оригинальности, игры фантазіи у него нѣтъ чутья. Только то получаетъ пощадку, что отиѣчено печатью рациональнаго объясненія или явной пользы. Мѣа вызываетъ лишь смѣхъ, какъ дикій вымыселъ, какъ вздорная догадка или глупое утѣшеніе варвара. Обряды, въ родѣ греческихъ мистерій, прорицанія оракуловъ кажутся лишь жалкой или возмутительной комедіей, смотря по тому, приняты ли во вниманіе зрители или исполнители. «Кто первый придумалъ это искусство?» спрашиваетъ Вольтеръ по поводу оракуловъ, и отвѣчаетъ: «первый мошенникъ, который встрѣтилъ дурака». И при этомъ онъ совершенно забываетъ разстояніе временъ и словно нападаетъ на современнаго шарлатана: «большинство предсказаній (у грековъ) похожи на предсказанія «Люттихскаго Альманаха» (нѣчто въ родѣ Брюсова календаря): въ этотъ годъ умретъ великій человѣкъ; будутъ кораблекрушенія. Ну да, что-нибудь случится по кругозору каждаго: умретъ въ этомъ году судья въ деревнѣ, для деревни этой. разумѣется, великій человѣкъ—вотъ и исполненіе» и т. д. Рассказывая о сивиллахъ, о метаморфозахъ боговъ, Вольтеръ чувствуетъ себя въ домѣ съумаспедшихъ или зрителемъ пошлыхъ продѣлокъ, авторы которыхъ работаютъ грубо изъ-за денегъ.

Греція—страна сказокъ. Глупыя басни закрѣпляются привычкой повторенія, а потомъ упрямой тупостью комментаторовъ. «Будьте увѣрены, когда вы видите старинный праздникъ, старинный храмъ, это—созданья заблужденія; заблужденіе это въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ распространяется и находитъ вѣру; оно становится наконецъ священнымъ, и тогда строятъ храмы химерамъ». «Можно бы написать объ этомъ цѣлые томы, но всѣ эти томы сведутся къ двумъ словамъ: огромная масса рода человѣческаго была и очень долго будетъ лишеною смысла и разсужденія; но самые безумные, быть можетъ, тѣ, кто хотѣлъ найти смыслъ въ этихъ негѣпныхъ сказкахъ и кто хотѣлъ внести разсудокъ въ сумасбродство».

Въ конкретныхъ дѣтскихъ непослѣдовательныхъ попыткахъ объяснить міровыя явленія Вольтеръ видитъ только одно: невѣжество и обманъ. Всякое сильное, неорганизованное проявленіе чувства и вообра-

женія раздражаетъ его. Поэзія, архитектура, вѣра среднихъ вѣковъ его отталкиваютъ. О Божественной комедіи Данта онъ говоритъ: «Всякій человѣкъ съ искрой здраваго смысла долженъ покраснѣть, читая описаніе этой собравшейся въ аду чудовищной компаніи изъ Данте и Виргилія, св. Петра и сеньоры Беатриче». «Готическое искусство—стиль вандаловъ; это фантастическая смѣсь грубости и мелочной отдѣлки».

Низко ставитъ Вольтеръ и цѣну средневѣковой науки; его мнѣніе ярко отражается въ замѣчаніяхъ по поводу флорентійскаго ученаго въ XV в. Пико Мирандолы и свидѣтельствъ о его необычайной даровитости и знаніяхъ. Вольтеръ полагаетъ, что въ обширномъ арсеналѣ знаній, которыя хранила эта удивительная память, развѣ только кое-что изъ геометріи стоитъ вниманія. Остальное, говоритъ съ насмѣшкой Вольтеръ, «отражало лишь духъ времени», и, какъ бы увѣренный, что одни имена вызовутъ у современниковъ смѣхъ, онъ называетъ свѣтила схоластики, Фома Аквинскаго и Альберта Великаго. «Легко извинить за презрѣніе къ наукамъ тѣхъ, кто управлялъ тогда міромъ. Пико де-Мирандола былъ очень несчастливъ, отдавъ свою жизнь и сокративъ дни свои на изученіи этихъ глубоко безумныхъ вещей».

Сильныя фигуры среднихъ вѣковъ низведены и осмѣяны. Вотъ въ какомъ тонѣ разсказывается исторія Жанны д'Аркъ. «Дворянинъ съ границъ Лотарингіи отыскиваетъ служанку въ Вокулерскомъ кабацкѣ, соображая, что она сдумаетъ сыграть роль воительницы, вдохновенной видѣніями. Ее выдавали за пастушку 18 лѣтъ, но ей было 27 лѣтъ; у нея хватило мужества и сообразительности исполнить замыселъ... Доктора университета и нѣсколько парламентскихъ совѣтниковъ не колебались объявить ее вдохновенной свыше: обманула ли она ихъ, или они были сами настолько ловки, что вошли въ обманъ: народъ повѣрилъ, и этого было достаточно». А вотъ оцѣнка завоевателя Англіи Вильгельма и его союзника папы. «Итакъ, варваръ, сынъ развратной женщины, убійца законнаго короля, дѣлитъ награбленное у этого короля съ другимъ варваромъ; право, устраните здѣсь только титулы, герцога Нормандіи, король Англіи, папа—все сведется на дѣло нормандскаго разбойника и ломбардскаго укравателя».

Герои религіознаго увлеченія вызываютъ злыя и презрительныя замѣчанія: просвѣтители не вѣрятъ въ ихъ искренность или осмѣиваютъ ихъ невѣжество.

Флорентійскій аскетъ и проповѣдникъ очищенія церкви Савонарола кажется Вольтеру только ложнымъ пророкомъ, обманщикомъ, злоупотреблявшимъ тайной исповѣди и секретами, которые открывали ему братья-монахи. «Могъ ли онъ не сознаться въ своемъ обманѣ?—спрашиваетъ Вольтеръ.—Интригующій вѣщатель развѣ не убѣжденъ, что онъ—плутъ? Еще больше, можетъ быть, было въ немъ фанатизма: человѣческое воображеніе способно совмѣстить эти двѣ крайности, которыя, повидимому, другъ друга исключаютъ». Онъ приходитъ къ об-

щему заключенію: «Съ презрительною жалостью смотрите вы на эти сцены безсмыслицы и отвращенія; вы не находите ничего похожаго ни у римлянъ, ни у грековъ, ни у варваровъ. Это—плодъ самаго постыднаго суевѣрія, которое когда либо обращало человѣка въ звѣря, и худшаго изъ всѣхъ режимовъ. Но вы знаете, что лишь очень недавно мы вышли изъ этого мрака и что далеко не все просвѣщено».

Лютеръ кажется Вольтеру полуразвитымъ грубымъ монахомъ, съигравшимъ роль безсознательнаго орудія въ нехорошей интригѣ вождей и крупныхъ людей въ церковныхъ и политическихъ спорахъ. «Его начальники уполномочили его проповѣдовать противъ товара, который они не могли продавать». Вольтеръ имѣетъ въ виду индульгенціи и повторяетъ устами свѣтскаго скептика старую инсинуацію католической полемики.

Въ реформаціонномъ движеніи онъ вообще видитъ мелкія страсти, мѣщанскіе мотивы, понятія какихъ-то полуграмотныхъ обывателей, которые вообразили себя рѣшителями большихъ вопросовъ. Вотъ что говорится о Цвингли: «швейцарскій городишка (Цюрихъ) произнесъ судебный приговоръ надъ Римомъ. Счастливый народецъ въ концѣ концовъ, разъ онъ въ простотѣ своей довѣрялъ своимъ властямъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые ни онъ самъ, ни они, ни Цвингли, ни папа постигать не могли».

Соціальной стороны реформаціи Вольтеръ тоже не хочетъ признать или, лучше сказать, онъ видитъ въ ней то же пробужденіе некультурныхъ инстинктовъ. Здѣсь опять характерно пробивается недовѣрчивое отношеніе къ народной массѣ. Мюнцеръ и другіе вожди крестьянскаго возстанія, говоритъ онъ, развили (въ деклараціяхъ) опасную истину, которая заключена во всѣхъ сердцахъ, именно, что люди рождены равными и что, если папы обращались съ государями, какъ съ подданными, то помѣщики обращались съ крестьянами, какъ съ животными. Правда, этотъ манифестъ дикарей во имя людей, обрабатывавшихъ землю, могъ быть подписанъ Ликургомъ... они настаивали на правахъ рода человѣческаго, но поддерживали требованія, какъ дикіе звѣри».

Приведенныя сужденія и характеристики объясняютъ, почему картина прошлаго у Вольтера однообразна и безнадежно тяжела. Вотъ почему у него нѣтъ и представленія о постепенномъ развитіи культуры, нѣтъ перехода между съумасбродствомъ, дикимъ мракомъ и разсудочностью, спокойнымъ научнымъ взглядомъ. Разумъ необъяснимо и сразу вступаетъ въ свои права, а впрочемъ, его торжество слабо и моменты его рѣдки. Оттого у просвѣтителей возможно и обратное, совершенно неисторическое представленіе относительно старины. Вольтеръ готовъ допустить первоначальную чистую, разумную естественную религію, которая потомъ въ нечестныхъ рукахъ исказилась.

Прогрессъ рода человѣческаго поэтому не выступаетъ въ разнообразныхъ формахъ. Иногда кажется, какъ будто въ историческомъ изображеніи приняты во вниманіе лишь утилитарные успѣхи. Вольтеръ отмѣчаетъ и привѣтствуетъ ростъ техники, изобрѣтеній, торговли, на-

копленіе знаній и притомъ главнымъ образомъ въ области изученія физической природы. Онъ не замѣчаетъ ни улучшенія морали, ни развитія и усовершенствованія права и социальныхъ отношеній. Ему какъ бы чужда мысль, что сознаніе въ средѣ общества растетъ въ соотвѣтствіи съ успѣхами его организаціи, что потребности извѣстной среды и движеніе ея запросовъ отражаются въ правѣ, обычаяхъ, наконецъ въ складѣ понятій средняго человѣка.

Немного лишь дальше ведетъ насъ осторожно написанная картина социального движенія у Дидро (въ ст. Энциклопедіи подъ заголовкомъ «Законодатель»). Онъ указываетъ на измѣненіе нравовъ въ Европѣ, благодаря развитію обмѣна. «Торговля — новый связующій элементъ для людей». Націи все болѣе заинтересовываются во взаимномъ благополучіи. Крушеніе Лейпцига, Лиссабона, Лимы въ послѣднее время отразилось въ рядѣ банкротствъ въ Европѣ и разрушеніи интересовъ нѣсколькихъ милліоновъ гражданъ. «Торговля, подобно просвѣщенію, смягчаетъ нравы, уменьшаетъ воинственность, но она также уничтожаетъ энтузіазмъ добродѣтели, понижаетъ силу, великодушіе и благородство нравовъ. Однако, прибавляетъ составитель, войны всегда будутъ въ Европѣ, вызываемыя соперничествомъ, различіемъ строя и т. д., и онѣ воспрепятствуютъ росту мягкости и чрезмѣрной кротости нравовъ, результату торговли и продолжительнаго мира».

Обѣщанія широкаго прогресса здѣсь нѣтъ. И вообще узкимъ представляется просвѣтителямъ путь, по которому движется культура, тѣсно кажется ея содержаніе. Небольшая горсть человѣчества захвачена ею, и отовсюду грозятъ ей опасности. Чѣмъ меньше казался кругъ ея пріобрѣтеній въ данную минуту, тѣмъ слабѣе обозначалась полоса свѣта въ прошломъ. Недовѣріе къ окружающему предразсудку, косности, фанатической злобѣ просвѣтительная публицистика переносила на старину: вслѣдствіе этого она отбрасывала, игнорировала крупныя области, широкія направленія человѣческой дѣятельности и человѣческой вѣры въ прошломъ, или она смѣшивала ихъ въ общую массу началъ, враждебныхъ разумному существованію.

Но та же самая публицистика поставила задачу культурной исторіи; этимъ она не только выдвинула новыя рамки, но и новый запросъ, способный расширить пытлиую мысль и поднять морально-общественное сознаніе. Если она могла поставить такую задачу, то это значить, что она обладала горячимъ убѣжденіемъ въ цѣнности самой культуры. Мы можемъ считать это, какъ угодно, ея заслугой, ея усиленіемъ, или ея природой, ея свойствомъ, но фактъ такого убѣжденія, такого сознанія былъ важенъ. У слѣдующаго поколѣнія на немъ выстраивается вѣра въ быстрый всеобщій прогрессъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вулканы на землѣ и вулканическія явленія во вселенной.

Проф. А. П. Павлова.

(Окончаніе *).

II. Причины вулканическихъ явленій.

Прежде чѣмъ дѣлать попытки объясненія причинъ вулканической дѣятельности, нужно еще узнать, много ли на землѣ вулкановъ и какъ они распредѣлены по земной поверхности.

Общее число дѣйствующихъ вулкановъ около 300 или 350; такихъ вулкановъ, которые, хотя и не дѣйствуютъ, но хорошо сохранили свою форму и окружены еще свѣжими лавами и шлаками, указывающими на недавнюю дѣятельность, раза въ полтора больше дѣйствующихъ. Что касается распредѣленія вулкановъ, то въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, весьма часто встрѣчающееся расположеніе вулкановъ рядами прямолинейными или слегка изогнутыми. Примѣрами могутъ служить вулканы, расположенные вдоль западнаго берега Южной Америки, вулканы Центральной Америки, Алеутскихъ острововъ, вулканы Камчатки, Курильскихъ острововъ и Японіи, вулканы Зондскаго архипелага и др. Такое расположеніе вулкановъ какъ бы намѣчаетъ нѣкоторыя линіи на земной поверхности, вдоль которыхъ вулканическіе продукты, стремящіяся вырваться изъ земныхъ глубинъ, встрѣчаютъ меньшее сопротивленіе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ будто по этимъ линіямъ идутъ расколы въ земной корѣ, повторяющіе въ грандіозномъ масштабѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются на склонахъ Этны при сильныхъ изверженіяхъ, когда образуются длинныя трещины, на пути которыхъ въ разныхъ точкахъ возникаютъ небольшіе вулканы и изъ выброшенныхъ ими шлаковъ и пепла нагромождаются побочные конусы. Такое предположеніе о связи вулкановъ съ расколами земной коры подтверждается еще тѣмъ, что эти линіи вулкановъ являются въ то же время линіями вдоль которыхъ тянутся горныя цѣпи, т. е. такія области земной коры, гдѣ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

пласты, изъ которыхъ они состоятъ, изогнуты, смяты въ складки, разломаны и передвинуты на различные уровни. Эти же самыя полосы земли принадлежатъ къ числу такихъ мѣстъ, гдѣ особенно часто бываютъ землетрясенія. Ряды вулканическихъ острововъ, вродѣ Курильскихъ или Алеутскихъ, не представляютъ исключенія, такъ какъ эти острова представляютъ собою, въ сущности, тѣ же горныя цѣпи, но погруженные въ воду настолько, что надъ ея уровнемъ поднимаются только отдѣльныя вершины горъ.

Второе обстоятельство, на которое стоитъ обратить вниманіе, это то, что ряды вулкановъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, тоже не разсѣяны по землѣ въ разныхъ случайныхъ направленіяхъ, и въ нихъ обнаруживается наклонность примыкать одинъ къ другому и связываться въ огромныя вулканическія полосы или пояса, которые съ болѣе или менѣе значительными перерывами опоясываютъ кругомъ весь земной шаръ. Если взять глобусъ и намѣтить на немъ вулканы западнаго берега Америки, Алеутскихъ острововъ, Камчатки, Курильскихъ острововъ, Японіи, Филиппинскихъ острововъ и Зондскаго пролива съ прилежащими частями Суматры и Явы, то получится полоса вулкановъ, опоясывающая почти весь земной шаръ. Если ее продолжить черезъ Индійскій океанъ, мимо края южнаго полярнаго материка до южной оконечности Америки, то на этомъ продолженіи мы встрѣтимъ еще нѣсколько вулканическихъ острововъ (Килингсъ, Кергузленъ, Юж. Шетландскіе), какъ бы замыкающихъ этотъ замѣчательный вулканическій поясъ. Существуютъ еще и другіе, хотя и менѣе отчетливо выраженные пояса вулкановъ, напримѣръ, тотъ, который проходитъ черезъ Яву, Суматру, вулканическіе острова Бенгальскаго залива, по сѣверному берегу Аравійскаго моря и Персидскаго залива, далѣе черезъ Мертвое море и вулканическіе острова Средиземнаго моря. Если соединить двѣ замѣчательныя вулканическія области южно-итальянскую (съ Этной и Эоловыми островами) и исландскую и продолжить соединяющую ихъ полосу вокругъ всего земнаго шара, то на этомъ поясѣ или очень близко къ нему окажется еще нѣсколько замѣчательнѣйшихъ вулканическихъ областей, напр., Кенія въ Африкѣ, вулканы Мозамбикскаго канала и Мадагаскара, острововъ Маврикія, Кергузленъ, вулканическая область Новой Зеландіи и острова Гаваи. Случайное ли это совпаденіе, или оно имѣетъ какое-либо болѣе глубокое значеніе, это еще остается невыясненнымъ.

Попытаемся теперь поискать отвѣтъ на вопросы, что такое вулканъ, почему онъ приходитъ въ дѣятельное состояніе, производитъ взрывы, выбрасываетъ пары и газы, брызги и осколки лавы, изливаетъ потоки лавы и затѣмъ затихаетъ? Откуда эта сила, способная пробить каналъ внутри горы и поднять на большую высоту расплавленную каменную матерію, втрое болѣе тяжелую, чѣмъ вода, и выбросить массы минеральныхъ обломковъ и пыли въ высокіе слои атмосферы? Нѣкоторые ученые

*

пытались объяснить эти явления, такъ сказать химико-механическими причинами, видѣть въ нихъ явленія, имѣющія мѣстный характеръ и обусловленные нѣкоторыми физическими или химическими процессами, которые сопровождаются развитіемъ теплоты, способной вызвать мѣстное расплавленіе твердыхъ массъ земного шара и всѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются при вулканическихъ изверженіяхъ. Но такое объясненіе, въ сущности, ничего не объясняетъ, ибо не указываетъ, какіе именно процессы могутъ вызвать такое колоссальное развитіе жара въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, не слишкомъ глубоко лежащихъ пунктахъ твердаго шара, носящагося въ холодномъ мировомъ пространствѣ и нагрѣваемаго солнцемъ очень неравномѣрно въ разныхъ поясахъ и только до извѣстной, очень небольшой глубины. Между тѣмъ извѣстно, что вулканы распространены почти повсемѣстно на землѣ, что они не обнаруживаютъ какой-нибудь зависимости отъ климатическихъ условій и располагаются среди напластованій земной коры самыхъ разнообразныхъ по составу и по времени своего образованія — и среди новѣйшихъ морскихъ отложеній, какъ вулканы Южной Италіи, и на древнѣйшихъ гранитахъ и гнейсахъ, какъ потухшіе вулканы Центральной Франціи, и при всемъ томъ составъ продуктовъ, ими выбрасываемыхъ, хотя и неодинаковъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, но все-же измѣняется въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ и независимъ отъ состава тѣхъ каменныхъ породъ, которыя образуютъ данный участокъ земной коры. Кромѣ всего этого, подвижность, малая устойчивость земной коры, мѣстами опускающейся, мѣстами изгибающейся въ складки, плохому мирится съ тѣмъ мнѣніемъ, что земной шаръ весь вообще, кромѣ отдѣльныхъ очаговъ плавленія, твердъ и холоденъ. Мы не будемъ излагать подробно такихъ толкованій вопроса о вулканахъ, которыя уже отжили свой нѣкъ или, очевидно, не выдерживаютъ критики, такъ какъ не принимаютъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, требующихъ разъясненія, или не соотвѣтствуютъ масштабу объясняемыхъ явленій.

Мы остановимъ наше вниманіе на такомъ объясненіи, которое лучше согласуется съ извѣстными намъ фактами и допускаетъ дальнѣйшее развитіе на почвѣ научнаго изслѣдованія, а потому и принимается громаднымъ большинствомъ геологовъ.

Главные факты, съ которыми приходится считаться, ища объясненія вулканическихъ явленій, это широкое распространеніе вулкановъ и горячихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ о необычайно высокой температурѣ внутреннихъ областей земли, и то обстоятельство, что всюду, даже въ странахъ вовсе не вулканическихъ, при углубленіи въ землю въ шахтахъ и скважинахъ, по минованіи слоя постоянной температуры замѣчаютъ все большее и большее повышеніе температуры, составляющее въ среднемъ одинъ градусъ Ц на каждые 33 метра. Эта величина 33 м. и называется геотермическимъ градусомъ.

Это повсемѣстное повышеніе температуры даетъ еще новое свидѣ-

тельство въ пользу существованія въ глубинахъ земли чрезвычайно горячей матеріи, которая можетъ быть разсматриваема, какъ остатокъ той первобытной матеріи, изъ которой нѣкогда состоялъ весь земной шаръ, пока его поверхность не охладилась настолько, что на ней образовалась сплошная каменная кора, которая и заперла внутри планеты еще неохладившіяся и продолжающія охлаждаться центральныя массы.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что эти массы сохранили чрезвычайно высокую температуру, несмотря на то, что со времени образованія твердой коры протекли многіе десятки, а можетъ быть, и сотни милліоновъ лѣтъ. Вѣдь сравнительно ничтожная масса еловстонской лавы сохранила внутри высокую температуру, несмотря на то, что со времени ея изліянія протекли десятки тысячъ лѣтъ и что страна пережила ту великую мировую зиму, которая называется ледниковой эпохой.

Но намъ могутъ возразить, какъ же примирить съ этимъ допущеніемъ то, что земной шаръ, съ его водной и каменной оболочками, подчиняясь притяженію ближайшихъ къ нему небесныхъ тѣлъ, ведетъ себя такъ, что водная оболочка образуетъ приливы и отливы, а каменная кора относится къ этимъ вліяніямъ не какъ тонкая оболочка, одѣвающая жидкую массу, а какъ твердая оболочка колоссальной толщины или какъ тѣло твердое до самаго центра. На это мы отвѣтимъ, что это возраженіе было бы непреодолимо, если бы геологи утверждали (какъ это и было прежде), что сравнительно тонкая каменная кора земли плаваетъ на расплавленной жидкой лавѣ.

Возраженіе было направленно къ тому, чтобы опровергнуть такое мнѣніе; оно его и опровергло; но вѣдь такое мнѣніе и безъ того не выдерживаетъ критики и давно оставлено специалистами, хотя еще до недавняго времени фигурировало въ популярныхъ сочиненіяхъ.

Предположить внутри земли вещества, обладающія громаднымъ запасомъ энергіи,—вещества, нагрѣтыя до температуры несравненно болѣе высокой, чѣмъ температура плавленія всѣхъ извѣстныхъ намъ каменныхъ массъ, еще не значитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ физическомъ состояніи находятся эти вещества. Это совѣтъ особый и весьма сложный вопросъ.

Чтобы подойти къ нему, припомнимъ нѣкоторыя свойства лавы. Самое важное изъ нихъ—это богатство парами и газами, которые играютъ столь существенную роль въ механизмѣ изверженія. Пары выдѣляются не только изъ жерла дѣйствующаго вулкана, но и изъ текущаго по поверхности лавоваго потока; они всплываютъ верхній слой лавы и изъ застывшаго сверху потока вырываются съ нѣкоторой силой, взламывая образовавшуюся сверху каменную корку и подбрасываютъ вверхъ осколки этой корки и брызги лавы. Вообще можно сказать, что пары воды играютъ самую существенную роль между газообразными продуктами, которые извергаются вулканами.

На вопросъ, откуда взялись въ лавѣ эти газообразныя вещества можно отвѣтить двояко.

1) Эти вещества проникаютъ сверху. Это вода моря, проникающая къ лавѣ, превращающаяся въ парь, который и поглощается лавой. Такое мнѣніе о способности лавы поглощать газообразныя вещества находитъ себѣ подтвержденіе въ опытахъ. Сѣра, расплавленная подъ давленіемъ нѣсколькихъ атмосферъ въ присутствіи воды, поглощаетъ много водяныхъ паровъ и постепенно выдѣляетъ ихъ при охлажденіи въ открытомъ сосудѣ, причѣмъ производитъ взрывы, разбрызгиваніе и взламываніе корки; расплавленное серебро поглощаетъ до 22 объемовъ кислорода, который при охлажденіи выдѣляется съ тѣми же явленіями.

При остываніи расплавленной стали въ большихъ тигляхъ въ 1 метръ высотой и 300 сантиметровъ въ поперечникѣ, изъ нея выдѣляется много газовъ, причѣмъ уровень жидкой стали постепенно понижается, такъ что ее подливаютъ 5 или 6 разъ. На поверхности появляется шлаковая корка; она трескается и легкіе взрывы разбрызгиваютъ капли металла. Если покрыть тигель крышкой и потомъ открыть, газы прорываются съ новой силой, и на поверхности корки, въ серединѣ или ближе къ одному краю, образуется шлаковый конусъ или даже два и три. При конечномъ пониженіи уровня нерѣдко остаются на стѣнкахъ тигля горизонтальныя полоски застывшей стали, напоминающія края изъ застывшей лавы у огненнаго озера въ кальдерѣ Килауеа. Эти явленія объясняютъ многое въ механизмѣ дѣятельности лавовыхъ озеръ Гаваи.

Если допустить, что вся внутренняя масса планеты представляетъ охлаждающееся и сокращающееся въ своемъ объемѣ тѣло, одѣтое твердымъ, уже охладившимся и не участвующимъ въ этомъ сжатіи чехломъ и притомъ очень тяжелымъ, то вполне естественно, что поверхность этого чехла будетъ морщиться, мѣстами приподниматься и образовывать складки, мѣстами разламываться и опускаться. Расположеніе вулкановъ вдоль линій расколовъ и смѣщенія пластовъ и вдоль складчатыхъ горъ какъ нельзя лучше мирится съ этимъ допущеніемъ. Съ этой точки зрѣнія понятна также роль воды и водяныхъ паровъ въ механизмѣ большей части изверженій.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что проникновеніе морской воды черезъ трещины и жерла вулкановъ, превращеніе ея въ пары и поглощеніе ихъ лавой имѣетъ мѣсто при тѣхъ пароксизматическихъ ужасныхъ взрывахъ, примѣръ которыхъ мы видѣли на Кракатоа.

2) Можно еще объяснить происхожденіе газовъ и паровъ въ лавѣ и инымъ путемъ, не прибѣгая къ процессу образованія ихъ изъ морской воды и поглощенія лавой. Вѣдь было время, когда земля не имѣла каменной коры, когда вся вода океановъ была газомъ, окружавшимъ тяжелой атмосферой расплавленную поверхность планеты, и если лава была способна поглощать газы, она должна была уже въ то время поглотить ихъ до насыщенія этой способности, а теперь при охлажденіи этой первобытной насыщенной газами матеріи и выдѣляются газы, повторяя

въ грандіозномъ масштабѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются при охлажденіи сѣры, серебра, стали.

Но какъ бы и когда бы эти водяные пары и эти газы ни попали въ лаву, мы должны помнить, что условія, въ какихъ эти вещества въ ней находятся, совсѣмъ не тѣ, при какихъ мы знаемъ ихъ на земной поверхности. Мы должны стараться уяснить себѣ вліяніе на эти вещества двухъ самыхъ существенныхъ факторовъ: 1) колоссальнаго давленія, которое испытываютъ всѣ вещества, находящіяся въ глубокихъ областяхъ земли и которое все увеличивается съ увеличеніемъ глубины, и 2) чрезвычайно высокой температуры. Легко видѣть, что уже на сравнительно незначительныхъ глубинахъ имѣетъ мѣсто такое колоссальное давленіе и такая высокая температура, которыя лежатъ далеко за предѣлами, доступными намъ въ лабораторіяхъ.

Давленіе столба воздуха, высотой до предѣловъ атмосферы, мы называемъ одной атмосферой (оно равно, приблизительно, $58\frac{1}{2}$ пуд. на квадр. футъ); такое же давленіе производитъ столбъ воды, высоту въ 10 метровъ, а лава раза въ три тяжелѣе воды, слѣдовательно, съ такою же силой будетъ давить столбъ лавы уже метра въ $3\frac{1}{2}$ высоту.

Если даже мы примемъ, что, съ углубленіемъ на каждые 10 метр. въ землю, давленіе возрастаетъ на одну атмосферу, то на глубинѣ только одного километра оно будетъ уже въ 100 атмосферъ, съ углубленіемъ, напр., на 50 кил.—5.000 атмосферъ, а эта глубина будетъ тоже, что уколъ булавки въ глобусъ, имѣющій 1 метръ въ поперечникѣ.

Итакъ, уже на малыхъ, сравнительно, глубинахъ давленіе оказывается весьма высокимъ, а мы знаемъ, что высокія давленія сильно вліяютъ на физическое состояніе матеріи.

Разсмотримъ, для примѣра, одинъ изъ газовъ—углекислый газъ, тотъ газъ, который выдѣляется изъ пшпучихъ напитковъ. Этотъ газъ въ изобиліи привносится изъ глубины земли водами многихъ ключей, а также выходитъ изъ отдушникъ и трещинъ на вулканахъ какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ. Сжимая углекислый газъ при температурѣ 0° , нужно употребить давленіе въ 36 атмосферъ, чтобы преодолѣть его упругость и заставить его сгущаться въ жидкость. Съ повышеніемъ температуры на каждый градусъ, упругость углекислаго газа возрастаетъ на полторы атмосферы. Принимая вышеуказанное возрастаніе температуры съ глубиною, мы получимъ на глубинѣ 1.000 метровъ температуру 33° , а при такой температурѣ упругость углекислаго газа должна увеличиться почти на 50 атмосферъ ($49\frac{1}{2}$), т. е. она будетъ равна 86 атмосферамъ, а давленіе на этой глубинѣ будетъ 100 атмосферъ, т. е. превзойдетъ упругость углекислаго газа, и онъ превратился бы въ жидкость, если бы жидкая углекислота могла существовать при такой температурѣ. Но это температура, близкая къ такъ называемой критической для углекислоты, т. е. такой, при которой она можетъ существовать только въ формѣ газа, правда, газа плотнаго,

тяжелого, сильно отличающагося отъ того газа, который мы знаемъ при нашихъ обычныхъ условіяхъ.

То же будетъ и съ водой. Упругость образующихся водяныхъ наровъ не будетъ препятствовать проникновенію воды въ глубину; наибольшая упругость ихъ 1.200 атмосферъ будетъ уравновѣшена давленіемъ уже на глубинѣ 12 километровъ, т. е. на глубинѣ, равной, приблизительно $\frac{1}{500}$ земнаго радіуса. На этой глубинѣ водяные пары, такъ сказать, утратятъ упругость и не только не будутъ препятствовать проникновенію воды, но не будутъ и образовываться, не смотря на высокую температуру 363° , которая должна тамъ господствовать. На глубинѣ еще нѣсколько большей вода вступаетъ въ область критической для нея температуры. Она переходитъ въ газъ, упругость котораго скована давленіемъ. Если тамъ или на глубинѣ еще большей, гдѣ температура превышаетъ температуру плавленія извѣстныхъ намъ каменныхъ породъ, есть расплавленная лава, она будетъ поглощать этотъ сжатый водяной газъ, онъ будетъ растворяться въ лавѣ и образовывать съ нею родъ сплава.

Но для составленія понятія о состояніи, въ какомъ находится вещество въ глубинахъ земли и для уясненія механизма вулканическихъ изверженій еще недостаточно останавливаться на однихъ физическихъ условіяхъ, нужно еще нѣсколько освѣтить вопросъ о химическомъ состояніи вещества.

Извѣстно, что высокая температура вызываетъ распаденіе сложныхъ тѣлъ, къ какимъ относится и вода, на элементы ихъ составляющіе, или, какъ говорятъ химики, вызываетъ диссоціацію.

Но извѣстно также, что давленіе противодѣйствуетъ диссоціаціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда энергія сложнаго тѣла меньше, чѣмъ энергія элементовъ, его составляющихъ, и когда происходитъ сокращеніе объема при его образованіи. Давленіе, сжимая объемъ, препятствуетъ распаденію такого тѣла на составные элементы, которое стремится вызвать температура.

Вода начинаетъ диссоціировать при 1.200 градусахъ и оканчиваетъ при 2.500 на глубинѣ 50 километровъ (принимая геотермическій градусъ равнымъ 33-мъ метрамъ); при температурѣ 1.515° она будетъ накалена, но не разложится.

Это будетъ взрывчатое газообразное вещество, готовое немедленно распасться на свои составные элементы, т. е. образовать гремучую смѣсь водорода и кислорода, но все тотъ же стражъ—давленіе препятствуетъ ей проявить ея естественныя при данной температурѣ свойства. Если есть на этой глубинѣ лава, она будетъ поглощать эту гремучую воду и образовывать съ нею родъ смѣси или сплава.

Мы все время говорили о томъ, что газы и вода или ея пары должны поглощаться лавой, если тамъ еще есть ненасыщенная ими лава. Нельзя ли теперь теоретически освѣтить вопросъ, есть ли она тамъ и на какой глубинѣ.

Извѣстно, что для большей части веществъ, которыя въ жидкомъ состояніи занимаютъ большій объемъ, чѣмъ въ твердомъ, давленіе препятствуетъ плавленію, и вещество можетъ быть нагрѣто до температуры, далеко болѣе высокой, чѣмъ температура его плавленія, и будетъ оставаться твердымъ, но способнымъ тотчасъ перейти въ расплавленное состояніе, какъ только уменьшится давленіе; другими словами, такое вещество имѣетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться жидкимъ, и для этого не только не нужно нагрѣвать его еще больше, но оно само способно отдать огромный избытокъ своей теплоты, выдѣлить огромное количество энергіи; но эта энергія скована давленіемъ.

Такое состояніе вещества называютъ потенціально жидкимъ.

Аналогія съ критическими температурами, при которыхъ жидкость, несмотря на давленіе, переходитъ въ газъ, а также нѣкоторые опыты, показавшіе, что точки плавленія извѣстныхъ веществъ повышаются съ повышеніемъ давленія, но не въ той же степени, а въ меньшей, позволяютъ думать, что такому состоянію есть предѣлъ, при которомъ никакое давленіе болѣе не въ силахъ удержать вещество въ твердомъ состояніи; но гдѣ, на какой глубинѣ этотъ предѣлъ, на это мы не можемъ пока отвѣтить съ полной опредѣленностью. Да это намъ и не важно, такъ какъ вопросъ о состояніи центральныхъ областей нашей планеты выходитъ за предѣлы нашей задачи и намъ незачѣмъ спускаться глубже той зоны, въ которой вещество земли твердо, но не такъ, какъ гранитъ нашихъ скалъ, а такъ, что оно удерживается въ этомъ состояніи лишь внѣшнею силой—силой давленія.

Едва ли можно сомнѣваться, что такое вещество въ высокой степени способно поглощать, такъ сказать, растворять въ себѣ пары и газы, если оно еще не насыщено ими, а если уже насыщено, то эти вещества должны обладать высокой энергіей, ибо они сильно сжаты, такъ сжаты, что газы были бы жидкими, если бы этому не препятствовала высокая температура, газы, имѣющіе между собою химическое сродство, соединились бы со взрывомъ и съ выдѣленіемъ огромныхъ количествъ тепла, если бы этому не препятствовало давленіе *).

*) Одинъ очень простой снарядъ можетъ до нѣкоторой степени иллюстрировать эту роль давленія, конечно, не въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ земныхъ глубинъ, а въ обычныхъ условіяхъ имѣющихъ мѣсто на земной поверхности. Снарядъ этотъ—обыкновенный сифонъ съ зельтерской водой. Вода, налитая въ сифонъ, сильно насыщена газомъ и этотъ газъ имѣетъ настолько значительную упругость, что онъ тотчасъ выдѣлился бы изъ воды, производа кипѣніе и разбрызгиваніе, если бы вода эта не была заключена въ прочный, плотно закрытый сосудъ и на ея поверхность не давилъ бы скопившійся сверху сжатый углекислый газъ. Теперь вода эта совершенно спокойна и по виду ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды, налитой въ простую бутылку. Но стоитъ только нажать кранъ сифона и тѣмъ ослабить давленіе газа на воду въ трубкѣ сифона и тотчасъ вода приходитъ въ движеніе отъ обильно выдѣляющихся пузырей газа, выгоняется его упругостью въ кранъ сифона и съ шипѣніемъ и разбрызгиваніемъ летитъ въ подставленный стаканъ.

Такимъ образомъ энергія такихъ газообразныхъ тѣлъ можетъ быть значительно больше, чѣмъ энергія газовъ, сжатыхъ въ жидкости, или энергія чрезвычайно высоко нагрѣтыхъ водяныхъ паровъ.

При свѣтѣ этихъ теоретическихъ данныхъ мы вправѣ сказать, что запертая въ глубинахъ нашей планеты лава ;или, какъ ее называютъ, эруптивная (взрывчатая) магма представляетъ собою вещество въ совершенно особыхъ, почти неизвѣстныхъ намъ, на землѣ физическихъ условіяхъ. Она обладаетъ колоссальнымъ запасомъ энергіи, она рѣзко отличается отъ лавы, причинившей рядъ вулканическихъ взрывовъ и вылившейся на поверхность, гдѣ она и остываетъ. Эта послѣдняя представляетъ, такъ сказать, мертвую матерію. Эти клубы пара и газовъ, которые она выдѣляетъ на своемъ пути, это послѣднее дыханіе ея жизни. Напротивъ, лава глубинъ или эруптивная магма—это титанъ, заключающій въ себѣ избытокъ силъ, она способна проявить колоссальную и разнообразную работу механическую и химическую. Это живая космическая матерія и ея изученіе дастъ намъ возможность приподнять край завѣсы, скрывающей отъ насъ тайны жизни, не нашей органической жизни, а *космической*.

III. Вулканизмъ во вселенной.

Если эруптивная магма земныхъ глубинъ дѣйствительно имѣетъ значеніе живой космической матеріи, той матеріи, изъ которой созидались или созидаются другія космическія тѣла, то, изучая эти тѣла, и особенно тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ намъ, мы можемъ надѣяться и на нихъ встрѣтить слѣды явленій, аналогичныхъ съ нашими вулканическими явленіями. Посмотримъ теперь, насколько оправдывается такое ожиданіе.

Прежде всего остановимъ наше вниманіе на ближайшемъ къ намъ небесномъ тѣлѣ, на спутникѣ нашей планеты—лунѣ, которая отдалена отъ насъ нѣсколько болѣе, чѣмъ на 50.000 географическихъ миль и имѣетъ поперечныхъ 468 географическихъ миль.

Обыкновеннымъ глазомъ на поверхности луны видны болѣе темныя мѣста, такъ называемыя моря, болѣе свѣтлыя мѣста и нѣкоторыя особенно ярко свѣтящіяся точки и полосы. Еще болѣе отчетливо эта разница въ степени яркости видна въ бинокль или въ ручную зрительную трубу, при чемъ видно, что нѣкоторыя изъ морей, особенно не самыя большія, имѣютъ болѣе или менѣе округлыя очертанія. Если наблюдать луну въ первую или послѣднюю четверть, когда дискъ ея не весь освѣщенъ, и лучи солнца падаютъ сбоку, то уже въ хорошую ручную трубу видны многія особенности рельефа луны, напимѣръ, кольцевыя горы, а въ астрономическую трубу лунный рельефъ выступаетъ настолько отчетливо, что какъ будто мы сами находимся на разстояніи нѣсколь-

кихъ сотъ верстъ отъ поверхности луны и рассматриваемъ ее съ птичьяго полета (Рис. 31).

Въ послѣднее время астрономамъ удалось получить превосходныя фотографическія изображенія луны, отчетливо передающія рельефъ отдѣльныхъ частей ея поверхности. Съ появленіемъ такихъ изображеній сдѣлались возможны попытки разъяснить вопросъ о происхожденіи этого замѣчательнаго рельефа. Конечно, многія изъ предлагаемыхъ теперь объясненій еще ожидаютъ дальнѣйшей провѣрки и во-

Рис. 31.

выхъ изслѣдованій, но это не мѣшаетъ намъ составить себѣ общее представленіе о характерѣ лунной поверхности.

Прежде всего останавливаетъ наше вниманіе изобиліе на лунѣ такъ называемыхъ кольцевыхъ валовъ или горъ, болѣе или менѣе высокыхъ, болѣе или менѣе отчетливо выраженныхъ и обыкновенно съ значительно пониженнымъ срединнымъ полемъ. Съ этого поля, въ его срединѣ или ближе къ одному краю, поднимается у нѣкоторыхъ кольцевыхъ горъ еще центральная высокая и крутая гора, вершина которой не достигаетъ высоты вала. На рисункѣ 31 близъ его праваго края отчетливо видно нѣ-

сколько такихъ горъ. Иногда вмѣсто такой центральной горы со дна большой кольцевой горы поднимается одна или нѣсколько сравнительно маленькихъ, но тоже кольцевыхъ горъ; ихъ можно хорошо видѣть на нашемъ рисункѣ въ его нижней половинѣ, т. е. на южномъ полушаріи луны. Иногда два кольцевыхъ вала сливаются вмѣстѣ, образуя цифру 8, иногда два вала располагаются такъ, что одинъ изъ нихъ вторгается въ площадь другого, какъ будто онъ образовался позже и при своемъ развитіи не стѣснялся прежнимъ рельефомъ и совершенно передѣлалъ захваченный имъ участокъ прежней горы. Размѣры этихъ кольцевыхъ валовъ весьма велики: они, обыкновенно, имѣютъ десятки верстъ въ поперечникѣ. Напримѣръ, въ сѣверномъ полушаріи луны замѣтна кольцевая гора съ расходящимися отъ нея свѣтлыми струйками, очень напоминающими потоки застывшей лавы; это гора Коперникъ, имѣющая 84 версты въ поперечникѣ и почти 260 метровъ въ высоту; сравнивая ее съ другими, не трудно убѣдиться, что это далеко не самая большая кольцевая гора. Эти горы имѣютъ мало общаго съ вулканами типа Везувія, но нельзя не признать нѣкотораго сходства ихъ съ кальдерами Гавай. Замѣчательно, что даже разница въ крутизнѣ вѣншияго и внутренняго склона горы близко приближается къ тому, что наблюдается на лавовыхъ вулканахъ Гавай; и на лунѣ вѣншій подъемъ на гору пологій иногда такой же, какъ и у Моуна Лоа, а внутренній склонъ крутой. Есть, впрочемъ, горы, у которыхъ и вѣншій подъемъ довольно крутъ, но все таки менѣе крутъ, чѣмъ внутренній. Такія горы, конечно, больше отличаются отъ Моуна Лоа. Другое отличіе лунныхъ горъ въ томъ, что дно ихъ кальдеры обыкновенно лежитъ ниже общей поверхности луны и иногда на значительной глубинѣ до 1.000 метровъ.

Какъ же объяснить себѣ способъ образованія этихъ оригинальныхъ горъ, этихъ лунныхъ кратеровъ?

Форма лунныхъ кратеровъ и ихъ взаимныя отношенія лучше всего соотвѣтствуютъ тому предположенію, что каждый изъ нихъ первоначально возникъ какъ очагъ расплавленія уже отвердѣвшей передъ тѣмъ поверхности луны. Въ однихъ мѣстахъ эта поверхность была ровной, въ другихъ она уже была осложнена раньше образовавшимися кольцевыми или иной формы горами. Это расплавленіе, вызванное подъемомъ извнутри небеснаго тѣла струи горячей матеріи, стремящейся выдѣлиться наружу, начиналось въ одномъ пунктѣ и распространялось дальше и дальше, образуя круглое озеро лавы, подобное тѣмъ, какія образуются въ разныхъ мѣстахъ кратера Килауеа. Валъ, окружающій озеро, образовался или тѣмъ же путемъ, какъ образуется тотъ замѣчательный по своей правильности кольцевой валъ, который періодически образуется вокругъ лавоваго озера въ кратерѣ Килауеа, т. е. путемъ перелива лавы на берега озера и застыванія ея первоначально въ видѣ низкаго вала, постепенно повышающагося (при послѣдовательныхъ переливахъ), т. е. это кратеръ перелива; или онъ могъ образоваться

вслѣдствіе того, что въ краевой области возникающаго лавоваго озера лавовая кора не только расплавлялась, но отчасти взламывалась и ея глыбы, благодаря движенію лавы, все приливавшей отъ середины къ краямъ, отгѣснялись къ краямъ и нагромождались въ видѣ вала. Оба процесса могли и комбинироваться.

Послѣ образованія кольцеваго вала, уровень лавы въ озерѣ обыкновенно понижался и часто значительно ниже общаго уровня окружающей мѣстности; поверхность лавы покрывалась корой охлажденія и

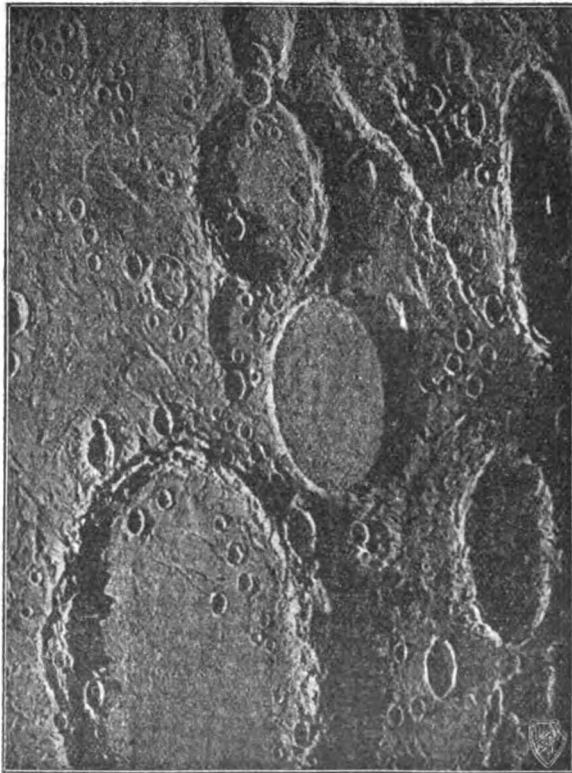

Рис. 32.

такимъ образомъ возникало болѣе или менѣе ровное дно луннаго кратера. Нерѣдко въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ этой первоначально еще тонкой коры эруптивная дѣятельность опять возобновлялась въ болѣе слабой степени, возникали новые очаги плавленія дававшіе начало или внутреннимъ шлаковымъ конусамъ (центральная гора) или сравнительно небольшимъ вторичнымъ кратерамъ перелива, поднимающимся со дна большихъ кратеровъ. Какъ будто нарочно для того, чтобы подтвердить выводъ о такомъ происхожденіи кольцевыхъ лунныхъ горъ, среди множества этихъ горъ сохранилась одна, наполненная почти до краевъ застывшей лавой и представляющая собою не кольцевой валъ

съ глубокой внутри его впадиной, а какъ бы круглую столовую гору съ плоской вершиной (рис. 32). Эта замѣчательная гора получила названіе Варгентинъ и имѣетъ 81 версту въ поперечникъ и 424 метра въ высоту.

Возможенъ и третій случай образованія кольцевыхъ или полукольцевыхъ валовъ, который, впрочемъ, имѣлъ, повидимому, мѣсто при обра-

Рис. 33.

зованіи самыхъ колоссальныхъ по своему протяженію и менѣе правильныхъ по формѣ валовъ или горныхъ цѣпей, наблюдаемыхъ на лунной поверхности. Такіе валы возвышаются по краямъ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ морей. Сравнительно небольшое, но отличающееся правильностью своихъ очертаній море—*Mare Crisium*—находится на той половинѣ луны, которая не видна на нашемъ рисункѣ. Оно представляетъ какъ бы переходъ отъ настоящихъ кольцевыхъ горъ съ кальдерами къ настоящимъ морямъ, еще болѣе обширнымъ и обыкновенно

менѣе правильнымъ. *Magre Crisium* имѣетъ въ поперечникѣ около 480 верстѣ.

Разсмотримъ для примѣра Море Ливней—*Magre Imbrium*, находящееся на сѣверномъ полушаріи между уже упомянутой горою Коперникъ и сѣвернымъ полюсомъ луны (Рис. 31). Оно представляетъ собою въ общемъ округлую, однако не совсѣмъ правильно очерченную площадь, окруженную, хотя и не со всѣхъ сторонъ, высокими горами. Горы эти не составляютъ сплошнаго вала, а поднимаются болѣе или менѣе изолированными одинъ отъ другого гребнями, получившими особыя названія: Апеннины, Карпаты, Альпы. Рис. 33 изображаетъ Ю.-В. край Моря Ливней съ ограничивающими его лунными Апенниннами. Овъ сдѣланъ съ прекрасной фотографіи, изданной парижскою астрономическою обсерваторіей. Возможностью воспроизвести здѣсь эту фотографію я обязанъ любезности профессора В. К. Церасскаго. На сравнительно ровномъ и болѣе темно окрашенномъ днѣ Моря Ливней мѣстами возвышаются отдѣльныя высокія и круглыя горы и нѣсколько кратеровъ обычнаго кольцеваго типа, изъ которыхъ одинъ—Архимедъ—принадлежитъ къ числу весьма крупныхъ и имѣетъ діаметръ около 75 верстѣ. (самый большой изъ трехъ кратеровъ въ верхней части рисунка 33), а само Море Ливней имѣетъ болѣе 1000 верстѣ въ поперечникѣ. Какъ же могла образоваться подобная колоссальная по своему протяженію, хотя и не очень глубокая впадина на лунной поверхности, окруженная высокими горами съ крутымъ внутреннимъ склономъ. Она возникла, очевидно, въ одну изъ раннихъ фазъ развитія лунной пластики на сѣверномъ полушаріи, возникла въ видѣ колоссальнаго очага плавленія еще тогда не толстой лунной коры. Этотъ очагъ естественно принялъ округлую форму, вообще свойственную лавовымъ озерамъ, возникающимъ такимъ путемъ, только это озеро уже правильнѣе называть лавовымъ моремъ (астрономы, назвавшіе его Моремъ Ливней, конечно, были очень далеки отъ тѣхъ представленій, какія теперь у насъ возникаютъ при свѣтѣ геологическихъ данныхъ). Представимъ себѣ теперь, что процессъ образованія нашего лавоваго моря достигъ своего кульминаціоннаго пункта, послѣ чего обильное выдѣленіе теплоты прекращается и море покрывается, все или отчасти, корою охлажденія; гдѣ-нибудь на поверхности этого моря въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, процессъ продолжается или послѣ перерыва вновь возобновляется въ меньшемъ масштабѣ, при чемъ происходитъ образованіе или шлаковыхъ конусовъ, или сравнительно небольшихъ очаговъ плавленія; вокругъ нихъ образуются кольцевые кратеры обычнаго луннаго типа и между ними Архимедъ, имѣющій болѣе 70 верстѣ въ поперечникѣ. Словомъ, на этомъ участкѣ лунной поверхности повторяется тотъ же процессъ, который ранѣе, въ эпоху образованія первоначальной твердой коры на лунѣ происходилъ на всей ея поверхности. Въ то же время или нѣсколько позже начинается опус-

каніе всей площади моря, тонкая кора, его покрывающая, отдѣляется трещинами отъ болѣе толстой коры, образовавшей его первоначальные берега, и по этимъ трещинамъ выходятъ наружу массы сравнительно болѣе густой лавы, даже возникаютъ сравнительно небольшіе эруптивные центры, изъ которыхъ продолжаетъ нѣкоторое время изливаться лава или выбрасываются полужидкіе шлаки, нагромождающіеся вокругъ отдушникъ въ видѣ цѣлыхъ горъ или горныхъ грядъ (горы изліянія по расколамъ). Нѣкоторые изъ такихъ пунктовъ впоследствии и сами дѣлаются очагами плавленія второго порядка и вокругъ нихъ возникаютъ кольцевые валы типа кратеровъ перелива.

Мы уже упомянули о расходящихся отъ горы Коперника свѣтлыхъ изгибающихся и какъ бы обходящихъ препятствія струйкахъ, очень напоминающихъ своимъ положеніемъ излившіеся изъ вулкана потоки лавы. На лунной поверхности наблюдаются еще свѣтлыя полосы иного типа, особенно отчетливо видныя во время полнолунія. Онѣ расходятся по радіусамъ отъ горы Тихо и идутъ чрезвычайно далеко по лунной поверхности прямыми не рѣзко очерченными полсами, на направленіе которыхъ рельефъ луны, повидимому, не имѣетъ вліянія. Природа этихъ полосъ трудно поддается разъясненію. Мнѣ кажется возможнымъ предположить, что онѣ являются памятникомъ когда-то происходившихъ надъ поверхностью луны движеній лунной атмосферы, богатой вулканическими газами и парами, которые дѣйствовали химически на твердыя вещества лунной коры и измѣняли ея цвѣтъ, или, что еще вѣроятнѣе, осаждали при своемъ охлажденіи твердыя и бѣлыя, какъ снѣгъ, минеральныя вещества, которыя и располагались по поверхности луны по направленію теченій ея атмосферы. Расхождение этихъ полосъ отъ горы Тихо, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что эта гора была однимъ изъ послѣднихъ на южномъ полушаріи большихъ эруптивныхъ центровъ, доставлявшихъ газообразные продукты въ лунную атмосферу. Она была, такъ сказать центромъ возникновенія атмосферныхъ токовъ, направлявшихся отъ нея къ противоположному полюсу луны и отлагавшихъ на своемъ пути полосы твердыхъ минеральныхъ осадковъ бѣлаго цвѣта. Быть можетъ и бѣлый цвѣтъ большей части лунной поверхности зависитъ отъ свѣтлыхъ минеральныхъ осадковъ лунной атмосферы; болѣе темный цвѣтъ областей называемыхъ морями можно было бы объяснить тѣмъ, что въ этихъ областяхъ поверхность болѣе древней лунной коры была переплавлена и послѣ своего затвердѣнія осталась менѣе измѣненной вліяніями атмосферы и почти непокрытою осадками.

Мы видимъ такимъ образомъ, что поверхность луны представляетъ собою арену вулканическихъ явленій, совершавшихся въ грандіозномъ масштабѣ и притомъ съ такимъ характеромъ, который представляетъ на землѣ рѣдкое исключительное явленіе.

Земная кора состоитъ главнымъ образомъ изъ толщъ слоистыхъ

осадочныхъ напластованій, образовавшихся поверхъ коры охлажденія дѣятельностью океана. Вулканическая энергія внутреннихъ областей земного шара можетъ проявляться только въ формѣ изверженій по сложнымъ расколамъ, глубоко прорѣзывающимъ осадочную кору. Здѣсь нѣтъ обширныхъ поверхностей сравнительно тонкой лавовой коры, подъ которой находится живая космическая матерія. Нѣкоторое приближеніе къ этимъ условіямъ представляютъ резервуары лавы въ кальдерахъ Гаваи и, естественно, что тамъ-то и наблюдаются наиболѣе близкія къ луннымъ явленія. Намъ скажутъ, пожалуй, что близость эта обманчива, что масштабъ тѣхъ и другихъ явленій совершенно иной, а потому ихъ нельзя и сравнивать, что кольцевые кратеры на лунѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе распространенныхъ, наиболѣе постоянныхъ формъ, а въ кальдерахъ Гаваи сходные съ ними по формѣ кратеры перелива образуются лишь временно, и затѣмъ разрушаются, обваливаются и вновь перепахлываются.

На первое возраженіе мы отвѣтимъ, что явленія, вполне аналогичныя съ гавайскими, наблюдаются при остываніи расплавленной стали въ глиняныхъ резервуарахъ, и эти наблюденія проливаютъ много свѣта на механизмъ явленій въ лавовыхъ озерахъ Гаваи, а разница въ масштабѣ здѣсь еще больше, чѣмъ между Килауеа и, наприм., луннымъ Архимедомъ. На второе замѣчаніе можно отвѣтить, что полного тождества результатовъ и быть не можетъ. Не слѣдуетъ забывать, что на лунѣ напряженіе тяжести въ шесть разъ меньше, чѣмъ на землѣ и тотъ же самый застывшій лавовый валъ, представляющій на землѣ весьма тяжелую массу, на лунѣ будетъ легкимъ тѣломъ, вдвое болѣе легкимъ, чѣмъ вода на землѣ, естественно, поэтому, что тамъ могутъ быть устойчивы такія образованія, которыя на землѣ мало устойчивы.

Вѣроятно, и земля переживала нѣкогда ту стадію, какую пережила и запечатлѣла на своей окаменѣвшей мертвой поверхности луна, лишенная океана и атмосферы. Но, послѣ такой фазы ея развитія, поверхность земли глубоко измѣнена послѣдующими процессами, въ которыхъ существенную роль играли океанъ и атмосфера.

Перенесемъ теперь мысленно въ ту эпоху, когда спутникъ нашей земли покрылся первой еще непрочной корой охлажденія и утратилъ способность свѣтиться собственнымъ свѣтомъ. Представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ этой коры возникаетъ очагъ расплавленія и образуется лавовое море, напр. Море Ливней. Что увидали бы мы при этомъ съ земли?

Мы увидали бы, что на темномъ или отчасти освѣщенномъ солнечными лучами дискѣ луны возникаетъ свѣтящееся пятно, занимающее значительную часть ея поверхности. По завершеніи этого процесса, свѣтящееся пятно исчезло бы, и спутникъ земли сталъ бы вновь темнымъ. Мы имѣли бы передъ собою примѣръ небесаго тѣла, временно вспыхивающаго собственнымъ свѣтомъ и вновь угасающаго. Астрономы

знають примѣры подобныхъ тѣлъ во вселенной. Они очень далеки отъ насъ. Чѣмъ вызывается ихъ временное возгораніе—мы этого не знаемъ и можемъ говорить объ этомъ только гадательно. Не будемъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ теперь къ иной чрезвычайно интересной фазѣ развитія небесныхъ тѣлъ.

Въ сравнительно близкихъ къ намъ областяхъ вселенной существуетъ такое тѣло, на поверхности котораго вѣтъ коры охлажденія—это солнце, центральное тѣло нашей планетной системы, которому все живущее на землѣ обязано свѣтомъ, тепломъ и жизнью.

Мы уже видѣли, что луна обходитъ землю, держась отъ нея на разстояніи около 50.000 геогр. миль. Если взять линію, соединяющую

Рис. 34.

землю съ луною, почти удвоить ее и затѣмъ представить себѣ шаръ, имѣющій эту линію своимъ радіусомъ, то такой шаръ и дастъ намъ понятіе о размѣрахъ солнца. Если бы земля находилась въ центрѣ такого шара, то луна не только могла бы свободно двигаться вокругъ нея на томъ же разстояніи, какъ и теперь, но между нею и стѣнкой шара оставалось бы еще почти такое же разстояніе, какъ и до земли.

Вся поверхность солнца состоитъ изъ движущихся, волнующихся, до бѣла раскаленныхъ массъ, образующихъ такъ называемую фотосферу. Поверхъ фотосферы, при нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя будутъ сейчасъ указаны, замѣтна еще оболочка тоже раскаленныхъ свѣтящихся красноватымъ свѣтомъ металлическихъ паровъ и пылающихъ газовъ; ее называютъ хромосферой.

На поверхности фотосферы, этого колоссальнаго ярко свѣтящагося и вѣчно волнующагося океана по временамъ появляются темныя мѣняющія свою форму и расположеніе пятна съ менѣе темной каймою вокругъ (рис. 34). Эти пятна, судя по рисункамъ изучившихъ ихъ астрономовъ (см. рис. 35), ближе всего сходны съ прорывами или глубокими пропастями въ сплошномъ покровѣ фотосферы, которыя, послѣ своего образованія, вновь заливаются свѣтящимися потоками фотосферы. Размѣры ихъ таковы, что въ такой прорывъ прошелъ бы, не зацѣпивъ краевъ, земной шаръ, а иногда и нѣсколько такихъ шаровъ сразу. Около пятенъ на поверхности фотосферы нерѣдко наблюдаются свѣтящіяся, еще болѣе яркія, чѣмъ сама фотосфера, полосы и потоки—это такъ называемыя факелы (см. глвную половину рис. 35, изображающую пятно, расположенное близъ видимаго края солнечнаго диска). Когда эти

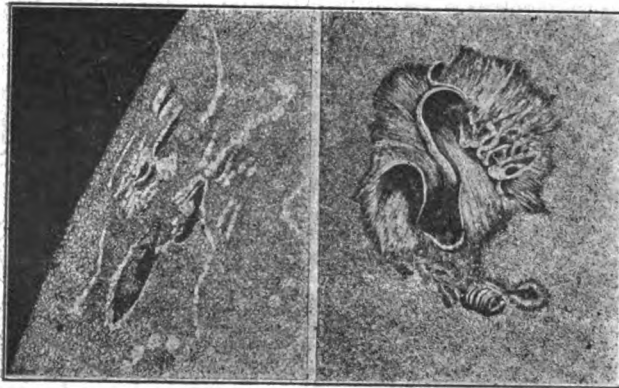

Рис. 35.

пятна, вслѣдствіе вращенія солнца, приходятъ на самый край солнечнаго диска, то въ области ихъ развитія и какъ бы въ связи съ ними, а иногда и безъ всякой связи съ пятнами, замѣчается выбрасываніе раскаленной свѣтящейся матеріи, взлетающей съ невѣроятной быстротой на высоту многихъ тысячъ географическихъ миль: это такъ называемыя протуберанцы (рис. 36, 37). Наблюдать ихъ, а также и хромосферу, надъ которой они взвиваются, всего удобнѣе во время затменій, когда ослѣпительно яркій дискъ солнца закрытъ проходящимъ между солнцемъ и землею темнымъ дискомъ луны *). Эти протуберанцы то расширяются и разсѣваются наверху, принимая формы вулканическаго облака или пинія и держатся нѣкоторое время на одномъ и томъ же мѣстѣ, то выбрасываются въ видѣ очень разнообразныхъ по формѣ ярко свѣтящихся массъ, чрезвычайно быстро распространяющихся на огромныя разстоянія и разсыпающихся въ видѣ сноповъ и ракетъ.

*) Въ настоящее время наблюдаютъ протуберанцы и при полномъ блескѣ солнца, при помощи спектроскопа, щель котораго направляютъ на край солнечнаго диска.

Рис. 36 изображает одинъ изъ замѣчательныхъ протуберанцевъ этого типа; кривизна дуги, надъ которой онъ взвился, даетъ понятіе о раз-

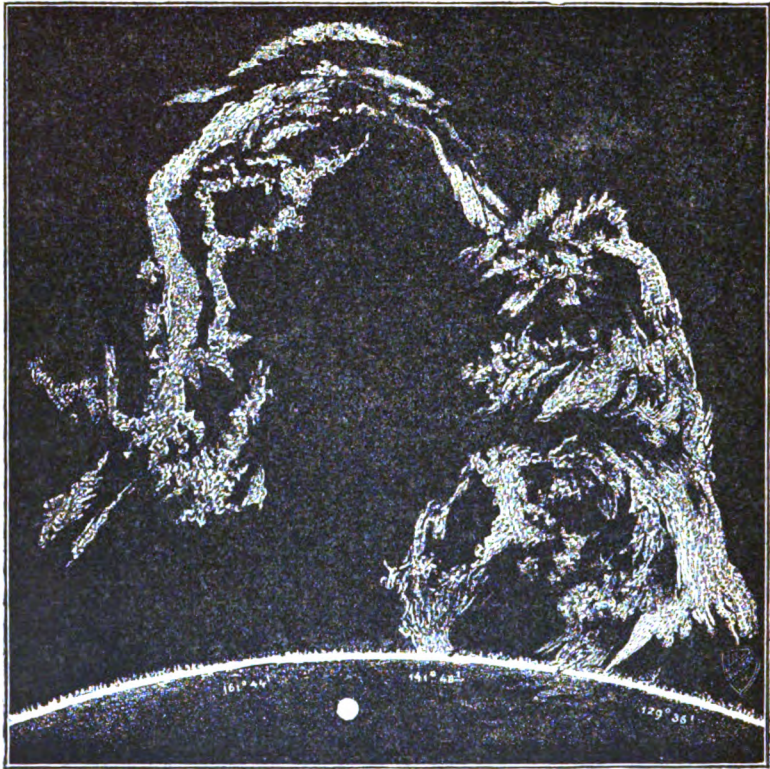

Рис. 36.

мѣрахъ солнца, маленькій свѣтлый кружокъ внизу изображаетъ земной шаръ, нарисованный въ соотвѣтственномъ масштабѣ.

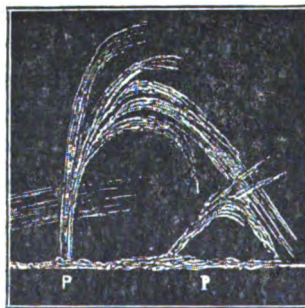

Рис. 37.

Рис. 37 изображаетъ другой типъ протуберанцевъ, которые можно назвать струеобразными. Они извергаются перпендикулярно, или косо

къ поверхности солнца въ видѣ струи, простой или вѣтвистой, но не слишкомъ сложной по своимъ очертаніямъ и иногда возвращающейся обратно къ солнцу.

Спектроскопъ показалъ, что протуберанцы перваго типа состоятъ преимущественно изъ водорода и гелія, а протуберанцы струеобразные, жромѣ того, содержатъ въ значительномъ количествѣ пары различныхъ металловъ.

Связь между факелами, пятнами и протуберанцами еще не можетъ считаться вполне выясненной. Нѣкоторые факты, замѣченные астрономами, наблюдавшими эти явленія, особенно для насъ интересны. При разсматриваніи въ спектроскопъ факеловъ, замѣчается усиленіе всѣхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра, даже темныя линіи нѣкоторыхъ металловъ кажутся на факелѣ нѣсколько менѣе темными. Кажется, какъ будто въ этомъ мѣстѣ ярко свѣтящаяся фотосфера стремится обнажиться отъ покрывающей ее и поглощающей свѣтъ оболочки металлическихъ паровъ, образующихъ нижніе слои хромосферы. Это даваемое спектроскопомъ впечатлѣніе было подтверждено и наблюденіемъ, показавшимъ что, когда факелы находятся на самомъ краю солнечнаго диска, то въ области ихъ развитія замѣчается нѣкоторое поднятіе общаго уровня поверхности фотосферы. Появленіе факеловъ обыкновенно предшествуетъ появленію пятенъ. Было, между прочимъ, замѣчено, что иногда, спустя нѣкоторое время послѣ появленія вѣнца факеловъ, расходящихся ярко свѣтящимися потоками, между ними появляется сначала тусклое туманное мѣсто, а потомъ здѣсь же возникаетъ и пятно или группа пятенъ.

Спектроскопическія изслѣдованія пятна указываютъ, что въ этомъ мѣстѣ что-то нѣсколько затмеваетъ всѣ цвѣта солнечнаго спектра, какъ будто ослаблена прозрачность того слоя, черезъ который проходитъ свѣтъ отъ ярко свѣтящейся солнечной массы, что металлическіе пары въ этомъ мѣстѣ болѣе сгустились, а темныя линіи, имъ свойственныя, рѣзче обозначились.

Всѣ эти явленія еще не могутъ считаться достаточно разъясненными и ученые объясняютъ ихъ весьма различно. Уже одно разнообразіе этихъ объясненій говоритъ за то, что вполне удовлетворительнаго объясненія еще не найдено. Поэтому, я полагаю, не будетъ слишкомъ смѣло дать здѣсь мѣсто нѣкоторымъ представленіямъ, заимствованнымъ изъ изученія вулканическихъ явленій, и сказать, въ самыхъ общихъ чертахъ, что пятна представляютъ собою дѣйствительные разрывы фотосферы, этой раскаленной магматической оболочки солнца, чрезвычайно богатой газами и парами, что этимъ разрывамъ предшествуетъ поднятіе фотосферы, раскаленные массы которой растекаются вокругъ, образуя вѣнецъ колоссальныхъ блестящихъ потоковъ, называемыхъ факелами, что затѣмъ происходитъ выбрасываніе изъ солнца различныхъ веществъ въ состояніи высоко накаленныхъ диссоціиро-

чанныхъ газовъ, производящихъ взрывы, и извергающихся даже въ предѣлы солнечной хромосферы въ формѣ протуберанцевъ. Быть можетъ, въ смѣси этихъ газовъ, выброшенныхъ въ область болѣе низкой температуры и низкаго давленія происходитъ иногда химическая реакція, быстро и на огромномъ протяженіи охватывающая массу газовъ, носящихся надъ хромосферой и сопровождающаяся развитіемъ свѣта и тепла. Образующіяся при этомъ химическія соединенія вновь разлагаются, если они падаютъ на солнце.

Выбрасываніе газовъ есть слѣдствіе продолжающагося уплотненія солнечной матеріи, сопровождающагося выдѣленіемъ тепла и повышеніемъ термическаго состоянія веществъ, и безъ того обладающихъ страшнымъ запасомъ энергіи. Пока потокъ этихъ газовъ продолжается, солнечное пятно остается постояннымъ, по прекращеніи или ослабленіи эруптивнаго процесса, массы раскаленной магматической фотосферы устремляются потоками и вихрями къ эруптивному центру, стремясь заполнить пропасть и выровнять поверхность небснаго тѣла. Въ очень маломъ масштабѣ до нѣкоторой степени аналогичную картину этихъ выбросовъ газообразной матеріи и послѣдующаго нисходящаго движенія расплавленной лавы въ эруптивномъ фокусѣ представляютъ намъ фонтаны въ лавовомъ озерѣ Килауеа. Только нужно помнить, что поверхность солнечной фотосферы состоитъ не изъ расплавленной тяжелой лавы, представляющей собою сложное химическое соединеніе или, вѣрнѣе смѣсь химическихъ соединеній, а вещество, находящееся въ совершенно иномъ химическомъ и физическомъ состояніи.

Хотя природа солнца и характеръ явленій, совершающихся на его поверхности и представляютъ еще много загадочнаго, тѣмъ не менѣе то, что мы о нихъ знаемъ, даетъ намъ право сказать, что массы, образующія свѣтящуюся поверхность солнца, находятся въ крайне подвижномъ, крайне напряженномъ состояніи и что, если искать аналогіи этимъ массамъ съ тѣмъ что мы знаемъ на землѣ, то ближе всего къ нимъ слѣдуетъ поставить эруптивную взрывчатую магму земныхъ глубинъ, которую мы тоже можемъ представлять себѣ въ видѣ смѣси различныхъ газообразныхъ и быть можетъ нѣкоторыхъ жидкихъ веществъ, диссоціированныхъ или еще не вступившихъ въ химическія соединенія; только на землѣ, такая магма могла сохраниться лишь на большихъ глубинахъ внутри планеты, а на солнцѣ она образуетъ фотосферу или видимую раскаленную поверхность небснаго тѣла. О состояніи вещества, образующаго болѣе глубокія области солнца, мы ничего не знаемъ и можемъ только думать, что вещество это находится въ состояніи крайней напряженности.

Это крайне раскаленное вещество, газообразное или находящееся въ иномъ, намъ еще мало извѣстномъ состояніи, поднимаясь изнутри солнца въ область меньшаго давленія и меньшихъ температуръ, достигаетъ такихъ областей, гдѣ становится возможнымъ переходъ нѣко-

торыхъ газозъ въ жидкое состояніе и образованіе изъ нихъ яркосвѣтящейся магмы или раскаленныхъ облаковъ фотосферы. Болѣе стойкіе газы прорываются сквозь эту фотосферу, волнуютъ ея поверхность и мѣстами образуютъ уже знакомые намъ протуберанцы.

Такимъ образомъ солнце представляетъ намъ зрѣлище необычайно грандіозныхъ эруптивныхъ явленій, которыя происходятъ въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ на землѣ и существовали когда-то на лунѣ; но при всѣхъ этихъ различіяхъ условій, все-таки, у всѣхъ этихъ, столь различныхъ съ перваго взгляда, процессовъ можно подмѣтить нѣкоторыя общія черты, и едва-ли будетъ ошибкой сказать, что, только принимая въ соображеніе эти общія черты, можно приблизиться къ болѣе глубокому пониманію этихъ сложныхъ и загадочныхъ явленій. Съ такой точки зрѣнія эруптивныя явленія на всѣхъ этихъ столь несходныхъ тѣлахъ вселенной представляютъ собою различныя фазы развитія одного и того же великаго процесса космической жизни, ничтожное остаточное проявленія котораго обнаруживаютъ наши земные вулканы.

Мы видимъ теперь, насколько сложны и трудны явленія подлежащія нашему разсмотрѣнію. Для освѣщенія этихъ явленій необходимы совокупныя усилія многихъ наукъ, нужна дружная работа геолога, астронома, химика, физика, и эта работа пока не приноситъ намъ непосредственныхъ матеріальныхъ благъ, но она расширяетъ нашъ кругозоръ и помогаетъ намъ лучше ориентироваться среди сложныхъ и разнообразныхъ явленій окружающаго насъ міра.

Существуетъ, конечно, разница между суетнымъ страхомъ, наполнявшимъ душу древняго грека—колониста итальянскаго побережья, страхомъ, заставлявшимъ его держаться подалѣе отъ острова Вулкана, этого входа въ плутоново царство, и тѣмъ благоговѣніемъ передъ величіемъ и порядкомъ вселенной, которое овладѣваетъ нами, когда наука начинаетъ освѣщать намъ чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. И все-таки, какъ еще мало мы знаемъ даже ближайшія къ намъ области вселенной, и сколько тайнъ и чудесъ сокрыто въ томъ, на что мы привыкли смотрѣть съ такимъ равнодушіемъ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ КОНЦА XIX В.

Будущій историкъ XIX вѣка съ особеннымъ вниманіемъ долженъ будетъ остановиться на періодѣ отъ 1860 года до нашихъ дней. Именно этому періоду, по продолжительности не превышающему средней чело-вѣческой жизни, выпало на долю преобразовать всю социальную жизнь культурныхъ народовъ, посредствомъ колоссальнѣйшаго практическаго примѣненія безчисленнаго множества новыхъ открытій и изобрѣтеній, преобразовать всѣ условія этой жизни такъ, какъ это не имѣло мѣста ни въ одинъ изъ предыдущихъ историческихъ періодовъ. Вспомнивъ, какимъ представлялся цивилизованный міръ всего полвѣка назадъ, какъ много чело-вѣчество не знало тогда, мы не только поймемъ, какъ да-леко мы шагнули за это время впередъ, но и сможемъ представить себѣ,—какъ говоритъ Шарль Рише, —насколько ничтожны всѣ наши знанія въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и что ожидаетъ насъ впереди.

I.

Обратимся прежде всего къ технической революціи, происшедшей за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ *путяхъ сообщенія*, къ колоссальному перевороту, произведенному въ этой области желѣзными дорогами.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ желѣзныя дороги были еще очень мало распространены; въ настоящее время общее протяженіе ихъ на всемъ земномъ шарѣ простирается до 600.000 километровъ, на кото-рые потрачено около 60 миллиардовъ рублей. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ интенсивности желѣзнодорожнаго пассажирскаго и товарнаго движенія, приведемъ двѣ только цифры, относящіяся, правда, къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ желѣзнодорожная сѣть на 40.000 кв. миль больше, чѣмъ во всѣхъ странахъ Европы, выстѣ взятыхъ. Въ 1889 году на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ перевезено было 495 милліоновъ пассажировъ и 619 милліо-новъ тоннъ товаровъ. При этомъ сами за себя говорятъ слѣдующія цифры о гигантскомъ возрастаніи международной торговли «міра послѣ ж. дорогъ» сравнительно съ «міромъ до ж. дорогъ»: въ «мірѣ до ж. дорогъ» общій ежегодный оборотъ международной торговли не превы-

шалъ въ среднемъ 20 миллиардовъ франковъ; въ 1867 году онъ доходитъ до 55 миллиардовъ, въ 1870 году—до 70, въ 1889 г.—до 93, а въ 1892 году—до 95 миллиардовъ франковъ. Увеличеніе почти на 500%, которое, главнымъ образомъ, должно быть приписано желѣзнымъ дорогамъ, создавшимъ новыя, до того совершенно неизвѣстныя условія для колоссальнаго развитія международныхъ сношеній.

Интересно вспомнить, какъ встрѣчена была постройка желѣзныхъ дорогъ почти во всѣхъ странахъ. Одинъ бельгійскій профессоръ передавалъ намъ, что онъ отлично помнитъ то время, когда желѣзныя дороги вызывали въ Бельгіи, во всей странѣ, особенно въ деревняхъ, страшную ненависть со стороны католическаго духовенства: деревенскіе священники, говорилъ намъ профессоръ, инстинктивно чувствовали, что эти новые вагоны и локомотивы, быстро и равнодушно, какъ ни въ чемъ ни бывало, несущіеся по рельсамъ,—неизбѣжно явятся проводниками новыхъ идей.

Но не только въ деревняхъ и со стороны не одного только католическаго духовенства желѣзныя дороги встрѣчали столь недружелюбный пріемъ. Когда, въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, бельгійскій министръ Роже (Roger) внесъ въ парламентъ проектъ о сооруженіи на счетъ государства нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій, онъ вызвалъ общій взрывъ насмѣшекъ по адресу желѣзныхъ дорогъ—до того сооруженіе ихъ показалось негнѣшимъ. Когда, затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, во французской палатѣ зашла рѣчь о томъ, что желѣзныя дороги вытѣснятъ когда-нибудь дилижансы, депутаты расхохотались—до того невѣроятнымъ и смѣшнымъ показалось имъ это предположеніе. Если же оглянуться еще дальше назадъ и вспомнить, что для нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ поѣздка, напр., изъ Парижа въ Руанъ составляла цѣлое событіе, къ которому надо было готовиться: надо было собраться компаніей человекъ въ пятнадцать, чтобы дилижансъ отправлялся въ путь; если вспомнить, напр., тотъ общеизвѣстный фактъ, какъ Дидро, неоднократно побуждаемый настойчивыми приглашеніями Екатерины пріѣхать въ Петербургъ, куда онъ и отправился въ 1773 г., долго колебался и не рѣшался предпринять эту поѣздку, до того, главнымъ образомъ, пугало его «далекое и трудное путешествіе», которое теперь можно совершить съ величайшими удобствами въ три дня, и передъ тѣмъ, какъ уѣхать, онъ сдѣлалъ даже завѣщаніе,—если вспомнить и представить себѣ все это, то мы поймемъ... Но нѣтъ, намъ, выросшимъ при совершенно новыхъ условіяхъ, успѣвшихъ уже всецѣло преобразовать всѣ наши нравы, всю нашу обиходную жизнь, намъ трудно понять, какъ люди жили *безъ* желѣзныхъ дорогъ.

Океанскіе пароходы до 1875 года далеко не имѣли того значенія, что имѣютъ теперь. Пароходныя машины были тяжелы, занимали слишкомъ много мѣста и потребляли слишкомъ много топлива, также занимавшаго много мѣста—на счетъ остальнаго груза. Такъ, на примѣръ,

если пароходу старой конструкціи приходилось совершать большое плаваніе, то, при подъемной способности въ 3.000 тоннъ, все же онъ могъ принять только 800 тоннъ груза—товаровъ, такъ какъ долженъ былъ тащить съ собою, какъ балластъ, 2.200 тоннъ угля для топки машинъ. Вотъ почему старые пароходы такъ мало были пригодны для массоваго транспорта тяжелыхъ и громоздкихъ товаровъ. Теперь же, благодаря компаундъ-машинамъ и другимъ многочисленнымъ усовершенствованіямъ въ пароконствѣ, тотъ же пароходъ можетъ совершить то же плаваніе, но уже въ прямо противоположныхъ условіяхъ: онъ принимаетъ до 2.200 тоннъ груза и только 800 тоннъ угля.

Съ постепеннымъ усовершенствованіемъ пароходовъ и съ появленіемъ пароходовъ-гигантовъ, *парусное судоходство* отходитъ все болѣе на задній планъ. Пароходы, если еще не вытѣснили окончательно парусныя суда, получаютъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе. Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующей, приводимой у Шиппеля, статистики плавающихъ по океанамъ парусныхъ судовъ:

въ 1885 году ихъ насчитывали	25.766	съ	11,2	млнн. тоннъ
» 1886 » »	25 155	»	10,4	»
» 1887 » »	23.310	»	9,8	»

Уменьшеніе общей грузоспособности составляло, слѣдовательно, 1,4 милліона тоннъ, или за 2 года 12,4⁰/₀!

Но это явленіе постепеннаго и все болѣе усиливающагося вытѣсненія паруснаго флота паровымъ выступить еще ярче, если мы обратимъ вниманіе на статистическую таблицу, опубликованную въ юнѣ 1892 года Джономъ Гловеромъ въ лондонскомъ «*Journal of the Royal Statistical Society*».

Цифры Главера относятся къ десятилѣтнему періоду 1880—1890 гг. и показываютъ размѣры парового флота въ различныхъ странахъ по отношенію ко всему флоту каждой изъ этихъ странъ, вмѣстѣ взятому: число паровыхъ судовъ въ Англии (за исключеніемъ колоній), составлявшее, въ 1880 году, 41,7⁰/₀ всего флота, поднялось десять лѣтъ спустя, въ 1890 году, до 63,4⁰/₀; во Франціи, соотвѣтствующія цифры были—27,4⁰/₀ въ 1880 и 52,8 въ 1890 г.; въ Германіи—16,7 и 46,8⁰/₀; въ Норвегіи—3,4 и 10,4⁰/₀; въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя процессъ идетъ медленнѣе, все же число паровыхъ судовъ составлявшее въ 1880 году только 11,6⁰/₀ всего флота, достигло 20,9⁰/₀ въ 1890 году. Отмѣтимъ для другихъ странъ соотвѣтствующія прогрессіи: 7,2 и 22—въ Италиі, 15,7 и 26,7 — въ Швеціи, 17,3 и 44,5 — въ Голландіи, 19,3 и 35,9—въ Даніи; наконецъ, бельгійскій флотъ, въ которомъ паровыя суда составляли уже въ 1880 году 83,6⁰/₀ и гдѣ парусное судоходство имѣло, слѣдовательно, такое слабое значеніе, имѣетъ въ 1890 году паровыхъ судовъ уже до 93,9⁰/₀!

Съ тѣми же самыми явленіями мы встрѣчаемся во всѣхъ большихъ и малыхъ портахъ Стараго и Новаго свѣта: въ Ливерпулѣ и Гамбургѣ,

въ Антверпенѣ и Марсели, въ Севъ-Назерѣ и Нью-Йоркѣ, въ Гонгъ-Конгѣ и Роттердамѣ, въ Амстердамѣ и Генуѣ: количество парусныхъ судовъ, посѣщающихъ эти порты, сильно падаетъ изъ года въ годъ, (въ антверпенскомъ порту, напр., оно уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое за десятилѣтіе 1874—1884 г.: съ 2.000 судовъ на 935), тогда какъ паровыхъ судовъ прибываетъ туда все въ большемъ количествѣ.

Но этого мало: статистика констатируетъ не только сильное уменьшеніе количества парусныхъ и сильное увеличеніе количества паровыхъ судовъ, но и еще болѣе быстрое уменьшеніе общей вмѣстимости паруснаго флота—мы это показали выше цифровыми данными, замѣствованными у Шиппеля—увеличеніе общей вмѣстимости парового и увеличеніе *средней* подъемной способности какъ паровыхъ, такъ и парусныхъ судовъ.

Не желая загромождать статью балластомъ статистическихъ цифръ отиѣтимъ только, что теперь на верфяхъ строятъ какъ паровыя, такъ и парусныя суда все большихъ размѣровъ и вмѣстимости. Появляются теперь гиганты, которые не снились не только нашимъ дѣдамъ, но и отцамъ *).

Одна изъ многихъ причинъ появленія кораблей большихъ и даже колоссальныхъ размѣровъ та, что съ увеличеніемъ размѣра и вмѣстимости корабля достигается огромная, сравнительно, экономія въ общихъ издержкахъ и расходахъ по эксплуатаціи. Въ то время, какъ паракордъ съ подъемною способностью въ 200 или 300 тоннъ требуетъ на каждыя 19,8 тоннъ рабочую силу одного матроса, паракордъ въ 800—1.000 тоннъ требуетъ одну рабочую силу только на каждыя 41,5 тоннъ. Но это только одна изъ многихъ причинъ. Не мало способствовали этому огромныя усовершенствованія техники *кораблестроенія* съ одной стороны, и другихъ отраслей промышленности—прежде всего желѣзо-и сталелѣвательной—съ другой. При постройкѣ новаго желѣзнаго или стального корабля, въ 1872—1874 гг., каждая тонна стоила 90 долларовъ, въ 1877 г. она стоила 65, въ 1880—57 долларовъ, тогда какъ въ 1887 году, каждая тонна первокласснаго винтового паракорда, стальной конструкціи и со всѣми новѣйшими усовершенствованными машинами, обходилась всего только въ 34 доллара.

Естественно, благодаря усовершенствованіямъ въ постройкѣ и эксплуатаціи кораблей, цѣны за фрахтъ сильно понизились. За провозъ одного бушеля хлѣба изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль платили въ 1860 году не меньше 12, а въ теченіе извѣстнаго времени года даже 27 центовъ; въ 1886 году цѣна эта стояла въ среднемъ въ 5 центовъ, а временами—ниже одного цента. Теперь перевозятъ товары изъ Австраліи въ Англію—разстояніе въ 11.000 миль—въ гораздо болѣе ко-

*) См. «Les grands ports maritimes» par Daniel Bellot и «Anvers port de mer», официальное изданіе антверпенскаго муниципалитета.

роткое время и съ гораздо меньшими расходами, чѣмъ сто лѣтъ назадъ отъ одного конца британскихъ острововъ до другого.

Нужно ли повторять ту банальную истину, что теперь, какъ вслѣдствіе быстроты, такъ и дешевизны передвиженія, нѣтъ болѣе разстояній?

И благодаря тому, что теперь на самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе разстояній, благодаря тому, что расходы по перевозкѣ товаровъ не представляютъ болѣе препятствій къ обращенію товаровъ, товарное обращеніе стало не только *интернаціональнымъ*, но и *интерконтинентальнымъ*. Весь міръ образуетъ теперь огромный рынокъ, гдѣ уравненіе товаровъ и товарныхъ цѣнъ устанавливается между цѣлыми частями свѣта съ гораздо меньшими трудностями, чѣмъ раньше—между одной провинціей и другой. Появляется ли поэтому въ одномъ мѣстѣ застой въ какомъ-нибудь производствѣ, возрастаетъ ли въ другомъ мѣстѣ потребность въ извѣстныхъ продуктахъ и цѣны на нихъ повышаются, это неизбѣжно и немедленно отдается во всѣхъ углахъ земного шара: соотвѣтствующіе продукты всѣхъ частей свѣта проявляютъ тенденцію устремиться туда, гдѣ въ нихъ нуждаются и гдѣ они могутъ найти прибыльный сбытъ.

Въ теченіе первыхъ одиннадцати мѣсяцевъ 1888 года, въ Великобританію ввезено было болѣе 67 милліоновъ центнеровъ пшеницы и муки. Почти столько же она ввезла, въ теченіе такого же періода времени, въ 1887 году. Но какъ велика была, въ томъ и этомъ году, перемѣна въ странахъ вывоза! Изъ 67 милліоновъ центнеровъ, ввезенныхъ въ Англію въ 1887 году, 49 милліоновъ ввезены были изъ сѣверной и южной Америки. Въ 1888 г. Америку постигъ неурожай и она сократила свой вывозъ хлѣба въ Англію до 29 милліоновъ центнеровъ; этотъ дефицитъ противъ предыдущаго года въ 20 милліоновъ центнеровъ покрытъ былъ, главнымъ образомъ, Россіей, пользовавшейся въ томъ году обильнымъ урожаемъ. Такимъ образомъ, англійскій потребитель ѣлъ свой хлѣбъ, не смотря на недостаточность его производства на родинѣ, не смотря на уменьшившійся ввозъ изъ Америки, по той же и даже по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Пшеничныя поля британскаго народа лежатъ частью въ Америкѣ, частью въ Индіи, Россіи или Австраліи.

Интернаціональность матеріальной жизни, прибавляетъ Шиппель, какъ она создана почтами, телеграфами, желѣзными дорогами и пароходами, создаетъ такимъ образомъ интернаціональность политики, права и многихъ другихъ умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній народовъ.

II.

Какъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ и для судоходства, одно изобрѣтеніе, а именно—способъ *дешеваго производства* стали, имѣло особенно большія послѣдствія.

Если бы, по мѣрѣ увеличенія сообщеній, пришлось замѣнять старыя, дѣлающіеся все болѣе негодными для движенія, *железные* рельсы новыми, то это до того повысило бы общіе расходы железныхъ дорогъ, что дешевые тарифы сдѣлались бы невозможными. Но *стальные* рельсы имѣютъ гораздо болѣе большую способность сопротивленія и гораздо болѣе продолжительность, къ тому же они теперь, благодаря многочисленнымъ усовершенствованіямъ *бессемерованія*, гораздо дешевле, чѣмъ 10—15 лѣтъ назадъ железные рельсы.

Въ 1878 году одна тонна бессемеровой стали стоила въ Англии, не знающей покровительственныхъ тарифовъ, 16 фунтовъ стерлинговъ; въ 1886 году ее можно было прибыльно производить и продавать по 4 фунта. За этотъ же періодъ времени производительность бессемеровскаго «конвертера» увеличилась въ четыре раза, безъ увеличенія и даже съ уменьшеніемъ потребной рабочей силы. Благодаря усовершенствованному способу Гилькристъ-Томаса, четверо рабочихъ производятъ теперь то же количество стали, въ то же самое время и съ гораздо болѣе экономіей въ матеріалѣ, что раньше—десять рабочихъ. Относительно получаемой экономіи въ матеріалѣ: дать представленіе то обстоятельство, что на производство одной тонны стальныхъ рельсовъ требуется теперь 2½ тонны угля, тогда какъ въ 1868 году требовалось 5 тоннъ.

Удешевленіе желѣза и стали видно изъ слѣдующей, приводимой Д. Уэльсомъ статистики: въ 1870—1871 гг., при постройкѣ одной изъ главнѣйшихъ железныхъ дорогъ на сѣверо-западѣ С. Штатовъ, одна миля стоила въ среднемъ 40.000 долларовъ, въ 1889 году она обходилась вдвое дешевле.

Съ 1878 года сталь очень быстро начинаетъ вытѣснять желѣзо и въ кораблестроеніи.

Всеобщая народная перепись, произведенная въ С. Штатахъ въ 1880 году, показала, сравнительно съ переписью 1870 года, огромное увеличеніе количества добываемыхъ угля и мѣди, при гораздо меньшемъ сравнительно увеличеніи потребныхъ «рукъ» (hands). Такъ, на примѣръ, добыча антрацита увеличилась за этотъ періодъ времени на 82,7%, рабочія же руки—только на 33,2%; добыча мѣди увеличилась на 70,8%, а число рабочихъ—только на 15,8%: все болѣе сильные и болѣе дешевыя взрывчатые вещества, какъ динамитъ, всевозможныя буровыя машины и множество другихъ усовершенствованій въ горномъ дѣлѣ, очень просто объясняютъ это явленіе.

Замѣтимъ мимоходомъ, что явленіе это—фактъ гораздо болѣе медленнаго возрастанія числа рабочихъ сравнительно съ ростомъ производства,—блестяще подтверждаетъ лишь слѣдующій экономическій законъ, а именно: что въ капиталистическомъ обществѣ часть капитала, идущая на покупку машинъ и сырого матеріала, т. е. постояннаго капитала, растетъ въ гораздо болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ та

часть капитала, которая употребляется на покупку рабочей силы, т.-е. тѣмъ переминый капиталъ.

Но вернемся къ новѣйшимъ успѣхамъ техники.

Мы встрѣчаемся теперь на рынкѣ съ замѣчательнымъ явленіемъ: старые продукты, имѣвшіе прежде огромное значеніе, все болѣе теряютъ его и вытѣсняются новыми, которые раньше не могли поступать въ мѣновое обращеніе, такъ какъ ихъ не умѣли эксплуатировать и практически примѣнять.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали входить въ употребленіе проволочные канаты, культура конопли все болѣе падаетъ; льноводство вытѣсняется хлопчатой бумагой и другими растеніями, представляющими гораздо болѣе дешевые матеріалы для производства одежды и предметовъ упаковки. Постоянные успѣхи въ фабрикаціи минеральныхъ освѣтительныхъ и смазочныхъ маселъ, раньше неизвѣстныхъ или мало еще распространенныхъ на всемірномъ рынкѣ, теперь успѣшно конкурируютъ съ растительными маслами и животными жирами, сильно понижаютъ ихъ цѣны и вытѣсняютъ ихъ съ рынка.

Сильнаго конкурента растительныя масла и животныя жиры встрѣтили въ лицѣ, можно сказать, новичка на всемірномъ рынкѣ—хлопчатобумажнаго масла (получаемаго изъ хлопчато-бумажнаго сѣмени): въ сыромъ видѣ оно является прекраснымъ свѣтильнымъ масломъ и введено, на примѣръ, на многихъ рудникахъ Сѣверо-Американскихъ С. Штатовъ; употребляется такъ же, какъ смазочное масло и для производства разныхъ сортовъ мыла и свѣчъ; очищенное, оно замѣняетъ оливковое масло и свиной жиръ.

Въ то же время утилизируются и отбросы хлопчатобумажныхъ сѣмянъ, до того не находившіе никакого примѣненія.

Натуральный газъ, употребляемый въ качествѣ двигательной силы, имѣетъ теперь въ С. Штатахъ огромное значеніе. Совершенно неизвѣстный раньше, онъ, по расчетамъ геологическаго бюро Союза, замѣщалъ въ 1887 году, приблизительно, 10 милліоновъ тоннъ угля. Въ ноябрѣ того же года насчитывали въ Союзѣ 445 сталелитейныхъ и сталепрокатныхъ заводовъ, одна четверть которыхъ употребляла натуральный газъ, какъ топливо, причемъ экономія въ рабочей силѣ—огромная.

Нечего распространяться о томъ, сколько выгодъ и удобствъ это топливо представляетъ въ домашнемъ обиходѣ: прежняя грязная работа разведенія и поддерживанія огня замѣняется легкимъ повертываніемъ крана.

Но натуральный газъ нашелъ себѣ уже въ Америкѣ опаснаго конкурента въ лицѣ *водяного газа*, добываемаго тамъ изъ антрацита и тяжелыхъ нефтяныхъ остатковъ, и имѣющаго передъ натуральнымъ газомъ то великое преимущество, что его можно получать въ почти неограниченныхъ количествахъ.

Древнее искусство производства *мельничныхъ жернововъ* приходитъ въ совершеннѣйшій упадокъ. Жерновые камни принадлежатъ къ древнѣйшимъ изобрѣтеніямъ человѣческаго ума. Теперь они замѣщаются стальными вальцами (вальцовыя мельницы) все болѣе усовершенствованныхъ типовъ, съ помощью которыхъ производятъ больше, лучше и дешевле. Раньше изъ зерна получали $\frac{2}{3}$ муки, теперь— $\frac{3}{4}$.

Та же участь, что жерновой камень, постигла и парусное полотно: съ вытѣсненіемъ паруснаго судоходства паровымъ, спросъ на парусное полотно все болѣе уменьшается. Такъ, на примѣръ, за четырехлѣтіе 1882—1885 гг. потребность въ парусномъ полотнѣ, въ С. Штатахъ, четверо уменьшилась, не смотря на сильное развитіе судоходныхъ сообщеній.

До 1872 года почти всѣ хлопчатобумажныя матеріи окрашивались и набивались красильнымъ веществомъ, добывавшимся изъ крапа (красильной марены). Культура крапа занимала тысячи десятинъ земли въ Голландіи, Бельгіи, восточной Франціи, Италіи, Силезіи, Тюрингіи и въ Левантѣ, обработка и приготовленіе его требовали весьма значительныхъ капиталовъ и занимали много сотенъ рабочихъ рукъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Количество крапа, ввезеннаго въ Соединенное Королевство (Великобританію и Ирландію) составляло, въ 1872 году, не менѣе 28,7 милліоновъ англ. фунтовъ, а въ С. Штаты 7,8 милліоновъ. Въ настоящее же время красильное вещество—алипаринъ—добывается изъ каменноугольнаго дегтя на нѣсколькихъ фабрикахъ въ Германіи и Англи, работающихъ съ небольшими, сравнительно, капиталами и съ небольшимъ количествомъ рабочихъ, и продается по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. И такимъ образомъ, когда-то столь процвѣтавшая культура крапа пришла въ совершенный упадокъ: въ 1887 году Великобританія ввезла не болѣе 2 милліоновъ, а Америка не болѣе 1 милліона фунтовъ.

III.

Обратимся теперь къ другой категоріи фактовъ, рисующихъ намъ успѣхи техники въ производствѣ предметовъ обиходнаго, ежедневнаго употребленія.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ *машинное производство обуви*, гораздо болѣе развитое въ С. Штатахъ, чѣмъ у насъ.

Изъ собранныхъ на одной большой башмачной фабрикѣ, въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ, данныхъ явствуетъ, что 100 человѣкъ, работающихъ съ помощью машинъ, вырабатываютъ такое количество женской обуви, какого не выработаютъ 500 ремесленниковъ. На этой же фабрикѣ, при производствѣ другого сорта обуви, «сберегаютъ» трудъ половины рабочихъ, становящихся вслѣдствіе этого «излишними». Другая

извѣстная фирма на Западѣ показала, что если бы ей приходилось работать ручнымъ трудомъ, она должна была бы употреблять вдвое болѣе рабочихъ, при чемъ работа выходила бы гораздо менѣ изящной. По мнѣнію одного фабриканта дѣтской обуви въ Филадельфіи, теперь съ помощью машинъ производятъ въ шесть разъ больше, чѣмъ 30—40 лѣтъ назадъ.

А сколько послѣдовало «сбереженій» человѣческаго труда, сколько рабочихъ рукъ сдѣлались «излишними» съ правильной организаціей нефтянаго дѣла, съ усовершенствованнымъ устройствомъ *нефтепроводовъ*, черезъ которые нефть перемѣщается отъ источниковъ къ заводамъ, съ организаціей наливной перевозки нефти въ наливныхъ пароходахъ, цистернахъ и наливныхъ вагонахъ (американскихъ *tank-cars*)! Когда въ началѣ 60-хъ годовъ начали добывать нефть, — продуктъ, мимоходомъ сказать, получившій самое широкое распространеніе не только какъ свѣтильное масло, но и употребляемый также въ мелкихъ и среднихъ производствахъ, какъ движущая сила, и въ качествѣ такового имѣющаго передъ собою огромную будущность—когда началась, говоримъ мы, добыча нефти, ее приходилось перевозить въ бочкахъ, —неудобная и чрезвычайная дорогая укорка! Въ настоящее же время вотъ какого рода устройство существуетъ на американскихъ, а съ 1885 года, по инициативѣ бр. Нобель, и у насъ, на Кавказѣ, нефтяныхъ промыслахъ и которое прекрасно описываетъ въ своихъ лекціяхъ по промышленной химіи и товаровѣдѣнію проф. коммерческаго института въ Антверпенѣ, Шарль Анжено (см. также его брошюру: «Leçons sur le pétrole et ses dérivés», etc. par Charles Angenot).

«Нефть, говоритъ проф. Анжено, выходя изъ источника, перемѣщается по желѣзнымъ трубамъ въ огромнѣйшіе желѣзные резервуары, вмѣстимостью отъ 40 до 50 тысячъ гектолитровъ. Эти трубопроводы и резервуары составляютъ въ Америкѣ собственность *Pipe lines Companies* (трубопроводныхъ компаній), являющихся посредниками между производителями сырой нефти и заводчиками, занимающимися ея перегонкой, для перевозки сырой нефти отъ промысловъ къ заводамъ. Изъ своихъ резервуаровъ, компаніи эти перемѣщаютъ сырую нефть, по огромной сѣти нефтепроводныхъ трубъ, діаметромъ отъ 2-хъ до 3-хъ дюймовъ, прорѣзывающихъ весь нефтяной районъ, къ станціямъ своихъ желѣзнодорожныхъ линій или къ водянымъ путямъ. Тамъ нефть переходитъ въ большіе цилиндрическіе желѣзные резервуары, помѣщаемые въ вагонахъ или на пароходахъ и, такимъ образомъ, доставляется въ крупныя центры—Питсбургъ, Кливлэндъ, Бостонъ, Балтимора, Филадельфія и др. для перегонки.

«Легко представить себѣ, —прибавляетъ профессоръ, —какая огромная экономія получается благодаря этому способу транспорта, прекрасно характеризующему техническій геній американцевъ».

«Докладъ о торговомъ, промышленномъ и морскомъ движеніи города

Антверпена» за 1883 годъ (*Mouvement commercial, industriel et maritime de la place d'Anvers en 1883*) даетъ о «*pipe lines*» еще слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

«Всякій, эксплуатирующий нефтяной промыселъ, каждый производитель имѣетъ въ своемъ районѣ одинъ или нѣсколько резервуаровъ, вмѣстимостью отъ 200 до 500 бочекъ. Резервуары эти, черезъ систему трубъ, *pipe lines*, прорѣзывающихъ всю мѣстность, соединены съ нефтепроводами одной изъ двухъ компаній: *United pipe lines Co* или *Ride Water pipe lines Co*.

«Когда производитель наполняетъ свой резервуаръ, онъ призываетъ агента компаніи, отъ котораго получаетъ соответствующій «сертификатъ» (удостовереніе), гдѣ указывается количество и качество нефти; нефть же эта впускается въ общій резервуаръ, *common stock*, компаніи. Нефть, ежедневно такимъ образомъ образующаяся въ общихъ резервуарахъ, обозначается именемъ *pipe line gals*.

«Удостовереніе, выдаваемое агентомъ компаніи, даетъ представителю право на получение соответствующаго количества нефти, при чемъ предварительно приходится уплатить за храненіе и нѣкоторые другіе расходы. Эти же удостоверенія служатъ предметомъ купли и продажи на нью-йоркской и филадельфійской биржахъ, и въ то же время, прежде чѣмъ попасть въ руки заводчиковъ, даютъ поводъ къ спекуляціямъ, о которыхъ трудно дать представленіе.

«Сертификаты мѣняютъ подчасъ своихъ владѣльцевъ по нѣскольку разъ въ день, и нерѣдко случается, что въ теченіе одной биржи, въ Нью-Йоркѣ, заключаются сдѣлки отъ 15 до 20 милліоновъ бочекъ нефти».

Бутылочное производство было всегда чрезвычайно труднымъ и нездоровымъ промысломъ, при чемъ почти 33% расплавленной массы совершенно терялось и хотя шлаки снова утилизировались, но съ ухудшеніемъ ихъ первоначальнаго качества. Долго здѣсь не наступало значительной перемены, пока, въ 1885 году, новѣйшія т. назыв. непрерывныя стеклоплавильныя ванны не начали вытѣснять повсюду стеклоплавильныя горны стараго образца.

Экономія, получаемая при непрерывныхъ стеклоплавильныхъ ваннахъ, состоитъ въ томъ, что «ванны» эти употребляютъ сравнительно гораздо меньше топлива, образуютъ гораздо меньше шлаковъ и «сберегаютъ» огромное количество человѣческаго труда. Кромѣ того, онѣ даютъ возможность вести непрерывное, 24-хъ - часовое производство, что для капиталиста по крайней мѣрѣ имѣетъ огромное значеніе. При старыхъ горнахъ работа могла продолжаться ежедневно не болѣе 10—11 часовъ, и стекольный рабочій могъ приниматься за свою работу только по окончаніи процесса плавленія, по новой же системѣ плавка и производство происходятъ одновременно. Эта внезапная революція въ технику стекольного производства вызвала въ Бельгіи другую революцію, на этотъ разъ въ средѣ рабочихъ стекольныхъ заводовъ бас-

сейна Шарлеруа, откуда она очень быстро распространилась и охватила всю страну: рабочіе разоряли фабрики и заводы, поджигали «замки», словомъ сказать, то былъ въ лѣтописяхъ Бельгіи и бельгійскаго рабочаго движенія столь памятный 1886 «ужасный годъ» (année terrible).

Способный гвоздарь могъ изготовить въ теченіе дня съ помощью молота и наковальни, при чрезвычайной напряженной и тяжелой 13-ти-часовой работѣ—каждый гвоздь требовалъ въ среднемъ, приблизительно, 30 ударовъ молотомъ—около 2.000 башмачныхъ гвоздей малаго, 1.500 большого размѣра и отъ 900 до 1.000 подковныхъ гвоздей. При производствѣ машинномъ проволочныхъ штифтиковъ, машинный ножъ однимъ ударомъ образуетъ четырехстороннее остріе, другимъ ударомъ—головку. «Производство происходитъ до того быстро, — писала еще въ 1891 году «Deutsche Metallarbeiter Zeitung»,—что каждая машина изготовляетъ ежедневно не менѣе 100.000 штифтовъ; есть даже машины, которыя употребляютъ въ дѣло двѣ и больше проволокъ одновременно и ежедневно выдѣлываютъ *полмилліона* штифтовъ, при чемъ *шесть* такихъ машинъ требуютъ лишь *одного* рабочаго. Гигантскій техническій прогрессъ отъ молота и наковальни къ машинному производству штифтовъ выступить еще ярче, если сопоставить сравнительныя цѣны продуктовъ. Въ то время, какъ тысяча кованыхъ гвоздиковъ самаго малаго размѣра стоитъ, приблизительно, одну марку, тысяча проволочныхъ штифтиковъ малаго размѣра обходится въ два пфенига, причеиъ фабрикантъ дѣлаетъ еще скидку и дисконтъ».

Производство *булавокъ* часто служило, какъ извѣстно, примѣромъ для иллюстраціи удивительной производительности человѣческаго труда. Ад. Смитъ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ пользовался этимъ примѣромъ для довазательства огромныхъ преимуществъ *раздѣленія труда*, т.-е. мануфактурнаго раздѣленія ремесла на составныя части. Теперь же мануфактурное производство именно въ этой области давно уже вытѣснено *машиннымъ*, и является поэтому чрезвычайно интереснымъ и поучительнымъ сопоставить результаты обонхъ способовъ производства по не разъ уже цитированному свидѣтельству Ад. Смита и по даннымъ одного оффиціального доклада правительству сѣверо-американскихъ С.-Штатовъ.

Ад. Смитъ писалъ въ 1776 году: «Для примѣра возьмемъ самое незначительное производство, но въ которомъ *раздѣленіе труда* тѣмъ не менѣе весьма замѣтно — булавоочную фабрику. Человѣкъ, не обученный этому дѣлу... какъ бы ловекъ онъ ни былъ, едва ли въ состояніи въ продолженіи цѣлаго дня изготовить одну булавку и, безъ всякаго сомнѣвія, *не сдѣлаетъ двадцати*. Но при томъ способѣ, который употребляется въ настоящее время при этомъ производствѣ послѣднее не только составляетъ отдѣльное ремесло, но оно *раздѣлено еще на мноія ступи*, изъ которыхъ почти каждая составляетъ отдѣльное ремесло.

«Одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый завастриваетъ, пятый обтачиваетъ конецъ для го-

ловки. Сама головка составляетъ предметъ двухъ или трехъ особенныхъ операцій; выбить ее составляетъ отдѣльное занятіе, чистка булавокъ составляетъ другое; даже прокалывать бумажки и вкалывать въ нихъ булавки составляетъ особенное и отдѣльное занятіе; словомъ, все булабочное производство раздѣляется на восемнадцать, или около того, отдѣльныхъ занятій...

«Я видѣлъ небольшое заведеніе, употреблявшее только *десять* человѣкъ рабочихъ и въ которомъ, поэтому, одному и тому же работнику поручено было два или три занятія. Но... когда работники усердно принимались за дѣло, то они были въ состояніи приготовить въ день около двѣнадцати фунтовъ булавокъ, или болѣе *сорока восьми тысячъ булавокъ* *)».

Таковы чудесные результаты мануфактурнаго производства! Посмотримъ же теперь, какова производительность крупнаго машиннаго производства.

Американскій консулъ Шенгофъ докладывалъ своему правительству, въ 1888 году, слѣдующее: «Поразительные результаты представляетъ себою производство—почти исключительно машинное—винтовъ, гвоздей, иглокъ и булавокъ. При фабрикаціи булавокъ нужно только мѣдную проволоку положить на соотвѣтствующее мѣсто и прикрѣпить ее конецъ и почти человѣкоподобный механизмъ со своими желѣзными пальцами оканчиваетъ все остальное. Одна машина изготовляетъ 180 булавокъ въ минуту; она рѣжетъ проволоку, дѣлаетъ головку, заостряетъ концы и опускаетъ въ надлежащее мѣсто готовые булавки. Ежедневное производство машины составляетъ 180.000 булавокъ. Посѣщенная мною фабрика работала съ 70 машинами и общее производство ихъ составляло *7½ миллионъ булавокъ въ день!* При машинахъ работаютъ всего *три* человѣка. Одинъ машинистъ и одинъ подростокъ-работчій заняты починкою машинъ».

Иными словами, во времена Ад. Смита считалось чудомъ, что десять человѣкъ рабочихъ изготовляли ежедневно 48.000 булавокъ. Теперь же, при машинномъ способѣ производства, трое рабочихъ, вся работа которыхъ заключается собственно въ одномъ лишь надзорѣ за машиной, производятъ ежедневно *7½* мил. булавокъ.

IV.

Успѣхи техники—примѣненіе машинъ и усовершенствованныхъ способовъ производства—идутъ очень быстро впередъ и въ *сельскомъ хозяйствѣ*; во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ совершается процессъ индустриализаціи земледѣльческой промышленности, но особенно быстро процессъ этотъ развивается въ Сѣверо-Американскихъ С. Штатахъ.

*) Ад. Смитъ, «Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ», пер. П. А. Вибкова, т. I, стр. 98—99. Спб. 1866.

Останавливаться на немъ мы не станемъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ подробно разсмотрѣнъ въ статьяхъ г. Крживицкаго въ «М. Б.», въ прошломъ году.

Мы намѣрены еще коснуться въ немногихъ словахъ нѣкоторыхъ измѣненій, происшедшихъ за послѣднія десятилѣтія въ торговлѣ.

Гибель мелкаго ремесла, упадокъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и мелкой торговли—«банкротство средняго сословія», какъ выражается американскій публицистъ Lucien Saniat—есть несомнѣнно самое рѣзкое, самое характерное экономическое явленіе послѣднихъ десятилѣтій.

Приведемъ только двѣ-три цифры. Въ 1896 г., изъ 1.150.000 торговыхъ фирмъ, существовавшихъ въ С. Штатахъ и Канадѣ, 224.534 фирмы или, приблизительно, 20% обанкротились или ликвидировали свои дѣла, потерявъ послѣдній долларъ. Изъ числа обанкротившихся фирмъ 80% обладали капиталомъ до 5.000 долларовъ, а 14%—отъ 5.000 до 20.000 тысячъ долларовъ.

По этому расчету выходитъ, говоритъ по поводу этихъ цифръ Lucien Saniat, что достаточно было бы 5 лѣтъ, чтобы всякая фирма, обладающая менѣе, чѣмъ 20.000 д., исчезла изъ С. Штатовъ и Канады и чтобы вся торговля этихъ странъ сосредоточилась въ рукахъ нѣсколькихъ милліонеровъ.

Число кандидатовъ на банкротство было до сихъ поръ достаточно велико, чтобы наполнить собою пустоту, обнаруживающуюся въ торговыхъ адресъ-календаряхъ (business-directories), благодаря исчезновенію ихъ злосчастныхъ предшественниковъ; но и эти кандидаты долго продержаться не могутъ, и тогда всякому бросится въ глаза исчезновеніе, «банкротство средняго сословія».

Вышеприведенныя цифры, прибавляетъ Saniat, содержатъ такую долю реализма, до какой не могъ бы дойти самъ Золя. Онѣ скрываютъ подъ собою въ высшей степени драматическую картину самой отчаянной борьбы за существованіе; они содержатъ въ себѣ гораздо больше философіи и истинной исторіи, чѣмъ какая когда-либо писалась, такъ какъ это печальное исчезновеніе когда-то столь сильныхъ среднихъ классовъ, сто лѣтъ тому назадъ уничтожившихъ гордость феодальныхъ лордовъ и произведшихъ огромный переворотъ во всемъ мірѣ,—паденіе и исчезновеніе этихъ классовъ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ исторіи.

Мы не будемъ долго останавливаться на *технической* сторонѣ революціи, происшедшей за послѣднія десятилѣтія въ торговлѣ, благодаря пару и электричеству, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, телеграфамъ и пароходамъ. Ограничимся двумя-тремя фактами, наиболее ярко иллюстрирующими эту сторону вопроса.

Торговля бѣлой жестью требовала, напр., въ Америкѣ, до введенія пароходовъ и телеграфовъ, огромныхъ амбаровъ, гдѣ складывалась жесть всевозможныхъ сортовъ и величины, въ ожиданіи спроса.

Владѣльцамъ этихъ складовъ приходилось тратить много трудовъ и

денегъ на собраніе необходимыхъ свѣдѣній о внутреннемъ и иностранномъ жестяномъ производствѣ, чтобы на основаніи этихъ свѣдѣній дополнять свои запасы изъ разныхъ странъ производства. Но сколько проходило времени, пока свѣдѣнія изъ Европы доходили до Америки, пока дѣлался заказъ и получался товаръ! Въ настоящее же время всякій, интересующійся этимъ дѣломъ, можетъ прочесть въ курсовой таблицѣ о положеніи жестяного дѣла во всемъ мірѣ. Люди, являющіеся посредниками въ этомъ дѣлѣ, не нуждаются больше въ большихъ складахъ. Они узнаютъ, что тутъ нужно строить желѣзнодорожный мостъ. что тамъ необходимо имѣть 70.000 жестянокъ для консервовъ, и отправляются къ желѣзнодорожному предпринимателю, къ фабриканту или купцу, предлагая доставить имъ необходимое къ извѣстному близкому сроку и по послѣдней цѣнѣ не только нью-іоркскаго, но и всемірнаго рынка. Посредникъ получаетъ за это свою комиссію—составляющую, быть можетъ, лишь дробь 1⁰/₁₀₀—заказчикъ по полученіи товара оплачиваетъ свой вексель, и весь этотъ процессъ совершается безъ товарныхъ складовъ со всѣми необходимыми при этомъ рабочими, служащими, бухгалтерами, и безъ довольно многочисленныхъ посредниковъ, которые раньше сопровождали товаръ отъ мѣста его производства до самаго его потребленія.

Извѣстно, что открытіе Суэзскаго канала подорвало всю такъ называемую «индѣйскую складочную или доковую систему» въ Англии не только потому, что страны Средиземнаго моря вновь получили, благодаря прорытію канала, огромное значеніе для торговыхъ сношеній съ восточной Азіей, но и потому, что, вслѣдствіе огромнаго сокращенія пути и усиленнаго товарнаго обращенія, старая система стала вообще никуда негодной.

До 1869 года направленіе западно-европейской торговли съ Индїей и Остїе-Азіей медленно шло вокругъ Африки и мыса Доброй Надежды, и длилась—при преобладающемъ парусномъ судоходствѣ—отъ 6 до 8 мѣсяцевъ. Чего только не могло произойти за этотъ длинный періодъ времени: могли наступить дурныя жатвы, войны могли совершенно парализовать международныя сношенія, могло произойти, словомъ, много непредвидѣннаго; это и послужило причиной къ созданію, главнымъ образомъ, въ англійскихъ портахъ—откуда она распространилась по всей Европѣ—цѣлой системы искусственныхъ бассейновъ или доковъ, гдѣ собирались и скоплялись огромные запасы индѣйскихъ и китайскихъ продуктовъ.

Но тутъ открытъ былъ Суэзскій каналъ, парусный флотъ сталъ замѣщаться паровымъ, въ свою очередь все болѣе и болѣе усовершенствованнымъ; въ теченіе 30 и даже еще меньше дней можно было получить изъ Азіи любой товаръ. Къ чему, въ такомъ случаѣ, огромные склады при докахъ, требовавшіе очень большихъ капиталовъ и очень много труда. Коммиссіонеръ въ любомъ торговомъ европейскомъ центрѣ:

заказываетъ по телеграфу джутъ, хлопчатую бумагу, колоніальныя товары, каучукъ, словомъ, любой потребный фабриканту продуктъ; гдѣ-то, въ одномъ изъ восточно-азиатскихъ портовъ, стоитъ уже готовый къ нагрукѣ пароходъ, чтобы отправиться въ путь. Черезъ четыре недѣли грузъ получается въ Англию, въ еще менѣе короткій срокъ— въ одномъ изъ средиземныхъ портовъ.

Въ настоящее время, въ большихъ городахъ Европы и Америки, не только крупныя оптовыя, но и болѣе и менѣе крупныя розничныя купцы находятся въ прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и Индіей. Европейскіе фабриканты посылаютъ своихъ странствующихъ приказчиковъ въ Азію, Австралію и Америку и завязываютъ тамъ, въ свою очередь, непосредственныя торговыя сношенія.

Чрезвычайно интересный фактъ передаетъ американскій писатель Уэльсъ въ своей книгѣ, трактующей о томъ же предметѣ, что и наша статья.

«Зимой 1884 года, — рассказываетъ онъ, — я ѣздилъ изъ Нью-Йорка въ Вашингтонъ вмѣстѣ съ однимъ крупнымъ бостонскимъ купцомъ, находившимся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Остъ-Индіей. Когда я, по прибытіи въ Вашингтонъ, встрѣтился вечеромъ съ моимъ купцомъ, онъ обратился ко мнѣ со словами: я имѣю, сэръ, передать вамъ вещь, которая несомнѣнно представитъ для васъ большой интересъ. Когда я вчера передъ обѣдомъ выѣхалъ изъ Бостона, я телеграфировалъ своему агенту въ Калькуттѣ: если найдете по такой-то цѣнѣ столько-то кожи и джута и сможете отправить ихъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ, то покупайте и отправляйте. Когда я сегодня послѣ обѣда прибылъ въ Вашингтонъ, передо мною лежала телеграмма моего бостонскаго компаньона, гдѣ мнѣ сообщаютъ, что нашъ калькутскій агентъ отвѣтилъ: кожи и джутъ купилъ, зафрахтовалъ пароходъ, началъ нагрузку». Прежде для подобной же операціи требовались недѣли и мѣсяцы, масса посредниковъ и складовъ.

У.

Разсчитываютъ, что сила одного лишь пара составляетъ теперь на всемъ земномъ шарѣ 200 милліоновъ лошадиныхъ силъ, другими словами—доставляетъ какъ бы современному человѣчеству 1 милліардъ даровыхъ желѣзныхъ рабовъ, а каждому *рабочему* человѣку въ отдѣльности — принимая, что одна треть всего народонаселенія земного шара, равняющагося, вѣроятно, 1½ милліардамъ человѣкъ обоого пола и всякаго возраста, является дѣятельнымъ факторомъ производства— по крайней мѣрѣ, одного раба.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ самые цвѣтушіе періоды рабства на землѣ. При этомъ можно смѣло утверждать, что все это человѣчество приобрѣло, главнымъ образомъ, за послѣднія 30—35 лѣтъ,

такъ какъ $\frac{1}{6}$ изъ имѣющихся теперь въ нашемъ распоряженіи паровыхъ двигателей широко введены лишь послѣ 1865 года.

Но кто знаетъ, какъ долго еще паровая машина будетъ играть ту роль, которую она играетъ въ экономической жизни настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что, какъ бы высоко мы ни цѣнили услуги, которыя паровая машина оказала и оказываетъ челонѣчеству, какъ бы мы ни восхищались ея удивительнымъ устройствомъ, нельзя все-таки, съ другой стороны, отрицать того, что она имѣетъ и очень много недостатковъ.

Она недостаточно утилизируетъ, напр., необходимую для нея теплоту, и въ производственномъ процессѣ выступаетъ лишь $\frac{1}{6}$ часть силы, заключающейся въ потребляемомъ ею горючемъ матеріалѣ, въ то время, какъ мы уже и теперь обладаемъ двигателями, эффективная сила которыхъ равняется 75⁰/₀.

Вотъ почему паровая машина не есть послѣднее слово техническаго прогресса.

Объ этомъ давно уже твердятъ какъ люди науки, такъ и техники-практики. Еще въ 1888 году, сэръ Фридрихъ Браумэлль высказалъ въ англійской «Association for the Promotion of Science» мысль, что дни паровой машины сочтены, и что «когда Британская Ассоціація,—говорилъ онъ,—будетъ праздновать въ 1931 году столѣтній юбилей своего существованія, теперешняя паровая машина будетъ уже, вѣроятно, стоять въ музеяхъ древности и вызывать одно только удивленіе».

Машина—двигатель будущаго не будетъ, вѣроятно, нуждаться въ посредствѣ водяного пара, какъ мы уже и въ настоящее время, при газовыхъ двигателяхъ, сжиганіе газовъ непосредственно примѣняемъ къ производству.

А одинъ нѣмецкій писатель утверждаетъ, что челонѣчество скоро научится эксплуатировать и практически примѣнять неисчерпаемыя силы воздуха и воды.

Вѣдь и теперь уже вода и вѣтеръ утилизируются во многихъ производствахъ въ качествѣ двигательныхъ силъ. Но что это значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы еще не утилизируемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что могли бы доставить намъ, наприм., одинъ только Ніагарскій водопадъ, сила котораго исчисляется въ 12 $\frac{1}{2}$ милліоновъ лошадиныхъ силъ. А сколько еще другихъ водъ на землѣ! А вѣдь сила воды, какъ и сила вѣтра, буквально неисчерпаема. Правда, для утилизованія, для практическаго примѣненія этихъ силъ, челонѣчеству необходимо преодолѣть еще много, очень много трудностей, но несомнѣнно, что практическое разрѣшеніе этихъ трудностей является лишь вопросомъ времени.

Техническія революціи настоящаго, произведя огромный, колоссальный переворотъ во всей нашей жизни, являются въ то же время предвозвѣстниками еще бѣльшихъ революцій въ ближайшемъ будущемъ.

Б. Воль—нѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Украинскій вечеръ.

(Посвящается В. В. Голубеву).

Въ розовомъ сумракѣ ивы плакучія
Надъ пыльной дорогою спать;
Шорохи вечера, струи пѣвучія
Неясно плывутъ и дрожатъ...

Улица мазанокъ, тихо мечтающихъ
Въ листьѣ голубыхъ тополей;
Прудъ, вереница крестьянъ проѣзжающихъ,
И легкія твани тѣней—

Все выдается узорами нѣжными
Въ сіяньи закатныхъ лучей.
Издали кажутся хлопьями свѣжными
Стада бѣлокрылыхъ гусей.

Поле уносится въ даль безпредѣльную.
Покоенъ туманистый сводъ.
Вечеръ украинскій пѣснь колыбельную
Душѣ восхищенной поеть...

Финляндія.

Безмолвный край, угрюмый край, холодный край!
Вездѣ—покой унылаго простора,
Вездѣ—туманъ и сѣрныя озера...
Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!

Кругомъ меня—признанья вѣчной тишины,
 Небесъ усталыхъ блѣдное сіянье,
 Громады скалъ и сосенъ колыханье,
 И однозвучный плескъ береговой волны...

Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!
 Кругомъ—обвѣянный мечтой невнятной,
 Печалью призрачной и необъятной—
 Безмолвный край, угрюмый край, холодный край.

Что же, пускай разлюбила она!
 Чашу любви не извѣдавъ до дна,
 Я повторяю съ улыбкой во взорѣ:
 Горе любви—вдохновенное горе.

* *
*

Ночь наступила. Ея тишина
 Грустью былыхъ упованій полна.
 Звѣзды колеблются въ темномъ просторѣ...
 Горе любви, безотвѣтное горе...

* *
*

На морѣ—буря. Съдая волна
 Бьется о берегъ дика и шумна;
 Стонеть, грозить возмущенное море:
 Горе любви, неутѣшное горе!

(Посвящается З. А.)

Темноокая! мѣрила
 Нѣтъ любви необозримой.
 У души неувимой,
 Если разъ она любила,
 Подъ таинственнымъ покровомъ
 Всѣхъ отбѣнговъ переливы...
 Человѣческимъ ли словомъ
 Передать ея порывы?
 Вѣдь любовь, какъ смерть—загадка;
 Всѣ слова въ ея просторѣ;
 Какъ въ немолчно-шумномъ морѣ,
 Нѣтъ въ ней цѣли, нѣтъ порядка...

Что порокъ? и что святое?
 Гдѣ потемки? гдѣ сіянья?
 Гдѣ сомнѣнья? гдѣ мечтанья?
 Гдѣ кончается земное?
 Мракъ ли нуженъ для зарницы?
 Или грозамъ блескъ лазури?
 И къ чему, зачѣмъ границы,
 Тамъ, гдѣ царство грезъ и бури,
 И молитвы, и объятя,
 Гдѣ встрѣчаются, какъ братья,
 Рай блаженствъ и адъ кромѣшной,
 И любовь поетъ, чаруя
 Красотою ласки грѣшной,
 Нѣжной болью поцѣлуя!
 Въ этой пѣснѣ духовъ буйныхъ
 Голоса неукротимы,
 И на арфахъ сонно-струйныхъ
 Славословятъ серафимы...

З в ѣ з д а.

Какъ странно... Когда я гляжу въ небеса,
 И звѣздочка вдругъ упадетъ въ вышинѣ,
 Мерцающая лучами, все кажется мнѣ,
 Что гдѣ-то надъ нами упала слеза.

* *
*

Какъ странно... Любуясь тобой, иногда
 Я вижу слезу въ твоихъ синихъ глазахъ.
 И чудится мнѣ, далеко въ небесахъ
 Упала, дрожа, золотая звѣзда.

Любишь ты все, что волною туманною,
 Вирадчивымъ шепотомъ въ сердце вливается,
 Сердце баюкаетъ, грезю странною,
 Сказкой невѣдомой въ немъ отъливается.
 Любишь ты все, что боится признанія,
 Все невозможное, недостижимое,
 Горе неясное, необъяснимое,
 Грусть безпричинную, грусть безъ названія...
 Полно!..

Сергѣй Маловскій.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(Продолженіе *).

XX.

Сентъ-Рульсь.

На другое утро, когда Мона сошла внизъ къ завтраку, Рэчель окинула ее критическимъ взглядомъ и осталась недовольна.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣстъ это платье,—начала она, разливая чай изъ *коричневаго* чайника.— Оно, конечно, очень мило и почти-что новое, но вѣдь скучно носить все одно и то же; какъ-то неволью хочется видѣть [на васъ что-нибудь посвѣтлѣе, что-нибудь болѣе подходящее для молодой дѣвушки. Вотъ жаль, что ваше батистовсе платье въ стиркѣ.

Мона посмотрѣла въ окно.

— У меня есть другое. Вы думаете, дождя не будетъ?

— О, нѣтъ! Притомъ же вы можете взять съ собой ватерпруфъ.

— Я не столько боюсь испортить платье, сколько ненавижу быть одѣтой несоотвѣтственно погодѣ; впрочемъ, сегодня, кажется, чудный день.

Она вышла, какъ только завтракъ былъ оконченъ, и черезъ десять минутъ вернулась въ свѣтломъ платьѣ и шляпкѣ.

— Ну-съ, надѣюсь, теперь вы довольны?—спросила она, присѣдая.

— Честное слово! вы смотрите настоящей леди. И матерія недорогая. Вы, положительно, могли бы прослыть красавицей, еслибъ дали себѣ трудъ хорошо одѣваться. Эта шляпка удивительно вамъ идетъ!

— Дали себѣ трудъ хорошо одѣваться! — мысленно воскликнула

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Мона.—Недурно! И это приходится выслушивать женщинѣ, для которой туалетъ—первое дѣло въ жизни!

Онѣ дошли пѣшкомъ до Киркстоуна, а тамъ сѣли въ дилижансъ. Мона предпочла бы сидѣть снаружи, но Рэчели хотѣлось пустить пыль въ глаза попадавшимся навстрѣчу знакомымъ, притомъ же она нашла, что «за свои деньги» лучше сидѣть внутри. Къ счастью, пассажировъ было немного, и Монѣ удалось помѣститься съ навѣтренной стороны, такъ, чтобы не особенно страдать отъ близкаго сосѣдства двухъ торговыхъ рыбой.

Около двѣнадцати онѣ пріѣхали въ Сентъ-Рульсъ и принялись довольно безцѣльно бродить по улицамъ, заходя осматривать разныя достопримѣчательности. Рэчель имѣла такое же слабое представленіе объ обязанностяхъ чичероне, какъ объ отдѣлкѣ шляпъ, искусствѣ печь блины и завѣдываніи магазиномъ,—вообще, о вещахъ дѣйствительно полезныхъ,—и все время находилась въ нервномъ возбужденіи, боясь, какъ бы какой-нибудь гидъ по профессіи не навязалъ имъ своихъ услугъ, за которыя потомъ придется расплачиваться.

Сезонъ уже прошелъ и пріѣзжихъ въ городкѣ было мало, поэтому мзящное платье Моны обращало на себя большое вниманіе. Какъ оно ни было просто, она успѣла уже сто разъ пожалѣть, что надѣла его: безвкусный туалетъ Рэчели могъ бы пройти незамѣченнымъ, а теперь, по контрасту, онъ еще болѣе бросался въ глаза.

Она положительно обрадовалась, когда онѣ дошли до кондитерской, но въ дверяхъ Рэчель почтительно посторонилась, чтобы пропустить впередъ даму, подѣхавшую за ними въ «собственномъ экипажѣ», а затѣмъ спросила порцію пирожковъ вполголоса и съ такимъ сконфуженнымъ видомъ, какъ будто не имѣла права заказывать здѣсь что-нибудь одновременно съ такой важной особой. Бѣдная Мона! Она вспомнила леди Муиро и вздохнула.

— Въ сущности, теперь намъ осталось посмотреть только одно,—говорила Рэчель, вытирая руки о скомканный бумажный мѣшокъ, лежавшій возлѣ нея на диванчикѣ:—это замокъ. Я тамъ посижу, отдохну, а то у меня уже ноги болятъ, а вы побѣгайте, осмотрите все хорошенько.

Хорошо, что у Рэчели хватило ума приберечь замокъ на закуску. Вся досада и раздраженіе Моны растаяли при видѣ бархатнаго зеленого дерна подъ ногами, яснаго синяго неба надъ головой и величественныхъ развалинъ вокругъ. Она бродила по этимъ развалинамъ, заглядывая въ каждую щелку, какъ вдругъ, въ одномъ укромномъ уголкѣ, наткнулась на молодого человѣка и барышню, о чемъ-то горячо толковавшихъ между собой. Барышня вздрогнула и отвернулась; Мона поспѣшила уйти, чтобы не мѣшать имъ.

— Гдѣ я видѣла это лицо?—думала она.—Я несомнѣнно видѣла его и даже недавно. Ага, знаю! Это та глупая маленькая обезьянка, Ма-

тильда Куксонъ. Надѣюсь, что этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ дурныхъ намѣреній.

Черезъ минуту «глупая маленькая обезьянка» вылетѣла у нея изъ головы—на зеленомъ пригорѣ, смѣясь и разговаривая съ Рэчелью, стоялъ докторъ Дудлей.

Невольный порывъ удивленія и радости, тревожное чувство при мысли, что скажетъ Рэчель, удовольствіе отъ сознанія, что на ней хорошенкое свѣтлое платье,—все это молніей пронеслось въ душѣ Моны, пока она переходила черезъ лужайку.

— Ну,—сказалъ Дудлей, когда она подошла,—это мѣстечко можетъ дать десять очковъ впередъ даже замку Маклинъ.

— Вы думаете?—серьезно переспросила Мона.—Это большая похвала. Онъ засмѣялся.

— Вы уже видѣли угрюмую старую башню?

— Нѣтъ еще. Я какъ разъ шла туда.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нею. На верхней площадкѣ они остановились и, опершись на перила, стали смотрѣть въ мрачную темную бездну. На разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ вершины, роскошный папоротникъ, выросшій изъ расщелины, раскинулъ надъ темными сырими камнями свои нѣжные, блѣдно-зеленые листья.

— Какая прелесть!—вырвалось у Моны.

— Да, и въ этой мрачной обстановкѣ онъ кажется еще краше.

— Можетъ быть, но природа создала его не для этого.

— Вы правы; но кто захотѣлъ бы перенести его отсюда!

Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть вдаль, на море.

— Эта башня всегда приводитъ меня въ уныніе. Она напоминаетъ мнѣ «разказы о мученикахъ», которые я читалъ въ дѣтствѣ. Мнѣ и сейчасъ представляется семья, сидящая вокругъ пылающаго костра, и слышится испуганный шепотъ: «Да, не веселая штука провести ночь въ Сентъ-рульской башнѣ!» Какія превратныя понятія объ исторіи внушаютъ намъ въ дѣтствѣ!

И онъ началъ декламировать, какъ бы про себя:

«Sitzt das kleine Menschenkind
An dem Ocean der Zeit.
Schöpft mit seiner kleinen Hand
Tropfen aus der Ewigkeit» *),

Мона подняла на него заблестѣвшіе глаза и отвѣтила:

«Schöpfte nicht das kleine Menschenkind
Tropfen aus dem Ocean der Zeit,
Was geschieht verwehte wie der Wind
In den Abgrund oder Ewigkeit» **).

*) Маленькое человеческое дитя сидитъ у океана времени и черпаетъ маленькой ручкой капли изъ вѣчности.

**) Если бы маленькое человеческое дитя не черпало капель изъ океана времени, все, что происходитъ, развѣянное вѣтромъ, исчезло бы безъ слѣда въ пустынной безднѣ вѣчности.

— Продолжайте, продолжайте, — говорила она, не смущаясь его нескрываемымъ удивленіемъ, — самая лучшая строфа послѣдняя.

И онъ продолжалъ:

«Tropfen aus dem Ocean der Zeit
Schöpft das Menschenkind mit kleiner Hand
Spiegelt doch, dem Lichte zugewandt,
Sich darin die ganze Ewigkeit. *)»

— Не знаю, — молвилъ онъ печально, — въ тѣхъ капляхъ, которыя достались мнѣ, вѣчнаго было очень мало.

— Вамъ такъ кажется теперь, — возразила Мона, — но когда вы состаритесь настолько, чтобы обратить ихъ къ свѣту, вы увидите и въ нихъ вѣчное.

Лицо его прояснилось въ улыбку.

— Эта дѣвушка — точно оборотная сторона моего собственного я, — подумалъ онъ.

Они медленно возвратились къ Рэчели.

— Вы охотница до зрѣлищъ?

— Этотъ вопросъ слишкомъ обширенъ. Сократите его.

— Нѣтъ, я лучше рѣшу его самъ. Вы не слишкомъ устали, чтобы вернуться обратно въ городъ?

— Ни чуточки не устала.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Рэчель поспѣшила подняться съ мѣста съ помощью Моны и толстаго зонтика. Она охотно посидѣла бы еще, чтобы «дать покой ногамъ», и ей даже въ голову не приходило, что молодую дѣвушку не слѣдуетъ отпускать одну, но честь прогуляться по улицамъ Сентъ-Рульса въ обществѣ доктора Дудлея была слишкомъ велика, чтобы пренебречь ею.

Первые полчаса доставили Монѣ гораздо болѣе огорченій, чѣмъ удовольствія. Она употребляла всѣ усилія, чтобы выказать Рэчель съ самой лучшей стороны, но при данныхъ обстоятельствахъ это было не такъ-то легко.

Съ низшими Рэчель нерѣдко бывала проста, естественна, даже симпатична; но въ обществѣ людей, которыхъ она почему-либо считала выше себя, ея врожденная вульгарность обязательно выходила наружу. Мона слишкомъ хорошо понимала доктора Дудлея, чтобы не знать, что онъ не питаетъ королевскаго презрѣнія къ такъ-называемой «вышности», и страдала больше за него, чѣмъ за себя.

Ей не приходило въ голову, что Рэчель весьма усердно разыгрывала роль сырой, темной стѣны, служившей такимъ выгоднымъ фономъ для вѣжнаго папоротника.

— И во всемъ этомъ онъ самъ виноватъ, — съ негодованіемъ думала Мона. — Къ чему было ставить насъ обѣихъ въ такое нелѣпое

*) Маленькое человѣческое дитя маленькой ручкой черпаетъ лишь капли изъ океана времени, но въ этихъ капляхъ на свѣту отражается цѣлая вѣчность.

положеніе?! Теперь мнѣ еще придется смотрѣть за Рэчелью, чтобы она не болтала объ этомъ всѣмъ и каждому.

Къ счастью, хотя Рэчель оставалась любезной до конца и все время плелась за ними, скоро она такъ утомилась, что не въ состояніи была говорить, и Мона могла спокойно наслаждаться прогулкой. Докторъ Дудлей или зналъ Сентъ-Рульсъ наизусть, или обладалъ волшебнымъ даромъ угадывать, что именно было достойно вниманія. Любопытныя рукописи и полустертые надписи; окна изъ цвѣтныхъ стеколъ и остатки чудесной рѣзбы; забытыя картины; древніе старики и старушки, какъ бы сросшіеся съ тѣми зданіями, въ которыхъ они состарились—все по очереди давало пищу его блестящей импровизаціи. Онъ не даромъ жаловался, что страсть къ разговорамъ когда-нибудь погубитъ его.

Подъ конецъ они еще разъ обошли руины собора.

— «Раззорите гнѣзда», и грачи улетятъ,—съ горечью процитировалъ докторъ Дудлей.—Зато здѣсь передъ нами изнанка «разказовъ о мученикахъ».

— Все это восхитительно,—сказала Мона, когда онъ усаживалъ ихъ въ дилижансъ,—но нужны особенные глаза, чтобы все это видѣть.

— Все становится интереснѣе, когда оно пропущено сквозь «призму темперамента». Очень радъ, если могъ послужить вамъ своимъ.

Вечеромъ каждый изъ трехъ раздумывалъ про себя о прогулкѣ.

— Все это вышло чрезвычайно удачно, принимая во вниманіе, что я самъ этого искалъ,—думалъ Дудлей.—Я былъ увѣренъ, что ничего не выйдетъ. Она *должна* была случайно встрѣтить суконщика.

— Онъ настоящій джевлъмень и удивительно уменъ,—думала Рэчель,—и, кажется, обрадовался встрѣчѣ не меньше насъ. Но какъ у меня болятъ ноги!

— Мнѣ надоѣло это притворство,—думала Мона.—При первомъ же удобномъ случаѣ попрошу у Рэчели позволенія сказать ему всю правду. Можетъ быть, онъ найдетъ, что такъ и слѣдовало поступить.

Но на другой день за обѣдомъ, Рэчель спокойно сообщила ей, что докторъ Дудлей уѣхалъ.

— Онъ только-что прошелъ на станцію съ саквояжемъ въ рукахъ, а за нимъ Билль повезъ на тачкѣ цѣлую кучу вещей. Я нахожу страннымъ, что онъ не зашелъ къ намъ проститься послѣ того, какъ мы вчера почти цѣлый день провели вмѣстѣ!

Мона улыбулась немного грустно, думая про себя: «Какъ мужчина, онъ нисколько не лучше Сайба, но у меня никогда въ жизни не было такого товарища!»

XXI.

«Летучій Шотландецъ».

Нѣсколько дней спустя къ ней вошла Рэчель, вся сіяющая, крича еще на порогѣ:

— Угадайте, отъ кого я получила письмо? Отъ племянницы. Хотите послушать?

— Очень хочу. Еще бы! первая воспоминанія въ новомъ краю! Это первое письмо отъ нея?

— Нѣтъ, второе. Она не мастерица писать письма, но въ этомъ больше «впечатлѣній». Она говоритъ, что тамъ ужасно трудно достать прислугу.

Рэчель углубилась въ чтеніе довольно длиннаго посланія и Мона должна была чуть нѣ въ первый разъ въ жизни вполне согласиться съ кузиной: ея племянница, дѣйствительно, была «не мастерица писать письма».

Это было вечеромъ и Мона только что вернулась съ прогулки по берегу. Она рѣдко выходила въ сумерки послѣ чаю, но нельзя отрицать, что послѣдвіе нѣсколько дней прошли не очень-то весело, и моціонъ представлялся желательнѣе, чѣмъ когда-либо. Пока докторъ Дудлей не уѣхалъ, она не отдавала себѣ отчета въ томъ, насколько случайныя встрѣчи съ нимъ и бесѣды дѣлали для нея привлекательнѣе жизнь въ Борроунессѣ, но теперь создалась себѣ въ этомъ, не колеблясь ни минуты.

— Мнѣ такъ грустно, какъ будто я потеряла Дорисъ или Люси; и дѣйствительно, въ такой глуши симпатичный знакомый прямо находка. Здѣсь можно впасть въ меланхолю отъ потери умной собаки или любимой канарейки. Самый фактъ обилія влюбленныхъ женщинъ бросаетъ мрачный свѣтъ на жизнь, которую они ведутъ. Бѣдняжки! Завтра же напишу въ Тильбери, чтобы мнѣ выслали сюда мой маленькій ящикъ съ книгами. Два часа внимательнаго чтенія ежедневно—прекрасная панацея отъ большинства болѣзней.

Придя къ этому благоразумному рѣшенію, она пошла домой и застала Рэчель блаженствующей надъ письмомъ племянницы.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забыла,—вспомнила вдругъ Рэчель:—тамъ есть письмо и посылка для васъ. Они, должно быть, лежатъ на стулѣ за дверью.

Мона прошла туда.

— Ничего интереснаго,—объявила она,—по крайней мѣрѣ, я не узнаю почерка ни на одномъ. Должно быть, какая-нибудь просьба.

Она распечатала сперва посылку, осторожно развязывая узлы и смутно соображая, отчего это отъ нея такъ странно пахнетъ сыростью.

Слова «модныя отдѣлки», напечатанныя золотыми буквами на одной сторонѣ ящика, очевидно, относились не къ его содержимому, потому что когда Мона сняла крышку, глазамъ ея предстала масса сырой и темной растительности. Рэчель въ ужасѣ всплеснула руками.

— Ну, можно ли присылать подобную гадость. Еще, пожалуй, въ домъ заведутся гусеницы и черви!

Сверху лежалъ листокъ отсырѣвшей почтовой бумаги, сложенный вдвое, въ длину. Мона взяла его.

— Ахъ, вотъ что! Какъ это мило! Это отъ мистера Броуна. Онъ ходилъ собирать растенія и прислалъ мнѣ все, что нашель.

— Это надо съ ума сойти,—внутренно возмущалась Рэчель.—Посылать по почтѣ такую дрянь, которая годна только въ печь, и платить за пересылку! Теперь даже и ящикъ никуда не годится послѣ того, какъ въ немъ лежалъ этотъ мусоръ.

Къ счастью, прежде чѣмъ она успѣла излить вслухъ свое негодованіе, въ умѣ ея мелькнула блестящая мысль.

— Абсолютно эта посылка, безспорно, мусоръ, но относительно она можетъ оказаться въ высшей степени цѣнной. Всякій знаетъ, что у суковщика не хватаетъ одной клѣпки въ головѣ, но никто изъ-за этого не считаетъ его негоднымъ въ городскіе головы, или въ женихи. Мона вѣдь тоже «съ придурью». Она не меньше его дорожитъ всеѣми этими травами. Въ этомъ отношеніи они какъ разъ пара. И потомъ—вѣдь вотъ какъ удивительно складывается все въ жизни!—это прекрасный случай для Моны примѣнить на практикѣ свои несомнѣнныя дарованія. Она рождена для торговли, а у мистера Броуна дѣло ведется на широкую ногу; лучшаго трудно желать; если же онъ дѣйствительно займетъ высокое общественное положеніе, какой же изъ здѣшнихъ барышень больше пристало фигурировать въ роли «супруги городского головы»?

Разумѣется, въ домѣ безъ нея будетъ страшно скучно, но вѣдь она, все равно, могла бы уѣхать, такъ лучше ужъ пусть бы поселилась въ Кильвинни; это, по крайней мѣрѣ, рукой подать. Рэчель не хотѣла сознаться даже самой себѣ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для нея было бы почти облегченіемъ избавиться отъ спокойнаго вдумчиваго взора этихъ ясныхъ молодыхъ глазъ.

Она пылала румянцемъ, сіяла улыбками и непремѣнно подмигнула бы, будь это кто-нибудь другой, а не Мона. Съ Моной, понятно, надо прикидываться, будто ничего не видишь, пока дѣло не обнаружится само собой. Впрочемъ, м-ръ Броунъ, повидимому, можетъ и самъ за себя постоять, даромъ, что тихонькій на видъ; хотя, если бы ей въ молодости кто-нибудь прислалъ такой ящикъ, она бы сочла это за насмѣшку.

Она сгорала желаніемъ узнать, что пишетъ м-ръ Броунъ, но, когда Мона подала ей письмо, была горько разочарована. Что-то такое не-суразное,—и не поймешь: написано точно на незнакомомъ языкѣ и, кажется, все сплошь о растеніяхъ! Вѣдь придетъ же охота давать такія трудныя имена самымъ обыкновеннымъ травамъ, которыя растутъ въ огородѣ на каждой плохо выполотой грядкѣ! А впрочемъ, вкусы бываютъ разные, и люди «съ придурью», навѣрное, отлично понимаютъ другъ друга.

Бѣдная Рэчель! Это были только цвѣточки; впереди ее ждало еще болѣе горькое разочарованіе. Мона распечатала второе письмо и вмигъ вся побѣгѣла.

— Мнѣ нужно ѣхать завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ, чтобы захватить «Летучаго Шотландца». Одна моя подруга въ Лондонѣ опасно больна.

Въ письмѣ заключалась, дѣйствительно, просьба, но иного рода, чѣмъ ожидала Мона. Оно было отъ м-ра Рейнольдса, отпа Люси.

«Докторъ говоритъ, что пока опасности нѣтъ, — писалъ м-ръ Рейнольдсъ, — но прибавляетъ, что температура *не должна* подыматься. Дѣвочка такъ волнуется и тревожится за васъ, что отъ этого одного можетъ усилиться жаръ. Она уѣхала отъ насъ недѣлю тому назадъ, чтобы вернуться въ Лондонъ; ей и тогда уже нездоровилось, но нашъ доревенскій врачъ сказалъ, что ѣхать можно, и мы ее не удерживали. Разумѣется, Люси пригласила женщину-врача и, хотя я отъ души одобрилъ ея выборъ, въ такія минуты старыя предрасудки легко ожидаютъ и всплываютъ наружу. Д-ръ Алиса Бэтсонъ, повидимому, знаетъ свое дѣло и очень внимательна, но не скрою отъ васъ, что для меня было бы большимъ облегченіемъ видѣть васъ здѣсь. Мать Люси совсѣмъ больная женщина и не можетъ пуститься въ такой дальній путь, а вы были для нея столько лѣтъ все равно, что старшей сестрой.

«Знаю, что передъ вами мнѣ не нужно извиняться за беспокойство и увѣренъ, что моя дѣвчурка почувствуетъ себя лучше, какъ только узнаетъ, что я написалъ вамъ».

Мона прочла это вслухъ и добавила:

— Надо отвѣтить телеграммой. Я сейчасъ пойду сама на почту.

— Ну, знаете, это ужъ черезчуръ, — объявила Рэчель; — цѣлая куча хлопотъ изъ-за простой знакомой, даже не родственницы!

— Люси не простая знакомая, — возразила Мона съ дрожью въ голосъ; — она для меня все равно, что младшая сестра.

— Что же съ ней такое?

— Острый ревматизмъ.

— Что же прикажете, и вещи ваши отправить за вами? — съ горечью освѣдомилась Рэчель.

— Нѣтъ, нѣтъ! — утѣшала ее Мона, стараясь говорить шутливымъ тономъ; — уговоръ дороже денегъ и я не желаю, чтобы нашъ былъ нарушенъ. Я обѣщала прожить у васъ полгода и проживу. Я вернусь сейчасъ же, какъ только Люси начнетъ поправляться, надѣюсь, не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Знаете, теперь острия заботъ ревматизмомъ ужъ не затягиваются, какъ прежде. Увѣрю васъ, милая, у меня самой нѣтъ ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Лондонъ. Я лично съ несравненно большимъ удовольствіемъ осталась бы у васъ. Но я здѣсь не такъ нужна, чтобы отказывать тѣмъ, кто во мнѣ дѣйствительно нуждается.

Если ей хотѣлось услышать нѣсколько словъ одобренія, она не разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ, хотя Рэчель вообще была не мастерица на такую поддержку.

— Какъ будто здѣсь въ васъ не нуждаются!—возразила она.—Ужъ и не придумаю, что я буду дѣлать безъ васъ; да и всѣ говорятъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, магазинъ имѣетъ совсѣмъ другой видъ.

Ей стоило большихъ усилій удержаться отъ приведенія болѣе вѣ-скихъ доводовъ противъ отъѣзда Моны.

Мона поцѣловала ее въ лобъ.

— Вотъ и ждите меня назадъ черезъ недѣлку, а то и раньше. Ужъ навѣрно вы меньше будете скучать безъ меня, чѣмъ я буду желать вернуться.

Это была истинная правда. Она вовсе не была благодарна судьбѣ, препятствовавшей точною выполнению задуманнаго ею плана; она была искренно заинтересована своимъ опытомъ и жизнью въ Борроувессѣ; притомъ-же для нея было положительно тяжкимъ испытаніемъ вернуться въ Лондонъ въ качествѣ дезертира, какъ разъ въ то время, когда вся учащаяся молодежь съ шумомъ и трескомъ готовилась къ новой кампаніи.

Она пошла на почту и послала двѣ телеграммы: одну м-ру Рейнольдсу, другую—Дорисъ съ извѣщеніемъ, что она ѣдетъ на нѣсколько дней въ Лондонъ и будетъ на станціи Вэверлей около десяти утра слѣдующаго дня. Затѣмъ она вернулась домой, написала благодарственную записочку м-ру Броуну, уложила свои вещи и провела остатокъ вечера въ обществѣ Рэчели и «м-рсъ Пойзеръ».

Ночью ее одогѣла тревога. Хорошо доктору говорить, что температура у Люси «не должна подыматься»; а если она подыметься? Если она все время подымалась съ тѣхъ поръ, какъ послано письмо? Мона видѣла нѣсколько такихъ случаевъ въ госпиталѣ; особенно ей врѣзался въ память одинъ, гдѣ ни ледъ, ни холодныя ванны и никакія другія средства не могли спасти жизни больной: она сгорѣла въ нѣсколько дней. Замирая отъ волненія, она переворачивалась съ боку на бокъ, а когда, наконецъ, уснула, ее почти все время мучилъ кошмаръ. Она даже рада была встать раньше обыкновеннаго, чтобы не опоздать къ поѣзду.

Но оказалось, что Рэчель предупредила ее: она встала еще раньше и ждала Мону въ столовой, приготовляя ей на дорогу огромные, неаппетитные сэндвичи; когда же поѣздъ, увозившій Мону, скрылся изъ виду, нежданная слеза скатилась по ея старой, увядшей щекѣ.

На Эдинбургской платформѣ стояла Дорисъ; свѣжая, какъ лилія.

— Какъ это мило, что вы пріѣхали,—сказала Мона,—я и ждала и не ждала васъ.

— Душа моя, я ѣду вмѣстѣ съ вами,—былъ спокойный отвѣтъ.

— Вадоръ! Не можетъ быть!

— Отецъ весьма кстати замѣтилъ, что мнѣ нужна перемѣна воздуха, а я не давала ему покоя, пока онъ не позволилъ мнѣ ѣхать съ вами. Вѣдь такой случай можетъ и не повториться, а онъ это пони-

маеть. Онъ самъ бы прїѣхалъ проводить насъ, но у него ровно въ десять какая-то важная консультація. Вы мнѣ покажете школу, госпиталь и все,—хорошо?

— Поважу,—отвѣтила Мона.

Дорисъ даже въ голову не пришло, что ея подругѣ можетъ быть непрїятно пойти въ школу и встрѣтиться съ прежними товарками. Если-бы кто-нибудь намекнулъ ей объ этомъ, она вскричала-бы: «Мона способна на такую мелочность! Мало же вы ее знаете!»

— Въ телеграммахъ не распространяются, не то я объяснила-бы вамъ, что ѣду къ больной подругѣ. Вы слышали отъ меня о Люси Рейнольдсъ?

— Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но вѣдь я не стану вамъ мѣшать. Вы только удѣлите мнѣ какъ-нибудь нѣсколько часовъ; больше мнѣ ничего не надо.

— Имѣете вы понятіе о томъ, гдѣ вы остановитесь?

— Само собой, у тетки, въ улицѣ Парка,—у той самой, чьи журфиксы вы такъ надменно отказались посѣщать. Папа телеграфировалъ ей вчера вечеромъ, и я еще до отъѣзда получила очень милый отвѣтъ. Она дѣйствительно всегда отъ души рада видѣть меня: мы съ ней не церемонимся.

— Вы удивительное существо! Я не знаю никого, кто умѣлъ бы все такъ разумно и хорошо устроить безъ всякой суеты. Не занять ли намъ мѣста?

— Я давно уже заняла два мѣстечка у окна, въ вагонѣ третьяго класса. Вашъ другъ «мальчикъ съ пальчикъ» положилъ мой пледъ на одно, а дорожный мѣшокъ на другое и самъ сторожитъ, чтобы кто-нибудь не стапилъ вещей. У насъ совершенно достаточно времени, чтобы выпить чашку кофе.

Нѣсколько минутъ спустя онѣ вошли въ вагонъ, отпустили «мальчика съ пальчикъ» и углубились въ серьезный разговоръ. Мона не подымала глазъ, пока не тронулся поѣздъ, но тутъ взгляды ея упали на милое, знакомое лицо. На другомъ концѣ платформы стоялъ Сагибъ. Не подозрѣвая, что она въ поѣздѣ, онъ махалъ шляпой кому-то другому, и передъ его красявой, сильной фигурой всѣ другіе мужчины на платформѣ въ силу контраста казались пигмеями.

Мона замѣтила его слишкомъ поздно даже для того, чтобы поклониться, и отвернулась отъ окна, вспыхнувъ отъ разочарованія.

— Дорисъ, представьте, здѣсь былъ Сагибъ.

— А можно узнать, кто этотъ Сагибъ?

— М-ръ Дикинсонъ. Я часто видѣлась съ нимъ въ Норвегія этимъ лѣтомъ; онъ большой другъ всѣхъ Мунро. Онъ такой славный. Мнѣ кажется, на него каждая женщина инстинктивно должна смотрѣть, какъ на брата.

— Типъ рѣдкій,—холодно замѣтила Дорисъ—но я полагаю, что онъ существуетъ.

Разговоръ коснулся ея цинической струнки, хотя мужчины, знакомые съ «лилейной дѣвушкой», очень удивились бы, узнавъ, что такая у нея имѣется.

— Не думаю, чтобы можно было сомнѣваться въ существованіи такого типа,— сказала Мона;—и ужъ, разумѣется, въ этомъ не усунится ни одна женщина, знающая Сагиба.

Дорись не отвѣтила и нѣсколько времени обѣ молчали; морщинка на лбу Моны врѣзалась глубже.

— Милочка,—выговорила наконецъ Дорись,—я вамъ не докучаю? Можетъ быть, вы предпочли бы остаться одна?

Мона засмѣялась.

—А что вы сдѣлаете, если я отвѣчу «да»? Дернете за веревку и остановите поѣздъ? Или, можетъ быть, выброситесь изъ окна? Голубушка моя, я по пальцамъ могу перечесть, сколько разъ вы «докучали» мнѣ; а сегодня я особенно рада, что вы со мной. Будь я одна, я бы измучилась до смерти въ тревогѣ за Люси и съ досады, что пропустила случай повидаться съ Сагибомъ.

Лицо Дорись омрачилось.

—Мона, милая, лучше бы ваши Мунро вернулись изъ Индіи послѣ того, какъ васъ занесутъ въ списки. Я не одобряю мужчинъ, на которыхъ всѣ женщины инстинктивно смотрять, какъ на братьевъ. Для студентовъ и студентокъ бракъ—это гибель.

— Бракъ?—съ изумленіемъ вскричала Мона.—Выйти замужъ за Сагиба?! Дорись, голубушка, да мнѣ это и въ голову не приходило: это все равно, что выйти за васъ.

— Желала бы я, чтобы это было такъ,—спокойно возразила Дорись;—а для себя желала бы, чтобы мнѣ не пришлось больше съ вами разговаривать объ этомъ, пока васъ опять не внесутъ въ списки. Ахъ, какая прелесть!

Поѣздъ шелъ по берегу моря, и всѣ линіи, всѣ очертанія береговыхъ скалъ выступали рѣзко и ясно въ неровномъ свѣтѣ октябрьскаго утра.

— Не правда ли?—Морщинка на лбу Моны сгладилась:—Знаете, Дорись, иногда мнѣ кажется, что я сама частица этого берега—такъ я люблю его. Ура, я увѣрена, что Люси лучше.

— Судя по тому, что вы мнѣ сказали, мнѣ кажется, вы имѣете всѣ данныя рассчитывать, что она встрѣтитъ васъ на станціи.

Мона разсмѣялась.

— Она настоящій резиновый мячикъ, но такая болѣзнь дѣло не шуточное. Я говорила вамъ, что она выдержала экзамень?

— Конечно, при вашей помощи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я, право, начинаю думать, что у Люси голова лучше моей. Дѣло въ томъ, Дорись, что мнѣ приходится теперь провѣрять и передѣлывать свои взгляды на жизнь, и я пришла къ убѣжденію, что

всѣ мы жестоко заблуждались относительно моей даровитости; это единственный удовлетворительный базисъ, на которомъ я могу начать строить новое зданіе. Есть что-то успокоительное въ сознаніи, что ни къ чему великому ты не призванъ и ничего особеннаго изъ себя не представляешь, а потому и стараться особенно нечего.

Дорисъ улыбнулась ясной улыбкой. Она то ужъ не перемѣнитъ своего мнѣнія о Монѣ.

Разговоръ оборвался, и обѣ долго сидѣли молча, прислушиваясь къ грохоту поѣзда. Монѣ онъ былъ непріятенъ. Почему-то стукъ колесъ напоминалъ ей, что между болѣзнію Люси и [яснымъ осеннимъ днемъ не было никакой обязательной связи.]

— О чемъ вы задумались, Дорисъ?—вскричала она.

У Дорисъ сверкнули глаза.

— Я думала, живъ ли еще тотъ чудный тюлень, котораго я видѣла послѣдній разъ, какъ была въ Зоологическомъ. Вы не знаете?

— Нѣтъ; это все равно, что спросить меня, продолжаетъ ли *Carolus-ter* размахивать, своимъ собственнымъ [смертнымъ приговоромъ передъ глазами *madame* Тюссо.

— Какъ вы можете ставить такія вещи на одну доску?

— Очень могу, потому что въ волшебномъ дворцѣ моихъ воспоминаній дѣтства они стоятъ рядомъ, а внѣ этого] онѣ совсѣмъ для [меня не существуютъ.

— И это говоритъ женщина, посвятившая себя изученію естественныхъ наукъ! Я думала, что вы большую часть свободнаго времени проводите въ Зоологическомъ

— *Ars longa!*—но вы совершенно правы. Гексли будущаго поколѣнія, вмѣсто того чтобы послать насъ со скальпелемъ въ рукъ въ анатомическій залъ, посоветуетъ намъ сначала изучить строеніе тѣла живыхъ животныхъ, ихъ привычки и нравы. Я совершенно согласна съ вами, что лучше знать и любить живыхъ тварей, какъ вы, чѣмъ самостоятельно изслѣдовать всѣ отклоненія отъ основнаго типа сосудистой системы, какъ я.

— Не вижу, почему не соединить того и другого.

— И это вѣрно; но тогда что-нибудь другое должно отойти на задній планъ, на примѣръ, Тэрнеръ, или Броунингъ, или Вагнеръ.

«We have not wings, we cannot soar,
But we have feet to scale and climb» *).

— Не знаю. Нѣкоторыя изъ насъ, повидимому, нашли весьма недурную замѣну крыльямъ. Притомъ же вы отлично знаете, что я еще больше жажду увидѣть анатомическій залъ.

— Неужели вы серьезно этого хотите?

*) Мы не можемъ летать; у насъ нѣтъ крыльевъ, но есть ноги, чтобы взбираться и карабкаться.

— Разумѣется. Почему же нѣтъ?

— Главнымъ образомъ потому, что вы, все равно, его не увидите. Посторонній человѣкъ не можетъ составить себѣ правильнаго понятія о томъ, что такое на самомъ дѣлѣ анатомическій залъ. Васъ онъ только приведетъ въ ужасъ, и вы будете шокированы тѣмъ, что молодыя дѣвушки могутъ смѣяться за такую работой.

— Неужели онѣ смѣются?—ужаснулась Дорисъ. Она рисовала себѣ въ мечтахъ подвигъ геройскаго самоотверженія,—но смѣхъ!..

— Разумѣется, когда есть чему смѣяться. Мы, на примѣръ, часто потѣшались надъ одной ирландкой, которая, чтобы не перепутать нервовъ руки, перевязывала ихъ разноцвѣтными ниточками. Когда дѣвушки прядутъ шерсть, или расписываютъ подойники, вѣдь онѣ же не все время думаютъ о происхожденіи и назначеніи матеріала, надъ которымъ онѣ работаютъ. Такъ же и мы.

— Но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло.

— Развѣ? Не знаю. Если такъ, Провидѣніе по милосердію своему закрываетъ намъ глаза, чтобы мы не видѣли разницы. Это просто становится *нашимъ дѣломъ*, священнымъ, или самымъ обыденнымъ, смотря по характеру и взгляду на вещи. Есть въ немъ свои непріятныя стороны, но въ какомъ же дѣлѣ ихъ нѣтъ? И если въ практической анатоміи ихъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, зато здѣсь еще больше стараешься извлечь изъ нихъ пользу.*

— О да, въ этомъ я увѣрена. Въ такомъ дѣлѣ можно забыть о непріятныхъ мелочахъ. И по всей вѣроятности, то, что вы говорите, исполнѣ естественно; но мнѣ всегда казалось, что такого дѣла не вынести, если васъ не поддерживаетъ энтузіазмъ.

— Мнѣ кажется, что безъ энтузіазма невозможно вообще никакое дѣло; но вѣдь энтузіазмъ не украшеніе, которое можно носить на рукѣ; это душа, это центральный двигатель всей системы, о которомъ мы и не думаемъ, пока не расклеимся физически или нравственно. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ анатомическомъ театрѣ можно было чувствовать себя хорошо съ самаго начала. Пока вы не втянетесь въ дѣло, онъ хуже, чѣмъ ужасенъ, онъ *отератителенъ*. Вотъ почему я говорю, что посторонній человѣкъ, все равно, не увидитъ его. Первые дни я работала, стиснувъ зубы и мысленно повторяя себѣ: «Уставъ отъ жизненныхъ тревогъ, онъ сладко спать». Это звучитъ ироніей; не правда ли? А меня это утѣшало. Во всякомъ случаѣ, *здѣсь* борьба для одного жалкаго существа была кончена; а судя по результатамъ вскрытія, борьба была трудная и мучительная. Но, конечно, продолжать такъ я не могла; это убило бы меня. Я заставила себя совсѣмъ перестать думать объ этомъ и смотрѣть на это просто, какъ на мою ежедневную работу, иногда банальную, иногда увлекательную. Сэръ Дугласъ сказалъ бы, что я очерствѣла, но этого я не думаю.

— Очерствѣли!—повторила Дорисъ. Глаза ея засвѣтились сочув-

ствіемъ, когда она замѣтила, какъ дрогнули губы Моны при одномъ воспоминаніи объ этихъ дняхъ.—Вы справились съ собой, какъ мужчина!

— Я ни съ кѣмъ не говорила объ этомъ раньше, кромѣ одного раза, съ дядей. Но если вы рѣшили пойти туда...

— О да, я хочу видѣть все, что только можно. Вы не очень противъ этого.

— Противъ?—одушевленіе Моны сразу потухло.—Развѣ я когда-нибудь, чему-нибудь противлюсь? Я не рѣшаюсь даже совѣтовать. Однако вотъ Йоркъ и завтракъ. Мы можемъ докончить нашъ разговоръ потомъ.

Но въ этотъ день имъ не суждено было окончить его. Передъ самымъ отходомъ поѣзда Дорисъ высунулась изъ окна.

— О Мона, здѣсь стоитъ бѣдная женщина съ четырьмя маленькими дѣтьми, отыскивая глазами вагонъ, куда бы они могли сѣсть всѣ вмѣстѣ.—Бѣдняжка! У нея такой усталый видъ. Какъ бы я хотѣли, чтобы она посмотрѣла въ нашу сторону. Вотъ она идетъ!

Дорисъ распахнула настежь дверь и одно за другимъ приняла въ свои объятія дѣтей и узлы.

— Вы не въ претензіи на меня,—неожиданно спросила она у Моны, когда поѣздъ тронулся.

— О нѣтъ!—засмѣялась та, пожимая плечами.—За удовольствіе путешествовать съ такой «*Schöne Seele*» всегда приходится расплачиваться.

XXII.

Докторъ Алиса Бэтсонъ.

Огни, пылающіе во мракѣ, носильщики, бѣгущіе на встрѣчу поѣзду, публика на платформѣ, напрягающая зрѣніе, чтобы разглядѣть за стеклами знакомыя лица—все это возвѣщало прибытіе «Летучаго Шотландца» въ Кингсъ-Кроссъ.

— Вы увѣрены, что вашъ мужъ встрѣтитъ васъ?—спрашивала Дорисъ у своей *protégée*.—Идите, поищите его; я останусь съ дѣтьми. Мона, голубушка, мнѣ лучше проститься съ вами. Завтра утромъ я забѣгу повидать васъ и справится о здоровьѣ вашей подруги.

— А васъ самихъ есть кому встрѣтить?

— Я видѣла въ толпѣ лакея моей тетки. Онъ сейчасъ разыщетъ меня.

Къ Монѣ уже подходилъ красивый, сѣдой старикъ священникъ, снимая перчатку, чтобы пожать ея руку.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ,—выговорилъ онъ тихо.— Вы настоящій другъ въ нуждѣ.

— Что Люси?

— У Люси, какъ я и ожидалъ, температура сразу упала, какъ только она узнала, что вы прїѣдете. Докторъ говоритъ, что теперь все пойдетъ хорошо.

Мона съ облегченіемъ перевела духъ и улыбнулась ему.

Онъ положилъ ей руку на плечо.

— Гдѣ вашъ багажъ?

— Вонъ у носильщика чемоданчикъ,—это мой. Больше у меня ничего нѣтъ.

Они сѣли на извозчика, между тѣмъ какъ высокій лакей подвелъ Дорисъ къ изящной каретѣ, и покатали.

Если въ присутствіи сэръ Дугласа Мона чувствовала себя опять молоденькой дѣвушкой, съ м ромъ Рейнольдсомъ она чувствовала себя ребенкомъ. При немъ кора нажитого цинизма, покрывавшая ея сердце, таяла, какъ иней подъ солнцемъ, уступая мѣсто нѣжному уваженію, и этимъ она окончательно покорила сердце старика. «Мой любимый женскій типъ,—сказалъ онъ однажды Люси,—это женщина съ яснымъ умомъ»; но очень возможно, что «женщина съ яснымъ умомъ» нрави-
лась бы ему менѣе, если бъ она не смотрѣла на него съ такимъ трогательнымъ смиреніемъ, казалось, говорившимъ: «Меня считаютъ умной и сильной, но въ сущности я не болѣе, какъ бѣдная сирота безъ отца».

— Какъ вы думаете, Люси будетъ уже спать, когда мы прїедемъ?—спросила Мона.

— Нѣтъ, ей дѣлаютъ подкожныя впрыскиванія морфія во время приступовъ боли и сегодня хотѣли это отложить, если возможно, до нашего прибытія.

Черезъ нѣсколько минутъ кэбъ остановился у слабо освѣщеннаго подтѣзда, въ Блумсбери. Домъ былъ старинный и солидный, хотя и носилъ на себѣ отпечатокъ унынія и запущенности, присущій всѣмъ лондонскимъ меблированнымъ домамъ.

— Проводите барышню въ ея комнату,—вѣжливо обратился священникъ къ дѣвушкѣ, отворившей имъ дверь.

— Не теперь, благодарю васъ,—сказала Мона.—Я хотѣла бы прежде пройти къ миссъ Рейнольдсъ. Проводите меня.

Комната больной была ярко освѣщена хорошею лампой—Люси не выносила темноты. Она лежала въ постели, обложенная подушками: глаза ея казались до странности большими и блестящими, щеки впали. все лицо носило печать недавнихъ страданій.

Мона закусила губы. Она не думала, чтобы нѣсколько дней лихорадки и боли могли произвести такую перемѣну.

Люси хотѣла-было протянуть ей руки, но тотчасъ же уронила ихъ на одѣяло съ легкимъ, жалобнымъ смѣхомъ.

— Я не могу сейчасъ обнять васъ, Мона, но видѣть васъ рада,—ахъ какъ рада!—И слезы чисто физической слабости наполнили ея глаза.

— Бѣдная дѣточка! Надо васъ будетъ хорошенько пожурить, когда вы поправитесь! Васъ нельзя съ глазъ спустить ни на минуту.

— Ну да,—шепнула Люси.—Я навѣрно не заболѣла бы, если бы вы были здѣсь; а теперь я все время буду болѣть то тѣмъ, то другимъ, пока вы не вернетесь и не приметесь за свое дѣло.

Она была такъ безконечно трогательна и такъ не похожа на прежнюю Люси, что Мона не находила словъ для отвѣта. Инстинктивно она одной рукой пощупала пульсъ, а другую приложила къ разгорѣвшейся щекѣ больной.

— О, теперь я совсѣмъ здорова. Пульсъ, разумѣется, чаще, чѣмъ слѣдуетъ, да это и не удивительно: у меня чуть сердце не выскочило, когда я услышала стукъ колесъ. А вотъ и мой докторъ. Сегодня вы, пожалуй, можете и не посылать меня въ рай: это мой другъ, миссъ Маклинъ.

Мона протянула руку вошедшей.

— Ваше имя почти также знакомо мнѣ, какъ мое собственное. Для меня большое удовольствіе встрѣтиться съ вами.

Докторъ Алиса Бэтсонъ, не отвѣчая, взяла протянутую ей руку; обѣ женщины безъ церемоніи критически оглядѣли другъ друга; и обѣ, повидимому, остались довольны осмотромъ. Докторъ Бэтсонъ вошла безъ перчатокъ, въ небрежно накинутомъ на плечи платкѣ. Шляпа ея несомнѣнно видѣла лучшіе дни, но изъ подъ загнутыхъ полей виднѣлись пара серьезныхъ, карихъ глазъ и характерный, рѣшительный ротъ.

— Она серьезно относится къ дѣлу,—рѣшила Мона,—тутъ ужъ обмана не можетъ быть.

— Эта дѣвушка изъ нашихъ,—подумала докторша,—она не потеряетъ головы и найдется въ бѣдѣ.

— Ну съ, какъ вы поживаете?—спросила она, поворачиваясь съ грубоватою вѣжностью къ Люси.

— О, очень хорошо, хотя не настолько, чтобы не нуждаться въ вашей помощи.—И она протянула доктору тоненькую, бѣлую ручку.

Визитъ длился не болѣе трехъ минутъ. Алиса Бэтсонъ не брала денегъ со студентокъ и практика ея была слишкомъ обширна, чтобы тратить помногу времени на больныхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она могла принести безусловную пользу, физическую или моральную. Она проводила цѣлые часы у Люси, когда той было худо, но теперь дорожила каждой минутой.

— О да, миссъ Рейнольдсъ совершенно поправится,—сказала она Монѣ, вышедшей вслѣдъ за нею.—Къ счастью, за мной прислали вовремя и застали меня дома. У людей съ такимъ темпераментомъ, какъ у нея, температура подымается и падаетъ очень быстро, и тогда она такъ поднялась, что я даже встревожилась, хотя, какъ видите, все обошлось благополучно. Спокойной ночи, миссъ Маклинъ. Надѣюсь, мы скоро увидимъ васъ.

— Благодарю васъ. Я ничего бы такъ не желала, какъ работать въ женской больницѣ подѣ вашимъ руководствомъ.

И Мона побѣжала назадъ въ комнату Люси.

— Ну, моя дѣточка, — ласково сказала она, — теперь я вамъ поправлю подушки, а вы извольте быть умницей и спать спокойно.

— Спать! — мечтательно выговорила Люси. — Я не сплю. Я только перехожу черезъ зеркало въ самый странный, самый фантастическій міръ, какой только можно себѣ вообразить. *C'est magnifique mais ce n'est pas le sommeil.* — Она съ усиленіемъ приподнялась на локтѣ. Около трехъ я засыпаю и не просыпаюсь до десяти. Какъ пріятно будетъ увидѣть васъ завтра утромъ!

Вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, поцѣловалъ маленькую, блѣдую ручку, лежавшую на одѣялѣ, и предложилъ руку Монѣ.

— Бѣдное дитя, — сказалъ онъ, когда они вышли изъ комнаты Люси, — вы навѣрное устали и проголодались. Вотъ ваша комната, а гостиная внизу, сейчасъ подѣ лѣстницей. Я оставлю дверь открытой. Ужинъ на столѣ.

Оба очень пріятно провели время вмѣстѣ. Мона чувствовала себя прекрасно съ м-ромъ Рейнольдсомъ — съ нимъ она могла быть сама собой, — а старикъ священникъ чувствовалъ себя прекрасно почти со всѣми.

XXIII.

Встрѣча.

Вѣрная своему обѣщанію, Дорисъ зашла на другой день около одиннадцати утра.

— Вотъ такъ сюрпризъ! — удивилась Мона. — Я совсѣмъ не ожидала васъ видѣть.

— Какъ! Вѣдь я же сказала, что зайду.

— Да; но я думала, что вы пойдете навѣстить вашу спутницу и совсѣмъ забудете обо мнѣ. Что значить старая дружба въ сравненіи съ несчастьемъ имѣть мужа и четверыхъ дѣтей!

— Этотъ мужъ страшно эгоистичное животное, — сказала Дорисъ, игнорируя намекъ, за который она непремѣнно обидѣлась бы, если бы голова ея была не такъ занята другимъ. — Вы замѣтили? Онъ навалилъ на жену больше половины узловъ. Я послала Джона, чтобъ онъ взялъ ихъ у бѣдной жевщины, и, къ счастью, это пристыдило того.

— А какъ это понравилось Джону?

— Дорисъ засмѣялась. — Право, не знаю, о немъ я не думала. И потомъ, мнѣ кажется, Джонъ немножко привязанъ ко мнѣ.

— Я еще не встрѣчала мужчины, который бы звалъ васъ и не былъ къ вамъ привязанъ, будь это джентльменъ или лакей.

— Мона, какой вздоръ! Я за всю жизнь только и получила одно предложеніе.

— Мнѣ кажется, не многія женщины, истинно уважающія себя, получаютъ больше одного, конечно, если ихъ знакомые мужчины не «преимущественно дураки» *), подобно населенію британскихъ острововъ.

— Ахъ они всё такіе. Но я согласна съ вами. Первое предложеніе, какъ пощечина, всегда является неожиданностью; говоришь себѣ: кто могъ бы это предвидѣть? Ну, а потомъ научаешься распознавать присутствіе электричества въ воздухѣ. Не правда ли?

— Да, я думаю. Впрочемъ, это не по моей части. Благоразумные люди склонны считать меня скорѣе хорошимъ товарищемъ и только одинъ слабоумный юный викарій попросилъ меня заодно ужъ раздѣлить съ нимъ и двѣсти фунтовъ его «годового дохода». Видите, какъ далеко простирается моя власть надъ сильнымъ поломъ. Иногда мнѣ кажется,—прибавила она печально,—что она пропорціональна моей степени приближенія къ идеалу женственности.

— Мона! Если бы сыны Божіи брали себѣ въ жены дочерей человѣческихъ, мы услышали бы совсѣмъ другое. При данныхъ же условіяхъ я даже рада, что вы женщина не въ мужскомъ вкусѣ; вы женщина въ женскомъ вкусѣ, что несравненно лучше. Если бы васъ превратить въ мужчину, половина вашихъ знакомыхъ дѣвушекъ охотно согласились бы выйти за васъ замужъ,—я первая.

— Вы мой самый старый другъ, Дорисъ, — ласково возразила Мона.—Другимъ я нравлюсь потому, что у меня замкнутый характеръ, что у меня часто мѣняются настроенія, что иногда я отношусь къ нимъ по матерински... Женщины влюбляются во все таинственное.

— Будь это иначе, какъ могли бы онѣ выходить замужъ?—совершенно серьезно возразила Дорисъ.

— Ахъ вы, скверный, старый циникъ! Сегодня я представлю васъ,—не вамъ, а именно *васъ* представлю,—мужчинѣ, который заставитъ даже Дорисъ Колькунъ полюбить сильный полъ. Вчера, вечеромъ, онъ встрѣтилъ меня на станціи, но вы, вѣроятно, были слишкомъ заняты своей *protegée*, чтобы замѣтить его.

— Я замѣтила сѣдые волосы и старосвѣтскій поклонъ. О лицѣ трудно судить, когда видишь его вечеромъ и на вокзалѣ, гдѣ свѣтъ и тѣни такъ рѣзки.

— Это правда. Тамъ всё люди похожи на любительскія фотографіи, снятыя въ комнатѣ. Но теперь вы увидите м-ра Рейнольдса днемъ. Онъ обѣщалъ зайти ко мнѣ. Не говоря о присутствующихъ, я никого на свѣтѣ не люблю, какъ его, да еще развѣ сэра Дугласа Муиро.

*) Намекъ на извѣстную фразу Карлейля: «Въ Великобританіи 27 милліоновъ населенія, преимущественно дураковъ». *Прим. перев.*

— Сэръ Дугласъ Мурро! О Мона! Отецъ говорилъ какъ-то, что сэръ Дугласъ добрый малый, но что онъ типичный прожигатель жизни, это видно съ перваго взгляда.

— Перестаньте! — вскричала Мона, слегка притопнувъ ногой.—Зачѣмъ намъ думать объ этомъ? Я не умѣю сказать вамъ, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ.

Дорисъ хотѣла что-то возразить, но въ эту минуту вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ они болтали вообще обо всемъ. На вопросъ Дорисъ, о томъ, какъ себя чувствуетъ Люси, онъ отвѣтилъ:

— У нея теперь сидитъ докторъ Алиса Бэтсонъ.

Дорисъ вся вспыхнула.

— О!—вскричала она. — Я такъ хотѣла бы видѣть доктора Алису Бэтсонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—ласково улыбнулся старый пасторъ. — Это очень легко устроить. Мы отворимъ дверь и позовемъ ее сюда, когда она будетъ идти внизъ. А вотъ и она! Докторъ, здѣсь есть одна молодая особа, пріѣзжая изъ Шотландіи, которая сторааетъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вами. Могу я вамъ представить ее?

Вошла миссъ Бэтсонъ. Она не любила служить предметомъ вниманія, но, при видѣ Дорисъ, не могла не смягчиться: это прелестное личико, этотъ горячій, пылкій взоръ были неотразимы.

— Я очень рада случаю, — робко выговорила Дорисъ, — выразить свою личную признательность женщинѣ, посвятившей себя дѣлу, которое я считаю благороднѣйшимъ въ мірѣ.

— Вы правы, это великое дѣло, — сухогато согласилась д-ръ Бэтсонъ.—Миссъ...—она взглянула на Мону.

— Маклинъ.—съ улыбкой подсказала Мона.

— Миссъ Маклинъ покажетъ вамъ нашу школу и госпиталь. Можетъ быть, мы какъ-нибудь встрѣтимся въ госпиталѣ. Всего хорошаго.

— Ну?—спросила Мона, когда та ушла.

— Она великодушна — такая умная и энергичная. Но, знаете, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она носила перчатки, и потомъ, она была бы такъ мила въ шляпкѣ

— Полноте, не будьте такъ мелочны.

— Я не мелочна. Мнѣ лично она еще больше нравится за то, что она чужда всякой условности, но я думаю о *дѣлѣ*, которому она служить.

— Вы ушли на цѣлую четверть часа, — обидчиво замѣтила Люси, когда Мона вернулась въ ея комнату;—а вчера миссъ Колькхунъ провела съ вами цѣлый день.

— Вамъ сегодня лучше, дѣточка, — сказала Мона, цѣлуя ее.

— Намъ о столькомъ надо переговорить...

— Да, дружокъ, но только не сегодня и не завтра. Я вовсе не же-

лаю, чтобы мой прїѣздъ вызвалъ у васъ рецидивъ. Вамъ еще рано разговаривать. Кушайте какъ можно больше яицъ, молока и пуддинга, а я почитаю вамъ послѣднюю новинку изъ новыхъ трехтомныхъ романовъ.

Люси тѣмъ охотнѣе подчинилась этому режиму, что она была еще слишкомъ слаба, чтобы говорить, и дѣйствительно, за два дня ей стало значительно лучше. Вскорѣ она могла уже обходиться безъ морфія на ночь, хотя нельзя сказать, чтобы это доставило ей особенное удовольствіе; а нѣсколько дней спустя, дочитавъ послѣднюю страничку романа, Мона увидала, что Люси спитъ здоровымъ естественнымъ сномъ.

Она тихонько вышла изъ комнаты, съ минуту прислушивалась у дверей и, ничего не разслышавъ, кромѣ ровнаго дыханія спящей, сбѣжала внизъ.

— Надѣюсь, вы пойдете подышать свѣжимъ воздухомъ?—спросилъ м-ръ Рейнольдсъ, глядя на нее поверхъ газеты.—Вы ужь, кажется три дня не выходили.

— Да; я сказала Люси, что, если она уснетъ, я сбѣгаю прогуляться. Она позвонитъ, когда проснется.

— Вотъ и отлично; и пожалуйста, не торопитесь возвращаться. Я увѣренъ, что Люси проспитъ до вечера, а если нѣтъ, ей придется часокъ-другой довольствоваться обществомъ старика; только и всего.

— Счастливица! — вскричала Мона, глядя на него съ любовью. — Многіе рады были бы заболѣть, чтобы пользоваться «обществомъ старика». Оно можетъ болѣе чѣмъ вознаградить за непріятность лежать въ постели.

Товарки Люси регулярно каждый день заходили справляться о ней. Какъ разъ въ это утро одна молоденькая студентка зашла узнать о ея здоровьи, по дорогѣ въ медицинскую школу, и столкнулась съ Дорисъ Колькхунъ.

— Какъ я хотѣла бы пойти съ вами!—сказала Дорисъ, и Мона поспѣшила это устроить, обрадовавшись случаю исполнить желаніе пріятельницы безъ ущерба для себя.

— Надо будетъ зайти къ Дорисъ,—сказала она себѣ,—послушать ея впечатлѣнія, покуда онѣ не вывѣтрились.

Мона вышла изъ дому бодрая и веселая.—Въ сущности, пріятно опять пожить въ Лондонѣ, въ особенности, въ эти молодые ясные дни. Витрины сохранили для нея всю прежнюю привлекательность, и она каждыя пять минутъ останавливалась поглядѣть на новые фасоны и модныя бездѣлушки, соображая, какія изъ этихъ хорошенькихъ вещицъ не худо бы захватить съ собою въ Борроунесъ, ибо ей удалось, хотя и не безъ труда, уговорить Рэчель пожертвовать нѣсколько фунтовъ на пріобрѣтеніе модныхъ новинокъ.

— Чтò бы я ни купила, оно будетъ непріятно рѣзать глаза, на-ряду со всѣмъ остальнымъ,—думала Мона;—но что же дѣлать! лавка должна

быть прежде всего лавкой, а затѣмъ уже произведеніемъ искусства. Сейчасъ она, какъ выражается докторъ Дудлей, «ни рыба, ни мясо, ни птица, ни красная селедка».

Она хорошо изучила свою *clientèle* въ Борроунессѣ и знала, какія вещи слѣдуетъ брать, чтобы онѣ понравились покупателямъ, не оскорбляя ея собственнаго, нѣсколько прихотливаго вкуса, но при этомъ она рѣшила купить какъ можно больше и потому дрожала надъ каждой копѣйкой, какъ будто отъ этого зависѣло ея собственное пропитаніе.

— Не будемъ торопиться, душа моя,—говорила она себѣ.— Семь разъ примѣрь, одинъ—отрѣжь. Надо хорошенько все обсудить, прежде чѣмъ истратитъ хоть шиллингъ. И какъ же я рада, что мнѣ не пришлось идти въ школу. Я совсѣмъ не такъ настроена, чтобы заниматься фехтованіемъ.

Мона обрадовалась слишкомъ рано. Не успѣла эта мысль промелькнуть въ ея головѣ, какъ чей-то голосъ позади нея сказалъ:

— Какъ поживаете, миссъ Маклинъ?—и, обернувшись, она увидѣла двухъ товарокъ по курсу съ мѣшками въ рукахъ.

Какъ на зло, одна изъ нихъ оказалась единственной студенткой на курсѣ, которая всегда была Монѣ безусловно антипатична. Она-то и заговорила первой.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Не ожидала васъ видѣть. Миссъ Рейнольдсъ говорила, что вы совсѣмъ не вернетесь эту зиму.

— Совершенно вѣрно. Я здѣсь всего на нѣсколько дней.

— Вы готовитесь дома?

— Въ настоящее время совсѣмъ не готовлюсь.

— Это очень жаль.

— Вы думаете? Я нахожу, что не мѣшаетъ иногда взобраться на изгородь, отдѣляющую нашу полосу отъ всѣхъ другихъ, и посмотреть, что дѣлается на полѣ вообще.

— Но вѣдь вы и прежде это дѣлали? Я васъ всегда считала большимъ авторитетомъ въ области пустяковъ.

— И сожалѣли, что результаты экзаменовъ не подтвердили моей компетентности въ другой области, не правда ли? Великое дѣло временно страдало оттого, что попало въ недостойныя руки? Не огорчайтесь; это часто бываетъ.

Дѣвушка покраснѣла. Мона, съ своей обычной чуткостью, вѣрно угадала ея мысль.

— Намъ страшно недостаетъ васъ,—послѣшила вставить другая студентка.—Я такъ хотѣла бы, чтобы вы вернулись!

— Вы, по всей вѣроятности, заготавливаете себѣ костюмы на зиму?—продолжала первая, глядя на витрину, передъ которой онѣ стояли.—Очевидно, Риджентъ-стритъ не потеряла для васъ былого обаянія, какъ потеряла его Медицинская школа.

— Что бы онѣ сказали,—думала Мона,—еслибъ я выложила имъ

всю правду, рассказала бы, что я не туалеты заготавливаю на зиму, а покупаю товаръ для крошечнаго магазинчика въ Борроунессѣ, гдѣ я имѣю честь стоять за прилавкомъ, угождая немногочисленнымъ и, притомъ, не особенно просвѣщеннымъ покупателямъ?..

Съ минуту искушеніе «сдѣлать такъ, чтобъ у нихъ волосы на головѣ встали дыбомъ», было почти непреодолимо; но, къ счастью, кто привыкъ сдерживаться, тому трудно побороть себя сразу, и Мона сказала только:

— О нѣтъ! Еслибъ Риджентъ-стритъ утратила свое обаяніе, это былъ бы серьезный симптомъ, показующій употребленіе хины и рыбаго жира, или иныхъ гѣкарствъ, прописываемыхъ при меланхоліи. Прощайте. Желаю вамъ обѣимъ успѣха!

Она пожала руки обѣимъ,—довольно сухо первой и очень сердечно—второй, причемъ ласково спросила ее: «Ну, а у васъ какъ теперь, все благополучно?» и пошла дальше.

— Вотъ чудачка-то!—вскричала первая студентка, когда Мона отошла настолько далеко, что не могла уже ее слышать.—Я такъ полагаю, что она собирается замужъ. Мой братъ видѣлъ ее мѣсяца два тому назадъ на пароходѣ въ Норвегіи, въ очень приличномъ обществѣ, и говорилъ, что какой-то высокій «господинъ» съ умопомрачительными икрами страшно ухаживалъ за ней.

— Вашъ братъ разговаривалъ съ нею?

— Нѣтъ. Онъ очень заинтересовался ею на послѣдней раздачѣ награды и просилъ представить его, но не было удобнаго случая. У нея масса знакомыхъ. Я нахожу, что она очень важничаетъ, не правда ли?

— Я тоже это находила, но въ прошломъ году убѣдилась, что ошибаюсь. Знаете, миссъ Бернетъ, мнѣ она нравится.

— А мнѣ нѣтъ.

— Дѣло въ томъ,—дѣвушка покраснѣла и запнулась,—вы, конечно, никому этого не скажете,—но я очень обязана ей. Въ прошломъ году мнѣ пришлось разъ очень круто: денегъ ни гроша, квартирная хозяйка ужъ хотѣла на меня въ судъ подавать. Домой я не рѣшалась написать, и вотъ однажды вечеромъ, доведенная до отчаянья, я рѣшилась пойти къ миссъ Маклинъ. Мнѣ она тогда не нравилась, но когда идешь занимать деньги, тутъ уже не время разбирать, кто нравится, кто не нравится, а всѣ мы знали, что у нея водятся деньги. Я уже не къ первой къ ней обращалась и, по правдѣ сказать, ничего не ждала, кромѣ отказа. А она—никогда не забуду, какъ просіяло ее лицо, когда она сказала: «Какъ это хорошо, что вы пришли ко мнѣ! Я знаю по себѣ, что значить быть въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ». Не думаю, чтобы она тогда важничала, и я рѣшила хоть день и ночь работать, но непременно отдать ей до конца года занятыя деньги.

— Я не вижу тутъ ничего особеннаго. У васъ не было денегъ, у нея были, она и дала вамъ; это очень просто.

— Хорошо вамъ говорить! Вы не знаете, что значить получить отказъ отъ подюжины товарокъ, которыя отлично могли бы помочь вамъ. Вы не знаете, чего стоитъ выслушивать проповѣди на тему о томъ, какъ скверно занимать деньги въ такую минуту, когда вамъ до зарѣзу нужно нѣсколько фунтовъ!

— Я увѣрена, что миссъ Маклинъ зря тратитъ кучу денегъ. Я видѣла ее какъ-то въ театрѣ, въ партерѣ, вмѣстѣ съ миссъ Рейнольдсъ; ужъ, конечно, за мѣста платила не миссъ Рейнольдсъ.

— Миссъ Рейнольдсъ вообще очень везетъ, такъ что это меня не удивляетъ. А все-таки мнѣ нравится миссъ Маклинъ, и если она броситъ школу, это будетъ большая потеря для медицины.

— Она два раза провалилась на экзаменѣ.

— Тѣмъ стыдиѣе для экзаменаторовъ!

— Дорисъ,—говорила Мона нѣсколько минутъ спустя, входя въ изящную гостиную, гдѣ ее подруга въ одиночествѣ сидѣла за чаемъ,—дайте мнѣ вина, подкрѣпите меня печеньемъ—я сейчасъ встрѣтила вою *bête-noire!*

Дорисъ подняла на нее глаза съ ясной улыбкой.

— Полноте, не будьте такъ мелочны.

Мона схватила пуховую подушечку и бросила ея въ подругу.

— Поднимите, пожалуйста,—спокойно сказала Дорисъ.—Если тетя войдетъ и увидитъ свою любимую подушечку на полу, конецъ ея симпатіи къ вамъ,—вы попадете въ опалу.

Мона разсѣянно подняла подушку и положила ее на диванъ.

— Теперь продолжайте. Расскажите мнѣ о вашей *bête-noire*. Кто онъ такой?

— *Она!* Конечно, *она!* Какъ осмѣлится сказать вамъ, милая Дорисъ, что далеко не каждая представительница прекраснаго пола совмѣщаетъ въ себѣ Минерву и Гебу?

— Попробую примириться съ этимъ, припомнивъ, что «Всемогущій Богъ сотворилъ ихъ для того, чтобы онѣ были подругами мужчинъ». Продолжайте.

Но Мона была еще не въ состояніи продолжать. Она пила чай храня свирѣпый видъ.

— Я дѣйствительно мелочна,—выговорила она, наконецъ.—Я желала бы, чтобы какая-нибудь власть, земная или небесная, запретила женщинамъ изучать медицину ранѣе достиженія ими двадцати-трехлѣтняго возраста и совсѣмъ запретила изучать ее тѣмъ, у кого нѣтъ на это никакихъ данныхъ, физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ или общественныхъ. Это замѣчаніе звучитъ нѣсколько странно въ устахъ студентки, дважды провалившейся на экзаменѣ, но мы здѣсь между друзьями.

— Я сама замѣтила сегодня въ школѣ нѣсколько такихъ типовъ, которые предпочла бы видѣть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но въ общемъ студентки произвели на меня самое приятное впечатлѣніе: всѣ онѣ такія здоровыя, счастливыя, умныя, работающія. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень рада.

— А нѣкоторыя изъ нихъ положительно выдающіяся женщины.

— О да! въ видѣ исключенія это бываетъ; но расскажите мнѣ все по порядку. Жаль, что вы не могли посмотрѣть школу лѣтомъ, когда студентки занимаются въ саду, обложенныя книгами, костями и *materia medica specimens*.

— Двѣ студентки играли въ теннисъ, когда я вошла — и отлично играли, надо имъ отдать справедливость. Мы немножко посмотрѣли на нихъ и пошли въ анатомическій.

— Ну?

— Я очень рада, что вы рассказали мнѣ все о немъ раньше, — очень рада. Если бы я вошла туда неподготовленной, пожалуй, онъ показался бы мнѣ ужасенъ, а теперь ничего... Тяжело, конечно, но страшно интересно. Демонстрировала молодая дѣвушка, милая такая. Она всюду меня повела и показала самыя лучшія сѣченія; я раньше понятія не имѣла, какъ это выглядить. Представьте себѣ, — съ торжествомъ вскричала Дорисъ, — я теперь знаю, что такое фасція, умѣю отличить сухожилие отъ нерва, и не смѣшаю ни того, ни другого съ веной.

— Это хорошо. Многія изъ насъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, не смѣютъ этого сдѣлать въ трудномъ случаѣ.

— Не смѣйтесь надо мной; вы знаете, что я хочу сказать. О Мона, какъ могли вы пріѣхать въ Лондонъ и не вернуться къ своей работѣ, вотъ что для меня непостижимо!

— Да? Это интересно, но не совсѣмъ идетъ къ дѣлу. Что же вы еще видѣли? куда пошли изъ анатомическаго?

— Была на лекціи физиологіи. Читалъ молодой человѣкъ, который все время возводилъ очи горѣ, не двигая ни однимъ мускуломъ въ лицѣ, пока это не оказывалось безусловно необходимымъ.

Мона засмѣялась.

— Узнаю его; но это не мѣшало ему отлично видѣть, что происходитъ въ аудиторіи; онъ навѣрное замѣтилъ новую и внимательную слушательницу и спрашивалъ себя, кто бы это могъ быть? Онъ восхитительно читаетъ.

— Онъ очень милъ, — добросовѣстно согласилась Дорисъ, — и несомнѣнно очень уменъ, но было бы гораздо лучше, если бы лекціи читали женщины.

— Это правда, конечно, при условіи, что онѣ знали бы свое дѣло ничуть не хуже мужчинъ. Не забывайте, мой другъ, что хорошая

прачка лучше служить «женскому дѣлу», чѣмъ плохая лекторша или женщина-врачъ.

— О, я это знаю. Но читать физиологію вовсе ужъ не такъ трудно. Мнѣ кажется, на это способны очень многія.

Мона пожала плечами.

— Для того, чтобы быть хорошимъ лекторомъ по физиологіи, нужно много—гораздо больше, чѣмъ вы думаете,—подчеркнула она.

Дорисъ вспыхнула.

— Не вивисекція же!

— Да, и вивисекція. Возможно, что современная наука пошла по ложному пути; возможно и то, какъ сказалъ мнѣ одинъ молодой врачъ въ Борроунессѣ, что теперь остававливаться уже поздно и остается только сдѣлать логическій переходъ къ вивисекціи надъ человѣкомъ;— все это возможно, но при настоящемъ положеніи вещей я не вижу, какимъ образомъ добросовѣстный человѣкъ можетъ взяться читать лекціи по физиологіи, если онъ самъ лично не производилъ опытовъ. Ему нѣтъ надобности производить опыты надъ живыми животными на глазахъ у студентовъ, но въ каждый данный моментъ онъ обязательно долженъ быть въ курсѣ дѣла.

Дорисъ не отвѣчала. Мона всегда была для нея авторитетомъ; она не допускала и мысли, что Мона можетъ судить о чемъ бы то ни было не здраво и несправедливо; она старалась во всемъ соглашаться съ подругой, но сейчасъ это было очень трудно.

— А какъ относится вашъ молодой врачъ въ Борроунессѣ къ женщинамъ-врачамъ?—неожиданно спросила она.

Мона вздрогнула:

— Онъ не знаетъ, что я изучаю медицину. Зачѣмъ ему звать?

— О, Мона, неужели вы не сказали ему? Упустили такой прекрасный случай постоять за свое дѣло!

— Не въ моихъ привычкахъ ходить съ ярлычкомъ, дорогая; но, если хотите, можете привѣсить его мнѣ на шею.

— Впрочемъ, вы же съ нимъ еще увидите. Торопитесь куда.

— Надо полагать, что такъ,—не безъ горечи отвѣтила Мона,—а теперь, милый другъ, мнѣ пора идти.

XXIV.

Голосъ въ туманѣ.

Густой туманъ повисъ надъ городомъ.

Дорисъ и Мона провели полдня въ лавкахъ и складахъ, и Мона ликовала. Она была убѣждена, что ни одна человѣческая душа не могла бы болѣе производительно израсходовать десять фунтовъ, и ее трудно было даже заставить говорить о чемъ-либо другомъ.

*

Это очень забавляло Дорисъ. Она находила, что каждый «имѣеть право развлекаться по своему», а ради того, чтобы провести день въ обществѣ Моны, стоило поступиться многимъ; но какъ могла интеллигентная женщина по доброй волѣ провести его именно *такимъ* образомъ—это было выше ея пониманія.

— Все это можно было устроить совершенно иначе, — смѣялась она. — Вамъ стоило заказать все это оптомъ въ какомъ-нибудь большомъ складѣ, предоставивъ подробности приказчикамъ, и вышло бы то-же самое, плюсъ сбереженная энергія.

Мона только вздохнула. Дорисъ всегда находила, что въ важныхъ вещахъ нельзя ожидать безусловнаго сочувствія даже отъ самыхъ близкихъ друзей; когда обѣ дѣвушки сходились вмѣстѣ, Мона каждый разъ убѣждалась, что и въ мелочахъ нельзя рассчитывать на такое сочувствіе.

Покончивъ съ закупками, обѣ согласились, однакоже, зайти на часокъ въ Сентъ-Джемсъ-Холль отвести душу музыкой. Послѣднемъ въ программѣ стояла увертюра изъ «Тангейзера»; ради того, чтобы услышать эту вещь, Мона охотно пошла-бы пѣшкомъ за двадцать миль. Когда онѣ вышли, уже совсѣмъ стемнѣло; уличные фонари тускло мигали въ туманѣ, бросая свѣтъ не больше, какъ на два-три ярда вокругъ, но Мона и съ закрытыми глазами нашла бы дорогу въ богоспасаемый Блумсбери. Дорисъ тоже пошла ужинать къ Рейнольдсамъ, чтобы наконецъ познакомиться съ Люси; попозже тетка должна была прислать за нею кабріолетъ.

— Мона, вы слышите, — сказала она вдругъ, когда онѣ проходили по Пиккадилли, — позади насъ двое прохожихъ толкуютъ о вашемъ возлюбленномъ «Тангейзерѣ»?

Это было интересно. Мона забыла о своихъ покупкахъ и насторожила уши.

Сначала слышались только отдѣльные возгласы въ родѣ: «шумъ и больше ничего», «отвратительная какофонія», «громовая проповѣдь» и т. д., но минуто спустя рука, лежавшая на рукѣ Дорисъ, невольно дрогнула—мягкій бархатный голосъ второго собесѣдника показался Монѣ до странности знакомымъ.

— Милый другъ, въ томъ-то и суть, по крайней мѣрѣ, для меня. Хоръ пилигримовъ красивъ и величественъ самъ по себѣ, но когда эти звуки, чистые, спокойные, неизмѣнные, постепенно нарастая, безъ всякихъ видимыхъ усилій, покрываютъ собою весь шумъ, трескъ и грохотъ мірской суеты, голоса плоти и діавола, — это уже не просто красиво, это вдохновенно. Настроеніе пилигримовъ торжествуетъ, потому что оно все время остается вѣрнымъ себѣ.

Первый голосъ сказалъ что-то насчетъ «отсутствія мелодій», затѣмъ тотъ-же бархатный басъ продолжалъ:

— Я слишкомъ мало компетентенъ, чтобы спорить о технической

сторонѣ. Для меня вопросъ стоитъ просто: опера должна представлять собою органическое цѣлое,—не коллекцію шедевровъ, но одинъ цѣлый шедевръ. Возьмите, на примѣръ, «Донъ-Жуана»...

Спорящіе свернули въ боковую улицу и голоса ихъ замерли вдали.

— Какой чудный голосъ!—сказала Дорись.

— Да.

— Знаете, Мона, онъ, должно быть, хорошій человекъ,

— Судя по голосу?

— Судя по голосу и по тому, что говорилъ голосъ. Молодые люди не часто такъ говорятъ.

— Откуда вы знаете, что онъ молодъ?

— Я увѣрена, что «милому другу» не больше двадцати пяти лѣтъ.

— Я бы сказала: двадцать семь,—задумчиво выговорила Мона.

Дорись засмѣялась.

— Вы очень точны. Или вы опять вернулись къ своимъ чернильницамъ?

Мона вздохнула.

— Да, я опять вернулась къ своимъ чернильницамъ.

Нѣсколько времени обѣ молчали. Первой заговорила Дорись.

— Желала бы я знать, кто этотъ молодой человекъ?

— Что это, Дорись, вы, кажется, выступаете въ новой роли? Эго мало похоже на васъ—интересоваться молодыми людьми!

— Тѣмъ больше причинъ заинтересоваться исключительнымъ молодымъ человекомъ.

— Ахъ вы, милая моя старушка!—приласкала ее Мона. — Онъ, безспорно, хорошо говорить, но что если «разговоры» погубятъ его, какъ Гретхенъ ея красота?

— Не думаю. Не такіе «разговоры» губятъ людей.

— Именно такіе.

Но про себя Мона думала:

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Если у него есть даръ слова, такъ у него, по крайней мѣрѣ, есть и что сказать.

— Какая это была восхитительная недѣля!—продолжала Дорись;— а теперь еще одно пріятное путешествіе по желѣзной дорогѣ въ нашемъ обществѣ, и затѣмъ—всему конецъ. Какая вы счастливица, Мона! вы можете устраивать свою жизнь, какъ вамъ угодно.

Мона улыбнулась, не отвѣчая. Эта обычная тема ихъ споровъ давно ей пріѣлась.

— Я знаю, что вы хотите сказать! Но меня вы ужъ лучше объ этомъ не спрашивайте. Я не съумѣю сказать, которая изъ этихъ двухъ чернильницъ лучше, и нахожу, что вы отлично сдѣлали, заказавъ по дюжинѣ обѣихъ

— Да, и главное шарниры прочные въ обѣихъ, — вы замѣтили? Въ дешевой чернильницѣ надо прежде всего обратить вниманіе на шарниръ.

— Гдѣ вы пропадали цѣлую вѣчность?—вскричала Люси, когда обѣдѣвшки вошли въ столовую; она сидѣла въ тепломъ халатикѣ у камина.—Я уже хотѣла послать за вами глашатая. Какъ я рада познакомиться съ вами, миссъ Колькхунъ!

— Она не такая хорошенькая, какъ я,—подумала Люси,—но Мона никогда этого не замѣтитъ.

Когда рѣчь зашла о покупкахъ, Люси обнаружила живѣйшій интересъ, болѣе чѣмъ искупавшій надменное безучастіе Дорисъ.

— Разумѣется, вамъ слѣдовало отправить все прямо на станцію, но мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть, что вы купили. Такъ жаль, что я не могла пойти вмѣстѣ съ вами! Ну, рассказывайте все по порядку. Куда вы пошли прежде всего?

Къ счастью, въ эту минуту вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, и Дорисъ не пришлось вторично выслушивать болтовню о лентахъ, цвѣтахъ, записныхъ книжкахъ и проч. и проч.

— Не даромъ говоритъ пословица: «продержи вещь семь лѣтъ въ сундукѣ, на восьмой она тебѣ пригодится»,—начала Мона.—Моя ребяческая страсть къ витринамъ и красивымъ бездѣлушкамъ, какъ видите, сослужила мнѣ хорошую службу. Вы не можете себѣ представить, какъ это все изящно и мило. Лавки просто не узнать будетъ; я ее уберу, какъ игрушечку. Теперь мнѣ не придется краснѣть передъ заѣзжимъ покупателемъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось поѣхать и посмотрѣть вашу лавку!—вскричала Люси.—Я съумѣла бы отлично «убрать окно». Вы не думаете, что Борроунессъ могъ бы мнѣ принести такую же пользу, какъ и Ривьера? Притомъ же, это обошлось бы гораздо дешевле, не правда ли?

— Много дешевле,—улыбнулась Мона,—но рѣзкій восточный вѣтеръ обладаетъ способностью каждаго задѣть по большому мѣсту, а вы не должны забывать, что теперь у васъ въ крѣпости есть предатель.

— Эта болѣзнь ужасно некстати. За право ученія заплачено, да еще книгъ новыхъ сколько придется купить. Просто не придумаю, откуда папа добудетъ денегъ на эту поѣздку.

— Не горюйте. Я думаю, что это можно будетъ устроить дешево.

— «Дешево»—понятіе относительное. Не забывайте, что мы всѣ, вмѣстѣ взятые, тратимъ въ годъ немногимъ больше вашего.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ не придется платить за столъ.

Правду говоря, Мона уже написала леди Мунро о болѣзни своей подруги и надѣялась, что въ отвѣтъ та пригласитъ Люси погостить у нея мѣсяць-другой въ Каннахъ. Мона знала, что Мунро не изъ тѣхъ, которые ищутъ случая облагодѣтельствовать ближняго, но именно потому можно было рассчитывать, что они не откажутся сдѣлать доброе дѣло, когда случай представится самъ собой. Лично для Моны эта комбинація представляла большія неудобства, такъ какъ ей не хотѣлось, чтобы Мунро знали, гдѣ она проводитъ зиму, но съ такими мелкими

и эгоистическими соображеніями, конечно, считаться не слѣдовало. При томъ же это, вѣроятно, удастся какъ-нибудь уладить.

Въ самый разгаръ разговора доложили, что ужинъ поданъ. Ужинъ былъ самый простой, семейный, но м-ръ Рейнольдсъ умѣлъ придать прелесть и достоинство всему, въ чемъ онъ участвовалъ. Послѣ ужина онъ отвелъ Мону въ сторону.

— Д-ръ Бэтсонъ говоритъ, что Люси было бы очень полезно пожить мѣсяцъ-другой въ болѣе тепломъ климатѣ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія ревматическихъ болей. Мнѣ страшно хотѣлось бы отправить ее на югъ Франціи; вы человѣкъ бывалый; посоветуйте, какъ это устроить получше и подешевле. Вы видѣли, какъ мы живемъ, и мнѣ незачѣмъ вамъ говорить, что воспитаніе Люси ложится тяжелымъ бременемъ на мой кошелекъ. Я рѣшилъ дать ей образованіе, потому что это единственное, чѣмъ я могу обезпечить ее въ будущемъ. Я всегда стараюсь жить такъ, чтобы черный день не захватилъ меня врасплохъ, но именно теперь обстоятельства сложились чрезвычайно несчастливо: я только что внесъ деньги за правоученіе Люси, и этотъ новый расходъ является ужасно некстати.

— Сейчасъ я не могу сказать вамъ ничего опредѣленнаго—я сама очень мало знаю,—но могу навести справки; у меня есть друзья на Ривьерѣ. Я думаю, можно устроить такъ, чтобы было и хорошо, и дешево. Во всякомъ случаѣ я дамъ вамъ знать въ концѣ этой недѣли.

— Если тетя окажется не на высотѣ положенія,—рѣшила про себя Мона,—я ужъ какъ-нибудь заставлю ихъ взять, сколько нужно, денегъ у меня.

XXV.

Новообращенная.

Опять Мона вышла въ Борроунессъ, и опять Рэчель ждала ее на станціи.

Только теперь у нея не было никакихъ иллюзій относительно предстоящей жизни, не было ни неопредѣленности, ни смутныхъ мечтаній о самоотреченіи и призваніи. Оставалась одна ясная, плоская, унылая проза.

Не легко было на душѣ у Моны, но, когда поѣздъ остановился, Рэчель увидала въ окнѣ улыбающееся личико, легкіе шаги послышались на платформѣ, и веселый голосъ сказалъ:

— Вотъ видите, я вѣрна своему слову, и вы представить себѣ не можете, сколько хорошенькихъ вещицъ я привезла съ собою.

— Мона,—таинственно начала Рэчель, когда онѣ были уже недалеко отъ дому,—у меня есть для васъ новость. Какъ бы вы думали, кто былъ у насъ съ визитомъ?

— Боюсь, что мнѣ не угадать.

-- М-ръ Броунъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно выговорила Мона.

— Да. Такъ досадно, что васъ не было дома! Я такъ взволновалась, побѣжала скорѣе переодѣться въ свое лучшее платье; посидѣли мы, поболтали, потомъ провожаю его, и вдругъ—идетъ м-съ Робертсонъ. Вотъ-то она вытаращила глаза! Броунамъ никогда не пришло бы въ голову приѣхать съ визитомъ къ ней. Я сказала ему, что вы гостите у знакомыхъ. Я не говорила, что вы въ Лондонѣ, боясь, какъ бы онъ не узналъ откуда-нибудь, что вы собираетесь быть докторшей.

— Это было бы ужасно, не правда ли?

— Да, но теперь вамъ бояться нечего. Онъ что-то болталъ насчетъ того, какъ трудно и скучно учить ребятъ и что для васъ полезно пожить здѣсь и отдохнуть, а я, само собой, не разувѣряла его; такъ онъ и остался при убѣжденіи, что вы учительница, хотя у меня и вертѣлось на языкѣ сказать, что у васъ, слава Богу, свои средства есть и по чужимъ домамъ вамъ таскаться незачѣмъ.

— Пожалуйста, объ этомъ никому ни слова,—довольно рѣзко прервала ее Мона.—Я не имѣю ни малѣйшаго желанія прослыть здѣсь выгодной невѣстой.

— Что жъ, душенька, вѣдь года-то идутъ. Надо косить сѣно, пока солнце свѣтитъ.

— Вѣрно,—но когда у дѣвушки есть хоть четыреста фунтовъ годового дохода, ей незачѣмъ торопиться.

Вечеромъ Билль принесъ со станціи багажъ Моны, и обѣ кузины съ одинаковымъ наслажденіемъ принялись распаковывать ящики. «Ну что это, ей Богу!» и «Ахъ ты, шутъ тебя возьми!» и тому подобныя восклицанія то и дѣло срывались съ устъ Рэчели при видѣ прелестей, вынимаемыхъ Моной изъ разныхъ картонокъ. Десять фунтовъ, конечно, большія деньги, но кто бы могъ подумать, что за десять фунтовъ можно закупить столько разныхъ разностей!

— Вы положительно рождены быть продавщицей, душа моя!—повторяла Рэчель съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ.

Мона смѣялаь.

— Не непечатать ли намъ въ мѣстной газеткѣ, что «миссъ Маклинъ, только что вернувшись изъ Лондона, предлагаетъ покупателямъ отѣнный выборъ всѣхъ новостей сезона?»—сказала она, но тутъ же поспѣшила взять назадъ свое предложеніе, замѣтивъ, что Рэчель готова отнести къ нему совершенно серьезно.

— А теперь,—продолжала она,—еще одна вещица, но уже не для магазина, а для васъ самихъ.—И, развернувъ закрывавшіе ее листы оберточной бумаги, Мона вынула изъ ящика красивую темную мантію, подбитую мѣхомъ.

Господи Боже! Рэчель въ жизнь свою не видала такой велико-

лѣпной накидки; когда она стала примѣрять обновку, у нея даже слезы выступили на глазахъ.

— Меня не столько трогаетъ подарокъ, сколько ваша доброта, душа моя,—пояснила она;—а все же лучше этой мантильи не сыскать и въ Сентъ-Рувльсѣ. Мнѣ она хватитъ до конца жизни.

Мона, довольная, поцѣловала ее въ лобъ.

— Я привезла также муфточку и теплую пелеринку для Салли. Она все жалуется, что ей холодно. Это ей въ награду за то, что я ее заставила истратить часть жалованья на фланелевое платье.

— Ну, скажите пожалуйста. Да она совсѣмъ спятить отъ радости. Теперь ее и дома-то не удержишь! Какъ хорошо, что вы вернулись, Мона! И не сосчитать, сколько народу спрашивало про васъ въ магазинѣ; съ тѣхъ поръ, какъ вы стали за прилавокъ, у насъ вдвое больше покупателей. Миссъ Мойръ отложила покупать шляпку до вашего возвращенія—хочетъ, чтобъ вы ей помогли выбрать; Полли изъ Тоуэрсъ приносила образчики, хотѣла васъ просить, чтобы вы ей посовѣтовали, какую матерію взять на платье.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это мило съ ея стороны! Надѣюсь, вы сказали ей, чтобъ она пришла еще разъ. А полковникова Дженни не заходила?

— О нѣтъ, для нея это слишкомъ далеко. Киркстоунъ гораздо ближе, да и магазины тамъ лучше.

— Она жаловалась мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Магги поступила на мѣсто, ей некому писать письма, и я общалась какъ-нибудь зайти къ ней, чтобы исполнить для нея обязанности писца. У меня это все время лежало на душѣ, пока я была въ Лондонѣ. Только вотъ уберу магазинъ, разставлю всѣ эти вещицы, и пойду къ ней. Полковникъ уже уѣхалъ?

— Нѣтъ еще; завтра, кажется, уѣзжаетъ.

Большинство знакомыхъ Дженни предпочитали навѣщать ее въ отсутствіе ея хозяина. Полковникъ слылъ во всемъ околodкѣ за страшнаго чудака, и нужно было не малое гражданское мужество, чтобы рискнуть случайно встрѣтиться съ нимъ. Разумѣется, можно было застать его и въ наилучшемъ расположеніи духа, но рассчитывать ѡна это заранѣе было опасно; зато всѣмъ была извѣстна его безцеремонность въ разговорѣ, не умѣрившаяся ни тактичностью, ни правилами простого приличія. Онъ чтó думалъ, то и говорилъ, и нерѣдко говорилъ хуже, чѣмъ думалъ. Еще не такъ давно, нѣсколько лѣтъ назадъ, его семейство владѣло всѣмъ помѣстьемъ, гдѣ онъ теперь арендовалъ хорошенькій коттеджъ, стоявшій невдалекѣ отъ моря, въ сосновомъ лѣсу. Здѣсь онъ и жилъ большую часть года, одинъ со своей старой экономкой, Дженни, не принимая никакого участія въ мѣстной общественной жизни, но навѣщая кого захочется и когда захочется, безъ всякаго вниманія къ общепринятому порядку. Странныя вещи рассказывали о немъ, но

старая Дженни, когда къ ней обращались за справками, молчала, какъ сфинксъ, не спорила, но и не подтверждала. Она давно привыкла къ странностямъ своего господина и не возмущалась его пристрастіемъ и къ «крѣпкому словцу», и къ крѣпкимъ напиткамъ.

— Не хотите ли стаканчикъ виски съ водой, полковникъ?—предложила м-съ Гамильтонъ, когда онъ случайно зашелъ къ ней въ одно холодное утро.

— Благодарствуйте, сударыня,—отвѣтилъ онъ;—насчетъ воды не хлопчите; мы и безъ нея обойдемся.

Умная старушка пользовалась большой его симпатіей, тѣмъ болѣе, что, по ея мнѣнію, старому солдату изъ хорошей семьи предоставлялось право быть рѣзкимъ и грубымъ.

Въ сущности, полковникъ былъ добрякъ и любилъ дѣтей, хотя тѣ по большей части побаивались его. Встрѣтивъ въ почтовой конторѣ, его излюбленномъ мѣстопребываніи, какого-нибудь румянаго мальчугана или дѣвчурку, онъ неизмѣнно обращался къ хозяйкѣ съ просьбой завести для «юнаго джентльмена» или «юной леди» на шесть пенсовъ леденцовъ—не надо забывать, что Борроунесская контора помѣщалась въ бакалейной лавкѣ.

Монѣ любопытно было взглянуть на старика; ей помнилось, что въ дѣтствѣ она слышала о немъ отъ отца; но въ первые дни послѣ возвращенія у нея были полны руки работы. Речель дала разрѣшеніе почистить лавку, выбѣлить потолокъ и оклеить ее новыми обоями; Мона сама разставила и разложила товаръ и, когда все было готово, «магазинъ» сдѣлался неузнаваемъ.

Поставивъ на мѣсто послѣднюю чернильницу, Мона обвела все торжествующимъ взглядомъ и захопала въ ладоши отъ радости. Затѣмъ она посмотрѣла на часы; но время было уже позднее, а до коттѣджа полковника считалось около четырехъ миль; поэтому она еще разъ отложила свой визитъ къ старой Дженни. Рисовать не тянуло—она слишкомъ устала; Мона взяла книжку стихотвореній и, не спѣша, направилась къ замку Маклинъ.

День былъ сѣренькій, тихій. Дальніе холмы потонули въ туманѣ, но скалистый берегъ былъ величественъ, какъ всегда, и рокотъ волнъ, разбивавшихся о камни, звучалъ въ ея ухахъ слаще музыки.

Скоро однако ея мечтательное настроеніе было нарушено: на тропинкѣ раздались шаги; на мгновеніе сердце ея забилось быстрее, но тотчасъ же она чуть не разсмѣялась надъ собственной глупостью. Передъ нею предстала Матильда Куксонъ, въ шикарной шляпкѣ, съѣхавшей на бокъ, и съ растрепавшимися рыжими локонами.

— Гдѣ вы пропадали, миссъ Маклинъ?—начала она, съ трудомъ переводя духъ и присаживаясь на выступъ скалы.—Я уже двѣ недѣли ищу случая переговорить съ вами.

Лицо Моны выразило неподдѣльное изумленіе.

— Меня не было здѣсь. Что вамъ угодно отъ меня?

— Не было здѣсь! Такъ вы никому еще не сказали?

— Чего не сказала?

Матильда сдвинула брови. Если миссъ Маклинъ въ самомъ дѣлѣ ничего не замѣтила, не слѣдовало и заводить объ этомъ рѣчь, но теперь отступать было уже поздно.

— Я думала, что вы видѣли меня — помните, тогда, въ Сентъ-Рульсѣ!

— Ахъ вотъ что! — Мона припомнила случайную встрѣчу, — Да, я видѣла васъ, но почему же вы хотите, чтобъ я никому объ этомъ не говорила?

Матильда покраснѣла до корней волосъ и, наклонившись, принялась чертить что-то зонтикомъ на камнѣ. Она не ожидала такого прямого вопроса. Она думала, что достаточно будетъ нѣсколькихъ, мимоходомъ брошенныхъ словъ, чтобъ уладить дѣло, и была убѣждена, что такъ бы оно и вышло, случись ей застать миссъ Маклинъ одну въ лавкѣ, или встрѣтиться съ ней у себя дома. Но на этихъ утесахъ, гдѣ Мона расположилась такъ уютно, съ полуразрѣзанной нѣмецкой книжкой въ рукахъ, гдѣ она, повидимому, чувствовала себя полной хозяйкой, и смотрѣла такой спокойной и самоувѣренной, дѣло принимало гораздо болѣе серьезный оборотъ.

Мона внимательно вглядывалась въ пылающее лицо Матильды.

Ей очень хотѣлось сказать: Дитя мое, я и безъ вашей просьбы никому бы ничего не рассказывала; я и думать объ этомъ забыла, — и этимъ сразу покончить дѣло, но ей смутно припомнился разговоръ съ докторомъ Дудлеемъ по поводу этихъ дѣвушекъ, и это удержало ее. Она забыла, что дѣвицы Куксонъ должны были считать ее ниже себя по общественному положенію и помнила только, что она женщина, а слѣдовательно, болѣе или менѣе отвѣтственна за каждую молоденькую дѣвушку, съ которой она столкнется въ жизни.

Она положила руку на плечо неожиданной гостыи.

— Можете быть увѣрены, что я не поставлю васъ въ неловкое положеніе, но все-таки вы лучше расскажите мнѣ, почему вы не хотите, чтобъ я говорила объ этомъ.

Прикосновеніе Моны обладало магнетической силой — по крайней мѣрѣ, такъ рѣшила Матильда Куксонъ. За всю свою сѣренькую, безцвѣтную жизнь она не испытывала ничего подобнаго. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Въ эту минуту она готова была во всемъ признаться, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы горько пожалѣть о своей откровенности часъ спустя.

Разсказъ былъ не новъ, даже для малоопытныхъ ушей Моны. Два года тому назадъ, всѣ воспитанницы пансіона миссъ Барнетъ въ Киркстоунѣ были влюблены въ учителя рисованія, два раза въ недѣлю пріѣзжавшаго давать урокъ изъ Сентъ-Рульса. Его большіе черные глаза

и томныя манеры натворили не мало бѣдъ даже въ «душныхъ монастырскихъ стѣнахъ»; когда же онъ прекратилъ занятія, такъ какъ у него накопилось слишкомъ много уроковъ въ Сентъ-Рульсѣ, ученицы проводили его плачемъ и воплями.

Вскорѣ послѣ того Матильда поступила въ Лондонскій пансіонъ и совсѣмъ забыла о красивомъ учителѣ рисованія, но, по прїѣздѣ домой, достаточно было случайной встрѣчи на вечерѣ, чтобы снова поддаться прежнему обаянію. За первой случайной встрѣчей послѣдовали другія; когда же м-съ Куксонъ объявила, что Матильда будетъ каждую недѣлю ѣздить въ Сентъ-Рульсъ на урокъ музыки, искушеніе устроить еще нѣсколько «случайныхъ встрѣчъ» оказалось непреодолимымъ.

Выслушавъ эту исповѣдь, Мона почувствовала себя довольно неловко. Какъ теперь быть? Она такъ мало знала эту дѣвушку. Какимъ богамъ она молится? Есть ли у нея идеалы? герои? героини? Найдутъ ли слова ея откликъ въ этой юной душѣ? Мона сама была слишкомъ молода, чтобы, приступая къ бою, не пустить въ ходъ самой тяжелой артиллеріи.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она вдругъ.

— Восемнадцать.

— Развѣ вы не стремитесь быть хорошей женщиной—нравственно хорошей?

«Нравственно хорошей»—звукъ этихъ словъ, произнесенныхъ полужастьничиво, полунаставительно, былъ почти чуждъ слуху Матильды. Почти, но не совсѣмъ. Онъ навѣвалъ смутныя грезы о вечерней службѣ при зажженныхъ свѣчахъ, о какихъ-то смутныхъ порываніяхъ къ лучшему, и болѣе отчетливыя воспоминанія объ одномъ періодѣ ея жизни, когда она была «истеричкой», ходила на митинги, чувствовала себя «обращенной» и «возрожденной». Въ то время она была очень счастлива, но это продолжалось недолго, всего нѣсколько недѣль. Такія состоянія недолговѣчны, какъ всякое возбужденіе,—сказалъ ей тогда отецъ. Къ чему же теперь копать въ этомъ старомъ хламѣ!..

— Я не вижу большой бѣды въ нашихъ встрѣчахъ,—молвила она упрямо.

— Я вполне увѣрена, что вы и не хотѣли сдѣлать ничего особенно дурного, но знаете ли вы, какъ мужчины говорятъ о дѣвушкахъ, которые «слишкомъ податливы», какъ они выражаются?

Матильда покраснѣла.

— Я увѣрена, что онъ не сказалъ бы обо мнѣ ничего худого. Онъ страстно влюбленъ въ меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я мало знаю о любви, но если онъ любитъ васъ, вы, конечно, должны желать, чтобы онъ и уважалъ васъ. Вѣдь вы не захотите, чтобы онъ сталъ хуже отъ того, что любитъ васъ,—а онъ станетъ хуже, если начнетъ дурно думать о женщинахъ.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не слѣдуетъ больше встрѣчаться съ нимъ.

— Я хочу сказать, что онъ не можетъ уважать васъ, зная, что вы видите съ нимъ безъ позволенія вашей матери.

— Предположимъ, что я не дамъ вамъ обѣщанія не встрѣчаться съ нимъ больше—что вы сдѣлаете?

— Не считаю себя въ правѣ требовать отъ васъ такого обѣщанія.

— Такъ вы никому не скажете объ этомъ, что бы ни случилось?

Мона улыбнулась.

— Не вижу, почему вы имѣете право требовать обѣщанія отъ меня.

Матильда не могла не улыбнуться въ свою очередь. Ударъ былъ отраженъ по всѣмъ правиламъ искусства.

— Но, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ вы никому объ этомъ не говорили?

— Никому.

— Ни даже миссъ Симпсонъ?

— Я же вамъ сказала, что никому.

— Это очень мило съ вашей стороны.

— Боюсь, что не заслуживаю вашихъ похвалъ; мнѣ просто въ голову не приходило заговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь.

— Хотя вы отлично узнали меня?

Мона разсмѣялась отъ души.

— Хотя я отлично узнала васъ.

Наступило минутное молчаніе. Матильда для храбрости слегка приотпнула ножкой въ ботинкѣ съ высокимъ каблучкомъ и рѣшила перемѣнить разговоръ.

— Давнымъ-давно,—начала она,—когда я была дѣвочкой, я вѣрила одно время въ самоотверженіе, высокіе идеалы и т. под.—но вѣдь съ этимъ не проживешь. Это все мечты.

— Мечты!—съ мягкимъ укоромъ повторила Мона.

«Нѣтъ, нѣтъ, клянусь Распятымъ
И всѣми, кто страдалъ!»

— Все остальное—мечты, да; но это дѣйствительность. Вамъ данъ былъ случай приблизиться къ идеалу. Надо было схватиться за него обѣими руками. Вы упустили его, и теперь душа ваша товетъ въ морѣ ничтожности.

Ни одинъ проповѣдникъ не могъ бы такъ разгромить ее. Матильда ощутила слабый приливъ былого энтузіазма, но, не желая выдать себя, возразила:

— Вамъ хорошо говорить. Вы не знаете, что значитъ быть первыми богачами въ такомъ мѣстечкѣ, какъ это! Па и ма не позволяютъ никому даже разговаривать съ нами. Это кончится тѣмъ, что мы

совсѣмъ не выйдемъ замужъ. Они все будутъ выбирать, да перебирать, а время-то и уйдетъ.

— Дитя, развѣ въ жизни только и счастья, что замужество? И если даже такъ, ужъ навѣрное лучшія жены выходятъ изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя довольствуются тѣмъ, что онѣ—душа и радость своей семьи, а не изъ тѣхъ, которыя все смотрятъ вдаль и ждуть, не прійдетъ ли рыцарь освободить ихъ отъ великана.

Въ Лондонѣ Мона встрѣчала не мало дѣвицъ, тяготившихся узкимъ семейнымъ кругомъ и мечтавшихъ объ иной «сферѣ», но дѣвушка, жаждавшая просто-на-просто мужа, являлась для нея новымъ типомъ; это былъ разительный примѣръ атавизма.

Матильда вздохнула.

— Вы не знаете, какъ мы живемъ. Ходимъ въ гости и къ намъ ходятъ въ гости; гуляемъ по шоссе, вяжемъ крючкомъ, играемъ на фортепiano, да еще читаемъ романы изъ городской библіотеки,—вотъ и все. И каждый день одно и то же!

— Развѣ вы не любите книгъ и музыки, что онѣ не доставляютъ вамъ удовольствія?

Матильда покачала головой.

— Вы можете читать по нѣмецки?—неожиданно спросила она, глядя на книгу Моны.

— Да, а вы?

— Нѣтъ, и въ жизнь свою не встрѣчала никого, кто бы могъ это дѣлать, кромѣ развѣ моей нѣмки учительницы. Я три года училась нѣмецкому языку въ пансіонѣ, но теперь помню изъ десяти словъ одно. А жалъ! Вотъ была исторія, какъ отецъ разъ принесъ намъ нѣмецкое письмо изъ конторы,—я тогда только что кончила,—онъ воображалъ, что я въ состояніи его перевести!

— Вамъ легко было бы подучиться. Нужно только немножко терпѣнія и настойчивости. Стоитъ внимательно прочесть одну нѣмецкую книгу съ диксіонеромъ,—остальное пойдетъ легко.

Матильда сдѣлала гримасу.

— У меня есть только одна «Bilderbuch» *), да и ту я знаю переводить наизусть, у насъ ее постоянно читали въ классѣ. Вы только начните, я и пойду катать, а въ разбивку, пожалуй, не съумѣю даже сказать, какъ по-нѣмецки «луна».

Она сама дивилась своей откровенности. Такъ она еще ни съ кѣмъ не говорила.

— Мнѣ не хочется вамъ вѣрить. Позвольте мнѣ судить самой.—И Мона раскрыла книгу на первой страницѣ.

Матильда закрылась руками.

— Не надо пожалуйста! Мнѣ стыдно показать вамъ, какъ я мало

*) Разказы мѣсяца—Андерсенъ.

знаю. Но я попытаюсь выучиться. Сегодня же примусь опять за «Bilderbuch», хотя ненавижу ее не меньше, чѣмъ «Лицидада» и «Гамлета», и все остальное, что у насъ читали въ классѣ.

Мона невольно вздрогнула.

— Зачѣмъ же читать то, что надоѣло до тошноты! Если хотите, я дамъ вамъ интересную книгу, которая васъ захватитъ помимо воли.

— Страшно вамъ благодарна. Вы очень добры.

— Я буду очень рада помочь вамъ, если вамъ встрѣтится трудное выраженіе.—Мона помолчала.—Я уже говорила, что не считаю себя вправѣ брать съ васъ обѣщанія, но не умѣю сказать, насколько вы повысились бы въ моемъ уваженіи, еслибъ дали себѣ трудъ дочитать до конца.

Это заключеніе поразило Матильду своей неожиданностью. Она думала, что Мона говоритъ объ учителѣ рисованія, но Мона, кажется, забыла обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ своихъ нѣмецкихъ книгъ.

— Можно будетъ какъ-нибудь придти сюда къ вамъ, поболтать? Я часто вижу, какъ вы гуляете по берегу.

— Я не могу сказать заранѣе, когда я здѣсь буду, но если вы согласны рискнуть, я буду очень рада васъ видѣть.

Когда посѣтительница ушла, Мона улыбнулась полу-насмѣшливо, полупечально, говоря себѣ:

— Новый Адамъ стремится къ свѣту, но старый Адамъ не уступаетъ своихъ правъ безъ борьбы.

Черезъ минуту Матильда вернулась и застѣнчиво спросила:

— Не скажете ли вы мнѣ еще разъ этого стишка про Христа и мучениковъ?

Мона улыбнулась.

— Походите минутку, я напишу вамъ.—И, вырвавъ листокъ изъ своей записной книжки, она написала на немъ всю строфу:

«No, no, by all the martyrs and the dear dead Christ;
By the long bright roll of those whom joyenticed
With her myriad blandishments, but could not win,
Who would fight for victory, but would not sin» *).

Матильда прочла стихи и тщательно сложила листокъ, причѣмъ замѣтила и прочла вслухъ написанный на оборотѣ адресъ:

«Леди Мунро, *Poste Restante*, Канны».

— Кто такая леди Мунро?—грубовато спросила она.

— Моя тетка. Я не знала, что ея адресъ былъ записанъ какъ разъ на этомъ листкѣ.

*) Нѣтъ, нѣтъ, клянусь всѣми мучениками и распятымъ Христомъ; Длиннымъ спискомъ тѣхъ, кого счастье манило Мирадами обольщеній, но не подчинило себѣ; Кто боролся, чтобы побѣдить, но не грѣшилъ.

Мона оторвала тотъ кусочекъ листка, гдѣ стояло имя, и протянула Матильдѣ остальное.

— Леди Мунро вамъ родная тетка, а вы живете у миссъ Симпсонъ!

— Почему же нѣтъ? Миссъ Симпсонъ моя кузина.

— Миссъ Маклинъ, еслибъ у меня была тетка «леди», это было бы извѣстно цѣлому свѣту. Не думаю, чтобъ я была способна проѣхать двѣ станціи по желѣзной дорогѣ, не разболтавъ этого всѣмъ пассажирамъ.

Мона засмѣялась.

— Я уже сказала вамъ, что не стану вѣрить вамъ на-слово. Въ сущности, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы здѣсь знали о существованіи леди Мунро. Мнѣ было бы неприятно, еслибъ другіе начали дѣлать сравненія между нею и миссъ Симпсонъ.

— Простите меня. Я не хотѣла...

— Я знаю, что вы не хотѣли обидѣть меня. Я сама виновата, что не посмотрѣла. Но все-таки мнѣ бы не хотѣлось, чтобы другіе знали объ этомъ. *Auf Wiedersehen!*

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

I.

Грѣшная дочь.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дочь старика Билея работала на фабрикѣ. Она была хорошенькой дѣвушкой, и естественно, сосѣди много говорили о ней, потому что, вопреки теоріи, гласящей, что бѣдность и добродѣтель неразлучны, люди, живущіе по теченію рѣчки Джерсей-Крикъ, нисколько не лучше обитателей аристократическихъ кварталовъ Нью-Йорка. Когда она ушла съ фабрики, сосѣди объяснили это тѣмъ, что управляющій былъ съ ней слишкомъ любезенъ. Впрочемъ, если бы она осталась на фабрикѣ, то и это объяснили бы тою же причиной. Она стала ходить въ театръ съ молодыми людьми, которые поднимали воротникъ своего пиджака и носили его зимой и лѣтомъ вмѣсто пальто.

Уйдя съ фабрики, она осталась жить у отца и яко бы занималась у него хозяйствомъ. Онъ работалъ въ мастерской, гдѣ-то на окраинѣ, возвращался домой по вечерамъ усталый и угрюмый и рано ложился спать. Онъ спалъ въ комнатѣ за кухней, а дочь его—въ передней комнатѣ. Онъ не зналъ, когда она возвращается ночью домой, да и нисколько этимъ не интересовался. Онъ не обращалъ также вниманія на то, что маленькіе братья и сестры дразнили его старшую дочь молодыми людьми, бывавшими у нихъ въ гостяхъ. Если бы другіе члены семьи дразнили десятилѣтнюю сестренку, которая была главной зачинщицей такихъ разговоровъ, отецъ также мало обращалъ бы вниманія на ихъ болтовню. Старшая дочь дѣлала его очень счастливымъ своей безхитростной лаской, хотя, конечно, онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что его чувство къ ней и то желаніе поскорѣе вернуться домой къ ужину, которое онъ испытывалъ въ теченіе дня, и было счастьемъ.

Но, безсознательно, дочь сдѣлалась ему очень дорога. Онъ не умѣлъ анализировать своихъ чувствъ, но, тѣмъ не менѣе, не могъ не замѣчать ея красоты и не гордиться ею; когда она наряжалась, уходя куда-нибудь, а уходила она очень часто, родительская гордость остѣпляла его, и онъ не замѣчалъ кричащей яркости ея платья, ея взбитыхъ во-

лость и бьющаго въ глаза неестественнаго румянца на ея хорошенькомъ личикѣ. Очень возможно, что онъ былъ настолько ненаблюдателенъ, что не замѣтилъ бы всего этого, даже если бы и не любилъ ея такъ сильно. Но другіе отцы, у которыхъ были дочери, прекрасно все замѣчали, и сосѣдки, у которыхъ были взрослые сыновья, не упоминали въ семейномъ кругу имени миссъ Билей. Только когда она неожиданно для всѣхъ вступила въ странствующую труппу актеровъ и отправилась съ ними на западъ играть «Дочь фермера» и «Бѣлую рабыню», имя ея стало свободно произноситься въ аристократическихъ кружкахъ Джерси-Крика, и затѣмъ она точно умерла для всѣхъ. М съ Гинклей, которая смотрѣла за дѣтьми и вела хозяйство въ домѣ осиротѣвшаго старика, часто говорила любопытнымъ сосѣдкамъ: «У меня просто сердце надрывается, когда я вижу, какъ м-ръ Билей тоскуетъ и убивается по этой дѣвчонкѣ. А когда онъ получаетъ отъ нея письмо, онъ читаетъ его вслухъ за ужиномъ, и ужъ такъ бываетъ доволенъ. Боже мой, бѣдный старикъ! Хотѣла бы я знать, знаетъ ли онъ...» Обыкновенно она заканчивала свои разсужденія, говоря со вздохомъ: «Я, во всякомъ случаѣ, ничего не скажу ему».

Разлука—удивительная вещь. По своей способности измѣнять людей и ихъ взаимныя соотношенія, она подобна темнотѣ. Хотя Али выросла на его глазахъ, старикъ почти никогда не перемолвился словомъ со своей дочерью. Отецъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, чѣмъ была его дочь. Въ мысляхъ его она оставалась только «ею». Они были чужими, но когда онъ началъ забывать ея присутствіе, онъ сталъ постоянно думать о томъ, что бы онъ хотѣлъ ей сказать. «Она» исчезла и мѣсто ея заняли мечты, совершенно отличныя отъ его прежняго представленія о своей дочери. Онъ скучалъ по ней и жаждалъ высказать ей всю свою любовь. Среди шума машинныхъ колесъ онъ боролся себѣ подъ носъ длинные разговоры, которые ему хотѣлось вести съ нею, и въ письмахъ, которыя онъ изрѣдка писалъ ей, онъ царапалъ кое-что изъ этихъ нѣжностей.

Однажды она написала, что вернется домой на каникулы, и онъ былъ очень радъ. Онъ читалъ и перечитывалъ это письмо, и за ужиномъ прочелъ его вслухъ м-съ Гинклей и дѣтямъ. Когда онъ читалъ его, то ни онъ, ни его слушатели не представляли себѣ, сколько чувства было вложено въ простыя слова: «мнѣ хочется опять быть дома со всѣми вами». Эти слова должны были выразить цѣлую повѣсть одиночества, отчаянія и душевной муки, но они были обыденны и не производили никакого дѣйствія. Если бы ктонибудь сказалъ м-съ Гинклей, что у «этой дѣвчонки» могутъ быть какія-либо человѣческія чувства, она бы не повѣрила, и всякія увѣренія упали бы на бесплодную почву.

Когда насталъ день ея возвращенія, м-съ Гинклей оставила домъ Билей, но старикъ устроилъ себѣ праздникъ и не пошелъ на работу. Онъ радовался при мысли, что сможетъ теперь сказать ей тѣ ласковыя

слова, которыя накопились у него на душѣ, и въ то же время боялся, что дочь настолько выше его, что вся его нѣжность окажется ей ненужной. Онъ надѣлъ свое лучшее платье и услагъ изъ дому всѣхъ дѣтей. Въ домѣ все было прибрано, какъ передъ приходомъ гостей: онъ самъ убралъ все и въ комнатахъ царилъ праздничная тишина и чопорность. Онъ сидѣлъ въ первой комнатѣ, ожидая ее. Когда онъ услышалъ голоса на улицѣ и узналъ голосъ дочери, сердце у него забилось; но, заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ какого-то посторонняго мужчину вмѣстѣ съ нею, и сердце его упало.

Отецъ и дочь встрѣтились у двери. Онъ протянулъ ей руку и она вошла, сопутствуемая незнакомымъ мужчиной; отецъ смущенно привѣтствовалъ ее.

— Ну, Али — проговорилъ онъ растерянно, и черезъ нѣкоторое время прибавилъ: — какъ поживаешь?

Она отвѣтила ему, улыбаясь, и старикъ продолжалъ говорить тѣмъ же неестественнымъ тономъ, искоса поглядывая на незнакомца, который такъ и не былъ ему представленъ.

— Ты, вѣрно, сдѣлалась теперь такой важной барыней...

— Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь поѣсть, па? — спросила молодая дѣвушка, снимая перчатки и бросая на кровать свою замысловатую, но уже порядкомъ истрепавшуюся шляпу. — Я умираю отъ голода. Мы сегодня съ утра ничего не ѣли.

Старикъ поспѣшилъ въ кухню, и когда онъ вернулся, незнакомца уже не было. Али не прикоснулась къ тому, что онъ принесъ, но повернулась къ нему и схватила руками его шею. На глазахъ ея были слезы, когда она сказала:

— О, па, какъ хорошо быть опять дома!

Отецъ собралъ всѣ свои силы, чтобы избѣгнуть обычныхъ привѣтственныхъ словъ, и началъ дрожащимъ голосомъ:

— Али, ты, можетъ быть... можетъ быть, тебѣ приходило въ голову, что твой старикъ забылъ тебя... но, Али, я... ты знаешь, я ужасно много о тебѣ думалъ...

Больше онъ ничего не могъ сказать и только поцѣловалъ ее, но и этого уже было много. Потомъ они оба успокоились и начали говорить о дѣтяхъ, о которыхъ она много разспрашивала, и о сосѣдяхъ, о которыхъ она не спрашивала ничего.

Странствующая труппа потергѣла фіаско и Али собиралась пожить дома. Разлука научила и ее, и отца цѣнить другъ друга. Отецъ такъ радъ былъ ея возвращенію, что даже не замѣчалъ исчезновенія сосѣдей, которые какъ будто стали избѣгать ихъ домъ. Когда онъ приглашалъ кого-нибудь изъ нихъ въ гости и они подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уклонялись, онъ принималъ всѣ ихъ объясненія за чистую монету и не задумывался надъ ними.

Его отцовская гордость не знала никакихъ границъ. Однажды, когда

у нихъ въ мастерской во время обѣденнаго перерыва между молодыми рабочими завязался разговоръ о хорошенькихъ дѣвушкахъ, онъ вмѣшался въ него, и заявилъ:

— А я вамъ скажу, братцы, что у меня дома есть такая дѣвушка, которая забьетъ всѣхъ вашихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вотъ, придите какъ-нибудь въ праздникъ ко мнѣ — сами увидите.

А когда молодежь переглянулась между собой и засмѣялась, старикъ тоже засмѣялся и повторилъ:

— Я знаю, что говорю: она самая хорошенькая изъ всѣхъ, какія здѣсь есть.

Вечеромъ онъ рассказалъ ей про этотъ разговоръ, про то, какъ всѣ смѣялись, и какъ онъ все-таки настаивалъ на своемъ; но она стояла у плиты и онъ не видѣлъ, какъ глаза ея вспыхнули ненавистью, когда она наклонилась надъ кухонной посудой. Старикъ и дѣти продолжали болтать, пока она не совладала съ собой и не присоединилась къ семейной группѣ со своимъ обычнымъ спокойнымъ видомъ.

Въ эту ночь она долго не могла заснуть и много разъ переворачивала на всѣ лады свою подушку. Она проклинала жизнь и людей, и хотѣла заставить ихъ страдать. Позоръ отца и мысль, что она не можетъ защитить его, приводили ее въ неистовство. Когда уже почти начало свѣтать, она доплакалась до того, что, наконецъ, заснула. Ее разбудилъ отецъ, выгребавшій угли изъ кухонной плиты; она посмотрѣла на старика и ее охватила великая любовь къ нему. Весь этотъ день, занимаясь хозяйствомъ, она думала объ отцѣ. Ей казалось, что жизнь съ нимъ, дѣйствительно, стоитъ того, чтобы жить, и она была рада, что, вернувшись домой, порвала со всѣми своими прежними знакомыми. Но она ненавидѣла людей—тотъ узкій мірокъ, который для нея былъ пѣлымъ міромъ, который не хотѣлъ забыть ея прошлаго и вымещалъ его на единственномъ дорогомъ для нея существѣ. Тѣ же мысли, которыя мучили ее ночью, преслѣдовали ее и днемъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія отца.

Она издали услышала его шаги, пошла къ нему навстрѣчу и поцѣловала его. Старикъ немного былъ пораженъ неожиданностью такого привѣтствія, но оно доставило ему удовольствіе. Онъ присѣлъ на скамеечку во дворѣ, а она осталась стоять въ дверяхъ. Они поговорили о семейныхъ дѣлахъ, и затѣмъ старикъ сказалъ неожиданно: «Ты не можешь вообразить, что мнѣ м-съ Гинклей сказала про тебя только-что». Молодая дѣвушка поблѣднѣла и ничего не отвѣтила. Были сумерки и старикъ не видѣлъ ея лица. «Она сказала,—продолжалъ отецъ,—м-ръ Билей, знаете, вы напрасно держите эту Али у себя въ домѣ». Я говорю: «Отчего же напрасно, м-съ Гинклей?» А она все твердитъ свое: «напрасно, да и только». Я думаю, м-съ Гинклей хотѣла сказать, что ты стала такая хорошенькая... и все такое... и тебѣ скучно здѣсь въ Джерсей-Крикѣ со своимъ старикомъ-отцомъ и ребятишками».

Странныя вещи происходили въ это время въ душѣ дѣвушки—страстное желаніе облегчить себя признаніемъ, высказать все, брало верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Отецъ спрашивалъ ее: «Вѣдь ты не стыдишься жить здѣсь со своимъ бѣднымъ, старымъ па, Али?»

За этимъ вопросомъ послѣдовало короткое молчаніе. Сердце старика сжалось. Онъ не зналъ, отчего она молчитъ, и подумалъ, что она дѣйствительно стыдится его бѣдности.

— Али,—сказалъ онъ, подходя къ ней и обнимая ее.—Маленькая моя дѣвочка... хочешь, уѣдемъ отсюда... непременно уѣдемъ.

Али вырвалась изъ его объятій, чувствуя, что не сможетъ сдерживать себя, если останется съ нимъ, и быстро пошла въ кухню. Старикъ не замѣтилъ патетической дрожи въ ея голосѣ, когда она крикнула своей младшей сестрѣ, игравшей на дворѣ:

— Дженни, Дженни, сходи принеси мнѣ щепокъ на растопку. Надо готовить папѣ ужинъ.—Потомъ она прибавила болѣе твердымъ голосомъ, обращаясь къ отцу:—Какъ тебѣ могла придти въ голову такая глупость—уѣхать отсюда.

Старикъ смотрѣлъ на нее со счастливой улыбкой.

На другой день, сидя за работой, старикъ Билей повѣрялъ свои мысли большому колесу машины, и большое колесо отвѣчало тихимъ монотоннымъ согласіемъ на все, что онъ говорилъ. Она всегда была хорошей дочерью, говорилъ онъ, и колесо отвѣчало ему, что онъ совершенно правъ.

Послѣ того, какъ она вернулась изъ поѣздки со странствующей труппой, она стала даже заботливѣе къ нему, чѣмъ раньше. Со времени своего возвращенія она всѣ вечера оставалась дома. Почему же о ней говорятъ такія вещи? Что жъ такое, что за ней ухаживали? Развѣ за другими дѣвушками не ухаживаютъ?—Ухаживаютъ, конечно, успокоительно бормотало колесо.—Развѣ она хуже другихъ дѣвушекъ и развѣ она виновата, что у ней не было матери?—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно стучало колесо, негодую выѣстъ съ нимъ на сосѣдей, которые говорили ему уже не намеками, а прямо, что его дочь не должна оставаться въ Джерсей-Крикѣ. Въ обѣденное время онъ стоялъ въ сторонѣ отъ остальныхъ рабочихъ и въ одиночествѣ ѣлъ принесенный изъ дому пирогъ. Мысль о томъ, что сказала ему м-съ Гинклей сегодня утромъ, когда онъ проходилъ мимо ея дома, идя на работу, приводила его въ ярость; вспоминая объ этомъ разговорѣ, онъ удивлялся теперь, какъ онъ могъ спокойно стоять и выслушивать ея слова, не возразивъ ей ничего. Какъ хотѣлось ему теперь вернуться къ ней и бросить ей въ лицо все, что онъ думалъ по поводу ея словъ.

Какъ только мужчины ушли изъ дому и дѣти высыпали на улицу, женское населеніе Джерсей-Крика узнало о поступкѣ м-съ Гинклей. Она рассказала имъ, какъ м-ръ Билей безмолвно и пристыженно выслу-

шалъ ея протестъ противъ пребыванія «такой дѣвушки» въ ихъ честномъ кругу. Женщины, ошибочно принявъ нѣмое удивленіе старика за признаніе вины, дали волю своему благородному негодованію и постановили рѣшеніе, что м-съ Гинклея должна пойти къ нему въ домъ и повторить дочери то, что она уже сказала отцу.

М-съ Гинклея, не теряя времени, отправилась исполнить возложенную на нее миссію и затѣмъ вернулась прямо къ одной изъ сосѣдокъ, гдѣ нѣсколько женщинъ ожидали ея рапорта.

— Ну, я все сказала,—заявила она, опускаясь на качалку съ сознаниемъ исполненнаго долга.—Я не теряла даромъ словъ, а прямо и просто сказала ей, какъ мы всѣ понимаемъ ея поведеніе и что ей нужно идти туда, гдѣ мѣсто такимъ, какъ она; я сказала, что отецъ ея все знаетъ и уже согласился на то, чтобъ она уѣзжала—во всякомъ случаѣ, онъ ничего не сказалъ противъ. О, я думаю, она больше ужъ не станетъ разгуливать здѣсь въ своихъ нарядныхъ платьяхъ! Что она сказала? Да, Боже мой, что же она могла сказать? Ничего она не сказала, даже не заплакала, дрянная дѣвчонка, когда я рассказала ей, какъ ея старій па повѣсилъ голову и молчалъ послѣ моихъ словъ. И такъ какъ больше говорить было нечего, и она не хотѣла ничѣмъ объяснить своихъ поступковъ, я встала и ушла.

Можетъ быть, колесо сообщило старику кое-что изъ происшедшаго въ его отсутствіе, потому что оно стонало и скрипѣло, какъ въ агоніи, все послѣобѣденное время и совершенно истомило нервы старика. Въ три часа онъ не могъ больше выдержать этой муки и ушелъ съ фабрики, попросивъ управляющаго поставить на его мѣсто кого-нибудь другого. Въ теченіе получаса, пока онъ торопливо шелъ домой, тысячи страшныхъ мыслей вертѣлись въ его головѣ. А вдругъ его дочь въ самомъ дѣлѣ была виновата, думалъ онъ, и ненавидѣлъ себя за эти мысли. Онъ только теперь понялъ, какъ непростительно невнимателенъ онъ былъ по отношенію къ ней: вспомнилъ, что позволялъ ей знаться, съ кѣмъ она хотѣла, и съ содроганіемъ думалъ о большомъ городѣ, гдѣ она жила со странствующей трупой. Но тутъ же онъ вспомнилъ объ ея добротѣ, объ ея ласкѣ, и эти воспоминанія дѣлали его счастливымъ. Мысли его кружились, какъ въ головѣ пьянаго человѣка. Проходя мимо дома м-съ Гинклея, онъ увидѣлъ ее въ дверяхъ. Она сказала что-то, чего онъ не слышалъ, но инстинктивный страхъ, что она могла говорить и съ его дочерью, заставилъ его еще ускорить шаги.

Въ домѣ было тихо, темно-синія занавѣски на окнахъ были спущены. Когда онъ вошелъ, въ его душѣ уже не было никакихъ чувствъ, кромѣ полной увѣренности въ невинности дочери. Вся ея доброта встала передъ нимъ, когда онъ вошелъ въ кухню. Не обращая вниманія на какой-то ѣдкій запахъ, наполнявшій кухню, онъ прошелъ въ комнату.

Въ ту же минуту онъ понялъ все. Онъ вспомнилъ лицо м-съ Гин-

клей на улицѣ и сразу догадался, что она сказала дочери, какое она нанесла ей оскорбленіе. Онъ думалъ теперь только о ней и съ необыкновенной ясностью представлялъ себѣ, что она приметъ смерть его дочери за признаніе. Онъ зналъ также, что дочь его наложила на себя руки, чтобы спасти его отъ позора. Онъ поднялъ лежавшій на полу револьверъ, увидѣлъ, что тамъ остался еще одинъ зарядъ. И въ головѣ у него неожиданно созрѣлъ безумный планъ — выдать себя за убійцу дочери, чтобы снять съ нея пятно самоубійства, которое въ глазахъ людей было равносильно признанію.

Черезъ часъ этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ судебныхъ книги Джерси-Крика былъ внесенъ новый преступникъ, запись о которомъ гласила:

«Джонъ Билей, рабочій, 60 лѣтъ. Арестованъ за убійство своей дочери Алисы Билей. Сознался въ своемъ преступленіи».

II.

Исторія одного города.

Люди, пишущіе о Канзасѣ, обыкновенно плохо его знаютъ и трактуютъ этотъ штатъ, какъ законченное цѣлое. Между тѣмъ, Канзасъ, какъ древняя Галлія, раздѣляется на три части, совершенно отличныя другъ отъ друга, какъ три различныя государства. Было бы также повѣрно объединять египтянъ, индійцевъ и жителей центральной Америки, какъ говорить о канзасахъ, не различая восточнаго, центрального и западнаго Канзаса. Восточный Канзасъ представляетъ собою вполне организованную территорию, подобно штату Нью-Йорка или Пенсильваніи; центральный Канзасъ еще не достигъ этой высоты, но приближается къ ней, а западный Канзасъ — единственное мѣсто, гдѣ населеніе страдаетъ отъ неурожаевъ и засухи, является новой страной, въ которой только недавно началась борьба человѣка съ пустыней.

Aqua Riga представлялъ собой маленькій западный городокъ, пріютившійся въ самой глубинѣ пустыни. Онъ былъ основанъ лѣтъ девять назадъ, и не пастухами или мошенниками, а честными, честолюбивыми людьми. Всѣ шестеро основателей города побывали въ университетахъ. Первая же почта привезла въ новый городокъ цѣлую серію нью-іоркскихъ журналовъ. Самъ городъ ничѣмъ не отличался отъ дюжины другихъ, возникшихъ одновременно съ нимъ весной 1886 г., во время земельной горячки, охватившей всю страну.

Ему дали названіе Aqua Riga, выбравъ нарочно латинское имя, чтобы возвѣстить міру, что городъ основанъ не бездѣльниками, а образованными людьми. Новыя деревянныя постройки поселка блеснули на яркомъ солнцѣ. Въ ясные дни онъ былъ виденъ издалека, потому что стоялъ на пригоркѣ, и изъ сосѣдняго мѣстечка Мэвъ можно было по

вечерамъ любоваться элекрическими фонарями Aqua Riga, которые зажглись тамъ однажды вечеромъ, когда городку было всего шесть мѣсяцевъ отъ роду. Къ концу первой же зимы было построено зданіе школы, стоившее 20.000 долларовъ, и первый рождественскій балъ въ Aqua Riga происходилъ въ зданія оперы, на которое было потрачено 10.000 долларовъ. Денегъ было въ изобиліи; на главной улицѣ городка съ необыкновенной быстротой выростали двухъ и трехъ-этажные дома. Фермеры, которые вели хозяйство въ окрестностяхъ, процвѣтали. Земля съ перваго же года дала прекрасный урожай. Въ воздухѣ носились самыя радужныя надежды, которыя заражали всѣхъ. Въ теченіе зимы «ассоціація для устройства общественной библіотеки» собрала 1.000 долларовъ на покупку книгъ и весной образовался синдикатъ, взявшій на себя постройку зданія для библіотеки. Aqua Riga не могла, конечно, отставать отъ другихъ городовъ и желѣзнодорожный поѣздъ проходившій по близости, доставлялъ туда всѣ новѣйшія книги и періодическія изданія изъ Нью-Йорка. Весною 1887 г. былъ сооруженъ городской водопроводъ, и вода въ изобиліи притекала къ городу изъ колодцевъ, которые были выкопаны на глубинѣ отъ 50 до 100 футовъ подъ землею.

На муниципальномъ собраніи весной 1887 года, Боррингеръ былъ избранъ городскимъ мэромъ. Тогда въ Aqua Riga было уже двѣ тысячи жителей. Экипажи безпрепятственно колесили по неровнымъ, недавно проложеннымъ улицамъ городка, открылось два банка, и мѣстная газета, издававшаяся вначалѣ разъ въ недѣлю, теперь сдѣлалась ежедневной. Общественная жизнь была очень оживленной и люди съ разныхъ концовъ земного шара встрѣчались въ этомъ недавно возникшемъ городкѣ.

Нравы въ Aqua Riga были строгіе. Въ городѣ не было ни одного легкомысленнаго заведенія. Биллиардная и соприкасающаяся съ нею темная комната, гдѣ шла карточная игра, были единственными учрежденіями, заставлявшими краснѣть жителей Aqua Riga, когда они вошли по городу безчисленныхъ «восточныхъ капиталистовъ», посѣщавшихъ въ этомъ году западный Канзасъ. Эти капиталисты останавливались въ трехъ-этажномъ «отелѣ», освѣщенномъ электричествомъ и снабженномъ всѣми послѣдними усовершенствованіями, съ цѣлью затмить сосѣдній городокъ Мэзъ, гдѣ отель представлялъ собою самое заурядное строеніе въ городѣ. На улицахъ встрѣчалось множество хорошо одѣтыхъ людей и въ конюшняхъ у фермеровъ стояли хорошо откормленныя лошади.

Такова была исторія подъема Aqua Riga. Боррингеръ рассказывалъ ее всѣмъ тысячу разъ. Боррингеръ до конца оставался вѣренъ своему городу. Когда наступила страшная засуха 1887 года и ея раскаленное дыханіе спалило всѣ окрестныя поля, Боррингеръ стоялъ во главѣ большинства, которое съ гордостью заявляло,

что въ ихъ краѣ все обстоитъ благополучно; въ качествѣ предсѣдателя совѣта мѣстныхъ землевладѣльцевъ, онъ отправилъ губернатору губительный для всѣхъ докладъ, въ которомъ Aqua Riga отказывалась отъ правительственной помощи. Банкъ Боррингера занялъ деньги подъ землю, которая не дала никакого урожая, чтобы помочь фермерамъ продержаться зиму. Тѣмъ не менѣе, многіе дома начали пустѣть. Когда пришло время расплачиваться по долгамъ, Боррингеръ отправился на востокъ, къ людямъ, вложившимъ деньги въ постройку новаго города, и просилъ у нихъ снисхожденія къ должникамъ и временной отсрочки платежей. Въ іюлѣ начались палιάщіе вѣтры, не только уничтожившіе посѣвы, но и иссушившіе ручьи, наполнившіеся весной. Осенью этого года отель, въ которомъ и такъ былъ открытъ только нижній этажъ, закрылся. Въ зданіи оперы стали устраиваться митинги для оказанія помощи «пострадавшимъ отъ неурожая», и когда зимою холодный вѣтеръ навѣвалъ кучи снѣга на пустынные улицы маленькаго городка, онъ ударялъ въ сотни оконъ опустѣвшихъ домовъ.

Въ этомъ году Боррингеръ не ѣздилъ на востокъ. Онъ не могъ рѣшиться на это, но аккуратно писалъ капиталистамъ, заинтересованнымъ въ его банкѣ, и отвѣты ихъ дѣлались все холоднѣе и холоднѣе по мѣрѣ того, какъ приближалась зима и они не получали слѣдуемыхъ имъ процентовъ. Банкротство Боррингера было объявлено весной 1889 года. Двое его компаньоновъ покинули городъ, другіе три основателя умерли прошлой зимой, семьи ихъ уѣхали, и вмѣстѣ съ ними исчезла культура и честолюбивыя мечты городка. Но Боррингеръ остался и, чтобы не платить ренты, жилъ въ двухъ пустыхъ комнатахъ въ нижнемъ этажѣ отеля. Съ нимъ жила его дочь Мэри, болѣзненная блѣдная дѣвушка съ впалыми глазами, совершенно обезсиленная ужаснымъ климатомъ.

Въ 1890 году горячіе вѣтры опять вернулись и дули долго и непрерывно, уничтожая всякую растительность. Въ городкѣ осталось только 500 жителей и они жили на налоги, платимые желѣзной дорогой, проходившей по ихъ странѣ. Многія семьи, откинувъ прежній стыдъ, просили о пособіи отъ государства. Весною началось поголовное выселеніе изъ города. Боррингеръ наблюдалъ за процессіей всевозможныхъ повозокъ, крытыхъ разноцвѣтнымъ полотномъ, увозившихъ обратно на востокъ имущество горожанъ. Онъ похудѣлъ, постѣдѣлъ и сталъ совсѣмъ старикомъ. Каждый вечеръ, когда вѣтеръ шумѣлъ въ пустыхъ комнатахъ отеля и колебалъ выпцвѣтшую вывѣску надъ входной дверью, онъ сидѣлъ съ дочерью надъ счетными книгами, вычислялъ проценты, подводилъ итоги и рѣшалъ миеическія задачи, которыя для всѣхъ, кормѣ него, не имѣли никакой реальной подкладки.

На Рождество 1891 г. все населеніе городка, состоящее только изъ 15 душъ, собралось къ Боррингеру. Онъ былъ преисполненъ надеждъ и говорилъ о томъ, что «одинъ хоропіій урожай» спасетъ страну, хотя

въ ней не осталось ни одного фермера, который могъ бы засѣять поля, даже если бы природа сдѣлалась болѣе благосклонной въ этомъ году. И дѣйствительно, весна оказалась довольно удачной: начались дожди и въ маѣ трава зазеленѣла на поляхъ. Боррингеръ ожилъ. Онъ послалъ отчетъ о положеніи дѣлъ своимъ кредиторамъ на востокѣ и увѣрилъ ихъ, что осенью добросовѣстно расплатится по всѣмъ обязательствамъ. Немногочисленные поселенцы отваживались вернуться, привлеченные видомъ зеленыхъ полей и журчащихъ ручейковъ. Въ пустынѣ опять появились хижинки людей, рѣшившихся еще разъ попытать счастья и обрабатывать поля. Къ юню ихъ набралось около тысячи человѣкъ. Дѣловая жизнь въ Aqua-Ruga снова начала закипать. 4-го іюля въ городѣ даже отпраздновали національный праздникъ. Но дождь, испортившій возвѣщенный въ программахъ фейерверкъ, былъ послѣднимъ въ этомъ году. Изъ Канзаса опять прибыла благотворительная помощь, которая, въ буквальномъ смыслѣ слова, спасла жизнь не одной сотни людей.

Весною слѣдующаго года Боррингеръ выглядѣлъ на 10 лѣтъ старше по сравненію съ весной прошлаго года. Зима была сухая, весна также и весь май дули вѣтры. Въ городѣ осталось всего 5 человѣкъ—Боррингеръ съ дочерью и семья почтмейстера. Продукты получались изъ Мэза, который одержалъ полную побѣду надъ своимъ, когда-то грознымъ соперникомъ.

У Боррингера вошло въ привычку сидѣть на крыльцѣ опустѣвшаго отеля, смотря на далекія преріи, уходившія къ юго-востоку, и на облака, разсѣянные по сумерочному голубому небу. Онъ видѣлъ силуэтъ бездѣйствующей водопроводной башни, вырисовывающейся на небѣ. Каменные зданія, воздвигнутыя въ блестящіе дни города, были свесены, и линія горизонта, открывавшагося передъ нимъ, прерывалась только ирригаціонными сооруженіями, поставленными на одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Они казались точно часовыми, стерегущими прошедшее. Умиравшій вѣтеръ шумѣлъ въ короткой, выжженной травѣ. Вдали сверкали зарницы, и тучи, собиравшіяся каждое полудня на краю неба, точно насмѣхались надъ обманутыми надеждами старика, сидѣвшаго на полуразвалившемся крыльцѣ пустого отеля. Каждый вечеръ сидѣлъ онъ здѣсь со своей дочерью и ждалъ дождя. Было время, когда онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы ѣхать на востокъ, гдѣ его имя сдѣлалось нарицательнымъ. Теперь онъ былъ слишкомъ бѣденъ, и деньгами, и духомъ. Поэтому онъ сидѣлъ и ждалъ, надѣясь на осуществленіе мечты и опасаясь, что она окажется неосуществимой.

Иногда къ нему приходилъ четырехлѣтній сынишка почтмейстера. Однажды вечеромъ, когда старикъ и ребенокъ сидѣли вмѣстѣ на крыльцѣ, м-ръ Боррингеръ сказалъ со вздохомъ: «Если бы теперь пошелъ дождь, можно было бы еще кое-что собрать съ полей. Только бы пошелъ дождь!»—Ребенокъ, слушая его, тоже вздохнулъ изъ подражанія.—

«Да, еслибъ пошелъ дождь,—проговорилъ онъ. — А что такое дождь, м-ръ Боррингеръ?»—Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на ребенка и долгое время молчалъ. Когда онъ всталъ, у него не осталось больше призрака надежды. Съ этого времени имъ овладѣла особаго рода ипохондрія — онъ преувеличивалъ ужасы засухи.

Осенью дочь Боррингера умерла отъ лихорадки. Старикъ какъ будто мало былъ опечаленъ ея смертью. Но когда онъ возвращался съ кладбища среди тучъ поднимаемаго вѣтрожь песку, онъ могъ только проговорить друзьямъ, пріѣхавшимъ изъ Мэза на похороны: «Мы положили ее въ пыльную и жаркую могилу».—Онъ вспомнилъ старую мелодію, которая подходила къ этимъ словамъ, и всѣ послѣдующіе дни тихо напѣвалъ: «Мы опустили ее въ пыльную и жаркую могилу».

Зимою и семья почтмейстера покинула Aqua-Ruga. Почтовые сношенія съ остальнымъ міромъ прекратились. Но Боррингера никакими силами нельзя было убѣдить уѣхать. Жители Мэза не настаивали: для одного изъ нихъ открылась возможность получать изъ городской казны по 4 доллара въ день за доставку пици Боррингеру.

Старикъ готовилъ себѣ обѣдъ, ѣлъ и спалъ въ кухнѣ отеля. День за днемъ онъ надѣвалъ зимою пальто и обходилъ пустыя зданія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по узкимъ тропинкамъ оставшимся на заросшихъ коричневой травой улицахъ, и весь день говорилъ о чемъ-то самъ съ собою. По ночамъ, когда вѣтеръ завывалъ въ пустыхъ зданіяхъ и свѣвалъ кучи снѣга и песку на обломанные ступени лѣстни пѣ лампа старика была единственной свѣтящейся точкой въ окружающемъ мракѣ. Онъ сидѣлъ такъ далеко за полночь и говорилъ своему ежедневному посѣтителю изъ Мэза, что занять сведеніемъ счетовъ.

Такъ прошла зима. Въ мартѣ показалась первая травка, въ маѣ она утратила свой зеленый цвѣтъ, а въ іюнѣ сдѣлалась коричневой. Въ августѣ опять начались вѣтры. Старикъ все сидѣлъ на крылечкѣ, ожидая дождя, и въ глазахъ его свѣтилось безуміе. Людямъ, заговаривавшимъ съ нимъ, онъ всегда повторялъ одно и тоже:

— Да, какъ будто похоже на дождь, но дождя не будетъ. Дождь весь ушелъ отсюда. Говорятъ, что въ Гютчинсонѣ былъ дождь—можетъ быть, что и такъ, но я сомнѣваюсь. Они говорятъ объ ирригаци. Все это однѣ глупости. Гдѣ Джонсонъ? Уѣхалъ. Гдѣ Никольсъ? Уѣхалъ. Гдѣ Гиксъ? Уѣхалъ. А гдѣ красивый Динъ Боррингеръ? Почтенный Ричардъ Боррингеръ? Здѣсь. Онъ здѣсь и кладетъ раскаленные кирпичи въ аду. Да, какъ будто похоже на дождь.

Онъ не могъ покинуть этого мѣстечка, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ основанный имъ городокъ. Здѣсь онъ рискнулъ всѣмъ и здѣсь же, въ своемъ разстроенномъ воображеніи, надѣялся опять вернуть прежнее благосостояніе. Онъ такъ часто писалъ своимъ кредиторамъ: «Весной дѣла поправятся, и одинъ хорошій урожай спасетъ страну», что это сдѣлалось какъ бы частью его символа вѣры. Слова

эти красными буквами выступали для него на стѣнѣ отеля, на выцвѣтшихъ вывѣскахъ, на пустыхъ стѣнахъ полуразрушенныхъ домовъ, словомъ, вездѣ въ Aqua Riga.

Однажды утромъ онъ проснулся и какіе-то странные звуки поразили его слухъ. Слышался какой-то шорохъ, который не былъ шорохомъ вѣтра. Онъ бросился къ двери и увидѣлъ, что идетъ дождь. Посланецъ изъ Мэза увидѣлъ его стоящимъ безъ шляпы посреди улицы и подставляющимъ голову падающимъ каплямъ дождя.

— Галло, дядя Дикъ,—сказалъ посланецъ.—Чего смотришь? Рѣка поднимается. Поѣдемъ-ка со мной въ Мэзъ.

Но старикъ отвѣчалъ только:

— Гдѣ Джонсонъ? Нѣтъ его. Гдѣ Гиксъ? Нѣтъ его. Гдѣ Боррингеръ? Здѣсь.

Увезти его не было возможности.

Когда черезъ пять дней дожди кончились и рѣка, затопившая оголенную равнину, спала, изъ Мэза прибылъ спасательный отрядъ и нашелъ старика мертвымъ. Около его постели лежали документы и счетныя книги. Въ его мертвыхъ глазахъ былъ цѣлый міръ грезъ.

Л. Давыдова.

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(Продолженіе *).

24-го августа.

Версть за 15—20 передъ Владивостокомъ желѣзная дорога подходитъ къ бухтѣ и все время уже идетъ ея заливомъ. Это громадная бухта, одна изъ лучшихъ въ мірѣ, со всѣхъ сторонъ закрытая, съ тремя выходами въ океанъ.

Ничего подобнаго тому, что произошло въ Сантъ-Яго съ испанскимъ флотомъ, здѣсь невысказуемо.

Отрицательной стороной Владивостокскаго порта являются туманы и замерзаемость порта съ конца ноябрю по мартъ.

Для льда существуютъ ледоколы; туманы то появляются, то исчезаютъ, и во всякомъ случаѣ и ледъ, и туманы не являются непреодолимымъ зломъ.

Все остальное за Владивостокскую бухту, и принцъ Генрихъ, который теперь гоститъ во Владивостокѣ, отдавая ей должное, сказалъ, что портъ этотъ оправдываетъ и оправдастъ и въ будущемъ свое названіе и всегда будетъ владѣть востокомъ.

Городъ открывается не сразу и не лучшей своею частью. Но и въ грязныхъ предмѣстьяхъ уже чувствуется что-то большое и сильное. Многоэтажные дома, какіе-то заводы или фабрики. Крыши почти сплошь покрыты гофрированнымъ цинковымъ желѣзомъ и это рѣзко отличаетъ городъ отъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, придавая ему видъ иностраннаго города.

Впечатлѣніе это усиливается въ центральной части города, гдѣ очень много и богатыхъ, и изящныхъ, и массивныхъ, и легкихъ построекъ. Большинство и здѣсь принадлежитъ, конечно, казѣ, но много и частныхъ зданій. Тѣ же, что и въ Благовѣщенскѣ, фирмы: Кунстъ и Альберсъ, Чуринъ, много китайскихъ, японскихъ магазиновъ. Здѣсь, за исключеніемъ вина, на все остальное порто-франко.

*) См. «Міръ Вождя», № 3, мартъ.

На улицахъ масса китайцевъ, корейцевъ, военныхъ и матросовъ. На рейдѣ бѣлые броненосцы, миноносцы и миноноски. Въ общемъ, своеобразное и совершенно новое отъ всего предъидущаго впечатлѣніе и житель Владивостока съ гордостью говорить:

— Это уже не Сибирь.

И здѣсь такая же строительная горячка, какъ и въ Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ, но въ большемъ масштабѣ.

Со всѣхъ сторонъ лучшей здѣшной гостинницы «Тихій Океанъ» строятся дома массой китайцевъ и отъ этого стука работы не спасаетъ ни одинъ номеръ гостинницы. Съ первымъ лучемъ солнца врывается и стукъ въ комнату и мало спится и въ этомъ звонкомъ шумѣ, и въ этомъ яркомъ свѣтѣ августовскаго солнца. Особый свѣтъ—чисто осенній, навѣвающій покой и миръ души. Беззаботными туристами мы ходимъ по городу, знакомимся, ѣдимъ и пьемъ, пробуя мѣстные блюда.

Громадныя, въ кисть руки, устрицы, креветки, киты, скумбрія, синіе баклажаны, помидоры—все то, что любить и къ чему привыкъ житель юга. Не совѣмъ югъ, но ближе къ югу, чѣмъ къ сѣверу.

А вечеромъ, когда яркая луна, какъ въ волнахъ, ныряя то въ темныхъ, то въ свѣтлыхъ облакахъ, сверкаетъ надъ бухтой, когда огни города и рейда обманчиво раздвигаютъ панораму горъ, все кажется большимъ и грандіознымъ, сильнымъ и могущественнымъ, такимъ, какимъ будетъ когда-нибудь этотъ начинающій свою карьеру портъ.

Ходимъ мы по улицамъ, ходятъ матросы наши, русскіе, нѣмецкіе, чистые, выправленные щеголи, гуляютъ дамы, офицеры, ѣдутъ извозчики, экипажи-собственники. Это главная улица города—Свѣтланская; внизу бухта, суда. Садится солнце и толпы китайцевъ и корейцевъ возвращаются съ работъ.

Китайцы подвижны, въ короткихъ синихъ кофтахъ, такихъ же широкихъ штанахъ, завязанныхъ у ступни, на ногахъ туфли, подбитыя въ два ряда толстымъ войлокомъ. Нижній рядъ войлока не доходитъ до носка и такимъ образомъ равновѣсіе получается не совѣмъ устойчивое. Китайская толпа оживлена, несутся гортанные звуки, длинныя косы, всегда черныхъ, жесткихъ и прямыхъ волосъ, спускаются почти до земли. У кого волосъ не хватаетъ, тотъ приплетаетъ ленту.

Корейцы—противуположность китайцу: такой же костюмъ, но бѣлый. Движенія апатичны и спокойны: все это, окружающее, его не касается. Онъ куритъ свою маленькую трубку или, вѣрнѣе, держитъ во рту длинный, въ аршинъ, чубучекъ съ коротенькой трубочкой и степенно идетъ. Шляпы нѣтъ—на головѣ его пышная и затѣйливая прическа, кончающаяся на макушкѣ, такъ же, какъ и модная дамская, пучкомъ закрученныхъ волосъ, продѣтыхъ цвѣтной булавкой. Лицо корейца широкое, желтое, скулы большія, выдающіяся; глаза маленькіе, носъ карто-

фелькой; жидкая, очень жидкая, въ нѣсколько волосковъ, борода, такіе же усы, почти полное отсутствіе бакенбардъ. Выше средняго роста, широкоплечи и въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ, съ неспѣшными движеніями и добродушнымъ выраженіемъ, они очень напоминаютъ тѣхъ типичныхъ хохловъ, которые попадаютъ впервые въ городъ: за сановитой важностью и видимымъ равнодушіемъ прячутъ они свое смущеніе, а можетъ быть, и страхъ.

Много японокъ въ ихъ халатахъ-платьяхъ въ обтяжку съ открытой шеей, широчайшимъ бантомъ сзади, безъ шляпы въ своей прическѣ, которую дѣлаетъ японка разъ на всю недѣлю, смазывая волосы какимъ-то твердѣющимъ веществомъ. Ходятъ онѣ на неустойчивыхъ деревянныхъ подставкахъ. Упасть съ ними легко, чему мы и были свидѣтелями: японка заглядѣлась, потеряла равновѣсіе и, подгибая колѣнки, полетѣла на землю. Японки низкорослы, мясisty, съ лицомъ безъ всякаго выраженія. Не крупнѣе и мужское поколѣніе японцевъ, въ своихъ европейскихъ костюмахъ, шляпахъ котелкомъ, изъ-подъ которыхъ торчатъ черные жесткіе, какъ хвостъ лошади, волосы.

Китайцы—каменщики, носильщики, прислуга; японцы—мастеровые. Высшій классъ китайцевъ и японцевъ захватили и здѣсь торговлю. Въ рукахъ у русскихъ только извозчичій промыселъ.

Среди японцевъ множество отставныхъ солдатъ, резервистовъ, запасныхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

— Эти желтые люди обладаютъ четвертымъ измѣреніемъ: они проходятъ черезъ насъ, а мы не можемъ...

Это говоритъ мѣстный житель.

Мы въ это время подходимъ къ какой-то запрещенной полосѣ и намъ говорятъ:

— Нельзя!

— Секретъ отъ насъ, своихъ,—поясняетъ мѣстный житель,—а эти съ четвертымъ измѣреніемъ тамъ: каменщикъ, плотникъ, слуга, нянька поварь,—они проходятъ вездѣ, безъ нихъ нельзя. Они знаютъ все, ихъ здѣсь въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ насъ, русскихъ, и среди нихъ мы ходимъ и живемъ какъ въ гипнозѣ.

Все здѣсь, дѣйствительно, въ рукахъ желтыхъ. Пусть попробуетъ, напримѣръ, думающій строиться домовладѣлецъ выжечь кирпичъ на своемъ заводѣ, а не купить его у китайца. Такого собственнаго кирпича рабочій-китаецъ изведетъ хозяину почти вдвое противъ купленнаго у китайца.

— Плохой кирпичъ—бьется.

Если хозяинъ начнетъ, ругаться, китайцы бросятъ работу и уйдутъ и никто къ этому хозяину не придетъ, пока онъ не войдетъ въ новое соглашеніе съ ихъ представителемъ.

Представителемъ этимъ называютъ одного китайца, который искусно руководитъ здѣсь всѣмъ китайскимъ населеніемъ, облагая ихъ всякаго

рода произвольными, но добровольными поборами. Частью этихъ поборовъ онъ кое съ кѣмъ дѣлится, часть остается въ его широкихъ карманахъ. Но зато всѣ вопросы, касающіеся правильности паспортовъ, для китайца не страшны и свободно процвѣтаетъ азартная игра въ китайскихъ притонахъ.

Терпѣливый, трудолюбивый китаецъ оказывается страстнымъ игрокомъ и зачастую въ одинъ вечеръ проигрываетъ все накопленное имъ. Проигрываетъ съ сократовскимъ равнодушіемъ и опять идетъ работать.

Въ китайскихъ кварталахъ грязно, скучено и въ домѣ, гдѣ русскихъ жило бы 200, ихъ живетъ 2.000. Такое жилье въ буквальномъ смыслѣ клоака и источникъ всѣхъ болѣзней.

Теперь свирѣпствуетъ, напримѣръ, сильнѣйшая дизентерія.

Китайцамъ все равно, играютъ... каждый притонъ платитъ кое-кому за это право по сто рублей въ день. Такихъ три притона, итого сто тысячъ въ годъ... Разрѣшить ихъ оффициально и улучшить на эти деньги ихъ же часть города: строить гигиеничныя дома для нихъ, приучать къ чистотѣ...

Я былъ въ домахъ, занятыхъ китайцами, задыхался отъ невыносимой вони, видѣлъ непередаваемую грязь, видѣлъ игорную комнату и грязную равнодушную толпу у обтянутаго холстомъ стола. При нашемъ появленіи раздавался какой-то короткій лозунгъ и толпа лѣниво отошла и какой-то пронырливый китаецъ съ мелкими-мелкими чертами лица подошелъ къ намъ и заискивающе объяснялъ:

— Такъ это, такъ, на огѣхи иглали...

Я познакомился съ однимъ мѣстнымъ, очень интереснымъ жителемъ.

— Все это на моихъ глазахъ, — говорилъ онъ, — совершилось уже въ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ, что хозяиномъ сталъ китаецъ. Откажись онъ сегодня отъ работъ, уйди изъ города—и мы погибли. Задумай Вареломеевскую ночь и никто изъ насъ не останется. Вотъ какъ, напримѣръ, они вытѣснили нашихъ огородниковъ: стали продавать даромъ почти, а, когда всѣхъ русскихъ вытѣснили, теперь берутъ за арбузъ рубль, яблоко семь копѣекъ. А вотъ какъ они расправляются съ вредными для нихъ людьми. Одинъ изъ служащихъ сталъ противодѣйствовать въ чемъ-то главѣ здѣшнихъ китайцевъ. Въ результатѣ доносъ этого главы, что такому-то дана взятка и въ доказательство представляется коммерческая книга одного китайца, гдѣ въ статьѣ его расходовъ значится, что такому-то дана имъ взятка... А на слѣдствіи, когда слѣдователь заявилъ, что этого недостаточно еще для обвиненія и нужны свидѣтели, этихъ свидѣтелей была представлена дюжина... Китайцу, когда нужно для его дѣла, ничего не стоитъ соврать... Вотъ вамъ и китаецъ... А такъ, что хотите съ нимъ дѣлайте... Манджуры ихъ били, били, а теперь отъ манджуръ только и осталось, что династія, да нѣсколько городовыхъ...

Да-съ,—мрачно заключаетъ мой знакомый,—мы вотъ гордимся нашей безкровной побѣдой—взятіемъ Портъ-Артура, а не пройдетъ и полувѣка, какъ съ такой же безкровной побѣдой поздравить китаецъ всю Сибирь и дальше...

Поздно уже. Ночь, южная ночь быстро боретъ остатки дня. Небо на западѣ въ огнѣ, выше дымчатыя тучи нависли, а между ними тамъ и сямъ свѣтятся кусочки безмятежной золотистой лазури.

— Будетъ вѣтеръ.

Ночь настоящая южная: живая, тревожная, темная и теплая.

Множество огней и сильнѣе движеніе по Свѣтланской улицѣ. Ъдутъ торопливо экипажи, снуютъ пѣшеходы, изъ оконъ магазиновъ свѣтъ снопами падаетъ на темную улицу. Темно, пока не взойдетъ луна. Кажется, провалилось вдругъ все въ какую-то темную бездну, въ которой снизу и сверху мигаютъ огоньки. Тамъ внизу море, тамъ вверху небо, но гдѣ же эти огоньки? между небомъ и землей? Да тамъ: они горятъ на высокихъ мачтахъ бѣлыхъ, не видныхъ теперь броненосцевъ. Тамъ между ними теперь и германскихъ три судна. Принцъ Генрихъ угощаетъ гостей обѣдомъ, и лихо пьютъ, говорятъ, за его столомъ и хозяева, и гости.

Принцъ, кажется, хочетъ ѣхать до Благовѣщенска.

Одного изъ адъютантовъ нашихъ, приставленныхъ къ нему, онъ спросилъ:

— Стоитъ ли ѣхать въ Благовѣщенскъ?

Адъютантъ замаялся: сказать «не стоитъ» казалось ему неловко, какъ представителю своей страны, съ другой стороны и соврать не хотѣлось.

— Жители Благовѣщенска будутъ счастливы видѣть ваше высочество.

— Ну, я не для громкихъ китайскихъ фразъ пріѣхалъ сюда.

Принцъ любитъ нѣмецкій языкъ и настоятельно требуетъ употребленія его въ разговорѣ съ нимъ. Не только отъ мужчинъ, но и отъ дамъ. Передаютъ, что на благотворительномъ гуляньѣ здѣсь, на предложеніе на французскомъ языкѣ одной красивой продавщицы шампанскаго, онъ сказалъ:

— Сейчасъ я не буду пить, но вечеромъ, у васъ въ домѣ выпью, если вы будете говорить со мной по-нѣмецки.

— Но я говорю совсѣмъ плохо.

— У васъ есть время выучить.

Было четыре часа дня.

Дама покраснѣла, подумала и тихо отвѣтила:

— Я выучу...

— Но принцъ шутить,—по-русски рѣзко проговорила одна изъ болѣе старшихъ дамъ своей растерявшейся подругѣ.

— Но и madame * * * шутить,—отвѣчалъ принцъ на этотъ разъ тоже по русски,—въ нѣсколько часовъ нельзя выучить языкъ.

Кстати о благотворительномъ гуляньѣ. Это благотворительное гулянье устраивается ежегодно и даетъ до десяти тысячъ чистаго сбора. Оно продолжается весь день. Публика, по преимуществу, китайцы. Они страшно раскупаютъ билеты аллегри, кричатъ отъ удовольствія, глядя на японскій фейерверкъ, и, когда изъ лопнувшей въ небѣ ракеты вылетаетъ то бумажный китаецъ, то бумажный корабль, они какъ дѣти бѣгутъ къ тому мѣсту, куда онъ долженъ спуститься. Надутый бумажный пузырь, искусно изображающій наряднаго китайца, не спѣша, спускается, а толпа жадно вытянула руки, весело хохочетъ, кричитъ и ждетъ, не дождется, когда опустится фигура на столько, чтобъ схватить ее сразу всѣмъ.

Еще примѣръ китайской азартности: торги.

На всякіе торги китайцы жадно стремятся, набиваютъ цѣны и на этотъ разъ даже не помогаетъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ строгая выдержанная корпоративная организація.

30-го августа.

Всѣ эти дни прошли въ окончательныхъ приготовленіяхъ: покупаемъ провизію, разныя дорожныя вещи.

Въ свободное же отъ покупокъ время знакомимся съ мѣстнымъ обществомъ и жизнь его, какъ въ панорамахъ, проходитъ передъ нами. Одинъ драматическій и опереточный театръ дѣйствуетъ, лихорадочно достраивается другой—тамъ будутъ пѣть малороссы; работаетъ циркъ.

Мы были и въ театрѣ, и въ циркѣ. Что сказать о нихъ? Силы, въ общемъ, слабыя, но есть и таланты. Въ общемъ же житье артиста здѣсь, сравнительно съ Россіей, болѣе сносное и публика здѣшняя относится къ нимъ хорошо. Хорошо относится и печать.

Перваго сентября выходитъ еще одна новая, третья газета здѣсь. Дѣло изданія въ рукахъ бывшего политическаго ссыльнаго, съ которымъ я познакомился у бывшего его тюремнаго начальства на Сахалинѣ.

Это былъ интересный обѣдъ съ разговорами о Кеннанѣ и всемъ пережитомъ.

Одинъ горячо настаивалъ на томъ, что все дѣло было сильно раздуто, другіе, напротивъ, доказывали, что раздутого ничего не было. Я, лично, склонялся къ доводамъ послѣднихъ, такъ какъ у первыхъ было больше азарта въ нападеніи, чѣмъ фактовъ...

Рѣчь заходитъ о побывавшихъ здѣсь литераторахъ: Чеховѣ, Дѣдловѣ, Сигмѣ, Дорошевичѣ.

— Да что литераторы,—говорятъ хозяйинъ дома,—это въ пражнее время было что-то особенное, а теперь? Изъ всѣхъ сидящихъ здѣсь, кто не литераторъ? Каждый изъ насъ пишетъ въ газетахъ—я, онъ, они, въ столичныхъ... Всѣ умѣемъ и мысли свои высказать, и литературно изложить ихъ, и... приврать.

— Кстати, провѣрить одинъ фактъ,—говорю я,—про одну даму на Сахалинѣ, которая, будто бы, сѣкла заключенныхъ.

— Кто такая?

Я называю фамилію и говорю, что она жаловалась мнѣ на пароходѣ на то, что на нее такъ жестоко наклеветалъ Чеховъ.

— Сѣчь она не сѣкла, но по лицамъ била сапожниковъ, портныхъ...

Со всѣхъ сторонъ слѣдуютъ энергичныя подтвержденія. На этотъ разъ кажется все настолько достовѣрнымъ, что я рѣшаюсь этотъ фактъ занести въ свой дневникъ и тѣмъ возстановить репутацію своего коллеги.

Можетъ быть, въ свое время она такъ же горько будетъ жаловаться кому нибудь и на меня. Но при чемъ я тутъ? И если говорить всѣ, что дама эта, дѣйствительно, была нехорошая, злая дама, злоупотреблявшая своимъ и даже не своимъ, а положеніемъ своего мужа, то пусть и знаетъ эта дама, что все, конечно, можно сдѣлать: и злоупотребить своимъ положеніемъ, и не стѣсняться своимъ человѣческимъ долгомъ, но потомъ для всякаго наступаетъ исторія, которая и клеймитъ каждаго его клеймомъ.

Я не называю имени этой дамы потому, что имя это—звукъ пустой для всего русскаго общества, а для ея общества достаточно я сказаннаго, чтобы безошибочно узнать, о комъ рѣчь идетъ.

Вечеромъ я уживалъ съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ обитателей, а послѣ ужина одинъ изъ нихъ позвалъ меня прокатиться съ нимъ по городу и его окрестностямъ.

Это была прекрасная прогулка. Мой собесѣдникъ, живой и наблюдательный, говорилъ обо всемъ, съ завидной мѣткостью опредѣляя современное положеніе дѣлъ края.

— Вотъ это темное зданіе—военнаго вѣдомство, а напротивъ, вотъ это, морское: они враги... Они только и заняты тѣмъ, какъ-бы подставить другъ другу ножку. Это сознаютъ и моряки, и сухопутные... И случись осложненія здѣсь, мобилизація тамъ что ли, если не будетъ какой нибудь объединяющей власти... А вотъ вѣдомство путей сообщенія и контроля: опять на пожахъ. Опять постановка, въ родѣ того, что, кто зеленый кантъ носить, тотъ мошенникъ, кто синій надѣлъ, тотъ непремѣнно честный: я такъ, а я такъ, а въ результатѣ, что стоитъ рубль, обходится въ сотни. Терпитъ казна...

— Это не только въ Сибири.

— Знаю... И средство отъ всего этого и тамъ одно: объединенныя министерства съ министромъ—ответственнымъ главой.

— Скажите мнѣ откровенно: что представляетъ изъ себя собственно вашъ край? Способенъ онъ къ самостоятельной культурѣ или вѣчно такъ будетъ, что сколько Россія приплатитъ здѣсь, столько, за исключеніемъ жалованья, остальное унесутъ китайцы?

— Съ какой стороны,—раздумчиво началъ мой собесѣдникъ,—взять вопросъ. Во всемъ этомъ краѣ, прежде всего, что-то роковое и такое же

неизбѣжное, какъ роды, что ли... Пришло время и взяли Портъ-Артуръ, хотя отплевываются и отплевывались отъ него всѣ... Но все-таки край могъ бы быть несомнѣнно не той пѣвкой, какой онъ является теперь для остальной Россіи... съ нашествіемъ сюда китайцевъ, то-есть, рабочихъ рукъ, одна сторона такимъ образомъ рѣшается, но другая сторона остается открытой: у насъ денегъ нѣтъ... Надѣялись мы на русско-китайскій банкъ, но... банкъ въ коммерческомъ отношеніи стоитъ очень хорошо. Но предпріятія, которыя могли бы здѣсь развиваться, не создаются: деньги даютъ на краткосрочный кредитъ... на нѣсколько мѣсяцевъ... на такой кредитъ предпріятія не создашь и съ такимъ кредитомъ только запутаешься... А дѣла много, но и денегъ надо много... Это не Россія: здѣсь для дѣла надо весь капиталъ сполна, и если хоть десятой части его не хватаетъ, то дѣло будетъ сорвано: кредита нѣтъ... Совершенно нѣтъ... А есть и золото, и каменный уголь, и руды: свинцовая, желѣзная, соль каменная есть. Можно и сельско-хозяйственную культуру вести: и скотъ, и сахаръ, и табакъ, и пиво пойдетъ... Да какъ не пойти? Вы посмотрите, какія цѣны: бутылка пива рубль, фунтъ сахару 25 копѣекъ, хлѣбъ, мясо... На все вѣдь безумныя цѣны... Лѣсъ... Но вотъ лѣсъ нашъ: при разработкѣ въ одинъ годъ съ нимъ не повернешься, а такихъ здѣсь, которые могли бы затратить капиталъ на два года,—нѣтъ... Возьмите другое громадное дѣло—рыба... Вѣдь такого изобилія рыбы нѣтъ на остальномъ побережьи земного шара. Три осеннихъ мѣсяца, когда идетъ кита, чтобъ метать свою икру въ Амуръ, ее столько, что руками можно ловить. А вѣдь это та же лососина... За ней стадами плывутъ акулы, кошелоты... Два года тому назадъ убили въ бухтѣ кита... Въ ловѣ пудъ рыбы обходится копѣйка... Но для организаціи сбыта нужны пароходы-ледники, во всѣхъ европейскихъ центрахъ склады-ледники... Солить рыбу? нужна соль, а ея нѣтъ: нѣмецкая соль у насъ стоитъ 70 копѣекъ, съ Сахалина 50, но и не годится, и оба эти сорта соли не годятся,—онѣ получаютъ вываркой, а, слѣдовательно, въ нихъ и іодъ, и натръ, и все это даетъ негодный для продажи товаръ... Нужна комовая соль... Японцы здѣсь вертятся, но народъ безденежный... Все, на чтò хватаетъ ихъ—это удобрительными туками увозить эту рыбу къ себѣ... Милліона два пудовъ вывозятъ... Иностранные капиталы сюда бы... Но не идутъ въ такія сложныя дѣла...

— Почему?

— Положеніе неопредѣленное,—боятся произвола, взяточничества...

1-го сентября.

Сегодня вышелъ первый номеръ новой здѣсь третьей газеты—«Восточный Вѣстникъ». Редакція газеты, очевидно, чистоплотная. Лучшая будущность—500 подписчиковъ и, слѣдовательно, людей собрала къ этому дѣлу не его денежная сторона.

Сегодня вечеръ я провелъ въ ихъ кружкѣ и вечеръ этотъ былъ одинъ изъ лучшихъ здѣсь проведенныхъ вечеровъ.

Хозяйка дома, госпожа М., она же секретарь редакціи, изъ числа тѣхъ беззавѣтныхъ, которыя своею любовью къ дѣлу, любовью особенной, какъ только женщины умѣютъ любить дѣло, перенося на него всю ласку и нѣжность женской природы,—грѣютъ и свѣтятъ, вносятъ уютность, вкусъ, энергію...

Выхлопотать разрѣшеніе, получить случайно въ-время запоздавшую телеграмму и такимъ образомъ прибавить интересъ номеру, не спать ночь, чтобы номеръ вышелъ въ-время, выправлять корректуру и огорчаться отъ всего сердца, если какая-нибудь буква выскочила-таки вверхъ ногами—вотъ на что проходить незамѣтно дни, годы, вся жизнь...

2-го сентября.

Сегодня вечеръ въ морскомъ собраніи въ честь принца Генриха. Мужской элементъ представленъ на вечерѣ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи эффектно. Большинство военныхъ, всѣхъ сортовъ оружія. Изъ штатскихъ налицо вся колонія нѣмцевъ. Налицо и весь дѣловой міръ города. Большинство это люди, своими руками сдѣлавшіе себѣ свое состояніе. Многимъ изъ нихъ пришлось начинать снова въ жизни послѣ выслуженной каторги, ссылки. Но здѣсь, на крайнемъ Востокѣ мало обращаютъ вниманія на прошлое, руководствуясь нѣмецкой поговоркой: за то, что было, еврей ничего не дастъ: важно то, что есть.

Зато дамъ мало, молодыхъ и того меньше, барышень и совсѣмъ на перечетъ. Костюмовъ особыхъ не было. Выдавалась одна, жившая очень долго въ Парижѣ и, очевидно, прекрасно усвоившая всѣ приемы великихъ фравтихъ Парижа. Костюмъ ея блѣдныхъ тоновъ съ нѣжно лиловыми цвѣтами, низенькій корсетъ, лифъ, схваченный на оголенныхъ плечахъ маленькими бархатками, вся фигура изящная и въ то же время декадентски-небрежная, нѣсколько дорогихъ камней, небрежно брошенныхъ по костюму, дѣлали ее, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ и взглядъ моихъ знакомыхъ,—царицей вечера.

Въ ея движеніяхъ, манерахъ—свобода парижанки, въ которой, очевидно, плохо привыкаетъ мѣстное общество.

На первыхъ порахъ, говорятъ, ей особенно трудно пришлось здѣсь; но затѣмъ все вошло въ колею. Много помогло то обстоятельство; что виновница толковъ мало обращала на нихъ вниманія и молодая, изящная, съ оригинальной, хотя, можетъ быть, и некрасивой наружностью, окружила себя блестящей молодежью морскихъ офицеровъ.

Это ея штатъ и за ужиномъ симпатичные хозяева вечера, въ значительномъ числѣ, откочевали за ней наверхъ, оставивъ своихъ гостей-нѣмцевъ на попеченіе своихъ старшихъ членовъ, да сухопутныхъ представителей нашихъ войскъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ гостей сидѣлъ и за нашимъ столомъ. Онъ хорошо ѣлъ, хорошо говорилъ по нѣмецки, но ни на какихъ другихъ язы-

какъ не говорили, въ то время, какъ кругомъ его русскіе офицеры бойко перебрасывались на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Не удалось нѣмецкаго гостя вызвать и на болѣе широкую тему въ разговорѣ: все сводилось къ его кораблю, его формѣ и ближайшимъ поѣздкамъ. Зато увѣренность и снисходительность этой боевой единицы были по истинѣ завидны. Очевидно, всѣхъ насъ онъ считалъ чѣмъ-то неизмѣримо ниже его стоящимъ. Всѣ это чувствовали и съ добродушіемъ русскихъ относились къ своему гостю, усердно подливая ему шампанское.

Когда коснулись китайскаго и японскаго вопросовъ, гость-нѣмецъ категорически заявилъ, что и тѣхъ, и другихъ надо такъ держать. Онъ при этомъ показалъ на свой кулакъ и наивно улыбнулся. Поддержку онъ нашелъ въ одномъ господинѣ, который взялся, очевидно, научно обосновать этотъ вопросъ. Онъ заговорилъ о желтой расѣ, о томъ, что, какъ извѣстно, раса эта имѣетъ совершенно отличную отъ насъ культуру, и затѣмъ искусно перешелъ къ нѣмецкому, русскому и англійскому кулакамъ, такъ же необходимымъ-де желтой расѣ, какъ воздухъ, пища, сонъ. Нѣмецъ улыбался, кивалъ ему головой и постоянно чокался съ нимъ. И такъ какъ задача и заключалась въ томъ, чтобы гость нѣмецъ пилъ, то господинъ и заслужилъ въ концѣ концовъ признательность хозяевъ. Я уѣхалъ сейчасъ послѣ ужина, но до шести часовъ утра ублажали моряки своихъ гостей. Многие изъ хозяевъ не выдержали этого виннаго боя, тогда какъ нѣмцы, выпивъ неизмѣримое количество вина, все-таки на своихъ собственныхъ ногахъ дошли до извозчика.

— О, дьяволы, какъ здоровы они пить, — говорили на другой день, — нѣтъ возможности спить ихъ.

Впрочемъ, отдавая должное, и между нашими были молодцы въ этомъ отношеніи.

3-го сентября.

Возвратился съ вечера въ часъ ночи, а въ семь часовъ утра пароходъ, на которомъ я уѣзжалъ изъ Владивостока, уже выходилъ изъ бухты въ открытый океанъ.

Ѣду я до бухты Посыета, а оттуда сухимъ путемъ въ Новокіевскъ, Красное Село и далѣе въ Корею.

Утро, солнце лѣниво поднимается изъ-за хребтовъ бухты, еще окутанной молочно-прозрачнымъ туманомъ.

Маленькій пароходъ нашъ стоитъ на рейдѣ, къ нему подплываютъ лодки со всѣхъ сторонъ съ разнаго рода пассажирами: военные съ дамами, японцы, китайцы. Китайцы лодочники, китайцы носильщики, китайцы пассажиры и звонкій гортанный говоръ ихъ рѣзко стоитъ въ просыпающемся утрѣ.

Неподвижно и безмолвно вырисовываются грозные громадные броненосцы съ своими высоко задранными бѣлыми и черными бортами.

Что-то типично южное во всей этой картинѣ,—краски юга, утро юга, южное разнообразіе нарѣчій, говоронъ, цвѣтовъ костюмовъ. На борту парохода бытовая сценка.

Полицейскій осматриваетъ паспорта китайцевъ: каждый прїѣзжающій и увъзжающій китаецъ долженъ платить пять рублей русскаго сбора. Отмѣтка дѣлается на паспортѣ. Тѣхъ китайцевъ, у которыхъ отмѣтокъ этихъ нѣтъ, полицейскій не пускаетъ на парашодъ. Крикъ, шумъ, вопли. Китайцы, прогнанные съ одной стороны, уже взбираются съ другого траппа. Очевидное дѣло, что одному не разорваться. Нѣкоторые уплачиваютъ половину, третью часть, отдѣлываются мелочью.

Полицейскій пожимаетъ плечами, жалуется намъ на свое безвыходное положеніе и усердно въ то же время прячетъ деньги въ карманъ. На лицахъ слушающихъ и наблюдающихъ большое сомнѣніе, кому достаются эти деньги, получаемыя безъ всякихъ расписокъ и отмѣтокъ. А денегъ собирается все-таки не мало съ двухъ-трехъ сотенъ китайцевъ.

Возлѣ меня моряки и военные. Рѣчь о судахъ, на которыхъ прїѣхали къ намъ нѣмцы.

— Такая же разнокалиберная дрянь, какъ и наши,—говоритъ степенный солидный морякъ.

Но вотъ третій свистокъ и заключительная картинка: полицейскій спускается съ траппа, а по другому стремительно бросаются на парашодъ массы точно изъ подъ воды появившихся китайцевъ.

Полицейскій уже въ лодкѣ, кричитъ, на минуту изъ-за борта выглядываетъ къ нему капитанъ и машетъ рукой: дескать, довольно съ тебя—набралъ.

Полицейскій человекъ русскій и вся фигура его говоритъ, что оно конечно, что набралъ и все довольно благополучно и благовидно вышло, онъ машетъ рукой и, обращаясь къ намъ, неволью сочувствующимъ китайцамъ, говоритъ снисходительно:

— Что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ?

Кто-то сзади убѣжденно говоритъ:

— Хорошій человекъ...

А парашодъ уже идетъ, лязгаетъ якорная цѣпь, мы смотримъ на городъ, склоны горъ, окружающихъ бухту. Дальше и дальше горы спятъ въ ясной синевѣ прозрачнаго осенняго утра.

— Будетъ качать?

— Пустяки...

— Ну-съ, не говорите—въ морѣ мертвая зыбь.

Дамы испуганно смотрятъ впередъ, гдѣ за береговыми тѣсинами еще прячется открытая даль. И долго еще парашодъ пробирается между этими извилистыми берегами, между островами. Тамъ и сямъ взрытыя кучи земли, скрытыя постройки—это все батареи, телеграфные сигналы,

укрѣпленія, настолько сильныя, что Владивостокъ считается неприступнымъ со стороны моря.

Вотъ и островъ, на которомъ два дня охотился принцъ Генрихъ. Нѣмцы въ восторгѣ отъ охоты, единственной въ своемъ родѣ. Въ моей памяти сохранилась цифра убитыхъ оленей—сорокъ два.

— Это чисто нѣмецкая манера—бить все и вся до послѣдняго: не поѣдать...

Говорить офицеръ съ манерами гвардейца, изысканно пренебрежительно бросая слова. Онъ тихо выпускаетъ:

— Хамовье... Единственный графъ, но и тотъ хуже нашего сапожника. Это вѣдь традиціонная манера Гогенцоллерновъ—окружать себя исключительно низкопробной публикой... Единственно вѣрный взглядъ на китайцевъ и всю здѣшнюю сволочь...

Генеральнаго штаба полковникъ, военный инженеръ, нѣсколько дамъ и штабныхъ офицеровъ замыкаются въ свой кружокъ. Рѣчь о Петербургѣ, штабѣ, военныхъ дѣлахъ, скандалахъ и скандальчикахъ. Грузно, по медвѣжьи, въ сторонѣ сидятъ нѣсколько армейскихъ офицеровъ. Костюмы ихъ трепаные, лица потертыя, сильно задумчивыя. Рѣчь о командировкахъ, прибавочныхъ, о дѣтяхъ, воспитаніи, корпусахъ, и это все надо и надо.

— Гамъ, гамъ надо...

Показываетъ штабъ-офицеръ на свой ротъ.

Дамы, тоже задумчивыя, прикрываютъ свои стоптанныя ботинки и толкуютъ о выкройкахъ, шляпкахъ, модисткахъ. Тутъ же денщикин्याнки, носящія дѣтей ихъ на рукахъ, играющихъ съ ними, пока супруга офицера не позоветъ и не прикажетъ что-нибудь принести ему.

Звонятъ къ завтраку—одни идутъ, другіе остаются.

Армейскихъ офицеровъ и женъ ихъ мало за обѣденнымъ столомъ. Ни китайцевъ, ни японцевъ за столомъ тоже нѣтъ. Прислуживаютъ проворные «бои»—китайскіе подростки, въ синихъ короткихъ кофточкахъ, съ длинными косами. Есть поразительно красивые, мало похожіе на общій типъ китайца съ раздвоенными глазами. Это смуглые красавцы, напоминающіе итальянца, древяго римлянина. Во Владивостокѣ, какъ разъ противъ гостиницы «Тихій Океанъ», строится какой-то домъ и масса китайцевъ работаютъ, голые, только слегка прикрывая середину тѣла. Это здоровыя, сильныя, темно-бронзовыя тѣла. Каждый изъ нихъ прекрасный матеріалъ для скульптора. Собственно тотъ типъ китайца, къ которому привыкъ европейскій взглядъ—только уродъ, который и здѣсь существуетъ, какъ таковой. Но, если взять другой типъ китайца, то красотой формъ, лица, руки, ноги, изяществомъ движеній и манеръ, тонкостью всего рѣзца—онъ, если не превзойдетъ, то и не уступитъ самымъ элегантнымъ представителямъ Европы.

Кончился завтракъ и волна уже открытаго моря весело подхватила пароходъ и понесла на себѣ. Другая на смѣну,—хочетъ перехватить,

не успѣваетъ и пароходъ неловко падаетъ на бокъ. Летятъ брызги во всѣ стороны, что-то замираетъ въ груди, пароходъ уже поднялся и взбирается на новый гребень волны, но, капризная, она уклоняется и опять тяжело и неуклюже валится пароходъ въ открытую бездну.

Что это? Качка настоящая, большая?

Да, тайфунъ гулялъ.

Еще никто никогда не спасся изъ тѣхъ, кто попадаетъ въ середину тайфуна. Все искусство при встрѣчѣ правильно опредѣлить его центръ и уходить отъ него... Нѣмцы, неопытные еще мореплаватели въ этихъ моряхъ, чаще другихъ платятъ дань грозному бичу здѣшнихъ морей.

Меня не укачиваетъ, но зато аппетитъ громадный. Послѣ завтрака уже въ двѣнадцать часовъ я обѣдалъ и жадно ѣлъ, мало обращая вниманія на то, что изъ каюты несутся неприятные звуки страдающихъ морской болѣзнью. Народу мало за столомъ. Какой-то бѣдный армейскій офицеръ, на котораго качка производила, очевидно, такое же дѣйствие, какъ и на меня, не выдержалъ и сѣлъ за столъ. Съ какимъ наслажденіемъ ѣлъ онъ, пока жена его мучилась въ сосѣдней каютѣ.

А въ два часа мы уже были въ бухтѣ Посьета, послѣдней нашей русской бухтѣ, и сразу исчезла и качка и всѣ страхи открытаго моря. Тихій заливъ бухты, говорливо нѣжно ласкаясь, раступается, сверкаетъ переливами морская вода и мы быстро подходимъ къ противоположному берегу.

Вотъ островъ—маленькій сплошной утесъ и миллионъ пеликановъ, робко вытянувъ свои шеи и уродливыя головки, смотрятъ на насъ съ острова, шумно взлетаютъ и опять садятся: близко и будь ружье, сколько бы ихъ стало жертвой скупающаго охотника.

Вотъ и берегъ, рядъ казенныхъ кирпичныхъ построекъ, а на одномъ изъ холмовъ, на черной взрыхленной поверхности изъ бѣлыхъ камней выложенъ громадный двуглавый орелъ.

Какой-то толстый господинъ, изъ тѣхъ практиковъ и бывалыхъ людей, которые вездѣ и всегда чувствуютъ себя такъ же свободно, какъ въ своемъ кабинетѣ, подсаживается ко мнѣ и, пока пароходъ медленно подвигается и бросаетъ якорь, говоритъ съ дѣловымъ пренебреженіемъ:

— Я знаю, куда и зачѣмъ вы ѣдете, здѣсь мы все знаемъ... Я вѣдь знаю и Корею, и Китай вотъ какъ... Въ Корей я скупаю скотъ, въ Шанхаѣ у меня нѣсколько домовъ...

И онъ сообщаетъ мнѣ массу полезныхъ и практичныхъ свѣдѣній о пока совершенно неизвѣстныхъ мнѣ странахъ.

О проѣзженныхъ мѣстахъ онъ говоритъ:

— Нѣтъ ничего, ничего и не будетъ здѣсь: относительно сельскаго хозяйства убиваетъ все туманъ, который здѣсь отъ іюня до августа. Верстъ пятьдесятъ дальше, у китайцевъ уже другое дѣло, тамъ ни тумановъ, ни морской соли нѣтъ.

- Лѣса вырублены или никогда и не росли?
- Были кустарники—мало... Подпочвы совсѣмъ нѣтъ...
- Скотоводство?
- Чума, сибирская язва... Манджуръ вѣдь и шкуру съ большой скотины снимаетъ, а скотину или съѣстъ, или такъ броситъ, такъ что разсадникъ всегда готовъ, оттого и въ Сибири и здѣсь скотоводство—одно разореніе...

Пароходъ остановился.

— Ну, прощайте... Смотрите, никакого оружія не берите,—все это глупости тамъ насчетъ разбойниковъ, а населеніе обидите... Обращайтесь съ ними, какъ съ людьми, не кричите по солдатски... Охота хорошая: козы есть, тигры, барсы: не дай Богъ только съ ними встрѣчаться...

Влѣво и вправо идутъ развѣтвленія залива, а ѣду двѣнадцать верстъ на лошадахъ до Новокіевска и все тотъ же заливъ Песьета. Самыя ничтожныя работы сравнительно могутъ создать изъ него одну изъ лучшихъ и громаднѣйшихъ бухтъ въ мірѣ.

Все время по пути попадаютъ здѣсь и тамъ отдѣльными городками солидныя кирпичныя постройки; это все наши войска — пѣхота, артиллерія.

Новокіевскъ—центръ этихъ войскъ. На каждомъ шагу здѣсь лихорадочная постройка новыхъ и новыхъ зданій. Китайцы, корейцы, японцы—все тѣ же исполнители.

Норокіевскъ имѣетъ видъ настоящаго городка; въ немъ и лавки и магазины, даже отдѣленіе Кунста и Альберса. Городъ военный весь въ низинѣ и разбросался на далекое разстояніе. Въ концѣ его на дворѣ одного окраиннаго города расположился и нашъ экспедиціонный отрядъ.

Во дворѣ стоятъ палатки, а вдоль заборовъ двора расположены лошади. Лошади маленькія, корейскія, то и дѣло схватываются между собой, а корейцы-конюха то и дѣло вскрикиваютъ на нихъ, издавая короткіе рѣзкіе звуки.

Всю компанію засталъ я въ палисадникѣ за ѣдой. Столъ былъ устроенъ изъ ящичковъ, поверхъ которыхъ было настлано по двѣ доски. Ъда въ походныхъ жестяныхъ тарелочкахъ, чай въ такихъ же чашкахъ.

Съ моимъ пріѣздомъ экспедиція была вся налицо. Когда выступаемъ—еще неизвѣстно: паспорта не готовы, нѣтъ людей, нѣтъ отвѣта относительно запасныхъ солдатъ, которыми предполагается пополнить кадръ, нѣтъ, наконецъ, еще и полнаго комплекта лошадей. Хорошо, если выступимъ пятаго.

7-го сентября.

Прошло пятое, седьмое сегодня—и хорошо, хорошо, если тронемся девятаго. Теперь держатъ проливные дожди, благодаря которымъ

рѣка вышла изъ береговъ, а такъ какъ мостовъ въ этой первобытной странѣ нѣтъ, то и сообщеній иныхъ, какъ въ бродѣ, нѣтъ. Ни о какихъ же бродахъ теперь и рѣчи быть не можетъ. Маленькая рѣчушка возлѣ насъ съ бродомъ ниже колѣна, теперь трехъ сажень глубины и вода все еще прибываетъ.

Во дворѣ, гдѣ наши палатки, невылазная грязь, грязь и въ палаткахъ. Грязь и сырость и всѣ мы рискуемъ, не выступая еще, навредить себѣ солидные ревматизмы.

Обѣдаемъ уже не въ палисадникѣ, а въ домѣ, гдѣ раньше шла упаковка разныхъ вещей. И теперь ихъ здѣсь навалены груды и укладчики жалуются, что мы мѣшаемъ имъ. Но дѣваться некуда и публика толчется весь день въ этой комнатѣ. Хозяинъ дома въ отчаяннѣи и требуетъ новой окраски половъ.

Дѣлать нечего и мы знакомимся и ближе присматриваемся другъ къ другу.

Здѣсь прибавилось нѣсколько новыхъ попутчиковъ.

А. И. З. молодой представитель экспедиціи. Онъ одѣтъ въ красивый тирольскій костюмъ, носить бѣлую пробковую шляпу съ низкимъ дномъ и широкими полями. Весь костюмъ придаетъ ему не русскій видъ и идетъ ко всей его стройной, высокой и красивой фигурѣ. Волосы острижены при головѣ, черная вьющаяся борода, большіе, красивые, черные глаза. Лицо доброе, открытое, умное, манеры предупредительныя и сильное желаніе ступенаться. Раньше онъ былъ морякомъ, изучалъ астрономію и теперь въ предстоящихъ работахъ взялъ на себя всѣ астрономическія наблюденія.

Съ Н. А. К. я уже познакомилъ читателя. Онъ считается помощникомъ З.,—энергиченъ, горячъ и забираетъ себѣ работы по части описанія существующихъ дорогъ столько, что и въ нѣсколько мѣсяцевъ, вѣроятно, не управится.

Затѣмъ идутъ отдѣльныя партіи по разнымъ специальностямъ. У меня ихъ двѣ: одной завѣдую я самъ и со мной Н. Е. Б., а другой завѣдуетъ А. П. С. и съ нимъ докторъ.

По части геологіи и изслѣдованія почвы горный инженеръ С. П. Т.

Это человѣкъ, лѣтъ 35, высокій, сухой брюнетъ, уже извѣстный изслѣдователь, по преимуществу въ совершенно дикихъ мало обитаемыхъ мѣстахъ. Онъ работалъ у якутовъ, на Охотскомъ побережьи, въ Забайкальѣ и гдѣ его только ни носило. Разказы его интересны и мы слушаемъ его вечеромъ, послѣ ужина, когда двѣ-три свѣчки плохо освѣщаютъ нашъ длинный столъ, а на дворѣ монотонно и однообразно барабанить все тотъ-же унылый осенній дождь.

Дѣлю свое специальное знаетъ онъ очевидно хорошо, но все остальное мало его интересуетъ.

Въ помощники себѣ онъ взялъ бывалаго моряка-бродягу, хорошо знающаго Корею и всѣ ея трущобныя мѣста. Похоже на то, что оба

они не прочь попытать счастья и хищнически порыть золота. Онъ самъ говоритъ объ этомъ; вѣроятно, помощникъ его общаетъ ему въ этомъ отношеніи многое, потому что у обоихъ лица довольныя и таинственныя. Вся ихъ партія въ цвѣтъ и масть: все здоровые, сильные, рослые молодцы, умѣющіе и стрѣлять, и копать землю. Такъ какъ въ Корей добыча золота запрещена, то дѣло это и является такимъ образомъ противозаконнымъ. Имъ занимаются китайскіе разбойники (хунгузы) и всякій сбродъ. Рискъ такимъ образомъ двойной: и со стороны этихъ хунгузовъ, и со стороны корейскихъ властей.

Въ случаѣ осложненій непріятность и для остальной экспедиціи.

Мы иногда безъ С. П. толкуемъ объ этомъ, намекаемъ и ему, но онъ только посмѣивается и загадочно говоритъ:

— Мое дѣло, и за насъ не бойтесь.

Его помощникъ весело поддерживаетъ:

— Не пропадемъ.

Помощникъ С. П. прекрасный и страстный охотникъ. Онъ ручается ему, что къ столу будутъ фазаны и гураны (дикіе козы), ручается и за прекрасныя отношенія съ корейцами.

— Только смазать какъ слѣдуетъ ихъ губернатора, и дѣлай что хочешь. А ихъ губернаторъ такая же неумытая свинья, какъ и вотъ наши корейцы. Сидитъ, ѣстъ и тутъ же за столомъ всѣ отправленія. Ничѣмъ не брезгуетъ: ножичекъ, карандашъ... А ужъ что приказалъ губернаторъ, то свято для корейца. Кореецъ, какъ и китаецъ, власть признаетъ и уважаетъ. Власть все равно, что самъ Богъ: хоть глупость, хоть несправедливость, приказано—законъ. Такъ кореецъ ничего не дастъ, никуда не повезетъ... Разъ такой случай былъ. Договорились съ вечера—утромъ ни одной подводой. Что, почему? Ничего неизвѣстно: не хотятъ, и баста. Нечего дѣлать—къ губернатору. Ну, поѣли, вылилъ я въ него цѣлую бутылку коньяку, объяснилъ ему, что такое русскій царь тамъ, все, какъ слѣдуетъ. Потребовалъ губернаторъ къ себѣ всѣхъ этихъ корейцевъ и ну ихъ пороть. Билъ, билъ, пока не согласились, наконецъ, ѣхать. День, конечно, пропалъ, а на другой день поѣхали. Блещь около нихъ— всѣ битые— и жалко и смѣшно... Или, напримѣръ, спросите у корейца яицъ—«нѣтъ». Идете сами, берете изъ лукошка яйца, отдаете деньги—кланяется и благодарить...

Помощникъ С. П. даже собственникъ въ Корей: имѣетъ домикъ тамъ и десятину земли. За домъ и эту десятину заплатилъ 14 рублей на наши деньги, что составляетъ 6.500 корейскихъ кешъ (около $\frac{1}{3}$ коп.).

— Зачѣмъ вамъ этотъ домъ и земля?

— Да вѣдь человекъ я холостой: такъ ухаживать за корейками неудобно, а такъ выходишь въ родъ своего.

— Корейскія женщины красивы?

— Есть очень красивыя: высокія, стройныя... Плечи и грудь обна-

женныя, снизу только что-то въ родѣ корсета... Иная идетъ съ рѣки, поддерживаешь на головѣ кувшинъ руками — просто, хоть царапайся, такъ хороша...

— Онѣ доступны?

— Лѣтъ пять тому назадъ сколько угодно было, а теперь нельзя. То-есть можно, если жить. Я попалъ къ нимъ разъ на Новый годъ, пришелся онъ съ нашимъ 17 январемъ. Праздникъ большой и три дня всѣ лавки закрыты. А мы прѣехали за провизіею. Волей, неволей пришлось просидѣть безъ дѣла. Губернаторъ знакомый: пьяница, обжора и пошли мы съ нимъ. Пригласилъ онъ восемь кореекъ изъ такихъ, которыя бывали во Владивостокѣ и умѣли немного по русски. У всѣхъ все такіе же костюмы, все здѣсь открыто... Первымъ дѣломъ каждая изъ нихъ рюмку ѣхней водки подносить и яйцо. Необходимо выпить и съѣсть яйцо. И такъ восемь разъ... Потомъ чай, игры.. хлопаютъ въ ладоши, бьютъ по колѣнамъ, потомъ по твоимъ ладошамъ. Ну, ошибешься, попадешь ей въ грудь—ничего. А у нихъ, какъ семь часовъ, ворота городскія запираются. А мой станъ за городомъ. Повели меня провожать губернаторъ, корейки, ихъ мужья: всѣ подъ ворота пролѣзли—забрались ко мнѣ—опять кутежъ. Потомъ ко всѣмъ корейкамъ по очереди... И вездѣ рюмка водки, яйцо, да такъ всѣ три дня и три ночи. Въ день яицъ 35, да 35 рюмокъ—такъ ошалѣешь, что отца съ матерью забудешь... А приглашенія все новыя и новыя, а если безъ приглашенія, такъ и еще лучше: это ужъ такой почетъ, если иностранецъ въ праздникъ попадетъ безъ зова...

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: чѣмъ больше спутникъ С. П. обнажается, тѣмъ унылѣе становится съ нимъ С. П., говорить:

— Бывалый, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

Партія лѣсника состоитъ изъ четырехъ рабочихъ, во главѣ которыхъ и стоитъ В. А. Т. Это лѣтъ за 50 человѣкъ, тихій, наблюдательный, очень свѣдущій и очень неглупый. Онъ хохолъ, любитъ хохлацкія пѣсни и до сихъ поръ сохранилъ свой голосъ.

7-го сентября.

Сегодня приглашеніе всѣмъ отъ мѣстнаго русскаго комисара на обѣдъ. Комисаръ очень обязательный человѣкъ и мы всѣ охотно идемъ къ нему, хотя дождь льетъ, какъ изъ ведра.

У комисара прекрасный, въ два этажа, казенный домъ.

Кромѣ насъ, приставъ и мировой судья, онъ же слѣдователь.

Оба на столько интересны, что надо на нихъ остановиться.

Мировой судья, лѣтъ 35 человѣкъ, съ круглымъ лицомъ, мелкими чертами, въ очкахъ.

Намъ пришлось сидѣть съ нимъ за обѣдомъ рядомъ и я не жалѣлъ. Онъ первый здѣсь судья съ іюня прошлаго года. За годъ многое уже сдѣлано. Главныя преступленія: убійства и грабежи. Въ первой оче-

реди преступниковъ стоятъ китайскіе хунгузы, а за ними идутъ наши русскіе солдатики. Въ этомъ только году двадцать изъ нихъ сосланы въ каторжныя работы.

— Въ чемъ же преступленія этихъ солдатъ?

— Грабятъ русскихъ корейцевъ.

Очень еще недавно охота на бѣлыхъ лебедей,—такъ называютъ корейцевъ въ ихъ бѣлыхъ костюмахъ и черныхъ волосяныхъ, узкихъ и смѣшныхъ шляпахъ,—была обычнымъ явленіемъ. Четыре года назадъ, одинъ солдатъ изъ такой партіи лебедей, шедшихъ гуськомъ по скалистой тропинкѣ, перестрѣлялъ четырехъ,—«а что ихъ не стрѣляютъ? Души у нихъ нѣтъ—паръ только».

Обычная форма грабежа: солдатъ подходитъ къ корейцу и спрашиваетъ спичекъ и въ это же время лѣзетъ къ нему за грудь и отрываетъ подвѣшенный тамъ кисетъ съ деньгами.

Съ введеніемъ здѣсь слѣдователя, послѣ ссылки въ каторгу 20 человекъ, преступленія эти прекратились, но слѣланное зло не исправится и десятками лѣтъ. Робкій кореецъ боится и ненавидитъ солдата: для солдата нѣтъ продажной курицы, яйца, чумизы, предъ солдатомъ кореецъ запретъ свою фазу и совсѣмъ уйдетъ въ горы, но не пуститъ добровольно солдата.

Слѣдователь прямо въ восторгѣ отъ корейцевъ. И онъ у нихъ желанный гость. Въ немъ они только и видятъ защитника и каждый его прїездъ къ нимъ сопровождается цѣлыми оваціями.

— Скажите, правда, что съ корейцемъ нужна твердая авторитетная манера?

— О, Боже сохрани! Не слушайте вы всѣхъ этихъ негодяевъ шовинистовъ. Вѣдь это они же и подрываютъ вездѣ и всегда русское имя: за нихъ краснѣемъ.

Послѣ обѣда З. шепнулъ мнѣ:

— Провѣрьте впечатлѣніе вашего разговора со слѣдователемъ и поговорите съ приставомъ.

Приставъ, молодой человекъ, рыжій, съ тонкими чертами лица. Я подсѣлъ къ нему.

Рѣчь скоро зашла о корейцахъ.

— Способный это народъ?

— Очень способный; такъ, вообще, въ жизни онъ лѣнивъ, апатиченъ, но отъ книги не оторвешь. Я уже устроилъ здѣсь четыре школы. Двое изъ моихъ теперь въ Казани, двое въ Благовѣщенскѣ, двое въ Хабаровскѣ.

— Симпатичный это народъ?

— Чистый и симпатичный, душой дѣти. И преступленія у нихъ дѣтскія: стащить у васъ какую-нибудь бездѣлушку.

— Храбры?

— Очень робки; лѣвивый ихъ не грабитъ,—грабятъ или, вѣрнѣе,

грабили до его,—приставъ показавъ на слѣдователя,—пріѣзда солдаты, грабятъ хунгузы... Такъ въ своей жизни очень самолюбивы. На всякаго, кто съ оружіемъ, смотрятъ, какъ на хунгуза: боятся и не доврѣяютъ.

Слѣдователь подслѣлъ:

— Будете путешествовать, спрячьте всѣ ваши ружья: простой лаской сдѣлаете съ ними все.

Было уже темно. Мы поблагодарили гостепріимнаго хозяина и отправились домой. Засидѣлись, противъ обыкновенія, до 12 часовъ ночи.

Вдругъ вбѣгаетъ С. П.

— Господа, въ сосѣднемъ дворѣ пожаръ.

Рядомъ пожаръ, а у насъ лошади. Въ страхѣ онѣ могутъ сорваться и истопчутъ и палатки, и все сложенное въ нихъ, и насъ самихъ. Мы бросились во дворъ. Ночь темная, безъ звѣздъ, дождь, а черезъ заборъ только еще разгорается пожаръ въ сосѣднемъ домѣ.

Первый бросился туда Н. А., за нимъ я. Остальные бросились къ лошадямъ, отвязывать ихъ и выводить на улицу.

Къ счастью, Н. А. удалось скоро разбудить спавшихъ хозяевъ и раньше еще того онъ началъ заливать пламя стоявшей тутъ же водой. Но когда огонь потухъ и стало темно, мы почувствовали себя жутко. Н. А. шепчетъ:

— Теперь удираемъ, пока не пришли желтокожіе.

Онъ исчезъ, я пустился за нимъ. Назадъ труднѣе было бѣжать: мѣшали какія то деревья, ограды, ямы. А сзади, казалось, кто-то бѣжитъ и вотъ-вотъ поймаешь.

Но никто за нами не гнался, а на другой день намъ принесли въ подарокъ бутылокъ двадцать вина отъ благодарныхъ погорѣльцевъ.

10-го сентября.

Сегодня, наконецъ, въ половинѣ пятаго вечера выступаемъ мы изъ Новокіевска на границу Кореи (Красное Село). Дорога все время кружить по берегу залива Посьета и на нашемъ горизонтѣ постоянно то иззубренныя, котя и не высокія, голыя, безлѣсныя горы, то синее море.

На горизонтъ съ запада выдвинулись тучи и замеры. Онѣ, какъ вторая линія горъ, рельефно вырисовываются въ небѣ въ самыхъ причудливыхъ формахъ. Вотъ стада какихъ-то невиданныхъ звѣрей, вытянувъ шею, тянутся къ открывшемуся океану.

Солнце послѣдними лучами играетъ въ этой грудѣ облаковъ. Тамъ же на востокъ все мрачно и вдоль горизонта моря стоитъ какая-то синегвенно-дымчатая стѣна съ башнями тамъ наверху. Точно иной берегъ тамъ, и кажется, что, прижавшись къ нему, стоять тѣ плывущіе корабли у той стѣны.

Гаснетъ солнце, синѣетъ стѣна, мрачная и грозная и уже вспы-

живаютъ по ней зарницы, какъ сторожевые огни сказочной крѣпости. Холодомъ ночи вѣетъ оттуда. А ближе къ солнцу покой и тишина. Тамъ обласканныя солнцемъ облака словно таютъ въ его лучахъ, золотистымъ бирюзовымъ слѣдомъ протянувшись въ небѣ. Легкій свѣтло-прозрачный туманъ вѣжно окутываетъ горы,—туманъ забрался въ ихъ впадины и кажутся эти горы приподнятыми въ воздухѣ и такая масса тамъ этого вѣжно-молочно-прозрачнаго воздуха. Лучи солнца еще просѣкаютъ его, но уже теряются фіолетовымъ отблескомъ въ безбрежныхъ низинахъ этихъ горъ.

Наша кавалькада красиво растянулася и змѣей вьется по прихотливой береговой полосѣ,—всадники съ ружьями, ножами, англійскими шляпами, какъ на рисункахъ журналовъ, вродѣ: «Земля и люди».

Уже попадаютъ корейскіи фанзы съ ихъ плоскими, камышевыми крышами, покрытыми веревочной сѣткой, съ ихъ отдѣльно стоящими высокими деревянными трубами, съ ихъ бумажными окнами и дверями. Но все это тамъ, внутри двора, а снаружи только глухая стѣна и спряталъ кореецъ за ней и себя, и семью, и свои обычаи. Все это пока еще тайна для насъ и очень интересная.

Около каждой фанзы громадная, въ ростъ всадника, конопля, гоалинь. Гоалинь—родъ крупнаго проса, на видъ очень похожій на нашъ камышъ. Темнѣетъ. Молодой мѣсяцъ блѣдно-прозрачный всплылъ въ небѣ. Скорпионъ, его спутникъ здѣсь, вѣжно обвилъ его яркими, какъ брилліанты, звѣздочками.

Все темнѣе и все растутъ бастіоны востока.

Дорога идетъ черезъ заливъ по водѣ и растянувшаяся линія всадниковъ одинъ за другимъ исчезаетъ въ мракѣ воды и темныхъ стѣнъ.

Подбирается вода все выше и выше, подмочила уже вьюки, лошади всплыли, солдатъ Бибику съ головой провалился въ воду и ругаетъ, отряхиваясь, соленую воду. Но опять берегъ и горы и мы ѣдемъ рысью.

Китайская деревня Ханъ-си,—незаконный выходъ манджуровъ къ морю. Она растетъ съ каждымъ годомъ—это уже портъ Манджурии, изъ котораго и идетъ вся ея торговля.

Ночь и спать деревня. Мы ѣдемъ въ сторонѣ отъ нея.

Вотъ и нашъ привалъ—Зарѣчье и фанза Николая. Насъ гостеприимно принимаютъ, и я, ухавшій впередъ, уже сижу въ маленькой, въ квадратную сажень, чистенькой комнаткѣ. Оклеены обоями стѣны, потолокъ. Двери въ другія комнаты и каждая комната имѣетъ такой же отдѣльный выходъ на дворъ. Выходъ на высотѣ аршина,—это и дверь, и окно. Можно ее затворить глухой дверью или бумажной. Снаружи, когда закрыта такой бумагой, она просвѣчиваетъ свѣтъ комнаты и тогда на фонѣ темной ночи вырисовывается какой-нибудь фантастичный узоръ.

Хозяева фанзы—русскіе, крещеные корейцы.

Николай—старшина; онъ богачъ.

Пріѣхали остальные и насъ поятъ чаемъ, кормятъ ужиномъ, подаютъ корейскій салатъ, рисовую кашу.

— Есть клопы?

— Мало.

Хуже клоповъ донимаютъ комары, которыхъ набилось видимо невидимо. Но мы устали и уже спимъ.

11-го сентября.

Прекрасное раннее утро. Я сижу во дворѣ и записываю впечатлѣнія.

Предъ моими глазами фанза.

Цѣлый рядъ оконъ-дверей, съ узорчатымъ мелкимъ переплетомъ, заклееннымъ бумагой. Всѣ эти окна-двери выходятъ на узкій, шириной всего съ аршинъ, балкончикъ. Съ этого балкончика до земли тоже аршинъ. Вся фанза выбѣлена. Крыша ея плоская изъ мелкаго камыша, сверху покрытая веревочной сѣткой.

Отдѣльно, сбоку отъ фанзы, на разстояніи сажени, изъ земли выведена высокая, выше крыши, узкая деревянная, изъ четырехъ досокъ, труба. Въ эту трубу проходитъ дымъ изъ печей дома.

Печи устроены очень своеобразно: всѣ дымовые ходы расположены подъ поломъ. Полъ поэтому всегда теплый, а въ комнатахъ не видно печей. При легкости всей постройки, при толщинѣ стѣнъ въ два чершка, я не думаю, чтобы въ этихъ фанзахъ было тепло зимой. Впрочемъ, вотъ доживемъ до холода и тогда убѣдимся.

Дворъ собстоенно раздѣленъ на двѣ части; въ передней сосредоточено все относящееся къ рабочимъ и скоту. Тамъ грязно.

Во второмъ дворѣ, гдѣ мы, чисто, а съ лѣвой стороны устроенъ даже небольшой цвѣтникъ. Красные и бѣлые цвѣты въ изобиліи ласкаютъ взглядъ.

Вдоль стѣнъ висятъ грозди краснаго перцу, желтой кукурузы, бѣлаго чесноку, а изъ-за забора выглядываетъ здѣшняя ветла съ острыми длинными серебряными листьями, съ ярко-красными наростами на листьяхъ.

Во дворцѣ корейцы: русскіе—стриженые, подданные же Кореи въ своихъ прическахъ съ завитушкой на срединѣ головы.

Добрыя дѣтскія лица ихъ широки, кожа темна, глаза прямые, но узкіе, вѣки опущенныя, какъ у тѣхъ, у кого они находятся въ параличномъ состояніи.

— Теперь это самая пустая операція,—говоритъ докторъ,—дѣлается разрѣзъ на лбу: разъ, два...

Но въ это время раздается отчаянный крикъ,—это Н. А. летитъ съ балкончика, не замѣтивъ уступа. Онъ постоянно падаетъ.

«миръ вождй», № 4, апрѣль, отд. 1.

13

Онъ спокойно встаетъ и идетъ къ намъ.

— То-есть, чортъ знаетъ, какъ я падаю,—говоритъ онъ.—Мое единственное спасеніе, что я падаю, какъ мѣшокъ съ овсомъ, не сопротивляюсь, и потому никогда не запибаюсь.

— Вы также никогда не оглядываетесь на то мѣсто, гдѣ упали?—спрашиваетъ докторъ.

— Боже сохрани оглядываться,—говоритъ серьезно Н. А.

Напитъ лѣсникъ, спокойный, уравновѣшенный и веселый хохолъ, мягкій и деликатный В. А. Т. методично говоритъ:

— Утро ли, полдень ли, вечеръ: докторъ ругается, а Н. А. падаетъ.

— Совершенно вѣрно,—говоритъ Н. А., — я за всѣхъ отдуваюсь.

— И я,—говоритъ докторъ.

— Еще бы не ругаться: мнѣ 50, а мнѣ 200, 100, 300 порошковъ, а я одинъ.

Одинъ за другимъ уходятъ обозы, уходитъ и мой. Докторъ и С. уходятъ совсѣмъ, отправляясь прямо на Кегенфу.

Но жаль мнѣ разстаться съ чуднымъ утромъ, уютнымъ уголкомъ, расположеніемъ къ работѣ. Я еще останусь.

Я принимаюсь за англійскій языкъ; мнѣ предлагаютъ сварить кукурузу, и незамѣтно я провожу здѣсь время до часу.

Пора ѣхать: лошади давно осѣдланы и громадный Бибикъ ждетъ не дождется, когда я тронусь наконецъ.

Мы ѣдемъ отъ Зарѣчья къ Красному Селу долиной рѣки Пончянги.

Кругомъ поля корейцевъ: всевозможные сорта чумизы, овесъ, кукуруза, одни бобы, другіе, третьи, изъ которыхъ готовится соя.

Въ этомъ году, послѣ трехъ лѣтъ неурожая, урожай громадный.

Яркое солнце, синее осеннее небо, по обѣимъ сторонамъ красиво-иззубренные, хотя и невысокія горы. Въ общемъ очень напоминаетъ долину Крыма, когда ѣдешь изъ Севастополя въ Ялту.

Но здѣсь красивѣе, потому что все время на горизонтѣ темно-синей лентой море. Только краешекъ его и виденъ, но это еще сильнѣе дразнить и тянетъ къ нему, прочь отъ этихъ мѣстъ къ далекой милой родинѣ. Когда-то это будетъ? Гонишь и мысль и то смотришь на барометръ и записываешь, то слушаешь переводчика П. Н. Кима, который рассказываетъ мнѣ то про тигровъ, ютящихся въ этихъ горахъ, то про друческія постройки на вершинахъ горъ, то про жить-бытье здѣшнихъ корейцевъ.

Край этотъ заселенъ всего пятнадцать лѣтъ назадъ.

Первымъ корейцамъ пришлось особенно трудно. Голодъ, неустройство довели ихъ до полной нищеты и жены ихъ и дочери добывали себѣ пропитаніе позорнымъ ремесломъ.

Теперь все измѣнилось и корейскія женщины славятся своей цѣломудренностью.

— Вотъ въ Корей много балованныхъ женщинъ.

— Но вѣдь и тамъ пять лѣтъ назадъ вышелъ новый законъ.

— Что законъ? Законъ ничего не можетъ перемѣнить. Хуже стало: нельзя прямо, потихоньку дѣлають... болѣзни...

У здѣшнихъ корейцевъ надѣлы и такіе же общинные порядки, какъ и въ остальной Россіи. Жалуются они очень на дорожную повинность. На волость въ 1.500 дворовъ приходится такихъ дорогъ слишкомъ 200 верстъ. Прежде они вносили на ихъ ремонтъ деньгами—6.000 руб. въ годъ, но съ этого года введена натуральная повинность, которая, очевидно, очень не по вкусу имъ.

Зато введеніе съ прошлаго же года мирового судьи удовлетворяетъ корейцевъ выше головы. Они не могутъ нахвалиться какъ и самимъ мировымъ, такъ и вообще идеей мирового суда. Хвалятъ они и своего пристава, открывшаго имъ нѣсколько школъ.

Иногда мы останавливаемся и разговариваемъ съ корейцами: ихъ много въ полѣ — они молотятъ овесъ. Въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ они дѣйствительно напоминаютъ бѣлыхъ лебедей.

Слѣдующій рассказъ выслушанъ мною отъ нѣсколькихъ корейцевъ и подтвержденъ старшиной, старостой и переводчикомъ П. Н. Кимъ.

Въ 1896 г., въ концѣ весны, корейскій подданный, кореецъ Хенъ, былъ найденъ замершимъ на берегу озера Сенденыпи, близъ Краснаго Села и его выселка Сегарги.

Дальніе родственники Хена дали знать женѣ и сыну умершаго. Шестнадцатилѣтній сынъ съ двумя другими корейцами пришли къ трупу. Въ то время, какъ сынъ наклонился надъ трупомъ отца, раздался выстрѣлъ изъ группы нѣсколькихъ солдатъ, стоявшихъ въ верстѣ, и мальчикъ съ пробитымъ лбомъ упалъ мертвый на трупъ своего отца.

Два другихъ корейца убѣжали.

Слѣдствіе выяснило, что солдаты по близорукости приняли корейцевъ за лебедей, и было поэтому прекращено.

Корейцы просили меня записать, что они сами показали, что солдаты приняли ихъ за лебедей и ничего не имѣютъ противъ оправданія подсудимыхъ. Не имѣетъ и вдова, живущая теперь въ Красномъ Селѣ, но только она боится съ тѣхъ поръ русскихъ и, когда увидитъ, бѣжить отъ нихъ, какъ сумасшедшая.

13-го сентября.

Всѣ эти дни мы съ Н. Е. простояли лагеремъ у красносельской переправы, на берегу величественной и красивой рѣки Туменьула или Тумангана по-корейски. Это пограничная на всемъ своемъ протяженіи рѣка между Кореей и Манчуріей.

Возлѣ насъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ каменный пограничный знакъ Г.—точка, гдѣ сходятся границы Китая, наша и Кореи.

Эти дни мы занимались повѣркой барометровъ, кипяченіемъ воды, астрономическими наблюденіями, изслѣдованіемъ рѣки и нивелировкой

окружающей мѣстности въ предположеніи дать рѣкѣ болѣе благоприятный выходъ въ море, такъ какъ при теперешнемъ, благодаря какъ встрѣчному морскому теченію, такъ и вѣтрамъ, устье рѣки засоряется настолько пескомъ, что входъ и выходъ изъ нея обставленъ непреодолимыми препятствіями. Весьма, вѣроятно, что рѣка эта прежде текла въ бухту Посьета. И теперь въ высокую воду одинъ изъ рукавовъ ея, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, переливается и течетъ по старому руслу. Работы по отводу не представляли бы серьезныхъ препятствій. Длина такого канала по совершенно ровной мѣстности въ мягкомъ грунтѣ составила бы четыре съ половиной версты.

Что касается астрономическихъ работъ, то ими занимается А. И. З., а В. А. Т. помогаетъ ему. Мы же остальные получаемъ, что нужно каждому изъ насъ, въ готовомъ уже видѣ.

Сегодня снимается З., Т и К. и мы съ Н. Е. остаемся одни. Завтра и мы снимаемся.

Вокругъ насъ все время корейцы ласковые, гостепріимные, хотя и готовые получить за все немного дороже. Гдѣ, въ какой странѣ это не практикуется съ такими туристами, какъ мы?

Я былъ въ школѣ деревни Подгорской. И учитель и, ученики—корейцы. Положеніе учителя очень плохое. Получаетъ онъ 15 р. въ мѣсяцъ и при здѣшней дороговизнѣ живетъ хуже крестьянина-корейца.

— Чай пьете?

Онъ только разсмѣялся и махнулъ рукой.

Дѣти усердны и всѣ поразительные каллиграфы. И къ остальнымъ наукамъ, впрочемъ, корейцы очень способны.

Зданіе школы просторное и свѣтлое. Школа устроена въ этомъ году.

По вечерамъ, когда я возвращаюсь съ работъ, около меня толпится много корейцевъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ 35, маленькій, съ черными глазами, маленькими руками и ногами, присланъ ко мнѣ учителемъ, какъ человѣкъ, знающій много рассказовъ изъ корейской жизни. Онъ сидитъ на корточкахъ и со всѣмъ жаромъ художника, весь увлеченный, рассказываетъ. По временамъ переводчикъ П. Н. останавливаетъ его, не надѣясь на свою память, передаетъ мнѣ, а я записываю. Всѣ остальные корейцы сидятъ на корточкахъ и серьезно, внимательно слушаютъ. Если рассказчикъ сбивается, они поправляютъ его и иногда поднимается горячій споръ.

Такъ я записалъ уже до десяти сказокъ и рассказовъ.

Этотъ кореецъ-художникъ принялъ мое предложеніе и отправляется со мной по Корей: онъ будетъ помогать мнѣ собирать тѣ рассказы, которые удастся собрать.

Изъ рассказовъ, между прочимъ, выясняется несомнѣнный фактъ, что русскимъ корейцамъ живется гораздо лучше, чѣмъ ихъ братьямъ въ Корей. Они говорятъ, что еслибъ не запрещались переселенія, вся сѣверная Корея перешла бы въ Россію, основанно съ тѣхъ поръ, когда

шрѣхалъ мировой, когда нельзя больше безнаказанно ни убивать, ни бить ихъ. Но переходъ изъ Кореи строго запрещенъ и всѣхъ такихъ переходящихъ, и корейцевъ, и китайцевъ, препровождаютъ обратно. При этомъ корейское начальство ограничивается выговоромъ и тутъ же отпускаетъ ихъ, а китайское тутъ же или сѣчетъ, или рубитъ головы. Поэтому китайцы такому обратному ихъ водворенію противятся всѣми средствами и нерѣдко дѣло кончается кровопролитіемъ, причемъ китайцы дерутся ожесточенно и даже умирающіе стараются ранить или подстрѣлить преслѣдующихъ ихъ.

Обыкновенно облавы на такихъ тайныхъ переселенцевъ дѣлаются въ тѣхъ случаяхъ, когда произойдетъ какое-нибудь убійство или грабежъ и виновныхъ не хотятъ выдать. Но одна угроза, что будетъ обыскъ, уже дѣлаетъ то, что преступниковъ сейчасъ же приводятъ.

Такъ, на-дняхъ были убиты двое русскихъ съ цѣлью ограбленія, и убійцу—китайца привели сами китайцы. Чтобъ онъ не убѣжалъ, русскія власти обрѣзали ему косу: этого довольно; въ Китаѣ уже за одно то, что онъ безъ косы, его ждетъ смерть, тогда какъ въ Россіи самое большое за убійство—безсрочная каторга.

На самомъ берегу Тумангана, у пограничнаго знака, стоитъ фанза, въ которой живетъ нашъ офицеръ и нѣсколько солдатъ.

Ничего печальнѣе такого одиночнаго существованія представить нельзя себѣ. Офицеръ, молодой и симпатичный, коротаетъ свое время собираніемъ гербаріума, охотой. Охота здѣсь прекрасная, къ тому же, осень и перелетъ.

Вечеромъ, когда потухнуть огни неба,—когда вся рѣка, въ перспективѣ наморщенныхъ, какъ шкуры собирающихся броситься тигровъ, горъ, окрашенныхъ непередаваемымъ отливомъ заката, съ водой нѣжно-фіолетоваго цвѣта, съ снащими на ней тамъ и сямъ лодочками рыбаковъ-корейцевъ,—въ блѣдномъ небѣ раздаются то нѣжный гортавный крикъ журавлей, то рѣзкое кряканье утокъ, то далекій крикъ гусей. А въ горахъ фазаны, косули, волки, лисицы, медвѣди, барсы и тигры. А въ водѣ миллионъ всевозможныхъ рыбъ и изъ нихъ первая красная кита—та же лососина.

Послѣдній вечеръ на русскомъ берегу. Я слушаю рассказы о тиграхъ и барсахъ.

Тигръ благороднѣе барса. Передъ нападеніемъ онъ всегда показываетъ себя и нерѣдко играетъ съ врагомъ, какъ кошка съ мышью. Онъ то прыгаетъ, то ложится, машетъ хвостомъ и смотритъ. На окрикъ онъ бросается.

Кореецъ пользуется этимъ и, приготовивъ себя и свое копье, бросаетъ тигру такой вызовъ:

— Принимай мое копье!

Искусство такъ подставить копье, чтобъ тигръ схватилъ его зубами,

и затѣмъ,— и для этого нужна не малая сила,— надо это копье, протиснуть сквозь сжатые зубы тигра, всадить ему въ горло.

Барсъ же всегда нападаетъ изъ засады: съ дерева, со скалы.

Раненый, онъ притворяется мертвымъ, а когда къ нему подходитъ доверчивый охотникъ, онъ бросается на него.

И тотъ, и другой боятся огня и шума и поэтому на ночь корейцы въ походахъ разводять костры, а при появленіи тигра, если не желаютъ съ нимъ сразиться, поднимаютъ шумъ: кричатъ, стучатъ въ литавры.

14-го сентября.

Шесть часовъ утра. День просыпается лѣниво. На западѣ синія тучи и тонутъ въ сизомъ туманѣ горы и даль рѣки. Но востокъ уже ясенъ; безмятежно искрится тамъ рѣка свѣтлая, прозрачная. Спать дальнія горы въ лучахъ, плывутъ плоты и корейцы на нихъ.

Мы собираемся: складываются палатки, затюковываются вещи. Съ мѣста я разбиваю мой отрядъ на три части: одинъ идетъ прямо на г. Херіонъ, другой идетъ по направленію Кегенху, а я отправляюсь сперва въ бухту Гашкевича, къ устью Тумангана.

Къ вечеру я догоню тѣхъ, что пошли на Кегенху, а черезъ три дня мы все соединимся въ Херіонѣ.

Мы уже переѣзжаемъ рѣку.

Поднялся вѣтеръ и тучи закрыли небо. Чувствуется уже осень,— холодно.

Паромъ, длиной до $4\frac{1}{2}$ сажень, можетъ поднять до 300 пудовъ или 17 лошадей. Спереди онъ узокъ, но расширяется и доходитъ до ширины $1\frac{1}{2}$ сажень.

Работаютъ два корейца, двумя веслами сзади кормы, выдѣлывая весломъ восьмерки. При полномъ грузѣ работаютъ восемь веселъ.

На другой сторонѣ рѣки большая песчаная отмель, ясно показывающая горизонтъ высокихъ водъ (до $3\frac{1}{2}$ сажень, какъ оказалось по измѣренію).

Паромъ до берега не дошелъ и мы въ бродъ, ниже колѣнъ, прошли на берегъ. Корейцы предлагали перенести насъ на своихъ плечахъ, но мы рѣшительно отказались.

На берегу уже ждутъ двѣ арбы, запряженные быкомъ и коровой. Запряжка съ двумя оглоблями; на шеѣ родъ англійской шоры изъ веревокъ, въ воздрѣ же животнаго кольцо, отъ котораго веревки, проходятъ между рогами: этими веревками и управляютъ. Въ такую двухколесную арбу—колеса сплошныя—накладываютъ до 15 пудовъ и берутъ по 1 к. съ пуда и версты. Это ровно въ десять разъ дороже обычной нормы другихъ странъ.

У подѣхавшихъ къ намъ корейцевъ мы мѣняемъ деньги. За нашу рубль или японскій долларъ намъ дали 500 кешъ.

Кеша мѣдная монета, величины между двумя и тремя копѣйками

съ дырочкой по срединѣ, чрезъ которую и нанизываются эти деньги на веревочку. Мы размѣняли только шесть рублей и не знаемъ куда дѣваться съ этимъ грузомъ.

Нашъ проводникъ къ бухтѣ Гашкевича русскій корейскій старшина.

Просто, не соблюдая никакихъ формальностей, переѣхали мы границу Кореи,—формальностей, изъ-за которыхъ намъ столько пришлось возиться. Говорятъ, что такъ и дальше пройдемъ мы всю Корею и не спросятъ у насъ нашихъ паспортовъ.

Мы ѣдемъ мимо дома какого-то пограничнаго чиновника и, по совѣту переводчика, я послалъ ему свою карточку, напечатанную по корейски: «путешественникъ такой-то»...

Все время у подножія травой поросшихъ горъ множество живописно разбросанныхъ уже безъ заборовъ фанзъ.

Вотъ и перевалъ къ бухтѣ Гашкевича, и съ перевала уже видны и бухта, и громадное озеро.

29 лѣтъ тому назадъ, у этой бухты погибъ пароходъ Кунста и Альберса. Пассажиры тогда спаслись на лодкѣ во Владивостокъ, а сѣвшій на мель пароходъ оставили на произволъ судьбы.

Но когда затѣмъ возвратились за грузомъ, ни груза, ни парохода не оказалось: прибрежные корейцы все разграбили. Разграбили, какъ дѣти: товары, оказавшейся внѣ ихъ пониманія—они выбросили назадъ въ море. Только водку выпили, да русскими бумажными деньгами раскленли у себя окна.

Хозяева парохода жаловались тогда корейскому правительству и въ результатѣ камни (исправникъ) Кегенфу и мелкій пограничный чиновникъ заплатились своими головами за этотъ грабегъ.

Въ деревушкѣ Косани, гдѣ только четыре года назадъ упразднена пограничная стража, и были они казнены.

Мы въѣзжаемъ въ эту деревушку; теперь это маленькая, въ десять фанзъ, деревня, въ ущельи, между двумя высокими холмами.

Желтой глиной вымазанныя фанзы, чистенькія, выглядятъ уютно. Мы остановились возлѣ одной изъ самыхъ бѣдныхъ и попросили гостеприимства.

Насъ сейчасъ же пригласили. Мы оставили здѣсь Бибика готовить намъ завтракъ, а сами, Н. Е., Кимъ и я, поѣхали осматривать бухту.

Прелестное живописное мѣсто, совершенно пустынное: вода, а съ запада толпа отдѣльныхъ иззубренныхъ зеленыхъ горъ.

Тихо, неподвижно. Мы стоимъ на одной изъ командующихъ высотъ Янди, служившихъ еще недавно для сигнальныхъ огней. Такими огнями Сеулъ извѣщался о грозящей опасности.

Янди—значить послѣдняя станція.

Въ грудѣ камней, на которыхъ разводился сигнальный огонь, множество змѣй. Мы убили двѣ разновидности этихъ змѣй.

Мѣстные жители одну изъ нихъ, въ три четверти аршина длинной, черную, съ немного коричневыми папками, назвали корейской змѣей, а другую такой же длины, сѣрую—китайской. Обѣ онѣ ядовиты и смертельны. Но корейская кусается рѣдко.

Невдалекѣ навалена еще одна груда мелкихъ камней. Это модельня. Какъ забогѣетъ ребенокъ, мать съ шаманомъ идутъ сюда съ рисомъ, заколотою свиньей и молятся небу.

На обратномъ пути я узналъ разныя выраженія вѣжливости по корейски.

Пробѣжая мимо фанзы, вѣжливость требуетъ слѣзть съ лошади или, по крайней мѣрѣ, выпустить стремена.

При встрѣчѣ съ женщиной соблюдается такая же вѣжливость. При встрѣчѣ двухъ равныхъ по положенію, надо слѣзть съ лошадей обоимъ и распростереться на землѣ.

Возвращаясь въ деревню, мы выпустили стремена. У нашей фанзы ждетъ насъ гостепріимный хозяинъ; мы входимъ въ двѣ чистенькія маленькія комнатки, вымазанныя глиной, устланныя цыновкой. Квадратная сажень въ ширину, меньше сажени въ вышину, безъ оконъ, съ одной выходной дверью, она же и окно.

При входѣ надо снимать обувь, но насъ извиняютъ.

Мы пьемъ чай, угощаемъ хозяина. Затѣмъ я сажусь записывать. Немного погодя, П. Н., нашъ переводчикъ, кричитъ откуда-то меня. Я иду къ нему. Онъ стоитъ у оригинальнаго памятника съ оригинальной китайской крышей изъ черепицы.

Памятникъ со всѣхъ сторонъ огороженъ и можно пролѣзть къ нему только ползкомъ. Можетъ быть, это способъ cadaго заставить поклониться, т. е. герою.

Тамъ, внутри, на гранитномъ основаніи стоитъ темная мраморная доска, вышиною въ ростъ человѣка, шириной въ аршинъ и въ полтора аршина толщиной. Китайскими буквами описаны всѣ событія, послужившія поводомъ къ постройкѣ этого памятника.

Написано громадными буквами: Син-ген-те, что значитъ: одолѣлъ на этомъ мѣстѣ.

Памятникъ этотъ поставленъ богатырю Кимъ-Коръ.

Начальникъ заставы былъ тогда Ди-сун-син. Происходило это 400 лѣтъ тому назадъ. Родъ Кимъ-Кора и теперь еще существуетъ въ Сеулѣ и занимаетъ высокія должности.

Самъ Кимъ-Коръ, уроженецъ этой деревни, былъ богатырь и перебилъ несмѣтное количество хунхузовъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда они напали на заставу.

Разсказывавшіе старались фигурѣ своей придать соответствующій воинственный видъ, но они оставались такими добродушными, что я едва слерживалъ улыбку при желаніи представить себѣ, какъ они стали бы драться.

Памятникъ содержится въ большомъ порядкѣ и деревня не жалѣетъ для того денегъ.

По возвращеніи когда мы ушли въ дворѣ фавзы, вошелъ высокій, лѣтъ 55-ти кореецъ съ пріятнымъ и открытымъ лицомъ. За плечами его былъ крупный прекрасный винчестеръ на 12 зарядовъ. Онъ весело поздоровался и спокойно, смѣло пошелъ къ углу двора, гдѣ сложилъ свое ружье и сумки.

Это знаменитый охотникъ здѣшнихъ мѣстъ Шинъ-Пуги. Его знаютъ и на русской сторонѣ и зовутъ его Самсономъ.

Собственно, онъ житель Краснаго Села, но охотится въ Корей, такъ какъ въ Россіи охота на изюбровъ запрещена.

Онъ убилъ на своемъ вѣку: 9 тигровъ, 21 медвѣдя, 7 изюбровъ и безъ счета барсовъ и козуй.

Къ сожалѣнію, охотникъ не разговорчивъ и на всѣ разспросы объ охотѣ отвѣчалъ такъ законично, что не передалъ ничего такого, гдѣ бы почувствовался тигръ и барсъ.

Впрочемъ, на одинъ изъ вопросовъ онъ удовлетворилъ насъ. Вопросъ: былъ ли онъ въ лапахъ тигра или медвѣдя?

Онъ молча показалъ на свое разорванное лѣвое ухо и синій шрамъ черезъ весь лобъ.

— Ну и что же?

— Все-таки, убилъ.

Затѣмъ онъ всталъ и ушелъ.

Въ октябрѣ, когда выпадаетъ снѣгъ, онъ пойдетъ за тиграми въ городъ Тангонъ. Вокругъ этого города много тигровъ. Онъ будетъ ихъ выслѣживать и убивать. Тамъ еще не знаютъ такихъ, какъ у него, ружей. Тамъ охотятся или съ копьемъ, или съ ружьемъ, которое зажигается фитилемъ.

Во дворѣ, гдѣ мы завтракали, множество дѣтей. Ихъ лица широки, смуглы, въ щелкахъ едва видны глаза. Иные совсѣмъ голые. Большинство личиковъ грустные, задумчивыя. Я роздалъ имъ бывшій со мной сахаръ, печенья: взяли и ѣдятъ.

Я насчиталъ ихъ 15. Это дѣти двухъ семействъ.

— Всѣ корейцы такъ плодородны?

— Бываетъ и 10, и 15,—много дѣтей.

Въ воротахъ стоитъ человекъ съ ужаснымъ лицомъ,—это прокаженный. Онъ живетъ въ деревнѣ. Такихъ двое въ этой деревнѣ.

Я спрашиваю: много ли въ Корей такихъ? Отвѣчаютъ — много. Иногда они соединяются въ цѣлыя общества.

У больного какой-то особый видъ, схожій со львомъ.

Болезнь неизлѣчимая; живутъ съ ней 3, 5, 10, 20 лѣтъ.

Другая больная—дѣвушка 13 лѣтъ. Такіе больные никогда не переводятся—одни умираютъ, заболѣваютъ другіе. Болезнь, по мнѣнію рассказчиковъ, не заразительна...

Закончивъ свои работы въ бухтѣ, въ пять часовъ мы тронулись въ обратный путь: назадъ до Красносельской переправы и далѣе впередъ по направленію къ Кегенху съ ночевкой въ деревнѣ Коуба.

На озерѣ такая масса дичи—утокъ, нырковъ, гусей, куликовъ—какой я никогда не видалъ,—озеро, буквально, усыпано ими.

Это одинъ изъ тѣхъ уголковъ міра, гдѣ никто эту птицу не тревожитъ.

Одна, двѣ маленькихъ деревушки и все остальное необъятное пространство голо и пусто, и привольно здѣсь и птицѣ, и звѣрю.

Тамъ, по горамъ, обильнымъ травой, пасутся стадами дикіе бараны, олени, изюбры, а вслѣдъ за ними ходятъ и спутники ихъ тигры, барсы, волки и медвѣди.

Съ нами ѣдутъ мѣстные корейцы и мы говоримъ обо всемъ.

Корейцы недовольны своей династіей. Они упрекаютъ ее за эгоизмъ, за готовность пожертвовать всѣмъ, родиной, лишь бы имъ было хорошо... Наслѣдникъ совершенно выродившійся человѣкъ, которому даже и жена его не нужна.

Большія надежды возлагаются на незаконнаго сына корейскаго короля, который воспитывается въ Японіи. Ему теперь 22 года. Корейцы надѣются, что японскій микадо отдастъ за него свою дочь и это будетъ первый случай, что изъ корейской династіи женится не на своей же родственницѣ. Это очень умный и образованный человѣкъ. Онъ «знаетъ и всѣ иностранныя грамоты, знаетъ и нашу, и мужскую, и женскую».

Мужская—китайскія письмена, женская—корейскія, упрощенныя для простаго народа.

Женскую грамоту знаетъ половина корейцевъ, остальные неграмотны.

Мы говоримъ о земельныхъ отношеніяхъ. Земля здѣсь свободна. Ее занимаетъ тотъ, кто купить ее. Продается только удобная земля. Мѣрою земли служить кари—800 кв. саж. Наша десятина стоитъ здѣсь до 250 ланъ. Лана—20 коп., слѣдовательно, на наши деньги десятина стоитъ 50 р.

Это цѣна въ здѣшней провинціи Хай-гюн-нук-до; въ южныхъ цѣна значительно выше. Валовой доходъ съ десятины 100 ланъ—20 рублей. Сѣютъ ячмень, овесъ, чумизу, бобы, буду, ярь буду, гречиху, коноплю. Поле почти никогда не отдыхаетъ; вмѣсто отдыха, сѣютъ бобы, какъ растеніе, восстанавливающее плодородіе почвы.

Культура однорядная съ глубокими, вершка въ два, ровиками. Это требуется для защиты отъ выпадающей здѣсь влаги.

Сѣютъ въ половинѣ апрѣля, а теперь, въ половинѣ сентября, разгаръ уборки.

Крупныхъ владѣльцевъ нѣтъ—2, 3 десятины. Случаи продажи участковъ очень рѣдки. Развѣ разорится или проиграется въ бобы: азартная игра.

Четыре боба съ отверстіями,—выброшенные такъ, что всѣ четыре отверстія падаютъ вверхъ—полный выигрышъ.

Дорога тянется болотистой долиной Тумангана. Иногда дорога забирается на утесъ въ нѣсколько десятковъ сажень, — отвратительная, узкая, гдѣ двумя верховымъ лошадямъ трудно разойтись, и такая крутая въ подъемахъ, что трудно сидѣть на сѣдлѣ.

Отъѣхавъ верстъ десять, мы прощаемся съ гостепрѣимными корейцами, уѣзжаетъ старшина, и мы остаемся одни.

Темнѣетъ, кругомъ горы, а выше ихъ тучи нависли и розовымъ свѣтомъ освѣщаютъ ихъ снизу солнце, уже сѣвшее за горы.

Въ просвѣтѣ сумерекъ видны корейцы, усердно работающіе на своихъ поляхъ.

Надо ѣхать скорѣе, чтобы не захватила въ незнакомой дорогѣ ночь.
— Ёдемъ, господа!

И я пускаю своего ивоходца, — типъ вятской буланой лошади, довольно крупный для здѣшнихъ мѣстъ.

Я слышу за собой топотъ и, поэтому, не оглядываясь, ѣду верстъ десять. Но, оглянувшись наконецъ, я вижу только переводчика П. Н. Что до Н. Е. и Бибика, то ихъ и не видно, и не слышно.

Покричали, посвистали и поѣхали назадъ къ нимъ. Проѣхали верстъ пять—раздорожье. Не уѣхали ли влѣво, взявъ въ горы? Спросить некого. Поѣхали влѣво. Ёхали-ѣхали — новое раздорожье. Куда они повернули здѣсь? Сворачиваемъ вправо. Еще раздорожье, еще и еще.

Совсѣмъ стемнѣло и тучи закрываютъ луну. Округа разошлась и въ обманчивомъ сумракѣ представляется какой-то безпредѣльной бездной. Въ эту бездну провалились напѣ два спутника безъ какого бы то ни было знанія языка, не зная ни одного названія, не зная даже, куда ѣдутъ они и гдѣ назначена ночевка, два безпечныхъ русскихъ человека, которые, покачиваясь въ своихъ сѣдлахъ, ѣдутъ себѣ теперь гдѣ-нибудь, ни о чемъ не думая.

Мы скачемъ дальше и дальше въ эту невѣдомую таинственную глубь невѣдомой намъ страны, стрѣляемъ, свистимъ, кричимъ.

Не знаю, сколько времени такъ прошло, но, когда мы уже потеряли было всякую надежду, вдругъ откуда-то изъ мрака долетаетъ до насъ едва слышный свистъ условнаго свистка.

Мы облегченно вздохнули и начали еще отчаяннѣе свистать: я въ свою сирену, П. Н. въ обыкновенный полицейскій свистокъ.

То мы слышали ихъ, то опять теряли изъ виду. Свистъ раздавался то справа, то слѣва, то прямо передъ нами и тамъ гдѣ-то въ горахъ, которыя въ потьмахъ кажутся небесами.

Мы наткнулись наконецъ на какую-то деревню и рѣшили не двигаться дальше и свистѣть.

Корейцы въ деревнѣ проснулись, выскочили и между ними и П. Н.

завязался энергичный разговоръ. Слышенъ смѣхъ, выраженіе удовольствія.

Наконецъ подѣхали наши безпечные путники.

— Мы думали, что ѣдемъ правильно.

— Прекрасно, продолжайте такъ и впередъ: мы кончимъ тѣмъ, что и не съищемъ другъ друга.

Какъ изъ этихъ трущобъ попасть на ночлегъ въ Коубе? Одинъ изъ корейцевъ предлагаетъ проводить. Во всей деревнѣ ни одной лошади нѣтъ. Онъ садится верхомъ на быка, ѣдетъ впереди, мы за нимъ. Здѣсь много тигровъ, барсовъ—надо разговаривать, кричать, свистать.

Мы, русскіе, окончательно отказываемся, потому что по русскому легкомыслію плохо вѣримъ въ этихъ тигровъ и барсовъ. Но кореецъ и П. Н. вѣрятъ и потому всю дорогу громко до крика разговариваютъ и П. Н. то и дѣло свиститъ. Иногда П. Н. переводитъ мнѣ, что говоритъ ему кореецъ. Ихъ деревня называется Сорбой, что значитъ сосна. Прежде былъ здѣсь прекрасный сосновый лѣсъ. Такимъ образомъ, оголеніе горъ, можетъ быть, не есть естественное явленіе. По крайней мѣрѣ, судя по отдѣльнымъ экземплярамъ деревьевъ мощныхъ и большихъ, получается впечатлѣніе, что лѣсъ здѣсь могъ бы произрастать.

Мы пріѣхали въ Коубе подъ проливнымъ дождемъ. Коубе—старый городъ. Прежняя его роль была та, которую теперь исполняетъ Кегенфу. Потомъ онъ былъ заставой, а теперь просто деревня, въ которой сто фанзъ.

Фанза, въ которой мы, отличается тѣмъ, что вся она видима изъ одной комнаты, потому что, вмѣсто перегородокъ, все двери.

Я вижу, какъ, окруженная дѣтьми, полуобнаженная корейка чешется, а дальше выглядываетъ красивая голова степеннаго быка.

Я спрашиваю, какъ пасутъ здѣсь скотъ? Каждый отдѣльно, на приязи. Въ деревнѣ около ста головъ рогатаго скота, лошадей 50, свиной до 200.

Иванъ Аванасевичъ, нашъ передовой отрядъ, уже снялся и ушелъ. Я кончаю свою запись и тоже снимаюсь.

Дѣтямъ раздаю сахаръ, съ хозяевами расплачиваюсь: за дрова 15 коп., за сѣно для 13 лошадей 20 коп., за курицу 20 коп. За ночлегъ 13 лошадей и насъ, десяти человекъ, я даю японскій долларъ.

Хозяинъ очень доволенъ. Онъ возвращаетъ мнѣ связкой кешъ половину. Я прошу взять остальное для его дѣтей. Онъ обращается къ остальнымъ сородичамъ; они совѣщаются и изъявляютъ согласіе. Хозяйка изъ другой комнаты довольно улыбается.

Кстати о деньгахъ. Пока берутъ и русскіе, и японскіе серебряные доллары: за нихъ, какъ и за нашъ рубль, даютъ пятьсотъ кешъ, хотя курсъ русскаго 480, а японскаго 475 кешъ. Мексиканскихъ долларовъ,

которыхъ мы набрали кучу и о которыхъ намъ говорили, какъ о хольчей монетѣ, пока совсѣмъ не берутъ.

Чѣмъ еще помянуть городокъ Коубе? Легендой. Нѣкогда, въ царствованіе династіи Цумуана, въ немъ проживалъ знаменитый во всей Корей легендарный Кантехе. Онъ былъ очень ученый и мудрый.

Когда ему минуло 80 лѣтъ, онъ оставилъ всѣ свои дѣла и только и занимался тѣмъ, что ходилъ на Туманганъ и удилъ тамъ рыбу.

Но такъ какъ онъ не клалъ приманки, то никогда и не поймалъ ни одной рыбки *).

Женѣ Кантехе надоѣло это и она сказала ему:

— Ты совсѣмъ выжилъ изъ ума и мнѣ стыдно жить съ тобой: давай мнѣ разводъ.

Кантехе исполнилъ ея желаніе. Три года уже Кантехе ловилъ такъ рыбу, когда до императора дошло объ этомъ. Императоръ заинтересовался и потребовалъ къ себѣ страннаго старика.

— Зачѣмъ ты безъ приманки ловишь рыбу? — спросилъ его императоръ.

— Я предсказатель, — отвѣтилъ ему Кантехе, — и знаю, что это приведетъ меня къ разговору съ тобой.

— О чемъ же ты хочешь говорить со мной?

— О государственныхъ дѣлахъ.

Императоръ разговорился съ Кантехе и, узнавъ его мудрость и ученость, сдѣлалъ его министромъ. Тогда бросившая его жена пожелала опять возвратиться къ нему.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ ей Кантехе-Цумуанъ, — друга для хорошихъ только дней я всегда найду, а въ трудные мои дни ты не была моимъ другомъ. Но такъ и быть, я и для тебя кое-что сдѣлаю.

И Кантехе приказалъ сложить возлѣ дороги большую кучу камней съ надписью:

«Прохожій, вспомни о моей женѣ и плюнь».

Съ тѣхъ поръ всякій кореецъ, проходя мимо кучи Кантехе, всегда плюетъ и говоритъ:

— Отъ дрянной женщины.

Корейскія женщины, впрочемъ, не вѣрятъ этой легендѣ и происхожденіе каменныхъ кучъ, которыхъ очень много въ Корей, объясняютъ тѣмъ, что камень этотъ сами корейцы стаскиваютъ съ своихъ каменистыхъ полей. А чтобы веселѣе было таскать, они и тѣшатъ себя всякими глупостями.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Съ тѣхъ поръ и вошла въ поговорку: «удочка Кантехе».

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(Продолженіе) *).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Повидимому, Травинскій примирился со своимъ положеніемъ. По крайней мѣрѣ, послѣ сцены, бывшей вслѣдъ за возвращеніемъ супруговъ съ журъ-фикса Козельскихъ, онъ не предъявлялъ никакихъ правъ, не плакалъ и не бранился и окончательно переселился въ кабинетъ, не теряя надежды, что Инна одумается и, тронутая его привязанностью, по прежнему будетъ если и невѣрной, то, во всякомъ случаѣ, благосклонной женой и не оставитъ его, не разрушить семьи.

Не въ первый разъ жена бросала ему въ глаза, что не любитъ его, что онъ ей противенъ, не въ первый разъ сцены, бывшія между ними, оканчивались ссылкой въ кабинетъ. Но ссылки эти были непродолжительны. Онъ вымаливалъ прощеніе истериками и слезами, онъ такъ жалобно говорилъ о своей любви, валяясь въ ногахъ, и такъ рѣшительно обѣщалъ покончить съ собой, что возбуждалъ жалость въ безвольной, безхарактерной Иннѣ Николаевнѣ, и она снова терпѣла мужа, ничтожество котораго признавала, сознавая въ то же время и вину свою передъ этимъ человекомъ и презирая по временамъ и себя.

Но теперь Инна Николаевна, казалось, задыхалась въ той атмосферѣ, въ какой жила, и мужъ, глупый, пошлый, не разборчивый на средства, возбуждалъ въ ней отвращеніе. Не разъ она собиралась разводиться съ нимъ, но каждый разъ жалѣла мужа и останавливалась передъ вопросомъ, на что она будетъ жить съ дѣвочкой пяти лѣтъ, единственнымъ ребенкомъ, который былъ у нея? И, наконецъ, отдастъ ли онъ дочь?

*) См. «Миръ Вождя», № 3, мартъ.

Эта переменна въ молодой женщинѣ была до извѣстной степени результатомъ встрѣчи съ Никодимцевымъ. Его трогательная, почтительная любовь положительно изумляла, и его рѣчи, совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя она слышала у себя въ домѣ, невольно пробуждали чтò-то хорошее, чтò-то свѣтлое, дремавшее въ ея душѣ.

И за послѣднее время она все чаще и чаще думала: „Какъ могла она такъ жить, какъ жила?“

Думала и рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему она вышла замужъ за человѣка ничтожнаго, котораго, къ тому же, не любила и тогда, когда дала ему слово, какъ она постепенно дошла до настоящаго положенія, она, не глупая и умѣвшая, казалось, отличить добро отъ зла? Безхарактерность, которую она въ себѣ признавала, была, конечно, одной изъ причинъ, но не всѣ же безхарактерныя женщины идутъ на такіе компромиссы? Значить, было еще что-то другое, и вотъ это-то другое и было непонятно молодой женщинѣ. Непонятно и въ то же время вселяло въ ней ужасъ чего-то рокового, безнадежнаго, отъ котораго избавиться нельзя. Она обречена на гибель и нѣтъ ей выхода.

И въ такія минуты Инну Николаевну охватывало отчаяніе.

Мужъ замѣтилъ переменну въ настроеніи жены и въ образѣ ея жизни. Прежняго кабака въ домѣ не было. Обычные посѣтители стали бывать рѣже. Обѣды и ужины въ ресторанахъ прекратились. Инна Николаевна нерѣдко сидѣла за книгой и не смучала, какъ прежде, когда никого не было. Уменьшились и траты на туалеты.

Мужъ не сомнѣвался, что Никодимцевъ—любовникъ его жены, и въ то же время недоумѣвалъ, что жена нерѣдко бываетъ мрачна и даже послѣ посѣщенія Никодимцева, которыя все учащались.

Все это не нравилось мужу, тѣмъ болѣе, что Инна Николаевна относилась къ нему съ презрительнымъ равнодушіемъ и почти не разговаривала съ нимъ. Терпѣніе его истощилось, и онъ рѣшилъ показать, что онъ не тряпка, какъ она воображаетъ, а мужчина, и серьезно поговорить съ женой.

Къ этому еще подбилъ его одинъ пріятель и сослуживецъ, г. Привольскій.

Давно влюбленный въ жену своего друга, слишкомъ невразчный и ничтожный, чтобы надѣяться добиться ея благосклонности, онъ совершенно неожиданно для самого себя сдѣлался близокъ съ Инной Николаевной въ одну изъ минутъ мрачнаго отчаянія молодой женщины. Онъ подвернулся въ эту минуту, и она готова была забыться, слушая его влюбленные рѣчи и мольбы... Эта близость продолжалась два мѣсяца, окончившись такъ же неожиданно, какъ и началась.

Инна Николаевна объявила ему, что между ними все кончено и чтобы онъ не ходилъ больше въ нимъ.

И Привольскій, рѣшившій, что Инна Николаевна порвала съ нимъ изъ-за Никодимцева, не прочь былъ ей отмстить, натравивъ на нее мужа.

Онъ пригласилъ друга завтракать. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки и вина Травинскій раскисъ и впалъ въ изліянія передъ человекомъ, прежнія отношенія котораго къ его женѣ были, конечно, ему извѣстны. Тогда онъ терпѣлъ ихъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, а въ эту минуту онъ точно сожалѣлъ, что эти отношенія окончены. При нихъ и онъ пользовался долей счастья и не боялся драмы, а теперь...

И, жалуясь на то, что Инна заставила переселиться его въ кабинетъ и обращается съ нимъ чортъ знаетъ какъ, онъ со слезами на глазахъ говорилъ:

— Ты знаешь... я ее люблю... Она легкомысленная и увлекающаяся, но я все-таки ее люблю. Она умнѣ меня, тоньше, но все-таки она моя жена... Не правда ли? И должна ею быть? За что же я трачу на нее деньги... хлопочу чтобы ей было хорошо?..

— Будь мужчиной, Лева!.. Покажи свою твердость, Лева!..

— Но что жъ мнѣ сдѣлать?

— Выгони Никодимцева. Развѣ ты не видишь, зачѣмъ онъ такъ часто бываетъ? Его посѣщенія компрометируютъ тебя... О нихъ говорятъ...

— Но какъ же это сдѣлать?

— Скажи женѣ.

— Точно ты не знаешь Инну? Она разсердится.

— Посердится и перестанетъ. Надо быть мужчиной, Лева!

— Но Инна можетъ оставить меня.

— Не оставила до сихъ поръ и не оставитъ... Твоя жена безхарактерная женщина. И она не броситъ Леночку.

Травинскій согласился съ этимъ и даже пустился въ интимныя изліянія по поводу безхарактерности своей жены и ея легкомыслія и прибавилъ:

— А если увезетъ и Леночку? Что тогда дѣлать?

— Тогда подними скандалъ. Ты отецъ, имѣешь права. Ты только покажи характеръ, Лева! Теперь же припугни жену, чтобы она и не думала, что такъ легко отдѣлаться отъ мужа хотя бы и съ помощью Никодимцева.

— Чѣмъ припугнуть?

— Скажи, что будешь требовать дочь черезъ судъ, мотивируя это требованіе невозможностью поручить воспитаніе ребенка такой... такой увлекающейся женщиной, какъ твоя жена. Понялъ? Этого она

испугается и согласится на всё твои требованія. И не соглашайся на разводъ ни въ какомъ случаѣ. Будь женщиной, Лева!—повторялъ другъ, готовый присовѣтовать какую угодно пакость, чтобы только причинить зло отвергнувшей его женщиной, имѣвшей несчастье считать его за сколько-нибудь порядочнаго человѣка.

Въ концу завтрака Травинскій былъ „взвинченъ“ и ѣхалъ домой, полный рѣшимости показать женѣ, что онъ—мужчина.

II.

— Барыня дома?—спросилъ онъ у швейцара

— Дома.

— Былъ кто?

— Никого не было!

Онъ особенно сильно подавилъ пуговку электрическаго звонка и, сбросивъ шубу на руки горничной, прошелъ прямо въ комнату жены.

Та лѣниво подняла глаза отъ книги и нѣсколько удивилась рѣшителъному виду мужа.

О, какъ противенъ показался ей этотъ маленькій, тщедушный человѣчекъ со своимъ самодовольно-пошлымъ, торжественнымъ, прыщеватымъ лицомъ, покрытомъ красными пятнами, какія выступали у него всегда послѣ вина. Все въ немъ казалось отвратительнымъ теперь Иннѣ Николаевнѣ: и этотъ длинный и красный „глупый“ носъ, и блестящіе пьянымъ блескомъ рачьи темные глаза, и бачки, и взъерошенные усы, и руки съ короткими пальцами, и чуть-чуть съѣхавшій на бокъ галстукъ, и форменный фракъ...

Она съ брезгливой гримасой опустила глаза на книгу и въ головѣ ея пронесся вопросъ:

„И почему онъ смѣетъ безъ спроса входить ко мнѣ?“

И тотчасъ же появился отвѣтъ:

„Потому, что онъ мужъ и имѣетъ право на меня!“

Вслѣдъ затѣмъ Инна Николаевна почему-то вспомнила чьи-то слова: „Женщина принадлежитъ тому, кто ее содержитъ“.

Нѣсколько минутъ мужъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету жены, изящно убранной, покрытой ковромъ комнатъ со множествомъ красивыхъ вещей на этажеркахъ и на письменномъ столѣ, съ цвѣтами и уютнымъ уголкомъ, въ которомъ на маленькой тахтѣ полулежала Инна Николаевна.

Это мельканіе начинало раздражать ее.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобой, Инна!—наконецъ проговорилъ мужъ, останавливаясь около жены.

Она подняла глаза.

— Больше я терпѣть не могу...

— Наконецъ-то! И я не могу... Ты, кажется, это видишь!

— Я все вижу, будь сповойна и объявляю тебѣ, что посѣщенія твоего Никодимцева мнѣ не нравятся... Они слишкомъ часты...

— А когда твои пріятели посѣщали меня часто, ты этого не находилъ?..

— Этого больше не будетъ... Я не желаю компрометировать свое имя... И ты скажи своему другу Никодимцеву...

— Это еще что за тонъ?—перебила Инна Николаевна —Ты, видно, завтракалъ... Такъ уходи лучше въ кабинетъ и проспексы!—прибавила жена, взглядывая на мужа съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

— Я не пьянъ и знаю, какимъ тономъ говорить съ такими женщинами, какъ ты.

— Не довольно ли?—еще разъ попробовала она остановить мужа.

— Нѣтъ, не довольно! Я покажу тебѣ, что я мужчина, а не тряпка. Слышишь? Довольно ты подло оскорбляла меня... Довольно ты лгала и мѣняла любовниковъ... Я больше этого не хочу.

— Я не лгала... Ты давно знаешь, что я не люблю тебя и что ты мнѣ противенъ... Да, я имѣла любовниковъ!—вызывающе кинула Инна Николаевна.—И ты это зналъ и молчалъ!..

Она присѣла на тахту и глядѣла въ упоръ на мужа.

— Однако ты жила и, кажется, не дурно жила на мои денежки... И даже удостаивала своими милостями и меня, противнаго? — злобно вооселивнуль мужъ...

— И за это я презираю себя... Ты, впрочемъ, этого не поймешь... Но теперь мы договорились, и ты, конечно, дашь мнѣ разводъ.

— Разводъ?—переспросилъ Травинскій и, нагло взглянувъ на жену, засмѣялся, показывая гнилые черные зубы. — Ты воображаешь, что послѣ всего, что ты мнѣ сдѣлала, я тебѣ дамъ разводъ?.. Я не дамъ тебѣ развода.. И ты никуда не уйдешь отъ меня... А если осмѣлишься увести Леночку—и твой любовникъ Никодимцевъ не поможетъ тебѣ... Нѣтъ! Я знаю, что я сдѣлаю. Я покажу, что я мужчина!—яростно взвизгивалъ мужъ, торопливо бросая слова и возбуждаясь ими.—Я не позволю, чтобы Леночка была у тебя. Я судомъ вытребую ее... и объясню въ прошеніи, что довѣрить воспитаніе дочери такой дамѣ, какъ ты, нельзя... Ты ее развратишь... И въ доказательство я назову по фамиліямъ всѣхъ твоихъ любовниковъ... Пусть ихъ допросятъ... И Никодимцева тоже... Ты думаешь, я ихъ не знаю... Я всѣхъ знаю... У

меня и письма твои къ одному изъ нихъ есть... Слышишь?.. А ты вообразила, что я тряпка... Ты думала, что я дуракъ? Ты думала, что за всё свои униженія я такъ тебѣ все прощу?.. Слышишь ли?.. Ты никуда не уйдешь и... будешь моей женой... Что жъ ты молчишь? Струсилась?.. Поняла, что я не хочу быть больше твоимъ рабомъ...

Дѣйствительно, Инна Николаевна замерла въ какомъ-то ужасѣ.

Она всего ждала отъ мужа, но только не этой низости, которую онъ угрожалъ

Она призвала на помощь все свое самообладаніе, чтобы не обнаружить ужаса, охватившаго ее передъ этой угрозой. Какую виноватую ни считала себя Инна Николаевна передъ мужемъ, но эта подлая угроза словно бы освобождала ее отъ всякихъ обязательствъ. А она еще считала его добрымъ. Она жалѣла прежде его. Вѣрила, что онъ любитъ. Хороша любовь!

И, полная омерзѣнія къ мужу, она поднялась съ тахты и холодно произнесла:

— Я думала, что вы только глупы. Теперь вижу, что вы еще и подлець.

Мужъ не ожидалъ этого. Онъ увидѣлъ поблѣднѣвшее, презрительное и въ то же время красивое лицо жены и струсиль. Струсиль и почувствовалъ, что сдѣлалъ непоправимую ошибку, что теперь все кончено...

И мысль, что онъ потеряетъ жену привела его въ отчаяніе.

Весь запасъ рѣшимости исчезъ въ немъ. Забывъ, что хотѣлъ показать себя мужчиной, онъ вдругъ бросился къ ногамъ жены и, плача, говорилъ:

— Инна... прости... Живи, какъ хочешь... Пусть Никодимцевъ ходитъ... но не оставляй меня... Я все перенесу... я люблю тебя... Инна... Я не поступилъ бы такъ... И то, что я говорилъ... это... Привольскій посовѣтовалъ...

И онъ коснулся губами одѣтой въ туфли ноги жены.

Инна Николаевна брезгливо отдернула ногу и властно и повелительно сказала:

— Вонъ отсюда!

Травинскій поднялся и вышелъ.

Инна Николаевна заперла двери на ключъ. Нервы ея больше не выдержали. Она бросилась на тахту и зарыдала.

„Вотъ она расплата!“ — думала она, вздрагивая при мысли, что мужъ не отдастъ ей дочери и что ей грозитъ позоръ судбища.

Глава десятая.

По воскресеньямъ и по праздникамъ Никодимцевъ обыкновенно

*

давалъ отдыхъ прислугѣ и отпускалъ ее со двора и самъ уходилъ обѣдать къ Донону, гдѣ ему нравилась тишина, царившая въ обѣденной залѣ, обстановка, менѣе напоминающая модные кабаки, и отсутствіе тѣхъ кутящихся посѣтителей, одинъ подвыпившій видъ которыхъ раздражалъ Григорія Александровича.

И въ это воскресенье, на другой день послѣ супружеской сцены у Травинскихъ, Никодимцевъ въ седьмомъ часу пошелъ пѣшкомъ въ ресторанъ, рассчитывая послѣ обѣда поѣхать къ Иннѣ Николаевнѣ и просидѣть у нея вечеръ. Эти вечера были теперь для него радостью жизни, и онъ всегда ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ влюбленнаго юнца.

Сегодня ему особенно хотѣлось видѣть Инну Николаевну. Въ послѣднее его посѣщеніе она была грустна, и когда онъ спросилъ: „Что съ ней?“ она отвѣчала: „Послѣ, послѣ когда-нибудь расскажу и даже попрошу у васъ совѣта“.

Быть можетъ, сегодня она расскажетъ о томъ, что заставляетъ ее страдать, и окажетъ ему величайшую милость своимъ довѣріемъ.

Никодимцевъ сѣлъ на свое обычное мѣсто у маленькаго стола въ углу комнаты, и толстый, солидный татаринъ Магометъ, всегда подававшій Никодимцеву, подалъ ему карточку и проговорилъ:

— Въсто крема, бискъ прикажете, ваше превосходительство?
— Биссъ!

Никодимцевъ обѣдалъ въ пріятномъ настроеніи, то и дѣло поглаживая на часы, какъ за сосѣднимъ столомъ сѣло двое молодыхъ людей. Они шумно и громко потребовали закусокъ и водки и велѣли заморозить бутылку мума.

Обѣдъ Никодимцева подходилъ къ концу, какъ вдругъ до его слуха донеслось имя Инны Николаевны, и вслѣдъ затѣмъ раздался смѣхъ.

Никодимцева кольнуло въ сердце. Смѣхъ этотъ казался ему оскорбительнымъ.

Но то, что онъ услышалъ затѣмъ, было еще ужаснѣе.

Одинъ изъ молодыхъ людей, бѣлобрысый господинъ въ смокингѣ, громко говорилъ:

— Очаровательная женщина. Мужъ болванъ, и она широко пользуется его глупостью...

— Флиртуетъ?—спросилъ другой.

— Она не прочь и болѣе флирта. Надо только уловить психологическій моментъ... Ха-ха-ха! Теперь только она что-то монашествуетъ.. Нигдѣ ея не видно... И послѣдній министръ въ отставкѣ... Говорятъ, барынька связалась съ Никодимцевымъ... Впрочемъ, она любитъ мѣнять министровъ... Они у нея...

Молодой человѣкъ не докончилъ.

Передъ нимъ блѣдный, какъ полотно, стоялъ Никодимцевъ и, едва владѣя собой, задыхаясь отъ гнѣва, тихо и отчетливо проговорилъ:

— Ни слова больше или я задушу васъ!..

Молодой человѣкъ съ видомъ испуганнаго животнаго глядѣлъ на искаженное гнѣвомъ лицо Никодимцева.

— Вы подло лжете... слышите ли?.. Я уже не говорю, что такъ говорить о женщинѣ, какъ говорили вы, можетъ только большой негодяй.

— Но... послушайте, милостивый государь, — вызывающе началъ товарищъ бѣлобрысаго господина, — по какому праву вы вмѣшиваетесь? Мы не имѣемъ чести васъ знать.

— По праву порядочнаго человѣка, возмущеннаго вашимъ разговоромъ... Поняли? Вотъ вамъ моя карточка. Я къ вашимъ услугамъ, если только господа, подобные вамъ, способны оскорбляться!

И Никодимцевъ вздрагивавшей рукой досталъ изъ бумажника визитную карточку и бросилъ ее на столъ.

Полный негодованія, сѣлъ онъ къ своему столу, и когда испуганный татаринъ, видѣвшій эту сцену, подаль Никодимцеву мороженое, онъ спросилъ, кивнувъ головой на сосѣдній столъ:

— Вы не знаете, кто эти мерзавцы?

— Не могу знать, ваше превосходительство! Они у насъ не бывають. Сегодня въ первый разъ.

Прочитавъ карточку, молодые люди, оба чиновника, знавшіе хорошо, кто такой Никодимцевъ, ахнули и испуганно переглянулись.

И вслѣдъ затѣмъ рѣшили, что надо извиниться.

Они подошли къ Никодимцеву и, почтительно поклонившись, по очереди стали говорить, что они, подѣ влияніемъ вина, позволили себѣ неприличную выходку...

— Неприличную? — перебилъ Никодимцевъ. — Подобныя выходки не находятъ достаточно презрительнаго названія... И вѣдь вы все лгали... Вѣдь лгали? — съ какимъ-то возбужденіемъ проговорилъ Никодимцевъ.

И, не ожидая отвѣта, брезгливо отвернулся. Молодые люди отошли.

Разумѣется, Никодимцевъ не повѣрилъ ни одному слову изъ того, что говорилъ объ Иннѣ Николаевнѣ бѣлобрысый молодой человѣкъ. Да и возможно ли повѣрить? Если его называли ея любовникомъ, то съ такою же достовѣрностью называли и другихъ. И это соображеніе нѣсколько успокоило Никодимцева.

Но то, что его имя связывалось съ именемъ любимой женщины глубоко взволновало его.

Какъ ни тяжело было Никодимцеву, но онъ рѣшилъ рѣже

бывать у Инны Николаевны. По крайней мѣрѣ, онъ не дастъ повода клеветать на любимую женщину. Не онъ, конечно, скомпрометируетъ ее. Бѣдная! Она и не знаетъ, какія гадости говорятъ про нее...

И Никодимцевъ не поѣхалъ въ этотъ вечеръ къ Иннѣ Николаевнѣ, а просидѣлъ дома грустный и задумчивый.

Прошло еще три дня. Никодимцевъ не ѣхалъ къ Травинской и не былъ даже на вторникѣ у Козельскихъ. Всѣ эти дни онъ не находилъ себѣ мѣста. Наконецъ онъ не выдержалъ и рѣшилъ въ воскресенье поѣхать днемъ съ коротенькимъ визитомъ...

„По крайней мѣрѣ увижу ее!“

И при этой мысли онъ обрадовался.

Но счастью его не было границъ, когда въ четвергъ ему подали маленькій конвертъ, и онъ прочиталъ записочку слѣдующаго содержанія:

„Что же вы забыли совсѣмъ меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ?“

Онъ благоговѣнно прикоснулся губами къ этимъ строчкамъ, вдыхая аромат душистой бумаги, снова прочиталъ записку и спряталъ ее въ бумажникъ, просвѣтлѣвшій, полный счастья, что Инна Николаевна его вспомнила, зоветъ его...

И какой же онъ жизнерадостный и веселый былъ въ этотъ день въ департаментѣ и дѣлалъ докладъ министру!

Въ тотъ же вечеръ, не смотря на спѣшныя дѣла, онъ ѣхалъ на Моховую.

Чортъ съ ними, съ дѣлами! Онъ за ними просидитъ ночь! А сейчасъ онъ увидитъ ее, эту женщину, благодаря которой онъ понималъ, что значить любовь.

На лѣстницѣ Никодимцевъ встрѣтилъ Травинскаго.

Смѣшанное чувство ревности, смущенія и невольной безгласности охватило Григорія Александровича при видѣ мужа Инны Николаевны.

Никодимцевъ очень рѣдко его видалъ и держалъ себя съ нимъ съ холодной сдержанностью, не допуская никакой короткости, на которую видимо напрашивался Травинскій, и словно бы не скрывая, что ѣздитъ исключительно къ Иннѣ Николаевнѣ.

И теперь Травинскій съ обычной льстивой любезностью привѣтствовалъ Никодимцева.

— Инна дома и очень будетъ рада вамъ, Григорій Александровичъ!—весело воскликнулъ Травинскій, почтительно пожимая протанутую Никодимцевымъ руку.—Совсѣмъ вы насъ забыли, Григорій Александровичъ, давно не были...

— Некогда было!—суховато сказалъ Никодимцевъ.

— А Инна одна и хандрить... Нервничаетъ и никуда не вы-

ходить... Я предлагалъ ей прокатиться за границу—не хочетъ. И лѣчиться не хочетъ... Уговорите ее уѣхать изъ Петербурга... Она васъ послушаетъ... право. Чужого человѣка всегда больше слушаютъ, чѣмъ близкаго... Не правда ли?.. А меня извините, Григорій Александровичъ, что уйду... Слѣшное дѣло... долженъ ѣхать...

Травинскій снова горячо потрясъ руку Никодимцева и проговорилъ:

— Предложили бы Иннѣ прокатиться на острова... Вечеръ отличный, и ей полезно... А я, Григорій Александровичъ, буду благодаренъ, если вы развлечете жену... Она очень цѣнитъ ваши посѣщенія и симпатизируетъ вамъ... Повѣрьте, Григорій Александровичъ, я очень, очень радъ, когда вы бываете у Инны. Инна тогда оживаетъ. Она любитъ поговорить съ умными людьми о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Она вѣдь сама умная... Значитъ и вамъ, Григорій Александровичъ, не скучно съ Инной? Не правда ли?

— Совершеннѣйшая правда! — серьезно отвѣчалъ Никодимцевъ, краснѣя и испытывая желаніе сбросить съ лѣстницы этого болтливаго пошляка.

— Ну вотъ видите... Я такъ и говорилъ женѣ, а она... думаетъ, что вамъ скучно съ ней, оттого вы давно не были... Увѣрьте ее, что я правъ, и навѣщайте ее почаще... Вы удивляетесь, что я васъ объ этомъ прошу?.. Но я не ревнивый мужъ... Совсѣмъ не ревнивый! — неожиданно прибавилъ Травинскій и захихалъ.

И съ этими словами онъ почтительно приподнялъ цилиндръ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

„И она живетъ съ этой гадиной? Она его жена?“ — подумалъ Никодимцевъ съ тоской и подавилъ пуговку электрическаго звонка, чувствуя, какъ сильно колотится въ груди его сердце.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и радостно бросился на встрѣчу показавшейся въ дверяхъ своего кабинета Иннѣ Николаевнѣ.

Но когда онъ увидалъ ея осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо, когда увидалъ, какимъ отчаяніемъ дышало оно, когда увидалъ слезы на ея глазахъ, сердце его упало. И онъ, крѣпко пожимая маленькую руку Инны Николаевны, спросилъ дрогнувшимъ, тревожнымъ голосомъ:

— Инна Николаевна! Да что съ вами?

И онъ глядѣлъ на нее съ выраженіемъ такой восторженной

любви и такой тревоги, что молодая женщина благодарно и ласково улынулась ему глазами, и лицо ея просвѣтлѣло, когда она сказала:

— А я, было, думала, что вы совсѣмъ меня забыли, и наша дружба окончена...

Никодимцевъ смутился и, краснѣя, произнесъ:

— Какъ могли вы это думать?

— Я мнительна, Григорій Александровичъ!

— Вы?—обронилъ изумленно Никодимцевъ.

— Да... И имѣю основанія быть мнительной...

Инна Николаевна опустилаcь на диванъ. Никодимцевъ сѣлъ на обычное свое мѣсто—на кресло съ лѣвой стороны.

— Вы бывали часто и вдругъ перестали... Мнѣ хотѣлось узнать, что это значитъ, и я написала вамъ... Спасибо, что пріѣхали и, кажется, не очень недовольны, что я вамъ напомнила о себѣ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были въ воскресенье?.. Я васъ ждала.

— Ахъ, Инна Николаевна, не всегда можно дѣлать то, что хочешь...

— Значить, хотѣли пріѣхать?

— Еще бы.

— Такъ отчего же не пріѣхали?

— Отчего?.. Да просто потому, что слишкомъ часто бывать у васъ... неудобно... И какъ мнѣ ни пріятно навѣщать васъ, я все-таки рѣшила... сократить свои посѣщенія.

— Вамъ писалъ что-нибудь мужъ?

— Нѣтъ. Развѣ онъ недоволенъ моими посѣщеніями? Сейчасъ я его встрѣтилъ, и онъ просилъ меня чаще навѣщать васъ. Говорилъ, что вы хандрите? Что не хотите ѣхать за границу... Просилъ какъ-нибудь развлечь васъ... предложить вамъ ѣхать на острова...

Инна Николаевна презрительно усмѣхнулась.

— Такъ отчего вы рѣшили сократить посѣщенія? И мужъ, и жена васъ зовутъ, а вы...

— Люди злы и глупы, Инна Николаевна.

— И вы ихъ боитесь?

— Я не боюсь ихъ, но съ ними надо считаться, чтобъ не подать повода къ нелѣпнымъ толкамъ...

— Понимаю. Вы боитесь скомпрометировать меня?—горько усмѣхнувшись, сказала Инна Николаевна.—Спасибо вамъ за это, Григорій Александровичъ, но не бойтесь этого... Про меня и такъ говорятъ, путая правду съ клеветой... Я это знаю... И скажите, ради чего вы будете лишать меня и, быть можетъ, себя удовольствія коротать вмѣстѣ иногда вечера... Изъ-за того только, что скажутъ люди? И еще какіе люди? Такіе, которые не прощаютъ

другимъ то, что дѣлають сами? Ужели стоитъ Григорій Александровичъ?—прибавила молодая женщина съ грустною улыбкой.

Никодимцевъ восторженно глядѣлъ на молодую женщину.

— Право, не стоитъ! Такъ будемъ видѣться и болтать, пока намъ не скучно. Хотите?

— Разумѣется, хочу.

— И будемъ добрыми друзьями, пока кому-нибудь изъ насъ не надоѣстъ эта дружба. Хотите?

Инна Николаевна протянула руку. Никодимцевъ крѣпко пожалъ ее и съ какою-то особенною серьезностью проговорилъ:

— Спасибо за довѣріе. Я буду вѣрнымъ другомъ.

— Вамъ я вѣрю.

— И еслибъ я могъ чѣмъ-нибудь доказать эту дружбу, я былъ бы счастливъ, Инна Николаевна.

— О, я сейчасъ же воспользуюсь ей...

— Приказывайте.

Инна Николаевна на минуту примолкла.

— Вы помните нашъ разговоръ на выставкѣ, Григорій Александровичъ, по поводу картины „Супруги“?—наконецъ спросила.

— Помню.

— Я тогда защищала жену, которая не оставляетъ нелюбимаго и неуважаемаго мужа... Теперь я не защищала бы ее.

Лицо Никодимцева просвѣтлѣло при этихъ словахъ.

— Вы, какъ вошли, спросили: что со мной?

— Да. Вы такъ похудѣли, такая грустная...

— Со мной, Григорій Александровичъ, то, что бываетъ со многими женщинами, которыя вдругъ сознали весь ужасъ своего положенія, почувствовали отвращеніе къ прежней жизни... и видятъ, что выхода нѣтъ... Нѣтъ его! — съ отчаяніемъ проговорила молодая женщина.

— Инна Николаевна! Къ чему отчаяваться? Пойщемъ выхода. можетъ быть, и найдемъ.

— О, если бы найти!.. Если бы вы помогли мнѣ найти его! Я, право, стою этого, хотя во всемъ сама виновата. Какъ это случилось, какъ могла я жить съ человѣкомъ, котораго не любила, и тогда, когда шла за него замужъ,—не стану теперь говорить. Мнѣ мучительно... мнѣ противно вспоминать весь этотъ ужасъ... Но потомъ, не сегодня, я все расскажу вамъ... всю правду, хотя бы изъ за нея я и потеряла вашу дружбу... Я не хочу, чтобы вы заблуждались на мой счетъ, такъ какъ слишкомъ уважаю васъ и цѣню вашу дружбу. Я далеко не такая, какою вы представляете себѣ... Слышите? — строго, почти что съ угрозой прибавила она.

Никакое самое лукавое кокетство не могло бы такъ подѣй-

ствовать на порядочнаго человѣка, какъ этотъ искренній порывъ любимой женщины.

И Никодимцевъ, полный восторженный любви, взволнованно проговорилъ:

— Что бы вы ни сказали о себѣ, я не перемѣню о васъ мнѣнія, Инна Николаевна!

— Не говорите заранѣе, чтобы послѣ не раскаялся въ своихъ словахъ... Не надо, не надо... А теперь слушайте и помогите совѣтомъ.

И Инна Николаевна, „волнуясь и спѣша“, проговорила:

— Жить больше съ мужемъ я не могу.

— Еще бы!—чуть слышно и радостно проронилъ Никодимцевъ.

— И я хотѣла бы развестись съ нимъ.

Въ головѣ Никодимцева появилась внезапно мысль, что Инна Николаевна, вѣроятно, кого-нибудь любить и собирается выйти замужъ.

И въ голосѣ его прозвучала едва уловимая грустная нотка, когда онъ сказалъ:

— Чтобы найти счастье въ другомъ замужествѣ?

Инна Николаевна удивлено взглянула на Никодимцева.

— Почему вы думаете, что я желаю развода ради другого замужества?

— Вы такъ молоды... И я думалъ...

— Довольно одного урока. Довольно...

— Но вы могли полюбить кого-нибудь достойнаго вашей привязанности и тогда отчего же не выйти замужъ.

— Полюбить?

Инна Николаевна вспомнила, какъ и кого она любила, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу. И она проронила съ горькой усмѣшкой:

— Не такъ легко полюбить, Григорій Александровичъ, какъ слѣдуетъ любить... И надо заслужить право любить... А я... Я не имѣю права послѣ позорнаго своего замужества... Не утѣшайте...

Не говорите ничего...

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, не ради какого-нибудь рыцаря хочу я развода. Я просто желаю быть свободной... Избавиться отъ этого кошмара.

Никодимцевъ облегченно вздохнулъ.

Всѣ эти быстрыя перемѣны настроенія, отражавшіяся въ выраженіи его лица, глазъ, Инна Николаевна замѣтила, и ей это было пріятно. Ея трогала эта привязанность. Трогала и удивляла деликатностью проявленія и тѣмъ дѣйствительнымъ уваженіемъ, котораго она до сихъ поръ не видала ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ обожателей.

— Я не обвиняю этого человѣка... Я виновата. Зачѣмъ вы-

ходила замужъ... Зачѣмъ раньше не ушла отъ него... И вотъ теперь... расплата. Онъ не даетъ развода. Онъ грозитъ судомъ отнять дочь, если бы я уѣхала отъ него... Но за то онъ предоставляетъ мнѣ полную свободу жить, какъ я хочу, только бы я осталась съ нимъ... Вы понимаете какой ужасъ онъ предлагаетъ мнѣ?.. Вы понимаете, какое презрѣніе возбуждаетъ этотъ человѣкъ?..

Никодимцевъ вспомнилъ только-что бывший на лѣстницѣ разговоръ съ Травинскимъ и, полный негодованія, промолвилъ:

— Это что-то чудовищно-омерзительное.

И затѣмъ съ трогательнымъ участіемъ прибавилъ:

— Какъ вы должны были страдать, Инна Николаевна... Но больше страдать вы не будете. Не падайте духомъ и завтра же уѣзжайте со своей дочкой изъ этой квартиры... Вы гдѣ думаете пока жить... У своихъ?

— Да.

— Завтра я добуду вамъ и отдѣльный видъ на жительство.

— А мужъ не отниметъ ребенка?.. Не подастъ жалобы въ судъ?

— Ничего онъ не сдѣлаетъ. Будьте покойны. Онъ только застрачивалъ васъ!—успокоивалъ Никодимцевъ молодую женщину, хотя самъ и не увѣренъ былъ въ томъ, что говорилъ.

Разумѣется, онъ могъ устроить такъ, чтобы этотъ „негодяй“, какъ мысленно назвалъ Никодимцевъ мужа Инны Николаевны, не смѣлъ больше ее беспокоить. Стоило ему только поѣхать къ градоначальнику и попросить, чтобы онъ „посоветывалъ“ Травинскому оставить въ покоѣ свою жену, но Никодимцевъ рѣшительно отогналъ эту мысль, когда она пришла ему въ голову, считая такой образъ дѣйствій предосудительнымъ.

Болѣе всего возлагалъ онъ надеждъ на знакомаго своего пріятеля, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, который не откажется помочь въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ, и на подлость мужа Инны Николаевны, который, вѣроятно, не откажется дать и разводъ, если ему предложить денегъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ отдать на это дѣло всѣ свои сбереженія — тысячь пятнадцать — которыя онъ скопилъ, живя очень скромно и не проживая всего своего довольно значительнаго жалованья. Разумѣется, онъ сдѣлаетъ это отъ имени Козельскаго.

— И о разводѣ похлопочемъ, Инна Николаевна, и разведемъ васъ... только вы-то не волнуйтесь и не терзайте себя злыми мыслями... Кто не дѣлалъ ошибокъ?.. Вы вотъ свою теперь поправите и дѣлу конецъ...

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ. За все, за все спасибо... не только за участіе и помощь. Вы сдѣлали для меня

нічто бѣльшее. Вы вернули мнѣ вѣру въ порядочныхъ людей, уважающихъ въ женщинѣ челоуѣка, и заставили меня очнуться и придти въ ужасъ... На долго ли меня хватить—не знаю, боюсь говорить... Но никогда я этого не забуду!—горячо и взволнованно проговорила Инна Николаевна.

Въ первое мгновеніе Никодимцевъ не находилъ словъ.

Полный необыкновеннаго счастья, стараясь скрыть его, онъ наконецъ проговорилъ:

— Вы слишкомъ добры, Инна Николаевна и слишкомъ мало цѣните себя... Ужъ если считаться, то я долженъ благодарить васъ за довѣріе и дружбу... Мнѣ, одинокому старику, она такъ дорога и такъ красить жизнь...

Онъ готовъ былъ сказать, что только теперь понялъ прелесть жизни, потому что любить Инну Николаевну и будетъ любить, и не можетъ не любить ея, что она одна теперь владѣетъ его мыслями, но во-время остановился, считая такое признаніе прямо-таки святотатственной дерзостью и подлостью именно теперь, когда Инна Николаевна такъ дружески и довѣрчиво отвеслась къ нему. Она никогда не должна знать про его любовь. И на что она ей?.. Развѣ возможно, чтобы Инна Николаевна могла отнестись иначе, какъ съ негодованіемъ или съ обиднымъ сожалѣніемъ къ влюбленному пожилому челоуѣку, да еще такому некрасивому, какъ онъ?

Такія мысли не разъ приходили въ голову мнительно-самолюбиваго Никодимцева, и онъ даже въ мечтахъ не допускалъ возможности быть любимымъ, да еще такой молодой, такой красивой, такой умной и отзывчивой женщиной, какъ Инна Николаевна.

— И, значить, мы, во всякомъ случаѣ, квиты, Инна Николаевна!—прибавилъ весело Никодимцевъ...

Скоро подали чай, и они пошли въ столовую.

И чай, и хлѣбъ, и масло... все казалось необыкновенно вкуснымъ Никодимцеву.

Въ двѣнадцатомъ часу онъ сталъ прощаться и снова повторилъ Иннѣ Николаевнѣ, чтобы она не беспокоилась и завтра переѣзжала къ своимъ.

— А паспортъ я завтра вечеромъ самъ привезу, если позволите...

— Конечно...

— А вещи ваши...

— Я ничего не хочу брать...

— Вотъ вы какая...

Никодимцевъ хотѣлъ сказать: „хорошая“, но вмѣсто этого покраснѣлъ отъ удовольствія.

— А затѣмъ, Инна Николаевна, когда вы отдохнете, можно

будетъ прислать вамъ какія-нибудь занятія, если они вамъ нужны и если вы соскучитесь безъ дѣла. Хотите?

— Еще какъ хочу... Но только боюсь, Григорій Александровичъ...

— Чего?

— Что я послѣ празднои жизни ни къ чему неспособна.

— Я вамъ отвѣчу, какъ отвѣтилъ во „Власти тьмы“ отставной солдатъ: „А вы не бойтесь и не будетъ страшно“. Попробуйте... Ну да объ этомъ еще поговоримъ... Спокойной ночи, и дай вамъ Богъ хорошихъ сновъ, Инна Николаевна!.. А мнѣ еще надобно съ своими бумагами повозиться...

— И долго будете работать?

— Часа два, три... Да я привыкъ къ работѣ... Всю жизнь за ней просидѣлъ и не замѣтилъ, какъ старость подошла...

— Ну ужъ и старость. Вы просто кокетничаете своею старостью, Григорій Александровичъ.

— Нѣтъ, Инна Николаевна, нѣтъ... Старикъ, старикъ! И не утѣшайте меня изъ любезности. Я знаю себѣ цѣну!— почти строго произнесъ Никодимцевъ.

Прощаясь, онъ опять-таки не поцѣловалъ руки Инны Николаевны, какъ дѣлалъ это прежде, а только крѣпко ее пожалъ.

И Инна Николаевна поняла и оцѣнила эту тонкую деликатность.

„Зачѣмъ я его раньше не встрѣтила?“ — подумала она, направляясь въ свою комнату.

На слѣдующій день, во второмъ часу, Инна Николаевна, Леночка и фрейленъ Шарлотта уѣхали въ каретѣ къ Козельскимъ.

Инна Николаевна сочла возможнымъ взять съ собою только ея приданное бѣлье, нѣсколько своихъ вещицъ, книгъ и дѣтское бѣлье и платье. Всѣ хозяйственныя деньги, бывшія у нея, всѣ драгоценныя вещи: браслеты и кольца, въ томъ числѣ и обручальное, она положила въ небольшую шкатулку и поставила на письменномъ столѣ въ кабинетѣ мужа вмѣстѣ съ коротенькой записочкой, въ которой извѣщала, что оставляетъ его навсегда.

Прислуга, разумѣется, догадалась въ чемъ дѣло, и съ молчаливымъ сочувствіемъ проводила барыню.

Инна Николаевна была въ большой тревогѣ, нѣсколько разъ высовывалась изъ окна, чтобы просить вчера ѣхать скорѣе. Она боялась погони. Ей казалось, что вотъ, вотъ мужъ остановитъ карету и отниметъ ребенка. И вмѣстѣ съ мужемъ, въ ея воображеніи являлся образъ Привольскаго, и она вздрагивала съ чувствомъ отвращенія.

Успокоилась она только тогда, когда вошла въ квартиру отца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Дома была одна Антонина Сергѣевна. Она торопливо вышла въ прихожую, когда горничная сказала, что пріѣхала молодая барыня.

— А мы къ вамъ совсѣмъ, мама. Позволишь?

Въ голосъ Инны Николаевны звучала дѣтская жалобная нотка, И она съ какою-то особенной порывистостью и лаской, словно бы и радуясь, и въ то же время прося за что-то прощенія, стала цѣловать лицо и руки матери.

— Больше нѣтъ силъ, мамочка!—шепнула она.

И слезы поватились изъ глазъ Инны Николаевны.

Антонина Сергѣевна прижала голову дочери къ своей груди и тихо гладила ее голову своей вздрагивающей рукой, какъ, бывало, гладила, когда Инночка была маленькой дѣвочкой.

Увидавъ, что лакей Иванъ и швейцаръ не знаютъ, куда нести большую корзину, привезенную Инной Николаевной, Козельская приказала нести ее въ свою комнату. И, разцѣловавъ затѣмъ внучку, сказала дочери, когда всѣ вошли въ гостиную:

— Ты будешь съ Леночкой жить въ моей комнатѣ, Инночка, а фрейленъ будетъ спать въ столовой, а я возьму себѣ комнату, гдѣ стоятъ шезлонги... Ихъ оттуда вынесутъ, и мнѣ будетъ отлично...

— Что ты, мама... Я въ той комнатѣ помѣшусь...

Но Антонина Сергѣевна и слышать не хотѣла.

— Завтракали ли вы?—спохватилась она.

— Я не хочу, мама... А Леночкѣ вели сдѣлать котлетку.

Какъ ни пріятно было Иннѣ Николаевнѣ сознаніе, что она уѣхала отъ мужа, но въ то же время она чувствовала, что переселеніе ея стѣснить всѣхъ, и главнымъ образомъ мать, и это нѣсколько отравляло ее удовольствіе.

Антонина Сергѣевна сдѣлала распоряженіе, чтобы Леночкѣ была котлета и молоко и чтобы очищена была маленькая комната и, вернувшись въ гостиную къ дочери, снова горячо обняла ее, всплакнула и затѣмъ спросила:

— А онъ что? Онъ знаетъ?

— Нѣтъ, мамочка. Я оставила записку.

— Бѣдная ты моя, дѣточка!.. Я догадывалась, что ты несчастлива... Не даромъ я была противъ этого брака!—говорила Антонина Сергѣевна, забывая, что она ни однимъ словомъ не выразила своей дочери протеста противъ ея брака съ Травинскимъ и вообще не считала нужнымъ въ чемъ-нибудь стѣснять своихъ дочерей.

Она принадлежала къ типу тѣхъ матерей, которыя слѣпо любятъ своихъ дѣтей. Антонина Сергѣевна обожала мужа, обожала дочерей и, полная этого обожанія, создавшая изъ него культъ, заботилась, чтобы всѣ ихъ желанія были удовлетворены, баловала ихъ и вполнѣ была увѣрена, что, отдавъ имъ всю свою жизнь, безупречную и свѣтлую, она добросовѣстно исполнила свои обязанности и воспитала превосходныхъ женщинъ—такихъ же преданныхъ долгу и такихъ же „однолюбокъ“, какою была сама и что ставила себѣ въ особую заслугу и чѣмъ особенно гордилась.

Не смотря на страстную и готовую на всякія жертвы любовь Антонины Сергѣевны къ дочерямъ, между ними и ею не было духовной близости. Мать совсѣмъ не знала внутренняго міра дочерей и, влюбленная въ нихъ, не замѣчала того, что легко бросалось въ глаза постороннимъ. Не глупая, видѣвшая недостатки въ чужихъ людяхъ, она была совсѣмъ слѣпою и, казалось, наивною въ оцѣнкѣ своихъ дочерей, и чѣмъ старше онѣ становились, тѣмъ болѣе хроническою становилась эта слѣпота безграничной вѣры.

Такъ Антонина Сергѣевна и продолжала жить въ какомъ-то сантиментальномъ миражѣ, въ культѣ обожанія, ласкъ, поцѣлуевъ и заботъ о дочеряхъ, и въ лелѣяніи ревнивыхъ подозрѣній и въ мучительныхъ розыскахъ любовницъ мужа, когда она сдѣлалась несчастной женой все еще любимаго человѣка.

И мужъ, и дѣти сохраняли этотъ миражъ, чтобы не причинить страданій женщинѣ, которую считали безупречною и святою.

Обманывалъ ее болѣе или менѣе умѣло мужъ. Скрывали отъ нея все, что могло огорчить ее, обѣ дочери. Инна, не обращающая вниманія, что про нее говорятъ, боялась недовѣрчиваго взгляда матери и находила мучительное утѣшеніе въ томъ, что мать, одна только мать, считаетъ ее чистою и непорочною и не повѣритъ ничему дурному, если бы до нея и дошли какіе-нибудь слухи. Даже Тина, проповѣдывавшая въ послѣднее время теорію пріятныхъ ощущеній со смѣлостью самолюбивой барышни, желавшей удивить всѣхъ оригинальностью мнѣній и самостоятельностью поступковъ, не похожихъ на поступки другихъ,—и та, несмотря на свою рѣзкость и равнодушіе къ чужимъ мнѣніямъ, стѣснялась высказывать свои взгляды при матери, чтобы не огорчить ее и не обнажить, такъ сказать, себя передъ любимой, почитаемой и потому всегда обманываемой матерью.

— Какъ это все вышло? Изъ-за чего у васъ дѣло дошло до разрыва? Было объясненіе?... Вѣдь онъ все-таки любитъ тебя, Инночка? Не правда ли?.. И очень любитъ?—спрашивала мать, любовно и грустно взглядывая на дочь и плотнѣе усаживаясь на диванъ, чтобы выслушать подробный разговоръ дочери о томъ, какъ все это вышло.

Эти вопросы кольнули Инну Николаевну. О, какъ далека мать отъ пониманія всего ужаса ея брачной жизни и ея душевнаго настроенія. А вѣдь сама несчастлива съ отцомъ!

— Я не любила его, мама... И вообще мы съ нимъ не сходились... И вышло это просто, какъ видишь... Я пріѣхала къ вамъ и не вернусь болѣе къ нему... Положимъ, я во многомъ виновата передъ нимъ, но...

— Что ты, что ты, Инночка! Причемъ ты могла быть виновата передъ нимъ?.. Если немножко кокетничала, такъ что жъ тутъ дурного? Онъ все-таки не имѣетъ права ни въ чемъ тебя упрекнуть... Ты была честной и вѣрной женой... Точно я тебя не знаю...

„Еслибъ мама знала?“ — пронеслось въ головѣ Инны Николаевны.

И она прижалась головой къ матери, словно ребенокъ, ищущій защиты, и сказала:

— Не будемъ пока объ этомъ говорить, мама... Я виновата ужъ тѣмъ, что была женой человѣка, котораго не любила...

И мать, и дочь нѣсколько минутъ сидѣли молча.

Наконецъ, Инна Николаевна спросила:

— А папа не будетъ недоволенъ, что я пріѣхала?.. Мнѣ все кажется, что я стѣсню васъ...

— Какъ тебѣ не стыдно, Инночка!..

И Антонина Сергѣевна стала говорить, какъ она рада, что Инночка и Леночка будутъ около нея и что, конечно, отецъ тоже будетъ радъ. Онъ вѣдь такъ любитъ и ее, и Тину. И, разумѣется, никакого стѣсненія и быть не можетъ. Напротивъ, въ домѣ станетъ веселѣе отъ присутствія внучки.

Въ это время въ гостиную вошелъ лакей и доложилъ Иннѣ Николаевнѣ, что вучеръ просить деньги.

— Я и забыла... Заплати, мамочка! — попросила она, и по французски прибавила:—Вѣдь я ничего отсюда не взяла... Одно бѣлье и платье, которое на мнѣ...

— Милая! Это благородно!—воскликнула мать и, отпустивъ лакея, снова обняла Инну Николаевну и сказала, что она поговорить съ отцомъ и, конечно, онъ съ удовольствіемъ дастъ денегъ и у Инночки будетъ все, что нужно.

— И у меня есть свои триста рублей. Возьми ихъ, голубка!

Хотя Инна Николаевна не сомнѣвалась, что отецъ не откажетъ, все-таки сознаніе матеріальной зависимости отъ него нѣсколько отравляло радость новаго ея положенія, и она подумала, что непременно попроситъ Никодимцева прискаты ей какія-нибудь занятія.

За четверть часа до обѣда пришла Тина, закрасившаяся, свѣжая, оживленная.

По обыкновенію, она не сказала матери, гдѣ была, и, здороваясь съ сестрой, проговорила:

— Цѣтъ лица у тебя нехорошій. Видно, мало ходишь. Надо ходить, ходить.

И когда мать сказала, что Инна будетъ жить теперь съ ними, молодая дѣвушка радостно проговорила:

— Наконецъ-то ты разсталась со своимъ идиотомъ! Надѣюсь, примиренія больше не будетъ?

— Надѣюсь...

— Ты не раскисай, Инна. Не вздумай его пожалѣть.

— Теперь ужъ не пожалѣю!—значительно проговорила Инна Николаевна.

— Конечно, разведешься?

— Онъ не хочетъ давать развода.

— Не хочетъ? Какой негодяй!.. Видно, надѣется, что ты вернешься? Вотъ и выходи послѣ этого замужъ!—смѣясь проговорила молодая дѣвушка.

— Не всѣ же такіе, Тина!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Всѣ, мама!—категорически заявила Тина, точно она отлично знала мужчинъ.—Пока женщина, которую они любятъ, какъ говорятъ, при нихъ, они готовы ползать на четверенькахъ, а уйди она... А ты, Инна, попросила бы Никодимцева...

Инна Николаевна слегка покраснѣла.

— О чемъ?

— Чтобы онъ тебѣ помогъ, если твой идиотъ въ самомъ дѣлѣ будетъ упрямиться...

— Но что же Никодимцевъ можетъ?

— Онъ можетъ поѣхать къ начальнику твоего мужа и попросить...

— Это лучше папѣ сдѣлать!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Для папы не сдѣлаютъ того, что сдѣлаютъ для Никодимцева. А онъ порядочный человекъ и, конечно, съ удовольствіемъ исполнитъ просьбу Инны!—сказала молодая дѣвушка, не сомнѣвавшаяся, какъ и многіе, что Никодимцевъ близокъ съ Инной Николаевной.

— Онъ и такъ былъ настолько добръ, что обѣщалъ выхлопотать мнѣ отдѣльный видъ на жительство...

Антонина Сергѣевна вышла изъ гостиной. Сестры пошли въ комнату Татьяны Николаевны.

— Онъ тебѣ и разводъ выхлопочетъ. Это въ его интересахъ!—заговорила Тина.

— Это почему?

— Да потому, что онъ влюбленъ въ тебя и...

— И что еще?

— И разумѣтся, скоро сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, Инна... Точно ты сама этого не знаешь... А за него еще можно рискнуть... Онъ навѣрное въ разводѣ не откажетъ... Не правда ли, Инна?—съ веселымъ смѣхомъ говорила Татьяна Николаевна.

— Не сдѣлаетъ онъ мнѣ предложенія и не пойду я за него замужъ, Тина!—серьезно проговорила старшая сестра.

— Отчего! Развѣ онъ тебѣ не нравится?..

— Тина... Тина... Ты все еще вѣришь въ свою теорію приятныхъ ощущеній?

— Вѣрю и живу ими. А ты развѣ нѣтъ?..

— Я пришла въ ужасъ отъ нихъ, Тина... Нѣтъ, Тина, такъ жить нельзя... Придетъ часъ расплаты...

Молодая дѣвушка насмѣшливо посмотрѣла на сестру.

— Ты моралисткой стала. Съ какихъ это поръ?

— Съ недавнихъ.

— Поздравляю! Это чье же вліяніе? Никодимцева?

— Отчасти и его. И я хотѣла бы, чтобы и ты встрѣтила такого человѣка, какъ Никодимцевъ, Тина. Не шути съ жизнью. Допутишься до того, что станешь презирать себя... Избави тебя Богъ отъ этого...

— Слова, слова, слова!..

— Пожалуйте кушать!—доложилъ вошедшій лакей.

II.

Новость, сообщенная Антониной Сергѣевной мужу, какъ только онъ пріѣхалъ домой, не удивила Николая Ивановича. Онъ тоже выразилъ удовольствіе, что Инна оставила этого идиота. Она, разумѣтся, должна развестись съ нимъ и какъ можно скорѣе. „Инна молода, хороша собой и можетъ еще выйти замужъ“, думалъ Козельскій, рѣшившій, что оставленіе мужа дочерью явилось не безъ вліянія Никодимцева. Что Никодимцевъ влюбленъ въ Инну, въ томъ Козельскій не сомнѣвался, особенно послѣ джентльменскаго поступка Никодимцева въ ресторанѣ Донона, е которомъ Николай Ивановичъ узналъ на-дняхъ, и, разумѣтся, отъ Инны зависитъ женить его на себѣ. Партія блестящая и родство очень выгодное. Человѣкъ онъ очень умный и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный и при этомъ еще не старый, здоровый и крѣпкій и можетъ понравиться женщинѣ. Съ нимъ Инна навѣрное перестанетъ подавать поводъ къ разговорамъ, подобнымъ тому, изъ-за котораго Никодимцевъ не испугался риска нарваться на „исторію“. Только надо ковать желѣзо, пока горячо, и Инна, разумѣтся, сдѣлается женой Никодимцева, пока онъ по уши влюбленъ и, слѣдовательно, не повѣритъ тому, что о ней говорятъ... Однимъ

словомъ, Козельскій возлагалъ большія надежды на то, что и онъ, въ качествѣ тестя, такого виднаго человѣка, такъ или иначе, но поправить свои дѣла.

Денегъ на экипировку Козельскій обѣщалъ дать „сколько нужно, хотя и подумалъ, что Инна напрасно не взяла свои платья и драгоценныя вещи, но просилъ только повременить нѣсколько дней. У него будутъ деньги... Онъ долженъ получить...

Козельскій говорилъ такъ небрежно увѣренно, что Антонина Сергѣевна, давно ужъ не посвящаемая въ денежные дѣла мужа, горячо поблагодарила и ушла изъ кабинета вполне довольная за Инну.

А между тѣмъ, на сердцѣ у Козельскаго скребли кошки. На завтра предстояла новая уплата по векселю, и сегодня онъ денегъ не досталъ, и не знаетъ, куда обратиться. Всюду — онъ долженъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ получалъ жалованье, оно уже забрано, и его превосходительство рѣшительно не зналъ, какъ извернуться и что ему дѣлать. Если даже онъ и заплатитъ завтра, во всякомъ случаѣ дѣла его отъ этого не поправятся. Ему необходимо гдѣ-нибудь достать крупный кушъ — тысячь десять, чтобы расплатиться съ болѣе назойливыми долгами и нѣсколько успокоиться отъ этой каторги — вѣчнаго исканія денегъ.

Онъ въ разныхъ служебныхъ мѣстахъ нахватывалъ до двадцати тысячъ и всегда былъ безъ денегъ. У него всегда были какіе-то старые долги, которые онъ выплачивалъ, и всегда ему не хватало денегъ на тотъ трапъ жизни, какой онъ велъ. И онъ легкомысленно надѣялся на возможность сразу получить крупный кушъ и сразу поправить дѣла, выдумывая разныя предпріятія, вступая въ компанію съ сомнительными дѣльцами. Но или предпріятія оказывались несбыточными, или у Николая Ивановича не было ни достаточно умѣнья, ни вліятельныхъ связей, но только ни одно дѣло его не приносило ему большого куша, а лѣсное, на которое онъ такъ надѣялся, принесло ему еще убытокъ, и весьма порядочный, на такъ называемые „предварительные расходы“, часть которыхъ пала на его долю. А деньги были заняты и заняты на короткій срокъ.

Сегодня вечеромъ Николай Ивановичъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку: имѣть свиданіе съ однимъ евреемъ, подставнымъ лицомъ знакомаго тайнаго совѣтника, который приумножалъ свое состояніе ростовщичествомъ за чужой спиной. Если эта попытка неудастся...

— Ника! Мы ждемъ тебя, Ника! — проговорила, входя въ кабинетъ, жена.

И, замѣтивъ озабоченное лицо мужа, безпокойно прибавила:

— Ты чѣмъ-то разстроень... Что съ тобой?..

*

— Ничего, право, ничего... Просто усталъ немного, Тоня... Прости, что заставилъ себя ждать.

И съ изысканной любезностью предложивъ женѣ руку, прошель съ ней въ столовую.

Онъ съ особенною ласковостью поздоровался съ Инной Николаевной, расцѣловаль внучку, протянулъ руку фрейленъ и сѣлъ на свое обычное мѣсто около Антонины Сергѣевны.

— Теперь мы всѣ въ сборѣ!—значительно проговорилъ Козельскій, взглядывая на Инну Николаевну.—И я очень этому радъ.

Онъ на время позабылъ о дѣлахъ и съ обычнымъ легкомысліемъ почему-то надѣялся, что убѣдить еврея дать ему денегъ. И, успокоивъ себя этой надеждой, онъ за обѣдомъ былъ очень милъ: находилъ все вкуснымъ, къ удовольствію Антонины Сергѣевны, не безъ насмѣшливой игривости разсказаль, что недорождъ официально признанъ и что о немъ можно будетъ говорить въ газетахъ, весело сказаль Иннѣ Николаевнѣ, что „все хорошо, что хорошо кончается“, шутилъ съ внучкой и съ Тиной и послѣ второго блюда что-то шепнулъ лакею, сунувъ ему въ руку деньги.

И когда передъ жаркимъ разлили по бокаламъ шампанское, Козельскій поднялъ бокаль и предложилъ выпить за Инночку, вырвавшуюся изъ вавилонскаго плѣна.

— А мы ужъ тебя больше въ обиду не дадимъ! Разведемъ съ твоимъ умникомъ! — ласково прибавилъ отецъ и, поднявшись съ мѣста, подошелъ къ дочери и крѣпко ее поцѣловаль.

Инна Николаевна была тронута. Цѣлуясь съ отцомъ, матерью, и сестрой, она чувствовала себя въ атмосферѣ нѣжной ласки, увѣренная, что въ обиду ея не дадутъ. Но все-таки вспомнила при этомъ и Никодимцева..

„Не познакомясь она съ нимъ?..“

Послѣ обѣда Козельскій увелъ Инну Николаевну въ кабинетъ и, усадивъ ее на диванъ, сталъ закуривать, не спѣша, сигару.

Инна Николаевна не безъ восхищенія глядѣла на своего молодяваго, красиваго, элѣгантнаго и порочнаго отца.

— Ну поговоримъ, Инночка,—заговорилъ онъ своимъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ.—Во-первыхъ, выдалъ онъ тебѣ видъ на жительство?

— Нѣтъ, папа. Онъ застращиваль меня судомъ. Грозилъ отнять Леночку.

— Ну, это дудки!.. А паспортъ мы и безъ него добудемъ.

Инна Николаевна сказала, что паспортъ обѣщаль сегодня привезти Никодимцевъ...

— И отлично. Спасибо Григорію Александровичу, что онъ принялъ въ тебѣ участіе. Онъ очень порядочный человекъ и дѣйствительно преданъ тебѣ.. И я сердечно поблагодарю его се-

годня же, если застану у насъ... Въ половинѣ восьмого мнѣ надо ѣхать по дѣлу... И свою порядочность и уваженіе къ тебѣ онъ доказалъ... Онъ не нынѣшнимъ молодымъ людямъ чета... Не правда ли... джентльменскій поступокъ?.. Можно сказать по рыцарски поступилъ...

— Ты про что говоришь?.. Про какой рыцарскій поступокъ Никодимцева?

— Да развѣ ты не знаешь?.. Ничего не слыхала? Твой мужъ ничего не говорилъ?

— Я ничего не знаю.

Тогда Козельскій разсказалъ о томъ, какъ Никодимцевъ заставилъ замолчать одного молодого мерзавца, позволившаго себѣ недостаточно уважительно и слишкомъ громко говорить съ товарищемъ объ Иннѣ.

— Ты вѣдь знаешь, какъ клеветаютъ на женщинъ, особенно если онѣ красивы!—успокоительно прибавилъ Козельскій.

— Кто были эти господа и что они говорили? — внезапно блѣднѣя, спросила Инна Николаевна.

— Пріятели твоего мужа... Служать вмѣстѣ... Да ты что волнуешься, Инночка?.. Мало ли негодяевъ... Но только Григорій Александровичъ поступилъ, какъ истинный джентльменъ... Мнѣ говорилъ Магометъ — татаринъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены... Григорій Александровичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, подошелъ къ сосѣднему столу, за которымъ сидѣли эти господа, и сказалъ, что онъ задушитъ, если тотъ мерзавецъ скажетъ слово... Немножко по мальчишески для будущаго товарища министра, но... благородно...

Передавая объ этомъ не безъ тайнаго умысла возбудить въ Иннѣ Николаевнѣ бѣльшій интересъ къ Никодимцеву, Козельскій никакъ, конечно, не рассчитывалъ, что дочь приметъ исторію нѣсколько трагически, и былъ изумленъ, когда, вмѣсто радостнаго чувства польщеннаго самолюбія, въ ея лицѣ было что-то страдальческое...

— А Никодимцеву эти... господа не отвѣтили дерзостью?—взволнованно спросила она.

— Такіе господа трусы... Онъ бросилъ имъ карточку... и они извинялись передъ нимъ...

— Когда это случилось?

— Въ прошлое воскресенье.

„Такъ вотъ отъ чего онъ не пріѣзжалъ и вотъ отъ чего не хотѣлъ ѣздить, боясь скомпрометировать меня. Вѣрно говорили про него!“ — подумала Инна Николаевна, тронутая деликатною, самоотверженною любовью Никодимцева.

— Да, Инночка, вотъ это истинная преданность... Ты, видно, околдовала этого Никодимцева...

— Тутъ не я, папа... Онъ, я думаю, вступился бы, еслибъ при немъ позорили и совсѣмъ незнакомую женщину...

— Положимъ, но все-таки едва ли бы такъ горячо...

И Инна подумала, что отецъ, пожалуй, и правъ. И ей было это очень пріятно и въ то же время ей хотѣлось какъ можно скорѣе „открыть ему глаза“ на себя и сказать, что многое изъ того, что говорили о ней—правда.

„А тамъ будь, что будетъ! Довольно лжи!“

Козельскій еще разъ сказалъ дочери, что въ обиду не дастъ и сказалъ, что надо скорѣе разводиться. Деньги на разводъ онъ, конечно, дастъ.

— Но мужъ ни за что не дастъ развода, папа.

— Онъ говорилъ?

— Говорилъ.

— О, какая свотина!.. Я съ нимъ поговорю... Быть можетъ, удасть убѣдить его...

— Врядъ ли...

— Тогда... тогда, знаешь ли что, Инночка?.. Надо будетъ попросить Никодимцева...

— Онъ уже предлагалъ свои услуги!—промолвила Инна Николаевна.—Но только лучше попробуй ты, папа... Поговори съ мужемъ... Быть можетъ... что-нибудь выйдетъ...

— Во всякомъ случаѣ выйдетъ что-нибудь хорошее!—значительно проговорилъ Козельскій, цѣлуя дочь.—А пока до свиданія. Надо ѣхать. Передай мой привѣтъ Григорію Александровичу, если онъ пріѣдетъ!

Козельскій уѣхалъ дѣлать послѣднюю попытку.

III.

Инна Николаевна уложила Леночку спать и, въ ожиданіи Никодимцева, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, со страхомъ думая объ объясненіи, которое она должна имѣть съ нимъ. Его заступничество произвело на нее сильное впечатлѣніе и въ то же время обязывало ее рассказать про свою жизнь...

„Но только не сегодня и не сказать... лучше написать?“..

Эта мысль нѣсколько успокоила ее... По крайней мѣрѣ сегодня еще онъ будетъ такой же любящей, добрый.

Пробило девять часовъ. Никодимцевъ не ѣхалъ, и Инна Николаевна то и дѣло подходила къ окну, изъ котораго былъ видѣнъ подъѣздъ, и всматривалась, не подъѣдетъ ли Никодимцевъ... И въ голову ея лѣзли мрачныя мысли. Ей казалось, что Никодимцевъ болѣе никогда не пріѣдетъ, что онъ узналъ, какая она, и что она лишится единственнаго друга, котораго такъ наожиданно послала ей судьба.

— Вамъ письмо Инна Николаевна. Курьеръ привезъ и спрашиваетъ будетъ ли отвѣтъ?—доложилъ лакей, подавая на маленькомъ серебряномъ подносѣ письмо.

„Онъ не пріѣхалъ!“—подумала Инна Николаевна.

И сердце ея тревожно забилося, когда она вскрыла большой конвертъ, въ которомъ находилась зелененькая паспортная книга.

Но лицо ея просвѣтлѣло, когда она прочитала маленькую записочку, въ которой Никодимцевъ извѣщалъ, что, не смотря на желаніе узнать лично о здоровьѣ Инны Николаевны, онъ не рѣшается ее беспокоить въ день ея переѣзда и просить позволенія пріѣхать завтра, чтобы лично сообщить пріятныя извѣстія о возможности развода.

Повеселѣвшая, она тотчасъ же написала ему:

„Спасибо, горячее спасибо. Пріѣзжайте завтра. Буду ждать“.

— Положительно, мама, Никодимцевъ образецъ порядочности!—проговорила Инна Николаевна, входя въ столовую.

— А что?..

— Прочитай его записку и оцѣни деликатность его не-пріѣзда...

— Да... вполне приличный господинъ! И радостную вещь сообщилъ. Спасибо ему.

— Какую?—спросила Тина.

— Что привезетъ пріятное извѣстіе о разводѣ.

— Гм... Какъ, однако, твой корректный чиновникъ торопится съ твоимъ разводомъ.

Инна Николаевна промолчала.

— Ты что этимъ хочешь сказать, Тина?—простодушно спросила Антонина Сергѣевна.

— Хочу сказать, что онъ старается для себя...

— То-есть, какъ?

— А такъ... Влюбленъ въ Инну и навѣрное сдѣлаетъ ей на дняхъ предложеніе...

Мать вопросительно взглянула на Инну. Та полумуфта сказала:

— У Тины фантазія большая, мама. Вотъ и все.

Въ это время вошелъ лакей и, обратившись къ Тинѣ, сказалъ:

— Васъ, барышня, какой-то студентъ спрашиваетъ, Скурагинъ.

— Первый разъ слышу фамилію!—удивилась Тина.

— Очень бѣдно одѣтый и въ лѣтнемъ пальтецѣ... Замышл.

Прикажете отказать?

— Просите въ гостиную.

— Я ему пришлю чаю, Тиночка!—сказала Антонина Сергѣевна.

Тина вышла въ гостиную.

Черезъ минуту изъ-за портьеры показался черноволосый, худощавый студентъ, въ очень потертомъ форменномъ скрутукѣ и въ стоптанныхъ сапогахъ, замѣчательно красивый, серьезный и нѣсколько взволнованный.

— Скурагинъ!—произнесъ онъ строгимъ тономъ.

И взглядывая на молодую дѣвушку своими прелестными большими черными глазами строго, почти непріязненно, протянулъ ей первый зазѣбшую красную руку и спросилъ:

— Вы Татьяна Николаевна Козельская?

— Я!—отвѣтила Тина.

И, пораженная одухотворенною и, казалось, несознаваемою молодымъ человѣкомъ красотою, его блѣднаго, строгаго и мужественнаго лица и въ то же время недовольная, что онъ, подобно большей части мужчинъ, не испытываетъ ни малѣйшаго обаянія ея вызывающаго, хорошенькаго личика, она кокетливо ему улыбнулась, словно бы хотѣла расположить студента въ свою пользу этой улыбкой и сказать: „погляди, какая я хорошенькая!“

Но студентъ не только не сдѣлался отъ этой улыбки привѣтливѣе, а еще холоднѣе и строже произнесъ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить. Здѣсь можно?—нетерпѣливо прибавилъ онъ, бросая взглядъ на полуоткрытую дверь въ столовую.

Заинтересованная этой таинственностью, Тина сказала:

— Пойдемте въ кабинетъ отца...

И когда они вошли туда, сѣла на кресло и, указывая на другое, сухо бросила:

— Присядьте.

Но студентъ не сѣлъ.

— Я къ вамъ по порученію Бориса Александровича... Онъ просить...

— Но какъ онъ смѣлъ обратиться къ чужому посредству?—высокомѣрно перебила молодая дѣвушка, чувствуя, что краска заливаетъ ея лицо.

— Потрудитесь выслушать и тогда вы поймете, что онъ смѣлъ!.. Онъ сегодня въ три часа дня пустилъ себѣ пулю въ грудь и находится теперь въ больницѣ... Написать не могъ и потому просилъ меня передать вамъ свою просьбу пріѣхать къ нему завтра, утромъ, въ Общину св. Георгія на Выборгской Сторонѣ...

Тина ахнула. Еще сегодня она утромъ была у него.

— Онъ не смертельно ранилъ себя. Онъ будетъ жить?—испуганно спросила она.

— Доктора подають надежду, но... рана опасная. Что прикажете ему отвѣтить!

— Я буду.

— Въ которомъ часу.

— Въ десять утра. Можно?

— Да. Имѣю честь кланяться!

Студентъ поклонился и вышелъ.

Тина нѣсколько минутъ сидѣла неподвижная.

— Какой онъ, однако, глупый!.. Стрѣляться! — прошептала она, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ.

Въ кабинетъ заглянула Инна Николаевна.

— Тина... голубчикъ... Что съ тобой?..

— Борисъ Александровичъ стрѣлялся... Рана опасная... Просить прѣхать завтра въ больницу... Не говори ни слова мамѣ! — вытирая слезы, говорила молодая дѣвушка.

И, нѣсколько успокоившись, прибавила:

— Онъ настаивалъ, чтобы я вышла за него за мужъ, а я... я сегодня была у него и сказала, что замужъ не выйду... Довольно съ него, что я... цѣлюю его, пока мнѣ хочется... А онъ принималъ все это трагически...

— Подѣмъ сейчасъ къ нему, Тина... Я скажу мамѣ, что хочу прокатиться...

— И скажи, что студентъ приходилъ отъ... отъ Ольги Ордынцевой... звать къ нимъ...

Черезъ нѣсколько минутъ сестры выходили изъ подъѣзда. На подъѣздѣ ихъ встрѣтилъ отецъ.

— Вы, милыя, куда? — спросилъ онъ.

— Прокатиться немного... У меня голова болитъ, папа! — сказала Инна Николаевна.

— Такъ берите моего извозчика... У него хорошая лошадь!

Козельскій вошелъ въ квартиру и прошелъ въ кабинетъ. Деньги онъ досталъ, но какую цѣною?

И его превосходительство чувствовалъ какую-то неловкость и что-то, похожее на стыдъ, когда досталъ изъ бумажника чекъ на пять тысячъ.

„Но я возвращу ихъ!“ — старался успокоить себя Козельскій и сознавалъ, что все-таки онъ взялъ взятку...

— И какъ это все случилось неожиданно! — прошептала она, вспоминая, какъ это случилось.

Н. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

Въ окно глядится сумракъ предразсвѣтнѣй,
Чернѣетъ садъ угрюмою стѣной,
Унылый часъ, холодный, непривѣтнѣй,
Какъ привидѣніе, проходитъ надъ землей.

Душа полна тревогою больною,
Усталая склонилась голова,
А синій сумракъ шепчетъ надо мною
Послѣднихъ сновъ неясныя слова...

* * *

Я сбросить хотѣлъ роковую неволю мученій,
Я въ полночь глухую дороги искалъ
И вдругъ я услышалъ среди тихихъ ночныхъ дуновеній,
Какъ кто-то душѣ прошепталъ:
— Не бойся страданій, не бойся любви безответной,
— Надъ мракомъ страданья— не меркнущій свѣтъ,
Не бойся нарушить молчаніе пѣснью привѣтной...
Быть можетъ, раздастся отвѣтъ!

Allegro.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова, «Сумерки просвѣщенія», Р. В. Розанова.—Характеристика этихъ проповѣдниковъ любви и просвѣщенія.—Отсутствіе любви въ проповѣди г. Меньшикова.—Изувѣрство г. Розанова и проповѣдуемая имъ полная тьма вмѣсто сумерекъ.—Изъ текущей беллетристики: «Кирилка», «Ома Гордѣвъ», г. Горькаго; «Смиренные», В. Короленко.

Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нище духомъ, которые при помощи наивныхъ приѣмовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей. Другіе ограничивались тѣмъ, что ходили въ одной рубахѣ или ѣздили на палочкѣ верхомъ, и видъ бородатаго субъекта въ такомъ легкомысленномъ костюмѣ, занимающагося такимъ ребячьимъ дѣломъ, приводилъ въ трепетъ московскихъ кумушекъ и сокрушалъ ихъ сердца. Были между ними подчасъ и искренніе дураки или прямо сумасшедшіе, невѣроятность дѣйствій которыхъ оказывала тѣмъ большее вліяніе на осатанѣвшую отъ невѣжества и страха толпу. Послѣднимъ представителемъ такого юродствующаго цеха былъ знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корейша съ его проникновеннымъ словечкомъ «кололацы», около котораго создавалась даже дѣлая литература, защищавшая и комментировавшая его благоглупости, впрочемъ, довольно невинныя по существу.

Но духъ юродства не вымеръ и не угасъ на святой Руси, и отъ времени до времени онъ осыпаетъ того или иного избранника, который, возмнивъ себя пророкомъ и сосудомъ особой мудрости, начинаетъ неутомимо разводить свои «кололацы», гремѣть «металломъ» и сокрушать «жупеломъ». За послѣдніе годы въ литературѣ объявились даже два такихъ сосуда—г. Меньшиковъ изъ «Недѣли» и г. Розановъ изъ нѣдръ нашей реакціонной прессы. Трудно сказать, кому изъ нихъ надлежитъ пальма первенства, ибо каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ и вполне достоинъ унаслѣдовать лавры Ивана Яковлевича. Оба шеголяютъ во всей, если можно такъ выразиться, душевной наготѣ, оба имѣютъ по палочкѣ, на которой лихо гарцуютъ по страницамъ печатной бумаги, на соблазнъ и изумленіе читающаго міра. Палочка у каждого, конечно, своя. У г. Меньшикова она склеена изъ обрывковъ проповѣди графа Толстого, плохо имъ усвоенныхъ и сдобренныхъ собственной отсебятиной вполне юродиваго содержанія и направленія. То, что у графа представляетъ стройную систему, съ которой можно соглашаться или нѣтъ, но которой нельзя отказать иногда

въ страшной силѣ чувства и энергіи выраженія,—у г. Меньшикова превращается въ наборъ обрывочныхъ и противорѣчивыхъ словечекъ и мыслишекъ, разведенныхъ елейной водичей съ доброй дозой поварнаго масла, затаенной злости и несомнѣннаго фарисейства. Въ своей книгѣ «Думы о счастьѣ», какъ помнать, быть можетъ, читатели, г. Меньшиковъ пытался претворить идеи графа на мѣщанскій ладъ, чтобы сдѣлать бремя ихъ болѣе удобоносимымъ для себя и своихъ присныхъ. Новая книга его «О любви» построена на тотъ же ладъ, какъ увидимъ ниже, и по юродству не уступаетъ первой.

Г. Розановъ избралъ себѣ палочку другого типа. Для характеристики ея довольно вспомнить одинъ изъ недавнихъ его подвиговъ, когда по поводу годовщины прискорбнаго событія на Холынскомъ полѣ онъ забилъ въ бубны и тимпаны и, ликуя, возгласилъ «аллилуйя!» Или его проповѣдь «животности», какъ главнаго начала и устоя семьи. Черезъ всѣ его юродства красной нитью проходитъ мысль о грубой силѣ, которая ему представляется единственнымъ аргументомъ ad homines, достойнымъ поклоненія. Въ церковь, имя которой онъ постоянно всуе повторяетъ, онъ готовъ людей загонять дубиной и непрочъ жечь на кострахъ несогласномыслящихъ. Науку и просвѣщеніе онъ ненавидитъ и, не обинуясь, предлагаетъ скалозубовскій методъ воспитанія. Единственную свободу онъ признаетъ для себя, какъ право говорить свои откровенія, образчики которыхъ мы приведемъ ниже. Въ отличіе отъ г. Меньшикова, который не пишетъ, а баюкаетъ, не говоритъ, а сладко глаголетъ, не разсуждаетъ, а ткетъ тончайшую сѣть афоризмовъ, въ которой въ концѣ-концовъ запутывается и онъ самъ, и читатели до полного одурѣнія,—г. Розановъ съ величайшими усиліями громоздитъ фразу на фразу, бьется надъ словомъ, подыскивая возможно мудренѣе, вычурнѣе, тяжеловѣснѣе, для вящаго удрученія читателя, который прямо-таки раздавливается этой неуклюжей постройкой. Чтеніе произведеній г. Розанова есть тяжкій и удручающій трудъ. Все время чувствуешь себя словно въ темномъ, непроглядномъ мѣстѣ, гдѣ то и дѣло натыкаешься на углы и закоулки, рискуя постоянно удариться лбомъ въ совершенно неожиданный выступъ, или провалиться въ волюкъ яму. И происходитъ это не столько отъ путаницы мыслей автора, вообще, примитивныхъ и дѣтски-невѣжественныхъ, сколько отъ витіеватости его слога, тяжкаго, темнаго, удушающаго, какъ тѣ густыя, зловредныя испаренія, которыя въ осеннія сумерки поднимаются надъ смрадными болотами. Если справедливо изреченіе Бюффона, что слогъ—это человѣкъ, то, составляя по этому слогу представленіе о г. Розановѣ, испытываешь жуткое впечатлѣніе. Его допотопныя мысли, изложенныя допотопнымъ языкомъ, напоминаютъ одно изъ вымершихъ чудовищъ въ книги Гётчинсона—птеродактиля, представляющаго переходное существо отъ пресмыкающихся къ птицамъ,—небольшое, странное созданіе, нѣсколько напоминающее нашу летучую мышь,—непопыря, но болѣе фантастическое по формѣ крыльевъ и головы. Эти, въ сущности, невинныя творенія обитаютъ въ затхлыхъ, плохо провѣтриваемыхъ подвалахъ, развалинахъ и старыхъ заброшенныхъ зданіяхъ; по ночамъ они вылетаютъ на добычу, охотясь за ночными насѣкомыми и пугая дѣвушекъ и женщинъ, съ налету ударяясь о ихъ бѣлыя платья и лица, а днемъ они скрываются въ своихъ темныхъ обиталищахъ, вися головой внизъ, прицѣпившись крѣпкими когтями къ мрачнымъ сводамъ. Такъ и господа Розановы укрываются отъ свѣта солнца по разнымъ темнымъ трущобамъ, куда рѣдко-рѣдко заглядываютъ читатели, и лишь въ сумеречные, неясные дни они рѣбютъ въ воздухъ, приводя въ невольную дрожь своимъ фантастическимъ полетомъ и сказочнымъ видомъ. Кромѣ книги «Сумерки просвѣщенія», о которой мы желаемъ поговорить теперь, издатель г. Розанова—П. П. Перцевъ угрожаетъ намъ еще его произведеніями: «Религія и красота», «Литературныя очерки» и проч. Все это уже гдѣ-то печаталось, хотя и врядъ ли было кому на потребу. Но не ошибся ли

г. Перцевъ, думая, что именно теперь время г. Розановыхъ приспѣло? Не запоздалъ ли онъ, скорѣе, съ своими изданіями? Не беремся отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Пусть, впрочемъ, судятъ сами читатели.

Но прежде о г. Меньшиковѣ; не о немъ, конечно, а о его книгѣ «О любви».

Любовь, любовь—вотъ, по истинѣ, безсмертная, не старѣющая тема, о которой писано и переписано столько, что не хватало бы человѣческой жизни для ознакомленія съ литературой, ей посвященной. Можно себѣ представить, какая это богатая тема для г. Меньшикова. При его много- и пустословіи, это неисчерпаемый источникъ для безконечнаго потока вздора, искусно завернутаго въ безчисленныя папильотки кокетливаго проповѣдника изъ «Недѣли». Тутъ и Дафнисъ и Хлоя, какъ образцы невинной и, тѣмъ не менѣе, страждущей любви. Тутъ и стихъ изъ Гейне про бѣднаго потомка Азровъ, которые, полюбивъ, умираютъ,—какъ доказательство безпощадности злой страсти. Далѣе Вертеръ подъ ручку съ царемъ Соломономъ, зарекшимъ, что любовь сильнѣе смерти, и пушкинская Татьяна съ Дмитріемъ Карамазовымъ Достоевскаго, Вѣра изъ «Обрыва» и Анна Каренина. А потомъ—непрерывными рядами шествуютъ Шопенгауеръ и Будда, Летурно и Мопассанъ, Мантегаца и Бодлэръ, Верленъ и Гомеръ, Байронъ и Шекспиръ, русскіе сектанты, нигилисты и либералы и проч. Словомъ—

«Были тамъ послы, софисты,
И архонты, и артисты»,—

пока не явился г. Меньшиковъ:

«Онъ рѣчами завладѣлъ,
И безумными глазами
На красавицу глядѣлъ».

И, наконецъ, повѣдалъ міру плоды своихъ великихъ думъ, вынесенныхъ изъ этого созерцавія.

Дума первая. «Любовь въ алхиміи счастья есть тотъ философскій камень, прикосновеніе котораго къ самымъ презрѣннымъ вещамъ даетъ имъ цѣну золота. Какъ жизненный эликсиръ, любовь возвращаетъ омертвѣвшему отношенію нашему къ вещамъ огонь молодости. Это не просто очаровательное состояніе жизни—это сама жизнь въ ея творческомъ порывѣ, въ благоуханіи ея расцвѣта». Какова галантерейность г. Меньшикова? Можно ли блеснуть очаровательнѣе, отсалютовать любви болѣе парадно и эффектно? Одна «алхимія счастья» чего стоитъ,—«не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ». Но, зная приемы г. Меньшикова по его прежнимъ подвигамъ въ области философіи и публицистики, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что это—лишь хитроумныя ковы, въ родѣ тѣхъ, что придумалъ сердитый Гефестъ колченогій, чтобы накрыть измѣнницу-жену Афродиту съ свирѣпымъ Ареемъ. «И отъ смѣха боговъ дрожалъ Олимпъ многохолмный».

Такъ повѣствуетъ нелицепріятный Гомеръ о результатахъ хитрости Гефеста. Нѣчто въ этомъ родѣ испытываетъ и читатель книги г. Меньшикова, когда, развертывая одну за другой авторскія папильотки, онъ получаетъ въ концѣ концовъ рядъ поученій изъ прописей, что любовь «не исчерпывается любовною *страстью*», что въ «супружествѣ необходима строгая воспитанность въ цѣломудріи и долгъ ненарушимой вѣрности другъ другу», что «чистота духа и тѣла обязательна для мужчинъ и для женщинъ», и что «совершенный союзъ можетъ быть основанъ только на нравственномъ, духовномъ единеніи мужа и жены».

Бажется, что можетъ быть проще и банальнѣе этихъ мыслей, вошедшихъ въ обиходъ мудрости всѣхъ временъ и народовъ, запечатлѣнныхъ и въ религиозныхъ обрядахъ, и въ высшихъ произведеніяхъ общечеловѣческой литературы, и въ народномъ непосредственномъ творествѣ, какъ оно проявилось въ

*

дѣсахъ и сказаньяхъ? Но посмотрите, какихъ только вавилоновъ не наворотилъ нашъ публицистъ!

Онъ начинается съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда еще дикарь «ударомъ дубины по головѣ повергалъ женщину», и доводитъ эволюцію любви до Мопассана и современныхъ «дамочекъ», которыя въ любви, своеобразно ими понимаемой, видятъ смыслъ жизни. Если въ жизни дикаря любовное чувство не играло никакой роли, то это и есть «естественное состояніе человѣка», по мнѣнію г. Меньшикова. Только наша извращенная во всѣхъ отношеніяхъ цивилизація отвела этому чувству такое верховное мѣсто, о чемъ свидѣтельствуется яко бы вся наша литература. Непремѣнно «вся», на меньшемъ юродливые публицисты не мирятся. Это ихъ главный аргументъ,—всѣ въ любви «подлецы», всѣхъ любовь превращаетъ въ «свиней». Начинается литературная скачка отъ пушкинской Татьяны до романовъ Стебницкаго, Писемскаго и Клюшниково, въ которыхъ предаются осмѣянію яко бы дѣйствительные факты изъ жизни нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ. Устыдить за головоломными прыжками г. Меньшикова, отиѣтитъ всё его ужимки и тартюфскія киванья въ сторону «интеллигенціи»—мудрено, да и не нужно. Два-три образчика достаточны, чтобы обрисовать съ головы до ногъ несложную фигуру г. Меньшикова, не безъ граціи гарцующаго на своей палочкѣ въ болѣе чѣмъ легкомысленномъ костюмѣ среди «архонтовъ и софистовъ» и доблестно сокрушающаго перья въ борьбѣ съ Иветой Гильбертъ, Отеро и имъ подобными «жрицами любви» (см. стр. 60—61 и другія).

Книга его раздѣлена на четыре главы: «О любовной страсти», «Суевѣрія и правда любви», «Любовь супружеская» и «Любовь святая». Первая посвящена анализу влюбленности и тѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, къ какимъ часто ведетъ страсть. Какъ и вообще мысли г. Меньшикова, его изложение въ этой главѣ не блещетъ ни оригинальностью, ни глубиной. Всѣ его вопли по поводу злой страсти тысячи разъ повторялись со временъ Соломона и до нашихъ дней. Невѣрны только его общіе выводы. Онъ комбинируетъ разныя стороны любовной страсти, сваливая въ одну кучу и голую, ничѣмъ не прикрытую, разнузданную чувственность, доходящую до болѣзненности въ лицѣ маркиза де-Сада, и то нѣжное, вполне свободное въ началѣ отъ всякой чувственности—чувство, какое охватываетъ влюбленныхъ съ такою силой въ первый періодъ ихъ влеченія. Грубая ложь звучитъ также въ нападкахъ на литературу, которая будто бы создала и поддерживаетъ въ обществѣ ложный взглядъ на страсть, какъ на идеалъ любви. Выудивъ у Пушкина небрежно и вскользь брошенный стишокъ

«Люби не женщина насъ учитъ,
А первый пакостный романъ»,

онъ сейчасъ же строитъ на немъ цѣлую систему обвиненія протавъ литературы. «Въ заурядной семьѣ, гдѣ бабушка читала Грандисона, маменька увлеклась Понсонъ-дю-Терайлемъ, дочь упивается Марселемъ Прево,—въ такой семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передается мечта о половой любви, какъ нѣкая религія, священная и прекрасная, и всѣ поколѣнія дышатъ одной атмосферой—постояннаго полового восторга, постоянной жажды «влюбленности». Великіе авторы, описывающіе любовь во всей ея трезвой, ужасной правдѣ, до большинства не доходятъ, да большинству они и не по плечу; средней публикѣ доступнѣе маленькіе писатели и писательницы, которые, какъ и публики, не знаютъ природы и не умѣютъ быть вѣрными ей, которые не знаютъ, что такое любовь, но тѣмъ болѣе стараются изобразить ее оболстательной. И вотъ тысячами голосовъ, исходящихъ «свыше», въ каждомъ молодомъ поколѣніи создается ложное внушеніе о любви, дѣлающее эту страсть одною изъ самыхъ гибельныхъ для человѣчества. Литературное внушеніе изъ читающихъ клас-

совъ проникаетъ въ нечитающіе и ослабляетъ способы борьбы съ этою страстью, вырабатываемые всякой естественной, патриархальной культурой. Въ деревенской средѣ, гдѣ народъ не испорченъ (у старовѣровъ, напр.), тамъ молодежь воспитывается цѣломудренно и религіозно, половое влеченіе презирается внѣ брака, и вообще никакихъ «романовъ» и «драмъ» не полагается, всякія попытки къ нимъ гаснутъ въ общемъ внушеніи, что это грѣхъ и позоръ. Поэтому здоровое влеченіе обоеихъ половъ здѣсь крайне рѣдко развивается въ страсть, регулируясь ранними и крайне-строгими браками. Не то мы видимъ въ среднихъ, не трудовыхъ классахъ съ утраченной религіозностью, съ ослабленнымъ представленіемъ о добрѣ и злѣ» (стр. 11—12). Слѣдуетъ далѣе ссылка на Лукреція и его гимнъ Венерѣ, какъ доказательство испорченности «среднихъ классовъ», хотя Лукрецій жилъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. и никакого отношенія къ нашимъ «среднимъ классамъ» никогда не имѣлъ.

Но Богъ съ нимъ, съ Лукреціемъ. Если начать высчитывать всѣ ошибки и курьезы учености г. Меньшикова, въ родѣ, напр., того, что «за порицаніе Елены Аргивской былъ ослѣпленъ Гомеръ» (стр. 39),—мы никогда не кончимъ его скучно-напыщенной канители. Приведенный образчикъ размышлений г. Меньшикова чрезвычайно для него характеренъ. Съ поразительной смѣлостью, не сморгнувъ глазомъ, онъ, не обинуясь, преувеличиваетъ одно, какъ въ данномъ случаѣ вліяніе литературы, и извращаетъ другое, какъ противопоставляемую имъ добродѣтель народа и испорченность среднихъ классовъ. Ниже читатели могутъ прочесть въ статьѣ г. Демидова нѣкоторые «подлинныя документы», свидѣтельствующіе о распространенныхъ въ народной средѣ взглядахъ на любовь. Драмъ и романовъ на любовной подкладкѣ въ народной средѣ никакъ не меньше, чѣмъ и во всякой другой, ибо, выражаясь просто, «всѣ люди, всѣ человѣки». Причемъ тутъ литература? Если гдѣ меньше всего она имѣетъ вліяніе, такъ именно въ дѣлѣ любви, въ виду общности этого чувства, коренящагося въ одинаковой организаціи человѣческой природы на всѣхъ ступеняхъ соціальной глѣстницы. Только въ народной средѣ любовныя драмы принимаютъ особо-ужасный характеръ, благодаря непосредственности, несдержанности чувства, проявляющагося въ грубѣйшей формѣ, и драма, въ родѣ толстовской «Власти тмы», можетъ служить хорошей иллюстраціей къ народной любовной хроникѣ.

Распространяться на эту тему значило бы идти по стопамъ г. Меньшикова, пережевывая всякое старье, давнымъ-давно ставшее ходячимъ мѣстомъ. Но и слѣдовать за нитью его разсужденій оказывается прямо-таки невозможнымъ. Постоянно смѣшивая два понятія—чувственность и здоровое чувство любви, авторъ до того перепутываетъ эту нить, что нѣтъ силъ разобраться въ навороченной имъ кучѣ своихъ и чужихъ афоризмовъ, то вѣрныхъ, хотя и старыхъ, какъ міръ, то смѣшныхъ до наивности. То онъ заявить, что прежде люди были здоровѣе и сильнѣе, потому что прежде бракъ рѣшался родителями, которые подбирали невѣсты и жениховъ, отнюдь не руководствуясь ихъ чувствомъ. Въ доказательство—опыты хозяевъ, которые «не дожидаются, чтобы самецъ самъ выбралъ самку по своему вкусу; напротивъ, они этого боятся и не допускаютъ». То, наоборотъ, «выборъ жениха и невѣсты долженъ быть предоставленъ имъ самимъ», но съ условіемъ, чтобы ими руководило отнюдь не чувство любви, а дружбы. Слѣдуютъ доказательства, что въ любви не руководствуются высшими соображеніями, ибо любовь есть «психозъ, помраченіе разума, гипнозъ» и т. п. Такъ, великіе люди по большей части женятся на женщинахъ гораздо ниже ихъ по достоинству, примѣръ—Гете, Данте, Мольеръ, Гейне и проч. Отсюда выводъ—если ужъ жениться, то лучше безъ любви. Хотя, поправляется авторъ, «я этой страсти ни отрицать, ни утверждать не могу, она явленіе природное, въ своемъ корнѣ отъ насъ не зависящее». А если такъ, то... опять прыжокъ въ сторону, къ какимъ-то невѣдомымъ временамъ, когда «берегли не только физическую, но и психическую незави-

ность юношей, какъ зеницу ока, старались имъ не давать *никакого* понятія объ этой сторонѣ жизни, скрывали половую любовь, какъ нѣчто постыдное, въ глубокой тайнѣ. Тогда инстинктивно понимали, что «придетъ пора» и все откроется, но лучше, чтобы это открылось людямъ взрослымъ, съ совѣршившей волею и разумомъ, съ укрьпившимися понятіями о чести, съ привычкою относиться къ лицамъ другого пола безукоризненно и безблѣсно». Авторъ не опредѣляетъ, когда это было, заявляя только, что «въ старину, въ хорошихъ семьяхъ», но воздерживаясь отъ указанія на литературу по этому вопросу. И очень понятно почему. Намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что творилось въ эту старину, подъ покровомъ невѣдѣнія и тайны, и исторія «дѣвичей» еще не такъ далека отъ современной русской жизни. И прежде, конечно, и теперь были и есть образцовыя семьи. Но ужь если сравнивать прошлое отношеніе къ любви и современное, беря не исключительные случаи, а среднее проявленіе этого чувства, то бесспорно эти отношенія стали теперь и чище, и разумнѣе, и возвышеннѣе. Стоитъ только вспомнить, что представляла русская семейная жизнь еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какъ она отразилась въ драмахъ Островскаго, въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Гоголя, Тургенева, въ «Пошехонской старинѣ» Салтыкова и т. п. Тутъ играло роль не только крѣпостное право, страшно приниживавшее все и всѣхъ, но и грубое невѣжество, отъ котораго мы, къ несчастью, и теперь еще далеко не освободились, какъ свидѣтельствуется книга г. Меньшикова. Въ чемъ угодно эта «старина» пусть служитъ урокомъ, но никакъ не въ дѣлѣ любви можемъ мы у нея поучиться нравственности.

Въ слѣдующей главѣ «Суетврія и правда любви», самой афористической, гдѣ Шопенгауеръ цитируется на ряду съ парижскими кокетками, въ родѣ знаменитыхъ Иветокъ и Отеро, г. Меньшиковъ побѣдоносно ниспровергаетъ «культъ» любви, понимаемой какъ только физическое чувство, но обогащенное какими высшими стремленіями. Побѣда его, довольно-таки жалкая по существу, такъ какъ онъ штурмуетъ открытыя двери и учиняетъ разгромъ беззащитныхъ. Мы бы охотно увѣнчали его лаврами, если бы не было смѣшно читать, когда онъ громить «дамъ», которыя извращаютъ смыслъ евангельскихъ словъ о любви для оправданія своихъ гайхъ раз. Курьезнѣе всего въ этой главѣ его разборъ «Ромео и Джульетты», дѣлаемый имъ съ точки зрѣнія аскета-моралиста. Видите, видите, торжествуетъ г. Меньшиковъ, къ чему ихъ привела любовь? Родителей не слушались, родственными чувствами небрегли и погибли. Ну какъ же послѣ этого любовь не безуміе? Ясное дѣло, да. Но не безуменъ ли г. Меньшиковъ со своей критикой, основанной на абсолютной морали, не желающей считаться съ грѣшной землей.

Въ третьей главѣ «Супружеская любовь», повторивъ, по обыкновенію съ десятокъ разъ, что основа брака «не расчетъ, не наслажденіе», а взаимное уваженіе, любовь и дружба, имѣющія дѣль—«взаимное сотрудничество въ дѣлѣ жизни», г. Меньшиковъ обрушивается на современную семью, гдѣ этого начала будто бы нѣтъ. Для подтвержденія гибели семейнаго начала приводятся наблюденія автора, въ которыхъ онъ говоритъ о развратѣ... «золотой молодежи» (стр. 138—139). Нельзя сказать, чтобы это было убѣдительно доказательство. Далѣе слѣдуютъ нападенія на нигилистовъ 60 хъ годовъ (стр. 154 и др.). Запоздавая вылазка понадобилась автору для борьбы съ «лже-либеральной», какъ онъ выражается, теоріей «свободной любви», оправдывающей разводъ. Какова эта критика, пусть судятъ сами читатели: «Честность» въ дѣлѣ брака,—повѣствуетъ г. Меньшиковъ о нигилистахъ,—заклѣчалась въ томъ, что если ваша жена полюбила вашего пріятеля, вы обязаны были уступить ему честь и мѣсто, ни мало не прекословя, а чуть-ли даже не съ отбѣякомъ почтительности. У однихъ беллетристовъ мужъ пѣлуетъ въ послѣдній разъ невѣрную жену и исчезаетъ куда-нибудь, въ Америку, что-ли, у другихъ мужъ доводитъ великодушіе до того, что соединяетъ руки своей жены и любовника,

у третьихъ мужъ съ перваго дня брака твердить женѣ, что она во всякую минуту свободна, и, наконецъ, добившись ея измѣны, чуть не съ торжествомъ выдаетъ ей отдѣльный видъ или разводъ и даже снабжаетъ деньгами, если любовникъ жены—какой-нибудь интеллигентный пролетарій. На эту тему со всевозможными вариациями написано множество плохихъ романовъ и повѣстей, которые читались (а вѣроятно, и до сихъ поръ кое-гдѣ читаются) съ восхищеніемъ. Свобода брака! Свобода любви! Вотъ лозунгъ, наиболее понятный изъ всѣхъ для распущенныхъ дамъ и кавалеровъ. Положимъ, они и до виглизма пользовались этою свободою, но прежде она считалась мерзостью, а тутъ вдругъ ее возвели въ достоинство, въ добродѣтель! Немудрено, что десятки и сотни тысячъ дамъ и мужчинъ—нѣсколько поколѣній подъ-рядъ—подъ благословеніемъ этой доктрины пускались во всѣ тяжкія и мѣняли свои привязанности чуть-ли не одновременно съ бѣльемъ» (стр. 155).

«Клевещите, клевещите,—говоритъ донъ-Вазиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ»,—отъ клеветы всегда останется что-нибудь». Зачѣмъ, однако, эта злодѣйская клевета, это грубое извращеніе литературы 60 хъ годовъ, посвященной вопросу о свободѣ любви? А затѣмъ, чтобы доказать, что современное поколѣніе есть продуктъ такой распавшейся семьи, гдѣ «привязанности мѣнялись съ бѣльемъ», и что теперь нѣтъ истинной семьи. «Лже-либеральное» движеніе требуетъ разрѣшенія развода и будто-бы санкционируетъ теорію свободной любви. Авторъ рѣшительно противъ развода, онъ хочетъ начать «истинно-либеральное» движеніе, которое бы привело къ ненужности развода. Цѣль очень мочтенная, но какъ же надѣется достигнуть ея г. Меньшиковъ? Для этого онъ ставитъ *абсолютное* требованіе: выходить замужъ и жениться *безъ любви*, и тогда не будетъ повода къ разводу. «Поводомъ и основой брака можетъ служить только цѣль, указанная при твореніи: необходимость человѣку имѣть *помощника*, помощника не только въ жизненномъ трудѣ, но и въ нравственномъ подвигѣ, для котораго человѣкъ посылается въ міръ, и для дѣторожденія, необходимаго для совершенствованія тѣхъ душъ, которыя еще слишкомъ далеки отъ идеала. И если встрѣчаются мужчина и женщина, которые изъ всѣхъ пригодны для помощи другъ другу,—это и есть поводъ и основа брака, а вовсе не любовь» (стр. 178).

Договорившись до такого брака, г. Меньшиковъ вполне логически заканчиваетъ книгу главой объ особой «святой любви», для которой ни бракъ не нуженъ, ни дѣторожденіе, потому что такая любовь въ себѣ самой находитъ цѣль и содержаніе. Слѣдуетъ длинное разсужденіе о достоинствахъ и преимуществѣхъ святой любви, какъ ее представляетъ г. Меньшиковъ, но которая всякому простому, не изощренному въ «аллианскихъ мудрованіяхъ» уму и сердцу покажется чѣмъ угодно, только не любовью. Наворотивъ массу словъ о «безстрастіи», «безкорыстіи», «безпредметности» и «безпредѣльности» этой любви, г. Меньшиковъ ставитъ для опредѣленія такой любви вопросъ, можно ли «одинаково любить и ребенка, и разбойника, который выкалываетъ ему глаза?»—и отвѣчаетъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ: «дѣйствительно, святая любовь любить одинаково и ребенка, и разбойника». Слѣдуетъ, по истиннѣйшему иезуитски-казуистическому толкованію, для иродствующей литературы высоко характерное. «Мы,—говоритъ авторъ,—смотримъ на жизнь сквозь наше искривленное сознаніе, подобно тому, какъ сквозь кривыя стекла дома можно подумывать съ улыбки, что отецъ душилъ ребенка, тогда какъ онъ его щекочетъ, такъ и сквозь иллюзорное сознаніе наше всѣ факты жизни могутъ быть извращены относительно ихъ *абсолютной* сущности. Можетъ быть, разбойникъ, замучивая ребенка, т. е. его временное, мгновенное тѣло, тѣмъ самымъ спасаетъ его душу. Можетъ быть, это мученіе необходимо для спасенія самого разбойника, для пробужденія въ немъ искры совѣсти. Можетъ быть, это зло-

дѣйство нужно для того, чтобы потрясти слишкомъ неподвижныя души другихъ людей. Я не рѣшаю вопроса, мотивы Высшей воли мнѣ неизвѣстны, но если вѣрить въ эту волю, то нужно вѣрить также, что она *Благо*, что страданія наши суть только дурно понятыя нами блага» (стр. 211—212 и далѣе). Не такъ ли во время оно разсуждали господа инквизиторы, сжигая людей для спасенія ихъ души? И неужели въ концѣ XIX в. приходится говорить, что Высшая воля, какъ истинное Благо, не можетъ стремиться къ добру злыми путями? И не потому ли данъ законъ этой Высшею Волею въ словахъ: «нѣтъ той любви больше, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ?» Одно изъ двухъ—или этотъ законъ истина, и тогда дѣйственная любовь, предписанная имъ, никогда не примирится съ этими «можетъ быть» г. Меньшикова и не останется безстрастной при видѣ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку, или же... Впрочемъ, никакого другого «или» здѣсь и быть не можетъ для нравственно-здоровыхъ людей.

Мы видѣли, какъ этотъ проповѣдникъ примѣняетъ свою «святую любовь». Оправдавъ разбойника, онъ съ пѣною у рта накидывается на злополучныхъ нигилистовъ, не обинуясь возводя на нихъ вздорное обвиненіе, будто они развратили и уничтожили семью. Елейный сладкопѣвецъ, не смущаясь, всѣхъ влюбленныхъ величаетъ «свиньями», обвиняетъ въ «подлости любви», бросаетъ вызовъ «всѣмъ честнымъ» людямъ—признаться, что въ пору любви они всѣ были проникнуты самыми гнусными и низменными порывами. Постоянно твердя—«любовь, любовь», онъ извращаетъ исторію, литературу, подхватываетъ всякія вздорныя измышленія до откровенныхъ глупостей парижскихъ кокотокъ—и все это лишь затѣмъ, чтобы оплевать, огадить, загрязнить то, что свращиваетъ жизнь бѣднаго человѣчества, что единитъ людей и въ самомъ сухомъ и черствомъ сердцѣ вызываетъ трепеть добра, милосердія и частѣйшихъ порывовъ. Съ дикою радостью выхватываетъ онъ, проповѣдникъ любви, всякія уродства, неестественныя проявленія полового чувства и торжествуяще вопіетъ «*вотъ она, ваша любовь!*»

Все, что угодно, вдохновляло г. Меньшикова, но никакъ не чувство любви. Ибо давно уже сказано: «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я раздаю все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ». (Первое посланіе къ коринтянамъ ап. Павла, гл. 13, ст. 1—7). Вотъ что такое «святая любовь», и ни слѣда ея нѣтъ въ гнусной и человѣконенавистнической книгѣ публициста изъ «Недѣли».

Переходъ отъ г. Меньшикова къ г. Розанову—прямой и непосредственный. Это двѣ родственныя души, единомысляція и единостремляціяся. Раньше мы указали на разницу ихъ стиля. Теперь укажемъ на ихъ общія свойства.

Мы только что видѣли, какъ г. Меньшиковъ стремится изгнать любовь во имя любви,—г. Розановъ продѣлываетъ ту же операцію надъ просвѣщеніемъ, и, къ счастью, съ такимъ же успѣхомъ. Приемы его совершенно тѣ же, что и г. Меньшикова, та же логика, тотъ же абсолютизмъ, та же непреложность и широкѣйшая манера, тоже самодовольство и глубочайшая увѣренность въ обладаніи полной истиной. «Мысли, изложенныя въ моей статьѣ,—говорятъ онъ о своей статьѣ «Сумерки просвѣщенія»,—должны бы быть индифферентны для всѣхъ партій, борющихся за ту или иную систему образованія у насъ ли, въ За-

падной ли Европѣ; и я имѣлъ нѣкоторую надежду, что для всѣхъ же партій они будутъ цѣнны, потому что вскрываютъ сторону вопроса. ими всѣми равно опущенную. Я не касаюсь ни реализма, ни классицизма въ образованіи; меня занимаетъ скорѣе вопросъ: почему и при классицизмѣ юныя образующіяся души являются такъ мало проникнутыми имъ? Почему, проходя реальную школу, онѣ такъ мало проникнуты бываютъ интересомъ къ реальнымъ наукамъ—этому плоду новаго трехвѣкового европейскаго движенія? Ни одного типа школы я не отвергаю; я изслѣдую только, почему всѣ типы такъ мало достигаютъ своихъ цѣлей, съ такимъ упорствомъ осуществляемыхъ, такъ ярко и, несомнѣнно, благородно желаемыхъ» (стр. 86—87).

Такова цѣль г. Розанова. Въ «Сумеркахъ просвѣщенія» онъ критикуетъ въ началѣ основу современной школы—низшей, средней и высшей, находя въ эти школы не отвѣчающими назначенію. Основной недостатокъ заключается въ отсутствіи принципа индивидуальности, въ отрывочности знаній, въ невыдержанности типа для каждой школы. Преимущественно рѣчь идетъ о средней школѣ, но заключенія свои онъ постепенно распространяетъ на всю систему образованія. Онъ указываетъ на шаблонность и формализмъ, на схоластику изгнавшую изъ средней школы живую жизнь и убивающую личность во имя, отвлеченнаго принципа государственности. Всѣ его указанія, какъ видятъ читатели, вѣрны, хотя и не новы, потому что тысячи разъ повторялись въ нашей литературѣ. Если бы г. Розановъ ограничился ими, мы имѣли бы тысячу первую критику современной гимназіи, написанную мучительно тягостнымъ языкомъ—и только. Пожалуй, она даже имѣла бы нѣкоторое значеніе, какъ критика изъ реакціоннаго лагеря, до сихъ поръ упорно отстаивавшаго ломку средней школы, произведенную гр. Д. А. Толстымъ. Въ этомъ и заключалась бы оригинальность г. Розанова. Но, съ другой стороны, какая же критика безъ положительнаго идеала, и вполнѣ законно его стремленіе—указать тѣтъ свѣтъ, который, по его мнѣнію, долженъ разсвѣтъ нынѣшнія сумерки.

Онъ начинаетъ снизу—съ народной школы, которая, какъ и все прочее, подпала нынѣ ложному и вредному вліянію западной цивилизаціи. Надо изгнать послѣднюю изъ всѣхъ закоулковъ низшей школы, вернуть школу въ ея первобытное состояніе. Какъ же сдѣлать это, какъ избавить плѣненную народную школу, гдѣ теперь учатъ люди, «темные въ просвѣщеніи и въ путяхъ исторіи»? Ибо «темны были въ просвѣщеніи эти люди, когда, набравъ немножко грамматики, немножко ариметики, прибавивъ къ этому кое-что по географіи и исторіи, думали, что съ четырьмя своими книжками они внесутъ что-нибудь въ душу, надъ изученіемъ богатствъ которой трудятся первоклассные ученые; темны они были въ путяхъ исторіи, когда думали, что во всемъ разучившійся и ничему не научившійся наемникъ, придя въ деревню съ этими книжками, можетъ начать въ ней новое просвѣщеніе» (стр. 28). Надо вернуться къ «естественнымъ» силамъ. Кто и гдѣ эти силы, ясно само собой. Имѣется въ виду церковно-приходская школа, но отнюдь не та, которую мы знаемъ, съ опредѣленной программой, особыми учителями и подъ надзоромъ высшей власти. «Есть эти силы и для школы, это—силы церкви и всѣхъ, кто, слушая изъ за ограды ея ученіе—болѣе всего его любить». «Нельзя довѣрять слѣпому вести зрячаго», говоритъ онъ затѣмъ, и такъ какъ государство—слѣпо, то «нужно имѣть довѣріе, что зрячій различитъ пути и не останется на мѣстѣ; не нужно къ церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелѣтія учительная, взростившая въ ученіи своемъ весь христіанскій міръ, не упустила какихъ-нибудь подробностей, въ которыхъ однѣхъ могутъ что-нибудь понимать эти приставленники». Мало того, что не надо никакого контроля надъ такой школой,—не надо для нея ни программы, ни учебниковъ. «Невозможно, не слѣдуетъ устанавливать «отъ сихъ до сихъ» программы: не приподнявъ худое, она закроетъ ростъ доброму». Объ

этомъ нечего заботиться. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ и даже очень: «Несомнѣнно должны быть удалены изъ элементарной школы тѣ «начатки міровѣдѣнія», какіе обычно сообщаются при началѣ курса географіи (въ средней школѣ на первомъ же урокъ ея перваго класса). Есть нѣчто развращающее въ этомъ сообщеніи... Есть недостатокъ благоговѣйной памяти къ трудамъ Коперника и Кеплера, есть страшное насиліе надъ дѣтскимъ воображеніемъ, насильственное вталкиваніе въ него свѣдѣнія, для насъ любопытнаго, но въ немъ ни на что не отвѣчающаго, ни съ чѣмъ не гармонирующаго и, если вдуматься строже, ничего неправильнаго въ его созерцаніи не поправляющаго. Вѣдь не ошибается же бѣдущій изъ Нижняго въ Москву, думая и говоря, что онъ движется на западъ, хотя въ смыслѣ абсолютнаго движенія, онъ съ чрезвычайной быстротой мчится на востокъ. Именно это только утвержденіе дѣлаетъ и простолюдинъ, думая и говоря, что земля неподвижна—не относительно созвѣдія Козерога или Свиріуса, чего онъ не знаетъ и о чемъ не говоритъ, а относительно его самого, поля, лѣса, города, втихъ плывущихъ облаковъ и тверди небесной, по которой они плывутъ. И также точно говоря, какъ, что солнце восходитъ, онъ ничего другого не говоритъ, что оно становится ближе къ зениту, выше по дугѣ, соединяющей этотъ зенитъ съ горизонтомъ—что правильно и не нуждается въ опроверженіяхъ. Итакъ, въ его твердомъ созерцаніи все покоится, и никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя для устойчивости воображенія. мысли—всего душевнаго строя. Механики и психологи говорятъ, что и всѣ мы не могли бы сдѣлать малѣйшаго движенія, если бы ежеминутно вмѣстѣ съ относительнымъ движеніемъ представляли себѣ и абсолютное, и только при психически необходимой ошибкѣ, при представленіи въ каждый моментъ всего, кромѣ себя, въ покой,—можемъ двигаться. Но если для особыхъ цѣлей научнаго знанія намъ иногда необходимо *вспоминать* и объ абсолютномъ движеніи, это воспоминаніе незачѣмъ навязывать, внѣ всякихъ цѣлей и необходимости, простолюдину» (стр. 35—36). Къ этому разсужденію позволимъ себѣ добавить небольшую историческую справку, забывшую г. Розановымъ. Онъ ошибается, будто «никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя» земли для души народа. Еще святая инквизиція, въ числѣ обвиненій противъ Галилея, указывала, что онъ своимъ утвержденіемъ, что земля движется, *нарушаетъ и смущаетъ* покой невинныхъ душъ. Указываемъ на это совпаденіе мыслей г. Розанова и судей Галилея, какъ на любопытный примѣръ атавизма. Далѣе мы еще увидимъ такія же проявленія атавизма.

Чтобы устранить все, что нарушаетъ покой «простолюдина», г. Розановъ совѣтуетъ также избѣгать въ этой школѣ всякихъ учебниковъ. Онъ сравниваетъ исторію Иловайскаго и «Синописа» XVIII в. и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Въ древнихъ книгахъ, въ большомъ и маломъ объемѣ («Синописи» заключаетъ въ себѣ 224 стр., учебникъ Иловайскаго 397 стр.), по всѣмъ, строго необходимымъ для крестьянскаго воспитанія предметамъ даны свѣдѣнія въ формѣ, не дисгармонирующей съ содержаніемъ. Этой дисгармоніи нельзя вносить, не нарушая смысла въ самомъ предметѣ, цѣлесообразности въ преподаваніи его, значенія во всей школѣ. Итакъ, если отъ бѣдственной идеи учебныхъ программъ еще нельзя скоро освободиться по силѣ предрасудка, нужно, по крайней мѣрѣ, отнять въ нихъ зло эгоистическаго самоволія: ихъ нельзя абстрактно составлять и вызывать ими развратную литературу «руководствъ»; но, поработавъ надъ старыми книгами, избравъ изъ сокровищъ воспитанія, въ нихъ содержащагося, наилучшее—слѣдуетъ примѣнительно къ этому наилучшему, обнимая его, составить программы» (стр. 33). Иными словами, ради сокровищъ «Синописа» г. Розановъ готовъ отказаться и отъ выраженной имъ нѣсколько выше (стр. 30) ненависти къ программамъ вообще, которыя, «не подняявъ худое, закроютъ ростъ доброму».

Свою реформу низшей школы онъ заканчиваетъ слѣдующимъ пожеланіемъ: «Итакъ, мы думаемъ, что достаточно, если одна половина христіанскаго міра (западно-европейская) отдала дары своего первородства за человѣческую похлебку; у насъ же пусть лучше останется мякинный хлѣбъ и христіанство. Вѣдь несомнѣнно, что именно ихъ сознательно и твердо избираетъ и желаетъ бы окончить на вѣки этотъ вопросъ народъ нашъ. Не будемъ же опять лукаво подходить къ нему, чтобы, оставивъ ему тѣнныя вещи, которыя и намъ не нужны, украсть у него вѣтхннее сокровище. Оставимъ ему его общину, холщевую самодѣльную рубаху, и дадимъ, чего онъ въ правѣ требовать и мы не въ правѣ отказать, три десятины на душу» (стр. 37—38). Читателя не должна удивлять манера г. Розанова—говорить отъ имени всего народа русскаго. Это обычная манера юродствующей литературы—превозноситься до олицетворенія въ себѣ Бога, если рѣчь идетъ о вопросахъ вѣры, какъ это дѣлаетъ г. Меньшиковъ, предавая анаѳемѣ чувство любви, или народа, если дѣло касается народныхъ воззрѣній. Нечего спрашивать у г. Розанова, гдѣ и когда народъ «сознательно и твердо» пожелалъ отказаться отъ общеобразовательной школы въ пользу уродливой затѣи г. Розанова съ «Синописомъ» вмѣсто учебниковъ, безъ учителей и безъ программъ? Или кто уполномочилъ г. Розанова такъ просто рѣшить за народъ сложнѣйшій экономическій вопросъ объ общинѣ и трехъ десятинахъ на душу,—«оставимъ» ему! Кто это «мы», столь могущественные, что достаточно «намъ» сказать «да будетъ» — и община останется у народа неприкосновенной плюсъ три десятины земли?.. И съ какихъ это поръ русскій народъ получалъ въ монополію христіанство? На такіе вопросы гг. Меньшиковы и Розановы не отвѣчаютъ, просто потому, что все время они витаютъ внѣ времени и пространства. Иначе тотъ же г. Розановъ вспомнилъ бы, что нигдѣ еще «простолюдинъ» нашъ не отказался отъ современной школы, которая наполнена и переполнена, что никто еще у народа общины не отнималъ и не отнимаетъ. Что же касается трехъ десятиныхъ, то ихъ мы готовы приписать всецѣло доброй душѣ г. Розанова и охотно ему посочувствуемъ.

Такое «свѣтъ», которымъ желалъ бы осіять нашу народную школу г. Розановъ. Думаемъ, что всякая критика здѣсь излишня. Въ своемъ усердіи г. Розановъ, что называется, перешлопнулъ. Въ самомъ дѣлѣ, какова ни на есть современная церковно-приходская школа, все же она неизмѣримо выше этого «идеала» съ «Синописомъ» вмѣсто «развратной литературы», руководствъ, съ тремя китами вмѣсто «развращающихъ» начатковъ міровѣдѣнія, безъ особыхъ учителей, безъ программъ и всякаго контроля. Есть въ этой школѣ и руководства, и программы, и учителя. Правда, все это далеко отъ совершенства, но самый плохенькій учебникъ, по которому учатъ въ церковно-приходской школѣ, лучше чудовищнаго «Синописса». По крайней мѣрѣ, хоть трехъ китовъ тамъ вѣтъ. Противъ «Синописса» возсталъ даже г. Иловайскій, и мы въ этомъ случаѣ всецѣло на его сторонѣ.

Опять-таки это общая черта у всѣхъ юродствующихъ писателей. Они ужъ если начнутъ, такъ хватаютъ что-нибудь такое, что все ихъ присные готовы отъ стыда сгорѣть. Отсутствие мѣры и такта и излишекъ ревности доводятъ ихъ обыкновенно до неприличія, какъ свидѣлствуетъ далѣе все тотъ же г. Розановъ.

Приступивъ къ реформѣ средняго образованія, онъ обрушивается на гимназіи, мужскія и женскія, находя, что онѣ только губятъ всѣхъ и ничего не даютъ никому. Больше всего его возмущаетъ смѣшанность въ нихъ учениковъ, и онъ предлагаетъ раздѣлить среднюю школу на два типа, какъ видно изъ слѣдующаго резюме его учебнаго плана: «Должны быть открыты для мірянъ параллельные курсы съ тѣми, какіе проходятъ будущіе священно-и церковно-служители, гдѣ то, что ими изучается, и только это одно, изучалось бы въ

степени очень ослабленной. Тотъ же самый душевный строй, устремленіе вниманія къ тѣмъ же предметамъ, наученіе достаточное, чтобы прибавлять къ сердечному слушанію литургіи и слушаніе разумное,—вотъ все, что здѣсь удавалось бы каждому и къ чему для даровитыхъ прибавлялись бы и всѣ сокровища христіанской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что для самыхъ людныхъ классовъ городского населенія, для ремесленника, для мѣщанина, для именитаго кушца, съ тарелкой собирающаго подаваніе въ церкви, для всѣхъ этихъ людей, столь неожиданно изумленныхъ міромъ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли, *этотъ міръ* (курсивъ г. Розанова) евангельскихъ притчъ и житій святыхъ, чудной исторіи объ Руенъ и поученій Иисуса сына Сирахова былъ бы и неудивителенъ, и глубоко родственъ, и,—мы увѣрены въ этомъ,—не менѣе культуренъ. Такимъ образомъ, средняя классическая школа, какъ это и слѣдуетъ, осталась бы школою для классовъ, уже вышедшихъ изъ культуры только христіанской (т. е.,—попояняетъ г. Розановъ въ примѣчаніи.— для дворянства и бюрократіи, безъ искусственнаго привлеченія, черезъ «преимущества», другихъ классовъ); эта же послѣдняя осталась бы воспитательной для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія... Воспитаніе женское, сообразно установленію уже историческому теченію (?!), должно быть для городского населенія также двояко: для массы оно должно быть церковное, для нѣкоторыхъ, т. е. также для дворянства и для бюрократіи, то особенное, нѣсколько исключительное, нѣсколько искусственное, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно образующее, какое дается нашими институтами» (стр. 51—52). Типомъ женскихъ церковныхъ школъ г. Розановъ рекомендуетъ епархіальныя училища, хотя съ горечью и сожалѣніемъ замѣчаетъ: «Они (епархіальныя училища) нѣсколько испорчены только своимъ сближеніемъ съ женскими гимназіями, какъ и семи наріи испорчены черезъ сближеніе со свѣтской школою,—не потому, что она классическая, но потому, что она совершенно не выдержана въ своемъ классическомъ строѣ. Изъ курса епархіальныхъ училищъ, какъ и изъ курса семинарій должны быть удалены физика, космографія и.—я глубоко убѣжденъ въ этомъ,—также геометрія и алгебра» (прим. 2, стр. 51).

Не правы ли мы, говоря, что откровенность г. Розанова,—или его усердіе, не знаемъ, что лучше и вѣрнѣе,—доходитъ до неприличія? Вѣда ли кто изъ его единомышленниковъ, за исключеніемъ, конечно, г. П. Перцова, его издателя, рѣшился бы откровенно высказать пожеланіе—изгнать изъ средней школы «для массы» вышеназванныя науки, «весь міръ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли». По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это первое громкое и откровенное признаніе, и что бы ни случилось затѣмъ, г. Розанову купно съ г. Перцовымъ надлежитъ пальма первенства за открытое гоненіе на «міръ вертящейся земли»,—вмѣстѣ съ тѣмъ и за открытіе такого міра.

Но г. Розановъ и его вѣрный Санчо Панса, г. Перцовъ, на этомъ не останавливаются. Какъ истинно русскіе люди, они не знаютъ предѣла въ своемъ размахѣ и выступаютъ подъ конецъ совсѣмъ au naturel.

Давъ планъ образованія, они не могли не коснуться и воспитательной стороны бѣднаго человѣчества, и такъ какъ ихъ идеалы назади, то г. Розановъ спокойно и безстрастно заявляетъ, а г. Перцовъ почтительно печатаетъ: «Мнѣ не кажется излишней въ школѣ суровость; я не отвергаю (и думаю, напротивъ, что даже должны быть восстановлены въ ней) физическія наказанія» (стр. 98). Опасаясь, чтобы его не поняли превратно или иносказательно, г. Розановъ на стр. 131, примѣчаніе, поясняетъ:

«Въ бытность мою учителемъ гимназіи и вмѣстѣ класснымъ наставникомъ, ко мнѣ, какъ къ послѣднему, нерѣдко являлись матери учениковъ (всегда вдовы) съ просьбой наказать розгами (т. е., чтобы это было сдѣлано въ гимназіи) своего разбаловавшагося мальчугана: «сестеръ колотить, меня не слушаетъ, ничего

не могу сдѣлать», и проч.; я, конечно, объяснялъ, что это запрещено всѣми параграфами, но, зная конкретно мальчишку способнаго и, что называется, зарвавагося, потерявшаго голову отъ баловства, всегда давалъ совѣтъ—обратиться къ кому-нибудь по сосѣдству или изъ родственниковъ и больно-больно высѣчь его. И теперь, когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и образованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснущихъ среди своихъ «глобусовъ» и другихъ «пособій», я всегда, вспоминая и свое дѣтство, думаю: какъ бы встряхнулися они, оживились, начали тотчасъ и размышлять, и чувствовать, если бы, взаимно всѣхъ этихъ для ихъ любознательности распыленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ-другой ихъ самихъ вспырнуть по-старому. Все тотчасъ бы перемянилось въ «обстоятельствахъ»: и впечатлительность бы пробудилась, и сила сопротивленія требуемому,—именно *оживилъ бы* (курсивъ г. Розанова) духъ, который теперь только затигивается какою-то плѣсенью модъ музыкъ все поученій, поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненій. Розга—это, наконецъ, фактъ; это—насиліе надо мною, которая вызываетъ всѣ мои силы къ борьбѣ съ собою; это—предметъ моей ненависти, негодованія, отчасти, однако же, и страха; въ отношеніи къ ней—я, наконецъ, не пассивенъ; и, уединившись въ себя отъ тѣхъ, въ рукахъ кого она,—наконецъ, свободенъ, то-есть, свободенъ въ душѣ своей, въ мысли, непокоренъ ничему, кромѣ боли своей и негодованія. Я серьезно спрашиваю: чѣмъ, какими коллекціями, какими иллюстраціями и глобусами можно вызвать эту *сложную* и *яркую* работу души, эту ея самостоятельность, силу, напряженіе? Что касается «униженія человѣческой природы», будто бы наносимаго розгой, то вѣдь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизила современныхъ мальчишекъ?»

Этотъ гимнъ розгѣ заимствованъ авторомъ цѣлкомъ изъ древнихъ букврей, современныхъ «Синописису», въ которыхъ на заглавномъ листѣ помѣщались обыкновенно стишки въ назиданіе питомцу, совершенно похожіе по содержанию съ гимномъ г. Розанова. Совершенно «серьезно» спрашиваемъ его: не розгой ли вызываетъ онъ въ себя эту «свободу въ душѣ своей, въ мысли, непокорство», которая проявляетъ въ своей чудовищной проповѣди дикаго мракобѣсія? Намъ представляется невозможнымъ, чтобы образованный челоѣкъ конца XIX в., въ здоровомъ умѣ и полной памяти, могъ серьезно приглашать насъ вернуться къ тѣмъ временамъ, когда, по словамъ Амоса Коменскаго, школы были застѣнками, а учителя палачами, упражнявшимися во имя науки надъ ея невинными жертвами.

Мы далеко еще не исчерпали всѣхъ откровенныхъ признаній г. Розанова, но и этихъ образчиковъ, думаемъ, достаточно, чтобы оправдать нашу характеристику, сдѣланную въ началѣ. Еще лишь два слова изъ его реформы университетовъ, которыми онъ тоже недоволенъ за «начатки мировѣднія». Но, признавая, что въ наше время все же нельзя отказать челоѣчеству въ знаніяхъ, онъ стремится лишь «упорядочить» оныя. «Безусловная несвязанность мысли и ея выраженія должна быть допущена здѣсь—вѣдь безъ этого тотчасъ нарушается самая идея познанія»,—не правда ли, какъ «либерально»? Хотя «несвязанность» и не есть еще свобода, но все же для г. Розанова это уже очень много. Однако, не будемъ торопиться. «Но,—предостерегающе подѣмлетъ персть г. Розановъ,—конечно, къ этому высокому праву могутъ быть допущены только тѣ, которые подходили бы къ нему съ священнымъ трепетомъ долга». Первое ограниченіе «несвязанности»—«священный трепетъ долга», качество, вообще весьма трудно констатируемое. Познанія, умъ, талантъ, ученые работы—всѣ эти данныя въ глазахъ г. Розанова вѣчто несущественное, вѣднѣе, поверхностное: «священный трепетъ долга»—вотъ что рѣшаетъ вопросъ о правѣ быть допущеннымъ на кафедру. Согласны, пусть даже это ми-

стически-туманное качество. Но кто же будетъ рѣшать, какой профессоръ обладаетъ имъ, какой нѣтъ? Сами университеты? О нѣтъ: «Доступъ туда (на кафедру) не можетъ быть свободенъ для всякаго, и онъ не можетъ стать предметомъ передачи отъ учителя къ ученику... и не можетъ этотъ доступъ открываться самимъ университетомъ... Мы думаемъ,—совокупности университетовъ, но такъ, чтобы избираемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ избираемъ не изъ корпораціи, его избирающей, но изъ другихъ родственныхъ». Замѣтивъ, что онъ предлагаетъ нѣчто сугубо несуразное, г. Розановъ моментально поправляется и уже строго и настойчиво рѣшаетъ: «Это же право, безъ всякаго ущерба для университета и его достоинства, могло бы принадлежать пожизненнымъ ихъ покровителямъ, но непременно—близкимъ имъ... Мы думаемъ, назначение отъ государства подобныхъ покровителей *наилучшимъ образомъ* могло бы обезпечить университеты...» (стр. 63). Что же останется отъ «несвязанности мысли и выраженія»? Съ одной стороны—«священный трепеть долга», съ другой—«покровитель», какъ единый судья и вершитель—не получится ли въ результатъ вмѣсто «Сумерокъ просвѣщенія»—сугубая тьма? Въ особенности, если подобранному такимъ образомъ университету былъ бы порученъ, какъ предлагаетъ г. Розановъ, еще и «надзоръ за печатью».

Теперь окинемъ «умственнымъ окомъ» весь планъ просвѣщенія, какъ онъ мерещится распаленному «вспрыскиваніемъ» розгами духу гг. Розановыхъ и Перцовыхъ. Внизу «простолюдинъ», просвѣщаемый «Синописомъ», строго оберегаемый отъ «развращающей литературы» руководствъ съ ихъ «начатками міровѣдѣнія» и блаженно покоящихся на трехъ китахъ невиннаго невѣдѣнія. Для лица матеріальной—«оставимъ ему общину и три десятины на душу».—словомъ, внизу «мякинный хлѣбъ и христіанство» въ духѣ, конечно, г. Розанова. Слѣдующая ступень—среднее образованіе безъ геометріи, алгебры, физики, географіи, свободное «отъ міра Фемистокловъ и Липиніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли». Для оживленія «силы сопротивляемости, духа любознательности и свободы въ мысли»—розги, въ изобиліи расточаемыя вмѣсто «глобусовъ» и другихъ «пособій». На третьей ступени—университетъ, составленный изъ проникнутыхъ «священнымъ трепетомъ долга» профессоровъ, избираемыхъ пожизненными покровителями по назначенію администраціи. И, наконецъ, какъ увѣнчаніе заданія—печать полъ надзоромъ подобнаго трепещущаго университета. Нельзя этому плану гг. Розановыхъ и Перцовыхъ отказать въ стройности и послѣдовательности. Но, можетъ спросить иной наивный читатель, что же тогда становится съ просвѣщеніемъ? Именно то самое, къ чему стремится г. Розановъ: оно будетъ уничтожено во имя индивидуальности, цѣльности и единства типа, который, въ отличіе всякаго другого, мы осмѣлились назвать «юродствующимъ».

Есть одна несомнѣнная заслуга въ юродствующей литературѣ. Довода до крайности въ своихъ откровенно-циничныхъ признаніяхъ основныя положенія, заимствуемая ею изъ источниковъ, пользующихся если не признаніемъ, то вниманіемъ,—эта литература вскрываетъ до очевидности всю дикость этихъ основоположеній. Она показываетъ, во что превратилась бы наша жизнь, какъ частная, такъ и общественная, если бы человечество забыло хоть на мгновение здравыя требованія ума и сердца. По г. Меньшикову, и деаль семьи—это супружество безъ любви, безъ влеченія брачующихся, основанное исключительно какъ кооперація. По г. Розанову, просвѣщенная въ духѣ христіанства страна—это народная масса, пребывающая во тьмѣ «Синописа», руковъ однакъ трепещущими университетами. И тотъ, и другой исходятъ изъ самыхъ, повидимому, высокыхъ принциповъ: одинъ во имя якобы поруганной любви, другой—просвѣщенія, нынѣ переживающаго сумерки. Но одинъ изгоняетъ изъ любви необходимый, существеннѣйшій ея элементъ, безъ котораго любовь превращается

въ вѣчто болѣзненное и извращенное. Другой отнимаетъ у просвѣщенія главную его силу—свободу духа, стремясь заковать его въ тѣ старыя оковы, изъ которыхъ человѣчество вышло путемъ трехвѣковой мучительной борьбы. Одинъ желалъ бы передѣлать человѣческую природу, не замѣчая, что даже съ своей точки зрѣнія наноситъ этимъ жесточайшее оскорбленіе Высшей воли, Тому, чьи будто бы велѣнія онъ готовъ признать благомъ даже въ поступкахъ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку. Другой хотѣлъ бы потушить свѣтъ знанія совѣмъ, потому что этотъ свѣтъ, благодаря плохому устройству свѣтильника, недостаточно свѣтитъ, или, вѣрнѣе сказать, не такъ освѣщаетъ, какъ угодно его изувѣрской душѣ. Оба, въ заключеніе, выдаютъ себя головой—своимъ лицемѣремъ и кощунственнымъ отношеніемъ къ самымъ дорогимъ для человѣчества силамъ—любви и знанію.

Въ этомъ ихъ приговоръ, въ этомъ ихъ и наказаніе.

Пройдемъ мимо нихъ и забудемъ. Лучшаго они не заслуживаютъ. Но мы не желали бы оставить читателя подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ мертвящаго духа юродствующей литературы, и потому, думаемъ, небольшая экскурсія въ область текущей беллетристики вполне уместна.

Положамъ, въ послѣднее время установился особый, нѣсколько легкомысленный тонъ по отношенію къ беллетристичѣ. Критика, болѣе сердитая и ворчливая, чѣмъ справедливая, однихъ, преимущественно молодыхъ и новыхъ, укоряетъ въ томъ, что пишутъ они мало, но слишкомъ много мнятъ о себѣ,—написавъ двѣ-три вещицы, сейчасъ же тискаютъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Что же касается старыхъ и почтенныхъ художниковъ, то ихъ по прежнему винятъ въ «скорописаніи» и обилии, какъ будто есть для таланта нѣкая установленная природою норма, сколько именно онъ долженъ и можетъ выписать. Съ такимъ отношеніемъ къ нашей беллетристичѣ мы никогда не могли согласиться и стоимъ на высказанномъ уже нами мнѣніи, что наша художественная литература, взятая въ цѣломъ, не ниже уровня общеевропейской, гдѣ тоже не видно теперь великихъ талантовъ, дѣлающихъ эпоху, но и у насъ, какъ и тамъ нѣтъ недостатка въ силахъ и молодыхъ, и свѣжихъ. Если же сравнимъ хотя бы послѣднее полугодіе, т. е. текущій литературный сезонъ, то всѣ преимущества окажутся на нашей сторонѣ. Только за три мѣсяца текущаго года появилось нѣсколько несомнѣнно выдающихся произведеній, которымъ развѣ нарочито сердитая критика откажетъ въ талантности и интересномъ, живомъ содержаніи.

Въ обновившемся, напр., журналѣ «Жизнь» мы имѣемъ сразу два выдающихся произведенія г. Горькаго—«Кирилка», прекрасный рассказъ, написанный съ тонкимъ юморомъ, выдержанный и вполне законченный по формѣ, и начало большой, повидимому, повѣсти «Юма Гордѣевъ». Въ «Кирилкѣ» г. Горькій проявилъ новую черту таланта, сближающую его отчасти съ Гл. Успенскимъ, который такъ тонко и мѣтко умѣетъ освѣтить отношеніе къ народу другихъ классовъ, живущихъ за счетъ этого послѣдняго. Собравшіеся на переправѣ у только-что тронувшейся большой рѣки, земскій начальникъ, купецъ, дьячокъ и авторъ—въ большомъ смущеніи. О переправѣ нечего и думать, и, по обычаю русскаго человѣка вскакъ виноватаго, всѣ обрушиваются на злополучнаго Кирилку, плюгаваго мужиченку, приставленнаго завѣдывать переправой. Кипителю больше всего земскій, какъ представитель власти, натыкающійся на непорядокъ тамъ, гдѣ по бумагѣ все должно обстоять благополучно. Купецъ заискивающе ему поддакиваетъ. Дьячокъ придерживается скорѣе нейтралитета, а Кирилка вполне равнодушенъ, сознавая полную свою непричастность къ поведенію рѣки, такъ не во время тронувшейся. Въ заключеніе, разыгрывается комическій инцидентъ. Захваченные врасплохъ путники сильно проголодались, а

у Кирилки оказывается крауха хлѣба, которую онъ, по обыкновенію, хранитъ за паухой («теплѣ онъ отъ этого»). Путники сначала брезгливо относятся къ этому хлѣбу, но потомъ не выдерживаютъ и братски его раздѣляютъ между собой съ добродушнаго согласія Кирилки. Хлѣбъ, уписываемый всѣми, несмотря на всѣ его неприглядныя качества, вызываетъ въ земскомъ рядъ новыхъ нападеній на Кирилку за недородъ, за плохое качество хлѣба. «Что мы видимъ? — гремитъ земскій, прожевывая кирилкину крауху, — пьянство, распущенность, лѣность... Руководителя нѣтъ. Недородъ—на сцену выступаетъ земство: на, съѣй, батюшка, на, ѣшь, батюшка... Нѣ-ѣтъ-съ, это не порядокъ!.. Почему до 61 года родила? Потому что—если недородъ, сейчасъ же голубчика, мужика то-есть.—пожалуйте-ка сюда! Вы какъ пахали? Вы какъ съѣли?» и т. д... Наконецъ, рѣка прошла и компанія благополучно перебирается на другой берегъ въ прибывшихъ оттуда лодкахъ, а Кирилка добродушно проситъ перевозчика: «Дядя Антонъ! за почтой поѣдешь, хлѣба мнѣ привезите, слышь? Господа-то, путя ожидаючи, краюшку у меня съѣли, а одна была!».

Въ нашей болѣе чѣмъ сжатой передачѣ трудно представить всю живость этого очерка, словно выхваченнаго изъ жизни, съ этимъ земскимъ, непоколебимо вѣрующимъ въ непреложность лѣни и мужицкой распущенности, единственныхъ причинъ недорода и прочихъ бѣдствій, удручающихъ деревню,—съ купцомъ, отлично понимающимъ всю наивность земскаго, но которому не съ руки расхотѣться съ нимъ во взглядахъ и противорѣчій власти,—съ угрюмымъ дякомъ, пришибленнымъ и захудалымъ, молча сторонящимся отъ господъ, памятуя рѣченное отъ Писанія: «блаженъ мужъ»... Всѣ эти лица живутъ, каждый съ своимъ языкомъ и характерными особенностями, и среди нихъ философски-спокойный Кирилка, которому, все равно, не переслужать пустыхъ рѣчей, раздающихся вокругъ него и не имѣющихъ на малѣйшаго отношенія къ его жизни. Г. Горькаго упрекали въ романтическихъ преувеличеніяхъ, въ идеализаціи босяковъ и ихъ жизни. Теперь, пожалуй, его попрекнутъ, что онъ повторяетъ старую тему. Для насъ существенную важность представляетъ вопросъ—какъ повторять, и если эти повторенія такъ художественны, какъ его «Кирилка», мы можемъ лишь пожелать побольше подобныхъ повтореній. Есть темы никогда не старѣющіяся, и къ нимъ принадлежитъ тема этого чудеснаго очерка.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ повѣсть «Фома Гордѣевъ», начало которой обѣщаетъ очень художественную и содержательную вещь, открывающую въ талантѣ г. Горькаго новыя черты. Предъ нами не босяки, не пролетарія, не случайныя сценки, а широко захваченная картина быта купеческой семьи. одинъ изъ представителей которой, отецъ будущаго героя, Игнатъ Гордѣевъ написанъ во весь ростъ, сильная, колоритная фигура, съ яркимъ и мощнымъ характеромъ, типичный волжскій богатырь-хищникъ. Изъ простыхъ судоробчухъ онъ выбивается въ хозяева и самъ становится виднымъ на Волгѣ парходчикомъ. Въ повѣсти мы уже застаемъ его на вершинѣ жизни, которая вся ушла въ борьбу за богатство и въ страстную любовь къ сыну, маленькому Фомѣ. Типъ Игната не выдуманый—напротивъ, на Волгѣ часто попадаются такіе богатыри, а прежде они были еще чаще. «Богатырски сложенный, красивый и неглупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача—не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая огромнымъ запасомъ энергіи, они, по пути къ своимъ дѣламъ, не умиютъ, даже не могутъ задумываться надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона. Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучаются въ борьбѣ съ нею, но совѣсть, это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и поработцаютъ ее своимъ желаніямъ, ибо они бессознательно

чувствуютъ, что если дать ей просторъ и свободу—она изломаетъ жизнь. Они приносятъ ей въ жертву дни; если же случится, что она одолѣетъ ихъ души, то они, побѣжденные ею, никогда не бываютъ разбиты и такъ же сильно и здорово живутъ подъ ея началомъ, какъ жили и безъ нея»...

Словомъ, Игнатъ-то, что принято называть цѣльной, непосредственной натурой, которая всякому движенію души отдается вся, безъ остатка. Онъ сильно напоминаетъ одно дѣйствительное лицо, недавно сошедшее въ могилу,—извѣстнаго волжскаго судовладельца Гордѣя Чернова. Онъ также изъ судорабочихъ выбылъ въ пароходчики, предприимчивый и дѣятельный быстро нашелся въ новыхъ условіяхъ судоваго дѣла на Волгѣ въ 80-ыхъ годахъ, сообразилъ важную роль нефти, только что тогда выступавшей на сцену, и на транспортахъ ея составлялъ огромное состояніе. Это былъ человекъ порыва, иногда дикій и необузданный, съ задатками глубокаго мистицизма, внезапно проявившагося въ немъ съ непреодолимой силой. Вдругъ, въ разгарѣ своихъ миллионныхъ предпріятій, не смотря на блестящее положеніе дѣла, Черновъ бросилъ все и исчезъ къ великому изумленію всего волжскаго торговаго міра. Сначала думали, что дѣла его пошатнулись, но при ликвидациі очистилась въ его пользу солидная сумма въ нѣсколько сотъ тысячъ. Оказалось, что Гордѣй Черновъ ушелъ на Азовъ, гдѣ и кончилъ жизнь въ 90-хъ годахъ послушникомъ въ скиту. Повидимому, эта замѣчательная личность, имя которой до сихъ поръ хорошо знакомо каждому волгарю, послужила прототипомъ для Игната Гордѣева.

Герой повѣсти, однако, не онъ, а его сынъ Тома, выступающій въ повѣсти пока еще мальчикомъ. Въ противоположность отцу, онъ обрисованъ вѣжными, почти женственными чертами, съ поэтической чуткой, вдумчивой душой, жадно впитывающей волжскія впечатлѣнія. Какъ сложится этотъ чуть-чуть еще намѣчаемый характеръ, покажетъ дальнѣйшее развитіе повѣсти. Дѣйствіе ея постепенно развертывается на фонѣ широкой и мощной рѣки, жизнь которой написана мастерски. Превосходна, напр., заключительная сцена обычнаго ночного событія въ судовомъ караванѣ, какъ рабочіе, тихонько перекликаясь, сплавляютъ откуда то наверхъ утонувшаго утопленника, отпихивая его баграми. Глухая рѣчь, тишина, мракъ, какой лишь бываетъ иногда лѣтомъ на рѣкѣ, когда вода похожа на темное тяжелое масло.

«Всматриваясь во тьму пристально, до боли въ глазахъ, мальчикъ различалъ въ ней черныя груды и огоньки, еле горѣвшіе надъ ними... Онъ зналъ, что это были баржи, но знаніе не успокаивало его и сердце билось въ немъ неровно, а въ воображеніи вставали какіе то пугающіе темные образы.—О-о...о...—донесся издали протяжный крикъ и закончился похоже на рыданіе... Вотъ кто-то прошелъ по палубѣ къ борту парохода...—О-о-о... раздалось опять, но уже гдѣ-то ближе...—Яфимъ!—вопголоса заговорили на палубѣ.—Яфимка!—Ну-у?—Чортъ! вставай! бери багоръ...—О-о-о...—застовали гдѣ-то близко, и Тома, вздрогнувъ, откатнулся отъ окна. Странный звукъ подплывалъ все ближе и росъ въ своей силѣ. рыдалъ и тянулъ въ черной тьмѣ. А на палубѣ тревожно шептали: Яфимка! Да встань... гость плыветъ!—Дѣ?—раздался торопливый вопросъ... потомъ по палубѣ зашлепали босыя ноги, послышалась возня и мимо лица мальчика сверху скользнули два багра и почти безшумно вознялись въ густую воду.—Го-о-о сты!—зарыдали гдѣ-то близко и раздался тихій, но очень странный плескъ воды. Мальчикъ дрожалъ отъ ужаса предъ этимъ грустнымъ крикомъ, но не могъ оторвать своихъ рукъ отъ окна и глазъ отъ воды.—Зажги фонарь... не видать ничего...—Сичасъ...—И вотъ на воду упало пятно мутнаго свѣта... Тома видѣлъ, что вода тихо колыхнется, рябь идетъ по ней, точно ей больно и она вздрагиваетъ отъ боли.—Гляди... гляди!.. испуганно зашептали на палубѣ... Въ тоже время въ пятнѣ свѣта на водѣ явилось большое, страшное человѣческое лицо съ бѣлыми оскаленными зубами.

Оно плыло и покачивалось на водѣ, зубы его смотрѣли прямо на Оому, и точно оно, улыбаясь, говорило: «Эхъ, мальчикъ, мальчикъ... Холодно... прощай!» Багры дрогнули, поднялись въ воздухъ, потомъ снова опустились въ воду и стали осторожно толкать въ ней что-то. — Веди его... веди... смотри—подобѣтъ въ колесо... — Пихай ты самъ-то!.. Багры скользили по борту и царапались объ него со звукомъ, похожимъ на скрипъ зубовъ. Оома не могъ закрыть глазъ, глядя на нихъ... Стукъ ногъ, топавшихъ о палубу надъ его головой, постепенно удалялся на корму... И вотъ тамъ вновь раздался этотъ стонущій, зауспокойный звукъ: — Го-о-ость!..»

Нужно отмѣтить еще въ новомъ произведеніи г. Горькаго ту тщательность, съ которою онъ отдѣлываетъ свой слогъ, прежде нѣсколько небрежный и распущенный. Видимо, этотъ свѣжій и сильный талантъ крѣпнеть, растетъ и становится все серьезнѣе. Талантъ—это величайшій даръ судьбы, и необходимо относиться къ нему бережно, не расточая силъ его на пустяки—вотъ почему насъ особенно радуеть это большое и хорошо задуманное произведение.

Лучшею, однако, вещью послѣдняго времени является безспорно очеркъ «Смиренные» г. Бороленко, въ первой книгѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Давно уже уважаемый художникъ не давалъ ничего такого художественнаго и глубоко захватывающаго душу. «Человѣкъ на цѣпи въ концѣ XIX в.» — отъ времени до времени подобныя извѣстія изъ деревенской глуши доносятся до насъ въ видѣ корреспонденцій и обыкновенно мало кого тревожатъ, скорѣе гажутся курьезомъ, дополняющимъ картину некультурности деревенской жизни. Художникъ, наткнувшись на такой «курьезъ», создалъ удручающую картину, которая возбуждаетъ рядъ неотложныхъ вопросовъ, тревожитъ и мучитъ совесть читателя.

Сумасшедшій больной десять лѣтъ живетъ въ избѣ, прикованный къ стѣнѣ, съ двумя прикованными къ нему женщинами—женой и сестрой. Эта совмѣстная жизнь, полная невыразимыхъ физическихъ и нравственныхъ мученій для всѣхъ троихъ, не поражаетъ окружающихъ, и ихъ равнодушіе кладетъ новое яркое пятно на общемъ безотрадномъ фонѣ деревни, ея словно забытыхъ всѣми «смиренныхъ» полей. Свѣжій человѣкъ, случайно натывающійся на прикованнаго сумасшедшаго, растеривается и недоумѣваетъ, къ кому обратиться, что предпринять? Общее спокойствіе, результатъ безнадежности и безвыходности, охватываютъ его. «Кого онъ позоветъ и кому сообщить свою новость?.. Отъ всего вѣяло смиреніемъ и покорностью,—исконнымъ деревенскимъ смиреніемъ, которое съ такою болью проникаетъ въ душу, изливаясь отъ этого скромнаго родного пейзажа... И ему казалось, что весь порядокъ, и блѣдныя ветлы, и всѣ эти избушки какъ будто сжимаются и говорятъ: «что дѣлать... ничего не подѣлаешь...»

Выслушавъ исторію сумасшедшаго, который побывалъ и въ больницѣ, но откуда его взяли родственники, находя, что дома ему все же лучше, свѣжій человѣкъ, газетный работникъ Бухвостовъ, представляетъ себѣ такую же исторію въ городѣ. «Разумѣется, если бы что-нибудь подобное онъ замѣтилъ въ самомъ городѣ... Ну, тогда онъ зналъ бы, къ кому ему обратиться и что ему дѣлать... Тотчасъ же онъ растормошилъ бы, поднялъ бы на ноги влзастей, былъ бы составленъ протоколъ, онъ далъ бы телеграмму въ столичныя газеты, телеграмма была бы подхвачена всей прессой: «человѣкъ на цѣпи!»... Словомъ, люди были бы взволнованы и общими усилиями устранили бы зло. «Но здѣсь, въ деревнѣ, среди этихъ смиренныхъ нивъ... Бухвостовъ чувствовалъ, что здѣсь все это какъ-то по иному. И прежде всего—10 лѣтъ!..» Эти 10 лѣтъ убиваютъ въ немъ всю энергію, всякое желаніе вступить въ это дѣло, которое всѣмъ окружающимъ, и ближнему, и дальнему начальству хорошо извѣстно—и все же оно существуетъ, и будетъ существовать. «И вдругъ онъ вспомнилъ

вдохъ послѣдняго изъ уходившихъ раскатовцевъ:—Охъ-хо-хо! грѣхи тяжкіе...— Грѣхъ? чей же именно грѣхъ? И что такое грѣхъ? Сознаніе, что происходитъ что-то, не согласное съ высшими законами жизни... Очевидно, оно, хотя и не ясно, присутствуетъ у этой, смиренной «деревни». Только она спокойнѣе, потому что на ней же лежать и тяжелыя послѣдствія всевозможныхъ «грѣховъ»... А онъ, городской человѣкъ, весь день старается, кромѣ послѣдствій, свалить на нее еще и всю тяжесть вины»...

Выдержанное превосходно во всемъ разсказѣ настроеніе смиренной приниженности и заботности деревенской жизни охватываетъ читателя съ подавляющей силой, заставляя и его испытывать это чувство горькой безпомощности и сознаніе «грѣха», устранить который онъ не можетъ.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ произведеніяхъ текущей беллетристики. каковы, напр., интересный романъ г. Боборыкина «Куда идти» въ «Вѣстникѣ Европы», и «Воскресеніе боги» г. Мережковского въ «Начальѣ». О нихъ придется говорить, когда они закончатся. Относительно романа г. Мережковского можно замѣтить, что читается онъ съ увлеченіемъ, не смотря на излишнее обиліе подробностей, дѣлающихъ слогу тяжеловѣснымъ. Г. Мережковский усиленно подражаетъ манерѣ Флобера въ «Саламбо», но у него нѣтъ яркости красокъ великаго француза и его умѣнья одной-двумя характерными подробностями быта освѣтить всю картину. Время и мѣсто дѣйствія, выбранныя г. Мережковскимъ, особенно ярки, — вѣдь это эпоха Возрожденія въ Италіи. А между тѣмъ, на всемъ романѣ лежитъ оттѣнокъ какой-то тусклости, если можно такъ выразиться, — запяленности, которую авторъ, слишкомъ усердно роаясь въ пыли архивовъ, внесъ и въ самую жизнь, вмѣ описываемую.

А. Б.

Отраженіе семейнаго быта и нравовъ въ народной поэзіи Великооруссовъ.

(з а м ѣ т к а).

«Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.»—Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I вып. первый. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1898.

Недавно издана академіей любопытнѣйшая книга, какъ по отношенію къ личности ея составителя, такъ и по важности содержанія, тѣмъ болѣе цѣннаго, что пѣсенное творчество народа воспроизводится въ ней совершенно объективно, въ непосредственныхъ записяхъ изъ устъ самого народа.

Сперва два слова о собирателѣ.

Въ высшей степени интересна судьба этого неутомимаго и ревностнаго труженика въ дѣлѣ изученія нашей народности. Павелъ Васильевичъ Шейнъ родился въ 1826 г. въ Могилевѣ, въ зажиточной еврейской семьѣ. Тяжкія болѣзни, обрушившіяся на хилый дѣтскій организмъ, превратили мальчюка въ калѣку и лишили его возможности продолжать начавшіяся было правильныя учебныя занятія. Тѣмъ временемъ матеріальное благосостояніе отца Шейна пошатнулось. вслѣдствіе вынужденной необходимости прекратить служившія источникомъ пропитанія дѣла съ Москвою, въ виду изданнаго тогда закона, воспрещавшаго *небогатымъ* евреямъ пребываніе въ столицѣ. Воспользовавшись леченіемъ больного сына, какъ предложомъ для житья въ Москвѣ, отецъ помѣстилъ сына въ одну изъ больницъ, гдѣ онъ и пробылъ три года, и въ концѣ

концовъ, мальчикъ, не могшій двигаться, получилъ возможность ходить на костыляхъ.

Пребываніе въ московской больницѣ имѣло огромное значеніе для умственного развитія юнаго Шейна. Знакомство и разговоры со студентами, чтеніе русскихъ, дотогѣ неизвѣстныхъ мальчику книгъ сдѣлали то, что молодой человекъ проникся глубочайшимъ интересомъ къ тѣмъ умственнымъ горизонтамъ, которые начали открываться передъ нимъ въ чтеніи книгъ и бесѣдахъ съ людьми, стоявшими по образованію несравненно выше всего, что до сихъ поръ видѣлъ онъ въ замкнутой еврейской средѣ родного города. Его страшила перспектива вернуться опять въ провинціальную среду, а между тѣмъ остаться въ столицѣ по выпискѣ изъ больницы Шейнъ, какъ еврей, не имѣлъ права. Тогда онъ рѣшился перейти въ лютеранство и поступилъ для полученія образованія въ сиротское отдѣленіе одной московской лютеранской школы. Связи съ родной семьей должны были съ этихъ поръ порваться. Счастливый случай далъ Шейну въ руководители извѣстнаго поэта и переводчика Ѳ. Б. Миллера, преподававшего въ школѣ русскую литературу. Онъ ввелъ своего ученика въ литературные круги московскаго общества, познакомивъ его съ Ѳ. Глиной, Аксаковыми, Раичемъ, Шевыревымъ и другими. Горячо раздѣляемый Шейномъ пробудившійся тогда въ обществѣ интересъ къ изученію русской народности сблизилъ его по симпатіямъ съ кружкомъ славянофиловъ.

Съ 1850 г. начинается періодъ странствованій Шейна по Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ помѣщичьихъ семьяхъ. Здѣсь то и рѣшился онъ безповоротно посвятить себя собиранію памятниковъ народной словесности и началъ записывать пѣсни по деревнямъ. Въ 1859 г. О. М. Бодянский напечаталъ первое сдѣланное П. В. Шейномъ собраніе пѣсень въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ».

Чуткость и отзывчивость Шейна къ вопросамъ народнаго образованія сказались, между прочимъ, въ томъ, что въ періодъ открытія воскресныхъ школъ въ Москвѣ Шейнъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ преподавателей въ нихъ; нѣкоторое время онъ преподавалъ въ Яснополянской школѣ, въ имѣніи гр. Д. Н. Толстого, и записывалъ за дѣтьми ихъ пѣсни. Прослуживъ уѣзднымъ учителемъ, а затѣмъ штатнымъ смотрителемъ училищъ въ нѣсколькихъ городахъ, г. Шейнъ изъ великорусскихъ губерній переѣхалъ въ бѣлорусскія. Будучи учителемъ витебской гимназіи, П. В. издалъ въ 1870 г. первую часть составленнаго имъ сборника великорусскихъ пѣсень. Со второю частью этого сборника изслѣдователя начинаютъ постигать разныя неудачи: сперва какимъ-то образомъ исчезаетъ при пересылкѣ въ Москву рукопись съ 200 набѣло переписанныхъ листовъ, затѣмъ такой же свертокъ украли изъ вагона желѣзной дороги. Несмотря на эти неудачи, рвеніе собирателя однако не слабѣло. Въ продолженіе учебнаго года все свободное время посвящалъ онъ собиранію пѣсенныхъ памятниковъ бѣлорускаго народнаго творчества, а на каникулахъ предпринималъ поѣздки по великорусскимъ губерніямъ съ цѣлю пополненія своего ранѣе составленнаго сборника. Увлеченный своимъ дѣломъ, П. В. всюду старался передать и другимъ это увлеченіе народной повѣзій, стараясь вызвать интересъ къ ней въ знакомыхъ помѣщичьихъ семьяхъ, въ учителяхъ и ученикахъ разныхъ школъ. Всѣхъ заинтересовавшихся этимъ дѣломъ П. В. самъ училъ приемамъ записыванія, напечаталъ для руководства неопытныхъ собирателей программу и т. д. Въ 1874 г. появился составленный г. Шейномъ сборникъ бѣлорусскихъ пѣсень, удостоенный золотой медали отъ Этнографическаго Отдѣленія Имп. Русск. Геогр. Общества и напечатанный въ «Запискахъ» этого общества. По выходѣ въ свѣтъ, капитальный трудъ этотъ былъ увѣнчанъ уваровской преміей и со стороны академіи наукъ.

Между тѣмъ, составитель сборника, покинувъ Витебскъ, кочуетъ по Россіи,

въ качествѣ учителя гимназіи, въ разныхъ городахъ. Въ 1877 г. на каникулахъ г. Шейнъ отъ академіи наукъ получаетъ командировку въ Сѣверо-западный край для собранія матеріаловъ по изученію бѣлорускаго нарѣчія и памятниковъ народнаго творчества. Относясь къ своему дѣлу съ крайней добросовѣстностью, П. В. не находитъ возможнымъ удовлетвориться результатами одной поѣздки, — онъ предпринимаетъ рядъ другихъ поѣздокъ въ тотъ же край уже на свои зредства, а когда разстроенное здоровье вынудило его оставить педагогическую дѣятельность, неутомимый труженикъ науки умудряется какъ-то на крохи своей ничтожнѣйшей учительской пенсіи предпринимать новыя научныя экспедиціи. Онъ развѣзжаетъ по захоластнымъ деревнямъ, платитъ пѣвцамъ и пѣвицамъ за пѣсни, угощаетъ крестьянъ въ бѣлорусскихъ корчмахъ, ведетъ обширную переписку со своими сотрудниками. Если прибавить къ этому, что такую изумительную энергію, при отсутствіи достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, обнаруживаетъ большой старикъ, то остается только подивиться силѣ увлеченія своимъ дѣломъ, одухотворяющей этого самоотверженнаго труженика. продолжающаго и до сихъ поръ неутомимо работать на пользу русской этнографіи.

Новѣйшій сборникъ г. Шейна, являющійся, до нѣкоторой степени, объединеніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ собирателя по части изученія поэзіи великоруссовъ, представляетъ по тщательности подбора, по кропотливости работы, какъ справедливо выражается авторъ въ предисловіи, — «рискованное, трудное и крохоборное предпріятіе на пользу науки». Рѣзкое отличіе сборника г. Шейна отъ другихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ въ томъ, что это сборникъ не *областной*, не собраніе пѣсенъ какого-нибудь одного уголка Россіи, а сборникъ общій, представляющій главныя характерныя черты народно-поэтического міросозерцанія великорускаго племени и дающій вполне достаточный матеріалъ для общихъ выводовъ. Исходя изъ положенія, что «пѣсня до сихъ поръ остается вѣрной спутницей многотрудной жизни русскаго человѣка отъ колыбели до могилы», г. Шейнъ, предлагая публикѣ свой трудъ, имѣлъ въ виду дать матеріалъ для ознакомленія съ характеромъ великорускаго племени, его нравами и духовной жизнью *). Въ зависимости отъ такой постановки задачи находится и распредѣленіе собраннаго г. Шейномъ матеріала «въ порядкѣ біографическомъ или бытовомъ», т. е. «по всѣмъ почти замѣчательнымъ мгновеніямъ семейной, бытовой и исторической жизни русскаго народа». Нечего поэтому и говорить о желательности распространенія новаго сборника въ нашей читающей публикѣ, особенно же въ средѣ учителей роднаго языка и литературы, а также и всѣхъ лицъ, интересующихся жазнью и поэтическимъ творчествомъ народа **).

Переходя къ содержанію сборника, мы должны прежде всего отмѣтить пѣсни, наиболѣе поэтичныя по своему характеру и основной идеѣ. Такова, напр., облѣтѣвшая всю Россію съ хоромъ Славянскаго и записанная еще въ 1859 г. г. Шейномъ въ Твери пѣсня — «Спится маѣ, младешенькой, дремлется» — противопоставляющая суровое обращеніе свекра и свекрови съ молодой невѣсткой и ласковое отношеніе къ ней любящаго мужа (№ 833). Очень поэтично описаніе молитвы дѣвушки за любимаго человѣка (№ 689), тоски при разставаньи съ милымъ (№№ 754—758), воспоминанія несчастной въ замужествѣ женщины о прежней беззаботной жизни въ родительскомъ домѣ (№ 830), грустная пѣсня

*) Подобная работа, на основаніи изданнаго въ 1870 г. сборника г. Шейна, была произведена покойнымъ Н. И. Костомаровымъ въ его статьѣ «Великорусская народная поэзія» — «Вѣстникъ Европы» 1872. № 6.

***) Для интересующихся можемъ указать на составленный А. Е. Грузинскимъ по матеріаламъ П. В. Шейна «Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и загадокъ» М. 1898 г.

о горѣ, преслѣдуемъ дѣвушку до гробовой доски (№ 797), разговоръ дѣвушки съ рѣкой, утопившей ея милаго (№ 736—738). Пѣсни эти проникнуты теплымъ, задушевымъ чувствомъ, полны тихой грусти и участливаго человеческого отношенія къ людямъ. Но слѣдуетъ сказать, что это все—отдѣльные, особнякомъ стоящіе мотивы; общая же картина, получающаяся отъ всей массы пѣсенъ (всего въ сборникѣ 1.283 №№),—далеко не такова.

Общая картина семейнаго быта и нравовъ, слагающаяся изъ отдѣльныхъ чертъ, представляемыхъ различными пѣснями сборника г. Шейна,—весьма печальна.

Уже въ числѣ пѣсенокъ, которыми «дѣти вышедшія изъ младенческаго возраста, начинаютъ сами себя тѣшить и забавлять», попадаются вещи ярко циничнаго характера (№ 184). Весьма любопытно для характеристики нравовъ также то обстоятельство, что 17 до невозможности скабрёзныхъ плясовыхъ припѣвовъ записаны однимъ изъ сотрудниковъ собирателя отъ 12-ти-лѣтней крестьянской дѣвочки.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей въ этомъ быту и взгляды на любовь, рисующіеся въ пѣсняхъ, тоже не отличаются особой утонченностью. Любопытенъ, напр., обычай, что на гулянкахъ молодежи пѣсни, заканчивающія хороводъ, сопровождаются обмѣниваньемъ поцѣлуевъ между участниками и участницами хороводной игры. Объ этомъ и заявляютъ всѣ подобныя пѣсни словами: «цѣловать девять разъ, противъ носу, противъ глазъ, девяносто одинъ разъ», или: «какъ нынче у насъ упубликованный указъ—цѣловаться девять разъ» (№№ 496, 497 сл.) и т. п. «Вѣнчаетъ же всю хороводную затѣю», добавляетъ г. собиратель, «скорая, живая плясовая пѣсня, часто сопровождаемая вавхическими возгласами и животрепещущими движеніями» (стр. 54).

Взаимныя отношенія любящихъ другъ друга дѣвушки и парня, какъ они рисуются въ пѣсняхъ,—крайне грубы и зачастую весьма циничны. Есть пѣсни, отличающіяся непередаваемою грубостью въ описаніи любовныхъ похощеній (№ 649). Пѣсня, помѣщенная подъ № 809, заключаетъ хвастливое и нахальное признаніе дѣвушки о рожденіи ею дѣтей внѣ замужества. Нѣсколько пѣсенъ (№ 806, 807) содержатъ просьбу дѣвушки къ матери скрыть рожденіе ребенка. Пѣсня № 808 по своему сюжету напоминаетъ эпизодъ изъ «Власти тьмы»—умертвленіе новорожденнаго и заботы скрыть слѣды преступленія. Вѣроятно, подобнымъ бытовымъ явленіямъ обязаны своимъ происхожденіемъ и двѣ колыбельныхъ пѣсенки, выражающія безмысленно-жестокое пожеланіе скорѣйшей смерти ребенку (№ 31, 32):

Баю, баю, да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины,—
То поминки твои.

Сдѣлаемъ гробокъ
Изъ семидесяти досокъ,
Выкопаемъ могилку
На плѣшивой горѣ и т. д.

Самое беззащитнѣе воспѣванье распутства и пьянства заключаетъ въ себѣ слѣдующая пѣсенка:

Меня мать при случаѣ родила,
А бабушка съ похмелья повила.
Кумъ-отъ былъ винокуровъ сынъ,
Кума-то была винокурова жена;
Христили меня во царевомъ кабацѣ,
Облачивали меня во зеленомъ во вицѣ.

Грубость взаимныхъ отношеній любящихъ сторонъ особенно ярко обрисовывается въ мелочномъ, до детальности подробно описаніи всевозможныхъ видовъ побой и истязаній, которымъ подвергается дѣвушка со стороны своего милаго. «Плеточку сыщу, съ тебя шкурушку спущу» (№ 372, 373)—объщаніе, верѣдко приводимое и въ исполненіе. Пѣсни № 407 и 433 подробно описы-

ваютъ эти дѣянія парня, послѣдствіемъ которыхъ во второй изъ указанныхъ пѣсенъ представляется даже смерть избитой дѣвушки. Такой же случай—смерть дѣвушки отъ побоевъ парня—описываетъ пѣсня № 803. Особенно же любопытна въ этомъ отношеніи одна пѣсня (№ 772), гдѣ дѣвушка сама проситъ возлюбленнаго побить ее «шелковой платкой».

Женщина тоже не остается въ долгу передъ мужчиной въ подобныхъ отношеніяхъ, и въ описаніяхъ женской мести избившему любовнику обнаруживается ужасающая грубость и жестокость. Обычнымъ типомъ мстительныхъ угрозъ является извѣстное заявленіе:

Я изъ рукъ, изъ ногъ короватку смошу.
Изъ ребѣръ яво мосты помошу,
Изъ висковъ яво фитилей насучу,
Изъ мозговъ яво я свѣчей нялю,
Изъ жиру яво сала натоплю. (№ 750)

или:

Я изъ косточекъ теремъ выстрою,
Я изъ ребрышекъ полы выстелю,
Я изъ рукъ, изъ ногъ скамью сдѣлаю,
Изъ головушки ядову солью,
Изъ суставчиковъ нялю стаканчиковъ,
Изъ ясныхъ очей чары винныя,
Изъ твоей крови наварю пива. (№ 751)

или—короче, но еще выразительнѣе:

А изъ жиру я твое, изъ сала
Сальныхъ свѣчекъ да нялю,
А изъ жилъ твоихъ, изъ мяса
Пироговъ напечу. (№ 752).

Цѣлый рядъ пѣсенъ (№ 823—829) рисуетъ картину отравленія дѣвушкой прежняго любовника; слѣды преступленія потомъ старательно уничтожаются:

Отвозила любезнова
Въ чисто поле калекъ,
Я зарыла любезнова
Въ сыру землю глубоко. (№ 824).

При такомъ, чисто зоологическомъ отношеніи между полами и семейная жизнь представляетъ немного гарантій счастья. Въ одной пѣснѣ (№ 691) дѣвушка выражаетъ свой взглядъ, что не слѣдуетъ торопиться съ замужествомъ, потому что трудовая жизнь замужней женщины и непривлекательна, и мѣшаетъ сохраненію любовныхъ отношеній къ прежнему милому.

Любопытный взглядъ на семейную жизнь высказываетъ устами дѣвушки рядъ другихъ пѣсенъ (№№ 578—582)—дѣвушка обсуждаетъ вопросъ, за кого лучше выйти замужъ; трудовая жизнь вызываетъ въ ней отвращеніе, она рѣшается выйти либо за «боярина»: «жизнь боярская—что твой рай, только знай себѣ гуляй», — либо за «поддѣчаго» или «снисаря» ради ихъ неправедныхъ доходовъ.

Вышедшая замужъ за крестьянина, молодая жена хочетъ сама создать себѣ жизнь «что твой рай», бросаетъ домъ, ребенка и отправляется гулять «въ царевъ кабакъ». Является съ работы мужъ съ «лозой» и застаётъ жену «набѣленную, нарумяненую». Жена открыто объявляетъ о своемъ желаніи «сбыть врага»-мужа и купить себѣ «молодчика» (№ 618). Въ другой пѣснѣ (№ 619) жена, въ отвѣтъ на угрозы мужа побить ее за подобное зазорное поведеніе, отвѣчаетъ:

А я старому хрычу
Сама вдвое отплачу;
Спину на бокъ сворочу
И найду себѣ молодчика
Молоденькаго.

Удалое гулянье молодой жены съ добрыми молодцами и слѣдующіе за этимъ побой отъ мужа описываются въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ (№ 453—462). Особенно любопытны между ними тѣ, которыя иллюстрируются въ хороводномъ исполненіи мимическимъ изображеніемъ наказанія провинившейся. Такъ, при пѣніи словъ, рисующихъ дѣйствія мужа—

Къ сторонѣ ее отвелъ,
По щекѣ ее оплелъ,—

парень ударяетъ дѣвушку по лицу платочкомъ, а далѣе при словахъ:

Какъ моя то ли жена
Стыдъ, безчестье приняла—
По затылку оплела,—

—въ свою очередь, и дѣвица ударяетъ парня платкомъ.

Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ мужъ съ женой дерутся—бесконечное число; самая обычная вещь—заявленія вродѣ:

Шелковая плетка
Не на мѣстѣ висѣла,
Всю ночь просвистѣла
На моемъ бѣломъ тѣлѣ (№ 438) и т. п.

Молодецъ, опоздавшій на свиданіе съ любовницей, оправдывается тѣмъ, что замѣшался за побоями жены:

Я билъ ее, молодецъ,
Чуть живу на свѣтѣ пустилъ (№№ 775—776).

Бабы мечты о несбыточной идеальной порѣ, когда въ побояхъ перемѣнятся отношенія между мужьями и женами, представлены въ пѣснѣ (№ 624):

Какъ нынѣ то куры
Покутъ пѣтухами,
Какъ нынѣ то жены
Вольны надъ мужьями,
Вольны надъ мужаами,
Съвукать батожьями:
Лежи, мужъ, тутъ,
Дожидайся кнута.

Нѣсколько пѣсенъ (№ 620—622) повѣствуютъ о томъ, какъ легкомысленная супруга тащить все изъ дому мѣнять на наряды и разныя принадлежности туалета:

На румяны—корову,
На бѣилы—кобылу,
А на нарядъ—скирдъ овса,

а потомъ лжетъ передъ мужемъ, куда все это дѣвалось. Слѣдуютъ со стороны мужа побой:

Какъ билъ мужъ жену отъ клѣти до клѣти
Во четыре пшети,
Еще билъ мужъ жену отъ гумна до гумна,—
Будь, жена, умна, умна!

Группа пѣсенъ (№№ 466—472) рассказываетъ, какъ жена прячетъ любовника, котораго затѣмъ отыскиваетъ неожиданно вернувшійся мужъ.

Вообще, это самый частый и излюбленный мотивъ этого рода пѣсенъ—мужъ «учить» невѣрную жену «плеткой шелковой» (№ 625, 626), а жена отвѣчаетъ ему такимъ благопожеланіемъ:

Встань, мой мужъ, пробудися!
На тебѣ помощевъ—умойся!
На тебѣ сухарь—подавися!
На тебѣ ложку щей—вахлебнися!
На тебѣ шило—заколися! (№ 627).

Такую же трогательную картину семейнаго счастья изображаетъ и другая пѣсня (№ 634):

Какъ жена мужа продала,
Она не дорого взяла—
По старому два рубля.
Какъ мой негодай
Никуда не годѣвъ.

Или еще (№ 636):

Жена мужа продала,
Да не дорого взяла:
Копѣйку, полушку,
Да въ шею колотушку.

Далѣе идутъ уже мечты не столь невиннаго свойства: поразительной жестокостью и грубостью дышитъ пѣсня (№ 465), гдѣ жена мечтаетъ «поскорѣе мужа сжить, подъ оврагъ его стащить, со живого кожу снять, подъ себя ея постлатъ, чтобы мягче было спать, веселѣе утромъ встать».

Подобное же пожеланіе смерти всѣмъ мѣшающимъ любовному счастью женщины, выражено въ другой пѣснѣ (№ 780):

Ты востань, востань, туча гровная!
Ты убей, убей свекра батюшку,
Во вторыхъ убей свекровь матушку,
А лиха мужа я сама убью,—
Со милымъ дружкоймъ я гулять пойду.

Это еще намѣренія, касающіяся убійства. Но есть и цѣлый рядъ пѣсенъ, рисующихъ самое убійство мужа женой:

Я стара мужа потѣшила,—
На осинушку повѣсила (№ 888)

или:

Какъ жена мужа приутѣшила:
Въ зеленѣмъ саду зарѣзала.

Особенно изысканнымъ звѣрствомъ поражаетъ одна изъ этихъ пѣсенъ (№ 891):

Жена мужа погубила,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала.
На ножичкѣ сердце вынула,
На булатномъ оно вострепелося,—
А шельма жена усмѣхнулась,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Чернымъ чеботомъ притопнула.

Есть даже пѣсни, подробно описывающія мельчайшія обстоятельства и всю обстановку убійства, какъ жена вмѣстѣ съ любовникомъ душитъ мужа, пѣсня подробно рисуетъ даже агонію, послѣднія судороги и хрипоту удавленнаго:

Старый захрапѣлъ,
Вудто спать захотѣлъ,
Ногами вабилъ.—
Вудто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ—
Плясать пошелъ,
Зубы оскадилъ,
Смѣяться сталъ. (№ 902).

Другая группа пѣсенъ рисуетъ подобныя же безчеловѣчныя отношенія со стороны мужа: онъ молить смерти для своей жены (№№ 872, 873), особенно поражаетъ бессмысленной жестокостью слѣд. пѣсня (№ 874): мужъ проситъ—

Ой, ты, смерть моя прекрасна,
Умори мою жену,
Опростай мою голову!

Смерть исполняетъ его просьбу, но мужъ не можетъ дожидаться спокойно послѣдняго вздоха постылой жены—

Не дождалъ я все кончанья,
Взялъ на койку положилъ.
Положилъ ее на койку,
Принакрылъ ее полотномъ.
Принакрывши полотномъ,
Взялъ привдарилъ кулакомъ,
Самъ на вулицу пошелъ,
Къ караводу подошелъ:
«Играй дѣвки, играй бабы,—
Померла моя жена».

Таковы семейныя отношенія супруговъ, какъ они рисуются въ большинствѣ пѣсень. Но побой примѣняются и во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ родственниковъ. Таковъ, напримѣръ, извѣстный мотивъ—зять бьетъ гостью-тещу (№ 917—921).

Онъ ей первую воздалъ честь,—
По затылку тещу хлестъ!
А другую воздалъ честь—
Тещу по брюху хлестъ!
Онъ и третью воздалъ честь—
По спицѣ тещу хлестъ! (№ 920).

Эти же пѣсни, какъ особый видъ молодечества, прославляютъ гомерическое обжорство зятя, съѣвшаго пирожекъ, котораго «восьмерымъ не поднять». Обжорство же, пьянство и распутство цинично воспѣваются въ пѣснѣ «Кругъ я печки хожу, кругъ муравленія» (№ 1020)

Поразительной грубостью и цинизмомъ отличаются отношенія къ религіознымъ предметамъ и къ духовенству. Уже колыбельныя пѣсенки, которыми потѣшаютъ дѣтей, заключаютъ въ себѣ эти неподходящіе вовсе для нихъ мотивы издѣвательства надъ попами, напр.:

Попъ то съ печки
Отшибъ себѣ плечки,
Дьяконъ съ брюва (?)
Отшибъ себѣ пузо и т. д. (№ 95).

Или про то, какъ попъ

...сидитъ въ коробу;
Словно Божій рабъ въ гробу (№ 97).

Выйдя изъ младенческаго возраста, дѣти сами уже начинаютъ распѣвать:

Собаки то злыя,
Попа укусили,
Попъ то свиснулъ,
Попадья то крикнула;
Попадья то за ремень,
Чтобы попъ то не ревѣлъ. (№ 143).

Одинъ изъ любимыхъ пѣсенныхъ мотивовъ—изображеніе разгульнаго «чернеца» и такой же «чернички», которая говоритъ о себѣ:

Ужъ я пѣсню заиграю,—
Уся келья завянить,
У ладони прѣударю,—
Съ кельи верхъ полятять.
А скакать же я пойду,—
Всѣхъ монаховъ полюблю. (№ 593).

Любопытна еще игра «ягуменъ», въ которой «чернички» поютъ такую пѣсенку:

Чернички мои.
Сестрички мои:

Попляшемтя,
Поскачемтя!
Мы безъ игумена свово,
Безъ канальи его.
Ужь игуменъ то
Меня молоду стрижить,
Въ черну рясу кладеть (№ 1065).

Самое невозможное отношеніе къ религіознымъ обрядамъ обнаруживааетъ пѣсня, описывающая нецензурные подвиги деревенской Царцеи въ церкви (№ 588).

Крайнимъ цинизмомъ отличается пародія погребальнаго обряда въ пѣсни о похоронахъ одного насѣкомаго паразита:

А попы были клопы,
А дьячки были сверчки.
Тараканы погребали,
Мыши голосъ подавали:
«Помяни нашу рабу,
«Съру ... во гробу». (№ 1002).

Насколько подобный юморъ, помимо грубости и цинизма, бессмысленъ, очевидно наглядно показываетъ такая дикая пѣсня (о дѣлѣжѣ мяса убитаго быка):

Антипу козѣно,—
Онъ и бьетъ жену полѣномъ;
Ивану печенку,—
Хороша его дѣвченка;
Якову два зуба,—
Онъ и самъ мужикъ зуда;
Ананью языкъ,—
За пелепелками бѣжить и т. д. (№ 1014).

Изъ этого краткаго обзора содержанія сборника г. Шейна ясно, насколько важное значеніе имѣеть этотъ капитальный трудъ почтеннаго изслѣдователя для ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ нашего народа, о которомъ такъ часто высказываются предвзятая сужденія, до различныхъ опредѣлений его таинственной «субстанціи» включительно. Выводы, къ какимъ можетъ привести ознакомленіе съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, столь безпристрастно подобранномъ относительно *всѣхъ* великорусскихъ губерній въ сборникѣ г. Шейна,—далеко неутѣшительнаго свойства и еще разъ краснорѣчиво подтверждаютъ ту азбучную истину, что мѣшкать съ просвѣщеніемъ народа—не приходится.

Н. Демидовъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ъ .

Изъ голодающихъ губерній. Князь С. И. Шаховской, посѣтившій недавно пострадавшіе отъ неурожаеи уѣзды Самарской и Уфимской губ., составилъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, извлеченія изъ котораго напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Побывавъ въ 9-ти селеніяхъ Бугульминскаго уѣзда, вн. Шаховской убѣдился, «что благодаря своевременной помощи земства, дѣятельности самарскаго частнаго кружка и содѣйствію Краснаго Креста самая острая нужда здѣсь удовлетворена. Но экономическій строй населенія пострадалъ все-таки сильно;

задолженность его увеличилась, потеря рабочего скота достигла 60%. Для удовлетворительной обработки земли здѣсь признается необходимымъ имѣть не менѣе двухъ лошадей, но хозяевъ, располагающихъ такой рабочей силой, осталось немного.

«Упомянувъ о дѣятельности частнаго самарскаго кружка, слѣдуетъ прибавить, что ему пришлось обратиться за организаціей помощи на мѣстахъ преимущественно къ врачамъ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ работали особенно Н. А. Хардина и У. Е. Фомина, которыми были составлены подробные посемейные списки особенно пострадавшихъ селеній. Имъ значительно содѣйствовалъ А. А. Бибииковъ, а въ двухъ селеніяхъ завѣдывали столовыми барышни. Организація помощи въ столовыхъ опредѣлена особо выработанными подробными инструкціями. Въ 15-ти селеніяхъ имѣется въ виду прокормить до 2.500 дѣтей, изъ коихъ теперь получаютъ помощь 1.500. Въ окрестностяхъ г. Бугульмы, въ районѣ до 40—50 в. отъ города, работаетъ врачъ Андреевъ, а въ с. П. Кувахъ женщина-врачъ С. П. Давыдова. Красный Крестъ также оказываетъ существенную помощь, но, къ сожалѣнію, не всегда равномерно, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыты столовныя, за неполученіемъ во-время дальнѣйшихъ средствъ, принуждены были закрываться. Вообще, Красный Крестъ предполагалъ приходить на помощь только тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ права на пособие отъ правительства и земства, но инструкція, предлагаемая имъ участковымъ попечительствамъ и земскимъ начальникамъ, допускаютъ въ этомъ отношеніи и исключенія. Пособіе лицамъ, имѣющимъ свое хозяйство, оказывается въ формѣ ссуды съ возвратомъ въ теченіе трехъ лѣтъ; лицамъ же, находящимся въ *безвыходномъ положеніи*, пособие оказывается безвозвратно. Ссылаясь на опытъ 1891 г., инструкція не рекомендуетъ устройства столовыхъ, «какъ не отвѣчающихъ ни міровоззрѣнію, ни складу жизни сельскаго населенія и въ общемъ вызывающихъ на свое устройство значительные расходы». Но на практикѣ пришлось значительно поступиться этими инструкціями, причемъ вѣль помощи выразился именно въ столовыхъ, инструкціей не рекомендуемыхъ. Какъ на характерный фактъ можно еще указать, что въ «Самарской Газетѣ» не могли печататься свѣдѣнія о поступающихъ въ частный кружокъ пожертвованійхъ, а равно не дозволялось устройство спектаклей въ пользу пострадавшаго населенія. Земскіе начальники относятся къ дѣятельности кружка весьма различно. Есть среди нихъ оказывающіе ему дѣятельное содѣйствіе, но есть и отъявленные его противники. Такъ, одинъ заявилъ, что лица, пользующіяся помощью изъ средствъ кружка, будутъ исключены изъ земскаго паика. Другой земскій начальникъ запретилъ населенію ѣсть жолуди, ссылаясь на то, что такая пища вредитъ здоровью; когда же населеніе, побуждаемое голодомъ, не послѣдовало предписанію, то вышло запрещеніе мельникамъ молоть муку изъ жолудей. Въ результатѣ населеніе было вынуждено ѣсть жолуди немолотыми. Лѣсное управленіе тоже запретило-было сначала собирать жолуди въ казенныхъ лѣсахъ, а когда разрѣшило, то въ лѣсахъ оказался уже сибѣ мѣстами до аршина въ вышину. Относительно топлива вышло также недоразумѣніе. Населенію было разрѣшено собрать сухостойники и валежникъ въ казенныхъ лѣсахъ, причемъ данъ былъ трехдневный срокъ. Три дѣя населеніе и собирало топливо, складывая его въ кучи, но когда затѣмъ пріѣхали за нимъ, то его не отпустили, такъ какъ въ срокъ трехъ дней включенъ былъ и вывозъ. Теперь заготовленное такимъ образомъ топливо можно пріобрѣтать за деньги...».

Самая сильная вужда, по словамъ кн. Шаховскаго, свирѣпствуетъ въ Карамальской волости, Мензелинскаго уѣзда. Въ составъ этой волости входятъ 24 деревни съ 14.300 жителей.

«Въ концѣ января здѣсь почти отсутствовала помощь, между тѣмъ, по

разчету мѣстнаго врача Александра А. Степанова (въ с. Карамалѣ), однихъ наиболѣе нуждающихся здѣсь не менѣе 4.000. Положеніе населенія въ этой мѣстности ухудшилось отъ неудавшихся операцій земства. Закупленный и отправленный караваномъ хлѣбъ застрялъ гдѣ-то на Камѣ, отчего населеніе въ началѣ осени терпѣло сильную нужду. Затѣмъ нашелся благодѣтель, который предложилъ земству уступить ему хлѣбъ на Камѣ въ обмѣнъ на мѣстный хлѣбъ, который и былъ розданъ населенію, но оказался слеглымъ и неудовлетворительнымъ. На 14 т. населенія здѣсь мѣстный врачъ могъ располагать помощью около 200 р. въ мѣсяцъ; понятно, что этого было крайне недостаточно и неудовлетворенныхъ оказывалась масса. Кн. Шаховской посѣтилъ нѣкоторыя селенія волости и былъ пораженъ встрѣченною имъ степенью нищеты. Въ Михайловкѣ многіе дома оказались заколоченными, большинство безъ дворовъ, безъ хозяйственныхъ построекъ. Крыши многихъ строеній пошла на топливо. Въ домахъ болшею частью остались только старыя, малые и больныя; остальные бродятъ по сосѣднимъ деревнямъ и ищутъ хлѣба. Въ избахъ холодно; топятъ по-черному; удушливый дымъ ѣстъ глаза».

Такъ обстоятъ дѣла въ Уфимской губ., не лучше и въ Казанской губ. Въ «Казанскій Телеграфъ» пишутъ изъ Свияжскаго уѣзда:

«Въ Свияжскомъ уѣздѣ есть деревня «Татарская Маматкозина». Недавно я узнала, что въ этой деревнѣ нужда, есть семьи, которыя особенно нуждаются. Не вполне довѣряя слухамъ, я попросила одно официальное лицо, по дорогѣ въ уѣздъ, заѣхать въ эту деревню (она въ его участкѣ) и посмотреть на мѣстѣ, какова эта нужда? Вчера онъ вернулся оттуда и привезъ мнѣ очень печальныя вѣсти. Представить себѣ ясно эту нужду нельзя: надо видѣть ее, чтобы вполне понять; при однихъ только разказахъ очевидца у меня голова пошла кругомъ. Въ названной деревнѣ всего 124 дома, изъ нихъ 25—нуждающихся и получающихъ пособіе отъ Краснаго Креста. Однако, пособія, выдаваемого по 35 фун. на человѣка въ мѣсяцъ, за исключеніемъ работниковъ и дѣтей моложе двухлѣтнаго возраста не хватаетъ не только на мѣсяцъ, но иногда и на половину мѣсяца. Это зависитъ отъ условій семьи. Если, напр., въ семьѣ 4 работника и 3 человѣка, получающихъ пособіе, то, конечно, на эту семью никоимъ образомъ не хватитъ 105 фунтовъ муки въ мѣсяцъ, такъ какъ, хотя работники и исключаются въ виду возможности заработка, но благодаръ массѣ рабочихъ рукъ и безработицѣ, работники эти часто сидятъ безъ работы и ѣдятъ то же пособіе. Изъ 25 пострадавшихъ отъ неурожая семействъ, 16 уже положительно сидятъ безъ хлѣба.

«Во всѣхъ домахъ онъ не нашелъ ни крошки хлѣба. Дворы всѣ давно уже раскрыты и крыши употреблены на топливо, въ нѣкоторыхъ домахъ топить уже нечѣмъ, такъ что избы по нѣсколько дней не топлены, холодъ страшный. Во всѣхъ 16 дворахъ нѣтъ ни одной скотины: правда, у одного татарина нашлась коза, которую ему подарила его сестра для того, чтобы онъ пилъ молоко (онъ зачоточный), но эта коза до того голодна, что едва жила, кормится она навозомъ, который подбираетъ на улицѣ (на дворахъ даже навоза нѣтъ) и, конечно, у нея никакихъ признаковъ молока нѣтъ.

«Въ избахъ, изъ которыхъ многія землянки, съ холоднымъ землянымъ поломъ,—невообразимая нищета. Въ одной избѣ, напр., очевидецъ увидѣлъ самоваръ, изъ котораго семья что то пила. Онъ даже, на этомъ основаніи, усомнился въ нуждѣ, но оказалось, что эта семья уже второй день ничего не ѣла и утоляетъ голодь горячей водой, которую нагрѣваетъ въ самоварѣ. Проловольствіе выдается въ концѣ мѣсяца, и поэтому теперь уже нигдѣ нѣтъ крошки хлѣба, все давно съѣдено и люди перебиваются кое-какъ до новой выдачи. Въ другой семьѣ мать и хозяйка больна водянкой, не можетъ ни ходить, ни сидѣть, ни даже лежать на спинѣ; она находится въ какомъ-то полулежащемъ

положеніи, и у этой несчастной есть грудной ребенокъ, котораго она кормить. Въ третьей семьѣ—мать семьи больна какой то болѣзнью, отъ которой ее всю скрючило, такъ что она не можетъ ходить и сидитъ на нарахъ въ ужасномъ видѣ, дѣти маленькія, всѣ работы по дому исполняютъ мужъ. Въ четвертомъ домѣ—хозяинъ и работникъ семьи въ чахоткѣ и т. д. и т. д. Дѣти всѣхъ возрастовъ почти голыя, или завернуты въ невозможныя лохмотья. При всемъ этомъ холодъ и мракъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ уже давно нечѣмъ освѣщаться. На-дняхъ тамъ былъ уполномоченный отъ Краснаго Креста и общана столовая, но въ столовой, во-первыхъ, кормятъ не всѣхъ, а нѣкоторые больные и не дойдутъ до столовой; а во-вторыхъ, нужда такъ велика, что одной столовой мало: нужно топливо, нужна одежда. Я уже не говорю о томъ, что будутъ дѣлать эти несчастные весной, какъ они обработаютъ свои поля, не имѣя на 16 домовъ ни одной лошади?»

Въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» помѣщено интересное письмо г-жи Габай, отправившейся въ Казанскую губ. и долгое время не могшую добиться разрѣшенія помогать голодающимъ.

«Послѣ долгихъ ожиданій пришло разрѣшеніе,—пишетъ она.—Совершаемъ закупки при помощи и протекціи новыхъ знакомыхъ.

«Пріѣзжаемъ въ Савруши. Утромъ идемъ съ приставомъ смотрѣть избы подъ столовую; переднюю большую избу сдаетъ обдѣлывшая, но нѣкогда съ достаткомъ, вдова. Хозяйка съ виду ничего себѣ, изба большая, какихъ очень мало на селѣ. Осматриваемъ клѣтъ, сарай, стовариваемся; себѣ беремъ напротивъ новую, только что отстроенную избенку. Мебели никакой.. Живемъ такъ нѣсколько дней, осматриваемся, знакомимся и, главное, ждемъ изъ города запасовъ.

«Народъ въ избѣ толчется буквально безъ передышки: всѣ просятъ записать ихъ въ списокъ. Одно описаніе смѣняетъ другое и, дѣйствительно, чувствуешь, какъ наголодался этотъ народъ. Бѣгутъ за 8—10 верстъ, запрашиваются во всякую погоду ходить ежедневно изъ-за одной порціи. Сами ничего не рѣшаемъ. Собираемъ совѣтъ, присутствуютъ: приставъ, батюшка, еще священникъ, нѣсколько учителей и староста. Судимъ, радимъ, разспрашиваемъ и, наконецъ, выбираемъ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ Савруши и Краснаго Болота 130 человекъ: по одному, по два изъ каждой семьи, а семьи, не нашимъ чета, — большія. На остальные деревни остается всего 20 человекъ (взявъ всего можемъ только 150 человекъ, а сколько ихъ ходитъ, такъ даже не пересчитать).

«Вчера былъ у меня мулла изъ Тахталы (деревня)—проситъ принять хоть 20 человекъ. Въ деревнѣ 1.577 человекъ, нужда особенная. Записала только пять человекъ, а и другихъ вѣдь жалко.

«Мулла будетъ поочередно назначать на ѣду пять человекъ; сегодня одни пять поѣдутъ, завтра другіе и т. д. Отъ насъ ихъ деревня за 8 в., и всѣхъ ихъ 1.577 человекъ; судите сами!

«Многіе не ходятъ въ столовую за неимѣніемъ одежды (одѣваться можно только по очереди), а между тѣмъ нечего и думать отложить хоть копейку изъ этихъ денегъ на одежду. Тряпья—цѣлый вагонъ не будетъ много, малой скоростью обойдется сравнительно недорого»...

Санитарное состояніе фабрикъ въ Московской губерніи. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ въ отчетахъ окружныхъ санитарныхъ врачей Московской губ., журналъ «Знамя» приводитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ печальное состояніе фабрично-промышленныхъ заведеній губерніи. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи, пользуясь положеніемъ ея въ «Пет. Вѣд.»

«Московскій уѣздъ—самый промышленный въ губерніи. Въ 1897 г. въ

немъ было произведено санитарное описаніе тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которыя въ производствѣ своемъ даютъ жидкіе отбросы, въ видѣ грязныхъ промывныхъ водъ. Нужно замѣтить, что фабрики этого рода не подвергались полному санитарному осмотру съ 1880—1881 гг., который въ то время обнаружилъ на нихъ массу недостатковъ. Улучшились ли онѣ за время 1881—1897 годовъ?—Нѣтъ.

«Исслѣдованіе 20 такихъ фабрикъ, съ числомъ рабочихъ свыше 4.500 человѣкъ, въ настоящее время показало, — говоритъ въ своемъ отчетѣ санитарный врачъ Московскаго уѣзда, — что для нихъ какъ будто бы не прошло 17 лѣтъ; онѣ оказались почти въ такомъ же положеніи, какъ и 17 лѣтъ назадъ, за исключеніемъ одной только стороны — подачи медицинской помощи рабочимъ.

«Недостатки были обнаружены на всѣхъ 20 фабрикахъ. Такъ, на 16—обнаружена тѣснота, и даже полное отсутствіе спальныхъ помѣщеній для рабочихъ; на 8—тѣснота и плохая вентиляція мастерскихъ; на 9—неудовлетворительность приспособленій для очищенія грязныхъ промывныхъ водъ и на 8—неудовлетворительность устройства помѣщеній для подачи рабочимъ медицинской помощи.

«Въ отчетѣ отмѣчаются еще недостатки, допущенные при устройствѣ фабрично-заводскихъ помѣщеній ихъ владѣльцами.

«Для примѣра взять сахарно-рафинадный заводъ даниловскаго товарищества, съ числомъ рабочихъ свыше 4 000.

«Температура воздуха въ большей части мастерскихъ превосходитъ 30 гр. по Реомюру, и въ нѣкоторыхъ достигаетъ 50 гр.; влажность воздуха колеблется между 30 и 40 гр. Работа при такихъ условіяхъ крайне изнурительна.

«Устраненіе указанныхъ недостатковъ, которыхъ можно было бы избѣгнуть при первоначальномъ устройствѣ зданій, хотя и возможно въ настоящее время, но потребуетъ большихъ затратъ, на которыя согласятся очень и очень немногіе фабриканты. Отчетъ говоритъ, что подобный недостатокъ примѣнимъ и къ другимъ фабрично-промышленнымъ заведеніямъ Московскаго уѣзда.

«Завѣдующій вторымъ санитарнымъ округомъ (Богородскій уѣздъ) въ своемъ отчетѣ указываетъ на интересное дѣло по упорядоченію многочисленныхъ жилыхъ помѣщеній на торфяникахъ Карпѣва, начавшееся еще въ 1895 году. Осматривавшій эти помѣщенія въ 1897 году, санитарный врачъ нашелъ во всѣхъ баракахъ для рабочихъ нецѣлесообразное устройство наръ, допускавшее значительное переполненіе жилыхъ зданій, недостаточность помѣщенія для женщинъ и крайнюю ветхость бани, совершенно непригодной для 500 рабочихъ».

Любопытно, что на предложеніе земства владѣльцу фабрики Карпѣву объ устраненіи замѣченныхъ осмотровъ неустройствъ, Карпѣвъ заявилъ, что его заведеніе относится не къ фабричному, а къ сельскохозяйственному производству и поэтому постановленія санитарнаго надзора онъ считаетъ для себя не обязательными.

«Санитарный врачъ высказываетъ опасеніе, что если въ будущемъ Карпѣвъ, а съ нимъ и другіе предприниматели торфяного производства будутъ отказываться отъ выполненія санитарныхъ требованій надзора, то можно будетъ вернуться вспять, именно, къ періоду до 1893 года, когда почти всѣ жилыя зданія на торфяныхъ болотахъ носили характеръ сараеобразныхъ построекъ, а не человѣческаго жилья. «Въ то время,—говоритъ врачъ,—на громадномъ большинствѣ болотъ торфяники помѣщались въ простыхъ длинныхъ, безъ потолка, сараяхъ-баракахъ, построенныхъ изъ досокъ или изъ тонкаго лѣса, обитыхъ одною драпкою... освѣщенныхъ очень небольшими, конюшеннаго типа, окошками. Для сна въдоль стѣнъ устраивались тесовыя нары, на которыхъ и располагались въ повалку всѣ рабочіе... Подобныя постройки,—

говорить даѣе врачъ, — сносныя въ теплыя дни и ночи, становятся совершенно невозможными для пребыванія въ дождливую холодную погоду, когда вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ чрезъ всевозможныя щели во внутрь барака». Существующія въ Богородскомъ уѣздѣ три волосяно-ткацкихъ заведенія, по словамъ санитарнаго врача, хотя и улучшили свою обстановку, но это мало повліяло на уменьшеніе заболѣваемости рабочихъ сибирскою язвою. Заболѣванія же происходятъ вслѣдствіе того, что употребляемый въ дѣло конскій волосъ не кипятится и не дезинфицируется. Но есть фабрично-промышленныя заведенія, которыя портятъ здоровье не только своихъ рабочихъ, но и сосѣднихъ жителей».

Завѣдующій клинскимъ санитарнымъ участкомъ врачъ г. Соколовъ относительно медицинской помощи фабричнымъ рабочимъ говоритъ, что «на многихъ мелкихъ, особенно расположенныхъ въ Калѣвской волости (фабрикахъ) она отсутствуетъ, несмотря на то, что со времени обязательнаго примѣненія постановленій московскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія прошло 8 мѣсяцевъ... Какъ долго просуществуетъ такое положеніе, — сказать трудно, такъ какъ, насколько извѣстно, со стороны фабричной инспекціи побудительныхъ напоминаній въ этомъ отношеніи не послѣдовало.

«Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, при осмотрѣ санитарнымъ врачомъ кожевеннаго завода г. Бобылина, рабочіе были найдены спящими во всѣхъ отдѣленіяхъ завода, начиная съ сушильни и кончая зольной съ сырой кожей. Затѣмъ, при осмотрѣ фабрики товарищества мануфактуры П. Рябова, произведенномъ санитарнымъ врачомъ совмѣстно съ фабричнымъ докторомъ, были найдены — съ одной стороны свальныя спальни съ двухъярусными нарами, раздѣленными на кѣтки висащими на жердяхъ рогожками, для сна отдѣльныхъ семействъ; съ другой — каморки, въ которыхъ на объемъ въ 2,9 куб. сант. ютилось пять человѣкъ взрослыхъ и трое дѣтей... Въ довершеніе всего, въ нѣкоторыя каморки изъ помѣщеній верхняго этажа, сквозь досчатый потолокъ протекала и падала на обѣденный столъ всякая жидкость»...

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Г. Пругавинъ рассказываетъ въ «Юридической газетѣ» о слѣдующемъ случаѣ, происходившемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, по словамъ г. Пругавина, «горячимъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній явился земскій начальникъ 1-го участка г. В—овъ. Пятая къ розгѣ поистинѣ нѣжную привязанность, г. В—овъ видитъ въ ней одно изъ лучшихъ средствъ для воздѣйствія на грубую и расшученную, по его мнѣнію, народную среду. Подъ его вліяніемъ и давленіемъ волостные суды 1-го участка широко пользуются предоставленною имъ властью приговаривать крестьянъ къ наказанію розгами. Засѣдая въ уѣздномъ сѣздѣ, гдѣ разсматриваются жалобы, приносимыя на приговоры волостныхъ судовъ, г. В—овъ всегда настаиваетъ на утвержденіи приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи. Онъ крайне враждебно относился къ дѣятельности своего сосѣда по участку, бывшаго земскаго начальника 2-го участка Петровскаго уѣзда Н. С. Ермолаева, человѣка весьма почтеннаго и гуманнаго, долгое время служившаго председателемъ мѣстнаго сѣзда мировыхъ судей и въ участкѣ котораго тѣлесное наказаніе совсѣмъ не примѣнялось. Но вотъ, послѣ одной очень грустной исторіи, въ которой г. В—овъ игралъ самую печальную роль, г. Ермолаевъ принужденъ былъ, къ глубокому сожалѣнію всего уѣзда, оставить должность земскаго начальника: завѣдываніе его участкомъ временно было поручено г. В—ову. Первымъ дѣйствіемъ г. В—ова было преподать всѣмъ волостнымъ судамъ 2-го участка строжайшій приказъ о томъ, чтобы отнынѣ они не только не избѣгали примѣнять тѣлесное наказаніе, а напротивъ, всячески старались возможно чаще приговаривать провинившихся крестьянъ къ наказанію розгами. Подобные при-

казы и наставленія, сопровождаемые угрозами и застрачиваніями, безъ которыхъ г. В—овъ никогда не обходится въ своихъ сношеніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія, не могли, конечно, не оказать своего дѣйствія. И дѣйствительно, волостные суды 2-го участка подъ давленіемъ г. В—ова постановляютъ цѣлый рядъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ».

Къ неудовольствію администратора, какъ разъ въ это самое время министерство внутреннихъ дѣлъ издало циркуляръ отъ 13-го декабря 1894 года, каковымъ было разъяснено, что «приговоры, коними виновные присуждены къ тѣлесному наказанію или общественнымъ работамъ, не подлежатъ приведенію въ исполненіе, ибо взысканія эти поставлены на одну степень съ тѣши наказаніями, отъ которыхъ виновные освобождаются за силою манифеста, почему было бы несправедливо лишить приговоренныхъ къ симъ наказаніямъ той же милости, которая дарована присужденнымъ за такіе же проступки, но къ другому наказанію». Такимъ образомъ, всѣ приговоры, постановленные волостными судами, о наказаніи розгами подлежали отмигнѣ за силою Высочайшаго манифеста. согласно приведенному разъясненію министерства внутреннихъ дѣлъ».

Но г. В—овъ рѣшаетъ обойти это непріятное ему объясненіе, «такъ какъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, разъясняющій Всемилоствѣйшій манифестъ, не былъ еще полученъ имъ (онъ узналъ о немъ изъ газетъ), поэтому онъ спѣшитъ отдать грозный приказъ: всѣ вошедшіе въ силу приговоры волостныхъ судовъ о наказаніи розгами немедленно же привести въ исполненіе. Ему пытаются возражать, указывая на изданный министерствомъ циркуляръ категорически разъясняющій вопросъ о примѣненіи манифеста, предостерегаютъ, что, настаивая на исполненіи приговоровъ, онъ является нарушителемъ воли самого Монарха, пожелавшаго даровать извѣстныя милости лицамъ, обвиненнымъ за тѣ или иные проступки, но г. В—овъ не хочетъ ничего слушать. «Циркуляръ былъ бы обязателенъ для меня, если бы я имѣлъ его въ рукахъ,—говорилъ онъ,—но пока я его не получилъ, я могу не знать о его существованіи... Не правда ли, вѣдь мало ли что пишутъ въ газетахъ?.. Но необходимо спѣшить, такъ какъ циркуляръ можетъ получиться каждую минуту и тогда уже будетъ невозможно приводить въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи». Г—ну В—ову особенно хочется чтобы «порка» была непременно произведена въ селѣ Спасскомъ-Александровскомъ, въ мѣстѣ жительства его врага Н. С. Ермолаева, который, какъ мы уже сообщали, всегда вооружался и ратовалъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Г. В—овъ хорошо знаетъ, что въ Спасскомъ до тѣхъ поръ, благодаря г. Ермолаеву, ни разу не было примѣнено тѣлесное наказаніе, и это его ужасно возмущало. Подъ давленіемъ же г. В—ова спасско-александровскій волостной судъ сразу постановилъ одиннадцать приговоровъ о наказаніи розгами... «И вотъ теперь, благодаря манифесту и циркуляру министра всѣ эти приговоры должны остаться безъ исполненія. Нѣтъ, г. В—овъ рѣшительно не въ состояніи примириться съ подобной мыслью». «И вотъ, въ результатѣ отдается грозное приказаніе: всѣхъ приговоренныхъ перепоротъ немедленно».

Авторъ статьи въ «Юридической Газетѣ» прибавляетъ, что г. В—ову удалось привести свой планъ въ исполненіе...

Въ заключеніе своей статьи г. Пругавинъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе о неосновательности того оптимизма, который проявлялся въ послѣднее время по вопросу объ отмигнѣ тѣлесныхъ наказаній:

«Въ послѣднее время въ нашей періодической прессѣ весьма много писалось на тему объ естественномъ и постепенномъ «вымираніи розги». При этомъ приводились цифровыя свѣдѣнія о количествѣ лицъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ Россіи за послѣдніе годы. Такъ какъ цифры эти обыкновенно доказывали, что число лицъ, наказанныхъ роз-

гами по приговорамъ волостныхъ судовъ, постепенно изъ года въ годъ уменьшается, то отсюда дѣлался выводъ о томъ, что съ теченіемъ времени мало помалу «порка» и «розги» сами собой исчезнутъ изъ числа наказаній. Подобные успокоительные выводы, по нашему мнѣнію, чрезачуръ грѣшатъ излишнимъ, весьма вреднымъ оптимизмомъ. Во-первыхъ, не слыхомъ ли долго придется ждать того времени, когда всѣ волостные судьи во всѣхъ уюлкахъ Россіи проникнутся убѣжденіемъ, что розги и порка никогда и никого не исправляли, а лишь унижаютъ и позорятъ человѣческое достоинство, что онѣ вносятъ въ народную жизнь деморализующее вліяніе, ожесточаютъ людей, развращаютъ народные нравы?»...

Земскій органъ. «Сынъ Отечества» сообщаетъ о заключеніяхъ земскихъ собраний по вопросу объ изданіи обще-земскаго органа, который, какъ извѣстно, былъ поднятъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, выработавшемъ свой проектъ изданія земскаго органа и разославшемъ его на обсужденіе земскихъ собраний. 16 губернскихъ земскихъ собраний владимірское, вологодское, воронежское, вятское, казанское, костромское, курское, олонекое, орловское, пермское, рязанское, самарское, с.-петербургское, саратовское, харьковское и черниговское—опредѣленно и категорически высказались въ пользу изданія земскаго органа въ Москвѣ и постановили: 1) возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи изданія въ Москвѣ земскаго періодическаго органа печати на средства всѣхъ губернскихъ земствъ или тѣхъ изъ нихъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ изданіи, подѣ ответственностью московской губернской земской управы и по программѣ, которая окончательно будетъ выработана московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и 2) просить московское губернское земское собраніе, принявъ во вниманіе заключеніе губернскихъ земскихъ собраний, разработать проектъ программы земскаго періодическаго органа печати и представить на утвержденіе правительства. На случай удовлетворенія ходатайства правительствомъ большинство изъ перечисленныхъ земствъ ассигновало на расходы по изданію каждое по 1.000 рублей.

Два собранія—смоленское и херсонское—свое сочувствіе изданію земскаго органа въ Москвѣ выразили въ нѣсколько иной формѣ. Смоленское собраніе, «признавая необходимымъ изданія земскаго органа», рѣшило «просить московское губернское собраніе, принявъ во вниманіе заключенія губернскихъ земскихъ собраний, разработать проектъ программы земскаго органа и представить на утвержденіе правительства». Херсонское собраніе, состоявшееся еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, постановило: «выразить сочувствіе костромскому губернскому земскому собранію за инициативу въ возбужденіи вопроса объ изданіи спеціальнаго органа печати, посвященнаго всестороннему обсужденію земскихъ вопросовъ по всей Россіи, и просить губернскую управу оказать содѣйствіе къ осуществленію этой мысли, если возникновеніе такого органа окажется возможнымъ».

Два земства—пензенское и таврическое—высказались и въ пользу московскаго сборника, и въ пользу «земскихъ ежегодниковъ» вольнаго экономическаго общества. По мнѣнію означенныхъ земствъ, земская жизнь настолько разнообразна и сложна, а матеріалъ, характеризующій дѣятельность земскихъ учреждений, настолько обилень, что представляется вполне возможнымъ и даже желательнымъ одновременное существованіе земскихъ органовъ какъ при московскомъ земствѣ, такъ и при вольно-экономическомъ обществѣ.

7 земствъ—бессарабское, екатеринославское, нижегородское, новгородское, полтавское, тамбовское и тверское—присоединились къ предложенію вольнаго экономическаго общества и сдѣлали соответствующія ассигновки на выпускъ проектируемыхъ изданій.

Ярославское собраніе опредѣленно не высказалось по вопросу о земскомъ

органъ, а отложило обсужденіе его до экстреннаго собранія, къ которому поручило управъ «выработать совмѣстно съ постоянной комиссіей по этому вопросу, подробную программу».

Три земскихъ собранія—псковское, симбирское и уфимское—совмѣь не разсматривали вопроса о земскомъ органѣ печати. Въ калужскомъ земствѣ былъ составленъ докладъ объ органѣ и внесенъ на обсужденіе земскаго собранія, но послѣднее постановило—отклонить доклады «по неизвѣстности программы будущаго органа». Относительно тульского земства неизвѣстно, обсуждался ли вопросъ о земскомъ органѣ въ собраніи или нѣтъ.

Итакъ, изъ числа 33 губернскихъ земствъ вопросъ о земскомъ періодическомъ органѣ печати разсматривался въ 29 собраніяхъ, причемъ 27 высказались въ пользу изданія, одно—противъ и одно передало вопросъ въ комиссію. Изъ 27 земствъ, отнесшихся съ полнымъ сочувствіемъ къ изданію земскаго печатнаго органа, 18 присоединились къ предложенію московской губернской земской управы, 2 земства признали желательнымъ, чтобы земскіе періодическіе органы издавались и при вольно-экономическомъ обществѣ, и при московскомъ земствѣ, 7 земствъ присоединились къ предложенію вольнаго экономического общества.

Духоборы за границей. Духоборы, отправившіеся раньше въ Кипръ, теперь рѣшили также переселиться въ Канаду, такъ какъ условія жизни на Кипрѣ оказались неблагоприятными. «С.-Петербургскія Вѣдомости» приводятъ интересныя выдержки изъ письма женщины-врача, рисующаго положеніе той партіи, которая, по словамъ газеты, «прельстилась возможностью свить себѣ гнѣздо поближе къ Россіи и за это поплатилась». Авторъ письма, пріѣхавъ въ Кипръ, засталъ духоборовъ въ очень угнетенномъ состояніи. «Больны почти на половину, остальные переболѣли раньше; совсѣмъ истомленные. Изъ 1.137 чел. за три мѣсяца умерло 98. Тифа сравнительно мало: главное—поголовная лихорадка, захваченная еще раньше за послѣдніе четыре года, когда изъ шести тысячъ они потеряли до тысячи человѣкъ... Съ больными здѣсь приходится возиться безъ перерыва съ ранняго утра до вечера, но толку пока мало выходитъ; во-первыхъ, нѣтъ физической возможности отнестись ко всѣмъ достаточно внимательно; во-вторыхъ, никакъ не могу наладиться съ выпиской лѣкарствъ. Аптекаря никакъ не могутъ понять, что можетъ быть поголовная лихорадка: думаютъ, что я рѣшила отравлять хиной, а потому въ точности присылаютъ всѣ требуемыя лѣкарства, но ограничиваютъ присылку хины. Объясниться же мы не можемъ. Чувствую я себя здѣсь совсѣмъ какъ въ русской деревнѣ: даже по временамъ такъ же несносны мнѣ кажутся бабы, какъ и въ Россіи, когда набьется ихъ сразу много, и онѣ начнутъ разводить свои теоріи про «грызь» и «колюку». Первое впечатлѣніе отъ острова—это впечатлѣніе выжженной степи, массы камней и разоренныхъ поселковъ: точно забытая Богомъ страна! Позоже, впрочемъ, пошли дожди; степь зазеленѣла... Хотя преданіе и гласитъ, что когда-то Кипръ былъ очень заселенъ, много населенія погнѣло во время постоянной рѣзни между турками и греками, пока ихъ не замирилъ англичанинъ, однако, тотъ кусочекъ Кипра, который я теперь знаю, производитъ впечатлѣніе чего-то отжившаго. Безконечныя степи, стада тощихъ овецъ, вмѣсто пастуха—турокъ съ ружьемъ. Мое окно какъ разъ выходитъ на дорогу; постоянно проходятъ верблюды, ѣдутъ на ослахъ турки и женщины, закутанныя въ покрывала; дальше дорога идетъ если не «по скалѣ», то по просту по обрыву; внизу аулъ, сады маслинъ, по каменнымъ заборамъ лѣпятся кактусы, кое-гдѣ одиноко растутъ пальмы. Но мнѣ все это кажется точно нарочно, а на самомъ дѣлѣ на Кипрѣ все должно быть чисто по-русски.

Я почувствовала это уже въ первый день, когда одна изъ духоборозъ мнѣ сказала: «Ну, разгуляйтесь теперь по нашей Бипрѣ».

«Какъ-то я шла съ двумя духоборами въ другой поселокъ, засмотрѣлась съ непривычки на пальму. «Славная лѣсина—что, она на дрога годится?» Таъ вотъ и приходится все повертывать на русскій манеръ. Встрѣтили меня сразу привѣтливо—въ первый же вечеръ пришли въ мое помѣщеніе; думали, что я расскажу что-нибудь новое,—разсказывали охотно про себя. Но потомъ я видѣла только больныхъ и не успѣвала приглядываться къ нимъ ближе. Выстроили они себѣ здѣсь глиняныя хаты, сырыя и тѣсныя, такъ что сразу бросается въ глаза некультурность, особенно по сравненію съ тѣми домиками, которые куплены готовыми у англичанъ. Питаются, можно сказать, однимъ хлѣбомъ а большыя совѣсы ничего не ѣдятъ. Ребятишекъ моложе 4—5 лѣтъ совѣсы, нѣтъ: всѣперемежли! Дѣтвора очень самостоятельна: взрослые духоборы смотрятъ на дѣтей, какъ на маленькихъ людей, созданныхъ по образу Божію, и не бьютъ дѣтей. Подростки удивительно степенны, да и насмотрѣлись они гора! Въ рѣдкой семьѣ за послѣдніе годы не было нѣсколько покойниковъ: у многихъ братья или отцы «страдаютъ». Я никакъ не могу уловить какой-то черточки, чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное мнѣніе объ этомъ народѣ. Разсуждаютъ они въ высшей степени человѣчно; въ отношеніяхъ другъ къ другу, къ квакерамъ упрекнуть ихъ ни въ чемъ пока не могу. Къ постояннымъ потерямъ они относятся удивительно спокойно: толи люди эти не обнаруживаютъ боязни нетолько передъ смертью, но и передъ испытаніями жизни? Не знаю, объясняется ли это нѣкоторымъ безразличіемъ къ смерти, которое иногда,—по крайней мѣрѣ, по виду,—замѣчаешь и у русскихъ крестьянъ, или же въра не даетъ человѣку умереть душой и поддерживаетъ его на духовной высотѣ. Здѣсь есть семьи, у которыхъ сыновья теперь оставлены вынимать жребій. Недавно только они получили извѣстіе, кто свободенъ, а кто вынулъ жребій.

Бипрѣ въ извѣстномъ отношеніи нагналъ на духоборозъ панику,—будущихъ жаровъ всѣ страшно боятся. Говорятъ: если переселяться послѣ жаровъ, то некому будетъ—всѣ помереть... Переселеніе въ Канаду, гдѣ англичане отвели для нихъ землю, рѣшено весной».

Другая партія духоборозъ, отправившаяся въ Америку, достигла мѣста своего назначенія самымъ благополучнымъ образомъ. Новое отечество встрѣтило ихъ очень привѣтливо. Въ прошломъ № «Міра Божія» мы перепечатали изъ «Сына Отечества» корреспонденцію о прибытіи духоборозъ въ Америку. Теперь, со словъ той же газеты, познакоимъ нашихъ читателей съ дальнѣйшей судьбой ихъ. Корреспондентъ «Сына Отечества» пишетъ:

«Первый пароходъ съ духоборами подошелъ къ Галифаксу весьма торжественно, съ пушечными выстрѣлами и пѣніемъ духовныхъ гимновъ. Тихо, безъ выстрѣловъ и безъ пѣнія, вошелъ и сталъ на галифакскій рейдъ второй пароходъ съ 2.000 кавказскихъ духоборозъ. Путешественники были слишкомъ утомлены тяжелымъ морскимъ путемъ, чтобы шумно выражать свою радость.

Живя на Кавказѣ, въ горахъ, большинство духоборозъ не только никогда не видало моря, но имъ не приходилось встрѣчать даже сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, и вдругъ далекое морское путешествіе. Жестокая буря на Черномъ морѣ передъ Константинополемъ ихъ сильно напугала, а трехнедѣльный путь по Средиземному морю и въ особенности по Атлантическому океану истомилъ ожиданіемъ.

Почти все время пароходъ шелъ въ теплыхъ странахъ и только у береговъ Америки повернулъ къ сѣверу. Сколько радости и восторговъ вызвало у духоборозъ появленіе земли послѣ такой долгой разлуки.

— Матушка наша,—говорили они ласковымъ голосомъ—хоть бы разъ ногою

ступить, все бы полегчало. Кажется, душа бы ожила. Хоть бы коснуться разокъ...

Дня за три, за четыре до прихода въ Галифаксъ, пароходу пришлось выдержать серьезное волненіе. Почти все время спокойный океан забушевалъ, и громадныя волны перекатывались черезъ палубу. Но духоборы уже обтерпѣлись и выносили тяготу морского пути съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Когда пароходъ сталъ, наконецъ, на рейдъ Галифакса, то оказалось, что испытанія духоборовъ еще не кончились. Изъ трехъ больныхъ, умершихъ въ теченіе долгаго пути, одинъ былъ боленъ оспой, и пароходу пришлось выдержать 21 день карантина. Часть духоборовъ высадили на островъ, гдѣ выстроены теплыя и свѣтлыя бараки. Въ этихъ баракахъ поставлены красивыя, желѣзныя нары, въ родѣ двойныхъ кроватей, такъ что можно спать внизу и вверху. Но такъ какъ кроватей не хватаетъ, то духоборы сами дѣлаютъ себѣ деревянныя кровати. Островъ, на которомъ помѣстились духоборы, очень красивъ и поросъ елями и соснами. Духоборамъ разрѣшено рубить лѣсъ для своихъ надобностей, и вечеромъ очень красиво смотрѣть на цѣлый рядъ костровъ, на которыхъ они варятъ себѣ пищу. Днемъ женщины стираютъ бѣлье, моютъ и стригутъ ребятъ и мужей, варятъ обѣдъ. Мужчины брѣются, дѣлаютъ кровати, корыта, скалки, ложки и т. п. Мѣстные доктора совершаютъ ежедневные осмотры больныхъ и поражаются терпѣніемъ и кротостью русскихъ переселенцевъ. Часть духоборовъ осталась на пароходѣ, и этимъ было особенно тяжело переносить холода, такъ какъ пароходъ «Superior» приспособленъ исключительно для плаванья по теплымъ морямъ. Канадское правительство немедленно распорядилось выстроить новый баракъ для оставшихся на пароходѣ 800 человекъ, и баракъ былъ готовъ черезъ десять дней.

Всѣмъ духоборамъ была привита оспа. Американскій способъ прививки гораздо болѣзненнѣе нашего. Маленькими костяными пластинками, смоченными оспенной матеріей, скребутъ кожу на пространствѣ величиною въ двугривенный, а то и больше. Операция мучительная и для взрослыхъ, не говоря уже о дѣтяхъ. Но, послѣ всего испытаннаго, и это не казалось особенно тягостнымъ. Пожалуй, тяжелѣе было переносить холодъ и недостатокъ прѣсной воды на пароходѣ.

Жители Галифакса отнеслись къ прибывшимъ переселенцамъ въ высшей степени радушно. Все, что только можно было сдѣлать, все дѣлалось очень охотно и быстро; что же касается дамъ, то отъ нихъ было прислано для дѣтей нѣсколько тюковъ конфетъ и яблоковъ.

Объясняются доктора съ духоборами, благодаря посредничеству гр. С. Л. Толстого, сопровождавшаго духоборовъ всю дорогу; переводчикомъ также служитъ одинъ мѣстный еврей и сопровождающая духоборовъ фельдшерица, говорящая по французски. Американскіе доктора стараются запоминать побольше русскихъ словъ, и всякій разъ, навѣщая духоборовъ, съ серьезнымъ видомъ произносятъ:

— Добро утро! Нѣтъ ли больныхъ? И на отвѣтъ: «нѣтъ, слава Богу», также серьезно отвѣчаютъ: «слава Богу».

Когда окончился срокъ карантина, духоборы покинули лежащій близъ Галифакса островокъ и на томъ же пароходѣ «Lake Superior» отправились въ портъ Сентъ-Джонъ. Въ Сентъ-Джонѣ духоборы были посажены на пять поѣздовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ на разстояніи часа и отправились въ Виннипегъ.

Вагоны желѣзной дороги, въ которыхъ везли духоборовъ, очень чистые, удобные и даже щеголеватые; въ нихъ было тепло, свѣтло и можно было лежать. Въ каждомъ поѣздѣ имѣлась кухня, въ которой во время пути готовили обѣдъ для духоборовъ. Пили чаемъ. Къ чаю давали хлѣбъ, сыръ и молоко.

Два раза въ день каждый вагонъ посѣщали доктора, оказывая больнымъ медицинскую помощь. При каждомъ поѣздѣ находились агентъ правительственнаго переселенческаго комитета и переводчикъ.

Привезли духоборовъ, послѣ трехдневнаго пути по желѣзной дорогѣ, въ Селькиркъ—небольшое мѣстечко въ тридцати верстахъ отъ Виннипега. Встрѣтилъ нашихъ переселенцевъ представитель канадскаго правительства, завѣдующій переселенческимъ комитетомъ, г. Макриеръ.

Прежде всего духоборовъ направили въ громадное зданіе, предназначавшееся раньше для вокзала желѣзной дороги. Въ этомъ зданіи была очень большая зала, въ которой стояли столы, а вдоль стѣнъ было десять печей съ объемистыми котлами, въ которыхъ уже влокоталъ борщъ.

Когда путешественники насытились, столы и скамейки были убраны, и г. Макриеръ привѣтствовалъ духоборовъ отъ имени канадскаго правительства.

Болѣе двухъ тысячъ человекъ стояли тѣсной толпой, прислушиваясь къ непривычнымъ для переселенцевъ словамъ. Впереди полукругомъ стояли такъ называемые «старики», т. е. выборные, довѣренные люди, въ возрастѣ отъ 30 до 60 лѣтъ, совѣтъ которыхъ вѣдаетъ и рѣшаетъ всѣ общественные дѣла у духоборовъ. Въ центрѣ этого полукруга стояли г. Макриеръ и гр. С. Л. Толстой, переводившій по русски каждый періодъ рѣчи представителя канадскаго правительства. И вслѣдъ за каждымъ переведеннымъ періодомъ по толпѣ пробѣгалъ радостный шепотъ, а «старики» низко наклоняли свои головы, дѣлая поясные поклоны и благодарили.

Г. Макриеръ объяснилъ переселенцамъ, что имъ предоставляются на выборъ земли въ трехъ участкахъ: сѣверномъ, южномъ и западномъ. Сѣверный участокъ лѣсистый, южный носитъ степной характеръ, а западный смѣшанный. На каждую мужскую душу, начиная съ 18-лѣтняго возраста, духоборамъ отводится по 160 акровъ земли (около 70 казенныхъ десятинъ). На содержаніе и прокормленіе этой партіи канадскимъ правительствомъ ассигновано около 70 тысячъ рублей, но такъ какъ въ настоящее время годовые счета закончены, то у правительства не хватаетъ 30 тысячъ, и эта сумма будетъ выдана только въ іюнѣ, если, впрочемъ, духоборы могутъ подождать. «Если же вы не можете подождать, — сказалъ г. Макриеръ, — то правительство сдѣлаетъ заемъ изъ другихъ суммъ. Закупка съмянъ, орудій и матеріаловъ для построекъ уже началась».

Когда г. Макриеръ окончилъ свою рѣчь, и послѣдняя фраза была переведена гр. С. Л. Толстымъ, тогда всѣ «старики» поблагодарили земнымъ поклономъ представителя канадскаго правительства. Затѣмъ они благодарили гр. С. Л. Толстого, кн. Хилкова и другихъ лицъ, сопровождавшихъ ихъ во время пути.

— Спасибо вамъ за вашу любовь и ласку! Поѣдете до дому, — говорили духоборы тѣмъ, которые возвращались, — такъ передайте же нашъ поклонъ и любовь женамъ и мужьямъ вашимъ, и сестрамъ вашимъ, и братьямъ, и дѣткамъ.

Возлѣ отведенныхъ для духоборовъ участковъ земли живутъ менониты, краснокожіе, переселенцы изъ Галиціи и англичане. Менониты, поселившіеся пять лѣтъ тому назадъ, сдѣлали первоначально заемъ для покупки земли, скота, земледѣльческихъ орудій и т. п. Въ настоящее время они не только выплатили весь долгъ, но обзавелись всѣмъ необходимымъ, обжились и держатъ много скота—по 10 и болѣе головъ на хозяина.

Канадцы пришли въ восторгъ отъ виѣшняго вида духоборовъ; они не ожидали увидѣть такой рослый, крѣпкій и красивый народъ.

Духоборы просили своихъ провожатыхъ прислать имъ изъ Россіи, чтобы не забыть родной азбуку, азбуку, учебниковъ, книгъ по географіи и по сельскому хозяйству».

За границей.

Дѣтскій рабочій вопросъ въ Англии. Распорядительный комитетъ, стоящій во главѣ всѣхъ первоначальныхъ школъ Лондона, заключающихъ въ себѣ не менѣе полумилліона учениковъ, занялся разслѣдованіемъ, какое количество работы совершаютъ внѣ класса тѣ изъ учениковъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію и должны не только заработать себѣ кусокъ хлѣба, но и помогать родителямъ. Разслѣдованіе произведено было въ 112 школахъ и обнаружило въ большинствѣ случаевъ очень печальную картину существованія дѣтей. Изъ 2.157 дѣтей, посѣщающихъ школы, 1.143 работаютъ внѣ-школы отъ 19 до 29 часовъ въ недѣлю, чтобъ достать себѣ кусокъ хлѣба; 729 работаютъ отъ 30 до 39 часовъ, а 285—отъ 40 часовъ и болѣе. Триста девять дѣтей употреблялись для домашнихъ работъ и зарабатывали въ часъ до 5 сантимовъ; 719 разносили молоко и газеты и такимъ образомъ зарабатывали до 10 сантимовъ въ часъ; 1.056 дѣтей работали въ промышленныхъ заведеніяхъ или магазинахъ (средній заработокъ: 10 сантимовъ въ часъ), а 69 ухитрились исполнять болѣе сложную работу, которая доставляла имъ заработокъ въ 12¹/₂ сантимовъ въ часъ.

Въ одной изъ школъ, находящихся въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона, среди учениковъ оказались: два маленькихъ разносчика молока, занятыхъ въ недѣлю до 57 часовъ; два продавца газетъ, также работающихъ до 63 часовъ въ недѣлю; два посыльныхъ (изъ нихъ одинъ занятъ былъ 59 часовъ, а другой 68¹/₂ въ недѣлю). Въ другой школѣ найденъ былъ маленькій мальчикъ, который въ свободное отъ школьныхъ занятій время работалъ у гробовщика и помогалъ ему снимать мѣрку съ умершихъ. Эта работа, отнимавшая у него 23¹/₂ часа въ недѣлю, доставляла ему заработокъ въ 1 фр. 25 сант.

Эта мрачная картина дѣтской жизни, раскрытая распорядительнымъ комитетомъ, произвела сильное впечатлѣніе въ лондонскомъ обществѣ и печать заговорила о необходимости положить законные предѣлы дѣтскому труду. Распорядительный комитетъ, съ своей стороны, предполагаетъ обратиться въ совѣтъ лондонскаго графства съ петиціей о разслѣдованіи и ограниченіи путемъ законодательныхъ мѣропріятій предѣловъ эксплуатаціи дѣтскаго труда. Однако, Англія, вообще опередившая другія европейскія государства во многихъ пунктахъ, относящихся къ рабочему вопросу, въ томъ, что касается дѣтскаго труда, далеко отстала отъ другихъ цивилизованныхъ странъ. Это единственная промышленная страна, допускающая на фабрики дѣтей 11-ти лѣтъ и дозволяющая работу въ рудникахъ съ 12-ти-лѣтняго возраста. Но благодаря дѣятельности распорядительнаго комитета первоначальныхъ школъ, дѣтскій рабочій вопросъ въ Англии снова выдвинутъ на первый планъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ возбужденъ въ палатѣ общимъ.

Однако, никакія запрещенія и теоретическое разрѣшеніе этого жгучаго вопроса не помогутъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вообще облегчена участь рабочихъ классовъ. Къ этой именно цѣли направлены различныя мѣропріятія послѣдняго времени и, между прочимъ, проектированны лондонскимъ общиннымъ совѣтомъ жилища для рабочихъ, часть которыхъ уже готова. Выстроенное зданіе выглядит очень привѣтливо и, благодаря балкончикамъ и башенкамъ, не имѣетъ казарменной наружности. Внутри оно заключаетъ въ себѣ 120 квартиръ, отъ 2-хъ до 3-хъ комнатъ; послѣднія предназначаются для рабочихъ семействъ, имѣющихъ не менѣе четырехъ дѣтей. Стоимость найма: 6 шиллинговъ 50 п. за меньшія и 8,50 за большія квартиры въ недѣлю. Нечего и говорить, что въ домѣ соблюдены всѣ санитарныя условія и общинный совѣтъ отпускаетъ нанимателямъ газъ по очень дешевой цѣнѣ. Въ подвальномъ этажѣ зданія устроены лавки, гдѣ рабочіе могутъ получать всѣ припасы по удешевленнымъ цѣнамъ и

тамъ же устроены для отдачи въ наемъ рабочимъ различныя мастерскія. При домѣ устроена прекрасная прачечная, а также теплыя и холодныя ванны, которыя можно брать во всякое время. Не обходится дѣло, конечно, безъ клуба и принадлежащаго къ нему концертнаго зала, гдѣ устраиваются различныя увеселенія. Огромное удобство заключается еще и въ томъ, что зданіе окружено прекраснымъ садомъ и цвѣтникомъ, которымъ могутъ пользоваться всѣ наниматели квартиръ. Общинный совѣтъ, такимъ образомъ, предполагаетъ дать пріютъ 6.000 рабочимъ и намѣревается выстроить зданіе еще для 4.000. Въ среднемъ комната обходится рабочему въ 3 франка въ недѣлю; нѣкоторые изъ англійскихъ филантроповъ, въ томъ числѣ лордъ Роутонъ, уже выстроили нѣсколько такихъ домовъ для рабочихъ и опытъ этотъ принесъ настолько хорошіе результаты, что поощрялъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи.

Коллегія Рёскина для рабочихъ. Въ концѣ февраля этого года состоялось въ Оксфордѣ открытіе коллегіи для рабочихъ, основанной подъ вліяніемъ ученія Рёскина и названной его именемъ. Эту коллегію учредили два американца, послѣдователи Рёскина, со специальною цѣлью подготовить рабочихъ къ роли общественныхъ дѣятелей, поэтому и программа преподаванія въ ней состоитъ лишь изъ предметовъ, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ соціальной и политической жизни народа. Курсъ ученія продолжается четыре года, но только первый годъ обязательно слушаніе лекцій въ коллегіи; остальные же три года каждый можетъ заниматься у себя дома по книгамъ и подъ письменнымъ руководствомъ и указаніями профессоровъ коллегіи.

Въ коллегію можетъ поступать каждый, кто пожелаетъ, такъ какъ требуется только умѣнье читать и писать и нѣкоторое общее развитіе, которое нужно для того, чтобы слѣдить за лекціями и понимать ихъ. Предпочтеніе, однако, отдается рабочимъ, въ особенности тѣмъ, которые, поступивъ въ коллегію, все-таки продолжаютъ свою работу. За полное содержаніе въ коллегіи полагается 10 шиллинговъ въ недѣлю и еще 10 шиллинговъ въ мѣсяцъ берется за слушаніе лекцій. Однако, нашелся одинъ богатый филантропъ, который обязался вносить въ продолженіи двухъ лѣтъ плату за ученіе 50-ти человѣкъ, и такъ какъ въ коллегію принимаютъ пока не болѣе этого числа, то никому изъ поступившихъ не придется пока платить за ученіе. Тѣ, кто не въ состояніи платить за свое содержаніе, могутъ отработать его и потому въ коллегіи вѣтъ посторонней прислуги, а обязанности ея исполняются слушателями, которые получаютъ за это плату и такимъ образомъ не только учатся сами, но и зарабатываютъ себѣ средства къ существованію, оправдывая на дѣлѣ ученіе Рёскина о достоинствѣ всякаго честнаго и полезнаго труда. «*Ruskin Hall*». слѣдовательно, будетъ не только по имени, но и по духу, коллегіей Рёскина. такъ какъ во всемъ будетъ придерживаться его взглядовъ и теорій. Джонъ Рёскинъ, которому въ январѣ минулъ 81 годъ, выразилъ большое удовольствіе по поводу устройства этой коллегіи, но не могъ, по причинѣ слабости здоровья, присутствовать на ея открытіи.

Политическіе клубы въ Англіи. Въ каждомъ кварталѣ Лондона, и не только въ одномъ Лондонѣ, а также во многихъ другихъ городахъ, существуютъ особыя учрежденія, нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ парламентовъ или политическихъ клубовъ. Члены этихъ частныхъ парламентовъ собираются въ извѣстные дни для обсужденія наиболѣе важныхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Пренія происходятъ совершенно въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ палатѣ общинъ, даже обстановка такая же, только члены не надѣваютъ шляпъ, какъ въ вестминстерскомъ дворцѣ и президентъ или синкерь не носитъ мантии и шарика. По окончаніи преній происходитъ голосованіе совершенно такъ, какъ

въ Вестминстерѣ. Въ мѣстной печати (каждый лондонскій кварталъ непременно имѣетъ свою собственную газету) помѣщаются подробные отчеты о засѣданіяхъ въ этихъ парламентахъ; но, кромѣ того, отчеты появляются и на столбцахъ большихъ газетъ.

На-дняхъ, всѣ большія газеты напечатали отчетъ о засѣданіяхъ одного изъ этихъ парламентовъ—«Кенсингтонскаго парламента», гдѣ обсуждались наиболее жгучіе современные вопросы, касающіеся національной обороны и федераціи колоній. На этихъ засѣданіяхъ присутствовала избранная публика и множество дамъ въ элегантныхъ туалетахъ, очевидно, очень интересующихся политикой. Главное вниманіе возбудили пренія по вопросу о томъ, какъ побудить великія англійскія независимыя колоніи участвовать въ издержкахъ по содержанию войска и флота. Нѣкоторые изъ ораторовъ доказывали, что если колоніи не хотятъ участвовать въ военныхъ и морскихъ расходахъ, которые несутъ на своихъ плечахъ два маленькихъ острова, составляющихъ соединенное королевство, то пусть лучше онѣ совсѣмъ отдѣлятся отъ метрополіи и живутъ собственною жизнью. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболее важныхъ вопросовъ англійской колониальной политики и въ англійской печати давно уже идетъ горячая полемика по поводу сепаратизма колоній. Приверженцевъ послѣдняго довольно много и это выразилось въ преніяхъ Кенсингтонскаго парламента. Однако, одинъ изъ главныхъ ораторовъ, сэръ Джонъ Куломбъ, въ блестящей рѣчи постарался отклонить голосованіе въ пользу сепаратизма, доказавъ вредъ, который принесла бы такая политика самой Великобританіи. Конечно, вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ голосованіемъ Кенсингтонскаго парламента, но, во всякомъ случаѣ, нельзя назвать бесполезными и безплодными такія публичные обсужденія важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, и маленькіе парламенты, подобные Кенсингтонскому, не только представляютъ прекрасную школу практической политики, но даже оказываютъ нѣкоторое вліяніе и на общій ходъ политическихъ дѣлъ.

Промышленная дѣятельность женщинъ въ Англіи. Женское движеніе въ Англіи возникло гораздо раньше и выражается гораздо рѣзче, нежели во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ. Вышедшій недавно первый томъ «Dictionary of Employments open to women», издаваемый миссъ Филиппъ, даетъ весьма подробныя свѣдѣнія о промышленной дѣятельности женщинъ и заработной платѣ, существующей въ Англіи для женщинъ. Заработная плата въ различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности въ Англіи гораздо выше, чѣмъ въ Германіи. Еще выше заработокъ женщинъ, поступающихъ въ услуженіе, такъ какъ въ этой отрасли спросъ далеко превышаетъ предложеніе и хорошая экономка или кухарка получаютъ въ среднемъ отъ 300 до 600 рублей въ годъ (отъ 30 до 60 ф. ст.) Въ Англіи существуетъ очень много школъ домашнего хозяйства и кулинарнаго искусства. Учительницы въ этихъ школахъ получаютъ въ среднемъ отъ 1.200 до 2.240 марокъ въ годъ, инспектрисы же отъ 3.000 до 4.000 марокъ (отъ полутора до двухъ тысячъ рублей) и путевые расходы. Учительницы элементарныхъ школъ, которыхъ въ Англіи насчитывается 33.021, получаютъ слѣдующее содержаніе: старшія—до 4.000 марокъ въ годъ и младшія—до 3.000. Въ Шотландіи условія такія же и только въ Ирландіи положеніе учительницъ много хуже и высшее жалованье тамъ=1.400 марокъ. Въ промышленныхъ и политехническихъ школахъ учительницы получаютъ такое же содержаніе, какъ и въ элементарныхъ. Въ частныхъ домахъ гувернантки получаютъ на полное содержаніе отъ 1.000 до 2.000 марокъ въ годъ, дѣтскія садовницы—отъ 800 до 1.600, а въ колоніяхъ—отъ 3.000 до 5.000 марокъ въ годъ.

Но въ особенности велико, въ сравненіи съ другими странами, число госу-

дарственныхъ должностей, открытыхъ для женщинъ въ Англіи. Женщины назначаются на должности правительственныхъ комиссаровъ въ самыя разнообразныя комиссіи, въ королевскую комиссію по среднему образованію, по вопросу о положеніи рабочихъ, въ различныя школьныя комиссіи и т. п. Одна англійская дама въ теченіе 12 лѣтъ занимаетъ должность инспектора бѣдныхъ. Женщины назначаются также инспекторами школъ съ содержаніемъ отъ 3.000 до 6.000 марокъ и путевыми расходами. Въ особенности плодотворна оказалась дѣятельность женщинъ въ должности фабричныхъ инспекторовъ, получающихъ жалованье также отъ 4.000 до 6.000 марокъ въ годъ.

Въ англійскихъ тюрьмахъ 540 женщинъ занимаютъ разныя должности, начиная отъ должности тюремнаго сторожа, до надзирателей и помощниковъ директора съ содержаніемъ въ 5.000 марокъ. Въ торговомъ департаментѣ женщины занимаютъ должность корреспондентовъ—«Labour Correspondent» съ содержаніемъ въ 8.000 марокъ. Средняя цифра годового содержанія, получаемого женщинами, служащими въ почтовомъ вѣдомствѣ, равняется 7.158 марокъ. 4.350 женщинъ служатъ телеграфистками и телефонистками; начиная съ очень скромнаго заработка въ 10 марокъ въ недѣлю, онѣ могутъ въ концѣ концовъ достигнуть вполне обеспеченнаго положенія; тѣ, которыя назначаются на должность начальника станціи, получаютъ до 9.900 марокъ въ годъ. Женщины занимаютъ должности врачей въ различныхъ страховыхъ агентствахъ и въ почтовомъ вѣдомствѣ. Число женщинъ, служащихъ въ англійскомъ почтовомъ вѣдомствѣ, равняется 30.534. Во всѣхъ госпиталяхъ въ Индіи женщины назначаются на штатныя должности врачей. Въ прошломъ году три женщины назначены на должности ординаторовъ въ чумныя больницы. Въ обсерваторіи въ Наталѣ одна женщина занимаетъ должность штатнаго астронома, а другая—метеоролога, въ Гринвичской и Кембриджской обсерваторіяхъ также есть женщины-астрономы. Во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ женщины назначаются на должности фабричныхъ и школьныхъ инспекторовъ.

Такое обширное разнообразное примѣненіе женскаго труда въ Англіи, конечно, оказало большое вліяніе на развитіе женской промышленной дѣятельности и область ея все больше расширяется. Въ Англіи есть уже много женщинъ архитекторовъ, врачей, адвокатовъ; въ Лондонѣ открытъ женскій госпиталь «New Hospital for Women», персоналъ котораго исключительно состоитъ изъ женщинъ; женщины журналистки и писательницы составляютъ уже самое обыкновенное явленіе въ Англіи и зарабатываютъ перомъ большія деньги. Очень много женщинъ служатъ въ аптекахъ. Не такъ давно женщины появились на биржѣ, въ качествѣ маклеровъ. Одна изъ нихъ, леди Кукъ, открыла биржевую контору. Нѣсколько женщинъ служатъ въ англійскомъ банкѣ и въ другихъ, а трое имѣютъ свои собственныя банкирскія конторы, которыми сами управляютъ. Какъ можно видѣть изъ этого краткаго отчета, женскій трудъ стоитъ на хорошемъ счету въ Англіи и средній заработокъ женщины довольно высокъ, даже госпитальныя сидѣлки получаютъ до 1.600 марокъ въ годъ, и до сихъ поръ англичанамъ не приходится пожалѣть объ этомъ уравниніи женскаго труда, который во всѣхъ другихъ странахъ всегда оцѣнивается ниже мужскаго.

Профессоръ Адольфъ Вагнеръ о женскомъ вопросѣ и отношеніи германскихъ студентовъ къ этому вопросу. Въ берлинскихъ студенческихъ кружкахъ сильное впечатлѣніе произвела рѣчь профессора Адольфа Вагнера, произнесенная имъ въ фрейльнѣ учащихся женщинъ (Studierende Frauen). Профессоръ Вагнеръ говорилъ о женскомъ вопросѣ и о томъ, что на рубежѣ XIX вѣка женское движеніе приняло такіе размѣры, что игнорировать его уже болѣе не представляется возможнымъ. Можно думать какъ угодно объ этомъ

движеніи, но уже теперь необходимо опредѣлить свое положеніе по отношенію къ женскому вопросу, а это не легко для пожилыхъ людей, прожившихъ всю свою жизнь съ извѣстными убѣжденіями. Однако, въ высшей степени важно отнестись объективно къ этому вопросу и воздержаться отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ мнѣній.

Развивая далѣе свой взглядъ на женскій вопросъ, профессоръ сказалъ, что хотя не все можно оправдывать въ женскомъ движеніи, но тѣмъ не менѣе нельзя же все отвергать и нельзя отрицать, что въ женскомъ движеніи заложены условія развитія человѣчества. Женщины возстали противъ традиціоннаго положенія, которое создала имъ исторія, и объявили о своемъ намѣреніи принимать активное участіе въ общемъ культурномъ развитіи и въ общей культурной работѣ. Если же мужчины возражаютъ противъ этого, выставляя на видъ естественныя различія, обусловливающія, въ силу необходимости, подчиненное положеніе женщины, то вѣдь на это можно сказать, что все въ природѣ и жизни подвергается постояннымъ измѣненіямъ и тотъ же принципъ высшей эволюціи, который дѣйствуетъ въ природѣ, можетъ быть примѣненъ и къ женщинѣ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію профессора, настойчивость, энергія и сознательность, съ которою женщины стремятся къ своей цѣли, заслуживаютъ не только вниманія, но и полного сочувствія, хотя, быть можетъ, и нельзя согласиться со многими сторонами женскаго движенія.

Статистическія данныя могутъ, по словамъ профессора Вагнера, служить лучшимъ доказательствомъ необходимости расширить кругъ дѣятельности женщинъ. Извѣстно, что смертность между мальчиками больше, нежели между дѣвочками, въ особенности въ юные годы, и поэтому число женщинъ превышаетъ иногда на 50 проц. число мужчинъ въ какомъ-нибудь государствѣ. Шансы на замужество, такимъ образомъ, становятся очень не велики и жизнь женщинъ, лишенныхъ средствъ къ существованію, бываетъ очень трудна. «И при этомъ,—прибавилъ профессоръ,—въ высшей степени безнравственно и недостойно родителей, если они ставятъ замужество единственною цѣлью воспитанія своей дочери и ни къ чему иному ее не готовятъ!»

Такія слова въ устахъ нѣмецкаго профессора, конечно, представляютъ характерное знаменіе времени, указывающее на то, что въ нѣмецкомъ обществѣ начинаютъ сознавать необходимость компромисса и бесплодность дальнѣйшихъ усилій противодѣйствовать женскому движенію. Профессоръ Вагнеръ въ особенности нападаетъ на систему воспитанія дѣвушекъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ обращается главное вниманіе на «пустяки». Онъ считаетъ безусловно необходимымъ произвести реформы въ женскомъ воспитаніи и сдѣлать его болѣе соответствующимъ требованіямъ современной жизни. Что же касается вопроса, можетъ ли женщина въ физическомъ, психическомъ и умственномъ отношеніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной и профессиональной дѣятельности, то профессоръ Вагнеръ считаетъ во всякомъ случаѣ преждевременнымъ рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Онъ лично не думаетъ, однако, чтобы женщина могла соперничать съ мужчиной во всѣхъ отношеніяхъ, и полагаетъ, что мужчина всегда окажется побѣдителемъ, но, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ проводить сравненія между способностями обѣихъ половинъ человѣческаго рода, необходимо открыть женщинамъ арену дѣятельности и тогда уже, послѣ достаточно продолжительнаго времени, рѣшать споръ о превосходствѣ одного пола надъ другимъ. Профессоръ Вагнеръ думаетъ, что женское движеніе въ Германіи лишено такого политическаго характера, каковъ оно имѣетъ въ Америкѣ и Англии и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается въ пользу допущенія женщинъ въ университеты, въ высшія школы. Многіе въ Германіи противятся этому, такъ какъ достиженіе ученыхъ степеней открываетъ женщинамъ доступъ къ академическимъ должно-

стямъ. Но профессоръ полагаетъ, что очень мало есть такихъ профессій, которыя должны оставаться закрытыми для женщинъ. «Почему,—восклицаетъ профессоръ,—монополія труда должна принадлежать мужчинамъ, даже совершенно неталантливымъ и неспособнымъ, а талантливыя и способныя женщины осуждаются на бездѣтельность или вынуждены заниматься домашними работами, не требующими ни особенной талантливости, ни даже ума? Германія не должна отставать отъ другихъ въ этомъ отношеніи, хотя традиція въ Германіи держится крѣпче и труднѣе сладить съ ними, чѣмъ въ другихъ странахъ».

Въ заключеніе профессоръ Вагнеръ посовѣтовалъ германскимъ женщинамъ быть умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, не стремиться разрушить сразу всѣ преграды, и нѣтъ сомнѣнія, что германское правительство и всѣ тѣ, кто такъ яростно теперь противятся женскому движению, не сочтутъ возможнымъ оставить разумныя и умѣренныя требованія женщинъ безъ всякаго удовлетворенія.

Не смотря на то, что большинство германскихъ профессоровъ начинаетъ мало-по-малу отрѣщаться отъ своихъ прежнихъ предвзятыхъ взглядовъ на женскій вопросъ и общество понемногу привыкаетъ смотрѣть на женщину нѣсколько иными глазами, чѣмъ прежде, все-таки не мало находится людей, не только среди ученыхъ и пожилыхъ людей, которымъ трудно освоиться съ новымъ положеніемъ вещей, но и среди нѣмецкой учащейся молодежи, протестующей противъ допущенія женщинъ на университетскія скамьи и въ клиники, на равныхъ правахъ со студентами. Недавно студенты университета въ Галле внесли въ медицинскій факультетъ протестъ противъ допущенія женщинъ къ слушанію клиническихъ лекцій. Курьезнѣе всего, что эти господа протестуютъ во имя нравственности и приличія и къ нимъ теперь присоединяются берлинскіе студенты. Ассоціація берлинскихъ студентовъ обратилась съ воззваніемъ къ своимъ членамъ, и, опираясь на протестъ профессоровъ Галле, приглашаетъ студентовъ начать агитацію противъ допущенія женщинъ на медицинскій факультетъ. Но профессора медицинского факультета въ Галле поспѣшили отречься и протестовать противъ солидарности со студенческою молодежью, высказывающею такія ретроградныя воззрѣнія. Въ своемъ заявленіи, подписанномъ деканомъ медицинского факультета, профессора университета выражаютъ сожалѣніе, что студенты относятся столь враждебно къ студенткамъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія не дали къ тому ни малѣйшаго повода. Весь медицинскій факультетъ Галле рѣшительно высказывается противъ заявленія студентовъ, что занятія женщинъ въ клиникѣ противорѣчатъ нравственности и приличіямъ и наносятъ ущербъ серьезности научныхъ занятій. Деканъ прибавляетъ, что авторы воззванія будутъ подвергнуты дисциплинарному взысканію.

Общество народныхъ университетовъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ образовалось недавно, подъ шумъ политической борьбы и разныхъ событій, чрезвычайно симпатичное общество, носящее оригинальное названіе: «Cooperation des idées» (кооперация идей) и скромно начавшее свою дѣятельность въ маленькомъ помѣщеніи въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Нѣсколько человекъ, преданныхъ идеѣ социальнаго прогресса, энергичныхъ и научнообразованныхъ, рѣшили устроить публичныя бесѣды по разнымъ вопросамъ, доступныя для всѣхъ. Опытъ этотъ очень удался и небольшая зала всегда была переполнена самою разнообразною публикою. преимущественно рабочими и ремесленниками, молодыми и старыми, прислушавшимися съ большимъ вниманіемъ къ словамъ лектора. Послѣ лекцій начиналась бесѣда, въ которой аудиторія принимала обыкновенно самое дѣятельное участіе, лектору задавались вопросы, возникали пренія, иногда очень оживленныя, и такимъ образомъ происходилъ обмѣнъ взглядовъ и слушатели выходили изъ залы съ запасомъ новыхъ идей и новыхъ свѣдѣній.

Но лекції и бесѣды велись безъ всякой системы и безъ всякой программы. Организаторы ихъ имѣли въ виду только одну цѣль—возбудить любознательность, стремленіе къ развитію въ своихъ слушателяхъ и поэтому они бесѣдовали съ ними о разныхъ предметахъ, касаясь въ своихъ лекціяхъ и чисто научныхъ и общественныхъ вопросовъ. Аудиторія всегда бывала переполнена и часто случалось, что она не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, такъ что Дегермъ, предсѣдатель общества «кооперация идей», въ виду такого удачнаго опыта, рѣшилъ расширить его дѣятельность и обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто считаетъ народное воспитаніе, за предѣлами школы, первымъ и необходимымъ условіемъ правильнаго развитія демократіи, желающей оставаться свободной. Въ своемъ воззваніи Дегермъ подробно развиваетъ идею народныхъ университетовъ и говоритъ, что общество должно стремиться къ тому, чтобы привлечь рабочихъ къ себѣ и приучить ихъ употреблять свой досугъ съ пользою для себя, а не во вредъ, какъ это случается слишкомъ часто; онъ желалъ бы сдѣлать народный университетъ такимъ мѣстомъ, въ которомъ народъ могъ бы найти всѣ нужные элементы для своего развитія и удовлетворенія своихъ умственныхъ и запросовъ. Дегермъ приглашаетъ женщинъ участвовать въ общей работѣ, рассчитываетъ главнымъ образомъ на то, что онѣ будутъ содѣйствовать популяризаціи идеи народныхъ университетовъ и помогутъ ея усвоенію и распространенію среди рабочихъ классовъ.

Конечно, для устройства народнаго университета нужны не только дѣятели, но и средства. Дѣятели уже есть, средства же найдутся—въ этомъ Дегермъ не сомнѣвается и поэтому онъ прямо заявляетъ въ своемъ воззваніи, что общество «кооперация идей» уже выработало уставъ народнаго университета и намѣрено открыть первый французскій народный университетъ 1-го октября этого года, въ томъ же Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, гдѣ теперь общество устраиваетъ свои лекціи и бесѣды. Будетъ ли этотъ первый французскій народный университетъ устроенъ на широкую ногу, или же онъ будетъ имѣть скромные размѣры, это, конечно, всецѣло будетъ зависетьъ отъ средствъ. Но какъ бы тамъ ни было, а онъ будетъ открытъ къ назначенному времени—это говоритъ Дегермъ и, принимая во вниманіе ту энергію, которую уже проявило общество «кооперация идей» въ организаціи лекцій и популярныхъ бесѣдъ, можно смѣло предположить, что намѣченная цѣль будетъ достигнута и Парижъ съ 1-го октября этого года будетъ обладать народнымъ университетомъ. Уставъ этого университета уже печатается и желающіе получить его для ближайшаго ознакомленія могутъ адресоваться въ бюро общества «Coopération des idées», улица Поль-Беръ, 17.

Бостонъ и его значеніе, какъ умственнаго центра въ Америкѣ. Знаменитый американскій поэтъ и критикъ Лоуэлль, говоря однажды о традиціяхъ культуры, игравшихъ такую огромную роль въ развитіи и успѣхахъ американскихъ штатовъ, сказалъ по отношенію къ Бостону, что основатели этого города заботились, во-первыхъ, чтобы у нихъ всегда былъ достаточный запасъ пороха, а во-вторыхъ, чтобы сохранились въ неприкосновенности традиціи солиднаго воспитанія, принесенныя ими съ собою въ новое отечество, поэтомому-то, черезъ пять лѣтъ по основаніи города, въ немъ уже была открыта первая бесплатная школа, доступная для всѣхъ, а еще черезъ два года учреждены были первая второразрядная школа «the Latin School» и первый университетъ, гарвардскій университетъ, устроенный посреди полей, въ трехъ километрахъ отъ-города. Теперь Бостонъ можетъ похвалиться своими трудами на пользу просвѣщенія; въ городѣ существуютъ 603 школы, общественныя и частныя, два университета, консерваторія, большая профессиональная школа, безчисленное множество библіотекъ. не говоря уже о разныхъ другихъ учрежденіяхъ, имѣю-

щихъ цѣлью народное воспитаніе и устраиваемыхъ какъ частными лицами, такъ и муниципалитетомъ.

Все въ этомъ старинномъ городѣ, полномъ историческихъ воспоминаній, укazuje на интенсивность интеллектуальной жизни, на стремленіе къ разнаго рода нововведеніямъ и постоянная забота о томъ, чтобъ всегда быть на высотѣ современности и прогресса. Почти всѣ движенія общественнаго мнѣнія, значительныя или ничтожныя, всякое нововведеніе и всякая инициатива, исходятъ изъ Бостона, также какъ и разнаго рода безумныя фантазіи, нелѣпыя затѣи, — все это или народилось въ Бостонѣ, или въ концѣ концовъ тамъ получало свое развитіе. Всякаго рода общества, литературныя, артистическія и религіозныя, буквально кипши кипать въ Бостонѣ. Спириты устроили тамъ церковь, обращающую на себя вниманіе, какъ архитектурный памятникъ, и тамъ очень часто организуются митинги, на которыхъ спиритическіе ораторы проносятъ рѣчи, напечатанные имъ духомъ какого-нибудь великаго человѣка.

Женскихъ клубовъ въ Бостонѣ также безчисленное множество, равно какъ и всякихъ другихъ. Бостонскій муниципалитетъ, въ своихъ заботахъ о томъ, чтобы доставить обществу какъ можно больше средствъ къ самообразованію, постоянно устраиваетъ публичныя лекціи по разнымъ предметамъ, приглашая для этого мѣстныхъ и иностранныхъ знаменитостей. Въ Бостонѣ пріѣзжали читать лекціи Бурже, Брюнетьеръ и многіе другіе. Въ этомъ мѣсяцѣ ожидаютъ туда Думика и Рода. Бостонскій муниципалитетъ гордится этимъ, также какъ и своими многочисленными бесплатными учрежденіями для народа. Муниципалитетъ устроилъ прекрасныя общественныя бани для зимы и купальни для лѣтняго сезона, школы плаванія, гимнастическія заведенія, лѣтнія резиденціи для дѣтей рабочихъ и вообще немущихъ классовъ. Все это предлагается народу безвозмездно, а за слушаніе лекцій и концертовъ взимается самая ничтожная плата. Но въ Бостонѣ есть еще одно учрежденіе, которое не имѣетъ себѣ подобнаго по красотѣ и роскоши отдѣлки, нигдѣ на свѣтѣ; это публичная бібліотека, на которой красуется надпись: «Выстроена народомъ для успѣха просвѣщенія». Постройка этой бібліотеки обошлась въ 12 милліоновъ франковъ, а содержаніе ея, вѣстѣ съ десятью отдѣленіями и 17 станціями для выдачи книгъ, обходится ежегодно въ одинъ милліонъ. Великолѣпная лѣстница изъ желтаго мрамора, ведущая въ первый этажъ, украшена чудными панно покойнаго французскаго художника Пюви де-Шаванна.

Всѣ иностранныя лекторы, пріѣзжающіе въ Бостонъ, отзываются съ необыкновенною похвалою о бостонской публикѣ. Французскій языкъ и Франція пользуются, повидимому, наибольшими симпатіями этой публики и въ гарвардскомъ университетѣ существуетъ французскій кружокъ, члены котораго, прекрасно владѣющіе французскимъ языкомъ, ежегодно устраиваютъ французскія представленія въ бостонскомъ театрѣ и знакомятъ публику съ произведеніями французскаго драматическаго искусства. Впрочемъ, въ гарвардскомъ университетѣ превосходно преподается французскій языкъ, въ школахъ также. Кромѣ того, въ городѣ существуютъ два литературныя общества, специально занимающихся французскою литературою и собирающихся нѣсколько разъ въ мѣсяцъ для совместнаго чтенія и бесѣды.

Бостонцы чрезвычайно гордятся своимъ университетомъ, и не только одни бостонцы! Вся Америка высоко ставитъ гарвардскій университетъ и называется «Harvardian» (кончившій курсъ въ Гардвардѣ) считается равносильнымъ почетному титулу, которымъ каждый американецъ находитъ нужнымъ гордиться.

Будущій конгрессъ исторіи религій. Къ предстоящей всемірной парижской выставкѣ въ 1900 году организуется безчисленное множество конгрессовъ и въ томъ числѣ конгрессъ по исторіи религій. Инициативу устройства этого

конгресса взялъ на себя Альбертъ Ревилль, руководящій секціей религиозныхъ наукъ въ высшей школѣ (Ecole des hautes études). Проектируемый конгрессъ будетъ носить чисто научный характеръ и въ этомъ отношеніи будетъ отличаться отъ конгресса религій, который происходилъ на чикагской всемірной выставкѣ, такъ какъ къ участію въ этомъ конгрессѣ будутъ приглашены только ученые, занимающіеся или интересующіеся исторіей религій, а вовсе не представители различныхъ религій, какъ это было въ Чикаго.

Исторія религій составляетъ новую отрасль науки, возникшую въ концѣ нашего вѣка. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, она еще вращалась въ области гипотезъ и носила болѣе апологетическій характеръ, но теперь уже наука этимъ занимается вполне опредѣленную цѣль и занимается изслѣдованіемъ религиозныхъ явленій какъ психологическихъ и социальныхъ фактовъ и стремится опредѣлить ихъ характеръ и историческое развитіе, независимо отъ ихъ метафизическаго или нравственнаго значенія. Въ послѣднее время область этой науки значительно расширилась и она уже приобрѣла права гражданства. Въ Collège de France устроена кафедра исторіи религій, которую занимаетъ Альбертъ Ревилль; въ высшей школѣ существуетъ отдѣльная секція для занятія этой наукой и даже издается специальный журналъ, подъ редакціей Жана Ревилля и Мазиллье, посвященный научно-религиознымъ вопросамъ. Во всѣхъ почти европейскихъ и американскихъ университетахъ существуютъ кафедры по исторіи религій и, слѣдовательно, теперь уже должны быть достигнуты настолько значительные результаты въ этой области научныхъ изслѣдованій, что организація конгресса въ 1900 году будетъ вполне уместна.

Конгрессъ соберется въ первыхъ числахъ сентября 1900 года. Организационный комитетъ состоитъ изъ 40 членовъ; президентомъ избранъ Ревилль и вокругъ него группируются остальные члены, профессора различныхъ факультетовъ въ Парижѣ и провинціи и ученые, пользующіеся всемірнымъ авторитетомъ, какъ, напримѣръ: Бреаль, Масперо, Берже, Опперъ, Дюргеймъ, Бертранъ, Дарамбергъ, Сабатье, Рони, Ренье и т. д.

Секція будущаго конгресса распределены слѣдующимъ образомъ: 1) Религій нецивилизованныхъ народовъ и цивилизаціи въ Америкѣ до Христофора Колумба. 2) Религій на крайнемъ востокѣ: Китай, Японія, Индокитай и т. д. 3) Религій семитическихъ: юдаизмъ, исламизмъ. 4) Религій Египта. 5) Религій Индіи и Ирана. 6) Религій Греціи и Рима. 7) Религій кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. 8) Христіанская религія.

Составляя эти секціи, комитетъ распредѣлилъ занятія въ географическомъ порядкѣ, руководствуясь въ данномъ случаѣ желаніемъ выказать одинаковое уваженіе ко всякаго рода религиознымъ убѣжденіямъ. Всѣ научныя сообщенія будутъ допущены къ слушанію на конгрессѣ, если только они будутъ имѣть отношеніе къ исторіи религій, но никакая религиозная полемика не допускается, какъ не соответствующая строго-научному характеру конгресса. Всѣ иностранные ученые получили приглашеніе участвовать въ этомъ конгрессѣ.

«Великій авантюристъ» и его идея трансфриканской желѣзной дороги. Въ послѣднее время въ европейской печати много толковъ возбуждаетъ грандіозный проектъ Сесіа Родеса, мечтающаго о соединеніи посредствомъ желѣзной дороги и телеграфа мыса Доброй Надежды съ Европой. Желѣзная дорога пройдетъ отъ Капштадта въ Каиръ и такимъ образомъ явится возможность чуть ли не въ недѣльный срокъ времени перебраться изъ Каира въ Капскую колонію. Таковъ проектъ Сесіа Родеса, который ожидаетъ громадныхъ результатовъ отъ проведенія трансфриканской желѣзной дороги, какъ для Великобританіи и ея интересовъ въ Африкѣ, такъ и для чернаго континента вообще, въ которомъ такимъ образомъ скорѣе можно будетъ насадить цивилизацію.

Но для выполненія такого грандіознаго проекта, конечно, нужны громадныя деньги и содѣйствіе англійскаго правительства. Сесиль Родесъ отправился лично хлопотать объ этомъ въ Лондонъ. Но ему нужно было заручиться содѣйствіемъ и другихъ государствъ, имѣющихъ владѣнія въ Африкѣ, и въ особенности Германіи, такъ какъ Родесъ проектировалъ свою желѣзнодорожную линію черезъ восточноафриканскія владѣнія Германіи. Повидимому, ему удалось заинтересовать своимъ проектомъ Вильгельма II, но такъ какъ тутъ оказались замѣшанными разныя политическія соображенія, то Родесъ уѣхалъ, не добившись прямого отвѣта. Однако, принимая во вниманіе энергію и настойчивость Сесили Родеса, можно быть увѣреннымъ, что будущее столѣтіе увидитъ грандіозное сооруженіе, о которомъ мечтаетъ Родесъ.

Имя Сесили Родеса сдѣлалось извѣстно въ Европѣ со времени злополучнаго похода или, вѣрнѣе, набѣга Джемсона въ Трансвааль. Извѣстно, что Родесъ былъ главнымъ инициаторомъ этого похода и, какъ говорятъ, онъ самъ тогда сказалъ: «Да, я былъ неправъ... потому что походъ окончился неудачей». Но это не помѣшаетъ ему, конечно, при случаѣ организовать новый подобный же походъ, такъ какъ онъ именно изъ тѣхъ англичанъ, которые желали бы все подчинить англійскому знамени. Рассказываютъ, что онъ однажды шутовско замѣтилъ: «Я не знаю большей ошибки во всемірной исторіи, какъ постройка вавилонской башни, такъ какъ всѣ народы должны были бы говорить только на одномъ языкѣ... на англійскомъ!» Эти слова, сказанныя въ шутку, однако, вполне характеризуютъ взгляды Родеса. Но его мнѣнію, единственная истиннокультурная нація это—англичане и они должны подчинить себѣ весь міръ. Поэтому-то у многихъ является подозрѣніе, что Сесиль Родесъ не только имѣетъ въ виду проѣхать въ одномъ и томъ же поѣздѣ съ одного конца Африки на другой, но мѣтитъ гораздо дальше. Проведя дорогу и телеграфъ, онъ сдѣлаетъ возможнымъ подвозъ матеріаловъ и войскъ въ случаѣ надобности въ любую часть Африки и утвердитъ могущество Англій, подчинивъ ея влиянію огромную часть чернаго континента. Нѣкоторые даже думаютъ, что онъ мечтаетъ о захватѣ Абиссиніи. Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ догадокъ и предположеній объ истинной подкладкѣ грандіознаго плана Родеса, выставляется на видъ то обстоятельство, что эта трансфриканская желѣзная дорога въ финансовомъ отношеніи не представляетъ ровно никакихъ выгодъ, такъ какъ врядъ ли найдется много путешественниковъ, которые будутъ по ней ѣздить; что же касается товаровъ, то до сихъ поръ еще торговля вдали отъ береговой полосы настолько незначительна, что подвозъ товаровъ въ Центральную Африку не можетъ быть принята въ расчетъ, какъ доходная статья для желѣзной дороги. Вѣроятно, всѣ эти соображенія и догадки и заставили императора Вильгельма отнестись нѣсколько содержанно къ заманчивой перспективѣ, которую Сесиль Родесъ развивалъ передъ нимъ, и согласиться только на проведеніе телеграфной линіи черезъ нѣмецкія владѣнія, оставивъ вопросъ о желѣзной дорогѣ открытымъ.

Но Сесиль Родесъ, какъ мы уже говорили, не унываетъ. Вся его жизнь служить ручательствомъ, что онъ станетъ добывать своей цѣли. Онъ, какъ называютъ въ Англій—«self mademan», т. е. всего достигъ своимъ трудомъ и настойчивостью, и самъ продолжилъ себѣ дорогу въ жизни. Отецъ его—сельскій священникъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, имѣлъ лишь очень ограниченныя средства. Теперь же одинъ изъ англійскихъ писателей, говоря о Сесилѣ Родесѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Этотъ человекъ обладаетъ лицомъ Цезаря, честолюбіемъ Лойолы и богатствомъ Креза». Но когда Сесиль былъ ребенкомъ и потомъ юношей, притомъ весьма здоровымъ, то никому изъ его близкихъ не приходило въ голову, что сыну предстоитъ такая блестящая будущность. Слабое здоровье молодого Родеса было причиною того, что его родители, по совѣту врача, отправили его въ южную Африку. Изъ этого путе-

шестивія Сесиль вернулася цвѣтущимъ юношей и поразилъ своимъ видомъ всѣхъ своихъ родныхъ. Онъ пошелъ къ старику доктору, отправившему его въ Африку, чтобъ поблагодарить его за совѣтъ, но не нашелъ старика въ живыхъ. Практика его перешла къ его сыну, молодому врачу, который принялъ Родеса и сталъ искать въ записяхъ своего покойнаго отца имя его бывшаго пациента. «Родесъ? Родесъ?»—говорилъ онъ, перелистывая книгу;—«вотъ тутъ я нахожу записи, но только она не можетъ относиться къ вамъ. Тутъ сказано: Сесиль Родесъ. Очень плохъ, прожить не болѣе полугода».

Поѣздка въ Африку спасла не только жизнь Родесу, но она же содѣйствовала и его карьерѣ. По окончаніи гимназій, Сесиль Родесъ опять отправился въ Африку и поселился въ Наталь, гдѣ съ очень незначительными средствами устроилъ небольшую хлопчатобумажную плантацію. Вскорѣ послѣ этого были открыты алмазные копи въ Бимберлеѣ и Родесъ вмѣстѣ съ прочими отправился туда. Тамъ онъ познакомился и сошелся съ докторомъ Джемсономъ, который впоследствии прославился своимъ неудачнымъ нашествіемъ на боеровъ. Молодой Родесъ очень подружился съ Джемсономъ, но въ то время, повидимому, не мечталъ ни о какихъ грандіозныхъ планахъ. Родесъ былъ простымъ рабочимъ въ копяхъ и подвергался такимъ же лишеніямъ и невгодамъ, какъ и другіе, но уже тогда пользовался большимъ вліяніемъ на своихъ товарищей. Несмотря на такую жизнь, полную приключеній, Сесиль Родесъ не порывалъ связи съ родиной, интересовался всѣмъ, что тамъ дѣлается и, какъ оказалось потомъ, уже тогда въ его головѣ зарождались честолюбивыя мечты. Однако для выполненія своихъ плановъ онъ находилъ нужнымъ докончить свое образованіе и поэтому, къ величайшему изумленію своихъ товарищей, онъ вдругъ бросилъ работу въ копяхъ и уѣхалъ въ Англію, чтобъ поступить въ оксфордскій университетъ. Находясь въ университетѣ, онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ университетскихъ гонкахъ и состязаніяхъ и трудно было предположить, глядя на его юношеское увлеченіе игрою въ мячъ и врокетъ, гребными гонками и т. д., чтобы въ головѣ его ронились безчисленные планы, одинъ другого грандіознѣе, и что онъ ни на минуту не терялъ ихъ изъ виду. Товарищи его въ шутку называли его «колоссомъ Родосскимъ», не подозревая, о чемъ мечтаетъ этотъ беззаботный на видъ молодой человекъ. Покончивъ университетъ, Родесъ тотчасъ же уѣхалъ въ Африку и съ этого времени начинается его блестящая карьера. Тамъ онъ проявилъ свой финансовый гений и свои дипломатическія способности въ организаціи промышленной компаніи съ цѣлью эксплуатаціи алмазныхъ копей. Составивъ себѣ такимъ образомъ огромное состояніе, Сесиль Родесъ обратилъ свое вниманіе на Капскую колонію и часть своего капитала вложилъ въ трансваальскія золотыя росыши, основавъ впоследствии знаменитую «Chartered Company», въ рукахъ которой находится теперь почти вся южная Африка. Въ теченіе девяти лѣтъ Сесиль Родесъ былъ министромъ финансовъ Капской колоніи.

Сесиль Родесъ во всѣхъ отношеніяхъ типичный представитель англосаксонской расы и тѣхъ англійскихъ пионеровъ, которымъ Англія обязана своимъ колониальнымъ могуществомъ. Вся его наружность дышитъ энергіей и рѣшительностью. Никакія препятствія и лишенія не пугаютъ его, къ роскоши онъ довольно равнодушенъ и такъ какъ онъ не жевать, то представляетъ своей сестрѣ, живущей у него, устраивать его домъ, какъ ей хочется. Самъ онъ бываетъ занятъ съ пяти часовъ утра и до такой степени поглощенъ своими планами, что совершенно не замѣчаетъ окружающей его обстановки.

Самая маленькая республика на свѣтѣ. Въ Аппенинскихъ горахъ, въ Италіи, пріютилось крошечное государство, служащее единственнымъ живымъ

памятникомъ того времени, когда Италия была разбита на множество мелкихъ княжествъ и королевствъ и служила постояннымъ театромъ междоусобныхъ войнъ. Это маленькое государство, республика Санъ-Марино, живущая и теперь самостоятельною жизнью въ предѣлахъ монархическаго государства, представляетъ въ высшей степени любопытный остатокъ или пережитокъ внутри страны, отличающейся стремленіемъ къ современности и къ шаблонному прогрессу. Нельзя не удивляться, что путешественники по Италиі никогда почти не заглядываютъ въ этотъ любопытный уголокъ, хотя онъ заслуживаетъ вниманія, въ особенности тѣхъ изъ туристовъ, которые интересуются средними вѣками. Городокъ Санъ-Марино, столица республики, имѣющей населеніе въ восемь тысячъ и занимающей пространство въ 5.421 гектаръ, принадлежитъ къ самымъ живописнымъ городамъ на свѣтѣ. Онъ построенъ на верхушкахъ перпендикулярныхъ скалъ, которыя точно нагромождены другъ на друга. У подножія одной изъ скалъ лежитъ предмѣстье, представляющее коммерческій центръ республики и тамъ можно найти специальную монету, которую чеканитъ республика. Узенькая тропинка ведетъ вверхъ въ живописный городокъ, который находится недалеко отъ Римини, между итальянскими провинціями Форли и Пизарро Урбино. Съ вершины горы Монте Титана открывается чудный видъ на Адриатическое море и въ ясную погоду виднѣтъ даже берегъ Далмаціи. На трехъ верхушкахъ этой горы находятся три замка, и когда почтальонъ привозитъ почту, то онъ останавливается у подножія скалы и звонитъ въ колоколъ; обитатели горы должны тогда спуститься внизъ, чтобы получить свои письма, такъ какъ по старинной традиціи почтальонъ никогда не переходитъ края республики.

Эта микроскопическая республика, существующая въ самомъ сердцѣ современной монархіи, представляетъ, конечно, довольно странную аномалію. Она была основана въ XIII вѣкѣ, по словамъ однихъ—рабочимъ въ каменоломняхъ, по словамъ другихъ—пустынникомъ по имени Марино, который, спасаясь отъ преслѣдованій, поселился вмѣстѣ со своими друзьями на верхушкахъ скалъ. Такимъ образомъ заложено было основаніе маленькому государству, жизнь котораго протекала удивительно спокойно и безмятежно среди всякихъ волненій и пертурбацій, которыя переживала Италия. Страннымъ образомъ ни одно изъ сосѣднихъ итальянскихъ княжествъ не покушалось завладѣть Санъ-Марино, и независимость республики подвергалась опасности только одинъ разъ, когда кардиналъ Альбероне задумалъ-было присоединить ее къ папству. Но не такъ то легко было совладать съ маленькимъ рѣшительнымъ народомъ, и когда онъ собралъ именитыхъ гражданъ Санъ-Марино въ церковь и потребовалъ, чтобы они принесли присягу папству, то его встрѣтили громкими криками и возгласами негодованія, въ которыхъ приняло участіе даже все духовенство республики.

Другимъ опаснымъ посѣтителемъ республики былъ Наполеонъ I, открывшій республику во время итальянскаго похода. Но, къ удивленію, Наполеонъ не уничтожилъ ее, а рѣшилъ сохранить, какъ «интересный образецъ», и даже подарилъ маленькой республикѣ четыре пушки въ награду за ея скромность, такъ какъ жители ея отказались отъ предлагаемаго имъ увеличенія территоріи. Послѣ объединенія Италиі маленькая республика получила окончательное признаніе и ей было обезпечено ея независимое существованіе и всѣ ея прежнія вольности.

Законодательная власть маленькой республики принадлежитъ совѣту, состоящему изъ 60 членовъ, 20 нотаблей, 20 буржуа и 20 земледѣльцевъ, назначаемыхъ пожизненно. Исполнительную власть представляютъ два капитана-регента, избираемые совѣтомъ на полгода. Одинъ изъ нихъ выбирается изъ крестьянъ, другой же изъ аристократіи. причемъ одинъ изъ нихъ управляетъ только

городомъ, а другой всею остальною территоріей республики. Войско республики состоитъ изъ гвардіи, численностью въ 31 человекъ, включая офицеровъ и милиціи, состоящей изъ 950 человекъ.

Маленькая республика заботится о просвѣщеніи, такъ какъ въ ней есть двѣ школы и коллегія, въ которой устроены кафедры права, философіи, математики и реторики. Въ Санъ-Марино живетъ врачъ, который считается на службѣ государства; онъ получаетъ жалованье и обязанъ содержать лошадь, чтобы быть готовымъ во всякое время дня и ночи отправиться по первому требованію въ любую часть республики. Врачъ выбирается совѣтомъ только на три года, но по истеченіи этого срока онъ можетъ быть снова избранъ на такой же срокъ и т. д.

Санъ-маринцевъ справедливо можно назвать счастливейшимъ народомъ на свѣтѣ, такъ какъ они вполне довольны своею участью, любятъ свои скалы и ни за что не согласятся промѣнять свое независимое существованіе на фиктивное и эфемерное величіе, къ которому такъ стремятся европейскія государства и ради котораго они взваливаютъ на свои плечи часто непосильную тяжесть. Санъ-маринцы выше всего цѣнятъ свою національную независимость и поэтому держатся въ сторонѣ отъ всѣхъ жгучихъ вопросовъ современной политики. Это степенное горное племя, конечно, взираетъ съ нѣкоторою долею презрительнаго сожалѣнія на своихъ соплеменниковъ итальянцевъ, изнемогающихъ подъ тяжестью налоговъ. Санъ-маринцы не испытали ничего подобнаго, они не платятъ налоговъ и не несутъ воинской повинности и ужь, разумѣется, не промѣняли бы своей участи на участь итальянцевъ, хотя они и отзываются всегда очень восторженно объ объединенной Италіи.

Но долго ли удастся маленькой республикѣ сохранить свою независимость? По счастью, благодаря тому, что туристы крайне рѣдко заглядываютъ туда, ни одному изъ агентствъ до сихъ поръ не пришло въ голову соединить желѣзнодорожною вѣтвью Санъ-Марино съ главною линіей и устроить удешевленные поѣздки для осмотра этого пережитка старины. Какъ только это будетъ сдѣлано, то Санъ-Марино скоро утратитъ свою оригинальную физиономію и окончательное его присоединеніе къ республикѣ сдѣлается лишь вопросомъ времени, такъ какъ уже теперь въ Римѣ нѣкоторые политики заговариваютъ о томъ, что существованіе этой республики составляетъ не только аномалію въ современномъ государствѣ, но и пятно на единствѣ Италіи, пятно, которое давно уже пора уничтожить.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Revue des Paris». — «Review of Reviews».

Имя первой женщины - инженера во Франціи теперь совсѣмъ позабыто, а между тѣмъ Мартина де-Бержеро, баронесса Босалейль въ XVII вѣкѣ заслуживаетъ чтобы французскіе феминисты вспомнили о ней. «Revue des Revues» рассказываетъ любопытную исторію этой женщины, которая была вовлечена въ занятія инженернымъ искусствомъ различными предпріятіями своего мужа, принадлежащаго къ очень именитой аристократіи изъ Брабанта. Съ нимъ вмѣстѣ Мартина объѣздила въ теченіе тридцати лѣтъ Европу и Америку, единственно занятая только своимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ мужемъ открывали рудныя мѣсторожденія и залежи каменнаго угля. Вмѣстѣ съ мужемъ она спускалась въ шахты на большую глубину. Во Франціи Мартина, въ сопровожденіи своего мужа, производила изысканія въ теченіе девяти лѣтъ. Она изслѣдовала южную, центральную и западную Францію и произвела громадныя изы-

*

сканія въ этихъ областяхъ, при чемъ истратили на это всё свои капиталы, надѣясь, что эксплуатація рудниковъ въ будущемъ покроетъ всё издержки. Въ этомъ смыслѣ были изданы и королевскіе ордонансы, разрѣшающіе Мартинѣ производить изысканія на свой собственный счетъ, и по предъявленіи документовъ, эксплуатировать найденныя рудныя богатства, съ уплатою государству известной части. Но Мартинѣ пришлось дорого поплатиться за свои занятія. Въ то время, когда она находилась въ Бретани, гдѣ она вмѣстѣ съ мужемъ производила изысканія, въ ея домѣ въ ея отсутствіе былъ произведенъ обыскъ. Провинціальный судья Ля-Туть Гриппе захватилъ все ихъ имущество и всё инструменты и документы подъ тѣмъ предлогомъ, что супруги Босалейль занимаются магіей и колдовствомъ.

Но Мартина была не такая женщина, чтобы отступить. Она взялась за перо, которымъ умѣла владѣть, несмотря на то, что гораздо чаще держала въ своихъ рукахъ кирку углекопа, нежели письменныя принадлежности, и написала книгу, заключающую въ себѣ горячую апологію своей инженерной дѣятельности. Обращаясь къ могущественному кардиналу Ришелье, она просила его заступничества, приводя безчисленныя доказательства въ пользу того, что открытіе и эксплуатація минныхъ богатствъ могутъ принести государству громадную пользу. Она высказываетъ въ этой книгѣ такіе экономическіе взгляды и соображенія, отъ которыхъ, пожалуй, не отказались бы и наши современные экономисты. Мартина говоритъ, что доходы, получаемые отъ разработокъ рудниковъ, дадутъ возможность государству уменьшить налоги и въ то же время увеличить свою армію и свой флотъ; тутъ Мартина, очевидно, имѣла въ виду то, что кардиналъ Ришелье носилъ титулъ генералъ-адмирала флота. Далѣе она говоритъ объ уничтоженіи науперизма, бродяжничества и нищенства, предлагая всѣхъ нищихъ, годныхъ къ военной службѣ, зачислять во флотъ, старики же инвалиды, женщины и дѣти, ведущіе бродяжническій образъ жизни, должны заниматься доступнымъ для нихъ механическимъ трудомъ. Любопытно также, что Мартина советуетъ отправлять въ колоніи обрѣдѣвшихъ дворянчиковъ, которые тамъ могутъ посвятить себя разнымъ колониальнымъ предпріятіямъ, вмѣсто того, чтобы проводить цѣлые дни на охотѣ или заниматься грабежомъ бѣднаго народа. Однако, чтобы достигнуть такихъ результатовъ нужна, разумѣется, специальная администрація копей и Мартина предлагаетъ кардиналу свой проектъ такой администраціи.

Къ несчастью для Мартини, все ея краснорѣчіе пропало даромъ. Ея горячая защита дѣла, которому она посвятила всю свою жизнь, не привела ни къ чему. Очевидно, судья Ля-Туть Гриппе дѣйствовалъ согласно инструкціямъ всемогущаго кардинала и поэтому Ришелье страшно разсердился, когда прочелъ въ книгѣ фразу, что Ля-Туть Гриппе, «захвативъ имущество, прикрываясь авторитетомъ короля». «Развѣ же во Франціи могутъ происходить такія вещи?—воскликаетъ Мартина.—Развѣ же могутъ тѣ, кто призванъ совершать правосудіе, первые нарушать его?»

Эта неосторожная фраза окончательно погубила Мартину. Быть можетъ, Ришелье увидѣлъ въ ней обидный для себя намекъ на нѣкоторыя свои собственныя незаконныя дѣйствія и нарушенія правосудія? Такъ или иначе, но Ришелье нашелъ поступокъ Мартини слишкомъ дерзкимъ. Спустя нѣкоторое время послѣ появленія книги Мартина была арестована по обвиненію въ колдовствѣ и заключена въ венсенскую тюрьму. Ея мужъ былъ также заключенъ въ Бастилію, гдѣ и умеръ въ 1645 году; но какая судьба постигла Мартину—неизвестно.

Отъ этой первой французской женщины-инженера осталось только одно воспоминаніе ея сочинній, посвященное кардиналу Ришелье. Эта книга, названная Мартиной «*Restitution de Platon*», составляетъ въ настоящее время

величайшую библиографическую рѣдкость и по всей вѣроятности единственный ея экземпляръ сохраняется въ національной парижской оиблютекъ.

«Revue de Paris» печатаетъ «Notes sur la vie» («Замѣтки о жизни») Альфонса Додэ. Это большею частью короткія замѣчанія, мысли, брошенные вскользь, эскизы, сдѣланные мастерскою рукою художника. Никакой связи между этими коротенькими набросками нѣтъ; они заносились на листки записной книжки чисто случайно, подъ вліяніемъ мимолетнаго впечатлѣнія, внезапно родившейся мысли, но въ нихъ уже связывается талантъ и душа художника. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ, очевидно, были написаны въ мрачное время войны 1870 года и тревожные дни коммуны, но между ними также нѣтъ никакой связи и они представляютъ рядъ отдѣльныхъ картинокъ или моментальныхъ фотографическихъ снимковъ. Несмотря на это, всё эти случайные наброски, отрывистыя замѣчанія производятъ на читателя впечатлѣніе и вызываютъ въ его душѣ живые образы. Приводимъ нѣкоторые изъ отрывковъ:

«Приговоренный къ смерти! Какой-то господинъ входитъ въ кафе.—«Я только что пріѣхалъ изъ деревни», говоритъ онъ и вмѣшивается въ разговоръ. Шла рѣчь о приговорѣ военнаго суда, судившаго участниковъ 31-е октября. «А!—восклицаетъ господинъ.—Вы имѣете извѣстія?.. Ну, чѣмъ же кончилось?»—«Трое приговорены къ смерти: Бланки, Флурансъ и еще одинъ».—«Его имя?»—«Такой-то». Господинъ восклицаетъ: «Ба! вѣдь это я!» Нѣсколько минутъ онъ молчитъ въ смущеніи, затѣмъ ударяетъ по столу: «Гарсонъ, кружку пива!..» Однако, онъ не выпилъ этой кружки, пожалъ руки друзей, оглянулся вкругомъ и исчезъ въ проходѣ».

* * *
«Генералъ,—его звали генераломъ, этого стараго отставнаго чиновника, одного изъ первыхъ разстрѣлянныхъ, когда войска вступили въ Парижъ».

* * *
«Хорошъ типъ,—господинъ, ѣхавшій со мною въ вагонѣ, когда я бѣжалъ изъ Парижа, во время коммуны. По мѣрѣ удаленія отъ фортификацій, онъ становился нахальнымъ, дерзкимъ и грознымъ для коммунарковъ; онъ грозилъ всѣхъ ихъ разстрѣлять. Очень любопытно также всеобщее молчаніе въ вагонѣ въ теченіе цѣлой четверти часа и, наконецъ, общій вздохъ облегченія послѣ проѣзда Шуазилеру».

* * *
«Сцены возмущенія—вступленіе версальцевъ въ Парижъ. Одинъ изъ федералистовъ, ночевавшій въ походномъ госпиталѣ, взбирается на крышу и стрѣляетъ въ перваго нарочнаго, показывающагося на улицѣ. Домъ оцѣпляють, женщины, напротивъ, смотрятъ изъ за занавѣсокъ. Что-то бѣлое солдаты спускаютъ внизъ; это федералистъ въ кальсонахъ. Лицо блѣдное, красивый завитой юноша; онъ разстрѣлянъ на углу улицы Бланшъ. Всѣ кошки смотрятъ на этотъ красивый трупъ».

* * *
«Другая картина: отрядъ плѣнныхъ; его ведутъ егеря по авеню Клиши. Какой-то толстый человѣкъ, настоящій южанинъ, потѣя и задыхаясь, съ трудомъ поспѣваетъ за ними. Два егеря приближаются, привязываютъ поводъ къ его рукамъ и вокругъ туловища и пускаютъ лошадей галопомъ. Толстякъ хочетъ бѣжать, падаетъ, его тащутъ словно окровавленный кусокъ мяса, издающій хриплый стонъ. Въ толпѣ слышны просьбы о помилованіи: «Лучше разстрѣляйте его!» Одинъ изъ егерей останавливаетъ лошадь, приближается и стрѣляетъ изъ карабина въ кучу мяса, хрипящую и дрыгающую. Но онъ не убить... Другой егеря соскакиваетъ съ лошади и посылаетъ въ него другую»

пулю. На этотъ разъ удача. Несчастный остается на мѣстѣ, точно огромная, сплюснутая масса.

* * *
«Это ужасно, знать людей и потемъ слышать; «Такой-то разстрѣлять!..» Передъ глазами возникаетъ образъ челоѣка, представляется искаженіе его лица, его жестъ, когда онъ падаетъ, слышенъ его гологъ»!..

* * *
«Безъ банальнаго воззванія въ милосердію, но во имя нашего собственнаго эгоизма, во имя нашего будущаго спокойствія, не будемъ безжалостны! Иначе это продлится до безконечности!.. Еслибъ вы могли уничтожить всѣхъ этихъ людей до третьяго поколѣнія, но вѣтъ, вы этого не можете. Мараты морали и порядка еще ужаснѣе... Они говорагь, что надо убивать, разстрѣливать во имя морали и т. п... Будемъ всѣ трудиться, чтобъ подобныя вещи не повторялись».

* * *
«Тѣ, кто умерли въ теченіе этихъ бурныхъ дней, ушли изъ жизни, какъ уходятъ изъ салоновъ—à l'anglaise».

Въ такомъ родѣ написаны всѣ эти замѣтки о жизни, производящія впечатлѣніе своею отрывочностью и краткостью. Но Альфонсъ Доде записалъ въ свою записную книгу не однѣ только эти моментальныя снимки, запечатлѣвавшіеся въ его душѣ, а также разныя мысли и остроумныя замѣчанія, приходившія ему въ голову, мнѣнія въ двухъ-трехъ словахъ о разныхъ лицахъ, порою скрывающихся подъ инициалами. Приводимъ нѣсколько замѣчаній Доде: «Я готовъ поклясться, что единственными честными королями во Франціи были короли-тунеядцы. «Nihil fecit,—говорагь про нихъ биографы.—Еслибъ я былъ королемъ, то желалъ бы, чтобъ про меня могли сказать то же самое».—Злая нѣмка—это взбѣшенная *незабудка* (Une allemande méchante; c'est le *vergiss-meinnicht* enragé).

Американскій журналъ «Review of Reviews» печатаетъ очеркъ, заключающій въ себѣ характеристику президента филиппинской республики и вождя филиппинскихъ инсургентовъ, Агвинальдо, который такъ много насолил испанцамъ, а въ данный моментъ причиняетъ столько неприятностей американцамъ. И друзья, и враги одинаково признають выдающійся умъ, абсолютную честность и мужество этого вождя инсургентовъ, но также не отрицають, что онъ честолюбивъ, мстителенъ и часто бываетъ жестокъ. Конечно, янки, не долюбливающіе его, приписываютъ ему и разныя другія неприятныя качества; говорягь, что онъ хитеръ, тщеславенъ и дерзокъ, однако и они не отвергають, что онъ способенъ выказать величайшее великодушіе и самоотверженіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Агвинальдо, выдающійся челоѣкъ, но только враги называютъ его величайшимъ изъ малайцевъ въ исторіи, друзья же говорягь, что онъ вообще одинъ изъ великихъ людей въ исторіи, независимо отъ расы.

Въ жилахъ Агвинальдо течетъ смѣшанная кровь, помѣсь испанской и тагальской крови, такъ что его нельзя считать представителемъ малайской расы. Относительно его происхожденія мнѣнія расходятся: онъ незаконный сынъ тагальки, но отцомъ его одни считаютъ испанскаго генерала, другіе же—іезуита. Четырехъ лѣтъ онъ поступилъ въ услуженіе къ одному іезуитскому священнику въ Кавите. На Филиппинахъ, также какъ и въ Китаѣ, съ такими мальчишками, поступающими въ услуженіе, обращаются не лучше, чѣмъ съ собаками, но Агвинальдо попался хорошій хозяинъ, который не только одѣлвалъ и кормилъ его порядочно, что возбуждало зависть сосѣдей, но и училъ его. Агвинальдо оказался примѣрнымъ ученикомъ. Онъ обладалъ самолюбіемъ испанца, способностью быстро схватывать, какою отличаются малайцы, память же у него была,

какъ у китайца, которые въ этомъ специальномъ отношеніи одарены лучше всѣхъ другихъ народовъ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ Маниллы, гдѣ принялся изучать медицину. Это былъ единственный университетъ во всемъ архипелагѣ и, конечно, онъ находился въ вѣдѣніи католическаго духовенства. Профессора этого университета, иезуиты доктора—Нальда и Бюнтраго, были въ восторгѣ отъ успѣховъ Агвинальдо и его способностей. Но Агвинальдо совершилъ непростительное преступленіе въ бытность свою студентомъ—онъ вступилъ въ масонскій орденъ. Во времена испанскаго господства такой тяжкій проступокъ приводилъ къ тюрьмѣ, пыткамъ и смертной казни.

Въ 1888 году, 18-ти лѣтъ, Агвинальдо имѣлъ первое столкновеніе съ испанскими властями и бѣжалъ въ Гонконгъ, гдѣ ему оказала гостепримство колонія филиппинскихъ эмигрантовъ. Тамъ же, въ Гонконгѣ, онъ подружился съ офицерами британскаго гарнизона и изучилъ организацію и вооруженіе современныхъ войскъ. Но чтобы лучше ознакомиться съ этимъ, онъ поступилъ въ китайскіе сухопутные и морскіе отряды, обучаемые европейскими инструкторами. Въ то же время онъ поглощалъ всѣ книги, имѣющія отношеніе къ военной исторіи, и очень серьезно принялся за ея изученіе. Но, кромѣ того, онъ стремился также изучить нѣсколько языковъ и, помимо трехъ главныхъ филиппинскихъ нарѣчій, онъ превосходно говоритъ и пишетъ по испански и по англійски, по китайски и по латыни. Въ послѣднее время онъ началъ немного говорить по нѣмецки и по японски.

Послѣ амнистїи онъ вернулся на родину и тамъ скоро завоевалъ себѣ положеніе и выдѣлился своими способностями. Къ своему удовольствію онъ былъ назначенъ командиромъ отряда туземной милиціи и на этомъ посту счѣталъ приобрѣсти популярность среди своихъ подчиненныхъ и уваженіе испанскихъ офицеровъ. Но правительство, повидимому, нашло, что онъ пользуется чрезмеръ уже большою популярностью и его перевели въ другой округъ и сдѣлали инспекторомъ туземныхъ первоначальныхъ школъ. И въ этой должности онъ снискалъ любовь и довѣріе населенія округа. Съ иезуитами онъ жилъ въ ладу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ всегда ревностнымъ католикомъ и считалъ себя обязаннымъ иезуитамъ, какъ своимъ первымъ учителямъ. Но францисканцевъ и доминиканцевъ, которые были настоящими тиранами Филиппинскихъ острововъ, онъ терпѣть не могъ и они отплачивали ему тѣмъ же.

Вспыхнула революція 1896 года, вызванная мѣропрїятїями, направленными къ покрытію дефицита послѣднихъ 12-ти лѣтъ. Былъ вновь введенъ въ силу старинный законъ, по которому недоимщики должны были насильственно работать въ пользу монаховъ. Принудительныя мѣры и вымогательства вызвали возмущеніе. Тогда-то на сцену выступилъ извѣстный филиппинскій публицистъ-докторъ Ризаль, громившій испанцевъ въ своихъ памфлетахъ. Ризаль былъ схваченъ испанцами и разстрѣлянъ. Его невѣста, молодая англичанка, его пациентка, обвинялась съ нимъ передъ самою казною. Впослѣдствїи она сдѣлалась женою Агвинальдо, который поклялся ей отомстить за смерть Ризаля и, какъ мы видимъ, сдержалъ свою клятву.

Домашній бытъ американскаго рабочаго.

Образъ жизни американскаго рабочаго, — говоритъ Левассеръ въ своемъ обширномъ трудѣ о жизни и бытѣ рабочихъ въ Америкѣ, — сильно напоминаетъ англичанъ. Утромъ, прежде чѣмъ отправиться на работу, американскій рабочій солидно закусываетъ: это «breakfast». Около полудня ему дается часъ на вторую ѣду, lunch или обѣдъ; вечеромъ, возвратясь къ себѣ, рабочій ужинаетъ — обѣдаетъ въ

своей семьѣ: это главная ѣда и время отдыха, причемъ вся семья находится въ сборѣ. Городъ Филадельфія представилъ, на выставкѣ въ Чикаго, слѣдующее росписание дневной пищи рабочаго: на завтракъ (breakfast)—супъ, картофель, яйца и мясо; или яйца, жареная говядина; или хлѣбъ, масло, картофель; или яйца и овсянка; на lunch или обѣдъ: 1) холодное мясо и хлѣбъ; 2) жареное мясо или рагу; картофель; въ ужину: 1) горячее мясо, овощи, пуддингъ; 2) холодное мясо или яйца, консервы; 3) горячее мясо, овощи, чай и прочее.

Въ 1891 г. комиссаръ труда Соединенныхъ Штатовъ представилъ въ «Сенаторіальный комитетъ цѣны и жалованій» отчетъ о расходахъ 232 рабочихъ семействъ. Средній расходъ на пищу оказывается 262¹/₂ доллара (т. е. 525 рублей), или 5 долларовъ въ недѣлю, изъ которыхъ 15,6% на мясо, 11,1% на масло, 10,2% на муку, 6,4% на свинину, 7,2% на разное другое мясо, въ томъ числѣ и на птицу, 6,4% на сахаръ, 5,7 на молоко, 5,3 на кофе, 4,5 на картофель, 1,4 на хлѣбъ, 4,8 на разные овощи.

Въ Штатѣ Мэнъ, по даннымъ 1889 г., фрукты и овощи, свѣжее мясо, сахаръ, мука, масло и яйца занимаютъ первое мѣсто въ бюджетѣ питанія; рыба также часто употребляется въ хозяйствѣ рабочихъ.

Въ числѣ второстепенныхъ пищевыхъ предметовъ не слѣдуетъ забывать и пирожныхъ, до которыхъ американцы и американки очень лакомы, а также конфеты, фрукты, особенно бананы,—послѣдніе очень питательны.

Прибавимъ къ этому еще сухое пирожное (crackers), пуддингъ, мороженое. Если дѣто жаркое, то за ѣдой пьютъ воду со льдомъ. Американцы—народъ, употребляющій сахару больше всѣхъ остальныхъ народовъ въ мірѣ.

Значительнымъ достаткомъ и даже комфортомъ пользуются собственно американскіе рабочіе, которыхъ и жалованье гораздо выше, чѣмъ у рабочихъ-иммигрантовъ: итальянцевъ, нѣмцевъ, ирландцевъ и т. д.; послѣдніе, не особенно избалованные на своей родинѣ, довольствуются меньшимъ жалованьемъ и гораздо меньшими удобствами, считая и это уже великимъ для себя благомъ, сравнительно съ прежнимъ бѣдственнымъ положеніемъ; средняя, однако, минимальная оцѣнка рабочаго дня въ Америкѣ—1 или 2 доллара.

Разумѣется, въ Америкѣ, какъ и вездѣ, живутъ на разные цѣны и при разныхъ условіяхъ, смотря по роду занятій и числу ртовъ, которые приходится кормить, но общій уровень благосостоянія рабочаго гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, хотя и въ Америкѣ, правда, очень рѣдко, и главнымъ образомъ среди иммигрантовъ, встрѣчаются картины поразительной бѣдности, не только съ точки зрѣнія американскаго комфорта, но и безусловно.

У американцевъ—мужъ зарабатываетъ, а жена тратитъ. Чистокровная американка не то, что нѣмка: она не любитъ экономничать. Еще будучи дѣвушкой, она тратила, не задумываясь, большую часть своего заработка на туалеты, а теперь, замужемъ, она и подавно не стѣсняется. Замужняя американка рѣдко ходитъ на работу, особенно на фабрику; она находитъ, что мужъ обязанъ трудиться и на нее, и на дѣтей. Она очень немного занимается хозяйствомъ, очень много своимъ туалетомъ и чтеніемъ. Любитъ посѣщать театры, зрѣлища, разные гулянья, митинги, въ которыхъ нерѣдко и сама принимаетъ дѣятельное участіе. Она вообще довольно образована и очень начитана, особенно сравнительно со своимъ мужемъ, которому некогда этимъ заниматься. Не въ этомъ ли лежитъ и весь секретъ ея семейнаго вліянія? Вѣдь мужъ не можетъ не сознавать ея умственнаго превосходства. Грубое обращеніе рабочаго со своей женой—вещь въ высшей степени рѣдкая въ Америкѣ.

Американки не умѣютъ хозяйничать. Стоитъ заглянуть въ узенькіе переулочки позади домовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: туда, въ числѣ сора, выбрасывается каждый день множество остатковъ хлѣба и мяса; а между тѣмъ

если бы хозяйка знала свое дѣло, она могла бы прокормить семью очень дешево; мясо, особенно свинина, здѣсь очень недорого, овощи, впрочемъ, не особенно дешевы. Большой страпни американка также не любитъ: супъ варится очень рѣдко, рагу также; она предпочитаетъ кушанья, не требующія хлопотъ: яичница, ветчина, горячія сосиски, вареный картофель, кусокъ жаренаго мяса, обыкновенно слишкомъ тонко наръзаннаго и неумѣло высушеннаго: на столъ все подается въ большомъ количествѣ и накладывается на тарелку очень обильно, а потому все, что остается на тарелкѣ, выбрасывается вонъ.

Американскіе филантропы и педагоги встревожены этимъ явленіемъ и почти всѣ единогласно заявляютъ объ этомъ мотовство пищей. «Нашей странѣ,—говорить Аткинсонъ;—необходимо выучиться не приобретать, но расходовать свой заработокъ». Это мотовство пищи и освѣщенія можно, безъ преувеличенія, оцѣнить въ 5 центовъ въ день на каждое лицо, т. е. 20% всего расхода; къ этому нужно еще прибавить на 2 цента водки и табаку, что все вмѣстѣ составитъ не менѣе 65 милліоновъ долларовъ въ годъ на 13 милліоновъ семействъ въ Соединенныхъ Штатахъ. «Въ расходѣ на пищу замѣчается не только обиліе, но даже расточительность», говорилъ въ 1890 г. Richard Dodge, въ то время начальникъ службы въ министерствѣ земледѣлія, въ своемъ докладѣ въ американскомъ обществѣ покровительства наукамъ. «Всѣ классы общества въ изобиліи ѣдятъ мясо, обыкновенно три раза въ день. Нашъ обѣдъ разнообразится разными рыбами и прекрасными устрицами, знаменитыми и по ту сторону океана». Далѣе онъ замѣчаетъ, не безъ національной гордости, что вода, въ которой американки варятъ мясо и овощи и которую онъ выливаютъ, могла бы служить для милліоновъ европейскаго населенія питательнымъ веществомъ; въ среднемъ, потребляемаго мяса на каждого жителя приходится по 175 фунтовъ въ годъ.

Хотя овощи въ Америкѣ не особенно дешевы и не особенно разнообразны, зато фрукты: яблоки, груши, виноградъ, персики, сливы, а также бананы, ананасы и т. д., въ соотвѣтственные сезоны наполняютъ рынки и лавки и продаются дешево.

Американскій рабочій не только хорошо ѣстъ, онъ и одѣвается хорошо. Это происходитъ во-1-хъ вслѣдствіе болѣе высокаго жалованья, которое даетъ возможность и издерживать больше, и во-2-хъ вслѣдствіе глубоко демократическаго духа американскаго рабочаго, а также врожденнаго кокетства женщинъ и дѣвушекъ. Вотъ бюджетъ этого рода расходовъ, составленный въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Rhode Island, три твача шерсти, получающіе—одинъ 600 долларовъ, другой 575 и третій 525 долл., тратили, первые два—по 100 дол. (200 р.) на одежду, а третій—88 долл. Затѣмъ, еще 2 другіе, у которыхъ было 1.107 и 1.672 доллара дохода, тратили на одежду по 250 долларовъ каждый.

Изъ сообщенія, сдѣланнаго комиссаромъ труда Соединенныхъ Штатовъ въ комитетъ сената видно, что 232 семейства издерживали на одежду по 100,31 доллара каждое при бюджетѣ въ 790 долл., т. е. 12,7%. Изъ этой суммы, т. е. 100,31 д., третья часть приходилась на мужа, болѣе $\frac{1}{4}$ на жену и $\frac{2}{5}$ на дѣтей.

Холостые въ среднемъ тратятъ, конечно, меньше на платье; это и понятно, такъ какъ съ увеличеніемъ числа дѣтей, растутъ и расходы. Работница, живущая отдѣльно, особенно молодая дѣвушка, тратитъ на эту статью, сравнительно, больше, чѣмъ рабочій; магазинная барышня больше, чѣмъ фабричная работница. Разница эта сама собою понятна.

Какъ сказано выше, американскій рабочій любитъ комфортъ, и не потому, что его привлекаетъ роскошь: онъ не видитъ причины, почему бы ему одѣваться хуже своего патрона, разъ онъ снялъ свое рабочее платье; того же убѣжденія придерживается и его жена. На улицѣ рабочій вовсе не отличается отъ

своего хозяина, а его жена отъ своей хозяйки: у рабочаго такая же круглая шляпа, галстукъ, жакетка, ботинки; если эти предметы иногда отличаются по качеству, то, что касается фасона, они часто бываютъ работы того же магазина, въ которомъ покупаетъ и патронъ.

Жены ихъ тоже стараются сравняться съ буржуазками, хотя имъ это труднѣе удается. Но онѣ, подобно тѣмъ, носятъ шелковыя платья и ленты, шляпки, также обильно отдѣланныя, перчатки, зонтики. «Въ 1893 г., рассказываетъ Левассеръ, я отправился въ «Central park». Еще въ мою первую бытность въ Нью-Йоркѣ я былъ пораженъ изяществомъ дамскихъ туалетовъ и благороднымъ умѣньемъ носить ихъ. Теперь я вновь увидѣлъ тѣ же туалеты, но не находилъ уже того же изящества. Когда я сказалъ объ этомъ сопровождавшему меня лицу: «Развѣ вы не видите, — отвѣтили мнѣ, — что сегодня воскресенье и потому здѣсь почти исключительно прогуливаются фабричныя работницы и служанки и жены рабочихъ». Одинъ англичанинъ, Брайсъ, основательно изучившій американскую жизнь, ошибся точно такимъ же образомъ. Прежде всего его поразило, что въ поѣздѣ ѣхали однѣ только дамы такъ называемаго въ Европѣ средняго класса. «Однако, при болѣе внимательномъ наблюденіи, — говоритъ онъ, — я увидѣлъ, что все это были жены и дочери рабочихъ». Женскій глазъ, пожалуй, сразу замѣтилъ бы разницу, тѣмъ не менѣе, подобныя ошибки знаменательны.

Конечно, всѣ эти костюмы приходится оплачивать. Американки утверждаютъ, что онѣ настолько искусны, что могутъ позволить себѣ это кокетство, не издерживая много; съ этимъ не особенно соглашаются ихъ мужья, хотя и относятся къ этому добродушно, да и статистика констатируетъ большой расходъ на ткацкія издѣлія.

Очень можетъ быть, что желаніе показаться заставляетъ больше заботиться о верхнемъ платѣ, чѣмъ объ остальныхъ частяхъ одежды. Изъ нѣкоторыхъ бюджетовъ видно, напр., слѣдующее: женщина издерживаетъ 10 дол. на платья и 18 на шали и манто; другая—6,40 на первое и 5,13 на второе, тогда какъ на бѣлье и остальную одежду первая—4,60, а вторая 4,30 дол.

Дѣвушка-американка одѣвается изысканнѣе, чѣмъ замужняя. Это естественное кокетство въ ея возрастѣ, можетъ быть, не всегда безразсечно: она хочетъ выйти замужъ и знаетъ, что мужа должна пріискивать себѣ сама, а для этого нужно умѣть нравиться. По справкамъ, собраннымъ въ 1891 г., статистическимъ бюро въ Мичиганѣ, можетъ быть, не особенно скромнымъ, 3.487 работницъ заявили, что онѣ носятъ корсетъ, 232 заявили, что ихъ не носятъ, а остальные отвѣтили, что до этого никому нѣтъ никакого дѣла и касается только ихъ одѣхъ.

Мужья-рабочіе часто жалуются, хотя и безъ горечи, на туалеты своихъ женъ. Такъ, напр., одинъ рабочій въ Филадельфій, который въ иные дни зарабатываетъ, правда, довольно много, но у котораго было шестеро маленькихъ дѣтей, рассказываетъ автору, что онъ купилъ для своей старшей дочери, дѣвочки лѣтъ тринадцати, шляпку въ 3½ дол., и малютка слѣлала гримасу, находя ее недостаточно красивой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ квартира обходится рабочему дорого, это всѣ говорятъ единогласно. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ Америкѣ, въ общемъ, рабочій помѣщается гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ, а многіе изъ нихъ имѣютъ даже свои собственные дома; на постройку послѣднихъ берется, обыкновенно, въ соотвѣтственной рабочей кассѣ болѣе или менѣе долгосрочная ссуда, которая выплачивается безъ особенныхъ затрудненій. Разумѣется дѣвы на рабочія квартиры значительно колеблются, смотря по тому, въ городѣ онѣ или въ деревнѣ, жить въ рабочій въ большомъ общественномъ домѣ или нанимаетъ особнячокъ. Послѣдній видъ квартиръ вообще предпочитается американцемъ, у котораго сильно

развито чувство личной независимости и который ревностно охраняет свой *Home* (домашній очагъ) отъ всякихъ непрошенныхъ вторженій. По справкамъ, собраннымъ въ Бостонѣ въ 1891 г., на 71.665 рабочихъ квартиръ было 1.053 квартиры въ 1 комнату, въ нихъ помѣщалось 2.067 человекъ; 5.695 квартиръ въ 2 комнаты; 13.876 — въ 3 комнаты; 18.661 — въ 4 комнаты (съ населеніемъ въ 77.439 человекъ); 13.002 — въ 5 ком. и т. д. Въ среднемъ, слѣдуетъ полагать на рабочую квартиру 4 комнаты въ городахъ, предмѣстьяхъ и деревняхъ.

Цѣна рабочихъ квартиръ отъ 5 долларовъ въ мѣсяць до 50 д. Лучшей репутаціей въ квартирномъ вопросѣ пользуются: Бюфалло, Клевлендъ, Индианополь, Балтимора, Филадельфія; здѣсь почти всё рабочія семейства живутъ въ отдѣльныхъ, чистенькихъ домахъ, на которые пріятно даже смотрѣть. Въ худшихъ условіяхъ — штатъ Цинцинати, Новый Орлеанъ, Бостонъ и особенно Нью-Йоркъ; въ послѣднемъ рабочія квартиры очень дороги и часто въ анти-гигіеническихъ условіяхъ.

Въ благопріятныхъ квартирныхъ условіяхъ находятся, главнымъ образомъ, собственно американскіе рабочіе, у которыхъ и заработокъ больше, такъ какъ они больше приспособлены къ труду и болѣе умѣлы въ обращеніи съ машинами; да у нихъ и сильнѣе развиты культурныя привычки комфорта и удобствъ вообще. Нельзя того же сказать объ иммигрантахъ за малыми, конечно, исключеніями. Здѣсь часто встрѣчаются картины неприглядной бѣдности и даже нищета со всей ея удручающей неравнѣнностью.

Въ одномъ изъ кварталовъ St.-Louis, вблизи рѣки, мы видимъ, напр., множество домовъ, сколоченныхъ изъ досокъ, зловонные переулки, дѣлая кучи нечистоты, босыхъ дѣтей, грязныхъ и оборванныхъ, и матерей, не менѣе ихъ жалкихъ. Здѣсь живутъ преимущественно польскіе и русскіе евреи. Напротивъ того, въ нѣмецкомъ кварталѣ дома изъ кирпича, чистыя, блестящія окна украшены цвѣтами, женщины и дѣти прилично одѣты.

Холостые работники и работницы часто помѣщаются на хлѣба въ семействахъ женатыхъ рабочихъ. Нѣкоторые же устраиваются въ меблированныхъ комнатахъ — «Lodging» и «Boarding houses». Эти меблированныя комнаты, устраиваемыя иногда хозяевами, т. е. патронами рабочихъ, бываютъ дешевле и лучше содержатся, чѣмъ если ихъ устраиваютъ спекулянты.

Такой патронатъ довольно сильно развитъ въ Америкѣ; особенно нельзя не упомянуть о *Pullman City* — городкѣ Пульмана. Это самый знаменитый и, можетъ быть, самый совершенный типъ учрежденія не только въ Америкѣ, но, вѣроятно, и во всемъ мірѣ.

Пульманъ, создавшій въ Америкѣ, въ 1863 г., производство роскошныхъ вагоновъ (*вагоны de luxe*), устроилъ въ 1880 г. свою фабрику вагоновъ на участкѣ земли въ 500 акровъ, къ югу отъ Чикаго, на берегу озера Калюмель. Участокъ этотъ стоилъ тогда 800.000 долларовъ, а въ 1893 г. цѣна его поднялась до 5 миліоновъ дол. Среди поселенія возвышается фабрика, а мастерскія идутъ каймою вдоль бульваровъ. Въ 1892 г. здѣсь работало 6.324 рабочихъ, ¹/₃ часть которыхъ жила въ самомъ поселкѣ; общее же число всѣхъ жителей этого городка — 14.702. Улицы въ *Pullman City* или вымощены, или шоссированы, съ широкими тротуарами, усыпанными пескомъ. Какъ улицы, такъ и бульвары, шириною отъ 66—100 футовъ, усажены деревьями и окаймлены дерномъ. Благодаря самой обширности построекъ, Пульманъ могъ производить ихъ экономно, а потому, по его собственному заявленію, онъ можетъ выручать отъ 8—9% на затраченный капиталъ. Дома изъ краснаго кирпича выходятъ окнами на улицу или на бульваръ. Фасадъ состоитъ изъ подвала, *rez-de-chaussée*, первого и второго этажей и оканчивается плоской крышей. Повади каждаго дома дворъ, отдѣленный отъ сосѣднихъ дворовъ досчатымъ заборомъ. Ежедневно въ повозкахъ вывозятся нечистоты и сжигаются. Если у кого изъ жильцовъ есть

лошади, то ихъ помѣщаютъ въ конюшняхъ на другомъ концѣ городка. Въ нѣкоторыхъ домахъ по нѣсколько квартиръ. Такія квартиры, не болѣе 12 на каждый домъ, состоятъ изъ 3 или 4 комнатъ и сдаются за 8—9 долларовъ въ мѣсяцъ; лѣстница общая. Въ другихъ домахъ квартиры по 5 комнатъ съ особымъ ходомъ, цѣна 14—16 д. въ мѣсяцъ. Есть 3 дома по 48 квартиръ въ каждомъ; многія изъ нихъ только въ 2 комнаты, цѣна ихъ—6 д. Воду жильцы получаютъ даромъ (1 кранъ на улицѣ на 4 дома), но за газъ платятъ. Рабочіе охотно селятся въ этихъ домахъ, но только преимущественно иностранные, такъ-какъ американецъ предпочитаетъ домъ-особнякъ.

Есть дома и въ одну квартиру; кирпичный домъ въ 17 и 32 фута, съ садомъ позади сдается за 18 д. въ мѣсяцъ; деревянные домики безъ двора позади: гостиная, 2 комнаты и кухня, сдаются по 9 и даже 6 д. въ мѣс.

Есть тутъ и элегантныя квартиры цѣною до 50 дол. въ мѣс. Всѣ эти цѣны гораздо ниже, чѣмъ въ самомъ Чикаго, но такъ какъ для рабочаго онѣ все-таки высоки, то многія семейства принимаютъ еще пансіонеровъ. Здѣсь нѣтъ ни кабаковъ, ни игорныхъ домовъ. Пульманъ покровительствуетъ устройству клубовъ, физическимъ упражненіямъ, военнымъ и даже тайнымъ обществамъ, но не допускаетъ у себя профессиональныхъ синдикатовъ. Есть здѣсь большой рынокъ съ лавками и магазинами; тутъ и мясная, и булочная, и москательная, фруктовая, и лавка модныхъ товаровъ; торговцы—жильцы Пульмана, самъ онъ не продаетъ ничего. Здѣсь также ссудный банкъ и сберегательная касса, почта, бібліотека съ 8.000 томовъ книгъ, основанная на средства владѣльца, очень хорошенкій театръ съ кокетливыми декораціями. Кромѣ того, здѣсь 2 церкви, нѣсколько школъ; больница. Пульманъ признаетъ, что извѣстная роскошь необходима рабочему: болѣе утонченное существованіе скорѣе ведетъ къ намѣченному имъ социальнымъ дѣламъ.

Американскій рабочій не только любитъ хорошо поѣсть и одѣться, но усердно заботится также и о мебелировкѣ своей квартиры. Въ бѣдныхъ квартиркахъ, въ 1 комнату, а такія составляютъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются, конечно, убогія кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, пара стульевъ, столъ и печурка; но настоящій американскій рабочій живетъ не въ такихъ чуланчикахъ; чаще всего его квартира состоитъ изъ зала (parlor), мебелированного довольно богато: здѣсь не рѣдкость увидѣть рояль, а чаще гармоніумъ, коверъ, столъ съ разложенными на немъ книгами и журналами, бібліотеку за стекломъ, кресла и «качану», диванъ, гравюры, на этажеркахъ и консоляхъ бездѣлушки; въ католическихъ семействахъ изображенія святыхъ; часто швейная машина. Левасеръ, у котораго мы заимствуемъ большую часть свѣдѣній, здѣсь налагаемыхъ, рассказываетъ, что однажды онъ пришелъ въ домъ плотника; его встрѣтила сама хозяйка. Въ столовой, гдѣ былъ накрытъ столъ, и въ смежной съ нею кухнѣ все было безукоризненно чисто; въ гостиной 12-лѣтняя дѣвочка играла на гармоніумѣ; вездѣ стояли шкафы,—наверху три спальныя комнаты, въ которыхъ мебель, хотя и попроще, но далеко не бѣдная. Въ деревнѣ же не рѣдкость встрѣтить у рабочихъ, позади дома, огородъ, домашнюю птицу, корову. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать, замѣчаетъ авторъ: если встрѣчаются чистенькія, кокетливыя хозяйства, то есть также и небрежныя. Комиссаръ труда, въ своемъ изслѣдованіи прядильнаго и стеклянаго промысловъ, говоритъ, что на 5.282 семейства онъ нашель, въ бумагопрядильномъ производствѣ 1.765 хозяйствъ въ хорошемъ порядкѣ, 65—среднихъ и 588—плохихъ; въ шерстяномъ производствѣ: 743 хорошихъ хозяйства, 88—плохихъ; въ стекольномъ дѣлѣ 1.033—хорошихъ и 133—плохихъ.

Механическое производство подвижности изъ дерева или металла способствуетъ дешевому комфорту, но ведетъ также къ нѣкоторому однообразію въ мебелировкѣ. Странствующіе комми распространяютъ эти товары не только по магази-

намъ, но и среди частныхъ лицъ. Въ магазинахъ масса предметовъ хозяйства по дешевой цѣнѣ. Расхаживая по улицамъ Jersey City, Левассеръ былъ пораженъ и грубостью издѣлій, и ихъ дешевизной: деревянное ведро—11 центовъ; чашка (подражаніе японской)—10 ц.; вызолоченная чашка—5 ц. и т. д. Цѣлый рядъ лавокъ представлялъ какъ бы маленькій парижскій базаръ.

Несмотря на большой наплывъ иностранцевъ, американскому рабочему нечего опасаться ихъ конкуренціи, по крайней мѣрѣ—въ ближайшемъ будущемъ: работы хватить на всѣхъ, благодаря усовершенствованному машинному производству, да, къ тому же, много еще пройдетъ времени, пока пришлый рабочій людь выучится работать по-американски: умѣло, сознательно и производительнo съ наименьшей затратой времени и силъ.

Л. Манухина.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Биология. 1) Парабозъ у муравьевъ. 2) Запахъ земли.—Зоология. 1) Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ. 2) Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.—Ботаника. Новое примѣненіе кактуса. — Агрономія. Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлю кротомъ. — Медицина и гигиена. 1) Шестидневная велосипедная гонка. 2) Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія палишней искусственной вентиляціи. 3) Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ.

Биология. 1) *Парабозъ у муравьевъ*. Auguste Forel сообщилъ недавно обществу натуралистовъ Ваадта о любопытномъ способѣ ассоціаціи, наблюдавшемся имъ у нѣкоторыхъ муравьевъ Колумбіи. Есть виды муравьевъ, которые охотно устраиваютъ смѣшанные муравейники; это наблюдается и у нѣкоторыхъ видовъ европейскихъ муравьевъ: часто находятъ смѣшанныя колоніи, занимающія одно и то-же жилище, причемъ галереи и кладовыя, принадлежащія одному виду, хотя и переплетаются съ ходами и кладовыми, принадлежащими другому виду, однако нигдѣ не сообщаются между собою. Иначе дѣло обстоитъ у нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ Колумбіи. Forel наблюдалъ два различныхъ рода, *Dolichoderus* и *Stenotogaster*, которые имѣютъ очень различныя привычки и въ то же время живутъ вмѣстѣ въ полномъ единеніи. Часто можно наблюдать, говоритъ Forel, какъ эти два рода муравьевъ бѣгаютъ по одной и той же дорожкѣ и въ полномъ согласіи: дорожка бываетъ иногда узка и насѣкомыя часто встрѣчаются между собою. Но вотъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ гнѣзда дорожка раздѣляется: каждый родъ муравьевъ идетъ къ своимъ специальнымъ занятіямъ; одни направляются къ вѣточкамъ, на которыхъ сидятъ тѣ и другія насѣкомыя, другіе—къ растеніямъ съ питательными соками. Обратный путь къ жилищу происходитъ въ такомъ же полномъ порядкѣ. Въ муравейникѣ *Stenotogaster* и *Dolichoderus*, хотя и занимаютъ отдѣльныя кладовыя и жилища помѣщенія, такъ что никогда оба рода не живутъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же помѣщеніи, однако жилища ихъ смежны между собою и проходятъ изъ жилищъ, принадлежащихъ первымъ, въ жилища, принадлежащія послѣднимъ, вполне свободенъ, ничто также не отдѣляетъ гнѣздъ муравьевъ. Этому роду ассоціаціи Forel далъ названіе *парабоза*. Нужно замѣтить впрочемъ, что парабозъ этихъ видовъ не является тѣмъ-нибудь постояннымъ, и Forel наблюдалъ гнѣзда, занятые исключительно то однимъ, то другимъ родомъ муравьевъ.

2) *Запахъ земли*. Clarke Nuttal приписываетъ всѣмъ извѣстный запахъ свѣже-вспаханной земли присутствію бактерий, находящихся въ землѣ въ цѣлой массѣ колоній. Въ послѣднее время онѣ были изолированы и изучены. Это такъ называемыя *Cladothrix Odorifera* — безцвѣтныя, если ихъ разсматривать отдѣльно, но имѣющія молочно-бѣлую окраску, если онѣ сгруппированы въ большія колоніи. Онѣ размножаются дѣленіемъ и выделяютъ особое вещество, которое улетучивается и даетъ тотъ специфическій запахъ, которымъ обла-

дасть свѣже-вспаханная земля. *Cladotrix odorifera* обладаетъ способностью выносить длинныя періоды засухи; развитіе ея тогда останавливается, но она остается живою и достаточно появленія влаги, чтобы возвратитъ ей силы и способность къ дальнѣйшему размноженію. Она обладаетъ также способностью противостоятъ ядамъ, такъ, напр., сулема не всегда убиваетъ ее. Присутствіе влаги является необходимымъ условіемъ ея активной жизни, вотъ почему, безъ сомнѣнія, запахъ земли въ особенности рѣзко опутимъ послѣ дождя. Пахучее вещество, выделяемое бактеріями, также какъ и вода, испаряется сильнѣе, когда находящіяся подъ поверхностью слои земли будутъ проведены на поверхность и этимъ объясняется болѣе рѣзкій запахъ свѣже-вспаханной земли. (R. scientifique).

Зоологія. 1) *Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ*. Нѣрѣдко приходится констатировать отдѣльные случаи чрезвычайной живучести различныхъ животныхъ видовъ при наступленіи неблагоприятныхъ условій для ихъ существованія. Въ своемъ сочиненіи объ островѣ Цейлонѣ подъ заглавіемъ «Въ странѣ веддасовъ» Emile Deschamps передаетъ очень интересный примѣръ такой необыкновенной живучести. Рисовыя плантаціи, которыми изобилуютъ низменныя мѣстности острова, дающія населенію главное средство пропитанія, нуждаются въ обильномъ орошеніи. Такъ какъ на островѣ дождливое время чередуется съ засухой, то существованіе рисовыхъ плантацій поставлено въ зависимость отъ системы искусственнаго орошенія. Воды рисовыхъ плантацій заключаютъ въ себѣ довольно богатую фауну и нужно à priori предположить, что эти животныя должны обладать особой способностью противостоятъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, въ которыя они часто попадаютъ. Одинъ видъ рыбъ (пока неопредѣленный) обладаетъ, по словамъ наблюдателя, такой способностью сопротивленія неблагоприятнымъ вліяніямъ, которая выходитъ за предѣлы обыкновенной: это выражается въ способности рыбы жить безъ воды достаточно долгое время. Живучесть рыбы доходитъ до маловѣроятныхъ предѣловъ: нѣкоторые экземпляры, помѣщенные въ 60° алкоголь, выживали около получаса. Выставленные на тарелкѣ подъ прямымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, онѣ не такъ легко погибаютъ, какъ многіе другіе виды. Помѣщенные на землѣ, онѣ безпрестанно движутся и, постепенно перемѣщаясь, часто находятъ струйку влаги, слѣдуя по которой, онѣ, наконецъ, добираются до безопаснаго мѣста. Пробовали держать ихъ безъ воды въ теченіе 24 часовъ: въ концѣ этого времени оказалось, что на пять рыбъ четыре были еще живы. Эти животныя обладаютъ также, повидимому, особымъ чутьемъ, которое указываетъ имъ, гдѣ находится наиболѣе близкая вода, такъ какъ при движеніи по землѣ они всегда направляются къ мѣстамъ, гдѣ есть вода. Мы говоримъ «повидимому», такъ какъ объясненіе можетъ оказаться и невѣрнымъ; дѣло въ томъ, что направленіе передвиженія можетъ зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ, напр., отъ наклона мѣстности.

Живучесть этихъ рыбъ видна также изъ того, что онѣ способны проводить достаточно долгое время — отъ времени сбора риса до новаго посѣва — въ низинахъ рисовыхъ плантацій въ грязи, оставшейся влажною, и не погибаютъ въ ней. Было бы очень интересно поближе изучитъ этихъ рыбъ, чтобы опредѣлитъ, чему онѣ обязаны такою живучестью и изучитъ устройство органовъ, которое должно играть важную роль въ этомъ свойствѣ.

2) *Необычайное изобиліе насѣкомыхъ*. Почти не проходитъ года, чтобы въ какой-либо мѣстности не пришлось наблюдать чрезвычайнаго множества того или иного вида насѣкомыхъ. Трудно съ точностью опредѣлитъ причину этого явленія; для этого нужно было бы болѣе близкое знакомство съ внѣшними агентами, способными воздѣйствовать на эволюціи жизненнаго цѣла этихъ насѣкомыхъ. Во всякомъ случаѣ, если мы даже не можемъ дать удовлетвори-

тельного объясненія явленію, оно интересно само по себѣ. Кенуен сообщаетъ въ «Science» недавній фактъ такого рода; ему пришлось наблюдать въ Канзасѣ, въ октябрѣ истекшаго года, необычайное множество бабочекъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ виду *Apocis plexippus*. Количество бабочекъ было такъ велико, что нельзя было работать внѣ закрытыхъ помѣщеній; въ одномъ мѣстѣ бабочки опустились въ такомъ количествѣ на полотно желѣзной дороги, что подошедшій поѣздъ остановился: раздавленные бабочки сдѣлали рельсы настолько скользкими, что колеса скользили по нимъ. Подобный фактъ не является, впрочемъ, единичнымъ: тотъ же наблюдатель рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ массоваго перелета бабочекъ въ Небраскѣ въ 1885 году; бабочки лѣтними полетомъ направлялись съ сѣвера на югъ. Другой разъ масса насѣкомыхъ опустилась на городъ Линкольнъ (Небраска): направляясь на свѣтъ, они ударялись о стекла освѣщенныхъ домовъ и общественныхъ экипажей. Число ихъ было такъ велико, что ударъ ихъ тѣлъ о стекла трамваевъ производитъ впечатлѣніе паденія града. Воздухъ былъ буквально переполненъ ими. На перекресткахъ нѣкоторыхъ улицъ, гдѣ помѣщались электрическіе фонари, насѣкомыя, ударяясь о лампы, падали на землю и скопились въ такомъ количествѣ, что представляли серьезное неудобство для прохожихъ.

Ботаника. *Новое примѣненіе кактуса.* Roland-Gosselin сообщаетъ въ «Bulletin de la Société d'acclimatation» нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о новомъ примѣненіи, которое нашелъ кактусъ на югѣ Франціи. Оно заключается въ томъ, что живую изгородь изъ опунцій окружаютъ искусственныя плантаціи хвойныхъ деревьевъ съ цѣлю уменьшить шансы истребленія такихъ плантацій пожарами; особенно часты такія опустошенія въ Ландахъ, гдѣ въ послѣднее время широко примѣнялось искусственное облѣсненіе. Дѣйствительно, опунція является до нѣкоторой степени негоряею: вслѣдствіе значительнаго количества воды, наполняющей ея ткани, она не загорается и пожаръ травы и кустарниковъ, встрѣтившій на своемъ пути изгородь изъ опунцій, останавливается въ своемъ движеніи впередъ, не будучи въ состояніи проникнуть черезъ нее; травы и кустарники, растущіе по другую сторону изгороди остаются невредимыми.

Авторъ сообщенія былъ свидѣтелемъ одного большого лѣсного пожара на югѣ Франціи, причѣмъ онъ обратилъ особенное вниманіе на опунціи; оказалось, что пожаръ пощадилъ ихъ, что онѣ сравнительно легко перенесли жаръ и быстро оправились отъ понесенныхъ поврежденій: восемь дней спустя онѣ уже давали новые побѣги и новые бутоны начинали распускаться, тогда какъ ни одно изъ растений на обгорѣвшей почвѣ не обнаруживало признаковъ жизни. На основаніи этихъ наблюденій Rolland-Gosselin приходитъ къ выводу, что въ странахъ, гдѣ опунція можетъ произростать, слѣдовало бы устраивать живыя изгороди изъ этого растенія въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; устроивъ ряды параллельныхъ и перпендикулярныхъ посадокъ опунціи, можно раздѣлить лѣса на участки и такимъ образомъ воспрепятствовать распространенію пожара на большіе лѣсные участки: огонь уничтожилъ бы въ такихъ условіяхъ лишь ограниченный участокъ лѣса. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно бы даже попытаться акклиматизировать обыкновенные виды опунціи и искусственно культивировать ее, такъ какъ она можетъ оказать громадныя услуги. («Revue scientifique»).

Агрономія. *Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлію кротомъ?* Н. Wilson много занимался вопросомъ: въ какой мѣрѣ кротъ или различныя виды этого животнаго могутъ быть признаны врагами земледѣлія? Для рѣшенія вопроса онъ занялся прежде всего разсмотрѣніемъ того, что составляетъ главную и обыкновенную пищу крота; съ этой цѣлю онъ произвелъ вскрытіе нѣсколькихъ кротовъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ наполненъ ихъ желудокъ, такъ какъ

было бы крайне трудно слѣдить за кротомъ цѣлый день и наблюдать за тѣмъ, что онъ ѣсть и чего не ѣсть. Исслѣдовавъ содержимое желудка тридцати шести кротовъ, Wilson пришелъ къ тому общему и важному заключенію, что если въ желудкѣ крота и попадаетъ небольшое количество растительной пищи, то ея бываетъ очень мало и попадаетъ она въ желудокъ крота скорѣе по необходимости, чѣмъ по склонности животнаго къ растительной пищѣ. Такъ какъ кротъ роетъ свои жилища въ поверхностныхъ слояхъ почвы, ему поневолѣ приходится перегрызать корни злаковъ и другихъ культурныхъ растений; точно также, схватывая свою добычу, которая стремится убѣжать, онъ не можетъ избѣгнуть того, чтобы вмѣстѣ съ нею не захватить мелкихъ корней растений, которые заодно съ добычей и попадаютъ въ его желудокъ; но это дѣйствіе случайное и невольное. Въ дѣйствительности кротъ является животнымъ насѣкомояднымъ и лишь отыскивая насѣкомыхъ, живущихъ въ землѣ, и ихъ личинки, онъ по пути повреждаетъ нѣкоторые корешки. Тѣмъ не менѣе, кротъ до нѣкоторой степени вреденъ, если не для земледѣлія, то для садоводства. Съ другой стороны, несомнѣнно установлено, что другія мелкія млекопитающія пользуются галереями крота и забираются въ нихъ для добычи пищи. Между ними есть травоядные и вотъ они-то и поѣдаютъ обнаженные кротами корни. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ серьезныя опустошенія производитъ животное, известное подъ названіемъ *Agriocola giragis*. Въ началѣ сезона это маленькое млекопитающее устраиваетъ себѣ гнѣздо въ травѣ, но позже, когда скотъ уничтожитъ траву, оно забирается въ галереи, вырытыя кротомъ, и тамъ производитъ сильныя поврежденія корней, которыя съ перваго взгляда можно было приписать кроту; но послѣдній въ нихъ неповиненъ. Кротъ—животное насѣкомоядное. Его слѣдовало бы скорѣе защищать, такъ какъ, въ свою очередь, онъ защищаетъ посѣвы отъ червей вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ.

Медицина и гигиена. 1) *Шестидневная велосипедная гонка.* «*Médecine moderne*» сообщаетъ о нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, наблюдавшихся у участниковъ шестисуточной велосипедной гонки. Всѣ такія явленія были неизбѣжнымъ результатомъ анэмій мозга и нарушенія правильнаго питанія нервной системы, какъ послѣдствія переутомленія и истощенія отъ присутствія въ крови излишка продуктовъ мускульнаго утомленія.

Анемія мозга была наиболѣе частымъ симптомомъ, легче всего поддававшимся діагнозу. Она являлась обыкновеннымъ слѣдствіемъ начинавшагося упадка сердечной дѣятельности. Какъ только появлялись первые признаки такой анеміи, врачи заставляли участниковъ бѣга бросить состязаніе, если они не желали оставить бѣга при наступленіи симптомовъ болѣзненнаго состоянія.

Однако, нѣкоторые изъ конкурентовъ обнаружили совершенно необычайную неутомимость. Одинъ изъ нихъ по окончаніи бѣга изъявилъ готовность начать состязаніе снова на слѣдующій день. И дѣйствительно, исслѣдованіе его физическаго состоянія не обнаружило никакой ненормальности его здоровья, такъ что ничто не препятствовало бы продолженію бѣга.

Побѣдитель состязанія также находился въ удовлетворительномъ состояніи послѣ пройденнаго разстоянія въ 2.000 миль. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что въ теченіе всѣхъ шести сутокъ онъ принималъ минимальное количество животной пищи: онъ питался почти исключительно овощами, плодами, яйцами и жидкостями. Онъ не принималъ никакихъ возбуждающихъ средствъ и въ теченіе ста сорока четырехъ часовъ спалъ всего лишь девять часовъ съ четвертью.

2) *Взрывъ въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишка искусственной вентиляции.* Въ замѣткѣ, напечатанной въ «*Revue universelle des Mines*» F. Büttgenbach разсматриваетъ причины страшнаго взрыва въ каменноугольныхъ кояхъ въ Вестфаліи. Во время этого несчастія погибло 120 ра-

бочихъ, находившихся во время взрыва болѣе чѣмъ на 1.000 метровъ отъ мѣста взрыва, притомъ въ этажахъ, расположенныхъ на 200 метровъ выше этого пункта. Авторъ сопоставляетъ этотъ несчастный случай съ недавними изслѣдованіями Гальдана, который установилъ, что асфиксія можетъ быть произведена окисью углерода, подмѣшаннаго къ воздуху въ количествѣ 1,8%; такого количества окиси углерода достаточно, чтобы въ 8 минутъ произвести обморокъ и смерть въ 30, 40 минутъ.

Основываясь на этихъ выводахъ, Бюттгенбахъ приписываетъ недавнюю катастрофу въ Вестфалии дѣйствию окиси углерода, образовавшейся вслѣдствіе сгорания находившейся въ воздухѣ шахты мелкой каменноугольной пыли, которая загорѣлась отъ взрыва газа въ шахтѣ. Пыль же была быстро разнесена по всѣмъ галлереймъ дѣйствиемъ энергичной искусственной вентиляціи, которая практиковалась въ копи. При наличности печальныхъ результатовъ такого положенія дѣла, авторъ останавливается надъ вопросомъ: гдѣ же граница, которую не слѣдуетъ переходить при устройствѣ искусственной вентиляціи. Въ свое время Köhler рекомендовалъ какъ средство противъ несчастныхъ случаевъ въ такихъ обстоятельствахъ, немедленное снабженіе всѣхъ галлерей кислородомъ, но Бюттгенбахъ сомнѣвается въ практической пригодности этой мѣры. Практикуемая въ Германіи поливка галлерей съ цѣлью уменьшить способность пыли къ воспламенѣнію точно также, по его мнѣнію, не достигаетъ цѣли.

3) *Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ.* Задача уничтоженія отбросовъ въ большихъ городахъ является одною изъ наиболѣе трудныхъ заботъ, стоящихъ передъ городскимъ управленіемъ, если оно заинтересовано гигиеною и вопросами общей экономіи.

Какъ уничтожать отбросы? Научное разрѣшеніе вопроса можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: нужно закончить циклъ химическихъ и биологическихъ реакцій и процессовъ, одною изъ стадій котораго является поддержаніе челоуѣческаго организма.

Для жидкихъ и полужидкихъ нечистотъ задача получила, наконецъ, окончательное рѣшеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ни одна часть вольтъ канализаціонной системы (égouts) Парижа не будетъ направляться въ Сену, какъ это практиковалось до сихъ поръ; всѣ эти воды будутъ направляться на особо для этой цѣли отвѣденныя поля, которыя достаточно велики, чтобы очистить ихъ. Если бы, однако, оказалось, что поля недостаточно велики для того, чтобы вполне утилизировать всѣ удобряющіе элементы, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что поливка удобряющими водами распространится и на поля частныхъ владѣльцевъ, и такимъ образомъ будетъ гарантирована полная утилизациія одобренія.

Труднѣе задача уничтоженія твердыхъ отбросовъ. Она разрѣшалась различно. Обыкновенно, на специально для этой цѣли предназначенныхъ участкахъ земли складывались мусорныя кучки различной величины и въ этихъ кучахъ ованчивались процессы броженія. Но этотъ способъ представляетъ много неудобствъ: зараженіе воздуха сквернымъ запахомъ, потеря азота и части калиевыхъ солей, засореніе полей медленно разлагающимся, недѣятельнымъ матеріаломъ—вогь послѣдствія такого способа уничтоженія отбросовъ. Сожиганіе отбросовъ, широко практикующееся въ Англій, предпочтительнѣе съ гигиенической точки зрѣнія, но оно очень дорого и оставляетъ массу инертнаго пепла, который скоро представилъ бы серьезныя неудобства. Наконецъ, сожиганіе имѣетъ еще болѣе худую сторону, такъ какъ оно уничтожаетъ всѣ органическіе элементы, которые подъ названіемъ гумуса идутъ на питаніе растеній; почвы окрестностей Парижа, въ частности, очень бѣдны гумусомъ и сожиганіе этого драгоценнаго элемента въ такихъ условіяхъ является серьезной потерей. Обработка паромъ подъ давленіемъ, заимствованная у американцевъ, страдаетъ тѣмъ же главнымъ недостаткомъ: она разрушаетъ гумусъ. Съ точки зрѣнія гигиены она тоже не

вполнѣ выдерживаетъ критику, такъ какъ при этомъ распространяется скверный запахъ. Д-ръ J. Pioger нашелъ и послѣ долгихъ практическихъ опытовъ даль простое и полное разрѣшеніе трудной задачи. Онъ соорудилъ очень простую и удобную машину для измельченія твердыхъ отбросовъ. Последніе выходятъ изъ нея въ видѣ порошка, состоящаго изъ крупныхъ зеренъ, и поступаютъ прямо въ вагонъ, который долженъ увезти отбросы на мѣсто ихъ потребленія. Этотъ способъ имѣетъ то громадное преимущество, что при немъ ничто не пропадаетъ, такъ какъ ферментация отбросовъ начинается лишь черезъ два дня и начинается уже на поляхъ для ихъ же пользы. Чрезвычайная простота труда, требующаго лишь двигательной машины и машины для измельченія, дѣлаетъ его въ высшей степени экономнымъ. Продуктъ является въ чрезвычайно удобной формѣ для перевозки и для равномернаго разбрасыванія по поверхности удобряемаго поля. Зимой земледѣлецъ безъ неудобствъ можетъ запастись матеріаломъ; процессы броженія въ это время сильно замедлены или даже почти прекращаются. Чтобы предохранить себя отъ выдѣленія сквернаго запаха, достаточно покрыть кучи тонкимъ слоемъ гипса или извести. Итакъ, мы видимъ, что при способѣ, предложенномъ J. Pioger'омъ теоретическій циклъ химическихъ и биологическихъ реакцій доведенъ до своего минимума и является вполнѣ законченнымъ. На практикѣ, къ тому же, онъ явится наиболѣе дешевымъ и выгоднымъ.

Новая задача, поставленная на разрѣшеніе насущной потребностью социальной жизни, такимъ образомъ, еще разъ разрѣшена съ помощью науки и практики—единеніе необходимое для того, чтобы разрѣшеніе такихъ задачъ могло явиться рациональнымъ и полезнымъ для человѣчества. («R. générale des sciences»).

Н. М.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль.

1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія. — Антропология. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература*: Изъ западной культуры. «Schicksatsmensch». Ив. Иванова. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Н. Потапенко. «Повѣсти и рассказы». — *А. Вербицкая*. «Сны живни», рассказы.

И. Н. Потапенко. Повѣсти и рассказы. Т. XII. Ц 1 р. Изд. Ф. Павленова. Спб. 1899 г. Врядъ ли кому изъ беллетристовъ доставалось столько отъ критиковъ и рецензентовъ, какъ г-ну Потапенкѣ, за его, будто бы много-и-скорописаніе. Двѣнадцатый томъ повѣстей и рассказовъ — развѣ жъ это не много, когда произведенія лучшихъ нашихъ современныхъ писателей укладываются въ два, три томька? Съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Ни въ чемъ, быть можетъ, не сказывается больше русская «непроизводительность», та «improductivité slave», которая вошла въ пословицу на Западѣ, какъ въ работѣ нашихъ художниковъ послѣдняго времени, и только поэтому-то написанные г. Потапенкой двѣнадцать томиковъ въ теченіе почти 20 лѣтъ кажутся чѣмъ-то прямо невѣроятнымъ. Но если сравнить эту художественную работу съ продуктивностью большихъ художниковъ западно-европейской литературы, она покажется вполне умѣренной. Да и вообще, это странное отношеніе къ писателю — измѣрять его достоинство количествомъ имъ написаннаго. Большая часть русскихъ писателей, дѣйствительно, крайне непроизводительны. По большей части, это люди порыва, и для длительной плодотворной работы, за рѣдкими исключеніями, они просто неспособны. Написать человекъ смаху одну, двѣ вещи, сразу выскажется весь безъ остатка — и надолго, а нерѣдко и навсегда — замолкнетъ. Неумѣнье русскаго человека работать вообще, его склонность къ созерцательной лѣни и врожденное отвращеніе къ непрерывно-дѣятельной жизни — отразилась и въ литературѣ, гдѣ даже выработалась особая, оправдывающая эту лѣнь теорія, согласно которой таланты не нуждаются въ работѣ. Они должны все брать съ налету, создавать не трудясь и пожинать лавры, не вѣдая мукъ труда творчества, который, какъ и всякій трудъ, есть тяжкій и мучительный долгъ. Отсюда эта неспособность русскаго писателя работать изо дня въ день, сосредоточиваться на этой работѣ и хотя медленно, но съ каждымъ шагомъ подвигаться впередъ, совершенствуясь въ технику, расширяя и углубляя содержание своего таланта.

И. Н. Потапенко составляетъ счастливое исключеніе въ смыслѣ рабочей способности и трудовой бодрости, что вмѣстѣ съ его талантомъ, котораго не отрицаютъ въ немъ даже наиболѣе придирчивые критики, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ живыхъ и занимательныхъ беллетристовъ. Обладая тѣмъ особымъ достоинствомъ, которое такъ цѣнилъ въ художникѣ Тургеневъ — выдумкой, г. Потапенко никогда не повторяется, всегда умѣетъ выбрать интересную и жи-

вую тему и привлечь къ ней вниманіе читателя. Между многочисленными его произведеніями есть, конечно, вещи различнаго достоинства, но ни одной нельзя отказать въ интересѣ и жизненности. Бодрость и живость—вотъ двѣ отличительныя черты его таланта, которыми онъ больше всего подкупаетъ читателя. Одинъ изъ своихъ романовъ онъ назвалъ «Живая жизнь», и намъ кажется, что эти слова могутъ служить общей характеристикой его художественнаго творчества. Именно живая жизнь во всей безконечности ея проявленій служить ему неисчерпаемымъ источникомъ, жизнь во всѣхъ проявленіяхъ которой онъ относится съ одинаковой любовью и интересомъ, будетъ ли то бѣдная, захудалая, такая однообразная по внѣшности жизнь нашего сельскаго духовенства, такъ прекрасно изображенная имъ въ рядѣ повѣстей и чудесныхъ очерковъ, или жизнь интеллигентной среды, мятущаяся и волнуемая, безпокойная и лишенная того центра, который вырабатывается только долгой и стойкой культурой, или наша молодежь, всегда стремительная, спѣшно живущая, жадная къ новымъ впечатлѣніямъ и новымъ ученіямъ, или низшая городская среда, ютящаяся на задворкахъ городской культуры. За это разнообразіе его темъ и живое, не мучительно-выдуманное отношеніе къ нимъ его нерѣдко упрекали въ безпринципности,—упрекъ, по нашему мнѣнію, равно несправедливый и неосновательный. Г. Потапенко, дѣйствительно, писатель не тенденціозный, не подгоняющій свои сюжеты къ заранѣе выбранному шаблону, къ опредѣленному направленію, разъ и навсегда избранному писателемъ. Но вы всегда ясно видите и чувствуете, гдѣ симпатія автора, что живѣе заставляетъ биться его сердце и вызываетъ въ немъ гнѣвъ или негодованіе. Въ немъ нѣтъ безстрастнаго равнодушія, хотя, какъ истый художникъ, онъ никогда не подчеркиваетъ, находя вполнѣ справедливо излишнимъ дѣлать своихъ героевъ на праведныхъ и козлищъ, представляя этотъ судъ уму и сердцу читателя.

Переходя къ двѣнадцатому тому, мы должны отмѣтить и недостатки г. Потапенки, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ торопливости его работы, въ недостаточной отдѣланности и продуманности его произведеній, которыя всегда хорошо задуманы, но далеко не всегда доведены до конца съ надлежащимъ вниманіемъ. Такъ, въ этомъ томѣ есть двѣ вещи—«Уставъ» и «Двѣ полосы», очень интересныя по темѣ, но, что называется, скомканныя до послѣдней степени. «Уставъ» названъ даже повѣстью, хотя всѣ лица въ ней чуть-чуть лишь намѣчены. Между тѣмъ, одинъ характеръ, хотя бы чиновника Похожева, умнаго, дѣльнаго и ученаго магистра, промѣнявшаго каедрю на бойкую бюрократическую карьеру и томящагося пустотой и безцѣльностью своей работы въ канцелярскихъ нѣдрахъ, гдѣ весь его умъ и наука уходятъ въ упорядоченіе ничтожныхъ дѣлъ, нисколько не увлекающихъ его,—это такой современный типъ, который могъ бы послужить для цѣлага романа. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно «эпизода изъ недавняго прошлаго», какъ названъ рассказъ «Двѣ полосы», въ которомъ авторъ коснулся очень интересной темы. Разсказана исторія одного фиктивнаго брака, но именно только «разсказана»: въ повѣсти нѣтъ дѣйствія, мы не видимъ героевъ, не слышимъ ихъ рѣчей—за нихъ дѣйствуетъ и говорятъ авторъ, торопливо, скороговоркой, словно куда-то спѣшить, лишь бы скорѣе покончить съ надоевшей ему исторіей. Авторъ какъ-будто нарочно портить то, что при обработкѣ могло бы дать одинъ изъ интереснѣйшихъ романовъ, какіе въ недавнемъ прошломъ очень нерѣдко разсыпались въ жизни нашей воинствующей интеллигенціи.

Двѣ другихъ вещи—«Мужицкая канитель» и «Сфинксъ»—уже совсѣмъ въ иномъ родѣ. Это наблюденія надъ жизнью деревни, написанныя просто и живо въ особенности «Мужицкая канитель», содержаніемъ которой служатъ сцены въ волостномъ судѣ, гдѣ предъ нами проходятъ деревенскіе типы и раскрываются разные характерные случаи крестьянской жизни. «Сфинксъ»—рассказъ

изъ жизни интеллигента, попавшаго на лѣто въ деревню, куда онъ привозить съ собой и готовый, заимствованный изъ книги взглядъ на крестьянство, которое оказывается въ дѣйствительности сфинксомъ, мудреной загадкой, такъ и не поддавшейся рѣшенію заѣзжаго горожанина. Изъ деревни онъ увозитъ одну только для него неизблемую истину, что народъ просто-на-просто изголодался и что его прежде всего «кормить надо». Написаны и «Мужичья канитель», и «Сфинсъ» живо и интересно и, какъ все, что касается жизни современной деревни, заслуживаютъ вниманія.

А. Вербицкая. Сны жизни. Разказы. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. Непонятно и странно, почему авторъ назвалъ сборникъ своихъ разказовъ «Сны жизни», когда существенное достоинство ихъ заключается именно въ реальности содержанія. Такое вычурное и по существу неясное заглавіе нежель вести многихъ въ заблужденіе, что во всякомъ случаѣ не въ интересахъ автора. Сборникъ заключаетъ семь разказовъ, не одинаковаго, конечно, достоинства, но всѣ вполне заимствованы изъ дѣйствительности, которую съ большимъ или меньшимъ талантомъ пытается воспроизвести г-жа Вербицкая. Каждый изъ нихъ даетъ картинку жизни, хорошо обдуманную и въ общемъ умѣло нарисованную, написанную въ задушевномъ, хотя мѣстами и приподнятомъ тонѣ, что не всегда отвѣчаетъ содержанію. Лучшихъ два очерка—«Пробужденіе» и «Элегія», впрочемъ, свободны отъ этого недостатка, дающаго себя чувствовать сильнѣе всего въ разказѣ «Репетиторъ». Это одна изъ обычныхъ, къ сожалѣнію, у насъ исторій бѣдственной жизни бѣдняка студента, всѣми силами выбивающагося къ жизни изъ путь горькой нищеты, тормозящихъ всѣ его порывы. Но какъ ни горька сама по себѣ такая жизнь, все же возводитъ ее чуть не въ трагедію значить неумѣло подходить къ факту, давая ему ложное освѣщеніе и въ то же время, вмѣсто сочувствія, вызывая въ читателѣ легкую и неумѣстную насмѣшку надъ злоподучнымъ героемъ. Справедливо, много хорошихъ силъ пропадаетъ у насъ также, какъ и этотъ бѣднякъ репетиторъ. Но задача художника не въ томъ, чтобы ахать и охать по этому случаю, а заставить насъ пережить и почувствовать эту разбитую жизнь, представивъ ее во всей художественной правдивости и простотѣ.

Тамъ, гдѣ авторъ не взвинчиваетъ себя и остается вѣрнымъ правдѣ, не выходя изъ рамокъ сюжета, ему это почти всегда удается. Таковъ очеркъ «Элегія», написанный дѣйствительно хорошо и задушевно. Выведенныя двѣ противоположныя натуры—черстваго эгоиста, не понимающаго ничего, что прямо и непосредственно его не касается, и простой, но доброй и чуткой дѣвушки-учительницы, любящей свое дѣло,—очерчены просто и даже ярко. Очень хорошо также разказъ—«Одна», въ которомъ сильно и живо представлена опять эгоистическая натура, готовая принести въ жертву весь міръ своему «я», съ ненавистью отворачивающаяся отъ всего, что не мирится съ такимъ чудовищнымъ себялюбіемъ. Два разказа «Ночью» и «Поздно» написаны на одну и ту же тему—печальнаго сознанія, что жизнь кончена и впереди остается будничное, не скрашенное живымъ чувствомъ существованіе. Оба разказа нѣсколько испорчены шаблонностью обработки: «онъ» и «она» начинаютъ ныть въ одну и ту же ноту и, правду сказать, не вызываютъ особаго сочувствія. Не видно, почему эта жизнь, какъ они сами ее себѣ устроили, не дала имъ того, что имъ хотѣлось бы у нея взять. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что эта унылая нотка звучитъ вообще во всемъ сборникѣ, дѣлая его нѣсколько монотоннымъ, по преобладающему въ разказахъ настроенію неудовлетворенности и тоски жизни. Конечно, такое настроеніе вполне законно и не мѣшаетъ художественности впечатлѣнія, но когда всѣ очерки имъ провикнуты, то получается въ общемъ избытокъ тоскливаго ощущенія и нѣкоторое досадливое ощущеніе безцѣльнаго нытья. Отъ этого настроенія вполне свободенъ только раз-

сказъ «Пробужденіе», правда, тоже не веселый по сюжету, но въ которомъ чувствуется бодрое вѣяніе молодой и готовой къ житейской борьбѣ любви, съ радостью идущей на встрѣчу суровымъ задачамъ жизни. Это бодрящее настроеніе отразилось и на виѣшности очерка, написаннаго сжато, безъ лишннихъ словъ и деталей, подчеркиваній и утомительной растянутости, что даетъ себя чувствовать въ большинствѣ произведеній г жи Вербицкой.

Общее, однако, впечатлѣніе, какое выносишь изъ настоящаго сборника, все же въ пользу автора, котораго выгодно выдѣляетъ его горячее сочувствіе ко всему живому и страждущему, его умѣнье обрисовать темныя стороны изображаемой ими жизни и передать свое настроеніе читателю. Несомнѣннымъ также достоинствомъ является хорошій языкъ. Какимъ написаны рассказы, хотя ему и не достаетъ пластической образности и яркости въ описаніяхъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Мижуевъ. «Очеркъ развитія средняго образованія въ Англіи».—*Г. Листенбергъ.* «Афоризмы».

П. Г. Мижуевъ. Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Ц. 80 к. Изд. ред. журнала «Русская Школа». 1898 г. Вопросъ о необходимости реформы нашей средней школы, преобразованной въ 70-хъ годахъ, настолько назрѣлъ въ настоящее время, что даже самыя ярые сторонники реформы гр. Д. А. Толстого признаютъ его и если продолжаютъ отстаивать классическую систему, какъ такую, все же соглашались, что въ своемъ современномъ видѣ она не отвѣчаетъ запросамъ времени. Любопытно и полезно поэтому ознакомленіе съ постановкой средней школы въ другихъ странахъ, опытъ которыхъ, болѣе длительный и болѣе разумно обставленный, даетъ хорошій матеріалъ для сравненія и выводовъ о примѣнности и удобствахъ той или иной системы. Въ этомъ отношеніи средняя школа въ Англіи даетъ особенно поучительныя данныя. Здѣсь она сложилась вѣками; есть школы съ вѣковыми традиціями, съ цѣлой исторіей, въ которой накапливался матеріалъ наблюденій и фактовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Книга г. Мижуева, посвященная этой исторіи и современному ходу развитія средней школы въ Англіи, очень своевременна и очень интересна. «Англійская общественная школа,—говоритъ авторъ,—по своимъ внутреннимъ порядкамъ представляетъ Англію въ миниатюрѣ; децентрализованное управленіе, власть, рѣдко напоминающая о себѣ при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, дѣйствующая издалека и рассчитывающая болѣе на нравственное вліяніе своего авторитета, нежели на одну силу принужденія. «Мониторы» (старшіе изъ учениковъ, «старшины») — настоящіе помощники директора и тьюторовъ (воспитателей) по наблюденію за порядкомъ въ школѣ — научились разумно пользоваться властью добровольнымъ повиновеніемъ въ младшихъ классахъ. Они достигли старшаго класса, не переставая быть въ обществѣ со старшими въ школѣ учениками, всегда сохраняя отчетливое сознаніе того, что одобряется или порицается общественнымъ мнѣніемъ товарищей, они привыкли уважать личность каждаго воспитанника, если только прямыя интересы школы не требуютъ принесенія въ жертву интересовъ отдѣльнаго лица... Въ англійскихъ школахъ наказанія рѣдки. Обращаясь къ дѣтямъ, стараются воздѣйствовать на ихъ чувство чести, поднять въ нихъ чувство отвѣтственности за свои поступки, а никакъ не полагаются на одиѣ лишь угрозы наказанія». Такова воспитательная сторона школы. Образовательная стоитъ не менѣе высоко. Хотя преобладаетъ классическая школа, но за послѣднее время «древніе языки, и въ особенности греческій,

все болѣе и болѣе теряютъ свое привилегированное положеніе, уступая мѣсто естествознанію и новымъ языкамъ. По изслѣдованію директора школы Харроу, обратившагося съ запросомъ въ 75 главныхъ англійскихъ школъ, оказывается, что изъ 20.000 учениковъ этихъ школъ болѣе 10.000 не учится греческому языку». Сокращены также требованія по древнимъ языкамъ даже въ наиболѣе консервативныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Англій, въ университетахъ Кембриджа и Оксфорда.

Англичане въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый консервативный народъ и упорно держатся извѣстныхъ традицій. То же самое проявляется и въ развитіи средней школы, гдѣ они не допускаютъ никакой ломки. Но такъ какъ школы находятся всецѣло въ рукахъ общества, то, по мѣрѣ новыхъ требованій жизни, вводятся и новые предметы, измѣняются постепенно программы старыхъ и вырабатывается въ общемъ типъ школы необыкновенно устойчивый, но въ то же время и необыкновенно эластичный, вполне приспособляемый къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ общество. При всемъ разнообразіи программъ, которыя каждая школа вырабатываетъ примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ, въ англійской системѣ средняго образованія есть одна общая всѣмъ школамъ неизмѣнная тенденція—школа должна служить интересамъ и потребностямъ общества. Школа для общества, а не наоборотъ. Только такимъ путемъ вырабатываются въ этой школѣ настоящіе люди, тѣ знаменитости, имена которыхъ вырѣзаны на столахъ главнѣйшихъ школъ и которыми онѣ гордятся, какъ виднѣйшими образцами проводимаго школою воспитательнаго метода. Но чтобы стать такою, школа должна быть достоиніемъ именно общества, и гдѣ этого нѣтъ, тамъ школа превращается въ мертвящую схоластическую дисциплину, уродующую личность и приготавливающую безвольныя орудія, а не живыхъ и энергичныхъ дѣятелей.

Г. Х. Лихтенбергъ Афоризмы. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Георгъ Христофоръ Лихтенбергъ, имя котораго едва ли многимъ извѣстно, принадлежалъ къ числу выдающихся людей прошлаго столѣтія, по уму и всесторонней эрудиціи родственныхъ такимъ универсальнымъ гевіямъ, какъ Лейбницъ или Вольтеръ. Пршшлое столѣтіе было особенно богато такими удивительно свѣтлыми разносторонними умами, представлявшими ходячую энциклопедію своего времени. Люди тогда были еще далеки отъ современной намъ удручающей специализаціи, дѣлающей насъ какими-то книгами, замкнутыми для всякаго, кто не принадлежитъ къ одному съ нами цеху. Они смотрѣли на міръ, какъ на открытое поле для своей любознательности, и стремились объять его, открывая въ то же время свои знанія и душу для всѣхъ. Лихтенбергъ представляетъ замѣчательный типъ такого пытливаго и открытаго для общенія со всѣми ума. Замѣчательный лингвистъ, ученый и талантливый математикъ, критикъ и глубокій, острый аналитикъ, онъ всю жизнь проводитъ въ движеніи, путешествуетъ, читаетъ лекціи, всѣмъ и всѣмъ интересуется и никогда не останавливается въ своей ненасытимой страсти все узнать, все видѣть и понять. Болѣзненный отъ рожденія, горбатый, вслѣдствіе несчастнаго случая въ дѣтствѣ, онъ проявилъ удивительную нервную силу, выразившуюся въ многочисленности и разнообразіи его умственныхъ интересовъ, въ какой-то вѣчно-юношеской порывистости души и неугомонности духа, какъ можно судить по его сочиненіямъ, касающимся самыхъ разнородныхъ темъ. Но изъ всего этого духовнаго наслѣдства сохранилъ значеніе до нашихъ дней и обезсмертилъ его имя — дневникъ, или, какъ онъ самъ называлъ его, — книга мыслей, составленная изъ замѣтокъ, афоризмовъ, сужденій и всегда остроумныхъ, хотя и бѣглыхъ иногда наблюденій. По мѣткости, глубинѣ и силѣ выраженія, эти афоризмы съ полнымъ правомъ могутъ быть поставлены на ряду съ извѣстными афоризмами Лябрюйера, Ларошфуко и мыслями Паскаля. Правда, имъ не-

достаётъ той легкости и артистической законченности, которыми отличаются афоризмы названныхъ французскихъ мыслителей. Въ афоризмахъ Лихтенберга сказалась тяжеловѣдность тевтонскаго ума, съ его стремленіемъ, повозможности, втиснуть все, что можетъ войти въ данные предѣлы, чтобы съ наибольшей точностью и полнотой выразить данную мысль. Но если отъ этого его афоризмы теряютъ въ легкости и изяществѣ, зато они выигрываютъ въ глубинѣ и опредѣленности.

Предлагаемый сборникъ представляетъ это главное произведеніе Лихтенберга въ переводѣ г. Соколова, вѣрно передающемъ какъ форму, такъ и сущность подлинника. Для характеристики какъ перевода, такъ и для нѣкотораго ознакомленія съ содержаніемъ афоризмовъ Лихтенберга, приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, болѣе простые и легче запоминаемые.

«Въ разумѣ—человѣкъ, въ страстяхъ—Богъ.

«Рабскій поступокъ—не всегда поступокъ раба.

«Во многихъ отношеніяхъ привычка очень вредна. Это ея дѣло, когда несправедливость считаютъ справедливостью и ошибку—истиною.

«Кто могъ бы подражать хорошо, тотъ рѣдко подражаетъ.

«Перемудрить—это одинъ изъ самыхъ позорныхъ видовъ глупости.

«Гордость, благородная страсть, не закрываетъ глазъ на свои ошибки. Это дѣлаетъ только высокомеріе.

«Давать обѣтъ—большій грѣхъ. чѣмъ нарушить его.

«Наши слабости намъ не вредятъ, когда мы ихъ знаемъ.

«Тамъ, гдѣ умѣренность—ошибка, равнодушіе—преступленіе.

«Дѣвушка, которая открываетъ своему другу тѣло и душу, открываетъ ему тайны всего женскаго пола; каждая дѣвушка—это жрица женскихъ мистерій. Бываютъ случаи, когда крестьянская дѣвушка выглядитъ, какъ королева по душѣ и тѣлу.

«Природа создала дѣвушекъ такъ, что онѣ должны дѣйствовать не по принципамъ, а по ощущеніямъ.

«Краснѣютъ ли люди отъ стыда въ потемкахъ? Думаю, что отъ страха въ потемкахъ блѣднѣютъ, но краскѣ стыда въ темнотѣ не вѣрю. Блѣднѣютъ только для себя, а краснѣютъ и для себя, и для другихъ. Вопросъ, краснѣютъ ли дѣвушки въ темнотѣ, очень важный вопросъ,—по крайней мѣрѣ, такой вопросъ, который нельзя рѣшить при дневномъ свѣтѣ.

«Не удивительно ли, что люди такъ часто воюютъ за религію и такъ рѣдко живутъ по ея предписаніямъ?

«Даже самые умные люди гораздо охотнѣе встрѣчаютъ тѣхъ, которые приносятъ деньги, чѣмъ тѣхъ, которые ихъ уносятъ.

«Ошибаться—потому человѣческое свойство, что животныя ошибаются мало или совсѣмъ не ошибаются,—по крайней мѣрѣ, самыя умныя изъ нихъ».

По этимъ выхваченнымъ нами на улачу мѣткимъ и красивымъ афоризмамъ читатели могутъ составить отчасти представленіе объ умѣ Лихтенберга, нѣсколько скептическомъ и склонномъ къ недовѣрью и анализу самыхъ, повидимому, установившихся положеній. Не менѣе остроумны его наблюденія въ области психологіи, въ которыхъ онъ является тонкимъ аналитикомъ, умѣющимъ подмѣтить всевозможные оттѣнки душевныхъ настроеній.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ю. Белохъ. «Исторія Греціи». — Ж. Губеръ. «Исторія іовуятовъ». — В. К. Надлеръ. «Лекціи по исторіи французской революціи». — Жюссеравъ. «Исторія англійскаго народа».

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. I. Москва. 1897 (XIII+500 стр. 8°). Ц. 2 р. Т. II. М. 1899 (X+527 стр. 8°). Ц. 2 р. «Исторія Греціи» проф. Белоха обратила на себя вниманіе уже при появленіи ея перваго тома на нѣмецкомъ языкѣ въ 1893 г. Въ 1897 г. она была закончена изданіемъ втораго тома, въ которомъ изложеніе заканчивается завоеваніемъ Азіи Александромъ Македонскимъ. Глубокое знаніе источниковъ, здравая и смѣлая историческая критика и основанная на ней оригинальность и независимость взглядовъ на многія явленія греческой исторіи, талантливое, изящное изложеніе—все это дѣлаетъ трудъ Белоха важнымъ не только для специалистовъ ученыхъ, но и для болѣе широкаго круга читателей. Уже давно не появлялось труда по исторіи Греціи, охватывающаго такой большой промежутокъ времени (около пяти столѣтій), который представлялъ бы такую органически-цѣльную картину историческаго развитія эллинскаго племени. Особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что въ книгѣ важное мѣсто занимаютъ главы, излагающія *экономическое* развитіе Греціи. Эти главы появляются въ общемъ изложеніи греческой исторіи впервые. Мы, конечно, не можемъ въ рецензіи передать всѣ подробности изложенія проф. Белоха. Намъ поневолѣ придется ограничиться только нѣкоторыми чертами, наиболѣе отступающими отъ обычнаго изложенія греческой исторіи.

Первый томъ доводитъ исторію Греціи до похода ахивянъ въ Сицилію 415 года. Въ восстановленіи древнѣйшаго періода авторъ старается, по возможности, освободиться отъ вліянія греческаго преданія, которое, по его мнѣнію, представляетъ довольно позднія комбинаціи, имѣвшія цѣлью согласовать историческіе факты съ данными національной эпической поэзіи, которую греки принимали за историческое преданіе. Отсюда цѣлый рядъ мифовъ о расселеніи и переселеніяхъ греческихъ племенъ, объ основаніи различныхъ городовъ и колоній. Переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ, которое обыкновенно принимается за древнѣйшій историческій фактъ, Белохъ считаетъ такимъ же мифомъ. Въ древнѣйшую пору греческой исторіи главную роль въ экономической жизни играло скотоводство: быки и овцы играли роль денегъ. Но вскорѣ и сельское хозяйство начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Общинное владѣніе землею, остатки котораго еще сохраняются мѣстами, уже начинаетъ замѣняться личною собственностью: уже существуютъ безземельные батраки. Богатые аристократы защищаютъ свое привилегированное положеніе противъ нищихъ сельскихъ работниковъ и мелкихъ собственниковъ при помощи металлическаго вооруженія и боевой колесницы. Между греческими колоніями и метрополіей поддерживались постоянныя торговыя связи, которыя сильно способствовали развитію греческой національной промышленности, и постепенно произведенія Востока, привозимыя финикійскими купцами, были вытѣснены греческими товарами. Съ развитіемъ торговли и мореплаванія прекращается мало-по-малу морской разбой, устанавливаются мирныя отношенія и развивается институтъ гостепріимства (проксевія). На почвѣ дальнѣйшаго развитія земледѣлія пропасть между богатыми и бѣдными увеличивается: хозяева мелкихъ надѣловъ попадаютъ въ рабство къ богачамъ. Возникшія на этой почвѣ неурядицы стараются уладить установленіемъ точныхъ законовъ и реформами (напр., Солона). Но это мало помогало дѣлу, такъ какъ экономическое господство аристократіи этими реформами обыкновенно не устранилось. Народъ волновался,

свергаль аристократическое правленіе и ставилъ во главѣ государства тирановъ. Но тиранія рѣдко удерживалась долго. Сослуживъ свою кратковременную службу, тиранія уступала свое мѣсто демократіи. Побѣдоносная борьба противъ Персіи повлекла за собою еще большее развитіе метрополіи. Экономическій центръ тяжести изъ малоазіатскаго побережья перемѣстился въ метрополію, такъ какъ торговыя сношенія колоній съ враждебной Персіей были затруднены и взаимнѣ того еще болѣе усилились сношенія съ метрополіей. Подъ верховнымъ руководствомъ Аѳинъ для защиты противъ Персіи складывается союзъ греческихъ государствъ. Демократическій строй распространяется въ большинствѣ государствъ греческаго міра. Аѳины и Спарта, достигшія полнаго расцвѣта, наконецъ, приходятъ въ столкновеніе и возгорается Пелопонесская война.

Мы не станемъ останавливаться на изложеніи политическихъ событій, а перейдемъ прямо къ содержанію второго тома, гдѣ тоже, главнымъ образомъ, отмѣтимъ нѣкоторыя оригинальныя возрѣнія автора. Развившаяся въ Аѳинахъ демократія страдала большими недостатками. Невѣжественное большинство народнаго собранія, плохо понимая политическія дѣла, естественно должно было подчиняться наиболѣе ловкимъ руководителямъ, и на этой почвѣ развилась демагогія, которая угождала низменнымъ инстинктамъ толпы. Главную язву демократіи составляло судопроизводство. Чтобы устранить возможность подкупа бѣдабѣйшихъ гражданъ, имѣвшихъ право быть присяжными, приходилось составлять суды изъ сотенъ присяжныхъ и назначать имъ жалованье за эту службу. Поэтому въ судъ старались попасть бѣднѣйшіе классы, которые изъ этого занятія сдѣлали себѣ профессію. Рѣшеніе вопроса по большей части зависѣло отъ большей или меньшей ловкости обвинителя или защитника, такъ какъ судьбы во многихъ случаяхъ очень плохо понимали то дѣло, которое они были призваны рѣшать, въ особенности если дѣло шло о какомъ-либо выдающемся государственномъ дѣятелѣ или полководцѣ. Дѣло дошло даже до того, что государственные процессы превратились въ средство пополненія государственной казны, такъ какъ имущество осужденнаго конфисковалось. Рядомъ съ этимъ развилась и система доносовъ, и множество ловкихъ адвокатовъ жило вымогательствомъ денегъ у богатыхъ людей подѣ угрозой судебного обвиненія. И аѳинская демократія запятнала себя множествомъ несправедливыхъ судебныхъ рѣшеній. Эти недостатки демократіи создали многочисленную партію отверженцевъ олигархіи, въ которой народное собраніе составлялось изъ того или другого опредѣленнаго количества гражданъ. Поэтому по окончаніи Пелопонесской войны почти всюду въ Греціи распространяется олигархія, которую въ томъ или другомъ видѣ вводила Спарта въ покоренныхъ городахъ. Но правленіе олигарховъ, какъ, напр., правленіе «тридцати» въ Аѳинахъ, запятнало себя еще большими несправедливостями и ужасами. нежели демократія, и послѣ непродолжительнаго господства она снова стала уступать мѣсто прежней формѣ правленія. Побѣда оиванцевъ при Левитрахъ надъ Спартою, главною защитницею олигархіи, повела за собою распаденіе Пелопонесскаго союза и возстановленіе демократіи въ большинствѣ городовъ, невольныхъ союзниковъ спартанцевъ.

Жизненная сила Греціи проявилась въ этотъ періодъ непрерывныхъ войнъ особенно въ томъ, что, не смотря на бѣдствія войны, она продолжала экономически развиваться. Земледѣліе въ этотъ періодъ уже начинаетъ терять свое первенствующее значеніе въ хозяйствѣ, и Греція становится все болѣе и болѣе страной промышленной. Однако и земледѣліе сдѣлало успѣхи. Господствовавшая прѣжде двухпольная система смѣнилась трехпольной, по крайней мѣрѣ въ болѣе благоустроенныхъ хозяйствахъ. Теоретическая разработка вопросовъ сельскаго хозяйства въ многочисленныхъ трактатахъ свидѣтельствуетъ о дви-

женіи впередъ этого дѣла. Но наибольшаго развитія въ это время достигаетъ промышленность. Въ Аѳинзахъ къ концу Пелопонесской войны существовали фабрики, на которыхъ работало до 120 человѣкъ, конечно, рабовъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло велось единичнымъ капиталистомъ, но встрѣчаются также и торговыя компаніи, въ особенности въ сферѣ морской торговли. Кромѣ того, товарищества создавались въ такихъ крупныхъ дѣлахъ, какъ откупъ государственныхъ налоговъ, постройка общественныхъ зданій, поставка припасовъ и т. под. Развивалось также и банковое дѣло. Первоначально банками служили храмы, куда отдавали на храненіе деньги какъ государства, такъ и частныя лица. Развитіе торговли привлекло къ банкирскому дѣлу и частныхъ лицъ; они принимали вклады, производили платежи за счетъ своихъ кліентовъ или давали деньги взаймы и т. под. Такія мѣняла сидѣли на рынкахъ за столами, почему у грековъ банкъ назывался «столомъ». Главнымъ денежнымъ рынкомъ въ Греціи были Аѳины. Количество драгоцѣнныхъ металловъ въ это время значительно увеличилось, что привело къ всеобщему повышенію цѣнъ и, сообразно съ этимъ, заработной платы. Пропастъ между богатыми и бѣдными увеличилась. Мѣстности, населеніе которыхъ занималось по преимуществу земледѣліемъ, какъ, напр., въ Спартѣ, страдали особенно сильно. «Здѣсь ясно обнаружилось, какъ безсильны законодательныя постановленія передъ силою экономическихъ отношеній. Запрещеніе отчуждать наслѣдственный надѣлъ должно было защитить массу крестьянства, но оно оказалось какъ-разъ противоположное вліяніе, потому что, въ силу этого закона, безземельному или малоземельному и потому необеспеченному хлѣбопашцу было крайне трудно пріобрѣсти кусокъ земли, развѣ только ему посчастливилось жениться на дочери-наслѣдницѣ» (стр. 288 сл.). Положеніе такихъ людей ухудшалось еще и тѣмъ, что примѣненіе рабскаго труда въ промышленности не давало возможности обѣднѣвшимъ гражданамъ поступать на фабрики или работать въ помѣстьяхъ богатыхъ. Поэтому множество грековъ поступало въ качествѣ наемниковъ на службу въ войска иностранныхъ государей.

Послѣднія главы книги излагаютъ исторію возвышенія Македоніи при Филиппѣ, объединеніе Греціи подъ скипетромъ этого государя и завоеваніе Азіи Александромъ Македонскимъ. Въ характеристикѣ дѣятелей и оцѣнкѣ событій этого періода авторъ отступаетъ отъ наиболѣе распространенныхъ взглядовъ въ томъ отношеніи, что онъ не смотритъ, какъ большинство историковъ, на событія этого времени глазами Демосѳена. Поэтому въ его изложеніи Демосѳенъ не является безупречнымъ и дальновиднымъ политикомъ, и Филиппъ не является олицетвореніемъ хитрости и коварства.

Въ книгѣ приложенъ краткій обзоръ источниковъ исторіи Александра Великаго. Кромѣ того, текстъ постоянно сопровождается подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ читатель можетъ найти указанія на источники того или другого свѣдѣнія, разборъ хронологическихъ вопросовъ, указанія на новѣйшую литературу вопроса часто съ критическими замѣчаніями, а иногда и болѣе подробное обоснованіе высказаннаго въ текстѣ взгляда. Все это дѣлаетъ сочиненіе Белоба превосходнымъ пособіемъ для ознакомленія съ греческой исторіей. Въ очеркахъ науки и искусства мы встрѣчаемъ множество блестящихъ характеристикъ, изъ которыхъ достаточно указать, напр., на характеристики Сократа и Платона.

Что касается перевода на русскій языкъ, то вообще его надо признать очень хорошимъ, хотя и встрѣчаются въ немъ неудобныя выраженія въ родѣ «запустошенныя поля» (стр. 467; можетъ быть, опечатка?). Нельзя не пожалѣть о томъ, что переводчикъ или издатель сочли лишнимъ помѣстить и при русскомъ переводѣ указатель именъ и карту. Если авторъ счелъ необходимымъ сдѣлать это въ подлинникѣ, то въ русскомъ переводѣ это было тѣмъ болѣе необходимо,

что хорошихъ историческихъ атласовъ мы почти вовсе не имѣемъ. При изданіи такого капитальнаго труда не слѣдовало останавливаться передъ небольшими трудностями, сопряженными съ составленіемъ указателя и изданіемъ одной карты.

Ж. Губеръ. Іезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Перев. В. И. Писаревой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова. Книга мюнхенскаго профессора Губера разочаруетъ многихъ, кто ожидаетъ найти въ ней дѣйствительно исторію и выясненіе сущности этого удивительнѣйшаго изъ общественныхъ учрежденій западной Европы. Въ тотъ моментъ, когда освободившійся отъ дѣпей средневѣковья духъ Запада, ликуя и славослова, устремляется на завоеваніе новыхъ міровъ и новыхъ областей знанія, расширяетъ предѣлы видимаго и невидимаго и словами Ульриха фонъ-Гуттена восторженно заявляетъ: «какъ хорошо жить!»—въ нѣдрахъ, казалось, побѣжденнаго, расшатаннаго, погрязшаго въ тьму невѣжества и пороковъ, католицизма возникаетъ учрежденіе, строгое, стройное, воинственное и побѣдоносное, столь могущественное, что на первыхъ же порахъ оно смѣло становится на всѣхъ путяхъ новой жизни и одерживаетъ рядъ паразитическихъ побѣдъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ оно властвуетъ неограниченно въ однихъ странахъ, въ другихъ выступаетъ мощнымъ противникомъ и вездѣ заставляетъ считаться съ собой самыхъ выдающихся и энергичныхъ вождей обновленнаго человѣчества. И даже теперь оно не сложило оружія. Возрожденіе клерикализма во Франціи—это новое проявленіе въ концѣ XIX вѣка все того же могучаго ордена, основаннаго восторженнымъ испанскимъ рыцаремъ Игнатіемъ Лойолой въ 1540 году.

Что же это за сила? Откуда эта непреодолимая стойкость? Гдѣ корни этого не умирающаго могущества и источники неиссякаемыхъ волненій, одушевляющихъ безчисленное воинство «общества Иисуса»?—вотъ вопросы, возникающіе при видѣ этого могучаго ордена, на которые книга Губера не даетъ отвѣта. Мало того, самое изложеніе исторіи оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ. Оно поверхностно и бѣгло. Авторъ вскользь обозрѣваетъ исторію возникновенія ордена, останавливается на нѣкоторыхъ выдающихся моментахъ, но не даетъ полнаго и обстоятельнаго разсказа о ростѣ и развитіи ордена, ничего не говоритъ о его замѣчательныхъ генералахъ, даже не приводитъ именъ этихъ удивительныхъ людей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались временами нити не только европейской, но мировой политики.

Губеръ много работалъ надъ изученіемъ уставовъ и подробно говоритъ о внутреннемъ устройствѣ ордена, видимо хорошо изучивъ литературу іезуитовъ, но онъ не сумѣлъ проникнуть въ духъ ордена. Его отношеніе къ дѣлу чисто формальное, чѣмъ и объясняется какъ сухость изложенія, такъ и неясное представленіе о воодушевлявшихъ орденъ началахъ и руководившихъ его вождями принципахъ. По его мнѣнію, «іезуитизмъ есть не что иное, какъ папизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ». Сила его—въ организаціи. «Общество Иисуса» представляется наблюдателю,—говоритъ Губеръ,—колоссальнымъ гранитнымъ зданіемъ, обезпеченнымъ отъ всякаго внѣшняго напора и отъ процесса внутренняго разложанія. Сила общества заключается главнымъ образомъ въ строгомъ подчиненіи всѣхъ его членовъ генералу и, vice versa, въ строгомъ надзорѣ и господствѣ членовъ общества надъ генераломъ и всѣми старшими. Въ этой желѣзной организаціи нѣтъ простора личной свободѣ, всякій характеръ обуздывается и направляется, всякій поступокъ подлежитъ наблюденію и контролю, ни одно дѣйствіе не совершается безъ вѣдома членовъ ордена». Принципъ организаціи—чисто военный: послушаніе и немедленное, быстрое исполненіе. «Іезуитское общество представляетъ отрядъ солдатъ», во главѣ котораго стоитъ генералъ. Его рѣшенія безапелляционны, каждый въ его рукахъ молча-

ливое орудіе. «Послушаніе самый неприступный оплотъ общества Ісуса». Въ наставленіяхъ Лойолы и въ уставахъ постоянно повторяется, что въ послушаніи лежитъ сущность служенія Богу. Мало того. «Истинное послушаніе заключается въ исполненіи всего предписаннаго, хотя бы цѣною здоровья, жизни, чести и даже высшей добродѣтели и прославленія Бога; безусловное послушаніе необходимо даже въ томъ случаѣ, если приказаніе старшаго обусловлено явнымъ предразсудкомъ, несправедливостью, пристрастіемъ или какою-либо преступною страстью». Дальше этого идти нельзя. Возникаетъ вопросъ, мыслимо ли довести челоуѣка до такой степени безвольнаго послушанія? И орденъ іезуитовъ всюю своею трехвѣковою исторіей отвѣчаетъ: «да, возможно». Тысячи членовъ его, разсыянныхъ по всему міру, доказали на дѣлѣ, что могутъ сдѣлать люди, руководимые общей волей и дисциплинированные до потери собственной воли. Въ этой исторіи есть много славныхъ страницъ въ дѣлахъ миссіонерскихъ, но они затмѣваются безчисленными подвигами сплошныхъ преступленій, прославившихъ орденъ и заклеймившихъ его презрѣніемъ лучшихъ людей. Въ исторіи новой Европы вѣтъ ни одного гнуснаго дѣла, къ которому орденъ не приложилъ бы своей руки. Не говоря уже о дѣлахъ религиозныхъ, въ которыхъ іезуиты всегда играли возмутительную роль, но въ политикѣ, въ общественной жизни, въ литературѣ іезуиты превзошли своими преступленіями все, что знаетъ древняя и новая исторія. Понятно негодованіе, которое они вызывали въ сердцахъ лучшихъ представителей челоуѣчества, но неопытна преданность, не знающая границъ самоотверженія, въ той массѣ приверженцевъ, которыхъ орденъ находилъ во все времена и вездѣ во всѣхъ слояхъ общества, отъ царскихъ престоловъ и до бѣднѣйшихъ хижинъ. Проникая всюду, орденъ съ поразительной быстротой завладалъ позиціей и надолго являлся хозяиномъ положенія. Погребовалась утомительнѣйшая вѣковая борьба, чтобы отгѣснить его съ занятыхъ позицій, вырвать у него воспитаніе, которымъ орденъ овладалъ прежде всего, руководство политикою и церковною властью. Да и то орденъ далеко еще не побѣжденъ, и во Франціи, южной Германіи, Италіи, Испаніи, Австріи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и во всѣхъ государствахъ южной Америки онъ обладаетъ огромной властью и значеніемъ. Эта сторона дѣятельности ордена освѣщена тоже посредственно, и читатели въ правѣ желать многихъ дополненій.

Исторія доведена до возстановленія ордена въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, что уменьшаетъ еще болѣе значеніе книги Губера, лишая ее современности. Къ достоинствамъ автора слѣдуетъ отнести его безпристрастіе и спокойное изложеніе, хотя предметъ самъ по себѣ даетъ массу поводовъ для негодованія и увлеченія легкой ролью неумолимаго судьи. Губеръ, напротивъ, старается въ такихъ случаяхъ соблюсти возможную объективность, отчего мнѣнія его выигрываютъ въ убѣдительности и ясности.

Переводъ въ общемъ выполненъ правильно, но нѣкоторыя названія почему-то переданы на свой ладъ, какъ, напр., «Триентскій соборъ» вмѣсто—Триентскій, какъ принято, или «Венециетъ» вмѣсто Бенедиктъ, и т. п.

Проф. В. К. Надлеръ. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона. Харьковъ. 1898. Проф. Надлеръ скончался въ 1894 году и книга составлена изъ его лекцій проф. В. П. Бузескуломъ. Редакторъ взялъ на себя трудъ привести матеріалъ въ порядокъ, разбить на главы, устранить повторенія, исправить ошибки, обмолвки и неточности. Всего этого въ запискахъ слушателей должно было оказаться не мало, такъ какъ покойный профессоръ читалъ лекціи безъ всякихъ конспектовъ. Кое-что все-таки не могло быть исправленнымъ, нѣкоторые своеобразные рѣшительные взгляды Надлера, правда, не оригинальные, но тѣмъ болѣе ошибочные, что профессоръ заимствовалъ ихъ изъ мутнаго источника тѣновскихъ произведеній. Проф. Бузескулъ въ предисловіи указываетъ на нѣкоторыя увлеченія автора. Надлеръ, напри-

мѣръ, очевидно, со словъ Тэна подвергъ партію террористовъ рѣшительному уничтоженію, усмотрѣлъ въ ея составѣ только эгоистовъ и лицемеровъ, и торжество ихъ въ конвентѣ приписалъ исключительно безсовѣстности ихъ дѣйствій. Г. Бузескуль исправляетъ эти приговоры, правда, слишкомъ глухо и въ общихъ выраженіяхъ. Это жалъ. Книгу въ сущности слѣдовало бы снабдить примѣчаніями и дополненіями. Надлеръ очень долго занимался революціей и особенно первой имперіей и все-таки остался чисто-фактическимъ историкомъ. Идейная подкладка фактовъ ему недоступна или не интересна. Этотъ приемъ крайне невыгодно отражается именно на исторіи революціи: ея факты преимущественно требуютъ философскаго освѣщенія. По этой части Надлеръ обнаруживаетъ несостоятельность даже въ самыхъ простыхъ вопросахъ. Онъ, наиримѣръ, совершенно основательно желаетъ подвергнуть критикѣ ученіе Монтескьё о трехъ властяхъ. Авторъ *Духа законовъ* просто не поналъ ни духа, ни практики англійской конституціи и открылъ цѣлую пропасть между законодательной и исполнительной властью, т. е. парламентской и королевской. въ то время, когда практическая власть принадлежала одному парламенту всецѣло: парламентъ издавалъ законы и онъ же приводилъ ихъ въ исполненіе при посредствѣ министровъ, взятыхъ изъ среды законодательнаго собранія. Этотъ фактъ и есть самая естественная критика на теорію Монтескьё: Надлеръ бросается въ другую сторону и начинаетъ доказывать, что и королю и парламенту принадлежать одинаково обѣ власти. Совершенно нецѣлесообразное замѣчаніе, обличающее авторское непониманіе самой сущности кабинета министровъ въ Англии. Излагая ученіе другого французскаго политика, Надлеръ допускаетъ уже просто фактическую ошибку. О происхожденіи гражданскаго порядка Руссо писалъ въ 1754 году, во второмъ разсужденіи; эту идею Надлеръ приписываетъ *Общественному договору*, изданному восемь лѣтъ позже и гдѣ гражданскій строй положенъ въ основу политической теоріи.

Столь же ошибочно и представленіе автора о литературной дѣятельности энциклопедистовъ: будто всѣ они писали «исключительно для высшаго общества». Утверждать это—значитъ не имѣть элементарнаго понятія о задачахъ просвѣтителей и обѣ ихъ программѣ. Въ одномъ изъ руководящихъ произведеній всей эпохи, въ *Посланіи стрнымъ* Вольтера, читаются слѣдующія наставленія: «цѣлесообразно писать только о предметахъ простыхъ, краткихъ, понятныхъ самымъ грубымъ умамъ». Пусть одушевляетъ писателей только истина, а не жажда блеска. Пусть они уничтожаютъ ложь и суевѣріе и учатъ людей быть справедливыми и терпимыми. Слѣдуетъ желать, чтобы никто не пускался въ метафизику, понятную только для немногихъ... Надо умѣть просвѣщать одновременно канцлера и сапожника». И у просвѣтителей было не мало путей къ просвѣщенію именно сапожниковъ, — брошюры, памфлеты, театральныя пьесы. И здѣсь зависимость русскаго историка отъ Тэна помѣшала достойнымъ образомъ оцѣнить историческое явленіе и вспомнить о фактахъ, извѣстныхъ изъ элементарной исторіи революціи въ 1789 году. *Общественный договоръ* Руссо цитировали даже захолустные избиратели, а по свидѣтельству провинціального духовенства, брошюры вольтеровскаго направленія широко были распространены даже по деревнямъ. Вообще авторъ чувствуетъ большую склонность къ аристократическимъ воззрѣніямъ на революціонныя событія, въ данномъ случаѣ особенно неумѣстнымъ. Со словъ все того же Тэна онъ излагаетъ исторію 5-го октября, совершенно не отдавая себѣ яснаго отчета въ роли двора и высшей аристократіи, систематически раздражавшихъ народъ угрозами военной экзекуціей надъ пораженнымъ населеніемъ. Надлеръ, видимо, не считалъ нужнымъ лично ознакомиться съ первоисточниками революціонной исторіи, иначе онъ отъ самыхъ умѣренныхъ и осторожныхъ очевидцевъ услышалъ вполне удовлетво-

рительное объясненіе торжества крайней революціонной партіи—не вслѣдствіе ея злодѣйствъ, а поразительно-безтактной политики двора. Обратилъ бы тогда авторъ больше вниманія и на вліяніе европейской коалиціи на ходъ французскихъ событій. Коалиція явно свидѣтельствовала о вмѣшательствѣ Европы во внутреннія дѣла Франціи и вмѣшательство было вызвано французскимъ королемъ. Естественно, не надо было непременно исповѣдывать якобинскій образъ мыслей, чтобы вознегодовать на подобную политыку исключительно подъ вліяніемъ національнаго чувства.

Не точны и нѣкоторые факты, сообщаемые Надлеромъ. Неправда, напримеръ, будто «Лионъ былъ превращенъ въ груды развалинъ». Конвентъ дѣйствительно изрекъ такое постановленіе, но его комиссары не рѣшились исполнить этого приговора цѣликомъ и только нѣкоторыя зданія города были разрушены. Перечисляя революціонные комитеты, Надлеръ называетъ всего одинъ комитетъ только двумя разными именами—*комитетъ спасенія и комитетъ общественной безопасности*. А между тѣмъ, свѣдѣнія о комитетахъ необходимы въ исторіи революціи: извѣстно, что именно въ комитетахъ сосредоточилась власть и отъ нихъ исходятъ важнѣйшія мѣры въ самый горячій періодъ революціоннаго движенія. Вообще исторія революціи въ изложеніи Надлера уступаетъ, по полнотѣ фактовъ и яркости освѣщенія, извѣстному сочиненію Минье—самому краткому и въ то же время самому обдуманному изложенію революціонныхъ событій. Можно думать, умъ покойнаго профессора не былъ приспособленъ къ охвату столь сложной задачи и не могъ вмѣстить въ себя разнообразнѣйшихъ причинъ и слѣдствій, сопровождавшихъ грозное движеніе 1789 года. Проще, казалось бы, для авторской проницательности оцѣнить Наполеона и созданный имъ политическій порядокъ вещей.

Но и здѣсь съ самаго начала допущенъ существенный пробѣлъ, отразившійся на дальнѣйшемъ изложеніи. Авторъ не считъ нужнымъ дать общую характеристику Бонапарта, не позаботился, хотя бы для самого себя, уяснить его личность, проникнуть въ сущность человѣческой и политической психологіи Наполеона. Въ результатъ сбивчивость представленій въ основныхъ вопросахъ наполеоновскаго режима.

Авторъ, напряміръ, совершенно основательно подчеркиваетъ истиннѣ преступное, двоядушныяческое отношеніе Наполеона къ полякамъ. Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ Польша привѣтствовала походъ Наполеона на Россію, съ какимъ самоотверженнымъ, восторженнымъ обожаніемъ польская шляхта присоединялась къ французскимъ легионамъ. Можно сказать, Наполеонъ на вершину своей славы даже во Франціи врядъ имѣлъ болѣе пламенныхъ почитателей, чѣмъ поляки въ эпоху войны 1812 года. И все-таки онъ остался совершенно безучастнымъ къ этому увлеченію, взглянулъ на него исключительно, такъ сказать, съ коммерческой точки зрѣнія. И онъ не скрывалъ своего отношенія, съ цинической откровенностью заявлялъ своему штабу, что все значеніе Польши для него сводится исключительно къ ея роли «депо для поставки солдатъ и лошадей». Энтузіазмъ поляковъ оказался предметомъ эксплуатаціи для мелкихъ расчетовъ ихъ героя. Эта черта не случайная въ политикѣ Наполеона. Она вполне распространяется и на другія его отношенія; не иначе смотрѣлъ онъ и на французскую націю, интересуюсь однимъ лишь вопросомъ, сколько солдатъ ежегодно онъ можетъ *удерживать*? Совершенно напрасно, поэтому, Надлеръ усиливается открыть въ политической дѣятельности Наполеона далѣе принципы свободы. По его мнѣнію, Наполеонъ послѣ революціи «не могъ измѣнить свободѣ» и будто потому, что свобода была уничтожена до него. Авторъ, слѣдовательно, не понимаетъ разницы между террористическимъ мимолетнымъ режимомъ и постояннымъ порядкомъ, который задумалъ установить Наполеонъ.

Терроръ былъ временный недугъ, анархія, Наполеонъ представлялъ цѣльную политическую систему, подчиненную въ высшей степени сильной власти.

Надлеръ возмущается писателями, приписывавшими Наполеону стремленіе возстановить старый режимъ. Возмущеніе совершенно неосновательное, и неосновательность подтверждается собственными словами автора. Прежде всего неизвестно, почему онъ считаетъ возникновеніе новой имперской аристократіи второстепеннымъ обстоятельствомъ. Совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ вопросъ современники Наполеона, самъ онъ и созданные имъ герцоги, графы и принцы. Буржуазія вовсе не считала этихъ украшеній пустяками и появленіе новой титулованной аристократіи было одной изъ важнѣйшихъ причинъ озлобленія третьяго сословія противъ наполеоновскихъ порядковъ. Эта аристократія живѣйшимъ образомъ напоминала старый режимъ, потому что была наследственна и осыпана всевозможными милостями своего господина. Потомъ, Надлеръ распространяется о принципѣ политическаго и общественнаго равенства, усвоенномъ имперіей Наполеона. Равенство существовало, но это было отнюдь не гражданское равенство, а фронтовое и казарменное равеніе всѣхъ личностей и талантовъ по одному чисто дисциплинарному шаблону.

Самъ же авторъ нѣсколькими страницами позже дѣлаетъ совершенно правильный выводъ изъ своей оцѣнки наполеоновской внутренней и внѣшней политики: «Если мы,—говоритъ Надлеръ,—внимнемъ въ сущность тенденцій, лежащихъ въ самомъ основаніи наполеоновской монархіи, то мы придемъ къ убѣжденію, что полное осуществленіе плановъ Наполеона грозило Европѣ не только страшнымъ политическимъ рабствомъ, но и уничтоженіемъ всякой самостоятельной духовной жизни, все равно, проявлялась ли эта жизнь въ области религіи, политики, литературы или науки».

Подобный результатъ стоилъ правленія Людовиковъ и въ Неаполѣ превосходилъ даже прелести апсиса гёгіме'а. Книга Надлера вообще не можетъ похвалиться выдержанностью и послѣдовательностью мысли и сама по себѣ не можетъ служить вполне удовлетворительнымъ источникомъ для знакомства съ исторіей революціи и имперіи. Сравнительно съ остальнымъ содержаніемъ лучше изложена исторія вѣнскаго конгресса, благодаря тому, что Надлеръ посвятилъ раньше особую монографію Меттерниху и европейской реакціи послѣ сверженія Наполеона. Въ общемъ книгу можно рекомендовать развѣ только для фактическихъ справокъ по исторіи наполеоновскихъ войнъ: онѣ разсказаны живо, интересно и разсказъ можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ историческимъ учебникамъ. Собственно *университетскаго характера* не носить вся книга Надлера: для этого въ ней слишкомъ мало идейной обобщающей работы и почти совсѣмъ отсутствуетъ культурно-историческій матеріалъ. Безусловно цѣнный вкладъ въ лекціи — обширная библиографическія указанія, очень хорошо составленныя. Цѣна книги — 2 рубля — слишкомъ высока и для ея объема, и для ея достоинства.

Жюссеравъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1898. Изданіе О. Поповой. Цѣна 1 р. 25 к. Жюссеравъ не принадлежитъ всецѣло къ цеху литераторовъ и ученыхъ, хотя за нимъ числится диссертация на латинскомъ языкѣ и довольно много сочиненій по исторіи литературы, притомъ на темы весьма отвѣтственныя, требующія прилежной архивной работы. Книга, переведенная на русскій языкъ, называется въ подлинникѣ «Histoire littéraire du peuple anglais des origines à la Renaissance» и вышла въ 1894 году. Раньше Жюссеравъ издалъ нѣсколько монографій по исторіи англійской литературы и общественной жизни, между прочимъ объ англійскомъ театрѣ до Шекспира, объ англійскомъ романѣ той же эпохи и объ англичанахъ вообще въ періодъ среднихъ вѣковъ. Такой пристальный интересъ къ англійской жизни и литературѣ связанъ, вѣроятно,

съ официальной карьерой Жюссерана, какъ дипломата. Жюссеранъ состоялъ одно время совѣтникомъ при посольствѣ въ Лондонѣ. Всѣ его сочиненія очень благосклонно встрѣчались англійской критикой, несомнѣнно, оцѣнять его книгу и русскіе читатели. Задача Жюссерана прослѣдить психологію и культуру англійской національности по литературнымъ памятникамъ. Исслѣдованіе пока ограничивается средними вѣками и авторъ вполне добросовѣстно изучилъ средне-вѣковую поэзію и отчасти ученую и церковную литературу, извлекая изъ нея въ высшей степени богатый и яркій матеріалъ для характеристики англосаксонской народной души, ея нравственнаго и политическаго міросозерцанія. Книга уснащена ссылками на самые ископаемые памятники древней словесности, — но это только примѣчанія, самый текстъ блещетъ литературнымъ талантомъ, нерѣдко становится художественнымъ и поэтичнымъ. Авторъ интересенъ, даже когда онъ ведетъ бесѣду о количествѣ французскихъ и саксонскихъ словъ въ англійскомъ языкѣ, увлекателенъ, когда знакомитъ читателя съ рыцарскими поэмами, и поучителенъ, когда черпаетъ черты старинной жизни изъ житія святыхъ и церковныхъ проповѣдей. Книга повсюду свидѣтельствуетъ о солидной работѣ и искреннемъ авторскомъ увлеченіи. Мы можемъ указать только на одинъ недостатокъ, явившійся результатомъ симпатичной способности автора увлекаться не только предметомъ, но и его идейнымъ смысломъ.

Жюссеранъ, несомнѣнно, большой патриотъ, точнѣе — націоналистъ. Ему приходится изображать двѣ стихіи — англо-саксонскую, т. е. германскую, и французскую, и искать психологическихъ отраженій этихъ стихій въ поэзіи. Онъ ихъ находитъ въ изобиліи, но не можетъ остаться вполне безпристрастнымъ. Онъ очень искусно выбираетъ драматическія сцены изъ германскихъ поэмъ, у читателя остается цѣльное и сильное впечатлѣніе: онъ видитъ, сколько воинственной жестокости таилось въ германскомъ національномъ духѣ, какой глубокой осадокъ пессимизма и мрачной тоски, даже болѣзненнаго отвращенія къ жизни успѣло накопиться въ сердцахъ германца еще въ доисторической періодъ его жизни. Факты — въ высшей степени любопытны и обширная осведомленность автора въ литературѣ позволяетъ ему дѣлать эффектные сопоставленія. Рѣчь какого-нибудь легендарнаго героя изъ германской поэмы, оказывается, предвосхитила за нѣсколько вѣковъ монополію глубокомысленнѣйшихъ шекспировскихъ философовъ, въ родѣ Гамлета. Вопросъ о судьбѣ человѣка за предѣлами настоящей жизни мучительно волновалъ германскихъ воиновъ еще въ ту эпоху, когда они ходили въ звѣриныхъ шкурахъ и устраивали кровавыя оргіи. Наклонность къ созерцанію и глубокимъ вопросамъ жизни яркой чертой проходитъ по всей національной поэзіи германскихъ племенъ. Авторъ здѣсь правъ, но онъ не замѣтилъ проблесковъ другого настроенія, разрушающаго цѣльность мрачнаго и жестокаго фона германскихъ легендъ.

Жюссеранъ приводитъ страшныя потрясающія сцены изъ мифическихъ поэмъ, гдѣ на сценѣ герои и полубоги германскаго Олимпа. Но этими сценами не исчерпывается германское вдохновеніе. Ему, хотя и не въ такой степени, какъ романскому эпосу, доступны болѣе свѣтлыя картины и жизнерадостныя мотивы. Древній германецъ не только сражался и предавался безотраднымъ думамъ, онъ проникалъ также и въ миръ сердца и чувства и подчасъ обнаруживалъ поразительную тонкость психологіи въ чисто-романическихъ вопросахъ. Недаромъ, женщина пользовалась такимъ высокимъ уваженіемъ у германскихъ племенъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ: въ подлинномъ сказаніи онъ исполненъ мощной красоты и въ то же время глубокой жизненной правды. Сцена происходитъ между красавицей-богиней Гердой и посланцемъ бога Фрейра. Богъ увидѣлъ случайно Герду, страстно влюбился въ нее и послалъ сватать ее себѣ въ супруги. Гордая красавица холодно принимаетъ предложеніе Фрейра и пускаетъ въ ходъ

разныя лукавыя женскія отговорки. Посоль начинаетъ грозить ей мечомъ, угроза не дѣйствуетъ, тогда посоль принимается рисовать Гердѣ печальную перспективу вѣчнаго одинокаго дѣвства, проклятiя ни съ кѣмъ нераздѣленной жизни и «дѣвственной старости», перечисляетъ ей всѣ нравственныя муки и болѣзни, поражающія одинокую, никого не любившую дѣвушку, и до такой степени краснорѣчиво изображаетъ неприглядный нравственный мiръ старой дѣвы, что перепуганная Герда соглашается на бракъ съ Фрейромъ. Отъ этого мотива совершенно не вѣдетъ ни воинственностью, ни жестокостью, ни такихъ мотивовъ разсѣяно не мало по германскому эпосу. Французскій авторъ опустилъ ихъ и подготовилъ себѣ очень прiятный, но не вполне правдивый переходъ отъ мрачной германской поэзіи къ свѣтлымъ и граціознымъ романскимъ легендамъ.

Повторяемъ, это единственное неосторожное увлеченіе автора. Оно вполне вознаграждается всѣмъ остальнымъ содержаніемъ книги. И именно потому, что авторъ не цеховой и не кабинетный ученый, книга изобилуетъ остроумными сопоставленіями, въ высшей степени находчивыми параллелями. Жюссерамъ не пропускаетъ случая указать на вѣковую давность популярнѣйшихъ романтическихъ темъ. Совпаденіе ихъ въ старой легендарной поэзіи и въ новѣйшихъ романахъ часто невольно заставляетъ подозрѣвать плагиатъ и подражаніе. Все зависѣло, очевидно, отъ личной талантливости психологовъ любовнаго чувства, — время, уровень цивилизаціи по существу не могъ измѣнить содержанія ихъ произведеній, и Боккаччо будетъ совершенно такъ же разсказывать преступныя интриги своихъ монаховъ и монахинь, какъ онѣ разсказаны нѣсколько вѣковъ раньше въ народныхъ сатирахъ, даже Мюссе и Мопассанъ не разъ повторяютъ приемы своихъ предшественниковъ XII го вѣка. Это весьма часто примѣнимо и къ болѣе серьезной литературѣ. тѣмъ романы и поэмы. Жюссерамъ не ограничился художественнымъ творчествомъ, онъ попутно ознакомился и съ политической мыслью средневѣковой Англiи и имѣлъ возможность извлечь изъ трактатовъ, написанныхъ грубымъ, неправильнымъ языкомъ, не мало правильныхъ и мѣткихъ идей, не утратившихъ практическаго значенія до конца XIX-го вѣка. Нерѣдко политическая идея у старыхъ политиковъ принимаетъ наивную, слишкомъ живописную форму, но сущность ея не становится отъ этого менѣе серьезной и прочной. Характерно, напримѣръ, для оцѣнки національнаго англійскаго генія разсужденіе писателя XII-го вѣка, Іоанна Сольсберійскаго. Это вообще одинъ изъ остроумнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ мыслителей старой Англiи. Его провинцальности и смѣлости могли бы позавидовать даровитѣйшіе публицисты новаго времени. Среди современныхъ компиляторовъ и покорныхъ слугъ чужого церковнаго или государственнаго авторитета, этотъ епископъ изошрялъ свое оригинальное и независимое остроуміе надъ влиятельнѣйшими сословіями и лицами, не щадилъ монаховъ и придворныхъ и самому королю говорилъ такіа рѣчи: «когда народъ страдаетъ, то это все равно, какъ будто у государя подагра: напрасно тогда государь будетъ считать себя здоровымъ, пусть онъ попробуетъ пройти хоть два шага, и онъ упадетъ». Въ этой, по формѣ простодушной, проповѣди слышится исконно-британскій духъ свободы и демократизма, и онъ не замедлитъ восторжествовать надъ какими угодно врагами, будь это самъ король или папа. Столь же сильно воплотила старая англійская словесность и другую добродѣтель только-что сложившейся англійской націи — непреодолимую національную гордость. Англiя — это несравненное божество, первостепенная мировая сила въ глазахъ своего народа. Недаромъ позже Шекспиръ будетъ изошрять свой поэтический геній, чтобы достойно восгѣтъ чудный островъ въ алмазной оправѣ моря, а первый теоретикъ англійской конституціи, Джонъ Фортеस्कью, въ XV вѣкѣ напишетъ въ политическомъ трактатѣ настоящій панегирикъ англійской доблести, даже когда она проявляется въ преступленіяхъ. Вообще, «царица морей» вѣрна себѣ и своей исторiи, начиная съ легендъ о королѣ Артурѣ и кончая текущимъ

днемъ. Именно эта идея проходит по всей книгѣ Жюссера на и трудно представить болѣе яркую и правдивую иллюстрацію къ національной англійской исторіи и психологій, чѣмъ талантливая работа нашего автора. Переводъ удовлетворителенъ: слѣдовало только приложить оглавленіе и перевести хотя бы наиболѣе важныя примѣчанія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. М. Ковалевскій. «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ».

М. М. Ковалевскій. Развитие народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Публичныя лекціи, читанныя въ брюссельскомъ университетѣ. 225 стр.—Спб. 1899. Ц. 75 к. Лекціи М. М. Ковалевскаго представляютъ большой интересъ, какъ краткое, популярное изложеніе его капитальнаго и еще не законченнаго труда: «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства». Первая лекція—теоретическаго характера: въ ней изложенъ взглядъ автора на эволюцію экономическихъ порядковъ. Основная мысль—что главнымъ двигателемъ экономической эволюціи является ростъ населенія. Мысль очень простая, но едва ли за ней признано въ социологическихъ изслѣдованіяхъ подобающее первостепенное значеніе; настойчивость автора въ развитіи этого тезиса является далеко не излишней. Его слѣдовало бы даже расширить, признавъ, что рѣшеніе вопроса о плотности населенія въ данной странѣ—основная, хотя крайне трудная и подчасъ почти невыполнимая задача историка-соціолога, приступающаго къ изслѣдованію основъ не только опредѣленнаго экономическаго строя, какъ говоритъ авторъ, но и вообще любого культурно-историческаго склада. При какомъ угодно пониманіи историческаго процесса—матеріалистическомъ или не матеріалистическомъ—населенность надо считать факторомъ, который опредѣляетъ интенсивность культурнаго развитія, а стало быть, и смѣну формъ культуры. Авторъ на этой мысли основываетъ свой анализъ экономической эволюціи, доказывая рядомъ остроумныхъ выводовъ методологическое удобство своей точки зрѣнія при изученіи смѣны формъ хозяйства. Значительный интересъ представляетъ и критика, которой авторъ подвергаетъ классификацію формъ хозяйства Бруно Гильдебранда (натуральное, денежное и кредитное хозяйство) и Карла Бюхера (домашнее, городское и народное хозяйство—см. статью П. Струве, въ № 7 «Міра Божія» за 1898 г.). Авторъ обѣими недоволенъ, доказывая расплывчатость ихъ принциповъ. Дѣло въ томъ, что ему нужна классификація, которая давала бы возможность стройной періодизаціи экономической исторіи и отвлеченные типы хозяйствъ, устанавливаемые Бюхеромъ, его не удовлетворяютъ. Поэтому и въ полемикѣ Бюхера съ Эд. Мейеромъ (см. «Міръ Божій», 1898 г., июль, библиографія) онъ становится на сторону послѣдняго. Историкамъ не по нутру классификація Бюхера, такъ какъ цѣлый рядъ явленій въ нее не укладывается: хозяйство племени—рода, сельской общины, феодальнаго помѣстья... М. М. Ковалевскій пытается замѣнить ее другой: онъ различаетъ лишь двѣ типичныхъ формы хозяйства: такого, производство котораго рассчитано на непосредственное и мѣстное потребленіе, и мѣноваго. Каждой формѣ соотвѣтствуетъ эпоха экономической исторіи, раздѣляющаяся на періоды по степени распространенія обмѣна соотвѣтственно увеличенію плотности населенія. «Преимущества нашей классификаціи—замѣчаетъ авторъ,—заключаются прежде всего въ извѣстной градаціи, позволяющей преслѣдовать эволюцію экономическаго строя шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ государство поглощаетъ собой независимыя хозяйства, роды, селенія, помѣстья, города»... «Мы переходимъ такимъ образомъ отъ хозяйства племени-рода и позднѣе сельской общины къ хозяй-

ству помѣстья и города, чтобы закончить національнымъ хозяйствомъ нашего времени». Авторъ полагаетъ, что «не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать наступленіе мірового хозяйства, которое пойдетъ самостоятельнымъ путемъ развитія и едва ли въ состояніи будетъ помириться съ существующей общественной организаціей». Но это, все-таки, пророчество, и касается оно далекаго будущаго, когда ростъ населенія и подъемъ культуры за предѣлами германо-романскаго міра создастъ новую, болѣе широкую группу равноправныхъ сочленовъ «мірового хозяйства»...

Таковы общіе взгляды автора. Въ разбираемой книгѣ они находятъ приложеніе къ смѣнѣ общиннаго и помѣстнаго хозяйства—городскимъ и цеховымъ—и къ вопросу о паденіи этихъ формъ при зарожденіи современнаго экономическаго порядка. М. М. Ковалевскій принадлежитъ, какъ извѣстно, къ той группѣ ученыхъ, которые признаютъ широкое значеніе коллективизма на низшихъ ступеняхъ хозяйственной культуры. Это значеніе—безспорно. Но наукой установлено существованіе столь разнообразныхъ формъ коллективной собственности, что авторъ справедливо признаетъ весьма сложной задачу «распознать эти формы, установить между ними отношенія преемства и взаимной зависимости, объяснить различныя причины, приведшія къ ихъ упадку, и прослѣдить черезъ цѣпь вѣковъ это медленное и прогрессивное движеніе человѣческаго общества къ характеризующему наше время индивидуализму». Признавая это, авторъ едва ли удачно упрощаетъ сложную задачу, затушевывая различія разныхъ формъ коллективизма, отрицая, напримѣръ, существенную разницу между семейной, общинной и коммунистической деревней. Самыя разнообразныя явленія—нераздѣльное владѣніе семьи, долевое владѣніе, общинное пользованіе угодьями, общинное владѣніе на началахъ равенства и т. п., обобщаются, безъ пользы для изученія, въ понятіи «общиннаго землевладѣнія». Происхожденіе равенства надѣловъ въ помѣстьи особенно мало поддается анализу автора; для этого сложнаго и спорнаго вопроса необходимо привлечь новый матеріалъ, напримѣръ, любопытныя данныя о литовскомъ землевладѣніи въ «Актахъ литовской метрики». Дальнѣйшее изученіе, навѣрное, не оправдаетъ предположеній о происхожденіи этого равенства изъ существовавшихъ «нѣкогда» общихъ и періодическихъ передѣловъ, а, напротивъ, придаетъ большее значеніе тѣмъ фактамъ, которые свидѣтельствуютъ о связи этого равенства съ системой повинностей населенія, и указаны авторомъ въ его «Экономическомъ ростѣ Европы» (сравни «Міръ Божій», январь, 1899 г.) и Любавскимъ («Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства»—очеркъ III).

Истинная научная цѣнность лекцій М. М. Ковалевскаго въ ихъ части, посвященной исторіи городского хозяйства и рабочаго вопроса въ средніе вѣка. Характеристика городского быта, набрасываемая авторомъ, значительно отличается отъ общепринятой. Достаточно сказать, что авторъ ставитъ вопросъ: «справедливо-ли, что средніе вѣка не знали того глубокаго раздѣленія между предпринимателемъ и наемнымъ рабочимъ, которое является отличительной чертой современной промышленной организаціи?» — и отвѣчаетъ на него отрицательно. Опираясь на рядъ интересныхъ фактовъ изъ области экономической политики городовъ XIII вѣка. Остроумно вскрывая чисто экономическія причины политической борьбы внутри городскихъ республикъ, продолжительныхъ войнъ и частыхъ договоровъ между ними, М. М. Ковалевскій особенно останавливается на классовой борьбѣ, вызванной этой бойкой экономической жизнью. Рабочій вопросъ—и очень острый—существовалъ въ средніе вѣка и власть имущая буржуазія всѣми силами боролась противъ роста заработной платы. Послѣдствія знаменитой «черной смерти» XIV вѣка, картину которыхъ въ Италіи авторъ впервые раскрываетъ во всей полнотѣ, усладили борьбу рабочаго съ предпринимателемъ. Къ серединѣ XIV столѣтія относятся первые, безуспѣшные, опыты

стачекъ рабочихъ. Въ Англіи, Італіи и Франціи правительство усиленно регулируетъ заработную плату въ ущербъ трудящемуся люду. И другія черты современнаго экономическаго строя зародились въ ту же эпоху. Особенно любопытны въ изложеніи М. М. Ковалевскаго свѣдѣнія о процессѣ капитализаціи земледѣльческой промышленности въ Італіи, такъ какъ на англійской печатѣ онъ давно детально изученъ.

Свое изложеніе экономической эволюціи, предшествовавшей установленію современнаго порядка авторъ заканчиваетъ обзоромъ экономической политики послѣднихъ трехъ столѣтій. Указывая причины, благодаря которымъ буржуазные интересы и пропитанныя ими экономическія теоріи получили господство въ эпоху большихъ національныхъ государствъ, авторъ утверждаетъ, что враждебное отношеніе къ принципу ассоціаціи вызвало борьбу противъ оставшихся формъ аграрнаго коммунизма, и что причинъ окончательнаго его исчезновенія надо искать внѣ сферы чисто экономическихъ отношеній. По мнѣнію автора, община пала жертвой не экономическаго прогресса, а торжества буржуазіи, какъ сельской, такъ и городской. Тутъ авторъ раздѣляетъ нераздѣльное: это торжество вѣдь было создано именно экономической эволюціей. Пусть въ Западной Европѣ на протяженіи вѣковъ, въ теченіе которыхъ совершалось разложеніе аграрнаго коммунизма, способы обработки земли оставались почти тѣ же: они стали другими по завершеніи этого процесса. Вообще же авторъ считаетъ недоказаннымъ, что принципъ совладѣнія препятствуетъ развитію интенсивной культуры. Его аргументы подчасъ очень любопытны, но это слишкомъ сложный вопросъ, чтобы касаться его въ небольшой замѣткѣ.

АНТРОПОЛОГІЯ.

Д-ръ Г. Плоссъ. «Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи».

Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе Доктора Г. Плосса. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія, дополннаго и переработаннаго послѣ смерти автора д-ромъ М. Бартельсомъ, подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1898 г. Т. I, ч. I и II. Ц. 10 р., съ пересылкой 11 за все изданіе въ четырехъ полутамахъ. Книга д-ра Плосса представляетъ капитальное изслѣдованіе исторіи женщины преимущественно съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія и этнографіи. Собранный и обработанный авторомъ матеріалъ громаденъ, освѣщая значеніе и положеніе женщины у всевозможныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Авторъ излагаетъ всѣ ему извѣстныя данныя о положеніи женщинъ, начиная съ дѣтства и до ея смерти, послѣдовательно разсматривая отношеніе къ ней человѣческаго общества въ дикомъ и культурномъ состояніи. Авторъ стоитъ вездѣ на чисто фактической точкѣ зрѣнія, не позволяя себѣ никакихъ обобщеній или выводовъ, какъ бы они ни казались соблазнительны для приверженца той или иной партіи, избѣгая всякихъ «за» и «противъ» женскаго вопроса, что прибавляетъ еще одно положительное достоинство къ его труду. Самъ онъ не скрываетъ, что не принадлежитъ къ сторонникамъ женской эмансипаціи, но нигдѣ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ воспользоваться имѣющимися въ его рукахъ данными противъ женскаго движенія. На ряду съ своими взглядами, онъ приводитъ и взгляды сторонниковъ, хотя этой стороны женскаго вопроса онъ касается мало и лишь во введеніи, въ общей главѣ о психологіи женщины (стр. 27—36). Остановимся на нѣкоторыхъ очень интересныхъ данныхъ о женщинѣ въ антропологическомъ отношеніи.

Изъ сравненія величины тѣла мужчины и женщины оказывается, что туловище мужчины короче половины всего роста, такъ что ноги длиннѣе туловища, у женщины туловище равно половинѣ длины тѣла. Наибольшей величины мужчина достигаетъ въ 30 лѣтъ и наибольшаго вѣса въ 40, женщина же достигаетъ максимальнаго вѣса въ 50 лѣтъ. Въ общемъ вѣсъ мужчины колеблется отъ 51.453 киллогр. до 83.246, средній—62.049 кил. или приблизительно около $3\frac{1}{2}$ пудовъ, вѣсъ женщины минимальный—36.777 киллогр., максимальный—73.983, средній—54.877, или около 3 пуд. 10 фунтовъ. Емкость черепа у разныхъ народовъ крайне различна, но вообще средняя емкость мужского черепа больше женскаго, приче́мъ отношеніе между ними можетъ быть выражено какъ 100 : 90. Соотвѣтственно и всѣ размѣры отдѣльныхъ частей головы и лица меньше, что особенно замѣтно въ развитіи нижней челюсти, которая у женщины меньше мужской по вѣсу и объему, приблизительно, на $\frac{1}{4}$. Но замѣчательно, что верхніе средніе рѣзцы у женщины и относительно, и абсолютно шире, чѣмъ у мужчинъ. Вѣсъ мозга, послѣ многихъ изслѣдованій разными учеными, опредѣляется въ среднемъ около 1.222 граммовъ, меньше мужского на 126—164 грамма. Что касается относительнаго вѣса мозга, то по однимъ изслѣдованіямъ онъ то же меньше, чѣмъ у мужчинъ (Бруунъ, Рюдинггеръ), по другимъ (Топинаръ) нѣсколько больше. Ранке заключаетъ такъ: «если по строенію разбираемаго нами органа судить вообще о его функциональной способности, то мы, согласно съ прежними наблюденіями по этому вопросу, должны признать, что функциональная способность женскаго мозга для средней женщины стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ таковая же для средняго мужчины. Но, съ другой стороны, должно замѣтить, что среди мужчинъ больше, чѣмъ среди женщинъ, такихъ индивидуумовъ, развитіе мозга, слѣдовательно, и мозговая дѣятельность которыхъ превышаетъ средній уровень».

Статистика рождаемости и смертности тоже указываетъ на рѣзкія различія между обоими полами. Такъ, на 100 дѣвочекъ въ среднемъ рождается 105 мальчиковъ, по даннымъ для 32 странъ. Только въ центральной Австраліи этотъ законъ поразительно нарушается—на одного мальчика тамъ родится 4 дѣвочки. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь же сильнѣе всего развито дѣтубійство, которое объясняется отчасти такимъ громаднымъ перевѣсомъ въ числѣ рождающихся дѣвочекъ. Далѣе вышеупомянутый законъ получаетъ совсѣмъ обратную формулу. Не смотря на то, что мальчиковъ въ дѣтскомъ возрастѣ умираетъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, въ концѣ концовъ получается избытокъ женскаго населенія, и по даннымъ для Европы отношеніе между мужскимъ населеніемъ и женскимъ, въ дѣтствѣ равное 105 : 100, превращается въ 100 : 102,1. Что касается смертности, то для всей Европы въ среднемъ на 100 мужчинъ умираетъ 108 женщинъ (въ Россіи 105).

Очень интересны данныя относительно самоубійствъ. Какъ общій законъ, статистика устанавливаетъ, что женщины меньше мужчинъ прибѣгаютъ къ самоубійству. Бергильонъ на основаніи больше чѣмъ 54.000 самоубійствъ, пришелъ къ выводу, что «въ равный періодъ времени покончило самоубійствомъ въ три раза больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ». Въ статистикѣ преступленія женщина играетъ тоже меньшую роль. Изъ любопытной таблицы у Пlossа оказывается, между прочимъ, что чѣмъ промышленнѣе и развитѣе страна въ культурномъ отношеніи, тѣмъ больше женщинъ преступницъ. Такъ, въ Англіи отношеніе числа преступницъ мужчинъ къ числу женщинъ-преступницъ равно 3 : 1, въ Австріи 4,9 : 1, въ Испаніи 7,3 : 1, въ Россіи 9 : 1. Объясняется это на первый взглядъ странное явленіе тѣмъ, что въ странахъ культурныхъ женщина дѣятельнѣе, ей больше открыто путей для проявленія своей личности и потому чаще случаи различныхъ правонарушеній со стороны женщины.

Въ книгѣ Пlossа собранъ богатѣйшій матеріалъ о положеніи женщины въ

различныхъ странахъ. Выводы, которые сами собою напрашиваются изъ сопоставленія этихъ данныхъ, до крайности безотрадны. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ женщина стоитъ почти на уровнѣ домашняго животнаго, и часто съ той лишь разницей, что домашнимъ скотомъ дорожатъ больше, чѣмъ женщиной, какъ, напр., у кафровъ и большинства африканскихъ племенъ. Причины такого отношенія къ женщинѣ вездѣ однѣ и тѣ же—исключительно экономическія условія примитивнаго хозяйства, въ которомъ роль женщины отъбивается только съ точки зрѣнія физической силы. Религія вездѣ чѣ этихъ странахъ,—и даже сравнительно культурныхъ, какъ въ Индіи и Китаѣ,—освящаетъ всю тяжесть такого социальнаго положенія женщины. Нѣтъ такого насилія, дикаго уродства или извращенія естественнаго на нашъ взглядъ состоянія женщины, которое не было бы обставлено цѣлымъ рядомъ религіозныхъ обрядовъ и особыхъ церемоній. Начиная съ рожденія и до смерти женщина поставлена въ такіе тиски, что невольно только удивляешься, какимъ образомъ всѣ эти дикіе народы не вымерли естественнымъ путемъ. Появленіе на свѣтѣ дѣвочки вездѣ, безъ исключенія, встрѣчается какъ несчастіе, и такое отношеніе до сихъ поръ сохранилось даже въ самыхъ культурныхъ странахъ. Мало того, у большинства восточныхъ народовъ, преимущественно семитовъ, родившаяся дочь считается нечистой, что отразилось и въ кодексѣ Моисея, гдѣ сказано, что родившая сына остается нечистой 7 дней, а дѣвочку—2 недѣли. Это же осталось и въ католическихъ странахъ, гдѣ родившая сына имѣетъ право войти въ церковь на 7-ой день, а дочь—послѣ 6-ти недѣль. У австралийскихъ племенъ и многихъ африканскихъ дѣвочекъ по большей части съѣдаютъ, оставляя лишь самыхъ на видъ лучшихъ. Такимъ образомъ уже съ перваго момента жизни женщина поставлена въ семьѣ на низшей ступени сравнительно съ мужчиной. Чѣмъ дальше, тѣмъ это неравенство возрастаетъ. У самыхъ дикихъ, какъ у папуасовъ и племенъ центральной Африки, женщина въ одно и то же время выючное животное, единица мѣры при торговомъ обмѣнѣ и запасъ пищи на случай голода, такъ какъ ее съѣдаютъ прежде всего. Она же является самымъ выгоднымъ товаромъ въ странахъ болѣе культурныхъ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на объектъ наслажденія. Наконецъ, въ еще болѣе культурныхъ, какъ Индія или Китаѣ, она уже признается чѣмъ-то въ родѣ челоуѣка, но съ большими ограниченіями. По законамъ Ману, женщина должна всю жизнь быть въ подчиненіи у мужчины: въ дѣтствѣ она подчинена отцу, въ зрѣломъ возрастѣ мужу, подъ старость сыну. Браки съ малолѣтними, столь распространенные въ Индіи, освящены закономъ и опираются въ сознаніи народа на священныя правила. Въ Китаѣ жена зависитъ отъ мужа всецѣло, онъ можетъ ее убить, не отвѣчая за это передъ закономъ. Мы не можемъ привести здѣсь выдержекъ изъ Плосса, въ которыхъ описываются всѣ звѣрства надъ женщиной, съ цѣлью сдѣлать ее болѣе удобнымъ и привлекательнымъ предметомъ, чтобы увеличить ея стоимость, какъ товара.

Книга Плосса можетъ имѣть большое значеніе для правильнаго пониманія женскаго вопроса. Она, быть можетъ, помимо воли автора, показываетъ, что этотъ вопросъ коренится въ сокровеннѣйшихъ устояхъ общества, и по мѣрѣ развитія культуры долженъ играть все большую и большую роль въ ряду другихъ социальныхъ вопросовъ. Въ вышедшихъ двухъ частяхъ мы имѣемъ преимущественно антропологическую основу вопроса. Въ двухъ послѣдующихъ авторъ описываетъ преимущественно социальную сторону положенія женщины. Книга снабжена массою рисунковъ и таблицъ, что дѣлаетъ ее еще интереснѣе и доступнѣе.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го февраля по 15-е марта 1899 года.

- Проф. Хвольсонъ. Курсъ физики. Т. III. Съ 230 рис. въ текстѣ. Изд. Риккера. Спб. 1899. Ц. 5 р.
- А. Бинзъ и В. Анри. Умственное утомленіе. Съ 93-мя рис. и диаграммами. Изд. редакціи журн. «Вѣстникъ Воспитанія». Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.
- А. Таругинъ. Стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Мицловъ. Женское дѣло. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Одесса. 1899. Ц. 1 р.
- Сочиненія Шелли. Освобожденный Прометей. Пер. съ англ. К. Вальмонта. Вып. 6-й. Спб. 1899. Ц. 75 к.
- Семейный университетъ. Сборникъ популярных лекцій для самообразованія. Курсъ I, т. I, вып. I. Спб. 1899. Цѣна 5 вып. I курса 10 р.
- П. Макошинъ. Идилліи въ провѣ. Разказы. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- М. Покровская. Популярные статьи по гигиенѣ. Спб. 1899. Ц. 60 к.
- Петиссонъ Мюръ. Химія огня (съ 17 рис.). Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 85 к.
- Дарвинизмъ и теорія познанія. Изд. Дарвинистической бібліотеки. Вып. I. Спб. 1899. Цѣна кажд. вып. 50 к.
- Вышшольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Сост. В. Гебель, съ прилож. статьи «Очеркъ исторіи развитія общественныхъ и народныхъ бібліотекъ въ Россіи». Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Ж. Буссиесна. Анализъ безконечно малыхъ. Т. I. Часть I (Элементарный курсъ). Москва. 1899.
- Генри Лонгфелло. Пѣсны о Гайаватѣ, пер. съ англ. Ив. Вунина. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Сост. М. Соболевъ. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 р.
- И. Кабановъ. Роль наследственности въ этиологии болѣзней внутреннихъ органовъ. Диссертація. Москва. 1899.
- О. Гутманъ. Гимнастика голоса. Съ 5-го нѣм. изданія. Спб. 1899. Ц. 60 к.
- О. Кулюкинъ. Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Матеріалы по киргизскому земледѣлованію Акмолинской обл. Т. I. Кокчетавскій уездъ. Воронежъ. 1898.
- Д-ръ Брусилловскій. Лѣченіе хроническаго сочленовнаго ревматизма. Одесса 1899.
- Б. Григорьевъ. Стихотворенія. Т. I. Москва. 1899. Ц. 75 к.
- В. Львовъ. Курсъ эмбриологіи позвоночныхъ. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ изъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Э. Золя. Штурмъ мельницы. Изд. Хогге. Москва. 1899. Ц. 30 к.
- «Молосья». Сборникъ стихотвореній. Изд. Вохана. Минскъ. 1899. Ц. 75 к.
- Д. Шантели-де-ля Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Вып. IX. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899.
- Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1898 годъ. Изд. тверск. губернскаго земства. Тверь. 1899.
- Д. С. Милль. Система логики. Вып. VI. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 6-ти вып. 3 р.
- Географія Россійской Имперіи, сост. Спиридоновъ. Изд. П. Спб. 1899. Ц. 45 к.
- Ив. Порошинъ. Русалка и др. разказы. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Труды ветеринарнаго отдѣленія Саратовской губернской земской управы. Т. III. Саратовъ. 1898.
- Двадцатипятилѣтіе Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. Нижний-Новгородъ. 1899.
- Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Изд. В. Э. Форселлеса. Вып. I и XI. Подп. цѣна 2-хъ т. 10 р.
- Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Сост. Балгалонъ. Изд. 3-е. Москва. 1899. Ц. 55 к.
- Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губ. Т. I. Вып. I и II. Владиміръ. 1898. Ц. кажд. вып. 1 р.
- Инструкція Красноарской городской управы. Красноарскъ. 1899.
- В. Романовскій. «Наказъ» Императрицы Екатерины II. Тифлисъ. 1899. Ц. 20 к.
- В. Гуторъ. Первые уроки пѣнія. Вып. I. Москва. 1899. Ц. 1 р. 20 к.
- Матеріалы къ вопросу объ участіи псковскаго губ. земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія. Вып. II. Псковъ. 1899.
- Сборникъ статей и справочныхъ свѣдѣній по Влад. губ. Вып. I. Изд. Владимірской губернской земской управы. Владиміръ. 1898.
- Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Изд. Ю. Р. Общества печ. дѣла. Одесса. 1899. Ц. 15 к.
- Плято Рейсснеръ. Русско-польскій и польскорусскій самоучитель. Вып. I. Ц. 10 к.
- Его же. Польско-французскій самоучитель. Вып. I. Варшава. 1899. Ц. 15 к.
- Крестыанское хозяйство (ежемѣсячный иллюстрированный журналъ). Спб. 1899. Ц. 1 р.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

SCHICKSALSMENSCH.

По поводу «Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck». Stuttgart 1898.

I.

Въ концѣ минувшаго года въ европейской политической литературѣ произошло событіе исключительной важности: въ ноябрѣ, одновременно на четырехъ языкахъ, явилась книга, подписанная едва ли не самымъ громкимъ именемъ нашего столѣтія, — именемъ князя Оттона Бисмарка. Этихъ *мыслей и воспоминаній* ждали давно и съ нетерпѣніемъ. Было извѣстно, что князь усердно занялся подведеніемъ итоговъ своей дѣятельности немедленно послѣ отставки. Окончательный разрывъ съ молодымъ повелителемъ засталъ министра, привыкшаго считать себя безсмѣннымъ и незамѣнимымъ, совершенно врасплохъ. Незадолго князь, бесѣдуя съ русскимъ императоромъ, рѣшительно заявлялъ: «Я увѣренъ, что останусь министромъ на всю жизнь», и вдругъ ударъ, навсегда отнявшій власть и развѣнчавшій провиденціального человѣка Германіи въ просто country gentleman'a.

Было отчего вознегодовать и утратить равновѣсіе духа, и Бисмаркъ не скрывалъ своихъ сильныхъ чувствъ. Европа по временамъ слышала ревъ раненаго льва, и творцы «новаго курса» невольно приходили въ страхъ и смущеніе отъ мѣткихъ, часто неотразимыхъ издѣвательствъ оскорбленнаго отшельника. Дѣло дошло до того, что германское правительство вынуждено было защищаться предъ державами и просить ихъ не считать бисмарковскихъ откровенностей фактами официальной политики.

Но Бисмаркъ оставался неукротимымъ. Казалось, въ годы опалы къ нему вернулось былое юношеское остроуміе, озлобленное чувство горечи и обиды имѣло въ распоряженіи богатѣйшій историческій матеріалъ и канцлеръ пользовался имъ, нисколько не стѣсняясь ни самолюбіемъ, ни высокимъ положеніемъ своихъ жертвъ. Одновременно съ періодическими набѣгами на нихъ въ печати писались мемуары. Длинные зимніе вечера посвящались этой работѣ, въ высшей степени оживленной, даже страстной: Бисмаркъ и здѣсь сводилъ счеты съ своими недругами и невѣрными друзьями. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и напряженнѣе становилась личная страсть. Въ 1894 году сконча-

лась супруга Бисмарка, служившая для него поддержкой и утѣшеніемъ, немного спустя умеръ самый близкій наперсникъ, преданнѣйшій повѣренный всяческихъ тайнъ Бухеръ. Его назначеніемъ было сглаживать и исправлять тѣ мѣста *Воспоминаній*, гдѣ истинныя настроенія канцлера накладывали на факты и мысли ужъ слишкомъ яркія краски. По смерти Бухера, автобіографія Бисмарка должна была остаться въ первобытной, въ высшей степени яркой, и—тѣмъ менѣе *исторической* формѣ.

Обстоятельство, нисколько не отнимавшее интереса у произведенія Бисмарка, напротивъ, повышавшее пикантность разоблаченій и оригинальность приговоровъ. На книгу жадно набросилась вся европейская печать. Журналы поспѣшили дать самыя пространныя отчеты, сообщить своимъ читателямъ обширныя выдержки въ видѣ образчиковъ бисмарковскаго литературнаго таланта. Нѣкоторые періодическія изданія помѣстили даже по нѣскольку статей, и писались они депутатами, сенаторами или нѣкоопытными дипломатами, очевидцами дѣятельности Бисмарка. Можно сказать, ни одна книга за весь девятнадцатый вѣкъ не вызвала такого обилія толкованій, сужденій и самыхъ противоположныхъ чувствъ. И имъ предстоитъ еще очень продолжительное будущее. Бисмаркъ оставилъ слишкомъ прочное *реальное* наслѣдство, чтобы міръ скоро могъ сдать въ архивъ его личную и политическую исповѣдь.

И все-таки, если пристально и вполнѣ хладнокровно вникнуть въ литературное завѣщаніе Бисмарка, само по себѣ оно врядъ ли окажется достойнымъ такой шумной вѣрнопой славы. Тайна громаднаго успѣха, какъ это безпрестанно случается, не въ самомъ произведеніи, а въ имени автора. Будь всѣ эти мысли пущены въ оборотъ не подъ фирмой объединителя Германіи и царя европейскихъ дипломатовъ, публика и печать могли бы остаться безучастными. Онѣ и теперь имѣютъ полное основаніе въ сильной степени понизить свое обычное представленіе о величіи канцлера именно какъ политика и отвести его геніальности опредѣленный и далеко не всеобъемлющій кругъ. Они прежде всего должны обратить вниманіе на громадный, совершенно необъяснимый пробѣлъ, допущенный Бисмаркомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Едва ли не труднѣйшимъ вопросомъ внутренней политики канцлера была борьба съ социаль-демократіей. Именно она вызывала энергичнѣйшія мѣры Бисмарка, подвергала жестокимъ искусамъ его общепризнанный государственный геній, вынуждала на грубую физическую расправу съ противниками, и эта же борьба еще при жизни канцлера обнаружила бесплодность его усилій подавить идейное движеніе силой хотя бы и желѣзной власти.

Для насъ было бы въ высшей степени любопытно слышать отъ самого борца объ этомъ поединкѣ. Онъ, по крайней мѣрѣ въ двухъ доселѣ вышедшихъ томахъ своихъ записокъ, предпочитаетъ миновать не совсѣмъ пріятный вопросъ и вознаграждаетъ читателя основательнѣйшими подробностями на счетъ своихъ безчисленныхъ побѣдъ надъ дипломатами, вообще надъ Европой. Мы были бы также очень обязаны автору за сообщенія другого рода, именно какъ развивалось его политическое и нравственное міросозерцаніе, какъ онъ росъ духовно и постепенно усвоивалъ идеи, съ какими явился властителемъ одного изъ культурнѣйшихъ народовъ міра.

И на этотъ счетъ образцовая краткость и скромность. *Воспоминанія* открываются общимъ заявленіемъ, что авторъ въ средней школѣ почерпнулъ пантеистическія и республиканскія воззрѣнія и колебался надъ рѣшеніемъ вопроса, какъ это миллионы людей могутъ повиноваться одному человѣку? Но всѣ эти колебанія не повлекли ни къ какимъ даже ближайшимъ послѣдствіямъ. «Мои историческія сочувствія—говоритъ Бисмаркъ,—остались на сторонѣ авторитета. Гармодій и Аристокитонъ, даже Брутъ для моего дѣтскаго праваго чувства (für mein Kindliches Rechtsgefühl) были преступниками и Телль бунтовщикомъ и убойцей». Послѣ столь рѣшительныхъ заявленій неизвѣстно, зачѣмъ намъ только что сообщено было о пантеизмѣ и республиканскихъ теоріяхъ. Повидимому, даже малѣйшей борьбы, хотя бы въ области отвлеченной мысли, Бисмаркъ не испыталъ ни въ молодости, ни позже. Онъ родился готовымъ *практикомъ* независимо отъ какихъ бы то ни было школьныхъ или житейскихъ вліяній. Достаточно было простыхъ *впечатлѣній*, чтобы пробудить въ натурѣ Бисмарка прирожденныя политическія стремленія.

И онъ сообщаетъ объ этихъ впечатлѣніяхъ. При взглядѣ на карту имъ овладѣвало чувство мести и жажда войны: онъ не могъ спокойно видѣть, что Страсбургъ числится во французскихъ владѣніяхъ. Тотъ же самый процессъ и въ вопросахъ внутренней политики. Со всѣмъ строемъ его личности не мирялась мысль, будто какіе-то представители, на основаніи какихъ-то профессорами измышленныхъ правъ, могутъ критиковать верховную волю прусскаго короля. Эта критика такой же бунтъ, какъ и возстаніе Телля, даже хуже: презрѣнная интрига, основанная на бессмысленной болтовнѣ и лжи.

Это презрѣніе Бисмарка къ политическимъ фактамъ, разъ они противорѣчатъ его инстинктамъ, основной руководящій мотивъ всей его дѣятельности. Воспоминанія переполнены именно чувствомъ презрѣнія, это—настоящая поэма особой своеобразной мизантропіи—холодной, убѣжденной безъ единого проблеска грусти или сожалѣнія о человѣческой слабости. Практически эго грозная воинственная сила, неспособная считаться ни съ какими средствами и личностями, это взглядъ на людей правыхъ или виноватыхъ, смотря по тому, согласны ли они съ мнѣніями героя, или противорѣчатъ имъ.

И съ этой точки зрѣнія Бисмаркъ оцѣниваетъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться во внѣшней или во внутренней политикѣ. На первыхъ же страницахъ онъ пишетъ удручающую характеристику дипломатовъ. Это, надо думать, самыя жалкія созданія въ глазахъ канцлера, глупыя, тупые и въ высшей степени смѣшныя. Французскій языкъ, и притомъ въ предѣлахъ оберкелльверскихъ свѣдѣній—высшая точка ихъ стремленій. Дипломатическое призваніе волюнѣ оправдано, разъ кандидатъ въ дипломаты можетъ написать письмо на французскомъ языкѣ. Это общая картина; не лучше и отдѣльныя фигуры: рядомъ съ ними Бисмаркъ даже въ юности является гигантомъ, и не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ исходѣ борьбы, разъ на полѣ битвы подобные противники.

Еще эффектиѣе другое сопоставленіе. До *Воспоминаній* Бисмарка всѣмъ были извѣстны его идеальныя чувства къ импера-

тору Вильгельму I. Личность императора казалась чрезвычайно величественной, почти эпической. Европа не сомнѣвалась въ громадной роли, какую прусскій король игралъ въ объединеніи Германіи, и многіе даже склонны были думать, что Бисмаркъ явился въ этомъ вопросѣ только искуснымъ сотрудникомъ. По смерти «старого императора» образъ его воспринялъ нѣкій легендарный ореолъ, ставившій его въ рядъ средневѣковыхъ витязей старой священной германской имперіи... Явились *Воспоминанія* Бисмарка, и пьедесталъ сразу рухнулъ и ореолъ разсѣялся.

Страницы, посвященныя Бисмаркомъ императору Вильгельму, едва ли не самыя любопытныя. Онѣ съ особенной яркостью освѣщаютъ личность и таланты самого канцлера и знакомятъ насъ съ его обычными практическими приемами.

Вильгельмъ представлялъ изъ себя крайне зауряднаго человѣка и въ сущности не былъ рожденъ государемъ въ истинномъ смыслѣ слова. Всѣ достоинства его ограничивались честностью и искренностью, собственно королевскіе задатки состояли въ крайне высокой идеѣ о власти монарха. У Вильгельма эта идея носила чисто религіозный характеръ, но практически у короля и позже императора почти никогда не хватало силъ самостоятельно и мужественно оправдывать свое призваніе. Онъ вѣчно находился подъ разными внѣшними вліяніями, и въ особенности своей супруги Августы. Ея воля тяготѣла надъ его мыслью, въ самыя рѣшительныя минуты, онъ обнаруживалъ жалкую беспомощность предъ энергической горячей королевой, и Бисмарку стоило не малыхъ усилій преодолѣвать это рабство и перетягивать своего повелителя на свою сторону.

Эта борьба, очевидно, накупѣла на сердцѣ канцлера. Она занимаетъ очень много мѣста въ его воспоминаніяхъ, до конца остается главнѣйшимъ вопросомъ внутренней политики, какъ ее излагаетъ Бисмаркъ. И надо отдать ему справедливость, онъ умѣетъ достигнуть своей цѣли очень живыми драматическими эпизодами и сценами. Здѣсь канцлеръ является талантливымъ психологомъ-художникомъ и не оставляетъ у насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своемъ недосягаемомъ умственномъ превосходствѣ надъ императоромъ и его вдохновительницей.

Первый случай представился немедленно послѣ вступленія Вильгельма на престолъ. Новый король питалъ глубокую любовь ко всему военному, имѣть многочисленное и образцово устроенное войско было его задушевнѣйшей мечтой. Но парламентъ сталъ на пути, страсти поднялись до высшей температуры, король перепугался и уже сталъ подумывать объ отреченіи отъ престола. О сопротивленіи парламенту король не смѣлъ и подумать, кругомъ ему нашептывали о судьбѣ Карла I, Людовика XVI и онъ уже видѣлъ себя на эшафотѣ вмѣстѣ съ своимъ министромъ. Бисмарка сравнивали съ Полиньякомъ, Страффордомъ, однимъ словомъ, королева и ея помощники постарались извлечь изъ исторіи всѣ ужасы, подходившіе къ случаю.

Бисмаркъ оказывался одинокимъ, даже военный министръ Роонъ не сочувствовалъ его слишкомъ самодержавнымъ заявленіямъ предъ парламентомъ. Бисмаркъ не отступилъ, онъ встрѣтился съ королемъ наединѣ, и между ними произошла сцена, въ высшей степени поучительная и по содержанию, и по смыслу.

Бисмаркъ нашелъ короля въ полномъ упадкѣ духа, Вильгельмъ прямо заявилъ ему о предстоящей казни ихъ обоихъ. Тогда Бисмаркъ произнесъ горячую рѣчь, доказывалъ, какъ недостойно монарха безъ борьбы подчиняться своей участи, объяснилъ малодушное поведеніе Людовика XVI и Карла I, воззвалъ къ чувству военной чести, и въ заключеніе одержалъ побѣду.

Замѣчательнъ общій психологическій выводъ. Король—идеальный типъ прусскаго офицера, ни болѣе, ни менѣе. Онъ все, что угодно, сдѣлаетъ, но только *по командѣ*, лишь бы не разсуждать и не нести личной отвѣтственности. Но бѣда, если предъ такимъ исполнителемъ возстаетъ призракъ чьей бы то ни было критики, на него направленной, начальства или общественнаго мнѣнія: мгновенно пропадаетъ всякая энергія. Такъ и Вильгельмъ. До встрѣчи съ Бисмаркомъ онъ ужасался нагоняя отъ супруга, порицанія отъ разныхъ политиковъ, Бисмаркъ сразу поставилъ его въ положеніе фрунтового воина, и онъ подчинился его волѣ, какъ это сдѣлалъ бы всякій прусскій офицеръ по приказу высшаго начальства.

Бисмаркъ видимо съ наслажденіемъ разсказываетъ и подробно разъясняетъ все приключеніе. Читатель долженъ разъ навсегда убѣдиться, какъ велика была личная нравственная сила министра и какъ пассивна, *механична* натура его государя.

Не лучше и портретъ императрицы Августы.

Эта женщина—настоящій кошмаръ для Бисмарка. Онъ не можетъ спокойно вспоминать о ней, она умѣла отравлять лучшіе моменты его власти, угрожать ему утратой только что достигнутыхъ результатовъ и вѣчно держать въ томительномъ страхѣ; вотъ внезапно переимѣнится настроеніе ея августѣйшаго супруга и «вся постройка» канцлера рухнетъ въ прахъ.

Что руководило неумолимой пожизненной оппозиціей Августы? По словамъ Бисмарка, менѣе всего какая-нибудь опредѣленная идея, просто даже прямая практическая цѣль. Королева интриговала просто ради удовлетворенія личнаго самолюбія. Она желала въ своей особѣ воплощать правительство, всякая власть вѣдъ ея была ей ненавистна просто какъ власть независимо отъ направленія и самихъ обладателей властью. Бисмаркъ вполне опредѣленно выражается: если правительство было консервативно, Августа собирала вокругъ себя либераловъ и съ помощью ихъ мѣшала предпріятіямъ министерства. Если правительство начинало относиться благосклонно къ либераламъ, императрица принималась поощрять консерваторовъ и особенно католиковъ. То же самое и во внѣшней политикѣ. У императрицы всегда имѣлось свое анти-министерство и, напримѣръ, она защищала интересы Австріи даже въ началѣ австро-прусской войны.

Положеніе вещей бывало тѣмъ болѣе тягостнымъ, что императоръ, безъ всякой критики, подчинялся внушеніямъ супруги. Если онъ самолично додумывался до какой-либо идеи, враждебной планамъ канцлера, переубѣдить его было не трудно: здравый смыслъ, по словамъ Бисмарка, и логика фактовъ брали свое. Но горе, если Вильгельмъ являлся съ мнѣніями своей жены! Тогда рѣчь его становилась сбивчивой, разсужденія странными и совершенно нелогическими, а между тѣмъ роковое внушеніе тяготѣло надъ

слабымъ духомъ. Прижатый къ стѣнѣ, императоръ обыкновенно восклицалъ въ безысходной тоскѣ: «Кончимъ же, наконецъ!» И въ оправданіе приводились соображенія, отнюдь не способныя умиротворить канцлера;—въ родѣ «жена моя—горячая голова» и «что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?»

Легко представить, сколько ловкости и энергіи требовалось Бисмарку вести эту непрерывную войну! Но оставаться побѣдителемъ онъ привыкъ съ самого начала, его могъ раздражать только процессъ борьбы; исходъ былъ заранее извѣстенъ.

Слѣдующая императрица, Викторія, также оказалась на политическихъ путяхъ Бисмарка и здѣсь соперничество грозило несравненно болѣе серьезное, чѣмъ капризная легкомысленная фронтъ предшественницы. Супруга Фридриха III также неограниченно вліяла на мужа, но она твердо знала, чего хотѣла. Понималъ это и Бисмаркъ, жестоко укоряя Викторію въ ея неизмѣнныя прирожденныхъ англійскихъ идеалахъ. Онъ имѣлъ основанія бояться, какъ бы «англичанка» не поколебала устоевъ прусской внутренней и внѣшней политики, и Фридрихъ III обнаруживалъ всѣ данныя «железнаго канцлера» замѣнить другимъ, болѣе близкимъ его уму и сердцу. Смерть рѣшила вопросъ въ пользу Бисмарка. Но торжество продолжалось не долго: гроза пришла совершенно неожиданно и съ той стороны, гдѣ, казалось, все было ясно...

Но, во всякомъ случаѣ, паденіе не нанесло смертельнаго удара историческому величію Бисмарка. На первыхъ порахъ обнаружилась—было обычная человѣческая доблесть: вокругъ Бисмарка образовалась пустота. Верховная опала превратила отставку въ изгнаніе. Но виновникъ опалы не обнаружилъ ни таланта, ни достоинства, равносильныхъ его юпитеровскому расчету съ основателемъ германской имперіи. Первое впечатлѣніе прошло, нѣмцы быстро постигли своего новаго кормчаго, сравнили съ прежнимъ, и ореолъ Бисмарка засіялъ новымъ ослѣпительнымъ блескомъ затѣмъ, чтобы ужъ больше не померкнуть до самой его смерти.

Убѣжище канцлера превратилось въ Мекку нѣмецкихъ патріотовъ. Не проходило мѣсяца безъ паломничества и рѣчей изгнанника, звучавшихъ и теперь все также громко и властно. Заграницей не менѣе внимательно прислушивались къ этимъ рѣчамъ и говорили: вотъ истинно національный герой новой Германіи *)!

Когда, наконецъ, смерть прекратила паломничества и рѣчи, самые разсудительные и просвѣщенные соотечественники покойника писали: «до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать наша планета и на землѣ жить люди, имъ будутъ называть Бисмарка, какъ одного изъ людей, давшихъ имя своему столѣтію... Деятнадцатый вѣкъ будетъ названъ вѣкомъ Бисмарка». И нѣмцы находили, что міръ обдѣлалъ послѣ кончины Бисмарка, даже трудно мыслить міръ безъ Бисмарка, и остается одно утѣшеніе, желать, чтобы *его* геній и его перваго императора бодрствовалъ надъ созданной имъ имперіей... **).

Мы видимъ, канцлеръ остался побѣдоноснымъ и при жизни. И за гробомъ. Геній императора даже упоминается всуе: такого

*) *Nuova Antologia*, 1899, 16 gennaio, p. 314.

**) *Deutsche Rundschau*, 1898, September.

вовсе не было, все создано однимъ Бисмаркомъ. Это мы знаемъ отъ него самого и послѣ его *Воспоминаній* честь объединенія Германіи должна принадлежать ему безраздѣльно. Онъ выше всѣхъ цѣлой головой, и дипломатовъ, и государей, и, несомнѣнно, такой портретъ собственной особы желалъ нарисовать авторъ. Но онъ не достигъ болѣе общей цѣли: не успѣлъ изобразить себя высокимъ безъ сравненія съ завѣдомыми ничтожествами. Онъ допустилъ извѣстную наполеоновскую ошибку, повторенную, впрочемъ, всѣми надменными повелителями человѣческаго стада. Они до послѣдней степени принижаютъ матеріалъ, подлежащій ихъ воздѣйствію, и забываютъ, что этимъ самымъ они подрываютъ у насъ вѣру въ ихъ исключительное могущество. Немного чести властвовать надъ глупцами и посредственностями. А именно такого рода созданія проходятъ передъ нами въ воспоминаніяхъ и Наполеона, и Бисмарка. Императоръ Вильгельмъ развѣнчанъ окончательно, дипломаты осмѣяны безнадежно, но всѣ эти посягательства не минували и самого побѣдителя. Онъ великъ среди слишкомъ маленькихъ людей. А если мы еще припомнимъ, что отъ разсказа о важнѣйшихъ своихъ затрудненіяхъ во внутренней политикѣ онъ уклонился, выводъ получится отнюдь не восторженный. И мы логически должны признать *Мысли и Воспоминанія* не исторіей, а чисто юридической рѣчью pro domo sua. Бисмаркъ строилъ себѣ памятникъ нерукотворный, тщательно выбирая подходящий матеріалъ, свободно обтесывая камни и невозбранно возвышая пьедесталъ до какихъ угодно размѣровъ. Въ результатѣ получилась книга, требующая многочисленныхъ критическихъ примѣчаній, предстала предъ читателемъ *парадная* фигура на чрезвычайно искусно обставленной сценѣ.

Мы попытаемся представить героя и пьесу въ менѣе торжественной и болѣе естественной картинѣ. Никакихъ экстренныхъ откровеній и углубленій въ государственныя тайны намъ не потребуется: мы просто припомнимъ факты, или опущенные самимъ Бисмаркомъ, или оставленные имъ безъ должнаго освѣщенія. Работа въ высшей степени поучительная: она лишній разъ покажетъ намъ, на какихъ пьедесталахъ красуются обыкновенно сверхъчеловѣки и какой смыслъ имѣетъ эта красота для всего бѣднаго человѣчества.

II.

Поклонники Бисмарка чаще всего выставляютъ на видъ одно достоинство своего героя: ясное сознание своихъ цѣлей и неуклонное стремленіе къ нимъ. Это—*воплощенная воля*, направленная по строго опредѣленному, безусловно неизмѣнному и для всѣхъ ясному плану: Гогенполлерны должны неограниченно владычествовать надъ Пруссіей, Пруссія надъ Германіей, Германія надъ Европой. Вотъ и вся политика и философія Бисмарка, она дана ему самой природой, она тождественна съ его инстинктами, можно сказать, сливается съ его непосредственными вкусами и физическими влеченіями. А такъ какъ инстинктъ не станетъ вступать въ сдѣлки, подчиняться идеѣ или нравственному чувству, то и цѣльность биомарковской дѣятельности обезпечена ея основнымъ вдохновляющимъ мотивомъ.

И дѣльность дѣйствительно поразительная!

Нѣкоторое время Бисмаркъ находится на распутьѣ. Въ университетѣ онъ учится плохо, не разъ проваливается на экзаменахъ, беретъ даже репетитора и сдаетъ государственный экзамень, но какъ и когда—остается неизвѣстнымъ. Вообще научный багажъ самый легковѣсный, но зато двадцать восемь дуэлей, почетная рана въ лицо и бурный неукротимый характеръ. Онъ мѣшаетъ Бисмарку приспособиться къ какой бы то ни было службѣ, требующей подчиненія. Бисмаркъ задыхается въ чиновничьей канцеляріи, возстаетъ противъ военной дисциплины и спасается на годъ въ деревню. Здѣсь бѣшенная скачка верхомъ смѣняется ортіями, Бисмаркъ быстро во всей округѣ приобретаетъ славу перваго кутилы, о величинѣ его пивной чаши рассказываютъ легенды и эта популярность нагоняетъ такой ужасъ на чинныхъ матерей семействъ, что Бисмаркъ рискуетъ получить отказъ въ рукѣ любимой дѣвушки. На его счастье, молодая особа держалась совсѣмъ другого взгляда на подвиги своего поклонника, чѣмъ мать, и счастливый бракъ состоялся.

Одновременно открывается политическая карьера. Бисмаркъ является въ прусскій сеймъ. Ему предшествуетъ извѣстность отчаяннаго охотника и любителя шумныхъ кутежей, но это было не все. Члены сейма, да, вѣроятно, и собутыльники Бисмарка не знали, что онъ какимъ-то путемъ ухитрился перечитать множество нужныхъ ему книгъ, по исторіи Германіи и Англій, углубляясь даже въ старинныя лѣтописи, отыскивая всюду германскій духъ и открывая его, разумѣется, въ полномъ соотвѣтствіи съ своими гогенцоллернскими страстями. Теперь онъ явился во всеоружіи фактовъ и цифръ, заранѣе предвкушая обязательную побѣду надъ идеологами и конституционалистами. Гигантскій ростъ, совершенно демократическое лицо съ громадными сѣрыми глазами, обладавшими способностью смущать и очаровывать и при этомъ непобѣдимая самоувѣренность стараго дуэлиста и искателя приключеній: сеймъ немедленно почувствовалъ вліяніе нѣкакого мощнаго духа въ первыхъ же рѣчахъ Бисмарка.

Онъ не преминулъ изложить свою откровенную исповѣдь и безъ всякихъ колебаній заявилъ себя рѣшительнымъ реакціонеромъ. Онъ дерзнулъ отрицать фактъ, всѣми признанный, будто Пруссія со времени борьбы противъ Наполеона желаетъ конституціи. Ничего подобнаго! Она просто хотѣла прогнать врага и жить по старому со своими королями... Услышавъ такую ересь, сеймъ пришелъ въ негодованіе, крики покрыли рѣчь оратора, но ни на минуту не смутили его: онъ преспокойно вынулъ изъ кармана газету и принялся читать ее, пока народные представители шумѣли. Когда шумъ прекратился, Бисмаркъ началъ снова свою рѣчь и закончилъ ее съ надлежащимъ эффектомъ: «Мнѣ напоминаютъ, что я молодъ и что я еще ничего не сдѣлалъ для страны, будьте покойны, можетъ быть, не далекъ день, когда я сдѣлаю все, чего я, по вашему упрекамъ, не сдѣлалъ».

Это происходило наканунѣ іюльской революціи. Вѣтеръ дулъ, по видимому, совсѣмъ не въ сторону отважнаго монархиста. Парижскія событія обезпокоили прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV: переворотъ онъ приписывалъ недостатку либерализма въ правле-

ніи Людовика-Филиппа. Бисмаркъ думалъ совершенно иначе—точь-въ-точь, какъ Наполеонъ во время великой революціи. Онъ дрожалъ отъ гнѣва при одной мысли о побѣдѣ улицы надъ войскомъ. Онъ не понималъ, почему король не очистилъ города хорошимъ залпомъ изъ митральезы? Этого мало: въ сущности слѣдовало бы уничтожить всѣ большіе города, какъ очаги революцій. У Бисмарка спросили, какъ бы онъ распорядился, находясь у власти? «Висѣлица была бы на очереди дня»,—отвѣчалъ будущій канцлеръ и не преминулъ подтвердить свою идею на дѣлѣ.

Онъ страстно возсталъ противъ амнистіи участникамъ мартовской революціи. Онъ подвергъ жестокому издѣвательству теоретическихъ политиковъ: «Они со временъ *Общественнаго договора* Руссо ничему не научились и ничего не забыли и ихъ фантазіи въ полгода стоили націи больше крови, денегъ и слезъ, чѣмъ абсолютизмъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ». Очевидно, на языкѣ Бисмарка не была пустымъ словомъ *висѣлица* и не для мелодраматическихъ эффектовъ онъ говорилъ о крови и мести. Ежеминутно онъ лично готовъ былъ отмстить и пролить кровь.

Однажды, вечеромъ, въ пивной одинъ изъ посѣтителей дурно отозвался о королевской семьѣ. Бисмаркъ всталъ съ мѣста и крикнулъ: «Убейте вонъ; если вы не уйдете, пока я опорожню эту кружку, я разобью ее о вашу голову!» Несчастный не повѣрилъ угрозѣ, но Бисмаркъ, спокойно выпивъ пиво, разбилъ кружку о черепъ либерала и тотъ упалъ, обливаясь кровью.

Даже король чувствовалъ себя неловко предъ этимъ средне-вѣковымъ забіякой. Бисмаркъ это зналъ и будто гордился оторопью своего повелителя: онъ особенно громко провозглашалъ себя сторонникомъ обскурантизма и средне-вѣковыхъ убѣждений. Король не могъ остаться безучастнымъ къ такому самоотверженному оруженосцу его правъ, и будущее Бисмарка было обезпечено. Онъ является на франкфуртскомъ общегерманскомъ сеймѣ и впервые усвоиваетъ глубокую личную ненависть къ Австріи. Онъ всюду сталкивается съ ея притязаніями и оскорбительной надменностью ея представителей. Его прусское сердце переполняется гнѣвомъ. Онъ теперь безповоротно убѣждается въ необходимости выбросить Австрію изъ германскаго союза, унижить ее и подчинить прусскому вліянію. Онъ считаетъ все это вполне достижимымъ. Именно теперь онъ постигаетъ все ничтожество пышныхъ раззолоченныхъ фигуръ, именуемыхъ дипломатами. Его письма къ женѣ переполнены истинно-художественными насмѣшками надъ глубоко-мысленными вершителями народныхъ судебъ. «Пришлите мнѣ,—пишетъ онъ,—мыловара или школьнаго учителя, вымойте и причешите ихъ и я надѣлаю вамъ изъ нихъ дипломатовъ... Трудно себѣ представить, сколько ничтожества и шарлатанства заключается въ дипломатіи».

Это вступительное разсужденіе къ виѣшной политикѣ. Одновременно Бисмаркъ запасается свѣдѣніями и для будущей министерской и канцлерской дѣятельности. Свѣдѣнія не новыя, но франкфуртскій сеймъ даетъ особенно богатый матеріалъ. Въ письмахъ къ женѣ иронія распредѣляется поровну по адресу дипломатовъ и депутатовъ. Всѣ они одинаково забавны, воображая себя значительными фигурами, и Бисмаркъ не пропускаетъ случая подиѣтить смѣшную или жалкую черту у ненавистныхъ ему людей

всюду—въ сеймѣ, на улицѣ, на балу. Онъ не отказывается отъ развлеченій, его считаютъ даже слишкомъ легкомысленнымъ, онъ, повидимому, большой любитель танцевъ и пустой свѣтской болтовни, но наивные судьи не понимаютъ тонкихъ расчетовъ веселаго пруссакка. Онъ всюду бываетъ затѣмъ, чтобы все видѣть и обо всемъ имѣть личное сужденіе. Не виновать же онъ, что дипломатовъ приходится изучать преимущественно на балахъ и въ концертахъ! При случаѣ онъ не затрудняется дать понять, чего онъ стоитъ въ качествѣ прусскаго представителя. Вся Германія была взволнована сценой съ президентомъ сейма, австрійскимъ депутатомъ графомъ Туномъ.

Графъ принялъ Бисмарка, какъ существо низшей расы, не предложивъ ему сѣсть и, не выпуская изо рта сигары. Бисмаркъ самъ пододвинулъ себѣ кресло, вынулъ сигару и попросилъ у Туна огня. Австріецъ онѣмѣлъ отъ изумленія. То же самое произошло и въ самомъ сеймѣ. До Бисмарка президентъ пользовался исключительной привилегіей—курить во время засѣданій. Бисмаркъ и здѣсь обратился къ Туну съ просьбой огня. Это было пѣлымъ событіемъ. Представители немедленно сообщили о немъ своимъ правительствамъ и спустя полгода послѣдовало распоряженіе отъ лица всѣхъ нѣмецкихъ государей курить ихъ депутатамъ въ сеймѣ наравнѣ съ президентомъ. Депутаты, никогда не курившіе, вынуждены были начать курить въ интересахъ политики.

Такой менѣе всего легкомысленный эффектъ могъ вызвать прусскій «освистанный депутатъ»! Даже король затруднился сначала послать его въ столь важное собраніе, теперь онъ съ любовью слѣдилъ за дѣятельностью своего рыцаря. А Бисмаркъ усиленно изучалъ людей и обстоятельства. Отъ его проницательности не ускользала никакая слабость и ошибки. Одаренный невозмутимой трезвостью взгляда, онъ всегда умѣлъ изъ-за вышшняго блеска распознать печальную дѣйствительность. Никакое театральство, никакое краснорѣчіе не могли подкупить наблюдателя, и онъ съ первой же встрѣчи съ Наполеономъ III произнесъ убійственный приговоръ. Онъ проникъ въ мелкую и бездарную натуру цезаря, въ его запутанномъ, хотя подчасъ и очень эффективномъ краснорѣчій распозналъ отсутствіе ясныхъ идей и точно установивъ цѣли, а главное, онъ присмотрѣлся къ общимъ порядкамъ императорской Франціи, опѣнилъ по достоинству ея армию и оставилъ Парижъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что часть имперіи и самой Франціи пробьетъ въ недалекомъ будущемъ.

Тѣ же наблюденія и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ. Разсказъ о пребываніи Бисмарка въ русской столицѣ—одна изъ любопытнѣйшихъ главъ его книги, и любопытна она прежде всего совершенно не дипломатическимъ отношеніемъ посла къ той средѣ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать въ качествѣ министра своего государя. Недаромъ онъ такъ беспощадно издѣвался надъ заурядными дипломатами, онъ самъ является въ чужую страну не затѣмъ, чтобы получать и представлять ноты и циркуляры, онъ желаетъ знать чародъ и его правительство и притомъ изъ первоисточниковъ, а не по придворнымъ и закулиснымъ сплетнямъ. Онъ не пропуститъ случая побесѣдовать съ крестьянникомъ, старымъ солдатомъ—и—такое ему счастье!—всюду онъ встрѣтитъ оправданіе своихъ

*

политическихъ сочувствій и ненавистей. Московскій унтеръ-офицеръ, украшенный кульмскимъ крестомъ, поразить его своей враждой противъ Австріи, засвидѣтельствуетъ такимъ образомъ истинное отношеніе русскаго народа къ «фальшивому другу». Другія наблюденія также укрѣпляютъ Бисмарка въ необходимости вѣчнаго мира съ Россіей, близкой войны съ Австріей и вѣчныхъ раздоровъ съ Франціей. Программа все прежняя, только подтвержденная новыми данными.

Къ шестидесятымъ годамъ, т. е. ко времени вступленія Вильгельма на прусскій престолъ, политическое воспитаніе Бисмарка закончено во всѣхъ подробностяхъ. Онъ попрежнему не вызываетъ довѣрія у старыхъ хитроумныхъ политиковъ. Надъ нимъ почти смѣются, Наполеонъ именуетъ его «безумцемъ», императрица Евгенія—«чудакомъ», французскіе министры—«не серьезнымъ человѣкомъ». И, повидимому, основательно. Бисмаркъ говоритъ совершенно громко самыя рискованныя вещи: истинный дипломатъ побоялся бы даже увидѣть ихъ во снѣ. Онъ кричитъ о союзѣ Франціи съ Пруссіей для совмѣстнаго дѣлежа плохо лежащаго чужого имущества. Онъ предлагаетъ Наполеону овладѣть Бельгіей и помочь объединенію Германіи. Наполеона очаровываютъ столь смѣлые планы, онъ внимательно прислушивается къ рѣчамъ Бисмарка, становится повѣреннымъ его тайнъ. А въ это время Бисмаркъ пишетъ о немъ: «издали это—еще кое что, вблизи это—ничто. Сначала я его самъ—было слишкомъ переоцѣнилъ, на самомъ дѣлѣ это большая непризнанная бездарность»:

Вслѣдствіи Наполеону придется еще дороже расплатиться за конфиденціальныя бесѣды съ «безумцемъ». Въ видѣ предисловія къ франко-прусской войнѣ Бисмаркъ опубликуетъ въ «Times» fac-similé своего договора съ Наполеономъ и подниметъ все общественное мнѣніе противъ Франціи. Вообще, ему везетъ насчетъ глупой дичи. Такую же исторію онъ продѣлаетъ раньше съ австрійскими дипломатами, заручится отъ нихъ предположеніемъ—подѣлить между Австріей и Пруссіей нѣкоторые германскія герцогства. Документъ также будетъ опубликованъ въ нужную минуту, именно во время австро-прусской войны, и вызоветъ вражду всей Германіи противъ коварства Австріи.

Нечего и говорить, конечно, откуда исходило это коварство. Австрія и Наполеонъ просто попадались въ ловушки согласно основному убѣжденію Бисмарка въ ничтожествѣ и ограниченности дипломатовъ. И легко представить, какъ глубоко укоренилось въ душѣ удачливаго охотника презрѣніе къ неразумному человѣчеству! Это чувство—самый могущественный вдохновитель на головокружительныя предпріятія, и чѣмъ ближе Бисмаркъ знакомится съ людьми, тѣмъ отважнѣе становятся его планы. Онъ, опять подобно Наполеону, превращается въ азартнаго игрока, ставитъ на карту сотни тысячъ жизней, судьбу государства и свою собственную особу. Бисмаркъ можетъ долго и съ любовью сплестать искусныя сѣти, вести сложную дипломатическую интригу, но только затѣмъ, чтобы, наконецъ, нанести противнику молниеносный ударъ. Онъ по природѣ берсеркеръ и его высшее счастье—сокрушительная энергія дѣйствій, а не тонкая логика рѣчей. До поры до времени онъ можетъ дурачить австрійскихъ и французскихъ дипломатовъ, но онъ уже давно публично

объявилъ, что великіе вопросы времени рѣшаются не фразами, а желѣзомъ и кровью. Убавивъ бдительность и жадность Наполеона, Бисмаркъ разгромилъ Данію. Это—начало, слѣдующая очередь Австріи. Предварительно прусскій министръ справится, насколько перемѣнились настроенія Наполеона. Исслѣдованія оказываются благопріятными: резонерствующій авантюристъ все также близорукъ и смѣшенъ,—онъ не пойметъ смысла австро-прусской борьбы и допустить униженіе Австріи, ни на минуту не задумавшись надъ собственной участью.

Какая драма эта междоусобная война двухъ нѣмецкихъ державъ! Ее въ Германіи называютъ братоубійственной, король и особенно королева противъ нея, даже армія не чувствуетъ энтузіазма (идти противъ вчерашняго союзника и единоплеменника. Бисмаркъ въ полномъ смыслѣ играетъ на все свое будущее, и онъ это понимаетъ. Онъ уѣзжаетъ изъ Берлина съ твердымъ рѣшеніемъ не вернуться, если Пруссія не побѣдитъ. Онъ присоединяется къ арміи, присутствуетъ въ сраженіяхъ и позже издѣвается надъ своими излюбленными жертвами—дипломатами, объявляющими войну въ креслахъ у камина и не имѣющими понятія о крови живого человѣка. Онъ покидаетъ короля въ дурномъ настроеніи, и это не мѣшаетъ ему объявить публично: «король откажется отъ престола, если мы будемъ побиты». Бельгійскому посланнику онъ обѣщаетъ: «Если мы потерпимъ неудачу, я дамъ себя изрубить саблями въ послѣдней стычкѣ».

И онъ переживаетъ страшныя минуты на поляхъ битвъ! Онъ ведетъ себя истиннымъ героемъ, не спускаетъ глазъ съ дѣла, имъ вызваннаго, ни на одно мгновеніе не забываетъ о личной отвѣтственности. Здѣсь Бисмаркъ дѣйствительно великъ и дипломатическій корпусъ всей Европы, со всѣми его историческими *bons mots* и изяществомъ французскаго стиля—кучка пигмеевъ предъ этимъ гениемъ воли и мужества. Въ теченіе тринадцати часовъ при Садовой онъ не сходитъ съ лошади. Исходъ битвы зависитъ отъ появленія арміи кронпринца. Она медлитъ, рѣшительный часъ насталъ, Бисмаркъ видитъ предъ собой пропасть, онъ заряжаетъ пистолеть и закуриваетъ сигару. Сраженіе продолжается; если онъ выкурить сигару и кронпринцъ не явится, онъ покончитъ съ собой. Уже раздаются побѣдные крики австрійцевъ, но судьба за смѣлыхъ; въ самую послѣднюю минуту кронпринцъ бросается на австрійцевъ, битва выиграна, и игра Бисмарка закончена съ блескомъ и славой. Онъ засыпаетъ, какъ мертвый, безъ постели и подушки, среди грязи, но счастливый и отнынѣ единовластный.

Такой же рѣшительный ходъ игрока и франко-прусская война. Въ теченіе многихъ лѣтъ Бисмаркъ опутывалъ Наполеона несбыточными перспективами, льстилъ его мнимому всемогуществу, поощрялъ самыя нелѣпыя притязанія, отлично понимая полное безсиліе Франціи осуществить ихъ. Бисмаркъ умѣлъ лучше Наполеона и французскихъ генераловъ изучить военное положеніе имперіи, въ прусскомъ военномъ штабѣ имѣлись несравненно болѣе точныя свѣдѣнія о французской арміи, чѣмъ во французскомъ военномъ министерствѣ, и здѣсь знали глиняный пьедесталъ бонапартовскаго колосса. Наполеонъ имѣлъ глупость самолично со-

чинять договори, способные погубить его въ глазахъ Европы, его министры держались величественнаго тона, не имѣя за собой никакой реальной силы. При такихъ условіяхъ Бисмарку дешево стоило разгорячить самолюбіе французовъ и натолкнуть ихъ на роль зачинщиковъ брани. Достаточно перваго случая, разъ Бисмаркъ былъ увѣренъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ прусской арміи надъ французской.

Въ свое время громадное впечатлѣніе на весь міръ произвело разоблаченіе бисмарковской продѣлки наканунѣ объявленія войны. Ее подробно рассказываетъ самъ герой съ видимымъ упоеніемъ. И дѣйствительно, тонкость работы образцовая: стоило посвятить даже отдѣльную главу *Эмской депешы*.

Какъ извѣстно, вопросъ шелъ о кандидатурѣ гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ. Наполеонъ воспротивился и кандидатура была устранена. Но французское правительство, продолжавшее грезить старымъ бонапартовскимъ авторитетомъ надъ послушной Европой, потребовало отъ короля Вильгельма «гарантіи на будущее». Бисмаркъ пришелъ въ восторгъ, узнавъ объ этой фанфаронадѣ. Но препятствіе заключалось въ миролюбіи короля: ему и на умъ не приходило разрывать съ Франціей. Онъ совершенно невинно приказалъ своему адъютанту передать французскому послу, что онъ считаетъ вопросъ рѣшеннымъ и ничего больше не имѣетъ сообщить ему.

Все это происходило въ Эмсѣ; Бисмаркъ, Мольтке и Роонъ находились въ Берлинѣ и ждали съ мучительнымъ нетерпѣніемъ развязки. Пришла телеграмма, застала воинственный триумвиратъ, за обѣдомъ и повергла его въ уныніе. У Мольтке и Роона пропалъ даже аппетитъ, но Бисмаркъ быстро опомнился, взялъ карандашъ и принялся редактировать отчетъ о событіи. Онъ не измѣнилъ и не прибавилъ въ телеграммѣ ни одного слова, слегка только ретушировалъ форму. По телеграммѣ выходило, что король лишь въ *данный моментъ*, на водахъ, отказался *продолжать* переговоры, въ Берлинѣ они могутъ быть возобновлены; редакция Бисмарка придавала отказу рѣшительный характеръ: король *не пожелалъ принять* французскаго посла и этимъ безусловно оскорбительнымъ актомъ закончилъ инцидентъ.

Когда Бисмаркъ прочиталъ свое произведеніе Мольтке и Роону, тѣ пришли въ восторгъ и заявили, что телеграмма звучала какъ *отбой*, а сообщеніе Бисмарка играетъ *наступленіе*. Бисмаркъ еще болѣе подогрѣлъ радость пріятелей, объявивъ имъ, что онъ сообщитъ свой текстъ въ газеты и всѣмъ прусскимъ посольствамъ. Это произведетъ «впечатлѣніе краснаго платка на галльскаго быка», и Пруссія окажется стороной *вызванной*, а не *вызывающей*, что и требовалось для завоеванія общественнаго мнѣнія Европы и либеральныхъ ораторовъ.

Генералы возвеселились, какъ школьники, принялись ѣсть, пить и «говорить въ веселомъ духѣ», какъ выражается Бисмаркъ. Мольтке, вѣчно безмолвный и пассивный—билъ себя въ грудь и выкрикивалъ горячія фразы... Судьба Франціи была рѣшена.

Существуетъ особое сочиненіе, изображающее Бисмарка во время франко-прусской войны. Написано оно его личнымъ секре-

таремъ—Бушемъ *) и полно поучительнѣйшихъ сообщеній. Бисмаркъ вырисовывается здѣсь весь и окончательно, и портретъ любопытенъ не только самъ по себѣ, но и вообще для человѣческой психологій. Мы знаемъ, конечно, что Бисмаркъ страстный патріотъ и насъ не удивить его сострадательное, даже нѣжное чувство къ нѣмецкимъ солдатамъ. Но намъ трудно помирить какой угодно патріотизмъ съ кровожадной *расовой* ненавистью. Бисмаркъ во время войны свирѣпостью превзошелъ всѣхъ вождей германской арміи. Отъ начала до конца онъ вѣчно ссорится съ генеральнымъ штабомъ изъ-за его, будто бы, слишкомъ гуманнаго отношенія къ французамъ. Онъ настаиваетъ, чтобы огонь и мечъ не уставали истреблять враговъ, деревни выжигались, населеніе вѣшалось при всякомъ подозрѣніи въ «измѣнѣ». Онъ негодуетъ, что слишкомъ много людей берутъ въ плѣнъ: ихъ слѣдуетъ разстрѣливать на мѣстѣ. Онъ не допускаетъ и бѣглецовъ: оставленные дома должны быть разрушены, имущество конфисковано. Онъ съ удовольствіемъ любитъ на горящія зданія, гдѣ подъ развалинами глѣютъ трупы, и шутитъ на счетъ «жаренаго луку». Подъ Парижемъ онъ настаиваетъ, чтобы солдаты стрѣляли по бѣднякамъ, выходящимъ за городъ отрывать изъ подъ снѣга картофель. Онъ требуетъ бомбардировки столицы и даже ссорится съ Мольтке, который считалъ безцѣльнымъ разрушать Парижъ и истреблять его населеніе...

Бисмаркъ могъ быть доволенъ собой: даже въ средніе вѣка онъ могъ бы разсчитывать на довольно рѣдкую славу... Но какъ бы то ни было, зданіе увѣнчано. Въ зеркальной залѣ версальскаго дворца германскіе государи провозгласили прусскаго короля императоромъ. Въ этотъ день—18 января 1871 года—началась новѣйшая исторія Европы, съ истинномъ смысломъ исторія культурнаго міра конца вѣка.

III.

Въ дневникѣ кронпринца Фридриха, очевидца провозглашенія германской имперіи, описывается приснопамятная сцена довольно неожиданными красками: Бисмаркъ прочиталъ документъ «голосою монотоннымъ, безучастнымъ, будто докладчикъ», блѣдность не сходила съ его лица...

Странно! Великій человѣкъ достигалъ вѣнца своихъ стремлений, и такой голосъ, и такое лицо... Не могло же его смутить сопротивленіе баварскаго короля, равнодушіе и даже отчасти нежеланіе самого Вильгельма быть императоромъ—осуществлять мечту профессоровъ и либераловъ и впоследствии считаться съ парламентомъ и даже всеобщей подачей голосовъ. Ни Людвигъ II, ни Вильгельмъ I не могли разстроить Бисмарка; надо думать, совсѣмъ другія обстоятельства отравляли его торжество.

Въ самомъ дѣлѣ, что получалось въ результатѣ побѣдоносныхъ дипломатическихъ и военныхъ походовъ? Ни болѣе, ни ме-

*) Bismarck und seine Leute während des Kriegs 1870—1871. Существуетъ франц. переводъ: *Le comte de Bismarck et la suite pendant la guerre de France 1870—1871*. Paris. 1879.

нѣе, какъ революціонный разрывъ со всѣми драгоцѣннѣйшими для Бисмарка прусскими и гогенцоллернскими основами. Въ 1849 году прусскій король съ презрѣніемъ отвергъ императорскую корону, предложенную ему народнымъ представительствомъ. Теперь онъ получалъ ту же корону отъ принцевъ, но далеко не безвозвездно. Всеобщая подача голосовъ—идея, по существу противная всѣмъ инстинктамъ и убѣжденіямъ Бисмарка. Дальше, единство, провозглашенное прокламаціей къ народу, не уничтожило почеркомъ пера исконныхъ нѣмецкихъ наклонностей къ обособленію. Не даромъ исторія создала на почвѣ Германіи десятки государствъ: это дробленіе, очевидно, соотвѣтствовало національному германскому духу, и уничтожить его политической или войной—внѣ человѣческихъ силъ. Наконецъ, во главѣ имперіи становился протестантскій государь, и милліоны католиковъ врядъ ли могли видѣть провиденціальныи актъ въ этомъ событіи. Очевидно, народъ, церковь, государи и всѣ эти силы, по своимъ историческимъ задачамъ и путямъ, отнюдь не представляли благодарной почвы для чисто-прусскаго гогенцоллернскаго владычества. И Бисмарку немедленно предстояло вступить въ совершенно другую борьбу—не съ дипломатами и придворными интригами, а съ внутренними національными теченіями—умственными, политическими и экономическими.

За предѣлами версальскаго мира предъ нами встаетъ другой Бисмаркъ, точнѣе прибавляется новая основная черта къ его личности и дѣятельности. Старая, знакомая намъ, остается по прежнему, Бисмаркъ неизмѣнно побѣдоносецъ въ своихъ столкновеніяхъ съ дипломатами и всякаго рода сановниками. Одинъ князь Горчаковъ было не угодилъ канцлеру, зато какими же насмѣшками осыпалъ его раздраженный и избалованный владыка европейской политики, сколько ѣдкихъ замѣтокъ посвятилъ онъ его «ревности» и «соперничеству» въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, а главное, съ какой утонченной, но безпощадной жестокостью отомстилъ онъ ему на берлинскомъ конгрессѣ! И все это за то, что русскій канцлеръ осмѣлился принять на себя отвѣтственность за рѣшительное нежеланіе Александра II допустить новый разгромъ Франціи!.. Но это—лишь эпизодъ: все остальное въ дипломатическомъ мірѣ волновалось и укрощалось подъ взоромъ Бисмарка, будто море подъ трезубцемъ и окрикомъ Нептуна.

И Бисмаркъ упражнялся въ хитроумнѣйшихъ комбинаціяхъ на полной свободѣ. Безъ обмана и лицедейства дѣло не обходилось, и въ 1884 году Бисмаркъ совершилъ въ этомъ направленіи одинъ изъ самыхъ блестящихъ дипломатическихъ шедевровъ, заключилъ съ Россіей договоръ о взаимномъ нейтралитетѣ на случай нападенія Франціи на Германію или Австріи на Россію. Это была кровная обида для тройственнаго союза, но въ дипломатіи подобныя случайности только *des petits expédient*s. Здѣсь нѣтъ ни принциповъ, ни партій, и умѣнь тотъ, кто умѣеть пользоваться фактами и положеніями, независимо отъ договоровъ и обязательствъ. И Бисмаркъ—по истинѣ гениальный виртуозъ на этомъ поприщѣ, неподражаемый и неуловимый. Могъ же онъ послѣ берлинскаго конгресса публично хвастать своими громадными услугами Россіи и правомъ на высшій русскій орденъ! И *фактически* возразить было нечего: такъ тонко, по выраженію того же Бисмарка,

желудокъ Россіи былъ освобожденъ отъ излишней—неперевари мой—будто бы, для него пищи...

И дипломаты, надо думать, прямо рождались готовыми *famulus'*ами германскаго канцлера. Это его личный штатъ, какая-нибудь конференція—его классная комната, его нота—приказъ и урокъ, и можно сказать: Европа обожаетъ и слушается Бисмарка. Американскій посолъ въ Берлинѣ, долго наблюдавшій дѣятельность канцлера, высказалъ свое сужденіе въ очень остроумной формѣ: «Я въ особенности восхищаюсь одной способностью Бисмарка: покажите ему лошадь или иностраннаго посла, онъ немедленно, послѣ краткаго осмотра, скажетъ вамъ, есть ли у лошади тайный порокъ и какою слабостью посла можно пользоваться». И въ Европѣ, по словамъ французскаго политика, не осталось ни одной державы, на которой Бисмаркъ не игралъ бы, какъ на флейтѣ.

Это не точно: одна держава не поддавалась музыкальному таланту канцлера, именно Германія. Вся жизнь Бисмарка послѣ франко-прусской войны поразительное зрѣлище, изъ двухъ одновременно идущихъ пьесъ: въ одной канцлеръ—траумфаторъ, гордый, ясный, иногда по юпитеровски гнѣвный, въ другой—озлобленный, часто мелко-мстительный, нерѣдко разочарованный боецъ, обязанный быть вѣчно во всеоружіи и своего государственнаго таланта, и простой административной власти. Одинъ иностранецъ, большой знатокъ въ современной исторіи Германіи, по поводу Бисмарка высказалъ очень лестное сравненіе: бываютъ люди, чрезвычайно уважаемые въ обществѣ, во всемъ и вездѣ разсудительные, способные упорядочить всякое общественное дѣло, а дома самые несчастные мужья и неудачливые хозяева. Жена презираетъ почтеннаго дѣятеля, не признаетъ его талантовъ и ума, дѣти смѣются надъ нимъ, и именно у семейнаго очага онъ безсиленъ и жалокъ.

Такъ и Бисмаркъ. Отлично справляясь съ цѣлой Европой, онъ совсѣмъ непризнанный пророкъ въ рейхстагѣ и среди миллионныхъ нѣмцевъ. Геній, окружавшій его неувыдаемой славой въ дипломатическихъ поединкахъ, принесъ ему сугубый вредъ въ стѣнахъ отечественнаго парламента. Тамъ вызывали общее удивленіе ловкія одурачиванья, легкія и тяжкія перемѣны чувствъ, доблестное зашпеніе принциповъ и обязательствъ, здѣсь оказалось все наоборотъ. Когда Бисмаркъ игралъ двойную игру съ Австріей и Россіей, онъ могъ спокойно хвастаться: «Я держу за ошейники двухъ страшныхъ геральдическихъ звѣрей. Я ихъ разъединяю: во-первыхъ, затѣмъ, чтобы они не передрались другъ съ другомъ, а потомъ, чтобы они не сговорились разорвать насъ». Очень ловко! Но стоило перенести эту политику въ рейхстагъ, немедленно приходилось конфузиться и терпѣть самыя досадныя укоризны и неудачи.

Ненавистные народные представители требовали какихъ-то опредѣленныхъ идей, принциповъ, какой-то вѣрности одной какой-нибудь партіи и жестоко клеймили всякую попытку перебѣжать справа налѣво, или наоборотъ. Когда Бисмаркъ заключалъ двусторонній договоръ съ двумя державами, знатоки дѣла повергались въ изумленіе и зависть, но когда тотъ же Бисмаркъ сегодня ссорился съ католиками и покровительствовалъ либераламъ, а на слѣдующій день дѣлалъ авансы центру и воевалъ съ лѣвой, оте-

чество не желало увѣнчать его гражданскимъ вѣнкомъ. Конечно, у Бисмарка были основанія кочевать съ одной стороны рейхстага на другую: либералы надобились для «майскихъ законовъ» противъ католиковъ и папы, а католики, въ свою очередь, стали необходимы для проведенія табачной монополіи. Но это не казалось убѣдительнымъ парламенту. Вѣдь майскіе законы, по увѣренію Бисмарка, охраняли цѣлость имперіи, даже больше—защищали цивилизацію отъ римскаго мрака и деспотизма. Такъ и сама борьба называлась *культурной*—*Kulturkampf*. И, пожалуй, справедливо. Папа, лишенный свѣтской власти, объявилъ врагами Бога и церкви всѣхъ сочувствующихъ этому событію. Государи, не вооружившіеся противъ новаго итальянскаго королевства, лишались божьей благодати для своей власти и въ Германіи находились епископы, готовые, по ихъ словамъ, испровергать троны и поднимать революціи.

Пій IX былъ достаточно фанатиченъ, чтобы поощрять страсти своихъ «дѣтей», и Бисмаркъ имѣлъ право защищаться. Церкви и школы подчинялись государственному надзору, вводился гражданскій бракъ, и узаконялись мѣры противъ непокорныхъ епископовъ и священниковъ. Заодно и протестантское духовенство лишалось власти надъ школами: Бисмаркъ создавалъ многочисленную партію, враждебную ему лично и политически, партію *центра*. Это въ высшей степени усложнило положеніе канцлера. Ему теперь приходилось составлять большинство чуть не на каждый важный случай и онъ бралъ сторонниковъ, гдѣ только удавалось. Естественно, внутренняя политика превращалась въ рядъ сдѣлокъ, уступокъ, и если онѣ не достигали цѣли на сцену выступало императорское посланіе о распусченіи рейхстага и беззастѣнчивое давленіе правительства на выборы. Выдвигался во всемъ ужасѣ призракъ французскаго или казацкаго нашествія на Германію, печать была тревогу, взывала къ патріотизму бюргеровъ и особенно къ ихъ пугливымъ истинкамъ, и вопросъ о большинствѣ для Бисмарка отождествлялся съ вѣрностью отечеству и судьбой самой имперіи и націи.

Нужны ли были столь энергичныя мѣры, создавшія *черную партію*? Вѣдь оказалось же возможнымъ въ сильнѣйшей степени смягчить майскіе законы, возвратитъ по приходамъ изгнанныхъ священниковъ и даже предоставить епископамъ извѣстную самостоятельность въ замѣщеніи должностей. Культурная борьба, слѣдовательно, окончилась уступками, Бисмаркъ не смогъ выполнить своей знаменитой похвальбы: «мы не пойдѣмъ въ Каноссу». Но эта борьба, сравнительно, второстепенный и временный вопросъ. Бисмарку пришлось имѣть дѣло съ несравненно болѣе могучимъ и, на этотъ разъ, буквально—народнымъ теченіемъ. И здѣсь въ особенности его политика даетъ яркое представленіе о величинѣ его государственнаго ума.

Бисмаркъ вернулся въ Германію послѣ франко-прусской войны подъ сильнымъ впечатлѣніемъ парижской коммуны. Идеи Карла Маркса не давали остыть ужасу. Протекціонистская политика, служившая Бисмарку средствомъ укрощать оппозицію католическихъ фабрикантовъ и промышленниковъ, вызвала сильный протестъ демократіи. Наконецъ, разразились покушенія на императора.

Винovníки ихъ вовсе не принадлежали къ социалистской партіи,—одинъ просто бродяга, торговавшій даже брошюрами пастера Штѣкера, а другой—національ-либераль. Но событія вволновали бюргерскую массу и Бисмаркъ выступилъ горячимъ выразителемъ настроенія —проектъ исключительныхъ законовъ былъ готовъ въ нѣсколько дней.

Рейхстагъ услышалъ потрясающія вещи. Самъ «великій молчальникъ» Мольтке напалъ на либераловъ и даже умѣреннаго и вѣрнопопдавнаго вожда національ-либераловъ Беннигсена обвинилъ въ коммунарскихъ замыслахъ. Воинъ хватилъ черезъ край, Беннигсенъ поднялъ его на смѣхъ, рейхстагъ не послѣдовалъ за правительствомъ и былъ распущенъ.

Въ странѣ воцарился терроръ. Аресты, обыски, конфискаціи, доносы нависли тучей надъ культурной націей. Вѣрнопопдавные, входя въ пивныя, кричали: «да здравствуетъ императоръ!»—и кто не вскакивалъ съ мѣста, того влекли въ судъ за оскорбленіе величества. На помощь администраціи пришли фабриканты и заводчики. Они терроризировали рабочихъ, прогоняли ненадежныхъ, водворяли въ округахъ настоящее олигархическое самовластіе. Требуемое большинство было получено, и социалистской партіи объявлена административная война на жизнь и смерть.

Законъ уполномочивалъ правительство распустить собранія, прекращать изданія, изгонять и заключать въ тюрьму агитаторовъ. Но Бисмаркъ не стѣснялся предѣлами закона. Онъ объявилъ въ осадномъ положеніи Берлинъ, Лейпцигъ, Гамбургъ, не справляясь съ законной основательностью своихъ мѣръ. Социаль-демократическая партія чуть не официально признавалась скопищемъ измѣнниковъ и мятежниковъ. Бисмаркъ преслѣдовалъ ее, какъ своего рода галльскую расу, и стремился смести ее съ лица германской земли.

Одновременно съ исключительнымъ законодательствомъ Бисмаркъ сталъ приводить въ исполненіе свой государственный социалистическій планъ. Идея въ сильной степени была навѣяна Лассалемъ. Бисмаркъ открылъ въ необыкновенно шумномъ агитаторѣ нѣчто въ родѣ бонапартиста. Лассаль проектировалъ кооперативныя общества рабочихъ подъ покровительствомъ государства. Бисмаркъ почувствовалъ большое уваженіе именно къ социальному предназначенію государства, убѣдился, что Лассаль отнюдь не республиканецъ и рѣшилъ у него кое-чѣмъ позаниматься. Современныхъ социаль-демократовъ онъ зачеркнулъ однимъ взмахомъ руки. Ни одного разу онъ не далъ себѣ труда вдуматься въ ихъ задачи, даже серьезно отнестись къ ихъ идеямъ. Они только разрушители и враги общественнаго порядка и ихъ надо искоренять и укрощать, а не спорить съ ними. Жестокими обвиненіями и не всегда хорошаго тона насмѣшками ограничилась вся идейная полемика Бисмарка съ ненавистной партіей. Прусскіе инстинкты не могли здѣсь оказать ни малѣйшей услуги, и Бисмарку оставалось поставить вопросъ на военную почву въ полномъ смыслѣ слова.

Государственный социализмъ Бисмарка быстро, повидимому, пошелъ въ ходъ. Законы о страхованіи рабочихъ противъ несчастныхъ случайностей, на случай болѣзни, старости или инва-

лѣдности слѣдовали одинъ за другимъ. Страна покрылась страховыми и пенсіонными учрежденіями. Казалось, будущее рабочаго класса обезпечивалось. Ни одному инвалиду теперь не угрожалъ голодъ, а пенсіи старикамъ могли доходить свыше 400 марокъ. Дѣло страхования велось въ образцовомъ порядкѣ, взносы строго соразмѣрены съ количествомъ получаемой платы, усовершенствована фабричная инспекція, приняты въ особый расчетъ особенно опасныя или отравляющія производства: въ этихъ случаяхъ предприниматели одни платились за несчастія съ рабочими.

Бисмаркъ проводилъ всѣ эти мѣры съ обычной энергіей и вѣрой въ свою силу. Соціализмъ правительство было съ двухъ сторонъ и, казалось бы, съ полнымъ успѣхомъ. Полиція усердствовала въ области исключительныхъ законовъ, фабриканты насаждали страховыя учрежденія, а результаты получались совсѣмъ странныя. Съ каждымъ выборомъ въ рейхстагъ соціалъ-демократы множились, въ 1878 году ихъ было всего девять и до 1884 года, въ самый разгаръ гоненія, партія увеличилась почти втрое—до 24. И съ тѣхъ поръ ростъ не прекращается до послѣднихъ дней. Очевидно, государству не удалось ни запугать ни переманить на свою сторону рабочій классъ. Онъ предпочитаетъ идти за Бебелемъ и не довѣряетъ благодѣяніямъ Бисмарка.

И по очень простой причинѣ: соціализмъ Бисмарка ничто иное, какъ капиталистическая федерація. Предприниматели стоятъ во главѣ всѣхъ учрежденій, они распоряжаются кассами страхования, береженія рабочихъ, слѣдовательно, въ рукахъ ихъ хозяевъ. Въ результатѣ, учрежденія менѣе всего демократическія, скорѣе чиновничьи. Для нѣмецкихъ рабочихъ громадная разница завѣдывать ли своими капиталами самолично, или отдать ихъ въ распоряженіе своихъ естественныхъ противниковъ. И соціалъ-демократическая партія, именно одновременно съ развитіемъ бисмарковскаго соціализма, организовалась въ настоящее государство съ собственными учрежденіями и выборными завѣдующими.

Слѣдовательно, и здѣсь внутренняя политика Бисмарка не привела къ желаннымъ результатамъ. Онъ оставилъ соціализмъ великой угрозой единой германской имперіи, къ Вильгельму II перешли въ наслѣдство всѣ его горькія чувства по адресу «враговъ отечества». Вопросъ не только не удалось рѣшить Бисмарку, но его военныя расправы даже способствовали росту и укрѣпленію соціалъ-демократическаго движенія. Но и этимъ не ограничилось фіаско великаго канцлера. Онъ вышелъ изъ боя не только побѣжденнымъ, но и въ сильной степени подорвавшимъ свой кредитъ. Онъ обнаружилъ политическое идейное безсиліе въ борьбѣ, онъ не понялъ сущности ненавистнаго явленія, онъ вообразилъ, что оно представляетъ кучку злонамѣренныхъ возмутителей общественнаго порядка, смѣшныхъ идеологовъ и мечтателей и что его можно разсѣять натискомъ полицейскихъ и двумя-тремя юристическими упражненіями съ парламентской трибуны. Бисмаркъ оказался неспособнымъ въ борьбѣ съ *идеей*. Къ такой борьбѣ способенъ только тотъ, кто самъ владѣетъ идеей. Бисмаркъ всю жизнь открещивался отъ теорій, заявлялъ себя самымъ трезвымъ реалистомъ и невозмутимымъ изслѣдователемъ фактовъ. Мы знаемъ по многочисленнымъ примѣрамъ, что это значить. У человѣка въ сущности имѣется теорія, и даже весьма отвлеченная, теорія фи-

зической силы, стоящей выше всякаго права. Бисмаркъ исповѣдывалъ религію *сильнаго человека* задолго до фантазмагорій Нитче. Онъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности заявилъ, что сила царствуетъ надъ правомъ и что великіе вопросы политики рѣшаются желѣзомъ и кровью...

Развѣ это не теорія? Матеріалистъ можетъ быть такимъ же фантастическимъ метафизикомъ, какъ самый отчаянный ясновидецъ и мистикъ. Бисмаркъ и Наполеонъ въ нашемъ столѣтіи представили поучительнѣйшіе образцы подобной метафизики. Несомнѣнно, существуютъ положенія, когда сила кулака, пожалуй, цѣлесообразнѣе всякой логики, напримѣръ, въ спорѣ съ глупцами или въ чисто физической борьбѣ. Бисмаркъ испыталъ этихъ положеній безчисленное множество: припомнимъ его дипломатовъ; несомнѣнно онъ импонировалъ имъ прежде всего «померанскимъ гренадеромъ». Недаромъ онъ такъ издѣвался надъ Наполеономъ III; ограниченный несчастный человекъ ставилъ требованія, не имѣя возможности подкрѣпить ихъ милліономъ штыковъ. Бисмаркъ въ совершенствѣ постигъ эту нехитрую тайну политики и, естественно, его международный авторитетъ росъ сообразно съ военнымъ бюджетомъ германской имперіи и столь же естественно, почему онъ всякій разъ выходилъ изъ себя, когда рейхстагъ начиналъ считаться съ кредитамі на вооруженія. Онъ посягалъ на единственную всеобъемлющую идею провиденціальнаго человека!

Легко понять, какая борьба возможна была при такихъ условіяхъ? Только кулачная и военная, и Бисмаркъ неизмѣнно прибѣгалъ къ исключительнымъ законамъ и экстреннымъ мѣрамъ, разъ предъ нимъ возставалъ идейный противникъ, будь это католическій патеръ или социаль-демократическій вождь. У того и у другого имѣлось свое *право*, Бисмаркъ на это отвѣчалъ: а у меня *сила*, и шелъ впередъ на проломъ, будто предъ нимъ разстилагось поле Садовой или высились форты Седана.

Результаты не подлежали сомнѣнію: Виндгорстъ и Бебель не уступили ни шагу; напротивъ, заставили податься силу во имя *права и идеи*.

Поучительнѣйшій фактъ и не только для внутренней исторіи Германіи. Бисмаркъ осуществилъ свою теорію сполна въ своемъ безспорномъ царствѣ — въ международныхъ отношеніяхъ. Онъ открылъ эру безконечныхъ вооруженій, по истинѣ желѣзную эпоху милитаризма. Онъ создалъ единую Германію и одновременно посягалъ во всѣхъ умахъ Европы вѣчный страхъ предъ международнымъ побойщемъ, неизлѣчимое взаимное недоверіе среди державъ, сосредоточилъ главнѣйшія заботы правительствъ на развитіи военной силы, затормозилъ и подавилъ культурную работу народовъ и политиковъ и, слѣдовательно, отодвинулъ міровой прогрессъ на нѣсколько поколѣній. И это не все: не менѣе важны нравственные результаты идеи Бисмарка. Она коренится на презрѣніи къ человѣческой природѣ, на недоверіи къ отдѣльнымъ личностямъ и цѣлымъ націямъ, она воскрешаетъ дохристіанское варварское представленіе объ избранныхъ и осужденныхъ племенахъ, она превозглашаетъ массовое истребленіе человѣческой расы на основаніи такъ называемаго національнаго инстинкта. Открывая франко-прусскую войну, Бисмаркъ про-

изнесъ смертный приговоръ надъ цѣлымъ французскимъ народомъ, даже вообще надъ кельтической расой: она женственно изнежена, а германцы мужественно закалены, и французы должны быть подданными у нѣмцевъ.

Это теорія и одна изъ самыхъ головокружительныхъ, но для Бисмарка безусловно осуществимыхъ: мы видѣли, какой родъ войны подсказывала ему его философія! И онъ распространилъ ее на всю свою политику. Представьте же будущее нашей планеты, усвоившей бисмарковскую идеологию! Европа будто не жила и не мыслила со временъ Ватерлоо: Бонапартъ воскресъ во всей красѣ своихъ человѣкоубійственныхъ идеаловъ, воскресъ въ той самой странѣ, гдѣ противъ него когда-то было направлено вдохновенное идеалистическое слово, гдѣ противъ силы было призвано право и восторжествовало надъ силой.

Да, Бисмаркъ продолжатель наполеоновской реакціи. Мы безпрестанно наталкивались на совпаденія въ міросозерцаніи этихъ двухъ сверхчеловѣковъ нашего столѣтія. Если бы мы захотѣли эффектнѣйшихъ аналогій, мы нашли бы ихъ безчисленное множество въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ обоихъ героевъ. Бисмаркъ самъ предвосхитилъ всѣ эти сравненія: онъ своимъ назначеніемъ объявилъ борьбу съ революціей и идеологіей, и навязалъ роль факта и здраваго смысла Пруссіи, клеймо революціи—Франціи, хотя бы представляемой даже Наполеономъ III. Это мысли и даже форма рѣчи бонапартовскія. И Бисмаркъ послѣдовательно выполнялъ программу своего предшественника, только болѣе усовершенствованную и разсудительную. Онъ не гонялъ арміи по всѣмъ концамъ свѣта; напротивъ, онъ сосредоточивалъ ихъ въ сердцѣ Европы и отсюда повелѣвалъ ея внутренней и вѣшной политикой. И онъ также подобно Наполеону пережилъ свое аустерлицкое солнце, также испыталъ невыразимое чувство повелителя міра, но такъ же, какъ онъ, палъ, и не лично только, а палъ въ своей вѣрѣ, въ своей идеѣ.

Однажды, въ минуту откровенности, Бисмаркъ повелъ съ Бушемъ рѣчь о своей бурной жизни, и внезапно впалъ въ элегическій тонъ. Пораженный секретарь услышалъ слѣдующую исповѣдь: «Моя славная политическая карьера не стяжала мнѣ ничьей любви и никому не принесла радости; напротивъ, она причинила несчастье множеству людей. Безъ меня не было бы трехъ большихъ войнъ, 80.000 человѣкъ не погибли бы на поляхъ битвъ и ихъ семь не носили бы траура».

Справедливо, но слишкомъ мало. Бисмаркъ коснулся только чувствительной стороны своей разрушительной дѣятельности, но есть неизмѣримо важнѣйшая—*идейная*. Именно она истинный судъ и осужденіе надъ личностью и дѣломъ Бисмарка, она — варварская и кровавая страница въ исторіи человѣчества, она, наконецъ, подлежитъ многотрудному и продолжительному исправленію усиліями всего культурнаго міра.

Родина Бисмарка уже давно рѣшаетъ эту задачу, и съ самаго начала побѣдоносно. Не было ни одного періода въ исторіи объединенной Германіи, когда Бисмаркъ могъ бы сказать: я царствую надъ моимъ народомъ. Въ исторіи Европы такіе моменты были, дѣются они и до сихъ поръ.

Духъ Бисмарка вѣетъ надъ милліонами вооруженныхъ людей, покрывающихъ всѣ культурныя страны Стараго Свѣта. Онъ паритъ надъ хищническими инстинктами современныхъ политиковъ. Онъ живетъ въ современномъ скептицизмѣ и пессимизмѣ, вдохновляетъ современное отчаяніе въ благородныхъ силахъ человѣческой природы, онъ освящаетъ и сопутствуетъ всякое реакціонное побужденіе современныхъ мыслителей и дѣятелей. Но онъ, къ великому счастью цивилизаціи, только сила задерживающая и мертвящая и знающая только одно оружіе борьбы — желѣзо. Безсмертная, неустанно развивающаяся и цвѣтущая сила идеи ему чужда, и этотъ внутренній недугъ всегда былъ и будетъ вѣрнѣйшей порукой торжества права надъ силой и мысли надъ фактомъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Workers: an Experiment in Reality. The West. By Walter A. Dill Scott. New-York. Charles Scribner's Sons. (Рабочие; наблюдения действительности).* Вряд ли существуют болѣе жизненныя проблемы въ эволюціи общества, чѣмъ тѣ, которыя касаются великой массы рабочихъ классовъ, составляющихъ потенциальную энергію каждаго общества. Въ высшей степени важно ознакомиться съ этическими воззрѣніями этихъ классовъ, ихъ взглядами на жизнь. Такое знаніе необходимо, такъ какъ лишь оно даетъ возможность отыскать способы вызвать улучшенія въ социальномъ положеніи и нравственности рабочихъ. Авторъ задался цѣлью изучить бытъ рабочихъ и ихъ нравственный кругозоръ, но не въ качествѣ посторонняго наблюдателя, а въ качествѣ такого же рабочаго, поэтому онъ провелъ два года среди бѣднѣйшихъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ американскаго континента и работая такъ же, какъ и они. Результаты своихъ наблюденій авторъ собралъ и литературно обработалъ и, благодаря живому изложенію, книга его производитъ впечатлѣніе и можетъ быть очень полезна, какъ матеріалъ для изученія рабочаго вопроса. (Popular Science Monthly).

«*The Elements of Sociology* by Franklin Henry Giddings. New-York. (Macmillan Company). (Элементы социологіи). Это прекрасная книга, которая можетъ служить руководствомъ для студентовъ, изучающихъ социологію, такъ какъ заключаетъ въ себѣ интересное и понятное изложеніе теоріи развитія и образованія общества. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не говоритъ въ своей книгѣ о семьѣ и о вліяніи семейной жизни на общественный строй. (Popular Science Monthly).

«*The Nature and development of Animal intelligence*» by Wesley Mills. New-York. (Macmillan Co). (Роль и развитіе ума животныхъ). Авторъ этой интересной книги говоритъ, что при теперешнемъ состояніи зоологической науки факты гораздо желательнѣе теорій. Опытъ и наблюденія должны предшествовать на много лѣтъ какому бы то

ни было обобщеніямъ и выводамъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ занялся преимущественно наблюденіями надъ животными и въ особенности надъ психическимъ развитіемъ молодыхъ животныхъ; съ этою цѣлью онъ воспиталъ цѣлыя семьи собакъ, кошекъ, цыплятъ, воронъ, морскихъ свинокъ и голубей. Добросовѣстныя и интересные наблюденія, произведенныя авторомъ, бросаютъ свѣтъ на духовную область жизни животныхъ и на развитіе у нихъ интеллекта. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги авторъ приводитъ изслѣдованія и взгляды различныхъ ученыхъ на развитіе инстинкта у животныхъ.

(Popular Science Monthly).

«*Ruskin, Rossetti, The Raphaelism*» by William Michael Rossetti Arranged and edited by... London. (Рѣскинъ, Россетти, прерафаэлизмъ). Очень интересное и подробное изложеніе исторіи прерафаэлизма и его отношеній къ ученію Рѣскина.

(Bookseller).

«*Eine Reise um die Welt*» von Genry Schweizer. Mit 24 Vollbildern. Berlin. (Иллюстрированное окопуть сѣтма). Авторъ этого путешествія обладаетъ наблюдательностью и талантомъ хорошаго рассказчика. Онъ любитъ природу и умѣетъ художественно описывать ея красоты. Онъ ведетъ за собою читателя сначала въ Палестину, затѣмъ въ Египетъ, бесѣдуетъ съ хедивомъ и потомъ отправляется въ Индію, Яву и Сіамъ, учрежденія котораго онъ изучаетъ очень основательно. Оттуда онъ отправляется въ Китай и Японію и черезъ Соединенные Штаты возвращается въ Европу.

(Das Litterarische Echo).

«*Zur Urgeschichte der Ehe*» von Professor Dr. J. Kohler. Stuttgart. (Къ древней исторіи брака). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ, однако, очень много свѣдѣній изъ исторіи культуры и въ краткихъ чертахъ излагаетъ исторію развитія брака, начиная отъ самыхъ древнихъ временъ. Къ книгѣ приложенъ въ высшей степени полезный и подробный указатель источниковъ.

(Das Litterarische Echo).

«Das Leben Friedrich Nietzches» von Elisabeth Nietzsche. Leipzig. (Жизнь Фридриха Ницше). Въ этой биографіи Ницше, написанной его сестрой, читатель найдетъ подробныя свѣдѣнія о жизни знаменитаго нѣмецкаго философа. Въ первой части сестра Ницше описываетъ его дѣтство и юность, до того времени, когда онъ былъ приглашенъ въ Базель профессоромъ. Читатель видитъ передъ собою юношу, обладающаго горячею, поэтическою и чувствительною душой и вѣчно стремящимся къ истинѣ умомъ. Это впечатлѣніе еще усиливается во второй части, въ которой описывается дружба Ницше съ Вагнеромъ, окончившаяся такъ трагически. Описание нѣжной дружбы, которая существовала между Ницше и Мальвиною Мейзенбургъ, уничтожаетъ легенду, сложившуюся о Ницше, какъ о ненавистникѣ женщинъ.

(Das Litterarische Echo).

«Das Mensch auf den Hochalpen» Forschungen von Angelo Mosso, prof. an der Universität Turin. Mit zahlreichen figuren, Ansichten und Tabellen. Leipzig. (Человѣкъ въ высочайш. Альпахъ). Физиологическія явленія, наблюдающіяся у людей, во время пребыванія ихъ на высотѣ 3.000 метровъ и выше, далеко не вполнѣ выяснены. Авторъ знаменитаго изслѣдованія ооъ усталости, профессоръ Моссо, поставилъ себѣ задачей изслѣдовать интересный вопросъ о вліяніи пребыванія на высотахъ и поэтому, взявъ съ собою отрядъ изъ десяти, выбранныхъ имъ солдатъ, и военнаго врача, отправился на Монте Роза, на высоту 4.560 метровъ. Вслѣдствіе близости одного изъ солдатъ, ему пришлось сократить свое пребываніе на высотѣ на 10 дней. Тѣмъ не менѣе, онъ произвелъ очень много изслѣдованій и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ рѣшающее значеніе и касаются тѣхъ переменъ, которыя заключаются въ мускульную и нервную системѣ, въ дѣятельности сердца и дыханіи подъ вліяніемъ жизни на большой высотѣ. Профессоръ наблюдалъ особенную болѣзнь сердца, которая развивается отъ пребыванія на высотѣ, въ острей или хронической формѣ и вызываетъ разныя тяжелыя явленія. Кроме того, профессоръ приводитъ массу интересныхъ наблюденій различныхъ путешественниковъ, совершавшихъ восхожденія. Вообще эта книга чрезвычайно интересная, не только для специалистовъ, но и для обыкновенныхъ читателей.

(Frankfurter Zeitung).

«Was muss man von der Chemie wissen?» von Dr. W. Baringer. Berlin. (Hugo Steinitz). (Что надо знать изъ химіи). Книга имѣетъ цѣлью познакомить огромный кругъ читателей, совершенно не свѣдущихъ въ химіи, съ главными ея основами и ея теоріями и указать значеніе химіи въ практической и сельскохозяйственной жизни.

(Das Litterarische Echo).

«Das republikanische Brasilien in Vergangenheit und gegenwart» von Oskar Cannstadt. Mitt 22 Abbildungen 2 Karten in Farbendruck und einem Panorama von Rio de Janeiro. Leipzig. (Республиканская Бразилія въ прошломъ и настоящемъ). Авторъ этой интересной и въ высшей степени документальной исторіи Бразиліи не только изучилъ источники и всю литературу, относящуюся къ этой странѣ, но прожилъ долго въ ней, занимая такое положеніе, которое давало ему возможность вступать въ сношенія съ самыми разнообразными людьми въ Бразиліи и присмотрѣться къ различнымъ условіямъ жизни. Авторъ относится съ большою симпатіей къ прекрасной странѣ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и указывать на всѣ ея недостатки. Въ типографскомъ отношеніи книга издана очень хорошо и прекрасные рисунки даютъ ясное представление о красотахъ этой богатой страны.

(Das Litterarische Echo).

«Picturesque India» by W. S. Caine. (Routledge and Sons). (Живописная Индія). Книга въ особенности полезна для тѣхъ, кто собирается совершить путешествіе по Индіи и можетъ служить превосходнымъ путеводителемъ, такъ какъ авторъ даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ надо путешествовать по Индіи экономнымъ образомъ и сообщаетъ всѣ цѣны. Но, кроме того, въ книгѣ заключается интересное описаніе различныхъ городовъ и наиболѣе любопытныхъ мѣстностей Индіи, начиная отъ Пешавера до Коморина, Вирманія и Цейлона.

(Literary World).

«Through New Guinees and the Cannibal Countries» by H. Cayley Webster. With illustrations and map. (Черезъ Новую Гвинееу и страны людодоуговъ). Очень интересное описаніе поѣздки, которую совершилъ авторъ въ Новую Гвинееу и группу острововъ, населенныхъ каннибалами. Большинство этихъ острововъ, одаренныхъ всеми богатствами природы, очень мало изслѣдованы и въ Новой Гвинееѣ, за исключеніемъ береговой полосы, царитъ самая первобытная дикость. Племена, которыя посѣтилъ авторъ, держатъ всегда свое ружье наготовѣ, стоятъ на самой низкой ступени развитія. Авторъ мастерски изображаетъ контрастъ, существующій между утонченностью европейской цивилизаціи въ колоніяхъ и роскошью жизни, которую ведутъ нѣкоторые изъ европейскихъ резидентовъ на берегу и жизнью дикарей внутри страны и ихъ каннибальскими нравами и обычаями, которые описываетъ авторъ. Очень интересно и художественно онъ изображаетъ жизнь въ дѣвственномъ лѣсу и первшества дикарей.

(Bookseller).

«Tableau de l'histoire litteraire du monde» par Frédéric Lollée (Schleicher). (Картина литературной исторіи міра). Эта книга входитъ въ составъ серіи изданій «Petite

Encyclopédie populaire illustrée» и заклю-
чаетъ въ себѣ краткое, но чрезвычайно по-
пулярное и ясное изложеніе исторіи раз-
витія всемірной литературы и всѣхъ про-
явленій человѣческой мысли въ поэзіи, фи-
лософіи и беллетристикѣ, начиная съ дре-
вняго востока до нашихъ временъ. Авторъ
справился со своею трудною задачею очень
успѣшно. (Revue internationale).

«Danton; a study» by H. Belloc. Oxford
(Nisbet and Co). (Дантонъ; очеркъ). Авторъ
этого историческаго очерка поставилъ себѣ
задачей дать навѣрному болѣе полную
характеристику Дантона и его времени и
представить этого «титана французской ре-
волюціи» во всей его величинѣ. Книга на-
писана прекраснымъ литературнымъ язы-
комъ и обнаруживаетъ основательное зна-
комство автора съ источниками.

(Literary World).

«My innes Life: Being a Chapter au per-
sonal Evolution and Autobiography» by
John Beattie Crozier (Longmans). (Моя
внутренняя жизнь). Извѣстный авторъ «Ci-
vilization and Progress» и «History of
Intellectual development», д-ръ Крозье, из-
далъ свою автобіографію, стараясь изобра-
зить въ ней ходъ своей умственной эво-
люціи и указать различные моменты, вліяв-
шіе на нее. Чрезвычайно живо и образно
описываетъ авторъ свои школьные годы
въ Канадѣ и затѣмъ свои походы въ
Лондонъ и визиты къ издателямъ, а также
посѣщеніе Томаса Карлейля. Авторъ ма-
стерски изображаетъ Карлейля со всѣми
присущими ему странностями, достоин-
ствами и недостатками и передаетъ свои
бесѣды съ нимъ. Во время этихъ бесѣдъ,
порядочно-таки доставалось и Миллю, и
Боклю, и Спенсеру отъ Карлейля, который
отзывался о нихъ довольно презрительно.
Очень интересно описаны также первые

шаги автора на поприщѣ литературы, его
долговременныя выматриванія и т. д.

(Literary World).

«Freiheit und Sociale Pflichten» von
Adolf Prins. Berlin. (Otto Liebman). (Сво-
бода и социальная обязанность). Авторъ
этого сочиненія, извѣстный юристъ и кри-
миналистъ, профессоръ брусельскаго уни-
верситета, состоитъ председателемъ нѣ-
сколькихъ комиссій, занимающихся об-
сужденіемъ законопроектвъ, которые ка-
саются положенія рабочихъ. Авторъ раз-
сматриваетъ современный социальный во-
просъ, но останавливается, главнымъ обра-
зомъ, свое вниманіе на его основахъ. Мысли,
высказываемыя авторомъ, не заключаютъ
въ себѣ, однако, ничего абсолютно новаго,
но высказаны онѣ мастерски и подкреп-
ляются рядомъ доказательствъ. Можно
смѣло рекомендовать эту книгу всѣмъ,
интересующимся социальными вопросами и
относящейся сюда литературой.

(Das Litterarische Echo).

«Politische Arithmetik oder die Arithme-
tik des Täglichen Lebens» von Moritz Can-
tus. Leipzig (Teubner). (Политическая ари-
метика). Извѣстный ученый, недавно из-
давшій исторію математики, издалъ не-
большую брошюру, въ составъ которой во-
шли лекціи, читанныя имъ въ Гейдельбергѣ
для будущихъ государственныхъ чиновни-
ковъ «О политической ариметикѣ», т. е.
о такихъ ариметическихъ задачахъ и счетѣ,
которыя находятся въ связи съ управле-
ніемъ государствомъ. Подзаглавіе книги:
«Ариметика обыденной жизни» вполне под-
ходящее, такъ какъ читателю преподаются
такія правила счета, которыя могутъ при-
годиться въ ежедневномъ обиходѣ. Въ нѣ-
которыхъ главахъ, напримѣръ, въ тѣхъ, гдѣ
говорится о страховой системѣ, авторъ при-
водитъ разныя, очень любопытныя истори-
ческія данныя. (Frankfurter Zeitung).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Осипогорскій.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~OCT 22 1962 H~~

CANCELLED
STATE STUD.
CHARGE

WYDEN
BOOK DUS
AUG 1 1962
73095943

